

Сергей Кургинян
ИСАВ И ИАКОВ
Судьба развития в России и мире

Том 1
«ПЕРЕСТРОЙКА–2»

Методологическое введение

Любая книга – это объемное и композиционно внятное обсуждение чего-то. Но ведь не чего угодно! Чего же? Есть протокольные и ничего не выражающие формулировки, согласно которым обсуждаемое должно быть «актуальным»... Или «общеизвестным»...

Давайте для начала договоримся называть любое обсуждаемое вопросом. И признаем очевидное: что есть вопросы и актуальные, и общеизвестные, но... мертвые. А есть вопросы, вроде бы и гроша ломаного не стоящие, но живые. Состояние вопроса (живой он или мертвый) является главным условием возможности (или невозможности) написания книги, в которой этот вопрос обсуждается. При этом состояние вопроса – изменчиво. Сегодня тот или иной вопрос – живой и все помирают от желания его обсуждать. А завтра он – «мертвее мертвого». И обсуждать его тогда бессмысленно. Ну, бессмысленно, и все тут. То, как этот вопрос из живого превратился в мертвый, обсуждать можно. А сам вопрос – ни-ни.

Что значит – «ни-ни»? Об этом можно отдельную книгу написать. Сослаться на Дильтея с его философией жизни, на метафизику живого и мертвого. Но я же не собираюсь на эту тему книгу писать. И потому воспользуюсь принципом разъясняющих метафор.

Вы участвуете в танцевальном вечере. И можете выбрать себе партнершу, которая – тут хозяин барин – может быть блондинкой или брюнеткой, худышкой или толстушкой, низенькой или дылда, и так далее. Но если вы вместо партнерши притащите на танцевальный вечер изрядно истлевший труп, скелет из анатомического кабинета или даже очень убедительный в плане человекоподобия манекен, то можно ли ваше вальсирование с подобными объектами назвать участием в танцевальном вечере? Это можно назвать эпатажем, попыткой сорвать танцевальный вечер или же попыткой превратить невинный вечер танцев в вампуку, хэппенинг или даже черную мессу. Но участием в танцевальном вечере это, согласитесь, назвать ну никак нельзя.

Вот то же самое и с обсуждаемыми вопросами. С той лишь разницей, что манекен от живого человека отличить – пара пустяков.

А живой вопрос от мертвого – поди еще отличи. Кроме того, манекен – это, так сказать, навсегда. А вопрос... Он сегодня живой, завтра мертвый, послезавтра – опять живой.

Скажут: «И слава богу! Сумели угадать, что вопрос снова оживет, начали его обсуждать заблаговременно – выиграли будущее. А другие пусть себе упиваются обсуждением разного рода сиюминутностей». В полемической запальчивости чего только не скажешь. А как поостынешь да пораскинешь мозгами, то обнаружишь, причем с беспощадной очевидностью, что никто и никогда в книгах не обсуждал вопросов, мертвых на момент написания книги.

В таких случаях иногда (кстати, крайне редко) сочиняется какой-нибудь секретный манускрипт. Или – проводится узкий коллоквиум в кругу ценителей, особо безразличных к сиюминутному. Но книги пишутся и печатаются только ради обсуждения живых вопросов. Причем – подчеркну еще раз – живых именно на момент, когда создается книга. По качеству своему книги – чем отличаются друг от друга? Тем, насколько автор продвинулся вперед в плане разрешения того или иного, но именно живого – большого, животрепещущего на момент написания книги – вопроса. Никто не мог этот животрепещущий вопрос разрешить, а ты разрешил. Никто даже подходов к решению такого вопроса найти не мог, а ты нашел. Никто не понимал, насколько вопрос животрепещущий, а ты понял. Понял и другим объяснил.

Но мертвый вопрос в книге обсуждать, рассчитывая на его воскрешение, бессмысленно и смешно. Вопросы, знаете ли, не так воскрешают. Почему не так? Потому что... вас, видимо, моя метафора с танцевальным вечером не убеждает? Приведу еще одну. Более грубую, но, как мне кажется, доходчивую донельзя. Вы можете восхищаться мраморной статуей Праксителя. Но детей, коль скоро вы соберетесь их заводить, вы заводить будете от живой женщины. Наверняка менее совершенной, чем эта статуя, но живой. Вот так и с книгами... Они суть дети авторского брака с живым вопросом. Уверяю вас, что между этой моей метафорой и ситуацией с созданием книги соответствие абсолютное. То, что называется «один к одному».

Понимая, что никакие метафоры никого никогда ни в чем окончательно убедить не могут, я долго подыскивал убедительный и небезынтересный пример. И не абы какой, но и наглядный, и имеющий отношение к вопросу, который я вознамерился обсуждать в этой книге. То бишь к судьбе развития. А когда я, наконец, подыскал отвечающий этим требованиям пример, то мне стало как-то не по себе. Но тем не менее я его приведу.

Мы не обсуждаем сейчас проблему полета человека на Марс. Я имею в виду под «мы» общество, достаточно широкие группы мыслящих людей, а не очень узкие коллективы специалистов. Такое «мы» сегодня очевидным образом не обсуждает полет человека на Марс. Но вчера оно обсуждало этот вопрос, да еще с какой страстью! «Вчера» – это пятьдесят и более лет назад. «Сегодня» – это... Это сегодня, в 2009 году, когда пишется данная книга.

Значит, вопрос «полет человека на Марс» вчера был живым, а сегодня очевидным образом является мертвым. И это при том, что технических возможностей у человечества сегодня уж никак не меньше, чем вчера. А вот желания тратятся – эмоционально, интеллектуально, даже экзистенциально – на обсуждение этого самого полета на Марс... Нет его сегодня, этого желания, и все тут.

Можно спорить по поводу того, почему в 1959 году страсти по поводу полета человека на Марс были накалены до предела, почему в 1968 году страсти эти подостыли, а в 1978 от них не осталось и следа...

Можно соотносить эту метаморфозу с очень и очень многим, включая и впрямь не лишённые странности советско-американские договорённости об одномоментном двустороннем замораживании (а на самом деле закрытии) проектов «Союз» и «Аполлон»...

Но это не значит обсуждать проблему полета человека на Марс. Это значит обсуждать подоплеку определенных международных элитных игр... Ее-то можно обсуждать... А полет на Марс – почему не обсуждается, а? Только потому, что актуальность той или иной темы и ее элитная востребованность взаимосвязаны?

На первый взгляд, это действительно так... Зачем обсуждать тему полета человека на Марс, если ясно, что все, кто мог бы поднапрячься и послать на Марс этого самого человека, (а) поднапрячься явным образом не хотят и (б) абсолютно не понимают, на черта им этот самый человек на планете Марс.

Так-то оно так... Но в эпоху Жюль Верна, то есть не вчера даже, а поза-позавчера, никакие элиты человека на Марс отправить не могли, а публика зачитывалась соответствующей литературой. Да и в эпоху «Аэлиты», то есть позавчера, тоже зачитывалась. Да и в последующую эпоху, то есть вчера... Зачитывалась же, согласитесь!

Причем не только научно-фантастической, но и научно-популярной литературой, в которой этот вопрос обсуждался.

В пользу этого моего утверждения можно привести доказательство «от противного». Есть такой старый и далеко не безобидный советский фильм «Карнавальная ночь». В нем комедийный артист Филиппов играет лектора, которому профком заказал лекцию по вопросу о жизни на Марсе. Лектор надирается в стельку и вместо лекции отплясывает буйный кавказский танец, приговаривая: «Есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе – это науке неизвестно... асса!».

Казалось бы, это пример на тему о том, что к моменту снятия Эльдаром Рязановым фильма «Карнавальная ночь» вопрос о жизни на Марсе, а значит и о полетах на Марс, был уже мертвым. Ан нет! Профсоюзный комитет почему-то заказал лектору лекцию по вопросу о жизни на Марсе... А почему он заказал лектору лекцию на эту тему, а не на какую-нибудь другую, например, о здоровом образе жизни? Ответ однозначен: потому что на момент создания фильма этот самый «марсианский» вопрос был еще жив и в каком-то смысле грел коллективную советскую народную душу. А создателю фильма это очень не нравилось. И он это высмеивал. То бишь убивал живой еще, к его сожалению, вопрос.

Но даже для того, чтобы он мог этот вопрос высмеивать, вопрос должен был быть живым. И в том, что он его высмеивает, абсолютное доказательство того, что вопрос был живым. Не был бы он живым – никто бы не понял юмора. Профком – он ведь не профессор из планетария, которому что мертвый вопрос, что живой. Профком на то и профком, чтобы держать нос по ветру. Не грел бы в каком-то смысле «марсианский» вопрос коллективную душу, профком на другую тему лекцию бы заказал.

Другое дело, что профком (для Рязанова – метафора цепляющейся за уходящий сталинизм власти) считает, что на празднике надо возвышать массы с помощью лекций, а Рязанов и те новые властные группы, которые его поддерживают, считают, что на празднике массы надо, как минимум, ублажать, а как максимум, развращать. Но выбрать тему для лекций в соответствии с общественными умонастроениями профком может. И приглашать лектора для обсуждения мертвого вопроса (например, о роли такого-то иероглифа в такой-то надписи, обнаруженной в храме бога Тота) профком не будет.

Фильм «Карнавальная ночь» – это то, что называется «фига в кармане». Но для того, чтобы такую фигу соорудить, надо испытывать глубокое раздражение (а) в связи с нежелательной престижностью в глазах народных масс возвышающего начала, олицетворяемого лекциями на праздниках, вообще и (б) в связи с престижностью в глазах тех же масс вопроса о контактах с братьями по разуму, якобы проживающими на планете Марс, в частности. Раз раздражение было и отлилось аж в весьма популярный фильм – значит, и престижность была. И кто-то мог бы ответить Рязанову, да и всем другим, начавшим обсуждение целесообразности лекций о жизни на Марсе в новогоднюю ночь: «Вам идея такой лекции не нравится? Значит, скучный, серый вы человек. Вы, может быть, и против того, чтобы к нам космонавт на новогодний вечер приехал?»

Кстати, я помню одну свою детскую новогоднюю елку в Кремле. Хитом этого праздника было появление на нем космонавтов. Космонавты пытались исполнить песню «Заправлены в планшеты космические карты»... Они были пьяны вусмерть – куда там лектор из фильма «Карнавальная ночь»! Они и слов воспроизвести не могли, и на ногах с трудом держались. Но как все радовались тому, что космонавты с ними, на новогоднем кремлевском вечере... Почему радовались? Потому что вопрос об освоении космоса (а значит, о жизни на Марсе и так далее) был живым. А когда он стал мертвым, то что космонавты, что лектор. Тогда сначала радуются в случае появления на вечере популярного эстрадного певца, а потом радуются количеству и качеству закусок и горячительных напитков, и ничему более.

Так умирают вопросы. А вместе с ними – очень и очень многое. Но я-то хочу обсудить в книге не смерть тех или иных вопросов; не то, как умирает некий общественный интерес, например, интерес к освоению космоса; не то, умирает ли этот интерес сам собой или же его убивают; не то, каковы принципы формирования общественной повестки дня, то есть системы живых интересов; не субъектов, формирующих повестку дня; не степень волонтаризма этих субъектов; не степень их же обусловленности потребностями, от воли субъектов не зависящими... Я хочу обсудить – живой, как я убежден (пока живой... как ни странно, живой...), – вопрос о судьбе развития в России и мире. И я привожу пример вопроса уже мертвого с тем, чтобы понятно было, чем вопрос мертвый отличается от живого. Пример мой, согласен, скверный. Но ведь и убедительный, и не чуждый в каком-то смысле тому, что я в книге обсуждаю – судьбе развития.

Убежден ли я, что вопрос о судьбе развития в России и мире не умер так же, как вопрос о том, есть ли жизнь на Марсе? Да, убежден. Другое дело – могу ли я убедить читателя. Для того, чтобы его убедить, нужны объективные доказательства. А возможны ли объективные доказательства в том, что касается состояния умов, притягательности для этих умов тех или иных проблем, общественных умонастроений?

Являются ли тут доказательствами, например, так называемые соцопросы? Я считаю, что не являются. И не я один. Многие выражают скепсис по отношению к возможности замерить с помощью обычных анкет то, что касается глубоких,

трудно формализуемых характеристик жизни общества в целом. Да и жизни отдельных социальных групп.

Признающие это предлагают в подобных случаях применять не анкеты, а глубинные социальные зондирования. Для проведения таких зондирований формируются так называемые «фокус-группы». Дело долгое, трудоемкое, высокзатратное – и тоже безусловное. Потому что неорганическое. Участники фокус-групп – зачем приходят в эти группы? Им либо деньги платят, либо у них есть какой-то специфический интерес. Я так вот ни в какую фокус-группу не пойду. Мне раз в неделю какая-нибудь социологическая контора присылает предложение в чем-нибудь поучаствовать. Заполнить какую-нибудь анонимную экспертную анкету. Я этого никогда не делаю. И опять же понятно, почему. Мне жаль времени, я вижу в этом (а почему бы нет?) попытку посылающих мне вопросники вовсе не узнать мое мнение с благородными научными целями, а осуществить нечто типа «разведмероприятия» (подточнить мой психологический портрет и так далее).

Итак, я эти вопросники раз за разом выбрасываю в мусорную корзину. И не я один. А те, кто не выбрасывает, заполняют их, исходя из мотиваций не гносеологического характера. Мотивации эти просты – либо деньги, либо некие возможности поучаствовать в ведущейся игре, создав нужные крены в пользу субъектов, безразличных для участвующих. То есть опять же деньги.

А значит, все эти анкеты – штуки искусственные, деформированные. И считать прямую обработку таких анкет доказательствами чего-либо – нельзя. А уж в таком тонком вопросе, как общественный интерес, – тем более.

Итак, социальным опросам я не верю и их доказательствами не считаю. Фокус-группам тоже не верю. Доказательствами их данные опять-таки не считаю. Кроме того, ни обычные соцопросы я не буду проводить, ни фокус-группы сооружать.

Возможны ли тогда доказательства? Да, представьте себе, возможны. Оставим в стороне обычные соцопросы. Тут слишком очевидно, что репрезентативных данных по их результатам получить нельзя. И рассмотрим фокус-группы с позиций pro и contra. Что нас не устраивает в фокус-группах, которые, казалось бы, могут дать искомые доказательства? Их искусственность. Это не органический социальный эксперимент. Но ведь есть и органические, они же полевые, социальные эксперименты. Не зря ведь говорят, что единственный доказательный соцопрос по поводу предпочтений электората – это выборы. Выборы – это примитивный органический социальный эксперимент, проводимый в особо крупных размерах. Есть ли возможность провести органический социальный эксперимент, аналогичный искусственным фокус-группам? А значит, и лишенный недостатка фокус-группы (искусственности), и обладающий позитивом фокус-группы (необходимой глубиной)?

Да, такой эксперимент возможен. Хотите проверить, есть ли живой общественный интерес к какой-то теме – напишите текст на эту тему и замерьте органические реакции в том, что является органическими аналогами искусственных фокус-групп. То есть в близкой вам читательской среде. Если эта среда не исчерпывается немногими вашими знакомыми и близкими, то это будет социальный эксперимент, равный по глубине фокус-группе, но органический, а не искусственный. То есть такой эксперимент, данным которого можно верить.

Но если для проведения эксперимента нужен текст, то, казалось бы, возникает замкнутый круг. Доказательства тебе нужны для того, чтобы создать текст, но если ты их можешь получить только после того, как текст создан, то зачем тебе эти доказательства?

В рассматриваемом мною случае как раз и нет этого порочного замкнутого круга. Потому что вначале я создал предваряющий текст, а теперь берусь за текст окончательный.

В качестве предваряющего текста я напечатал с марта по ноябрь 2008 года в газете «Завтра» подряд, одну за другой, 36 полосных статей под общим названием «Медведев и развитие». Этот текст и полученные на него реакции как раз и стали для меня тем первичным социальным экспериментом» ориентируясь на который я теперь могу заниматься сразу многим. Например, накапливать данные для той теории, которую собираюсь изложить в этой книге. Но и не только.

Я могу также по реакциям на этот текст судить о том, насколько жива тема развития в современной России. Да, я считаю социальными доказательствами реакции читателей. Но какие еще возможны доказательства? И чем эти доказательства хуже соцопросов или фокус-групп? По мне, так они намного лучше и объективнее! По крайней мере, они получены в полевых условиях и носят органический, а не искусственный характер.

Реакции на эти мои статьи я описываю так же, как социолог, проводивший марафон и выявивший предпочтения участвующих в нем людей, описывал бы результаты марафона. Но только речь идет – подчеркну еще раз – об уникальной возможности провести предваряющий марафон в полевых условиях. Не знаю, будет ли у меня еще когда-нибудь такая уникальная возможность. Но в данном случае она есть. И грех было бы ее не использовать.

Внутри того, что я называю массивом данных, полученных в результате марафона, есть несколько «полосов».

Полос №1 – это несколько моих близких друзей, которые (что в принципе свойственно определенным категориям близких друзей) отнюдь не склонны читать все, что я написал. А также ходить на мои клубы и так далее.

Люди эти занимали высокие должности и продолжают входить в политическую элиту. К нынешней власти, ее желанию что-либо развивать, ее потенциалу и всему прочему они относятся, мягко говоря, более чем скептически. Соответственно, они относятся скептически и ко всему остальному. К процессам, происходящим в России. К обществу, поддерживающему власть. Мне лично казалось, что преодолеть подобный усталый панскептицизм уже вообще невозможно.

Каково же было мое изумление, когда я вдруг увидел, что все мои полосы в газете «Завтра» – одна за другой – жадно читаются подобными скептиками. И не только читаются! Активно обсуждаются, ксерокопируются, посылаются знакомым и так далее. Это крайне атипичное поведение для данной категории людей. Поведение – повторяю – никак не являющееся следствием симпатии указанных людей ко мне лично.

Ибо никакие другие мои публичные мессиджи у этих же людей такого отклика не получали. А значит, их реакция может касаться только самой темы развития. Поразительным образом она жива и в этих сердцах. Пусть те, кто может проводить более развернутые исследования, отвергнут мои апелляции к штучным замерам. Но для меня лично эти замеры убедительны. А в каком-то смысле и доказательны.

Полос №2 – достаточно многочисленные отклик» типичных (консервативно-патриотических) читателей газеты «Завтра».

Которые умствования не любят вообще, а умствований на политически недоопределенную тему – тем более.

Не с моей личностью связана позитивность этих откликов на весьма усложненные построения, которыми изобиливали мои 36 статей. Просто развитие нужно дозарезу и этой аудитории. Оно так нужно, что аудитория готова продираться сквозь любые усложнения. Ощущая, по-видимому, что и впрямь или развитие – или смерть любимой страны. Чем подобные отклики менее доказательны, чем материалы соцопросов и фокус-групп? По мне, так они гораздо более доказательны. Потому что, повторяю, естественны.

Полос №3 – позитивные отклики на те же мои статьи достаточно многочисленных представителей нашего общества, которые газету «Завтра», а заодно и меня, как ее постоянного автора, на дух не переносят.

Эти отклики наиболее показательны. Ибо их совсем уж нельзя списать на фактор личности или фактор издания. Личность чужда, издание – тем более. А отклики есть. И это очень ценный социальный замер.

Киоскеры, продающие газету «Завтра», – люди с твердыми убеждениями и без особых фантазий. И если они делились с менеджерами, организующими продажу газеты, своими недоумениями по поводу спроса на газету со стороны атипичного для нее читателя... Если они однозначно указывали на то, что спрос этот обусловлен моим нескончаемым сериалом, то... Одним словом, суждениям этих «профи» можно верить не меньше, чем исследованиям самых непредвзятых социологических центров.

К сожалению, я по определению не могу иметь никаких других доказательств того, жив или мертв вопрос, обсуждению которого я собираюсь посвятить эту книгу.

Мне бы хотелось иметь доказательства, не связанные с реакциями на мои же собственные тексты. Но заниматься формальной социологией по вопросу о том, жив или мертв в нынешней России вопрос о развитии, я считаю глупым. И как бы ущербны и субъективны ни были приведенные мною данные, по мне, так они лучше любых других.

Окончательной доказательности по обсуждаемому вопросу в принципе быть не может. Но то, чем я располагаю, дает мне личное субъективное право заниматься судьбой развития в современной России, отчужденной от развития, как никогда ранее. А для начала нужно только это личное субъективное право. Всего-то нужно верить и знать, что не безжизненный манекен выбираешь в виде партнерши на танцевальном вечере. Не от мраморной Афродиты ждешь прибавления собственного потомства.

«Ну, и ладненько», – скажет покладистый читатель, намекая на необходимость подводить черту под предваряющими рассуждениями и переходить к обсуждению основного вопроса. А читатель менее покладистый, даже признав, что вопрос, который я собираюсь обсуждать, жив, атакует меня, обнажая композиционную, а значит и любую другую противоречивость моего начинания.

«Вы ведь, – скажет он, – не хотите, создавая книгу, стирать начисто все черты тогдашнего – что-то и впрямь задевшего в обществе – газетного марафона. И глупо было бы с вашей стороны эти черты стирать. Но тут куда ни кинь – все клин. Стирать глупо, но и не стирать их, знаете ли, не слишком умно. А главное – контрпродуктивно. Ведь у газетного сериала – одна, на злобе дня основанная, архитектура. Книга же не вправе воспроизводить оную. Одно дело – предоставление определенного, чуть ли не системообразующего места высказываниям Путина и Медведева о развитии в газетном материале, создаваемом по горячим следам этих высказываний. Другое дело – сохранение того же места (а как вы его измените, не убивая архитектуру?) в книге. Путин и Медведев вяло произносили какие-то слова о развитии с 2000 по 2008 год. Потом они в 2008 году (в связи с выборами президента РФ) те же слова произнесли чуть более живо. В статьях, которые были одномоментны этим – тогда еще для говорящих и слушающих немаловажным – высказываниям, ваше отстранение от этих высказываний оправданно. А вот в книге...»

Уже теперь, в 2009 году, эти высказывания явно поднадоели даже их авторам. Что же касается слушателя этих высказываний, то он благополучно (или неблагополучно, то есть еще более прочно) забыл, что, когда и зачем говорили о развитии эти авторы, они же по совместительству – высочайшие должностные лица России. Развития как не было, так и нет. Сколько ни говори "сахар" – во рту сладко не станет. Вдобавок развитие теперь существенно оттеснено на периферию общественного внимания другими вопросами, прежде всего, глобальным экономическим кризисом. Это – уже теперь!

Между тем издание книги (вы ведь не сборник статей издать хотите, а книгу, и понимаете разницу!) предполагает, что ее прочтает кто-то... ну, не через пятьдесят, так через десять лет. И что к этому времени забудутся не только сказанные по прагматическим причинам слова высочайших должностных лиц прошлого, но и... Скажем так: очень и очень многое. По крайней мере, текст под названием "книга" (а это специфический текст) должен выдержать испытание забвением и самих высочайших должностных лиц, и их слов, и реальных причин, эти слова породивших.

Объясниться с таким, особо требовательным, читателем – моя прямая и очевиднейшая обязанность. Что же я должен ему ответить? Что при всей кажущейся очевидности его утверждений они неверны.

Прежде всего, они неверны даже безотносительно к способу обсуждения вопроса о судьбе развития в России и мире, который я выберу. Предположим, что рассматриваемые высшие должностные лица достаточно вяло произнесли нечто о развитии. И это нечто безусловно как с интеллектуальной, так и с политической точки зрения.

Предположим, далее, что это «нечто» тем не менее возбудило почему-то весьма влиятельные международные группы. Почему возбудило? Какие группы? Это надо обсуждать.

Но предположим, что и группы не являются плодом моей фантазии (что я могу доказать), и возбуждение этих групп реально имело место.

Предположим, наконец, что это возбуждение повлияло на конфликт, который, начавшись с вторжения Грузии в Южную Осетию, чуть было не перерос в войну России и Украины и в глобальный международный конфликт.

Я пока что не говорю, что это так. Я говорю лишь: предположим, что это так.

Можно ли – теперь уже не публицистически, а исторически – игнорировать высказывания и пренебрегать ими в условиях,

когда они породили такую цепь последствий? Понятно, что нельзя. А ведь процесс не завершен! Он очевиднейшим образом не завершен! А значит, историческое и политическое неразрывно связаны. Не является ли в таких условиях пренебрежение к определенным высказываниям, пусть и заслуживающим тех оценок, которые я вложил в уста требовательного читателя, непозволительным и неуместным снобизмом? Читатель был бы прав, если бы в книге моей высказывания, заслуживающие подобных оценок, рассматривались как нечто samozначимое. Но ведь этого я не делал и в газетных статьях. И, уж тем более, не собираюсь делать в книге.

Что еще мы можем предположить? Как ни странно, очень и очень многое. Например, что достаточно блеклые и неубедительные высказывания, подхваченные кем-то в связи с тем-то и тем-то, могут стать элементом какой-то большой игры. Можем ли мы тогда пренебрегать высказываниями?

А если эти высказывания обнаруживают определенную повторяемость чего-то? А это «что-то» заслуживает самого разнообразного рассмотрения, вплоть до историософского и метафизического?

А если за высказываниями, обладающими такими-то и такими-то характеристиками, есть масштабные интересы? Если высказывающиеся фигуры – неадекватным, как нам представляется, способом» обсуждающие развитие – на самом деле в каком-то смысле что-то для себя с этим развитием связывают? Неважно пока, в каком смысле они что-то связывают... Неважно, что именно они связывают... Главное – есть ли связь между словами и... не скажу делами, но интересами.

Если эта связь есть, а интересы масштабны, почему, говоря научным языком, должны быть элиминированы слова? Потому что Путин не Гегель, Медведев не Кант, оба они не Ленин со Сталиным? Но такой мотив элиминации, простите меня, носит совершенно богемный и потому не только неубедительный, но и комический характер. Ведь где есть одни интересы, там есть и другие. За словами – любого качества – маячит чуть ли не классовый по масштабу антагонизм интересов, но слова надо элиминировать по причине их качества? Ну, так это... Это, перефразируя классика, «с салонной точки зрения – правильно, а по существу – издевательство».

А если с политической точки зрения высказывания, которые, по мнению требовательного читателя, надо элиминировать, окажутся крохотным импульсом, запускающим огромный процесс, не имеющий ничего общего с развитием, но способный самым сокрушительным образом сказаться на судьбе России и всего мира?

Если, повторяю, этот процесс будет сам по себе, а развитие само по себе, но запуск процесса будет произведен высказываниями о развитии, которые мой требовательный оппонент третирует? Что, и тогда эти высказывания не надо рассматривать, ссылаясь на их неубедительный и сугубо преходящий характер?

А не уподобляется ли в этом случае мой требовательный читатель субъекту, который, обсуждая движение машины, не хочет заниматься рассмотрением запускающих процессов (так называемой искры) в двигателе внутреннего сгорания и говорит: «Да причем тут искра! Это все так мизерно! Давайте говорить о движении огромной машины, о том, как она ударила в дом, а дом рухнул, а это обрушение повлекло за собой...»

Таковы вкратце мои соображения касательно принципиальной – и не зависящей от способа обсуждения вопроса о судьбах развития в России и мире – неправоты требовательного читателя.

Но есть еще и соображения, касающиеся той же неправоты, но уже в контексте способа обсуждения вопроса. Они таковы.

Обязательная для публицистической политической литературы апелляция к – синхронным с появлением произведений этой литературы (статей, выступлений etc.) – политическим событиям и высказываниям при других способах обсуждения того же вопроса может быть или трансформирована, или отменена. Все зависит от способа.

При применении одного способа все, что было сказано VIPами, так сказать «к дате», должно быть из книги элиминировано, то есть начисто убрано. Именно начисто! Не сведено к минимуму, а просто вымарано – и всё.

При другом же способе обязательность публицистической апелляции к подобным высказываниям не отменяется, а превращается в обязательность сравнительно-историческую... А также эвристическую и... мало ли какую еще.

А раз так, то пора, договорившись с читателем о том, что обсуждать судьбу развития в России и мире все-таки стоит (вопреки, повторю еще раз, очевидной для меня регрессивности нынешнего российского бытия, а может быть, парадоксальным образом и благодаря ей), рассматривать теперь СПОСОБЫ обсуждения данного (равно как и всех прочих) вопроса. Те способы, от выбора одного из которых зависит и отношение к чьим-то ситуационно обусловленным и проблематичным по содержанию высказываниям, и... И нечто намного более важное.

Вы хотите обсуждать нечто? В вашем распоряжении только два способа.

Используя первый, вы обсуждаемое нечто называете «темой». Назвали? Ваше обсуждение сразу же становится «разговором на тему о...». Такой разговор может быть шутивным и серьезным, поверхностным и фундаментальным. И даже исповедальным... Одна из книг Бориса Ельцина называлась «Исповедь на заданную тему». А почему бы нет? Исповедь – это тоже «разговор на тему о...» Недаром доверительный разговор часто называют исповедальным...

Короче – если бы я хотел назвать «судьбу развития в России и мире» темой, то разговор с читателем на данную тему назвал бы беседами... «Беседы о развитии» – чем плохо? Лично я считаю, что тестом на сопричастность классическому (кто-то скажет «старому доброму») гуманизму является способность вести беседы. Гуманистическая философия – это всегда беседа. Парадоксальным примером, подтверждающим правоту этого утверждения, является, по моему мнению, творчество величайшего антигуманистического философа Фридриха Ницше. Ну, не может Ницше вести беседу, и все. Хочет, но не может. Начинается все с попытки побеседовать (то есть пофилософствовать в старом смысле слова), а кончается невесть чем. Скандалом, науськиванием, заклятием и так далее. То есть всем, что несовместимо с беседой.

Итак, нужно всего лишь назвать то нечто, которое я хочу обсудить, темой. А дальше все как по накатанной колее, задаваемой первым (тематизирующим) способом обсуждения чего угодно. В том числе и судьбы развития в России и мире.

Но в том-то и дело, что не хочу я двигаться по этой накатанной колее. Не хочу называть судьбу развития в России и мире дамой. Не хочу беседовать! До тошноты не хочу! Кстати, захотел бы – никаких методологических введений сочинять бы не стал... Потому что... Впрочем, вначале о том, почему я не хочу двигаться по этой самой накатанной колее. Она же – первый

способ обсуждения чего бы то ни было.

Не потому я не хочу по этой колее двигаться, что являюсь принципиальным «беседофобом». Вот уж чего нет, того нет. По мне, так в том, что несет с собою почитаемое мною слово «беседа», есть важная сегодня, как никогда, несуетливая человечность. Она же – интеллигентность в подлинном смысле этого слова. Человечности вообще и несуетливой в особенности катастрофически не хватало уже XX веку. Новое же столетие, грозя перекрыть в своей антигуманности столетие предыдущее, лишено начисто не только способности беседовать, но и понимания того, как оно искромсано и обкрадено отсутствием этой способности.

XXI век выступает под знаменем всех и всяческих «пост» – постистории, постмодерна... Постгуманизма... Постчеловека... На наших глазах это – с рождения дряхлое – дитячко приобретает отчетливо ликвидационный характер... Невозможности, о которых только и лепечет яростно это с рождения больное дитя (невозможность новизны, идеала, будущего, подлинности, телеологии, а значит, и аксиологии), чреватые неслыханными по жестокости конвульсиями, с явной издевкой именуемыми «гуманитарными акциями». Нам остается ждать, когда эти «гуманитарные акции» задействуют, наконец, ядерное (или химическое, бактериологическое etc.) оружие массового уничтожения. Но раньше, чем это оружие начнет ликвидировать «антропологические избытки» физически, эти избытки согласятся на свое отчуждение от единственного, что не позволяет их совсем уж холодно ликвидировать, – от развития.

То есть, конечно же, и при неотчужденности от развития эти «избытки» физически ликвидировали в прошлых столетиях. Да еще как!

Но, во-первых, это делалось не бесстрастно. Кто-то орал освенцимским ликвидаторам: «Изверги! Что вы делаете!» Ему, оравшему, ликвидаторы отвечали: «Никакие мы не изверги. Мы делаем доброе дело – слуг сатаны изводим под корень». А вот если «антропологические избытки» будут сами по себе, а развитие – само по себе, то какие страсти? Если вам докажут, что оптимизация мясо-молочной промышленности требует сокращения крупного рогатого скота на 50%, то вы ведь не начнете орать на зоотехников: «Изверги!»?

Нет развития как чего-то неотчуждаемого от антропо́са – нет и антропо́са как венца Творения.

Нет антропо́са как венца Творения?

Тогда чем он, антропо́с этот, от крупного рогатого скота отличается? Или от куриц, кудахтающих в своих комфортных курятниках? Голландские курятники на несколько порядков более комфортны, чем иные людские жилища. И что?

Итак, во-первых, до отчуждения антропо́са от развития его количественные коррекции (те же геноциды, к примеру) осуществлялись не бесстрастно. А после отчуждения антропо́са от развития и вытекающего из этого отчуждения превращения человечества как совокупности *homo sapiens* в антропо́массу, в специфическую разновидность высокоорганизованного скота, то же самое будет делаться бесстрастно. А во-вторых...

Требовательный и нетерпеливый читатель, реагируя с ходу на «во-первых», наверняка спросит: «А не все ли равно? Какая для "антропологического избытка" разница – будут ли его ликвидировать страстно или бесстрастно?»

Так вот, нетерпеливый взыскатель разницы, не давший мне закончить... Во-вторых, бесстрастная по своему качеству ликвидация отчужденных от развития избытков оскотиненного этим отчуждением антропо́са приобретет и иной количественный размах. Ну, на что до сих пор замахивались небесстрастные изверги? На уничтожение миллионов... Ну, десятков миллионов не отчужденных от развития и демонизированных тем или иным способом *homo*.

А бесстрастные изверги будущего... которые и не изверги, вообще-то говоря, а «антропотехники» (ввожу термин по аналогии с «зоотехники»).... Эти антропотехники, оптимизирующие поголовье отчужденного от развития высокоорганизованного скота, вполне способны замахнуться и на уничтожение парочки миллиардов «ненужных антропо́особей».

И эту свою способность замахнуться они не будут долго хранить втуне, мечтая о чем-то и перешептываясь. Они эту способность реализуют.

Реализуют-реализуют! Не верите? А вы и сами прикиньте, и... И проверьте все-таки состоятельность моих предыдущих прогнозов. Почему-то, знаете ли, так получается, что я с этими прогнозами, касающимися распада СССР, Югославии, войн на Ближнем Востоке, нового качества террористических вызовов и глобального кризиса, не промахиваюсь. Только сначала все фыркают одним способом («да что это он такое страшное нам сулит вопреки совершенно оптимистической очевидности!»), а потом, когда все происходит не оптимистически, а по-моему, фыркают другим образом («а что особенного? Всем было очевидно, что...») Всем... Как же, как же...

КОМУ было очевидно нарастающее экономическое неблагополучие? Двум десяткам экспертов из миллионов тех, кто отрекомендовывался в качестве таковых. Эти миллионы орали как резаные, что никогда никакого неблагополучия не будет. Что мир научился развиваться без кризисов. Самые матерые из миллионов высоколобых кретинов, обещавших вечную экономическую безоблачность (она же – глобализация), получили за свою наглую ложь все высочайшие международные премии, включая Нобелевские.

Так что, господа лжеоптимисты, антропотехники свое дело сделают. Ждите! Ждать осталось недолго. При сохранении нынешних тенденций – лет десять. Максимум – пятнадцать. Нынешние тенденции стремительно переводят человека в разряд высокоорганизованного скота, чье поголовье подлежит очень радикальной оптимизации. Оптимизации никому не снившегося ранее масштаба... Какой там Гитлер! Фюрером Четвертого рейха будет не гиперэмоциональный злодей, а бесстрастный профи, по необходимости оптимизирующий поголовье, ставшее неэффективно избыточным в ходе перепроизводства антропо́са. В XIX веке для того, чтобы справиться с кризисом перепроизводства, ликвидировали избыток продуктов. В XXI-м...

Требовательный и нетерпеливый читатель опять же спросит запальчиво: «А может быть, оптимизированному поголовью будет дано новое качество жизни? А может быть, без этой оптимизации всем хана: и природе, и человечеству?»

Коллега, вы не дадите мне доаргументировать до конца. Я же не обещал вам, что, изложив две позиции («во-первых» и «во-

вторых)), этим исчерпаю аргументацию. У меня в запасе есть еще и «в-третьих», и «в-четвертых»... Впрочем, в одном вы правы, коллега. В том, что введение (даже и методологическое) не может превращаться в нечто самодостаточное. И потому все из того, что еще не обсуждено мною в плане перспектив отчужденного от развития человечества, я буду излагать уже совсем конспективно.

В-третьих, нетерпеливец вы мой требовательный, не лгите себе и другим по части того, что скота... прошу прощения, homo этих, становящихся все менее sapiens, окажется количественно меньше, а все остальное или не изменится вообще, или изменится к лучшему. Оставшийся в живых скот, поделенный на несколько классов (просто скот, скот немного улучшенный, почти не скот и так далее), будет жить в совершенно другом мире, не имеющем к сегодняшнему никакого отношения. Плавный переход от нынешнего мира к миру совершенно другому невозможен? Ну, так он и не будет плавным.

Кстати, у этого нового мира, к которому антропотехники хотят перейти, уже есть готовое название – «многоэтажное человечество». Вам нравится быть особью, проживающей на одном из этажей этой самой «многоэтажки»? Не читайте тогда моего крамольного сочинения. И не тратьте порох на его критику. В том мире, где будет реализована многоэтажность, книги, подобные данной, будут не запрещены и даже не сожжены (ох, уж мне этот «добрый старый» гуманизм Брэдбери с его градусами по Фаренгейту). Эти книги будут стерты из памяти постчеловеческого разнокачественного скота так, как вы сейчас стираете со своего компьютерного диска лишние файлы.

Любители будущей многоэтажности, поклонники постчеловеческих и трансгуманистических перспектив, подумайте, надо ли и впрямь тратить силы на критику того, чем через десять–пятнадцать лет (если это самое «многоэтажное» состоится) займутся новые и очень эффективные инквизиторы?

Что же касается тех, кто не хочет безропотно дожидаться счастливого многоэтажного будущего для себя, своих детей и внуков... Что же касается этих немногих, этого – верю, что все еще активного, меньшинства, которому и адресована моя книга, то... Может быть, дочитав до этого места, представители подобного меньшинства и сами смекнут, почему меня не устраивает ни (уже описанный мною выше) первый способ обсуждения судьбы развития в России и мире, ни отношение к судьбе развития как теме для обсуждения (вытекающее из этого способа), ни движение по накатанной колее (заданной этим способом), ни, наконец, превращение очень важного для меня обсуждения в «беседы о развитии».

Ну, нехочу я, дожидаясь «многоэтажки», становиться нытиком, бессильно тоскующим по «доброму старому» гуманизму. Я хочу с этой «многоэтажкой» (она же – тотальная дегуманизация всего и вся), представьте себе, бороться. «Многоэтажка» на наших глазах превращается в мейнстрим XXI века. Для меня кривляния XXI века – это, так сказать, разминки юного Чикатило. Подлаживаться под норы этого Чикатило и задаваемый этим норовом мейнстрим я категорически не желаю. А ты, читатель? Ты не видишь, что именно волочет девятилетний Чикатило в – и без того усталый и гнилой – мир человеческий? Если ты видишь – что остается вам, кроме фундаментального (антропологического, экзистенциального, метафизического) Сопротивления?

Впрочем, как знаешь. Что же касается меня, то я считаю долгом своим обосновать и тем самым в какой-то мере инициировать Сопротивление формирующемуся чудовищному мейнстриму.

Необходимость решать такую задачу – она и только она – удерживает меня от подчинения характера и ритма повествования «доброй старой» гуманистической безобязательности бесед.

Я не хочу, не имею права использовать первый способ обсуждения вопроса о судьбах развития в России и мире, превращающий разговор об этих самых судьбах в беседу.

Я не хочу, не имею права превращать бесконечно любимое мною гуманистическое начало – в ретро. Ведь, согласитесь, такое превращение было бы с моей стороны разновидностью капитуляции перед наползающей на нас «постдействительностью» (она же «многоэтажка» etc.). Я же считаю, что относиться к этой наползающей «постдействительности» мы можем и должны только так, как Кутузов, сказавший посланцам Наполеона: «Вы предлагаете нам закончить войну, а мы ее только начинаем». Нельзя вести войну с постдействительностью, превращая текст Сопротивления в ретро. Тот гуманизм, для которого беседа и есть философия, как альфа и омега всякой человеческой подлинности, проиграл. Нельзя противопоставлять наползающей на нас общемировой мерзости – проигравшее. Мерзости этой так хочется, чтобы ее антагонистом был очевидный исторический лузер. Осознаем ли мы, чем чревато наше согласие на осуществление того, что этой мерзости так желанно?

Противопоставить формирующемуся антигуманистическому мейнстриму гуманистическое ретро – значит признать, что будущего у гуманизма нет даже в эстетическом (стилевом, интонационном, жанровом) и уж тем более в гносеологическом плане. «О, признайте это! – поощрительно хихикают адепты антигуманистического мейнстрима. – Признайте и капитулируйте уже на этапе замысла!» НЕ ДОЖДЕТЕСЬ!

Вот почему, читатель, я отмечаю с порога первый, так сказать, «старогуманистический» способ обсуждения всего, в том числе судьбы развития в России и мире.

Второй же способ обсуждения (а этих способов, подчеркну еще раз, всего лишь два) основан на том, что обсуждаемое (судьба ли развития или нечто другое) безжалостно превращается из темы в предмет исследования. Превращение это осуществляется за счет предъявления метода. В той же степени, в какой беседы о развитии не нужно предварять методологическим введением, исследование судеб развития без подобного предварения, причем развернутого, категорически невозможно. Методология... Она и только она преобразует, повторяю, безобязательную, а потому и рыхло-безопасную тему – в предмет. Потому-то методологическое начало так ненавидимо всей субкультурой «пост», всеми адептами «многоэтажки» и «постдействительности».

Враг, читатель, ненавидит всегда лишь несломленное. «Они ненавидят меня? Значит – бояться». Заявляя о том, что я судьбу развития в России и мире намерен не «отемливать», а исследовать, я обязан начать исследование с манифестации – и именно манифестации – метода. Этим и занимаюсь...

До сих пор, правда, я лишь объяснялся с читателем по поводу того, чем живой вопрос отличается от мертвого. А также по

поводу того, почему методология и все, что она порождает (превращение темы в предмет, беседы в исследование), настолько необходимы. Что ж, объяснился... Теперь пора перейти от обсуждения необходимости метода к его описанию.

Судьба развития в России и мире – это политический вопрос. По крайней мере, я собираюсь обсуждать эту самую судьбу именно в таком качестве. Как я уже говорил в двух своих предыдущих книгах («Качели» и «Слабость силы»), исследование нетранспарентных или не полностью транспарентных политических вопросов (а полностью транспарентные политические вопросы у нас на глазах приобретают чудовищно фальшивый характер) может быть либо оперативным, либо конспирологическим, либо... Либо логоаналитическим.

Оперативное исследование базируется на материале, добытом с помощью прямых проникновений в сферу нетранспарентного. Я поясню. Как только вы делаете заявку на исследование (и именно исследование) судьбы чего бы то ни было (развития в том числе), вы признаете наличие у этого, вами исследуемого процесса – судьбы. Говорите ли вы о судьбе России, судьбе мира, судьбе развития ил и же о судьбе каких-то иных объектов, явлений или тенденций (судьбе Европы, судьбе США, судьбе капитализма и так далее), вы, взявшись исследовать не абы что, а судьбу, превращаете свое исследование в исследование по преимуществу политическое.

Даже если вы древний грек, свято верующий в мойр и ткущиеся этими мойрами нити судьбы... Вы ведь, как древний грек, не только в мойр веруете, но и в Прометея, не чуждого этим мойрам?

А что он, Прометей этот, в итоге сотворил за вычетом разного рода «мелких» деяний, посвященных развитию какого-то там человечества? Он Зевса предупредил об опасности! Не сразу, но предупредил. Узнав у мойр, что этого самого Зевса ждет (диалог с мойрами и есть исследование судьбы), Прометей объяснил владыке Олимпа, как избежать неблагоприятной для его правления судьбы. Избегание судьбы... Согласитесь, что это (как, кстати, и почти все, чем занимались в античной Греции) является по сути своей политикой и только политикой...

Итак, даже если вы древний грек (не принадлежащий к совсем уж специфическому фаталистическому сообществу), то вы веруете и в мойр, и в Прометея. То есть в раздувание всех и всяческих судеб, включая судьбу высочайшего божества. Что такое тогда для вас исследование судьбы? Это постижение тайн кем-то (теми же мойрами, например, или кем-то еще) запускаемых процессов плюс возможность исправить ход процессов за счет познания их структуры, характера и генезиса.

Но вы же не древний грек, а человек XXI века, будь он неладен. Вы худо-бедно понимаете, что судьба – это столкновение сил, то есть политика.

А у этих сталкивающихся сил есть источники (они же субъекты). Это могут быть разного рода сообщества. По Марксу – классы. По Питириму Сорокину – элиты. По Гэлбрейту – технотрунды... И так далее. Короче, эти субъекты суть мойры XXI века. Субъекты имеют как суррогатные цели, вытекающие из их интересов (в этом случае субъекты часто называют «группами по интересам»), так и цели подлинные, вытекающие из наличия идеалов (религиозных, парарелигиозных, светских).

Идет ли речь о соотношении развития (российского, общемирового или иного) с определенными масштабными интересами, со столь же масштабными идеализациями (крайний случай – идеологиями) или же сразу и с тем, и с другим – у разных субъектов (а их в современном мире отнюдь не мало) есть свои виды, так сказать, на развитие. Быть ему или не быть... Каким ему быть... От этого, как минимум, зависят многие триллионы долларов. А на самом деле, нечто несравнимо большее – власть и смысл. Соответственно, субъекты борются за то, чтобы их замыслы касательно развития (или чего угодно еще) были реализованы, а планы их конкурентов – нет.

Что значит эту (политическую по определению) борьбу исследовать? Это значит обнаруживать нетранспарентное. В самом деле, тот, чья цель остановить развитие, никогда не отрекомендуется противником развития как такового. Создаваемые им (или ими, если противников развития несколько) структуры, являющиеся средствами обеспечения неразвития, должны это неразвитие расхваливать. Но такое расхваливание («война с прогрессом» это в просторечии называется) является функцией инструментов, используемых субъектами, а не субъектов как таковых. Субъекты же неразвития (крайний вариант – контрразвития) будут или молчать, или вяло и неумно обсуждать правильное (например, устойчивое) развитие и осуждать развитие неправильное.

Что такое, с этой точки зрения, оперативное исследование судеб развития? То есть – как мы уже установили выше – оперативное исследование политических стратегий развития и неразвития и задействующих эти стратегии субъектов? Исследуя напрямую, без опосредования чем бы то ни было (то есть оперативно) судьбу развития, автор оперативного исследования рассуждает так: «Если есть судьба, то есть осуществляющие (в борьбе друг с другом или по единому плану) эту самую судьбу социальные сущности. Я доберусь до мест, где они судьбоносничают. Я приставлю своих наблюдателей к каждому из судьбоносников. И с достоверностью, равной 100%, узнаю, что именно они замысливают».

Если автору оперативного исследования удастся осуществить свой план, и в его распоряжении окажутся достаточно полные данные о судьбоносниках и судьбоносности...

Если этот автор опубликует свои данные, причем доказав, что речь идет о настоящих данных, а не о фальшивках...

Если он предоставит читателю калибровку своих данных, убедив его в том, что фигурирующие в этих данных лица и структуры и впрямь являются вершителями судеб, а не самозванцами и баронами Мюнхгаузенами...

Если автору удастся объяснить, как действие вершителей исследуемых им судеб развития соотносится с никому не подконтрольными объективными процессами...

Если все это будет реализовано автором, то... То останется два недоумения, которые все равно будут довлеть над оперативным исследованием, опубликованным в открытой печати.

Первое недоумение будет касаться того, как же это вершители мировых судеб не помешали не входящему в их круг автору раскрыть их, вершителей, тщательно скрываемые замыслы.

Второе недоумение будет касаться странного поведения автора. При том, что все описанные мною условия, которые автор должен выполнить, да и само авторское намерение оперативно прошупать всех судьбоносцев, явно адресует к очень и очень

коллективному авторству. Зачем такому автору открывать свои спецфайлы вместо того, чтобы пользоваться ими в соответствии с их спецификой? Ведь, осуществив такое открытие, автор нарушает правила игры, ставит под удар тех, кто предоставлял ему информацию, и так далее. Поскольку автор, сумевший осуществить столь амбициозное оперативное начинание, не может быть не только одиночкой, но и романтиком, то никто не сможет освободить опубликованное оперативное исследование от подозрения в том, что его коллективный автор соучаствует в той или иной игре разоблачаемых им вершителей судеб. Например, организует супермистификацию по поручению этих самых вершителей. Или обеспечивает своими публикациями войну одних вершителей с другими.

Но обеспечение такой супермистификации или войны по определению не имеет ничего общего с исследованием. Мистификатор уж никак не имеет права быть объективным. А воюющий... Тут ведь тоже действует принцип «на войне как на войне», с объективностью не имеющий ничего общего.

Впрочем, у меня лично нет никаких сомнений в том, что еще до той поры, когда начнут возникать вышеназванные подозрения фундаментального характера, произойдет тот или иной сбой в алгоритме оперативного исследования. Данные автора окажутся неполными... Достоверность данных окажется крайне проблематичной... Весомость лиц и структур, данные о планах которых будут предъявлены автором, окажется совсем иной, нежели та, которую автор этим лицам и структурам присвоит... Увлеченность действиями судьбоносцев вытеснит из сознания автора все, что связано с объективным (собственно историческим) началом и его влиянием на те же судьбы развития. А также на какие бы то ни было другие судьбы, буде их захотят исследовать оперативным путем.

Высказанные мною соображения никоим образом не могут и не должны дискредитировать оперативный метод исследования вообще и оперативный метод исследования судеб развития в России и мире в частности. Просто всему свое место. Разведанным – спецпапкам, спецфайлам, спецартефактам и пр. – место в сейфах соответствующих ведомств. Или в сейфах частных архивов.

Данное утверждение не имеет ничего общего с отрицанием косвенного использования оперативных фактур. Каждый, кто занимается исследованием каких-либо судеб, отдавая должное (должное, но не более того) влиянию на эти судьбы разного рода интересантов, пользуется оперативными сведениями. Но – как по соображениям, изложенным мною выше, так и в силу других причин – очень дозированно, осторожно и опосредованно. Никто не будет строить открытое, предназначенное для публикации исследование, опираясь на оперативные данные не абы как, а именно как на фактологию. Но и без фактологии – и это, я надеюсь, понятно – исследование в принципе невозможно.

Поэтому отдадим должное тем, кто добывает, упорядочивает, проверяет и хранит оперативные данные. И на этом подведем черту под (как мы убедились, крайне проблематичной) попыткой написания того, что можно назвать «спецкнигой». То есть книгой, предназначенной широкой публике и одновременно обсуждающей вопрос о судьбе развития в России и мире с опорой исключительно на оперативные данные.

Второй метод исследования все тех же судеб развития, казалось бы, крайне близкий к оперативному, на самом деле невероятно далек и от своего кажущегося соседа, и от подлинной исследовательской работы как таковой. Я имею в виду пресловутую конспирологию, или теорию заговора.

Создатели конспирологических сочинений, необоснованно претендующих на статус исследования, чужаются того, без чего исследование в принципе невозможно. А именно – внятной фактологизации как начального и обязательного этапа исследования. Применительно к рассматриваемому мною предмету одни конспирологи будут разоблачать «заговор развития», другие – «заговор неразвития», третьи – войну двух групп заговорщиков. Но никто из этих конспирологов не удосужится привести факты, на основе которых говорится о наличии заговора (заговоров). Никто никогда не станет заниматься калибровкой (определением реальной влиятельности) центров сил, чья война якобы определяет судьбу развития. И, уж тем более, никто из этих псевдоисследователей не будет обсуждать ту историческую объективность, без которой любое моделирование игр, осуществляемых субъектами того или иного ранга, гроша ломаного не стоит.

Если конспирологический метод и можно (с оговорками и натяжками) назвать методом, то только потому, что люди, все более отчетливо понимающие степень волюнтаристичности политики XXI века, а также степень нетранспарентности этой политики, начинают признавать заговоры единственной политической достоверностью современности. Ну, что достовернее 11 сентября 2001 года? И кто может сказать, что удар по башням в этот день не был заговором? Другое дело, чьим заговором, но ведь заговором.

Если с заговором как достоверностью XXI века не будут работать всерьез – оперативно или иначе, – то востребуются и суррогатные обсуждения заговоров. Тем более, что для сил, участвующих в реальной большой игре, конспирология не только безопасна, но и полезна. И потому, что она позволяет сколь угодно долго вести по ложному следу пытливые, но неразборчивые умы, увводя все еще активное меньшинство от реальной борьбы против реального отчуждения... И потому, что ее, конспирологию эту, в любой момент можно вывести на чистую воду. Причем так, что гомерический хохот надолго отобьет у тех, кто всерьез хочет заниматься нетранспарентностью, охоту что-либо обсуждать открыто в части этой самой нетранспарентности. Такие этюды с высмеиванием разного рода фиктивных конспирологических построений очень успешно выполнялись в XIX веке, но и не только.

В 1992 году все активное меньшинство, взбодораженное распадом СССР как явно нетранспарентным процессом, обсуждало публикуемую в патриотической газете конспирологию. В этой конспирологии трагический и беспрецедентный по своим глобальным последствиям распад СССР и коммунистической системы в целом, распад, воистину загадочнейший и совершенно, повторяю, нетранспарентный, был интерпретирован как война тайных Орденов, длящаяся столетиями и даже тысячелетиями. Орденов было названо два. Как полагается, светлый и темный. Были названы также советские силовые структуры, ядром одной из которых был светлый Орден, а ядром другой – Орден темный. И, наконец, были названы гроссмейстеры темного и светлого Орденов. По случайности, я хорошо знал обоих. Знал также – вовсе не понаслышке, – в какой шок привело этих людей (вполне приличных и умных, но беспредельно далеких от любой сопричастности орденскому

началу) их причисление к тайному руководству миром и его судьбами.

Знал я и о реакции двух силовых структур на это причисление их системообразующих элит к конкурирующим парарелигиозным орденовским центрам. Время было нелегкое. Силовики поносили почем зря – причем и тех, и других. Описание, которое я рассматриваю, оказалось популярным, ибо в процессе, повторяю, и впрямь было нечто загадочное. И потому любое его разъяснение через раскрытие загадок оказывалось востребованным. Одни силовики пожимали плечами, другие начинали подозревать в чем-то свое начальство (тем более, что оно давало к этому основания), третьи – легитимировать межведомственную склоку своей причастностью к светлому орденовскому началу. У всех, включая военные вузы, которые должны готовить высший командный состав, на это конспирологическое варево обильно выделилась слюна... Немалая и без того дезориентация существенно увеличилась...

Прошли годы. Автор той конспирологической модели сначала обнаружил в темном Ордене светлую часть. Потом в светлом Ордене – темную часть. Лица, названные гроссмейстерами Орденов, поволновались и успокоились. Структуры, выйдя из состояния абсолютной униженности, занялись разного рода прагматическими делами в новорусском стиле. Автор конспирологической модели, напечатав серию статей и издав книгу (кое для кого и до сих пор чуть ли не культовую), стал в дальнейшем и вносить поправки в модель, и дистанцироваться от оной. Одновременно автор стал респектабилизоваться и, как мне почему-то кажется, в своем нынешнем состоянии к той своей конспирологии (а уж тем более, к названным им наобум «гроссмейстерским» именам) относится, мягко говоря, более чем иронически.

Но ведь загадка распада СССР осталась! И сколько политической энергии, необходимой донельзя, оказалось растрчено попусту! Неразборчивые (в этом их минус) и небезразличные (в этом их плюс) молодые люди того времени, глубоко переживавшие распад СССР и стремившиеся выработать какую-то идеологию Сопротивления (сопротивления – чему?!), сначала ломанулись по ложному следу, потом, устав, потеряли интерес к разгадыванию наиважнейшей загадки XX века – загадки распада красной супердержавы. Вот вам и конспирологический псевдометод. Кстати, на языке реальных закрытых социальных структур (а их, как все понимают, отнюдь не мало) подобное задание ложной конспирологической псевдоисследовательской траектории называется «закрытием с помощью лжеоткрытия».

Разобравшись следом за оперативным методом и с методом конспирологический (который является псевдометодом), я, наконец, могу перейти к тому, чему должен был бы посвятить большую часть своего методологического введения. То есть к методу, с помощью которого в данном сочинении будет исследоваться судьба развития в России и мире.

Я называю этот метод логоаналитикой. Признаюсь, введение новых слов для названия новых методов мне малосимпатично. И я с радостью назвал бы этот метод герменевтикой высказываний или даже просто политической филологией. Но, во-первых, уже есть великий психолог XX века Франкл, который назвал свою психотерапию логотерапией (терапией, основанной на содействии поиску потерянного пациентом смысла). Во-вторых, филолог занимается определенными (написанными или, в случае фольклора, записанными) высказываниями, чаще всего имеющими хоть какое-то отношение к художественному творчеству. Я же собираюсь опираться как на факты на любые зарегистрированные открытые высказывания – телевизионные и радиовыступления, речи, интервью, случайные реплики и так далее.

Микрофактом, на который я, как исследователь, опираюсь (а исследование – повторяю в который раз – В ПРИНЦИПЕ невозможно без опоры на фактологию), является любое авторизованное публичное слово. Сказано ведь, что «слово не воробей, вылетит – не поймаешь». Если я могу доказать, что такое-то слово произнесено таким-то лицом там-то и там-то по такому-то поводу, то это слово (хоть целая книга, хоть случайная реплика, хоть подтекст, хоть интонация... а хоть бы и просто невербальная, но убедительная жестикуляция, сопровождающая высказывание) является для меня микрофактом. Постольку, конечно, поскольку «это» имеет отношение к исследуемому мною предмету. Соответственно, в данном сочинении фактами, то есть опорой предметности, являются те или иные публичные слова о развитии.

Совокупность этих слов – логосов – для меня является фактологическим первичным материалом. Подчеркну еще раз, что я не считаю нужным пренебрегать и невербальной публичностью. Что для меня важны субвербальные компоненты (интонация, жестикуляция, сопровождающие высказывание, и так далее). Лишь бы все это было публично. Лишь бы было зарегистрировано – что, где, когда, кем, почему и так далее. Такой фактологический первичный материал, состоящий из структурированной совокупности микрологосов, я называю фактологическим первичным массивом неопровержимых данных. К этой совокупности (конечно, уже структурированной с помощью известных приемов, не заслуживающих отдельного описания во введении и уже обсужденных мною в других книгах) я отношусь как к Тексту (паратексту, диффузному тексту и так далее). Этот Текст анализируется мною с помощью набора аналитических инструментов, которые я уже неоднократно описывал в своих книгах.

Поскольку используются аналитические (и именно аналитические) инструменты, то метод мой есть аналитика *par excellence*. В конце концов, существует и аналитика Бытия, не правда ли?

Поскольку инструменты используются для понимания фактологического массива (Текста), состоящего из высказываний, то есть логосов, то речь идет о логоаналитике.

В конце концов, дело не в названии метода, а в его сути. Я анализирую систему высказываний, как физик – систему экспериментальных данных. Для меня каждое высказывание о развитии – это определенным образом калибруемый факт. Совокупность фактов-высказываний – это фактология предмета. Изучение этой фактологии с помощью разных аналитических инструментов представляет собой исследовательскую процедуру, надстраиваемую над определенным образом понимаемой фактологической базой.

Были ли мои знакомые гроссмейстерами борющихся Орденов – поди докажи. Меньше всего об этом знает тот конспиролог, который присваивает им данный, более чем сомнительный, элитный ролевой статус.

А вот кто, что, где и когда сказал о развитии, доказать не стоит никакого труда.

Соответственно, суждения о сомнительном орденовском статусе моих знакомых не могут быть фактологической базой исследования. А раз нет фактологической базы, то нет исследования.

А массив, состоящий из авторизованных датированных высказываний о развитии, является надежнейшей фактологической базой, не так ли?

В этом отличие логоаналитики от конспирологии.

В чем отличие логоаналитики от оперативного метода, объяснять, надеюсь, не надо.

Все тот же нетерпеливо-требовательный читатель, с которым я все время веду мысленный диалог, может мне возразить: «Да, ваша база данных является фактологией. Но это более чем скудная фактология. Что из нее при такой ее скудности можно выжать?» Отвечаю.

Во-первых, все зависит от качества аналитических инструментов и профессионализма тех, кто их использует.

Во-вторых, отсутствие опоры на оперативную фактологию не означает, повторяю в который раз, отсутствие дозированного использования этой самой оперативной фактологии. Использования сугубо опосредованного, точечного. Чаще всего проверочного (нет ли расхождения построений с имеющимися неафишируемыми данными). Но иногда и герменевтического.

В-третьих, о скудности или нескудности результатов можно судить лишь по прочтении исследования, в котором некие результаты получаются с использованием логоаналитики. Ее и только ее.

В-четвертых, рассматривая систему высказываний как Текст, логоаналитик относится к Реальности, так или иначе соотносящейся с этим Текстом, как к контексту. Поэтому обвинения логоаналитики в абсолютизировании зачастую не лучших по своему качеству логосов – ложны. Логоаналитик – это вовсе не «текстоман».

Еще одно вопрошание требовательно-нетерпеливого читателя, на которое я должен ответить уже во введении, связано с ретро, как бы вытекающим из – мною всячески подчеркиваемой – филологичности метода. Классическая филология, как и классический жанр беседы, – это и впрямь стопроцентное старогуманистическое ретро. Но где же это я сказал, любезный сердцу моему нетерпеливый читатель, о КЛАССИЧЕСКОМ характере предлагаемой мною логоаналитической политической филологии?

Является ли сказанное политиком слово воробьем, вылетевшим из его рта, не знаю. Но то, что это слово (оно же – политический микрологос), вылетев, начинает жить совершенно отдельной жизнью, обретает плоть, действует, наплевав на волю того, кто этому слову дал вылететь, влияет на очень и очень многое способом, абсолютно не предполагавшимся тем, кто слово произнес, а повлияв на это очень и очень многое, начинает влиять и на самого автора... Это я знаю точно. Может ли являться КЛАССИЧЕСКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ логоаналитическая методология, в которой есть место для таких неклассических процедур, как словесная ворожба, магия слов, заклятие словом?

Так что же, я хочу использовать иррациональную методологию? Во-первых, кто сказал, что, исследуя судьбу чего бы то ни было, а уж тем более судьбу развития в России и мире, надо быть абсолютным ревнителем строжайшей рациональности? К примеру, монахи, занимавшиеся экзорцизмом, то бишь изгнанием бесов, были чистейшей воды исследователями. У них был и предмет, и метод, и инструментальность (в каком-то смысле даже технологичность). Но можно ли и нужно ли при их предметно-методологической направленности требовать абсолютной и строжайшей рациональности применяемого ими метода?

Во-вторых, что такое рациональность в XXI столетии? Когда Джордж Сорос написал книгу «Алхимия финансов» – что он, по большому счету, имел в виду? Что слова о деньгах становятся важнее самих денег. Рационален ли мир, в котором слово о чем-то (например, о деньгах) становится важнее того, с чем соотносится слово? Для рационального мира слово отражает, а не взрывает реальность. Так где он, этот мир? Нет его! Мировой финансовый кризис, предсказанный Соросом с позиций его алхимии и вытекающего из нее примата слов над реальностью... Разве он не говорит о том, что магия слов, ворожба слов, заклятие словом – это абсолютно конкретные (и абсолютно несовместимые с классической филологичностью, в рамках которой, повторяю, слова отражают, выражают, но не взрывают почти одномоментно реальность) реалии XXI века? Каков век, таков и метод, исследующий его, не так ли? Адепты «постдействительности», проектанты «многоэтажности», вы ждете от нас капитуляции и в вопросе о методе? Ждете, что мы будем применять классический метод к неклассическому объекту? НЕ ДОЖДЕТЕСЬ!

Сказавший о ворожке слов, о заклятии словом, о магии слова получает – о, ужас! – ярлык иррационалиста и врага рациональной научности? А тот, кто говорит... ну, хотя бы просто об общественном сознании... он кто? Где сознание, там и подсознание, сверхсознание. Ах, есть, оказывается, не общественное сознание, а общественное мнение. Во-первых, это не так. А во-вторых, пусть даже это так, и что? С позиций того, что мы сейчас обсуждаем, никакой разницы между общественным сознанием и общественным мнением нет. Я не говорю, что разницы вообще нет. Я всего лишь говорю, что разницы этой нет с позиций того, что мы сейчас обсуждаем.

В конце XX века стало ясно, что общественное (оно же народное) мнение, а также общественное сознание (а значит, повторяю, и под- и сверхсознание) управляемы, моделируемы в весьма существенной степени. Вместе с методами этого управления и даже моделирования (они же – гуманитарные технологии) в мир вернулось все избыточное и иррациональное – магия, ворожба, колдовство, заклятья. Возникает наикомичнейшая ситуация (что называется, «было бы смешно, когда бы не было так грустно»), в рамках которой сказать, что общество можно заморозить, заколдовать, заклясть и очаровать, – это значит расписаться в приверженности маргинальному антинаучному оккультизму. А сказать, что общественное сознание (или мнение) программируемо так-то и так-то, объяснить, чем нейролингвистические программы отличаются от нейросемантических или нейросемиотических, – это значит находиться на переднем крае современной научной рациональности. Но речь-то идет об одном и том же!

Чем нейролингвистическое или нейросемантическое программирование отличается от магии, заклятий, ворожбы? Технологичностью? Так магия во все времена была технологична! А если вдобавок поднапрячься и доказать, что все нейросемиотические, нейросемантические методы под кальку списаны с разного рода заклятий (буддистских мантр, заклятий вуду и так далее), то, согласитесь, станет очень смешно. И очень грустно одновременно.

Сколько ни ходи вокруг да около, придется рано или поздно признать, что так называемое психо-нейро-социопрограммирование, как, впрочем, и все гуманитарные технологии вообще, вернули в мир магию, колдовство, ворожбу словом. Все то, что, может быть, мир никогда и не покидало по-настоящему, но теперь укоренилось в нем на новых основаниях. И не надо наивничать, дражайший мой нетерпеливый читатель, убеждая себя и других в том, что программинг, восстановив в своих правах ПРИНЦИПЫ магии и колдовства, не восстановит в своих правах рано или поздно и РИТУАЛЫ. Возможно, усовершенствовав их до крайности, но в любом случае восстановив во всей своей полноте то отношение к человеку, которое было отменено в связи с признанием онога венцом Творения.

Восстановление этого антигуманистического отношения к человеку уже идет. Всматриваясь в новые культы, включая культ потребления, мы понимаем, что новое – это хорошо забытое старое. Гуманитарные технологии, манипулирующие сознанием и подсознанием расчеловечиваемых ими антропоскотов, расшаркиваются перед магами. А те, чуть что, обращаются за самолегитимацией к технологам. Вопрос на засыпку: может ли все это так раскручиваться по принципу «технология – магия – технология-штрих – магия-штрих» (смотри у Маркса: «товар–деньги – товар-штрих»), не трансформируя при этом всей структуры общества, всей системы социально-политических и культурных отношений?

Советская перестройка конца 80-х годов XX века – случайно ли вывела на большую политическую арену магов, парапсихологов, экстрасенсов? Не эти ли, выведенные из частных квартир и специнститутов к стомиллионным телеаудиториям, кашпировские поволокли за собой в большую политику разного рода технологов, нейролингвистов, нейросемантиков и так далее? Техногуманизация идет рука об руку с дегуманизацией через архаизацию. Неужели остались сегодня слепцы, не ведающие того, как именно одно связано с другим? Неужели остались еще в нашем (да и всемирном) антропозаповеднике (краю непуганых идиотов) особи, не понимающие, чем завтра или послезавтра обернется это самое «рука об руку»?

В общественно-политических дискуссиях очень часто приходится сталкиваться с ситуацией двойных стандартов. Например, когда обрушивающийся на тебя, как противника, шквал нецензурщины всячески поощряется и именуется – если дискуссия носит интеллектуальный характер – «использованием современного постмодернистского языка». А если дискуссия носит характер более упрощенный, то «гласом народа» или «здоровой реакцией критически настроенной части общества». Если же в ответ ты используешь адекватные средства коммуникации, то это именуется «возмутительным нарушением форм коммуникаций, принятых в цивилизованном сообществе». Мы имеем дело с разнообразными способами ведения военных действий, которые нападающая сторона применяет, забывая на момент применения о нормах объективной дискуссии. Но когда против этой стороны применяются военные же методы полемики, то она возмущенно указывает на нарушение применяющими норм объективной дискуссии. Да и объективности вообще.

Впервые я изумился по данному поводу лет двадцать назад, когда еще верил в объективность этой самой нападающей стороны, почему-то называвшей себя «прогрессивно мыслящей интеллигенцией». Речь тогда шла о «войне на уничтожение», объявленной одному крупному функционеру ЦК КПСС, отнюдь не принадлежавшему к реакционному крылу данной партии. Война на уничтожение предполагала не только расправу с взглядами данного лица, но и крайне уничижительное, мягко говоря, обсуждение его внешности. Лицо при этом обладало вполне пристойной внешностью, конечно же, весьма далекой от идеалов греческой античности или «норм мачо», задаваемых голливудскими боевиками. Но почему в политической дискуссии надо было называть данное лицо не иначе как «боровом», а то и более жестко, я понять не мог. И наивно указал на то, что оппонент данного лица из антикоммунистического лагеря, прославляемый той же самой «прогрессивно мыслящей интеллигенцией», обладает внешностью, гораздо более уязвимой, нежели его оппонент из лагеря КПСС.

«Мне непонятно, почему вообще надо апеллировать к внешности, – сказал я. – Но если уж использовать непристойные оценки типа «боров», то антикоммунистический оппонент, согласитесь, под них еще больше подходит». На это мне было отвечено, что партийный функционер – это натуральный боров, отвратительный донельзя. «А его оппонент?» – спросил я. Прогрессивный интеллигент подумал секунды три и ответил: «Это милейший, очаровательнейший пингвинчик».

Почему-то именно с этого момента мне все стало окончательно ясно. И в плане общественно-политической полемики, и в плане гораздо более важных (и опасных для противников) видов интеллектуальной деятельности, к которой, например, относится написание книг, подобных данной. И я не удивляюсь тому, что программинг, призванный разрушать (диссоциировать, декомпозировать, деструктурировать и так далее) Идеальное, – это высокоточный метод использования технологий, связанных со словом и образом. Я не удивляюсь также тому, что технологии, задействованные в рамках этого варварски дегуманизирующего программинга, именуются ГУМАНИТАРНЫМИ (как и «гуманитарные акции»).

Я понимаю, что в этом есть глубочайшая издевка, и отдаю дань сарказму тех, кто так издевается, а также их способности спрятать свой сарказм от все еще крайне наивной российской и мировой публики, которую нужным образом «упаковывают» с далеко идущими и очень дискомфортными для данной публики целями.

Я понимаю также, что применение обратных технологий, призванных восстанавливать разрушенный гештальт, технологий, связанных с рефлексией на диссоциативный программинг, и уж тем более со встречной (по отношению к применяемой десимволизации) ультрасимволизацией, будут называть ненаучным, архаическим и так далее.

Я просто призываю (а) осознать асимметрию используемых критериев, (б) понять, что эти критерии использует не сторонник объективной дискуссии, а воюющий против нас противник, и (в) даже осознав это, не зарываться, сдерживаться, не уподобляться противнику. Да, не уподобляться – но и не использовать средства борьбы, отдающие ретро и потому крайне удобные для противника. А главное – я призываю к тому, чтобы расстаться, как минимум, на ближайшие 20–25 лет с фундаментальной иллюзией, согласно которой возможно интеллектуальное «мирное сосуществование» гуманистов и антигуманистов, то есть сторонников абсолютно разных и именно антагонистических проектов мироустройства.

Нет уж, на войне как на войне. В интеллектуальном плане, кстати, эта война давно является не «холодной», а «горячей». Я бы даже сказал «перегретой». Остудить эту войну, конечно, хотелось бы. Но не за счет односторонней сдачи позиций теми, кто еще сохраняет веру в пусть и трансформированный существенным образом, но именно гуманистический идеал.

Логоаналитика XXI века, стремясь противостоять дегуманизирующей все на свете реальности, не может быть классической старогуманистической филологией. Она должна быть вооружена адекватным своему времени пониманием роли политического слова и степени его воздействия на реальность. Для логоаналитика слово, ставшее плотью, не метафора. И не патент на нечто гуманистическое. Это та реальность, которую враги гуманизма уже взяли на вооружение. Уподобляться врагам, повторяю, нельзя – аморально и контрпродуктивно. Но игнорировать то, чем реальность уже начинена до предела... Это значит – повторяю в который раз и буду повторять постоянно в связи с особой важностью данного положения, – ЭТО ЗНАЧИТ РЕТРОКАПИТУЛИРОВАТЬ.

Ну, а теперь я на конкретном примере (без которых все всегда остается несколько смутным) попытаюсь пояснить, что значит – в рамках используемого мной логоаналитического подхода – автономизация слова и высказывания от субъекта, исторгнувшего из себя подобные микрологосы.

Пример, поскольку речь идет о политическом слове, должен быть общеизвестным и на тысячу процентов политическим. Для меня – и, думаю, не только меня – ярчайшим из таких примеров является одно особо показательное камлание, осуществленное Ельциным, в принципе далеко не чуждым всему, что связано с политически регрессивной магией слова.

В 1999 году президент США Билл Клинтон принял отвратительное и абсолютно внеправовое решение о бомбардировках Югославии. Тогда же президент России Борис Ельцин прорычал, что Клинтон, принимая данное специфическое решение, забыл, каков ядерный потенциал России и чем чревато для США и мира задействование этого потенциала в ответ на поступки, подобные тем, которые совершил под влиянием приступа амнезии плеябой, мальчишка, президент каких-то там, понимаешь ли, США.

Сказано это было Ельциным во время визита в КНР. Рассмотрим данное высказывание в отрыве от всего – лица, его произнесшего, ситуации и так далее. Какова тогда содержательность высказывания? Ну, например, с позиций той же теории информации. С этих позиций содержательность (информативность) высказывания строго равна нулю или же констатации того, что Волга впадает в Каспийское море.

А какова содержательность данного высказывания с позиций логоаналитики? Она отнюдь не равна нулю. Почему? Начну с рассмотрения тона (интонации) ельцинского высказывания. Тон этот был более чем впечатляющий. Особенно с учетом того, что ранее (еще один элемент логоаналитического подхода – это самое «ранее») Ельцин называл Клинтона не иначе, как «друг Билл». Может быть, Ельцин и в рамках этого «ранее» Клинтона ненавидел и презирал. Но называл он его именно так.

Почему же произошел такой семантический и интонационный скачок? Был ли Ельцин одномоментно возмущен выходкой этого самого «друга Билла»? Накопилось ли в его донельзя сложной душе нечто за годы унижительных реверансов в адрес всеблагого и всевеликого «дяди Сэма» (чего стоит его знаменитое высказывание о том, что, пролетев мимо американской статуи Свободы во время первого визита в США, он стал свободным человеком)? Одномоментный импульс? Импульс, порожденный накоплением чего-то? Не знаю.

Но знаю точно, что вырвавшееся тогда из уст российского президента суждение по поводу запаматовавшегося американского хулигана представляло собой нечто, способное к отдельной от говорящего долгой и полноценной политической жизни. Эта способность определенных политических слов жить полноценной жизнью, становиться отдельными от произнесших эти слова политиков «сущностями» – одна из важнейших аксиом моего логоаналитического метода.

Визуализация – это вполне корректный аналитический прием, чья роль возрастает в условиях массированного применения визуализаций компьютерных, да и много чего еще. Как говорил когда-то Станиславский, «научить этому нельзя, научиться – можно». Слушая тогда Ельцина, я почему-то применил этот прием визуализации и буквально увидел на экране своего внутреннего зрения, как это нечто – обычно именуемое «криком души», а в данном случае вполне тянущее на статус камлания или нида (древнеисландский вариант заклятия) – отделилось от своего политического шамана и стало флюидной плотью, субъектом трансформации чего-то...

Чего? Тонкого информационного поля? Неявных, но чрезвычайно важных слагаемых того самого общественного сознания (или мнения), которое при всей его респектабельности ничуть не менее таинственно, чем всякие там, лишенные научной респектабельности, «поля» – как информационные, так и другие? В связи с неочевидностью тезиса о невозможности существования общественного сознания в отрыве от общественного под- и сверхсознания, я этот тезис тоже вынужден настойчиво повторять. И столь же настойчиво спрашивать: почему некорректно считать данное камлание Ельцина адресацией к определенным архетипам, но не личного, а именно общественного подсознания? Потому что общественное подсознание менее изучено, чем индивидуальное подсознательное вообще и жизнь в этом индивидуальном подсознании так называемого коллективного бессознательного? А я, например, убежден, что общественное подсознание не требует интериоризации и существует как реальность.

Куда уходит сказанное политиками? Как оно, сказанное, от политиков отчуждается? Вот в чем предмет интереса логоанализа. Где это отчужденное поселяется? Если отчужденное продолжает жить, то оно живет где-то... Где? Совершенно понятно, где – в некоем мире, который проще всего назвать просто миром отчужденных политических слов. Поселившись в этом мире, как новое отчужденное слово (в данном случае – ельцинское) соседствует с другими словами? Если совокупность подобных слов – это логоценоз (по аналогии с биоценозом), то новое отчужденное слово может либо атаковать сложившийся логоценоз, либо быть поглощенным этим логоценозом, став его элементом, пусть даже новым, но не меняющим качества целого. Если данное слово атаквало и трансформировало логоценоз, то как именно?

Но ведь логоценоз, странный мир отчужденных от авторов политических слов, не существует сам по себе. Являясь фактором общественного сознания, он на это сознание влияет, превращаясь в трансцендентное, но существенное дополнение к оному. А сознание влияет на реальность. Ну, так как же преобразованный своим новым обитателем странный мир особых, отчужденных политических слов повлиял на реальность?

Уже тогда, в далеком от нас 1999 году, я увидел, как, крича, рожала нечто – отдельное от самой себя и несомненно

сущностное – большая ельцинская душа, способная на очень и очень многое. Сколько же разных, в том числе и взаимоисключающих, обертонов было в том рычании Ельцина о на минуточку забывшемся американском жалком мальчишке! В крике грешной, истерзанной, мятущейся ельцинской души было всё:

- и трусливая ярость («на кого еще ты так наедешь, козел?») ущемленного провинциального деспота,
- и стыд кандидата в члены Политбюро, унизившегося до соучастия в распаде СССР,
- и инфантилизм обманутого ребенка («а говорили – Град на холме... ревнители права и справедливости...»),
- и сосредоточенная ненависть к «стране Желтого Дьявола», навеки поселенная в сердце секретаря партийного комитета области, столицу которой – Свердловск – всегда называли «Танкоградом»,
- и особая безудержно-безжалостная памятьливость жестокого, дряхлеющего и политически талантливого (а значит, способного долго и умно мстить взлелеивать) человека.

Выкрикивавший политические заклинания старик, очень точно выбравший место для своего камлания (Пекин), не был в данном случае пьян. Он не грозил и не сублимировал. Он именно совершал магический обряд. И не просто магический, а социально-магический. Ельцин тонко чувствовал флюиды, исходящие от – растоптанного им и связанного с ним круговой порукой распада СССР – постсоветского общества. И он извергал в этот – мучающийся ожиданием чего-то нового – флюид свое «люгосемя», осуществляя зачатие некоего, еще не персонафицированного на момент магического обряда, флюидного тела, имя которому – «преемник».

Кто-то, наверное, не обратил должного внимания на те ельцинские слова.

Кто-то, не понимая, над какой пропастью в те дни и впрямь завис мир, считал, что Ельцин валяет дурака. Что ж, он и дурака валял тоже. Но и не только. Это потом все обернулось прищипкой, позорно амбициозной, хохмой. А перед этим... Перед этим был очень короткий временной интервал, когда действия на средиземноморском ТВД могли стать реальной завязью всемирного апокалипсиса. Был, был он, этот момент. Поверьте на слово человеку, не худшим образом информированному о тогдашних нетранспарентных политсюжетах.

Но, как ни важны были затеянные (и тут же чудом остановленные) апокалиптические дела, их логокомпенсаторная магия, вылившаяся в описанное мною камлание Ельцина, была в каком-то смысле еще важнее. Старый и больной человек вышел за рамки тщательно контролируемого им политического «эго» и, камлая, сам себя переделал (или же отчасти восстановил себя прежнего). Это уже немало. Но еще важнее было то, как слова трансформировали умонастроение элиты, элитный ментал, элитный (между прочим, тесно сопряженный с общенациональным) флюид. Слово бы Ельцин кинул шепотку логокатализатора в огромный политический котел, в котором нечто, вскипев, забулькало. Слово бы зачала под конец нечто, излившись в химерическую протосубстанцию элитного и общенационального унижения, большая ельцинская душа.

Душа эта – а не один холодный расчет укрывающегося от наказания политического преступника – участвовала, закладывая перед этим самое себя, в назначение Путина премьер-министром РФ... А потом, за счет игры с досрочным уходом с поста президента РФ, в сотворении из премьер-министра Путина – и.о. президента РФ Путина. Еще один игровой ход – и и.о. становится президентом. И все же раньше игровых ходов, позволивших сделать пешку ферзем, ходов не только ельцинских и не таких банальных, как принято полагать, было, убежден, это самое логозаклятие. Была алхимия слов. Если есть алхимия финансов, то почему бы не быть алхимии слов, не правда ли? Самым главным логореагентом в рамках этой алхимии было ельцинское бессодержательное выкрикивание проклятий в адрес забывшегося на минутку мерзавца Клинтона.

Это заклятие – как и иные политические слова – разве перестало жить своей, отдельной от Ельцина, жизнью после превращения Ельцина в пенсионера? Или после его ухода из жизни? НИКОИМ ОБРАЗОМ! Ельцина нет, а слова живут. И осуществляют свой неяркий длительный программинг, он же ворожба, заклятие и так далее.

Тогдашние слова Ельцина сотворили некий невнятный и очень разнокачественный логоклубок, состоящий из сплетенных со словами в единое целое умонастроений, опасений, обид, комплексов, эмоций в диапазоне от трусости до ярости. Никто уже не помнит, наверное, как надрывно-патриотически стал Чубайс (не понимая даже, что с ним стряслось) подвывать Ельцину. Следом за вожаком стала подвывать стая. Логоклубок, состоящий из воя и подвываний, стал уплотняться и набухать. Состоялся своеобразный элитный логогенез, в чем-то подобный космогенезу, при котором из туманностей возникает планетарная система. Вот и тут – из туманности настроений и чувствований, осемененной словом-логосом, сотворилось нечто. Это нечто сделало не дозволенное ранее возможным и должным. И наоборот. Логоклубок превращался в логотело, логоструктуру, логосистему.

Идеология, читатель, – это не выдвижение программных документов и не поддержка этих документов массами. Это таинство, в котором освобождаются от благой предзаданности метафоры самого разного рода. И метафора о Слове, ставшем плотью (о чем уже говорилось), и метафора о сеятеле и семенах. Только и плоть, в которую облекается слово, может быть разнокачественной, и семя может дать не только благие, но и очень разные по своему качеству всходы.

Ты не удовлетворен отсылкой к религиозным метафорам, требовательный читатель? Тогда вспомни вполне на первый взгляд светское, но далеко при этом не простое и отнюдь не лишнее своей загадочности описание таких-то и таких-то политиков как «рупоров» классовых интересов. Как, объясни мне, читатель, класс (или иная социальная общность) вкладывает свое смутное представление о нужном и должном в уста какого-то рупора? За счет чего некто, говорящий что-то, становится этим самым – пусть даже очень незатейливым – рупором? (И впрямь, зачем незатейливому классу затейливый рупор?)

И не надо, пожимая плечами, отмахиваться от странного, сводя его к тем или иным очевидностям, дочеловеческим в том числе. Да, есть феномен вожака стаи, передающего суггестивным путем некую информацию руководимому им зоосообществу. Да, в каком-то смысле любое человеческое сообщество, в том числе и класс, сохраняет связь со своей дочеловеческой подосновой. Да, класс – это тоже стая, способная «завестись» от мессиджей вожака. Я уже рассмотрел феномен подвывания Чубайса, как представителя стаи, вожаку – Ельцину. Я уверен, что речь идет именно о стайном рефлексе. Иначе почему бы человек, влюбленный в США, гордящийся своими связями с людьми типа Саммерса или

Уолкера, вдруг завыл в унисон бывшему члену Политбюро в связи с тем, что США решили показать «кузькину мать» сербским националистам? Перефразируя Гамлета, можно сказать об этом, невесть откуда взявшемся, патриотизме Чубайса: «Что он Гекубе, что ему Гекуба – а ведь он воет». Актер, которому удивляется Гамлет, – это по преимуществу эмоциональное существо. И тут хоть что-то понятно. Но ведь Чубайс – существо антиэмоциональное и этим гордящееся.

Так, значит, стайный рефлекс, просыпающийся внутри социальной общности? Но такой рефлекс изучен лишь постольку, поскольку речь идет об очень определенных общностях! О толпах, о больших массах взбудораженных чем-то людей, высвобождающих свое стайное дочеловеческое начало в момент коллективной возбужденности, когда возбужденные особи находятся в прямом, плотном телесном соприкосновении. Это обсуждено Лебоном и его многочисленными последователями. И прекрасно используется дирижерами сегодняшних массовых политических действий.

Но я-то рассматриваю нечто совсем другое, в гораздо меньшей степени изученное. Живет себе класс... Или не класс, а другая социально связанная общность. Связная-то она связанная, но не слишком. К солидарности отдельные представители этой общности не тяготеют. Прямая коммуникация – по тянутой, которая возникает во взбудораженной толпе, – явным образом отсутствует. Но общность тем не менее чем-то общим руководствуется. Чем?

Назвать «это» идеологией – язык не поворачивается. Скорее, надо говорить о флюиде из очень незатейливых и невнятных представлений, касающихся того, что правильно, что неправильно. Это не этика и даже не воровские понятия. Это какой-то нематериальный клей, как-то склеивающий особей, входящих в рассматриваемую общность. Тут многого не надо. Достаточно согласия, например, в том, что «совок – это пакость неимоверная, а америкосы – ребята правильные, не ломанувшиеся, в отличие от нас, дураков, в долбаный "совок"». Вот вам и весь клей. Какое-то время он сохраняет способность эту самую общность склеивать. А потом он такую способность теряет. Общность, казалось бы, должна бы была распасться по причине потери клеем склеивающей способности. Но она не распадается или не распадается до конца. Почему? Потому что уже клубится, соприкасаясь с отдельными социальными атомами (они же особи, формирующие общность), какой-то новый протофлюид, будущий социальный клей. И особи как-то чувствуют, что это новое пока не склеивает, но вот-вот начнет склеивать. Чувствуют – и трутся друг о друга, не разбегаясь.

«Что-то носилось в воздухе», – говорят о подобном все свидетели обсуждаемых мною переходных состояний. Носится это «что-то», носится. Толкает, бережит обеспокоенные атомы, не понимающие, разбегаться им или чего-то ждать. А потом уже и не очень-то авторитетный вожак бросает в протосубстанцию, способную стать клеем будущего, свою логосперму. И возникает новый клей, атомы сплетаются в новую логоткань, логоткань проходит фазы логогенеза, логогаз превращается в логослиз, логослиз – в логоклубок, логоклубок – в логотело... Я же не говорю, что это новое логотело совершенно, как Адам Кадмон. Оно ничуть не менее уродливо, чем предыдущее. Но оно реально и потому интересно. Вы хотите менять реальность? Нельзя это делать, не поняв оную. И ничего нельзя понять, если... Если неинтересно.

Итак, новые тела-логосы населяют тонкий мир классовых (или иных макросоциальных) интенций. Этот мир как-то соединяется с реальностью. Как? Конечно же, убого, а как иначе? Соединяется он убого, не до конца... Между тем уродливо-примитивным новым, которое поселилось в тонком интенциональном мире, и реальностью сохраняются огромные люфты. Интенциональный мир – это, знаете ли, капризы. А реальность... В ней вроде бы места капризам нет. Но это только вроде бы. Герой «Записок из подполья» Достоевского не зря сказал, выдвигая определенное кредо: «Стою же я за свой каприз». Представители класса, который я анализирую, – люди гораздо более земные, чем герой «Записок из подполья». Но... Россия – это Россия... И потому каприз в каком-то смысле и до какого-то времени малозначим, а в каком-то смысле и в какое-то время может перевесить существеннейшие рациональные интересы.

У класса (или иного сообщества), вроде бы настроенного не на то, чтобы капризничать, а на то, чтобы очень хищно и примитивно действовать, возникает новая, почти необъяснимая согласованность. Обнаруживается, например, что вчерашние незатейливые любители «дяди Эма» начинают искренне говорить, что «америкосы – козлы» и что они «достали». У заговоривших по-новому может быть вид на жительство в США и... и мало ли что еще... бизнес, родственники... Но вот они уже говорят не то, что говорили прежде («америкосы – парни продвинутые»), а это самое «козлы» и «достали». Почему «достали»? Чем «достали»? Вы начнете это рациональным образом разбирать – и ничего не поймете. Повторяю – не Югославия же задела Чубайса, и не какие-то конкретные интерполовские неприятности задела других людей. Спрашивайте вы класс о том, что с ним стряслось, сколько угодно, устраивайте фокус-группы, зондируйте, тестируйте – не поможет. Попробуйте устанавливать корреляции между бытием и сознанием – тоже не поможет. А вот если вы заглянете в тонкий интенциональный мир, где появились новые логообитатели (да назовите их хоть глюками и тараканами, хоть капризами, хоть как еще – какая разница?), то вы что-то поймете.

Мир высказываний – это относительно самостоятельный промежуточный мир. Под ним – дольний мир реальных дел, поступков, конфликтов, процессов et cetera. Над ним – горний мир теорий, концептов, доктрин, реальных полномасштабных идеологий. Оказавшись в промежуточном мире, вы встречаетесь со всего лишь высказываниями. Но с высказываниями политическими и потому превращающимися в автономные логосгустки, логотела, логосущности. Не брезгуйте их изучением! Изучайте эти тела и сгустки – так, как физик изучает реальные объекты и поля, эти сущности – как психолог изучает пациента и собеседника. Замерьте интенсивность логополей, взвесьте логотела, поговорите с логосущностями как с тонкими структурами, способными к автономному поведению. Так Одиссей разговаривал с тенями в Аиде, стремясь найти путь в свою родную Итаку. Найти путь в Развитие – ничуть не более просто.

Логосгустки, логотела и, уж тем более, логосущности не отколют вам свои тайны, если вы не поступите как Одиссей, совершивший, как мы помним, жертвоприношение. Для того, чтобы вам открылись тайны промежуточного мира высказываний, вам, став жрецом оного, придется совершить нечто подобное. То есть оказать нужное давление на элементы мира, которые вы хотите раскрыть. Побудить эти элементы к раскрытию с помощью адекватного их сути воздействия. И это при том, что в принципе подобным элементам откровенность несвойственна.

Побудить их к оной вы можете, во-первых, связывая элементы друг с другом.

Во-вторых, связывая мир промежуточный с миром дольным.

В-третьих, связывая мир промежуточный с миром горным.

В-четвертых, осуществляя все экстра- и интрамирные связи одновременно. И не только одновременно, но и целостно, апеллируя к полноте этих связей и их взаимной обусловленности. Тогда тени (поля, тела и сущности) начнут повествовать о своем сокровенном смысле.

Требовательный нетерпеливый читатель, скажи мне, положи руку на сердце, имеет ли вкратце описанный мною подход какое-то отношение к филологической классике? К этому любимому детищу сдавшего свои позиции «доброго старого» гуманизма? Ведь совершенно ясно, что речь идет о другом. О чем именно?

Полноценный ответ на этот вопрос может дать только вдумчивое прочтение всего предлагаемого твоему вниманию исследования. А иначе зачем его твоему вниманию предлагать? Но для того, чтобы ты, странствуя, как Одиссей, располагал уже в начале пути и маршрутом, и средством передвижения, я позволю себе еще ненадолго занять твоё внимание своими методологическими сентенциями. И завершить рассмотрение примера с рыком Ельцина по поводу забывшегося на минуточку американского наглеца.

Сотворил Ельцин в 1999 году этим своим рыком нечто, начавшее далее действовать автономно от зарывавшего старика? Безусловно. Логодетище ельцинского рыка, переструктурировав весь тонкий мир классовых интенций, оказавшихся невероятно чувствительными к этому рыку, породило... нет, не реального Путина, а сначала феномен Путина. Именно феномен – почти бесплотный и бестелесный. А потом уже этот феномен породил реального Путина. Чем плотнее становился феномен Путина, чем активнее (и противоречивее) действовал уплотнившийся до консистенции реального мира Путин, тем более активно (и абсолютно независимо от ушедшего сначала из политики, а потом и из жизни Ельцина) дробились, сцеплялись, пухли, совокуплялись, укреплялись и ворожили, подчиняя себе реальность, все логосгустки, логотела и логосущности – совокупные детища рыка Ельцина. Дробясь, сцепляясь, вспухая, совокупляясь, укрепляясь и ворожа, эти сущности меняли весь ландшафт реальности, всю структуру классовых *pro* и *contra*.

Так возникло новое политическое время, в котором мы прожили восемь лет. И неужели, требовательный и нетерпеливый читатель, ты посмеешь сказать, что восемь лет – это мало? Через восемь лет после победы в Великой Отечественной войне умер Сталин. Восемь лет – это уже невыводимый из истории, да и из жизни нашей, временной интервал. Надо всем этим временным интервалом в каком-то смысле довлел и продолжает довлеть тот старческий рык с его производными. Тот старческий рык, чья информационность, измеряемая узко понимаемой содержательностью, строго равна нулю.

Так правомочен ли, о требовательный и нетерпеливый читатель, подход к политическому слову с позиций узко понимаемой содержательности? Рычащий Ельцин открыл нам нечто содержательно-новое своим рыком? Ничего банальнее прямого содержания этого рыка, повторяю, нет и не может быть.

Так, значит, потенциал политического слова измеряется не узко понимаемой содержательностью? Или, по крайней мере, не только ею? Если бы ельцинский рык обернулся мировой катастрофой, а значит, и реальным горем для тех, кто тебе дорог (а так, поверь мне, могло быть), ты все равно, читатель, продолжал бы рассуждать о буквальной (абсолютно очевидной) банальности произнесенных Ельциным слов?

В итоге слова Ельцина, упав на нужную классово-интенциональную... не почву даже, а влагу, породили логопроизводные. А логопроизводные породили феномен Путина. Или, если тебе этот термин нравится больше, классовый запрос на Путина (на самом деле, это одно и то же). Запрос оформил Путина, мы оказались в новой политической зоне – зоне патриотизма, стабильности, суверенитета. Мы прожили в этой зоне восемь лет... Немалую, признаем, часть своей сознательной жизни. Теперь начинает распадаться, слабеть, терять свою связующую способность и этот классово-интенциональный клей, являющийся пародией на идеологию в той же степени, в какой сам класс является пародией на буржуазию.

И чем-то иным снова запахло в воздухе: «Не, хорошо! Великая энергетическая держава... Национальное возрождение... Знай наших... Американский козлизм... Всё так, конечно. Но... эта... жевано-пережевано... И почему-то не согревает... Глядь-ка, Медведев! То ли есть он, то ли нет его... Глядь-ка, развитие...»

Что-то произошло с логополями, логотелами и логосущностями. И ткется, ткется, ткется новый фантом, уплотняющийся при переходе из тонкого мира в мир реальный. Это тебе не выборы, читатель. Это круче: «Глядь-ка, вона как! Путин – премьер и партийный лидер... Медведев, наивернейший путинец, – президент... Без поллитры не разберешься... Не, чего-то хочется... То ли севрюжины с хреном... То ли... чтобы... эта... словом, развитие».

В очередной раз слабеющий клей грозил превратить класс, то есть общность, в совокупность недоумевающих социальных атомов. И – на тебе, развитие...

С точки зрения фактов-высказываний (и мы чуть позже убедимся в этом со всей аналитической непреложностью), о развитии заговорил (или даже беспрестанно говорил) Владимир Путин. Но, пока работал предыдущий клей («нет смутянам», «даешь и рынок, и государство», «мы – энергетические гиганты», «американцы – козлы, и достали до невозможности», «фуки прочь от суверенитета»), слова о развитии мало что значили. А вот когда клей выдохся и что-то новое начало носиться в – гнилом и смрадном донельзя – интенциональном классовом воздухе... вот тут-то... Тут-то началась новая логоворожба. Она же – сотворение нового клея.

Анализ этой ворожбы (она же – благопожелания по поводу какого-то там развития) с позиций содержательности как таковой не более эффективен, нежели анализ с тех же позиций ельцинского рычания по поводу Клинтона.

Интересно не узко понимаемое содержание слов (хотя и его надо подробно анализировать). Не политическая игра... Не классовая блажь даже... Интересно не все это – более или менее скоропортящееся. Интересна та логоалхимия (которая и впрямь в чем-то близка к алхимии финансов в ее понимании Соросом), которую слова запустили. Интересен политический котел, напоминающий тот, в котором ворожили ведьмы из «Макбета». Он, котел этот, определяет судьбу развития в России и мире. Оторвать слежение за его пузырями от судеб развития, конечно, можно... Но коль скоро судьба понимается как нечто политическое *par excellence*, то подобный отрыв судьбы от политического котла – контрпродуктивен и смехотворен.

Любая обычная аналитика развития, уведя от связи котла и развития как такового, выведя за скобку судьбу, расскажет все о параметрах развития и ничего о развитии. Логоаналитика может связать параметрическое с ворожкой. Если предметом является судьба... Если судьба – это именно предмет, то есть то, что исследуют, а не о чем судачат... То не может быть у подобного предмета иной, не логоаналитической, методологической оснастки.

Политики в России, да и не только в России, никогда ни о чем не говорят зря. Смысл политического высказывания в высшей степени не тождествен буквальному смыслу сказанных слов. А потому политическое высказывание всегда является в той или иной степени иносказанием. И степень этой иносказательности не слишком зависит от воли авторов.

Сказанное Путиным и Медведевым о развитии может (а) поспособствовать развитию, (б) усилить регресс, (в) повлиять на что-то, не имеющее прямого отношения к развитию и регрессу, но весьма и весьма существенное. Например, на устройство политической власти. Но к чему-то стержневому эти слова (повторяю – вне зависимости от воли их авторов) обязательно имеют отношение. К чему?

Ответ на этот вопрос требует вдумчивого и даже скрупулезного исследования – не чего-нибудь, а магии политических слов. Я предложил метод исследования и готов его применить. Об адекватности метода и полученных результатов судить не мне, а читателю. Но пусть, уже начав знакомиться с текстом исследования, читатель примет во внимание мой исходный посыл, согласно которому заговоры Путин и Медведев не о развитии, а о целебных свойствах русского кваса... Заговоры они об этом так, как заговорили о развитии, – настойчиво, сверхпублично, многократно возвращаясь к теме, перебрасывая друг другу тему, как волейбольный мяч, – это их «речение о квасе» имело бы значение, и немалое. Не скажу, что такое, как речение Дэн Сяопина о пекинской опере, с которого начался новый курс, создавший современный Китай. В России все, конечно, происходит и более рыхло, и еще более парадоксально в смысле соотношения самих слов и их воздействия на реальность... Но это не значит, что в России НЕ ПРОИСХОДИТ НИЧЕГО. Что-то – происходит. И это «что-то» как-то связано с высказываниями. Как именно? Вот это-то и надо исследовать.

Я лично убежден, что путинские и медведевские слова о развитии будут – уйдя на второй или третий план или оставаясь на первом – ворожить, причем очень разным образом. Разным и разнокачественным.

Они войдут в те или иные соотношения со словами на ту же тему, сказанными сторонниками и противниками власти. А также теми, кто является противником, притворяясь сторонником, и наоборот.

Судьба Путина и Медведева – это одно. Судьба того, что породили и породят их слова о развитии, – другое. Брошенные в политический котел, эти слова уже ворожат. Не слова надо анализировать в отрыве от реакций в котле. Надо анализировать ворожку.

А я подую в решето.

Благодарю тебя за то.

Личные судьбы Банко и Макбета... Можно ли к ним сводить бульканье того – и поныне судьбоносного для Шотландии – метафизическо-политического котла?

Сталинское «Марксизм и вопросы языкознания» не может и не должно получать Нобелевскую премию или иную академическо-лингвистическую награду. Но в исследованиях, посвященных все еще булькающему у нас политико-метафизическому котлу, этот текст фигурирует иначе, чем... ну, я не знаю... исследования Сосюра или даже того же Марра, которому оппонирует Сталин.

В путь, читатель! А ну как мы, взявшись за исследование не ахти каких, с научной точки зрения, текстов, поняв, как эти тексты соотносятся с иными высказываниями, с логикой политической борьбы, с разного рода контекстами (как интеллектуальными, так и политическими)... А ну как мы, поняв это и многое другое, прикоснемся к чему-то новому, касающемуся нашей судьбы, да и судьбы мировой?

К чему именно? Не хочу забегать вперед... Но, если мы хотя бы разберемся совсем иначе с очень банально сейчас трактуемым явлением под названием «перестройка»... Если окажется, что перестройка эта не наше частное злоключение, а слабое далеко идущего мирового процесса, причем процесса не только не заверщенного в 1991 году, но и стремительно набирающего обороты... Неужели и тогда мы будем отрицать наличие связи между частным (высказываниями VIP-персон о развитии) и общим (судьбой страны и мира, нашей судьбой)?

Вообрази себе, читатель, множество дверей, одну из которых тебе надо открыть. Ты пристально вглядываешься в каждую из дверей... И вдруг видишь, что все они без замков – все, кроме одной. Потом ты видишь пластилин, металлические болванки, верстак, напильник, тиски... Ты понимаешь, что открывать-то надо ту дверь, у которой есть замок. Ты, конечно, не слесарь-профессионал. Но тебе надо попасть в комнату, которая находится за дверью. Чертыхаясь, ты делаешь слепок с замочной скважины и начинаешь изготавливать ключ, уродуя одну болванку за другой. Наконец, остается последняя болванка. Ты фокусируешься на изготовлении ключа, понимая, что всё – последняя попытка. Ты уже приобрел какие-то навыки, изуродовав пару сотен болванок. И – о, чудо! – тебе удалось изготовить ключ. Ты вставляешь его в скважину... Поворачиваешь... Дверь открывается... Главное – за порогом. Там тебе САМОМУ придется разглядывать комнату, прикасаться к загадочным предметам, узнавать нечто и меняться в процессе этого узнавания.

Коль скоро это так и тебе действительно нужно войти в эту самую комнату, ты ведь не будешь капризничать по поводу необходимости, сбивая руки в кровь, изготавливать этот самый ключ, занимаясь не своим – слесарным – делом. А если будешь – то в комнату не войдешь. Решай, читатель. Нужна комната? Принимайся за изготовление ключа. То есть за внимательное прочтение этого странного сочинения.

ЧАСТЬ I. ВЫСКАЗЫВАНИЯ, ПРЕВРАЩАЮЩИЕСЯ В ЯДРО ТЕКСТА И АНАЛИЗИРУЕМЫЕ В КАЧЕСТВЕ ТАКОВОГО

Глава I. Первичный анализ заявки на развитие, сделанной российской властью в 2007–2008 году

Я называю первичным такой анализ высказываний на определенную тему (в данном случае – на тему развития), в котором используются только свойства самих этих высказываний. При этом высказывания рассматриваются просто как текст. А с текстом работают структуралистски, то есть, по возможности, не привнося в эту работу извне ничего, кроме совсем уж очевидных вещей (авторство, время обнародования, способ обнародования, обстоятельства, сопутствующие обнародованию). В основном же при первичном анализе опираются на свойства самого текста. Его языковые (политико-лингвистические) особенности, структуру, интонацию и так далее. Именно этот принцип подхода к тексту предложили структуралисты, критиковавшие другие подходы. Прежде всего, сравнительно-исторический, в котором текст сразу же начинал выступать не как нечто самостоятельное, а как продукт эпохи, predetermined традицией и интересный постольку, поскольку он в нее нечто вносит.

Позже оказалось, что структуралистский метод, делавший заявку на универсальность, имеет вполне ограниченный радиус действия. С момента, когда сами структуралисты заговорили про контекст (а заговорили они потому, что до конца исследовать текст, как «вещь в себе», оказалось невозможно), стало ясно, что их метод отнюдь не всеобъемлющ. Вместе с тем структуралисты внесли в систему аналитических методов (как филологических, так и иных, политологических в том числе) очень много нового. И без их нововведений сейчас уже невозможно представить себе полноценный анализ.

Другое дело, что, начав с применения метода, предложенного структуралистами, необходимо, далее, применять комплекс других методов. В том числе и сравнительно-исторического, так нелюбимого структуралистами. Но начинать с применения структуралистского метода можно и должно. И потому, что это позволяет ознакомиться подробно с текстом как таковым, и потому, что разумно отжать из текста как такового все, что можно, перед тем, как начать соотносить этот текст с чем-то для него внешним (исторической традицией, культурными прецедентами и так далее).

Именно поэтому я называю такой анализ первичным. Фанатичный структуралист начнет требовать выведения за скобки всего, что не есть текст. В том числе способа обнародования текста, даты, даже самых очевидных обстоятельств (например, таких, как участие автора текста в выборах). Но подобный фанатизм – это ретро из эпохи, когда структурализм диктовал моду. Кроме того, если по отношению к художественным или даже научным текстам подобный принцип не использования ничего, кроме текста, еще как-то объясним (какая разница, в каком издательстве издал Толстой «Войну и мир»?), то в политике он абсолютно контрпродуктивен.

Поэтому мой первичный анализ привносит в текст некие нетекстуальные обстоятельства. Но – по минимуму.

В самом деле, разве можно даже при первичном анализе высказываний Д.Медведева о развитии, формирующих некий совокупный политический текст (он же – то частное, о котором я уже сказал, обсуждая задачу проводимого мною исследования), пройти мимо 26 апреля 2007 года? Дня, когда не Д.Медведев (тогда еще ничем особенно не выделяющийся первый вице-премьер), а В.Путин, президент РФ, выступил с очередным посланием Федеральному Собранию.

Вдумаемся, до выборов в Думу остается восемь месяцев. Дмитрий Медведев фигурирует на этот момент в неопределенной (убежден, что и для самого Путина) роли одного из возможных преемников. Еще нет ясности (опять же убежден, что и для самого Путина) даже в вопросе о том, не выдвинется ли Путин на третий срок... Все пребывает в состоянии абсолютной неопределенности... А также острейшей конкурентной борьбы между элитными группами за право отстоять свой политический проект (третий срок Путина, тот или иной кандидат от групп, не связывающих свое политическое будущее с Дмитрием Медведевым и так далее).

И вот Владимир Путин в последнем ежегодном послании Федеральному Собранию вдруг заявляет, что все его восемь посланий ФС *«по сути... и есть, может быть, неполный, но все-таки достаточно конкретный и основательный, концептуальный план развития России»*.

Концептуальный план развития России...

Во-первых, концептуальный... Во-вторых, развития... Как именно Владимир Путин понимал смысл своей деятельности на посту президента РФ? Об этом знает только сам Путин. Но как именно его деятельность воспринималась обществом? Ответ на этот вопрос можно дать, опираясь на вполне объективные данные. Общество не связывало с Владимиром Путиным никаких ожиданий в части какого-то там развития. Да и само развитие не было для общества сколь-нибудь приоритетным в период, названный путинским. Приоритетными были стабильность, наведение порядка, недопущение понижения жизненного уровня, а по возможности и его рост... И, наконец, государственность. Все это в совокупности и было тем курсом Путина, который поддерживало российское общество. Путина «носили на руках»... Но не за какое-то там развитие (поди разбери – что это такое, да и кто его знает, нужно ли оно в принципе). Путина носили на руках за то, что «усмирил Чечню», ушучил наглых и непопулярных олигархов, сменил риторику в том, что касалось внешней политики, вернул национальное и державное во внутреннюю политику, разорвал с набившей оскомину либеральной традицией в ее гайдаровско-чубайсовском исполнении, прекратил глумление над советским периодом. Путину прощали то, что он все это осуществлял половинчато. А может быть, его за это-то и поддерживали? Ибо в самом обществе – и в верхах его, и в низах – царила эта самая половинчатость, неокончателность, политический синкретизм.

И вот 26 апреля 2007 года Путин, всегда гордившийся своим прагматизмом и недолголюбивавший разного рода эфемерности (концепция, доктрина, стратегия, идеология), зачем-то заявляет, что все восемь лет своего правления он действовал (а) по некоему плану, (б) не просто по плану, а по плану концептуальному и (в) не просто по концептуальному плану, а именно по концептуальному плану развития России! Вот так!

Был ли у Путина и впрямь концептуальный план развития России? Ему виднее... Можно ли увидеть красную нить этого

плана в восьми посланиях Путина Федеральному Собранию? При желании сквозь восемь текстов, насыщенных фактурами и прагматическими установками, можно протянуть как такую, так и другую «красную нить». Но сказать, что все восемь посланий центрированы на развитии, нельзя.

Контент-анализ текстов не дает для этого никаких оснований. Кроме того, Владимир Путин формулировал задачи не только в посланиях Федеральному Собранию. И он ведь не только задачи формулировал! Он продуцировал емкие и конкретные образы... Например, «великая энергетическая держава». Как такой образ, на основе которого в кругах противников Путина заговорили о сырьевом и даже колониальном крене, соотносится с особой акцентировкой развития? Если бы Сталин в 1929 году сказал, что Россия будет величайшей аграрной державой мира, вытекла ли бы из этого индустриальная эпопея с ДнепроГЭСом, Магниткой, а также коллективизация как очевидная жертва на алтарь индустриализации? Согласитесь же – вопрос риторический!

Повторяю, Путину виднее, чем по сути (он ведь не зря подчеркивает – по сути!) является совокупность его восьми посланий ФС. Но никаких очевидных (а не подспудно сутевых!) акцентов на развитии он не ставил вплоть до 26 апреля 2007 года. А в этот день он в первый раз поставил именно этот акцент.

Ссылки на спичрайтеров и пиарщиков несерьезны. У всех политических лидеров во второй половине XX и начале XXI века есть спичрайтеры и пиарщики. Это касается не только России и СССР. Их-то это касается ну уж никак не больше, чем США или стран Западной Европы. Не про наше Отечество снят фильм «Хвост крутит собакой». Позволяли или нет Черчилль, Рузвельт и де Голль кому-либо вмешиваться в свои тексты и в какой степени? Тут не все ясно... Ленин, видимо, никому вмешиваться в свои тексты не позволял... Сталин если и позволял, то в минимальной степени.

Но потом вмешательство стало нормой. Что, не было коллективов, работавших над отчетными докладами наших генсеков? Одно дело – участие в оформлении мысли. Другое – узурпация мысли как таковой. Соучаствовать в той или иной степени? Ради бога! Узурпировать?

Любой западный лидер отрубил хвост, который замыслит нечто подобное по отношению к собаке большой политики. Путин же – тем более. Он очень жесткий политический лидер, точно знающий, что хочет сделать своей публичной позицией, а что нет. И вот когда он эту свою волю заявит, кто-то в чем-то может быть допущен к ее оформлению в текст. Но не более того!

А главное – Путин не один раз, походя, что-то сказал о развитии! Он первый раз сказал об этом аж в апреле 2007 года, то есть задолго до выборов. А потом...

21 ноября 2007 года на форуме своих сторонников (думские выборы – в самом разгаре) Путин заявляет: *«В чем она, главная задача? Она в том, что необходимо сохранить преемственность курса на стабильное, устойчивое развитие страны. И гарантировать от политических рисков рост благосостояния и безопасность Отечества».*

Безопасность Отечества – это путинская классика.

Рост благосостояния – в общем-то тоже.

Политические риски, которым это нельзя подвергать?

Это главный лозунг выборной кампании.

А вот что такое курс на стабильное, устойчивое развитие страны? В этом есть определенная новизна. А также возвращение к уже рассмотренному послы о концептуальном плане развития России. Что такое стабильное, устойчивое развитие? Просто констатация того, что развиваться надо от года к году без торможений, рывков и, главное, откатов? Или же это неявная адресация к так называемой концепции устойчивого развития, выдвинутой Альбертом Гором? Пока у нас нет достаточного материала для того, чтобы что-либо утверждать. Но ясно, что Владимир Путин проявляет настойчивое желание вновь и вновь возвращаться к теме (того или иного) развития. Вот что он говорит в том же выступлении на форуме сторонников:

«...Я дал согласие возглавить список "Единой России"... Считаю, что таким образом смогу помочь формированию авторитетной и дееспособной законодательной власти... 2 декабря будут не только распределяться мандаты между депутатами – будет решаться главный вопрос: кому доверить осуществление планов по развитию России».

Не безопасность доверить, не рост благосостояния – а планы по развитию России! Сначала (26 апреля 2007 года) он говорит о том, что 8 лет осуществлялся концептуальный план развития России. А 21 ноября 2007 года, то есть через восемь (!) месяцев, он говорит о том, что надо решать, КОМУ ДОВЕРИТЬ осуществление планов по развитию (опять – развитию!) России.

Тема ПЛАНОВ ПО РАЗВИТИЮ состыковывается с темой ДОВЕРИЯ. Какого доверия? Формально – доверия избирателей. Но президент не конкретизирует... Он говорит о доверии вообще. И это точный ход! Пусть гадают, идет ли речь о доверии электората или о доверии Путина к тому, кто продолжит именно его, Путина, концептуальный план по развитию России. Нужно быть абсолютным политическим неучем для того, чтобы не понять, о чем речь!

Есть план Путина (выборный лозунг: «План Путина – победа России»). Это не просто план. Это концептуальный план. Он является высшей интеллектуальной и политической собственностью... не главы государства, а человека по фамилии Путин. Этот человек может назначать преемника не потому, что у него общенародная поддержка, а потому, что он обладатель абсолютной ценности – концептуального плана по развитию России. Являясь обладателем такой ценности, Путин может кому-то доверить эту ценность, а вместе с ней и определенные прерогативы. Но если он доверил ценность (и лишь как следствие такую мелочь, как президентский пост), то он может и лишиться доверия. Ведь это не чья-то ценность, а его и только его. Где «доверить», там и «не оправдал доверия». Плохо обошелся с ценностью! Но с ценностью связано все, в том числе какой-то там президентский пост.

Если кому-то доверена аж ценность и этот кто-то доверия не оправдал, то какой там пост! Потерявший доверие обладатель такой Высшей ценности (концептуального плана развития России) сразу вслед за потерей доверия должен потерять все. Путин уходит с поста, но, оставаясь собственником Высшей ценности, он как бы занимает позицию высшего Наблюдателя и Судьи. То есть позицию более высокую, чем глава государства. Что это значит?

Что Владимира Владимировича Путина все-таки убедили в том, что российский Дэн Сяопин возможен...
И что для этого необязательно быть главой и гражданином Китая, страны с конфуцианской моралью...
И что для этого необязательно иметь парapolитические структуры по типу Красного Дракона.
И что для этого необязательно даже опираться на традиционное и сверхзаконопослушное общество...
И что... И что... И что...

Короче, Путина окончательно убедили во всех подобных «и что» аж в марте 2007 года. Доказать, что именно в марте, не могу. Но на основе трудно формализуемых критериев берусь голословно утверждать, что в марте 2007 года решалось очень и очень многое.

В любом случае, уже в апреле 2007 года Путин (впервые!) говорит о своем концептуальном плане по развитию России.

А в ноябре 2007 года Путин говорит о доверии, о том, что кому-то надо доверить не абы что, а этот план по развитию.

В декабре же (конкретно – 10 декабря 2007 года) Путин показывает стране, кому именно он доверил это не абы что – Высшую ценность (концептуальный план развития). Что такое – при несомненности рассмотренной нами последовательности высказываний и событий – обращение Путина в апреле 2007 года к теме развития? Что такое само это обращение и последовательность дальнейших адресаций все к тому же развитию? Это совокупность жестов, обеспечивающих красивую передачу власти? Так казалось очень наивным людям. А кому-то кажется до сих пор.

Рассмотрим также то, что происходит уже ПОСЛЕ 10 декабря 2007 года, когда В.Путин передал президентскую эстафетную палочку в руки Д.Медведева.

8 февраля 2008 года Владимир Путин проводит в Георгиевском зале Кремля СВОЕ расширенное заседание Госсовета, где обсуждается... Что? Правильно! Все та же стратегия развития России до 2020 года. Что значит «обсуждается»? Собираются представители так называемого «политического класса». Им зачитывается развернутый документ, из которого явствует, что развитие – это «наше все», а развиваться надлежит так-то и так-то. Кто это зачитывает? Президент, уже назначивший преемника! В чем смысл политического жеста? В том, что Путин оказывает Медведеву доверие в части исполнения путинского и только путинского концептуального плана развития России, теперь уже не экстрагированного из 8 посланий Федеральному Собранию, а предъявленного в виде развернутого текста.

Президентская эстафетная палочка передана Д.Медведеву... А власть?

Тема развития и тема реальной власти оказываются слишком прочно переплетены. Это вам не пиар. Это такая реальная политика, что дальше некуда.

Медведеву всего лишь оказано доверие в части сопровождения плана Путина. Сопровождения! И все должны это понять! Причем немедленно. Все китайцы (и элита, и народ) это бы сразу поняли. А в России... Тут, увы, доходит как до жирафа. Те, кто слушал Путина 8 февраля 2007 года в Георгиевском зале, недоумевали: «Ну, передал власть! Захотел зачем-то так поступить! Причем тут теперь какая-то концепция, какое-то развитие?»

Увы, красивая модель властно-концептуальной преемственности, дополненная столь же красивыми политическими решениями (совмещение В.Путиным, ушедшим с президентского поста, поста премьер-министра и поста главы партии, состоявшееся после инаугурации Д.Медведева), оказалась адресована классу, нечувствительному к подобному политическому изысканию. Но это – уже другая тема...

Нам же в рамках первичного анализа высказываний Д.Медведева о развитии важно зафиксировать существенную обусловленность этих высказываний высказываниями Путина. А также путинскими политическими шагами.

Зафиксировав путинские высказывания и шаги, можно перейти к высказываниям и шагам Д.Медведева.

Как мы помним, В.Путин начал говорить о развитии в апреле 2007 года. А Д.Медведев?

25 января 2007 года (то есть за год до начала так называемой операции «Преемник» и за четыре месяца до того, как Путин ввел в политический оборот тему развития!) выходит статья Д.Медведева «Национальные проекты: от стабилизации – к развитию». Значит, не Путин начал тему, а Медведев подхватил, а наоборот... Это очень атипично для сформировавшейся при Путине системы политической власти.

Еще более атипично то, как (насколько смело и почти что отвязанно) Медведев вводит в оборот эту самую тему развития. Одно название его статьи говорит о многом. ОТ стабилизации – К развитию. Что это значит политически?

Что Путин осуществил стабилизацию, ОТ которой К развитию нас всех поведет Медведев. Путин осуществил проект «Стабилизация». Стабилизация – это великое дело! Но теперь наступило время другого проекта – проекта «Развитие». Кто его будет осуществлять? Другой политик! И ясно, кто именно! Тот, кто делает такую заявку, то есть Д.А. Медведев.

Отвечал ли такой подход желаниям Путина? Если бы он этим желаниям отвечал, то Путин, подхватив Медведева через четыре месяца, сказал бы очень понятную вещь: «Я обеспечил стабильность! Это было страшно важное и неблагодарное дело! Оно завершено! Настала пора нового дела – развития. Оно потребует новых людей! Я же уйду с чувством исполненного долга».

Путин ничего подобного не говорит. Он, напротив, говорит через четыре месяца ПОСЛЕ статьи Медведева, что именно он, Путин, все восемь лет САМ занимался ТОЛЬКО развитием. А значит, если он кому-то это развитие и доверит, то не как новое занятие, а как его, Путина, интеллектуальную и политическую собственность.

Формулировал ли Путин это так для себя, не знаю. Думаю, что формулировал, но, возможно, и нет. Но главное не это. А то, что так и только так это может быть прочитано по всем канонам политического анализа (как классического, так и постклассического).

Чуть позже это находит совсем уж неопровержимое политическое подтверждение. На расширенном заседании Госсовета (проведенном, напоминаю, 8 февраля 2008 года, то есть уже после выдвижения Д.Медведева кандидатом в президенты РФ) стратегия развития России до 2020 года с предельной политической внятностью (чтоб и до идиота дошло) предъявляется в качестве плана Путина и только Путина.

То есть Путин, передав Медведеву президентскую эстафетную палочку, не только не разрывает связь между собой и своей

интеллектуально-политической собственностью под названием «Развитие», но и, напротив, эту связь всячески укрепляет.

В то же время он позволяет Медведеву наладить свою собственную связь с путинской и только путинской интеллектуально-политической собственностью. Характер связи определяется приоритетами, которые расставляет сам Путин. В рамках этих приоритетов Д.Медведев может первый раз сказать о развитии еще до назначения преемником. Но это не значит, что он может претендовать на ранг первооткрывателя. Путин твердо убежден в своем праве давать и отбирать. И всячески демонстрирует это право.

Собственность на «Развитие» он оставил за собой. Но разрешил Медведеву взять эту собственность в аренду.

В противном случае статья Медведева «Национальные проекты: от стабилизации – к развитию» имела бы для Медведева не триумфальные, а катастрофические последствия. Путин осадил бы Медведева так же, как он осаживал всех своевольников. И не было бы Медведева-преемника. А возможно, и вице-премьера такого бы не было... Не хочется даже фантазировать развернуто на тему того, что бы было... Ясно, что ничего хорошего для Медведева. Путин – очень жесткий политический лидер.

Однако по написанию Медведевым вызывающей с политической точки зрения статьи Путин не одергивает Медведева. Но и не поощряет его – по принципу «старик Державин нас заметил». Что же он делает?

Он с Медведевым играет. Причем по-взрослому. Мало с кем Путин играл так гибко и тонко. Учет также, что игра ведется на нелюбимом Путиным-прагматиком концептуально-идеологическом поле.

Почему Путин так тонко, внимательно, остро и умно играет с человеком, который на момент этой игры полностью от него зависим? И с ним, казалось бы, не играть надо, а... Значит, уже к моменту этой начальной игры, то есть в первом квартале 2007 года, Медведев в чем-то для Путина не заурядный подчиненный сколь угодно высокого калибра. Нет, он уже в то время – в чем-то автономный игрок, ходы которого надо отслеживать и обезвреживать. Но – мягко, деликатно. Повторяю – очень осторожно и в полном смысле этого слова «по-взрослому».

Чем объясняется такой необычный стиль игры? Почему В.Путин загодя готовится к долгой и сложной схватке с человеком, чья судьба в рассматриваемый момент вроде бы полностью находится в его руках? Или все же эта судьба не находится уже тогда полностью в руках Владимира Путина? Но в чьих руках и почему она находится в этом случае?

Лихой конспиролог тут же ответит: «В руках принявшей уже тогда решение мировой закулисы». Полная чушь.

Во-первых, мировой закулисы, способной принимать такие решения, просто не существует. И это ясно из хода макропроцесса. Была бы такая закулиса, весь макропроцесс шел бы иначе. На порядок более гладко.

Во-вторых, если все решает мировая закулиса, то зачем ее ставленникам (вновь подчеркну, что это чужая, лживая и комичная версия)... зачем этим якобы ставленникам во что-то играть? Эти ставленники должны, как роботы, исполнять простейшую политическую пантомиму на тему «сдал-принял». И не более того.

Как же вообще принимаются решения в современной России? Одни (лихие конспирологи в том числе) продолжают настаивать на том, что все решения принимает «вашингтонский обком».

Для других решения принимаются абсолютно волонтаристски. Мол, Путин «как хочет, так и воротит». Ни с кем не соотносясь, ни на что не оглядываясь.

Но неужели непонятно, что ни марионеточная, ни волонтаристская версия не имеют отношения к реальности? Что так не может быть, потому что так не может быть никогда?

Что самый самовластный правитель не может не считаться с тем размытым сообществом, которое называется «система обеспечения власти лидера» или «опорная группа лидера»? Иначе он – не Сталин и не Тамерлан, а пациент палаты №6.

Любая власть имеет то, что называется «элитный бэкграунд». Правитель может переломить позицию бэкграунда, но чаще всего он этого не делает. Он предпочитает не расплываться с бэкграундом, а обыгрывать его: «Ах, вы предлагаете такой сценарий? Ну, посмотрим! Когда окажется, что он не проходит, сами придете ко мне и будете извиняться. Тогда и переиграем все нужным образом – не вопреки вашей позиции, а по вашей же просьбе».

Впрочем, в задачу данной книги не входит обсуждение тех или иных «бэкграундов». Я просто обращаю внимание читателя на то, что в январе 2007 года Д.Медведев заговорил о переходе от стабилизации к развитию, в апреле 2007 года В.Путин сказал, что все восемь лет он осуществлял проект Развитие России, а потом состоялся расширенный Госсовет и так далее. В конце концов, пусть читатель сам думает, к чему бы это? Главное – установить, что все это делается не с бухты-барахты. Что во всем этом есть, как говорят музыканты, ритм, мелодия, контрапункт, разработка, кода...

Установив это, внимательнее вчитаемся в текст вышедшей 7 января 2007 года статьи Д.Медведева «Национальные проекты: от стабилизации – к развитию». Медведев пишет в этой статье:

«Стало очевидно: нельзя упустить время для модернизации России, без которой ей не сохранить себя в жесткой мировой конкуренции».

Какова политическая цена подобного заявления, сделанного не законно избранным президентом, а вице-премьером, который отвечает, конечно, за национальные проекты, но именно за них, а не за перевод России с одной стратегии на другую?

Во-первых, речь идет о модернизации. То есть не о развитии вообще, а об определенном типе развития. Путин же, начав игру на поле развития через четыре месяца после статьи Д.Медведева, ничего не говорит о модернизации. Он говорит о развитии вообще. Модернизация же – это один из вариантов развития. Причем очень определенный вариант – как с исторической, так и с политической точки зрения. Зафиксировали это – пойдём дальше.

Во-вторых, Медведев говорит о том, что нельзя упустить время для модернизации. На политическом языке это означает, что время упущено. Кто его упустил? Если время упущено, то не модернизация осуществлена в России за предшествующие годы, а... А что? ЧТО тогда осуществлено (читайте – «осуществлено Путиным и его предшественниками»)? ЧЕМ занимались 16 лет, а по сути и 20? ЗАЧЕМ развалили СССР, если не для того, чтобы получить полноценную национальную Россию? И что такое национальная Россия без модернизации?

Все это важные вопросы. И все же самый важный – «прост как мычание»: «Если модернизации нет, то ЧТО есть?»

То есть я, как эксперт, совершенно согласен, что ее нет. Но тогда я хочу знать – что есть? Опять же, я-то знаю, что есть. Есть регресс, который Путин сдержал, но не переломил. Но об этом же не говорят! Говорят о возрождении России. Но какое возрождение, если нет модернизации? Если время для нее то ли упустили, то ли вот-вот упустят?

Отсутствие разговора о регрессе (ох, как наша власть этот разговор не любит!) в сочетании с констатацией упущенности (или упускаемости – неважно) закладывает базу для возможных будущих заявлений по поводу имевшего быть застоя. И не абы какого, а путинского. В ходе которого модернизацию не допустили, упустили и так далее.

Это следует уже из рассмотренных текстуальных нюансов. Но к этим нюансам дело не сводится.

Медведев говорит не только о необходимости модернизации, без которой Россия не сохранит себя в условиях жестокой мировой конкуренции. Не только об упущенных возможностях. Он явно оппонирует (уже тогда) концепции великой энергетической державы, которую В.Путин долгое время отстаивал. Чтобы доказать это, позволю себе длинную цитату из статьи Медведева:

«Из международного, да и отечественного опыта следует: только вложения в человека способны помочь уйти от экономики "ресурсной и индустриальной" к экономике знаний, к экономике "ежедневной технологической революции", которая создается личными усилиями активных, здоровых, образованных граждан. А развитие потенциала личности напрямую зависит от доступности и качества образования, здравоохранения, информации, коммуникации и т.д. Понимание подобных задач и стремление найти наиболее эффективную форму для их решения привело к идее проектного подхода. Сама по себе идея была взята, строго говоря, из бизнес-опыта.

... Сегодня очевидно, что одной из важнейших задач развития должно стать создание экономики знаний. Когда не отдельные отрасли развиваются за счет технологического креатива, а когда вся экономическая жизнь структурирована на интеллектуальной основе».

Для того, чтобы разобраться в политическом смысле этой апелляции к экономике знаний, надо сначала все-таки сказать несколько слов по поводу экономики знаний как таковой.

Об экономике знаний впервые заговорили в 60-е годы прошлого века Йозеф Шумпетер, Фридрих фон Хайек и Фриц Махлуп. Главный в этой тройке выпускников Венского университета – Фриц Махлуп. Именно его книга «Производство и распространение знаний в США», вышедшая в США в 1962 и переведенная на русский язык в 1966 году, стала на многие годы ориентиром для тех, кто занимался экономикой знаний. Книга же Махлупа – своеобразный интеллектуальный ответ на советский вызов. И прежде всего на запущенный в 1957 году первый искусственный спутник Земли. Тогда начался разговор о том, что надо учиться у русских тому, как надо работать со знаниями.

В дальнейшем (с подачи Питера Друкера и его коллег) об экономике знаний стали говорить как об ориентире, основе устройства общества будущего, к которому идут наиболее развитые страны мира. Политики США, Западной Европы, Японии выдвигают лозунг: «Вперед к обществу знаний!» Есть, например, соответствующие высказывания Тони Блэра: «Экономика знаний – это, на самом деле, вся экономика. Нет "новой экономики", просто вся экономика трансформируется информационными технологиями... это экономическая революция».

Есть китайская стратегия: «Государственная система по освоению новшеств на фоне наступления эпохи экономики знаний», Много говорится о глобальном формировании экономики знаний. Считается, что перспективы развития связаны с экономикой знаний.

Что устанавливает наш блиц-обзор содержания того понятия, политический смысл которого мы хотим анализировать?

Во-первых, что экономика знаний – это некая идеальная и достаточно размытая цель.

Во-вторых, что разговор об экономике знаний в современной России может трактоваться по-разному.

В самом деле, к экономике знаний был готов перейти поздний СССР. Худо-бедно, но он двигался в этом направлении. Что касается постсоветской России, то она от производящей (спору нет, безусловной, но именно производящей) советской экономики отказалась в пользу более низко организованной сырьевой экономики. В сущности, после такого отказа требуется новая индустриализация и потом уже движение к экономике знаний. Или же – надо прыгать через одну ступень. Но как прыгать? И о чем идет речь? Об этом прыжке? Или о чем-то другом?

В любом случае, разговор об экономике знаний в современной России не может строиться по американской, европейской, японской и даже китайской кальке. Когда общество, достигшее определенной индустриальной зрелости, переходит к экономике знаний, то оно делает крохотный шаг, не требующий ничего сверхъестественного. Такой переход называется органическим. Когда же общество находится очень далеко от индустриальной зрелости, то его переход к экономике знаний – это не крохотный шаг, а прыжок, требующий огромных усилий. Но тогда надо разбирать – как интеллектуально, так и политически – механизмы, обеспечивающие концентрацию этих огромных усилий. Говорить о преодолении целого периода (периода формирования зрелой индустриальной экономики). И о том, за счет чего такое преодоление будет осуществлено.

Но нет ни политической констатации того, что мы страшно (и именно страшно!) далеки от цели, которой надо достигать в кратчайшие сроки. Ни политических разъяснений того, почему мы оказались так далеки от этой цели (тут размытых ссылок на страшные 90-е годы недостаточно). Ни политического же (и именно политического!) указания на средства, с помощью которых мы будем преодолевать имеющуюся пропасть.

Когда всего этого нет, то разговор об экономике знаний приобретает специфический обертон. И превращается в нечто наподобие необязательных (а в каком-то смысле и компенсаторных) благопожеланий: «Мол, поскольку мы очень просвещенные люди и полиостью в курсе мировых тенденций, то хотелось бы еще и вот этого».

В подобных случаях отвечают: «Хотеть не запрещено».

Итак, либо-либо. Либо разговор об экономике знаний в России – это компенсаторная риторика, замещающая больную тему дорогостоящей индустриализации... Либо это проработка неких стратегий «прыжка через одну ступень». Хочется верить, что это именно второй вариант. Но почему он не обеспечен ни констатацией состояния дел, ни констатацией масштаба необходимых усилий, ни предъявлением способа такой концентрации усилий? При том, что способ концентрации

усилий известен. Он называется мобилизация. И не надо вздрагивать, кричать, что всех хотят построить в шеренгу, что жаждают войны.

Мобилизация – это особый тип концентрации усилий на чем бы то ни было. Можно мобилизовать усилия на достижение войны или достижение мира. Усилия можно мобилизовать, упрощая или усложняя организацию системы. Мобилизационная модель развития (а именно о ней идет речь в данном случае) может быть линейной или нелинейной, точечной или объемной. Она может обеспечиваться диктатурой или демократией. Но если нужен прыжок, то такой модели не избежать.

Так является ли для нас сегодня переход к экономике знаний прыжком или крохотным шагом?

Ясно, что прыжком. Ясно-то ясно... Но поскольку эта ясность неумолимо порождает никому не нужную мобилизационную модель (или болезненную капитуляцию), то этой ясности любой ценой пытаются избежать. Отсюда – туманные восклицания по поводу возрождения России.

Что эти туманные восклицания порождают? Для того, чтобы с этим разобраться, дополним краткий экскурс по вопросу о содержании понятия «экономика знаний» столь же кратким экскурсом по вопросу «что, где, когда».

8 июля 2000 года. Москва, Кремль. Послание президента РФ В.В.Путина Федеральному Собранию Российской Федерации:

«Мы проигрываем в конкуренции на мировом рынке, все более и более ориентирующемся на инновационные сектора, на новую экономику – экономику знаний и технологий».

3 декабря 2001 года. Москва, Кремль. Выступление президента РФ В.В.Путина на встрече с членами президиума Российской академии наук:

«Экономика, основанная на знаниях, уже давно стала в мире основным фактором производства и главным стратегическим запасом. Об этом мы тоже со многими из присутствующих многократно говорили. В ведущих странах не энергоносители, а новые технологии дают, по оценкам экспертов, свыше 50 процентов прироста ВВП. Уверен, что нам еще очень многое надо сделать. В этом будущее России».

6 ноября 2003 года. Рим. Заявление для прессы и ответы на вопросы на пресс-конференции президента РФ В.В.Путина по итогам встречи на высшем уровне «Россия – Европейский Союз»:

«Хочу подчеркнуть, что сотрудничество в сфере образования и науки одновременно является важным шагом в построении единой европейской экономики, основанной на знаниях».

26 октября 2004 года. Москва, Кремль. Выступление В.В.Путина на заседании Совета по науке, технологиям и образованию:

«На наше заседание вынесен важнейший системообразующий вопрос – воспроизводство знаний, в процессе которого участвуют и наука, и образование, а теперь уже, можно сказать, и современная российская экономика. [...] Мы должны сформировать в России конкурентоспособную систему генерации, распространения и использования знаний. Только такая система станет основой устойчивых темпов и высокого качества экономического роста в стране. [...]

Номинально у нас есть целая "отрасль", включающая около трех тысяч институтов и КБ, шесть государственных академий, среди которых такая уникальная и старейшая, как РАН. Выразаясь современным языком – вертикально интегрированное, многопрофильное, общероссийское сообщество ученых.

Прибавьте сюда почти семь миллионов преподавателей и студентов, представляющих собой огромный ресурс для развития вузовской науки.

Между тем, удельный вес в нашем экспорте инновационной промышленной продукции – всего шесть процентов. А результаты научной деятельности по-прежнему мало востребуются отечественным рынком. И это несмотря на проведение в стране исследований практически по всему фронту».

Возникает естественный вопрос: если первый раз задача перехода к экономике знаний была поставлена в 2000 году... Если в 2001-м было сказано о том, что в ведущих странах (где есть экономика знаний, а если точнее – где можно говорить об обществе знаний, экономики отдельно от общества не бывает) свыше 50% ВВП дают не энергоносители, а новые технологии... Если все это так, то почему у нас после пяти лет (а это пятилетка, не правда ли?) нет настоящего сдвига в сторону поставленной цели, и вместо «более, чем 50%», мы имеем 6%?

Что и как делается властью для реализации ею же предъявленной жизненно важной цели? Ведь нельзя же просто сказать: «А у нас все вот так!» Надо сказать, что у нас все плохо, что цель не достигнута. И объяснить, почему она не достигнута. С политической точки зрения, ее недостижение означает либо наличие грубых и всеобъемлющих управленческих ошибок, либо наличие политического противодействия. Либо и то, и другое вместе.

В любом случае, надо объяснять, что происходит, давать оценки происходящему.

Чуть ниже В.В.Путин в том же своем выступлении на заседании Совета по науке, технологиям и образованию нечто конкретизирует:

«За пять лет – с 1999 по 2004 год – ассигнования на науку выросли почти в четыре раза и к концу года достигнут 46,2 миллиарда рублей. Я прекрасно знаю, в каких условиях работала наука в начале 90-х годов, а вы это знаете еще лучше, но все-таки движение есть, движение очевидно. Теперь уже вряд ли можно говорить, что эти деньги мизерны».

Что имеет в виду глава государства? Почему он говорит, что ассигнования на науку к концу 2004 года достигнут 46,2 миллиарда рублей? Он имеет в виду фундаментальную науку? Деньги, направляемые на финансирование РАН?

Худо-бедно, но в целом РФ тратит на науку 15–16 миллиардов долларов, а не 2 миллиарда долларов (примерный эквивалент 46,2 миллиарда рублей). Это если рассматривать все в совокупности – фундаментальные исследования, прикладные исследования, опытно-конструкторские разработки. То есть то, что у нас называлось НИОКР (научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки), а у них – внутренние затраты на исследования и разработки. Много это или мало?

Для того, чтобы тут что-то сопоставить, нужны элементарные и общедоступные сведения.

С НИОКРом в 2004 году (то есть тогда, когда Путин произнес свои, так подробно нами исследованные, слова о воскресении российской науки) все РЕАЛЬНО обстояло следующим образом.

США в этот год затратили на НИОКР (у них это, повторяю, называется «исследования и разработки») 312,5 миллиардов долларов.

Страны ЕС в совокупности затратили 229,7 миллиарда долларов.

Япония затратила 118 миллиардов долларов. Китай затратил 94 миллиарда долларов. Южная Корея затратила 28 миллиардов долларов. Россия затратила 16,5 миллиарда долларов. Мы говорим о многополярном мире. И о том, что Россия – это один из полюсов. Может ли реально быть полюсом страна, тратящая на НИОКР меньше, чем Южная Корея? Мы говорим о равном голосе с США при решении мировых проблем, о России как одной из сил, имеющих решающее значение при решении глобальных вопросов... Мы говорим также о том, что потенциалы стран в будущем будут определяться интеллектом этих стран (что такое иначе инновационная экономика и общество знаний?). Так почему бы при этом Путину прямо не сказать: «Мы тратим на НИОКР в 20 раз меньше, чем США», – и не предложить стратегию, исходя из этой печальной действительности?

Восстанавливаем ли мы научно-технологический паритет – и с кем? Аж с самими США? С ЕС? С Японией? Китаем? Южной Кореей? Но для того, чтобы восстановить паритет, надо затратить больше, чем для того, чтобы его сохранить.

Будущее науки определяется образованием. В 2005 году расходы США на образование достигли 878 миллиардов долларов или 7,5% ВВП. А с учетом специальных программ дополнительного образования и переобучения взрослых они превысили 1 триллион долларов.

В России расходы на образование в 10 раз меньше, чем в США (около 100 миллиардов долларов по паритету покупательной способности рубля, то есть по наилучшим для нас оценкам).

Никто не призывает посыпать голову пеплом. Но предъявить в качестве самой больной из всех российских проблем подобное вопиющее несоответствие мы обязаны. Мы обязаны также объяснить, как мы это несоответствие будем преодолевать. А если мы не собираемся его преодолевать, то на чем зиждется наше представление о себе как об одной из решающих стран будущего? Тут ведь одних пожеланий мало.

Рассмотрим в дополнение к статическим характеристикам характеристики динамические.

Бюджетные расходы Китая на НИОКР в 2000 году составляли 45 миллиардов долларов. В 2005-м – 115 миллиардов долларов. В 1999 году Китай производил 3% от общего мирового объема экспортного хай-тека, в 2005-м – уже 15%. Количество научных публикаций китайских авторов с 2000 по 2004 год по сравнению с общим числом таких публикаций во всем мире увеличилось с 3,8% до 6,4% (это твердое четвертое место после стран ЕС, США и Японии). Доля же России за этот же (между прочим, уже путинский) период сократилась с 3,6% до 2,8%.

А вот еще одно сопоставление. «Газпром» и «Шеврон» – это сопоставимые по капитализации и объемам продаж сырьевые компании. Но в 2007 (наиболее для нас благополучном) году «Шеврон» затратил на НИОКР около 1 миллиарда долларов, а «Газпром» – около 60 миллионов долларов.

США – лидер по абсолютным затратам на НИОКР. Но американское научное сообщество, в отличие от нашего, оказывает давление на государство, предупреждая его, что при сохранении существующего положения США не выдержат конкуренции во всем, что касается научного и технологического лидерства. Ведь в США за последнее десятилетие XX века расходы на НИОКР выросли на 60%, а в Китае на 500%, в Южной Корее на 300% и так далее.

Спросят: «А что можно сделать? США богаче нас...»

Отвечаю. Во-первых, каким-то образом СССР конкурировал с США. И более того, именно запуск первого советского спутника стал для США фактором переосмысления роли науки в развитии.

Во-вторых, крайне тревожны не только абсолютные (тут еще можно ссылаться на несопоставимость ВВП США и России), но и относительные (в процентах от ВВП) цифры наших расходов на НИОКР.

США расходуют 2,68% своего ВВП. Мы – 1,16% своего ВВП. При этом Израиль расходует 4,9%, Швеция – 4,3%, Финляндия – 3,5%, Япония – 3,2%, Исландия – 3,1%.

Что касается тех, кто в абсолютных цифрах расходует больше нас на НИОКР (США, ЕС, Япония, Китай, Южная Корея), то никто из них не расходует столь малый процент своего ВВП, как мы.

В-третьих, есть ситуации, в которых спасение нации требует определенных, пусть и травмирующих, перераспределений. Надо сказать народу: «Если мы сейчас не начнем тратить на НИОКР 200 миллиардов долларов в год, то страны через 15 лет не будет». Пусть народ, в конце концов, решает... есть самые разные методы, с помощью которых он это может делать. Как демократические, так и иные. Иные, кстати, широко применялись в таких ситуациях и выводили страны из тупиковых ситуаций, сходных с нашей. Но никакие методы – ни демократические, ни авторитарные – не сработают, если (а) траты на НИОКР будут разворованы или просто неэффективны и (б) не будут в соответствии со степенью жертв, требуемых от общества, ущемлены интересы тех, кто не только ничем не собирается жертвовать, но и длит бесстыдную оргию гиперпотребления.

В-четвертых, если мы не можем так много тратить на НИОКР, то некоторое (все равно, не такое вопиющее, как сейчас) снижение количественных трат должно быть чем-то компенсировано в смысле качества. То есть должны преобладать не денежные, а иные мотивы – творческие, патриотические... Мотивы, связанные с нематериальными слагаемыми социального престижа. Эти мотивы не могут быть задействованы в существующей социокультурной ситуации. Ситуации, которая создана регрессом и до сих пор поддерживается властью. Ситуации, в которой успешен только богатый. Когда деньги – единственный критерий престижа. Казалось бы, ясно, что вариантов решения проблемы не так уж и много.

Вариант №1 – вкладывать в науку столько денег, сколько в США (или, как минимум, сопоставимые суммы). Понятно, что это невозможно (хотя почему не нарастить расходующие средства хотя бы до аналогичной по проценту от ВВП суммы – уже неясно).

Вариант №2 – изменить общество и за счет этого выиграть или хотя бы не проиграть гонку. Для этого надо сделать очень многое. Накалить утопию развития, повесить за счет этого престиж науки, создать совсем иную конфигурацию престижа в российском обществе.

Вариант №3 – честно сдаться.

Поскольку первый вариант недостижим, а третий несовместим с жизнью, то остается второй и только второй вариант. Почему этого не признают ни Путин, ни Медведев, ни все остальные наши элитарии, рассуждающие об обществе знаний? Ответ на этот вопрос не так прост, как кажется.

Скептик, конечно же, скажет, что я просто не понимаю разницы между осуществлением развития и разговором на тему о «развитии» (он же пиар).

Да все я понимаю. Так понимаю, что дальше некуда. Скептик скажет: «Вы всерьез беспокоитесь о развитии? А они пиарят это развитие. И вас используют для того, чтобы в их пиар поверили». Что значит поверили в пиар? Разве я только что не осуществил антипиар? Осуществил и буду осуществлять. Потому что понимаю недопустимость тотального опиаривания такой проблемы, как проблема развития. Но ведь опиаривание не может быть тотальным. Худо-бедно, но какие-то средства в науку стали вкладывать. И если мы боремся за любые, даже крохотные, сдвиги к лучшему, то почему нам эти сдвиги (а) не зафиксировать и (б) не подстегнуть? Почему, наконец, не использовать то, что развитие, пусть и с пиар-целями, помещают в фокус общественного внимания? Да, надо при этом вводить антипиар в свои концепции в качестве профилактического слагаемого. Но мы еще посмотрим, кто кого использовал.

Так, по-моему, обстоит дело в части (и впрямь печального, но не безнадёжного) соотношения между действительностью и пиаром, реальным и виртуальным. Однако все не сводится к проблеме этого соотношения.

Все неизмеримо сложнее. В чем-то еще прискорбнее, чем если принять версию «пиар и только». А в чем-то перспективнее. Но прежде всего – именно неизмеримо сложнее. И, не поняв этой сложности, мы не сможем отстоять развитие в том реальном мире, который нас окружает.

Не хуже оппонировавших мне скептиков я знаю, что такое пиар и каков его вес в системе сегодняшних разговоров на тему «даешь развитие!». И тем не менее я считаю (поверьте, не без определенных оснований), что для Путина и Медведева экономика знаний и идея перевода страны в новое качество – это не пиаровский пузырь. Или, как минимум, не только такой пузырь. Мне кажется (да, только кажется, но вовсе не по причине тяги к романтизации действительности), что Путин и Медведев связывают для себя нечто (в конце концов, не важно, что именно) с идеей развития, идеей обретения страной нового качества.

При этом они, к сожалению, свято убеждены, что страна будет обретать новое качество, двигаясь по существующей социально-экономической и историко-культурной траектории, заданной событиями 1988–1991 и 1991–1993 годов.

Осуждая беспредел 90-х, наши политические лидеры не разывают с их наследством. А заданная траектория, по которой движется страна, им представляется не только допустимой, но и спасительной.

Ведь освобождаемся же мы, так сказать, от предыдущего советского безумия, от «красивой, но вредной сказки». Те же, кто предлагает дать внятную оценку этой самой траектории, назвав ее регрессом (сдержанным, но не преодоленным при Путине), зовут назад, в ужасное советское прошлое. И под видом развития подсовывают все тот же, уже продемонстрировавший свою губительность и противоречащий мудрому мировому опыту, красный проект.

Итак, первое фундаментальное (ценностное и чуть ли не экзистенциальное) ограничение, в рамках которого Путин и Медведев хотят осуществлять развитие, можно назвать «запретом на изменение траектории».

Второе, столь же фундаментальное, ограничение можно назвать «запретом на изменение методов управления даже при сохранении траектории».

То есть запрещено (на уровне так называемого табуирования как властного, так и общественного сознания) не только констатировать абсолютную катастрофичность запущенного 20 лет назад (и вновь подчеркну, лишь сдержанного, а не преодоленного) процесса. Того самого, про который Горбачев сказал, что «процесс пошел».

Запрещено также – даже оставаясь в рамках процесса – менять управленческую модель, а также политическую систему и все остальное. Это-то почему нельзя менять? Ответить на такой вопрос с рациональных позиций невозможно.

Ну, предположим, что запущенный 20 лет назад процесс – не регресс, а возвращение к единственно правильным капиталистическим нормам жизни. Я-то уверен (и доказательств более, чем достаточно), что никаких капиталистических норм жизни нет и в помине. Но предположим, что мы к ним вернулись. И снова на что-то их менять не хотим. При этом весь мир потихоньку что-то меняет. А вскоре начнет менять не потихоньку, а весьма и весьма форсированно. Но мы не хотим. О'кей!

Но почему в рамках капитализма все применяли авторитарно-мобилизационные методы, а мы не можем? Почему авторитарная модернизация не является абсолютно западническим и абсолютно капиталистическим методом развития страны? Почему надо упорно и яростно путать капиталистическую авторитарную модернизацию и советский (и впрямь красный) проект совершенно другого, не капиталистического и не модернизационного, развития?

И почему, наконец, доказательства нежизнеспособности всего наличествующего, всей нашей сегодняшней жизни должны вызывать ТАКОЕ отторжение («с пути мы не свернем, и точка»)? Почему бы вместо этого «и точка» не осмыслить – спокойно и сугубо рационально – последствия несворачивания с ЭТОГО пути?

Почему нельзя свернуть с ЭТОГО пути, даже если продолжение движения по нему чревато гибельным для народа развалом страны и кровавой зачисткой существующей власти? Чай, не в горбачевскую эпоху живем – тогдашнее, весьма относительное, политическое вегетарианство давно и беспощадно избыто.

Если человеку для спасения надо переложить предмет из правой руки в левую, если человек при этом хочет спастись, если ему объясняют, что всего лишь надо переложить предмет подобным образом, а он его не перекладывает, то как это можно объяснить?

В принципе, есть три объяснения. Но именно три, и не более того.

Объяснение №1 – руководители страны – злодеи, которые жаждут ее погубить и потому даже при угрозе потери власти не хотят свернуть с обеспечивающего эту гибель пути. Например, по принципу: «И сам завалюсь, но уж эту пакостную Россию завалю окончательно». Обратите еще раз внимание на то, что на этот раз руководителям придется заваливаться вместе со страной. Горбачев реализовал уникальный и абсолютно неповторимый сценарий, при котором это можно сделать оставшись живым, здоровым и процветающим. Не будем обсуждать подробно, почему во второй раз этого будет сделать нельзя. Тем, кто хоть что-то понимает в политике, ясно, что нельзя. А остальным все равно ничего не докажешь. Обратите также внимание на то, что политическое поведение людей, которые столь беспощадно, рационально настроены на осуществление рассматриваемого нами злодеяния, ничего не имеет общего с наблюдаемым реальным поведением Путина и Медведева. Как минимум, Путин ушел бы из сферы администрирования (а то и из политики вообще). Да и Медведев... Ну, не так бы вел он себя в этом случае в августе-сентябре 2008 года.

Объяснение №2 – руководители страны марионетки, которым даже не объясняют, почему нельзя сворачивать с гибельного пути. Просто говорят «нельзя» – и все. Сразу возникает вопрос: кто говорит? Загадочные всемирные заговорщики, инопланетяне? И почему столь могущественным силам, жаждущим нашей гибели, надо управлять руководителями страны так называемым рамочным способом? Намного проще дать прямые директивы. К счастью для одних и к сожалению для других, в мире нет сил, способных так влиять на политические решения. И потому объяснение №2 немногим более убедительно, чем объяснение №1.

Объяснение №3 – Путин и Медведев являются идеологическими фанатиками, причем не абы какими, а радикально-либерально-антисоветскими. При первом же взгляде на обсуждаемых политиков ясно, что они являются кем угодно, но не фанатиками. Что же касается идеологического антисоветского фанатизма, то наделавшее шума утверждение Путина о том, что Сталин лучше Гитлера, в это никак не вписывается. Идеологический антисоветский фанатик такого утверждения себе позволить не может, даже если оно ему по каким-то причинам выгодно. Да и выгодность (как при наличии обсуждаемого фанатизма, так и без него) более чем сомнительна.

Так в чем тогда дело?

Мне кажется, что налицо соединение двух обстоятельств. Одно из них – макросоциальное. Тут надо обсуждать классовую принадлежность, корпоративную принадлежность и так далее. И Путин, и Медведев – плоть от плоти господствующего сословия. Как его ни назови. Разорвать с сословием они не могут. Да и не понимают, зачем. Возможно, при определенных обстоятельствах создадутся предпосылки для такого разрыва между властью (надстройкой) и классом (базисом). Если классу захочется «сдать» надстройку, то надстройка может серьезно призадуматься. Но пока она еще не призадумалась. А вне этой парадоксальной (и Марксом не обсуждавшейся) схемы, в которой надстройка может не подчиниться базису, а, мягко говоря, сильно его скорректировать, существует определенная заданность. Классовое (корпоративно-цеховое, групповое, кастовое и так далее) сознание – штука цепкая.

Речь при этом следует вести и о сознании, и о подсознании. Это-то и называется «плоть от плоти». Макросоциальный субъект ненавидит все, что связано с реальным советским бытием, боится всего, что адресует к какому-то повторению оно. Он также боится и ненавидит модернизационный авторитаризм. Это другой страх и другая ненависть. Но этот страх и эта ненависть тоже фундаментальны.

Кроме макросоциальных обстоятельств, есть еще и обстоятельства менее масштабные, но, как мне представляется, тоже существенные. Власть задается не только своими опорными группами, но и своей интеллектуальной инфраструктурой. Инфраструктура состоит из профессионалов, обеспечивающих власть информацией, и групп, готовых оппонировать как власти, так и этим околowlастным профессионалам.

Рассмотрим и то, и другое. Профессионалы, обеспечивающие власть информацией, раз за разом демонстрируют то, что обеспечивать власть они будут только той информацией, которая власти нравится. Степень этой сервильности беспрецедентно высока. Она гораздо выше, чем в позднесоветский период. Это связано с эрозией морали и... И высочайшей ролью денежного фактора. Казалось бы, потеря властных симпатий для околowlастных профессионалов не грозит последним ни остракизмом («волчьим билетом», исключением из КПСС), ни более серьезными жизненными неприятностями по модели 1937 года. Угроза потери места в нынешней системе чревата только экономическими неприятностями. Но они-то и оказались для нынешней околowlастной интеллектуальной группы гораздо более болезненными, нежели издержки брежневского (а то и сталинского) формата.

Однако это касается только околowlастных профессионалов. Чем мотивирована предельная пластичность групп, заинтересованных в оппонировании власти и не обусловленных рассмотренной выше околowlастной интеллектуально-политической мотивацией? Например, академиков, перед которыми выступает В. Путин. Академиков, которым нужны иные средства на научные исследования, академиков, которые любят науку, знают положение дел в ней и, наконец, даже шкурно заинтересованы в том, чтобы денег было побольше. При Брежневе эти академики отказались лишиться звания действительного члена Академии наук СССР А.Д.Сахарова. На них тогда давили «по полной программе». Но они проявили определенную «упругость». Почему теперь они, за немногими исключениями, так пластичны?

Мне кажется, что только всеобъемлющий регресс, касающийся всех социальных и профессиональных сообществ, может объяснить подобную загадку. Но ее объяснение не избавляет меня от необходимости внесения ясности в вопрос о том, что происходит реально с нашей наукой. Подчеркиваю – не я, а представители этой науки, ее элита должны во всеуслышание говорить об этом.

Никто не требует при этом от научной элиты (в том числе крайне близкой Путину) аввакумовского самопожертвования. Все можно и должно формулировать с предельной корректностью. Но только молчать нельзя. Нельзя кивать головами, поддакивать, зная, что происходит на самом деле. И понимая, что Путин по жизни не с наукой связан, от данных по ее поводу достаточно изолирован. И без прорыва этой изоляции научная элита обрекает науку на гарантированное прозябание.

Я не хочу сказать, что все сводится к тому, что Путин чего-то там не знает. Но и это слагаемое существенно. И совершенно непонятно, почему высшие научные администраторы, а также близкие к Путину околонучные бизнесмены не приводят в разговорах с ним, а также в статьях, публичных выступлениях, на разного рода коллегиях хотя бы тех – беспощадных и неопровержимых цифр, которые уже приведены в данном исследовании. Но ведь все не сводится к этим цифрам!

Почему не говорится о том, что национальная инновационная система вообще, а у нас в особенности, потребует прямого, а не косвенного участия государства? О том, что в нынешнем культурном климате инновации невозможны? О том, что даже в условиях ВТО лидирующие страны (под теми или иными предлогами) поддерживают своих лидеров наукоемких отраслей? О том, что расходы на НИОКР одной лишь Toyota Motor в 2008 году составили 8 миллиардов 761 миллион долларов, то есть больше половины всех совокупных расходов России на НИОКР? А если (собственно, почему нет?) три японские автомобильные компании – Toyota, Honda и Nissan объединятся, то их совокупные расходы (а это совсем не три лидера расходов по НИОКР) составят 19 миллиардов 421 миллион долларов. То есть в пять раз превысят все расходы на НИОКР нашей страны?

Почему не говорится об этом теми, кто по профессии и статусу не может об этом не говорить? Что, так и будем обвинять во всем власть и при этом помалкивать в тряпочку? А общество? В данном случае, уже не только гражданское, но и корпоративное. Почему представители науки как корпорации воды в рот набрали? В чем генезис этого молчания на заседаниях Совета по науке, технологиям и образованию, на которых присутствуют и лидеры корпорации «Наука», и Путин?

25 октября 2005 года. Москва. Из вступительного слова президента РФ В.В.Путина на заседании Совета по науке, технологиям и образованию:

«Убежден: не только рынок должен стимулировать потребности людей к росту образовательного уровня. В эпоху экономики знаний и инноваций государство, конечно же, должно поддерживать граждан в их желании наращивать знания».

Как поддержать? В какой социальной и культурной среде? Можно ли сделать это, не меняя среду? Как изменить среду? Путин уже говорит о том, что для подобной поддержки нужен не только рынок. Но как будет выглядеть нерыночная составляющая? Как она соотнесется с регрессивным российским рынком?

Вопросы повисают в воздухе. При этом Путин возвращается к теме раз за разом. И, убежден, не только по причинам, так сказать, «пиаровского характера».

17 июля 2006 года. Санкт-Петербург, Стрельна. Пресс-конференция президента РФ В.В.Путина по итогам встречи глав государств и правительств «Группы восьми»:

«Следует адаптировать образование к требованиям инновационной экономики, которую не случайно называют экономикой знаний».

10 декабря 2006 года. Дрезден. Выступление президента РФ В.В. Путина на российско-германском форуме общественности «Петербургский диалог»:

«И в России, и в Германии прекрасно осознают, что экономика знаний выходит в современном мире на первый, приоритетный план. И мы со своей стороны, конечно, будем поддерживать все усилия Форума по этому направлению».

19 февраля 2007 года. Волгоград. Выступление президента РФ В.В. Путина на заседании президиума Госсовета:

«...Модернизация промышленности обязательно создаст спрос на продукты и услуги отечественных научных центров. Тем самым промышленность будет реально интегрироваться в новую экономику и, как мы сейчас часто говорим, в экономику знаний».

26 апреля 2001 года. Москва, Кремль. Послание президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации:

«Богатство образовательного, научного, творческого достояния России дает нам видимые преимущества для создания конкурентоспособной, основанной на интеллекте и знаниях экономики. Такой экономики, где основным двигателем являются не темпы освоения природных ресурсов, а именно идеи, изобретения и умение быстрее других внедрять их в повседневную жизнь».

9 июня 2007 года. Санкт-Петербург. Вступительное слово президента РФ В.В.Путина на встрече с руководителями иностранных компаний:

«Мы связываем будущее России именно с развитием инноваций, экономикой знаний».

13 сентября 2007 года. Белгород. Заседание совета по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике. Путин предлагает здесь высказаться по поводу экономики знаний Д.Медведеву, первому вице-премьеру правительства РФ.

«В.Путин: Пожалуйста, Дмитрий Анатольевич».

Д.Медведев: Уважаемый Владимир Владимирович! Уважаемые коллеги! Переход к экономике знаний требует от нас адекватного ответа на те вызовы, с которыми столкнулась система образования, ну, и общество в целом.... Значительный опыт накоплен в ходе реализации инновационных программ вузов – победителей конкурса в рамках национального проекта. Особо отмечу, что многие из таких проектов ориентированы на самые актуальные исследовательские темы, на подготовку наиболее востребованных кадров для экономики знаний».

30 ноября 2007 года. Москва. Выступление президента РФ В.В. Путина на заседании Совета по науке, технологиям и образованию:

«Понимаете, когда мы говорим об экономике знаний, то иногда у нас бывает неполное понимание. Иногда считается, что смысл заключается в том, чтобы наши институты, организации продавали "сырые" знания. Продажа "сырых" знаний несколько не лучше продажи сырой нефти, может быть, даже хуже. Тогда это получается встраивание российской системы в систему экономики чужих знаний. Нам это не нужно...».

8 февраля 2008 года. Москва. Выступление президента РФ В.В. Путина на расширенном заседании Госсовета «О стратегии развития России до 2020 года»:

«Важнейшее направление – это развитие новых секторов глобальной конкурентоспособности, прежде всего, в высокотехнологических отраслях, которые являются лидерами в "экономике знаний"...».

22 февраля 2008 года. Москва. Выступление президента РФ В.В.Путина на встрече глав государств – участников Содружества независимых государств:

«...Отмечу, что здесь, в миграционной сфере, как в фокусе сходятся самые актуальные задачи по развитию человеческого капитала, включая такие, как становление экономики знаний и национальных инновационных систем».

Мы видим, что тема перехода к экономике знаний очень важна для Путина. И это не может не вызывать глубокой симпатии. Особенно если сопоставить такую заинтересованность с теми циничными высказываниями радикальных либеральных реформаторов в начале 90-х годов, в которых прямо говорилось о том, что в новой России не будет не только современной науки, но и современной медицины.

Нельзя также сказать, что слова Путина полностью оторваны от его действий. Нет, Путин пытается дополнить декларации какими-то действиями! Он человек достаточно практичный и сделавший эту практичность своим жизненным кредо. Например, выступая в Дрездене на форуме «Петербургский диалог» и говоря о приоритетности экономики знаний, Путин сразу же апеллирует к тому, что благодаря работе Форума реализуется идея создания российско-германского института имени Коха и Мечникова. В конце концов, и четырехкратное увеличение финансирования науки – это тоже дело. Но вся эта совокупность дел не имеет никакого отношения к возможности перехода России из нынешнего ее состояния к обществу знаний, экономике знаний.

Уповать на возможность осуществить подобный переход (да еще из нынешнего состояния России) с помощью таких дел – все равно, что надеяться на то, что пятилетняя девочка, зацепив увязнувший в зыбком болоте КАМАЗ за бампер своими прыгалками, вытащит многотонную груженую машину на твердую почву.

Рано или поздно российской власти придется ответить самой себе на вопрос – почему на фоне восьмилетних пожеланий по поводу перехода России к экономике знаний фактический сырьевой крен России не уменьшается, а в чем-то даже увеличивается.

И власть никогда не сможет ответить на этот вопрос, оторвав ответ от оценки состояния страны, оценки качества протекающих в ней процессов. Процессы же эти регрессивны по своей сути. Однако признание этой регрессивности и всего, что из нее вытекает, буде оно станет осуществляться всерьез, сразу же потребует от власти то, чего она категорически не желает осуществлять. Такое признание потребует от власти выдвижения и осуществления мобилизационной модели развития, по возможности гибкой и нелинейной. Но главное – эффективной.

Можно, конечно, оставить все так, как есть. И назвать это мобилизационной моделью развития. Назвал же И.Дискин свои очень умеренные предложения по наимягчайшей «догоняющей модернизации» – «прорывом». Названия-то можно давать любые. Но ведь никому еще не удавалось взлететь, назвав свой автомобиль (хоть «Запорожец», хоть «Мерседес») истребителем пятого поколения. Если сдержанный, но не остановленный регресс все время называть разными красивыми словами (прорыв, модернизация, экономика знаний...), то купленный этой ценой психологический комфорт рано или поздно обернется чудовищной исторической (и политической!) ответственностью за сгнившую до основания страну.

В.В.Путин, как мы видим, в большинстве своих размышлений об экономике знаний не говорит о модернизации. Но кое-где (в Волгограде в 2007 году, например) он говорит о модернизации промышленности.

Между тем модернизация, о которой позже много будет говорить Д.Медведев, – это вовсе не модернизация промышленности. Тем, кто этого до сих пор не понимает, рекомендую прочесть книгу Иосифа Дискина «Прорыв». Является ли прорывом предлагаемая Дискиным сверхмягкая (как он считает, единственно возможная для России) модернизация? Я уже сформулировал аргументы в пользу того, что такая модернизация прорывом не является. Настаивал и буду настаивать на том, что прорыв – это осуществление запредельного задания в условиях, когда запредельность этого задания преобразует субъект, который должен это задание выполнить.

Дискин же предлагает нечто совершенно другое. Его (в целом вполне разумное и достойное) предложение основано на определенном представлении о качестве процессов в современной России. Я это представление не разделяю. И не понимаю в принципе, о чем на самом деле идет речь. И.Дискин – умный и позитивный исследователь. Он хорошо понимает, что рынок не может осуществить структурной модернизации промышленности. Что для этой структурной модернизации нужен субъект, обладающий огромными ресурсами и нестигаемой политической волей. Субъект, способный осуществлять необходимые изменения категорическим путем на основе полноценного стратегического планового задания. Дискин сам в прошлом достаточно крупный работник Госплана. Академические экстазики могут не понимать, какова цена полноценной структурной модернизации промышленности. Иосиф Дискин не может этого не понимать. И опыт успешного проведения такой модернизации вообще, а в условиях упадка в особенности, он знает. Вообще – с Дискиным хотя бы можно спорить, потому что он не болтает, а излагает развернутую позицию. Остальные, увы, весьма далеки от этого.

Так, может быть, не изменение промышленного контура предполагает деяние, именуемое «модернизация»? Может быть, речь идет о модернизации без системной форсированной индустриализации? Но возможна ли такая модернизация? Отвечает ли она хотя бы выживанию России, а уж тем более завоеванию ею новых позиций в мире?

Как говорится, красиво жить не запретишь. Кому не хочется модернизации, при которой будет место свободе, при которой будут сохранены все предыдущие завоевания нашего переходного периода и избыты все негативы оного!

Но подобными благими пожеланиями мы уже однажды вымостили дорогу к распаду СССР, дорогу в эти самые «лихие 90-е годы». Власть хочет повторить этот путь? Увы, самое трудное – понять, чего власть хочет и хочет ли вообще чего-то реального.

Говорится об экономике знаний. То есть в каком-то смысле не об индустриализации, а о постиндустриализации. Мы хотим перепрыгнуть через этап? И так, чтобы при этом прыжке всем было комфортно, вольготно?

Увы, нет у меня готового ответа на вопрос, чего КОНКРЕТНО хочет власть по большому счету – не на уровне списка мероприятий, но и не на уровне общих рассуждений.

Вчитываясь в сказанное и написанное, я понял, что экономику (а значит, и общество) знаний Путин понимает как наукоемкую экономику (а значит, и наукоемкое общество).

Наукоемкая экономика – это хорошо. Наукоемкое общество – еще лучше. И до того, и до другого нам сейчас как до Луны. А главное – ну не так всё это, и всё тут. Экономика знаний – это НЕ наукоемкая экономика. Общество знаний – НЕ наукоемкое общество. Построение информационного общества – это НЕ модернизация.

Модернизация...

Что понимает Путин под модернизацией? По его текстам это, повторяю, не вполне ясно. А вот из текстов Медведева о развитии ясно, что Медведев понимает модернизацию как глубокую комплексную всестороннюю трансформацию общества. В принципе, это так и есть. Но только речь идет об очень определенной трансформации, а не о любой позитивной трансформации вообще. Перенимая эстафету у Путина, Д.Медведев еще более прочно связывает два блага – модернизационную трансформацию и переход России к экономике (и обществу) знаний. Но, к сожалению, связи-то такой нет. По крайней мере, нет никакой прямой связи. Надо провести модернизацию. Опомниться, мобилизоваться на новое, совершенно другое, усилие. И перейти от модернизации к построению общества знаний. Это один, наиболее классический путь.

Можно, конечно, выбрать другой – и прыгнуть через ступень. Но для того, чтобы так прыгнуть, нужна уже не просто мобилизация, а супермобилизация. То есть прорыв в полном, мобилизационно-трансцендентизирующем, смысле этого слова.

Насколько я понял из имеющихся властных и околосластных суждений касательно желаемого, предполагается нечто другое. Инвестиционная политика, способная сотворить чудеса...

Инвестиции во что? В имеющееся? Ведь для создания качественно новых структур, обеспечения им места внутри имеющейся старой системы мало инвестиций. Мобилизационная политика нужна, а не инвестиционная. Что же касается инвестиций, то... Ну, предположим, что инвестиционные адреса будут определены правильно (а это не гарантировано по понятным причинам), что деньги дойдут до адресатов (это еще в меньшей степени гарантировано). Предположим, повторяю, все наилучшее. И что?

В принципе, конечно, возможен и подобный подход. Но мне представляется, что он возможен не в большей степени, чем подход, при котором автомобилист решит превратить автомобиль в самолет с помощью наращивания мощности двигателя автомобиля и увеличения его скорости. Самолет – это не сверхскоростной автомобиль. Хотя на некоторых гоночных автомобилях стоят моторы от самолетов. Самолет – это другой тип техники, основанный на другом принципе. Вот так и общество знаний (иначе – информационное общество, постиндустриальное общество и т.п.)... Это не улучшенное, особо наукоемкое индустриальное общество. Это общество с другой классовой структурой, другими мировоззренческими основаниями, другой встроенностью в оставшийся на предыдущей фазе развития мир.

То же, что предлагается в виде соединения модернизированной промышленности и знания, – это не общество знаний и не экономика знаний, а нечто другое. Может быть, и вполне достойное – но другое. И все было бы ничего, если бы Россия была одна на планете. Или ее окружали бы не конкуренты и враги, а предельно доброжелательные соседи. Но поскольку это не так, то пока Россия (неадекватными, как мы убедились, средствами) будет пытаться соединять улучшенную индустрию со знаниями, рядом с ней будут сооружать настоящую индустрию знаний.

Чем чревато непонимание российской властью разницы между наукоемкой индустрией (50-е годы XX века) и индустрией знаний (50-е годы XXI века)? Тем, что Россия (причем еще до момента полноценной реализации индустрии знаний ее противниками и конкурентами) может оказаться в положении туземного государства, вынужденного давать отпор армии, вооруженной пушками и пулеметами, с помощью стрел, копий и дротиков.

Пагубность и унижительность такого исхода диктует необходимость тактичного, но настойчивого указания на то, что экономику знаний (а также общество знаний, поскольку одно без другого не существует) нельзя извлечь из процесса модернизации (предполагающей индустриализацию). Что общество знаний – это не общество модерна, а качественно другое общество. Что дело тут не в технологиях, не в научных открытиях, не в типе станков и не в соединении одного с другим. Дело в структуре социума и, в каком-то смысле, в антропологическом изменении, порожденных этой новой структурой.

Дело также в том, что переход к обществу знаний может быть осуществлен на основе разных социогуманитарных принципов и антропологии. А также на основе разных метафизик и так далее. И что сейчас идет борьба за то, какие принципы возобладают. Если возобладают одни принципы, то на земле будет построен очень продвинутый и тонко организованный ад. А значит, надо, чтобы возобладали другие принципы. Но для того, чтобы они возобладали, необходимо, причем немедленно, дезавуировать монолитность того, что именуется обществом и экономикой знания. Необходимо показать, что под оболочкой одного понятия кроется несколько разных обществ и разных экономик.

Но как это сделать, если скомпрометированы беспощадно справедливые построения, связанные с безальтернативной спасительностью двух одновременно воплощаемых фундаментальных идей – идеи нового гуманизма и идеи нового человека?

Как это сделать, если ложные и ни на чем не основанные запреты на построения «рая на земле» открывают дорогу к построению на земле полномасштабного трансгуманистического ада? Очень продвинутого ада, именующего себя то обществом знаний, то постчеловеческим обществом?

Как это сделать, если обычное человеческое общество и впрямь оказывается несостоятельным перед лицом новых вызовов и единственной альтернативой обществу, основанному на формуле «постчеловек плюс трансгуманизм», является общество, основанное на формуле «новый человек плюс новый гуманизм»?

Недостаточность в том, что касается феноменологии будущего, сочетается с недостаточностью в том, что касается феноменологии настоящего. Оставим даже в стороне вопрос о постсоветском регрессе, хотя он-то является основным. И все же рассмотрим более частный, но тоже крайне важный (а главное – совсем очевидный) вопрос о том, какую страну мы строим. Ведь не можем же одновременно строить, образно говоря, страну как телегу, страну как автомобиль и страну как самолет!

Страна как телега – это великая энергетическая держава, заявку на построение которой мы еще недавно делали.

Можно подробно описывать то, какой замечательной будет эта телега. И почему телега – лучший вид транспорта. Но нельзя не отдавать себе отчет в том, что великая энергетическая держава – это телега. С колесами из титана, нановожжами, биотехнологической лошады и так далее. А также с термоядерным пулеметом («эх, тачанка-ростовчанка» и так далее).

Страна как автомобиль – это страна по Дискину.

Развернуто спорить по поводу реализуемости его модели модернизации – значило бы фактически изменить взятым на себя исследовательским обязательствам. Поэтому, еще раз зафиксировав свои симпатии по отношению к подобной модели (ну, кому не хочется жить при модернизации, свободе, модернизироваться, не отказываясь от социального и иного комфорта), я еще раз выражу и сомнения в осуществимости подобной модели.

А дальше перейду к главному. К тому, что даже если эта модернизация будет осуществлена и все позитивы, предложенные Дискиным, реализованы, то это все равно будет «автомобиль», а не «самолет».

Может быть, это будет «Ауди». Может быть, даже «Феррари». А может быть, благие намерения осуществить сверхмягкую модернизацию превратят имеющуюся «телегу» в груды утильсырья. И кто-то потом этим утильсырьем полакомится, отделив титановые колеса от термоядерного пулемета, а нановожжи от биолошади. Но «самолета» не будет при любом раскладе. А уж «космического корабля» – тем более. Поскольку никогда до конца не знаешь, кто в какой степени понимает метафорический язык, то оговорю для тех, кто не понимает: «телега», «автомобиль», «самолет», «космический корабль» – это в данном случае не названия изделий, а метафоры, с помощью которых я фиксирую наличие качественно разных цивилизационно-технологических уровней и систем.

Зафиксировав же, утверждаю, что при самом благоприятном варианте, который вовсе не гарантирован (а по мне, так и невозможен), страна-мечта, которую описал Дискин в своей книге «Прорыв» в виде продукта предлагаемой им мягкой модернизации, – это именно «автомобиль», и не более. И все понимают, что это будет «автомобиль». В том числе и сам Дискин.

Вывести «телегу» на уровень «самолета» или, тем более, «космического корабля» может только мобилизационный прорыв. Приношу извинения Иосифу Дискину по поводу того, что все время противопоставляю мобилизационный прорыв – его прорыву, в котором нет места мобилизации. Но надо как-то преодолевать эту семантическую неоднозначность, имеющую весьма серьезные стратегические последствия.

И только потому я еще раз спрашиваю: почему мечту об «автомобиле» (мягкая модернизация) надо называть мечтой, как минимум, о «сверхзвуковом самолете» (прорыв)? Понимаю, что мечта о мягкой модернизации и «автомобиле» обусловлена множеством социальных и политических причин. Но, увы, эта мечта с опозданием на столетие.

Страна как самолет – это общество знаний.

Вроде бы, Путин и Медведев говорят об этом. Но вынужден оговорить – если на успешность сверхмягких способов проведения модернизации (создания «автомобиля» по Дискину) есть хоть какие-то шансы – например, одна тысячная, то на успешность сверхмягких способов формирования КАЧЕСТВЕННО НОВЫХ технологических укладов (создания «самолета», «космического корабля» etc.) ШАНСОВ НЕТ ВООБЩЕ НИКАКИХ.

А главное – что же все-таки мы хотим строить? Все сразу строить невозможно по множеству причин. Нельзя согласовать приоритеты и нормы, нельзя распределить ресурсы, нельзя согласовать и интересы, в конце концов. А уж ценности-то и подавно. Нельзя согласовать институциональные преобразования, социальные опоры. А значит, и политические конструкции. Строить всё сразу – это значит не строить ничего, но говорить обо всем. Потом изумляться: «Как это так? Говорим много лет, а ничего не получается!» И снова говорить обо всем.

Но ведь пока говорится обо всем и ничего не строится – накапливаются издержки регресса. В итоге они разрушат страну и власть. Причем не в каком-то там исторически обозримом будущем, а очень и очень скоро.

Я уже обратил внимание на то, что страна-телега, страна-автомобиль и страна-самолет – это разные социумы. В каждом из этих трех социумов политика реализуется в соответствии с их социальной (классики сказали бы «укладной» или даже «формационной») спецификой.

В великой энергетической державе (она же страна-телега) политика реализуется с опорой на сырьевой, низкотехнологический капитал.

В модернизированной стране (страна-автомобиль) политика реализуется с опорой на высокотехнологический (а не сырьевой) капитал.

В стране, чье общество является обществом знаний (страна-самолет), политика реализуется с опорой на посткапиталистические группы (меритократию, нетократию, какую-нибудь другую – кранию, коих до и больше, в зависимости от варианта общества знаний).

На что собираются опираться наши политики? Собираются ли они, переводя страну из одного качества в другое, менять опорные группы? Ведь даже умеренный и прагматичный Иосиф Дискин все-таки напоминает им о том, что в какой-то форме это придется сделать.

Нет смены политической стратегии без переноса политической опоры с одной группы на другую. И нельзя перенести политическую опору с одной группы на другую без того, что называется «политическая борьба». Можно, конечно, раздавать всем сестрам по серьгам, но тогда не надо изумляться, если вдруг под мечту о самолете у тебя развалится телега.

На какую группу собирается опереться Дмитрий Медведев?

В анализируемых нами текстах есть ответ на этот вопрос. Причем достаточно внятный.

Уже после 10 декабря 2007 года, когда он был выдвинут в президенты, Д. Медведев выступает на 11 Гражданском форуме «Роль гражданских инициатив в развитии России в XXI веке». Это происходит 22 января 2008 года. Гражданский форум в качестве площадки выбран не случайно. Что же до самого выступления, то там Д.Медведев включает тему развития в то, что постмодернисты назвали бы трансметатическим конфигуратором, в котором находится место и для совершенно других тем.

В своем выступлении на II Гражданском форуме Д.Медведев, в частности, говорит: *«Полностью согласен с нашим президентом, который сказал, что лимит на революции и гражданские распри Россия исчерпала в прошлом веке... Главное для развития нашей страны – это продолжение спокойного и стабильного развития. Необходимы просто десятилетия стабильного развития. То, чего наша страна была лишена в двадцатом столетии. Десятилетия нормальной жизни и целенаправленной работы».*

А дальше Медведев заявляет нечто, никак не совпадающее с его, годичной давности, статьей, где говорилось о переходе ОТ стабильности К развитию. Теперь он говорит: *«По сути, ведь все, что делалось в стране в последние восемь лет, имело целью дать России длительную перспективу успешного развития».* Медведев, правда, оставляет некий зазор, заявляя, что делавшееся имело целью не РАЗВИВАТЬ, а ДАТЬ ПЕРСПЕКТИВУ РАЗВИТИЯ. Можно потом сказать, что делавшееся было фантастически нужной стабилизацией. А теперь наступает новая фаза – фаза развития. А значит, нужны новые кадры, новый курс и так далее.

Но, в любом случае, Медведев января 2007 года менее осторожен, чем Медведев января 2008 года. Хотя политическая логика и логика интриги должны бы были продиктовать обратное.

Тут важно, что Д.Медведев выступает на II Гражданском форуме почти вплотную к выступлению В.Путина на расширенном Госсовете. Эти выступления отделяет чуть более двух недель (22 января – Форум, 8 февраля – Госсовет). Путинское выступление на госсовете при этом аллегорически можно соотнести со строчкой из «Евгения Онегина»: «Мое! – сказал Евгений грозно». Что можно еще по этому поводу сказать? Что сказано, конечно, грозно... но поздно.

Ибо после выступления Путина со своей стратегией развития на этом самом Госсовете Медведев выступает в Красноярске на V Экономическом форуме. Это происходит через неделю после Госсовета, 15 февраля 2008 года. Медведев говорит: *«Часто в нашей истории бывало так, что, как только страна, что называется, "расправляла крылья", мы безответственно втягивались в военные конфликты. Или на нас обрушивалась революция. Но история все-таки нас чему-то учит. В частности, тому, что нельзя быть безразличным к своему будущему и сегодня для нас крайне важно стабильное поступательное развитие».*

Налицо опять же трансконфигуратор (любимое детище постмодернизма). Развитие становится и стабильным, поступательным, и отторгающим революционность, и несочетаемым с втягиванием в конфликты, и покаянно обучающимся на уроках истории... Как обучающимся, чему? Мы безответственно втягивались в военные конфликты? В конфликт под названием «война с фашистской Германией» мы не втягивались. Мы этого конфликта, как могли, избегали. И нас потом за это так полоскали, что дальше некуда. Мол, «преступный пакт Молотова–Риббентропа». Не мы втянулись в конфликт с фашистской Германией. Фашистская Германия напала на нас без объявления войны 22 июня 1941 года. И что нам было делать? Чему тут нас должен научить наш горький исторический опыт?

Значит, речь идет не о Второй мировой войне, а о Первой. Царь Николай II допускал много ошибок. Но мог ли он не участвовать на чей-то стороне в Первой мировой войне? Он мог участвовать на другой стороне, но, как мы понимаем, у него были веские основания оказаться на этой.

В любом случае, мировые войны не позволяют такой стране, как наша, избежать втягивания. Тогда о каких конфликтах речь? Кто, когда, во что втянул страну, остановив развитие? А ну, как это и не Сталин, и не Николай II, а кто-то другой, более прочно соседствующий с автором высказывания? Да и вообще... Это говорится с оглядкой на далекое прошлое? Или в скрытой полемике с той же Мюнхенской речью Путина?

А еще Медведев говорит о том, что *«на нас обрушивались революции».* Что значит «обрушивались»? Революции – это не стихийные бедствия и не заговоры смутьянов. Это объективные исторические неприятности, вызванные объективными же причинами? В разговор о развитии оказывается вписанной определенная философия, согласно которой ответственное правление может обеспечить «невтягивание» и бесконфликтность. Что это за философия? Или, точнее, чья это философия? Первичный анализ не позволяет нам расшифровывать подобные неявные философемы. Для их расшифровки понадобятся другие методы, которые мы позже применим. Но зафиксировать наличие неявных философем мы обязаны уже на этом этапе.

27 февраля 2008 года на встрече с избирателями в Нижнем Новгороде Медведев повторяет, по сути, те же положения, которые высказаны ранее. *«...Хочется, чтобы все-таки хоть какая-то передышка была»... «...Нам нужны десятилетия стабильного развития».* Он также все определеннее говорит, что его курс – это курс Путина. И что базовые принципы нашего развития были заложены в истекшие 8 лет. Хотя формулировка «были заложены» сознательно размыта (заложены – не значит реализованы), видно, что Д.Медведев в какой-то степени чем-то или кем-то побуждаем к признанию того, что «развитие» – это не его личная, а унаследованная им от Путина тема.

Что или кто побуждает Медведева к этому – не до конца ясно. С одной стороны, Медведеву из предвыборных соображений нужно всячески подчеркивать свою преемственность. С другой стороны, такой ход может быть продиктован и другими, собственно политическими, а не предвыборными, основаниями. Для того, чтобы во всем этом разобраться, надо взять короткий тайм-аут в том, что касается первичного анализа медведевских высказываний, и того, что их самым непосредственным образом обрамляет.

От первичного анализа нам надо теперь сделать шаг в сторону анализа сравнительно-исторического. И понять, в какой степени и почему тема развития была в течение очень долгого времени абсолютно маргинализирована, превращена в концептуального и политического изгоя.

Глава II. От первичного политического анализа – к анализу сравнительно-историческому

Прежде всего, необходимо указать, что на почти всем путинском этапе жизни нашей страны (конкретно – с 2000 по 2007 год) развитие не выдвигалось в качестве высшего стратегического приоритета.

Тем более это не являлось приоритетным при Ельцине (1991–2000 годы).

А также, если можно так выразиться, при «позднем Горбачеве» (1988–1991 годы).

Для Ельцина реальным приоритетом было построение в России капитализма. О чем говорил Ельцин – вопрос отдельный... О чем он только не говорил... Но делал он именно это, причем с лихорадочной поспешностью. Считал ли Ельцин подобную задачу своей миссией?.. Осуществлял ли это он лишь в целях выживания? Сплетались ли в его сознании причудливым образом капитализм как шкурный многовекторный интерес (нечто самому «прихватить», сделать определенный круг подельниками и получить его поддержку и т.д.) и капитализм как идеал, который он и только он может воплотить в жизнь... В любом случае, Ельцин делал это и только это (освобождение цен, ваучеры, залоговые аукционы)... Да, он еще и политически выживал в сложнейших условиях... Но выживали – и до него, и после. Условия, наверное, были у него потяжелее, чем у других... И все же выживание – это константа, которую надо вычитать из спектра целей, характеризующих политика.

Ельцин делал новый «базис». «Надстройку» же сознательно недооформлял, понимая или чувствуя, что, будучи быстро и окончательно оформленной, она сожрет базис. Конечно, его Конституция, оформившая контур этой самой «надстройки», имела колоссальное значение для удержания хоть и специфической, но государственности. Но этим Ельцин занимался как бы походя. Он на обломках СССР и социализма советского образца взращивал новый базис. И мы установили, что это за базис. Это криминальный капитализм.

Разговоры по поводу того, что Ельцин развел бардак, недостойны политически мыслящего человека. Новые базисы создают гении. Ельцин и был своеобразным гением. То, что он был пьющим гением, гением хамски разнузданным и строящим все на произволе и лжи – тоже не основное. Гении – не пайныки. Ельцин построил тот базис, который был запланирован. Базис был построен за счет запуска регресса и стократно усилил породившее его регрессивное начало. Построив базис, Ельцин сделал свое дело. И предложил Владимиру Путину заняться надстройкой.

Надстройка должна была служить базису. Но, как это часто бывает в истории, ее отношения с базисом оказались гораздо сложнее. Путин не разгромил базис, да и вряд ли он или кто-то другой мог выполнить нечто подобное. Но он и не «лег под базис», как надеялись «люди Ельцина». Он сложно маневрировал, и выстроенная им надстройка оказалась и средством обеспечения базиса, и его очень мягкой проблематизацией. Отсюда – то крики об ужасных 90-х годах, то чуть ли не почитание Ельцина. Отсюда же – и многое другое. То, что можно назвать последовательной непоследовательностью проводимого Путиным политического курса.

Надстройка, выстроенная Путиным, в существенной степени является слепком с базиса. Но если бы надстройка не была организована и предъявлена в виде пресловутой «вертикали власти», то не было бы уже ничего. Ни государства, ни общества.

Впрочем, не этот вопрос имеет для нас приоритетное значение.

Нам важно, что Ельцин с 1991 по 2000 год занимался не развитием, а построением базиса. И о развитии не говорил. Разве что по принципу, мол, когда построим базис и «заработают дремлющие силы рынка», то мало не покажется. И развиваться мы начнем сверхбыстрыми темпами. Но это говорилось совсем уж походя. И не развиваться призывали, а строить любой капитализм. Какой получится. Хоть бы и пиночетовский, то бишь латиноамериканский. А что еще может сказать о себе бандитский уклад, расстреливающий из пушек свой законно избранный законодательный орган? Израиль может так расстрелять свой Кнессет? США – конгресс и сенат? Такое вообще возможно в конце XX века иначе как в качестве визитной карточки этого самого криминального капитализма?

Но это было сделано. И этому аплодировали.

Путин, повторим еще раз, большую часть своего президентства (с 2000 по 2007 год) занимался не развитием, а отладкой надстройки и ее отношениями с базисом. Он усмирлял сепаратистов (в чем, на мой взгляд, его безусловное историческое достижение), освобождался от несовместимых с надстройкой элементов существующего базиса (но не от базиса как такового). Он накапливал золотовалютные резервы, наводил порядок.

Ельцин – это «рынок любой ценой». Путин – это «стабильность».

Итак, с 1991 по 2007 год – 16 лет – развитие поминали разве что походя. А на самом деле о нем и вовсе забыли по причине наличия более важных и серьезных забот. Но и при позднем Горбачеве – с 1988 по 1991 год – было о чем говорить, кроме развития.

То есть о развитии заговорили после двадцатилетнего молчания. Вы вдумайтесь! Двадцатилетнего!!!

Его не осуществлять начали! Да и можно ли его осуществлять в ситуации регресса и с опорой на криминально-капиталистический базис и сырьевой тип экономики? Но о нем заговорили. На высшем уровне и с острейшим политическим подтекстом. Так неужели же этот разговор не заслуживает нашего внимания?

Вообразите себе ученого, наблюдающего за каким-либо процессом. Каким именно? Да любым!

В обсерваториях год за годом наблюдают одни процессы, на метеостанциях – другие, на сейсмостанциях – третьи... И так далее... Короче, наблюдает ученый процесс... Регистрирует... Год наблюдает, два... Десять лет, пятнадцать... Пользуется он при этом многоканальным самописцем. И за годы наблюдений привыкает к тому, что на всех каналах, кроме одного, – сложные кривые. То положительные отклонения, то отрицательные, то пульсации, то гладкие синусоиды.

А на одном канале – все время прямая линия.

По три раза в день подходит ученый к многоканальному самописцу. И – все время на всех каналах есть разные загогулины,

а на одном – прямая линия, параллельная оси абсцисс. Ученый проверяет: может, датчик сломался? Нет, все в порядке. Он меняет чувствительность канала... все та же прямая линия... 365 дней в году... 1095 подходов к самописцу в год... Пять лет – прямая линия на этом канале... Десять лет... Пятнадцать... Ученый уже и не ждет ничего от этого канала... Он бы давно его отключил, но... Отсутствие пульсации – это тоже необходимый научный факт.

А однажды он подходит к самописцу, а там... На этом самом мертвом канале – такая свистопляска! Пульсация за пульсацией! Как поведет себя в этом случае метеоролог или сейсмолог – понятно. А политолог? Наш, отечественный? Ваш покорный слуга, к примеру? Начнет он привлекать внимание к пульсациям на ранее мертвом канале, ему скажут: «Канал этот регистрирует – что? Развитие! В России же – а канал-то ваш к российским датчикам подключен – развития нет. Вы же сами это подробнее других показали. Канал-то потому и мертвый, что развития нет. А есть регресс. Вами же, между прочим, впервые замеренный и описанный. Ваша пульсация отражает – что? Не развитие, а слова о развитии».

Начну я возражать... Говорить, что у Гора, например, тоже ведь только слова о развитии (кстати, устойчивом). В ответ скажут: «Гор живет в США. Там нет регресса. И в каком-то смысле там есть развитие. А поскольку оно есть, то слова перетекают как-то в дела. Может быть, не ахти как, но перетекают... Не по принципу «сказано – сделано», а иначе... Но все-таки... Потому что дело развития впитывает слова о развитии, как почва воду. А потом на этой почве что-то произрастает. Там почва есть в виде "дела развития". А тут ее нет и в помине. И потому слова – пусты. Вы хотите изучать слова, оторванные от дел? Зачем?»

Я резонно замечу, что уже приведенный выше контент-анализ показывает бессмысленность аналитики высказываний по поводу развития. Что эти высказывания нечто раскрывают в борьбе элит... Смысл преемственности... Ролевая игра... Политическая борьба... Необходимость выхода за рамки столь любимой прагматики...

Меня иронически поддержат: «Вот-вот! Элиты... Игры... Этим и занимайтесь! Хлеб – это не продукт питания, а тяжелый предмет, который можно использовать как камень... особенно если хлеб – черствый... А бутылка, если ее правильным образом разбить, вполне может сгодиться как оружие... Хуже, чем финка, и гораздо хуже, чем пистолет, но все-таки... Лучше бы, чтобы бутылка была пустая, хотя... Если в ней масло, разлить и его так, как это сделала знаменитая Аннушка!»

Спор, как вы понимаете, приобретает крайне острый характер. Ибо речь начинает идти о соотношении предмета и метода.

«А вы хотите, – возражаю я, – чтобы политическая теория развития оказалась оторвана от политической практики, от политики вообще, от реальности?»

«Но вам же нужна теория развития, – отвечают мне, – а реальность, практика ортогональны развитию. Они – как вы понимаете – регрессивны. Обращаясь к реальности, вы вводите в свою "музыку" тему регресса. А потом вы в нее же вводите тему развития, то есть "тему-антагониста"».

«Ну, и что, – парирую я. – Это называется драматизация... антагонист и протагонист. На языке музыки – контрапункт».

«Драматизация – это когда одно лицо является антагонистом, а другое – протагонистом. А в условиях ролевой путаницы это...»

«Согласен, – прерываю я. – Психодрама...»

«Вы уж скажите прямо – дурдом...»

Оппонент мой иронически цитирует Александра Трифоновича Твардовского:

Это вроде как машина

Скорой помощи идет:

Сама режет, сама давит,

Сама помощь подает.

«Нельзя изъять реальность из политической теории, – отвечаю я. – Да и из любой теории вообще».

«Теория блага должна сплестись с реальностью ада», – издевается оппонент.

«Если хотите – да! Коль скоро вы из ада выводите собрались. А иначе – зачем теория?»

«Мир объясняют не потому, что его хотят изменить. Его просто объясняют и все».

«Мир и реальность – не одно и то же».

«О чем это вы? О Боге?»

«Нет! О смысле... Об идеале».

«Вы этим хотите верить высказывания, произвольным образом сконструированные и продиктованные, как сами вы показали, вовсе не идеальными побуждениями?»

«Если текст имеет аутентичный смысл...»

«Аутентичный смысл – свойство органических текстов, а не политехноструктов...»

«Повторяю, если текст имеет аутентичный, не зависящий от намерений и обстоятельств смысл, то есть одна возможность этот смысл обнаружить! Текст окунуть в реальность!»

«И – без остатка в ней растворить?» «Смысл без остатка не растворяется. И существует вне зависимости от всех привходящих обстоятельств». «А есть он, этот смысл?»

«Если есть, то обнаружит его только погружение в реальность». «А если его нет?..»

«Когда увидим, что нет, тогда и будем решать, что делать. Я вот уверен, что смысл есть! Вполне возможно, что совсем не тот, который тексту предписан. Но только такой, непредписанный, несконструированный, смысл и заслуживает внимания. Я, как исследователь...»

«Исследователь чего? Текста? Реальности?..»

«Я, как исследователь, обязан не противопоставлять текст реальности, не изучать текст отдельно от нее и не выводить текст из реальности. Я обязан погрузить текст (такой, каков он есть) в реальность (такую, какова она есть) и наблюдать процесс взаимодействия двух вышеназванных компонентов. Исследовать эту химическую реакцию».

«Ну-ну!»

Глава III. От сравнительно-исторического анализа – к аналитической герменевтике

Получив вместо напутствия это ироническое «ну-ну», я стал еще внимательнее заниматься текстами Путина и Медведева, посвященными теме развития. Но уже не как фактологическими частностями, а как смысловыми единицами, требующими для своего прочтения герменевтического метода. То бишь расшифровки. Для того, чтобы заниматься расшифровкой, нужны ракурсы, они же основания. Ты должен взглянуть на тексты с помощью нескольких, так сказать, смысловых призм (ракурсов). Тогда и только тогда возникает смысловой объем, в рамках которого прочтение текста теряет линейно-структуралистский, то есть заведомо частично-фактологический, характер. И приобретает характер совсем другой. Но каковы же эти призмы, они же ракурсы, основания?

Мне представляется, что они таковы.

Основание №1. После двадцатилетнего молчания на данную тему высшие политические руководители страны вдруг начали высказываться – согласованно и подробно – именно на эту, фактически затабуированную ранее, тему. Может это быть случайным? Я утверждаю, что не может. В любом случае, согласитесь, нельзя дать окончательный ответ на вопрос, «может или не может», не анализируя подробно тексты Путина и Медведева, посвященные теме развития.

Основание №2. А вдруг речь идет не только о словах, но и о попытке что-то осуществить? В отличие от многих, я вовсе не склонен демонизировать этих высших политических руководителей и просто обязан предположить, что они не только высказываются на данную тему (осуществляют пиар), но и стремятся что-то реализовать. Обратите внимание, я не утверждаю, что они непременно собираются что-то реализовать. Я только говорю о том, что рассмотрение наряду с прочими и этой гипотезы, гипотезы о связи высказываний с реальностью, обязательно, коль скоро речь идет не о заказной демонизации данных фигур, а об объективном рассмотрении всех возможных сценариев их политического поведения.

Оговорю дополнительно, что если высказывания наших высших руководителей на тему развития как-то связаны с предстоящим политическим действием (реализацией проекта развития), то, каков бы ни был тот проект, в рамках которого будут осуществляться эти действия, ничто не будет так ненавистно врагам России, как этот проект. Потому что России уже предписано не только не развиваться, но и, наоборот, деградировать.

Основание №3. Даже если речь идет только о высказываниях, а не о действиях, то масштаб высказывающихся фигур превращает их высказывания в факт большой политики. Ответить окончательно на вопрос о том, сколь масштабны мотивы, требующие от них таких высказываний, мы можем только проанализировав подробно высказывания (да и не только их). Но, как мне кажется, ни у кого не вызывает сомнения, что фигуры такого ранга не высказываются совсем уж с бухты-барахты на произвольную тему. Причем по многу раз. Так что же произошло? Ну, пусть произошедшее не имеет отношения к всеобъемлющему мобилизационному проекту «Развитие»... Точнее, либо произошедшее имеет к этому отношение, либо нет. Если имеет – понятно, почему это важно. Но если не имеет, то это не менее важно. Потому что, не имея отношения к проекту «Развитие», это к чему-то должно иметь отношение. И очень важно определить, к чему именно.

Ответ на этот вопрос обязателен для каждого, кто хочет что-то понимать в российской политике.

Основание №4. Благими помыслами бывает вымощена дорога в ад. Нельзя считать, что всегда и во всех случаях это так. Но когда-то это может быть и так. Кроме того, кто-то может попытаться так извратить благие помыслы (или частные политические мотивы), чтобы дорога вела именно в ад. При Горбачеве дорога развития (противопоставленная болоту брежневской застойной стабильности) привела в ад перестройки сотни миллионов людей. Где гарантии, что новая игра с развитием не повторит перестроечную? Что со временем кто-то не захочет противопоставить Путину как «римейку» Брежнева – Медведева как «римейк» Горбачева? Нет таких гарантий! Нет и не может быть! Поэтому интерес к высказываниям и действиям обязан сочетать в себе веру в позитив с рефлексией на возможный негатив.

Так что негоже фыркать – мол, кто-то снова взялся изучать под лупой высказывания руководителей партии и правительства. Из каких отстойников древнего диссидентства взяты напрокат запреты на изучение текстов политических лидеров своей страны? Тут весь вопрос в том, как изучать.

Теперь мы можем их изучать не только структуралистски, но и герменевтически. А это серьезно помогает решению поставленной нами основной задачи – выявлению связей между этими, все равно сугубо частными, текстами и общими проблемами развития.

Поверьте, я совершенно не собираюсь заикливаться на текстах, читая их структуралистски, герменевтически или как-то иначе. Я понимаю, что на следующем этапе придется перейти от текстов к контексту, а от контекстов к чему-то большему. И все же предлагаю набраться терпения. И завершить (теперь уже иное, более объемное) рассмотрение текстов. Пусть это станет отправным пунктом. А куда приведет нас начавшаяся с такого отправного пункта дорога, размышлять рано. Надо отправной пункт сначала отработать как следует.

22 января 2008 года. В Центральном выставочном зале «Манеж» (Москва, Манежная площадь, д.1) открывается II Гражданский форум «Роль гражданских инициатив в развитии России в XXI веке», организованный Общественной палатой Российской Федерации. На Форуме выступает кандидат в президенты России, первый вице-премьер РФ Дмитрий Медведев. И говорит следующее:

«Наше общество рождалось в болезненных, противоречивых событиях последних двух десятилетий. Но то, что оно сегодня является важным элементом политической жизни, это неоспоримый факт. Более того, структурированное гражданское общество – сейчас проходит процесс его оформления – уже имеется. И в дальнейшем, это самое главное, должно стать итогом нашего стабильного и цивилизованного развития».

Итак, «болезненные, противоречивые события последних двух десятилетий»... Последних двух десятилетий... Неслабо? Два последних десятилетия (условно – с 1988 по 2008 год) рассматриваются как единое целое, причем болезненно

противоречивое целое. Обратите внимание — речь здесь идет явным образом не о проклятых десятилетиях коммунистического абсурда. Хотя бы потому, что этих десятилетий не два, а больше. Да и вообще речь явно о другом. О двух последних десятилетиях. Но сказать о двух последних десятилетиях можно только если ввести в разряд «болезненно противоречивых» лет весь путинский период...

Скептик воскликнет: «Ах, опять это чтение между строк!»

Во-первых, не между строк.

А во-вторых, любую политическую речь читают именно таким образом. Если, конечно, в ней хотят что-то понять. А не дежурно умилиться или дежурно же высказать свое «фе».

А в-третьих, я отнюдь не собираюсь ограничивать свой анализ подобными собственно политическими частностями.

Обычный политический смысл важен для меня лишь постольку, поскольку он позволяет осуществить полномасштабную герменевтику всех неочевидных сюжетов, связанных с появившейся вдруг на свет божий темой развития.

Есть ли в приведенном мною выше тексте другой — более масштабный — смысл? Безусловно! Эмоциональный, а в общем-то, и экзистенциальный смысл приведенного мною текста очевиден.

Прежде всего, в тексте зафиксировано, что последние два десятилетия — это эпоха с сильным привкусом негатива.

Кроме того, указано, что негатив этот не исчерпывает содержание данного отрезка времени. И потому к эпитету «болезненные» добавлен эпитет «противоречивые». Иначе было бы сказано просто «болезненные». Или «мрачные и болезненные», мало ли как еще. Но эпитет «болезненные» перекрывает эпитет «противоречивые». Да и «противоречивые» при такой склейке читается как «плохие».

Итак, эти десятилетия для автора рассматриваемого мною предвыборного выступления оправданно плохие. А для меня — неоправданно плохие. Но чем же оправдывает их негатив автор?

Тем, что эти плохие десятилетия сформировали некое благо — гражданское общество. Я-то ничего подобного не вижу. По мне, так криминалитет полностью съел это самое гражданское общество. Но меня сейчас должно интересовать прежде всего мнение автора. И, что еще важнее, экзистенциальный, эмоциональный и, по возможности, философский смысл, который автор в свое предвыборное высказывание закладывает. Есть ли такой смысл? Да, безусловно! И он, как мне кажется, достаточно очевиден. «Зима тревоги нашей позади. К нам с солнцем Йорка лето возвратилось» (Шекспир). Болезненность — позади, в прошлых десятилетиях. Впереди — освобожденное от болезненности гражданское общество.

Да, говорит автор, это общество рождалось в болезненных и противоречивых муках (как не вспомнить о «повивальной бабке истории», «родовых муках», сопровождающих приход нового, и так далее). Но ведь оно рождалось! И — родилось. Муки позади. Впереди, заявляет автор, стабильное и цивилизованное (очень важное слово — цивилизованное) развитие. Возможное во многом благодаря болезненному и противоречивому процессу, чьим позитивом является именно структурирование гражданского общества.

Я уже приводил еще одну цитату из выступления Д.Медведева на этом же форуме. Ту, в которой он говорит, что согласен с В.Путиным в том, что Россия исчерпала в прошлом веке лимит на революцию и гражданские распри.

Мне представляется важным напомнить читателю, что еще до В.Путина (и соглашающегося с его формулой Д.Медведева) об исчерпанных Россией в прошлом веке лимитах на революцию и гражданские распри сказал руководитель КПРФ Г.Зюганов. Помнится, шел 1995 год... Первая чеченская война... Колоссальная социальная напряженность, масштабнейшая распря де-факто. И тут на тебе — лимиты на революцию и гражданские распри исчерпаны. А рядом (в исполнении Зюганова, разумеется) заявление о «верности учению Маркса–Ленина». Как можно сочетать учение Маркса, да еще и Ленина, с «лимитом на революцию», не понял никто. Но звучало солидно. И должно было понравиться хозяйственному активу. Лимиты, квоты... И чтоб того... «Чтоб базара не было»... А рынок, напротив, был. И, видимо, сам себя развивал. При чем — устойчиво!

Разумеется, Путин и Медведев не должны верить Марксом и Лениным свои представления о реальном и должном. Они не клялись, в отличие от Зюганова, в «верности марксизму-ленинизму» через несколько лет после демонтажа оногo. И почему они должны любить революции, считать их проводниками исторического промысла? Первый президент Веймарской республики социал-демократ Фридрих Эберт сказал, что «революция ему ненавистна, как грех». Ему можно, а Путину и Медведеву нельзя?

Впрочем, не в том дело, можно или нельзя. Дело в том, что реально и что желательно. О реальном не говорится. Ведь и Зюгановская реприза по поводу лимитов имеет именно этот смысл: уйти от реального к желаемому. Вы собираетесь на прогулку... Перед этим несколько дней шел проливной дождь. Вы говорите; «Природа исчерпала лимиты на дождь!» Что это значит? Что вам хотелось бы осуществить прогулку при солнечной и сухой погоде. Но есть же еще метеосводки! И мало ли как удудит природа! Метеосводки — это прогноз реальности (прогноз погоды, в данном случае). А кроме прогноза, есть данность... Дождь начинает накрапывать, а вы говорите, что лимиты на дождь исчерпаны. Что это значит? Что вы как бы восклицаете: «Чур меня! Сгинь!»

Сгинь, болезненность, прииди цивилизованное и стабильное развитие! Сгинь, революционаризм, прииди устойчивое развитие!

А вот фрагмент из выступления Д.Медведева 27 февраля 2008 года на встрече с избирателями в Нижнем Новгороде: «...сделать страну сильной, крепкой, с которой бы считались, которая бы развивалась и где жить было бы не стыдно, а комфортно». То есть еще и — сгинь, дискомфорт! Прииди — комфорт.

Мы видим, что негативы — это болезненность и революционаризм. А позитивы — это ЦИВИЛИЗОВАННОЕ и устойчивое развитие плюс комфорт, без которого жить... не неудобно, а стыдно.

Раз нестыдно, а комфортно, значит — логически, грамматически и по-всякому — стыдно жить некомфортно. А как иначе-то?

Итак, сгинь — стресс! Вперед — к бесстрессовому обществу. Но только не статичному (тогда главное — стабильность, а это прошлое, это Путин), а динамическому (тогда главное — развитие, а это будущее, это Медведев).

Бесстрессовое, динамичное (развивающееся, да еще и не абы как, а стабильно) общество... Вроде бы считалось, что развитие связано с напряжением, перенапряжением, преодолением пределов возможного. Тут предлагается нечто другое. То ли развитие – это комфорт, то есть отсутствие избытка напряжения... То ли для развития нужно оптимальное напряжение, но оно будет иметь комфортный, то есть щадящий, характер...

В любом случае, речь идет не о мобилизационном развитии, при котором «рви пупок, иначе хана», а о другом развитии, которое я бы назвал «гарнирным». Уже есть стабильность как кусок мяса, вполне съедобный и калорийный, но нужен еще гарнир в виде развития.

Спросят: «А вы что – мясо всегда кушаете без гарнира?»

Отвечаю: «Я очень люблю мясо с гарниром! И понимаю значение гарниров и соусов в кулинарии. Я только хочу знать, в чем уникальность нынешней ситуации, при которой я, как гражданин России, впервые за ее многовековую историю смогу спокойно лакомиться вкусным мясом с еще более вкусным гарниром. Ведь не может же эта уникальность быть связана с уникальностью пришедших к власти лиц и структур! У нее должны быть какие-то другие основания в российской и мировой реальности. Какие же?»

Д.Медведев отвечает и на этот вопрос в своем нижегородском выступлении от 27 февраля 2008 года. Основание, оказывается, в том, что Россия получит передышку. Причем весьма длительную. А почему это она ее получит? Медведев не объясняет, почему. Он просто говорит, что России она нужна. Поскольку в другом месте он говорит о том, что лимиты на все, что не есть передышка, исчерпаны, то это выглядит как магическое заклятие:

«Я прекрасно понимаю, насколько сейчас принципиальным для нашей страны является сохранение стабильности и преемственности в развитии. Ну, так мы этими революциями наелись, этой нестабильностью, падением уровня жизни, неустроенностью, что хочется, чтобы все-таки хоть какая-то передышка была. Я об этом неоднократно говорил и еще раз скажу: нам нужны десятилетия стабильного развития. Такая десятилетняя, многодесятилетняя передышка, которую получила Объединенная Европа после Второй мировой войны. Посмотрите, как они здорово за эти годы скакнули вперед – не потому, что они там уж какие-то умелые, а просто потому, что у них были нормальные человеческие условия для развития.

Ни с кем не воевали, не пытались перекраивать свою страну, не распадалась на части, не собирались снова, не делили имущество, а просто спокойно развивались в течение десятилетий. И нам нужно такой же период для себя создать».

Итак, основания для того, чтобы я, как гражданин России, мог вкушать и мясо стабильности, и гарнир развития – в том, что этого хочется Д.Медведеву. Он, как видите, так прямо и говорит: хочется, чтобы все-таки хоть какая-то передышка была. Это очень симпатичное для меня желание. Но что если, несмотря на это желание, передышки не будет? Что тогда?

Кроме того, стоит ли говорить о том, что в Европе «не пытались перекраивать свою страну» и потому там спокойно развивались в течение десятилетий? Разве Германия не была разделена? И что значит «не собирались снова»? Разве Германия не собралась снова?

Что значит «не воевали»? Блок НАТО не участвовал в холодной войне? Франция не воевала в Алжире? Да и насчет спокойствия... Не было событий 1968 года во Франции? Не было стратегии напряженности в Италии? Не было греческих «черных полковников»? Не бурлили Испания и Португалия?

Мне возражат: «Залогом от потрясений, гарантией стабильных десятилетий для России являются не благие пожелания Д.Медведева, не то, что ему так хочется, а то, что В.Путин и его команда, в которую входит Д.Медведев, завоевали для России некие возможности. И эти возможности обеспечивают то, что даже такой скептик, как вы, будет лакомиться и мясом стабильности, и гарниром развития».

Отвечаю.

Во-первых, так и надо говорить.

Во-вторых, завоевано нечто внутри страны. А есть еще общемировой процесс.

В-третьих, давайте не наклеивать ярлыки (кто скептик, а кто не скептик), а внимательно всматриваться в реальный процесс, идущий параллельно с теми комфортными, успокоительными долженствованиями, которыми избилуют рассмотренные нами тексты Д.А. Медведева.

Глава IV. От герменевтики – к анализу политического контекста

На II Гражданском форуме, напоминая, Д.А.Медведев выступал 22 января 2008 года. На нижегородской встрече с избирателями – 27 февраля 2008 года.

Попробуем всмотреться в то, что произошло несколько раньше. А значит, было хорошо известно и выступающему, и слушающим.

Выдвижение Д.Медведева состоялось 10 декабря 2007 года.

А уже 13 декабря 2007 года в газете «Коммерсант» была опубликована первая знаковая статья. Статья называлась «Россия и мир будут потрясены убийством Владимира Путина». Автор – собственный корреспондент газеты «Коммерсант» в Вашингтоне Дмитрий Сидоров.

В статье Сидорова рассказывалось о докладе группы высокостатусных американских кремленологов. В группу входили директор российской и евроазиатской программ Центра стратегических исследований Эндрю Качинс (в прошлом руководитель московского отделения Фонда Карнеги), бывший директор по России Совета по национальной безопасности Томас Грэм (занимавший в недавнем прошлом еще и высокие посты в администрации Буша-младшего), профессор международных отношений университета Джорджа Вашингтона Генри Хейл, старший эксперт Института мировой экономики Питерсона Андерс Аслунд и другие.

Доклад американских кремленологов был представлен Центром стратегических исследований. Тем самым центром, чьими российскими и евразийскими программами ведает один из авторов доклада Эндрю Качинс.

В статье Сидорова все внимание было сосредоточено на фрагменте доклада, который принадлежал перу Качинса. В этом фрагменте описывалось предстоящее убийство Владимира Путина. Причем в достаточно атипичном для политологии жанре. Прочитируем вслед за Сидоровым:

«Россия и мир будут потрясены убийством Владимира Путина на выходе из Храма Христа Спасителя после полуночной мессы 7 января 2008 года».

Мои сограждане, начитавшиеся разных захватских отечественных материалов, спросят: «Ну, и что?»

А то, что политология в США не имеет ничего общего с нынешней российской политологией. В США господствует достаточно жесткая жанровая регламентация. Именно жанровая! Политолог может рассматривать сценарии самого разного рода. В том числе и такие, в которых находится место теракту против главы государства. Но жанровая регламентация не позволяет автору ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО прогноза говорить: «Будет убит там-то тогда-то». Это может делать специалист другого профиля, имеющий оперативную информацию, или автор детектива.

Господин Качинс писал не детектив, а фрагмент политологического доклада. Ну, и?..

В любом случае, уже через три дня после выдвижения (всего лишь выдвижения!) Д.Медведева на роль главного кандидата в президенты от правящей элиты (и партии) первый раз возникла, и вполне нешуточным образом, тема убийства... Да, не Медведева, а Путина... Суть от этого не меняется. Выдвижение Медведева – и сразу тема политического убийства.

А дальше – тема стала тиражироваться. То Медведева могут убить в Белграде. То его должны убить «кадыровцы»... Ах, нет, не «кадыровцы», а «удуговцы»... Обвиняемые в подготовке силы откешивались и говорили: «Да, убьют! Но не мы, а наши конкуренты!» (Вспоминается, как покойный О. Квантришвили звонил журналистке Л. Кислинской и говорил: «Я чувствую, что с вами произойдет несчастье, но я в этом буду не виноват, о чем уже сообщил на имя прокурора Краснопресненского района».)

Российским высшим должностным лицам сулят несчастья. Значит ли это, что несчастья будут? Отнюдь нет. Надо ли обращать на это внимание? Вроде бы и не надо... Но...

Но все видели выход В.Путина и Д.Медведева к зрителям рок-концерта на Красной площади в день выборов. И все слышали, что после обращения к публике Д.Медведева В.Путин спросил собравшихся, дают ли они ему минуту. И сказал: «Выборы президента Российской Федерации СОСТОЯЛИСЬ».

Для меня подтекст этой фразы был однозначен: выборы могли не состояться, но состоялись. Ошибочна ли моя трактовка?

12 марта 2008 года директор ФСБ Н.Патрушев на заседании Национального Антитеррористического комитета (НАК) заявил о том, что российским спецслужбам удалось благодаря полученной информации предотвратить несколько терактов во время президентских выборов 2 марта («эти террористическо-диверсионные акты планировались бандитами для дестабилизации ситуации в стране»).

15 марта 2008 года на Ленте.ру выходит сообщение со ссылкой на газету «Твой день» о конкретно предотвращенном покушении на высших должностных лиц 2 марта 2008 года. Назван снайпер. Приведена карта, выделен сектор обстрела. Газета «Твой день» – вполне желтая и может написать что угодно. Но Лента.ру не будет воспроизводить все что угодно. А значит?..

А значит, смена лидерства в России происходила в тревожной обстановке. Можно сказать – беспрецедентно тревожной. И это надо зафиксировать в качестве исходного пункта нашего анализа. Тревожность эта – не пиар. Март – это уже после выборов. Когда не нужен тревожный пиар! Кроме того, в пиаре не участвуют лица ранга Патрушева или Путина.

К чему я так подробно все это излагаю? К тому, что в период, когда Д.Медведев выступал на II Гражданском форуме и перед нижегородскими избирателями, уже было понятно, что спокойствия нет как нет. И никакой передышки не будет. Что можно говорить о том, что она желательна. Но что желательность сама по себе, а реальность сама по себе. Я это не задним числом обнаруживаю. Я уже в марте 2008 года сказал об этом во всеуслышанье, ссылаясь именно на те факты, которые здесь привожу (смотри газета «Завтра» от 19 марта 2008 года).

Впрочем, дело совершенно не в том, что кто и когда сказал. А в том, что факты, говорящие о нестабильности, были. Они были известны всей политической элите страны и всему небезразличному к политике населению. Факты эти говорили о том, что покой нам только снится. Что на самом деле-то покоя этого уже нет и не будет. Что можно желать себе спокойных десятилетий. Но стоит ли?

Глава V. От политического контекста – к маячащим за ним аллегориям

15 февраля 2008 года Д.Медведев выступает в Красноярске на V Экономическом форуме и говорит: *«Часто в нашей истории бывало так, что, как только страна, что называется, расправляла крылья, мы безответственно втягивались в военные конфликты. Или на нас обрушивалась революция. Но история все-таки нас чему-то учит».*

Полностью поддерживаю желание нового президента России учиться на уроках истории. Как именно называются такие уроки? Исторические прецеденты.

Исторический прецедент (если хотите, то аллегория) – самый зыбкий из всех возможных. Возьмем для сравнения юридический прецедент. Он основан на сопоставлении ранее принятого решения с решением, которое предстоит принять. Ранее принятое решение давало оценку поступку или ситуации. При этом поступок или ситуация легко подвергаются схематизации. А схематизация легко параметризуется. Причем число параметров, вводимых в схематизацию, обычно не так уж и велико. А если параметров оказывается слишком много, то прецедентный подход существенно затрудняется.

Грубо говоря, неважно, высокого роста лицо, требующее юридической оценки, или низкого. Голубые у него глаза или

карие. Холерик оно или сангвиник. Важно, что оно совершило кражу. И другое лицо тоже совершило ранее сходную кражу в сходных, задаваемых немногочисленными параметрами условиях. И свод законов, на основе которых надо принять решение по отношению к этой краже, ничем не отличается от свода законов, на основе которого принималось прецедентное решение. А если что-то в законах и изменилось, то хорошо известно, что именно.

В истории прецедентность носит другой характер. История – это изменения, в том числе и качественные. Большевики пытались учиться на опыте якобинцев... Но поди-ка сопоставь Францию 1793 года и Россию 1918 года! Поди-ка установи исторические инварианты! Юридические – они лежат на ладони. А исторические?

Для Маркса они одни, для Тойнби – совсем другие. В явном виде эти инварианты вообще не заданы. Но поскольку автор высказывания адресует к исторической прецедентности (она же способность учиться на горьком историческом опыте), то необходимо найти некую зону, в которой историческая прецедентность наименее проблематична. Этой зоной являются политические высказывания исторических персонажей.

Кто из российских политических персонажей (и когда именно?) говорил нечто, сходное с настойчиво и неоднократно заявленным Д.Медведевым пожеланием «десятилетий спокойствия»? Кто выражал уверенность в их благотворности, чудодейственности? Установив это, мы начнем движение от контекстов и прецедентов к чему-то совсем зыбкому – к маячащим за прецедентностью и контекстуальностью аллегориям.

Выявление подобных аллегорий требует уже не структуралистского и не герменевтического метода, а чего-то большего. Художественно-аналитического синтеза. Давайте попробуем его осуществить, мобилизовав для этого уже не только логику, но и образное мышление.

Вообразим себе нечто наподобие химического (или алхимического) опыта. Опыта, в котором пожелания, высказанные Д.Медведевым, – это, образно говоря, кусок известняка. А реальность (как историческая, так и текущая) – это, опять же образно говоря, серная кислота.

И вот мы кидаем известняк медведевских пожеланий в серную кислоту реальности. Начинается бурная химическая реакция. Она порождает белую подвижную слизь. Слизь обретает причудливые формы и одновременно затвердевает. Проходит совсем немного времени, и мы видим три легко узнаваемые скульптуры: Столыпина, Сталина и Горбачева.

Известняк медведевских пожеланий тем самым не растворился в реальности без остатка, а, провзаимодействовав с ней, породил некий смысл. Смысл, который изначально присутствовал в исследуемых нами текстах. Причем не потому, что автор захотел его в них вложить, а пиарщики и спичрайтеры нечто, так сказать, «шлифанули».

Мне кажется, что таинство подобного смыслообразования (оно же – описанная мною аллегорическая химическая реакция) не сводится к рациональным намерениям автора, спичрайтеров, пиарщиков и кого бы то ни было еще. К моменту произнесения текстов Медведев уже оказался исторически обусловленной фигурой. И потому текст стал исторически же обусловленной ворожкой. В него вошло историческое начало, оно сплелось с личной и родовой памятью автора. С тем, что он слушал на лекциях и школьных уроках. С тем, что он знал от родителей. С тем, что он впитал за предыдущую жизнь. С тем, о чем спорили его близкие и друзья.

Это все, образовав аллегорический известняк, вступило в аллегорическую же химическую реакцию. И в результате оформилось в виде трех статуй, трех фигур, трех лиц и даже ликов... чего? Вглядываясь, я вдруг понял чего – развития.

Статуя Столыпина – это аллегория прерванного развития.

Статуя Сталина – аллегория совершившегося развития.

Статуя Горбачева – аллегория омутировавшего развития, развития, коварно превращенного в свою противоположность, в регресс.

Статуи стояли одна за другой, на расстоянии нескольких метров друг от друга.

«Как на парковой аллее», – подумал я. Ближе всего ко мне была статуя Столыпина.

Корректная параллель между его знаменитым высказыванием и смыслом текстов Медведева лежит, что называется, на поверхности.

И, видимо, параллелизм высказываний не исчерпывает объема исторической прецедентности. Но начинать надо с того, что текстуально верифицируемо...

В патриотических кругах всегда с восторгом цитировали фразу Столыпина: «Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия». Иногда ее воспроизводят иначе: «Нам не нужны великие потрясения – нам нужна великая Россия». Первый вариант наиболее достоверен. Но по сути варианты тождественны. В любом случае, говорится, что есть добро – великая Россия, и есть зло – великие потрясения. Злым силам нужны великие потрясения. Силам добра нужно отсутствие этих великих потрясений. И именно это отсутствие синонимично великой России.

Я не буду настаивать на том, что самую великую Россию (по несомненному факту геополитического величия) создали в итоге великие потрясения. Это, в конце концов, для кого-то так, а для кого-то совсем не так.

Намного более существенно, что великие потрясения могут возникать не только потому, что они нужны какому-то «вам». Они могут возникать объективно. Никому они не нужны, но история накапливает взрывчатку противоречий. И они могут возникать в силу противоречивого поведения «нам». А также в силу слабости «Нам», его неспособности снять внутренний раскол, приводящий к слабости, мобилизовать народ, встать на уровень новых исторических требований, отвечать масштабу большой игры и так далее.

В эпоху Столыпина все эти слабости «нам» были налицо. Как налицо был и объективный характер накапливающихся противоречий, не учитываемых элитой. А также ее несоответствие Большой Игре. Элита была расколота. Материалов (даже открытых, а есть и другие) о том, кто в пределах самой элиты организовал убийство Столыпина, слишком много. И вряд ли кто-то из серьезных людей сегодня решится утверждать, что данное убийство – дело рук маргиналов (Богрова и его непосредственных руководителей).

В любом случае, пока Столыпин говорил, что «нам нужна великая Россия», какое-то «нам-1» говорило: «Нам не нужен

Столыпин». И это «нам–1» оказалось сильнее столыпинского. Кто-то считает, что в «нам–1» входили сам государь император и члены его семьи. Вопрос спорный. Но то, что сотворил сие высший круг российской имперской элиты, очевидно.

Итак, есть много вопросов уже к слову «нам».

Но еще больше вопросов к слову «нужны».

Повторяю, в Истории есть взрывчатка противоречий, приводящая к потрясениям. «Нам», конечно, они не нужны. Но это «нам» – не инопланетяне-прогрессоры из фантастических романов и не высшие надчеловеческие инстанции.

Все, что может «нам», – это оценить масштаб противоречий и скорость их накопления. Увидеть ту «риску» (красную черту), за которой произойдет взрыв накопленных противоречий.

Оценив скорость накопления противоречий, их уровень в настоящий момент и тот критический уровень, за которым будет взрыв, надо решить простейшую арифметическую (и сложнейшую историческую) задачу.

Предположим, что противоречия–2008 находятся на уровне 65% от критических. Предположим, что накопление противоречий идет со скоростью 5% в год. Тогда «нам» до взрыва осталось семь лет. И за эти семь лет «нам» надо сделать то-то и то-то. Обеспечить прочность системы, провести опережающие антикризисные мероприятия, – словом, ПРЕДУГОТОВИТЬСЯ.

Если элита, лица, отвечающие за государство, успевают подготовиться, они спасают страну.

«Петр Аркадьевич, – обратился я к статуе. – Скажи национальный лидер... лучше бы государь-император, но пусть хотя бы Вы как премьер-министр и квазидиктатор: "У нас сейчас 1907 год. До мировой войны осталось семь лет. Нам надо ПРЕДУГОТОВИТЬСЯ. Меры таковы..." – какова была бы цена разворота семантики от "нужны – не нужны" к "надо подготовиться"? Я думаю, что ценой было бы спасение империи. Вы не согласны?»

«Ведь для меня, Петр Аркадьевич, – продолжил я, – все это не концептуальная заумь. Это часть семейной трагедии. Произойди такая смена семантики, моя мать не потеряла бы отца в 1938 году. Эта потеря и лихорадочное бегство из Смоленска в Москву оставили страшный след в душах самых близких для меня людей – бабушки и матери. И, поверьте, так не бывает, не могло быть, чтобы в их душах след остался, а в моей – нет. Ну, ладно, это прошлое. Но теперь вот Дмитрий Анатольевич говорит не о том, к чему надо подготовиться, а о том, что для нас желательно, а что нежелательно. А у меня ведь есть дочь. И внучка».

Статуя Столыпина стала растекаться, как предметы на картинах Сальвадора Дали.

«А может быть, – подумал я, глядя на это растекание, – неведение есть удел человеческий? Откуда Столыпину, Медведеву, кому угодно еще знать, что будет через 7–10 лет? История – коварная штука. Может быть, все, что мы можем и должны, как раз и сводится к тому, чтобы нащупать нужное для страны и все силы свои положить на то, чтобы это нужное укоренить в действительности? Может быть, роль политика только в этом? Борьба за нужное, погибнуть, если надо, в этой борьбе?»

Статуя Столыпина исчезла бесследно. А другая, скрывавшаяся за этой, странная статуя вдруг произнесла с тяжелым кавказским акцентом: «Мы отстали от передовых стран на пятьдесят–сто лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут. Максимум в десять лет мы должны пробежать то расстояние, на которое мы отстали от передовых стран капитализма». Сказано это было 4 февраля 1931 года на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности. До начала Великой Отечественной войны оставалось ДЕСЯТЬ ЛЕТ. Ровно столько, сколько было названо человеком, поломавшим жизнь моих близких. И – спасшим и меня, и сотни миллионов моих сограждан, и (в полном и буквальном смысле слова) все человечество.

*Один о нужном рассуждая
И катастрофу проморгал.
Другой, сказав: «Предуготовьтесь», –
Спас и Россию, и Историю.*

Мало было сказать «предуготовьтесь»! Мало было даже угадать отведенный для предуготовления срок! Надо было побудить всех к нечеловеческому напряжению сил. Вдохновить на подвиг, на жертву... Подавить любое уклонение от того, что предусматривало предуготовление. Нужны были не только ДнепроГЭС и Магнитка, но и «Александр Невский» Эйзенштейна... «Если завтра война, если завтра в поход»...

«Ты хочешь, чтобы я отдал тебе должное, – сказал я статуе Сталина. – Что ж, отдаю должное! И даже не выставляю ответный счет. Не говорю о том, во что обошлась победа... Понимаю, что поражение обошлось бы неизмеримо дороже. Но ты оглянись, если можешь! За твоей спиной – третья статуя. Ты предугадал войну и предуготовился. А горбачевские перемены? Их ты почему не предугадал? Ты не понимал, что отчужденная от метафизики идеология будет остывать? Ты, семинарист, не понимал роли метафизики в политике? Ты, говоривший, что кадры решают все, позволил этим кадрам сплясать канкан на твоем неостывшем трупе? А главное – Горбачев. Ты, архитектор системы, не отвечаешь за то, что систему удалось развалить?»

Статуя Сталина распалась на миллиарды мельчайших частиц и испарилась. Я подошел к статуе Горбачева, увидел стоящую рядом скамейку, сел на нее, задумался.

«Эх, Сергей, Сергей, – услышал я до боли знакомый голос с легким, искусственно имитируемым крестьянско-южнорусским гэканием. – Все, что ты говоришь, конечно же, будит мысль, но только не надо драматизировать». Статуя превратилась в живого Михаила Сергеевича. «Сергей, не надо драматизировать», – повторил Михаил Сергеевич, садясь в подъезжающую машину. «А главное, Сергей, – сказал он, угадав мои мысли, – чтоб никаких подкопов под перестройку».

Машина медленно поехала, оставляя за собой странный след, испещренный неразборчивыми надписями. Мне очень захотелось пойти по этому следу и прочесть надписи. Но внутренний голос сказал мне: «Остановись, еще не время». И я

остановился. Остановившись же, остался наедине с гораздо менее художественными (так и хочется сказать – метафизическими) задачами. Задачами политехнологическими, постмодернистскими. То есть связанными с той культурой, в которой нет места художественности в настоящем смысле этого слова. Культурой, отрицающей подлинность.

Сколь ни чужда мне эта культура, я понимаю, что она тоже должна быть проанализирована, поскольку постклассичность нынешнего российского бытия тесно связывает оное именно с этой культурой. Культурой брэндов и супербрэндов. То есть виртуальностей, цепко держащих в своих когтях мою Родину.

Глава VI. От аналитики аллегорий – к аналитике брэндов

От стабильности к развитию? Так озаглавлена статья преемника Владимира Путина?

«Да это все брэндирование», – скажут мне пиарщики снисходительно. Вот-вот...

Легче всего возопить: «Да пошли вы куда подальше с вашим брэндированием»... Вспомнить фразу, сказанную женой невестой из анекдота: «Ты меня действительно любишь или это пиар?» Проклясть политехнологии... Доказать, что либо-либо... Либо эти технологии погубят Россию, либо их место займет идеология... Обсудить соотношение Симулякра и Подлинности...

Все это, наверное, я бы и сделал, если бы... Если бы не предложил перед этим сам испытывать ткань текста Реальностью. Организовывать, иначе говоря, алхимическую свадьбу Его (текста) и Ее (Реальности). Но коль скоро я эту свадьбу справил... Коль скоро соитие породило аллессию... Как я в этом случае могу сказать посталлессическому брэндированию: «Иди-ка ты куда подальше»? Пренебрегая брэндированием, я нарушаю чистоту своего химического (или алхимического) эксперимента... А нарушив оную – на что я могу рассчитывать?

Я ведь уже говорил о необходимости неклассического или постклассического подхода. Брэндирование – часть оногo. Пренебрежительное отношение к брэндам несовместимо с аналитической пост- (сверх-, нео-) классикой, единственно адекватной происходящему в нашей стране (да и во всем мире).

Во-первых, потому, что слишком многое сейчас является именно брэндами. Откинешь это многое – вообще ничего не поймешь.

Во-вторых, потому, что какие-то компоненты брэнда все же перетекают в реальность.

Брэнд державности и стабильности (порядок, вертикаль власти) что-то как-то уюмонил в нашей крайне неблагополучной реальности. Мы хотя бы «огрызнулись» в Чечне и смыли позорное клеймо хасавюртовского предательства.

Так что давайте не будем пренебрегать брэндами. Но и отождествлять их с идеологией давайте тоже не будем. Брэнды – они и есть брэнды. Не больше, но и не меньше.

Рассматривая брэнды как систему (а они всегда складывают систему), мы должны не просто подчеркивать отдельные слова и говорить: «Вот один брэнд. Вот другой, третий». Система брэндов – это не набор брэндов, а принцип организации. Чтобы раскрыть принцип, надо дополнительно к понятному слову «брэнд» ввести еще два менее понятных слова: «генерализованный брэнд» и «супербрэнд».

Генерализованный брэнд – это тот брэнд, вокруг которого организуется политическая речь. То есть это главный брэнд, доминирующий над другими. Он так же заявлен, как и другие. Так же внятен или даже более внятен. Он просто главнее других.

Супербрэнд – это нечто большее. Он может быть не задан явно в политической речи. Но может неявным образом управлять и этой речью, и подходом, порождающим речь, и связью между речью и поведением, и политическим мироощущением.

Брэнды предыдущего периода (2000–2008) – общеизвестны. Стабильность, державность, предсказуемость, вертикаль власти.

Главный среди них, генерализованный брэнд, – это все же «стабильность».

А вот супербрэнд...

Чтобы выявить супербрэнд, нужны специальные исследования. Супербрэнд может и не являться стержнем деклараций или даже ядром политической лингвистики. Кроме того, при такой социальной (да и не только) дифференциации нет единого супербрэнда для всего общества. Есть супербрэнд элиты... Супербрэнд неэлитных слоев нашего общества...

По нашим оценкам, элитным супербрэндом периода с 2000 по 2008 год («Э-00/08») является связка поименований «Брежнев» и «застой».

Я никоим образом не хочу этим сказать, что Путин – это «Брежнев» новой эпохи. Путин – во многом антипод Брежнева (молодость, здоровье, решительность). У него другой (по сути альтернативный) политический стиль. Наконец, Путин аккуратно использует даже адресацию к совсем иному прецеденту (в том числе, когда говорит, что надо развиваться, «или нас сомнут»).

Но Путин не захотел мобилизационно «раскурочить» унаследованную реальность. Не захотел – и все. Он отнесся к этому наследству как к чему-то, что надо упорядочить. И упорядочил, причем достаточно жестко.

Возникла сумма двух слагаемых. Одно – Путин как тот, кто упорядочивает. Другое – реальность, откликающаяся на это упорядочивание.

Реальность откликнулась на упорядочивание с провокативной податливостью... В любом случае, сумма двух слагаемых даже в арифметике не равна одному слагаемому. А уж в политике тем более.

Процесс упорядочения и встречная реакция упорядочиваемого породили нечто. Внутри этого «нечто» и возник «Э-00/08» в качестве неявного супербрэнда.

Присмотримся к тому, что свидетельствует в пользу такой гипотезы. Например, к риторике правящей партии – «Единой

России».

Одним из наиболее внятных, заметных и молодых функционеров этой партии является господин Мединский. Подчеркну во избежание недоразумений, что, по моей оценке, господин Мединский ДАЛЕКО НЕ ХУДШИЙ представитель данной партии и ее высшего эшелона. Он хороший полемист. У него есть позиция и есть желание ее высказать. Но позиция как раз и состоит в том, что Брежнев и застой – это совсем неплохо. А может быть, и не просто неплохо, а хорошо. А может быть, и не просто хорошо, а... Ну, скажем так, идеально в рамках возможного. Господин Мединский много раз высказывал такую позицию по телевидению.

Но поскольку большинство функционеров уровня Мединского (или большего) позицию вообще не высказывают с надлежащей глубиной разверткой, то по прямым высказываниям ничего доказать нельзя. Скажут, что это мнение Мединского – и только.

Но я могу приложить к этому мнению многое другое. Например, мониторинг государственного телевидения. В массе передач осуществляется глубокая ревизия образа Брежнева и содержания так называемого «брежневизма». Я же не говорю, что это все директивно управляется из Кремля... Я не столь наивен... Кроме того, если бы это управлялось из Кремля, было бы неинтересно. То-то и интересно, что это делает элита, а не истеблишмент. Масс-медийная элита, и не только она.

К этому могу добавить еще способ оперирования историческими прецедентами. Спикер парламента Слиски, например, никогда ничего не говорила о том, что Брежнев – ее любимый герой. Для нее это недопустимо эксцентричное высказывание. Но она предлагала бороться с нынешней организованной преступностью (да и криминальностью в целом) с помощью воскрешенных народных дружин. То, что эти дружины не могут, оказавшись погруженными в нынешний контекст, не стать перифериями банд, она не учитывает. При этом ее высказывание – это и не проект, и не пиар. Это мироощущение. Невнятное предъявление чего-то типа долженствования. Надо бы, чтобы было так...

Речь идет не о том, чтобы бросить камень в чей-то конкретный огород. Почему бы Слиске не предъявлять такое «надо бы»? В любом случае, оно на порядок лучше того, что предъявляет Ксения Собчак. У которой совсем другое «надо бы».

Но даже антагонизм этих «надо бы» не подрывает единства супербренда. Константин Устинович Черненко и специфический журналист Виктор Луи, являвшийся посредником в международных (американо-советских и иных) элитных коммуникациях брежневской эпохи, могли быть полными антиподами по части «надо бы». Однако супербренд был единым. Эксцентрика Виктора Луи (в том числе и в виде почти невозможного на московских улицах автомобиля марки «Порш») допускалась супербрендом эпохи, предполагавшим как субукладность и субкультурность, так и сцементированность всего этого многообразия какими-то правилами общей социальной игры.

Внятные формулировки Мединского... Менее внятные адресации Слиски... Что еще привести в доказательство? Нарастающую «канцеляритность» речи? Генерализованный интонационный стандарт?

В конце концов, все, наверное, понимают, что я говорю не о буквальном копировании той эпохи – оно невозможно. Я о чем-то, что разлито в нынешнем воздухе. И не только в воздухе, которым дышат обитатели элитных особняков ценой в десятки миллионов долларов. Тем же воздухом дышат обитатели гораздо более скромных коттеджей. И даже сайдинговых строений с аккуратно подстриженными газончиками и умильными гномиками посреди оных.

8 февраля 2008 года. Президент РФ Владимир Путин проводит в Георгиевском зале Кремля расширенное заседание Госсовета, на котором обсуждается стратегия развития России до 2020 года. Какая именно бюрократическая ворожба привела к тому, что я оказался в числе слушающих, установить невозможно, да и не нужно. Но, оказавшись, я попытался использовать эффект присутствия на сто процентов. То есть извлечь из происходящего некое политико-психологическое содержание.

Владимир Путин говорил о развитии, а элита слушала. Она не фыркала, упаси бог. Она умилялась, восторгалась. Но содержание было ей абсолютно чуждо. Не говорю об отдельных людях – говорю о социальном целом. Целое ведет себя совсем не так, как отдельные люди. Целое выявлялось совершенно так же, как на XXV Съезде КПСС.

И что дальше? Можно ли противопоставить элитному бренду – народный? И сказать, что бренд «Н-00/08» – это «Сталин»?

И да, и нет. В народных массах рейтинг Сталина кроет все остальные рейтинги. Это не случайно. Но функционирование супербренда «Сталин» в неэлитных слоях общества весьма специфично. Нынешний способ функционирования этого супербренда – мечтательно-опаслив. Мол, хорошо бы... Эх бы... Но... Словом, нужно, чтобы «этот Сталин заявился во все дома, кроме моего собственного».

Никакого отторжения Сталин не вызывает. Вызывал, но уже не вызывает. Восхвалять его, адресоваться к его опыту... Все это не только допустимо, а стало хорошим тоном... Лезть же снова в холодную воду реального сталинизма... Нет уж, лучше теплая субстанция статус-кво.

Пока надо всем доминирует желание сохранить статус-кво. Или, еще точнее, не оказаться еще раз в водовороте перемен.

Присказка брежневской эпохи – «только б не было войны». Присказка нынешней – «только б не было реформ». Присказки разные, но сходство есть. Рев площадей конца 80-х годов: «Мы ждем перемен!» – заменен на сдержанное всеобщее рычание «Никаких перемен! Никаких вообще! Ни на йоту!» Зюганов и Жириновский – это тоже перемены. Хотя...

Представьте себе кандидата по фамилии «Зюриновский». По официальным цифрам, он набрал бы примерно 30%. Оторвать от «партии власти» наиболее патриотическое крыло он бы мог. А это еще 15–20%. Кроме того, никто не знает, кого бы он мобилизовал из «непришедших».

Мне скажут, что такого кандидата нет. Я отвечу характеристикой Кромвеля, данной героем романа Дюма «Двадцать лет спустя»: «Такие люди подобны молнии: о них узнаешь, когда они поражают». Так хотят люди перемен или не хотят? А вам никогда не случалось чего-то не хотеть (причем очень страстно) и одновременно...?

Словом, все, что ниже «элиты» (и очень условного среднего класса), находится в крайне неустойчивом состоянии. Поэтому я предлагаю все же для начала сосредоточиться на этом самом «Э-00/08».

Сохраняется ли он в ситуации, маркируемой избранием Медведева? Или же речь идет о кристаллизации нового элитного

супербренда, а значит, и нового периода современной российской истории? Вопрос серьезный... И потому не будем слишком торопиться с ответом. Признаем, что в вопросе о супербренде много неясного. И если мы хотим что-то нащупать, то начинать надо с чего-то более очевидного. А именно – с метаморфозы генерализованного бренда. Метаморфоза эта, конечно, мягкая. Но, повторяю, очевидная. Вспомним вновь статью Д.Медведева!

ОТ стабилизации – К развитию. ОТ... и К... Это и есть метаморфоза генерализованного бренда. Прежний генерализованный бренд – стабильность. Новый – развитие.

ОТ Путина К Медведеву!

ОТ стабилизации К развитию!

Но ведь не каждая смена лидерства рождает смену генерализованного бренда. Переход лидерства ОТ Брежнева К Черненко не означал, что мы переходили от развитого социализма к чему-то другому.

Итак, мы имеем новый генерализованный бренд – развитие. Ничего плохого в этом нет.

Нам действительно позарез нужно развитие. Хотелось бы не бренда, а чего-то большего. Но, во-первых, есть то, что есть. Во-вторых, бренд, как я уже говорил, – это совсем не мало. Хоть что-то из него перетечет в реальность. А в-третьих... В-третьих, надо попытаться ухватить суть текущего процесса. Тогда как размышления о должном адресуют к другому жанру.

Суть же весьма масштабна. И то, что мы доберемся до нее через какие-то там бренды, никак не девальвирует результат.

Масштабную суть мы выявим, только если доберемся до супербренда. Меняется ли этот супербренд под воздействием очевидной смены генерализованного бренда? Прежний супербренд – «Брежнев и застой»... Наличие такого супербренда и однозначная попытка уйти от генерализованного бренда «стабильность» к генерализованному бренду «развитие» нечто напоминают. В этом есть неявная и неумышленная отсылка к определенному (конечно же, условному, на то и история!) прецеденту. Прецеденту Горбачева и его «эпохи перемен». Хочу ли я тем самым сказать, что Медведев – это Горбачев-2? Никоим образом. По крайней мере, он не в большей степени Горбачев-2, чем Путин – Брежнев-2.

Медведев – волевой, жесткий и быстро развивающийся политик. О содержании этой политики говорить рано. Оно крайне вариативно. А вот что-то уже понятно. Например, что разговоры о марионеточности Медведева, мягко говоря, весьма и весьма наивны.

Но дело не в политиках, а в политике. То есть в тенденциях, выявляемых, в том числе, и через генерализованные бренды. Была стабильность... Теперь – развитие.

Мне возражат: «Говорится о сочетании стабильности и развития».

Так-то оно так. Но на деле сочетать это крайне трудно. Едва ли не невозможно в принципе.

Пока речь идет только о словах – все в порядке. Более того, такой разговор (при всей его проблематичности в философском и практическом смысле) имеет внятный третий – собственно политический – смысл. ЭТОТ РАЗГОВОР МАРКИРУЕТ СОБОЙ ЕДИНСТВО КУРСА ПУТИНА И КУРСА МЕДВЕДЕВА.

Путин говорил о развитии (а не о стабильности только!) на расширенном заседании Госсовета. Подчеркиваю – о развитии говорил Путин, а не Медведев. И политически это крайне важно. Это как бы не позволяет оторвать Путина от темы развития, делегируя всю эту тему Медведеву. Медведев же, говоря о развитии, все время подчеркивает, что оно должно быть стабильным. И это тоже политически важно. Это не позволяет оторвать от Медведева тему стабильности, делегируя всю ее Путину.

Но я не зря оговариваю: «КАК БЫ» не позволяет.

В острой фазе политической игры, по сути, позволено все. И никто не будет вспоминать прошлое, проводить параллели, устанавливать, что изначально тема развития, как и тема стабильности, была общим политическим капиталом Путина и Медведева.

Вопрос лишь в том, перейдет ли политическая игра в острую фазу.

Тут либо-либо.

Либо она перейдет в эту самую острую фазу, либо не перейдет. Не перейдет – и слава богу.

А вот если перейдет, то нам важно знать, чем это чревато, по каким алгоритмам развивается подобный переход, кто и зачем его будет осуществлять. Поэтому давайте, пожелав игре не переходить в острую фазу, рассмотрим закономерности развития игры в острой фазе.

Приходит новый лидер... Если он просто приходит и продолжает курс предыдущего лидера, то это одно. Но если он – лидер развития, а предыдущий лидер – это лидер стабильности, то это совсем другое.

Представим, что этот новый лидер осуществляет какие-то кадровые изменения. Если он просто новый лидер, то ничего особенного. Известное дело, «новая метла».

А если новый лидер предъявляет себя через новый генерализованный бренд («лидер развития»), то и новые кадры – это «кадры развития», а старые – «кадры стабильности». Но рано или поздно окажется, что старые кадры – это плохие кадры, а новые кадры – хорошие кадры. А как иначе?

И тоже, вроде, ничего особенного. Однако если старые кадры – это кадры стабильности, а новые кадры – кадры развития, то оказывается (понемножку, по миллиметру), что стабильность – это плохо, а развитие – хорошо. Но плохая стабильность – это в каком-то смысле застой (застой-2). А альтернатива застою-2 (альтернатива плохому – всегда хорошее) – это горбачевские перемены, «эпоха перемен-2».

Ведь суть развития... Может быть, суть не так уж и интересна. В политике такое часто бывает. Но от этого суть не исчезает и не перестает «ворочить». Короче, суть развития в том, что ему в жертву в какой-то степени всегда приносится устойчивость, она же стабильность.

Устойчивое развитие – миф. Точнее, фигура речи, прикрывающая неразвитие.

Ни один из нас бы не взлетел

Покидая Землю, в поднебесье,

*Если б отказаться не хотел
От запасов лишних равновесья.*

Теория равновесия, «теория баланса» – это одно. Теория развития – другое. Впрячь в одну телегу коня и трепетную лань не удалось даже Альберту Гору, творцу этой самой идеи устойчивого развития.

Застой–2, «эпоха перемен–2»... Повторение, о котором я говорю, ни в коем случае не будет буквальным. Но тонкое сходство в ситуациях может возникнуть. А для того, чтобы точнее разобраться в подобных тонкостях, нужно вспомнить детали «эпохи перемен–1». Она же – эпоха Горбачева.

Внутри нее ведь было несколько фаз.

Первая фаза называлась «ускорение».

Если бы эпоха перемен реально пошла по пути ускорения (мобилизации возможностей системы под цели форсированного развития), то эта эпоха не только не закончилась бы крахом Советского Союза. Она спасла бы СССР и вывела на новые горизонты.

ЕСЛИ ХОТЕТЬ ФОРСИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ, ТО ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА СОСТОИТ В ТОМ, ЧТОБЫ НЕ ДОПУСТИТЬ УБИЙСТВА НОВОГО УСКОРЕНИЯ. И ВСЕ КАЧЕСТВА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА – ЖЕСТКОСТЬ, РАЦИОНАЛИЗМ, СИСТЕМНОСТЬ – ДОЛЖНЫ БЫТЬ НАПРАВЛЕНЫ НА ТО, ЧТОБЫ ВОСПРЕПЯТСТВОВАТЬ ТАКОМУ УБИЙСТВУ.

Так что убило ускорение?

Ну, например, кампания по поводу пресловутой «сталинщины». И у меня есть самые серьезные основания считать, что этот перепев на тему хрущевской оттепели был изобретен именно для того, чтобы не допустить ускорения. Мобилизовать систему нельзя без элементов правильного, гибкого авторитаризма. Отнюдь не какого попало, а именно нужного. Потому что есть и такой авторитаризм, который несовместим с развитием и даже уничтожает все его предпосылки. Но если с ходу сказать, что любые элементы гибкого авторитаризма, соединенные с развитием, это – мерзость, рецидивы сталинизма, оказывается, что система немобилизуема.

Еще раз подчеркну, что все параллели условны. Но если их проводить (а это необходимо делать во избежание худшего), то получается следующее.

Ускорение перекрывалось брэндом «сталинщина».

Ускорение–2 может перекрываться брэндом «чекизм».

«Чекизм» в функциональном смысле равен «сталинщине–2».

Теперь вдумаемся: на самом деле система немобилизуема потому, что перекрыты ее мобилизационные возможности. Но говорить об этом «не положено» (кстати, главное правило застоя, которое продолжает действовать).

А о чем-то говорить надо. И надо продолжать по инерции искать возможности мобилизации, уже зная, что их нет. Как это сделать?

Тогда начинается следующая фаза эпохи перемен – очищение. Что это такое в системном смысле?

Система на самом деле немобилизуема потому, что единственная возможность ее мобилизации (гибкий и эффективный дозированный авторитаризм) убита. Однако об этом не говорят. И ищут, ищут... Что же мешает? В ходе фиктивных поисков выясняется: «Батюшки! Мешает-то засоренность системы! Давайте ее очищать». Начинается борьба с коррупцией.

Борьба с коррупцией без развития и гибкого дозированного авторитаризма (а) невозможна, (б) разрушительна.

Рушащейся системе выносятся окончательный диагноз: неулущаема. Дескать, «и ускоряли, и очищали, сами видите – ничего не выходит, надо менять систему». А как менять? Система сопротивляется. Нужна «демократизация» (третья фаза). Ее энергию надо направить на подавление сопротивления системы (активизировать «живое творчество масс»). Направляют. Система рушится полностью (четвертая фаза).

Кто-то воскликнет: «И слава богу!» А кто-то добавит: «Ну, и пусть чекистская система обрушится вслед за номенклатурно- коммунистической». Но ведь парадигмальный прецедент, он же урок истории, говорит о том, что обрушением системы все не исчерпывается. Рушится страна... Почему, собственно, РФ не может обрушиться вслед за СССР? Усугубляется регресс, скачкообразно возрастает чернота и свирепость имеющегося криминального базиса.

Ну, так вот... Для того, чтобы обрушилась не только система, но и государство (заодно с обществом), изобретена так называемая перестройка. Перестройка – это не антисталинизм, не очищение, не демократизация, гласность и живое творчество масс. В широком и абсолютно ложном смысле слова ее отождествляют со всей эпохой перемен (она же – эпоха Горбачева). На самом же деле...

Впрочем, о том, что такое перестройка на самом деле – чуть позже. Пока же зафиксируем, чтобы не сбиться с маршрута, (а) саму возможность повторения перестройки (она же – угроза «перестройки–2») и (б) несводимость этой самой перестройки под любым номером к реформам, модернизации, революции (неважно, сверху или снизу), «оттепели», переменам как таковым и так далее, (в) что уже сейчас такая несводимость должна быть хотя бы сжато доказана при том, что развернутые доказательства могут быть даны только впоследствии.

Что именно я намерен доказать – хотя бы сжато – уже сейчас?

Первое. Что перестройка – это война со своей историей (да и с историей как таковой).

Второе. Что это слом исторической личности в результате победы в такой войне.

Третье. Что это слом личностного вообще. Ибо без обладания историей можно быть индивидуумом и упиваться богатством своих индивидуальных возможностей. Но личностью быть нельзя. Под лозунгом завоевания всяческих «человеческих прав» перестройка лишает человека главного и казавшегося ранее неотчуждаемым человеческого права – права БЫТЬ. Остается только право ИМЕТЬ. Но это совсем другое.

Четвертое. Что коль скоро речь идет и о сломе личностного вообще, то перестройка (сколько бы она ни охала и ни ахала

по поводу разного рода гуманистичности – гуманный социализм и так далее) НА САМОМ ДЕЛЕ является войной с гуманизмом. Да и с человеком вообще.

Оговорив, что именно я хочу доказать, перейду к самим доказательствам, принося извинения за их конспективность и обещая избыть подобную конспективность в дальнейшем.

Нечуткий к семантическим каверзам человек может прельститься словосочетанием «гуманитарные технологии». Чуткий же – сразу уловит, что там, где есть «гуманитарное», не может быть технологий, а там, где есть технологии, не может быть «гуманитарного». В своем действительном и сокровенном смысле гуманитарные технологии предполагают отождествление между деланием вещей (подлинная сфера технологизма) и деланием людей. При том, что гуманитарное и его производные (гуманизм в том числе) берут за аксиому несводимость человека к вещи, вытекающую из наличия у человека фундаментальной личностной свободы, на которую посягать и безнравственно, и невозможно.

«Назовите меня каким угодно инструментом. Вы можете расстроить меня, но играть на мне нельзя», – говорит принц Гамлет своим коварным сокурсникам из Виттенберга.

Последователи этих коварных сокурсников (они же – гуманитарные технологи) убеждены, что играть на человеке гораздо проще, чем на флейте. Или, по крайней мере, ненамного труднее. И не только на человеке как индивидууме. Но и на человеческих общностях. Включая и народы как историко-культурные личности. «Освободите» эти самые народы от истории и культуры – что будет с личностью? Ее можно будет менять как угодно. Она станет податливее пластилина, послушнее флейты.

Все антигуманисты мира мечтали об этом столетиями. А возможно, и тысячелетиями. Но социальные, культурные, технологические, экзистенциальные предпосылки для превращения человеческого сознания в податливое сырье, для изготовления из этого сырья любых вещей в соответствии с заказом, который получает такой технолог, родились только во второй половине XX века. А по-настоящему применены – во время ЭТОЙ самой перестройки.

Химическое оружие в качестве оружия массового поражения впервые было применено в ходе Первой мировой войны (под Ипром в 1915 году).

Ядерное оружие в качестве оружия массового поражения впервые было применено в ходе Второй мировой войны (в Японии в 1945 году).

Гуманитарные технологии в качестве оружия массового поражения впервые были применены в ходе Третьей (мягкой) мировой войны (в СССР в 1987 года). При этом именно гуманитарные технологии являются тем джином, которого выпустила из бутылки Третья мировая война. Подобно тому, как ядерное оружие – это был джинн, выпущенный из бутылки Второй мировой войны, а химическое оружие – джинн, выпущенный из бутылки Первой мировой войны.

Перестройка и есть «джинн-3». Иначе – последовательность технологизированных изъятий (отчуждений) определенных слагаемых исторической личности. Слагаемых, ранее казавшихся неотчуждаемыми. Изъятия осуществляются ради дальнейшего использования «сырья», сформированного подобными изъятиями, для изготовления антроповещей с любыми заданными параметрами.

Конкретно «джинн-3» выпустили из бутылки для борьбы с СССР и коммунизмом. Но, на самом деле он, конечно же, будет использован (и уже используется) для борьбы с человеком и человечеством.

Есть грубая сила и есть сила мягкая, так называемая «soft power». Родоначальницей soft power можно считать гомеровскую Цирцею, превратившую спутников Одиссея в свиней. Возникают вопросы... Спутники полюбили Цирцею. Как это красивое чувство может стать источником их превращения в свиней? То, что Цирцея их напоила, ничего не объясняет. То есть объясняет на уровне сказки, но не на уровне мифа и, уж тем более, метафизики. Кроме того, Одиссей почему-то не превратился в свинью. Сказочные объяснения – мол, хитроумный, не дал себя опоить – нам неинтересны. Да и продвинутым современникам Гомера они уже не были интересны. Остается одно объяснение: Одиссей не пал (не превратился в свинью), потому что он был странником, стремящимся к некоей идеальной цели. Этой целью для него была его родина – Итака. Спутники Одиссея забыли о смысле пути, а он – нет. Одиссей не обменял Итаку на Цирцею. Спутники – обменяли.

Гомеровский эпос слишком прочно укоренен в мифе. Для мифа нет понятия «история». Путь Одиссея – это путь на родину. Но это не исторический путь. Сам Одиссей – вне истории. Его родина – тоже.

Первым опытом разрыва с мифом в пользу истории была, как известно, Библия. В Библии гомеровская история с Цирцеей доосмысливается и переосмысливается.

С одной стороны, в Библии осуществляется девальвация того, что может прельстить. Гомеровских персонажей прельщает все же красота Цирцеи. Персонаж же Библии – Исав – прельщен всего лишь чечевичной похлебкой.

С другой стороны, в Библии осуществляется ревальвация того, что прельщенный должен отдать. У гомеровского Одиссея и его спутников была всего лишь своя земля – Итака. Она хороша была тем, что она своя. Но с ней и населявшим ее народом не было связано никакого исторического предназначения (обетования, первородства). Все это возникает только в Библии – вместе с историей. За предельно низменное (похлебку) библейский персонаж, в отличие от гомеровского, должен отдать предельно высокое (первородство).

В этом различие между Библией и Гомером. Общее же в том, что если оторвать человека от идеала, высшей цели, исторического имени, эгрегора, то с ним можно делать все, что угодно.

Так что ж тогда нового в перестройке, в «джинн-3» гуманитарных технологий, применяемых как оружие массового поражения? И есть ли хоть что-то новое?

Новое, конечно же, есть. Его немного, но оно крайне существенно.

Гуманитарные технологи решают одну беспрецедентно новую задачу. Как все, известное со времен Гомера и Библии и неоднократно опробованное, довести до предельного упрощения и одновременно поставить на поток. Как античеловеческую ворожбу осуществить в кратчайшие сроки и распространить на сотни миллионов расчеловечиваемых особей.

К концу 70-х годов XX века стало понятно, что, во-первых, это выполнимо в силу наличия и новых знаний, и новых

технических средств (телевидения в первую очередь). И что, во-вторых, уже нет никаких запретов на то, чтобы заниматься подобным. До какого-то времени был прежде всего гуманистический запрет: «Как же можно подобными вещами заниматься, да еще на столь массовом уровне! Ведь мы на человека при этом должны посягнуть, на человека вообще». А еще был прагматический запрет: «Устроим такое, да еще на столь массовом уровне, – и неизвестно, чем это кончится. Опять же, ядерное оружие, геополитический баланс и так далее».

А потом запреты оказались сняты. Произошло это при Рейгане. Как и почему – отдельная тема. В любом случае, к началу 80-х годов было принято решение о необходимости («во избежание худшего») обрушить на СССР весь объем soft power и гуманитарных технологий, наплевав на последствия.

В 1987 году от принятия решения перешли к его осуществлению. Это (и именно это!) получило название «перестройка». Итогом стало обрушение СССР, социокультурный слом, регресс и многое другое.

Сторонники грубой силы предлагали завоевать Россию. Объявить ей войну, оккупировать ее территорию.

Сторонники soft power говорили о победе без войны. И они сумели осуществить свой замысел.

Ну, а теперь о главном. Да, то, что произошло, чудовищно. Но ведь нечто чудовищное происходило в истории многих народов. Исторический опыт говорит о том, что выживали после этого только те народы, которые адекватно переживали исторический опыт. Которые способны были, пережив его, сказать себе «никогда больше». А сказав, действовать соответственно.

У многих народов есть такое «никогда больше». У армян или евреев это реакция на геноцид. У турок – на распад Османской империи. У китайцев – на унижения эпохи опиумных войн. Перечисление можно продолжить.

Перестройка уже породила страшные результаты. Они общеизвестны. Но, как говорится, «еще не вечер». Взросли еще не все ядовитые плоды перестройки. А если она будет повторена, то... Сначала народы России лишат государства, затем заставят воевать друг с другом, а потом на их территории организуют «войну за русское наследство», причем именно ядерную... Такое место занимает Россия в мире, такую территорию и ресурсы контролирует, что иначе просто не может быть. И в этом отдают себе отчет очень многие. (Позволить Китаю забрать Сибирь – значит его невероятно усилить, США подобного допустить не могут и так далее.)

А раз так, то итоги «перестройки–2» даже в плане человеческих потерь могут быть прискорбнее, чем итоги того же Холокоста. А с точки зрения потерь метафизических?

У евреев не было государства, их сгоняла в лагеря смерти огромная государственная машина, они ей не могли оказывать сопротивления. И в каком-то смысле метафизической ответственности поэтому нет. В нашем же случае все совсем иначе.

Так почему не говорится это самое «никогда больше»? Потому что Холокост – это тоже грубая сила, а не soft power. Суть же soft power и ее гуманитарных технологий в том, чтобы случалось нечто страшнее, чем Холокост, а те, с кем это случается, не говорили, сгорая от стыда и ненависти, спасительное «никогда больше», а ныли, пуская слюни: «Еще, еще!»

Политическая цель моего исследования (а исследования такого типа не осуществляются без политической цели, хотя, конечно, к ней не сводятся) проста и амбициозна одновременно. Чтобы даже soft power с ее гуманитарными технологиями получила надлежащий отпор в виде этого «никогда больше». Сделать это невероятно трудно, но совершенно необходимо.

Глава VII. От брэндов эпохи – к медведевскому личностному ядру

Продвинувшись уже достаточно далеко, мы можем, как мне кажется, попытаться выявить смысловое ядро анализируемых текстов. Я убежден, что выявление смыслового ядра анализируемых текстов позволит нам сделать следующий шаг и выявить личностное ядро. Существующее у любого человека, а у крупного политического деятеля тем более.

Кто-то, правда, скажет, что у пиар-конструктов нет ядра. Но чем дальше я продвигаюсь в понимании анализируемой мною текстуальности, тем меньше я склонен считать ее стопроцентным пиаром. И тем больше мне начинает казаться, что за пиаровскими оболочками (а какой политический текст XXI века обойдется без них!) есть глубокая человеческая органика, она же – личностное ядро. И что именно это личностное ядро, а не пиарщики и спичрайтеры, определяет смысловое ядро анализируемых мною текстов.

Конечно же, медведевская натуральность (она же – личностное ядро) не тождественна ВСЕМУ, что говорит Медведев как политический деятель. Ни у одного человека нет полного совпадения между говоримым и сокровенным. А уж по отношению к политику говорить о подобном совпадении просто смешно.

Политические лидеры всегда говорят о политически целесообразном. Об экономике знаний и о том, что надо уйти от сырьевой ориентации нынешней российской экономики, Медведев говорит с политическими целями, очень аккуратно противопоставляя себя предшественнику и отвоевывая то главное, что интересует политика – реальную власть.

Совсем другое дело – зачем Медведев говорит о том, что наше общество будет осуществлять переход к экономике знаний, уход от сырьевой ориентации, иногда называемой даже «сырьевой иглой», на основе стратегии и, я бы даже сказал, философии передышки. Которая нам нужна дозарезу. А ее антипод – потрясения – нам дозарезу не нужен. Медведев не говорит при этом, что передышка будет. Он говорит только, что она нужна. Что-то тут есть от ниспослания передышки как благодати. Причем что-то, не имеющее отношения к политической целесообразности, к игре, к борьбе. А, напротив, имеющее отношение к органическому для Д.Медведева смыслу.

Мы провели анализ реальности и убедились, что уже в марте 2008 года говорить о передышке было бессмысленно. Надо было готовиться к чему-то прямо противоположному.

Мы убедились, что даже при самом поверхностном взгляде на эту самую реальность уже было понятно: она не даст передышки, которую власть считает необходимым благом. Благом спасительным и очевидным.

Мы убедились... Стоп. Мало ли в чем мы еще убедились... Как от этих убежденностей, добытых с большим трудом,

перейти к тому, в чем есть медведевская органика, натура, подлинность? К этому самому смысловому ядру текстов Медведева, скрытому за разнообразными и разнокачественными пиар-оболочками, а также к ядру его политической личности? Что-то мне подсказывает, что спокойствие, стабильность, передышка наиболее близки к искомому, хотя еще и не тождественны оному.

Но разве спокойствие, стабильность, передышка – не очевидное благо? Разве кто-то может хотеть – и именно хотеть – не передышки, а потрясений? Толп на улицах, воюющих «долой»? Дымящихся руин разбомбленных городов?

Любой политик, конечно, предпочитает, чтобы его политическим конкурентом был политический Чикатило, Джек Потрошитель – садист, жаждущий очевидного зла (разбомбленных городов, плачущих детей... «ужасов войны» Гойи...). Поди ж ты плохо, когда ты ревнитель блага, а твой враг жаждет зла ради зла. Такая позиция очень выигрышна. Она как тост «за все хорошее». «Вам нужно абсолютное зло (потрясения), нам...» В варианте П.Столыпина – Великая Россия (благо). Тут еще противопоставление не доведено до лингвистической безусловности. У Д.Медведева – доведено. Почему противопоставление «потрясений – Великой России» не является лингвистически безусловным? Потому что нет однородности противопоставляемого. Для однородности надо противопоставлять потрясения – их отсутствию. Спокойствию, передышке. Медведев так и делает. Впрочем, он и о Великой России говорит. Как говорит? Конечно, более сдержанно, чем Столыпин. И все же... Впрямую о Великой России Медведев не говорит, но...

Он на II Гражданском форуме говорит, что у современной России есть все возможности стать благополучным, успешным государством. Тут же – о том, что Россия должна закрепиться в верхних строчках мировой «табели о рангах».

В Нижнем Новгороде он говорит о том, что страну надо сделать сильной, крепкой, с которой бы считались.

Правда, как мы помним, говоря в Нижнем Новгороде 27 февраля 2008 года о глупостях, которых избежали страны Европы, Д.Медведев называет в черед не допущенных этими странами глупостей как то, что «они не распадались на части» (полностью солидарен с такой оценкой), так и то, что они «не собирались снова».

Называть «собираение снова» глупостью, конечно, можно.

Но, во-первых, слушатели не могут не расценивать это как конкретный политический сигнал: «Соединяться (восстанавливать СССР) – это глупость, которую мы не допустим».

А во-вторых, многие скажут: «Как это они не собираются снова? Собираются, да еще как! И по минимуму – Германия еще как собиралась. И по максимуму – уже собирается, по сути, новая Священная Римская Империя. Именуемая теперь Объединенная Европа. Собираясь, она прямо адресует к такой преемственности. К Карлу Великому и так далее. Медведев ставит их нам в пример. Так мы тоже так хотим».

Но подобные частности, актуализируя наше рассмотрение, как ни странно, мешают уловить что-то гораздо более существенное. Его, этого «более существенного», что называется «до и больше». Даже не знаю, с чего начать...

Начну с цитаты, чтобы не пороть отсебятины. Из выступления Д. Медведева на той же встрече с избирателями в Нижнем Новгороде: *«Мне кажется, главная цель жизни любого нормального человека, кем бы он ни работал – дворником или президентом, заключается в том, чтобы просто по-человечески прожить эту жизнь, оставить о себе добрую память, оставить после себя детей и внуков, добиться нормальных результатов на работе. Ставить же перед собой какие-то глобальные цели можно, и каждый из нас имеет, наверное, эти цели, но они не должны заслонять именно главного – надо прожить свою жизнь нормально, по-человечески, чтобы не было стыдно».* Это – о цели жизни любого нормального человека...

Ну, вот мы и дошли до смыслового ядра текста. А в чем-то и до ядра личности. В любом случае – пиар тут, что называется, «побокую». Молодой, решительный, отнюдь не лишенный амбиций лидер хочет что-то сказать о своем понимании блага. Своем, понимаете, а не о том, которое ему навязывают пиарщики. Он говорит о целях... Как глобальных (что не есть главное), так и сокровенно-сущностных. Словосочетание «цель жизни любого нормального человека» – это из области сокровенного, личностного, сущностного. И лишено, как мне представляется, всяческого притворства.

По Медведеву, цель жизни – одна у всех нормальных людей, хоть дворника, хоть президента... И ничто не должно заслонять этого. А если заслоняет – то вы ненормальные. Единая для всех цель жизни – это первичное. Успех – вторичное. Успех зависит от типа деятельности... Цитирую: *«...Успех деятельности президента заключается в том, чтобы улучшить качество жизни для людей, улучшить качество жизни в стране, сделать страну сильной, крепкой, с которой бы считались, которая бы развивалась и где жить было бы не стыдно, а комфортно. Поэтому и целью моей деятельности просто будет работа над улучшением качества жизни всех наших людей, а нас немало – нас более 140 миллионов. Это самая сложная цель, которую себе только можно представить».*

Мне кажется, что в приведенных цитатах содержится нечто неизмеримо более важное, чем то – глупость ли «снова собираться»... В этих цитатах содержится личностное начало, транслирующее определенный смысловой заряд. А значит, и заряд политический. Ведь Д.Медведев – президент РФ! И меня до крайности поражает то, что никто не захотел присмотреться к его текстам под предлагаемым мною сейчас экзистенциальным, транспиаровским, сущностным, личностным углом зрения. Что никто не захотел это все... Ну, как бы это поточнее сказать... Интеллектуально и экзистенциально освоить?

Многие мои друзья удивлены тем, что я с таким увлечением занялся освоением неблизкого мне по духу мета- и паратекста. Зная наверняка, что я (а) вообще неконъюнктурен и (б) достаточно вменяем для того, чтобы понять, что конъюнктура ну уж никак не требует подобного освоения... Зная (в), что я в принципе лишен желания подкапываться под Д. Медведева, В.Путина и Кремль как таковой, мои друзья недоумевают: «Почему ты тратишь на это столько времени и сил?».

Я удивляю моих друзей... А они – меня. Я их не понимаю... Я не понимаю, как можно жить в стране, которую любишь (а у меня нет друзей, которые не любят Россию), и не вчитываться в тексты политических лидеров. Вообще в любые их тексты...

И особенно в те тексты, где предъявляется философия жизни и деятельности, причем, уверен, предъявляется достаточно искренне. Философия жизни пронизана идеей нормальности... Мне почему-то вспомнилась моя мать, внимательно

слушавшая длинные речи Никиты Сергеевича Хрущева. Мне тогда было лет 13–14...

«Мама, – спросил я, – как ты можешь все это подолгу слушать? Да еще с таким интересом?»

«Понимаешь, – ответила мне мать, – он говорит о том, что лучше – если десять несущек будут нести по двадцать яиц или двадцать несущек по десять яиц?.. Но он не говорит о том, о чем говорил его предшественник, и он (глаза матери чуть увлажнились, что бывало нечасто), он такой нормальный...».

Мать значила (и значит) для меня невероятно много. Она умерла летом 1985 года. Через всю жизнь она пронесла ненависть к поломавшему ее жизнь Сталину и восхищение советским гуманистическим проектом. Сказать в конце 80-х годов, что я от имени всей семьи обнуляю наш исторический счет к Сталину, мне было невероятно трудно. Но я не мог этого не сделать.

Беспрецедентная политическая истерика по поводу «сталинщины» стала силой, сметающей все сразу – советский проект СССР, моральную и культурную нормативность... Мне было ясно, в чем мой долг, и я этот долг выполнил... Вспомнив еще раз этот разговор с матерью у телевизора, где Н.С. учил сограждан и товарищей по партии интенсификации сельского хозяйства...

«Нормальный... Это так важно...» – сказала мать.

«Ботинком по столу на Генассамблее ООН... Кузькина мать... Пидарасы-авангардисты... Карибский кризис, наконец», – я упорно не хотел соглашаться с матерью.

«Тот уже развязал бы атомную войну», – ответила мать скорее себе, чем мне. И я понял, что для нее с отцом это был больной вопрос в 1949 году, когда они решили родить ребенка. То бишь меня. «Ах, ох! Нормальный! А как же твои занятия Байроном?» – не унимался я.

«Он – поэт, а не политик», – парировала мать. Никита Сергеевич закончил тем временем телелекцию о несущках... под бурные аплодисменты собравшихся, уже обдумывавших, как бы снять ненавистного им зарвавшегося «Хруща».

«Да и вообще...» – сказала мать, выключая телевизор. – Мой любимый герой в "Поднятой целине" – Макар Нагульнов. Но это не значит, что я хотела бы иметь его соседом по купе».

«Цель жизни любого НОРМАЛЬНОГО человека», – говорит Д.Медведев... «Добиться НОРМАЛЬНЫХ результатов в работе», – говорит он. «Прожить свою жизнь НОРМАЛЬНО...» «НОРМАЛЬНЫЕ человеческие условия для развития... Десятилетия НОРМАЛЬНОЙ жизни...»

Нельзя, согласитесь, пройти мимо такой форсированной апелляции к норме и нормальному. Это политико-лингвистический фокус текста. Но это и нечто большее. Это, если переходить от лингвистики к семантике и семиотике, ключевой знак и ключевой политической жест, используемый политиком в крайне острой для него предвыборной ситуации.

«Как дела?» – спросила меня мать лет через двадцать, когда я, уже обзаведясь семьей, приехал ее навестить. Дела были не ахти. Театр закрыли... В который раз... Что ответить? «Нормально», – ответил я.

«Никогда не говори "нормально", – улыбнулась мать, хорошо понимая, в чем дело. – Лучше скажи "плохо"... Или "хорошо"... "Нормально" – это никак».

«А как же твой Хрущев?» – завелся я, вспоминая давний и небеспроблемный для меня разговор.

«Он не говорил о том, что нужна нормальная жизнь, – ответила мать. – Он о несущках говорил».

В 2001 году ко мне приехала советница одного из полпредов и попросила «интеллектуально сопроводить» его выступление перед деятелями разных конфессий. Я помог. Речь получилась яркая. Советница, каменея лицом, в день, на который было назначено выступление шефа, сказала, что речь шефу очень понравилась («очень-очень» – сказала она, помоему), но шеф никогда ничего такого не скажет. «Никогда и ни при каких условиях...» Помнится, она сказала именно так... Я уже приехал слушать шефа. И решил остаться – как из соображений такта, так и потому, что было интересно, что же именно скажет шеф.

Шеф говорил «о несущках» (то есть приводил бесконечные цифры, свидетельствовавшие о том, как успешно в его округе проводится... чуть не сказал «атеистическая»... нет-нет, антиатеистическая... нет-нет... просто работа, НОРМАЛЬНАЯ работа с гражданами разного вероисповедания). Время от времени шеф отрывался от бумажки и с вызовом смотрел на свою опрометчивую советницу и прочих безобразников, подбрасывающих ему контр- и даже антинесущечную лингвистику.

«Начнется заваруха – опять никто из них с народом говорить не сможет», – подумал я, вспоминая 1991 год, когда беспомощность несущкоцентрических аппаратчиков породила «Лебединое озеро» вместо речей, которые закатывали бы, убеждая народ в своей правоте, их исторические (1917 года) предшественники. Позже тот же высокий администратор, с богатым опытом аппаратно-комсомольской работы в советский период, назвал Ленина «смутьяном, лежащим в Мавзолее». Мне пришлось оппонировать этому по телевизору... Мол, это не смутьян, а основатель Советского государства, чьим правопреемником является РФ. Но дело отнюдь не в этом...

Политический класс эпохи «стабилизации» (2000–2008 гг.) предъявлял нам свою волю к НОРМАЛЬНОМУ, говоря не о нормальности, а о тех или иных несущках (росте ВВП, росте золотовалютных резервов и так далее).

Оформляя надстройку, этот класс просто не мог по определению избежать идеологизации. Но она была ему отвратительна... И очень, очень-очень, хотелось избежать ее. Или, по меньшей мере, в этом не соучаствовать.

То, что мы сейчас наблюдаем, это тектонический сдвиг от несущечности как косвенного (и именно косвенного!) предъявления некой нормальности как эпицентра должного – к чему-то совсем другому. А именно – к прямому, причем весьма и весьма настойчивому, оформлению базовой, опорной идеологии – идеологии нормальности. А что такое – любая идеология? Это грубое или тонкое, беспомощное или умелое, бездарное или талантливое противопоставление по принципу свой («мы») и чужой («они»).

Как в пресловутом михалковском:

Они готовят новую войну,

И бомбой атомной они грозят народам.

*А мы растем спокойно, в вышину
Под нашим, мирным небосводом.
Они пускают доллар в оборот
На то, чтоб дать оружие убийцам.
А мы свой рубль даем наоборот –
На то, чтоб строить школы и больницы.*

Это – лубок для школьников. Но самая изощренная идеология по сути своей ничем не отличается от этого лубка.

«Они» Столыпина хотят великих потрясений.

Почему хотят? Столыпин не дает прямых ответов на этот вопрос. То ли те, кто хочет великих потрясений, наняты иностранцами, для которых великие потрясения здесь, у нас, порождают нечто противоположное в их «иноземии». То ли в них так извращена человеческая природа... На этот вопрос никогда нельзя ответить, анализируя только это «они» (отрицательный полюс идеологемы). Нужен еще и анализ положительного полюса той же идеологемы, этого самого «мы».

«Мы» Столыпина хотят Великой России.

Отсюда косвенно вытекает, что «они» Столыпина не хотят Великой России, то есть, наверное, все же речь идет о геополитических конкурентах.

«Мы» Медведева хотят нормальности. Нормальной жизни, нормальных же человеческих условий, нормальных результатов – вообще, нормальности.

«Они», соответственно, кто? Те, кто не хочет нормальности. И, напротив, хочет, чтоб наоборот. Как там пелось в песенке?

*Шагает граф, он хочет быть счастливым,
И он не хочет, чтоб наоборот...*

Измените чуть-чуть слова... «Шагает клерк...». Грубо? Ну, в конце концов, это не «Египетские ночи» Пушкина. Нам не стиль важен... Нам бы до сути добраться.

*Шагает класс... Он хочет быть нормальным,
И он не хочет, чтоб наоборот.*

«Наоборот» по отношению к «быть счастливым» – быть несчастным. Граф из песенки как раз и не хочет быть несчастным.

«Наоборот» по отношению к «быть нормальным» – быть ненормальным. То бишь носителем всяческой – культурной, социальной и, наконец, психической – патологии.

На отрицательном полюсе идеологемы нормальности – именно эта патология. Мы – нормальны и хотим нормального. Они – патологичны. И хотят патологии.

Наш враг хочет патологии. Это не пройдет! Поддержите нас! МЫ хотим всего нормального. Дашь нормальность! Россия – вперед! Вперед ко все большей и большей нормальности!

Согласитесь, возникает много вопросов.

Прежде всего, представим себе политически острый момент. А почему бы ему не возникнуть, если есть «они»?

Собрались сотни тысяч сторонников «нормального», и все они вместе начинают выкрикивать: «Дашь нормальное». Впечатление это произведет весьма специфическое.

Далее – непонятно, есть ли уже нормальность. Есть ли она на момент анализируемых выступлений Д.А. Медведева?

Или же мы ее хотим добиться?!

Или же, уже ее добившись, мы хотим ее отстоять?

Или же... Ведь выведение нормальности из подтекста (рассмотренная мною «несушечность» политической речи) в текст может вызвать и совсем нежелательные политические вибрации!

О всяком благе (в том числе и благе нормальности) особо настойчиво говорят тогда, когда его нет. Не правда ли?

Наверное, эти мои соображения кто-то захочет истолковать как подкол под апологию нормальности и нормального...

Поверьте, это не так. Я в апологии нормального вижу очень большие плюсы. Например, мне в конце 80-х годов экзальтированные толпы были физиологически омерзительны. То есть омерзительны не только в силу идеологического содержания выплеснутой на улицу энергии. И толпы, выводимые разного рода национал-сепаратистами, – тоже. Я ненавижу вой на рок-концертах, на которых приходилось бывать из интереса как культурологического, так и политического. Честно говоря, то же самое вызывает у меня рев болельщиков на стадионах. Я закончил театральный вуз, занимался и занимаюсь театральной деятельностью. Я, как культуролог и психолог, знаю, что такое суггестия. Я много выступал перед разными, в том числе и далеко не камерными, аудиториями. Я знаю, что такое экстремально-позитивная реакция подобных аудиторий. И не могу сказать, что ко всему этому («завести», «завестись» и так далее) у меня сформировалось однозначно позитивное отношение. В экзальтированных толпах всегда есть много от патологии... Накушаешься этого – затоскуешь о нормальном и норме.

«Господа! – орал знаменитый демократ с балкона гостиницы «Москва» в конце 80-х годов. – Я впервые вам могу сказать – Господа!!!»

«Нас называли господами!» – верещала не вполне здоровая психически бабуля в стоптанных туфлях.

«Милая, – не выдержал я, – когда есть господа, то есть и слуги...»

«В наших рядах чужак! – завопила бабка истошным голосом. – Прислужник номенклатуры!» Потом, как мне кажется, я узнал эту свою старую знакомую, когда по телевизору показывали рыдающих жертв пресловутого МММ. «Господа!!!»...

Но одно дело – мои личные «заморочки». И совсем другое – профессиональное осмысление идеологем.

Поместить в клеточку «плюс» НОРМАЛЬНОЕ – это дело не безыздержечное. С научной точки зрения – так и вообще невозможное. Как только вас начнут спрашивать: «В каком смысле – нормальная?», – идеологема рухнет. Мне возразят, что никакая идеологема не выдержит научной критики. Но это не совсем так. И Маркс, и Вебер, и Кейнс могут предложить вам теории, которые позволяют осуществить ту или иную идеологизацию.

Поппер – тоже может. Хотя критикует коллег, которые это делают. Идеологему открытого общества можно состыковать с теорией открытого общества. Конечно же, всего лишь состыковать. Никто из ученых, стремящихся к патенту на истину, не хочет обручаться с идеологией, понимая, что она всегда сопричастна антитезе истины – «мифу». Маркс так больше всех других не хотел этого, вооружая пролетариат «передовой теорией» и противопоставляя оную мифам апологетов реакции. И назывался марксизм-ленинизм не идеологией, а «учением».

Был, правда, идеологический отдел ЦК КПСС. Но и он дитя позднего советского времени. Этого самого застоя.

Предшественники апеллировали или к теории, или к агитации и пропаганде. И в общем-то, конечно, правильно делали. Или почти правильно... Впрочем, начни я сейчас подробно разбирать это «почти», нас унесет далеко в сторону (наука, миф, синтез понятий и мифа – и «понеслось»...). Так что давайте вернемся к основной теме и спросим себя, что такое теория нормального, теория нормы, теория нормальной жизни etc.

Глава VIII. Роль и судьба нормальности в российской политике

Каждый, кто хочет в работе, не чуждающейся собственно политического, обсуждать столь абстрактную проблему, должен начинать с так называемой профилактики. Потому что ровнехонько в момент, когда он тему задает в качестве предмета для обсуждения, ему вменяется (и не только отдельными людьми, а целыми социальными группами) некая инвектива. Мол, «вы, батенька, хотите нам сказать, что страна безумна и нормальный человек в ней обречен. Что жить в России – значит, безумствовать. А мы вот и жить в России хотим, и безумствовать не намерены».

В России и впрямь есть два сообщества, причем не только политических, но и культурных, одно из которых говорит, что Россия безумна и это прекрасно. А другое – что Россия безумна и это ужасно. Как только начинается разговор о нормальности в российской политике, то каждая из этих групп по первым же произнесенным словам хочет опознать в произносящем своего или чужого. И после этого, в зависимости от того, что она опознала, будет или аплодировать всему, что говорится, или затыкать уши.

Конечно же, я считаю, что Россия безумна и это прекрасно. Что же касается безумия и ума, то это слишком сложная проблема, которую можно обсуждать либо совсем подробно, либо очень сжато. Обсуждать эту проблему совсем подробно можно только написав об этом отдельную книгу. Но данная книга – о другом. А значит, обсуждать безумие России можно только очень коротко. Адресуя, например, к шекспировскому королю Лиру, который стал подлинным, только когда стал совсем безумным. А также предложив человеку, укорененному в российской культуре (а значит, и в онтологии), пожить несколько лет в совсем безумной стране. В Дании, например, в Швеции, в Норвегии. Пожить спокойно, тихо, удобно. Но только именно несколько лет. Причем не зная наверняка, что эти несколько лет не превратятся во всю жизнь.

«Нормальных» стран, в принципе, не так уж много. США – это очень безумная страна. Созвучно ли их безумство нашему или нет, это отдельный вопрос. Но то, что эта страна, возможно, обладает иначе направленным вектором безумия, но сопоставимым по величине с нашим вектором – очевидно. Англия – это очень безумная страна. Шотландия – это совсем безумная страна. Ирландия – тем более. Индия – очевидно безумная страна. Китай – потаенно безумная страна. Япония и Германия – подавленные безумные страны (равно как и Испания, Италия, Греция). Об исламском мире, наверное, и говорить не надо. Равно как и об Африке с Латинской Америкой.

Для многих стран их безумие тождественно шансу на историческую жизнь. В случае Израиля, например, это безусловно так. Да и в случае Ирана тоже. Наверное, Австралия – это нормальная страна. Не знаю. Я там не был. Назвать Францию нормальной страной я не берусь.

А вот Норвегия, Швеция, Финляндия, Дания... Что ж, есть нормальные страны. Но это, конечно же, не Россия. Хорошо ли, что эти страны нормальные? Не знаю. Каждый выбирает свое. То, что в этих странах любой человек, органически связанный с Россией, рехнется – в зависимости от степени органичности – за несколько месяцев или несколько лет, я убежден. Что касается тех, кто там живет, уехав из России... Для меня это и есть тест на отсутствие органической связи с Россией. Что, опята-таки, и не хорошо, и не плохо. То, что лакмусовая бумажка в одном случае краснеет, а в другом синее, это ведь не хорошо и не плохо, не так ли?

Неспособность человека, органически связанного с Россией, жить в нормальной стране не зависит от идеологических пристрастий данного человека. Подруга моей прабабушки Марья Александровна была бомбисткой и анархисткой. Прабабушка спасла ее от суда, испросив помилования у высокого должностного лица Российской империи, и немедленно увезла за границу. В этом было условие, на котором настаивало высокое должностное лицо, не желавшее в очередной раз подвергать опасности себя и свое окружение.

Прабабушка увезла Марью Александровну в Швейцарию, где ультразападница Марья Александровна быстро стала ультрапочвенницей и предприняла решительные шаги к возвращению в Россию, понимая, что ее там ждет. Остановить ее удалось с огромным трудом. Каждому, кто скажет, что это экзотический случай, отвечу, что, во-первых, это та экзотика, которая раскрывает природу вещей. А во-вторых, это не вполне экзотика. В доказательство чего прошу прочесть стихотворение Цветаевой «Тоска по родине». А также многие другие произведения сходного типа, написанные авторами с совершенно разным мировоззрением.

Хочу сказать также, что право страны на историческое существование, как мне кажется, полностью определяется степенью и характером исторического безумия этой страны и ее граждан. И что, приезжая в чужую страну, ты просто кожей чувствуешь это, как чувствуешь и то, что в одних странах это безумие созвучно безумию твоей страны, а в других антагонистично.

Скажу, наконец, что безумие отдельного человека и историческое безумие – вещи разные. Что тождества между живым человеком и человеком безумным нет. Хотя соотношение между жизнью и безумием далеко не линейное. А вот тождество

между живой страной и историческим безумием этой страны для меня несомненно. Хорошо ли, когда страна мертвая? Если ее обитатели считают, что это хорошо, почему я должен этому оппонировать? Но мне ясно, что ровно в тот момент, когда страна становится нормальной, она становится мертвой. Что-то глубоко мертвящее есть и в модернизации, и в буржуазности как таковой (при том, что по большому счету это почти синонимы). Но есть страны, пытающиеся спасти себя как безумное, то есть живое, целое – и при этом проводить модернизацию. Индия, например, именно такова. Да и Китай тоже.

Удастся ли в конечном итоге спасти жизнь от модернизации, это отдельный вопрос. Но то, что проводя модернизацию, надо особо беспокоиться о сохранении живой жизни от нормализующей мертвечины, для меня безусловно. Вот, если совсем уж коротко говорить, все, что я хочу сказать по поводу соотношения нормы и безумия в жизни стран. То есть «исторических личностей».

А теперь – о том, что намного важнее. То есть не о том, что я ХОЧУ сказать (коротко, повторю, все, что хотел сказать – сказал), а о том, что я НЕ ХОЧУ сказать.

Я не хочу сказать, что нормальность в принципе враждебна России. Что желание увидеть на месте разбитой российской дороги аккуратную европейскую трассу несовместимо с патриотизмом. Что каждый, кто хочет, чтобы российские крестьяне жили не в покосившейся избе, а в комфортном, чистом коттедже, – это чуждый нам космополитический элемент.

Я не хочу также сказать, что страсти по нормальности никогда ничего не порождали в российской истории. И что каждый, кто жаждет этой нормальности, обречен на роль Александра Федоровича Керенского.

Нормальность нормальности рознь.

И разный тип страстей по нормальности, свойственный разным личностям, по-разному воспринимается Россией.

Первый тип страстей по нормальности наиболее ярко характеризуется личностью Петра I. Петр I увидел – сначала Кукуй, потом Голландию – и страстно возжелал нормальности. То есть в каком-то смысле сошел с ума на этой почве. А когда он на этой почве сошел с ума, то есть стал безумен, то его безумие было уловлено Россией. И они – Петр как личность, а Россия как историческая личность – парадоксально сдружились на почве общего безумия. Россия отреагировала позитивно именно на безумие Петра. А не на источник этого безумия. Но соединение нормальности как источника безумия, безумия как последствия страстей по нормальности – и органического безумия России – создало Российскую империю. Санкт-Петербург – это не Амстердам, не Роттердам и даже не Лондон. Но это и не Москва. Это великое в своем абсолютном безумии дитя двух безумий (России и Петра) и одной нормальности, приобретшей характер безумия. В этом виде нутряные страсти личности по нормальности могут породить великий исторический результат, ничего общего с этой нормальностью не имеющих. Но грандиозный и глубоко впечатляющий.

Декабристы, прошедшие пол-Европы в наполеоновских войнах, увидели европейскую нормальность и сошли по ней с ума. Их безумие Россия, опять-таки, уловила. «Жертвами мысли безрассудной» назвал их Тютчев. Разве можно сказать, что это безумие, порожденное тоской по нормальности, ничего не породило в России? Декабристы и впрямь «разбудили Герцена» и так далее.

Есть и более спокойные (и потому неочевидные) прецеденты. Хрущев, например, на почве своих страстей по нормальности на свой лад немножко подвинулся. И этот крохотный импульс его безумия породил, как я считаю, Гагарина.

Это все о том, как функционирует в России первый тип нормальности – тип безумца, свихнувшегося на почве страсти по нормальному и объединившегося в этом своем безумии с Россией.

Второй тип нормальности представлен Брежневым. Брежнев, будучи глубоко нормальным человеком (я бы даже сказал, что слишком нормальным), сразу понял, что Россия безумна и что ему свою нормальность надо спрятать, приберечь для личного пользования. Это такая затаенная нормальность, порождающая не вихри страстей, возносящие Россию неведь куда, а уютное болото. В котором сидит разумный царь, притворяющийся безумным. Сидит и как бы безумствует. А страна под его усыпляюще-имитационные пасы не возносится, а успокаивается и засыпает.

Сталин в мою типологию нормальности вообще не входит. Потому что, в отличие от Петра I, он не мечтал о нормальной жизни, не мечтал превратить Россию в Кукуй или Голландию. А о чем он мечтал? Не знаю. Знаю, что не об этом. Знаю также, что Сталин в типологию нормальности не входит. И потому обсуждение его интенций уведет нас в данном случае в сторону.

Для завершения типологии нужен третий тип нормальности, олицетворяемый Борисом Годуновым или Михаилом Горбачевым. Эти политические личности, эти генераторы страстей по нормальности, не будучи безумными, не резонируют с безумством страны. И потому страну не возносят. Но они и не прячут свои страсти по нормальности в дальний уголок души. Они их предъявляют. А будучи предъявленными, эти страсти в силу их небезумия активизируют российское небезумие, то есть смерть.

По ходу анализа событий и текстов нам придется столкнуться с этим третьим типом нормальности более подробно. Здесь же я только хочу оговорить, что нормальность нормальности рознь. И что политический процесс не позволяет определить характер той нормальности, к которой Д.Медведев апеллирует, предъявляя безусловную человеческую подлинность. Но что предъявление нормальности вообще легко может быть использовано в соответствии с третьим типом этой самой нормальности. К чему, как я показал выше, есть разного рода поверхностные причины. Теперь мы видим, что эти причины (логика политической борьбы, брэнды и супербрэнды эпохи etc) соединяются с причинами не столь поверхностными.

Наличие этого соединения и является, как я показал в главе III, посвященной герменевтике медведевских текстов, одним из оснований для написания книги...

Видимо, какая-то тонкая структура этих текстов породила и аллегории, описанные мною в главе V.

Но бог с ними, с аллегориями... К ним мы еще вернемся. А пока постараемся нечто обсудить более аналитично и сухо.

Вы когда-нибудь пытались определить смысловую систему, подпитывающую глубинно-личностную философу «нормальной жизни»? При том, что рассматривать эту философу в отрыве от феномена ее подпитки чем-то более основательным, нежели она сама, бесперспективно...

Но почему подпитка должна осуществляться какой-то «системой смыслов»? Разве не может подпитывать философу

«нормальной жизни» Ее Величество Реальность? Почему между этой Реальностью и ее мощнейшими токами должен находиться какой бы то ни было смысловосистемный посредник – Теория, Культура, Мировоззренческая доктрина? И, главное, есть ли такой посредник?

Видит человек домик под черепичной крышей, дорожку, вежливых улыбающихся людей, влюбляется он в это всеми силами своей души. В это, то есть в реальность. А мы все о посредниках толкуем.

Несомненное благо не требует для поклонения оному посредников в виде системы смыслов! Несомненное? Ой-ли?

Нормальная жизнь – это не жизнь обитателя Африки, Азии или Латинской Америки. Обитатели этих континентов могут подключаться к благу под названием «нормальная жизнь». Но само это благо (и его эталоны, что тоже немаловажно) размещено на Западе. Западная цивилизация – она и только она – взрастила внутри себя нечто, называемое «нормальная жизнь». Но могу ли я ставить знак равенства между «западным образом жизни» как таковым и тем, что называется «нормальная жизнь»?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, достаточно отнестись к тому, что привычно именуется «западный образ жизни» не как к чему-то монолитному (образ жизни), а как к полисистеме («образы», а не «образ жизни»).

Рыцарский образ жизни – это тоже западный образ жизни... Один из западных образов жизни...

Можно ли называть рыцарский образ западной жизни нормальной жизнью в том ее понимании, которое мы обсуждаем? Безусловно, нет! В какой степени «нет»? В относительной (рыцарский образ жизни не является нормальным в интересующем нас понимании) или же речь следует вести не об относительной, а об абсолютной степени того же самого «нет»? То есть о том, что рыцарский образ жизни не просто не является нормальным в интересующем нас смысле, а является антитезой этой самой «нормальной жизни»? Речь следует вести именно о том, что рыцарский образ жизни является антитезой «нормальной жизни».

Но такой, как говорят, «расклад», укоренившись в реальности, должен быть оформлен в культуре. Если в реальности рыцарский образ жизни и «нормальная жизнь» находятся в антагонистических отношениях и эти отношения освоены общественным сознанием эпохи, то должен появиться роман... Или поэма... Где были бы герой и антигерой (Протагонист и Антагонист), выявляющие этот антагонизм, превращающие его в многогранные человеческие отношения между людьми, олицетворяющими антагонистические западные образы жизни. Кто Протагонист и кто Антагонист? Это зависит от исторического периода!

Великий поэт эпохи доминирования рыцарских ценностей, Бертран де Борн, расставляет приоритеты одним образом:

*Сброд торгашей, мужицкий сброд,
Зловонный городской народ –
Восставшие из грязи
Тупые, жалкие скоты!
Противны мне до тошноты
Повадки этой мрази.*

Но это оценочная норма, свойственная эпохе Элеоноры Аквитанской и Ричарда Львиное Сердце. Эпохе того, что на языке Бертрана де Борна можно назвать восхождением сброда торгашей. Или же – триумфом сторонников «нормальной жизни». Но много прежде, чем этот триумф состоялся (и столетиями позже однозначно-оскорбительных оценок Бертрана де Борна), родился гений – Мигель Сервантес. И он написал своего беспрецедентного «Дон Кихота». Того самого, про которого Достоевский говорил как про достаточное оправдание всего человечества на Страшном Суде. Мол, если человечество смогло создать такое – оно заслуживает прощения все целиком.

У Сервантеса нет и в помине деборновской категоричности. Санчо Панса – не прописной негодяй (представитель «сброда»), а глубокий, трогательный, душевный человек со своей правдой.

Он во всех смыслах слова – нормальное начало. Он, прежде всего, просто здоров и не принимает ветряную мельницу за великана.

Он не только здоров – он еще и здравомыслящ.

Он не просто здравомыслящ – он, как бы сейчас сказали, авангарден. Он критикует уходящее, осуществляя важнейшую культурную функцию.

Но кто когда-либо решался сказать, что Санчо Панса – Протагонист, а Дон Кихот – Антагонист? Кто-кто... Перестройка наша – вот кто... «Заколебали вы нас своими ветряными мельницами! Хватит воевать с ветряными мельницами!»

Табун перестройщиков прошелся по всей отечественной и зарубежной культуре. Георгий Товстоногов в преддверии перестройки за счет легкого смещения акцентов в блестящем своем спектакле представил «Горе от ума» Грибоедова как равный поединок Протагониста (Чацкого) и Антагониста (Молчалина). Но он не мог и никогда не стал бы выворачивать наизнанку отношения в рамках вышеуказанной протоантагонистической пары. Да это и не нужно было предперестроечной интеллигенции 60–70-х годов, только готовящей перестройку. На тот момент нужно было держать пальму первенства за интеллигентом – Чацким, борющимся с номенклатурщиком – Молчалиным.

Но хлесткий, умный и внутренне непримиримый ответ Молчалина на вопрос Чацкого о его талантах: «Два-с: умеренность и аккуратность» – закладывал основу для будущего выворачивания протоантагонистических отношений наизнанку.

Еще один шаг – и Молчалин начнет олицетворять собой норму (нормальную жизнь), а Чацкий – антагонистичное норме патологическое начало. Ну, назвали же человека психом? Может, не зря? Теперь этот шаг уже сделан литовским режиссером у Волчек и... Путин, которому спектакль показали, недоумевал – как так можно? А ему снисходительно разъясняли: «Можно, можно». И ухмылялись. Вы только не думайте, что я с политики перешел на театр. Я аккуратно политику обсуждаю. Ее и только ее. И политику вообще (к вопросу об ухмылках по поводу недоумений Путина), и эту самую перестройку с ее

подкопом под героизм, выдаваемым за апологию нормальности. Перестройка хотела раскурочить весь предыдущий жизненный уклад. Но больше всего ей хотелось раскурочить героическое в этом укладе, предъявляя его в качестве ненормального.

«Надо прожить свою жизнь нормально, по-человечески, чтобы не было стыдно», – говорит Д.Медведев...

Еще не ушло из жизни поколение, учившее наизусть: «Самое дорогое у человека – это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы. Чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире – борьбе за освобождение человечества».

Медведев говорит: «Ставить же перед собой какие-то глобальные цели можно, и каждый из нас имеет, наверное, эти цели, но они не должны заслонять именно главного – надо прожить свою жизнь нормально, по-человечески, чтобы не было стыдно».

И там, и там – стыдно плохо прожить жизнь.

Но в одном случае все без остатка подчинено глобальной (самой великой из возможных) целей. И ничего другого нет вообще.

А в другом случае такое заслонение глобальным всего остального – ненормально, то есть помещено не на положительный, а на отрицательный полюс идеологии.

Последовательная дегероизация – это порождение чего? Бюргерского духа? Капитализма?

Каждая эпоха имеет своих героев. Последовательная дегероизация, изобретенная спецкультурологией и спецантропологией для так называемой денацификации Германии (и потом примененная для декоммунизации и дебольшевизации), оказалась весьма коварным изобретением. Как мы все видим просто по факту, нацистские герои стремительно возвращаются в нынешнюю, постъялтинскую по своей сути, Европу. Гуманизм в его поствоенном исполнении вознамерился убить всех героев (якобы чтобы искоренить жестокость, непримиримость, амбициозность – темные стороны героя вообще). Но убил гуманизм только своих героев.

Героев же своего смертельного врага он не убил, а парадоксальным образом возвысил...

Герой-спецназовец из американских фильмов ведет ненормальную жизнь. Но грезит только нормальной – своим домиком, лужайкой, праздничной индейкой и прочим. Во имя нормальной жизни – должна осуществляться жертва? Но чем так хороша эта нормальная жизнь, что ради такой жизни у других ты должен лишаться ее сам? Лишаться благ этой самой нормы, а то и жизни вообще. Уже и Голливуд устал от такой, явно несостоятельной, версии... Уже и ему понятно, что нужно в хороших парнях рассмотреть какое-то метафизическое благо, а в плохих парнях – метафизическое же зло.

Ну, например, свобода – это благо. Несвобода – зло. Но, как только ты оживляешь эту метафизику (кто-то скажет – эгрегор), появляются и герои, которые во имя идеала свободы очень репрессивно обходятся с нормальной жизнью – и своей, и чужой.

Да, конечно, «ты меня ждешь, и у детской кроватки не спишь»... А также «смертный бой не ради славы – ради жизни на Земле». Но рядом с этим – и метафизика.

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой...*

Проклятая Орда... Дмитрий Донской с его Куликовым полем. Скольких он лишил права на нормальную жизнь. А ведь можно было договориться...

*Не смеют крылья черные
Над Родиной летать...*

Ну, нельзя изъять из жизни метафизику, подвиг, героизм и назвать нормальным то, что от нее осталось при подобном изъятии! Всегда ли в жизни есть место подвигу – это отдельный вопрос, но если в ней вообще не будет места подвигу – то почему она будет человеческой жизнью?

По факту того, что раз эти существа – двуногие, владеющие речью, любящие гамбургеры и баскетбол и умеющие обращаться с компьютерами, то они – люди? Или, еще точнее, только они и есть нормальные люди?

Но предположим, что вам удалось убедить гражданина России в том, что нужна нормальная жизнь и именно она ценнее всего на свете. Где жизнь нормальнее и комфортнее? В Австрии или Магадане? Ну, хорошо, не в Магадане, а в Санкт-Петербурге... Или даже Москве. В Москве или Санкт-Петербурге она может быть «круче». Но это другое. Нормальнее она очевидным образом в Австрии. Или даже в Чехии... Или... Стоп! Начни я только нащупывать «территориальный сакралитет» темы «нормальной жизни», ее картографию в каноническом советском варианте... А начинать надо, конечно же, с советского варианта... Только спроси я себя и других, куда должен был совершать паломничество советский человек, уверовавший в «бога нормальности» (а это был именно бог), – и все взорвется. Потому что немедленно выяснится со всей непреложностью, что совершать эти паломничества он должен был в священные Палестины под названием Прибалтика. В какой-нибудь Пярну... Ну вот, видите... «какой-нибудь»...

Нет уж, поскольку тему «нормальной жизни» можно обсуждать или с огромной осторожностью или никак, то не с картографии надо начинать ее обсуждение. И хотя советский вариант этой темы, советский культ нормальной жизни при таком обсуждении не минуешь, хотя там-то и «собака зарыта», там-то и находится все, заслуживающее самого серьезного рассмотрения... Хотя, конечно же, туда и только туда меня притягивает страсть исследователя... Так ведь опять-таки страсть... А ну, как ее лучи спалят дотла нежный цветок мечты о нормальной жизни? И что тогда я буду исследовать? Нет уж, наступлю-ка я (предупреждаю, что не надолго) на горло собственной песне. И обсужу наше сегодня, задав себе вопрос, какие социальные группы могут породить в сегодняшнем российском обществе запрос на нормальную жизнь.

Потому что, согласитесь, Д.Медведев – политик. А политик может в предвыборный период делать акцент на определенной – большой и очень непростой – теме нормальной жизни, только рассчитывая нащупать и активизировать свою социальную и политическую опору. Она же – ядро электората. А как иначе? Ну, так и давайте разбираться со структурой опорных групп в современной России. Чему созвучна в ней может быть органическая для Медведева тема нормальности? А ну как эта тема, благопристойнейшая сама по себе, породит, соединившись с нашей действительностью, нечто диаметрально противоположное?

Глава IX. Нормальность и криминальный гедонизм

Когда наш олигарх говорит, что он причастился дарам западной цивилизации и обрел желанную ему нормальность, научившись правильно пользоваться сложнейшей сервировкой и пить вино по тридцать тысяч евро бутылка, то вряд ли речь идет о нормальности, ненавидимой Бертраном де Борном и не без внутреннего сарказма воспетой Гете:

*Цвет Просвещения – разве он
Не духом бюргерства рожден?*

Дух бюргерства – сложен и противоречив. В тихом омуте этого духа завелись черти, скорое пришествие которых предсказал Гейне. Но если Гейне видел в тихом омуте немецкого бюргерства только чертей будущего фашизма, то и Гете, и Шиллер, каждый по-своему, улавливали и благие вибрации этого невероятно противоречивого духа бюргерства, проклятого – вот ведь коварство истории – с одной стороны, гением Бертрана де Борна и, совсем с другой стороны, гением Генриха Гейне. Ни Шиллер, ни Гете этот дух не проклинали. И Томас Манн сказал о себе – я, мол, человек, рожденный и выросший в духовных традициях немецкого бюргерства.

Не считаю сколь-нибудь перспективной попытку воспеть Молчалина и проклясть Чацкого. Считаю, напротив, что это ужасная попытка – распутная и абсолютно нигилистическая. Продиктованная специфической – именно прибалтийской – ненавистью к русской культуре. Ну вот, опять Прибалтика... Стоп... Крестьянин из Ставрополя по фамилии Горбачев и ярославский крестьянин по фамилии Яковлев «отоспались» на нашей культурной и социальной бытийности почище любых прибалтов. Да и некоторые представители благородных сословий «отличились» как перед революцией 1917 года, так и впоследствии.

В прибалтийской ненависти к русской культуре и плодах этой ненависти, включая спектакли по произведениям русской классики, извращающие наши ценности, есть своя логика: культуры-то (наша и прибалтийская) слишком несопоставимы. И это ясно всем, включая самих прибалтов. Что же касается нас, то, обладая таким культурным потенциалом, мы имеем право иронически и аналитически исследовать любые извращения этого потенциала, поскольку они в конечном итоге только раскроют его, потенциала нашего, подлинную природу и глубину.

А потому давайте зафиксируем, что, как ни ужасна и сокрушительна, пошла и бесперспективна, унижительна и провокационна попытка воспеть Молчалина, она к чему адресует? К умеренности как особому таланту...

Вино за тридцать тысяч евро бутылка – это умеренность? Это дух бюргерства? Это – распутство, вызов, гульба... Гусарство, «эх-ма» на манер Бертрана де Борна. Это криминал, а не норма. Или, точнее, ерничество криминала, пытающегося утверждать вопреки всему свою нормальность и буржуазность. Это даже не мечта криминалитета об Оксфорде для детей. Это фантастическая внутренняя издевка, с которой Россия, якобы радостно соглашаясь на призыв стать нормальной», на самом деле выворачивает эту нормальность наизнанку. И в каком-то смысле при этом самоспасается в разрушении: «Если уж смыслов не даете, то я вашу нормальность буржуазную так извращу, что мало никому не покажется, ни мне, ни вам. Так спародирую, что стошнит всех. И меня в первую очередь». Наша культура и онтология содержит в себе для этого пародирования все необходимые компоненты. Достаточно только заменить апелляцию к норме апелляцией к пародирующей эту норму криминальной гульбе. Тут тебе хоть анекдоты («мы немножко попоем и тихонько постреляем»), хоть песни, в которых гульба обыгрывается по-разному. И так:

*Учили меня
Отец мой и мать:
Стрелять – так стрелять,
Гулять – так гулять.*

И так:

*И ежели останешься живой –
Гуляй, рванина, от рубля и выше!*

«Народ для разврата собрался», – докладывает Егору Прокудину нанятый им организатор досуга... «Не могли бы мы здесь где-нибудь организовать аккуратненький такой бордельеро?... Забег в ширину...», – предлагает сам герой «Калины красной». Увидев брошенную старуху мать, он раскаивается и начинает надрывно вклявывать. Но это надрыв, а не дух «нормальности». Убежден, что советская номенклатура простила Шукшину его Егора лишь потому, что рядом с Егором Шукшин разместил подлинного Санчо Пансу своего криминального Дон Кихота – брата жены, Петро. «Молчит и работает, работает и молчит», – умилялись пропустившие фильм номенклатурщики. Но и Петро, согласитесь, не дух бюргерства, не умильная отсылка к «нормальности».

Итак, криминальный олигарх – это стихия «бордельеро» и «забега в ширину». Только без раскаяний и сомнений. Люсьен –

шлюха из «Калины красной» – пытается заступиться за Егора перед собирающимся его убить уголовником. «Молчи, – говорит ей уголовник (он же предтеча наших нынешних олигархов), – а то я вас рядышком положу, как голубков...». И добавляет, глядя на идущего к ним Егора: «Где ж справедливость? Он мало натворил?»

Можно ли адресоваться к криминальному базису, посылая ему мессидж «нормальности»? В той степени, в какой нормальность – это дух бюргерства, создавший обустроенность и процветательность западного мира... В той степени, в которой это так, конечно, нельзя. А все другое я обсужу чуть позже. Пока же лишь зафиксирую несомненное. Дух бюргерства вел непримиримую войну с роскошью, распутством, гламуром, «забегами в ширину», Ксениями Собчак своего времени и любителями вина по тридцать тысяч евро бутылка. Этот дух изгнал роскошь из церквей, родив протестантство. Исступленный труд, умеренность, подвижничество в миру неотделимы от духа бюргерства. Отстранение порядка от хаоса, культуры от природы – вот что в основе.

«Тут везде я велю понасажать цветочков, цветочков, и будет запах», – кричит Наташа из «Трех сестер»... Зачем надо, чтобы был «запах»? Откуда этот ритуал чистоты и упорядоченности? Каждый, кто внимательно читал «Будденброков», понимает откуда. От страха смерти. «Я лютеран люблю богослуженье», – неискренне надрыдается Тютчев...

И рядом другие строки:

*О, страшных песен сих не пой
Про древний хаос, про родимый!*

Протестант чувствует смрад тленья и хаоса. Его от этого смрада ежесекундно выворачивает наизнанку. Но он посадит цветочки, и «будет запах». Он огородится от хаоса палисадником и черепичной крышей. Благоустроенную Европу создал дух бюргерства? Есть и другая точка зрения, согласно которой создали эту благоустроенность монахи, усмирявшие плоть трудом на болотистых равнинах Франции. В любом случае, это создал испуганный труд, взятый на вооружение в качестве лекарства от смертного ужаса. И – порядок, взятый на вооружение как лекарство от хаоса, от ветра ночного, который Тютчев неискренне умоляет не петь песен про хаос, тут же называя этот хаос «родимым».

Я уже обсуждал великое безумие Петра Великого, рожденное его влюбленностью в нормальность, и отклик безумной России на это великое безумие. Вдумаемся – как именно работали любимые Петром голландцы (а также немцы и прочие)? Они работали «от и до». С перерывами на обед, ритмично и степенно. А как работал Петр, его сподвижники, заразившиеся его безумием иностранцы, включенные в петровский проект? Они работали так, как радели хлысты. А не так, как подлинные носители той западной традиции, которой якобы подражали рехнувшиеся на почве испуганной работы русских.

Русские оказались рыцарями труда. А те, кого они копировали, были бюргерами труда. Стать рыцарем труда русский может. Стать бюргером труда – нет. Лефор, который был бюргером труда, оказавшись рядом с Петром, превращается в рыцаря труда как отрицание бюргерства. Отрицание, а не утверждение. И это касается отнюдь не только петровских судорог.

Герой Шукшина, советский крестьянин, превратившийся в вора, Егор Прокудин, отказавшись от воровства и уйдя от пародийного «бордельера» в труд, становится рыцарем труда, а не бюргером. Он берет постриг в миру, а не живет нормально. И даже взяв этот постриг, он все равно труд постоянно проблематизирует. В этом и выявляется антибуржуазная, монашеско-рыцарская природа трудового русского безумия. Нашей работоголии, породившей разного рода русские индустриальные чудеса. Проблематизация адресует к смыслу труда. «Зачем родились-то?» – спрашивает Егор Прокудин, кроя очередные рекорды на трудовой ниве. Откуда это «зачем»? Почему все пронизано подобной проблематизацией?

Потому что рядом с возделанным полем – не ненавидимая хаосность природы, которую надо подавить вокруг и в себе самом, а любимые березки. «Инобытие в бытии» – другая формула спасения, другой труд. Мир зол, чудовищен – и потому возможен соблазн его отрицания. Но он – не богооставлен, он не тьма без света, в которой только самомашинация может быть ответом на вызов хаотизации.

Нормальная жизнь в ее исполнении аутентичной западной цивилизацией – это протестантская схема. Это лекарство от смертной болезни, порожденной богооставленностью.

«Знаю, что смерть рядом, но буду говорить ей свое «нет», подстригая газон... Травинка к травинке. А она мне шепчет «да»... Ая ей «нет». И подстригаю, и понимаю, и сдерживаюсь».

А когда «лимиты сдерживания» (не путать с «лимитами на революцию») исчерпываются, тогда «зиг хайль!»

Искать сию добродетель в криминальном базисе бессмысленно. Этого Дмитрий Анатольевич, как политик, не может не понимать. Но он это ищет, хотя и не там. А где искать? Ведь не в маргинализованных же низах! Или, может быть, он не это ищет? Позже мы рассмотрим и такую возможность. Но сначала все-таки задумаем до конца...

Если Дмитрий Анатольевич, апеллируя к нормальному, ищет это, бюргерское, а не что-то другое... Если он ищет это (а я так убежден, что именно это ищут и он, и его команда), то где они это могут искать? Если не в криминальном базисе и не в маргинализованных низах, то где?

Ядром криминального базиса являются организаторы воровства в особо крупных (миллиарды баксов) и просто крупных (сотни миллионов баксов) размерах. Им пафос бюргерской добродетели и бюргерской умеренности глубоко чужд. И уж если идти в фарватере «Горя от ума», то это не отмываемый Молчалин, а отмываемый Фамусов. А на самом деле – это скукоженный до криминальности дух Бертрана де Борна.

Деньги по этой – рыцарской – схеме делаются не за счет бюргерских радений на трудовой ниве. Они добываются на большой дороге... Или в постели императрицы... И это добродетельно! Труд же – постыден и греховен. «Ты бумажечки свои пишешь за гроши без выходных, – издевался надо мной симпатизировавший мне бывший член Политбюро, – а такой-то (голос его теплел), как настоящий человек, одним росчерком пера своего родственника увел миллиард долларов и нормально живет». Тут нормальное выступало в скукоженно дебурновском варианте. Кстати, в сходном варианте этот идеал описывает и Фамусов. Мол, стукнулся лбом об пол... Высочайшая улыбка... Еще раз стукнулся... Бабки, почет. Не трудился, стукнулся! Наш человек.

Если бы Молчалин проявлял таланты подобного рода, Фамусов с радостью отдал бы за него дочь. Но он не видит в

Молчалине этого любезного его сердцу лобостукательного таланта. И – презирает. Никогда с таким чужаком не породнится. Но – терпит. А почему? Почему терпит-то? В чем тут тайна базиса?

Предположим, что некто хапнул условный миллиард баксов и вошел в ядро криминального базиса. Потому ли вошел, что хапнул, или потому ли хапнул, что вошел... Не будем погружаться в эти детали (при всей их важности). Часть того, что некто хапнул, он сразу же увел за бугор. А часть оставил здесь...

На бабки, которые оставлены здесь, этот некто (а) живет и (б) хапает. Точнее – готовится к очередному хапку. А это тонкая и рискованная деятельность, требующая и криминального ума, и (криминального же) таланта. В той мере, в которой некто хапает (прорабатывает хапок, присматривается, приглядывается, планирует хапок и осуществляет оный), ему никакие бюргерские добродетели не нужны.

Есть братва, наделенная другими добродетелями. Это типичная феодальная ватага. И «некто» – в основном, что составляет содержание его жизни и доблесть оной, то есть в хапке, – опирается именно на такую ватагу.

Чего в ватаге нет – так это нормальности в ее бюргерском исполнении. Все остальное есть – удаля, ум, нюх, азарт, жестокость... Все – кроме нормальности. Значит, не только в ядре криминального базиса (архитекторы хапков), но и в первой (ватажной) оболочке этого базиса нет никакого пиетета перед нормальной жизнью в ее умеренно-добродетельном бюргерском исполнении. И если Д.А. Медведев апеллирует к бюргерско-добродетельному началу, говоря о нормальной жизни, то вроде бы он посылает свой сигнал в никуда?

Так ли? И так, и не так! Потому что и шефы (ядро базиса), и ватага (первый слой оболочки базиса) не только хапают и уводят, уводят и хапают. Они еще и, так сказать, живут на родной земле.

Во втором слое оболочки этого же криминального базиса находятся те, кто должен обеспечивать не хапок (так сказать, «работу»), а жизнь. Они должны проектировать и строить виллы для хапуг и их ватаг. Они должны данный контингент обслуживать. А это сложная и многоуровневая задача. Врач, который спасает нашего хапугу – не скажу от рака, от геморроя, – должен быть профессиональным и порядочным человеком. Хапуга будет этого человека презирать, но обхаживать. Для деятельности он не нужен и даже вреден. Но для жизни он абсолютно незаменим.

Криминальный капитализм, конечно, порождает криминальную медицину, а также криминальное образование, криминальные спецслужбы и прочее. Но он хотел бы для себя иметь нечто другое. Для себя – в смысле для жизни. Для деятельности нужен криминальный мент или криминальный министр здравоохранения, вместе с которыми хапнешь. Но для жизни нужен честный начальник охраны или врач. Иначе залетишь. И архитектор виллы (твоей, разумеется) должен быть профессионален и честен. И строитель. Иначе это (вилла то бишь) обрушится тебе на голову. И у соседа, Иван Ивановича, так и произошло: «Как ведь хапнул человек! Блеск! Но у него и строитель так хапнул, что трам-тара-рам – в лепешку. Вместе с семейством. Любо-дорого посмотреть было... Тьфу, типун мне на язык!»

Значит, хапуге нужен бюргер для своего (и только своего) жизнеобеспечения.

Но хапуг много. И каждому нужны свои бюргеры. Итак, ни в ядре базиса, ни в его первой оболочке места для бюргерского сословия (а значит и апеллирующий к бюргерской норме) нет. А во второй оболочке это место есть. И оболочка эта отнюдь не так тонка, как кому-то кажется. Если совокупный хапок... Ну, даже равен трети валового внутреннего продукта (а многие считают, что он существенно больше) и если хотя бы 25% хапка – это обеспечение жизни хапуг в нашем отечестве, то речь может идти о миллионах и миллионах тех профи, которым хапуги хотели бы вменить добродетель.

Не к ним ли обращается Д.Медведев? Не их ли уютные квартиры, дачи с подстриженными газонами, машины «Вольво» и поездки в австрийские четырехзвездочные гостиницы в отпускной период он хочет сделать отправной точкой в борьбе с ядром и первой оболочкой криминальной системы? Это был бы очень амбициозный политический проект. Он же – проект «нормальная комфортная жизнь» Он же – проект «а la Кукуй» «Давайте поживем по-людски». Только вот...

Прошли выборы... И выяснилось, что некий слой, почему-то называемый «средним классом» или даже «верхушкой среднего класса», а по сути являющийся этой самой второй жизнеобеспечительной оболочкой (находящейся и впрямь в непростых отношениях с хапугами и ватагой), голосует ногами. То есть он и впрямь откликается на идеал нормальной комфортной жизни в его классически бюргерском исполнении. Но он не связывает для себя этот идеал с Россией. Потому что, по его мнению, жизнь в России ненормальна и некомфортна по этим самым бюргерским меркам. А как она может быть нормальна и комфортна для тех, кто является второй оболочкой, коль скоро и ядро, и первая оболочка ориентированы на нечто, прямо противоположное нормальному бюргерскому идеалу?

Если все, что хочет представитель этой самой второй оболочки, нормальность... То реализовывать свой идеал он будет в нормальных же странах... Где соблюдают правила уличного движения... А также другие правила, делающие жизнь нормальной и комфортной в достойно-бюргерском смысле.

Добиться такой жизни в России эта вторая оболочка базиса может только сметя ядро базиса и первую оболочку. Но ни хапуги, ни ватага не сдадутся на милость своих проктологов и дантистов. Хапуг и тем более ватагу надо будет сметать известным дедовским способом, именуемым «революция». Сметать, погибая, жертвуя собой... ради чего? Нормальной комфортной жизни? А зачем ради нее чем-то жертвовать? И совместим ли этот идеал с жертвой? Тем более, что говорится о пагубности потрясений, о необходимости передышки, причем многодесятилетней. Значит, в течение всего этого времени хапуги должны хапать, ватага – наезжать... А вторая оболочка базиса – добросовестно и за хорошие деньги обеспечивать «жизненно важные потребности» хапуг и ватаги?

Но это нельзя назвать нормальным или даже комфортным. Это можно назвать лакомым. Но не более того. И дело не в высоких идеалах, а в повседневности. Будь ты тысячу раз аполитичен, повседневность тебя «достанет». То гаишник тебя неоправданно тормозит, то браток в зад твоего «Вольво» въедет на своем «Мерседесе». И тебя же за починку «Мерседеса» платить заставит. То есть пригнет – на бабки выставит и унизит. А при чем тут тогда комфорт? Нормальность? Если это позитивно-бюргерский идеал, то он основан на острейшем чувстве собственного достоинства. На защищенности твоих прав законом. Причем настоящей защищенности... А тут все по анекдоту: «Нам истец дал двадцать тысяч долларов, а ответчик –

тридцать. Предлагаю – взять с истца еще десять тысяч и судить по закону». Это, что ли, комфорт и норма?

Если нормальность, к которой апеллирует Д.Медведев, – это бюргерская нормальность, нормальность умеренности и дехаотизации жизни («умеренность и аккуратность» в некарикатурном и неапологетическом прочтении образа Молчалина), то для нее жизнь по данному анекдоту (а имеет место она и только она) – это глубочайшая патология.

Устранение этой патологии – высокоиздержечный процесс, несовместимый с комфортом, вменяемым тебе в качестве высшей ценности. А вот если это не устранение патологии, а отстранение от нее, тогда... домик в Австрии, вид на жительство, знание языка... Ну, а дальше – «по ситуации».

Но, может быть, речь идет не об этой нормальности (назовем ее нормальностью-1), а о каких-то других нормальностях, нормальностях-2, -3 и так далее? Рассмотрим и их.

Нормальность-2 представляет собой не бюргерскую, а гедонистическую нормальность («да дайте пожить нормально, снова живем, в конце-то концов»). Бюргер заболевшую жену из дома не выкинет. Он будет вздыхать о беспорядке, менять простыни и проветривать помещение, изгоняя болезненные, скверные запахи... Он будет занудно требовать от жены оформления завещания, соблюдения прочих нормальностей, предписанных ему его бюргерским кодексом чести. Но он жену не выкинет никогда! Это не только не по правилам. Это неприлично и непорядочно. Домочадцы его не поймут, соседи, собраты по цеху, общество. Бюргер может извести придирками здоровую жену так, что она повесится. Но больную жену он, повторяю, никогда не выкинет из дома. Гедонист же это делает «на раз».

Дом классического бюргера и дом гедониста, даже если они тождественны как материальные объекты вплоть до каждой кафельной плитки и каждой сервизной чашечки (а так, конечно же, быть не может), служат совершенно разным целям. Задача дома гедониста – дать гедонисту сорвать максимум цветов удовольствия, набрать максимум очков в игре под названием «жизнь». Задача дома бюргера – создать пространство для мирского служения, превратить быт в утвердительный и спасительный ритуал, не дать океану хаоса просочиться в батискаф личного (семейного) материального космоса и этим, придав материальному ритуальный смысл, сотворить магию вытеснения хаоса из сопряженного с материальным космосом космоса смыслов. Беря ложку, моя пол, застилая постель, классический бюргер творит обряд: «Прочь, хаос, и из жизни, и из души. Изиди, сатана!»

Домочадцы, как следователи, ведут неустанный розыск: «Куда еще вторгся этот ужасный хаос? Откуда еще можно его изгнать?». Нормальную жизнь классического бюргера кто-то может назвать непрерывным невротически-вытеснительным ритуалом. Так закладывались основы той жизни, которая потом покажется такой умиротворяющей и удобной: «Нормально живут люди! Эх-ма! Нам бы так!»

Когда кто-то хочет повторить результат, не вникая в то, чем он порожден, какой ценой оплачен и что собой знаменует... Зачастую некий результат, который стороннему наблюдателю кажется самозначимым (у них красивая жизнь – почему? потому, что они так обустраиваются), на самом деле является, так сказать, отходами другого (чаще всего духовного) производства. Чистота тела или аккуратность могут иметь гигиенический смысл, а могут быть следствием исполнения очистительного культа.

Разумеется, столетия, прошедшие с момента утверждения бюргера как героя новой эпохи, многое смягчили... Последующие поколения всегда пользуются тем, что сделано предшественниками. Поддерживать огонь культурной и духовной традиции гораздо легче, чем его зажигать. Устанавливать нормы невероятно трудно. Но когда они установлены и закреплены, то воспроизводятся во многом автоматически. Скопировать текущую фазу процесса – не значит воспроизвести процесс. Сказать: «Хотим, чтобы было нормально – как у них», – конечно, можно. Можно столетиями переживать, причем порой горячо и искренне: «Ну, почему у нас не может быть, как у них?» Но для того, чтобы сделать «как у них» и превратить, например, Рязанскую область в один из районов желанной Швейцарии, нужно не только скопировать материальную среду (что само по себе возможно лишь в рамках условного умственного эксперимента), но и сделать нечто качественно большее. И никакая передышка, которая, конечно, очень нужна, не обеспечит этого.

И, наверное, обсуждать стоит не то, будет ли Рязанская область Швейцарией, а то, к каким последствиям приводило желание сделать Рязанскую область Швейцарией. Последствия, повторяю в который раз, бывали, в основном, двух типов.

Либо – возникал Санкт-Петербург.

Либо – страна разваливалась.

Петербург создала неистовая вспышка этого невыполнимого желания, вкупе с беспощадной, гениальной и уж никак не «нормальной» (в бюргерском или ином сходном смысле) личностью Петра Великого.

Развал... К нему привел страну Горбачев. Человек не беспощадный и нормальный, в отличие от палача стрельцов.

Есть политическая субкультура, утверждающая, что Россия благоденствует при безумцах и садистах. И погибает, коль скоро власть попадает в руки нормальных людей. Но это очевидным образом не так. Власть в России много раз оказывалась в руках нормальных людей, и ничего страшного со страной не происходило. Ни при Черненко с Россией ничего плохого (очевидно и сиюминутно катастрофического) не происходило, ни при Брежнев. Что же касается модернизационного импульса, то он не разваливает Россию, только когда он бьет в нее током страшного, безумного напряжения. Напряжения мечты, фантазии, иступленной воли к преодолению чего-то. Эта мечта, фантазия и воля к преодолению вызывает соразмерный отклик. Столкновение сверхмощных токов воли и отклика порождает вихрь. Этот вихрь подхватывает Россию и уносит ее куда-то. Совсем не туда, куда хотелось бы ей или тому, кто ударяет в нее молнией своей воли, фантазии и страсти. Молнии казалось, что она заряжена тоской по Амстердаму. А России? Максимилиан Волошин написал по этому поводу очень яркие строки:

*Ветер обнаженных плоскогорий,
Ветер тундр, полесий и поморий,
Черный ветер ледяных равнин,*

*Ветер смут, побоищ и погромов,
Медных зорь, багровых окоемов,
Красных туч и пламенных годин.*

*Этот ветер был нам верным другом
На распутьях всех лихих дорог:
Сотни лет мы шли навстречу вьюгам
С юга вдаль – на Северовосток.
Войте, вейте, снежные стихи,
Заметая древние гроба;
В этом ветре вся судьба России –
Страшная, безумная судьба.*

*Что менялось? Знаки и возглавья?
Тот же ураган на всех путях:
В комиссарах – дурь самодержавья,
Взрывы Революции – в царях.
Вздеть на виску, выбить из подклетья,
И швырнуть вперед через столетья
Вопреки законам естества –
Тот же хмель и та же трын-трава.*

«Вопреки законам естества» – считает поэт... В любом случае, речь идет действительно о каких-то запредельностях... Они откликаются на в чем-то соразмерную им волю. И даже если воле этой грезится Амстердам, рождается Санкт-Петербург. Санкт-Петербург – это не сто Амстердамов. Это – другое качество всего. Другое качество формы, порожденное другим качеством духовного вихря. Если модернизация – не упорядочивание, не улучшение управления, не накопление возможностей, не улучшение качества жизни или защита рубежей, а именно модернизация (эх-ма, даешь Амстердам!) – оказывается лишена сумасшедшинки и размаха, она разваливает страну.

Норма и патология? А что если Россия может быть, только будучи ненормальной? Если желание сделать ее нормальной (да еще такое простое, не людоедское, так скажем, желание) как раз и порождает в ней в качестве ответной реакции вялое, разрушительное безумие?

Нормализация не равна модернизации.

Нормализация без модернизации в определенных условиях (например, после развала) может быть весьма благотворной. Уж чего бы мне совсем не хотелось – это дискредитации оздоровления, политики малых дел, прагматической, реальной политики. Это все необходимо и позитивно. Не надо только сочетать нормализацию и модернизацию. «По уму» – это, вроде, и есть самое эффективное. А на самом деле, именно это оказывается прологом к системному обвалу.

Несоответствие объекта и систем воздействия – вот что это такое. Объекта? Можно ли называть Россию – объектом? Сверхсложная система, явно не сводимая ни к каким рационализациям... При воздействиях на такие системы исторический опыт важнее выкладок. Оптимальное по уму может оказаться губительным по факту.

Горбачев затеял неадекватную модернизацию общества и страны. Общество завалилось в регресс. Страна развалилась. Китайцы двадцать лет изучают губительный опыт нашей неадекватной модернизации. А мы?

Бюргерская нормальность (нормальность-1).

Гедонистический нормалёк с его «однова живем» (нормальность-2).

Есть ли еще другие виды нормальностей? Оказывается, есть.

Глава X. Нормальность и диссидентская революция тела

Вы живете в СССР и копите ненависть ко всему, что вас окружает. Идиотские речи генсеков, тошнотворная пропаганда, парткомы, психушки, очереди у прилавков... Но ведь вы живете в этой стране... Живете и не уезжаете... Если вы уехали, то эта реальность прекращает на вас воздействовать.

В каких еще случаях эта реальность на вас не действует? Если вы монах и настолько отстраняетесь от реальности вообще, что вам барабир... Хотя ненавистный «совок», хоть упоительная Швейцария... Вы со всем этим не контактируете... Хороший мир, плохой... Вы из мира вообще ушли.

Но это, как мы понимаем, не тот случай. Вы человек мирской... Мир, который вас окружает, вас категорически не устраивает... Вы в нем жить не перестаете. Вы наращиваете отчуждение от него.

Если вы нормальный человек, то вашей психике, вашему сознанию, вашему «я» нужен определенный объем подпитки. Причем получить эту подпитку вы можете только из системы «эта страна». Вы перекрыли первый, непосредственный, канал, по которому идет такая подпитка. Этот канал – реальность. Вас не интересует то, что интересует ваших сверстников. Вы не соединяете свои сенсоры, свои датчики разного рода с тем, что реальность из себя источает. Вы попадаете в депривацию, недоподпитку. Чем ее компенсировать? Чтением книг? Каких? Советских? Они пропитаны тем, от чего вы хотите отстраниться.

Вы перекрываете и этот канал. Остается великая русская литература. Можно, казалось бы, ненавидеть «совок» и обожать...

Толстого, Достоевского, Пастернака, Мандельштама, Пушкина, Гоголя. Но это не так просто, как кажется.

Потому что вся эта литература (а также музыка, живопись и т.д.) диктует вам определенное отношение к миру. Именно то, которое для вас неприемлемо. Литература говорит вам о вашем долге перед народом. О том, что вы должны отречься от «себя для себя», но не «для России» (Гоголь), что «не для того ли разночинцы разохлытые топтали сапоги, чтоб я теперь их предал» (Мандельштам). На вас обрушиваются тысячи пронзительных строк. «Не может сын смотреть спокойно на горе матери родной»... Ну, и так далее. И вам нужно, чтобы выстоять, отключить и этот канал. А как это сделать?

Тут-то и появляется нормальное и ненормальное. Они все ненормальны – эти Блоки, Бунины, Пастернаки, Мандельштамы, Пушкины, Гоголи... Любящие «совдепию», не любящие ее... Это они своей ненормальностью, своими страстями по народу, своей совестью, своей иступленной морально-экзистенциальной проповедью подготовили «зловонный совок», от которого вы должны оградиться.

Это все – ненормальное.

А есть – нормальное. Вы, ограждающийся от ненормального, нормальны. И вам нужны связи с нормальным миром.

Нормальным миром... Уехали бы вы в тот же Израиль (и из него куда угодно еще, спотыкаясь все время о ненормальности израильскую, американскую и другие – и добираясь до чего-нибудь нормального, то есть мертвого), вы бы вступили в контакт с этими иными мирами. Уловили бы их ненормальность. И приняли бы ее. Добрались бы до подлинно нормального и вместе с ним умерли заживо. Но поскольку все это от вас далеко, то, во-первых, та ненормальность не улавливается и именуется нормальностью. А во-вторых, она вас не может ни подпитать, ни разочаровать. Она находится от вас слишком далеко.

По-английски, вы, может быть, и хорошо читаете, но и не настолько уж хорошо... Да и в любом случае Шекспир, Мильтон и Чосер не заменят вам (куда от архетипов-то денешься!) Пушкина, Карамзина и «Слово о полку Игореве». И наконец, начнешь впускать их нормальность в душу – повеет их ненормальностью. «Что значит человек, когда его заветные желанья – еда да сон? Животное – и все». Почти как «самое дорогое у человека – это...». Тьфу! В итоге отвернувшаяся от своего и не прикоснувшаяся к чужому душа покрывается своеобразным панцирем... То, что под панцирем, болит. И больше всего вы начинаете завидовать – сначала тайно, а потом и нет – тем, у кого не болит. Надо, надо научиться у них. Надо, чтобы не болело.

И постепенно возникает нормальность-3: когда нет души, точнее, когда она не болит. А что происходит с чувствами, когда надо их отключать от души? Их надо переключать на тело. Тело – это большая система. Она включает в себя не только тело как таковое. Но и всю подключенную к телу среду. Глаза хотят радоваться красивым вещам. Кожа – эlegantному белью. Ноги – туфлям, голова – шляпам. Задница – креслу и унитазу. Зубы – щетке. Желудок – пище...

И тут вы, наконец, понимаете, за что вы ненавидите «совок». За то, что он не дает радоваться вашему телу. И вся культура – такая же, как «совок». Чувства есть. Пищи для них нет. И всю силу чувств вы переносите на совокупное тело.

Нормальность-3 – это культ широко понимаемого тела, тела как такового плюс его продолжения в виде вещей.

Но это же фактически совпадает с нормальностью-2. Жизнь – это очки, набираемые телом. Сумма его больших и мелких одобрений. Тело превращается в бога. Ты ждешь его одобрений. Служишь ему.

Западная культура, западная цивилизация воспринимаются тогда как уроки на тему: «Способы получить одобрение от своего тела».

Разница между нормальностью-2 и нормальностью-3 в том, что нормальность-2 безнадрывна. Браток ограбил, домину отгрохал, в джакузи забрался и нежится... Как зверь...

А нормальность-3 – это надрыв. Это идеология. Так надо. Проклятая страна, проклятая культура, и, конечно же, проклятый «совок» разучили смаковать радости тела. «Солнце, воздух и вода – наши лучшие друзья»? Это другое! Это им здоровый солдат нужен для их коммунистических гадостей. «Закаляйся! Если хочешь быть здоров...» Тьфу, тьфу и тьфу...

Герои Рабле невероятно долго обсуждают, чем лучше вытереть зад. Кошечкой... Мышонком... Белочкой... Отделы рекламы современных западных корпораций ничем не отличаются в этом смысле от Гаргантюа. Рабле был не так прост. И Бахтин, его воспевавший, был тоже не так прост.

Революция тела... Тела, способного к тонким ощущениям. «Ах, как это тонко!». Ощущения могут быть разными – необязательно включаемыми в понятие добродетель. И что? Мы люди широкие! Люди тела... Но не те люди тела, которые как животные! Мы люди ума и изыска, сумевшие возвыситься до того, что они называют низом.

Революция тела – это революция низа. Впрочем, и тот, кто просто тело лелеет, от примитивности и животности, наш союзник и друг. Враги наши – ненормальные, которые называют тело низом. Мы любим Запад не потому, что нам нужен Запад, а потому, что Запад – это школа, помогающая учиться тому, как получать одобрения тела.

Наши козлы – ненормальные, потому что у них все построено на духе. Западники – нормальные, потому что у них все построено на теле.

Комфорт – это что? Культ тела!

Начинается с тела. А потом удовольствия. Мы хотим удовольствий. Что их антитеза? Страдание. Нормальные – у кого удовольствия. Ненормальные – те, кто страдает.

Страдания мешают удовольствию. Мы не хотим видеть страдающих. Уродов, инвалидов... Они мешают нам получить удовольствие. Хотя... Можно же еще и получать удовольствие от того, что ты не страдаешь, а он страдает.

Церковь? Это о том, как попасть в рай.

Рай – это место удовольствий.

Там еще комфортнее, чем в отеле 6 звезд.

Мы – за церковь. Но за церковь удовольствий. Массы надо приучать к удовольствиям и пугать отсутствием удовольствий.

Потом оказывается, что спектр удовольствий можно расширить, наблюдая... Ну, те же гладиаторские бои! И что? Тело – безошибочно. Оно высший судья. Если оно испытывает оргазм от вспоротых животов и вываливающихся кишок – оно право!

Я мог бы показать, что все это кончается поиском метафизик, позволяющих освободиться от души и дать телу полноту абсолютного Властелина. Но это было бы забеганием вперед. Пока я лишь разобрал типы «нормальности», что есть патология для каждого из этих типов и... Как нормальность-3 в союзе с нормальностью-2 используются для ликвидации страны и общества.

Столыпин хотел русского бюргера.

Сталин понимал, что не будет никакого бюргера.

Петр I, иступленно желая бюргера и Амстердам, породил Пушкина и Санкт-Петербург.

Горбачев спустил с цепи псов нормальности-2 и нормальности-3.

Мы получили распад страны и регресс. Вместо обещанного развития.

И вот опять – развитие, модерн, нормальность. Понимаю, что желанна бюргерская нормальность-1. Но чтобы не получить вместо нее очередную революцию тела и низа... Да еще в условиях нынешнего триумфа тела и низа... Пытаюсь представить себе, какой молнией для этого надо долбануть и куда вихрь унесет... Воображения не хватает. А вот как можно низ еще больше развязать – понятно. Тонка грань... Нужен яркий свет и очень сочная краска, чтобы все увидели черту. И, увидев, не захотели перешагнуть...

Нормальность – очень коварная тема. Ты хочешь сделать свою страну нормальной... Вот ведь и Петр Великий хотел, к Кукулю присматривался. А рядом – гедонизм, ему тоже нормальность нужна. И он точно знает, что «нормально» – это когда раскован низ. А какое развитие, если низ должен оседлать верх? Развитие – это когда «вверх». А если верха нет? Или он ненормален? Или если для кого-то развитие становится не освоением верха и восхождением (выше, выше), а освобождением от верха и нисхождением?

Рядом – все то, что уже разыграло карту под названием «революция низа», «революция тела»... «Вот-вот – подхватывает «это» любимую тему. – Нормальное! Нормальное и комфортное! И развитие – как что? Правильно! Как движение к этому... К телу, низу.. К тому, что не хотела принимать как благо эта патологическая страна».

«Ах, – скажут вам, – вы хотите внедрить норму... Но патология-то какова! И всю эту патологию надо подавлять! Мы умеем это делать! Ну, конечно, же, гарантий тут быть не может! Может быть, объект настолько патологичен, что сноваотреагирует на нормализацию распадом. А что делать? Сохранять его в состоянии такой патологии? И кому нужна нормальность-1? Поздно спохватилась, упирившаяся патологическая дура! Модерн – позади! Желаящих уродоваться ради того, что и так есть под боком в соседней стране, немного. А вот нормальность-2 и нормальность-3... Тут и база поддержки есть... Тела – кому только не хочется. Низа – тем более. И потом... В этом есть постмодерн... Будущее, так сказать... Глобализация... Потребительское общество... Шизо-капитализм как прорыв к низу, к храму Тела...»

А может быть, что и не будет все говорить напрямую... Скорее всего не будет... Это начнет складываться, склеиваться... Возникнет новая интеллектуально-политическая реальность...

Тут главное – развитие... Сложнейшая философская, метафизическая категория. Подменить ее туфтой – мол, развитие – это движение к очевидной цели... А разве цель не очевидна? Ну, так вот... Движение к очевидной цели – это развитие... А цель – нормальное... А нормальное... И понеслось.

Кстати, кто-нибудь понимает, почему развитие так увязывается с нормальным? Гений – вот кто движитель развития, не так ли? А что такое «гений»? Нет, это не обязательно «помешанный» (ну, «гениальность и помешательство» и так далее). Но это обязательно тот, кто меняет норму, уложившееся, привычное. Бетховен – нормален?

Революция 1917 года – зло...

Революция 1789 года – тоже зло...

Все социальные революции – зло.

Все революционеры – смутьяны, зовущие к потрясениям.

А научные революции – зло? Эйнштейн – такой же смутьян, как Ленин и Робеспьер?

Бетховен – зло?

А духовные революции? Понятно, кто тогда смутьян. Так его и распяли в качестве такового.

Развитие – это проблематизация рамок, считающихся несомненными.

Несомненное – это то, что Солнце вращается вокруг Земли. Потом оказывается, что Земля вращается вокруг Солнца. И это – революция. Со своими, кстати, мучениками и героями. А кто такой Джордано Бруно?

Некие рамки, не подвергаемые проблематизации, – это парадигма. Кун определял научную и научно-техническую революцию как смену (ломку) парадигм. Парадигмы сами не меняются. Их меняют. Парадигма – нормальное. Смена парадигм – это ломка нормального.

Развитие – это череда научно-технических революций. Конечно, и других тоже. Но это сразу втягивает в дискуссию о роли социальной революции... Оставим спорное... Роль научно-технических революций в развитии – бесспорна. Или развитие обеспечивает только нормальный бюргер с домиком и палисадником? Как-то слишком уж несерьезно. Научный или культурный гений для развития важнее благолепного бюргера. Вновь – спорная позиция? Хорошо! Не будем спорить, кто важнее. Но ученый важен? Ньютон важен? И культурный гений – тоже важен! Значит, развитие – это цепь меняющихся парадигм, научно-технических и иных.

И причем тут нормальность? Любая – хорошая или плохая? Нормальность – это наличествующая парадигма. А развитие – это ломка парадигмы, ломка этой самой нормальности. То есть развитие – это ненормальность.

А теперь давайте подумаем, что будет, если соединить нормальность с развитием как ненормальностью. Если к единице со знаком плюс прибавить единицу со знаком минус, то будет ноль. Что такое ноль в арифметике, понятно. А в философии? Философии вообще и философии развития, в частности?

Столыпин, Сталин, Горбачев... Петр I... Ученые... Это все лики – свершения, несвершения и извращения этого самого развития. Что такое совокупность ликов, в том числе и «лика мутации»?

Это бытие развития... Все его бытие как совокупность ликов, фигур... А что есть, кроме Бытия? Ничто. У развития, как и любого «явленного», есть его Бытие, представленное Фигурами или Лицами, и его же Ничто. Его нельзя увидеть, ибо у него нет лица, нет формы. Но его можно услышать. И не как музыку (музыка – это тоже форма). А как смех.

Глава XI. Нормальность как оружие

Разбирая все варианты использования нормальности, мы не можем игнорировать и тот вариант, при котором нормальность превращается в свою противоположность. А задание обществу и стране: «Станьте нормальными!» – оборачивается наращиванием системных социальных патологий, то есть мутацией. Предположим, что наш враг или конкурент (а у какой страны и какого общества нет врагов и конкурентов?) знает о том, что определенным образом сформулированное требование «Станьте нормальными!», превратившись в систему реформ, может породить все социальные патологии и разрушить объект. То есть этот враг или конкурент понимает, что нормальность может быть инструментом цивилизационной деструкции, социокультурным вирусом, средством стимуляции мутагенеза, киллером социокультурной системы. Почему бы этому врагу или конкуренту не попытаться использовать нормальность подобным образом? То есть почему бы ему не превратить нормальность в оружие, направленное против той страны, которую якобы хотят нормализовать?

Враг или конкурент не может действовать в этом направлении сам. Но он может поддержать определенные действия фанатиков нормализации, направив их деятельность в определенное русло. Фактически именно этим и был так называемый «Гарвардский проект», который породил и развал СССР, и безумие 90-х годов. Неужели кто-то думает, что это в прошлом? И что благие намерения что-то там действительно нормализовать не могут быть средством мощения дороги в ад распада и мутагенеза? Мы уже видим, что есть не только фанатики, которые пойдут на это, веря в нормализацию (и на самом деле уже созрев для превращения из нормализаторов в революционеров тела, то есть в свою противоположность), но и другие группы. Как криминальные, так и органически антигосударственные, то есть фундаментально мещанские.

В этих условиях мы не имеем права считать, что нормальность обернется какой-то (пусть и нелюбой нашему сердцу, но благопристойной) нормализацией. Мы должны рассматривать весь спектр возможностей, включая те возможности, которые превратят лозунг «Даешь нормальность!» в средство усугубления патологизации.

Говоря о необходимости рассматривать весь спектр возможностей, я вовсе не считаю, что медведевская философия нормальности и ее политические дериваты обязательно приведут к усугублению патологии. Я, напротив, убежден, что медведевская органика чужда патологизации и деструктивному началу. Но Медведев – не личность, в одиночестве творящая миры, а политик. Он должен на кого-то опираться, учитывать групповые интересы, апеллировать к существующим в обществе разнокачественным мотивациям. Каждый переход от личностной интенции к различного рода политическим действиям и уж тем более проектам предполагает разнообразные социальные и политические интерфейсы. А такие интерфейсы образуют не винтики и микросхемы, а люди. Люди же у нас сейчас активно встроены в социальные системы самого разного качества. Что в итоге получится? Это не может не беспокоить. В подобном беспокойстве нет ничего от инсинуации.

Скептически настроенный читатель, конечно, может сказать, что я придираюсь к словам Д.Медведева. А также оперирую критериями безвозвратно ушедшей эпохи, когда колоссальная политическая машина, получив обязательное для выполнения задание, начинала действовать по принципу: «Решения партии в жизнь!».

Он может сказать также, что я перевожу тексты Д.Медведева из разряда обычных предвыборных обращений в чуждый существующей политической системе разряд идеологических (и стратегических) документов, становящихся для их создателей делом жизни, чем-то наподобие знаменитого «на том стою и не могу иначе».

И наконец, он может сказать, что я, вдобавок к неадекватному пониманию соотношения слова и власти, проявляю сходную неадекватность и в части соотношения между словом и обществом. Любым словом вообще. И властным в особенности.

Методологически продвинутый читатель упрекнет меня в том, что я, в погоне за художественно-символическими аллегориями, использую метод экстраполяции, проводя упрощенные параллели не только со сталинскими и горбачевскими социально-политическими реалиями, но и с реалиями совсем уж древних времен. А «таперича не то, что давеча».

Но готов ли такой, методологически продвинутый, читатель утверждать не только наличие глубочайших изменений (кто же спорит!), но и отсутствие каких-либо инвариантов, за сохранение которых отвечает ядро (социокультурное, историко-политическое и так далее) того субъекта, на чьи глубочайшие изменения читатель справедливо указывает?

Хочет ли такой читатель сказать, что этого ядра нет вообще? Вряд ли, поскольку если он «продвинутый», то не может не знать, что обладание самых разных систем ядром установлено не только социологами и культурологами, но и биологами, архитекторами компьютерных систем и так далее.

И какой смысл говорить о масштабе изменений, если нет дополнительной к изменчивости устойчивости (она же, если мне не изменяет память, наследственность)? То есть возможности, в дополнение к ответу на вопрос: «Насколько меняется?», ответить и на вопрос: «Что или кто меняется?».

Или же читатель, вслед за известным философом и бывшим советником Ельцина А. Ракитовым, считает, что можно говорить не просто об огромных изменениях (культурных, политических, социальных, экономических), но и о смене ядра у подвергнутого этим изменениям субъекта?

Но тогда читатель, проверяя мой результат, поддерживает мой метод (ракурс, принцип подхода и так далее). Он признает, что выступления Д.Медведева, носящие, конечно же, прикладной характер, вписаны в контекст стратегической и концептуальной борьбы, которая не только не стихла, но и тяготеет, увы, ко все большему обострению.

И доколе, в самом-то деле, можно делать вид, что это не так! Мой методологически продвинутый оппонент – вовсе не

умозрительный мальчик для битья, которого я изобрел для «оживляжа» своих теоретических построений. Это реальный и вполне матерый коллективный «оппонентище», который ничуть не хуже меня понимает значение надстроечных метаморфоз для реализации... Нет, не прагматических намерений надстройки этой, отнюдь, – для реализации собственных стратегических устремлений, когда-то гордо именовавших себя «окончательным решением русского вопроса», а теперь скромно названных этой самой «сменой ядра».

С точки зрения ревнителей данной «смены», нормальная Россия – это Россия, сменившая системное ядро. Россия с качественно новыми социокультурными кодами. Это Россия, расплывавшаяся окончательно со своей прежней (не семидесяти-, а тысячелетней – вот что тут важно) патологичностью, безумностью etc. Обращаю внимание тех, кто не так продвинул, как мой «методологический оппонент», что одно дело – говорить о сколь угодно масштабных изменениях периферии системы, а другое дело – утверждать, что налицо именно смена ядра (разгром того, что Унамуно называл интраисторией).

Если кому-то кажется, что для такого разгрома достаточно разгромить традиционное (в основе своей аграрное) общество, то этот «кто-то» не в ладах с собственной (собственной ли?) историей. Сталин разгромил традиционное общество. Конечно же, своеобразным способом... Коллективизацию можно понимать ведь и иначе, не так ли? И все же интраистория очевидным образом перекочевала в индустриальное советское общество. Не перекочевала бы – в войну бы не выстояли. Перекочевала ли она и в постиндустриальное общество? Михаил Ромм мучительно пытался ответить на этот вопрос в фильме «Девять дней одного года». Режиссура того времени прекрасно понимала, что такое кастинг (выбор актеров на роль).

Выбирая оппонентом Баталова (актера не интеллекта, а обаяния) аж самого Смоктуновского, Ромм показывал, что он, как минимум, не играет в просоветские поддавки.

Я-то считаю, что он играл в другие поддавки, обрекая на поражение просоветскую (и это многие понимали) линию Баталова.

Подаренные советской цензуре покаяния Ильи в исполнении Смоктуновского – не более, чем фига в кармане.

Концепция – это не «хэппи энд» и не отдельные словесные реверансы. Это кастинг и только кастинг. И все же Баталов не проигрывает Смоктуновскому. Почему? Потому что конфликт Баталова и Смоктуновского (про- и антисоветских представителей постиндустриального, академгородковского, реального мира) дополняется далеко не безоблачным союзом Баталова и Н.Сергеева (академгородковского сына и аграрного бати).

Сжатый между двумя очень крупными актерами – Смоктуновским и Сергеевым, – Баталов должен был бы сокрушительно проиграть. Но он не проигрывает, потому что...

Потому что – интраистория! Сергеев не по цензурской воле, а по факту игры поддерживает Баталова, а не добивает его. Хотел ли этого Ромм или так это получилось у актеров, игрой которых (если они талантливы) управляет уже не режиссер, а дух культуры? Не знаю. Знал это только Михаил Ромм. Но он эту тайну унес в могилу.

Дело, разумеется, не в творчестве одного художника по фамилии Ромм и даже не в совокупном художественном творчестве эпохи, а в той реальности, которую это творчество отражает, выражает, а в каком-то смысле и формирует.

Эта реальность, во-первых, позволяла выдвигать и реализовывать самые смелые постиндустриальные проекты. В стране был нужный для этого творческий потенциал. И не только творческий, но и социальный.

Что такое творческий потенциал? Это наличие ученых, выдвигающих и реализующих масштабные идеи, формирующие новый облик страны. Это когда есть Курчатов и Королев.

Что такое социальный потенциал? Это когда есть среда, превращающая идеи в проекты – ядерный, космический и так далее. Такая среда состоит не только из творцов (которых всегда немного), но и из всего, что обеспечивает жизнеспособность замыслов этих творцов. А это миллионы людей. Миллионы – воодушевленные постиндустриальной перспективой, готовые подвижнически работать во имя ее осуществления. Труд по созданию нового в принципе не может быть бюргерским, то есть нормальным. Такой труд всегда рыцарский, иступленный, подвижнический.

Посмотрите в хронике на лица молодежи 60-х годов, собиравшейся на концерты и дискуссии в Дубне или новосибирском Академгородке. Это чистые, воодушевленные лица. Если бы тогда политические лидеры оперлись на этот контингент, сделали бы этот контингент своим Семеновским и Преображенским полком – мы жили бы уже в стране с возможностями, стократно превышающими СССР 1980 года. Свобода не стала бы синонимом деструкции. Застой не заразил бы своими миазмами все слои советского общества.

Почему же этого не произошло? Потому что правящий класс, так называемая номенклатура, предпочел организовать регресс и развал СССР, но сохранить свои иерархические возможности. Номенклатура не захотела делиться властью с интеллигенцией. А без готовности делиться властью с этой социальной силой, превращающейся на постиндустриальном этапе из прослойки в господствующий класс (когнитариат, меритократию), развитие не могло осуществляться столь интенсивно, сколь это нужно было в условиях глобальной историсофской и геополитической конкуренции. Интересы номенклатуры – шкурные, корыстные, враждебные всему историческому – совпали с интересами наших врагов и конкурентов.

Что же касается интеллигенции, то у нее не хватило политического самосознания для того, чтобы понять собственные интересы с достаточной глубиной и масштабностью. Той глубиной и масштабностью, при которой интересы класса приобретают характер веления Истории. Без этой глубины и масштабности класс не может возглавить процесс перехода страны на новый этап развития. А будучи неспособным это сделать, он становится пешкой в чужой игре. Так и произошло.

Застой состоялся не потому, что Брежнев ничего не мог ему противопоставить, а потому, что номенклатура не хотела передавать кому-либо власть и не могла сама реализовывать развитие. Застой породил множество тяжелейших политических, социальных и культурных заболеваний, поразивших, прежде всего, интеллигенцию, в которой номенклатура видела нежелательного властного конкурента. Диссидентство и эскапизм, конформизм и потребительство, то, что Кьеркегор назвал «смертной болезнью», и рассмотренный мною культ псевдонормальности, приводящий к построению «церкви тела».

Номенклатура боялась одного: что интеллигенция перехватит у нее инициативу в рамках Красного проекта. Она совершенно не боялась, что интеллигенция начнет с этим проектом воевать. Она поощряла эту войну в ее двух вариантах – сахаровском и солженицынском. Она знала, что в итоге интеллигенция заработает весь букет описанных мною выше социальных заболеваний.

Когда же эти заболевания перешли в острую фазу и превратились в опаснейшие социокультурные штаммы – номенклатура сделала следующий шаг: она эти штаммы выплеснула на общество так, как штаммы бактериологические выплескивают на подлежащие уничтожению войска или чужое мирное население. В конечном итоге, интеллигенция стала разносчиком заболеваний, уничтожающих другие слои общества. Да и эти слои общества были патологизированы. Каждый из слоев в соответствии со своей органикой. Криминальный гедонизм, мещанство (не зря названное Горьким «ненавистью к людям»)...

Мало ли что еще было использовано для того, чтобы общество превратилось в регрессивную слизь... Когда же оно в эту слизь превратилось, исчезло все то, что позволяло в предыдущую эпоху считать реалистичными самые смелые планы развития. Исчезла интеллигенция (научно-техническая, в первую очередь, но и не только). Исчез рабочий класс, созданный ценой невероятных лишений. Если сейчас в объявлениях пишется: «Требуется сварщик не старше 75 лет», – то это о чем-то говорит, не правда ли? Исчезла промышленность как стратегическая целостная подсистема. Плохи или нет были советские автомашины, самолеты, поезда и так далее – мы на этом передвигались. Мы пахали на своих тракторах. Мы имели свое, пусть и несовершенное, станкостроение. Мы в целом организовывали жизнь, опираясь на свой внутренний, а не внешний рынок.

Все это было обременением для тех, кто осуществлял реформы 90-х годов. Интеллигенцию, заразившую народ разрушительной волей к нормальности (в ее описанных мною вариантах криминального гедонизма и «церкви тела»), использовали и превратили в социального маргинала. Общество управляется внутренними, а не универсальными социальными иерархичностями. Мой отец, доктор наук, профессор, заведующий кафедрой, получал 600 советских рублей в месяц. Много это или мало? Поскольку рабочий получал 150-180 рублей, то это в 3-4 раза больше, чем зарплата рабочего. Это «в 4 раза больше» определяло место в обществе, степень нужности, а значит, и уважения. А также все остальное.

Сегодня мои учителя, профессора Московского геологоразведочного института (института, по определению обеспечивающего сырьевой сектор экономики), получают никак не больше 500 долларов, а то и меньше. Профессора ряда ведущих технических вузов – по 500 долларов. Счастливцы, добившиеся высшей квалификации в МГУ, – по 800-900 долларов. Нормальность? В какой другой стране мира, пусть не развитой, а развивающейся, существует такая депрессия в сфере оплаты труда ученых, инженеров, профессоров и так далее? Везде эта лидирующая группа, группа развития, получает больше других категорий работников. Меньше других категорий она получает только у нас в стране. И это говорит о качестве протекающего процесса больше, чем все заявления по поводу воскрешающейся России.

Эти заявления – непонятно, кому нужные, – выполняют чудовищную роль. Они мешают осознать, что происходит с действительностью. 15 февраля 2008 года, Красноярск. Из стенограммы выступления Первого заместителя Председателя Правительства России Дмитрия Медведева на V Красноярском экономическом форуме «Россия 2008–2020. Управление ростом»:

«Продолжая реализацию тех проектов, которые были инициированы два-три года назад, мы должны будем сконцентрироваться в ближайшие четыре года на основных направлениях, на своеобразных четырех «и»: институтах, инфраструктуре, инновациях, инвестициях».

Позже Д.Медведев начнет говорить о пяти «и», добавляя в качестве пятого «и» интеллект. Этот разговор о четырех или пяти «и» был бы абсолютно правомочен в конце 60-х годов, в условиях СССР, готового к постиндустриальному рывку. Он был бы столь же правомочен в условиях высокоразвитой капиталистической действительности, например, той, с которой имел дело Рональд Рейган. Но он абсолютно неправомочен в условиях четырех «д» – декультурации, деиндустриализации, десоциализации, дегенерации. В условиях системного регресса, захватывающего как материальную, так и духовную сферу. В условиях глубочайшего культурного провала.

Все это сдержано Путиным в период с 2000 по 2008 год, и потому мы еще не развалились окончательно. Но сдержано – не значит переломлено. Признай Медведев в качестве исходной ситуацию четырех «д» – ему пришлось бы говорить о восстановительном периоде или о чем-то другом, находящемся в соотношении с поставленным конечным заданием. Ни один политический лидер не может говорить о цели, не характеризуя стартовое состояние, из которого надо двигаться к цели по определенной траектории.

Но Медведев лукаво избавлен от этой необходимости разговорами о том, что Россия в 2000–2008 году якобы не регресс сдерживала (что является большим, но относительным позитивом, вполне достаточным для сохранения ключевых политических позиций Путиным и его преемниками), а возродилась аки феникс из пепла. Возродилась?

Разгром советского индустриального и постиндустриального секторов... Сорок миллионов гектаров (целая европейская страна, квадрат размером примерно 650х650 километров), выведенные из сельскохозяйственных... Всем понятные (и признанные на высшем международном уровне, прежде всего, в ООН, к которому мы всегда апеллируем) негативные мегатренды в сфере образования, медицины, культуры и много чего еще. Орды торговцев и менеджеров, криминальный мейнстрим... Всем понятная – и беспрецедентно высокая – продовольственная зависимость, невхождение в Европу и НАТО при потере своего поля политических, культурных и военных союзников, превращение бывших сателлитов в инструменты чужой политики, в источник особо сосредоточенной ненависти к тому, к чему ранее «прилипали» как по военно-стратегическим и экономическим, так и по идейным соображениям.

Даны нам в качестве старта эти самые четыре «д». А мы говорим, что на финише будут четыре или пять «и». За счет чего? Четыре «д»... Что они сделали с ядром российской исторической личности? Травмировали это ядро? Сменили его?

К какой исторической личности обращается Д.Медведев, говоря об этих самых «и»? Сочетаемы ли такие «и» с нормальностью в ее рассмотренном нами триединстве, при котором один социальный модус этой самой нормальности

мечтает или осуществляет эмиграцию в нормальные страны, другой модус превращает нормальность в криминальный гедонизм, а третий читает проповеди с амвона «церкви тела»?

Так какова же нынешняя Россия? Господин Ракитов, будучи советником Ельцина и призывая к модернизации России через катастрофу во имя смены ядра культуры (оно же ядро цивилизации как культурно-исторической монады – не путать с мировой цивилизацией или с цивилизованностью), добился катастрофы. Но добился ли он смены ядра исторической личности, атакуемого этой самой катастрофой? Сам же Ракитов признает теперь, что этого не произошло. И призывает фактически менять дальше ядро уже за счет расчленения России. При этом он тоже прославляет нормальность в духе культа тела, прямо уравнивая нормальность с уютными, комфортными, хорошо пахнущими сортирами и утверждая, что качество сортиров намного важнее всего, чего угодно – культурного и исторического творчества, геополитического потенциала, научно-технической и экономической мощи.

Как соотносятся нормальность в понимании Ракитова с нормальностью в понимании Медведева? Ведь Медведев – я в этом абсолютно убежден – не готов добиваться нормальности ракидовским методом расчленения России на части. Да и вряд ли он все-таки так солидаризируется с нормальностью в духе «церкви тела» (запах, исходящий из сортира, комфортность стульчака и так далее). Но отсутствие четкой грани между ракидовским и медведевским пониманием нормальности, грани, проведенной, говоря образно, не пастельным карандашиком, а солдатским штыком, создает огромные политические проблемы.

Ядро культуры... Ядро культурно-исторической монады... Ядро исторической личности... Это ядро истерзано. Но о смене ядра говорить не приходится. А раз так, то политический лидер, который в качестве личности лелеет в своем ядре нормальность как сокровенную экзистенциальную идею, должен соотносить лелеемое и с безумием, являющимся нормой для исторической личности, к которой он обращается, и с патологизациями ядра этой исторической личности, и с тем, что я назвал четырьмя «д».

В противном случае, апелляция к нормальности спустит с цепи трех псов – эмиграции, криминального гедонизма и «телолюбия». И эти псы разорвут на части Россию.

Я глубоко убежден, что Россия, находящаяся в нынешнем состоянии, может откликнуться на идею нормальности только деструктивно, то есть усугубляя антитезу нормальности – системную социальную патологию. Но предположим, что я неправ. И что какая-то Россия, которую я не знаю ни по опыту, ни по проводимым мною и другими социальными исследованиями, – готова к нормальной корреляции между призывом к нормальности и движением к нормальности. Это вся Россия?

Д.Медведев обращается к новой, нормальной России с лозунгом окончательного обеспечения синтеза нормальности и развития. А другой России – нет? Ее олицетворяет только монстр по фамилии Кургиян, ткущий невразумительные псевдоинтеллектуальные «холсты»? Да полно!

Я два раза в месяц провожу заседания своего Клуба и вижу молодые лица с горящими глазами. У меня есть свои печатные органы, свой сайт. Я получаю многочисленные отклики на свои статьи и телевизионные выступления. Не буду говорить о других, просто чтобы никого не брать в поделники. Но счет, с которым я (и ведь совсем не я один) побеждаю сегодня на теледебатах с «нормальниками», нечто отражает, не так ли? Но и это мелочь.

Всеми обсуждаемый рейтинг Сталина... Неосоветское электоральное большинство (две трети путинцев, все зюгановцы, половина жириновцев и пр.)...

Ненормальная Россия не просто жива. Она все более оформляется.

Д.Медведев может или участвовать в оформлении этой «ненормальной России», или потерять ее, а вместе с ней и путинское наследство. Но что тогда он получит?

Нормальную новую Россию?

Во-первых, это возможно лишь при наличии каких-то нормальных социальных завязей. А их на самом деле, как я уже показал, нет. Есть три нормальности, которые никакой России оформить не могут. И это, увы, все, что наличествует.

Во-вторых, даже если я не вижу завязей, а они есть, завязь – это не электоральное большинство. Д.Медведев готов осуществлять нормализацию теми способами, которые осуществляются в условиях, когда нормально лишь меньшинство, и называются диктатурой?

В-третьих... А кто сказал, что это меньшинство поддержит Медведева, а не «оранжевых» (Касьянова, Каспарова и кого-нибудь покрупнее)? М.Горбачев тоже считал, что своей апелляцией к нормальному и «нормалефилам» он получит их политическую поддержку. Но получил-то ее Б.Ельцин! И это глубоко закономерно. Потому что «нормалефилы» поддерживают (а) антивластное, (б) угодное Западу. На то они и «нормалефилы»!

А поскольку Д.Медведев – политик, то опираться на сомнительное меньшинство он не хочет. Предлагается другое. Адресовать нормальность новой России (как я это называю, «4Д-джеренэйшн», а развитие – старой России. Той самой, которая ходит на мой и иные сходные клубы, поддерживает курс на державность (как в путинском, так и в иных вариантах), «рейтингует Сталина», нажимает определенным образом кнопки на теледебатах.

Создать такой идеологический, политико-стратегический конструкт, в принципе, можно. Но тогда не надо пудрить нам мозги о якобы проходном характере текстов Д. Медведева. Можно, повторяю, попытаться создать такой конструкт. А вместе с ним и медведевское большинство, являющееся уже не слепком с путинского большинства, а новым (хотя и сходным с путинским) большинством.

Попытаться-то можно... Но успех или провал попытки будет зависеть (а) от того, чего именно – провала или успеха – хотят конкретные конструкторы, а также те, кто к ним примыкает (пиарщики, спичрайтеры и т.д.), и (б) от способностей тех, кто хочет успеха, а не провала, хочет всерьез осмыслить феномен под названием «путинское большинство». То есть природу путинского консенсуса.

Глава XII. Нормальность как проблематизация путинского надидеологического консенсуса

В основе путинского консенсуса лежал так называемый надидеологический синтез. Что это такое?

Берется нечто (пока даже не будем уточнять, что именно) и говорится: «Люди, что вам дороже? Это нечто или ваша идеология?» По отношению к путинскому большинству этим «нечто» (надидеологическим консенсусом–1 или НИК–1) стала страна. Россия. Необходимо оговорить, что началась работа с НИК–1 задолго до Путина. Да, Путин эту работу оформил делами и фактом соответствия между своей личностью и НИК–1. Честь и хвала ему за это, но...

Но формирование НИК–1 началось еще в начальный ельцинский период. И не где-то, а на страницах газеты «Завтра». Дело не в том, что автор данной книги печатается в «Завтра» или питает к этой газете неукротимое влечение. Известно, что не раз имело место совсем другое. И я с газетой расхотел по определенным вопросам, причем достаточно кардинально. Нет, дело не в моих пристрастиях, а в очевидной для всех объективности. То, что НИК–1 начал формироваться именно на страницах газеты «Завтра», это неоспоримый факт современной российской истории.

Так давайте же присмотримся повнимательнее к этому факту. Формирование НИК – штука непростая и отнюдь не безболезненная. В самом деле, к людям обращаются с вопросом: «Что для вас важнее? Россия или идеология?» Люди отвечают по-разному. Ведь им приходится делать очень тяжкий выбор... и разве не было тех, кто сделал выбор в пользу идеи? Ой ли! Так ли коротка память некоторых патриотических групп, что они забыли начало так называемой «первой чеченской войны» (1994–1996 гг.) и демонстрации под красными флагами с лозунгами «Дудаев лучше Ельцина»? Разве не говорилось, что и Басаев лучше Ельцина (или Чубайса – какая разница)? Так говорили одни.

Другие сказали, что страна важнее идеи. А значит, Ельцин лучше Дудаева и Басаева. Но сказавшие не только не полюбили Ельцина. Они отдавали себе отчет в том, что Ельцин соорудит именно ту реальность, которая будет весьма и весьма далека от блага. И что страна, которую они спасут за счет этого самого НИК–1, будет и метастабильна, и начинена несимпатичными им свойствами. Но она будет. И в итоге факт ее Бытия победит все эти несимпатичные свойства. Иначе говоря, смысловое ядро цивилизации (нашей исторической личности), выстояв, перемелет навязанную, деформированную периферию этой же самой цивилизации.

Но для НИК–1 мало было такого общего упования. Нужны были встречные (и именно встречные) шаги. Ельцин шел на них с огромной неохотой и под давлением политического фатума 1996 года. Тогда он одобрил, скрипя зубами, «Письмо 13-ти», предложившее НИК–1 в качестве стратегии класса и государства (каждый, кто не поленится ознакомиться с этим письмом, убедится, что это НИК–1 в чистом виде).

Подписантам «Письма 13-ти» казалось, что они всего лишь осуществляют пиар-ход. Они не понимали, что слово и власть находятся в очень сложных соотношениях. Что ж, непонимание значения идеологического текста никак не сказывается на его исторической капитализации. Просто пользуются этой капитализацией не те, кто совершает действие. Воспользовался капитализацией Путин. Он гораздо охотнее и дальше, чем Ельцин, пошел в сторону НИК–1, не превращая это НИК–1 в неосоветскую реставрацию. В итоге НИК–1 состоялся.

Его предтечей был сходный, зеркально, так сказать, отраженный НИК периода гражданской войны и индустриализации. Тогда тоже задавался вопрос: что вам дороже – идеология или Россия? Тогда тоже отвечали на этот вопрос по-разному.

В основе любого НИК – закон жертвы. В чем этот закон? В том, что то, чем жертвуют, находится ниже того, ради чего жертвуют. Сказав в 1918 году «страна выше идеи», рощины и телегины пошли к красным. Шли они – «через не могу». Алексей Толстой назвал это «хождением по мукам».

Но почему удалось вынести муки, которые, конечно, были неизмеримо страшнее тех, что описал Толстой? Потому что белый, приходивший к красным, видел в чуждом – невероятно чуждом и бесконечно враждебном ему – комиссаре некую жертвенную страсть. Он понимал, что это не пиар, а страсть. Что и этот «гад в кожанке» тоже готов умереть за какую-то свою Россию. Но ведь за Россию!

Тексты о развитии, которые я анализирую, предлагают ни много ни мало, как новый НИК, НИК–2. Надидеологической точкой сборки должна стать не несомненность страны, а... Развитие.

Это возможно? Повторяю, в принципе – да. Но нельзя при этом не признать, что на пути к реальному осуществлению НИК–2 имеются очень серьезные препятствия. Гораздо более серьезные, чем те, которые с таким трудом были преодолены при осуществлении НИК–1.

Страна – это нечто экзистенциально, метафизически, чувственно несомненное. Не надо объяснять человеку, что такое Родина. НИК можно осуществлять вокруг чего-то несомненного и являющегося достаточно насыщенным страстью, подлинностью, серьезностью.

За все надо чем-то платить. Это и есть закон жертвы. Принести жертву можно только когда есть вера и любовь. А также надежда на то, что нечто будет осуществлено, а не полуиздевательски обозначено ради того, чтобы пипл, именуемый «Ненормальная Россия», это схавал. Рощины и телегины из романа, созданного в определенную эпоху, – это одно, хотя и в романе говорится о муках. А реальные прототипы – это другое. Они прекрасно понимали, что идут к красным под некую условную договоренность, которая впоследствии будет разорвана. Понимали, что для них все может обернуться расстрельными рвами и заполняемыми ГУЛАГами. Но шли. Почему? Потому что судьба их Родины была для них важнее их собственной судьбы. А также потому, что их вчерашние враги, которых теперь они же должны были поддержать, не пиаром занимались, а сами надрывались во имя Родины. Верили и надрывались. Надрывались и верили. Надидеологическая консолидация? Извините, но это не присоединение к кайфу «нормалька», который в итоге стал общим знаменателем путинизма, еще и прикола, «типа, развитие», который должен стать общим знаменателем постпутинского периода? Так не выйдет!

Либо у слова «развитие» возникнет очень мощное и жгучее наполнение. Либо никакого НИКа вокруг этого слова соорудить не удастся. НИК, напоминая, – это надидеологический консенсус. Консенсус на халяву... Консенсус без

наполнения... Это абсолютно невозможно!

Но о каком же наполнении может идти речь?

Политтехнологи чужаются высокого стиля и любят обвинять сторонников подобного стиля в неэффективности. По большому счету, неэффективны сами эти политтехнологи. Но для того, чтобы дискутировать по любому вопросу, нужно находить общую территорию. В том числе – и с теми же политтехнологиями. Тем более, что в чем-то они правы. Высокий стиль зачастую и впрямь соседствует с политической беспомощностью.

Используя высокий стиль, я мог бы говорить о словах благодатных и безблагодатных, живых и мертвых.

Но, делая уступку политтехнологам (какая же дискуссия без уступок?), я буду говорить о заряженном и незаряженном. О заряженности слов психологи говорят, как минимум, с эпохи Фрейда. А в сущности, и до этого. У слов и вправду есть заряд. Фрейд связывал этот заряд с энергией Эроса. И утверждал, что и слова, и предметы, и действия могут быть заряжены этой самой энергией (которую он долго считал универсальной). А могут быть этой энергии лишены. Слова, лишённые энергии, не способны ни на что воздействовать. Слова, заряженные энергией, воздействуют тем больше, чем больше энергии. И чем она выше по своему качеству.

Господа кремлевские политтехнологи! Вы можете формально вводить любые НИКи. Но если вы не можете НИКи зарядить этой самой энергией, то это никакие не НИКи, а мертвые слова. Помните Гумилева?

И, как пчелы в улье опустелом,

Дурно пахнут мертвые слова...

НИК не может быть мертвым словом. НИК может быть только словом живым. О заряженности или разряженности НИКов я говорю лишь для того, чтобы не использовать высокого стиля (см. выше). Слово живое – это высокий стиль. А заряженность... О том, что есть заряженные и разряженные брэнды, знают даже те, кто донельзя чужается высокого стиля. Все – вплоть до рекламщиков. Не удалось зарядить слова и предметы, входящие в плакат или ролик, – никто не кинется покупать рекламируемое.

НИК – конечно же, не рекламная чушь. Но давайте все же используем по отношению к нему понятие «заряженность». Ведь НИК – это во многом конструкция. Концентратором подлинной страсти или живого слова является аутентичный смысл, а не компромиссный (НИК всегда компромиссен) смыслоконструкт. Предложите ранним христианам пожертвовать Христом ради Рима – ничего не выйдет. Но именно их вера в итоге спасла и Рим (на малое время), и Византию (на тысячелетие), и всю европейскую цивилизацию.

Зарядить НИК «страна», казалось бы, совсем не трудно. Страна является в какой-то мере естественным коллектором национальной энергии. Так-то оно так... Но и не вполне так. Ибо на алтарь НИК «страна» должны были быть положены человеческие судьбы. Убитые в Чечне и других «горячих» точках... Их родственники, близкие... А еще социальные интересы... А еще ценности, причем далеко не второстепенные... Да мало ли еще что...

Но в каком-то смысле НИК «страна» – это органический коллектор энергии, а НИК «развитие»... Разумеется, НИК «развитие» зарядить намного труднее, нежели НИК «страна». А платить за «развитие» ту или иную цену (то есть жертвовать) несомненно придется. Для того, чтобы в плане развития хоть что-то сдвинулось с мертвой точки, в жертву (да-да, жертву) развитию должно быть принесено очень многое – карьерные и клановые интересы, идеологические предпочтения, расхождения по принципу «свой – чужой»... В каком-то смысле даже и социальные интересы. Но именно в каком-то смысле. Потому что нельзя требовать от сброшенных на социальное дно масс жертв во имя развития и предъявлять этим массам антижертвенную, гипергедонистическую «шикующую» элиту. Такая надидеологическая сборка исключена.

Конечно, можно сказать, что нам уже не придется чем-то жертвовать ради чего-то, что развитие будет сопровождаться «неуклонным ростом благосостояния всех тру...», прошу прощения, всего российского населения.

Непонятен только смысл подобных «благо-пустопорожностей». Выборы вроде бы позади... Да и те, кто голосовал за неуклонный рост всеобщего благосостояния, опуская бюллетень в урну, понимал: в жизни надо платить за все. Платить – значит жертвовать.

Консолидация через развитие... Масштабная энергетизация понятия «развитие», придание слову «развитие» жизненности, заряженности, насыщения его энергетическими вибрациями... Возможно ли все это в 2009 году? В 1959 или даже 1969 году это было возможно. А теперь? О гарантированном успехе подобной энергетизации слова «развитие» сегодня могут говорить либо абсолютно циничные, либо абсолютно наивные и неумные люди.

Население как-то адаптировалось к новому базису. А также к порожденной им далеко не безусловной надстройке. Оно – страшно сказать – адаптировалось к регрессу. Оно не ждет перемен, как в конце 80-х годов. Оно ненавидит эти самые перемены, боится их пуще всего на свете. Советский потенциал развития обнулен. В лучшем случае – подарен Западу... Обычно в таких случаях говорят «за спасибо». Но тут даже не «за спасибо», а за плевков в лицо. Зарядить слово «развитие» в 2009 году в сотни раз труднее, чем в указанный мною выше советский период. В тысячи раз труднее, чем в 1986-м. А ведь НИК-2 надо насыщать большим количеством достаточно высококачественной энергии любви. Это вам не реклама обуви и не политреклама. Энергетизация тут должна быть не абы какой, а чрезвычайно мощной.

Предположим, что вы осуществили слабую энергетизацию и начали проект НИК-2... Рассказать, как его поломают?

Людей будут переключать на то, что имеет неизмеримо большую энергичность и притягательность. Вы им про развитие, а ваши конкуренты... Ну не про Карабах, как в конце 80-х годов прошлого века, а про ичкерийскую независимость. Или про ритуальное убийство царя евреями. Мало ли про что... Найдется про что! Зарядить нечто соседнее энергией конкурирующей любви... Или энергией ненависти... Что, мы не помним, как исполнялся подобный номер в различные эпохи нашей истории (в перестроечные годы в том числе)? Помним мы про это. Помним и про то, как преодолевались тогда те или иные «энергетизации», нацеленные на деструкцию.

Есть такое простое понятие – «натравить». Люди недовольны. Они иногда вообще не знают точно, чем они недовольны. Люди не всегда, кстати, знают, чем они довольны. А уж чем они конкретно недовольны... Этого они, как ни странно, очень

часто не знают. Но это не значит, что нет недовольства. Оно может быть ни на что не замкнуто до поры до времени. И при этом разлито в воздухе.

Пока оно разлито в воздухе – нет инструмента реальной деструкции. Инструмент появляется только тогда, когда вся эта разлитая в воздухе энергия недовольства замыкается на нечто конкретное. Например, на какую-нибудь раздражающую политическую фигуру. Таковой может быть одиозный политик, коррумпированный чиновник, начальник, не справляющийся с ситуацией, знаковое лицо, с которым та или иная нация связывает свои бедствия, и так далее.

Итак, деструкторам для того, чтобы начать действовать, нужно замкнуть разлитое в воздухе недовольство на конкретный раздражитель. То есть этот самый предмет насытить негативной энергией. Между прочим, предметом может быть не только человек, но и... Когда-то, где-то, для кого-то – Лубянка, когда-то, где-то, для кого-то – мавзолей, когда-то, где-то, для кого-то – памятник Пушкину и так далее. Как только разлитая в воздухе деструктивная энергия замыкается на конкретный раздражитель, можно обеспечить некое начальное действие. Разрушить памятник, атаковать правительственное здание, в котором находится одиозная фигура.

Это начальное действие вызывает противодействие. За счет такого противодействия – действие, во-первых, усиливается. Но это не все. Тут-то обычно и изменяют саму направленность действия. Как? Сопрягая частное с общим, одиозную фигуру с государством.

Для противодействия деструкции надо помешать такому сопряжению. Буквально – разорвать ложную связь между частным и общим.

В национальном регионе кипят страсти. Кто-то канализирует всю эту негативную страсть и выдвигает лозунг: «Долой Везирова!» (первый секретарь ЦК КПСС Азербайджана в конце 80-х), а то и «Долой Горбачева!».

Толпа кидается на здание, где находится Везилов. Милиция ее туда не пускает. Толпа еще больше заводится. И тут кто-то меняет лозунг. И вместо «Долой Горбачева!» выкрикивается «Долой СССР!» или «Бей русских!»

У вас есть минимальное время на то, чтобы эту ложную связку разорвать, чтобы помешать перенести негативную энергетизацию с частного на общее. Как это делается? В каждом конкретном случае это делается по-разному. Но в принципе общая схема существует. И она отражена даже в былинах: «Не заради Князя Владимира, а заради земли святорусской, заради жен, сирот, детей малых».

Так Илья Муромец, посаженный Князем Владимиром в узилище, униженный им и поруганный, объясняет, почему он будет защищать ненавидимого князя от иноземных орд. Не князя, мол, он будет защищать как нечто частное, а нечто общее. И не надо, мол, подменять одно другим, осуществлять ложное сопряжение.

Что это значит применительно к тому, что мы рассматриваем теперь?

Вы, вводя новый НИК, должны сказать: не «заради земли святорусской» и не «заради Родины», а «заради Развития». Тогда вас попросят объяснить, что это такое. Кто будет объяснять и на каком языке? Это полностью определяется вашим активом. Как политическим, так и административным. Полюбить можно лишь узнаваемое. И в узнаваемости своей находящее отклик в душе. В недрах нынешнего неозастоя должны найтись люди, адекватные теме развития. И обсуждающие ее серьезно, профессионально и страстно.

Страсть – это не истерика, не пафос, не трескучая болтовня. Русская классика давно тут все определила с абсолютной точностью: «Я знал одной лишь думы власть, одну – но пламенную страсть». Где думы власть – там и страсть. Человек может быть сух и конкретен. Но при этом абсолютно сосредоточен на этой – главной и единственной – думе. А раз так сосредоточен, то и серьезен.

Это можно уподобить огню. Когда огня, что называется, «до и больше», общество напоминает кипящую лаву. Когда огня становится меньше, с обществом происходит то же, что и с этой лавой. Остывая, она покрывается коркой. Или – коростой. Это остывшее (короста, корка) и представляет собой застой. Чем толще корка – тем всепобедительнее застой. Пока под коркой есть огонь – окончательная победа застоя невозможна. Но при очень толстых корках лава меняет качество. Она сама (не корка, а лавовый остаток) наполняется ядовитыми газами, другими продуктами подкорочного метаболизма. Борясь с застоем, вы пробиваете корку («пусть выйдет лава»). А лава-то уже того... В этом – одна из тайн так называемой перестройки.

Но об этом позже. Сейчас – о «коре застоя». В ней самой нет огня – серьезности, страстности, глубины. Но под ней огонь еще теплится. Под коркой брежневского застоя была, например, не до конца остывшая советская проектная лава. И пока она была, пока шло от нее какое-то остаточное тепло, даже не хватавшие звезд с неба аппаратчики могли говорить на языке «амбиций развития». Языке, хранящем память об этом самом «огне». А были тогда и другие люди, люди огня. Они – философы, системщики, технократы, деятели культуры – страстно и серьезно говорили об амбициях развития, считая себя частью миропроектного целого, несущего огонь развития человечеству. И все это как-то соотносилось с огнем.

Мне скажут, что амбиции – штука безусловная. И что чем скромнее, тем лучше. Не спорю, скромность – это одно из драгоценных человеческих качеств. Но рядом с ним не только его Антагонист (чванство, важничанье), но и двойник. Отсутствие уважения к себе. И не только к себе, но и к тому, чем ты занимаешься.

Приснопамятная шутка застойных лет: «Ранний репрессанс, поздний реабилитанс и сю-сю-реализм». Короста – это «сю-сю» на нужную тему. Хрущев у власти – одна тема. Брежнев – другая. Переход от одной темы к другой осуществляется «на раз». Разговор же на любую тему ведется на этом самом «сю-сю языке». Потому что никакого интереса к теме нет. Есть интерес к чему угодно другому – карьере, интригам. Но только не к теме.

Когда о Родине говорят на языке сю-сю, это может сойти, поскольку и без слов (даже вопреки им) Родина – «тело огненное». И тем не менее... Сю-сю по поводу Родины – это «сю-сю-стабилизанс».

Что такое «сю-сю-стабилизанс» – мы знаем. Знаем, как вдруг обнаружили в себе непоколебимых патриотов и даже националистов люди, которые перед этим говорили о патриотизме (а уж о национализме – тем более) с отвращением и ненавистью.

Если «сю-сю-развитанс» заменит «сю-сю-стабилизанс», то развития не будет. А в силу специфики тематики развития будет очень быстрое и сокрушительное фиаско. Ибо отнюдь не «тело огненное» – это самое развитие для сегодняшнего общества. Огонь надо зажигать заново. Зажечь его невероятно трудно. Под коркой незастоя – не советская лава. Там – муть вышеназванных «четырех д».

Вы сказали хоть с какой-то степенью неопределенности о развитии? На ваш зов откликнется «4Д-джеренэйшн». Она устроит такой танец вокруг темы развития, что мало не покажется. Сю-сю и «4Д» – это липучка. Есть, говорят, такой вид нелетального оружия. Люди рвутся в бой. На них этим побрызгали. Они лежат спеленутые. Наподобие мух, прилипших к липкой ленте. И ждут, пока силы, использовавшие такую «нелеталку», распорядятся так или иначе их судьбами. Добьют ли... Или освободят и угонят в плен.

Парадоксальное свойство нынешней социокультурной и политической ситуации состоит в том, что эту липучку набросит на развитие не враг, а Система. В силу ее застойных качеств, помноженных на фактор «4Д-джеренэйшн». И каждый российский политик, выдвигая НИК, должен отдавать себе отчет в том, что это-то и произойдет в первую очередь.

Коммунистический проект погубил застойный кастинг. Но некое достоинство языка сохранялось вплоть до 1987 года. Функционеры, не имеющие ничего общего с коммунизмом, могли воспользоваться разработанным языком и в чем-то были ответственны перед этим языком и хранящемся в нем огненном начале. Генеральный секретарь ЦК КПСС не мог не начать отчетный доклад съезду КПСС с какой-то адресации к содержанию всемирно-исторической эпохи. Любой аппаратчик, используя язык, должен был прямо или косвенно затрагивать если не высшие, то высокие уровни проблемы развития.

Для аппаратчика из «4Д-джеренэйшн» нет никакой обусловленности – системой, языком или чем бы то ни было еще. Его «сю-сю» оторваны от этих обусловленностей. Бойко высказываться он готов на любую тему. От языка, на котором говорят о развитии, он отчужден на протяжении двух десятилетий. Его научили говорить на языке для цивилизованных туземцев, которые должны правильно взаимодействовать с международными организациями, помогающими туземцам нецивилизованным превращаться в туземцев цивилизованных.

На этом языке он и будет формировать тексты, исходя из сверхпонятного для него и его Системы принципа: «Начальство сказало? Поручило? Надо выполнять? Стиль выполнения – сю-сю. Сю-сю чего? На этот раз – развитанса. Язык? Какой есть – самый передовой на свете. Он же – международно обусловленный передовой язык по превращению туземцев нецивилизованных – в цивилизованных».

Ни о чем плохом такой представитель «4Д-джеренэйшн» не думает... И считает себя вовсе не «4Д-джеренэйшн», а «нормальным»... Что значит нормальным? Как говорится, «смотри все вышеизложенное».

Хотеть-то он ничего плохого не хочет... А получается следующее.

Во-первых, эта самая клейкая «нелеталка», облепляющая идею развития, призванную породить НИК–2. Облепляя ее слой за слоем (один высокостатусный текст, другой, третий), эта «нелеталка» гарантированно убивает НИК–2.

Во-вторых, исполнителю этого нелетального действия неизвестно, что его Отечество ценимо миром (тем самым, который он называет нормальным) лишь постольку, поскольку это Отечество сохраняет в себе потенциал ненормальности. Он же потенциал стратегии развития.

Продуцируя туземные тексты, исполнитель подрывает все, что дает его Отечеству право на жизнь и место в XXI столетии: надежду, что на этой почве взрастет нечто всемирно-исторически важное, касающееся судеб развития. Почему взрастет? Потому что почва такая. Потому что ядро, знаете ли, сменить не удалось...

Российская либеральная фронда подняла знакомый до боли хай по поводу подготовки «Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года». Ах, видите ли, до 2020! Нынешнее поколение россиян будет жить при... Путинизм-медведизме, хи-хи, ха-ха!

Мне этот тип отношений глубочайше несимпатичен. Я бы и без них стал заинтересованно разбираться с концепцией. А уж после таких оценок... А вдруг люди, пусть и с совсем другими, чем у меня, представлениями о том, что такое развитие, хотя бы это развитие... Хотя бы предьявить как возможность... А если еще и в какой-то степени обеспечить?

Не моя аксиология? И что? НИК–1 мы осуществили на основе надидеологической сборки... Может быть, и НИК–2 осилим? Не будет развития – и страны не будет!

А будет страна... Интраистория все перемелет. Ядро воспроизведет константы исторической жизни с поправкой на новую реальность. Нет, не с позиций фрондерского негативизма начал я заниматься этой самой «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года». Но и без шараханья в противоположную крайность. Я стал вчитываться и анализировать, и снова вчитываться, и снова анализировать. И вот что я обнаружил в итоге еще весной 2008 года, затратив тогда достаточно много труда и времени.

Глава XIII. Нормальность в понимании МЭРТ

Питаться слухами я не хотел. Я вышел на официальный сайт Министерства экономического развития и торговли (МЭРТ). Там было сказано, что официального готового текста нет, что этот текст «дорабатывается с учетом выступления В.Путина на расширенном Госсовете 8 февраля 2008 года», а также ходит «для уточнения и согласований» по министерствам, ведомствам и бизнес-корпорациям.

Я категорически не хотел цепляться за дефекты недоработанных документов. Все, что меня интересует из тогдашнего опыта столкновения с начальной фазой разработки, отчасти, конечно же, являющейся ответом на (стратегическое, как я уже показал) обращение высшего руководства России к теме развития, – это негативная диалектика. Диалектика, порожденная определенными типами текстов о развитии и контекстами, в которые эти тексты обрамлены.

Подобная негативная диалектика в чем-то напоминает оперативную магию, в которой попытка создания НИК–2 – это

заклятие, а аппаратные отклики – это духи, явившиеся к сотворившему заклину магу.

Такой метафизический тип прочтения моего тогдашнего хождения на сайт МЭРТ не имеет ничего общего с поддержкой имевшей быть либерально-фрондерской критики МЭРТовского начинания. Я не буду корректировать свой тогдашний опыт соприкосновения с первичным материалом. Я, занявшись политической теорией развития, назвался груздем. Назвавшись, – полез в МЭРТовский кузов. Полез с самыми что ни на есть благими намерениями. И уж никак не с тем, чтобы похихикать по поводу того, что нынешнее поколение... будет жить при путинизме... Поскольку я, увы, не уверен, что нынешнее поколение будет жить – не только на территории России в виде поколения ее суверенных граждан, но и вообще, – то, по мне, хоть «при путинизме», хоть как. Почему бы нет?

Один мой преуспевающий и очень толковый знакомый как-то разоткровенничался. «Представим себе, – сказал он, – что никаких реформ в СССР бы вообще не было. Что не приходили бы к власти никакие яркие личности, а один Черненко сменял бы другого. Сколько было процентов роста? 3 процента в год. Сколько лет прошло с 1985 года? Больше 20. Сколько это с накопленным ростом? Ровно удвоение ВВП! Ну, и были бы у всех хорошие квартиры, приличные дачи и машины в диапазоне от "Запорожца" до "Волги"».

А дальше мой знакомый (у которого есть несоизмеримо больше) наклонился ко мне и яростно прошептал: «А что, обязательно надо больше?»

Я не против того, чтобы жить вместе с нынешним поколением «при-МЭРТИально». Я просто должен быть уверен, что поколение будет жить. И хоть в сколь-нибудь уважаемом и узнаваемом государстве. А уж в великом – так тем более. ВЕЛИКАЯ Россия обязательно должна быть РОССИЕЙ. Иначе не бывает. Мне другого и не нужно. А кто там будет рулить, кто не будет... Переживем.

Так что я начал читать документ МЭРТ с большим энтузиазмом. Но вскоре обнаружил... Чтобы не растекаться мыслью по древу (документ все же большой), буду формулировать по пунктам.

Первое, что я обнаружил, – это полное отсутствие анализа реализации предыдущей Концепции развития до 2010 года. Той Концепции, которую группа Г.Грефа делала в 2000–2001 годах. То есть анализа нет **ВООООЩЕ**. Вообще, понимаете? Абсолютно неясно (я бы сказал, непристойно неясно), в чем состоят достижения, провалы, заделы, что нуждается в корректировке, что требуется продолжать, а что менять, на чем настаивать и от чего отказываться.

Западная бюрократия – не Гегели. Реальные западные концерны и корпорации не состоят из яйцеголовых (хотя и яйцеголовые там есть). Но даже самая кондовая бюрократия или самый упрощенный корпоративный менеджмент не вывесит новую Концепцию без анализа предыдущей.

Второе, что я обнаружил, – это отсутствие мало-мальски внятного (пусть не детального, но сколь-нибудь вразумительного) анализа текущего социально-экономического состояния России. То есть образа реальности, от которого необходимо отталкиваться при любом долгосрочном планировании.

Мне рассказывают, в какой точке Б я должен оказаться, но при этом не говорят, в какой точке А я нахожусь. Я понимаю, что культура стратегического проектирования претерпела за последние двадцать лет страшный и во многом невосполнимый урон, да и в 1985 году была не ахти какая. Но элементарные нормативы чиновно-бюрократического описания утеряны быть не могут. Согласно этим нормативам, без точки А нет точки Б.

Так что это все значит?

Третье, что я обнаружил, – отсутствие серьезного обсуждения возможных сценарных вариантов развития России, связанных с общемировым социально-экономическим и военно-политическим контекстом и его возможной динамикой. Между тем это решающий момент.

Мне скажут: «Да это все заморочки, политология, а люди серьезным экономическим делом занимаются».

Прежде всего, нужно установить, что это не заморочки, а стандарт. Не бывает серьезной Концепции без сценариев. Все это понимают. И вряд ли кто-то станет отрицать, что мир переживает непростой экономический период. Это тоже вроде все понимают. Что же касается того, что люди занимаются не заморочками, а очень серьезным делом, то... как не согласиться?

Они очень серьезным делом занялись, эти люди.

Они, например, выдвигают в качестве безусловного позитива то, что Россия – ура! – достигла беспрецедентной для развитых стран открытости своей экономики. И называют цифру: внешнеторговый оборот в 2007 году составил 45% ВВП.

Я не экономист, и у меня железные нервы. Но тут мне захотелось, чтобы налили... То ли десять грамм нитроглицерина, то ли 250 грамм спирта... Лучше второе. Потому что (сообщаю для справки) у ЕС внешнеторговый оборот со странами за пределами сообщества около 18% ВВП. Примерно столько же у США. А в Китае он составляет около 17% валового внутреннего продукта.

Для неспециалиста поясню. Если вы качаете нефть, продаете ВСЕ, что выкачали, а на выручку ввозите ВСЕ необходимое для жизни, то у вас внешнеторговый оборот составляет 200% ВВП. В каком-нибудь Тайване внешнеторговый оборот даже намного больше тех 45% ВВП, от которых так «балдеют» в МЭРТ. Но это страна без амбиций, страшно зависящая от экспорта и импорта. Это не США, не Китай и не Европейский Союз. Так от чего балдеть-то? От того, что экономический суверенитет подорван? От того, что пропорции, которые имеют абсолютное значение для передовых стран мира, глубоко смещены в сторону зависимости, в сторону неспособности выстоять в условиях сколь-нибудь неблагоприятной конъюнктуры?

Но, может быть, такая конъюнктура исключена? Так ведь нет!

Четвертое, что я обнаружил, – это констатация возможных изменений конъюнктуры. В Концепции прямо говорится, что «предстоит глобальная структурная перестройка мирового хозяйства», что налицо борьба противоречивых тенденций глобализации и регионализации, что неизбежно будут расти риски и возможны кардинальные перестройки в мировой финансовой системе.

Так мы от чего балдеем-то? От того, что при изменении внешней конъюнктуры (а прогнозируются изменения на уровне

глобальной структурной перестройки мирового хозяйства) все затрещит по швам? В США и Китае затрещит, а у нас не затрещит?

Пятое, что я обнаружил, – это успокоительное утверждение, согласно которому у нас почему-то не затрещит. У всех затрещит, а у нас нет. Потому что, как утверждает Концепция, российская экономика защищена от воздействия внешних шоков «резервными активами в почти 500 млрд. долларов».

Минуточку!

В той же Концепции говорится, что наш ВВП по паритету покупательной способности составляет 1,9 трлн. долларов. Внешнеторговый оборот, как мы уже узнали, – 45% ВВП. То есть около 850 млрд. долларов. Если затрещит как следует (а в истории бывали внешние шоки, приводившие к сокращению внешнеторгового оборота вдвое и более), то «подушка» наших резервов может быть «съедена» года за полтора-два. А такие шоки порой длятся по несколько лет. Так почему у нас не затрещит? И что надо сделать, чтобы не затрещало? Накопить «подушку» втрое большего объема? А если (и об этом сейчас все говорят) произойдет резкое обесценивание наших резервов, размещенных в разного рода бумагах, номинированных в долларах и евро? Чем тогда мы будем гасить внешний шок?

Шестое, что я узнаю, касается стратегической цели. Оказывается, стратегическая цель – «достижение уровня экономического и социального развития, соответствующего статусу России как ведущей мировой державы XXI века». Что значит «статусу»? Почему у всех ведущих мировых держав XXI века внешнеторговый оборот меньше 20% ВВП, а у нас уже 45%? Это означает, что мы стремительно движемся в сторону завоевания этого самого статуса?

Цель – декларативно-неопределенна. Сопряженные блоки описания никак не увязаны с целью. Считать это все полноценным «образом будущего» для Концепции как документа, регламентирующего нашу жизнь, невозможно. Для этой прискорбной констатации совершенно не нужно быть злопыхателем или таким ревнителем свободы, которому на развитие наплевать. Для этой констатации надо просто относиться серьезно к развитию, а не сюсюкать по его поводу.

Между тем сюсюканье (в духе этого самого «сю-сю-реализма») в Концепции не исчерпывается вышеизложенным. И постепенно приобретает гротескно-фантазмагорический характер. Потому что вдруг оказывается, что «достижение этой (стратегической. – С.К.) цели означает формирование качественно нового образа будущего России к концу следующего десятилетия». То есть к моменту завершения срока реализации данной концепции? Значит, настоящий образ будущего мы сформируем после того, как дойдем до цели? А идти к ней мы будем без образа будущего?

Прочтя это, я зауважал не только Константина Устиновича Черненко (которого я, в общем-то, всегда уважал). Я зауважал самые кондовые комсомольские и партийные бумаги, рожденные в недрах глубокого брежневского застоя. Потому что там были хоть какие-то представления о концептуальной обязательности...

Седьмое, о чем я узнал, касается конкретных целевых ориентиров.

Назову наиболее показательные:

- «выход на стандарты благосостояния развитых стран»,
- «высокое качество и комфортные условия жизни населения»,
- «изменение социальной структуры в пользу среднего класса»,
- «инновационное лидерство в мире».

Ничего против этого я не имею. Я просто не понимаю, за счет чего это будет достигнуто. И не понимаю, как можно об этом не сказать. Ведь за все надо платить, не так ли? Какова мобилизационная (как минимум, трудовая, если кто-то боится слова «мобилизация») ЦЕНА? Кто ее заплатит? Почему будут платить и нести издержки? Народ не может получить «на халяву» такие показатели жизни и такое лидерство. Ну, так?

Восьмое, о чем я узнал, – это что государство не должно подменять бизнес своей активностью, но должно лишь «создавать условия для успешного развития бизнеса» и что «именно частный бизнес является основной движущей силой развития».

Тем самым государству фактически запрещается роль реального Субъекта Развития даже в ключевой – экономической – сфере, которой в основном и посвящена Концепция. А при обсуждении проблемы инновационного развития в качестве «субъектов развития» перечисляются компании, разрабатывающие новые технологии, работники науки, образования, здравоохранения и т.д.

Интересно узнать, кто так осуществлял развитие, преодолевая весьма проблемную ситуацию в короткие сроки? И почему государство не должно быть Субъектом Развития? Что это за фобия? И как она соединяется с державностью и вертикалью власти? Если развитие является сверхцелью и основным ориентиром, то почему государство должно самоустраниться от реализации своей же сверхцели? И чем оно тогда занимается? Вот главное, что меня волнует!

ЗАЧЕМ ОНО ТОГДА ВООБЩЕ НУЖНО?

Никто не оспаривает необходимости частного бизнеса. Есть огромное количество направлений, востребованных жизнью. Жизнь не может быть сведена к одному стратегическому направлению (развитию). Пусть бизнес работает там, где надо. И пусть чиновники ему не чинят препятствий. Пусть бизнес конкурирует или соучаствует с государством и в том, что касается стратегических направлений развития.

Но любой мировой опыт – хоть в развитых, хоть в развивающихся странах – показывает и доказывает, что не иметь механизмов реализации стратегического целеполагания в виде мощного государственного предпринимательства и управления большим бюджетом (особенно в условиях, когда ставятся цели выхода из кризиса и развития) эффективное государство НЕ МОЖЕТ. Ну, не может и все.

Посмотрите, как в нынешнем кризисе британское государство национализирует крупнейший «просевший» банк и как американское государство меняет законодательство и «нерыночно» вливает в экономику многие сотни миллиардов долларов. Послушайте главу МВФ Доминика Стросс-Кана, который твердит, что «рыночные» меры для выхода из кризиса недостаточны, и призывает развитые страны к наращиванию антикризисной активности госбюджетов.

То есть везде, включая наиболее последовательно-либеральные «рыночные» развитые страны, государство от обладания инструментами решения таких проблем отказаться не может. (О странах вроде Китая или Индии, заявивших своим исключительным приоритетом форсированное развитие, я уж и не говорю.) А у нас, согласно рассматриваемой Концепции, государству от них нужно отказаться. И как я должен к этому относиться? Серьезно?

Девятое концептуальное откровение состоит в том, что лишь глубоко демократическая Россия может осилить задачу быстрого развития. Тут же уточняется: *«Только реализовав формулу "демократия – человек – технологии" и воплотив ее в повседневную практику жизни общества, Россия сможет реализовать свои потенциальные возможности и занять достойное место среди ведущих мировых держав».*

Ребята, кто подменяет высший приоритет идеологическими «заморочками»? Но ведь и подменять надо уметь! Студенту известно, что все успешные быстрые модернизации – как старые (вроде голландской, британской или французской), так и новые (японская, корейская, тайваньская, малайзийская, китайская) – это авторитарные модернизации, с решающей ролью государства в управлении развитием и достаточно жестким сокращением пространства для демократических процедур.

Одесский автомобилист-частник хотел подвезти женщину за умеренную мзду. А та негодовала, что он не таксист. Частник ей возразил: «Мадам, вам бы шашечки или ехать?»

Вот и хочется спросить, надо ли «ехать»? Или нужны «шашечки» демократии? Ведь никто не возражает против демократии. Никто не хочет заменять ее авторитаризмом ради авторитаризма. Но либо развитие действительно высший приоритет, и идеологии умолкают. Либо... Либо все будут навязывать свои идеологические приоритеты, и тогда не будет никакого развития.

В одной памятной мне телевизионной дискуссии Г.Резник и В.Никонов спорили о том, совместима ли свобода с традицией. Г.Резник утверждал, что наша традиция несовместима со свободой. В.Никонов ему оппонировал. То есть дискуссия шла между сторонниками формулы «свобода минус традиция» (либеральная партия) и сторонниками формулы «свобода плюс традиция» (консервативная партия). Я, будучи третьим участником дискуссии, кожей ощущал наличие еще одного молчащего персонажа. Того, для которого желанной формулой является «традиция минус свобода». Вы скажете, что его нет? Ну, говорите, говорите... Прячьте голову под крыло... Дождетесь... Ждать осталось недолго.

Между тем дискуссионное пространство из двух переменных (свобода и традиция) – это тупик. Вырваться из тупика мы можем лишь введя пространство из трех (трех, а не двух!) переменных:

СВОБОДА, ТРАДИЦИЯ и РАЗВИТИЕ.

Нам надо не сюсюкать о развитии. Нам надо понять, что без развития обесмысливаются и традиция, и свобода. Что же касается несвободы, то она всегда отвратительна. Но может быть хотя бы отчасти оправдана только развитием. И чем больше несвободы, тем больше должно быть развития, чтобы хоть как-то несвободу оправдать. Да и преодолеть.

Пока СССР форсированно развивался, несвобода была как-то терпима. Хотя весьма и весьма издержечна. Но когда СССР перестал ускоренно развиваться (застой), то даже меньшая несвобода (а несвободы при Брежнев, конечно, было меньше, чем при Сталине) стала абсолютно невыносимой. И мы получили то, что получили.

Первая задача – не подменить развитие политическими играми.

Вторая задача – не подменить развитие странными «сю-сю» на тему развития. Отнестись к развитию серьезно. Без пафоса, без восклицательности, но серьезно. Авторы Концепции называют много прекрасных конкретных долженствований. Например, стабилизация численности населения и занятых в экономике. На основе чего? Оказывается, что на первом месте «эффективное регулирование миграции». А затем уже следует повышение здоровья нации и уровня социального оптимизма. Ну, ладно, миграция так миграция. Что еще должно состояться к 2020 году?

ВВП на душу населения должен увеличиться с 13,7 тысяч долл. в год до 30 тысяч... Средний уровень обеспеченности жильем должен составить 30-35 кв. м. на человека... Россия должна занять не менее 10% на мировых рынках высокотехнологичных товаров и интеллектуальных услуг по 4–6 и более крупным позициям... Доля высокотехнологичного сектора в ВВП должна подняться с 10 до 17–20%... Производительность труда должна увеличиться в 2,4–2,6 раза... Среднемесячная зарплата должна подняться с 526 долл. до 2700 долларов... Должна быть создана разветвленная транспортная сеть, обеспечивающая высокую территориальную мобильность населения и глобальную конкурентоспособность на рынках транспортных услуг... Должно быть завоевано лидерство в интеграционных процессах на евразийском пространстве... Россия должна превратиться в один из глобальных центров мирохозяйственных связей... Она должна стать одним из мировых финансовых центров... Должна, должна, должна...

Простые расчеты показывают, что для такого рода «комплексных прорывов» ни у какой России не хватит никаких денег и других ресурсов. Приходится предположить, что «долларовые» цифры названы «лукаво», в надежде на неуклонную и быструю девальвацию доллара.

Кроме того, ни сегодня, ни в обозримом будущем у частного российского капитала нет и не будет тех триллионов, которые нужны на реализацию перечисленных амбициозных задач. И (что показывает весь мировой опыт) частный капитал никогда не инвестирует даже те (скромные по сравнению с такими задачами) деньги, которые у него есть, в проекты с огромными сроками окупаемости и низкой нормой прибыли. А именно такие проекты и предполагает в большинстве сфер деятельности и отраслей рассматриваемая Концепция.

Частный капитал не может реализовать поставленные задачи. А государство (единственный возможный «генеральный субъект» мобилизационного развития!) не должно их реализовывать. Но, как мы прочли в этой Концепции, должно... помогать частному капиталу реализовать то, что он не может реализовать по определению» Мы же должны радоваться тому, что реализовывать будет тот, кто не может реализовать. А также тому, что внешнеторговый оборот составляет у нас 45% от ВВП.

Тут уместен только один главный вопрос: А ЭТО РАЗВИТИЕ КОМУ-ТО НУЖНО? МЭРТу ОНО НУЖНО? Если развитие нужно и это позволяет его катектизировать (энергетизировать), то оно может быть НИКом. В этом случае оно НИКовское, в

противном случае... Никакое. Ну, так какое же оно?

Возможно, ответ поможет получить еще одна формулировка Концепции: о том, что мы должны сочетать «догоняющее» и «опережающее» (прорывное) развитие. Причем опережающе развивать нужно «секторы, которые определяют специализацию России в мировом хозяйстве и национальные конкурентные преимущества».

Поскольку специализация постсоветской России уже сложилась в сфере таких ее «национальных конкурентных преимуществ», как огромные запасы энергоносителей и сырья, приходится предположить, что именно в этих отраслях (где, в принципе, экспортных доходов частного бизнеса и привлеченного зарубежного капитала может оказаться достаточно для масштабных долгосрочных инвестиций) и будет «по факту» происходить «опережающее развитие».

Но это очень оригинальное «опережающее развитие». Что оно опережает? Нынешние темпы исчерпания ресурсов на территории РФ?

Подобные недоумения возникли, повторяю, еще весной 2008 года при прочтении эскиза Концепции социально-экономического развития, сделанного МЭРТ по горячим следам тогдашних выступлений Путина и Медведева, посвященных проблеме стратегического развития.

25 ноября 2008 года была окончательно утверждена Концепция социально-экономического развития до 2020 года. Теперь это был уже не двадцатистраничный эскиз, а целый труд объемом почти в двести страниц. Понимая, что обсуждать эскиз Концепции при наличии ее же в законченном и утвержденном виде нельзя, я внимательно прочел этот объемный труд. Открыв его первую страницу, я был абсолютно готов к тому, чтобы в корне пересмотреть все свои первоначальные, по эскизу сотворенные проблематизации. Но чем больше я погружался в прочтение, тем сильнее становилось мое недоумение. К концу прочтения оно приобрело яростно сосредоточенный характер.

Прежде всего, потому, что все, вызывавшее недоумение при прочтении первых эскизных набросков, не только не было исправлено, но, напротив, было резко усугублено. В сущности, я оставил-то в этой книге свой первоначальный (в газете «Завтра» по горячим следам напечатанный) критический разбор Концепции МЭРТ лишь для того, чтобы показать: свой долг экспертов мы полностью выполнили. Мы напечатали текст, по возможности корректный и острый одновременно, сразу же после того, как МЭРТ начал работать над Концепцией и предъявлять обществу свои первичные результаты. У меня есть основания считать, что наша экспертиза (как в силу своей публичности, так и по другим причинам) не осталась незамеченной всеми, включая МЭРТовский коллектив, работавший над Концепцией. И почему-то мне кажется, что окончательный вариант Концепции возник чуть ли не по принципу «от противного»: «Тут нам какие-то замечания делают, указывая на то, что это плохо, и это, и это... Так мы все то, что оппоненты считают плохим, усугубим. Это для оппонентов то-то и то-то плохо, а для нас – замечательно».

Итак, окончательная Концепция вызвала странное чувство. Бросался в глаза разрыв между характером целей и средств. Разрыв абсолютно недопустимый и хорошо понятный авторам Концепции. Цели носили директивный характер. А средства... Все перечисленные в Концепции средства были связаны с опорой на стихийно-рыночное начало. То есть на то, что полностью зависит от конъюнктуры и качества рыночных агентов. Везде, где только можно, делался жесточайший акцент на инициативе частного капитала. В самых крайних (и немногочисленных) случаях говорилось о создании систем частно-государственного партнерства. Но даже это было, скорее, экзотикой. Государство как субъект развития? Вопреки всей мировой практике, такой характер отношений между развитием и государством концепция полностью и демонстративно игнорировала.

Далее был полностью отброшен сценарно-вариантный подход. В конце полного текста Концепции прямо написано, что *«Концепция базируется на инновационном сценарии, который наряду с использованием конкретных преимуществ как в традиционных секторах (энергетика, транспорт и аграрный сектор), так и в новых наукоемких секторах и экономике знаний предполагает прорыв в повышении эффективности человеческого капитала, развитии высоко- и среднетехнологичных производств и превращении инновационных факторов в основной источник экономического роста».*

При этом роль государства в создании инновационной экономики, согласно окончательному вердикту концепции, должна быть ничтожна: *«Государство сосредоточится на создании потенциала для будущего развития путем придания инновационного характера системе образования, модернизации сектора научных исследований, компенсации "провалов рынка", осуществления целевой поддержки отдельных направлений технологического развития, выделяемых в качестве приоритетных, а также создания системы стимулов для наращивания инновационной активности».*

Рузвельт, создававший проект «Управление долиной Теннесси», понимал участие государства в технологическом прорыве иначе. И не он один. Создатели Концепции достаточно профессиональны для того, чтобы проанализировать мировой опыт и понять степень несоответствия этому опыту заявленной в Концепции минимизации роли государства. А это значит, что работа шла под идею, причем идею сугубо либеральную. При том, что никто, нигде и никогда не обеспечивал прорыв (то есть форсированное развитие) с опорой на либеральные принципы.

Созданный в Концепции либеральный перекося не случаен. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с предлагаемыми механизмами «инновационности», основанными на коммерческом привлечении зарубежного опыта и технологий. О каком опережающем развитии можно после этого говорить? И цели, и принципы их реализации, и конкретные механизмы говорят о том, что речь идет о вялом, догоняющем развитии. В лучшем случае, об этом!

Ядром всех разделов Концепции является экономическая либерализация и максимальная коммерциализация всех сфер жизни России, включая не только все «производящие» сектора экономики, но и науку, образование, культуру. Постоянно звучит – в разных вариациях – тезис о необходимости уменьшения государственного вмешательства в деятельность экономических агентов. Везде, где речь идет об инвестировании, написано, что основную роль должен играть частный капитал, в том числе и на условиях концессий. При всем моем желании поддержать ЛЮБУЮ идею развития России, я не имею права отказаться от констатации того, что разговор о концессиях реанимирует все, что связано с экономической десоверенизацией России. Что сам механизм концессий фактически забыт во всем мире. А если и вспоминается, то как

отвратительный реликт эпохи империализма.

А когда понимаешь, что Концепция предусматривает сохранение плоской налоговой шкалы (равного налога для бедных и богатых, чего нет ни в одной стране мира), а также сокращение государственного бюджета, то возникает déjà vu из эпохи Гайдара, а также смутное (сразу же отвергаемое) подозрение: не Гайдар ли писал этот текст? Не его ли Институт проблем переходного периода?

Ощущение déjà vu усиливается при прочтении всего того, что посвящено в Концепции отношениям России с развитыми странами мира. Авторы Концепции – яростные и даже немного старомодные приверженцы предельной открытости России странам Запада. В Концепции подчеркивается, что Россия обязательно вступит в ВТО, а затем и в ОЭСР (Организацию экономического сотрудничества и развития, объединяющую развитые страны мира). Ставится в качестве чуть ли не главной цели внешнеэкономической политики создание в России «одного из мировых финансовых центров, способного гораздо эффективнее привлекать капитал, чем национальная кредитно-финансовая система».

Чем больше погружаешься в чтение окончательного текста Концепции, тем больше понимаешь, что предлагаемая Концепция развития России, по сути, является концепцией наращивания зависимости. В самом деле, с одной стороны, в Концепции утверждается, что у России есть неоспоримые «конкурентные преимущества» в сфере развития инновационной экономики (экономики знаний) и высоких технологий. С другой стороны, признается, что без привлечения современных западных технологий и более того – западных компаний и их опыта – задачи модернизации практически всех отраслей российской экономики решить не удастся. Не сказано прямо, что такой же подход рекомендуется для модернизации нашего ВПК. Но поскольку такой подход рекомендуется для модернизации всего в целом, то, видимо, и ВПК это тоже касается.

С одной стороны, в Концепции утверждается, что накопленная «резервная подушка безопасности» при ее разумном расходовании позволит без особых затруднений пройти этап мирового экономического кризиса, который якобы закончится максимум в 2010 году. Но, с другой стороны, говорится, что для обеспечения инновационного развития Россия должна в несколько раз увеличить приток иностранных инвестиций.

Однако авторы Концепции – не олухи и не дети! Они же знакомы с мировой экономической историей вообще и историей последних десятилетий глобализации в особенности. Они же не могут не понимать, что вся мировая экономическая история (а история последних десятилетий – в особенности) неопровержимо показывает, что в случае открытия слабой экономики (а российская экономика рассматривается в Концепции как слабая по отношению к той, откуда должны прийти инвестиции) начинает функционировать «принцип сообщающихся сосудов». То есть все ресурсы развития (финансовые, кредитные, интеллектуальные, знания, технологии, и так далее) начинают утекать из страны в направлении более сильных экономик.

Если даже авторы Концепции недостаточно знакомы с опытом мировой истории, они не могут быть совсем уж чужды всему тому, что касается опыта их собственной страны. Россия уже напоролась на эти грабли в период, который именуется теперь «ужасными 90-ми годами». Авторы предлагают еще раз напороться на то же самое? Пусть им выпишут командировку в Латинскую Америку или Юго-Восточную Азию. Там на эти грабли в разных странах напарывались в основном по одному разу, но с такой силой, что потом никакие усилия вестернизированных элит не могли заставить общество повторить эксперимент. Видимо, считается, что у нас общество никогда ничему не окажет никакого осмысленного сопротивления. Может быть, это и так. Но при чем тут тогда развитие? Кроме того, чем ближе общество к состоянию комы и безволия, тем в большей степени экспертное сообщество должно брать на себя те функции, которых общество взять не может, и хотя бы говорить правду – обеспокоенно и ответственно.

Есть в Концепции фрагменты, вызывающие уже не только недоумение, но и... не хочется говорить сострадание, но как иначе сказать? Например, на этапе реализации Концепции до 2012 года предполагается рост зарплат, превышающий рост производительности труда. А что такое рост зарплат, превышающий рост производительности труда? Это проедание неполученных доходов. Но ведь именно в этот период предполагается (в том числе и в самой Концепции) снижение валютных поступлений от сырьевого экспорта. А что такое снижение валютных поступлений от сырьевого экспорта? Это проедание так называемой «резервной подушки безопасности».

А еще предлагается (в той же Концепции, между прочим) повышение социальных выплат непроизводственному сектору. Повышаются пенсии, пособия, зарплаты военным. А откуда на все это возьмутся деньги? Ведь речь идет о том, что «подушку» будут проедать ускоренно, с разных, так сказать, концов. И серьезного повышения доходов от инновационного экспорта на этот период не предполагается. Когда с популистскими целями в ходе предвыборной кампании даются завышенные обещания – это хотя бы понятно. Но зачем это делать в Концепции? Ведь ее никто, кроме специалистов, не читает.

Иногда хочется руками развести от прямых несоответствий, которыми изобилует Концепция, причем не несоответствий мировому опыту, а несоответствий своим же собственным положениям. В Концепции предполагается, например, использование для защиты внутреннего рынка «таможенно-тарифных» мер ограничений импорта. Но в Концепции также предлагается вступать в ВТО. Правила ВТО не позволяют использовать «таможенно-тарифные» меры для ограничений импорта. Так что же, собственно, имеют в виду авторы Концепции? Или им кажется, что подобные несоответствия можно прикрыть употреблением броских (и ничему в мировой литературе не соответствующих) словечек?

Почему надо называть уровень монетизации экономики России (обеспечения ее денежным предложением) «финансовой глубиной»? Что такое «финансовая глубина»? И не лучше ли было уменьшить сразу и количество ничему не соответствующих слов, призванных поразить внимание дилетантов, и количество несоответствий одних положений своей Концепции другим?

В Концепции – в самом конце и вскользь – обозначены те издержки, которые предстоит принимать на себя адресатам. То бишь населению России. Речь идет о повышении до рыночного уровня тарифов на электроэнергию, газ, ЖКХ, транспорт. О «необходимости достижения равной доходности продаж газа на внутреннем и внешнем рынке».

Все экспертные оценки (а их пруд пруди) показывают, что это станет тяжелейшим ударом для большинства предприятий

России. А также чревато неприемлемыми социальными нагрузками для населения. Ведь вряд ли предприятия России к предлагаемому в Концепции времени станут конкурентоспособными на мировых и внутренних рынках в результате инновационной модернизации.

А вот что будет, если инновационная модернизация «прикажет долго жить», а цены на газ повысят до мировых? Это, так сказать, «понятно до боли». Понятно также, почему это нужно «Газпрому». Но речь же идет о национальной Концепции. Для нации же и страны это абсолютно губительно.

Вот что выясняется прежде всего при анализе объемного труда, призванного вывести нас на новые рубежи.

Но к этому «прежде всего» все не сводится. Помимо заданности определенными (уже показавшими свою губительность) принципами, помимо небрежностей и корпоративных ангажементов, есть еще одно свойство Концепции, которое нельзя назвать иначе, как «странность».

Конечно, можно только приветствовать то, что X съезд «Единой России» не отказался от развития в условиях кризиса. Но разве можно отказаться от детального рассмотрения кризиса как контекста и фактора? Это же называется «отрыв от реальности»! То есть экономический аутизм.

Должно ли вообще заявляемое в Концепции соотноситься с реальностью хоть как-то? В Концепции, например, задается либеральный принцип руководства экономикой. Между тем правительство, подписавшее Концепцию, уже применяет дирижистские антикризисные меры, которые диаметрально противоположны всему, что предписывается Концепции.

Налицо алармистские заявления А.Кудрина о том, что если государство будет наращивать госрасходы нынешними темпами, то резервов не хватит даже на три года. Кудрин сам по себе, Концепция сама по себе? Кудрин не член правительства, утвердившего Концепцию 25 ноября 2008 года?

Налицо официальное заявление замглавы МЭР А. Клепача о том, что в России уже наступила рецессия. Налицо официальные экспертизы, предрекающие стране уже в следующем году глубокий экономический спад и глубоко дефицитный бюджет и призывающие Думу срочно заняться секвестром трехлетних бюджетных проектировок.

Рассматриваемая Концепция является концепцией в полном смысле слова? Или ее можно называть «снами о развитии» (сон первый – инновационный, сон второй – инвестиционный и так далее)?

Оппоненты могут мне сказать, что Концепция – это всего лишь пиар. Что-ж, это было бы грустно. Но еще грустнее, если это не пиар. А в том-то и дело, что, судя по выступлениям Путина и Медведева в конце 2008 года (если мне не изменяет, конечно, психологическое чутье), речь идет не о пиаре, а о символе веры. Путин и Медведев, как мне кажется (доказать тут нельзя ничего, но без интуиции аналитика невозможно), в каком-то смысле рассчитывают на реализацию Концепции. И вот тогда становится не только грустно, но и страшно.

Потому что сталкиваешься с двумя несовместимыми пожеланиями, которые я здесь и далее буду называть принципом «И–И» (прошу не путать с четырьмя или пятью «и», заявленными российской властью в качестве ядра все той же Концепции). Говоря о принципе «И–И», я имею в виду парадигмальность, согласно которой тот или иной проект (в том числе и предложенный в Концепции проект развития) должен сочетать в себе нечто несочетаемое. Например, он должен быть И политически мягким, И обеспечивающим переход страны в новое цивилизационное качество. Никак не являясь адептом политической жесткости ради жесткости, я все-таки хочу понять: (а) как это может быть в принципе, (б) где и когда так было и (в) как это может быть в условиях глубокого кризиса?

Либо надо отменять в условиях кризиса поставленные цели (что уже происходит де-факто хотя бы по отношению к росту ВВП), либо продавливать реализацию целей жесткими политическими методами. Когда же не происходит вообще ничего, то возникает именно странное и пока еще смутное ощущение какого-то совсем уж стратегического дежа вю...

Какого именно?

Ситуация слишком серьезна для того, чтобы описывать смутные ощущения. Описываемое должно перестать быть ощущением вообще, а уж смутным – тем более. Для того, чтобы этого добиться, нужно проводить качественно другую аналитику. Что я и собираюсь сделать.

Анализ, который предложен выше, – это системная (структурная, сравнительно-историческая, герменевтическая и иная) аналитика текстов о развитии. И не абы каких текстов, а текстов законно избранных российских президентов. Текстов тех политиков, которые находились и находятся у руля. Нельзя пренебрегать текстами такого рода и заниматься развитием, не попав немедленно в башню из слоновой кости. Там-то все, как говорится, тип-топ. Можно и в опасную полемику не вступать, и не получать упреков по части профанации предмета («помилуйте, что вы анализируете!»).

Итак, я сознательно анализирую эти тексты. Анализирую их как современную российскую политику и даже историю, то есть то, без чего любая политическая теория развития будет пустым умствованием.

В то же время следует признать, что анализ конкретных (И я бы сказал, чересчур этой конкретностью обусловленных) текстов при построении политической теории развития возможен лишь в качестве отправной точки. В виде того частного, которое должно на следующем этапе обрести ту или иную связь с общим. Коим в нашем случае является развитие как таковое. Уже по ходу обсуждения частного (этих самых конкретных властных и околоставных политически значимых текстов о развитии России) я затронул кое-что выходящее за рамки, задаваемые самодостаточным обсуждением подобного «частного».

Я попытался осмыслить ряд принципов, понятий и категорий. А заодно и символов.

Базис и надстройка...

Бренды и супербренды...

Бытие Развития как Лики (или Фигуры).

Надыдеологическая консолидация и «алгебра страсти».

Норма и патология...

Возможно, по ходу исследования я еще не раз вернусь к этим принципам, категориям, понятиям и символам. Но тут я их

вводил и рассматривал лишь постольку, поскольку это помогало решению конкретной задачи. Задачи анализа совокупности политических текстов, в которых делается заявка на развитие. Эти тексты проанализированы. Вплоть до текстов Концепции развития, уже имеющей скорее не политическое, а прикладное значение.

Но никакой анализ текстов как таковых нельзя считать исчерпывающим, если нет ясного понимания того, что можно назвать ценой вопроса. В самом деле, какова цена вопроса о развитии, поднимаемого российской политической властью с теми или иными, возможно, не столь уж и масштабными, целями?

Сводится ли вся цена вопроса к нежелательности для врагов и конкурентов России какого-либо развития страны? Врагу надо, чтобы страны не было. Конкуренту – чтобы она не мешала. Развитие спасает страну от гниения и распада, то есть не отвечает целям врага и конкурента. У России много врагов и конкурентов. Они сделают все возможное для того, чтобы Россия не развивалась, а, напротив, деградировала и рассыпалась на части.

Проблема России носит общемировой характер. Так, может быть, цена вопроса о развитии, правильно или неправильно поднимаемого политическими руководителями России, полностью сводится к нежелательности развития России для врагов и конкурентов и желательности этого развития для нас?

Мне представляется очевидным, что в этом – лишь первое, может быть, и решающее, но никак не исчерпывающее, слагаемое цены вопроса о развитии. Что даже если Россия исчезнет – вопрос о развитии не будет снят с повестки дня. И даже не станет менее острым. Наверное, это сейчас самый острый из всех мировых вопросов. И вряд ли мы сможем что-то понять в объективном (процессами, а не намерениями авторов задаваемом) смысле анализируемых нами текстов без разбирательства того, почему этот вопрос имеет такую остроту именно в наше время.

Почему именно этот вопрос является самым острым из мировых вопросов? В чем конкретно эта острота? И как эта острота, вторгаясь в тексты, преобразует их почти до неузнаваемости?

ЧАСТЬ II. ОТ ТЕКСТА – К КОНТЕКСТУ

Глава I. Контекст – война

В методологическом введении к этой книге я уже дал подробные разъяснения по поводу того, почему мое исследование судьбы развития в России и мире опирается на определенные политические высказывания.

Там же я разъяснил, почему подобные высказывания при их упорядочивании (и, я бы сказал, «процессуализации») могут и должны быть рассмотрены в качестве единого Текста.

Одновременно я настоятельно подчеркнул, что опора на подобный Текст не имеет ничего общего с его превращением в нечто самодовлеющее. Что аналитика любого текста предполагает исследование соотношений этого текста с контекстом. А логоаналитика того диффузного и безусловного Текста, который я рассматриваю, вне отдельного и тщательного рассмотрения сопряженного с этим Текстом Контекста абсолютно бессмысленна.

В самом деле, Контекстом для данного Текста является... вся проблематика развития как такового!

Если бы не было высказываний Путина и Медведева о развитии...

Если бы не было откликов на эти высказывания...

Если бы не было суждений, косвенно сопряженных с высказываниями и откликами на них, но не имеющими прямого отношения к развитию...

Если бы не было разного рода исторических адресаций...

То разве исчезла бы та проблематика, в рамках которой высказываются наши политические герои, в рамках которой на их высказывания реагируют, порождая те или иные полемические «волны»?

Ничего бы с этой проблематикой не случилось! Она имеет абсолютно самодостаточный характер.

С содержательной точки зрения, как мы убедились, Путин и Медведев не вносят в проблематику ничего нового. Да они и не пытаются это сделать.

А значит, вне высказываний Путина и Медведева проблематика не претерпевает по сути никаких существенных трансформаций. А вот вне проблематики высказывания Путина и Медведева невозможны по определению.

Из данной – очевидной, в общем-то, – констатации вытекает, кстати говоря, возможность такого обсуждения вопроса о развитии, в котором только проблематика и останется. А ни путинских, ни медведевских высказываний не будет упомянуто вовсе. Ведь развитие обсуждается с наидревнейших времен. А если суждено человечеству продлить себя во времени, то оно...

Стоп! А суждено ли человечеству продлить себя во времени? Если бы я был уверен, что человечеству это суждено (к вопросу о СУДЬБЕ, которая и есть то, что суждено), то, может быть, и не придавал бы такого значения исследовательскому методу, в котором надо сначала сформировать Текст из неких безусловных высказываний о развитии, потом этот Текст тщательно проанализировать... А потом... Потом начать рассматривать развитие как таковое, называя подобное рассмотрение всего лишь формированием Контекста к этому Тексту.

Но я совершенно не убежден, что человечеству суждено существовать и тем более развиваться. А ты, читатель? В основе моего интереса к Тексту, в основе отношения к собственной проблематике развития как к Контексту, в основе используемого метода – эта моя неуверенность. Она и только она превращает собственную проблематику развития в Контекст для какого-то, мною самым фактически сформированного, мета- и пара-Текста. Аристотель и Гегель, Кант и Маркс сказали о развитии неизмеримо больше, чем Медведев и Путин. Но ни эти философы прошлого, ни современные нам философы не могли и не могут (Маркс здесь исключение, подтверждающее правило) отделить от развития реальное человечество, сохранив при этом оное в виде «многоэтажки», о которой я говорил во введении, или же обнулить развитие вместе с человечеством. А вот Медведев и Путин, если сами и не могут участвовать в таком отделении или обнулении (а также в борьбе с оными), то могут оказаться гирями на весах, представителями актуальных сил, классов, элит, от которых и впрямь, увы, зависит нечто подобное. Причем впервые в истории человечества.

Путин... Медведев... Буш... Обама... Буквальная весомость этих конкретных имен высоко вариативна, причем на достаточно коротких промежутках времени. Но адресация к именам как к знакам, за которыми стоит нечто большее (группы, элиты, тенденции), носит неотменяемый характер. Так ведь именно так я и адресуюсь к этим (да и многим другим) именам (Сталин, Горбачев и так далее). Мне важно, что просвечивает за именами. А также за высказываниями обладателей этих имен. А за этим всем просвечивает судьба... она же – борьба... она же – конфликт... она же – война...

Я убежден, что развитие становится предметом основного конфликта XXI века. Подчеркиваю – именно основного конфликта. Не одного из конфликтов, а, так сказать, «конфликта конфликтов».

Представители одного направления считают таким «конфликтом конфликтов» нечто иное. Например, конфликт, связанный с истощением невозобновимых ресурсов, необходимых для выживания (а не развития) человечества. К таким ресурсам относятся, как мы знаем, энергетические ресурсы, питьевая вода, обобщенные экоресурсы и многое другое.

Представители второго направления считают таким «конфликтом конфликтов» смыслы. Это называется «конфликт цивилизаций».

Я же принадлежу к направлению, признающему наличие и ресурсных, и смысловых конфликтов, но считающему эти конфликты вторичными по отношению к конфликтам, порождаемым проблематикой развития. Ею и только ею.

Уже введя по отношению к развитию представление об его судьбе, я политизировал развитие. Сейчас я делаю следующий шаг. А точнее, сразу несколько шагов, связывая судьбу с борьбой, борьбу – с конфликтом, конфликт – с войной. О том, что связывает судьбу с борьбой, я уже говорил во все том же введении, к которому опять адресую читателя. Борьба и конфликт... Их близкая к тождественности взаимосвязь мне кажется очевидной. В сущности, борьба является инолексическим эквивалентом конфликта. Борьба нескольких сил и есть конфликт. Но лексика, адресующая к слову «борьба», требует менее рациональных подходов к описанию того, что обозначено данным словом. Такие подходы обычно не доводятся до

математических моделей и логических конструкций. Сторонники же лексики, в которой есть место для слова «конфликт», тяготеют к предельной алгоритмизации подхода к рассмотрению того, что заданным словом стоит. Сторонники этой лексики менее эмоциональны, более склонны к детализациям.

Возьмем, к примеру, слово «страсть». Это, между прочим, очень важное с политической точки зрения слово. Совместимо ли оно со словом «борьба»? Безусловно. А со словом «конфликт»? Да, совместимо. Но, согласитесь, в гораздо меньшей степени. Когда говорят о классах, то лексика «классовой борьбы» неуволимо ближе к сути дела, чем лексика межклассового и внутриклассового конфликта. Когда говорят об элитах или группах, то все ровно наоборот. «Конфликт элит»... Согласитесь, это в чем-то лексически точнее, чем «конфликт классов». Впрочем, речь идет о нюансах. Может быть, и важных, но не меняющих коренным образом существа дела.

Исследуя вопрос о судьбе развития в России и мире, я могу сказать, что в XXI веке развитие является основным предметом борьбы глобальных центров сил.

А могу сказать, что развитие становится основным глобальным конфликтом XXI века («конфликтом конфликтов»).

Мне удобнее говорить об основном глобальном конфликте. Но я мог бы сказать и об основном предмете борьбы глобальных сил. Что намного важнее, так это определить накал конфликта или накал борьбы. И установить, что накал, безусловно, позволяет говорить о войне. Война «за» и «против» развития будет «войной войн» в XXI (и именно в XXI) столетии. Войны могут идти за что угодно – за любые ресурсы, смыслы, территорию, позиции, влияние. Но в конечном счете все будет определяться этим самым развитием. Являясь в первом приближении войнами за что-нибудь другое, эти войны, по сути, будут войнами «за» и «против» развития.

Война... Каждый раз, когда я думаю о правомочности и необходимости использования именно этого слова, мне становится тоскливо до невозможности. «Ну, вот, – думаю я, – опять дразню хорошо известных «гусей»... «Гуси» назовут меня «поджигателем», как минимум, «ястребом». Начнется бессмысленная полемика вокруг того, есть ли место войнам в XXI столетии... Следует ли называть конфликты войнами...» Но тут же вспоминаю я о названии одной книги, слишком много определившей в интеллектуальных и политических судьбах XXI века, и понимаю, что отказ от апелляции к войнам – не только признак малодушия и конформизма, но в каком-то смысле гносеологическая (а что еще хуже – гносео-политическая) ошибка. Причем ошибка недопустимая.

И тем не менее перед тем, как начать рассмотрение экстремальной конфликтности, именуемой «войнами», я рассмотрю конфликтность как таковую.

Конфликты по поводу развития – его необходимости вообще и его направленности – существовали всегда. И всегда были исторически обусловленными. Чем обусловленными? Ментальностью (кто-то скажет – парадигмальностью), уровнем развития производительных сил, культурой. Что обнаруживается, если мы вычтем подобную обусловленность? Останется ли в проблематике развития как такового нечто, инвариантное по отношению к степени развития производительных сил, к культурно обусловленным ценностям и всему прочему?

Да, такой инвариантный сухой остаток существует. Суть этого сухого остатка – в проблематизации всех и всяческих заданностей. Заданностей как внутренних (связанных с физическими и иными возможностями исторически обусловленного человека), так и внешних (связанных с устройством окружающего мира, так называемой среды). В человеке как таковом неистребима (пока еще неистребима, добавим) уверенность в том, что преобразуемо все на свете. То есть он сам и окружающая среда. То есть воплотима любая мечта.

Да, человек пока еще не бессмертен. Но он может быть бессмертен, если преобразует себя таким-то и таким-то образом, узнает за счет такого самопреобразования (то есть развития) то-то и то-то. Да, может погаснуть Солнце или развалиться Земля. Но если он, человек, преобразует себя так-то и так-то, то он найдет такие-то и такие-то решения этой проблемы. Да, Вселенная остывает в силу Второго закона термодинамики. Но если человек успеет доразвиться раньше, чем она остынет (а он должен успеть), то будет решена (тем или иным способом) и эта проблема.

В одном из романов Стругацких (почитаемых мною несравнимо меньше, чем большинством продвинутых технократов моего поколения) говорится о том, что схлопывание веера миров грозит уничтожением любого разума во Вселенной. И он, человек, должен – причем в борьбе с какими-то противостоящими ему силами – успеть преодолеть это схлопывание, поняв, как оно устроено, и найдя внутри этого устройства некую слабинку, позволяющую это преодоление осуществить.

Именно убежденность в такой «всепреодолеваемости» на пути развития является сущностным отличием человека от всего остального – как живого, так и неживого. Нет этого сущностного отличия – нет человека. И, уж тем более, нет гуманизма. Не только привычного – просвещенческого, ренессансного, христианского и античного, но и исторически инвариантного. Ибо гуманизм (как, впрочем, и антигуманизм) сопутствует роду человеческому с первых шагов этого самого рода. Во всех мировых религиях есть боги, являющиеся друзьями и врагами человека, есть культурные герои и антагонисты этих культурных героев, есть обусловленность (внутренняя и внешняя) и ее отмена с помощью трагического поступка, бросающего вызов такой обусловленности.

Куда устремляется смысловая вертикаль, в основании которой разного рода свободы – культурные, политические, социальные и так далее? Она устремляется в точку этой самой ВСЕПРЕОДОЛЕВАЕМОСТИ. Нет этой точки – нет смысловой вертикали. Нет этой вертикали – что остается вообще от понятия «свобода»? Свобода – это не только познанная необходимость, но и необходимость, преодоленная в акте познания. Если в акте познания преодолеваема любая необходимость (природная и не только), то человек свободен. А он в сущностном плане является человеком только тогда, когда свободен по-настоящему. То есть вплоть до всепреодолеваемости. Настоящая же свобода сразу же превращается в эрозию всяческой свободы, вплоть до свободы элементарной.

XXI век либо станет веком утверждения всепреодолеваемости как высшего принципа, либо – веком отмены всепреодолеваемости вообще. Но, став веком отмены всепреодолеваемости, он не может не стать веком отмены свободы. Эскалация количества свобод станет временной компенсацией понижению качества свободы как таковой. Затем же и

количество свобод начнет сокращаться. В пределе – до полного, абсолютного, причем неслыханного в истории, порабощения.

Нет свободы без всепреодолеваемости. Нет всепреодолеваемости без развития как высшего императива, как телеологии и аксиологии. Вот, по сути, цена вопроса о судьбе развития. Задав подобным образом цену (то есть меру), мы тем самым задаем и метрику, то есть пространство, в котором позиционированы стороны, конфликтующие по вопросу о развитии, ставшему основным и решающим именно в XXI столетии.

«Быть или не быть? Вот в чем вопрос».

Для нас это вопрос №1. Вопросом №2 является вопрос о качестве бытия. Каким быть развитию?

Вопрос №1 – быть ли развитию вообще.

Вопрос №2 – быть ли ему развитием для кого-то или для всех, быть ли ему суррогатом развития или развитием подлинным (то есть совместимым со всепреодолеваемостью) и так далее.

Участники основного конфликта XXI века (они же – акторы, субъекты, глобальные игроки) могут бороться за то, быть или не быть развитию вообще. Должно ли человечество продолжать развитие, или его следует отменить?

Они могут также бороться за тип развития, за то, каким оно будет (коль скоро признано, что оно будет). Ведь признав необходимость развития, игроки могут по-разному понимать его смысл, направленность и динамику. А значит, и смысл, и направленность, и динамика могут быть тоже вовлечены в борьбу. Даже, повторяю, в случае наличия консенсуса в вопросе о необходимости развития как такового.

А еще игроки могут бороться за то, кто и в какой степени будет развиваться. А также за то, что произойдет с теми, кто развиваться не будет или будет развиваться медленнее других.

Конфликт вокруг проблемы развития – и сама проблема развития... Как одно соотносится с другим? Казалось бы, конфликт не меняет содержания проблемы. Есть, к примеру, алмаз такого-то размера и такого-то качества. Разве он меняет свои размеры и качество в зависимости от того, какие гангстеры борются за обладание алмазом? На первый взгляд, не меняет.

Такой конфликт, не меняющий свойства того, за что конфликтуют, называется линейным. Конфликт за алмаз вроде бы относится к линейным конфликтам... Стоп... А если гангстеры, например, взрывают друг друга, то они могут и раздробить алмаз... Но является ли развитие столь же мало чувствительным по отношению к идущим вокруг него конфликтам, как алмаз – предмет неживого мира?

Возьмем другой пример – какая-нибудь барышня с определенными психологическими качествами, вокруг которой идет конфликт. Если этот конфликт разворачивается по так называемым линейным правилам, то есть если конфликтующие стороны предъявляют барышне как субъекту, обладающему постоянными критериями, себя на предмет соответствия этим критериям, – это одно. Но если одна из конфликтующих сторон или все стороны начнут ради обладания этой барышней менять ее психологические характеристики (и вытекающие из этих характеристик критерии) – например, эту самую барышню развращать, – то это уже другое.

Конфликт, меняющий свойства «чего-то», за что конфликтуют (в нашем случае речь идет о развитии), называется нелинейным.

Конфликт – это присвоение. Конфликтующие стороны, они же игроки (субъекты игры, акторы игры), все рассматривают с позиций присвоения. Любая сущность под воздействием игры превращается в проект под названием «Присвоение сущности». Идет ли речь об алмазе, о котором я говорил выше... Как только вокруг алмаза начинается игра, дело уже не в алмазе как таковом, а в том, кто присвоит себе алмаз. Идет ли речь о милой барышне... Пока она гуляет по травам и лугам, радуясь жизни и радуя окружающих, – это сущность. Но когда несколько кавалеров борются за любовь барышни (то есть играют), то барышня из сущности как таковой превращается в сущность для присвоения, то есть в проект «Барышня».

При этом и алмаз (предмет неодушевленного мира), и барышня (принадлежащая к миру одушевленному) в неизмеримо меньшей степени, нежели развитие, трансформируются, становясь из сущностей как таковых «сущностями для присвоения», то есть «проектируясь».

Рассматривать же развитие в отрыве от проекта «Развитие», на мой взгляд, методологически совсем уж неэффективно. Ибо развитие, проектируясь, претерпевает глубокие метаморфозы. Причем метаморфозы коварнейшие. Эти метаморфозы в случае, если мы используем адекватный, (так сказать, «пошаговый») метод, способны помочь раскрытию сущности происходящего. Ведь используем же мы метод воздействия, когда раскрываем сущность предмета, измеряя соответствие сигналов на входе и на выходе системы при анализе так называемого «черного ящика».

Но эти коварнейшие метаморфозы в случае, если мы используем неадекватный метод, способны увести нас от какого-либо понимания сущности. И погрузить в стихию присвоения как такового. Образно говоря, исчезают алмазы, барышни... Остаются интриги, выстрелы, трупы, кровавые следы... И ничего больше.

В фильме Антониони «Блоу-ап» герой попадает на концерт популярнейших рок-музыкантов, «заводится» вместе с толпой, начинает драться за кусок рок-гитары, которую пришедший в экстаз музыкант разбил на глазах у публики, кинув ей обломки, добивается обладания одним из обломков (присваивает его в ходе конфликта). Потом он выходит на улицу... В руках у него какая-то бессмысленная деревяшка... Он ее выкидывает, не понимая, в чем дело, и идет дальше.

В пьесе Брехта «Кавказский меловой круг» две женщины – подлинная и неподлинная (но – биологическая) мать – должны конфликтовать за присвоение ребенка, перетягивая его на свою сторону и выводя за пределы круга. Хорошо, что одна из женщин – подлинная мать – отказывается от подобной игры. Хорошо, что есть мудрый судья, присваивающий ей ребенка, ибо она, как любящая мать, не хочет порвать его на части. А если бы две неподлинные матери порвали ребенка – что бы они присвоили себе, играя по этим правилам? Собственность, записанную на ребенка, статусные возможности, исходящие из победы в состязании (то есть в конфликте)... Все, что угодно, только не ребенка.

Как мы видим, анализ развития как такового и развития как того, что вовлечено в конфликт и в силу подобной

вовлеченности превращено в проект «Развитие», – это не одно и то же. Сущность развития и проект «Развитие» поэтому нужно рассматривать так, как это делают в квантовой механике, учитывая так называемую дополняемость.

Есть идея развития как то, что подлежит этой самой проектизации. При этом идея не должна быть (а) отсечена от «технологий» (мобилизационных – каких еще?), (б) разменяна на частные политические приобретения, (в) оторвана от реальности, (г) «пиаризирована», (д) застойно бюрократизирована.

(А), (б), (в) и так далее – это рамка. Вышел за рамки – погубил проект. Это касается любого проекта. В том числе и проекта «Развитие».

Но одно дело – задать проектную рамку. И совсем другое – определить реальное содержание проектируемой сущности, то есть развития как такового.

Для начала нам нужно сделать шаг в направлении понимания содержания этой сущности. Я уже сделал первый шаг, обсудив проблему всепреодолеваемости. Теперь я предлагаю сделать еще один шаг, причем по принципу «НЕ», то есть указывая на нечто, сходное с развитием, и оговаривая, что это нечто НЕ есть развитие.

Рост валового внутреннего продукта – прекрасная вещь. Но это рост, а НЕ развитие. Бабочка – это НЕ разросшаяся куколка. Но что такое развитие?

Аппаратчик из ЦК КПСС, а вслед за ним (вздыхая) и министерский чиновник советской эпохи сказали бы: «Это скачок, обеспечивающий переход количества в качество». Что ж, та – советская – система могла тем самым хоть как-то отнестись к исследуемой нами сущности. А почему могла-то? Потому что у той системы был необходимый для разговора о развитии понятийный аппарат. Как сказали бы тогда, «мы вооружены передовой марксистско-ленинской теорией»...

Кто-то и сейчас верит, что эта теория является передовой. Кстати, верят в это отнюдь не только коммунистические ортодоксы. Во многих западных университетах (американских, прежде всего) к Марксу (чей понятийный аппарат и метод использовался в советскую эпоху) по-прежнему относятся с огромным уважением...

Но не будем с ходу ввязываться в дискуссию о качествах марксизма-ленинизма. Не будем ни фыркать по его поводу, ни восхвалять его. Из фразы «вы вооружены передовой марксистско-ленинской теорией» просто вычтем «марксистско-ленинской»... Останется «мы вооружены передовой теорией». Разобьем оставшееся на два естественных блока и тем самым сразу же дополним обсуждение сущности под названием «Развитие» так называемой игровой рефлексией. А ну как она нам поможет приблизиться еще чуть-чуть к пониманию сущности развития? В любом случае, она абсолютно необходима.

Итак, сказав «мы вооружены передовой теорией», мы говорим, во-первых, что вооружены. И, во-вторых, что вооружены не абы чем, а теорией.

Но корректно ли говорить о теории как об оружии? Ибо вооруженными можно быть только оружием.

Это корректно лишь постольку, поскольку развитие проектировано, конфликтизировано, превращено в предмет игры. Если игра острейшая (а я убежден, что она острейшая), то она тождественна войне. А где есть война, там есть оружие.

Ну, вот мы и вернулись к войнам, то есть к конфликтам наибольшей интенсивности. Эти конфликты в XXI веке носят весьма разнообразный характер. Энергетическая война – реальность XXI века (да и XX-го тоже). Это доказано многими специалистами высочайшего класса. Адресую читателя хотя бы к всемирно известной книге Дениэла Йергина «Добыча». О финансовой войне сказал не кто-нибудь, а Сорос. Об информационной войне сказали все кому не лень. О смысловой войне – авторы теории конфликта цивилизаций, да и не только они. «Холодная война» – это разве не смысловая война?

Итак, войны разнообразны. Но я-то хочу доказать, что войной войн в XXI веке является война за развитие. Как строится такого рода доказательство?

Сначала выдвигается гипотеза, согласно которой «войной войн» в XXI столетии является это самое развитие.

Затем рассматриваются разнообразные следствия, вытекающие из этой гипотезы.

Если оказывается, что эти следствия имеют определенное отношение к реальности, то, извлекая некое содержание из анализа оказавшихся вполне реальными следствий, можно снова вернуться к гипотезе как таковой. И либо уточнить ее, либо признать сразу, что она подтверждена и превращена в нечто, требующее признания. Уточнив гипотезу, можно получать новые следствия и проверять их на соответствие реальности. Проверив и проанализировав – еще раз уточнить гипотезу. И в итоге либо добиться ее признания в качестве чего-то реального, либо отвергнуть. Есть, конечно, и другие способы доказательства. Но этот – наиболее отвечает нашему предмету и методу.

Считаю нужным отдельно оговорить, что по отношению к предметам, подобным судьбе развития в России и мире, окончательное доказательство чего-либо... оно, конечно, желательно, но... но любое продвижение в сторону большего понимания сути данного предмета является результатом. Даже если это продвижение не превращает гипотезы в нечто окончательно признанное, но позволяет уточнить и детализировать сам предмет, – это тоже отнюдь немало.

Сопроводив способ доказательства подобной оговоркой, я начинаю рассмотрение гипотезы. Предположим, что судьба развития в XXI веке – это основной глобальный конфликт («конфликт конфликтов»). Предположим, далее, что степень накаленности конфликта позволяет назвать его войной (тогда уж «войной войн»). Что из этого следует?

Где война – там враги... Враги чего? Нашего развития? Развития как такового? Поскольку гипотеза о войне порождает обязательность наличия врагов, то проверка на состоятельность гипотезы о врагах является одновременно и проверкой на состоятельность гипотезы о войне. Ну, так и займемся врагами. В нашем случае – врагами развития.

Глава II. Развитие и его враги

Я уже говорил о некоей книге, чье название и содержание всегда мне вспоминаются, когда в минуту слабости хочется перестать дразнить гусей, быть объектом массовых интеллигентских истерик («ему, видите ли, враги повсюду мерещатся!»).

Книга эта, о которой я уже говорил и к обсуждению которой сейчас возвращаюсь, – «Открытое общество» Карла Поппера.

Причина же, по которой я вновь и вновь возвращаюсь к обсуждению этой книги, в том, что Карл Поппер (в отличие от меня – кумир либеральной интеллигенции) на самом деле назвал свою книгу вовсе не «Открытое общество». Он назвал ее «Открытое общество и ЕГО ВРАГИ». Те, кто не верит, могут легко убедиться в этом, например, зайдя в Интернет.

Согласитесь, возникает парадоксальная ситуация.

«Гуси», которых мне иногда не хочется дразнить, проклинали «совок» за то, что он постоянно рассуждал о каких-то, знаете ли, врагах. При этом те же «гуси» сами молились на Поппера, который – «антисовок», главный борец с «совком» (тоталитаризмом и так далее).

Отсюда с неопровержимостью следует, что самим «гусям» можно иметь врагов, то есть воевать, и это правильно.

Но всем остальным вообще воевать нельзя, а уж с «гусями» – тем более.

Поскольку это является нагляднейшей демонстрацией на тему о двойных стандартах, то есть о войне, в которой противнику вменяются одни нормы, а себе другие, и в точности соответствует формуле «разоружение перед лицом агрессора», то, вспоминая Поппера и почитающих его «гусей», я в итоге делал сразу несколько горьких выводов.

Во-первых, что «гусей» дразнить надо, и в этом мой профессиональный долг.

Во-вторых, что «гусей» просто нельзя не дразнить в случае, если не капитулируешь перед ними.

И, в-третьих, что, сражаясь за развитие, капитулировать перед «гусями» нельзя еще и потому, что в каком-то смысле (и по очень разным причинам) «гуси»-то как раз и являются врагами развития! Или, как минимум, средствами, используемыми этими самыми врагами для войны с развитием.

Пусть читатель сам (возможно, заново перечитав Поппера) пораскинет мозгами. Он обязательно обнаружит две – странным образом соотносящиеся друг с другом – очевидности.

Очевидность №1 – «гуси» так любили Поппера, потому что он громил Маркса, то есть теоретическую основу «совка» (он же – тоталитаризм). Они утверждали при этом, что «открытое общество» исключает «поиск врага», а его антагонист «закрытое общество» (наивысшая закрытость – у тоталитарного общества) занято поиском врагов и на этом заиклено.

Очевидность №2 – Поппер не озаглавил свою книгу «Открытое общество»... Он озаглавил ее «Открытое общество и ЕГО ВРАГИ»...

Более того, Поппер, в сущности, осуществлял описание предмета («открытое общество») от противного: «Скажи мне, кто ВРАГ открытого общества, и я тебе скажу, что оно такое!»

Но и этого мало! Поппер прямо заявил, что, в отличие от других обществ, «открытое общество» НЕ МОЖЕТ СОХРАНЯТЬ ЦЕЛОСТНОСТЬ, ЕСЛИ У НЕГО НЕТ ВРАГОВ. Ибо внутренней связности (коллективных ценностей и так далее) у «открытого общества» нет. Оно, представьте себе, потому и открытое, что в нем исчезают все коллективности.

Но какая-то связность нужна! Раз нет внутренней, то нужна внешняя. То есть возможность «дружить против общего врага». Тем самым именно для открытого общества враг особо необходим. Его наличие является структурообразующей осью, главным кодом этого общества. Опять же – кто не верит, пусть сам почитает Поппера. Не статью о Поппере, а самого Поппера.

Ну, и как, читатель, ты соотнесешь между собой очевидность №1 и очевидность №2?

Разве наличие вопиющей несостыковки между этими очевидностями не говорит об актуальности всего, что связано с темами «враги» и «война»? В том числе и с темами «враги развития», «война с развитием»?

Во-первых, эта актуальность порождена идеями самого Поппера. Он говорит о том, что с «открытым обществом» воюют, что у него есть враги. Но он же говорит о том, что «открытое общество» является единственным макросоциальным субъектом развития. Значит, враги «открытого общества», если верить Попперу, являются врагами развития. Значит, имеет место война с развитием? Даже если мы верим Попперу, повторяю, это именно так. Но почему мы должны ему верить?

Как показывает несостыковка между очевидностью №1 и очевидностью №2, мы имеем все основания ему не верить. Но тогда почему мы не можем предположить, во-вторых, что и сам Поппер воюет с развитием? А его концепция «открытого общества» есть средство уничтожения развития?

Итак, враги развития реальны... Война с развитием реальна... Хошь верь Попперу, хошь не верь – все одно выходит, что и враги есть, и война тоже.

Я много раз говорил о своем категорическом неприятии теории Поппера. И когда-нибудь, возможно, напишу отдельную книгу с подробным разбором того, что осуществляет Поппер не на уровне высказываемых им пожеланий, а по факту своей теоретической (а на самом деле, конечно же, идеологической) деятельности. Относясь таким образом к Попперу, я меньше всего собираюсь оправдывать свои апелляции к врагам авторитетом этого идеолога. Я просто обращаю внимание читателя на то, что подход, при котором «скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты», правомочен так же, как и диаметрально противоположный подход («скажи мне, кто твой враг, и я скажу тебе, кто ты»).

В самом деле, я могу быть врагом чего-то, если это что-то, являющееся для моих врагов благом, для меня является злом.

Абсолютным злом, в корне противоречащим тому, что я называю благом. Или же злом относительным. То бишь средством, которое мой враг применяет против меня. Сам по себе камень – не благо и не зло. Но если враг хочет обрушить этот камень мне на голову, то он – зло.

Это значит, что классификация врагов развития может поспособствовать раскрытию его, развития, содержания: «Развитие, покажи мне твоих врагов, и я точнее пойму, что ты есть такое».

В первый класс предлагаемой мною классификации входят абсолютные враги развития. Враги развития как такового. Те враги развития, для которых оно сущностно, бытийственно непереносимо. Такие враги хотят, чтобы развитие во всем мире было отменено, прекращено, превращено в свою противоположность. То есть заменено своим антагонистом – регрессом.

Во второй класс этой классификации входят относительные враги развития. Враги «развития для других». Некий субъект может быть абсолютно комплиментарен по отношению к развитию как таковому. Но хотеть развития только для себя. Другие же (назовем их туземцами), с его точки зрения, либо вообще не должны развиваться (то есть должны стагнировать, двигаться

в направлении вторичной архаизации и регресса etc), либо... Либо должны развиваться в том направлении и в той степени, в какой это надо субъекту. Поскольку тут имеется вариативность по отношению к туземцам, неминуема и вариативность в том, что касается осуществляемых по отношению к туземцам стратегий.

Если субъекту надо, чтобы туземцы двигались в сторону архаизации и регресса, он будет внедрять в их сознание одни ценности. Как в принципе отвергающие развитие, так и как бы восхваляющие развитие, но не позволяющие ему осуществляться на деле.

Если субъекту нужно, чтобы туземцы развивались дозированно, он и будет внедрять в их сознание другие ценности, совместимые с более или менее усеченным развитием. А также дозированно передавать туземцам знания о развитии. Но именно дозированно! И (это очень важно) передавать, что называется, «с рук». То есть кормить их готовыми знаниями, не объясняя способа производства оных.

Предположим, что у развития есть и абсолютные, и относительные враги. Пока что я еще не доказал, что они есть. Но я, апеллируя к Попперу, доказал, что их рассмотрение в принципе корректно, а не является фантомом теории заговора. В противном случае, и врагов «открытого общества» надо – о, ужас! – называть конспирологическими фантомами.

Итак, введение гипотезы о врагах развития корректно. А значит, столь же корректно рассмотрение (с точки зрения гипотезы, не более) стратегического знания о развитии как оружия. Если у развития есть враги, то знание о развитии, позволяющее это развитие осуществлять, подобные враги постараются либо уничтожить (если речь идет об абсолютных врагах), либо монополизировать (если речь идет о врагах относительных).

В последнем случае знание о развитии является оружием в борьбе субъекта, желающего осуществлять развитие, с целым веером сценариев, навязываемых этому субъекту как абсолютными, так и относительными врагами развития. Оружием в борьбе с архаизацией и регрессом, которые навязывают твоей стране (а в случае, если речь идет об абсолютных врагах развития, то и всему человечеству)... Оружием в борьбе с дозированным развитием... Оружием в борьбе с отчуждением производства знаний при допустимости заимствования знаний... И так далее.

Четыре «д», о которых я уже говорил в первой части этой книги (декультурация, деиндустриализация, десоциализация, дегенерация), – это оружие в руках тех, кто не хочет никакого чужого развития, даже сколь угодно зависимого. Или же не хочет никакого развития вообще.

Низведение развития к усеченной и огрубленной (в том числе за счет так называемой экономизации) рецептуре – это оружие в руках иноземного опекуна, который хочет дозированно развивать опекаемых им туземцев. Развивать их в той лишь степени и в том лишь направлении, в каком это нужно опекуну.

Тот, кому нужно неразвитие, обопрется на актив, который я назвал «4Д-дженерейшн». А также на табун интересантов (криминальных, в первую очередь), которые сомнут развитие не потому, что оно им антипатично или враждебно, а потому, что интересы требуют движения в определенном направлении. Табун, ломанувшись в этом направлении, даже не ощутит, что у него под копытами будет гибнуть развитие. Табун вообще не знает, что такое развитие. Он на то и криминальный табун, чтобы двигаться в сторону своих очередных элементарных криминальных приобретений. А если у него на пути оказалось нечто (хоть развитие, хоть религия, хоть мораль), он, не задумываясь, это растопчет.

Тот, кому нужно ограниченное развитие (ОР), обопрется на другую «дженерейшн». Назовем ее «ОР-дженерейшн». Сама «дженерейшн» не будет ни отрекомендовываться нам в качестве ОР, ни именовать себя ОР, даже оставшись наедине с собой. Она будет называть себя «подлинным развитием».

«Вы себя так будете называть... Она себя так будет называть... А разобраться-то как?» – спросит читатель.

Для начала – просто признав, что игровая рефлексия, проектизация развития (она же – попытка раскрыть развитие с содержательной точки зрения, адресуясь к его врагам, конфликту вокруг развития, накопленному до той степени, когда его можно называть войной) допустима.

Признали это... Что дальше? Начинаем искать врагов? Нет!

Брать тут быка за рога бессмысленно. Надо, напротив, еще раз уйти ненадолго от игровой рефлексии (и связанной с нею проектизации). И вернуться к исследованию сущности развития как такового. Добившись снова какого-то, пусть и минимального, продвижения в этом вопросе, можно будет углубить игровую рефлексия, возвратившись снова на ее территорию. Так и только так можно продвигаться (к вопросу об уже обсужденном мною квантовом принципе дополнительности).

Возвращаясь же к исследованию сущности под названием «развитие», признаем все то, что в общем-то отрицать невозможно.

Признаем, например, что развитие и рост – вещи разные. Причем качественно разные (к вопросу о куколке и бабочке). Можно это оспорить? Вроде бы нет.

Признаем также, что экономический рост – это даже не экономическое развитие. Что может быть и регрессивный рост.

Признаем далее, что экономическое развитие – это не обязательно социальное и культурное развитие.

Признаем, что и технологическое развитие – это еще не развитие как телеология. А значит, те, кто сводит развитие к экономике (да и технологиям тоже), зачем-то изымают нечто из Контекста, коим для нас по-прежнему является проблема развития как таковая. Что изымается из контекста? Ну, например, культура. Достоевский устами своего героя предупреждал: «Обратитесь в хамство – гвоздя не выдумаете». Значит, нужно бороться с хамством, то бишь декультурацией. А также со многим другим. Возьмем, к примеру, образование... Ну, пусть высшее. Сколько граждан его получает – это проблема роста, а не проблема развития. Что эти граждане получают? А ну как удастся неопровержимо доказать, что получаемое сегодняшними нашими согражданами псевдообразование – это одно из «д» (дегенератизация)...

Признав несомненное и опершись на него, можно заняться... поиском врагов? Да нет! Чуть более сложными вопросами, касающимися все той же исследуемой нами коварной сущности.

Развитие – это восхождение от простого к сложному? Каков критерий сложности? И в чем ее, сложности этой, ценность?

Самолет сложнее телеги. Тут все понятно. Нынешний Шанхай – не первобытная африканская деревня. Тоже понятно. Стоп. Сравните «Мону Лизу» Леонардо да Винчи и «Черный квадрат» Малевича. Не правда ли, уже непонятно? Вам покажут и скажут: «Где развитие? И нужно ли оно, если оно такое?» Вы сошлетесь на теорию эволюции. То есть на это самое «или нас сомнут». Развившееся съедает (или поработает, в любом случае, сминает) неразвившееся. Источник развития – борьба за выживание.

Но тогда развитие – всего лишь рок, а не ценность. В чем ценность (если она есть)? Как ни странно, нечто существенно уточнится (и усложнится), если мы к развитию живого и его механизмам (борьба за выживание, например) присовокупим развитие неживого. Есть ли оно? Конечно же, есть.

Органическая молекула, безусловно, сложнее обычной молекулы. То есть в каком-то смысле она более развита.

Кристалл сложнее аморфных некристаллических соединений. То есть он более развит.

Молекула сложнее атома, атом сложнее элементарной частицы... Борьбы за выживание нет, а усложнение (то есть развитие) есть. В чем источник?

Кто-то пытался доказать, что действует всемирный закон экономии энергии. Мол, электронам и протонам экономичнее собираться в атом и так далее. Пробовали проверить. В самых простейших случаях – доказуемо. А дальше не только не доказуемо, но и наоборот. Нет экономии энергии. А усложнение есть.

А раз оно есть, значит, у него есть источник. И по определению – не дарвиновский. Естественно предположить, что этот же источник действует при переходе от неживого к живому. А также от животного к человеку. А от человека...

Верующий скажет вам, что для него ценность развития – восхождение к Богу. Но другой верующий назовет развитие греховным отпадением от принципа. Вот я прочитал у одного нашего молодого околоконфессионального публициста, что история – это грех. Что порождена она изгнанием из рая. Звоню коллегам-религиоведам, спрашиваю: «А что, семь дней Творения – это не история?» Они отвечают: «А у него такая позиция». Для одних христиан Большой Взрыв, создавший Вселенную, – это сотворение мира (то есть благо). Для других – это первогрех.

Стоп... Если для какого-то субъекта (социальной группы, плотного мировоззренческого сообщества) развитие является грехом (первогрехом или грехом иным), то оно по определению не благо, а зло. И этот субъект, в соответствии со своей идеологией, своим представлением о благе (а это уже даже не идеология, а метафизика), является абсолютным врагом развития. Но есть ли такой субъект (или такие субъекты)? И какова мера его (или их) влияния?

Вот мы с вами, вроде бы занимаясь только сущностью развития, снова вернулись к игровой рефлексии... А как же... субъекты... ценностная (и даже метафизическая) оценка ими развития... конфликт оценок... конфликт субъектов... война... враги... Мы все еще пребываем, как сказали бы физики, в сфере чистой теории, или у нас есть какие-то экспериментальные доказательства?

В том-то и дело, что какие-то доказательства есть. Ведь на начальном этапе (а мы именно на нем и находимся) достаточно примера, который и обеспечит переход от необязательной гипотезы к констатации реальной странной коллизии, которую надо исследовать.

Не было бы у меня такого примера, причем яркого, оставившего след в эмоциональной памяти, я, может, и не занимался бы политической теорией развития. Но в том-то и дело, что у меня такой пример есть.

Лет пятнадцать назад я говорил о развитии в кругах высшей советской (тогда уже не находящейся у власти) элиты. Я был для этих кругов «своим». Но, начав апеллировать к развитию, натолкнулся на очень мощное отторжение. Мне сказали, что хорошо было в России только при Победоносцеве и Александре III. Я возразил, что если бы при Победоносцеве было так хорошо, то не было бы Ленина, а был бы «Победоносцев нон-стоп». Ведь исторический опыт – это как эксперимент в физике. Против него не попрешь.

Ответом был полный разрыв коммуникаций. Ибо для этого круга советской элиты, формально присягнувшей боготворящему развитию марксизму-ленинизму, развитие было абсолютно враждебно. То есть враждебно на уровне символа веры. И вера-то вроде бы была как бы светская... И символ этой веры был вовсе не каноническим. Но тем не менее речь шла именно о символе веры. Со всеми вытекающими из этого последствиями. Кто символ веры разделяет – свой. Кто его не разделяет – чужой. И никаких дискуссий, никаких проблематизаций, никаких проверок любым, в том числе историческим, опытом.

Этот пример был для меня интеллектуальным и даже метафизическим вызовом. Мне надо было понять, как же это могло возникнуть (причем в соответствующей, не имеющей для этого никаких мировоззренческих оснований, среде)? Да еще приобрести столь накаленный характер?

На основании этого примера (естественно, не подлежащего конкретизации), а также на основании примеров других, которые подарили мне мои последующие знакомства в стране и мире, берусь утверждать, что оппонирование развитию (причем очень и очень жесткое) является и у нас, и в мире уделом отнюдь не только отдельных ученых и публицистов.

Впрочем, не ломимся ли мы в открытую дверь? Еще и еще раз оговорю, что категорически не приемлю Поппера. Но его исследование политической мотивации Платона является и блестящим, и доказательным. Платон действительно считал историю повреждением. И хотел использовать идеальное государство для противодействия истории, понимаемой как повреждение.

Представим себе, что кто-то сейчас хочет построить государство (наше или другое) по рецептам Платона. То есть как средство борьбы с историей. «Вопрос на засыпку»: может ли средство борьбы с историей быть средством развития? Конечно, не может. А чем же тогда оно может быть? Средством того, что Георгий Димитров называл «поворотом колеса истории вспять». Средством обеспечения регресса. Или средством поддержания состояния неразвития. Только таким может быть государство, построенное по рецепту Платона, не правда ли?

Я не обсуждаю, хорошо или нет будет нам всем в платоновском государстве. Кому-то, наверное, будет хорошо, а кому-то не очень. Но то, что РЕАЛЬНО ВОЗНИКАЮЩИЕ СЕЙЧАС апелляции нашей элиты к платоновскому государству

несовместимы с форсированным развитием, надеюсь, достаточно очевидно. Для форсированного развития государство должно быть субъектом развития. Нельзя форсированно развиваться и подмораживаться (концепция Победоносцева). Нельзя форсированно развиваться, используя в качестве концепции блага (то бишь метафизики) нечто, созданное для противодействия развитию как антитезе блага (греху).

РАЗВИТИЕ КАК БЛАГО... Извините – нет религиозного консенсуса в данном вопросе. И элитного тоже.

А вне религии? Там консенсус есть? Сомневаюсь. Между тем многие наши сограждане по определению ищут ответы на такие вопросы вне религии. Как быть с ними?

Нужен научный ответ на вопрос о смысле развития, его генезисе, источнике и так далее. Но, увы, наука предпочитает обсуждать не смысл и не источник развития, а его характер. Что ж, займемся этим, в очередной раз вернувшись от развития как того, вокруг чего ведется война, к развитию как таковому. А ненадолго к этому вернувшись, снова потом займемся играми вокруг развития, причем острейшими и глобальными.

Научный подход к тому, что касается характера развития, позволяет установить, что есть линейное однонаправленное развитие (оно же – прогресс). Но что на самом деле линейная теория прогресса – это большое упрощение. Что есть тупики, катастрофы, откаты. Их наличие не отменяет развития, которое – и это, пожалуй, важнее всего – не просто нелинейно, а существует лишь постольку, поскольку есть нелинейность (никто ведь не назовет линейным процесс превращения куколки в бабочку).

«Ну, и что из этого следует?» – спросят меня.

Как ни странно, очень и очень многое. Если развитие нелинейно (и в чем-то даже синонимично этой нелинейности), то оно предполагает скачки, фазовые переходы, турбулентности, бифуркации. Чего во всем этом нет? В этом по определению нет стабильности. Но как же тогда зюгановские (и, как мы видим, не только зюгановские) «лимиты на революцию»? Ох, как хочется (как говорят в таких случаях, «хотеть не запретишь»), чтобы было и развитие, и стабильность. Но возможно ли это?

Задавшись таким вопросом, мы снова возвращаемся к тому, что назвали проектизацией (или конфликтизацией) развития. Положительный ответ на вопрос о возможности совместить стабильность с развитием дает Альберт Гор, бывший вице-президент США и конкурент Буша-младшего на президентских выборах 2000 года. Тот самый Альберт Гор, на которого до сих пор делаются огромные международные ставки. Гор не просто утверждает, что сопряжение устойчивости и развития возможно. Он даже термин предлагает соответствующий («устойчивое развитие»). Ох, как ухватились за эту «прелесть» сразу все – от Ельцина до Зюганова. На самом деле, у Гора речь идет о «sustainable development». «Development» – развитие. «Sustainable»?..

Sustainable growth (growth – рост) – это и впрямь устойчивый экономический рост. Устойчивый – в смысле неинфляционный, с полной занятостью. А главное – самодостаточный. То есть поддерживаемый без привлечения дополнительных займов или новых эмиссий акций.

Гор хотел отыскать такое развитие, которое не потребовало бы новых займов и эмиссий у матери-природы. А поскольку такое развитие – маниловщина, то разговоры о нем камуфлируют борьбу с развитием, обоснование права на остановку развития. Во имя природы, экологии и прочих долженствований.

Эта борьба с развитием началась давно. Мальтузианцы, неомальтузианцы... Мол, терзаете природу, просите ее о дополнительных займах... А она уже почти банкрот.

На отрезке между мальтузианством и Гором есть одна важнейшая точка, прикосновение к которой позволит нам и углубить игровую рефлексию, и уточнить что-то, касающееся развития как такового. Эта точка – Римский клуб. Именно в этой точке сошлись две траектории. Та, по которой двигались советские интеллектуалы и политики, занятые развитием, и та, по которой двигались интеллектуалы и политики западные. Сойдясь в этой точке, обе траектории претерпели серьезнейшие изменения. Советская так просто прервалась. А западная... Эта в чем-то стала напоминать те фракталы, которые очень любит обсуждать Альберт Гор. Или попросту – нерегулярные шараханья в противоположные стороны, свойственные в доску пьяному человеку.

Римский клуб не мог возникнуть без предваряющей политической проработки. То есть без диалога Косыгин–Джонсон, поездок в Москву Макджорджа Банди как представителя Джонсона и так далее. Речь шла о наведении после хрущевско-кеннедиевского периода специфических мостов между «двумя системами с различным социальным строем». Кто не верит – пусть прочтет интересную книгу Джермена Гвишиани «Мосты в будущее».

Есть все основания считать, что мосты наводились для того, чтобы заключить (внимание!) СТРАТЕГИЧЕСКУЮ ДОГОВОРЕННОСТИ ОБ ОСТАНОВКЕ РАЗВИТИЯ.

В самом деле, почему диалог «систем с различным социальным строем» начался выведением за скобки идеологий? Ведь их-то и надо было бы обсуждать (мы понимаем развитие так, вы – этак). Вместо этого – экология... пределы роста... «В доме повешенного не говорят о веревке»?

В любом случае, в итоге данного диалога одна система оказалась разрушена. А другая? Другая претерпела странные метаморфозы. Очень странные!

До этих метаморфоз именно развитие (в простейшем варианте – прогресс и гуманизм) было аргументом в пользу лидерства западной цивилизации. Именно за счет развития она могла легитимировать свою экспансию. Даже если экспансия шла в духе Киплинга («несите бремя белых») – все равно речь шла о бремени, о том, что в чужие неразвивающиеся миры будет привнесен великий дух развития. Иезуиты говорили: «Для вящей славы Господней». Западные прогрессоры (прошу не путать с нашими реформаторами, любителями братьев Стругацких) говорили: «Для вящей славы Развития». Вокруг этого имени – Развитие – выстроился проект. Его авторы свели развитие к одной из его возможных модификаций, именуемой «прогресс». Но в рамках этой модификации они развитие прославили и, повторяю, оформили в виде сверхвлиятельного на момент оформления мегапроекта.

Он называется проект «Модерн». Это очень сложный комплекс идей, принципов управления, подходов, ценностей,

легитимации, форматов, текстов, внетекстуальных культурных явлений и прочего. Мы во все большей степени убеждаемся в необходимости анализировать триединство развития как такового, проекта «Развитие» (в котором развитие все же предполагается) и игр вокруг развития (в которых, возможно, развитию и места никакого не остается).

Причем именно обсуждение проекта «Развитие» является звеном, связующим между собою аналитику развития как такового и аналитику разного рода игр. Это требует особого внимания к данному модусу исследуемого триединства.

Очень важно при этом зафиксировать, что у нынешнего человечества есть лишь один живой и актуальный мегапроект развития. И называется он – «Модерн». Человечество так или иначе соотносит себя с этим мегапроектом (не надо пугать мегапроект с проектами типа национальных).

Человечество может тянуться к Модерну (сценарий №1 – собственно модернистский).

Оно может отвергать Модерн (сценарий №2 – контрмодернистский).

И оно может устало отмахиваться от Модерна (сценарий №3 – постмодернистский).

Но во всех трех сценариях человечество как-то себя отстраивает от этого самого Модерна. Потому что на сегодняшний день отстраиваться больше не от чего.

Многие возразят мне: «Откуда такой монизм? Почему автор считает, что есть только один мегапроект развития? А вот это, это...»

Отвечаю. Автор сам может запросто «нарисовать» (и обязательно «нарисует») несколько не сводимых к проекту «Модерн» мегапроектов развития. Но – именно «нарисует». В соответствии с известной присказкой: «Что нам стоит дом построить? Нарисуем – будем жить!»

Но ведь дело совсем не в том, чтобы так вот «нарисовать». Никто ведь на самом деле не захочет и не сможет жить в нарисованном доме.

Мегапроект «Модерн» потому и мега, что он состоит из сотен тысяч научных трудов, произведений искусства, подходов к управлению обществом, регулятивных норм, принципов понимания происходящего. Это гигантский банк данных (и не только данных, но и знаний), к которому подключено человечество.

Оговорив это (и зарезервировав тем не менее возможность немодернистских подходов к развитию), разберем отстраиваемые от проекта «Модерн» сценарии.

Сценарий №1 – собственно модернистский – предполагает именно эту подключенность. Она не имеет ничего общего со слепым копированием (вестернизацией). Давно уже к модернистскому банку знаний и информации страны подключаются с учетом своей специфики. Индия, Китай, Япония, другие восточные страны сделали именно это. А кто этого не сделал, тот погорел. Вот, например, шах Ирана начал подменять модернизацию вестернизацией – и погорел.

Одним из «ноу-хау» Модерна является национальное государство. И нация как таковая. В Индии есть масса племен и несколько конфессий. Поэтому индеец – это не индус и не тот, кто принадлежит к самому главному племени. Индеец – это индеец в смысле Модерна. Индия уйдет от Модерна? Куда? В конфессиональную идентичность? Тогда неминуемы страшные войны между индуистским, исламским, сикхским, буддийским населением Индии. В племенную идентичность? Тогда место нескольких главных войн займут сотни малых этнических и субэтнических войн.

То же самое справедливо даже для относительно моноэтнического Китая. Потому что никакой окончательной моноэтничности там нет. А есть «принцип пяти лучей», сформулированный когда-то Сунь Ятсеном и свято поддерживаемый КПК. Если этот принцип, конституировавший китайскую нацию и проникнутый духом Модерна, изъять или подорвать... Если поставить, например, знак тождества между китайцем и ханьцем... то кровавая междоусобица по своим масштабам сможет конкурировать с индийской. Кто-то, наверное, этого хочет. Но не китайцы. Поэтому они будут жестко двигаться в русле Модерна, понимая себя как нацию. И четко осознавать при этом, что нацией они могут быть только развиваясь, то есть действуя в русле этого самого Модерна.

Кроме того, каждый, кто был в Индии и в Китае, знает, что жажда развития (причем не какого-то вообще, а аутентично модернизационного, соединяющего свою уникальную культуру с Модерном) пронизывает отнюдь не только местную элиту, но и все общество снизу доверху. Элиты могут удерживать политическую стабильность только за счет развития, потому что массы вкушают плоды этого развития во многих смыслах. Как напрямую, за счет повышения уровня общего благосостояния, так и косвенно, за счет открытия новых социальных перспектив (новых каналов вертикальной мобильности, как сказал бы Питирим Сорокин).

Никуда Индия и Китай из Модерна не уйдут. Они вправе, перефразировав одного северокавказского поэта, сказать, что добровольно они в Модерн не входили, поэтому добровольно они из него не выйдут. Япония – вопрос более сложный. Но в принципе это тоже так. И для Малайзии это так. И для Тайваня. И для Бразилии. И для Аргентины. Для огромного большинства человечества. Но не для всего человечества. Потому-то и есть несколько сценариев, что не для всего...

Сценарий №2 – контрмодернистский. Право, затрудняюсь назвать страны, которые активно его исповедуют. Стран, наверное, и нет (скажешь Саудовская Аравия – тебе аргументированно возразят). Стран нет, но элиты есть. И массы тоже. Есть радикальный исламизм. Весьма искусственная конструкция, сооруженная с далеко идущими, конкретно контрмодернистскими целями. Главный враг исламизма – не светский Запад, а свой исламский Модерн. Надо сразу оговорить, что Модерн и Просвещение – вещи разные. Просвещение – это светский концентрат Модерна. Но Модерн гораздо шире. Он вполне совместим с религией. Есть модернистское христианство, модернистский ислам, модернистский иудаизм... Всюду, где вера ищет диалога с разумом, вступает с ним в сложные отношения, есть место модернистским течениям в религии.

А как не вступать в такие отношения?

Даже фундаментализм (то есть очищение основных констант религии от наносного – предыдущих религий, суеверий, смертельно опасных компромиссов) – это еще не антимодернизм. Антимодернизм начинается там, где отрицается История как положительное начало. Да и Бытие тоже. И, уж безусловно, Творение.

Впрочем, все эти интеллектуальные изыски уведут нас от политики. К ним мы потом вернемся. Сейчас же – в плане собственно политическом – для нас важно одно. Что сразу несколько влиятельных элитных групп, адресующихся к разным религиям, проклинают развитие как мерзость. И что одна из этих элитных групп – исламистская – подключила к себе страстную энергетику огромных масс. Масс, которые не тянутся к развитию на тот или иной манер, больше или меньше учитывая свою культурную специфику, а развитие отрицают. Оплевывают. Называют изобретением дьявола. И требуют его недопущения. И даже обращения вспять исторического времени.

Сама по себе эта вторая группа решающего значения не имела бы. Хотя... массовая накаленная энергетика... она сейчас, знаете ли, на вес золота. И все же главное не в этой энергетике как таковой, а в том, что есть еще один, по сути враждебный развитию и очень изощренный сценарий – №3.

Сценарий №3 – постмодернистский. Он завоевывает все большие позиции на Западе. Его «святая святых» – не талибский Вазиристан, а Нью-Йорк и Лондон. А также другие европейские столицы. Начни я сейчас подробно описывать, что такое Постмодерн, – и политическая нить будет потеряна. Поэтому достаточно зафиксировать, что речь идет об очень масштабной и очень далеко идущей затее. О разрушении наций, разрушении морали, дискредитации развития и проекта как такового, глубоком подкопе под новизну («новизна – в невозможности новизны»), воспевании прав меньшинств вообще и разного рода извращений в частности, глубокой дискредитации идеи гуманизма (как светского, так и религиозного), культе насилия, фактическом расчеловечивании (безусловном отрицании человека как венца Творения, да и человека как проекта, уравнивании человека с животным, а то и вознесении животного над человеком).

Назвать опять-таки страны тут невозможно. Общества страшно расколоты. На Западе уже сломана рамка модернистского консенсуса, объединявшего либералов и консерваторов вокруг идеи Модерна. Идет «холодная гражданская война». Если кто-то хочет представить себе, что такое триумф Постмодерна на государственном уровне, пусть присмотрится к опыту Дании или Голландии... Хотя и в Голландии постмодернистские заходы по части легализации разного рода извращений воспринимают с глубоким отвращением чуть ли не 80 процентов общества.

Наиболее коварное явление собственно политического характера состоит в том, что Постмодерн явно заключает некий договор с Контрмодерном. История этого договора давняя. Внимательное наблюдение за конфликтами внутри разных религий (например, того же ислама) показывает, что субъект под названием Запад далеко не всегда поддерживал на Востоке сторонников модернизации и даже умеренной вестернизации (оговорюсь в очередной раз, что субъект этот неоднороден, но он ведь тем не менее субъект, не так ли?). Самый яркий пример – шах Ирана. Есть уже много серьезных доказательств того, что определенная часть западных элит поддержала аятоллу Хомейни против шаха Ирана. И что, не будь этой парадоксальной поддержки, шаху удалось бы завершить тревожившую кого-то модернизацию Ирана, которую, конечно же, шах проводил весьма неадекватным образом.

И тем не менее... Весьма продвинутые (в моей терминологии – постмодернистские) западные силы сделали ставку на враждебную им радикальную антизападную культуру с тем, чтобы не допустить модернизации.

То же самое было сделано при создании «Братьев-мусульман» в Египте и ваххабитов на Ближнем Востоке.

А что такое, в конечном итоге, бен Ладен? Все далеко не так просто. И уж никак не сводимо к банальной гипотезе о «вышедшей из-под контроля марионетке». Но и к конспирологическим теориям (мол, договорились Буш с бен Ладеном) все тоже никаким образом сводиться не может. Все намного сложнее! КАЧЕСТВЕННО сложнее! И внутри этой сложности, которая сейчас политически актуальнее любых прописей, ГЛАВНОЕ – ЭТО ПРОБЛЕМА ОСТАНОВКИ РАЗВИТИЯ С ПОМОЩЬЮ ЛЮБЫХ СИЛ. Пусть даже и несовместимых с теми, кто планирует остановку.

И тут я возвращаюсь к Римскому клубу и тому, что ему предшествовало. Я предлагаю проследить все это как единую линию. И соотнести с кажущейся дикой идеей «демократизации Ирака» с помощью ковровых бомбардировок. Ведь у тех же американцев есть богатый опыт осуществлений нужных им модернизаций в условиях послевоенного оккупационного периода. Это и план Маршалла для Германии, и план Макартура для Японии. Почему никто не стал осуществлять такой план в Ираке? Или, точнее, почему все сделано было прямо обратным образом? Каким именно? Приглядевшись, понять нетрудно. Сначала этот самый Ирак отбомбили, унизили, растоптали в нем более или менее (конечно, условно) модернистских баасистов... Потом вместо диктатуры развития, пусть и оккупационной, устроили шоу на тему об управляемой демократии. В итоге эта демократия обернулась и расшатыванием государства, и архаизацией, и много чем еще – но уж никак не Модерном.

Между тем, о необходимости идеологии модернизации мы говорили с весьма солидными американскими политиками незадолго до бомбардировок в Ираке, когда было понятно, что отменить бомбардировки уже нельзя. Позже я неоднократно заявлял то же самое на международных контртеррористических семинарах, на которых присутствовали весьма серьезные и авторитетные люди. Слушать – слушают. И вроде бы понимают, что к чему. Но поезд идет в направлении регресса и архаизации, а не в направлении Модерна.

Почему так происходит? И не является ли происходящее фактически отказом от проекта «Модерн» со стороны части Запада? Да-да, того самого Запада, для которого этот Модерн был флагом и символом лидерства, и если уж доводить до предела, то «бременем белых» (не разделяю данную формулу, но предлагаю в нее всмотреться).

Не идет ли речь об отказе от всякого бремени? От обязанностей по развитию остальной части человечества? Не идет ли речь о том, чтобы не позволить остальной части человечества развиваться, ссылаясь на любые аргументы, от экологии до демократии? Ведь если осуществляется проект «Модерн», то любая форсированная модернизация опирается на определенных фазах отнюдь не на демократию – и это общеизвестно. Понятие «авторитарная модернизация» является абсолютно строгим. И абсолютно позитивным, в отличие от авторитаризма как такового.

Так почему Запад забыл об авторитарной модернизации как позитивном понятии? Почему он требует демократизации в Узбекистане или Египте? Почему он двусмысленно ведет себя даже в Турции (а это очень легко показать)? Идет ли речь только о Большой Игре, описанной тем же Киплингом в романе «Ким» и ставшей концептуальной осью западной стратегической разведывательности? Или о чем-то большем?

Большая Игра – это «всего лишь» инструментальное использование некоего зла. Берется зло (например, радикальный ислам) и запускается в качестве деструктора на территорию стратегического противника (ислам против Российской империи, ислам против СССР, ислам против Османской империи, в перспективе, возможно, ислам против Китая). Такие программы подробно описаны. Доказательства по сути неоспоримы. Самый мощный противник подобных игр находится внутри самого исламского мира. Ненависть к так называемым «бородатым» в исламских элитах (суфийских и не только) огромна. Не было бы этой ненависти – России пришлось бы заплатить гораздо большую цену за победу в Чечне.

И тем не менее – Большая Игра инструментальна, манипулятивна, а не концептуальна. Концептуальна же лишь ревизия мегапроектности. Если ревизуется мегапроект «Модерн», то речь не об использовании тех же исламистов против ненужных враждебных стран (главных геополитических конкурентов). Речь не о переделе, а о фундаментальном ПЕРЕУСТРОЙСТВЕ мира. О запуске процессов, обратных развитию. Процессов не прогресса (в том числе осуществляемого по западным калкам), а регресса.

Управляемый регресс – он же перестройка – это «ноу-хау», отработанное на территории СССР в эпоху конца 80-х – начала 90-х годов. Этот регресс до сих пор не преодолен. Он только отчасти сдержан, и не более того. Историческая заслуга Путина в том, что регресс оказался сдержан. Но непереломленный, непреодоленный регресс – это регресс, накапливающий потенциальную разрушительную энергию. Мы все сидим на этой пороховой бочке.

Но зачем ее соорудили? Причем не только на нашей территории? Посмотрите, что творится в Африке. В советский период нас по этому поводу хоть как-то информировали. Сейчас же в поле зрения только Запад и немногочисленные актуальные для него «горячие точки».

Между тем на периферии «цивилизованного человечества» разворачивается нечто беспрецедентное. Это беспрецедентное называется «вторичная архаизация». Она же – управляемый регресс. Но только ли на периферии?

Когда американцы в эпоху Клинтона обещали сербам: «Мы вбомбим вас в средневековье» – ощутил ли кто-то концептуальный размах этой формулы?

А Косово? Даже если были какие-то сомнения в наличии управляемого союза Контрмодерна и Постмодерна, направленного на разрушение основ современного мира (мира Модерна), то история с Косово должна бы была «подвести черту».

Не на периферии западного мира, а в центре Европы с помощью так называемого этнического оружия разрушено национальное государство под названием Сербия. Бог с ним, с международным правом (хотя благоговение перед правом, законом – это основа проекта Модерн). Ну, нарушалось это право не раз – из песни слов не выкинешь. Но каким способом и в каких ситуациях?

Здесь оно нарушено с тем, чтобы запустить механизм деструкции национального европейского государства. Причем ясно, что деструкция носит долгоиграющий характер. Ни один албанский лидер не посмеет сказать прямо своему народу (в том числе, например, в телепередаче), что Косово – это финальный успех. Все они говорят о «естественной Албании», включающей в себя территории других государств. На повестке дня уже раздел Македонии между болгарами и албанцами. И это тоже не завершение «долгоиграющей темы». Тема же заключается в том, что нацию хотят подменить этносом. А каждому этносу дать по государству. Но почему этносу, а не субэтносу? Тысячи спящих конфликтов могут вспыхнуть, подведя черту под проектом «Модерн». И что тогда?

Кому-то снится новая система, напоминающая идеи Мао Цзэдуна о мировом городе и мировой деревне?

В «мировом городе» должен воцариться постмодерн, в «мировой деревне» – контрмодерн. Модерн же должен быть уничтожен, миссия модернистов (в пределе – «бремя белых») отменена. Представить себе масштаб тех процессов, которые способна запустить такая затея, нетрудно. Речь идет о рукотворной сверхкрупной общечеловеческой катастрофе, осуществляемой с какой-то далеко идущей целью. Какой?

Ну, не выходит у меня из головы фраза «Колесо истории вертится, и никто не смеет повернуть его вспять», сказанная на процессе Георгием Димитровым. Никто не смеет? Извините! Это колесо не просто решили повернуть вспять! Его вертят во все стороны, и вспять, и вбок. Ему ломают спицы, прокалывают шины. Сусальный конец истории, объявленный Фукуямой, превращается в грубое изнасилование истории.

Каков масштаб подобного вызова?

С моей точки зрения, он почти что беспрецедентен. Может быть, нечто сходное возникало на самых начальных этапах отделения человека от животного мира. Но и то речь шла лишь о чем-то сходном, и не более того. Сейчас же мы сталкиваемся с фундаментальной ситуацией «История и Другой». До сих пор (вновь подчеркну, что за вычетом чего-то, происходившего в самые начальные периоды формирования человека и человечества) была лишь История, а Другого, способного сказать ей «ты кончилась» и, тем более, грубо ее изнасиловать, не было. Теперь этот Другой появился. И заявляет о своих огромных притязаниях.

Кому заявляет? Истории и всем, кто готов ее защищать. Если История жива и у нее есть защитники, они должны ответить на брошенный вызов.

Чем они на него могут ответить? Я мог бы описать возможные варианты таких ответов сугубо теоретически, и этим ограничиться. Но абстрактно-теоретическое описание имеет свои изъяны. Эти изъяны не сводятся к обычной критике, которую так называемые прагматики адресуют «общим рассуждениям». Бросающий вызов Истории Другой – применяет в своей Игре особые методы. Эти методы не позволяют выявить суть Игры с помощью общих (абстрактных, академических) рассуждений.

Итак, такие рассуждения оказываются уязвимыми не только потому, что они общие и есть масса трудностей с переводом общего на язык реальной политики. Но и потому, что они не схватывают сути игрового поведения Другого даже на уровне этого самого общего.

В самом деле, чем занят этот Другой? Он организует поединки Истории и Игры. Впрочем, почему организует? Он уже

организовал его. А раз так, то он уже создал фундаментально новую ситуацию.

До сих пор История была чем-то всеобъемлющим. Мы жили только в ней и не представляли себе, что возможно что-то кроме нее. Может быть, повторю еще раз, о невсеобъемлющем характере Истории нам мог бы что-то рассказать наш первобытный предок. Но он, во-первых, не Игру видел в качестве чего-то альтернативного Истории, а Природу. Он, во-вторых, не обладал рефлексией, необходимой для того, чтобы подобную альтернативность выявить и описать. Он, в-третьих, не обладал технологическим потенциалом, превращающим небезальтернативность Истории в фактор конца человечества.

Мы стоим перед вызовом Другого и инициированной им Игры. Мы понимаем, что не Природа противостоит Истории, а Игра. Мы знаем, что обозначает это противопоставление. И мы обладаем совсем другой технологической мощью. Это касается и индустриальных технологий, и многого другого. В том числе и тех гуманитарных технологий, создание которых как раз и породило возможность для Другого противопоставить Игру – Истории.

В этой ситуации суть схватывается только через особый синтез частного и общего. Сколько ни анализируй феномен Другого с общих позиций – суть останется недовыявленной. Ибо общие позиции – дитя того мира, который мыслит Историю как нечто всеобъемлющее и безальтернативное. Что же делать?

Особым образом соединять частное и общее, противопоставлять Игре новый концептуально-аналитический метод.

Внимательное вглядывание в частный косовский прецедент может выявить то, что общие рассуждения не выявят. Если, конечно, вглядываться, используя соответствующую интеллектуальную оптику. Попробуем это сделать.

Для начала – откажемся от подхода, согласно которому все уже состоялось. Такой подход предполагает, что косовская игра сыграна. Что Россия уже дала свой ответ на эту игру в Южной Осетии и Абхазии. Что тем самым правомочность косовского посягательства на проект «Модерн» подтверждена всеми игроками, включая тех, которые перед этим сопротивлялись.

На самом деле, никакого реального стратегического ответа на Косово Россия пока что не дала. Ее вынудили преступными залпами по Цхинвалу дать ответ сугубо тактический и ситуационный. Россия отреагировала на происходящее как справедливо возмущенный сосед, у которого, помимо всего прочего, убили его солдат и граждан. Россия, кроме этого, конечно же, показала, что не приемлет мир, в котором одна супердержава нарушает все правила, включая исключительно важное для Модерна правило, согласно которому целостность национального государства не должна быть нарушена. А другие державы, и Россия в том числе, должны молиться на это правило там, где это им предписано, и в той мере, в которой это предписано. Россия, наконец, проблематизировала итоги распада СССР и правомочность созданных этим распадом конфигураций, игнорирующих ту реальность, которая существовала до создания СССР, историю макрорегиона и многое другое. В том числе и многие императивы права.

Но все это – важные и иногда даже судьбоносные для России частности. Обращая на них должное внимание в аналитике, касающейся соответствующих проблем, мы иначе должны из то же самое посмотреть, занимаясь аналитикой развития. То есть самой масштабной из всех возможных аналитик. Мы не исповедуем при этом двойных стандартов. Скорее, речь идет все о том же известном из квантовой механики и порожденной ею философии принципе дополнительности.

Что же именно из него вытекает?

То, что с точки зрения политической историософии, войны за развитие, высокой глобальной политики Россия на Кавказе летом 2008 года всего лишь обозначила, что косовская игра не будет игрой в одни ворота. После чего все оказалось подвешено. Те, кто затеял косовскую игру, считали, что «накачка неопределенностью» общемировой ситуации отвечает только их интересам. А Россия и другие игроки побоятся накачать ситуацию еще большей неопределенностью, да еще рядом со своими границами. А ну как эта неопределенность начнет просачиваться на российскую территорию – из Южной Осетии и Абхазии на Северный Кавказ и далее со всеми остановками.

Россия этого не побоялась. Теперь любители неопределенности должны просчитать сценарии, при которых накачивать ситуацию этой самой неопределенностью будут сразу несколько игроков. Такой учет новых сценариев – дело непростое и небыстрое. В сущности, Россией завоевана некая пауза – и макрорегиональная, и глобальная. Она завоевана дорогой ценой. Но в условиях погрома, учиненного Саакашвили летом 2008 года, другой возможности остановить «игру в одни ворота» у России просто не было.

Установив все это, мы обнаруживаем, что говорить о сыгранной игре (в смысле не просто большой, а высшей Игре) – рано.

Обнаружив это, мы должны описать сценарии ведущейся Игры. Ведущейся, а не сыгранной. Описывать сценарии сыгранной игры, переводя историю в сослагательное наклонение и рассуждая с позиций «а что могло бы быть, если бы...» – дело скучное и бесплодное. А вот если игра не сыграна, то возможные варианты ее дальнейшего развертывания описывать абсолютно необходимо. А как без этого?

В принципе, если есть История и Игра, то у любого субъекта, в том числе у России (если она субъект), есть следующие сценарии поведения.

Первый сценарий – включиться в Игру и войти в лагерь Другого, то есть в лагерь тех, кто отменяет Историю. Кто-то мог бы сказать, что Россия в Южной Осетии и Абхазии сделала именно это, но я уже показал выше, что речь идет не о парадигмальном выборе, а о ситуационном реагировании, пролонгации некоей паузы и т.д.

Если Россия хочет придать ситуационному парадигмальный смысл, то она, конечно, может, включаясь в Игру стратегически, заявить, что навязанный ей с помощью перестройки проект «Постмодерн» для нее ограничен. И что она является чуть ли не флагманом всеобщей постмодернизации, объявившей войну Модерну.

С практической точки зрения это означает, что Россия должна дробить все целостности, которые для нее сколь-нибудь сомнительны, и выдирать из этих целостностей нечто «лакомое» для себя. Поскольку при этом целостность вообще отменяется, то Россия не собирает выдранные части сомнительных для нее геополитических целостностей в нечто новое, а плавает в волнах порожденного ею и другими хаоса. Если это что-то и напоминает, то много раз обсуждавшийся вариант так

называемого «острова Россия», наиболее талантливо описанный еще в 90-е годы XX века покойным философом и политологом В.Цымбурским.

Что такое этот самый «остров Россия», за счет чего он отстоит себя от всеобщей и всеми поощряемой постмодернистской эрозии – я не понимаю. Сценарий этот считаю для России абсолютно губительным. Но оговорить его – моя неотменяемая аналитическая обязанность.

Второй сценарий – превращение паузы, завоеванной кавказскими действиями летом 2008 года, в новое интеллектуальное наступление. От тех, кто предложил косовскую игру, надо добиваться некоей интеллектуальной окончательности. Им надо сказать: «Видите, мы можем играть так же, как вы! И будем играть, если вы нам это навязаете. Но давайте вместе обсудим, что это за игра и к чему она приведет. Обсудим, не она ли привела к мировому эксцессу, именуемому «кризисом». Обсудим, что произойдет дальше, если эту игру продолжать. А главное – в чем суть игры? Мы все отказываемся от проекта «Модерн»? В пользу чего отказываемся? И в любом случае, надо же сделать этот отказ достоянием человечества. Дальше двигаться в режиме недосказанности нельзя».

Возможна ли открытая дискуссия по данному вопросу? Я считаю, что возможна. Еще год назад она была бы гораздо более проблематичной. А сейчас мир пребывает в такой растерянности, что его готовность обсуждать собственные основания резко возросла. В любом случае – почему бы не попытаться осуществить нечто подобное? Предположим, что нам удастся это осуществить. Что тогда?

Тогда окажется, что часть Запада ПРЕДАЛА, да, именно предала свою историческую миссию, свое бремя, свою ответственность перед человечеством, свою роль и свой проект. Я имею в виду проект «Модерн». Но ведь ни Индия, ни Китай, ни многие другие страны, как мы уже убедились, это не предадут. И не все элиты Запада согласны на такое предательство.

А поскольку это так, то результаты дискуссии можно использовать для формирования определенной стратегии защиты Истории. Я называю такую стратегию консервативной. Ее суть такова: «Мы не хотим отказываться от Истории. У нас, как у консерваторов, нет нового исторического проекта. Но мы готовы отжимать до конца возможного имеющегося проекта. В любом случае, мы не примем отказа от данного исторического проекта, проекта «Модерн», не имея внятной проектной альтернативы. А постмодернистский произвол «а la Косово» мы воспринимаем как посягательство на высшую ценность – Историю».

Я не хочу сказать, что консервативная стратегия защиты Истории является единственно возможной. Но такая стратегия возможна наряду с другими. Предположим, что будет заявлена именно она. Что тогда? Тогда можно собирать вокруг себя союзников. И не по принципу «против» (например, против однополярного мира), а по принципу «за»: «За проект «Модерн»! За верность его неотменяемым прогрессистским гуманистическим ценностям!»

А ведь, помимо ценностей, есть и сопряженные с ними организационные, структурообразующие принципы. Принципы, формирующие человеческие общности. Нация, повторяю, – это общность, сформированная ценностями и принципами Модерна. Отстаивая эти ценности и принципы, мы отстаиваем и нацию, и национальное государство, и суверенитет. Только не надо путать нацию с племенем, а национальное государство – с архаизированным этническим гетто. Этой путанице будут радостно аплодировать оба врага – и постмодернистский, и контрмодернистский. Допусти мы только эту путаницу – и шанс на инициативу будет потерян.

Союз развивающихся (и части развитых) стран вокруг Модерна еще может сложиться. Он еще может быть устойчивым и позитивным. Если он сложится – его противники окажутся в тяжелом положении – в положении людей, предавших свою идентичность, свой смысл, свою миссию. Ведь никто из тех, кто соорудил Косово и многое другое, не сказал открыто, что он выходит из проекта «Модерн», и не заявил о своей верности ценностям Постмодерна. Что-то говорится сквозь зубы время от времени. То Киссинджер скажет о конце Вестфальской системы, то кто-то еще так или иначе проблематизирует между прочим national state.

Но это все делается сквозь зубы. И западные стратеги всегда могут сказать, что у них плюрализм и мы всего лишь выхватываем отдельные ничего не значащие высказывания, придавая им избыточное значение. Дискуссия же, о которой я говорю, должна бы была вывести все на чистую воду. Добиться окончательной откровенности в наиважнейшем стратегическом вопросе – вопросе о судьбе проекта «Модерн». Мы его сохраняем? Мы его отменяем? В пользу чего? Мы вообще отказываемся от проектов, втягивая мир в постмодернистскую постпроектную кашу?

Если бы дискуссия смогла расставить точки над то это было бы огромным по своему значению интеллектуально-политическим зачином, позволяющим сформировать рассмотренный мною консервативный сценарий защиты Истории. Но есть и еще один сценарий ее защиты.

Это третий сценарий – не консервативный, то есть оборонительный, а наступательный. Конец Модерна фиксируется. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Постмодерн объявляется неприемлемым. Конец Модерна должен стать тогда началом Сверхмодерна. Подчеркиваю – Сверх, а не Постмодерна.

Что такое Сверхмодерн и в силу чего он может оказаться востребованным? Это я буду обсуждать подробно в следующих частях данной книги. Пока я всего лишь обозначаю все возможные сценарии – как отвечающие духу Истории, так и враждебные этому духу.

Сценариев, отвечающих духу Истории, как мы видим, два – консервативно-оборонительный и наступательный.

Сценариев, противостоящих духу Истории, тоже два. Один из них – постмодернистский – я уже описал. Но есть и второй – фундаменталистский.

Это четвертый из возможных сценариев геополитического и историософского поведения России. Согласно этому сценарию, Россия должна отвергнуть и Модерн, и Постмодерн, присягнув Контрмодерну, возврату к новому Средневековью, неоархаике. В принципе, этот сценарий вполне приемлем для Постмодерна, поскольку Постмодерн нуждается в архаической контрмодернистской периферии. Сохранение при этом Россией хоть какой-то целостности возможно в двух случаях. Если

она доведет контрмодернистское православие до колоссальной нагретости. Или если она вообще заменит его контрмодернистским исламом. Последнее тоже рассматривалось многими. Ультранационалистические же радения, доводящие контрмодернистский регресс до «триумфа» неоязычества, как все мы понимаем, приводят только к полному распаду России, ее трайбализации.

Нет нужды комментировать четвертый, контрмодернистский, сценарий. Его губительность для России достаточно очевидна. Речь идет о превращении России в регрессивное неoarхаическое гетто, в новый тип периферийной колонии, эксплуатируемой постмодернистским ядром.

Нет нужды и исповедаться в том, что наиболее по душе автору. Это и так понятно. Я убежден, что у мира есть одна позитивная возможность «ПЕРЕЙТИ ИЗ МОДЕРНА В СВЕРХМОДЕРН».

Но, во-первых, я понимаю, что Модерн есть как реальность, а Сверхмодерн – это эфемерная и лишь эскизно очерченная возможность.

А во-вторых, я, как аналитик, обязан не воспевать только свои предпочтения и даже не заниматься доказательствами их действительной ценности. Я должен говорить именно о возможном и описывать все варианты развития событий.

Наиболее возможным является сейчас консервирование Модерна. Что же касается всех вариантов развития событий, то их четыре. И я описал их с той степенью подробности, которая допустима на данном этапе исследования.

Описав же это и сопоставив с косовским прецедентом, могу, как мне кажется, иначе теперь обсуждать главное – ВАЖНОСТЬ проблемы развития как таковой. А также то, кто и как воюет с развитием.

Что нового по части важности проблемы развития внесло рассмотрение косовского микроинцидента, имеющего мировое значение? То, что весь мир завис над пропастью беспроектности, являющейся ноу-хау постмодернизма, отрицающего не просто проект «Модерн», а все проекты, субъекты, целостности, смыслы и так далее. Снисходительно позволяя смыслам формировать вокруг себя какие-то подвижные микрогруппки, постмодернизм делает все возможное для того, чтобы смыслы (причем никакие смыслы) не могли сформировать устойчивых макрообщностей, способных стать историческими субъектами.

Итак, или развитие – или падение в пропасть беспроектности, погружение в хаос расчеловечивания. Мы убедились в том, что подобное «или-или» не высосано из пальца. А также в том, что в пропасть беспроектности человечество толкает Другой, противопоставляющий Игру – Историю.

Мы убедились также, что шанс для человечества избежать падения в данную пропасть полностью определяется тем, что будет сказано о развитии – в его модернистском и сверхмодернистском варианте. Потому что других вариантов просто не существует.

Что же касается Другого и войны с развитием, то чем ценнее развитие (а ценность его мы только что существенно доуточнили), тем больше желающих бросить развитию вызов. И обсуждение этих «желающих» крайне актуально. Оно не только поможет нам что-то понять в развитии, оно и с других точек зрения обязательно. Согласитесь, надо обсудить все способы, с помощью которых враги развития противодействуют его осуществлению в отдельных странах или во всем мире. Ведь воюют же против развития в его модернистском, пока безальтернативном варианте в том же Косове? Воюют.

В самом деле:

- 1) Модерн – это мейнстрим развития.
- 2) Кроме Модерна, ничего крупного, подлинно проектного, позволяющего сохранять верность развитию, просто нет.
- 3) Постмодерн не даст возможности развиваться тем наиболее продвинутым странам, которые ему присягнут. А присягнут ему именно они. Так, по крайней мере, обстоит дело сейчас. Навязанный России Постмодерн – это экзотика, которая иллюстрирует, причем с беспощадной наглядностью, судьбу всех, кто заглатывает постмодернистскую наживку. В момент, когда США или Европа окажутся окончательно постмодернизированы, там исчезнет субъект развития. Ибо субъектом развития является государство. Реальное сегодняшнее, все еще модернистское, национальное государство.
- 4) Транснациональные корпорации с их никчемными амбициями развития не хотят и не могут осуществлять. Это показал мировой кризис, в ходе которого эти амбициозные сущности приползли на брюхе к национальным государствам за вспомоществованием.
- 5) Что такое «всемирное государство» как альтернатива национальному государству – мы не знаем.
- 6) Вокруг чего Постмодерн может собрать какие-то субъекты, которые будут опорой этого государства – непонятно. Ибо Постмодерн говорит о диссоциации всех субъектов, о смерти субъекта как такового.
- 7) Возможно, Постмодерн является маской, под которой находится действительный субъект, названный здесь мною «Другой». Но это субъект, воюющий с Историей. С какой стати субъект, воюющий с Историей, будет присягать развитию и осуществлять его? В любом случае, этот субъект понимает развитие весьма специфически. И как нечто, не распространяемое на большую часть человечества. И как нечто внеисторическое. И как нечто, не имеющее отношения к прогрессу и гуманизму.
- 8) Что это тогда за развитие? И почему «мировой город», замкнувшись, станет развивать не только «мировую деревню», но и себя? У капитализма есть один принцип развития – конкуренция между государствами, да и конкуренция вообще. Создание «мирового города» на базе отрицания истории, прогресса, гуманизма et cetera если и возможно, то только после отмены всяческой конкуренции. Конкуренция между государствами отменяется по факту отмены самих государств. Другие типы конкуренции тоже становятся совершенно ненужными.
- 9) Задача «мирового города» – доведение развития до полной власти над «мировой деревней». Но для этого надо не «мировой город» подымать, а «мировую деревню» опускать, вовлекая в регресс и архаику по модели «перестройки».
- 10) Как только «мировая деревня» окажется опущенной до достаточно низкого уровня, «мировой город» может отменить развитие. Или придать ему абсолютно нечеловеческие, ультрафашистские формы. И все равно, даже в этих формах, развитие окажется усеченным донельзя, низведенным до технологии властвования.
- 11) После окончательного усовершенствования таких технологий «мировой город» может почить на лаврах. И даже обязан

это сделать. Для того он и создается.

12) Какие именно антиутопии будут после этого реализованы – не так уж и важно. Важно, что развитие как История, как восхождение человечества, как космическое и метафизическое отрицание Рока при подобных постмодернистских (далеко не устойчивых, мягко говоря) сценариях отменяется.

13) А что же тогда имеет человечество в качестве реального потенциала развития? Только Модерн. И Сверхмодерн – как невятную пока еще возможность. Особо важную потому, что Модерн может рухнуть в любую минуту. Но это только лишь возможность, не более. Пока что все, что сохраняет развитие в виде общечеловеческой реальности, повторяю, связано с Модерном.

14) Модерн имеет в своей основе одно неотменяемое должествование. Согласно этому должествованию, субъектом модернизации как безальтернативного способа осуществления развития является нация как особая человеческая общность, созданная Модерном именно в качестве субъекта модернизации. Нет субъекта – нет модернизации. Если нация – субъект модернизации, то ее отмена – это смерть модернизации. Нация может существовать только вкупе с национальным государством. Нация – это очень тонкая и особая целостность, созданная с невероятным трудом для того, чтобы сохранить социальность как таковую и идентичность, без которой социальности быть не может, в условиях все большего и большего доминирования светского человечества. Нация – это единство языка, культуры, гражданства и этоса. Нация – это не племя, не этническая общность. Создаваясь, нация отменяет все этнические и субэтнические общности. Причем на начальном этапе отменяет крайне жестоко. Пример Французской революции говорит о многом. Но и другие примеры столь же показательны. Жесточайшая гражданская война в США – чем не показательный пример?

15) В Косово, как мы показали выше, посягнули на нацию, противопоставив этой нации племя, трайб. Если хоть в одной точке мира такое посягательство осуществлено, все расплывается. А значит, с Модерном воюют в Косово! С Модерном вообще, а не с сербами или кем бы то ни было еще.

16) Подобная война – это война с развитием. Ибо нет – и в этом мы тоже убедились – других реальных крупных проектов развития, кроме Модерна.

Итак, война с развитием идет. В Косово осуществляется ее очевиднейший и примитивнейший вариант. Но если есть очевидные варианты такой войны, то есть и неочевидные. В чем они?

Глава III. Как именно враги воюют с развитием

Я уже рассматривал ситуации, в которых враги развития действуют с открытым забралом, говоря о том, что развитие – это зло (грех). Впоследствии я еще более подробно буду разбирать этот способ войны с развитием. Здесь же должен сразу оговорить, что речь идет только об одном возможном способе – наиболее прямолинейном, хотя и далеко не бессмысленном. Есть и другие способы, в которых используется, так сказать, не меч, а яд. Враг развития притворяется при этом его другом. Вам рекламируют в качестве наилучшего способа развития все то, что это развитие убивает. В самом общем виде все нелобовые способы ведения военных действий против развития подразделяются на войну с языком развития и войну с его, развития, оргструктурой (субъектом).

Язык развития... Что это такое? Если бы я сказал «идеология развития», то было бы более понятно. Но на самом деле идеология – это лишь одна из разновидностей обеспечения смыслом. При этом часто говорится, что идеология – это ложная форма общественного сознания. Или что идеология уже умерла (смерть идеологии в середине XX века). С каждым из этих утверждений надо спорить. Все спорящие (кроме заядлых и особо зловредных постмодернистов) не отрицают роли смысла в функционировании как макро-, так и микросоциальных систем. Они просто говорят о замене идеологии политической лингвистикой или семантикой. А поскольку, кроме семантики, есть еще и семиотика, то проще всего все формы обеспечения социальных систем смыслами назвать языком. Включив в язык не только слова, но и образы, символы, жесты. Не зря ведь танец называют разговором на языке жестов.

Так как же воюют с языком развития в случаях, когда речь идет не о штурме и натиске, а о коварных подрывных действиях? В этих случаях в язык развития имплантируются вирусы – то есть слова (а также другие смыслоконструкты), несовместимые с развитием.

Возьмем, например, слово «норма». А также все его производные. Например, «нормальная жизнь». Как же часто апелляция к этой самой «нормальной жизни» используется высшими представителями российской политической власти, говорящими при этом (вот ведь что важно) и о развитии! «Ребята, давайте жить нормально! Давайте строить нормальную жизнь! Пожить бы нормально, по-человечески!»

Пока не начинается обсуждение проблемы развития, все эти призывы имеют ясный бытовой смысл, согласно которому жить нормально и жить комфортно – это одно и то же.

Война с языком развития использует словосочетания, в которых одно из слов начинает поедать другое. «Нормальное развитие»... В этом словосочетании слово «нормальное» съедает слово «развитие». Да мало ли еще таких словосочетаний!

Гор хочет сочетания развития со стабильностью... Теоретики общества потребления хотят сочетания развития с комфортом... Какие-то другие (скоро поймем, какие) теоретики хотят сочетания развития с нормальностью (а с чем еще, казалось бы, развитие сочетать? Не с Кашенко же!). Вскоре выясняется, что нормальность почти синонимична комфортности, но и не вполне синонимична оной.

А когда у тебя в глазах начинает рябить от всех этих сочетаемостей, кажущихся на первый взгляд очевидными, вдруг понимаешь, что никакие они не очевидные. Что можно, например, «жить нормально» и не развиваться. И наоборот – можно развиваться и жить не вполне «нормально».

Проблема эта, между прочим, отнюдь не новая. Ибо апелляции к нормальной жизни (проверьте по мировой литературе)

всегда осуществлялись от лица так называемого обывателя, противопоставлявшего себя герою. Любому герою вообще. Поскольку проблема героического человечеству долгое время казалась неснимаемой, то героя хоть и третировали в большей или меньшей степени, в зависимости от эпохи, но допускали. Искоренять же героизм («дегероизация» называется) стали только после 1945 года, когда каким-то умникам показалось, что фашистский ужас может быть преодолен только при тотальном искоренении всего героического вообще. И возвеличивании маленького человека. При этом под «маленьким человеком» понимался вовсе не бедняк, а некий специфический, якобы абсолютно не подверженный никакой героизации обыватель.

Не хочу сводить к этому искусство так называемого неореализма, а также творчество множества талантливых антифашистских художников, находящихся за рамками данного жанра. Но в итоге деятельности всей этой плеяды герой, борющийся с фашизмом, оказался приравнен к фашистскому антигерою. Ну, а коммунизм – понятное дело, к фашизму (спасибо все тому же Попперу).

Но если бы все сводилось к дискредитации коммунизма! Тогда общемировой скверный процесс можно было бы считать хотя бы идеологически обоснованным. Так называемый «свободный мир» боролся с коммунистическим противником насмерть, а на войне как на войне. Ради победы можно и того... Информационная война – это та же ложь, но особо агрессивная, технологизированная, системно применяемая для разрушения сознания противника.

Но если коммунизм был противником, и коммунистического героя дискредитировали ради победы над коммунизмом» то ради чего дискредитировали совершенно некоммунистического героя Соппротивления? Да и любого героя вообще?

Почему нужно было «модулировать» жертвенное поведение своих солдат и офицеров их мечтой о возвращении в нормальное – домик, лужайка, праздничная индейка? Любому воин, воюя, мечтает о возвращении домой. Но жертвенная его мотивация к этому не сводится. В противном случае он бы и не покидал дом!

Да что там воин! Я много занимался экстремальным туризмом и точно знаю, что на десятый день походного экстрима обязательно начинаешь мечтать о возвращении в московскую квартиру. А на третий месяц пребывания в московской квартире начинаешь мечтать об очередном экстриме. Так что в этом случае норма? Московская квартира или экстрим?

Общеизвестно, что Одиссей рвался к себе на родину, в Итаку. Но, во-первых, он рвался не к нормальной, а к своей жизни. Он хотел обрести свой мир – для него уникально значимый. Он мог больше процветать и преуспевать, не добравшись до Итаки. Но он не захотел. А во-вторых, есть Одиссей у Данте, говорящий: «Неужели мы рождены для скотского благополучия и остающуюся нам горсточку вечерних чувств не посвятим дерзанию выйти на запад, за Геркулесовы вехи – туда, где мир продолжается без людей?..»

Спрашивается – зачем нужен мир, продолжающийся без людей? Не для нормальной жизни, не так ли?

Колумб стремился к нормальной жизни?

Эйнштейн, говоривший, что место смотрителя маяка было бы идеальным и для философа, и для физика-теоретика, хотел нормально жить?

Икар рвался в небо ради нормальной жизни?

Христос пришел к людям ради нормальной жизни?

Да полно... Нормальная жизнь – штука хорошая. Но когда она приобретает роль абсолютного ориентира и высшего блага, то теряет тот смысл, который имеет в противном случае. В случае, если ее не пытаются надуть, как пузырь. И уж совсем непонятно, как этот целевой и чуть ли не метафизический ориентир (он же – смысловой пузырь) должен сочетаться с развитием. Пузырь сначала надувается, потом схлопывается с катастрофическими последствиями.

Мало ли исторических прецедентов! Ярчайший, но не единственный, – Рим эпохи «хлеба и зрелищ». Нет смысла? Нет героев? Нужно подкормить человеческий скот и развратить его. Через какое-то время выясняется, что человек в скота до конца превращен быть не может. А если тем не менее с этим переусердствовать, то и подкармливать будет нечем, да и разврат перейдет все мыслимые пределы.

Отчуждение человека от развития (а именно это и подразумевается в операции «Хлеба и зрелищ»), конечно, возможно. Но оно одновременно оказывается отчуждением от человечности как таковой. Что оборачивается крахом. Пузырь «нормальной жизни» лопаается. И чем более глобальным становится мир, тем более глобальный характер будут иметь катастрофы, при которых лопаются подобные пузыри. При каждой очередной катастрофе все беспощаднее будет обнаруживаться то, что лекарство под названием «нормальная жизнь» – это губительный наркотик. Что это «лекарство от смысла», «лекарство от развития».

Бетховен – это развитие. Но при чем тут нормальная жизнь? Им ведь сказано: «Вся жизнь – трагедия. Ура!» Трагедия – это нормальная жизнь? Это подлинная жизнь. Но как связаны подлинность с нормальностью? Вы вообще пробовали определить нормальную жизнь как художественный жанр? Что это такое? Это не драма, не трагедия, не вампука, не мистерия... А что? Мюзикл? Водевиль?

Рассматриваемая мною проблема далеко выходит за рамки этики, эстетики и гносеологии. Это, между прочим, еще и политическая проблема. Потому что каждый либерал в России каждую минуту будет вам говорить, что нормальная жизнь – это жизнь в «открытом обществе». В том самом открытом обществе Поппера.

Представители нормы – это представители открытого общества. Все остальные, тем самым, представители патологии. Стоп... Но у открытого общества есть враги. И никто из «представителей нормы» не стесняется их обсуждать. А когда сподручно, то и бомбить. А также вбомбливать в средневековье.

Почему-то никому не кажется странным, что ревнители «открытого общества», готовы вбомбить его врагов в средневековье, то есть обернуть вспять историческое время (а значит, и развитие), по крайней мере, на бомбардируемой территории. Никому это странным не кажется... А мне вот кажется.

Странность эта, предлагаемая мною для вашего непредвзятого рассмотрения, состоит в том, что открытость общества и его развитие оказываются по факту в сложном соотношении (возвращаем к средневековью во имя открытости). Понятно, что

закрытое общество в определенных своих модификациях наращивает энтропию и гибнет. Но ведь и открытие закрытых обществ иногда приводит к весьма печальным последствиям.

СССР был отчасти закрытым обществом. Но там было развитие. Хорошее или плохое, но было.

Перестройка унд ельцинизм закрытость разрушили. Вот бы тут начаться развитию, а нет! Начался очевидный регресс. Тем самым мы просто по факту вынуждены констатировать, что не всякая открытость приводит к развитию. А также не всякая закрытость приводит к регрессу.

Как только мы начинаем соотносить дихотомию «открытость – закрытость» с дихотомией «развитие – регресс», исчезает абсолютность открытости как блага. А значит, и закрытости как зла. Выясняется, что можно так открыться, что и костей не соберешь. Вот троянцы открылись данайскому дару и получили по полной программе. Военная хитрость называется. Неизбежное слагаемое любой войны...

Но что я все о войнах да о войнах! Видимо, неистребим во мне дух закрытого общества, которое-то и воюет, – в отличие от открытого, которое никогда не воюет. А осуществляет гуманитарные операции... Скоро, наверное, начнет использовать в них тактическое (а то и стратегическое) ядерное оружие, но все равно надо будет считать, что оно никогда не воюет. И Хиросима с Нагасаки...

Стоп! Демон закрытости вселился в меня и побуждает к хуле на это самое... Благое открытое... Оно ведь не воюет!

Стоп! Как это оно не воюет? У него врагов – «до и больше», а оно не воюет? Как оно может не воевать, коли у него есть столько врагов? Оно подставляет вторую щеку? Его 11 сентября 2001 года долбанули, а оно вздохнуло и попросило: «А может, вы еще раз, мне так хочется пострадать!»

Но ведь нам уже объяснили, что оно нормальное и потому страдать не хочет! Но что значит не хочет? Оно не хочет, а бен Ладен хочет и тогда...

Короче – как вы назовете логику, в рамках которой:

- 1) открытое общество имеет врагов,
- 2) открытое общество имеет монополию на развитие,
- 3) развитие, в отличие от открытого общества, врагов не имеет,
- 4) все, кто говорит о врагах открытого общества, – люди нормальные и цивилизованные,
- 5) все, кто говорит о врагах развития, – люди патологические, нецивилизованные и обуреваемые желанием вновь заняться поиском «врагов народа»?

Кстати, если ваш народ живет в открытом обществе, а у открытого общества есть враги, то это не «враги народа»?

Ах да, забыл – о врагах (врагах народа в том числе) имеют право говорить лишь открытые общества. Поскольку только они нормальны.

Что такое вся эта муть, она же «нормальная логика»?

Это то, что вы должны некритически воспринять. То есть «схавать». А схавав, схлопотать по полной программе (к вопросу о перестройке и ее новых возможных модификациях).

Но некритически воспринять, схавать и схлопотать – это и называется «купиться» на военную хитрость. К вопросу о троянском коне как общеизвестном прецеденте... А также поздних модификациях этого прецедента (интеллектуальная война, семантическая война, идеологическая война, «победа без войны» и так далее). Вы должны внять призывам, устыдиться своей нецивилизованности и вылезти из бронемашины. А вам в благодарность – огонь на поражение.

Где враги – там война. Где война – там разного рода хитрости. А также утаивания, засекречивания. Планы военных операций ведь засекречивают, не так ли? Даже планы ведения борьбы с конкурентом и то засекречивают.

А если вы захотите стать субъектом развития, то есть осуществить действия, враждебные по отношению и к тем, кто не хочет развития вообще, и к тем, кто не хочет вашего развития, то вас погладят по головке? И станут всяческое содействие оказывать?

Нет уж, сказав А, говорите Б!

Сказав, что у развития есть враги, скажите, что идет война (концепций, идеологием, образам и так далее), И что военные хитрости – неотъемлемая часть любой войны. А уж рассматриваемой – тем более. И учитесь вести себя надлежащим образом. «На войне как на войне». И признайте, наконец, что и открытость, и нормальность – это военные хитрости, применяемые врагом развития, притворяющимся его другом, для того, чтобы открытость и нормальность пожрали развитие, а не обеспечили его оптимальный характер. Да и вообще – научитесь различать подлинные суждения о развитии и уловки, используемые для того, чтобы вы попали в концептуальные, теоретические, семантические и иные ловушки. Подчеркиваю – различать! А не кидаться из крайности в крайность, объявлять все чохом «тлетворным влиянием Запада» и обречать себя на поражение в войне. Ибо глухая оборона – это всегда путь к сокрушительному и быстрому поражению.

А еще неплохо бы научиться... Впрочем, давайте по порядку... Начинать надо с научения пониманию подлинного соотношения формы и содержания. А значит и научения всему, что проистекает из непростоты этого соотношения и порождаемых этой непростотой «хитрых феноменов», с помощью которых враги развития предлагают вам нечто, являющееся развитием по форме и деградацией по существу.

Попробуйте признать наличие подобных «хитрых феноменов» и не превратиться при этом в конспирологического невротика. Ибо невротическая конспирологизация – тоже вполне прогнозируемый (и желанный для врага!) результат.

Гений дипломатии Талейран сказал, что «язык дан человеку, чтобы скрывать свои мысли». Этот глава внешней политики наполеоновской Франции имел в виду человека своей профессии. Вряд ли он считал, что Гомеру или Данте, Савонароле или пророку Исайе язык дан для сокрытия мыслей.

Соккрытие мыслей с помощью языка называется «семантическое прикрытие». Чем «семантическое прикрытие» отличается от элементарной бытовой лжи? Если человек говорит жене друга, что ее муж находится на работе, зная при этом, что он находится в другом месте, то он просто лжет. А если заведующий отделом политического анализа информационного

обеспечения президентской администрации Азербайджана говорит, что принятие Албании в НАТО означает расширение клуба постиндустриальных стран (Албания – постиндустриальная страна, понимаете?), то он «прикрывается». Мягко говоря, не вполне искусно, но все-таки прикрывается.

Есть разного рода семантические прикрытия. Грубейшие из них – идеологические. Ведь говорил же Геббельс, что нужна очень большая ложь, чтобы народ в нее поверил. Однако прикрытия бывают и гораздо более тонкими.

Язык развития, войну с которым мы обсуждаем, помимо слов и образов, рассчитанных на общедоступность, не может не содержать в себе и нечто другое. То, что адресовано не периферии, а ядру осуществляющей развитие системы. Любая система защищает свое ядро. В ядро, к обсуждению которого я сейчас перехожу, входят понятия, образы, метафоры, конструкты, позволяющие как проектировать развитие, так и отслеживать системные сбои.

Какая-то часть этого языка всегда в большей или меньшей степени эксклюзивна. Это вытекает из наличия уже обсужденной нами игровой составляющей проблемы развития. Если есть конфликт по поводу развития, то есть игроки и игра, если конфликт накален, то игра – это война, если есть война, то есть закрытость. А как иначе?

Ученые и работающие в оборонных отраслях, постоянно спорят о том, что именно должно засекречиваться, а что нет. Если все засекретить – отрасль работать не сможет. Но если все рассекретить – какая «оборонка»? Так что надо секретить? Изделия? Ноу-хау?

Есть очевидные вещи. Истребитель как изделие можно засекретить, а законы аэродинамики – нельзя. Вроде бы все ясно, но... Что только не секретили в ядерной физике!

А теперь от оборонки перейдем к еще более серьезным вещам. К национальной стратегии. Эту стратегию создают специалисты на основе определенного знания.

Знание – это не всегда наука. В той мере, в какой знание является наукой, кирпичиками этого знания являются понятия. Если же знание – не наука (или не вполне наука), то корректнее говорить о других кирпичиках этого знания. Тех, которые в военной науке, прямо адресуя к «военной хитрости», называют стратагемами. Словами эксклюзивного поневоле языка развития, адресованного архитекторам системы, а не ее пользователям, являются стратагемы. Война со стратагемами – часть войны с языком развития.

Стратагемами, как я уже сказал выше, могут быть не только понятия, но и концепты, образы, метафоры, символы. Но предположим, что кирпичики – это «всего лишь» понятия. Что с ними-то прикажете делать? Уподобляться анекдотическим персонажам, наделяющим тайные документы сопроводительной надписью «перед прочтением сжечь»? Ясно, что так нельзя. Но и выставлять напоказ понятия, с помощью которых ты создаешь стратегию, тоже нельзя. Твоя стратегия – на то и твоя, чтобы противник имел о ней неверное представление.

Вот тогда-то и используются наиболее сложные семантические прикрытия. Понятия искажаются. Создаются ложные понятия. Такие искажения и имитации – часть интеллектуальной войны. А как иначе-то?

Никто не станет обнажать перед противником ядро собственной стратегии. И наоборот, все будут пытаться добраться до ядра чужой стратегии и посеять там семена деструкции, внедрить враждебный стратегический вирус.

Теоретики франкфуртской школы говорили, что язык – это власть. Фрэнсис Бэкон – что знание это власть сама по себе. На самом деле, как ты ни назови рассматриваемый эксклюзив – языком или знанием, – он не существует сам по себе в банальном смысле этого слова. Обладание языком (знанием, стратагемами) позволяет построить оргструктуру, необходимую для осуществления той или иной стратегии. В нашем случае – для осуществления стратегии развития.

Субъект – это идеология и оргструктура. Или, вводя понятие более широкое, чем идеология, это язык и оргструктура. Враг воюет с языком и оргструктурой, то есть с субъектом. Если врагу удастся разрушить субъект развития – развития не будет. А врагу это обязательно удастся, если он осуществит эрозию стратагем как элементов эксклюзивного языка развития и разрыв оргструктурных скелетных форм. Системщики называют подобный подрыв «внедрением вирусов в ядро системы». Что такое эрозия языка, используемого на периферии системы (языка пользователя), я уже разобрал... Нормальное развитие... комфортное развитие... устойчивое развитие... Глядишь – и развития как не бывало!

Теперь же я пытаюсь разобрать, что такое внедрение вирусов в ядро системы, обеспечивающее эрозию не языка пользователей, а языка системной архитектуры. А также эрозию оргструктурных скелетных связей. В целом речь идет о так называемой контрсубъективизации, то есть о недопущении формирования субъекта. А также о десубъективизации, то есть о превращении структурно-смыслового кристалла, обеспечивающего развитие, в бесструктурную и бессмысленную слизь.

Предположим, что у вас нет полноценной стратегии. То есть вы не являетесь стратегическим субъектом. Но вы хотите им стать. И потому стремитесь обзавестись неким знанием. Если у вас есть противник, что он будет делать, поняв, что вы к этому стремитесь? Он будет отсекал вас от нужного знания и подсовывать вам знание ненужное.

Воспрепятствовать превращению потенциального субъекта (возжелавшего стратегии политического класса) в актуальный субъект (класс, соединившийся с необходимым знанием) – обязательная задача противника. Как решается такая задача? Самыми разными способами.

Компрометируются те или иные слагаемые необходимого знания (понятия, нормы, подходы, образы, символы). Уничтожаются или дискредитируются обладатели знания. Разрушается среда, в которой знание может сформироваться. Уничтожается потребность в знании. Разрушается инфраструктура, позволяющая соединять потенциального потребителя знания с потребляемым.

Политический класс может стремиться к стратегической субъектности, а может испытывать к ней глубочайшее отвращение. Скажете – так не бывает? А что такое наш бомонд конца 80-х – начала 90-х годов? О «вашингтонском обкоме» говорили тогда «ужасные патриоты из газеты "День"». А бомонд... Тот просто подымал с пола платочки высоких зарубежных гостей.

Ельцин... Козырев... Увы, определенным образом вел себя почти весь тогдашний политический класс. Страстное желание сбросить с плеч крест стратегической субъектности было разлито В воздухе. Оно стало своего рода синдромом. До безумия

хотелось НЕ заниматься судьбами мира, НЕ нести стратегической ответственности за мир. НЕ думать о его перспективах и болевых точках. Не... не... не... не...

Истеблишмент, который в начале 80-х не обсуждал ни один вопрос без апелляции к содержанию всемирно-исторической эпохи» к концу 80-х возненавидел все, что пахло стратегией. В том числе и знание, с помощью которого она вырабатывается. А также среду, в которой такое знание выращивается. Все это отвергалось, отбрасывалось, растаптывалось, поносилось, высмеивалось.

Но еще до начала той позорной антистратегической оргии знание, о котором я говорю, по сути, оказалось «нон-грата». Оно само – и те, кто им обладал. А ведь уже тогда, при Брежневе, обладателей было совсем немного.

Я пишу эти строки, а перед моими глазами – лица. На лицах – отпечаток судеб. Это очень нелегкие судьбы. Иногда они абсолютно трагичны, как у Эвальда Ильенкова. Иногда чуть менее трагичны, как у Побиска Кузнецова. Да и у Александра Зиновьева, в каком-то смысле, тоже.

Я не могу назвать трагической судьбу Георгия Петровича Щедровицкого. Но это очень нелегкая судьба, не имеющая ничего общего с тем, каковой должна была быть судьба стратегического политического интеллектуала масштаба Георгия Петровича.

Называю отдельные яркие личности. Их, конечно, было несколько больше. Но не намного больше. Узок был этот круг. И не только узок, но и страшно далек от политического класса.

Виновен в этом был, конечно же, класс. Но сводить его вину к качествам отдельных людей (их уму, кругозору, структуре интересов и пр.) – негоже. В чем системные причины, не позволившие классу (то есть политическому субъекту) соединиться со знанием, без которого полноценной субъектности быть не может?

Власть исполнительная... судебная... законодательная...

ГДЕ ВЛАСТЬ ВО ВСЕЙ ЕЕ ПОЛНОТЕ? ВЛАСТЬ КАК СУБЪЕКТ СТРАТЕГИИ?

Это президент? Увы, сменяемый глава власти не может быть субъектом стратегии. Он сменяемый. Персонифицированным субъектом стратегии в какой-то степени может быть национальный диктатор или абсолютный монарх. Но именно в какой-то степени! Потому что подлинный субъект стратегии, представляющий власть во всей ее полноте, находится по ту сторону персонификации.

Такой субъект и такая власть (концептуальная, стратегическая, доктринальная – то есть высшая) – это не человек, а КЛУБ.

Но те, кто воскликнет: «Ах, мировое правительство, Бильдербергский клуб!» – должны сразу принять от меня извинения. Я о другом. Бильдербергский клуб – это почтенная элитная организация с бюджетом в несколько миллионов долларов. А даже если сот миллионов – и что? Помните истерику по поводу облачения Ельцина в мальтийскую мантию? Ну, принял он сомнительный подарок... Он-то принял, а завопили-то не только недруги, но и разочарованные конкуренты: «Да это же не тот орден! Что он надел! Мы – настоящие! Да мы бы с радостью! Зачем ему суррогат?»

Короче, клуб-то клуб, но другой. И легче всего объяснить, какой именно, на советском примере.

Стратегическим Клубом для Советской России и СССР была ВКП(б) эпохи стратегических дискуссий. ВКП(б) была субъектом стратегической (а значит, полной и целостной) власти только в эпоху таких дискуссий: о мировом коммунизме, о построении социализма в отдельно взятой стране, о типе индустриализации и так далее. А потом субъектом стратегии стал не Клуб, а национальный диктатор – Сталин. Но он мог им стать только по двум причинам.

Прежде всего, в силу свойств личности. Сталин был отдан делу целиком. И он был человеком незаурядным и в интеллектуальном, и в волевом смысле. Но и это не превратило бы Сталина в субъект стратегии, если бы не специфичность той исторической ситуации. Специфичность состояла в том, что стратегия могла быть и линейной, и эффективной. Слишком уж ясны были приоритеты (даже помимо того, что их уже «размял» Клуб), и в ранней индустриальной системе было обозримое количество элементов. Да, Сталин лично расписывал посменную работу особо уникальных станков. Но станков было мало. Было бы их побольше – никакая чудовищная работоспособность Сталина не помогла бы.

К концу 40-х стало ясно, что линейный персонифицированный стратегический субъект уже не может отвечать на вызовы времени. Что нужно возвращаться к нелинейному стратегическому субъекту – Клубу. Но Клуб уже был вырван с корнем, вместе с грибницей. Так родилась кукуруза вместо стратегии. На первых порах – вместе с великими космическими свершениями. Но это происходило во многом по инерции. Никакие – самые фантастические, самые величественные, – собственно технические свершения не могут подменить отсутствие (или истощенность) высшего целевого комплекса, состоящего из метафизики, концепции, доктрины... и – стратегии как их воплощения.

Я говорил о трагедии хранителей знания, способного поддерживать и развивать этот самый высший целевой комплекс. Но корни этой трагедии – в катастрофе Клуба. Да и формата власти...

Хрущев еще пытался быть национальным диктатором (как это кому-то ни покажется странным). А Брежнев уже был типичным консенсусным политиком. Тут-то все и «навернулось»... По сути – тут. По факту – немного позже.

Однако дело не в политических перипетиях советского периода, а в некоторых системных уроках. Касающихся, прежде всего, этого самого знания.

Как и любое целое, оно состоит из элементов (понятий, стратегем и т.д.).

В нем есть подлинные элементы своего собственного неафишируемого знания.

Есть столь же подлинные элементы стратегического знания, используемого твоим врагом (противником, конкурентом).

Есть фигуры прикрытия, которые твой враг использует для репрезентации элементов своего знания (а не репрезентировать их он не может).

Есть элементы-вирусы, которые враг хочет внедрить в твоё знание.

«...И дай мне разум, дабы отличить одно от другого», – молился герой Курта Воннегута. Разум...

С начала перестройки все, что касается стратегического знания, вообще отторгалось. Истеблишмент стремительно опрощался, освобождался от стратегической миссии, исторической инициативы. Переходил на язык прагматики,

общемировых «рыночных панацей».

К 2005 году это безумие, запущенное в 1987 году, как-то «сдулось». Не до конца, конечно, и ни о какой необратимости такого «сдутия» говорить не приходится. Пара-тройка политических пассов – и все это опять «надуется». Да еще как! Но почему же все-таки сдулось?

Потому что «московский райком» почувствовал, что «вашингтонский обком» замыслил недоброе. В том числе и в отношении «райкомовской» элиты. Вроде ты и свой в доску, и по-английски бойко говоришь, и все прочее при тебе – а ты для них все равно «русская нелюдь». Курьезы наподобие того, который случился с Прохоровым в Куршевеле, – это частности. Почуяли же наши – ранее освобожденные от стратегии – элитарии нечто общее. И очень недоброе.

И закрутилась вихрем новая мода. Вместо огульного отрицания всего, что пахнет стратегией, началось огульное же заглывание всего подряд. В основном – этих самых вирусов и прикрытий. А также вообще словечек. Возник специфический спрос на специфические словечки – главное, чтобы покруче и помоднее.

Где спрос, там и предложение. В страну с презрительными, скучающими и одновременно ждущими лицами один за другим въезжают иноземные корифеи прошлого. Корифеи ждут гонораров (мол, говорят, что эта жуткая Россия – новый Клондайк), но и презирают дающих.

Презирают за все. За то, что эти дающие почему-то все еще считают их корифеями. За то, что эти дающие «ни ухом ни рылом» в том, что им говорят, и говорить можно что угодно. А можно, например, и не говорить, а петь. Что и сделал один из таких корифеев, выступая перед высоким политическим собранием и сказав, что ему проще спеть песню, чем объяснить, что такое демократия (интересно, ему бы могло прийти такое в голову в Оксфорде?).

Невроз имен соединяется с неврозом подходов. Напоминает пока еще не чуму, а грипп. То есть быструю и бесследно уходящую эпидемию.

Вдруг заговорили о будущем. Что говорить о будущем? Да все, что угодно! Это еще одно свойство подобных дискуссий. В плохой актерской массовке, когда ей надо изобразить шум толпы, каждый член массовки говорит очень быстро и не в такт с другими: «Что говорить, когда нечего говорить? Что говорить, когда нечего говорить?» Примерно так же заговорили о будущем. За этим массовочным неврозом маячит одно: невротики не справились с прошлым и теперь хотят говорить о будущем.

Но если нет прошлого – нет будущего. И это все понимают. Чем больше понимают, тем более невнятно говорят о будущем. Но ведь говорят! Бессмертный Шалапин высказался по сходному в чем-то поводу: «Бесплатно только птички поют»... «Птички» чувствуют, что истеблишмент беспокоится, и поют. Надо – о будущем, надо – о чем-то еще.

Например, можно и о развитии. Надо – так даже и с философской подоплекой. Можно Тоффлера привезти. Тот давно уже надоел и западной публике, и самому себе. Но если привезти, то он зевнет и что-то расскажет: А «пипл» «схавает»...

«Информационное общество, постиндустриальное общество, технотронное общество»... Мало? Пожалуйста – «нетократия». Мало? Можно и другие слова использовать. «Что говорить, когда нечего говорить?»

Я не хочу сказать, что нет постиндустриальных проблем или информационных вызовов. Все это есть. Но есть и другое. Эти самые вирусы и «фигуры прикрытия». А вот чего нет, так это возможности, о которой молил герой Воннегута. Возможности различать.

Года за полтора до атак на башни ВТЦ ко мне приехал высокий американский чин. И стал звать в Спасо-хаус послушать Хантингтона. Чин явно выполнял задание: пусть, русские слушают Хантингтона.

Хантингтон был уныл, изумлен и испуган. Испуган он был тем, что вдруг оказался нужен. И даже понимал, что это не к добру. Про себя он точно знал, что он компилятор. То есть классический академический профессор, который как-то и зачем-то препарировал идеи Тойнби. Он-то их просто взял и препарировал. У него профессия такая. А кто-то сказал: «О! Это-то нам и нужно!» Появился «конфликт цивилизаций».

Его разминали, разминали, разминали... Бац – «найн-элевен»! Горит ВТЦ, и все начинают кричать о «конфликте цивилизаций» и о величии «угадавшего Хантингтона».

Семя упало на хорошо подготовленную почву. Даже Фукуяма (предыдущая «залепуха» с «концом истории») стал фактически каяться и говорить, что конца истории нет, а есть конфликт цивилизаций. На всех конгрессах по контртерроризму людей начали делить на своих и чужих по тому, поддерживают они концепцию «конфликта цивилизаций» или нет. Что сильно напоминало психбольницу.

Ирак – конфликт цивилизаций... Афганистан – конфликт цивилизаций... Всё – конфликт цивилизаций. Ах, нет, забыл, не всё. Босния с Сербией – это не конфликт цивилизаций. Это борьба боснийского (забываем, что мусульманского) «добра» с сербским (забываем, что христианским) «злом».

Но бог с ней, с такой примитивной лживостью. Важнее обсудить лживость более тонкую. Она же – семантическое прикрытие.

Предшественники Хантингтона говорили о цивилизации более или менее уклончиво. Но все же признавали, что это общность, задаваемая религиозной идентичностью. Современная Индия – это индуистская цивилизация? Китай – это... наверное, даосская цивилизация? Или конфуцианская? А со светским населением что прикажете делать? А с межконфессиональным миром в странах, подобных Индии или России?

Игроки, осуществляя семантическое прикрытие, прятали от «лохов» главное. Что там, где есть проект «Модерн», не может быть никаких цивилизаций. Что либо Модерн и нация – либо домодернистские формы идентичности. А поскольку миллиарды людей уже перешли от домодерна к Модерну, то их, видимо, надо вернуть обратно, чтобы создать цивилизации. Ну, так это и называется – архаизация и регресс. А также Контрмодерн.

Однако и это еще не все. Для России цена вопроса намного выше. Россия – это либо больше, чем цивилизация, либо меньше. Она либо имперский (шире – сверхдержавный) конгломерат, либо недостроенное национальное государство.

Но «лохотрон» – он для того и нужен, чтобы не думать, а болтать. «Что говорить, когда нечего говорить»...

Ведущие западные теоретики цивилизаций участвовали в большой интеллектуальной войне. Они эти самые «цивилизационные монады» не выявляли, а конструировали. Их стратегическому субъекту (под названием Британская империя) цивилизационные монады были нужны для того, чтобы «управлять мировым балансом». Потом Рузвельт «похоронил» этот субъект. (Кто-то, правда, считает, что субъект похоронил Рузвельта. Но это экзотическая конспирологическая точка зрения, хотя в целом и не такая уж беспочвенная). Потом появились американские неоконсерваторы.

Почему появились? Потому что американские демократы не смогли справиться с Китаем. Тогда их заменили неоконсерваторами. А неоконсерваторы, появившись на политической сцене, тотчас вынули теорию цивилизаций из пронафталиненного сундука. Обнаружили Хантингтона, слегка отряхнули нафталин – и началось. Они-то знали, что делают. А наши? «Что говорить, когда нечего говорить»...

Сходным образом обстоит дело с пресловутым тоталитаризмом.

Тоталитаризм – это семантический вирус, выведенный в лаборатории Поппера для того, чтобы отнять у Советского Союза победу во Второй мировой войне и дискредитировать коммунизм. Всем понятно, что коммунизм и фашизм диаметрально противоположны. Что коммунисты клялись завершить дело конвента и Великой Французской революции, чтобы двигаться выше по спирали развития, а фашисты хотели вбить в это дело осиновый кол. Но чужаки «впаривают» потому, что им надо. А наши «хавают» потому, что им все равно.

«Постиндустриальное общество»? Ростоу надо было бороться с Марксом. Противопоставить свой подход его формационному и классовому подходу. А противопоставив, еще в него и мину «конвергенции систем» заложить. Чем закончилась конвергенция – мы видим.

Все эти словечки надо не заглаживать, а расковыривать. «Информационное общество»... «Технотронное общество»... «глобализация»...

Глобализация – это интернет и мобильные телефоны? Только идиот и провокатор может подменять социальное качество явления его техническими атрибутами. Глобализуются труд и капитал. Труд движется туда, где больше платят. И – разрушает западную цивилизацию, создавая общеизвестные миграционные феномены. Капитал движется туда, где надо меньше платить за труд. И – добивает западную цивилизацию до конца. Принося главный приз («на блюде с голубой каемочкой») Китаю.

Феномен Косово показал еще раз, что слово «глобализация» – это фигура прикрытия, а на самом деле осуществляется «глокализация». То есть соединение глобального с локальным. Государства рвутся на части. Подменяются племенными региональными образованиями. Над ними что-то надстраивается («Европа регионов», кстати, была проектом Ваффен СС). Идет война с национальным государством как таковым. А значит, – уничтожение проекта Модерн.

Информационное общество... Ах, мы перестанем воевать за ресурсы... Информация принадлежит всем...

Любая информация? Вы «опера» спросите, поделится ли он агентом с другим «опером»...

Меритократия... Государство экспертов...

Платон и Аристотель тоже описывали нечто вроде меритократии. А уж в средневековом Китае она временами была налицо. И что?

ДЕМИШУРИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ – ВОТ ЕЩЕ ОДНА ИЗ НАИБОЛЕЕ АКТУАЛЬНЫХ ЗАДАЧ. Не сумев ее решить, не выйдем из бессубъектности. А это чревато не теоретическими, а сугубо практическими издержками. Стратегия – не умствование. Это вопрос национальной судьбы.

Что если Россия, не разобравшись, что к чему, впрыгнет в отцепленный вагон? Поясню на самом элементарном примере. Россия хочет войти во Всемирную торговую организацию (ВТО). Очень упорно хочет. Кто-то говорит, что это хорошо, кто-то – что это плохо. Но никто не говорит главного: будет ли ВТО через несколько лет?

Не я, а Вулфовиц и его разработчики (знаменитая альтернативная группа стратегической оценки «Би-2») сказали, что последний срок для победы США над Китаем – это 2017 год. Потом будет поздно.

Китай–2008 – это как бы Германия–1908. То есть молодая капиталистическая супердержава, рвущаяся использовать закономерности неравномерного развития при империализме. А ведь никто эти закономерности не отменил, их на время сдержал коммунизм, который выбил полмира из империализма. Но теперь весь мир опять там!

США–2008 – это как бы Великобритания–1908. То есть старая капиталистическая супердержава, пытающаяся сдержать молодую в условиях этого самого неравномерного развития. Сдержать в условиях глобализации – невозможно. То есть, конечно, возможно, но недопустимо издержечно для самих США. Если очень высоко поднять нефтяные цены (примерно еще вдвое), то возникнут очень серьезные проблемы и у Америки. Значит, задира́ть цены нельзя. Тогда что делать? Натравливать на Китай тибетцев, уйгур? Дело бросовое. Китайцы сепаратистов вырежут и продолжат «триумфальное шествие». Начинать разыгрывать против соперника старую карту «большой игры» (то есть стратегически «затачивать» на Китай ислам)? Дело более перспективное, но для современных США неподъемное. Воевать с применением ядерного оружия? Согласитесь, пока это чисто умозрительный сценарий.

Мои зарубежные знакомые говорят: «Американцы в итоге найдут правильное решение. Но только после того, как попробуют реализовать все неправильные». Неправильные и как бы очевидные, добавлю я.

Такое неправильное, но как бы очевидное решение – остановить триумфальное шествие китайских товаров на мировых рынках, и прежде всего на рынке американском. А как остановить? Только через закрытие национальных внутренних рынков (конечно, прежде всего американского) тарифными и другими барьерами. Это несовместимо с правилами ВТО? Ну, сначала это будут как-то – косо-криво – совмещать. А потом, если не получится, доломают ВТО.

Именно к этому моменту мы сделаем все для того, чтобы в него вступить. Мы потратим огромные деньги, немереные административные усилия, сломаем об колено кое-что из жизненно важного – ради сомнительных приобретений. Прыгнем в ВТО – и окажемся в отцепленном вагоне.

Хотел бы ошибиться в своем прогнозе. Не хочу его никоим образом абсолютизировать. Да мне это и не так интересно, потому что ситуация относительно мелкая. Но она яркая, и на ней удобно показать, что такое прыжок в отцепленный вагон.

Но какие еще могут возникнуть прыжки более важного типа?

Почему не считать таким «прыжком в отцепленный вагон» прыжок в Модерн, понимаемый как западный мегапроект? А Запад-то от этого мегапроекта отказывается (смотри Косово)! И что нам делать? Я уже показывал, что. Защищать Модерн вместе с теми, кто от него не хочет отказаться. Но, во-первых, это вовсе не называется входить в западную цивилизацию. Это прямо обратное. И, во-вторых, надо понимать, что с самим-то Модерном действительно все не вполне благополучно!

Следующий отцепленный вагон – капитализм. Надо честно себя спросить: капитализм – это совершенный общественный уклад? Но тогда он знаменует собой конец истории. Просто вместо слова «коммунизм» ставим «капитализм», и все.

А если капитализм вскоре станет несовместим с прогрессом, с Духом истории (который не умер, вопреки Гегелю), с идеей Развития как такового? Почему это могло произойти с феодализмом и не произойдет с капитализмом? Ведь те, кто изобретал слова «постиндустриальное общество», «технотронное общество» etc, делали это не только для атаки на коммунизм, но и потому, что отчетливо видели тупики этого самого капитализма!

Что теперь планируется? Модерн пронизан духом Великой Французской буржуазной революции и других великих революций того же типа, включая американскую. Так революции-то были буржуазные! Что теперь?

Стал ли капитализм тормозом? Если стал, то в чем именно? Мы, уходя от социализма, принесли колоссальные жертвы на алтарь построения капитализма. Если что-то и построили, то капитализм эпохи первоначального накопления. Да и это сомнительно. Хорошо, предположим, что построили. Нам надо выходить из первоначального накопления? Или что нам надо делать? Мы выйдем из него через десять лет, когда возжеленная для нас западная цивилизация поставит крест на капиталистическом проекте? Что, например, нет серьезных западных разговоров о перспективе отмены денег? Это моя фантазия?

Так не прыгнет ли Россия в отцепленный вагон? Ах, да, забыл, она начнет «строить капитализм в отдельно взятой стране». И с опозданием на двести лет... Это солидное ноу-хау по части стратегического развития.

Мир входит в фазу турбулентности. Неопределенность стремительно наращивается. Она наращивается сама или ее кто-то наращивает? И чем она порождена? Развитием как таковым? Неравномерностью этого развития? Или же... Или же торможением развития?

Ах, ох, будущее! Будущее – это не футурологическая, а политическая проблема. За будущее всегда отвечали левые силы. Правые же – отвечали за то, чтобы в погоне за будущим не разорвали цепь времен, не подорвали потенциал традиции.

Так кто нанес такой удар по левой идее вообще? А значит, и по политической базе будущего? Я не про разгром коммунизма, тут все понятно. Я про тотальный кризис всего левого. Например, про изымание из этого левого любого морального содержания. Конечно же, и в 30-е годы XX века представители коммунистических движений Запада позволяли себе определенное моральное легкомыслие (чего о реальном советском коммунизме сказать было вообще нельзя). Но это было легкомыслие как фон.

Теперь речь идет о другом. О том, что ничего, кроме легкомыслия, у левых нет. Что борьба за права трудящихся подменена борьбой за права всех разновидностей извращенцев. Что стратегическая идея будущего вырвана с корнем. Что государственная страсть сведена к нулю.

Увидев призрак Банко, Макбет спрашивает лордов: «Кто это сделал?» Не могу я здесь подробно обсуждать, кто это сделал. Но, кто бы это ни сделал, мир входит в очередную турбулентность без субъекта будущего, субъекта стратегии, субъекта развития.

Иногда я сталкиваюсь с текстами, в которых обсуждается бесконечная сложность этих турбулентных потоков. Что сказать? Мир никогда не бывает прост. Он всегда бесконечно сложен по факту. А вот по идее он всегда прост. И потому эффективная модель может содержать в себе шесть, семь, восемь кластеров, но не более. Идея обозрима, мир – нет. Констатация сложности турбулентного мира и даже описание сложностей не избавляют от необходимости моделирования. И от ответа на вопрос о том, что такое эта турбулентность? Это действительно конец Модерна? Тогда что «по ту сторону»?

Постмодерн? Так он и есть смерть развития! Концептуалистика не имеет права быть всеядной. Я готов преодолевать идеологические расхождения, но война – это война. И пока мы не скажем «постмодернистский враг», ясности не будет. Пока мы не осознаем, что постмодернизм тащит за собой суррогатную архаику, тащит не случайно, а чтобы уничтожить развитие, мы будем кораблем без руля и ветрил, втягиваемым в самую чудовищную из всех турбулентностей, переживавшихся человечеством.

Как только мы скажем, что есть враг (и кто союзники врага), многое прояснится. И тогда в этих сложностях турбулентного мира можно будет разобраться. Можно будет различить, где кризис, а где катастрофа. Где исчерпание, а где бифуркация. И в чем генезис всего этого.

Если начнем этим заниматься всерьез, мы разберемся. Перестанем любоваться всем новым в его вариативности. И установим, где действительно новая ткань, а где элементарный гной.

Восстановить стратегическую культуру. Опираясь на нее, восстановить стратегическую инфраструктуру мысли. Отсеять шлаки и шумы. Освободиться от вирусов. Нащупать ось проблемы. Восстановить, наконец, стратегическую субъектность.

Вот то, без чего никакое развитие не начнется, и никакая историческая инициатива к России не вернется. Если действительно хотим вернуть эту инициативу – найдем в себе силы для преодоления интеллектуальной прострации, сна стратегической мысли, рождающего разнообразных (глубоко вторичных и глумливо-провокативных) чудовищ.

А сделав это, – может быть, вернемся к сути своей?

Глава IV. Ты и твои враги

Я уже говорил о том, что подход, использующий определение себя через своих друзей («скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты») так же правомочен, как и подход, использующий определение себя через своих врагов («скажи мне, кто твой враг, и я скажу тебе, кто ты»).

Но в двух этих подходах предполагается наличие «ты», то есть исторической личности, способной, например, к войне с врагами развития во имя спасения развития как такового (программа-максимум) или развития для себя (программа-минимум). А если нет этого «ты», то бишь исторической личности? Ведь такая личность – это не только субъект, наделенный метафизикой, телеологией и аксиологией какого-либо развития. Наличие субъекта необходимо, но недостаточно. Точнее сказать, абсолютно необходимо и категорически недостаточно.

Можно построить идеальный субъект, наделить его глубоким и емким языком, обеспечить организацию структурно-скелетных связей.

Но, если этот субъект окажется сам по себе, а то, что на языке политической философии, соотнося с субъектом, называют субстанцией, окажется само по себе, развития не будет.

Или же субъект начнет патологически развиваться, пожирая субстанцию. Но такое патологическое развитие вряд ли стоит именовать развитием. Впрочем...

Ведя на одном из «круглых столов» острую дискуссию по проблемам модернизации, я очень сильно разозлил элитных интеллектуалов. Дискуссия под стенограмму закончилась. Перешли в соседний зал, где был накрыт стол. Но страсти не успели утихнуть, и я продолжал напирать: «Где же она, эта самая обещанная модернизация России?» И тогда один из сильно задетых мною оппонентов из «околономенклатурных» интеллектуалов времен застоя не выдержал: «Никто не собирался модернизировать Россию. Речь шла о модернизации элиты». Похоже, эта откровенность ошарашила многих, жующая и выпивающая компания разом затихла. Я в этой тишине спросил: «За счет чего?» Оппонент в той же тишине с вызовом ответил: «За счет всего». Все молчали. А сосед моего оппонента по столу, театрально закатив глаза, воскликнул: «Господа, будучи в такой степени демократами, можно же еще быть хоть чуть-чуть гуманистами!»

Возможна ли модернизация элиты как антисубъекта «за счет всего», то есть за счет субстанции (народа)? И правомочно ли называть такую модернизацию модернизацией?

Субстанция – это философский термин, применяемый по-разному в зависимости от того, о какой философии идет речь. Последователи Гегеля, занимавшиеся именно политической философией (так называемые младогегельянцы, левогегельянцы), говоря о субъекте, имели в виду интеллигенцию, а говоря о субстанции, имели в виду народ. Для Маркса и марксистов субъектом являлся класс, а народ – субстанцией. Для сторонников теории элит субъектом может являться... религиозный институт в целом, какой-нибудь религиозный орден... Но субстанция – это все равно народ.

Что такое разрыв субъекта и субстанции на марксистско-ленинском языке, можно понять, читая, например, стенограммы XV партийной конференции, где один из ораторов, обсуждая построение социализма в отдельно взятой стране, говорит: «Оторванная от широких масс партия может в лучшем случае погибнуть в неравном бою. А в худшем... Скажете, сдаться в плен? Но в политических битвах в плен не берут. В худшем она предаст интересы породившего ее класса».

В этой реплике субъектом выступает уже партия. А субстанцией – отождествляемый с народом класс. Речь идет о достаточно тонкой смене акцента. Тонкой, но значимой. И, конечно же, в основе этой далеко идущей тонкой смены акцента – идея Ленина о том, что если России нужна пролетарская революция, а пролетариата в России нет, то нужно сделать пролетарскую партию, а она, партия, уже создаст пролетариат. Но после осуществления революции.

Анализ бесконечных дискуссий о том, имеет ли такая ленинская концепция какое-то отношение к марксизму, увел бы нас в сторону. Я здесь просто пытаюсь показать, что построение любого стратегического субъекта, в том числе и субъекта развития, необходимо, но недостаточно. Нет у субъекта связи с субстанцией, не является субстанция полноценной – никакое субэкостроительство само по себе ничего не обеспечит.

Враг начинает с разрушения субъекта. Но ему нужно еще и разорвать связь субъекта с субстанцией, а также превратить субстанцию в антропомассу. Только решив эти задачи одну за другой – подорвав внутренний и внешний язык развития, разрушив оргструктурные связи внутри субъекта развития, разорвав связь субъекта с субстанцией и превратив субстанцию в антропомассу, – враг может убить в исторической личности волю к развитию. Впрочем, к моменту решения всех этих задач уже не будет исторической личности. Нельзя убить волю к развитию и сохранить историческую личность. Далеко не всякое компактно проживающее население является исторической личностью.

В предыдущей главе мы обсуждали десубъективизацию, то есть лишение субъекта развития необходимой структуры и необходимого языка.

Теперь надо (хотя бы в первом приближении) присмотреться к желательным для врага метаморфозам, превращающим субстанцию в собственное отрицание.

Насмешки над «особым путем» России как уникальной исторической личности в целом не беспочвенны. Нередко риторика особого пути призвана решать очень частные политические задачи, а то и задачи чужих центров сил. Да, бывает и так. Но подобная констатация никак не позволяет обнулить очень серьезное (и абсолютно позитивное) содержание, добытое величайшими умами России в мучительных поисках смысла собственной истории. И смысла истории вообще. Ибо эти искания осуществлялись в рамках стратегической линии, препятствующей и автаркии, и растворению в чужом и чуждом историческом содержании.

Восторг того же Томаса Манна перед Толстым, Достоевским и Чеховым – не похлопывание по плечу: «Вот, мол, дикари, а как пишут». В основе этого восторга – страстный интерес к возможностям России как исторической личности сказать что-то новое о развитии. Причем не только новое, но и всемирно значимое. Так что же мы имеем теперь?

Увы, советник Ельцина Ракитов и его подельники в какой-то степени преуспели в своем начинании, рекламируемом как

«смена ядра российской цивилизации» (добавлю от себя: российской цивилизации как исторической личности).

Никакого нового ядра «ракетовцы», конечно, не создали. Да это и не планировалось. А вот то, что исторической личности по имени Россия (цивилизация там или нет – это вопрос семантического лукавства) была нанесена беспрецедентная травма... Что удар, пробив защитные оболочки, достиг ядра исторической личности... Это – печальный факт.

Считать, что твоя историческая личность, в отличие от остальных исторических личностей, почему-то не может умереть, глубоко наивно. И в чем-то антипатриотично. Потому что такая аксиоматика полностью исключает понятие смертного боя («вот этот рубеж сдадим – и возврата не будет»). Если можно сдать любой рубеж и после этого вновь взлететь под небеса... Если тем самым все «сдаваемо» и точек невозврата нет, то зачем бороться, жертвовать?

С чего начинаются любые переговоры, носящие фундаментальный характер? С того, что на что можно обменять? Полная чушь! Серьезные переговоры начинаются с неброской, но очень внятной манифестации, касающейся того, что НИКОГДА НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ОТДАНО. НИКОГДА И НИ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ. Это неотдаваемое и есть ядро любой системы. Отдает система хоть один элемент ядра – ее уже нет. Жертвовать периферией можно, ядром – ни при каких обстоятельствах.

Итак, то, чем жертвовать нельзя, – это ядро исторической личности.

Ну, так чем же жертвовали в последнее двадцатилетие? Частью периферии этой личности или частью ее ядра?

Констатация безнадежности наличествующего – инструмент в руках тех, кто добивается капитуляции. Слышу нечто подобное из уст определенного контингента, и сразу вспоминается: «Рус, сдавайся! Командиры и комиссары тебя предали! В немецком лагере тебя ждет сытный гуляш!»

Но в той же мере, в какой констатация безнадежности наличествующего может оказаться оружием в руках врага, этим оружием может оказаться и дежурный оптимизм. Вы видите, что начинается изъятие чего-то, находящегося в ядре исторической личности. Вы обращаетесь к патриотически настроенным людям и говорите: «Это недопустимо. Это подрывает ядро». А вам отвечают: «Да нас высшие силы хранят. Россия и не из таких передраг выходила могучей и обновленной».

Странная позиция... Вроде оптимистичная, а ничем не лучше капитулянтской. Если бы не было сказано: «Отступать некуда. Позади Москва», а вместо этого говорили бы, что Москву сдавали не раз и все в порядке... Что бои мы будем продолжать в Сибири, то чем бы все кончилось? Созданием всемирного Третьего рейха и отлавливанием в Сибири отдельных бойцов?

Может быть, все-таки стоит отказаться и от капитулянтства, и от ложного оптимизма одновременно, и всерьез обсудить масштаб и качество травмы, нанесенной в последние двадцать лет России именно как исторической личности? А заодно и спросить себя, можем ли мы еще куда-нибудь отступать. Например, ссылаясь на несовершенство путинской России, что уже начинает делаться. Желаящих ссылаться на такое несовершенство, как на возможность отступать еще и еще, в нашем политическом бомонде, представьте себе, предостаточно. Так что же, любые уступки совместимы с жизнью исторической личности? А если всю субстанцию зачистить (это, между прочим, геноцид называется – ничего беспрецедентного здесь нет)? Тоже кто-то будет говорить о том, что и не из таких передраг выходили обновленными и могучими?

«Такие-то и такие-то уступки несовместимы с жизнью моей исторической личности и потому совершены быть не могут». Без этой экзистенциально-политической установки – какая большая политика? И откуда возьмется такая установка, если властвует дежурный оптимизм («и не такое еще бывало», «кривая вывезет», «ништяк, прорвемся!») и так далее)?

Нет потерь, несовместимых с жизнью исторической личности? Ну что ж, тогда, в каком-то смысле, возможны любые уступки! Повторяю, по этому поводу делались ранее и делаются сейчас самые разные политические заходы. Кто-то ссылался на опыт Золотой Орды (ездили же получать ярлык на княжение, сейчас поедем снова, а уж потом – так взлетим!)... Кто-то ссылается на необходимость очиститься от какого-нибудь этнического гноя, отсекая очередную часть территории (от северокавказского, например, но и не только). Кто-то, наоборот, хочет очищаться от гноя московского.

На самом деле – не ради капитуляции, а ради мобилизации – надо признать беспрецедентным (и именно беспрецедентным) все произошедшее с Россией как исторической личностью за последние двадцать лет. Конечно, у исторической личности есть глубочайшая потаенность. А значит, и защищенность. Ее ядро (или то, что Мигель де Унамуно называл «интраисторией») очень устойчиво и может пережить колоссальное количество различного рода травм. Но не любые травмы! Есть и несовместимые с жизнью.

Государство – не фетиш, каковым его считают «ура-патриоты». И не враг личности, каковым его считают «ура-либералы». Оно не аппарат классового насилия, каковым его отрекомендовывали марксисты. И не средство согласования классовых интересов (оппонирующая марксизму социал-демократическая и «попперианская» точка зрения). И даже не средство обеспечения максимального процветания и благосостояния населения (так называемая «прагматическая» точка зрения).

ГОСУДАРСТВО – ЭТО СРЕДСТВО, С ПОМОЩЬЮ КОТОРОГО НАРОД СОХРАНЯЕТ И РАЗВИВАЕТ СВОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ.

То есть, во-первых, это средство.

Во-вторых, это средство, используемое народом.

В-третьих, это средство, связанное с историческим предназначением.

Нет исторического предназначения – нет народа (равно как нет нации, если нет проекта «Модерн»).

Племя превращает в народ наличие этого самого исторического предназначения. А как только историческое предназначение рушится, народ распадается на племена. Или превращается в старчески утомленное суперплемя («жизнь после жизни»).

Соответственно, любой умный враг, желающий уничтожить народ и государство, будет старательно и настойчиво уничтожать некий потенциал мыслей и чувств, связанных с историческим предназначением, выдавая эту войну на уничтожение за «смену цивилизационного ядра».

Значит ли это, что у исторической личности нельзя сменить ядро? Что ее обновление может носить только чисто

периферийный характер? Конечно, это не так. В принципе смена ядра возможна. Но только в условиях особо прочной связи с эгрегором. Хочешь стратегического обновления? Еще больше припади к историческому потоку, нырни в глубь его, найди подводные ключи, питающие жизнь живую.

Если же некто заявляет о качественном обновлении исторической личности и одновременно перекрывает каналы к ее эгрегору – он не обновляет ядро, а наносит ему смертельную травму. Ну, так это и было сделано. И никто теперь не может однозначно ответить на вопрос о том, что на самом деле происходит с исторической личностью. Только сама личность ответит на этот вопрос. В тех формах, в которых отвечают подобного рода личности.

Итак, мы не знаем точно, что такое сегодняшняя Россия. Но мы знаем, что в каком-то смысле приближаемся к точке невозврата. Может быть, медленнее, чем десять лет назад. Может быть, не столь губительным образом. И, тем не менее, приближаемся.

В условиях этого приближения речь должна идти не о развитии вообще, а о мобилизационном развитии. Что есть такое развитие для России?

Прежде всего, рассмотрим, что для России в этом смысле представляет мобилизация. Речь идет ведь не о формальной мобилизации (началась война – объявили мобилизацию), а о мобилизации культурно-исторической («мобилизационная модель существования»).

Подо что мобилизовывалась историческая Россия? Вот тут-то почвенные блестящие умы сформулировали наиболее ясные и глубокие ответы. Причем без тех обычных расхождений, которые существуют по другим вопросам.

Квинтэссенция подобного ответа состоит в том, что **РОССИЯ МОЖЕТ ИСТОРИЧЕСКИ МОБИЛИЗОВАТЬСЯ ТОЛЬКО АБСОЛЮТНЫМ ОБРАЗОМ И ПОД АБСОЛЮТНУЮ ЦЕЛЬ**. В этом состоит специфика так называемого «русского чуда». Это признали фактически все (за очень редкими исключениями). Кто-то признал подобное с отвращением, кто-то с восторгом. Но признали!

Что такое абсолютная мобилизация под абсолютную цель? И как она осуществлялась в исторической жизни России?

Абсолютная цель (в разных ее исторических вариантах) всегда была связана у нас с новой и благой жизнью. Мобилизация шла под возможность новой и благой жизни. И в этом смысле советская (в том числе сталинская) мобилизация традиционна. Был предложен некий вариант новой и благой жизни. Предложен и в значительной степени осуществлен. А также явлен миру в нескольких своих ипостасях. Включая «благую весть» – спасение этого самого мира от Гитлера.

Стоило ли спасать такой вот мир – отдельный вопрос. Этим вопросом уже давно задавалась наша культура, в том числе и народно-песенная (почти фольклорная):

*Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.*

В утешение можно сказать, что Россия спасала и спасла не только мир, но и себя.

Мобилизация на абсолютное спасение – безусловное «ноу-хау» нашей истории. Победа в Великой Отечественной войне – высшее проявление этого исторического духа. Но и она адресует не к своей уникальности, а к традиции («с фашистской силой темною, с проклятою ордой»).

Характер такой мобилизации в другом ее варианте описал Лев Толстой в «Войне и мире». Вспомним знаменитые сцены, когда вдруг начиналось глубинное инстинктивное отречение от всего личного ради такого спасения.

То, что наша историческая личность держится на суперкоде такой абсолютной мобилизации, – в общем-то, очевидно. То, что внутри мобилизации есть какое-то накаленное представление о новом и благом, тоже очевидно.

ГОРАЗДО МЕНЕЕ ОЧЕВИДНО ТО, В КАКОЙ СТЕПЕНИ МОЖНО ГОВОРИТЬ О ТОМ, ЧТО РОССИЯ МНОГОКРАТНО МОБИЛИЗОВЫВАЛАСЬ НЕ ПОД ЛЮБУЮ АБСОЛЮТНУЮ ЦЕЛЬ, А ИМЕННО ПОД АБСОЛЮТНУЮ ЦЕЛЬ РАЗВИТИЯ.

Повторю: то, что абсолютной целью может быть буквальное спасение от метафизически трактуемого нашествия («проклятой орды», «силы темной»), очевидно. Очевидно и то, что абсолютной целью может быть некая благая (и новая в смысле победы благодати) жизнь. Наконец, очевидно то, что эти инварианты относятся к нынешней России только в случае, если травма последних двадцати лет не носит фундаментальный характер (не взорвала суперкод, не сломала смысловую ось, не вызвала историческую мутацию с помощью органических или искусственных социокультурных вирусов).

Но что с развитием-то? С развитием?!

Первый опыт мобилизационного развития связан с Петром Великим. Что это за опыт?

Величие Петра не вызывает сомнений. Стоит посмотреть на Петербург. Стоит постоять у Медного всадника или прочитать великие строки:

*Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия.*

Но нельзя же не признать, что опыт этой мобилизации под развитие располосовал Россию на века в социальном смысле. Что он уж никак не был опытом только освобождения. Что старообрядческая реакция на этот опыт имеет свои глубокие основания.

Никогда у нашей патриотической мысли, обсуждающей особый путь, не было единства в оценке личности Петра, его исторической роли, смысла петровского этапа в истории России. В сущности, оказывается, что чуть ли не большинство сторонников особого пути проявляет крайний скептицизм в отношении личности Петра. Давать тут количественные оценки наивно. Но то, что внутри группы сторонников особого пути есть противники Петра, несомненно. Как несомненно и то, что

этих противников много.

Но тогда встает ребром основной и самый жгучий вопрос, являющийся и историософским, и политическим: «Сторонники особого пути для России являются сторонниками ПРОСТО особого пути или особого пути РАЗВИТИЯ? Предполагает ли концепция особого пути развитие? И если предполагает, то идет ли речь об обычном развитии в дополнение к особому пути или же именно об особом пути развития?»

Если же речь все же идет об особом пути развития, то в чем ОСОБОСТЬ РАЗВИТИЯ? Является ли особость особостью развития или же обычное развитие как бы «пришивается» к ткани личности? И если даже речь идет об личности развития, то является ли эта особость тактической или стратегической?

Потому что тактическая особость развития – это учет культурной специфики в качестве некоей «модулирующей частоты», дополняющей импульс развития как такового, но не меняющей параметры этого импульса. А стратегическая особость развития – это фундаментальная инаковость развития, а не примесь инаковости, вытекающая из учета культурной специфики.

Так кем же все-таки был Петр? Вестернизатором, модернизатором или кем-то еще? Если Петр был догоняющим вестернизатором (а его яростная борьба с традицией – пресловутыми бородами и прочим – как бы говорит об этом), то понятно, что он, решив великие государственные задачи, одновременно нанес колоссальную модернизационную травму исторической личности. Тогда придется признать, что эта травма частично задела ядро. И что дальнейшие беды вытекали из указанной травмы.

Но Петра можно трактовать и как модернизатора, далекого от обычной догоняющей вестернизации. Для этого даже не нужно прибегать к проблемному завещанию Петра Великого и столь же проблемным рекомендациям взять у Европы технологии и повернуться к ней задницей.

Неистовый патриотизм Петра, его мистический порыв к морскому модусу существования России, очень нетривиальная синкретика русскости и западничества при их детальном изучении позволяют утверждать, что Петр реально осуществлял нечто фундаментально особенное. Что Россия при нем не обезьянничала на западный манер, а давала собственные ответы на саму возможность форсированного развития, альтернативного тому, которое выбрал для себя классический Запад.

Для исторического будущего России борьба за глубину понимания образа Петра и петровских реформ имеет решающее значение. Если без спекуляций и подтасовок удастся извлечь из этого исторического опыта фундаментальную особенность развития, а не особенность вообще, то возникнет совершенно иная база для поиска новой стратегии развития.

Пока этой базы нет. И почти все, кто анализирует Петра, понимают его деятельность либо как державно обусловленную вестернизацию, либо как догоняющую модернизацию со слабым учетом культурной специфики. И кто-то за это хвалит Петра, а кто-то ругает.

Пожалуй, единственный, кто глубоко понял Петра именно как «новую весть о развитии», – это Пушкин. Да еще город на Неве стоит как живая весть и живая загадка, адресованная потомкам. Но для проартикулированной стратегии, направленной в 2020 год, этого мало. Понять глубже Петра, повторяю, это не историческая или культурная, а именно стратегическая задача.

Но пока – есть то, что есть. А в пределах имеющегося петровское начало не трактуется как фундаментально особенное развитие. Причем при абсолютной мобилизации населения. Петр чего только не вытворял, но ведь никто всерьез не покушался на него после стрельцов, на что справедливо указал, например, Белинский.

Но если Петр не есть особая весть России миру касательно развития, то где такая весть? Ведь не реформы же это Александра II или Столыпина?

Да, была накоплена гигантская энергия ожиданий, связанных с освобождением крестьянства от крепостного права. Мечтали об этом освобождении не только сами крестьяне. Вся страна видела в факте порабощенности части своего народа что-то горько-унизительное. И хотела это изжить.

Только очень опрошенная нынешняя интеллигентщина, кокетничающая своим псевдопатриотизмом, может огульно поносить декабристское движение. Не обязательно симпатизировать движению по-пушкински и писать «Во глубине сибирских руд». Можно быть совсем далеким от него и при этом ощущать масштаб. Так, как ощущал его Тютчев:

*О жертвы мысли безрассудной,
Вы упали, может быть,
Что станет вашей крови скудной,
Чтоб вечный полюс растопить!
Едва, дымясь, она сверкнула
На вековой громаде льдов,
Зима железнаядохнула –
И не осталось и следов.*

Россия ждала освобождения крестьян. Но признаем, что эта мера, ставшая на нашей земле благой вестью, была, по сути, догоняющей Запад реформой, и не более. Да, это было сделано не так жестоко, как английское огораживание. Но видеть в этом всемирно-историческое послание России миру по части развития – нельзя. То же самое со Столыпиным. Да и с чем угодно еще, кроме... Да, хочет кто-то или нет – кроме нашего коммунизма.

Россия приняла коммунизм в силу глубочайшей – и метафизической, и исторической – призванности к такому принятию.

Дело в том, что проект «Модерн», уходящий в глубь веков и имеющий, в том числе, и религиозный смысл (религиозная модернизация – это единство веры и разума), политически оформился в ходе Великой Французской революции. И знаменовал собой одновременно и новый общественный уклад без непреодолимых сословных ограничений, и новый тип

развития. Триумф проекта «Модерн» связан с первой половиной XIX века. Тогда же Модерн начали проклинать многие – и революционеры, и поклонники средневековой традиционности.

Конец триумфа маркируется Парижской коммуной. К этому времени призрак действительно бродит по Европе. Политической свободы оказывается явно недостаточно. Нужна еще и свобода социальная. Это потом окажется, что их сочетание – почти недостижимый идеал. Что для этого нужна мировая, и именно мировая, коммунистическая революция. Да и много что еще.

Но к 1875 году классический Модерн показал свою недостаточность даже на обычном, социально-политическом, уровне. Заговорили о свертывании Модерна. Декадентство... Увлечение Вагнером и Ницше... «Закат Европы» Шпенглера... – все это отдельные молекулы фундаментального социально-политического разочарования.

Соединяясь в ткань, они одни остановили бы Модерн. А тут еще невиданный (и не понимаемый сегодняшним человечеством) кошмар Первой мировой войны. И сразу за ней – ростки стратегического контрмодерна. Эти посеянные и буйно возрастающие «зубы дракона», обернувшиеся метафизическим мраком, имя которому Третий рейх.

Все это уничтожило бы Запад и идею развития, если бы не процессы в России. Россия взяла на себя труд «отмолить» развитие как таковое, показать, что есть альтернативы, в рамках которых будет такое развитие, которое поселит в сердцах нечто далекое от скуки Модерна.

Ведь когда мы обсуждаем конец триумфа Модерна, то мало социально-политических моментов, чтобы понять глубину процесса. Модерн окончательно раздробил целостность человеческой воли, направленной на постижение и изменение бытия. Началась это в незапамятные времена. Но Модерн придал этому несоизмеримо более масштабный и завершенный характер. Катастрофа мифа как целостной формы постижения привела к дроблению этих самых форм постижения.

Поделить власть на исполнительную, законодательную и судебную – это еще полбеды. Хотя, как мы видим, и тут возникает вопрос: где же власть как таковая? Но поделить единство воли к постижению и изменению бытия на гносеологию, в которой есть только истина, эстетику, в которой есть только красота, и этику, в которой есть только справедливость, – это травма совсем иного порядка.

Травма эта дала возможность развиваться на протяжении многих столетий. Но только потому, что религиозный культ все же согревал культуру, являясь ее ядром. Когда же Модерн начал решительно препятствовать этому согреванию, то оказалось, что культура может очень быстро остыть. И что в самой этой схеме из трех несочетаемых видов постижения бытия нет того главного, что было в религии, УТЕШЕНИЯ.

Отсутствие же утешения (пафос атеизма) может поджигать человечество в течение одного поколения, не более. А дальше начинаются судороги, подобные тем, которые возникают у человека, испытывающего нарастающее кислородное голодание. С этим надо было что-то делать! Модерн задыхался. Человечество требовало от Запада, как носителя идеи развития, чего-то альтернативного. И угрожало в противном случае просто остановить развитие. Причем остановить любым образом – в том числе и через серию общемировых катастроф.

Новая весть или смерть – вот о чем заговорили сразу все (Ницше, Вагнер, Шпенглер и тот же Маркс).

Новой вестью стала Советская Россия. Потрясающие достижения сталинской индустриализации – это второй этап. В нем все же есть много понятного. Сталин добился новой державной мощи. Россия стала великой в материальном плане, продолжая быть великой в плане духовном. Но при Ленине Россия была в материальном плане абсолютно слаба. А ее духовный авторитет оказался таков, что никто с ней не мог справиться вопреки ее материальной слабости.

Кто там кого и откуда привез в каких вагонах – это дело частное. И адресующее к чему-то вроде помноженного на миллион нынешнего Компромат.ру. А вот то, что в ноябре 1918 года под влиянием Русской революции все, кто за чем-то кого-то вез в вагонах, оказались не у дел, это вам не мега-Компромат.ру, а несомненный исторический факт. И не в том смысле факт, что есть отдельные документальные подтверждения. А в том смысле факт, что была кайзеровская Германия – и «спеклась». Причем при огромной помощи «зарева на Востоке». И совершенно было неясно, куда еще распространится огонь (тут стоило бы прочесть одноименное произведение Барбюса).

Ленинское предложение локализовать огонь в обмен на сохранение России как государства носило стратегический характер. И ничего общего не имело с ползучей дипломатией. Предложение формулировалось сухо, корректно. С полным пониманием слабости своего положения. И при этом не без внутренней угрожающей ноты. Оно было принято в Рапалло и заложило основу принципиально нового мира. Россия стала маяком развития. На нее, затаив дыхание, смотрела вся Европа. Такого ощущения духовного лидерства в вопросе развития (при, повторяю, очень глубокой материальной слабости) не было никогда.

Да и вряд ли можно назвать в истории что-нибудь сравнимое в плане лидерства. Паломничество в новое царство, указующее пути миру, было непререкаемой обязанностью для тех, кто хотел мирового обновления. Маяковский назвал новую Россию «весной человечества», но ведь не он один.

Если мы ищем, когда же все-таки Россия сказала что-то особенное и исторически значимое именно по поводу развития, то, при любом отношении к советскому периоду, мы обязаны признать, что это произошло именно тогда и никогда более.

При этом у общепризнанного «русского чуда» было два измерения.

Одно, при всем его значении, все же более понятное и частное. Оно касалось форсированной индустриализации, прорыва в сфере образования, достижений в сфере науки и техники. Недопустимо какое-либо преуменьшение фантастичности этих свершений. Эту фантастичность признавали все, включая такого врага России, как Уинстон Черчилль. Причем и эта (частная, подчеркну еще раз) компонента «русского чуда» совсем не так проста, как кажется.

Во-первых, речь идет о буквальном содержании данного чуда. Никто никогда в такие сроки ничего подобного не делал.

Во-вторых, речь идет о всемирно-историческом значении чуда. Потому что на его основе победили в Великой Отечественной войне. А поскольку вызов фашизма был беспрецедентен и ни с чем не может быть сравнен по масштабу и инферальности, то и советский ответ на этот вызов является беспрецедентным мировым триумфом. Триумфом духа,

организационного и военного таланта, мужества и жертвенности, мобилизационной сплоченности народного большинства.

В-третьих, речь идет о своеобразии. Даже индустриализация, коллективизация и культурная революция (классическая сталинская триада советского развития) уже обладают огромным своеобразием в плане развития как такового. Речь ведь идет о модернизации без тотального разрушения традиционного общества, и даже в сочетании с какими-то элементами укрепления этого традиционного общества. Возникает вопрос: можно ли это называть модернизацией или уже следует определить как фундаментальную альтернативную модель развития?

Нет вопроса более принципиального, чем этот. Ибо если это была альтернативная модель развития, то у России есть некая «заначка», которая в условиях нарастающего кризиса проекта «Модерн» бесценна. Ни у кого, кроме России, такой заначки нет. Эта заначка, конечно, несопоставима по объему с тем, что предлагает проект «Модерн». Но она, заначка эта, и не капля в море. Она не умный текст того или иного автора. Речь идет об историческом опыте, о колоссальном количестве культурных артефактов (фильмов, спектаклей, романов и так далее). Речь идет о советской культуре как целом. Речь идет об исторической памяти. Речь идет о своеобразии языка развития и оргструктур развития. То есть о субъектной состоятельности России в том, что касается альтернативного развития.

Но речь идет и о субстанциональной состоятельности. Историческая личность совершила чудо, названное «русским чудом». Да, внутри всего этого уйма скверного. Но разве нет такой же скверны внутри того, что осуществлялось в ходе проекта «Модерн»? Идет ли речь о кровавых репрессиях, осуществляемых в красной России (французские якобинцы разве не осуществляли жутких репрессий?), или об ужасах российской гражданской войны (гражданская война в США разве не была ужасна?), мы все время сталкиваемся с небыстречностью любых мегапроектных инноваций.

Кроме того, никто не говорит о буквальном воспроизводстве того, что было. Это невозможно, устарело. Цели другие, ситуация другая. Вопрос в альтернативизме как таковом. Ни у кого опыта альтернативного развития нет, кроме как у России. А основное развитие (Модерн) вполне может «загнать под фанфары» в течение десяти лет – как по не зависящим от игроков фундаментальным обстоятельствам, так и в силу Большой Игры, ведущейся этими игроками. И с чем тогда останется мир?

А мы-то, мы? Зная уровень травмированности своего общества... Зная, в какой мере страна приблизилась к черте невозврата... Зная, что если мы и нужны миру, то только в качестве источника альтернативного развития... Зная все это, мы будем пренебрегать последними стратегическими нематериальными активами, связанными с советским историческим опытом? Да переосмысливайте опыт как угодно. Углубляйте, редактируйте его. Но не отбрасывайте, потому что ничего другого, обладающего общемировой значимостью в XXI веке, у вас нет.

Дело не в конкретных достижениях СССР, не в издержках советского развития, не в его дефектах. Все это мелочи. Да, именно все, включая великие достижения. Ведь удалось же эти достижения отнять. Дело в том, что советский альтернативный проект развития к буквальности достижений, издержек и провалов не сводится. Что даже советские великие достижения, взятые в их конкретности, носят частный характер по отношению к чему-то большему и менее заметному. Оно-то и имеет невероятно важный характер сегодня. Повторяю, не как буквальность эпохи, а как фундаментальность.

Да, речь идет, конечно же, о коммунизме, ненавидимом многими. Но не о том коммунизме, который сводится к ограниченному, при всем их благородстве, общеизвестным прописям. Задача вовсе не в том, чтобы что-то изобретать, навязывать нечто живому историческому творчеству, осуществленному в советский период. Задача в том, чтобы разгадать тайну этого живого творчества. В том, чтобы обнаружить под «прописной поверхностью» другие уровни всечеловечески значимого. Обнаружить там что-то, касающееся развития как такового. Целей развития, метафизики развития, онтологии развития, антропологии развития и так далее.

Да, обнаружить (а точнее – угадать) все это в исторических (очень быстро отмененных) эскизах более чем трудно. Да, для этого необходимы усилия почти что сверхчеловеческие. Но, если вне подобных усилий Россия может только уйти с исторической сцены – причем позорно и окончательно – что тогда?

Кроме того, признавая необходимость иных усилий для извлечения нужного из исторического опыта, не будем кидаться из крайности в крайность. Признав, что обнаруженного недостаточно, признаем также, что нечто общечеловечески значимое уже обнаружено. Оно обнаружено в сокровенных пластах того, что именуется Красным проектом. И это, обнаруженное, в условиях краха проекта «Модерн», бесценно.

Речь идет о хранимой в глубинах красного проекта беспрецедентно новой красной религиозности. Причем такой религиозности, которая позволяет всем существующим религиозным традициям найти для себя какое-то место в новом, далеко не эклектическом синтезе. Ось этой новой религиозности, представьте себе, – развитие. Да, именно в Красном проекте, осуществленном Россией, развитие из идеологии превращалось в метафизику. Какую?

Глава V. Враги развития и его метафизический Враг

Было бы более чем нелепо обсуждать красную метафизику развития, опираясь на тексты советской эпохи. Если только советская эпоха содержит в себе красное метафизическое послание, то смысл этого послания очень ограничен. Нельзя пренебрегать и этим конкретным смыслом. Но общезначимый для России красный смысл надо искать за рамками советского исторического наследия. Где же? В дальнейшем я постараюсь обсудить это более подробно. Здесь же для меня важно хотя бы наметить контур этого будущего обсуждения. После чего можно будет вернуться от метафизики к политике. А то и к игровой рефлексии.

Намечая контуры, я предлагаю читателю вдуматься в смысл нескольких художественных текстов (какая метафизика без анализа художественных текстов?), написанных разными людьми в разное время. Прежде всего речь идет о текстах Пушкина.

Пора мой друг, пора! Покоя сердце просит...

Чуть ниже в том же тексте великого поэта сказано:

На свете счастья нет, но есть покой и воля...

Не в метафизической ли полемике с этим текстом Александр Блок написал: «И вечный бой, покой нам только снится»?

И как напряженная метафизическая полемика Блока с Пушкиным соотносится с метафизическим же восклицанием из булгаковского «Мастера и Маргариты» о том, что мастер «не заслужил света, он заслужил покой»?

Прорабатывая красный проект развития. Россия на метафизическом уровне пыталась нащупать связь между своим новым историческим действием и метафизикой вечного боя.

Принципиальная невозможность и недопустимость покоя, а значит, немислимая напряженность во всем, что касается развития. Откуда это? Это нечто большее, чем внешнее по отношению к системе требование развития (надо развиваться – «или нас сомнут»).

У развития есть метафизический враг. Его масштаб не позволяет называть его ни вселенским, ни даже бытийственным. Частным выражением этой более масштабной враждебности является так называемый «Второй закон термодинамики». Мир остывает. Недаром же Эвальд Ильенков, да и некоторые другие, полагали, что нужно взорвать планетарную систему, чтобы согреть Вселенную, и видели в этом жертвенную миссию человечества.

Но и такие рассуждения имели частный характер (у Ильенкова, например, были явным образом связаны с его увлечением Вагнером). Общий же характер имеет нечто другое.

Что такое развитие вообще? Это восхождение форм. Формы восходят от неживого к живому, от живого к разумному и дальше. Дальше, дальше, дальше... Интеллигенция «балдела» от «Антимиров» в театре «На Таганке». И от последней фразы спектакля: «Все прогрессы реакционны, если рушится человек». Но почти ни у кого не хватило драйва задать ответный, резкий до безобразия вопрос: «А на кой черт нужен ваш человек, если нет прогресса?» Почему этот человек должен забивать и есть скот, топтать ногами цветы? В чем его особое право, если он не становится локомотивом всеобщего восхождения? Да и не только восхождения, но и спасения. Потому что само по себе восхождение – это восхождение куда-то. Не так ли? А иначе зачем восходить? Разум обязан восходить к сверхразуму!

Сегодняшний вопрос о тупике индивидуальной человеческой эволюции (качественных ограничениях на рост потенциала мозга отдельного человека) гораздо более мучителен, чем вопрос о новых источниках энергии. Являются ли пресловутые «дети индиго» спекуляцией или отрицанием эволюционного тупика – неясно. Но то, что вопрос мучителен, ясно, как никогда.

Человечество находится у барьера Питерса. Суть барьера – в том, что развитие человека и развитие технологий не могут оказаться принципиально разнотемпными. Если технологии развиваются быстрее, чем человек, то рано или поздно разрыв между человеческим потенциалом и потенциалом технологий станет критическим. И сам этот разрыв уничтожит человечество.

Многие крупные ученые, включая Паули и Шкловского, считали, что многие инопланетные цивилизации исчезли именно так, и в этом причина космического одиночества человечества. То есть надо либо научиться развивать человека быстрее, либо начать сдерживать технологический рост.

Однако и проблема Питерса носит не окончательно масштабный характер. Ну, спасется человечество – и что дальше? А планета, Солнце, Вселенная, вообще формы? Будет ли преодолен «рок конца»? Удастся ли бросить вызов этому самому второму закону термодинамики, то есть тлению и рассыпанию? Будет ли «пресуществлена» материя?

А главное – где источник этого самого рассыпания? Рассыпается ли все само (и тогда враг – энтропия)? Или же есть «энтропизатор» (и тогда именно он является врагом)?

Исследования, связанные не с рассыпанием форм, а с их превращением, смутно намекают на наличие «энтропизатора». На то же самое намекают некоторые открытия современной космогонии. Да и три великих ученых-мониста классической эпохи (Эйнштейн, Фрейд и Маркс) остановились где-то у этого края. И то ли не захотели, то ли не смогли идти дальше.

Фрейд, например, в конце активного периода своей научной деятельности вдруг написал статью «По ту сторону принципов удовольствия», где в качестве самостоятельного деятельного субъекта появился Танатос. То есть, опровергающую все его прежнее творчество, основанное на концепции единого творящего Эроса. А научный мир как бы этого не заметил.

С Эйнштейном что-то произошло не в связи с тупиками общей теории относительности (их-то он преодолел), а в связи с тем, что ему пришлось ввести в уравнения теории поля «чужеродный» и необъяснимый лямбда-член (который позже вывел на идеи «темной энергии»).

Метафизический коммунизм, реально прораставший сквозь коммунистические буквальности, был заряжен именно этим. То есть особостью развития, доведенной до предела. И именно на эту особость развития откликнулась с невероятной страстью историческая личность под названием Россия.

Сейчас, когда налицо новый этап остывания Модерна, любой альтернативный ответ на вопрос о развитии невероятно ценен. И дело даже не в том, как это сопрягается с буквальностями исторического прошлого и с реальным историческим коммунизмом. Любые реставрации обречены. Дело в том, возникнет ли фундаментально новый сценарий? Кто скажет что-то новое – совсем новое – о развитии? И каково право России на данную решающую смысловую территорию?

Без этого права – нет России и мира. И не потому ли кто-то так свирепо ринулся добывать этот самый коммунизм вместе с советским историческим опытом, что «бронепоезд» развития стоял «на запасном пути» и нужно было «грохнуть» этот запасный путь до того, как начнется расправа над путем основным?

Теперь расправа началась и идет. О «запасном пути» никто не вспоминает: ни мир, ни Россия. А что же наши политики?

Глава VI. Контекстуализация Текста

Ну, вот... Мы что-то разобрали в том, что касается развития как такового, проекта (или проектов) развития и игр вокруг развития. Это что-то, конечно же, является лишь первым приближением. Позже мы опять будем возвращаться к подобному «что-то», расширяя и углубляя оное. Но уже в процессе осуществления этого самого первого приближения, мы, отказавшись от рассмотрения в рамках исследования контекста всего, что связано с Путиным и Медведевым и их высказываниями, вдруг вернулись к собственно политическому вопросу («а что же наши политики?»).

Мы вернулись к этому вопросу совершенно естественным путем, исчерпав какой-то объем теоретизации и поняв, что никакого толка в расширении этого объема нет, коль скоро подобное расширение будет оторвано от политики. И не в том дело, что некое обсуждение (исследование) потеряет актуальность. А в том, что оно как-то странно само собой захлебнется, задохнется, превратится в нечто стерильное и выморочное одновременно. И ничего мы не поймем тогда ни о развитии как таковом, ни о проектах развития, ни об играх вокруг развития...

Обсудив Контекст (подчеркну еще раз, что лишь в первом приближении, которое последним при этом никоим образом не является), мы должны вернуться к Тексту. И только расширив Текст свой, мы можем с этого расширенного плацдарма вновь десантироваться на территорию Контекста и там добиться чего-то нового.

По существу, мы, установив это и готовясь к возвращению на территорию Текста как такового, признаем, что наши рассуждения общего характера, касающиеся триединства развития вообще, проектов развития и игр вокруг развития, все-таки являются не вещью в себе, а контекстуализацией нашего Текста. То есть тестированием этого Текста, разоблачением его недостаточности самыми разнообразными воздействиями, осуществляемыми в рамках контекстуализации? Контекст вопрошает Текст, взрывает его, испытует, дополняет, обнажает его слабые места и двусмысленности.

При этом смешно бы было, согласитесь, все сводить к несовершенствам путинских и медведевских высказываний. Несовершенствам – очевидным вообще и особо очевидным уже в рамках первой контекстуальной итерации. Ну, хорошо... Пусть Путин и Медведев (а это так) не берут определенную планку. А остальные? Я имею в виду прежде всего остальных политиков, да и не только. Кто берет планку? Зюганов, лепечущий об устойчивом развитии и лимитах на революцию абсолютно разрушительным для исповедуемого метода образом? Или, может быть, какие-нибудь «оранжевые», более интеллектуально продвинутые, нежели их чекистские и квазичекистские властные оппоненты? Так те о развитии не говорят вообще! Понимаете? Во-об-ще! Даже в условиях, когда об этом заговорили те, кому они должны оппонировать.

Или же эстафету у Путина и Медведева сумели перенять их сторонники? Политики, входящие в их партию, околотовластные интеллектуалы? Им-то и карты в руки! В конце концов, высшие администраторы объективно во многом лимитированы в том, что касается высказываний о развитии. Начни они слишком теоретизировать или выходить в своих рассуждениях за политкорректные рамки – политические издержки могут оказаться больше приобретений.

Тут требовательный читатель с негодованием воскликнет: «Ну, вот! Вы уже их оправдываете!» Никого я не оправдываю – да и вообще, не адвокат я, как и не прокурор. Мне кажется, я говорю вполне очевидные вещи. Знаете, прямо-таки вопиюще, как мне представляется, очевидные. Да и вообще, читатель, не зауживаешь ли ты, как это принято, увы, в моем Отечестве с давних пор, список адресатов, к которым можно предъявлять претензии? Царь... Вождь... Национальный лидер... Глава государства...

Неужели неясно, что есть еще опорная группа (класс)? А также общество... Да и интеллигенция, – сколько бы ее ни возносили в начале и не проклинали в конце, тоже есть. К примеру, опыт Латинской Америки показал, что не может быть национально-освободительной борьбы без соответствующей интеллигенции. Так не надо ли расширить список претензий, читатель? И не с тем, чтобы кого-то в чем-то обвинить, а с тем, чтобы что-то понять. Это и называется наращиванием объема совокупного Текста после осуществления его начальной контекстуализации.

Худо-бедно, но... Но текстами Путина и Медведева вопрос о развитии, как минимум, оказался включен в повестку дня. И если бы он не был в нее ими включен (а иначе, как ими, он никем в повестку дня включен быть не мог), то не было бы никакого политического смысла в данном исследовании. Да, повторяю в который раз, тексты Путина и Медведева крайне небезупречны и содержательно переходящие до крайности. Да, предлагаемая в них концепция развития весьма уязвима как с практической, так и с теоретической точки зрения. Да, в них речь идет (даже с политической точки зрения) о каком-то совсем другом развитии (да и о развитии ли в полном смысле этого слова?). Ну, и что?

Если бы тексты Путина и Медведева были абсолютно бессвязны и не наполнены никаким содержанием, их политическая роль от этого не изменилась бы. Все – пойми и переживи это, читатель, – все без исключения российские политики молчали в тряпочку о развитии. А не российские? Альберт Гор что-то говорил о развитии. Но, во-первых, мы уже поняли, что. Во-вторых, его очень быстро убрали с политической сцены даже за такие стерильно-двусмысленные рассуждения на ненужную тему. И, в-третьих, он от темы развития быстро перешел к теме глобальных экологических угроз. Угроз, которые могут быть преодолены (при сегодняшней структуре общества – его надстройки и базиса) только с помощью сдерживания развития.

В национальную повестку дня вопросы включают так называемые «тяжеловесы». Покажи мне их, читатель! Покажи мне этих – зримых и незримых – героев, которые предприняли полноценные усилия для включения вопросов развития в нашу повестку дня. При том, что такие герои, как ты понимаешь, незримыми быть не могут. А зримые всем нам понятны до боли.

Итак, никто, кроме Путина и Медведева, не удосужился хоть как-то обсудить вопрос развития, введя его тем самым в политическую повестку дня.

Они его поставили в эту повестку дня? Поставили. Худо-бедно, косо-криво – какое это имеет значение? Вопрос уже находится в повестке дня, господа. Вам карты в руки. Критикуйте, трансформируйте, достраивайте, переинициализируйте предложенную концепцию. Дело же ведь не в ее совершенствах, а в том, что это концепция политическая. И смешно, повторю еще раз, смешно и глупо ждать совершенных концепций от людей, перегруженных сугубо практической деятельностью и не слишком искушенных в проблематике развития как такового, в проектах развития, играх вокруг развития

и так далее.

Разве не происходило в мировой и нашей истории – причем многократно – смысловых взрывов, запалом для которых становились вполне тривиальные высказывания и тексты? Потом появлялись тексты совсем другого качества. Они-то и формировали подлинный смысловой взрыв. Но без запала – взрыва бы не было. Пройдет время. Останутся Путин и Медведев политическими лидерами России... Уйдут они оба или кто-то один... Не в этом дело. Россия-то для нас ценнее тех, кто ею в отдельные периоды руководит, не правда ли? А Россия не может выжить, если тема развития не войдет в ее национальную повестку дня и не станет главной темой национальной дискуссии.

Если будет упущен шанс на такую дискуссию (а этот шанс на общенациональную и политическую дискуссию дан именно текстами о развитии, предложенными первыми политиками страны), то это будет непростительно. Утрируя свою мысль до предела и надеясь все же быть верно понятым, скажу: если бы десятью годами ранее о развитии несколько раз что-нибудь пробормотал по телевизору пьяный Ельцин, то мы все равно должны были бы использовать этот шанс. Даже если бы он попытался нас за это порвать на части.

В 2008 году, согласитесь, произошло нечто другое. В первой части своего исследования я подробно описал, что именно. Комплиментарным мое описание, согласитесь, нельзя назвать. Но это описание доказывает наличие какого-то запала (какого именно и насколько поливалентного – я обсужу ниже). А дальше... Дальше не власть, а общество... Возникнет ли абсолютно необходимый и полноценный смысловой взрыв, который развернет все, созданное запалами, в нужном направлении? Или все заглохнет? Или развернется в направлении, опасном донельзя?

Я перехожу к третьей части своей работы, в которой попытаюсь осмыслить отклики – как прямые, так и косвенные – на тексты Путина и Медведева, посвященные теме развития. В последующих частях я вновь вернусь к общей проблематике. Но без анализа откликов исследование теряет политический смысл. Я же не хочу исследовать то, что политического смысла полностью лишено. Не хочу я и низводить все к политически актуальному.

Нужен баланс частного и общего, который только и позволяет разрабатывать политическую теорию развития. Надеюсь, что мне удастся этот баланс соблюсти.

ЧАСТЬ III. ОТ ЯДРА ТЕКСТА – К ЕГО ПЕРИФЕРИИ

Глава I. О том, чем периферия Текста отличается от его ядра

Как это с очевидностью следует из всего вышеизложенного, высказывания Путина и Медведева о развитии представляют собой не просто одно из слагаемых массива разнородных высказываний, прямо или косвенно касающихся развития и потому представляющих для нас интерес. Организуя этот массив высказываний определенным образом, превращая его в Текст и изучая в качестве такового, мы убеждаемся, что высказывания Путина и Медведева о развитии являются ядром, и именно ядром этого Текста.

Ядро является системообразующим началом в любой системе. Поскольку Текст – это система, то его ядро выполняет по отношению к Тексту как целому наиважнейшую системообразующую функцию. Но и другие слагаемые текста ничуть не менее важны. Нельзя подменять исследование системы исследованием ее ядра. Ведь периферия системы отвечает за слишком многое. И за функционирование системы как целого. И за связи системы с внешней по отношению к ней средой. И за прямые и косвенные воздействия на ядро системы. То есть за связь между функционированием системы и ее развитием. Это справедливо для любой системы, в том числе и для нашего совокупного Текста.

Внутри периферии всегда есть несколько уровней (оболочек, напластований). Тот уровень, к рассмотрению которого я сейчас перехожу, касается проблемы отношений между вождями и партией. Этот уровень всегда является наиважнейшим. Нет вождей без партии, как нет партии без вождей.

Требовательный читатель сразу же начнет иронически комментировать качество тех сущностей, отношения между которыми я собираюсь рассматривать. Этому читателю я предлагаю задуматься над смыслом классических гегелевских размышлений о соотношении действительного и разумного. Сущности, отношения между которыми я собираюсь рассматривать, действительны, как и отношения между ними. Интересует ли читателя действительность, сформировавшаяся в 2000 году и воспроизводящаяся на протяжении десятилетия? Считает ли он, что внутри этой действительности нет НИЧЕГО, требующего фундаментального осмысления? Обратите внимание, я не сказал «ничего благого». Я сказал именно НИЧЕГО.

В этом случае читатель должен оппонировать не только мне, но и тем высказываниям Гегеля, к которым я его адресую. Приняв при этом во внимание и глобальный контекст. То есть пристально всмотревшись в лица представителей политической элиты, выдвинутых на эту роль другими нациями и человечеством в целом. Если же и после этого дух иронического комментирования не покинет моего требовательного читателя и не превратится в какой-либо иной дух, например, тоскливого ужаса перед лицом неминуемой мировой катастрофы, порожденной в том числе и пресловутой смертью политики... Если мой требовательный читатель, внимательно отсканировав – ну, хотя бы с помощью физиономистики – ментал Буша и Обамы, будет (как я считаю, в вопиющем несоответствии с горькой правдой общемировой жизни) настаивать на том, что российское «действительное» – из ряда вон... Что оно качественно отличается от общемирового в худшую, и именно в худшую, сторону... Что в силу этого оно не подходит под определение Гегеля... Что ж, в этом случае я должен адресовать читателя уже не к Георгу Вильгельму Фридриху Гегелю, а к Иосифу Виссарионовичу Сталину. К его знаменитому высказыванию о том, что «у меня для вас других писателей нэт».

У меня «нэт» для читателя в 2009 году, когда я пишу эту книгу, других вождей и другой правящей партии. Если же они и появятся – вскоре или в отдаленной исторической перспективе, неважно, – то это ничего не отменит и не изменит в ходе моих логоаналитических выкладок, содержащихся в этой книге.

Предположим, что возникнут другие вожди и правящая партия. Я не утверждаю, что так будет. Я просто повторяю за Байроном, сказавшим в «Дон Жуане»: «I only say; suppose this supposition» («Я говорю лишь – предположим это»).

Предположим также, что новые вожди и правящая партия будут лучше, а не хуже. И что это будет качественное изменение, легитимирующее иронию требовательного читателя» которой я сейчас оппонирую.

А класс, выдвинувший вождей и партию, тоже изменится? И тоже к лучшему? А за счет чего? История знает две технологии подобных изменений. Одну можно назвать «1937 год», а другую – «1917 год». Я адресую не к прямым повторам, а к двум технологиям («революция сверху» и «революция снизу»).

Если класс не изменится к лучшему (или не уступит место другому, лучшему, классу), то о каких изменениях к лучшему вождей и партии можно говорить? А поскольку я анализирую эти сущности лишь в той степени, в какой они раскрывают классовое содержание нынешней ситуации, то мой анализ отнюдь не потеряет значение. Моя концепция происходящего состоит в том, что хозяином российских мегатенденций является регресс. А значит, классы теряют, плывя в регрессивном потоке, свою классическую классовую природу. Согласно этой концепции, любое изменение есть просто еще один регрессивный сброс, нечто наподобие «прыжка вниз», которое совершает река на очередном пороге. Но я здесь рассматриваю не свою пессимистическую концепцию, а концепцию гораздо более оптимистического читателя.

Итак, предположим (вслед за читателем и упомянутым мною лордом Байроном), что возымеет место некая – проблематизирующая нынешние мои рефлексии – позитивная трансформация, вовлекшая в себя и классы, и их политических представителей. А общество? Может ли общество остаться в стороне от таких трансформаций? Если оппонирующий мне читатель считает позитивной трансформацию, осуществляемую какими-нибудь оккупантами, то зачем ему читать мою книгу? И зачем нам, расходясь в главном вопросе – вопросе о ценностях, спорить «о мелочах»? Если этот оппонирующий читатель верит в инопланетян – тогда та же история. А если он, как и я, считает, что без общества никаких позитивных трансформаций не произойдет, то... То «нэт» у меня для читателя другого общества, нежели то, которое легитимировало (не будем спорить, каким образом и в какой степени) все, что имело место в рассматриваемый мною политический период. Познание сущностей, которые я сейчас хочу обсуждать (и отношений между этими сущностями), – это единственный путь к познанию не только классов, но и общества в целом.

Можно ли, не познавая общество, общественные закономерности, а в чем-то и тайны того, по поводу чего иронизирует мой оппонент (и что я никоим образом не собираюсь воспевать)... можно ли, не познавая это как «действительное», уповать на какие-то изменения к лучшему? И даже на сохранение мало-мальски терпимого порядка вещей?

Я считаю, что нельзя. И потому-то начинаю анализировать отношения между вождями и партией, маркированные вопросом о судьбе развития в современной России, но, конечно же, к вопросу этому никак не сводимые.

Я не могу анализировать этот пласт периферии своего Текста с той же детальностью, с какой я анализировал ядро Текста.

Во-первых, это методологически неверно.

Во-вторых, если я начну даже просто приводить читателю подробно высказывания о развитии товарищей по партии, реагировавших на то, что сказали о развитии их вожди, то моя книга приобретет и иной объем, и совершенно нежелательную жанровую специфику.

А в-третьих... В-третьих, как и в известном русском шансоне:

Не лукавьте, не лукавьте.

Ваша песня не нова!

Ах, оставьте... Ах, оставьте!

Все слова, слова, слова... –

дело не в словах ухажера, на которые отвечает подобным образом барышня, а в интонациях и ужимках, которые это все сопровождает с двух сторон. То бишь со стороны политического кавалера и политической барышни.

Я уже предупреждал читателя в методологическом введении о том, что свой Текст я рассматриваю как совокупность вербальных и невербальных компонент, как сплав семиотики и семантики.

При анализе этого пласта периферии семиотика важнее семантики. Например, выражение лиц, слушающих обращение вождя, ничуть не менее важно, чем текст, с которым вождь к лицам обращается.

Именно такой анализ текстуальной периферии, анализ, в котором контент неотделим от игрового подтекста и интонации, а семантика (политическое высказывание) от семиотики (политического жеста), я и хочу предложить читателю. Разумеется, только для того, чтобы, отталкиваясь от этих частностей, выйти на что-то общее. Ведь, согласись, читатель, эти частности – неотъемлемая часть современной истории, а значит, и нашей с тобой политической судьбы. Ну, «нэт» у меня для тебя другой истории и другой судьбы. Извини, читатель.

И, поскольку ты все же хочешь быть в какой-то степени не жертвой этой судьбы, а ее хозяином, давай вместе всматриваться в оную, прочитывая судьбоносное в политических арабесках, которые нам дарит наше с тобой действительное.

Начну с событий 15 апреля 2008 года, которые являются, как я покажу ниже, переломными. Не собираюсь говорить, что это перелом к лучшему. Скажу лишь, что перелом касается сразу многого. Отношений между партией и вождями (вождем)... Направления политического процесса (а значит, косвенно и хода исторических судеб)... Злоключений любимого тобой и мной изгоя, именуемого «развитие»... И так далее.

Глава II. Фактор политического баланса и требования к «зайчикам» касательно их превращения в «ежиков»

IX съезд «Единой России»... Я слушаю выступающих. Вглядываюсь в лица слушающих. Говорятся хорошие слова о любви к России, о борьбе за ее перспективы в XXI столетии. Может быть, словам этим и недостает глубины и подлинности. Но, по крайней мере, в них нет яростного презрения и ненависти к своей стране как исторической личности.

И не надо говорить, что было бы странно, если бы политическая элита была пропитана подобной ненавидящей страстью. Она была ею пропитана. И я еще помню совершенно другие слова, изливаемые на общество победившей демократической властью.

Почему я не должен радоваться тому, что те слова ушли в прошлое? Почему я должен с особой придирчивостью вслушиваться в интонации говорящих? Почему именно в данном случае нужны особо взыскательные тесты, проверяющие соответствие слов и дел? Ну, нет в словах предельной искренности, и что? Предельной неискренности в них тоже нет. И все мы понимаем, что слова – искренние они или нет – это уже полдела. Что, будучи произнесенными, они что-то за собой приносят в реальность. Хотя бы в виде предпосылок для изменений общественного мнения, сформированного предыдущим «псевдовластвующим субстратом».

Пусть хотя бы с обществом поговорят какое-то время не на языке ненависти. Пусть хотя бы ненамного расширится коридор допустимых тем, оценок, подходов. Даже это отнюдь не мало.

И почему я должен бояться того, что «Единая Россия» станет новой КПСС? Пусть этого боятся те, кто ненавидел КПСС, Советский Союз и все, что с ним было связано (советский проект, коммунистический проект и так далее). А я считал и считаю, что та – советская – реальность, которая несла на себе отпечатки этой идеальности, была совместима с жизнью страны, а нынешняя реальность – нет.

Да, нынешняя реальность при этом намного комфортнее, вольготнее, прошу прощения, свободнее.

Да, в ней нет многих идиотизмов прошлого, которые я болезненно переживал.

Но нет в ней и другого! Причем не только того, что предполагал великий Проект (этого-то уже давно не было), но и того, что предполагает любая здоровая социальная жизнь.

Нет морального чувства (на уровне элементарных разграничений – воровать плохо, жить честно хорошо).

Нет уважения к труду.

Нет (по крайней мере, в высших стратах – об этом просто анализы говорят) основополагающих социальных инстинктов, таких, как сострадание и солидарность.

Нет, наконец, внятных приоритетов, имеющих в конце концов и материально» выражение. Профессор, доктор наук в СССР зарабатывал вдвое (а то и втрое) больше среднего гражданина страны. Это означало, что страна нуждается в знании, научно-техническом и ином развитии.

Сейчас этого нет. И все политики, обсуждающие, как мы сейчас начнем триумфально развиваться, поразительным образом обходят все то, что связано с этим «нет».

Почему это «нет» возникло (генезис)?

Что оно собой знаменует (смысл)?

Что вытекает из этого «нет» (макросоциальная тенденция)?

Как преодолеть это «нет» (макросоциальная трансформация)?

Что угодно обсуждают, только не это.

Мои учителя по Московскому геологоразведочному институту – профессора и заведующие кафедрами – получают уж никак не больше 500 долларов в месяц. Это я знаю точно. Между тем они готовят геофизиков, которые должны вести разведку новых нефтяных, газовых, рудных месторождений. Не нанотехнологиями заниматься, а этот самый «хлеб насущный» обеспечивать всем, включая энергетических олигархов.

Как и в любом другом современном институционализированном сообществе, рассматриваемый мною профессорский слой, конечно, имеет еще и очень узкую «успешную» верхушку. Но ведь ни у кого не вызывает сомнения, чем обеспечена ее экономическая успешность. Воровством – вот чем. И это не в счет.

А то, что неворующая часть просто по факту профессии обречена на социальное прозябание... Как прикажете к этому относиться? Может быть, внутри этого прозябания есть какая-то относительная комфортность. Хотя какая комфортность при 500 долларов в месяц? Не до жиру – быть бы живу. Но, в любом случае, нет никаких шансов на социальное воспроизводство для входящих в жизнь молодых профессионалов (они ведь люди... цены на квартиры запредельны... как при таких ценах заводить семьи... и так далее).

Короче, если бы из воздуха вдруг соткалась новая КПСС и восстановила даже ту ущербную реальность, которая мне знакома до боли, я бы в чем-то возликовал. Я понимал бы, что лично мне в чем-то будет жить хуже. Но я знал бы, что страна и народ будут как-то жить, и боролся бы за улучшение этой жизни. И потому, что мне небезразлично, как живут другие. И потому, что изменение качества жизни других изменило бы и качество моей жизни. А значит, в чем-то мне бы жить было хуже, а в чем-то лучше.

Потому что сейчас страна и народ в каком-то смысле и не живут вовсе. Они движутся в потоке регресса. Регресс этот в чем-то сдержан Путиным. Если бы он не был сдержан, страны бы уже просто не было. Но сдерживать регресс не значит переломить его. А если он не переломлен, то он накапливается. А если он накапливается, то он рано или поздно изольется со всеми вытекающими последствиями.

Переломить регресс можно только на основе контррегрессивной мобилизации. Для контррегрессивной мобилизации нужен полноценный мегапроект («Что делать?») и полноценный же мегасубъект («Кто» будет делать это «что?»).

КПСС была поздним и ущербным мегасубъектом под условный и уже достаточно выхолощенный советский мегапроект. Так, может быть, «Единая Россия» станет мегасубъектом (несовершенным, ущербным – тут особенно выбирать не приходится) для мегапроекта контррегрессивной мобилизации? Пусть она при этом воспроизведет любые гримасы советской номенклатуры, в том числе и самые отвратительные. Пусть только переломит регресс.

Я понимаю, что подобные надежды наивны. Что КПСС двигалась по инерции и лишь потому могла сочетать социальную неразрушимость с этими самыми номенклатурным и гримасам». И что все равно в итоге гримасы так надоели, что все «загрело под фанфары».

Я понимаю, что нельзя восстановить мегасубъект в инерционной фазе, скопировав брежневизм. Что брежневизм – порождение остывающей мегапроектной воли. Что для того, чтобы воля могла остывать, она должна иметь высокую начальную температуру. Нечто формируется только при высокой температуре, а потом как-то функционирует при более низкой лишь потому, что когда-то была высокая...

Я все это понимаю. Но надежды всегда в чем-то наивны. И я все равно всматриваюсь в слова и лица участников IX съезда «Единой России». Тем более, что в этом моя профессия. Иначе зачем я здесь?

Нет, это не новое издание КПСС... Не похоже. Это не неономенклатура. В чем-то это лучше. Свежее, по крайней мере. И в каком-то смысле живее. А в чем-то... Видите ли, в тех позднесоветских номенклатурных фигурантах (очень разных, между прочим, были и совсем приличные – интеллигентные и честные – люди) сквозь властную сановитость проглядывало другое. Стертые, искаженные черты какой-то проектности.

Та властная сановитость не была простой барственностью. То есть и барственность, конечно, тоже имела место – в том числе и вполне отталкивающая. Но оторвать барственность от усталой и истощенной проектной самости не удавалось почти никому из тогдашних политических бонз. Может быть, лишь немногим, совсем ушедшим во внутренне ненавидящее подполье и сочетавшим его с официальным пребыванием в Системе. Они-то потом Систему и грохнули.

То, во что я всматриваюсь двадцать лет спустя, не создано ничьей проектной волей. Оно создано конвульсией остаточной российской державности, которая и породила Путина. Летело все в тартарары. И не без некоего ликвидационного шика... Но почти в каждом из тех, кто летел в это самое «тартарары», оставалась какая-то затаенная рефлекторная государственность. Иногда самая странная, причудливая. И что-то через нее стало склеиваться.

Знаю точно, когда это началось. Сразу же после Хасавюрта, когда самые разные и самые случайные элитные персонажи начали говорить в один голос: «А вот это, трам-тара-рам, уже чересчур!» Подобное «чересчур» не оформлялось ни в какую внятную идеологию. Но его одного хватило, чтобы криво-косо, но ответить в Чечне. Да так ответить, что желание еще раз попробовать «похасавюртить» отпало как-то сразу у очень многих. Даже удивительно, как мало оказалось нужно, чтобы это отпало. Надолго ли отпало? Не знаю.

Как власть использует подобную передышку? Считаю, что весьма сомнительным способом. Никогда не идеализировал данный результат. И не абсолютизировал его. Ни одна стратегическая проблема не решена. Но «чересчурщики» как-то консолидировались, от чего-то (пусть весьма условно) освободились и создали некий протосубъект. А поскольку ничего другого просто не было, то этот протосубъект победил. А победив, немедленно успокоился, занялся разного рода «лакомыми» делами, превратился в сервисный придаток к политической воле своего лидера. И почил на лаврах. Не почил бы он на этих сомнительных лаврах, может быть, и сформировалось бы что-то более дельное. Но он почил, да еще как.

А теперь... IX съезд... лидер вызывает этот почивший протосубъект из сладкого небытия. «Вот он начинает говорить об этом, – фиксирую я очередной содержательный и интонационный ход Путина. – Вот он опять к этому возвращается... И опять... Ему аплодируют... И снова аплодируют... Ну, и?!»

Аплодировали, кстати, не так уж и много. На американских и иных западных партийных съездах аплодируют гораздо больше и встают чаще. Не в этом дело.

Старая притча повествует о том, что волки совсем заели зайчиков. И зайчики послали делегацию, чтобы посоветоваться с самым мудрым из лесных обитателей – великим филином. Делегация дошла до филина. Филин выслушал делегацию и сказал: «Я знаю, что нужно делать. Надо переделаться из зайчиков в ежей, тогда волки не смогут вас съесть, а сами вы начнете такую-то и такую-то новую жизнь».

Делегация зайчиков очень обрадовалась. И вернулась к своему заячьему народу. «Слушай, народ! – сказала делегация. – Филин предложил решение. Мы должны переделаться из зайчиков в ежей. И тогда все станет хорошо».

Народ выслушал делегацию, сказал, что он полностью согласен, и спросил, что нужно сделать, чтобы переделаться в ежей?

Эта «технологическая» проблематизация поставила делегацию в тупик. И она снова отправилась к филину за «технологическими» уточнениями. Филин же уточнений не дал, сказав, что он стратег и технологиями не занимается.

Я внимательно слушал призывы Путина к «зайчикам»: «превратитесь в «ежей»!» Я смотрел на лица «зайчиков». Они не понимали, как им превратиться. И зачем превращаться – тоже не понимали. В отличие от зайчиков из притчи, они даже еще не ощущали, что приходят какие-то волки... Какие, на фиг, волки? Западные? Они далеко. Оранжевые? Их вроде нет. Зачем превращаться в «ежей»? Кто фактор и актор этой проблематичной трансформационной необходимости?

Фактором и актором очевидным образом был сам Владимир Путин.

Он почему-то не захотел избираться на третий срок.

Почему он не захотел – это великая тайна.

Видимо, скоро сам Путин перестанет понимать, почему.

Климент Ефремович Ворошилов был совсем не таким слабым политиком, как это живописалось в постсталинских апокрифах. Но он зачем-то вошел в знаменитую антипартийную группу (Молотов, Маленков, Каганович и другие). Когда группа провалилась, то Никита Сергеевич Хрущев (тоже совсем не слабый политик с четко выраженными диктаторскими наклонностями) спросил Ворошилова, почему тот вошел в этот блок. Вопрос был очень толковый. Что именно хотели получить Молотов и Каганович – было понятно. Что хотел получить Ворошилов – не было понятно. Постепенно это перестало быть понятно и самому Ворошилову. И когда его Хрущев спросил об этом самом «почему», он ответил: «Бес попутал, Никита Сергеевич!». Судя по всему, Хрущева этот ответ вполне удовлетворил.

Любого, даже очень сильного, политика иногда путает бес.

Это может быть очень разный бес. Персонифицированный или нет.

Обычно имя этого беса – замкнутая среда коммуникаций.

Крупный политик по роду деятельности не может не попадать в ситуацию особой элитной изоляции. Как только изоляция становится близка к абсолютной, приходит бес. И путает. Например, возникает ощущение беспредельных возможностей. И в самом деле – вокруг все кланяются... Мировые властители – все эти Буши, Шредеры и так далее – в чем-то ниже тебя по уровню. И ты вполне продвинутым образом можешь играть на их вполне элементарных страстях (феномен Шредера войдет в историю XXI века, да и Буш недалеко ушел, остальных и обсуждать не стоит). Рейтинг – запредельный. Все вокруг непрерывно выражают концентрированное восхищение твоей политической личностью. И начинает порою казаться, что они выражают это восхищение искренне.

Почему бы не осуществить тогда изящный сложный сценарий вместо простого и примитивного? Зачем уподобляться среднеазиатским лидерам или Лукашенко? Почему не сыграть гораздо более тонко при таком избытке возможностей? Третий срок предлагают те, кто не умеет сложно играть. А мы сыграем сложно. Игровые ресурсы – такие-то. Коммуникационные потенциалы, потенциалы отношений – такие-то. Дополнительно можно сделать то-то и то-то.

Задумали, просчитали, решили. А как только решили – услышали довольный хохот этого самого беса, который попутал. Сначала отмахнулись. Но тут возникли первые свидетельства чего-то нового и непредсказанного... Потом вторые, третьи, четвертые...

И уже нужно идти к «зайчикам» и говорить им, что, мол, пора переделываться в «ежей». Почему пора? Потому что нужен определенный политический баланс, а он без этой переделки не вытанцовывается?

Во-первых, кому он нужен? «Зайчикам» он совсем не нужен.

Во-вторых, ну, даже если они поверили и решили переделываться... Как это сделать?

Притчу о ежиках и зайчиках не так уж трудно перевести на язык конкретных политических факторов. Я это сделал уже летом 2008 года. И сейчас, просматривая свои тогдашние выкладки, напечатанные в газете «Завтра», обнаруживаю, что «ни убавить, ни прибавить».

Фактор №1 – отношения между Путиным и Медведевым. Кто-то считает, что эти отношения далеко не безоблачны. Я так не считаю. Я, напротив, считаю, что отношения очень прочные, качественные. Два политика глубоко доверяют друг другу. Ролевые функции соблюдаются. И так далее. Но у любого элемента конструкции есть пределы прочности. Если вы на какую-

нибудь самую качественную балку положите несопоставимый с ее возможностями вес, то она лопнет.

Отношения между Путиным и Медведевым – суть такая балка. Это очень прочная балка. Но ее начнут испытывать. Ее начнут испытывать привилегированные бюрократии, «внутренние» партии, дворцовые кланы, аппараты... На эту балку начнут накладываться колоссальные нагрузки тех или иных интересов, расколы элит, внешние факторы. Да мало ли еще что! Ясно, что отношения «Путин–Медведев» являются точкой максимальной уязвимости системы. Или, как говорят системщики, «узлом уязвимости». Обычно такие узлы прячут в глубь системы, тщательно маскируют. Вместо реальных «узлов уязвимости» врагам демонстрируют ложные узлы и предлагают атаковать их.

Реализованное сложное и изящное решение (а я не спорю, что оно и сложное, и изящное) в качестве основного изъяна имеет ПОРАЗИТЕЛЬНУЮ ОЧЕВИДНОСТЬ этого «узла уязвимости». При такой очевидности на него набросится кто угодно. Можно и должно постоянно повторять, что это угрожает интересам Российского государства. Но особенности нашей элитной игры состоят в том, что играющим элитам глубоко наплевать на интересы их государства. Если бы это было не так, не было бы распада СССР, а был бы глобальный триумф коммунистического проекта. А перед этим мог бы быть и триумф преемствующего проекта... Этой самой «православной симфонии».

Элиты будут играть по своим правилам. И за рамкой национального консенсуса. А при такой игре любой прочности человеческих отношений МОЖЕТ И НЕ ХВАТИТЬ. Дай бог, если хватит. Буду искренне и глубоко рад. А если не хватит?

И ПОЧЕМУ ВООБЩЕ НУЖНО СТАВИТЬ ПОЛИТИЧЕСКУЮ (А ЗНАЧИТ И ГОСУДАРСТВЕННУЮ) КОНСТРУКЦИЮ В ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ФАКТОРА МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ? Что это за конструкция такая? Кто ее выдумал? Какой бес попутал?

Фактор №2 – балансировка выбранной конструкции в принципиально новых условиях. Ну, попутал бес и попутал. Попереживали по этому поводу, забыли. Не ошибается тот, кто ничего не делает. Оглянулись вокруг себя, протрезвели... И поняли, что осуществлять ответственнейшее политконструирование, ставя все в зависимость ТОЛЬКО от фактора межличностных отношений, как-то несолидно. Но что тогда делать?

Конституция Российской Федерации, созданная Ельциным и дополнительно модифицированная Путиным, носит ультрапрезидентский характер. По мне, так это хорошо. Чем ближе конструкция к абсолютистской – тем лучше. И не потому, что мне дорог этот абсолютизм сам по себе. А потому, что именно он дает шансы на контррегрессивную мобилизацию. А распределенная демократическая система таких шансов не дает. Для благополучных стран она близка к идеальной. Но благополучия-то нет и в помине (смотри выше).

Поскольку власть построена так и менять ее не собираются (а иначе за что ПО СУТИ, А НЕ ПО ФОРМЕ сидят в тюрьме некоторые ревнители парламентаризма в России?), то пост президента РФ (между прочим, почти царя) весит... ну, скажем, аж одну тонну (тысячу килограммов). А пост премьера (как, впрочем, и любой другой пост) весит в лучшем случае килограмм. То есть в тысячу раз меньше.

Если конструкцию надо строить не только на межличностных отношениях, но и на чем-то другом, то необходима балансировка. На одной чаше весов – гиря в тысячу килограммов. А на другой – один килограмм. А надо уравновесить чаши. Как их уравновесить?: Положить другие гири! Причем так, чтобы они весили ровно 999 «политических килограммов». Что это за гири? Конечно, это авторитет Путина в обществе и элитах. Его разного рода социальные капиталы. И многое другое. И все это, конечно, очень весомые гири. Но... как бы это сказать... Они из быстро тающих материалов. Скажем так, из льда. Слепящее солнце... Гири тают. Баланс теряется. В каком-то смысле, операция «Снегурочка».

Значит, нужны какие-то нетающие, институциональные, собственно системные «гири». Причем весом ровно 999 килограммов. То есть гири чудовищные. Что это за гири?

Выясняется, что главная и, может быть, единственная из таких гирь, – это правящая партия с конституционным большинством. Если возглавить эту партию и не упустить административный ресурс, то есть соединить руководство партией с постом премьер-министра, то можно попытаться уравновесить неуровновешиваемое – пост президента и пост премьера. Замысел настолько очевидный, что дальше некуда.

И абсолютно решающий в плане ОПРЕДЕЛЕНИЯ РЕАЛЬНОЙ ТЕНДЕНЦИИ. Той тенденции, от которой зависит все.

Между тем, тенденция была до сих пор неоднозначна. Можно ведь было трактовать все происходящее и иначе. Мол, президенту Путину надоела власть. Он просто хочет уйти. Но уйти он хочет так, чтобы преемник успел простроить новую преемственную властную систему. Для этого надо успокоить умы. Путин делает это, становясь премьер-министром или заявляя о желании стать таковым. Умы успокаиваются, преемник получает элитную и аппаратную (главное – элитную!) фору... А потом В.Путин уходит. Так или иначе, но уходит. Кто только об этом не говорил!

Если бы это было так, то все мои рассуждения о том, что «бес попутал», не стоили бы и ломаного гроша: Путин в этом случае сделал точно то, что хотел. И если он правильно выбрал преемника, то в чем, собственно, дефект? Суперпрезидентская республика сохраняется, преемственность курса сохраняется, единоначалие сохраняется... Мало ли что еще сохраняется! А раз все это сохраняется – зачем нужны третьи, четвертые и пятые сроки? Издержки понятны, приобретения сомнительны.

15 апреля 2008 года на IX съезде «войной России» ВСЕ СТАЛО, НАКОНЕЦ, ЯСНО. Если бы В.Путин (в чем его, повторяю, подозревали многие) хотел просто плавно передать власть, он не становился бы председателем правящей партии с конституционным большинством. При том, что на съезде этой партии ВСЕ ГОВОРИЛИ О ПРЕМЬЕРСТВЕ ПУТИНА КАК ОБ АБСОЛЮТНОЙ НЕСОМНЕННОСТИ.

Следующий шаг – назначение Путина премьером – был сделан вскоре после 15 апреля. Но ясность по вопросу о степени серьезности намерений Путина возникла именно 15 апреля. А до этого, повторяю, все могло трактоваться (и трактовалось) по-разному. Ну, предложил Медведев Путину стать премьером. А ну, как тот откажется? Ну, видно уже, что не откажется. А ну, как это и не всерьез, и не надолго? 15 апреля стало ясно, что это всерьез и это надолго. Путин еще не стал премьером 15 апреля, но уже был перейден политический рубикон.

Уйдет ли когда-нибудь Путин... Уйдет ли Медведев... Останутся ли они оба... Сметет ли их обоих поток событий... В любом случае, то, что произошло 15 апреля 2008 года, чрезвычайно важно – и политически, и исторически.

Исторически это ничуть не менее важно для России, чем какое-нибудь 9 термидора (или 18 брюмера, о котором писал Маркс) для Франции.

А политически... Термидор на то и термидор, чтобы воспроизводиться вновь и вновь на новых этапах истории. Ведь политики приходят и уходят, а классы и их принципы осуществления политики остаются. Кстати, Маркс ведь тоже писал не о буквальном 18 брюмера, а о 18 брюмера Луи Бонапарта.

Почему бы в 2015 году не случиться во Франции еще одному 18 брюмера? Или в России еще одному 15 апреля? Ведь буржуазия, как говорил Владимир Ильич Ленин, она всегда буржуазия. Время меняет нюансировку, а не классовую сущность.

15 апреля 2008 года Путин по сути совершил свое 18 брюмера на российский манер. Важность того, что он совершил в этот день, имеет непреходящий характер. Стратегические политические прецеденты остаются в исторической памяти. А значит, программируют политику тем или иным образом. Причем в течение сроков, несопоставимо больших, нежели время пребывания у власти самих создателей прецедентов.

«Партийный парламент как средство балансировки» – вот смысл пугинского прецедента при рассмотрении одного с прагматических позиций. Но дальше начинается сказка про репку. Или про суп из топора. Поди-ка ты отбалансируй ситуацию без адекватной партии. Поди-ка ты сделай адекватную партию без стратегии. А когда та заявил полноценную стратегию (того же самого развития, например) и построил адекватную такой стратегии партию, то она уже отнюдь не только средство балансировки. Она – политический субъект. Со всем, что вытекает из данного обстоятельства. Поди-ка ты построй политический субъект с «зайчиками».

ТЕПЕРЬ (формально – с 15 апреля 2008 года, а по существу с момента, когда оказалось, что «бес попутал») В.Путину и опирающимся на него элитным группам оказалась нужна новая «Единая Россия», способная обеспечить БАЛАНСИРОВКУ.

Та же самая «Единая Россия» РАНЕЕ в этом качестве не нужна была ни Путину, ни пропутинским элитам. А нужна она была им (а) как электоральный фактор и (б) как фактор исполнительский (политически-сервисный).

Партия как сумма электорального и политически-сервисного фактора – это и есть метафорический «зайчик» из нашей притчи.

Партия как фактор балансировки – это метафорический «ежик» из нашей притчи.

«Зайчикам» приказано срочно переделываться в «ежиков» в связи с возникшей необходимостью введения фактора балансировки в новую политическую игру. Необходимость же эта возникла потому, что «бес попутал».

А как «зайчикам» переделываться в «ежиков»? И будут ли они в них переделываться? Это и есть основной вопрос. Можно, конечно, продолжать размышлять о развитии, как бы не обращая внимания на то, что происходит на собственно политической сцене. Но это означает, что наши размышления становятся философским эссе, а не концептуальной аналитикой. Для того же, чтобы они остались оной, надо связать развитие с острейшими коллизиями собственно политического процесса, что я и пытаюсь делать.

Фактор №3, возникающий в ходе этого самого политического процесса, можно назвать «фактором капитализации». Если бы Путин пошел на третий срок или ушел, оставив всю полноту власти Медведеву, то «Единая Россия» имела бы «зайчиковую» капитализацию... ну, скажем, в миллиард условных политических долларов.

А в условиях необходимости балансировки та же «Единая Россия» получала «ежиковую» капитализацию... ну, условно, в триллион тех же политических долларов. Капитализация возрастала в тысячу раз.

Эта коллизия на момент ее возникновения, конечно же, не осознавалась в полной мере многими конкретными «зайчиками». В том числе и высокопоставленными.

Но, во-первых, коллизия может не только вятно осознаваться (артикулироваться). Она может еще и ощущаться. Если она кем-то и не осознается, то она всеми ощущается.

И, во-вторых, коллизия на то и коллизия, чтобы существовать еще и независимо от чьих-то осознаний и ощущений. В этом своем – автономном от партийных умов и сердец – качестве она близка к тому, что называется политической (а то и исторической, чем черт не шутит) необходимостью.

На IX съезде необходимость эта, как Незнакомка Блока, медленно проходила меж партийцами, опьяненными чем-то и не понимающими, чем именно. На лицах этих партийцев можно было прочесть различные комбинации растерянности и восторга. У кого-то это был растерянный восторг. У кого-то восторженная растерянность. Но нечто такое было у всех. По крайней мере, мне до сих пор кажется, что я тогда уловил реальную, плохо формализуемую тенденцию, а не предался абстрактным фантазиям, проецируя своего любимого Блока на совершенно чуждые ему персонажи и обстоятельства.

IX съезд «Единой России» не понимал до конца, что ему уготовано. Но он понимал, что ему что-то уготовано! И смутно ощущал, что это «что-то» связано с необходимостью превращаться из «зайчиков» в «ежиков». Необходимость в политическом смысле была очень невнятной. Все вообще было очень, очень, очень невнятно именно в политическом смысле.

Сначала говорилось, что у «Медведя» (он же «ЕР») «не будет никаких крыльев» (то есть фракций). Потом возникли фракции в виде клубов. «Что же произошло с нашим "Медведем"? – спрашивали себя партийцы. – У него выросли крылья или удлинилась шерсть?»

Сначала говорилось, что и Путин, и Медведев войдут в «Единую Россию». Потом оказалось, что Путин возглавил партию, не войдя в нее, а Медведев поблагодарил за честь и, по сути, отстранился.

Что день грядущий нам готовит?

Исполнялся гимн России, а в ушах партийцев в каком-то смысле звучала знаменитая ария Ленского из оперы Чайковского «Евгений Онегин».

Паду ли я, стрелой пронзенный,

Иль мимо пролетит она?

Кому не понравится, если за один день капитализация акционерного общества, в котором у тебя есть доля, повысится с миллиарда до триллиона? Отсюда – восторг. Точнее – смутная, пульсирующая восторженность...

Растерянность же была родной сестрой этой восторженности, ее политическим близнецом.

Ведь никто не знал, что значит переделаться из «зайчиков» в «ежиков» и можно ли переделаться.

Никто (или почти никто) не готовил себя к такой взрывной и загадочной «рекапитализации». Даже в бизнесе получить на руки сумму, в тысячу раз большую, чем ожидал, в каком-то смысле «напряжно». А уж в политике... Чем это кончится? Удается ли удержать партию от раскола? Не последует ли за подобным бумом дефолт? Не окажется ли партия политической «пирамидой»?

Во-первых, колоссальная и почти невыполнимая задача немедленного превращения партии из электорально-сервисного фактора в фактор баланса не была четко сформулирована. Она и не могла быть четко сформулирована. На съезде выступали оба политических лидера. Отношения между ними были явным образом глубоко дружественными. Как можно было в подобных условиях формулировать такую задачу сколь-нибудь внятно?

А задачи такого рода без внятных формулировок до сознания вообще не доходят. «То ли дождик, то ли снег... То ли будет, то ли нет».

Во-вторых, даже осознание (а уж тем более осуществление) всего, проистекающего из превращения «Единой России» в фактор баланса, было смертельно опасно. Ибо проистекало следующее.

Перевод абстракции, именуемой «фактор баланса», на конкретный политический язык, означал, что президент, конечно, может ВПОЛНЕ ПРАКТИЧЕСКИ отправить правительство в отставку и распустить Думу. Это его конституционные prerogatives. И Ельцин их прорабатывал безумно подробно. Он ничто другое не прорабатывал. Но это прорабатывал «от и до».

Но ведь и Дума может – хотя бы ТЕОРЕТИЧЕСКИ – объявить президенту импичмент. Ельцин понимал, что без этого Конституцию не нарисует. Но он сделал все возможное, чтобы затруднить процедуру. Каких только он рогаatok не понаставил на данном пути! Все, что мог, сделал, чтобы этому воспрепятствовать.

Короче, баланс между президентом и парламентом принципиально неравновесен и недоопределен. В политике все неравновесные и недоопределенные балансировки (а также все балансировки Не до конца равновесные и недоопределенные) чреваты чрезвычайщиной того или иного рода. Президент что-то сделал... Парламент что-то сделал в ответ (или наоборот)... Вроде и одна сторона права, и другая... Кому решать? Известно, кому. В 1993 году мы все это проходили!

Вдумайся, читатель: все, чего хотела страна, идя на думские выборы 2007 и президентские выборы 2008 года, это спокойствия.

Она не хотела нового 1993 года в качестве даже однопроцентной возможности.

Она (по крайней мере, в большей части своей) и никакого развития не хотела.

Она хотела только, чтобы не было перемен. Хотела предельной устойчивости. И вдруг, откуда ни возмись, – неустойчивость. К 15 апреля 2008 года это был еще только призрак неустойчивости. Но даже о нем думать не хотелось!

И никаких рисков не хотелось! Никому не хотелось (вплоть до так называемой «оппозиции»)! А уж этой самой электорально-сервисной системе, именуемой «партия "Единая Россия"», рисков не хотелось больше, чем кому бы то ни было. Даже если они связаны с совершенно новой капитализацией. А ее тянули, тянули, волокли в эти риски! Причем тянули – без объяснений, без внятных новых оценок и ориентиров. Просто тянули и все. Куда тянут? На политический Олимп? На бойню?

Российская постсоветская элита страшно предрасположена к конфликтам. Она «конфликтизируется» по любому, даже минимальному, поводу. Возникли две кремлевско-электоральные наработки – «Единая» и «Справедливая Россия». Ясно было, что альтернативность этих наработок имитационная, периферийная. Но даже этой имитационной периферийности хватало для того, чтобы в регионах начались серьезные элитные конфликты.

Но тут-то и стало маячить нечто совсем другое. Призрак 1993 года, конфликта «парламент – президент»... Как только возник этот самый фактор баланса, к нам в гости вместе с ним сразу же пожаловал этот призрак. Пожаловав же, начал «бродить». А как иначе? Он ведь с тем и пожаловал!

Для начала он стал бродить по периферии страны. Можно было разными способами понимать конфликт Кадырова и Ямадаевых в Чечне. И были поначалу основания надеяться, что это, так сказать, случайное облачко, а не предгрозовая туча. Но были и основания для весьма далеко идущего прочтения этого – не слишком крупного и абсолютно периферийного, на первый взгляд, – симптома элитной политической нестабильности.

Элитный бэкграунд Ямадаевых... Элитный бэкграунд Кадырова... Где баланс парламента и президента, там и все остальные балансы... Иначе в России не бывает... Вплоть до маленького города и большого села...

После президентских выборов 2 марта 2008 года (а в общем-то, с самого начала 2008 года) Кадыров принял на себя определенные ролевые функции. Все, что происходит между ним и семьей Ямадаевых, связано с проблематизацией, так сказать, этих функций. Но ведь и отказаться от их выполнения Кадыров тоже не может. Цугцванг. Из таких цугцвангов сотканы, как мы знаем, все российские «политпризраки». Для того, чтобы новый призрак соткался, не нужно нескольких лет. Достаточно нескольких месяцев.

Призрак еще не успел соткаться из политического воздуха, а все это уже началось. Но для того, чтобы призрак соткался, не нужно нескольких лет. Достаточно нескольких месяцев.

В этой череде острейших перипетий (как состоявшихся, так и маячащих на политическом горизонте) важнее всего все же именно реформативное «Единой России» на IX съезде. Оно важнее всего по факту. Но оно вдобавок важнее всего для нас, если мы хотим сопрягать собственно политическую коллизию с темой развития.

А ведь мы хотим это делать, не так ли? Но есть ли для этого какая-то возможность? Представьте себе, она есть. И она полностью укладывается в метафору «зайчиков – в ежиков!».

Политическому истеблишменту не сформулировали новую задачу баланса. Но ему сказали, что он должен в принципе переделываться. Переделываться через эти самые клубы и хартию... А главное – через форум «Стратегия 2020», который предварял съезд. По мне, так незримым лозунгом форума было именно «даешь ежеиков!».

В воздухе запахло чем-то стратегически нехорошим. Эра Буша кончалась. Россия рисковала оказаться в ситуации беспрецедентно острой. Для того, чтобы в этой ситуации выстоять, нужно было не надуть щеки. Не грозить кому-то слабеющим ядерным кулаком.

Нужно было подводить черту под определенными упованиями (войдем в Европу, станем как все).

Нужно было включаться в миропроектную конкуренцию.

Нужно было энергетизировать, наполнять живой страстью это самое развитие. И создавать на его основе мегапроект. А также мобилизовывать под него общество (не зная точно, мобилизуется ли оно).

«Зайчики» сделать ничего подобного не могли. Но и других людей не было в оперативном распоряжении сил, решивших разыграть фактор баланса. Тогда они, силы эти, как-то смутно и не формулируя для себя до конца задачу, возжелали превращения «зайчиков» в «ежииков».

Конечно, такое пожелание не могло быть внятным – и для тех, кто его высказал, и для тех, кому оно было адресовано.

Конечно, превращение подобного типа не осуществляется с помощью пожеланий...

Конечно, адресация к прецедентам подобного превращения обнажает несопоставимость субъектов, эти превращения осуществлявших, и субъекта, который возжелал нового 15 апреля 2008 года.

Но для нас, занятых субъектностью как таковой, небезынтересен вопрос о том, возможно ли в принципе осуществление трансформаций данного типа. То, что ничего подобного не произошло ни на IX съезде, ни сразу после этого, понятно. Но, в принципе, можно ли переделать «зайчиков» в «ежииков»? И если можно, то как?

Обсуждая это, мы, во-первых, измерим степень несоответствия нашего политического субъекта определенным задачам, а значит, просветим изнутри этот субъект рентгеном, сравним структуру и свойства этого субъекта с разного рода другими субъектами и – кто знает? – может быть, сделаем общезначимые и не сводимые к узкой коллизии выводы стратегического характера.

Мы, во-вторых, проработаем нечто, касающееся нашего будущего. А заодно (в-третьих) решим и некую теоретическую задачу, имеющую отношение к общей проблематике развития (политической проблематике, конечно, но именно общей и именно проблематике).

Глава III. «Ежиики» и «зайчики» как общетеоретическая (и политическая) проблема

Переделать животное «заяц» в животное «еж» может либо эволюция, либо генная инженерия. А не само животное. Но человек-то ведь не животное... В каком смысле?

Теперь уже неопровержимо доказано (Конрадом Лоренцем и другими), что животные способны на солидарность, сострадание, взаимоподдержку и даже любовь. Так столь ли принципиально их отличие от человека?

Волк может съесть зайчика, но не может съесть камень. Человек может синтезировать пищевые продукты из неорганических материалов. Для волка граница между съедобным (зайчик) и несъедобным (камень) фатальна и непреодолима. Суть человека – в отрицании любой фатальности и в попытках перешагнуть любые границы. Человеку дано это стремление к трансцендентному и эта способность. Он платит за нее огромную цену. (Животное, например, не знает, что оно смертно, а человек – знает).

Если человек потеряет эту способность к самотрансценденции, отделяющую его от всего остального, – ему конец. Он или превратится в «большого зверя», или потеряет живую жизнь и станет «антропокуклой» (машиной, роботом).

Компьютеры – и те уже скоро превратятся в саморазвивающиеся системы. А человек все топчется у порога... В простейшем случае – у порога своих же собственных «резервных возможностей». Топчется, побаивается и... лишь в исключительных (экстремальных, катастрофических) ситуациях кое-кто из представителей рода человеческого рискует обратиться к своим резервам. Но ведь эти резервы есть у всех!

Поднимайся в небесную высь,

Опускайся в глубины земные...

Спору нет, дело важное. Но есть и территория этих самых резервных возможностей. Научитесь регулярно и осмысленно посещать ее – и потенциал человечества увеличится многократно. Так ведь нет – «в час по чайной ложке». Ах, мобильный телефон... Ох, интернет... Боится человек, топчется у этого самого «порога резервности».

А ведь есть и более сложные пороки! В их числе – порог самотрансценденции.

У вас есть разного рода «заданности». Но вы личность, и вам дано преодолевать оные. Воспользуйтесь!

Вас «просчитали»... Определили эти самые заданности и «загоняют в угол»... Но если вы вышли за границы заданностей, то все просчеты – псу под хвост, и вы победили.

Человек, смирившийся со своими заданностями, – это антропос.

Человек, преодолевающий заданности, – это Человек с большой буквы. Иначе – настоящий человек. «Повесть о настоящем человеке» отнюдь не тривиальна. Маресьев преодолел заданности и вернулся в строй. Сотни столь же героически, как и он, воевавших людей, кончали свой земной век в артели для инвалидов.

«Хомо политикус» – он ведь еще и «Хомо». Если он только «Хомо политикус», тогда «пиши пропало». Тогда не пытайтесь преобразовывать «зайчиков» в «ежииков». Хотите иметь вместо «партии зайчиков» «партию ежеиков» – переберите людишек... Наберите «ежииков», уберите «зайчиков», научитесь выявлять этих «зайчиков» раньше, чем они вас сдадут. А они на то и «зайчики», чтобы сдавать.

Это простейший и наиболее адекватный путь. В принципе есть и другая возможность. Сразу оговорю – предельно проблематичная и потому почти химерическая, но... Но может оказаться, что в условиях регресса классические исторические возможности (они же «революция сверху» и «революция снизу») нереализуемы по причине отсутствия истории (какая история, если регресс?). Что же касается всегда остающейся посткатастрофической возможности... Да, она всегда есть. В конце концов, когда мы говорим «1917 год» и называем его «революцией снизу», то это лишь отчасти корректно. Классической революцией снизу была Великая Французская буржуазная революция. Что же касается 1917 года, то в какой-то мере (нынешний уровень исследования не позволяет сказать, в какой именно) это было посткатастрофическое строительство чего-то нового руками страстной и дееспособной секты («партии нового типа»). Когда все остальное исчерпало себя (а все остальное исчерпало себя очень быстро), не осталось ничего, кроме такой секты. К вопросу о знаменитых фразах «власть валялась в грязи», а также «есть такая партия».

Ничего нет для меня сегодня мрачнее подобной перспективы постольку, поскольку (а) она слишком химерична (секты такой не видно), (б) она должна осуществляться на территории ядерной сверхдержавы, (в) она еще уменьшит и без того слишком малый потенциал уставшего народа (демографический в том числе, но не только), (г) она по определению должна быть сопряжена с риском мировой, то есть глобальной ядерной, войны, и так далее.

Мрачнее этой перспективы – только перспектива абсолютного конца российской истории. Да и то только потому, что – и я готов это доказывать любому читателю – такой абсолютный конец российской истории станет одновременно концом истории мировой.

И все же... Если классических исторических возможностей нет... Если пострегрессивная катастрофика в качестве возможности слишком высокоиздержечна и маловероятна... Если обнуление всех возможностей – это конец человечества... Если все это так, то почему не рассмотреть самую умоуязвимую, химерическую, неправдоподобную – но тем не менее не нулевую – возможность, связанную с тем, что человек может себя менять, что метафорический «зайчик» (в отличие от зайчика буквального) ТЕОРЕТИЧЕСКИ и впрямь может стать «ежилом» с помощью процедуры, которую я называю «самотрансценденция»? Речь идет о способности человека (пока – только человека!) самому себя перепрограммировать. Причем достаточно радикальным образом. Речь идет о возможности преодолевать все заданности, все барьеры своих возможностей.

Не иронизируй, читатель... Я и сам могу посоревноваться с тобой в этой иронии.

Но, во-первых, исследование этой возможности для нас с тобой далеко не бессмысленно с общей точки зрения, безотносительно ко всяким там съездам и их участникам.

Во-вторых, если других политических возможностей «нет» (а мы только что обсудили, почему «нет»), то отчего бы не рассмотреть и эту? Причем тогда уже не только с общетеоретической, но и с политической точки зрения.

А в-третьих... В-третьих, мало ли куда нас с тобой выведет это рассмотрение – бессмысленное, как мы уже установили, и с теоретической, и с политической точки зрения.

Так стоит ли иронизировать «по поводу повода», породившего подобное рассмотрение?

Итак, возможность самотрансценденции.

Один мой знакомый помогал мне и моей организации вести диалог с представителями международной элиты. Когда я обрушил на него свои возмущенные сетования по поводу очевидно «зайчиковых» свойств этих представителей, он мне ответил: «Я не готов заниматься переделыванием пятидесятилетнего матерого элитария, прошедшего сложнейший жизненный путь».

Я, возражая этому своему знакомому, напомнил о превращении Савла в Павла. Знакомый мгновенно отреагировал: «Вот-вот! Пусть это делают те инстанции, которые задействованы в Вашем примере. А я, извиняюсь, только человек».

Он был, конечно, прав. Но не до конца. Ибо между его констатацией принципиальной невозможности переделывания личностей и социальных систем и превращением Савла в Павла есть нечто и фундаментальное, и собственно человеческое.

Внутри этого «нечто» человек способен на рукотворное чудо.

Неудачник превращается в победителя, раб – в борца, трус – в героя, растерянная толпа – в армию-освободительницу. Это и называется «перейти из царства необходимости в царство свободы».

Внутри каждого человека есть оба этих царства. И он сам может перейти из одного в другое. А раз что-то может человек, то может и человечество. Это «может» и увлекло за собой Россию в 1917 году.

«Может» ли? А если не «может», то какой смысл говорить о свободе воли?

Есть точка зрения, согласно которой кто-то «может», а кто-то нет. Мол, люди антропологически, онтологически, даже метафизически не равны друг другу. Причем ФУНДАМЕНТАЛЬНО не равны. Есть звероподобные антропосы (гилики). Есть антропосы чуть более сложные (психики). А есть подлинные люди (пневматики).

Эта точка зрения никак не сводится к гностической ереси. Она древнее канонического гностицизма и гораздо разнообразнее. Говорить об истоках тут весьма трудно. След тянется в глубочайшую древность. Есть потаенное подполье, хранящее этот «черный огонь». И время от времени огонь вырывается на поверхность.

Последний раз он вырвался в 1933 году. Речь шла буквально об этом самом фундаментальном неравенстве. Никак не сводимом к расовому. Орденов фашизм был намного сложнее. «Это» удалось изгнать и «опечатать» с помощью советского воинства и советской альтернативной проектности.

Потом спасители приравняли к погубителю. И «исключили из истории». А затем встал вопрос о «конце истории». И «это» – в новом обличье – стало заигрывать с потерявшим память и погруженным в сладкий кайф человечеством. На сей раз «это» стало называть себя «глобализацией».

Глобализация... «Зайчикам», преобразующимся в «ежилов», нужно было обнаружить в себе амбиции (державные и прочие разные) и отнести к данному непростому феномену.

Один из участников дискуссии на форуме «Стратегия 2020» заявил: «Спорить с глобализацией все равно, что спорить с

законами всемирного тяготения. Глобализация объективна. Она является неснимаемым контекстом для всех... В глобализации нет никакой благодати. Кто-то прорвется в высшие лиги, а перед кем-то двери закроются навсегда. И именно навсегда. При этом кого-то не просто оставят за дверью... А жесткоотрегулируют». Оставят за дверью... Н-да... А если у них амбиции?

*Стояли звери
Около двери.
В них стреляли –
Они умирали.*

Амбиции... Секция форума «Стратегия 2020», в работе которой я участвовал, называлась «Глобальный мир: АМБИЦИИ суверенной России».

Так в чем амбиции? Один участник обсуждения подобным образом проблематизирует амбиции суверенной России, описывая содержание глобализации как контекст подобных амбиций. А другой – не без внутреннего трагизма возражает ему: «Я не хочу самоопределяться в рамках такого контекста! Я не хочу жить в мире, где ЭТО будет происходить!»

Его оппонент, предъявивший контекст, в рамках которого, по его мнению, только и можно самоопределяться, улыбнулся в ответ на апелляцию к «не хочу». Если «это», названное глобализацией, объективно, то кого интересует твое «не хочу»?

История, однако, свидетельствует в пользу «не хочу». В Древнем Риме нашлась одна амбициозная группа, сказавшая «так я жить не хочу». Христиане называлась. Потом эта группа – и «грохнула» Древний Рим, и одновременно парадоксальным образом спасла его, предложив человечеству другой мировой проект. А разве большевики не сделали то же самое?

Человек и фатум (он же «необходимость») ... Не в пространстве ли между этими двумя противоположностями размещена вообще проблема «амбиций» (она же «из зайчиков – в ежиков», и так далее)? И как, не обсудив проблему амбиций вообще, обсуждать амбиции России?

Предположим, что глобализация – объективная необходимость... Но несовместимая с жизнью России. В чем тогда амбиции России? Согласитесь, вопрос не лишен актуальности! Ответ же на него очень зависит от того, каков в принципе статус амбиций как таковых. Как они соотносятся с необходимостью?

В той мере, в какой человек не антропос только, а Человек, он никогда не капитулирует НИ ПЕРЕД КАКОЙ НЕОБХОДИМОСТЬЮ. Не в этом ли глубинный смысл гегелевской фразы, повторенной Марксом: «Свобода есть познанная необходимость»?

Из сути творчества Маркса ясно, что смысл отнюдь не в том, что, мол, «познали и успокоились». Нет, познали – и преодолели необходимость. Победили ее. В каком-то смысле – изгнали... В каком смысле? Тут опять надо размышлять об амбициях. Хочу обратить внимание читателя на нетривиальное утверждение, к которому мы еще не раз будем обращаться, «Философы лишь различными способами объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы его изменить». Стоит соотнести эту нетривиальность с утверждением о «познанной необходимости», которая вдруг оказывается свободой. А также с односмысленным к этому «из царства необходимости в царство свободы»...

Нет, не признает Человек никакого рока, в том числе и рока необходимости (то бишь этих самых «объективных законов»). Да, он будет эти законы познавать. Но лишь для того, чтобы преодолевать.

Я уже говорил о всепреодолеваемости. О том, что без нее «абсолютного развития», развития как «одной и пламенной страсти» нет и не может быть. Теперь же я возвращаюсь к той же теме в связи с поведением интеллектуальной окол властной элиты. Ей предложено обсуждать амбиции. Она как бы их обсуждает, но... Но как? По сути – саморазоблачаясь в том, что касается их, амбиций, фактического отсутствия. Как минимум, эта «амбициозная элита» отказывается понять, что всепреодолеваемость и есть амбиция амбиций. Или – метафизическая амбиция, что то же самое. А без амбиции амбиций – чего стоят амбиции как таковые? Чего они стоят вообще и уж тем более в связи с вопросом о развитии? И где осуществляется это саморазоблачение в том, что касается безамбициозности или амбициозной минималистичности? В России! В стране, где только максимализм способен преодолеть глубокий скептицизм, издревле поселившийся в русской душе и касающийся всего, что связано с жизнью как таковой.

Как это преодолевается вообще и уж тем более в переломные моменты истории, когда Россия зависает над бездной? Кто хранитель памяти о подобном преодолении, об опыте преодоления, при – меняемых для этого средствах? Конечно, культура наша. А кто еще?

Блок пишет в своем «Возмездии»:

*И отвращение от жизни,
И к ней безумная любовь,
И страсть, и ненависть к Отчизне.
И черная, земная кровь
Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи,
Неслыханные перемены,
Невиданные мятелжи...*

Ну, разве тут не сказано все о стратегии, средствах, типе амбициозности? Любовь названа безумной, то есть предельной. Показана ее амбивалентность (неотменимая и потому пугающая многих черта всех предельных состояний души). Заявлено о разрушении всех рубежей, о неслыханности перемен. Именно эта тоска по предельному и запредельному (без которого и

жить-то зачем?) была угадана ревнителями Красного проекта и превращена в политическую стратегию теми, кто готовил и осуществлял революцию 1917 года.

Все в этом начинании дышит всепреодолеваемостью и «максимум максиморум». Амбицией амбиций то бишь. И только в этом дыхании, а не в каких-то буквальностях той эпохи – ее непреходящее значение для человечества, ее распаханность в будущее, ее не понимаемая человечеством спасительность. Есть особая загадка в том, что нигде это губительное непонимание не достигает такого градуса, как в нынешней элитной России. И, может быть, потому ей так непонятно и чуждо все, что связано с максимумом максиморумом этих самых амбиций. Все, что прокричала в XX веке русская душа устами самых разных художников и философов – от Александра Блока, Леонида Андреева и Андрея Платонова до Эдуарда Циолковского, Александра Богданова, Владимира Вернадского и Эвальда Ильенкова:

«Что? Вселенная сначала расширяется, а потом начнет схлопываться и все кончится? А у нас амбиции! Мы за оставшиеся миллиарды лет найдем способ этому помешать! Что? Температура во Вселенной должна выравниваться? Второй закон термодинамики, энтропия? Все остынем, жизнь прекратится? А у нас амбиции. Мы сознательно будем разогревать Вселенную, взрывая звездные системы! Что? Наше Солнце скоро погаснет? А у нас амбиции! Мы зажжем новое Солнце!»

Человек фундаментально амбициозен... А мир?

Уже не только так называемые «паранормальщики», а серьезные ученые говорят об амбициозности и странности мира. О том, что царство энтропии (оно же царство статистических закономерностей) а значит, между прочим, и рынка), конечно же, существует, но... В общем, не одно оно существует. Есть отклонения от пресловутого статистического «нормального закона». Они связаны с фактором воли. События, модулированные волевой амбициозностью, случаются чаще, чем положено по этому самому нормальному закону, царствующему на территории энтропии. А значит, есть территории так называемой «странности». Астрофизики говорят о «щелях странности».

Человек – высшее выражение амбициозности Формы. Это она, будучи когда-то ничем, хочет стать всем. Религиозные люди называют мир форм Творением. Амбиция Творения – это амбиция Формы (самосовершенствование структур, контрэнтропия).

Человек венчает Творение лишь постольку, поскольку является экстремумом подобной амбициозности. А также экстремумом Формы. Разум – самая сложная из структур. И самая амбициозная.

Уберите амбициозность (причем не амбициозность вообще, а именно экстремальную) – и что останется?

Глобализация плевать на ваши амбиции, потому что она столь же объективна (то есть необходима), как и законы гравитации?

Объективна ли она – это отдельный вопрос. И, между прочим, очень серьезный. Но предположим, что она так же объективна, как законы гравитации, – и что?

Человек познал законы гравитации как необходимость и эту необходимость преодолел. Для того и познал, чтобы преодолеть. Суть человека в амбициозности. А суть амбициозности именно в этом: познать и преодолеть. Сначала человек бился в эту необходимость, как бабочка в стекло. Падая, смотрел на птицу. Не понимал, почему она летать может, а он нет. Сочинял миф об Икаре. Потом разобрался, что к чему (неумолимый закон гравитации). А потом открыл законы аэродинамики, то есть нашел «щели» в его неумолимости. И полетел.

Человек открывает законы затем, чтобы себя раздражить. Закон говорит: «Ну, теперь-то ты понял, что этого, этого и этого нельзя сделать по таким-то объективным причинам?» Человек отвечает: «Понял!» И тут же начинает думать о том, как превратить «нельзя» в «можно».

Так они и «бодаются»... Человек и Объективный Закон.

Достоевский очень точно это описал, рассказав о фортепьянной клавише. В рассказе этом русское начало открывает ЧТО-ТО человечеству о своей сути (ну, не фортепьянная клавиша человек... ну, не даст он на себе играть этим самым законам природы... не даст, и все тут). Сказав что-то всечеловечески значимое, русское начало только через это и открывает само себя. И не абы как, а именно как амбициозный экстрим.

Объективность есть. Возражать против этого глупо и смешно. Недаром романтизм так густо настоен на инфантильности. Нет, возражать можно только против АБСОЛЮТИЗАЦИИ объективности. Да и то примерно так, как это делал Василий Иванович Чапаев: «Психическая, говоришь? Хрен с ней, давай психическую!»

«Объективная глобализация, говоришь? Хрен с ней...» Даже если и объективная, то все равно «хрен с ней».

Но ты еще докажи, что не врешь. Что она и впрямь объективна. Ты нас объективностью в любом случае не страшай – это первое. И ты вообще-то не страшай, а доказывай – это второе. Доказывай, откуда берется фатум необратимой глобализационной дифференциации, согласно которому кто-то пройдет в какие-то двери, а кто-то нет. А потом эти двери раз и навсегда захлопнутся... Почему это они так захлопнутся?

Проект «Модерн» такого захлопывания КАТЕГОРИЧЕСКИ не предполагал. Так значит, глобализация – это уже не Модерн? А что это? Другой проект? Назови – какой. А заодно признай, что если это проект, то об объективности (безусловном выполнении неких закономерностей) говорить не приходится. Гравитация – это не проект. А вот фашизм – проект.

Если глобализация – это проект, то надо разобраться, чем подлинное отличается от семантического прикрытия.

Ведь уже часто и откровенно говорят о том, что нет «глобализации», а есть «глокализация» (то есть соединение наднациональных интеграции с дроблением наций на этносы, субэтносы и племена). Но и «глокализация» неокончательное имя. Что под этими масками?

Под ними – очень знакомая и, мягко говоря, отвратительная харя так называемого «многоэтажного человечества». Причем человечество должно быть не просто многоэтажным (кто-то живет в квартире-люкс на пятом этаже, а кто-то в грязном подвале). На этот раз допуск с одного этажа на другой должен быть закрыт окончательно. И именно НЕПРЕОДОЛИМЫМ

образом.

А те, кому не нравится, что двери закрыты раз и навсегда? Им что-то надо объяснить? Что? Что они не люди, а звери. И потому стоят у двери. А если начнут ломиться, куда не положено, и «возникать», то их будут убивать. Причем именно как зверей («Почти как люди», – сказал когда-то Клиффорд Саймак, описывая нечто, похожее на управляемый регресс, запущенный на нашей территории и названный «реформами»).

Подобное объяснение называется легитимацией фундаментального человеческого неравенства. Как его легитимировать – известно. И вряд ли тут будет изобретено что-нибудь новое. «Гилики, психики, пневматики»...

А если и возникнут другие слова, то они окажутся лишь семантическими прикрытиями, то бишь масками. И очень скоро маски будут сняты. А то, что за ними, обнажит свою – именно фундаментально фашистскую – суть. А какую же другую? У фашизма был его – в глубь веков уходящий – гностический и прагностический предок. Теперь появляется потомок. Но линия-то одна.

Человечество может быть единым (и в этом смысле антифашистским) лишь до тех пор, пока у него есть определенный градус амбиций. Называйте этот градус амбиций «общим делом» или как-то иначе – суть от этого не меняется. То, что нужно свершить, согласно амбициозности замысла, не под силу отдельному человеку или малым человеческим группам. Это не под силу даже отдельным нациям и странам, которые могут обозначить замысел и возглавить процесс, но не могут осуществить его в одиночку. Нет, нужен потенциал всего рода человеческого. И этот потенциал надо наращивать. Ибо амбиции! Да еще какие – ПРЕДЕЛЬНЫЕ!

Как только такие предельные амбиции исчезают (а это не раз бывало в истории), возникают все классические фашистские вопросы: «А зачем так много людей? Зачем их всех развивать, в том числе помимо их воли? Будет ли им лучше в условиях развитости? Заслуживают ли они этого? Почему во имя этого развития надо создавать новую социальную структуру общества? Прежняя не справляется? А зачем вообще развитие, если нет амбиций? В чем наше единство с плебеями? Зачем им надо больше платить? Зачем их учить и лечить? Зачем им вообще коптить небо, если они плебеи?»

Либо – проект «амбициозное человечество», либо – проект «многоэтажное человечество». Третьего и впрямь не дано. Боюсь, что степень этой безальтернативности человечество поймет слишком поздно.

Градус амбициозности поднять далеко не просто. Человечество еще должно зажечься этими самыми предельными амбициями. Если не зажжется – рассуждай об амбициозности в башне из слоновой кости. Ты будешь сам по себе, человечество – само по себе.

Последний раз огонь гуманистических амбиций удалось зажечь с помощью коммунистического проекта. А в противовес такому (красному) огню и был зажжен огонь черный (то есть фашистский).

Победа коммунизма над фашизмом не была окончательной. Можно ли вообще победить окончательно силы, стремящиеся погасить огонь амбициозности в человечестве, – это отдельный вопрос. Но то, что в 1945 году враг отступил весьма организованным образом и вскоре начал контрнаступление, вряд ли требует развернутых доказательств.

Для реванша врагу нужно было (а) свернуть амбиции внутри коммунистического проекта (подмена коммунизма социализмом и так далее) и (б), погасив коммунизм как источник амбиций, начать нашептывать остывшему человечеству все заезженные фашистские вопрошания. Они же – глобализация (или Четвертый рейх).

Тут главное было – погасить предельные гуманистические амбиции.

Кто-то скажет, что у тех, кто прочит себя в пневматики, есть свои амбиции, да еще какие! Я не согласен. И утверждаю, что предельных амбиций у пневматиков нет. А раз нет предельных, значит, нет никаких.

В самом деле, какие у них амбиции?

Отделиться от всего остального человечества? И что дальше? Они соединятся с какой-то, проблематичной по качеству, надчеловеческой сущностью? Но это не амбиции! Это желание быть привилегированным слугой этой сущности.

Они уничтожат мир? Это более серьезно. Но тоже никак нельзя назвать амбициями высшего разряда. Потому что потом они во что-то волюются. И ясно, что в весьма неамбициозной роли каких-то там «искр» в каком-то там «высшем».

Предельная амбиция может заключаться только в том, чтобы преодолеть любую заданность, любой рок и любую необходимость... «...Духом окрепнем в борьбе, в царство свободы дорогу...»

А что, не так? Докажите! Но только без обычного юродства – «совок», репрессии, пустые прилавки... Коммунизм зажжет огонь предельных амбиций? Да или нет? Этот огонь победил фашизм? Да или нет? И опять же, пожалуйста, без юродства вокруг темы второго фронта и лендлиза...

Но если так, то в чем метаисторический смысл? Коммунизм и фашизм – исторически обусловленные феномены. Каков конфликт предельных сущностей, имеющих метаисторический смысл? И что это за сущности?

Одна из них – конечно же, гуманизм. Поскольку это имя «зализано» и опорочено одновременно, то тут нужны какие-то прилагательные. Ведь у нас уже и некоторые церковные лидеры стали крайне пренебрежительно говорить о гуманизме...

Сила гуманизма в том, что он может быть и светским, и религиозным. Он может иметь разные религиозные выражения и оставаться собой. Вы можете сказать, что «Человек – это звучит гордо!», рассказать «О настоящем Человеке» или сказать о человеке как венце Творения. Суть – в амбициях.

Однако гуманизм в XX веке (и особенно во второй его половине) очень сильно девальвирован. Подменен жалостливыми сюсюканьями, разменян на частности. Поэтому, видимо, не лишним будет добавить к слову «гуманизм» еще один атрибут, который в принципе от него неотделим. И говорить не о гуманизме вообще, а об АМБИЦИОЗНОМ ГУМАНИЗМЕ.

Коммунизм и был историческим проявлением данной метаисторической сущности. Он спасал ее в момент, когда огонь классического Модерна начал угрожающе угасать. Уловить катастрофичность этого угасания можно прочитав подряд два романа Золя – «Дамское счастье» и «Жерминаль». И сопоставив прочитанное с нашей действительностью.

Итак, по одну сторону баррикад был амбициозный гуманизм в его исторически обусловленном качестве. А по другую сторону?

По другую сторону был фундаментальный антигуманизм. Фашизм – это лишь исторически обусловленная ипостась данной метаисторической сущности, проникнутой глубочайшим презрением ко всем человеческим амбициям (возможностям и готовностям). А также презрением к чему-то большему («Творенье не годится никуда», – сказал Мефистофель).

С незапамятных времен и до тех пор, пока человечество, сохраняя амбициозность, остается Человечеством с большой буквы, будет продолжаться вечный бой между теми, кто несет через все разочарования и тяготы огонь собственных амбиций, и теми, кто этот огонь хочет погасить. И враг знает: главное – погасить огонь. И все станет «тип-топ». Сразу появятся и фюрер, и рейх, и вся прочая ДЕГУМАНИЗАЦИОННАЯ МЕРЗОСТЬ.

Проект «многоэтажное человечество»... Ахи и охи по поводу объективности глобализации как триумфа неравенства... Что в самой сердцевине этой «психической», к которой так точно отнесся Василий Иванович Чапаев? В сердцевине – проект фундаментальной и необратимой ДЕГУМАНИЗАЦИИ человечества. Это, и только это.

Нельзя разделить человечество непреодолимыми перегородками фундаментального неравенства и не дегуманизировать его. И нельзя дегуманизировать человечество, не создав коллизии фундаментального непреодолимого неравенства, легитимированного всем, чем угодно, – онтологией, антропологией, метафизикой, наконец.

В отрывке на специфическое восприятие глобализации на форуме «Стратегия 2020» было сказано: «Я не хочу жить в таком мире!» Оставалось добавить – в каком. В МИРЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ДЕГУМАНИЗАЦИИ.

Этот мир предопределен? Он объективен, как законы Ньютона? А почему это? В силу каких новых знаний о человеке? Но, даже если вы считаете этот мир объективным, назовите подлинное имя: ДЕГУМАНИЗАЦИЯ. Назовите это имя, а не сюсюкайте! И тогда многое встанет на свои места.

Возникнет серьезный разговор о судьбе гуманизма в XXI столетии. Чуть-чуть яснее станет, почему ДАЖЕ СЕЙЧАС, после краха СССР и всего остального, что было связано с коммунизмом как проявлением гуманистических амбиций в XX столетии, так яростно борются с тем, что может об этих амбициях напомнить.

Яснее станет и то, что такая борьба в ее предельном выражении всегда носит гностический (или, если хотите, парагностический) характер. Что суть ее в том, чтобы дискредитировать любые предельные амбиции гуманизма, в каком бы историческом обличье они ни предстали.

Яснее станет и «общий знаменатель» разных форм борьбы с коммунизмом как проявлением амбициозного гуманизма. Потому что различия этих форм являются лишь способом сокрытия этого самого «общего знаменателя». Пробежитесь от видимости, с ее кажущимся многообразием, к сути – и многое станет ясно.

С амбициозным гуманизмом боролись, говоря, что коммунизм и фашизм – это одна и та же гнусность под названием «тоталитаризм». С ним боролись, выворачивая данное лживое уравнение наизнанку и утверждая, что коммунизм и фашизм – это два «благих» брата-близнеца.

Да мало ли еще как воевали гностики, стремящиеся девальвировать человеческие амбиции (и развитие как их порождение), с коммунистами, стремившимися ревальвировать эти самые предельные человеческие амбиции!

Главный же метод борьбы – замутнение всего и вся. Нет в сегодняшнем общественном сознании ясной картины, в которой либо-либо. Либо новый огонь предельных амбиций – либо Четвертый рейх. Либо ревальвация гуманизма – либо его девальвация. И в этом замутнении наиболее циничные провокаторы доходят до отождествления коммунизма с гностической ересью.

«Психическая, говоришь?»...

Антигностический пафос коммунистов СЛИШКОМ ОЧЕВИДЕН.

Антикоммунистический пафос гностиков – тоже.

Неоднократно говорилось о том, что «Мастер и Маргарита» Булгакова – величайший гностический роман XX века. Согласитесь, отрицать гностический дух данного романа, мягко говоря, некорректно. Но если все обстоит так, то понятно, откуда взялись «Роковые яйца» и «Собачье сердце». Писатель сам называл себя «черным сатириком».

Черная сатира всегда была средством разрушить то, на что она направлена. Сейчас это назвали бы «черным пиаром». На что была направлена та черная сатира, тоже понятно. На метафизический коммунизм. На Богданова с его «Тектологией» и богостроительством. На концепцию нового человека и нового гуманизма. На Пролеткульт с его индустриальной метафизикой, призванной выдвинуть концепцию форсированного развития, альтернативную классическому модерну.

Чем это закончилось, тоже знаем. Это закончилось погаными словечками «совок» и «шариков». Словечки эти взяла на вооружение перестройка. В изящном виде слово «совок» было модифицировано Зиновьевым в «homo soveticus». В конечном счете, все это атаковало уже не только коммунизм и его метафизические (небезусловные, кто спорит) модификации, но и просто русского человека, принявшего «мерзкую» (понятно чью) «красную веру». Это его назвали «шариковым», то есть недочеловеком.

Глава IV. «Ежики» и «зайчики» как фундаментальная этнополитическая проблема

Когда орды (Третий рейх, например), желающие уничтожить русского метафизического геополитического конкурента, говорят о «русской свинье» или «унтерменше», о «народе рабов» или «славянском неандертальце», то это понятно. Мерзость от этого не уменьшается, но понятность есть: люди воюют на уничтожение.

А когда то же самое было сделано и продолжает делаться силами, которые называют себя русскими, то мерзость возводится в квадрат и при этом помножается на злобное «антисмыслие». Одни делают понятно зачем (в их действиях смысл есть). А другие – просто так? Чтобы поджиться да поучаствовать?

Это все явным образом соотносится с нынешними экстазами по поводу самых разных сил, шедших вместе с Гитлером под якобы русским знаменем. Ни под каким русским знаменем идти вместе с Гитлером было нельзя. Потому что Гитлер явно и

недвусмысленно говорил об уничтожении русских. Не коммунизма только, а русских.

Прибалты в принципе могли идти с Гитлером в едином строю. Это было ничуть не менее омерзительно (любой фашизм омерзителен). Но тут мерзость приобретала какие-то легитимационные обертона. Потому что Прибалтика могла остаться на карте победившего Третьего рейха. В виде порабощенной территории, но могла. А Россия – не могла. И Русь не могла – при любой уменьшительности. Прибалты получали «антропологическую квоту» и социальные позиции в Третьем рейхе. Русские – нет.

И что же это за русские, которые тем не менее шли вместе с Гитлером?

История показала, что вопрос – идти или не идти вместе с Гитлером на Москву – расколол людей, одинаково не симпатизирующих коммунизму. Деникин заявил, что он не может соучаствовать в уничтожении своего народа, которое явно замыслил Гитлер. А Краснов сказал, что пойдет за Гитлером. Но оговорил, что пойдет потому, что он (Краснов) не русский, а казак, а Гитлер может соорудить Казакию. Но почему тогда Краснов – русский патриот?

Казалось бы, старый спор. Однако он не утратил, как мы видим, историософской и политической актуальности.

Краснова в России может сегодня восхвалять и оправдывать очень разный контингент, как достаточно примитивно устроенный, так и вполне продвинутой. Такой пестрый контингент, отнюдь несводимый к определенной части казачества, руководствуется при этом, естественно, очень пестрой мотивацией. Она включает в себя:

а) беспредельную ненависть к коммунизму и готовность заключать в объятия всех его врагов, наплевав при этом на то, что эти враги творили и с кем снюхивались;

б) глубокую симпатию к фашизму. Причем такую глубокую, что каждый, кто воевал на стороне «замечательного Гитлера», поддерживается по причине симпатии к Гитлеру. Причины подобной симпатии сильно варьируются в зависимости, опять же, от степени продвинутости контингента. Они могут быть самыми примитивными, а могут быть и утонченными, даже гностическими (а почему бы нет?);

в) огромное отвращение ко всему русскому, и уж к русскому народу в особенности. Поди-тка ты иначе оправдай обособление Казакии от России и противопоставление казаков русским! Украинцев русским пришлось противопоставлять через сверхнакаленную русофобию! А у казаков с русскими степень близости еще больше! Определенный контингент, восхваляющий Краснова, не может не предаваться подобной русофобии. Или идеологической (мол, русский народ принял внутрь себя страшный вирус коммунизма и потому навеки поврежден). Или антропологической (ведь не зря же именно этот народ принял в себя подобный страшный вирус).

Вопрос на засыпку: совместимы ли эти а), б) и в) с амбициями суверенной России?

Что касается суверенности (а какая суверенность без целостности), то она подрывается самими планами по созданию Казакии.

Что касается амбиций, то зараженность страшным вирусом и генетическая неустойчивость по отношению к этому вирусу плохо сочетаются с амбициями, не правда ли?

Любителям всеядности напоминаю, что Казакия и Идель-Урал отнюдь не химеры Гитлера, ушедшие в небытие вместе с ним. Это не потерявшие актуальности планы по отделению от России ее Юга (Казакия) и Поволжья (Идель-Урал). Они перешли из гитлеровской доктрины в Декларацию о порабощенных народах, принятую Эйзенхауэром в 1959 году и не отмененную до сих пор.

Писали и проталкивали Декларацию элитные антирусские антикоммунистические украинцы. И именно эту группу украинцев, сосредоточенно занятую идеологической войной на уничтожение, сделавшую целью и смыслом жизни войну с Россией на уничтожение, курировала впоследствии жена Ющенко.

Вокруг России – подогреваемая ненависть. К тому, без чего у России нет и не может быть никаких амбиций. «Красновщина» и многое другое нужны нашим врагам для окончательного уничтожения источников нашей амбициозности. Попросту – для уничтожения в России имперского духа.

А мы-то сами что делаем?

Мы говорим на форуме «Стратегия 2020» о суверенной России и ее глобальных амбициях.

Но говорим, увы, выдавая проблему за аксиому и тем самым перекрывая путь к собственной мобилизации. То есть превращению из «зайчиков» в «ежиков».

Дано: суверенная Россия.

Проблематизация: суверенная ли?

Аксиоматизация: конечно же, суверенная.

А почему «конечно же»? Рассмотрите хотя бы альтернативы! Выделите формы реального поведения, отвечающие полной суверенности, частичной суверенности, а также скрытому и явному внешнему управлению. Сопоставьте эти формы реального поведения с тем, что происходит в России. Но только с одним условием – отличая риторику от реального поведения.

При этом, конечно же, риторика – ЧАСТЬ реального поведения. Но это же не ВСЕ реальное поведение, а именно ЧАСТЬ! За вычетом этой части – что происходит? И что должно происходить?

Дано: амбиции.

Проблематизация: а есть ли на них право?

Аксиоматизация: конечно, есть! Хотим – и амбициозничаем.

Ничего нет для меня более ненавистного, чем проведение параллелей (всегда невероятно пошлых и лживых) между СССР и Третьим рейхом. Но ради проблематизации давайте все же сыграем в эту пошлую и лживую игру. И что тогда получится?

1991 + 17 = 2008

1945 + 17 = 1962

Могла ли в Германии в 1962 году проходить конференция «Амбиции Германии»? То есть в подполье или даже в

культурном андеграунде могло происходить все, что угодно. Но на уровне съездов ХДС/ХСС это могло происходить? Безусловно, нет.

Гельмут Коль вспоминал о том ликовании, которое испытывал немецкий народ в период воссоединения Германии. О своих чувствах в момент, когда его приветствовали восточные немцы. А вскользь – и о своем испуге по поводу возможности того, что толпа запоет «Дойчланд, Дойчланд юбер алес». И объяснял свой испуг: «НАС НЕ ПОЙМУТ».

После 1945 года прошло уже более сорока лет! Германия воссоединилась. Она становилась в результате преступной и идиотской политики США фактическим гегемоном Европы. «Дойчланд, Дойчланд юбер алес» – не гимн «Хорст Вессель». И все равно Коль боялся: «НАС НЕ ПОЙМУТ».

Тут либо-либо. Либо коммунизм – это великий и не потерявший глобальной актуальности проект, исторически обусловленная ипостась предельно амбициозного гуманизма, победившая антигуманную нечисть. И тогда – любые амбиции. Но **ЗАЯВИТЕ ЭТО! ОСМЕЛЬТЕСЬ ОТКРЫТО СКАЗАТЬ ЭТО МИРУ И УБЕДИТЬ ЕГО. ВЫРАЖАЙТЕ ПРЕДЕЛЬНО НЕСОГЛАСИЕ С ЛЮБЫМИ ФОРМАМИ СУЖДЕНИЙ, ЗАДЕВАЮЩИХ ХОТЬ КАК-ТО ЭТОТ ВАШ ВЕЛИКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ.**

Тогда понятно будет, почему вы говорите об амбициях. У вас есть гордое прошлое. Вы спасли мир. У вас есть великие заслуги и опыт великих свершений («русское чудо» и так далее). Вы родом из этого прошлого. И на этой основе вы предъявляете амбиции, адресованные будущему.

Если же это не так, если ваш исторический капитал – это «коммунистический бред», то картинка совсем другая. Тогда соглашайтесь, что вы такие же негодяи-тоталитаристы, как и фашисты. Вам повезло. Вас не разбомбили. Нет Нюрнбергского процесса. Вы проиграли ВСЕГО ЛИШЬ «холодную войну», а не Вторую мировую. Вам оставили место в Совете Безопасности ООН и изобрели для вас «восьмерку». Сидите и не чирикайте. Никаких разговоров об амбициях! Нет у вас на них психологического и морального права.

Мне понятно, почему «политики 90-х», бросавшиеся поднимать платки американских «мессий» или заполнявшие свои министерства американскими вороватыми консультантами, говорили **ОДНОВРЕМЕННО** о безамбициозности и чудовищности «совка». Мне это отвратительно, но понятно.

Мне понятно, почему люди, гордящиеся советским прошлым (или способные увидеть подлинный провиденциальный лик этого прошлого, очистив его от случайных черт), говорят **ОДНОВРЕМЕННО** об амбициях, устремленных в будущее, и величии этого самого прошлого.

Единственное, что мне непонятно, – как можно, опять же **ОДНОВРЕМЕННО**, говорить о чудовищности советизма и о глобальных амбициях суверенной России. А ведь именно этим наполнена сейчас огромная часть интеллектуально-политических дискуссий, призванных переделывать «зайчиков» в «ежиков».

Но так переделывать нельзя! Неизвестно, можно ли вообще переделать, но так переделывать нельзя наверняка.

Мало указать – «так нельзя». Надо сказать, как можно. Ну, так я уже и начал об этом говорить.

Условие №1, при котором «зайчик» все-таки может превратиться в «ежика» (а может не превратиться), – это обязательный сущностный отказ от комплекса исторической неполноценности и... вины! (За что – никогда не мог понять. Но, в общем, за все.) То есть нужен не просто отказ, а отказ сущностный. Этот отказ как раз и может переделать «зайчика» в «ежика». Не переход от морковки к капусте, а такой сущностный отказ, глубоко и трагический пережитый.

Для того, чтобы встать на путь развития, нашей элите и всему обществу надо категорически разорвать с навязанным комплексом неполноценности. А также с теми, кто его исповедует. И разрыв должен быть не просто перерезанием пуповины. Разорвал – начинай интеллектуальную войну.

Я уже упоминал не отмененную до сих пор «Декларацию о порабощенных народах», сочиненную продвинутыми антикоммунистическими и антирусскими украинцами и возведенную в статус официальной американской доктрины. Как минимум, эта декларация должна быть отменена. Как минимум-минимум, надо потребовать, чтобы ее отменили. И начать проводить необходимые действия. Отнюдь не обязательно в духе любовной конфронтации. Ведь добились же, например, олимпиады в Сочи. И вовсе не за счет лобовой конфронтации, а иначе.

Но здесь ничего нельзя добиться без разбирательства в вопросе об этом самом порабощении. О каком порабощении идет речь? На самом деле – по факту отсутствия в числе порабощенных народов русского народа – речь идет о том, что он и есть поработитель. Но напрямую так не говорилось. Говорилось о порабощении коммунизмом. Почему в числе порабощенных народов тогда нет русского? Ну, нет и нет. Догадитесь сами с трех раз, почему! Кое-кто из белоэмигрантов догадывался «с трех раз». И начинал базарить, а точнее, бухтеть. Таких ставили на место. Их было не так много. Догадливость не мешала догадливым работать вместе с теми, о чьих антирусских намерениях они догадались.

Но предположим, что речь все-таки шла об идеологическом порабощении, что народы и впрямь были поработены коммунизмом. Для того, чтобы назвать не только народы Восточной Европы, но и народы СССР «порабощенными коммунизмом», надо начать игру, которая поначалу вроде бы ничего фундаментального и не задает. Но именно поначалу. Игра же неизбежно оказывается растянутой во времени «многоходовкой». И, не задавая почти ничего на определенном этапе, она в итоге заденет очень и очень многое.

Начнем с того, что во всех национальных республиках коммунистический элемент был рекрутирован из числа тех представителей национальных меньшинств, кто особо яростно боролся с имперскими русскими поработителями. Возникает явная двусмысленность – борцы с одним порабощением (русско-имперским) сами становятся поработителями? Но они же приняли коммунистический интернационализм как лекарство от русско-имперского порабощения? Так когда же имела место свобода? При Российской империи? Если да, то «хоть в лоб, хоть по лбу». Надо демонтировать коммунистическое рабство и восстанавливать русско-имперскую свободу. Этого американцам уж никак не нужно. И много кому еще это не нужно. Тогда оказывается, что речь все-таки идет об одном порабощении или о двух исторически преемственных порабощениях – русско-имперском и коммунистическом. Мол, одно перетекло в другое.

Но почему соединение народов в одно государство, осуществляемое в течение веков, надо считать порабощением этих народов? Поработили ли ханьцы маньчжуров или наоборот маньчжуры ханьцев? Об этом никто не говорит. Но русские поработили белорусов! Откуда это вытекает? А еще они поработили все народы, которые добровольно вошли в состав России, просили об этом вхождении, дабы не быть уничтоженными другими, более агрессивными соседями – Ираном, Турцией, Австро-Венгрией... Да мало ли кем! Почему одно государство должно быть взорвано по причине якобы имевшего место порабощения части тех, кто в это государство входит, а другое государство не должно быть взорвано по этой же причине? Ведь негров в США поработили! Поработили ли грузин – это дело дискуссионное. А вот негров поработили буквально. Обама вот только сейчас стал главой США, а Сталин стал главой СССР чуть ли не на столетие раньше. Грузины изначально, сразу же по вхождению в Российскую империю, имели все права граждан тогдашнего российского государства. А негры все права получили только во второй половине XX века.

Как выпутываться из подобных очевидных несообразностей? Можно, конечно, их просто игнорировать. Но с кем-то и когда-то подобный простой прием проходит. А с кем-то и когда-то – нет.

Ничуть не проще дело с коммунизмом. Не первый раз в истории новая идеология распространяется со своей естественной территории на полсвета. Была такая идеология – «Свобода, Равенство, Братство». Она родилась во Франции в 1789 году, доказала свою жизнеспособность к 1794 году, а с начала XIX века стала распространяться по Европе. Называется это – наполеоновские войны. И поди разбери – освобождал Наполеон народы или порабощал... Если народы были порабощены Австро-Венгерской империей, то он их вроде как освобождал. Но если они входили после этого в состав его империи, то он их вроде как порабощал. Но тогда кто их освобождал? Царь Александр I и Меттерних? И что делать с такими народами, которые все время кто-то порабощает – не один, так другой?

Тут все зависит от философии. Классическая философия прогресса, отнюдь не только в марксистском варианте, утверждает, что более развитая страна, сокрушая менее развитые страны, освобождает народы для развития. Что Наполеон принес народам, которые он то ли поработил, то ли освободил, некие блага прогресса (другое представление о политической системе, освобождение от крепостного права или его проблематизацию, сокрушение феодальной иерархии, правовую норму, олицетворенную наполеоновским кодексом, и так далее).

С этой точки зрения – что сделал коммунизм с народами Средней Азии? Он их поработил или освободил? Коммунизм разрушил в Средней Азии феодализм и остатки первобытнообщинных отношений. Это же факт! Он, например, освободил там женщин. Коммунизм принес всеобщую грамотность и новый ценз образования для очень и очень многих.

Так как тут быть с порабощением и освобождением? Что принять в качестве критерия?

Рано или поздно дело доходит до основного вопроса: если коммунизм поработил народы СССР, то, наверное, фашизм их освободил? Фашизм освободил народы Прибалтики? Украины? Белоруссии? Эти народы должны праздновать вхождение немецко-фашистских войск на их территорию как момент освобождения? Так кое-кто и празднует. Этого «кое-кого» пытаются вразумить. А он говорит: «Сами же построили такую систему, которая позволяет нам это праздновать». И впрямь построили! Но дело ведь не только в том, что именно праздновать. Нельзя праздновать «немецко-фашистское освобождение от коммунизма» и одновременно проклинать то, что на «освобожденных» территориях немцы устроили. Тут уж «или – или». Не говоря о том, что местных эсэсовцев обязательно надо возводить в ранг борцов за свободу (кстати, эти борцы, соорудая «Декларацию о порабощенных народах», знали, что в итоге будет именно так, для того и соорудили). Так кто кому тут таскает каштаны из огня? Вопрос на засыпку: можно ли назвать борцом за свободу хоть одного эсэсовца и не реабилитировать СС в целом? Все разговоры о том, что можно одновременно пригвоздить к позорному столбу и фашизм, и коммунизм, на поверку оказались, как мы видим, липовыми. То есть формально именно это декларируется. А по сути? По сути у нас на глазах фашизм восстанавливается в правах. А коммунизм становится большим злом, чем фашизм.

Но фашизм-то ненавидел развитие, а у коммунизма оно было на знаменах. Развитие перестает быть мерой всех вещей? А может быть, на самом деле, происходит и нечто более серьезное? Чем меньше развития находится в некоей мировоззренческой системе, тем лучше? А уж если система прямо-таки борется с развитием, то она замечательная?

Я не берусь утверждать, что все эти логические и идеологические высшие производные просчитывались заранее всеми. Что все носит сугубо проектный и игровой характер. Я только показываю, чем что в итоге обернулось. И задаю вопросом: так ли трудно это было просчитать?

Но все-таки кто порабощатель этих самых порабощенных народов? Коммунизм или русские?

Принятие той Декларации сразу поставило ребром перед русской эмиграцией, считавшей себя выразительницей определенно понимаемого русского интереса, вопрос о ее собственных позициях. После принятия Декларации надо было признать, что никакого русского интереса, сколь угодно своеобразно понимаемого, тут уже быть не может. Своеобразный украинский или иной интерес может быть. Русский – нет.

Русские – все скопом, без различий между коммунистами и антикоммунистами, – по этому «американскому вердикту» получали не какое-то, а просто нулевое место в будущем мире. И дальше перед всеми русскими антикоммунистами встал выбор: либо сотрудничать с силами, которые так ставят вопрос, либо, не приняв ни коммунизм, ни силы поддержки этой Декларации, доминировавшие на антикоммунистической сцене, оказаться меж двух огней. При этом было нельзя только декларативно осудить «Декларацию о порабощенных народах». Надо было – опять-таки, сущностно – отмежеваться от всех, кто реализует этот замысел. Причем отмежеваться не виртуально, а реально. Не на словах, а на деле.

Этого не произошло. То есть русские антикоммунисты не только не отмежевывались от антирусского пафоса этой самой декларации, но и неявно признали допустимость и правомочность дробления народа и территории России через создание всяческих «казакций», «идель-уралов» и т.д. Тем самым стерлись сразу несколько граней, позволявших бороться за мобилизацию тех, кому дорого русское будущее.

Нет граней – какая мобилизация, какое развитие? А значит, грани надо восстанавливать. Да, аккуратно – гибко и корректно, – но восстанавливать. ПОКА ЧТО ДЕЛАЕТСЯ ДИАМЕТРАЛЬНО ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ.

Вряд ли, наконец, перспективен и другой вариант девальвации коммунистических позитивов, распространенный в советско-патриотическом лагере. Согласно утверждениям из этого лагеря, Сталин – это антикоммунист, «новый скрытый русский царь», который ушел от пагубной ереси. Дальше говорится о патриотических фильмах с православной тематикой, вышедших перед войной («Александр Невский» и так далее), о зазвонивших колоколах и о многом другом.

Никто не спорит с тем, что Сталин извлек русскую тему из небытия и интегрировал ее в свой, существенно новый, политико-культурный и идейный мейнстрим. Никто не спорит также с тем, что это нужно было сделать. И что без этого итоги Великой Отечественной войны могли быть другими. Но чем это все было в действительности? Добавкой к реально существовавшему идеологическому потенциалу или альтернативой этому потенциалу? Конечно же, добавкой. Встань Сталин на другой путь, займись он глубокой антикоммунистической ревизией идеологии – фашисты были бы в Москве уже в сентябре 1941 года.

Уже много лет я тщетно пытаюсь вернуть адептов подобной мифологемы к реальности. И указываю им постоянно на то, что ядром тех ценностей, вокруг которых сплотились народы СССР, были ценности коммунистические, советские. Что остальное тонким образом прилеплялось к этому ядру, обогащая потенциал системы. Но не более того. Что каждый, кто видит процесс иначе и считает, что только обращение к альтернативной православной идеологии спасло ужасную ситуацию 1941 года, должен объяснить, почему эта идеология не спасла ситуацию в 1914–1917 годах. При том, что тогда ситуация была для России намного более щадящей.

В той войне союзники реально воевали под Ипром и под Верденом. Наш фронт был не первым и главным, а вторым (хотя и весьма существенным). Церкви звонили во все колокола. Религия была не легитимированной инновацией, а нормой. Основой офицерского корпуса были дворяне (образованные люди, интегрированные в традиционные ценности, хранящие семейные воинские реликвии, и так далее). Почему все это «навернулось» тогда, а в 1945 году мы, наоборот, оказались в Берлине? Откуда взялась в Великую Отечественную сверхмобилизованная поддержка всего народа, претерпевшего невероятные тяготы?

Стыдно обсуждать «решающую роль заградотрядов» и прочие расхожие пошлости. Народ не мобилизуют подобным образом. Это может быть нужной или вредной (или вредно-нужной, или нужно-вредной) добавкой к мобилизации. Но не более.

Я рассмотрел главные – как абсолютно зловредные, так и паллиативные – варианты отчуждения нашей страны от ее исторического капитала, который сегодня нужен как никогда.

А теперь вопрос на засыпку. Политическая партия создает интеллектуальный клуб (секцию, группу – неважно) под названием «Глобальный мир: амбиции суверенной России». Тем самым предлагает рассмотреть вопрос об амбициях. Амбиции не могут не быть связаны с исторической ролью, историческим капиталом. Можно ли одновременно продолжать проблематизировать (а по сути, конечно, дискредитировать) этот исторический капитал и всерьез говорить о своих амбициях?

«Зайчик» может не иметь своего лица. «Ежик» – не может. Нельзя сочетать амбиции и потерянное лицо. Ну, нельзя и все тут!

Вдумайтесь – было НЕЧТО. Для того, чтобы не ввязываться в споры, не буду конкретизировать. Конечно, историческое имя этого «НЕЧТО» – коммунизм. Но только назовешь – сработают все «негативные автоматизмы» предшествующей эпохи. И ради того, чтобы они не срабатывали, абстрагируйтесь от названия. Признайте, что было НЕЧТО. И что за это НЕЧТО было пролито много крови. Так много, что дальше некуда. Что НЕЧТО было предложено, как высшая правда, остальному человечеству. Что часть человечества пошла за этой правдой – и тоже принесла соответствующие жертвы на этот алтарь.

Потом, без проигрыша в войне или какой-либо другой катастрофы, на это жертвенное НЕЧТО взяли и наплевали. Походя как-то наплевали и отбросили. Непонятно даже ради чего. Ради увеличения приусадебных участков? Так ведь китайцы увеличили приусадебные участки, а НЕЧТО не отбросили. Ради каких-то высших ценностей? А нельзя ли уточнить, что это за ценности? Да так, чтобы при уточнении стыдно не стало?

Конечно, все, что произошло, называется «первородство за чечевичную похлебку». И что с этим делать? Если есть амбиции, то произошедшее надо отмаливать. То есть буквально отмаливать – снимать печать самоизмены, потери лица. Между прочим, для тех же китайцев потеря лица хуже смерти. И зря кто-то считает, что они без презрения смотрят на нас, это лицо потерявших.

В любом случае – ТОГДА ЭТО НАДО ОТМАЛИВАТЬ. Небуквально восстанавливать! Оскверненная икона не протирается тряпкой, а отмаливается и освящается заново. Она не вещь, а символ. Но это невозможно делать, позволяя господам типа Прянишникова снимать порно на крейсере «Аврора» (между прочим, корабле нашего Балтийского флота) и объясняя отсутствие запрета на показ подобной «продукции» тем, что, мол, это не порнография, а «идеологическая эротика». Привел навскидку только самый простой пример – их вокруг нас тысячи.

Итак, в случае амбиций самоизмену придется отмаливать. А отмаливая – восстанавливать амбиции. Сами собой они не вернутся.

Если же называть это не самоизменой, а «обретением самих себя после коммунистического кошмара», то, повторяю, нет места никаким амбициям. Тогда – декоммунизация как денацификация, «покаяние за советизм» нон-стоп. И скромность, скромность, скромность.

Хотите практического совета (у нас ведь теперь обожают ПРАКТИЧЕСКОЕ)? Ну, так вот. Даже если душу вашу терзают самые подлинные антикоммунистические страсти, но вы хотите будущего для России, любите ее по-настоящему, не можете смириться с ее угасанием – бросьте все силы не на то, чтобы рассказывать о позитивах современной России (поддерживать «позитивный имидж», будь он неладен), а на то, чтобы отстаивать все великое в СССР как позитив. И этим возвращать себе исторический капитал. Кому-то это покажется и неразумным, и непрактичным. Но на самом деле только это и практично сразу по нескольким причинам.

Прежде всего, пока вы родом из «ужасного СССР» (а не из великой страны, спасшей человечество), у вас не может быть серьезного позитивного имиджа. Даже если вы непрерывно от той великой страны отрешиваетесь (несмотря на массовые глубокие симпатии вашего собственного населения к тому величию), это не поможет. Ну, скажут враги, что лично вы «продвинутый недочеловек», дети которого, может быть, перевоспитаются в следующих поколениях. А может быть, и не перевоспитаются, кто знает? Почитайте, что нынче пишут на Западе или на Украине последователи маркиза де Кюстина. «У этих русских есть что-то такое в генах...»

Далее, если вы «родом из совка», вам перекрыты все пути, связующие вас с органикой собственного развития. Все эти пути – не «русское чудо» (как называл это весь мир), а «пакозный ГУЛАГ». Вы не можете обратиться ни к опыту бериевского атомного проекта, ни к королёвскому взлету в Космос, ни к свершениям индустриализации, ни к опыту мегапроектов вроде «администрации Севморпути». Рузвельт учился на этом нашем опыте. А потом другие учились у Рузвельта. Но вам этот путь заказан.

И, наконец, есть же чувство моральной правды. Если вы так относитесь к своему прошлому (а оно ведь материализовано еще и в ваших семьях), то и впрямь не надо говорить об амбициях. Откуда они возьмутся? Помните Лаевского в «Дуэли» Чехова? Он, когда опомнился и понял, кто он такой, стал скромненький-скромненький, тише воды, ниже травы. И это правильно.

Решили, что у вас нет исторического капитала и вытекающих из него прав? Станьте скромняшками, не говорите об амбициях. А иначе будет ОЧЕНЬ СМЕШНО. А это страшно, когда так смешно. Как говорил Достоевский, некрасивость убьет.

Итак, первое, что надо сделать, если и впрямь переделывать «зайчиков» в «ежики», это встать с колен. Вроде бы только к этому и призывают нас представители той же «Единой России», Кремля... Вроде бы говорится даже о том, что мы уже встали с колен. Говорится-то говорится, но не разъясняется, что имеется в виду. Ну, так я разъясню.

Встать с колен, господа антисоветчики (как крайние, так и умеренные), можно только избыв – отменив, преодолев, отвергнув – комплекс исторической вины за свое советское прошлое. Комплекс исторической вины за коммунизм.

Встать с колен – это значит сказать о величии СССР, величии красной идеи, величии народа, поднявшего это знамя и спасшего мир от фашизма. И не только о величии как о чем-то, касающемся прошлого. Нет, встать с колен – это значит сказать, что тот исторический опыт имеет всечеловеческое значение и принадлежит будущему. Вот тогда вы встанете с колен, и ни в каком другом случае. И сможете заниматься разными там частными капитализациями своих «газпромов» и прочего после того, как осуществили капитализацию главную – историческую. А без этого и разговаривать в стратегическом плане не о чем. Можно лишь следить за тем, как мечется отказывающийся признать эту необходимость интеллектуальный истеблишмент в своих попытках совместить несовместимое – антисоветизм и амбициозность.

Антисоветизм может заявляться напрямую или подразумеваться. Или иметь уклончивый характер: «Я, де, мол, приличный человек и о советском просто говорить не буду, понимая последствия... А об амбициях, пожалуй, скажу».

Уклончивый коллега начинает говорить об амбициях и... И ясно, что ему сказать нечего. По многим причинам, в том числе и в связке с отсутствием этих самых амбиций, стерилизованных в процессе десоветизации (а как иначе-то, господа?).

Я не могу сказать, что непрерывно посещаю разного рода интеллектуальные форумы и круглые столы. Но тем не менее я посещаю их достаточно регулярно. И делаю в блокноте заметки. Какое-то время я не структурировал эти заметки. А потом обнаружил в них некое универсальное начало. И стал внимательнее его изучать.

90 процентов высказываний самых разных людей (вновь подчеркиваю, что речь идет о разных научных аудиториях) строится по общему принципу: «Тра-та-та-та-та... Но, как мы все понимаем...»

«Тра-та-та-та-та» могут быть разными. Ну, например (я не шучу), «тра-та-та-та-та» №115 в моем блокноте: «У нас в отрасли сейчас средний возраст квалифицированных рабочих – 52 года, а в СССР был 32». Дальше «тра-та-та» заканчивается. И начинается вторая часть заклęcia: «...Но, как все мы понимаем, нельзя возвращаться назад».

«Тра-та-та-та-та» №118: «У нас средний возраст макроэкономиста – 62 года. Мы теряем школу, которая была». А дальше – то же самое: «...Но, как все мы понимаем...»

И так до бесконечности: мол, было несравненно лучше, чем сейчас, но, как все мы понимаем, возвращаться в прошлое нельзя, потому что оно было чудовищным.

А почему это в него нельзя возвращаться, если было несравненно лучше? Ну, хорошо, все умные, а я идиот. И я не понимаю, почему если было лучше, то нельзя вернуться. Но главное даже не это. ГЛАВНОЕ – КАК ЖЕ ПЛОХО СЕЙЧАС, ЕСЛИ ДАЖЕ ТОГДА БЫЛО НАМНОГО ЛУЧШЕ? А ЕСЛИ ТОГДА БЫЛО ТАК УЖАСНО, ЧТО ВОЗВРАЩАТЬСЯ НЕЛЬЗЯ, ТО СЕЙЧАС-ТО ЧТО ПРОИСХОДИТ?

Условие №2 состоит в том, что «зайчик» должен признать, в какой именно ж... он находится в настоящий момент. Он должен перестать называть это «ж...» возрождением и процветанием. Пусть он скажет себе: «Ну, как вляпались! Ну, как залетели!» И заскрипит зубами. Пусть он переживет это по-мужски. Может быть, и колючки на нем появятся. Если он молодой «зайчик», то как он может отвечать за то, что сделано до него? А даже если он немолодой, уяснение трагизма ситуации, переживание ее как фундаментального унижения, могут изменить личность. А вот убаюкивающее словоблудие – никогда.

Условие №3 состоит в том, что «зайчик» должен не просто констатировать качество ситуации, в которой находится он сам вместе со страной. Он должен еще и системно описать это качество. Сколько ни говори «ж...» – ничего не изменится. Ну, скрипнешь раз-второй зубами. Ну, поломаешь даже пару зубов. И дальше будешь жить в том, что есть...

Значит, для того, чтобы что-то менять, надо сначала дать правильное название этой самой ситуации на букву «ж», в которой мы все оказались.

Она называется «системный регресс». Россия находится в состоянии системного регресса. Она продолжает деградировать. Можно и должно мечтать о пяти или десяти «и» (инновациях, информатизации и так далее). Но пока что есть четыре «д»

(декультурация, деиндустриализация, десоциализация, дегенерация). Вместе эти четыре «д» и есть системный регресс. Признай, что ты в нем находишься. Ощути его признаки. Слепни, читая, как этот системный регресс вызывают и как прекращают. И тогда, может быть, ты станешь «ежиком». А иначе ты им точно не станешь.

Условие №4 – правильное соотношение между диагнозом и рецептами лечения. Если диагноз таков, то и средства должны быть соответствующими.

Изрядная часть нашей патриотической научно-технической элиты просто рехнулась на концепции устойчивого развития. Сначала казалось, что это только изолированный интеллектуальный эксцесс, порожденный спецификой КПРФ и ее руководства. Но постепенно данное упомешательство стало распространяться по все более широким научным кругам. Разумеется, не без помощи Запада.

Я и мои коллеги устали объяснять очевидное. Что устойчивого развития вообще не бывает. Что либо устойчивость, либо развитие. Что термин этот придуман А. Гором с очень определенными целями. Что одна из целей – сокращение населения (за конференцией в Рио-де-Жанейро, где заговорили об устойчивом развитии, последовал Каир, где говорили уже только о демокоррекции). А другая и главная цель – остановка развития. Или, как минимум, навязывание странам, пытающимся ускоренно развиваться, безумно дорогих «экологических» технологий с тем, чтобы развитие было сдержано.

А раз нельзя говорить об устойчивом развитии как прорывном... Раз надо связывать его с демокоррекцией... То это – смерть России. Ну, так и создавайте устойчивое «министерство смерти», «ликвидком»! Объявите, что вам наплевать на чудовищную демографическую депрессию в России, несовместимую с целостностью страны. Сожгите в печи ваши нацпроекты. Или не смешите людей. Устойчивое развитие – это очень точная и зловещая вещь, одно из слагаемых глобализации.

Но и это не самое главное. Ну, ладно... Есть какая-нибудь маленькая благополучная страна. У нее высочайший уровень жизни, нет острых социальных проблем, нет геополитических амбиций. И она хочет, чтобы воздух был посвежее. С наукой все в порядке. Ученых много – занять нечем. С бюджетом – денег куры не клюют. Ускоренно развиваться не надо. Проблем, вроде приближения НАТО к границам, не существует. Есть одна проблема – экология. Начинаются поиски сколь угодно дорогих средств очистки. «Экопаиньки» освобождаются от налогов. «Экозлодеи» жестко караются. И постепенно и впрямь все вокруг становится менее загажено индустриальными «выхлопами».

Можно такую страну понять? Можно. Потому что у нее всё действительно «в шоколаде» и она балуется.

НО У НАС-ТО СИСТЕМНЫЙ РЕГРЕСС! НАМ ЕГО НАДО ПЕРЕЛАМЫВАТЬ! ПУТИН ЕГО КОЕ-КАК СДЕРЖАЛ! ТЕПЕРЬ НУЖНО ПЕРЕХОДИТЬ К ЧЕМУ-ТО БОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНОМУ. ВЫ ЧТО, НЕ ЗНАЕТЕ, КАКИМ РАЗВИТИЕМ ПЕРЕЛАМЫВАЕТСЯ РЕГРЕСС? ОН ПЕРЕЛАМЫВАЕТСЯ ТОЛЬКО МОБИЛИЗАЦИОННЫМ РАЗВИТИЕМ. ТОЛЬКО МОБИЛИЗАЦИОННЫМ!

Ну, так и ищите возможности и варианты мобилизации. Если спор о том, может ли развитие в принципе быть устойчивым, это все же теория, то спора о том, совместимо ли устойчивое развитие с мобилизацией, просто быть не может. Устойчивое развитие – это вне- и антимобилизационное развитие. Если вы его начнете применять на территории регресса, то у вас и будет регресс, и ничего кроме него.

Видите, как много следствий вытекает из того, что вы честно назвали качество вашего настоящего и стали бороться не за будущее вообще, а за переход в будущее (точку Б) из этой самой точки А, в которой вы находитесь, а не неизвестно откуда?

Условие №5 – мотивация самих «зайчиков» и средства трансформации.

Форум «Стратегия 2020» был рекомендован «зайчикам» для того, чтобы они могли стать «ежиками». Но для того, чтобы форум мог выполнить такую эксцентрическую задачу, он должен быть по-настоящему нужен тем, кому он всего лишь рекомендован. Это главное правило трансформационной психологии (об «инициациях» как-то даже и говорить неудобно).

Правило это формулируется так: средство трансформационного воздействия эффективно только в том случае, если воспринимающий его субъект (а) страстно хочет трансформации как таковой и (б) столь же страстно верит именно в это средство воздействия. Словом, «жаждешь ли ты», и так далее.

А как сделать, чтобы «зайчик» возжаждал? Какой-то замкнутый круг получается. Но и по части разрывания подобных замкнутых кругов человечество какой-то опыт накопило.

Осуществляется ли когда-нибудь реальное превращение «зайчиков» в «ежиков»? Осуществляется! В том-то и дело, что осуществляется. В разные века по-разному. Не буду разбирать технологии, применявшиеся в древности в различных монастырях. Например, буддистских, но и не только. Сфокусируюсь на другом – на том, что к середине XX века эти трансформационные процедуры, выполнявшиеся по отношению к очень специфическому и малочисленному контингенту, стали видоизменяться, насыщаться разного рода научными тонкостями. В итоге возникла сумма дисциплин, в которых оказались разработаны достаточно эффективные «трансформационные средства». Тут вам и когнитивный шок, и психологический марафон, и в конце концов те же игры (хоть по Хаббарду, хоть по Щедровицкому). А также многое другое – гораздо более закрытое и серьезное.

Поэтому если действительно хотеть переделывать «зайчиков» в «ежиков», то этих «зайчиков» надо очень плотно, я бы сказал, беспощадно плотно состыковывать с теми, у кого в руках находятся эти самые «трансформационные средства». Как именно они будут использованы? Тут все зависит от тех, кто трансформирует. А как иначе? Специалисты знают, что применяются самые разные совокупности средств. И что процесс носит иногда очень грубый характер. Что о психологической корректности тут говорить не приходится. В любом случае – если кто-то хочет действительно переделывать «зайчиков» в «ежиков», то этот «кто-то» соорудит для «зайчиков» какой-нибудь жесткий трансформационный сверхмарафон... Не исключено, что тогда с кем-то из «зайчиков» что-нибудь и произойдет.

Но если «зайчикам» просто прочесть доклад... Если им сказать, что перед тем, как они станут голосовать за Путина как лидера партии, к ним придут «умы», сядут и осуществят некий интеллектуальный «междусобойчик» при обязательном и невятном присутствии «зайчиков», то качество воздействия заведомо будет нулевым или отрицательным.

Произойдет ли что-нибудь в первом случае – тоже неясно. Но то, что во втором не выйдет ничего, это ясно любому, кто занимался трансформационными технологиями.

В каком-то смысле это ясно даже самим «зайчикам».

Словом, школа в Лонжюмо или на Капри – это школа. Кстати, для вполне уже «обыкновенных ежеиков», а не для «зайчиков», которым еще предстоит обрастать иголками. Подчеркну еще раз – занятие в принципе ПОЧТИ невозможное. И рассматриваемое мною лишь по причине отсутствия или сверхкатастрофичности альтернатив этому занятию. А также по причине того, что оно все-таки не невозможное, а ПОЧТИ невозможнее. Однако, повторяю, любая формализация этого занятия отменяет данное «ПОЧТИ» немедленно.

Если что-то и может вырастить у кого-то какие-то иголки, так это что-то называется «институт трансформации». Как минимум, речь должна идти о сверхнапряженной партийной школе с отрывом от привычной среды. О мозговом штурме. О нелинейных воздействиях на аудиторию с использованием всех передовых методов своего времени. Ленин тогда использовал все, что могло предоставить ему в распоряжение его время. Более того, он (а это отнюдь не дело политика!) в каком-то смысле свое время опередил в том, что касается и самих воздействий, и их институционализации, и всего, что такими воздействиями и их институционализацией обеспечивается (это в просторечии называется «решенная кадровая задача»).

Прошло более ста лет. За это время были найдены гораздо более эффективные технологии воздействия. Так же, как и методы их институционализации. Но все это не имеет ничего общего с солидным круглым столом, в результате проведения которого появятся, наверное, какие-нибудь аж стенограммы. И отдельные «зайчики» их, может быть, и прочтут.

Мне скажут, что и это лучше, чем ничего. Что ж, соглашусь.

Меньше всего я хочу что-нибудь уценивать в нынешней (пусть для меня и абсолютной трагической) ситуации. Я вообще никогда не уцениваю никаких попыток что-то улучшить. И ненавижу, когда по таким поводам фыркают. Сам всегда говорю, что «путь осилит идущий». Но важно понять, что это за путь. И тут главное – сделать первый шаг, увидеть, где ты оказался, и оценить результаты.

Ну, так я и пытаюсь помочь оценить эти самые результаты. А заодно и пробиться к пониманию чего-то еще более существенного.

Глава V. «Ежики» и «зайчики» с точки зрения политузубектности

Нужны ли амбиции «Единой России», я не знаю. Хочу, чтобы они оказались ей нужны. Но уж как получится. А вот то, что России эти амбиции нужны, я знаю точно. Знаю, что ничего без них не будет. Что они есть альфа и омега любого небезнадежного начинания, направленного на то, чтобы спасти страну, которую затягивает трясина безвременья, бессубъектности, безжертвенности. Сколько там еще «без»?

Если мегапроектом является контррегрессивное мобилизационное развитие, то мегапроекту нужен мегасубъект. А мегасубъекту – язык, логос. Языком же этим является язык стратегирования (есть и более сложные языки, но будем говорить хотя бы об этом).

Стратегирование и академическая наука – вещи разные. А в чем-то и диаметрально противоположные. О различиях можно говорить долго. Разбирая некий конкретный пример, я, как мне кажется, показал на практике, в чем состоит одно из этих отличий. Стратегирование в качестве обязательного фундамента и исходной точки предполагает проблематизацию. Проблема – это знание о незнании.

Академическая наука (да и наука вообще) имеет право абстрагироваться от незнания и говорить только о знании. Такое отделение знания от незнания (или от недостоверного, не подтвержденного опытом знания) иногда называют позитивизмом.

Стратегирование не может быть позитивистским. Где позитивизм, там нет стратегирования, и наоборот. Спросите ученого: «В чем амбиции суверенной России?» – и он с ходу начнет говорить вам о том, что он знает. О типах подобных амбиций, об их реализуемости, об издержках и приобретениях, связанных с той или иной амбициозностью.

Но, как только вы решите погрузиться в интеллектуальную среду, связанную со стратегированием, вас обязательно начнут выводить из состояния инерции, в котором разговор о том, КАКИЕ бывают амбиции, подменяет разговор о том, ЧТО ТАКОЕ амбиции. Согласитесь, что одно дело – обсуждать, КАКИЕ бывают люди (умные и глупые, старые и молодые, сильные и слабые и так далее). А другое дело – обсуждать, ЧТО ТАКОЕ человек.

Те, кто занимается стратегированием, отдают себе отчет в последствиях, порожденных отсутствием первого этапа, на котором надо не типы амбиций разбирать, а обсуждать, что они такое, где их источник, когда они возникают и когда исчезают, к какому общему адресуют, являясь частным по отношению к этому общему.

Мы хотим проводить политику. Да еще и амбициозную.

А кто такие «мы»?

Мы хотим проводить амбициозную политику по отношению к ним.

А кто такие «они»?

Потом, определив все это (а это можно сделать, только имея язык для подобных определений), мы все равно должны наметить конкретные действия и осуществить их. Но если мы с ходу будем все разменивать на конкретные действия, то, во-первых, элементарно запутаемся, во-вторых, ошибемся уже и на уровне конкретики и, в-третьих, добившись успеха в каждом конкретном действии, провалим политику как таковую.

Если вы нащупываете подход к решению проблемы под названием «амбиции современной России» с точки зрения этого самого стратегирования, то последовательность вопросов, на которые надо дать ответ, такова.

1. Что такое вообще амбиции? Нужны ли они и зачем? Какого они бывают качества? В чем укореняются?
2. Есть ли у нас право на амбиции? И на чем оно базируется? В каком случае мы имеем на них полное право, а в каком

этого права нет и в помине?

3. Есть ли у нас амбиции? И почему их нет? Или почему они находятся в заторможенном состоянии? Как тогда их растормозить? Чем это чревато? В каких социальных средах как надо действовать?

4. В чем эти амбиции заключаются? В том, чтобы вписываться в процесс? В том, чтобы влиять на него?

5. Чем эти амбиции подкреплены? Есть ли ресурсы – материальные и нематериальные?

6. Могут ли эти ресурсы быть задействованы? И каким образом? При том, что без задействования ресурсов амбиции становятся беспочвенными мечтаниями или неврозами и лучше их тогда не будить?

7. Какой ценой могут быть задействованы ресурсы? Да и амбиции тоже? Ведь амбиции – это всегда бесплатное удовольствие?

Находясь на форуме «Стратегия 2020», который вроде бы должен был переламять ситуационно-прагматическую тенденцию, игнорирующую необходимость стратегической субъектности, и создавать тенденцию подлинно стратегическую (а как иначе переделаешь «зайчиков» в «ежиков»?), я понял, наконец, в чем если не единственная, то одна из основных проблем затянувшейся российской политической бессубъектности.

Она в том, что **весь исторический опыт обретения субъектности (опыт стратегирования в том числе) в силу ряда причин абсолютно недоступен для тех, кто в принципе должен преодолевать бессубъектность хотя бы из соображений ультрапрагматического характера, на русском языке называемых «шкурными».**

Я не хочу сказать, что те, кто должен преодолевать бессубъектность, мотивированы только шкурными соображениями. Прекрасно понимая, к чему все клонится, я тем не менее категорически не хочу демонизировать данных (видимо, несостоятельных) «преодолевателей» бессубъектности. При том, что они дают к этому достаточные основания. Но ангелизировать их... Извините, это и недостойно, и бессмысленно.

Короче – не имея окончательного ответа на вопрос о степени преобладания в их мотивациях этих самых шкурных мотивов, я убежден, что роль подобных мотивов в их поведении весьма существенна. У политиков это иначе и быть не может. У постсоветских успешных политиков – тем более. Ибо так шел отбор. Такова была формула успешности, она же – специфика социальной мобильности.

Никак не склонен восхвалять преобладание и даже наличие шкурных мотивов в поведении политиков. Считаю и считаю, что в конечном счете только высококачественная идеальная мотивация позволяет политикам выводить страну из тупика. Но мы ведь обсуждаем не должное, а действительное. И в этом действительном обязаны искать средства борьбы с надвигающейся на нас катастрофой. С этой точки зрения – да хоть бы и шкурные мотивы, за неимением других! Если обладатель этих мотивов имеет достаточную тишность и желание жить, то он будет вырываться из капкана. А если поймет, что без страны вырваться из него не может, то и страну за собой потянет. А ведь капканом-то является бессубъектность! Может быть, такому политику сама по себе субъектность и не нужна. Плохо, конечно, что не нужна. Но если эта субъектность нужна хотя бы для того, чтобы не потерять все (как Милошевич), не быть грязно, особо унижительно, позорно казненным (как Саддам Хусейн)...

Если эта субъектность нужна хотя бы для этого...

Если обладатели подобной «надобы» не клинические дегенераты (а они не клинические дегенераты)...

Если... Если... Если... То почему бы всеми этими «если» и не воспользоваться? Им надо выживать... Выживать можно только через субъектность... Субъектность нужна не только им, но и стране... Что причитать-то по поводу и впрямь прискорбной неидеальности их мотиваций?

Когда б вы знали, из какого сора

Растут стихи, не ведая стыда...

Вот ведь как! Даже стихи! А уж политика-то...

Итак, дело не в низменности мотивов нынешних политиков (будто бы у их оппонентов эти мотивы не низменные!). Дело не в глупости этих политиков (они отнюдь не глупы). Дело даже не в их непрофессионализме. Да, нет навыков высшего управления, да и не могли они эти навыки получить в пределах их жизненного пути. И что? У революционных матросов были эти навыки?

Зато у нынешних политиков есть другие навыки – не буду разжевывать, какие именно. Нет трусости, свойственной позднесоветской застойной номенклатуре, есть адаптированность в другую реальность... Да мало ли еще что есть... Кто из советских высших руководителей мог общаться с иностранными главами государств иначе, как через переводчика? После Ленина, по-моему, никто. Мелочь, конечно, и не решающая. Но я привожу ее просто в качестве примера того, что есть не только потери, но и приобретения. И что даже свойства, соткавшиеся в знаменитую реплику «замочим в сортире», являются не только издержечными. А что, лучше изящно выражаться и не давать отпора? А Лебедь, например, и отпора не давал (а капитулировал в Хасавюрте), и выражался ничуть не более изящно.

ТАК В ЧЕМ ЖЕ ДЕЛО?

Я понимал, что, находясь случайно на этом форуме, выступая в околополитической интеллектуальной дискуссии, где выяснялось, «чи исть у нас амбиции, чи ни», надо заявлять позицию, и не более. Убеждать кого-либо в чем-то? Басню Крылова помните? «А Васька слушает да ест...»

Но я понимал и другое. Что заявлять позицию так же необходимо, как и недостаточно. Что надо воспользоваться эффектом прямого присутствия. И, ощутив атмосферу, уловив интонационную специфику, отсканировав (хотя бы и поверхностно) психотипы, самому себе ответить на наиважнейший политический вопрос: В ЧЕМ ЖЕ ДЕЛО?

Тем более, что речь шла, как я уже показал выше, о чем-то наподобие 18 брюмера... нет, не Луи Бонапарта, а Владимира Путина.

Я получил тогда ответ, которым хочу поделиться с читателем. Оговорив, что впервые обнародовал этот ответ тогда же, по горячим следам, в серии газетных публикаций. Но теперь есть возможность что-то и развернуть (на то и книга), и уточнить, и

соотнести с разного рода неочевидностями, выходящими за рамку, задаваемую злобой дня и этим самым эффектом присутствия.

Мой ответ и сложен, и прост: ОТЧУЖДЕНИЕ.

Налицо именно отчуждение, то есть ситуация, при которой люди обкраданы и не понимают этого. Те, у кого вытащили из кармана кошелек (а точнее – из мозга нечто), не могут понять, чем деньги отличаются от фантиков, которыми их в изобилии наградили в компенсацию за кошелек, полный настоящих золотых монет.

Украден, то бишь отчужден (и именно отчужден!) весь опыт обретения субъектности, весь опыт партстроительства, весь опыт стратегирования и так далее. Отчуждение удалось реализовать за счет:

- тотальной дискредитации советского и его субъектных слагаемых (идеала, идеологии и много чего еще);
- негативного социального отбора и породившего его воинствующего антиинтеллектуализма;
- специальных обстоятельств элитогенеза, сопровождавших этот отбор;
- предельной коммерциализации политической деятельности, приводящей к преобладанию рефлексов присвоения материальных благ над волей к власти как таковой (зачем Сталину были материальные блага?);
- невроза выживания, до предела сокращающего горизонты планирования и порождающего сугубо ситуационное реагирование на все, что находится по одну сторону этого горизонта в сочетании с полным безразличием к тому, что по другую сторону.

Совокупность данных обстоятельств очень надежно отчуждает тех, кому нужна субъектность, от всех возможностей обретения оной. В основе обретения субъектности – тяга к общему, «страсти по общему», внутренняя убежденность в том, что тактические приобретения не могут компенсировать стратегический проигрыш, что система – это нечто большее, чем слагающие ее элементы, что общее в принципе не сводится к частному иначе, чем за счет выплескивания из этого самого общего вместе с водой и ребенка.

Вчитайтесь внимательно в список технологий отчуждения, который я привел несколькими строками выше. Какие он оставляет шансы на сохранение этой самой «страсти по общему»? Фактически нулевые.

Требовательный читатель скажет, что у Горбачева тяга к общему была, и что именно она-то и обернулась стратегическим фиаско.

Во-первых, надо еще доказать, что именно эта тяга привела к фиаско.

Во-вторых, я не убежден, что у Михаила Сергеевича эта тяга носила экзистенциальный характер. Мне так кажется, что интрига была гораздо более мила его сердцу.

В-третьих, это общее во всех его вариантах («гуманный демократический социализм», «новое мышление» и так далее) было, как минимум, выморожено. То есть надежно изолировано от всего, что могло бы связать это общее с корнями – с отечественной историей и мечтой. Подчеркиваю – как минимум, это было выморожено. А как максимум – заточено против отечественной истории и мечты.

Но, в любом случае, бесплодность горбачевских общих рассуждений и их разрушительность связаны не с тем, что общие рассуждения всегда бесплодны и разрушительны. Перефразируя политического классика, можно сказать: «Есть рассуждения и рассуждения». В истории России бывали общие рассуждения, порождавшие такие масштабные, жесткие и мощные процессы, что дальше некуда.

И впрямь ведь – общее общему не чета.

Те, кто всерьез хочет бороться за российское будущее, – а эта борьба нам всем еще предстоит – должны понять, что бесплодные рассуждения об общем, вымороченные философствования на общие темы – это одно. А стратегирование, концептуализация и т.п. (то есть все, что нужно для создания субъекта) – это не просто нечто другое. ЭТО НЕЧТО ПРИНЦИПИАЛЬНО ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ.

Катастрофа Горбачева была не в том, что он занимался общими рассуждениями, а в том, что он оказался абсолютно вторичен и недостаточен в содержательном осмыслении этого «общего». (Новое мышление? В чем именно оно новое? Гуманный демократический социализм? Он не здесь – он в Швеции!)

Триумф отцов-основателей Советского государства был основан на их страстном желании ответить на общие вопросы, связав свои ответы с деятельностью по преобразованию реальности. Соответственно, и ответы были по качеству другими. Отцы-основатели не скользили по поверхности общего, а ныряли на глубину. И что-то с этой глубины добывали. Масштаб их тогдашнего триумфа (а ничто и никогда не отменит факта ИСТОРИЧЕСКОГО триумфа) определялся и накалом страсти по общему, и политичностью этой страсти. Власть – это и есть политика как страсть и страсть как политика.

Масштаб триумфа определялся также мерой выхода отцов-основателей за рамки ползучего прагматизма, эмпирики, позитивизма, «объективничанья», наконец. Где «объективничанье» – там обнуление стратегической воли. Маркс открыл объективные законы? Открыть-то открыл... Но тут же изрек то, что позже так взбесило Поппера: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Ну, не были марксисты позитивистами. И прагматиками тоже не были. Амбиции у них были совсем другие. «Домостроительные».

Нельзя начать «строить дом», не поняв, что в фундаменте. И не признав, что в фундаменте – «страсти по человечеству». Не по себе – по человечеству как предельному, в том числе и метафизическому, субъекту.

Что происходит с человечеством? Куда и почему оно движется? В силу чего? И где здесь, в этом движении, соотношение объективного (кто спорит, что оно есть!) и миропроектной воли? В том числе и злой... А как без этого?

Между тем люди, чье выживание определяется возможностью выйти за рамки бессубъектности, не просто проходят мимо основных вопросов современности. Они эти вопросы агрессивно игнорируют, именуют «умствованием». Они сознательно минимизируют все, что связано с российским ответом на мировые вызовы и гордятся своей способностью к подобной минимизации. Между тем эта минимизация (она же прагматизация) губительна и для ее адептов, и для России. То, что адепты на этой минимизации погорят, не преодолев бессубъектность, – полбеды. А вот Россия...

В 2020 году Россия станет пятой по величине экономической державой мира? Извините! Раньше, где-то лет через 8–10, мир переделат сверхдержавы. Они же – в зависимости от того, кто и как победит, – определяют вам все. Место, границы. Количество овец в этом вашем заго... Прошу прощения, на «суверенной» территории. Вы на это согласны?

Так не говорите тогда об амбициях! И о суверенности тоже! Стыдно слушать! Пусть тогда МЭР поговорит о внешнеторговом обороте... Его право... В конце концов, ведомство.

Но уж если разговор заводят аж об амбициях... Тогда... Тогда давайте наберемся смелости и будем говорить о судьбах человечества и фундаментальных коллизиях бытия! Этот разговор должен быть для нас не функционален, а самоценен, И он (к вопросу об отцах-основателях и их отличии от Горбачева) должен не уводить от политики, а приводить в нее.

Да, нас «сделали»... Страшно и в каком-то смысле окончательно. Но если этот смысл не относителен, а абсолютен, то зачем вообще говорить? А если он относителен, то надо указать – в чем. В том, что мы с вами живы. Но живы ли мы? И что значит живы?

Мы живы в той степени, в какой можем нести в себе огонь всечеловеческой страсти! Если он погаснет – виновны будут не злые силы, а мы сами. Страшно не то, как именно нас душат. Страшно то, что у нас теряется потребность в воздухе. В каком-то смысле, банк интеллектуальных возможностей сегодня неизмеримо мощнее, чем в 30-х, 40-х, 50-х годах XX века. Что было тогда? Радиоточка, читальный зал библиотеки и голодный паек опцензурированной интеллектуалистики. Но была еще и страсть!

Да, в России страшно мало, например, развивающих телепрограмм, обращенных к массам! Но они есть. На том же канале «Культура», и не только. Да, этот канал принимают не везде. Да, он безусловен. Но ведь и эта безусловность, и дозированность данного предложения не исчерпывают всей проблемы.

Вроде бы ведь есть культурное предложение для высоколобного меньшинства! Пример с телевидением не убеждает... А книги? Книг-то выпущено предостаточно. Мне скажут: «Так высоколобое меньшинство довольно!» Чем оно довольно? Удовлетворением своих интеллектуальных и эстетических потребностей или ситуаций в стране? И что это за меньшинство, которое одно отделяет от другого? Станиславский и Мейерхольд не отделяли. Толстой и Чехов не отделяли. Вопрос ведь в конечном итоге не в удовлетворении потребностей меньшинства, а в том, может ли это меньшинство стать интеллектуальным и нравственным локомотивом, той особой интеллигенцией, без которой невозможна борьба за возрождение, за контррегресс, за развитие.

Одна беда – в том, что рука большинства в условиях организованного и пестуемого регресса все настойчивее тянется к кнопке ТНТ... И все больше людей «балдеет» от программ типа «Наша Раша» и «Дом-2»...

Другая беда – в том, что подаваемый продвинутому меньшинству интеллектуальный кислород тоже приспособлен под регресс. Только более коварным образом!

«Хотите данных о культурных кладках? Мы вам их предоставим! Но вы примите ответные обязательства. Не лезьте к народу! Да и в политику тоже. Хотите в политику? Вот вам другой формат и ассортимент. А народ оставьте с тем, что ему нравится. Нра-вит-ся! Слышите! Потому что мы этот ваш народ сде-ла-ли! Сделали! Ха-ха-ха, сменили цивилизационные коды! И что вы дергаетесь? Квоты на отечественные фильмы? Да ради бога! Даже в американском масс-культурном боевике (фильме "Телохранитель", к примеру) все же будут как-то адресовать к экзистенциальной ответственности и чести... А в отечественном фильме "Бригада" – ха-ха-ха! – понятно, к чему будут адресовать. И вы тут ничего не измените!»

Это две беды, или две грани одной беды? И ощущает ли продвинутое меньшинство свою ответственность за происходящее? Понимает ли оно, что сооружается при его попустительстве? Сооружается все более глубокий регресс, приобретающий уже и отчетливый отрицательный метафизический характер.

Мы это изменим или пустим на самотек? Изменяя это, с чего начнем? Обычно в таких случаях начинают не с минимума, а с максимума. Максимум же с каждым днем становится все объемнее и метафизичнее.

Что происходит с человечеством?

В чем наш ответ на этот вопрос?

Буду отвечать тезисно с тем, чтобы не превращать концептуальную аналитику в академическую назидательность.

Первое. Классический вариант развития (проект «Модерн») надорван. Его добивают. Но и сам он изношен так, что дальше некуда. Кто его добивает? Почему он объективно ослабевает? Вот с чего надо начинать разговор.

Второе. В невероятной степени окрепли враги Модерна как варианта развития и враги развития как такового. Врагов два – Постмодерн и Контрмодерн. Между ними есть явный сговор против развития вообще.

Третье. Все, что было связано с альтернативными Модерну вариантами развития, находилось в теснейшей исторической связи с принятым Россией Красным проектом. Можно длить эти связи или искать новые осмысления развития, но без работы на этом направлении мы из фундаментальной ситуации тупика не выпрыгнем.

Четвертое. Фундаментальная же ситуация связана с «пороговостью» самого разного типа. Человечество топчется на пороге и не хочет (да, именно не хочет, боится) через него перешагнуть. Оно боится самого себя, своих нераскрытых потенциалов. Оно боится нового фундаментального знания о себе и мире. И подменяет это знание трагикомической «инноватикой». Так называемый «прогресс» теряет сначала смысл, а потом и управляемость. Наука дробится на бесконечное число дисциплин. Синтез проблематичен и как бы неосуществим. Или же он осуществляется весьма странным и специфическим образом. Некая некая «новая инквизиция», пасуя перед такой ситуацией, объявляет форсированное развитие врагом человечества и начинает это развитие сдерживать.

Но и сдержат его она не может. Можно «вбомбить в Средневековье» Югославию или Ирак. Но не Китай! И, в общем-то, даже не Индию.

Пятое. Человечество топчется еще и на антропологическом пороге. Проблема развития мозга человека, проблема развития вида «хомо сапиенс» как такового, стоит так остро, как никогда.

Шестое. Есть еще и классовый порог. Старые классы не хотят терять господство, но и сохранять его в условиях

качественно иного развития не могут. Феномен «железной пяты» нависает злобещей тенью над человечеством.

Седьмое. Это обостряет все возможные типы конфликтов. Финансовые, энергетические и прочие войны имеют своим источником Великую смысловую войну XXI века. Россия пытается уклониться от участия в этой основной войне и уже в силу этого теряет право на жизнь. Восклицание «Россия, вперед!» само по себе прекрасно. Но только «вперед»-то – это куда?

Восьмое. Вперед – это всегда «вперед к себе»! К своим резервам, своему историческому предназначению. Этот самый «перед» находится не в Швеции, Калифорнии или Сингапуре. Он рядом с нами. В нашем же параллельном мире! Прорвитесь туда! Наши деды и прадеды расскажут об этом больше, чем книжки о «нетократии». Нельзя подменять коллизию прошлого коллизией будущего. Это невроз! Нет будущего без прошлого! Справьтесь с ним, с этим самым прошлым. И тогда раскроется будущее. И наше, и человечества. И уж согласитесь, в любом случае как-то смешно сегодня говорить о капитализме как о «светлом будущем». Или как?

Девятое. Путь к себе перекрыт исторической самоизменой. Хорошим или плохим было наше прошлое – оно, в любом случае, было оплачено огромной, страшной ценой. И отбрасывать его походя (ради чего?) было чревато. Это случилось. И это надо изыграть, а не усугублять.

Десятое. Не будет дома без такого фундамента. А если хотим не только заложить фундамент, но и возвести свой дом – надо восстанавливать язык мегапроектности. Ведь мы с вами понимаем, что речь идет о мегапроектном языке, а не о прагматических «мерах по улучшению», излагаемых на языке позитивизма и прагматизма. Можно улучшать каждый элемент системы и при этом окончательно добить систему как целое.

Политика стратегического развития соединится с интеллектуалистикой одного только на таких, сущностно волевых, основаниях. Дальше можно говорить о технологиях. Они многообразны. Совершенно необязательно разрушать все. Можно поступать совсем иначе.

Но перепрыгивать в «технологический» этап, не осуществив этапа предшествующего, как минимум, наивно. Так не играют в Большие Игры. Так жуют жвачку очередного бессмысленного пиара. Логос (тот самый, который «был в начале») – не рекламный клип. И не товар, выставаемый на прилавок...

Не успел я произнести «прилавок» в этом (поверьте мне, не сочиненном постфактум) диалоге с самим собой, как вдруг, очнувшись, понял, что нахожусь не где-то, а в Гостином дворе, где проходит этот самый форум «Стратегия 2020».

Гость – это купец. Гостиный двор – это место торговли и товаров, а не антагонистичных им логосов. Но гость – он еще и гость. В том смысле, что не хозяин и даже не постоянный жилец.

Очнувшись, я снова стал наблюдать. Подчеркиваю еще раз – с большой симпатией и без тени иронии.

«Люди так хотели простых решений, – думал я, наблюдая за "зайчиками", которым не хочется терять и уши, и хвостики... Да и морковку тоже. – Ну, был бы третий срок. Что, нельзя менять Конституцию? А почему это ее нельзя менять? Ее нельзя нарушать. А менять ее можно. И нет Конституций, в которые не вводились бы поправки. В американскую Конституцию – что, не вводились поправки?»

Да и вообще... Если стратегической целью развития является осуществление в России проекта "Модерн", то абсолютно легально и легитимно даже применение авторитарных форм правления. На то и существует термин – "авторитарная модернизация".

Где только не было этой самой авторитарной модернизации! Кромвель занимался авторитарной модернизацией, Наполеон занимался ею. Масса стран шла этим путем в XX веке и продолжает идти в веке XXI. Этап авторитарной модернизации в рамках модернизационного цикла считается почти обязательным.

А если в России осуществляется не проект "Модерн", то ЧТО В НЕЙ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ?»

Обсуждать глобальный мир и амбиции суверенной России – это и значит отвечать на такой вопрос, не так ли? Еще раз подчеркну, что обсуждение на форуме было здоровым – острым и дружественным одновременно. Никакой партийной заорганизованности не было и в помине. Точки зрения высказывались самые разные, иногда диаметрально противоположные. И с каждой десятиминуткой обсуждения становилось все яснее, что высказать-то эти противоположные точки зрения можно и даже в чем-то полезно. Но собрать их воедино очень трудно. А честно говоря, вообще невозможно.

Прежде всего, невозможно было добиться внятного определения того, что такое глобальный мир: каков этот мир, каковы тенденции, управляющие его динамикой? И что, собственно, мы хотим делать по отношению к этим тенденциям, даже если нам удастся установить их характер?

Совместимы ли эти тенденции с существованием суверенной России? И как далеко распространяются амбиции этой самой суверенной России? Она хочет участвовать в текущих процессах? Она хочет влиять на эти процессы? Она хочет управлять этими процессами?

А если процессы не будут отвечать ее стратегическим целям, что она будет делать? Понятно, что в этом случае она может или умирать, или менять характер процессов. Но может ли она его менять?

Либерально настроенная часть присутствовавших на форуме интеллектуалов тут же начала настаивать на том, что спорить с глобализацией – это все равно, что спорить с законом всемирного тяготения. Мол, есть «мировая повестка дня». И мы должны на нее реагировать.

Понятно, что нельзя не реагировать на мировую повестку дня. Но как? Совершенно непонятно, почему нельзя менять мировую повестку дня, если она тебя не устраивает. И разве не этим занималась Россия в варианте СССР? То есть она буквально этим и занималась! И ничем другим не занималась! И нет в мире более яркого примера на тему о том, что жила-была одна повестка дня... А потом случилась Великая Октябрьская социалистическая революция, и возникла абсолютно другая мировая повестка дня. В рамках которой все начали отстраиваться от нового события. Кто-то начал отстраиваться со знаком «плюс», кто-то со знаком «минус». Но отстраиваться начали все.

В сущности, так и поступает любая сверхдержава.

Сложившийся в последнее время «державный» информационный климат продиктовал семантику участникам обсуждения

на форуме. Почти все дружно соглашались с тем, что Россия – сверхдержава. Немногие, возражая, говорили, что Россия – особая цивилизация. Но их тут же спросили: что делать этой цивилизации в нынешнем глобальном контексте? И в чем контекст? Кто-то говорил о том, что Россия – только ядерная сверхдержава. А ей надо еще стать и сверхдержавой экономической.

Но беда в том, что сверхдержава не бывает ядерной, экономической или какой-либо другой в отдельности. Либо твоя страна – сверхдержава, либо нет. Если она сверхдержава, то она формирует мировую повестку дня. И не просто формирует, а при необходимости круто меняет. В противном случае она не сверхдержава. И никакие ядерные или экономические возможности тут ничего не изменят.

Точнее, они, конечно, необходимы. Но абсолютно недостаточны. Для того, чтобы стать сверхдержавой, Россия должна взять на себя миропроектную роль. Но, чтобы взять ее, необходимо признать наличие «миропроектных волей» внутри глобальной процессуальности.

Между тем есть гигантский соблазн трактовать эту процессуальность не как проектно обусловленную, а как тотально объективистскую. Мол, увы и ах!.. Есть объективные законы... Они ничем не отличаются от законов Ньютона... Глобализация... Впрочем, это я уже описал.

Тут-то и нужно было бы добиваться ясности. Мол, есть одна позиция, согласно которой все подчинено объективности и только ей. А есть другая позиция, в рамках которой существует еще и воля, она же – миропроектность. В пользу одной позиции говорит то-то и то-то. А в пользу другой позиции – то-то и то-то. Если будет доказана правота одной позиции, то веер стратегий для России таков. В противном же случае он другой.

Но дискуссия развивалась в варианте классического «круглого стола». Высказывались точки зрения. Что дальше с ними делать? Как и во что их политически трансформировать?

Внутри этих самых объективных процессов обнаруживались некие «мировые центры сил». Возникал сакраментальный вопрос: на какие центры сил можно и должно ориентироваться? Нужно ли ориентироваться на все центры сил? Или на один из них (например, западный)?

Вопрос о том, на кого ориентироваться, явно преобладал над всеми остальными вопросами. «Ориентация-Запад» (читай – США) в целом, конечно, преобладала. Но в воздухе уже пахло и «Ориентацией-Восток» (читай – Китай).

Трагедия состояла в другом: острота вопроса о том, чьим «младшим братом» нужно быть (США или Китая), лишь закрепляла сам принцип существования в качестве «младшего брата». Я не хочу сказать, что такая точка зрения на форуме тотально преобладала. Но по факту, как мне кажется, она превалировала. И как-то странно сочеталась с тезисом о сверхдержавности.

Но дело даже не в сверхдержаве. До тех пор, пока обсуждаться будет вопрос о том, НА КАКИЕ СИЛЫ ОРИЕНТИРОВАТЬСЯ, а не вопрос о том, КАК САМИМ СТАНОВИТЬСЯ СИЛОЙ, ничто не сдвинется с мертвой точки.

Между тем дискуссия в значительной степени строилась по принципу: «Да, мы сила! Мы становимся все сильнее! Мы уже стали совсем сильными! (Пауза.) ...ТАК НА КОГО МЫ БУДЕМ ОРИЕНТИРОВАТЬСЯ?»

На кого-то ориентируются «зайчики»... Обсуждая, на кого будем ориентироваться, можно распушить заячий хвост, но нельзя обрасти колпачками и стать ежиком. Вопрос этот – большой и абсолютно открытый. Освобождаясь от империи и нескольких поясов сверхдержавности (мировая коммунистическая система, национально-освободительные движения, страны социалистического блока, СССР), Россия демонтировала то «многоквартирное здание», в котором она могла выбрать себе «квартиру», да еще и управлять «ЖЭКом». Она скукоживалась до размера постояльца, которому в принципе нужна лишь квартирка в каком-то чужом здании. И было ясно, в каком именно. Не было бы ясно – наверное, и не стали бы разрушать СССР и все остальное.

Здание это называлось «мировая цивилизация» (читай – западная цивилизация, читай – мир под эгидой США). Прямым политическим эквивалентом метафоры здания был НАТО. Если бы Россию приняли в НАТО (например, в 2001 году, когда об этом шел наиболее серьезный разговор), стало бы окончательно ясно: есть квартирка в данном здании, и в этой квартирке надо обустраиваться.

Но возникло два обстоятельства...

Первое обстоятельство состояло в том, что квартирка, о которой зашла речь, оказалась «не ахти». Не того качества, не на том этаже, окна не туда выходили и так далее. Начались разговоры о том, что квартирка неподходящая. В ответ хозяин дома стал тактично намекать, что дом-то его и что он его строил не одно столетие, при этом оппонируя новоявленному жильцу по всем направлениям. Не только в части коммунизма, но и, например, в вопросах о модусе христианской веры. А поскольку теперь жилец свой дом развалил и хочет въезжать в чужой, то фыркать – как-то «не того»...

Второе обстоятельство было намного серьезнее. Оно состояло в том, что все разговоры о будущей квартирке носили сугубо риторический характер. А на самом деле России не предлагалась не только квартирка, но даже хотя бы подвальное помещение. А в это время в тот же «западный дом» въезжали новые и новые жильцы. И стало как-то не по себе.

Однако, завалив собственный гигантский дом, объяснив выселенным из дома жильцам, что им этот дом был не нужен и даже вреден, очень трудно призывать их строить гигантский новый дом заново. Это фактически почти невозможно. Участники дискуссии говорили, конечно же, не об этой невозможности, а кто о чем. Но чем разнообразнее было речеговорение, тем неумолимее сквозь него просвечивала катастрофа геополитической и историософской бездомности, изгнанности отсюда, куда рвались, растерянности и невротического отказа от признания... вины... ошибки...

Гости? Гостинный двор? Гость погостит и вернется к себе домой. А тот, у кого дома нет и кто навсегда в гостях... это... это никак не гость. Это, мягко говоря, бомж. Но бомж не будет претендовать на статус хозяина особо крупного дома, чуть ли не дома будущего. Бомж и в гости к хозяевам домов ходить не будет. И амбиций у бомжа нет. А если и есть, то, согласитесь, никак не домостроительные.

Развалили свой дом? Не получили квартиру в чужом? А как жить? Можно, конечно, лечь посреди улицы, накрыться

одеялом и заявлять, что так лучше всего, потому что воздух чистый и не надо беспокоиться о состоянии коммуникаций. Но при чем тут тогда свой полюс и многополярный мир? Бомж не создает полюса.

Обида на отказ Запада предоставить России полноценную квартиру в западном доме (место в ЕС, Шенген, членство в НАТО и пр.) порождает острое желание въехать в какой-нибудь другой многоквартирный дом. Но такого дома-то, по существу, нет.

Ну, не строит Китай многоквартирный дом! Не строит, и все тут! Китай – это огромная семья, занятая строительством колоссального семейного коттеджа, а вовсе не многоквартирного дома. По габаритам коттедж больше дома, потому что семья уж очень большая. Но это все равно коттедж. При нем есть какая-то инфраструктура. Подключиться к ней можно, но это же не значит, что мы въезжаем в коттедж. В него чужих жильцов никогда не примут.

Зала с большим окном. В зале сидят люди и обсуждают проблемы (своих амбиций, к примеру). Время от времени они вдруг вздрагивают и поворачиваются к окну. К окну прижато чье-то лицо. Это лицо Бездомья. Люди бледнеют, отворачиваются, еще более судорожно начинают обсуждать проблемы своих амбиций. А что делать?

Вроде бы надо признать, что строительство своего многоквартирного дома – безальтернативно.

Но признать это – стыдно и страшно. Потому что сразу возникает вопрос: «На черта же предыдущий дом рушили? Потому что обоим не устраивали?» И это очень большой вопрос. Рушили потому, что хотели въехать в чужой дом. И не в какой-то вообще, а в очень определенный. И как хотели туда въехать, так и сейчас хотят. А не получается. Ну, не получается! И с каждым годом (а теперь уже чуть ли не с каждым месяцем) все яснее, что нет для России в этом доме места вообще. Ориентируйся ты на эти силы, на другие... Понимай ты мир так или этак, а места нет.

Но ведь многоквартирные дома строятся не быстро. И не от безысходности они строятся, а от сверхдержавного драйва. Где он, драйв-то? И откуда его взять после случившегося?

Западные коллеги, говоря об амбициях России, восклицали по поводу недопустимости конфликта между Россией и Западом... Российские западники каменели лицами, вглядываясь в прижавшееся к стеклу Бездомье, и отвечали: «Мы не помним, когда за последние годы Россия конфликтовала с Западом. Это Запад исключает Россию не только из Европы, но и из клуба цивилизованных стран».

Да, исключает, и что дальше? Дальше говорится о том, что надо ориентироваться на собственную цивилизацию, но при этом не конфликтовать с Западом, а капитализировать свои отношения на основе противоречий... У говорящих в глазах тоска...

Говорится о том, что нельзя настраиваться на благодный лад, но одновременно нельзя допустить глобальной конфронтации идеологий. Что надо маневрировать так, как Китай маневрирует в вопросе о Тайване... А в глазах все та же тоска...

Говорится о том, что надо пообещать адекватные меры, но что никто не верит в нашу готовность принять адекватные меры. И та же тоска – бездонная и бездонная...

Время от времени восклицают: «Да хватит о суверенной демократии говорить! Мы выросли из этой модели! Мы снова стали великими! Нам не надо суверенизаторских комплексов! Они – реакция на десуверенизацию 90-х годов!»

И тут же: «Эпоха суверенизации закончена. Глобальный мир порождает десуверенизацию! Ничего другого нам не дано! Это объективно, как законы физики!» ...Проходит минута – звучит признание: «Нам некуда отдавать свой суверенитет! Нет силы, которая готова его взять, дав нам что-то взамен. Мы обречены на суверенитет и не понимаем, что с ним делать».

Я сознательно не говорю, кому принадлежат какие реплики. Мне намного важнее общая картина, в которой реплики являются не четкими позициями, структурно-функциональными блоками в неких мировоззренческих системах, а мазками на гигантском полотне, разрисованном художником по имени Постсоветская Трагедийность. Художник этот колеблется между импрессионизмом и экспрессионизмом. Иногда картина напоминает плач, иногда крик (есть под таким названием полотно у Мунка). А иногда и плач, и крик одновременно. Но, в каком жанре ни рисуй полотно, как ни насыщай его деталями, главный герой – Бездомье, прижавшееся лицом к окну дискуссионной залы. И тот морок, которым оно насыщает речи дискутирующих.

Страхивая этот морок, участники дискуссии начинают говорить о конкретике. Мол, хватит всей этой концептуальной лабуды. Надо конкретно говорить, что будем делать с Украиной, Грузией и так далее. Но всем понятно, что никакая конкретика вне стратегии невозможна. Что эффективную конкретику может породить только внятный концепт. Что из частных стратегий не рождается. Что в частных она запутывается. Что концепт (и его более детальные, но все равно абстрактные модификации) не умственная химера, а единственно возможное руководство к практическим действиям.

Гостиный двор... Мне скажут, что система случайных и донельзя прагматических обстоятельств привела к тому, что съезд «Единой России» проходил в этом самом Гостином дворе. Но, во-первых, мы не в 1987 году. Уже вроде все научились выбирать для своих публичных мероприятий такие места, которое не должны вызвать двусмысленных ассоциаций. Потому что противник уцепится за название места и начнет строить вокруг него негативные конструкции из этих ассоциаций.

А во-вторых, случайность – это ведь тоже «мессидж». За любыми подобными случайностями может стоять великая наблюдательница Клио – муза истории. Стоять и подмигивать: «Гости... Хозяева... Гость... Товар... Гостинцы... Гостиница...»

Субъект – это Дом. Народу он нужен, чтобы спасти Родину. Что ж, если кому-то он нужен, чтобы спасти шкуру, – чем плохо? Но этот «кто-то» не может быть отчужденным от домостроительства гостем.

Нельзя не испытать даже ничтожно малые шансы. Но чем они ничтожнее, тем точнее надо понимать, в чем они. Мне представляется, что они в проснувшейся тяге к Дому.

Только она может сыграть спасительную роль. Только она поможет нам выйти из ситуации «стратегического бездомья». Только она сможет вывести очень многих за рамки нынешней антагонистической двойственности, усугубленной ощущением фундаментальной вины. Ведь был дом – и нет его. Просто нет – и ничего взамен. Что делать тогда интеллектуалам, политикам? А главное – народу-то что делать? Народу».

Общего ответа нет и не может быть. Наверное, кто-то продолжит стучаться в двери чужого дома. И даже нельзя обвинить его в неправоте. Но если двери будут закрыты наглухо? Что тогда? Найдет ли общество в себе силы для настоящей, в высшем смысле слова нетоварной, стратегической дискуссии о развитии? Ведь мы когда-то умели дискутировать. Могли спорить до хрипоты много часов подряд, умели слышать друг друга, отсеивали тех, кому нечего сказать. Мы перешагивали через формальные регламенты и уходили от частных историй. И во всем этом тогда была живая жизнь. Успеет ли мы вернуться к ее истокам или окончательная беда настигнет нас раньше этого возвращения?

У меня нет однозначного ответа на этот вопрос.

А если бы он у меня и был, то вряд ли стал бы я опрометчиво разбалтывать такую «военную тайну». В одном я абсолютно уверен – данный ответ лежит по ту сторону отчуждения, превращающего всех соискателей субъектности – в гостей. То ли в гостей, сидящих за западным столом и обзаведшихся западными дворцами и паспортами, то ли в гостей, ушедших, подобно Садко, под воду с тем, чтобы потерять различие между Родиной и приютившем гостя подводным царством, то ли в гостей Цирцеи... Но в любом случае в гостей. Однако ведь не остался Садко под водой. И спутники Одиссея все-таки освободились от чар, превративших их в новорусский... прошу прощения, древнегреческий скот.

Что может освободить от чар? Только тоска по Дому. Своему Большому Дому Развития.

Не надо бояться этой тоски. Тоска пробуждает дух странствия. Дух этот толкает в путь. И как остаться на месте, если он тебя ТАК толкает? Ну, труден путь, ну, мало шансов пройти его... И что? Имеем ли мы право отказаться от этих шансов, сколь бы малы они ни были, если других шансов у нас просто нет?

Глава VI. «Ежики» и «зайчики» с точки зрения перереформатизации мира

Уже после «гостинодворских» радений, более того, после военных событий на Кавказе я вдруг услышал – больше от Медведева, но в общем-то и от Путина тоже, – что возврата к империям нет. Что империи ушли в прошлое... Словом, что перереформатизация мира невозможна, новые глобальные акторы в XXI веке не могут быть созданы. И так далее.

Я не буду даже говорить о том, что к этому моменту почти все американские влиятельные в политическом смысле слова интеллектуалы назвали США или новой империей, или Четвертым Римом. Речь идет не только о неоконсерваторах, которых сейчас лишь ленивый не лягает. Речь и о Бжезинском, который поддержал Обаму, и о многих других.

Для меня важнее то, что крупные американские интеллектуалы – такие, как Параг Ханна, – всерьез говорят о Евросоюзе как отличной империи XXI века. А почему бы нет? Ведь и империи предыдущих веков были эклектичны. Та же империя Габсбургов, например.

Еще важнее для меня то, что и политические лидеры государств Северной Америки, и влиятельные американские интеллектуальные центры, такие, как Совет по международным отношениям, очень серьезно заговорили о построении единой североамериканской нации и создании единого североамериканского государства, состоящего из США, Канады и Мексики. Государства, имеющего свой эмиссионный центр, свою валюту амеро (ее-то больше всего и обсуждают в связи с глобальным финансовым кризисом).

Представим себе, что подобные процессы перереформатизации мира в неоимперском духе (прямых имперских повторов, конечно, не может быть) охватят еще и Африку (о чем всерьез речь шла уже неоднократно), и тюркский макрорегион (младотурецкая концепция Кемаля вряд ли доживет до 2020 года), и конфессионально накаленный конгломерат государств, ориентирующихся на ислам (хотя бы только арабских), и еще пару так называемых гомогенизирующихся сообществ. Где окажется Россия?

Она окажется перед лицом Европы, ставшей неоимперией (единая валюта, единый эмиссионный центр, единая армия, единый парламент, единая конституция), Америки, приобретшей аналогичные черты, тюркского полюса, напоминающего Османскую империю или что-нибудь покрупнее, китайского неоимперского конкурента этой Османской империи, вспомнившего о доблестях чингизидской династии Юань, африканского конгломерата, арабского исламского конгломерата и так далее.

Представьте себе, что произойдет даже не все это, а хотя бы кое-что.

Возникают вопросы.

1. А как это соотносится с тезисом о том, что империи в прошлом? Если мир – вообще и под влиянием кризиса в особенности – переструктурируется в духе неоимперской многополярности, то почему империи в прошлом? Если воевавшие друг с другом на смерть Франция и Германия рвутся к неоимперскому синтезу, то почему этот синтез невозможен хотя бы для России и Белоруссии? Если неизбежна зона евро, амеро, юаня и так далее, то будет ли зона рубля? Если не будет зоны рубля, то будет ли рубль? Если не будет рубля, то что будет?

2. Что на самом деле означает маловразумительная адресация к необратимости краха всех империй и их невозможности в XXI веке? Если она явным образом не означает констатации реального положения дел (а достаточно европейского примера, чтобы показать, что к реальности тезис о необратимом демонтаже всех империй не имеет никакого отношения), то что она означает? Ведь что-то она означает?

3. Нет ли глубинной связи между тезисом о якобы НЕВОЗМОЖНОСТИ восстановления империи в XXI веке и тезисом о том, что мы (читай – русские) ее категорически НЕ ХОТИМ? Разве не в этом смысл утверждения Владимира Путина о том, что именно Россия развалила Советский Союз? Утверждения, за которое с такой страстью схватился М.С. Горбачев. Путин сделал это заявление в 2008 году. Ваш покорный слуга еще в 1992-м сказал о том, что горбачевская перестройка – это игра в две руки. Что одной рукой в этой игре являются либералы и национал-сепаратисты окраин. А другой – специфическая «русская группа», которая запрограммирована на ксенофобию, уменьшительность, отторжение «этнически чуждого». Я сказал тогда, что речь идет об игре в две руки и что эта слаженная игра окончательно погубит Россию. Теперь начинается

второй тур той же игры. И снова перестройка – снова вбрасывается лозунг об отделении окраин, снова оживляется уменьшительный русизм...

4. Как необходимость стать «ежи́ком» (обрести политическую субъектность) соотносится с односторонним обязательством России не восстанавливать свою империю (СССР) в условиях, когда все остальные империи восстанавливают? Или обсуждают это восстановление? Разве не ясно, что Россия может одна остаться не восстанавливающим империю «зайчиком», а вокруг нее образуются... хорошо, если «ежики»... а если лязгающие зубами волчата?

Как серые, так и другие?

5. Что происходит в XXI веке с государственным суверенитетом вообще, с независимостью малых и средних государств (государств СНГ, которые меня наиболее интересуют, но и не только)? Когда часть из них (балтийские государства, например) входит в другую империю – это понятно. Но что происходит в подобных государствах в плане независимости как высшей ценности? Как понимать призывы получивших независимость государств к тому, чтобы их оккупировали удачливые соседи, и побыстрее?

Последний вопрос наиболее существен. Никто из вменяемых людей не может возжелать в XXI столетии лавров Наполеона, Атиллы и Чингисхана. Новые империи будут восстанавливаться не железом и кровью, а осознанием безальтернативности этого восстановления для желающих как-то сохраниться средних и малых государств. Да и среднераспределенных тоже... Таких, к примеру, как Российская Федерация.

Пока национальная независимость – это высшая ценность, ни о каком восстановлении имперского полюса в XXI веке речи быть не может. Что ж, рассмотрим эту аксиологию и то, что может быть противопоставлено оной.

Представьте себе, что вы являетесь миноритарным акционером какого-нибудь очень крупного предприятия. Ну, например, того же «Газпрома». У вас – 1 процент акций этого Предприятия. В связи с тем, что предприятие очень крупное, этот 1 процент делает вас достаточно богатым. Но ваша миноритарность порождает массу проблем. С вами никто особенно не считается». Более крупные акционеры могут ущемлять ваши экономические права. И, что еще хуже этого, ваше чувство собственного достоинства... Вас это может злить. Злость может накапливаться. И оформляться в проект – проект выхода из этого самого «Газпрома».

А что? Взять деньги за свой 1 процент акций... Солидная, между прочим, сумма должна быть выплачена. А что если на эту сумму создать собственную фирму? Не тот масштаб проблем, не тот размах? Правильно. Но зато вы хозяин. Никто вами не помыкает, достоинство ваше не ущемляет, ваши здравые рекомендации не посылает «куда подальше».

Наверное, читатель уже понял, что я не проблему малых долей в крупных экономических предприятиях рассматриваю. Я рассматриваю (со всеми множественными оговорками, которые уже не раз делал) проблему, так сказать, геополитических «акционерных обществ». И их миноритарных «акционеров». Они же – малые и средние государства.

Я понимаю всю условность параллели между государством и акционерным обществом. Я много раз сам критиковал подобные параллели. Но я же не собираюсь пользоваться данным сравнением как рабочей моделью, позволяющей делать далеко идущие выводы. Я использую сравнение как метафору. Не более, но и не менее.

Итак, жил да был один огромный геополитический «Газпром». Назывался он СССР. И в этом колоссальном геополитическом «Газпроме» были миноритарные акционеры. Ну, например, та же Армения. Или Киргизия. Миноритарные акционеры имели массу преимуществ, вытекающих из того, что миноритарность миноритарностью, однако есть малая доля в очень большом деле. Но они могли сетовать на то, что доля малая. Что главный акционер ведет себя слишком директивно. Что они не могут использовать свои малые доли органичным для них образом.

И кто-то оформлял эти сетования в очень внятный, накаленный и абсолютно при этом лживый миф – МИФ О ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕВРАЩЕНИЯ МАЛОЙ ДОЛИ В ОГРОМНОМ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ «ГАЗПРОМЕ» В НЕБОЛЬШУЮ ГЕОПОЛИТИЧЕСКУЮ ФИРМУ, ГДЕ ТЫ БУДЕШЬ АБСОЛЮТНЫМ ХОЗЯИНОМ.

Это очень соблазнительный миф. Ведь и в экономике самореализация значит ничуть не меньше, чем прибыль. А уж в геополитике – тем более. Живешь ты у себя в небольшом или среднем государстве. У тебя свой язык. Никто тобой не помыкает. Твоя нация определяет, куда идти, как рулить. И никакой «старший брат» в это не вмешивается. Если бы это было в принципе возможно, то парад суверенитетов, приведший к развалу СССР, был бы в чем-то оправдан.

Но на протяжении многих веков история вроде бы учила малые народы одной печальной истине, что их малость НИКОГДА не обеспечит им абсолютного суверенитета. Что им все равно придется вступать в какие-то союзы и оказываться миноритарными акционерами в каких-то крупных геополитических предприятиях. Нигде история не давала на этот счет таких суровых уроков, как на Кавказе. Те же Армения или Грузия могли оказаться либо под властью персидской империи, либо под властью Османской империи, либо под властью Российской империи. То есть они все равно всегда оказывались втянуты в тот или иной «геополитический суперконцерн». Не «Газпром», так «Осман-газ»... или «Иран-газ»...

Можно, конечно, и в «Бритиш петролеум»... Но тогда уже даже не на правах внятного миноритарного геополитического акционера (стали провинцией той или иной империи и живем по ее правилам). Тогда – по схеме псевдоавтономности, чреватой особой кровавостью: и законы общности, под которую «лег», соблюдай, и общность эта за тебя никакой ответственности не несет.

Она ответственности не несет, а сам ты отвечать за себя не можешь. По причине исторически заданной миноритарности. И что дальше? Дальше рано или поздно ты либо истекаешь кровью в «разборках» с аналогичными по масштабу миноритариями, польстившимися на сходную псевдоавтономность, либоходишь на внятных основаниях в какое-то масштабнее геополитическое предприятие. Такова судьба не только мелких, но и большинства средних «геополитических акционеров».

В этом смысле я уже не первый год пытаюсь понять, чего в принципе хотят ДЛЯ СЕБЯ, например, те же украинцы. Я имею в виду тех украинцев, которые ценят свой суверенитет, свое национальное государство. Я очень хорошо понимаю,

почему они его ценят. У этих украинцев есть счет к Российской империи (озвученный тем же Тарасом Шевченко, и не только). И у них есть менее мне понятный счет к СССР (почему они чувствовали там себя ущемленными – неясно, их доля в данном геополитическом предприятии была огромна).

Но все-таки это была только доля. А хотелось не общинной доли, а своего хутора. И чтобы на нем абсолютным хозяином... и так далее.

Хотеть не запретишь. Но исторический опыт-то куда денешь? Ну, не бывает так. Не бывает, и все! Выйдя из геополитического «Газпрома» под названием СССР, Украина (как, впрочем, и все остальные вышедшие) немедленно должна будет войти в какой-то другой геополитический концерн сходного размера. Так она и входит! Все вышедшие и кричавшие об абсолютном суверенитете, как только получили свой пай, тут же рванулись передавать его в другие «мегакооперативы».

Крик о том, что пай будет изъят и никому не отдан (в украинском варианте – концепция самостийности), нужен был только для того, чтобы выйти. Ровно в момент выхода оказалось, что пай немедленно надо передавать в другие руки. А «абсолютная самостийность» – это абсолютный же блеф.

И тогда, конечно, возникает вопрос: «Что же именно не устраивало пайщиков, изымавших свои пай? Ради чего они их изымали? И кто были эти пайщики? Это были народы или элиты? Применительно к советской ситуации – народы или номенклатуры?»

Упрощать ситуацию вряд ли стоит. Народы, конечно, не были совсем уж слепыми марионетками в руках номенклатур. Но что-то в моем вопросе, согласитесь, есть. И вот почему.

Возьмем тот же проект «Модерн». Для среднеазиатских государств советский вариант модернизации был самым щадящим и эффективным. Каждый, кто в это не верит, должен с минимально кратким временным разрывом посетить сначала Таджикистан, а потом близкие к нему районы Афганистана и сравнить образ жизни. Не жизни элиты, а жизни народа.

Конечно, этот опыт надо было проделать лет 25 назад. Тогда результат оказался бы наиболее впечатляющим. Но и сейчас огромный разрыв в пользу республик, входивших в состав СССР, налицо.

Советский сценарий модернизации (то бишь развития) был очевиден и по целям, и по результатам. Столь же очевидно было, что не только ранние коммунисты (те-то просто грезил развитием), но и вполне обрззшие, однако хотя бы по минимуму сохранившие идеологический код номенклатуришки позднесоветского периода реально хотели именно РАЗВИВАТЬ союзные республики.

Правильно ли они хотели их развивать или нет... Какие там были перегибы... В какой степени это делилось за счет коренной России (главный упрек в адрес СССР со стороны так называемых «почвенников», требовавших выхода России из состава Советского Союза)... Можно и должно дискутировать по этому поводу, освобождая историю от мифов со знаком «плюс» и «минус». Но очевидность почти автоматической обусловленности советских поздних элит вялым и смутным для них самих долженствованием, согласно которому надо что-то ИМЕННО РАЗВИВАТЬ, вряд ли вызывает сомнения.

Ну, хорошо, покритиковали мы вялость и смутность этого ушедшего в прошлое долженствования. Осудили ошибки в выборе вектора и модели, так называемые перекосы и прочее... Прошли годы. Что стало ясно?

Стало ясно, что теперь-то нет даже этой воли к развитию. Если говорить о воле, понимая, чем она отличается от благих пожеланий. И дело даже не в среднеазиатских лидерах (беру Среднюю Азию только как самый яркий пример) или среднеазиатских элитах. Дело в гораздо более глубоких вещах. Как внутренних, так и внешних, как историософских, так и культурных.

Понимаю, что отдельные наблюдения ничего не доказывают, и никоим образом не хочу ими ограничиваться. Но и игнорировать бытовые зарисовки глупо. Это почти то же самое, что игнорировать в физике все, связанное с экспериментом.

Итак, вначале зарисовка. В дачном поселке, где я живу, непрерывно идут какие-то стройки. На стройках много среднеазиатских рабочих. В большинстве своем это вполне милые и абсолютно неагрессивные люди. Они вступают в контакт достаточно легко. В моем же случае возможность контакта, бесед облегчена наличием у меня собаки – среднеазиатской овчарки. Когда я с ней иду, рабочие узнают породу, относятся к собаке с опасливым восхищением. А с вашим покорным слугой, как хозяином собаки, особо охотно разговаривают и о собаках, и о многом другом. Чем я пользуюсь. И по-человечески (мне это приятно), и с профессиональными целями.

Все мои собеседники приехали на стройку не от хорошей жизни. Но одна их категория с удовольствием приехала бы и при советской власти. А другая – никогда бы не приехала с нынешними целями, поскольку в советское время была хорошо устроена – имела высшее образование, инженерскую зарплату, достойную работу на местных предприятиях (как относящихся к ВПК, так и других). Теперь она ничего этого не имеет. Не ее вина. Хотя в историческом плане, наверное, и ее тоже.

Но я не об этом. Я о том, с какой легкостью этот контингент освобождается от привнесенной советским модернизационным проектом цивилизационной пленки. Как быстро люди, родившиеся в городских семьях и проработавшие чуть не десятилетия инженерами, переходят к традиционным позам сидения во время отдыха на корточках у стены и привыкают спать на голых матрацах в малоприспособленных для жизни помещениях.

Конечно же, модернизация в странах с рассматриваемой мною спецификой – это дело вообще трудное. Где оно оказалось удачным? Разве что в Турции, да и то в весьма относительной степени.

Ну, Марокко... Ну – совсем уж в малой степени – Пакистан... Что дальше?

Между тем сейчас на среднеазиатские страны очень медленно, но почти неумолимо надвигается нечто совершенно другое. Не имеющее никакого отношения к Модерну и ненавидящее его. Я имею в виду пресловутый халифат. Возможен ли он после ранних постсоветских попыток радикальной исламизации региона? В какой степени накаленному контрмодернистскому исламу удастся преодолеть субконфессиональные и племенные противоречия?

Все это – вопросы открытые. Но то, что модернизационно ориентированные элиты того же Узбекистана в условиях роста (пусть даже и плавного) подобных тенденций ожидает политическая и витальная катастрофа, понимает каждый, кто побывал,

например, в Ферганской долине.

Итак, отпали от СССР... Попробовали впасть в халифат... Отпрыгнули... Попробовали какой-нибудь неоосманизм (Великая Турция и все прочее)... Отпрыгнули... Поиграли с американцами... Отпрыгнули... Задумались о Китае... Отпрыгнули... Постепенно возникает фантом «множественного отпадения». И вспоминается «Солярис»... Даже не в текстуально лемовском варианте, а в том модифицированном, которое предлагает талантливый фильм Тарковского. Наблюдая сходные фантомы (то одни, то другие), напоминающие разное (то одно, то другое), герой спрашивает своего более опытного товарища: «А что эти фантомы хоть как-то стабилизируют?» Товарищ отвечает: «Их стабилизирует силовое поле Соляриса». Вот так...

Поглощение халифатом... Поглощение Китаем... Для Казахстана этот сценарий более чем актуален... И что? Предположим даже, что Нурсултану Назарбаеву, политику далеко не слабому, удастся перейти от поверхностной модернизации к более глубокой... Эта глубокая модернизация разве избавит его от китайской оккупации, коль скоро такая оккупация покажется Китаю необходимой в рамках ведущейся им большой игры?.. Игры, ставкой в которой является мировое господство?..

Однако главное даже не это. Главное, что развитие уже не является хоть в каком-то смысле обязательным всемирно-историческим контекстом. А развиваться, не имея подобного контекста, малые и средние страны не могут. Но ведь всемирно-исторический контекст (назовите его, если хотите, глобальным) не исчез. Он изменил вектор. И из контекста «обязательности развития» постепенно превращается в контекст «обязательности неразвития». Или даже регресса.

Есть страны, для которых выход из СССР обернулся крайним неблагополучием. А есть страны, где этот выход был пережит с относительным благополучием. Прибалтика, например, очень хотела выйти. И распорядилась выходом если не оптимальным, то хотя бы объяснимым образом. Возникли вполне пристойные по ряду параметров задворки Европы (хулиганства на антирусской и нацистской почве в рамках данного обсуждения я сознательно вывожу за скобки). Но ведь именно задворки!

Где все эти утопии о «новых Афинах» в Великой Балтии, будоражившие общественное мнение в момент выхода из СССР? Нет никаких «новых Афин». Нет никакой постиндустриальной Балтии.

Все «приемлемо», но не более того. И уж никак не суверенно! Один хозяин явным образом поменялся на другого. Того хозяина не любили, а этого вроде бы полюбили. Сказки о суверенитете оказались отброшены на следующий день после получения долгожданного суверенного пая. Пай тут же передали в соседний кооператив. И далеко не бесплатно – заодно получив соответствующие обязательства. И – в идущем кризисе – реальную перспективу близкого суверенного дефолта.

Теперь возьмем Украину. Эксцесс лета-осени 2008 года вокруг Севастополя еще раз обнажил все болевые точки рассматриваемой проблемы.

С одной стороны, избыточное обострение эксцесса с российской стороны, вкупе с его абсолютной риторичностью, может сыграть роль негативного побудителя, позволяющего добиться нужных «оранжевым» результатов на референдуме по вхождению Украины в НАТО.

С другой стороны, вхождение это уже и так началось. И, видимо, состоится при любых умонастроениях украинского народа. На элиты надавят... Они поддадутся... Все остальное, как мы понимаем, дело техники. А наблюдатели ОБСЕ подтвердят, что все прошло легитимно.

Что ж, предположим, что подобная техника (она же – административные технологии в «оранжевом» исполнении) сработает. Что дальше?

Борьба за Украину между Европой и США (а точнее, между Германией и США) никогда не прекратится. Уйдет Россия из этой игры (а зачем, собственно, ей уходить?) или нет – игра будет вестись все равно. Турция от претензий на Крым не откажется. Уже сейчас турецкий флот (черноморский и средиземноморский) намного сильнее российского Черноморского флота. Но уж и подавно он сильнее украинского. А Крым в сколь-нибудь серьезном историческом смысле принадлежал лишь двум государствам – Османской и Российской империям.

Добиться одноразового электорального результата (административным в том числе образом) и ввести Украину в НАТО – это одно. Тут тоже шансы «пятьдесят на пятьдесят», но это «политический спринт», где легче отманипулировать. А вот дальше начинается политическая же «стайерская» дистанция.

Югославию можно было ввести в НАТО как целое? Она что, сопротивлялась бы? Да никоим образом! Она готова была входить. Но ее раздробили на части. И продолжают дробить.

Кто сказал, что на Украине произойдет что-то другое? И почему там должно произойти что-то другое, если в Большой Европе на повестку дня поставлен вопрос «глокализации» (то есть соединения глобального и локального в противовес национальному)? Кто это так особенно будет хлопотать по поводу самостийности Украины? И в чем формула этой самостийности? То бишь единства нации? Чем будет достигнуто единство нации?

Какие-то наработки в этом вопросе есть у так называемых «западенцев». Они боролись за самостийность – причем вполне решительно. Боролись веками. Лили кровь – чужую и свою. У них есть проект, есть этос (святыни, герои, мифы), вокруг которых они могут попытаться что-то строить. Но всё это – проникнуто ненавистью ко всему русскому. Оно так и выстраивалось. Причем очень опытными католическими руками.

Согласно данному этосу (а ничего другого – накаленного, исторически обусловленного – просто нет), русский (он же «москаль») – вообще не человек. Существо второго или третьего сорта. Аргументация на сей счет подробно разработана. И вот уже заместитель представителя самого Ющенко (президента страны!) по Крыму, по фамилии Пробейголова, дарит на юбилей Симферопольской библиотеке книгу украинца по фамилии Штепа, эмигрировавшего в Канаду. В книге подробно рассказывается, почему «москаль» – существо неполноценное. Такой вот подарок официальное киевское лицо делает крымчанам. Крымчанам!

Представьте себе официального представителя российского президента, который дарит в Казани татарской библиотеке книгу о неполноценности татар... Или представителя индийской власти, который дарит в Кашмире мусульманской библиотеке книгу о неполноценности мусульман. И так далее...

Может быть, Пробейголова – это курьез? А переписывание на украинский лад Гоголя? Не хочу смаковать детали. Скажу только, что унижительная комичность этого переписывания может конкурировать только с его же вызывающей оскорбительностью. Причем не по отношению к России, а по отношению к мировой культуре. Ее нормам, правилам и всему остальному.

Так можно ли построить нацию на подобном этосе?

И откуда возьмется другой?

И что можно сделать без этоса?

И ориентирован ли имеющийся этос, по большому счету, на создание нации? Или самостийность была лишь способом изъять пай из российского геополитического «Газпрома» и тут же передать этот пай в иной геополитический, концерн? То ли в заокеанский, то ли в тот, который когда-то назывался Австро-Венгерская империя.

Но Австро-Венгерской империи, буде она появится вновь (разумеется, в модифицированном варианте), совершенно не нужна огромная самостийная Украина. И никому она не нужна. То есть сейчас, конечно, станут говорить, что она нужна. Но на деле понятно, что не нужна.

Американцам нужны базы и минимальная устойчивость вокруг баз. Будут эти базы не в украинском, а в турецком Крыму – и что? Турция – пока – надежный союзник по НАТО. Европа сама себя понимает как Европу регионов. И процесс явно идет в этом направлении. Чехию со Словакией можно разделить, а Восточную Украину с Западной – нельзя? Почему?

Но самый больной вопрос для меня все же не в этом. Кто-нибудь в каком-нибудь из «самостийных кооперативов» удосужился подумать о форсированном развитии? О постиндустриальных перспективах? Об этом говорили, пока нужно было вынимать пай из геополитического «Газпрома». Но когда пай вынули, то реально, на уровне государственной воли, этим не стал заниматься никто. Ни лояльные России миниобразования, ни сходные образования, торгующие нелояльностью, ни сама Россия. НИКТО!

Собственной дееспособной Силиконовой долины, на которую молится нация, не возникло ни в Армении, ни в Грузии. Ни в Азербайджане, ни в Узбекистане. Ни в Прибалтике, ни на Украине. Нечто пристойное как-то сохраняется в Белоруссии. Но прорыв не осуществлен НИГДЕ.

Разобщенные народы не смогли форсировать ни свой Модерн, ни, тем более, свой постиндустриальный (не путать с постмодернистским) сценарий развития. Который, например, пытается реализовать Индия. Пытается, скрипя зубами, отбрасывая самые насущные необходимости. И прокладывая – почти по телам ночующих на улицах многомиллионных масс – какие-то траектории форсированного развития. Причем массы, между прочим, смотрят на это не с отвращением, а с восторгом.

Национализмы, развалив СССР, показали в итоге, что они не являются национализмами в строгом смысле этого слова. Что они больны этнократизмом. Что у них нет воли к Модерну. При том, что нация – это субъект и продукт модернизации одновременно.

Где-то эти псевдонационализмы сразу обнаружили свой архаизаторский смысл. А где-то они просто почили на лаврах неразвития. Подменив развитие чем-то другим. Еще раз подчеркну, иногда в чем-то «как бы приемлемым». Но все равно тупиковым.

Потому что без форсированного развития народы, которые соблазнили суверенизацией, превращаются в «зверей, стоящих у дверей» одной из самых жестоких эр в истории человечества – эры глобализации. «Стояли звери около двери. В них стреляли, они умирали». Так что же, элиты, чуть ли не сходящие с ума от любви к «освобождаемым народам», на самом деле готовы холодно смотреть на то, что эти народы, как «звери», будут стоять «около двери» и так далее? Что же это за элиты такие?

Вопрос, который я задаю, отнюдь не тривиален. На протяжении многих веков элиты не могли быть безразличны к своим народам. Да и сейчас... Что, например, я заметил в поездках по Китаю? Что представители китайской элиты, вполне усвоившей не только социалистическо-уравнительные нормы отношения с «трудовым народом», но и совсем другие, китайско-имперские, элитные нормы, тем не менее очень тепло смотрят на людей из своих народных масс. У них в глазах, когда они смотрят, появляется что-то специфическое – совсем не презрительное и холодное, а наоборот. Чтобы так смотреть, нужно иметь настоящую связь с народом. Причем не только на уровне эмоций, но и на уровне целей. В Китае это в основном так. Но уже в Шанхае это не вполне так.

Что-то новое носится в мировом воздухе. И касается оно глубоких перемен в отношениях между элитами и народами. Что же это за перемены?

Глава VII. «Ежики» и «зайчики» с экзистенциальной и игровой точек зрения

Все уже давно поняли, что, говоря о переделывании «зайчиков» в «ежиков», я имею в виду изменение качества политического актива в постсоветской России. Иначе это называется изменение качества политической элиты. Спору нет, проблема архиважная. Но вряд ли стоит на ней заикливаться.

Элита без народа гроша ломаного не стоит. Спросят: «А с чего это она вдруг окажется без народа в случае, если повысится ее качество?» Вскоре я отвечу на этот вопрос. Но для начала просто зафиксирую, что подлинная связь элиты и народа называется «историческая судьба». Элита без народа может предаваться как низменным, так и высокодуховным утехам (к вопросу о ее качестве). Но обладать без народа исторической судьбой она не может. Вроде бы какая она тогда элита, ежели нет исторической судьбы? Но... Как там было сказано в одном из романов культовых для нашей элиты Стругацких? «Опыт перестает быть условием адаптации»...

Когда опыт перестает быть условием адаптации? Когда вдруг резко меняется то, что делало этот опыт условием

адаптации. В так называемый ледниковый период так вымирали опытные мамонты. Не идет ли сейчас речь о столь же стремительном изменении – но не обычного, а социального климата? О социальном «ледниковом периоде», с наступлением которого начинают вымирать даже самые опытные элитные мастадоны, трубно откликавшиеся на зов исторической судьбы? А судьбы-то нет! Была – да сплыла! И тогда эти опытные элитные мастадоны оказываются беспомощными... Нет истории... Нет судьбы... Нет тех привычных связей с народом, которые определяются ТОЛЬКО наличием истории и судьбы. «Элитные мамонты» («элита для других») вымирают, их заменяет новый вид элиты – «элита для себя». И не только ДЛЯ себя, но и ПРОТИВ других. Возможно ли нечто подобное?

Оно возможно только в случае, если история и историческая судьба оказались полностью исчерпаны сразу для всех народов. Но это не так. Нет этого исчерпания по отношению к китайской истории и судьбе, к истории и судьбе индийской, да и другим тоже. Значит, это может либо не происходить вовсе, либо происходить очень выборочно. Не окажется ли в итоге, что эта выборочность включит в себя элиты вымирающих африканских народов и элиту России? Причем именно элиту как целое. Возмущение отдельных представителей этой элиты выдвижением подобной, слишком смелой и даже дикой для них гипотезы правомочно. Отдельные представители скажут, что живут только для народа и истории. И, возможно, они скажут об этом искренне.

Но, во-первых, я же не сказал, что ВСЕ представители нашей элиты так относятся к своей истории, исторической судьбе и народу. Я выдвинул гипотезу, согласно которой, возможно, наша элита как ЦЕЛОЕ ведет себя таким образом. Не исключены ведь даже такие ситуации, когда большая часть сообщества (вида, группы, популяции, генерации) ведет себя одним образом, а сообщество как ЦЕЛОЕ – другим. Не статистической выборкой определяется поведение, а системообразующими кодами. Поведение нашего элитного сообщества как ЦЕЛОГО не выдерживает теста на верность истории, исторической судьбе etc.

Что касается отдельных представителей элиты... Мало ли что и как чувствовали ОТДЕЛЬНЫЕ представители элиты перед 1917 годом. Но элита как ЦЕЛОЕ оказалась недееспособна, а значит, отчуждена от истории.

Во-вторых, кроме элиты, есть контрэлита. И там чувство исторической судьбы и всего остального может быть предельно обострено. Как докажет себе и другим возмущенный констатацией его отчужденности от истории и судьбы элитарий, что он – в элите, а не в контрэлите? Брусилов по факту находился в 1917 году в элите, а по мироощущению – в контрэлите.

В-третьих, можно желать своему народу блага, но не быть связанным с ним узами исторической судьбы. Можно хотеть, чтобы у народа было побольше материальных благ. Такое снисходительное желание, в чем-то сходное с ревностной заботой председателя колхоза о колхозном стаде, похвально, но категорически недостаточно. Как мы видим, на деле и это желание оказывается невыполненным. Но, повторяю, не о нем речь.

В-четвертых, апелляция ряда наших элитариев к тому, что мы, дескать, «плоть от плоти, и потому наша связь с народом не вызывает сомнений, не имеют же связи с народом те, кто не плоть от плоти», не выдерживает исторической проверки. А.Н. Яковлев или М.С. Горбачев были настолько «плоть от плоти», что дальше некуда. Иосиф Джугашвили был абсолютно чужим. Так же, как Екатерина Вторая. Но Иосифа Джугашвили и Екатерину Вторую грело понятие «историческая судьба», и возникала очень непростая и безусловная, но связь. И именно связь через судьбу эту самую. А Яковлев и Горбачев, как я полагаю, считали, что историческая судьба должна быть отменена. Ибо она порочна. И видели себя «великими реформаторами», отменявшими эту «никудышнюю», «порочную» историческую судьбу. Во имя каких-то других исторических судеб. Или во имя конца истории.

Кучка постмодернистских западных элитариев, не отражающих и не выражающих совокупной позиции элиты Запада, африканские элитные паразиты, обворовывающие свои народы ради сомнительных западных удовольствий... В этой компании оказывается наша элита как ЦЕЛОЕ?

Я гоню от себя смутное ощущение подобной возможности, но оно ко мне вновь и вновь возвращается. Что делать? Как уйти от смутных ощущений к какому-то пониманию? И каким оно должно быть – адекватное понимание столь неадекватных «вибраций»?

Есть несколько типов понимания. Один – когда умом понимаешь, а сердце в этом не участвует. Другой – когда на уровне переживаний тебе кажется, что твое понимание носит абсолютный характер. А сформулировать что-либо трудно.

Для многих тот или другой тип понимания есть высший. Но для меня высший тип понимания – такой, когда разлада между умом и сердцем нет.

Разлад же является следствием отсутствия того, что я называю «точкой сборки» или «фокусировкой». Без этой точки нельзя собрать воедино противоречивые начала (чувства и мысли, образы и понятия и т.д.). Найти же такую точку совсем непросто. Но если разлад и порожденная им МУТНОСТЬ твоего понимания тебя не устраивают, ты будешь вести себя как та самая лягушка из притчи, которая, попав в горшок со сметаной, начала бить лапами.

И рано или поздно добьешься искомого – собьешь масло и выпрыгнешь. На что-то натолкнешься, с чем-то встретишься. И вдруг возникнет эта самая фокусировка. А остальное – дело техники. Фокусировку надо удерживать. Вокруг нее надо выстроить систему точного понимания происходящего. Это известно, как делать.

А вот сама фокусировка... Тут надо «бить лапами» и быть готовым к самым неожиданным мессиджам, превращающим мутное (сметану) в ясное (сбитое твоими лапами масло).

Элита и народ... Постсоветский процесс нес в себе нечто качественно новое в отношениях между этими «макросоциальными величинами». И новизна была существенной. В каком-то смысле, глобально значимой. Мы опять оказались слабым звеном в некоей цепи. Какой?

Что-то я понял достаточно быстро. Но ясности в моем понимании не было. Не хватало этой самой фокусировки. Я понимал, что добьюсь ее, и терпеливо ждал нужного мессиджа. И дождался.

«Круглый стол» в одной газете... То, что называется «элитные интеллектуальные посиделки»... Все выступили... После этого хозяева предлагают фуршет... А люди еще достаточно интеллектуально разогреты и не готовы перейти на светскую болтовню... Шлейф спора тянется из конференц-зала в зал банкетный... Но, конечно, спор меняет качество. Обязанности

жестко спорить уже нет, закуска и выпивка...

Я еще на «круглом столе» задел собеседников. Начал рассказывать о том, что такие-то и такие-то элиты (отнюдь не либерального толка) допустили распад СССР, обещая классическую модернизацию России (модернизация – это всегда буржуазный процесс), создание нации (нация – субъект и продукт модернизации) и прочие позитивы, невозможные в советской империи. Что трудность борьбы с этими элитными группами состояла в том, что они выступали как радетели о благе России. И обвиняли противников в корыстно-инородческом нежелании сделать государство национальным.

И вот перешли мы из одного зала в другой. Собеседники, раздраженные такой моей формулировкой (либералов приятно и привычно обвинять во всем, а я посягнул на другое), продолжают меня атаковать. Я перехожу в контратаку. Привожу аргументы. И еще больше раздражаю собеседников. Наконец, беру быка за рога и говорю: «Ладно, дело прошлое. Империи нет. Издержки чудовищные. Но где обещанная модернизация? ГДЕ ОНА, я спрашиваю? Вот по этим признакам ее нет, и по этим, и по этим!»

Собеседники, понимая, что я прав, заводятся еще больше. Хотя казалось, что дальше некуда. А тут еще накрытый стол, отсутствие микрофонов, компания тесная. И один из собеседников говорит: «Да что Вы несёте ахинею! Вы ничего не поняли в самом проекте! Речь шла не о модернизации страны, а о модернизации элиты».

Застольный шум как-то сам собой затихает. Я в этой тишине спрашиваю: «ЗА СЧЕТ ЧЕГО?»

Собеседник, услышав тишину, делает паузу. Но, поскольку страсти кипят и внимание обращено на него, он не может не ответить. И после паузы отвечает: «ЗА СЧЕТ ВСЕГО!»

И вот тут я все понимаю. Точнее, в моем понимании, наконец, возникает давно искомая фокусировка. Я потому и рассказываю так подробно, что надеюсь это фокусировочное, почти неуловимое, «интеллектуальное ощущение» как-то передать читателю.

Если продолжается модернизация элиты «за счет всего» – тогда какое развитие? И что такое эта «модернизация за счет всего»? Что входит во «всё», за счет чего должна происходить модернизация?

Модернизация всегда происходит за счет традиционного общества, на его костях. Это касается и английской, и советской модернизации. Сталин не мог проводить индустриализацию без коллективизации. Как не мог он проводить ее и без подлинной культурной революции (маоистский вариант – это, как мы понимаем, другое). Поскольку сталинская модернизация не была буржуазной (и в этом смысле ее нельзя считать классической), то и с традиционным компонентом общества происходило нечто далекое от канона.

С одной стороны, этот компонент ломали (так ведет себя любая модернизация). А с другой стороны – восстанавливали. Что такое колхозы и совхозы? В каком-то смысле – это модерн (тракторы и все прочее). Тем более, что дальше были проекты индустриализации сельского хозяйства (вплоть до агрогородов). А в каком-то смысле – это возврат к общине, то есть к традиционному обществу.

Кто-то скажет: «вторичное закрепощение». И для этого есть определенные основания. Хотя назвать это закрепощением у меня лично язык не поворачивается. Да, паспорта были отняты, и многое другое свидетельствует о возвращении к «добуржуазному». Но... как бы это сказать? Фильм «Свинарка и пастух» в крепостной России был бы невозможен. Я не хочу сказать, что реальная свинарка и реальный пастух напоминали показанных в фильме. Конечно, это был культурный миф. Но в крепостной России и миф такой был бы невозможен. Был бы другой миф.

Впрочем, что об этом спорить? Одни говорят, что в спорах рождается истина. Другие – что она в них гибнет. Тут все зависит от типа спора. Кто хочет добыть в споре истину, тот ее и получит. А кто не хочет – с тем, сколько ни спорь, все бессмысленно.

Но то, что в данном случае является предметом исследования, инвариантно к оценке социального качества сельскохозяйственного сектора при Сталине. Достаточно признать, что это качество было атипичным. Конечно, это был новый вид общинности, а не возврат к традиции в чистом виде, но, в любом случае, это не было превращением традиционности в прах, в выметаемый мусор. А именно так поступает классический модерн с тем укладом, который должен сыграть роль жертвы, положенной на алтарь модернизации.

Подчеркну еще раз, что любая – да, именно любая! – модернизация предполагает такую жертву. И не надо мне говорить, что в Америке не было уклада, приносимого на алтарь модернизации. Был он! Весь Юг был принесен в виде жертвы на алтарь модернизации. Миллионы людей убиты. Определенный уклад разрушен. Негров, конечно, освободили, и это хорошо. Но уклад разрушили, и притом беспощадно. А ранее в обители либерализма, в Великобритании, беспощадность такого разрушения была еще больше.

Принцип модернизационного проекта в этом смысле очень прост. Есть некая многоукладность. Одни уклады тормозят развитие. Другие (или другой) его стимулируют. В какой-то момент оказывается, что без развития нельзя. Потому ли оно нужно, что иначе страну завоюют соседи... Или без развития социальное загнивание перейдет в стадию гангрены... Или произойдет и то, и другое сразу... Но развитие нужно.

Кроме того, уклад, стимулирующий общее развитие, сам себя развивает ускоренным образом. У тех, кто интегрирован в этот уклад, появляются новые возможности, а также желание этими возможностями воспользоваться. Обладатели возможностей знают, что им нужно делать: им нужно брать власть.

И они, раньше или позже, в большей или меньшей степени, ее берут. Либо сметая упрямые косные классы (французский вариант). Либо договариваясь с менее упрямыми классами (английский вариант). Но, в любом случае, без «кровопускания» дело не обходится. Вопрос в масштабах и беспощадности кровопускания. Кромвель – это тоже кровопускание. Меньшее, чем Робеспьер и Сен-Жюст. Но очень существенное.

Хорошо, взяли власть... Монопольно или на паях. Огляделись. И поняли, что кого-то надо экспроприировать. А экспроприруемое направить на модернизацию.

Кого экспроприировать? Тех, кто (а) имеет нечто, могущее быть предметом экспроприации, и (б) трудно совместим с той

модернизацией, для которой нужна экспроприация.

Исторический опыт показывает, что экспроприация в колониях (внешняя, или аллохтонная) может смягчать экспроприацию в метрополии (внутреннюю, или автохтонную). Но решающей все равно оказывается автохтонная экспроприация.

Если модернизация носит догоняющий характер, то экспроприация должна быть максимально быстрой и потому особо интенсивной. А экспроприировать надо такой ресурс, который можно конвертировать в технологии. Вывести из страны, продать, на полученную валюту купить то, что нужно для модернизации, и начать укоренять купленное в стране.

Сталинская (вновь подчеркну, что не до конца типичная по многим параметрам) модернизация поступила именно так. Продать можно было сельскохозяйственные продукты. Других не было. Для того, чтобы их продать, нужно было изъять их у своего населения. Изъять их у населения было можно только изменив ту социальную матрицу, в которую население было «упаковано».

Матрица эта называлась НЭП. Она дала возможность накормить страну после разрухи, порожденной гражданской войной и так называемым военным коммунизмом (который только и позволил выиграть гражданскую войну). Но она, эта нэповская матрица, не позволяла изъять у крестьянства за низкую плату излишки сельскохозяйственного продукта, который можно экспортировать.

Достоверна ли исторически известная притча о сибирском мужике, якобы сказавшем Сталину: «Ты мне, рябой, спляши, а тогда я, может быть, тебе и дам хлебушек», – сказать трудно. Может быть, да, а может быть, нет. Но то, что эта притча достоверна исторически, вряд ли может вызывать какие-либо сомнения.

Коллективизация сломала нэповскую матрицу. И позволила изъять и продать на Запад колоссальное количество сельскохозяйственной продукции. А где еще можно было взять станки, паровозы, трактора, прокатные станы и прочее? И на какие деньги надо было это все покупать?

Дополнительным трагическим обстоятельством, подхлестнувшим процесс, стал мировой кризис капитализма, начавшийся в 1929 году. Для марксистской политической элиты СССР этот кризис означал точку бифуркации. Либо за кризисом последует мировая коммунистическая революция, и тогда Советский Союз должен ее оседлать, для чего нужна индустрия, соответствующая армия и все остальное. Либо за кризисом последует буржуазная реакция и война. И тогда главный, на кого нападут, – СССР. А что, на самом деле марксистская наука была для тогдашней элиты СССР, да и страны в целом, плохим компасом? Ведь напали!

Кризис капитализма требовал ускорения модернизации. Будет все развиваться позитивно или негативно – все равно ускорение необходимо. Но ведь кризис-то был еще и кризисом снижения спроса и перепроизводства. Капиталистическое хозяйство само ломилось от избытка сельхозпродукции. Западные корпорации сжигали и закапывали продукты, чтобы избежать обрушения цен. «Вломиться» на этот перенасыщенный рынок СССР мог, только (а) используя умелых посредников и (б) играя на понижение. В экономической истории это вторжение советских сельхозпродуктов на мировой рынок называют «советский демпинг».

К чести тогдашней советской элиты (и к стыду нынешней) следует сказать, что деньги, полученные за тот, политый кровью и слезами хлеб, никто не украл. Они пошли по назначению. Никто не завел часть денег на западные счета. А различного рода мифы по этому поводу – грязные пиар-агитки, не выдерживающие столкновения с точными историческими данными. Никто также не играл в «отстежки», «откиды» и прочее. Западным фирмам, строившим наши индустриальные объекты и ввозившим нужное для их работы оборудование, платили хорошо. Но не более того.

Посредники наживались. Но где вы найдете посредника, который не захочет нажиться? Поэтому «ужастики» про Хаммера и многих других недостоверны и являются пошлой бытовухой. Заводы построили? Электростанции построили? Войну выиграли? Раз это все сделали, то в макросоциальном смысле – ничего не украл.

И вообще, не этим жили. Было растущее элитное социальное высокомерие, породившее феномен номенклатуры. Были конфликты, игры, интриги. Но все это тонуло в сумасшедшем, ненормированном труде. И четком понимании того, что попробуй только не решить поставленные задачи... Потеряешь разом все: и высокомерие, и качество жизни, и жизнь как таковую. Но, опять же, не это главное.

Первый элемент модернизации – экспроприировать уклад-донор (или уклад-жертву) и аккумулировать некий товарный потенциал.

Второй элемент модернизации – превратить этот товарный потенциал (экспортируемое зерно или что-нибудь еще) в деньги.

Третий элемент модернизации – купить на эти деньги нужный для модернизации ассортимент товаров (станки, прокатные станы и т.д.) и ввезти его в страну.

Но... но станки и прокатные станы в чистом поле не поставишь. Их надо размещать в заводских корпусах, а корпуса сопрягать с инфраструктурой. Нужно строить корпуса, создавать инфраструктуру. Платить за это строителям так, как делали на Западе, невозможно. Все деньги уже пошли на станки и прокатные станы. Значит, надо так надавить на уклад-донор, чтобы люди из него сами побежали в нужную сторону, на эти самые стройки, и стали работать за минимальную или нулевую плату. За нулевую плату – это значит арест и Беломорско-Балтийский канал. То есть ГУЛАГ. За минимальную плату – это значит голод в деревне и попытка выскочить оттуда любым способом, не торгуясь о цене с помогающим выскочить работодателем.

Не хватает всего этого? Энтузиазм, комсомол, все, что угодно, чтобы рыть котлованы, месить цемент и строить корпуса. Быстро! Быстро! Иначе зачем машины? Таким образом, четвертый элемент модернизации – выдавливание в нужном направлении дешевой рабочей силы. Вы хотите сказать, что англичане так не делали? Да делали, и с какой беспощадностью! Вспомните знаменитые «огораживания». Но англичане все-таки в основном делали это веками. А тут некий грубый модернизационный проект был реализован за десять лет. Вы подумайте – ДЕСЯТЬ ЛЕТ!

Но и это не все. Построили корпуса, поставили станки... Кто работать будет? Эки тут доминировать не могут. На лесоповале могут, а тут нет. Значит, нужен многомиллионный (допускаемый и фильтруемый) поток сообразительных беглецов из колхозов. А как они побегут, если не надавить на эти самые колхозы? И не напрямую, а через уровень жизни и прочие элементы социальной фрустрации. Что может быть в этой ситуации эффективнее такого давления? Возникнут отсроченные стратегические издержки? Так они потом возникнут, потом! А сейчас надо быстро строить и выигрывать войну.

Итак, повторяю, **четвертый элемент модернизации** – это форсированная управляемая миграция собственного населения из уклада в уклад.

Пятый элемент – культурная революция (вновь подчеркну – не по Мао Цзэдуну, а реальная и вполне удачная). Бежать-то из колхозов бегут. И это в чем-то поощряется, а в чем-то сдерживается. Но кто бежит? Люди социально активные, соображающие, что к чему, но не готовые к работе на заводах. Так их надо подготовить! Обучить. Вышколить. А поскольку обучить и вышколить за короткие сроки нельзя, то надо еще и вдохновить.

Однако вдохновляй – не вдохновляй, но плохо обученный и плохо вышколенный работник будет ошибаться. Значит, надо беспощадно наказывать за ошибки. А над массой не до конца готовых людей ставить надсмотрщиков, контролеров. А что еще делать?! В противном случае промышленность захлебнулась бы в бракованных изделиях.

А она не захлебнулась. Наши танки и пушки были бракованными или нет? Если бы они были бракованными, мы бы как победили – останавливая танковые дивизии СС вместо снарядов американской лендлизовской тушенкой?

Шестой элемент – качество жизни. Может быть, это решающий элемент. Народ должен видеть, что формируется новая жизнь. Что его не только гонят в ГУЛАГ, колхоз или на завод. Ему еще и дают что-то безусловное, осязаемое, нужное и одновременно благое. Народ должен плакать от радости при виде ДнепроГЭСа или Магнитки. Он должен понимать, что развитие – это его развитие. И он должен что-то получать. От дешевых продуктов и дешевой одежды – до мечты. Какие-то двери в будущее должны быть распахнуты. Какие-то каналы социальной мобильности грамотно выстроены и притягательны: «Иди туда – и будет хорошо». Куда – туда? В уголовку? В ларьки? Нет, на заводы, в ПТУ, на рабфаки, в армию.

Что значит «будет хорошо»? Сытно? В чем-то и сытно. Но еще и потрясающе интересно! Вспомним прозу более позднего Гранина: «Эй вы, люди, знаете ли вы, что вас ждет? А я знаю, я только что оттуда».

Седьмой элемент – военно-мобилизационное сознание. Мы кладем жертвы на великий алтарь. Мы защищаем себя как священное царство, как великую весть, посылаемую человечеству («весну человечества», – скажет Маяковский).

Никому на свете не удалось провести модернизацию без этих семи элементов. Вспомните в мировой опыт – и вы везде увидите каждый из них. Их композиции будут разными, будут меняться пропорции, структурные качества. Но принцип останется одним и тем же.

И как этот принцип соотносится с приведенной выше «фокусировочной» фразой: «Модернизируется не общество, а элита. За счет чего? За счет всего!»?

Сталин модернизировал (постоянно буду оговаривать, что на самом деле речь шла об альтернативной, а не типичной модернизации) элиту и народ за счет потенциалов традиционного общества. И, несмотря на все страшные издержки, соотносясь в чем-то с фундаментальными (то есть историческими) целями своего народа, своего общества. Не поддержало бы его общество, если бы этого не понимало. А оно его поддержало. Победа или поражение в крупной войне, идущей несколько лет с предельным напряжением народных сил, – вот единственное неопровержимое доказательство поддержки или неподдержки. Сталина общество поддержало – и потому он победил. Николая II не поддержало – и потому он проиграл.

Французские модернизационные элиты... Английские, германские, любые... Они были беспощадны к части своего народа. Но народ в целом они выводили на новые рубежи. Потому что народ, в каком-то смысле, был им нужен. И тут надо понимать, в каком именно смысле (или смыслах). Однако, прежде всего, нужно провести грань между этим «нужен» (вроде бы как иначе, как может быть народ элитам не нужен?) – и «НЕ нужен».

Может, может быть не нужен! Странно это, но факт. Только вот одно при этом надо уточнить... Когда народ НЕ нужен – это модернизация? В каком смысле наша элита модернизировалась «за счет всего»?

Она обогатилась – это понятно. Но почему она «модернизировалась»? Какие тут есть социальные критерии?

Макс Вебер – классический авторитет в этой области. Новый рационализм, протестантская этика, абсолютное значение норм права... Вот что такое критерии модернизации – и общества, и элиты. Какие-то элементы буржуазного общества могут жить по принципу «гуляй, Вася», даже в условиях форсированной модернизации: могут адресовать к романам Золя, да и много к чему еще. Но это – какие-то элементы.

Локомотивные группы, они же ядро элиты, живут иначе. Был такой Крупп, родоначальник знаменитой индустриальной династии. И была у него горячо любимая жена. Она была тяжелым легочным больным. Но Крупп хотел жить на территории своего завода. И не только потому, что нужно было надзирать за рабочими. Но и потому, что он любил этот завод и заводскую среду с ее атмосферой, даже запахами. Он любил ее целиком и радостно вдыхал угольную пыль и дым труб. Жена Круппа, вдыхавшая эту же пыль, в итоге умерла.

Легко обвинить Круппа в бесчеловечности. Но нет тут нормы, справедливой для всех эпох. У Круппа было обостренное чувство миссии, исторической судьбы. Эта судьба определялась его делом, его заводом. Который поэтому был для него неотъемлемой частью самого себя. Отказавшись от дела, он отказался бы от себя. Жена Круппа знала, за кого она вышла замуж. И любила мужа таким, каким он был. В конце концов, дело не в отдельных личностях, а в эпохе.

Та эпоха была пронизана определенной страстностью, чуждой сентиментального сюсюканья. И в чем-то, как ни странно, очень близкой к страстности рыцарства. Да, буржуазная страстность острее всего образам полемизировала со страстностью рыцарства. Но по каким вопросам? Например, по поводу роскоши. Ее буржуа презирали. И ставили тягу к ней в упрек своим феодальным оппонентам. Но ведь и многие средневековые монашеские ордена вполне искренне презирали роскошь. Да и странствующие рыцари тоже. Словом, та ранняя буржуазная эпоха была аскетичной и суперантигедонистической. Потому-то и неистово созидательной. Те, кто выпадал из нормы той эпохи, отбрасывались ею как ненужный, вредный, антисистемный

элемент.

Вандербильты «гуляли и ни в чем себе не отказывали». Но они и догулялись. Это, во-первых. А во-вторых, рядом с ними были другие, для которых шиком было отнюдь не гульба, а нечто прямо противоположное. Изношенный сюртук, стоптанные ботинки и очень много работы... А потом эти «другие» приходили к роскошествующему собрату, показывали вексель, собрат бледнел, плакал – и садился в тюрьму. А «другие» всю его роскошь продавали с молотка, и в том же сюртучке и ботинках дальше – топ-топ – строить новый завод.

Скажите: «Прошлые, отрывки протестантизма и родственных ему "шейлоков"»? Не вполне. Сколько стоит самая дорогая яхта? Сейчас цены меняются, но я вряд ли сильно ошибусь, если скажу, что миллион долларов за линейный метр. Это если совсем новая, с иголки, или, точнее, с соответствующей голландской верфи. Яхта длиннее ста метров – это уже не яхта, а крейсер. А зачем заводить себе крейсер? Ну, пусть суперяхта стоит двести миллионов долларов. Не верю, что это возможно, но со всеми «прибамбасами» – пусть.

Это самое дорогое, что можно купить. Уже дворцы стоят дешевле. Самолеты – тоже дешевле. А все остальное – тем более. Жить сразу в десяти дворцах невозможно. Сойдешь с ума. Есть три раза в день в суперресторанах тоже нельзя – быстро заболеешь. Но, даже если ежедневно обедать в «Максима» и заливаться коллекционными винами, все равно, больше двух-трех миллиардов долларов не требуется.

Мир не провел социальной грани между миллиардерами и мультимиллиардерами. Между миллионерами и миллиардерами – провел. А дальше – стоп! Имея пару миллиардов долларов, наращивать капитал ради гедонистических оргий – бессмысленно. Тогда что такое обладатели состояний в сто, двести и более миллиардов?

Такие деньги – в чистом виде потенциал Большой Игры. Игроку нужны деньги как фишки на великом покерном столе (это мотивация-минимум) или как ресурс для великого проекта (мотивация-максимум). Проект может быть очень разным. Одна великая нефтяная семья считала (считает ли сейчас – не знаю), что, пока не овладеет седьмой мировой нефтяной провинцией под названием «Россия», ее миссия не закончена. И именно миссия!

Российская же элита заражена чумой гедонизма. Не нравится слово «чума»? Скажите СПИДом... или холерой...

Российская элита не называет себя «модернизированной». Она говорит, что стала «цивилизованной», потому, дескать, что научилась разбираться в сервировке и пить вино за тридцать тысяч евро бутылка. Если бы она знала, как на нее смотрят! Нет, не тогда, когда можно что-то от нее заполучить, а в следующий момент. В глазах реальных «сильных мира сего» – жестокая издевка. Мол, гуляйте, гуляйте. Пускайте, пускайте пыль в глаза. Все равно придем и все заберем. В сюртучках и стоптанных ботинках. С векселем в руках. Или как-то иначе.

Западная элита веками культивировала в себе беспощадную способность экспроприировать гедонистических «лохов», кичащихся роскошью. Она это не только умеет делать. Она это делать еще и любит. Ну, есть же на свете племена, которые считают достойным и упоительным грабить, а все остальное – униженным, скучным и презренным. Это частный феномен так называемого «набегового сознания».

Об общем случае того же самого феномена наши псевдоэлитарии могли бы кое-что понять, если бы внимательно читали Жака Аттали, описывающего будущую мировую «элиту кочевников». Так вот, где элита кочевников – там и набеговое сознание. Одно без другого не существует. Но поскольку Аттали читать не хотят, то расскажу анекдот.

Бандит поймал золотую рыбку. Золотая рыбка просит: «Отпусти, и тогда исполню три твоих желания». Бандит не понимает – какие еще желания и зачем отпускать? Золотая рыбка объясняет на конкретном примере. Мол, недавно ее поймал рыбак и попросил дворец, яхту и миллиард долларов. Она все это исполнила, и он ее отпустил. Бандит говорит, что понял, и у него тоже есть три желания. «Какие?» – спрашивает золотая рыбка. Бандит отвечает: «Фамилия этого рыбака, его адрес и телефон».

Поскольку фамилии наших олигархов (как старых, так и новых), а также их адреса и телефоны известны, то даже не нужна золотая рыбка. А криминальность их богатства (реальная или выдуманная – неважно) вполне может стать «законным основанием» для направления олигархических состояний наших гедонистических псевдоэлитариев на какое-нибудь «благое дело» – например, на финансирование «мировых экологических фондов» XXI века (типа Фонда борьбы с глобальным потеплением).

Но сами по себе эти печальные перспективы ничего не значат. В ответ всегда могут процитировать Толстого: «Он пугает, а мне не страшно». И потому, что гедонистическое сознание не оперирует большими временными интервалами. Гедонист всегда живет настоящим. А что там будет... Начнешь расширять интервал – окажется, что там старость, смерть... Какой тогда гедонизм? И потому, наконец, что страх сам по себе людей не переделывает. Людей переделывает страсть.

Речь все-таки идет о глобальном игровом столе и возможности за ним оказаться. И не просто оказаться, а выиграть. И не просто выиграть, а выиграть крупно. Наша элита за этим столом оказаться не может по двум причинам. Она ментально не в состоянии вести Большую Игру. Не понимает правил. Вообще отторгает правила. Не ощущает сложность как особое состояние личности. Да, именно личности целиком. А не только ума.

Такое состояние личности рождается в среде, которую создает изощренная духовная культура. Какая-то часть западной элиты пока еще погружена в эту среду. Как классическую религиозную, так и иную. А наша элита такую среду игнорирует или превращает в забаву. Ну, в лучшем случае, в успокоительный ритуал.

И, наконец, фишками в Большой Игре являются отнюдь не только деньги. Есть то, что стоит (да-да, в нашем случае именно стоит) больше, чем любые триллионы. Есть еще и то, что находится выше любой стоимости, даже той высшей, о которой я сейчас говорю.

Но сейчас я – о том, что высшую стоимость имеет, а к обычной стоимости не сводится. Специально скажу предельно грубо для того, чтобы не быть заподозренным в романтизме: «Сколько СТОИТ государство, занимающее седьмую часть суши и обладающее ядерным оружием?» Понятно, что Родина бесценна. Но я спрашиваю: сколько стоит такое государство?

Мне могут сказать, сколько стоит его земля, заводы, нефтяные и прочие месторождения и так далее. Но я спрашиваю о

другом: сколько стоит государство?

И тут – смотря для кого. Понятно, что человек Идеи вообще в последнюю очередь думает о стоимости, включая высшую. Но человек Большой Игры высшую стоимость учитывает. Он понимает, что если у него есть такая «фишка», как государство (а желательно – супергосударство), то он в глобальной игре. А в противном случае он бомж. С миллиардами или сотнями миллиардов – неважно.

Гедонисту вы это не докажете. Гедонистическому невротику – тем более. Он вам наверняка скажет, что продать какое-то государство и получить огромные бабки – это «классный проект». А если вы ему начнете объяснять, что при такой продаже он потеряет возможность быть в игре, а значит, потеряет главное, то он уставится на вас как баран на новые ворота. Мол, какая игра, помилуй! Яхта классная, дворец классный, «оттягиваться» можно классно...

Такого «привилегированного барана» могут приберегать для будущих шашлыков или нарезать сразу. Но он все равно один из баранов. Баранов много. Эти блеющие существа заполняют собою причалы Средиземноморья, приторные курорты и эксклюзивные бутики. Ельцин, помнится, ногу сломал на Сардинии – в цитадели элитного шопинга. Цитадель эта невероятно пошлая и скучная, до тошноты. Однако очень, очень престижная. По ней бродят престижные курдюки. И блеют, блеют... А на них смотрят, смотрят...

Очень много у нас этой элитной субкультуры удовольствия («курдючной» субкультуры). И немало элитной субкультуры ненависти (той самой, которая с отвращением говорит о России «эта страна»). Но ведь бывает еще субкультура Идеи и субкультура Большой Игры!

Конечно, нужны нам, прежде всего, «люди Идеи». Зачем лично им деньги? Смешно... Но где сейчас найдешь людей идеи? С ними и впрямь не густо.

Человек Большой Игры – тоже далеко не бросовый ресурс. Ты хочешь играть? Нужны способности и «фишки». Развивай способности и создавай фишки. Фишки – это не деньги. Точнее, не только они. У тебя есть страна? Если нет – пшел вон! Есть – показывай! И показывай не старые ракеты, которые через несколько лет можно будет блокировать с помощью новых супертехнологий. Показывай свое развитие, развивающийся народ. Нет государства без развития и народа. Сумей это все соткать и связать между собой. И тогда играй.

Ну ладно, нет у тебя высшей идеи. А большая игровая страсть есть? Даже если есть, не реализуешь ты эту страсть без народа и государства. Или у тебя не страсть, а только курдюк для будущих чужих шашлыков?

Глава VIII. «Ежики» и «зайчики» с точки зрения конфликта элит

Четыре элитные субкультуры борются в современной России. Субкультура ненависти, субкультура удовольствия (она пока доминирует), субкультура игры и субкультура идеи. От того, какая победит, зависит судьба народа и государства. А в каком-то смысле, и судьба человечества.

Есть известный анекдот про диссидента, который пишет объявление о пропаже любимой собаки: «Пропала собака, сука... б... КАК Я НЕНАВИЖУ ЭТУ СТРАНУ!»

«Элите ненависти», живущей в соответствии с данным анекдотом, удалось оседлать протестные процессы конца 80-х годов и на паях с номенклатурой разрушить «эту страну».

Какие архетипические начала были разбужены в народе для того, чтобы включить энергию отрицания – отрицания дела отцов, пролитой крови, жертв, свершений... Как можно было эту энергию включить... И остается ли народ народом после того, как включена и «эффективно реализована» именно эта энергия, энергия контристорического Танатоса...

Здесь я ограничусь констатацией наличия «элиты ненависти». А значит, и «субкультуры ненависти». А также констатацией того, что именно эта элита и эта субкультура возглавили разрушительный процесс, как напрямую, так и под разными, в основном, весьма очевидными и аляповатыми, масками.

Возглавив же процесс и получив беловежский результат, «элита ненависти» продолжила разговор с обществом на все том же языке. Иногда казалось, что значительная часть общества, далеко зашедшая в плане содействия этой элите, пойдет за ней до конца. Но этого не произошло.

Возникло какое-то вялое, но глубинное сопротивление. Возникли и какие-то «оформители» этого сопротивления. Да, слабые... Да, внутренне противоречивые... Но ведь всем понятно, что в итоге языком других элит, не запрограммированных на ненависть, оказалась некая комбинация заимствований из газеты, называвшейся сначала «День», а потом «Завтра». А кому это неясно, я могу дать доказательства вполне количественные и неопровержимые. Это называется – «анализ политической семантики».

Культурная борьба слагалась из глубинного вялого импульса («ну, вы, гады, ваще!») и его достаточно отчетливого, хотя несовершенного, противоречивого и слабого оформления. Но культурной борьбы было мало. Нужна была еще борьба политическая.

Не хочется патетики. Не хочется называть группу, к которой очевидным образом отношусь, «элитой любви», «элитой идеи» или даже «контрэлитой». Чтобы избежать патетики, я буду называть эту группу «слаботочниками».

Было ясно, что такая группа, как ее ни назови, существует. И при всем своем несовершенстве и всей своей малости может повернуть процесс. Но только при одном условии. При условии, что она не будет «вариться в собственном соку» и уповать на свою самодостаточность. Если же она начнет делать нечто подобное, то никаких исторических позитивов достичь не удастся. Их место займет последнее и окончательное фиаско.

Ясность этого обстоятельства вытекала из элементарной политической зречести. А дополнялась весьма специфическим поведением политических субъектов, заявивших, что они-то и есть настоящие (то есть политические) оппозиционные «могущества», вокруг которых должны вращаться интеллектуальные и культурные оппозиционные «слаботочники».

На самом деле «могущества» были абсолютно трухлявыми. Интеллектуальные и культурные «слаботочники» обнаружили это не сразу. Кто чуть раньше, а кто чуть позже. Но «могущества» вели себя беспардонно, разнузданно, заголяясь. И рано или поздно все поняли, что слабые оппозиционные токи (интеллектуальные и культурные) хоть что-то сотворяют. А оппозиционные политические «могущества» все, до чего дотягиваются, сливают в унитаз. И созданы они вполне рукотворно и именно под задачу такого слива.

Однако это обнаружение ничего кардинальным образом не меняло. Элитный расклад был неумолим. Ворох «слаботочных» газетных полос с противоречивыми текстами, напечатанными на плохой бумаге и распространяемыми немногочисленными энтузиастами, что-то сделал. А оппозиционные политические партии, обещавшие победу на выборах... Могла ли победившая элита, развалившая СССР и начавшая гайдаровские реформы, допустить создание эффективной компартии?

Значит, компартия должна была быть другой. И ее извлекли из небытия («суд над КПСС» и т.д.) именно под «слив в унитаз» накапливавшейся протестной энергии.

Немногочисленные «держатели» дышащих на ладан газетных полос и прочих микроскопических интеллектуально-культурных величин, лишь условно способных выполнить роль контрэлиты и контркультуры, были обречены на одиночество. На одиночество, но не на поражение. Передавая некие слабые импульсы в общество, они уже в чем-то побеждали. Культурно, интеллектуально. Но для политической победы надо было открыть глаза и увидеть, что такое подлинный элитный расклад. И не фыркать на несовершенство этого расклада, а его использовать.

Есть элита ненависти, а есть элита гедонизма. Скверно, что все так? Конечно, скверно. Но есть то, что есть.

Каковы отношения между двумя этими элитами? Элите ненависти надо добить страну и народ. Она этим и живет. Это ее «окоп», ради удержания которого она продолжает находиться на территории «этой» страны. А элита гедонизма?

Она рассуждает совсем иначе. Нам не нравится, как она рассуждает? И что? Из ее рассуждений будут вытекать скверные результаты? И что? Важно другое. Важно, что скверные результаты не будут той безусловной смертью, ради которой элита ненависти сидит в своем окопе. Они будут какой-то другой жизнью. Может быть, весьма и весьма прискорбной, но жизнью. Так давайте сначала отодвинем смерть, а потом разберемся в качестве жизни. Альтернатива-то просто в том, чтобы допустить смерть.

Не надо солидаризироваться с элитой гедонизма. Надо открыть глаза, увидеть реальный расклад и действовать. В нашем распоряжении только слабые токи? И что? В компьютерах тоже действуют очень слабые токи. Но если компьютеры подключены к пультам электростанций, то они управляют токами в сотни тысяч ампер.

Итак, каково отношение элиты гедонизма к государству? Она против него? Нет. Государство для нее – очень лакомый объект.

Во-первых, можно «доить» данный объект. А тогда зачем его добивать? Зачем забивать корову, которую можно так отдаивать – на десятки, а то и на сотни миллиардов долларов? Затем, что диссидентам хочется завершить начатое дело? «Конечно, диссиденты – люди очень почтенные. И дело их правое. Но перебирают господ, перебирают... Да и вообще... И вид не тот, и ухватки совсем не те... Не рубят фишку... Не знают, как осуществлять возжеланный процесс отдаивания... Снимем шляпу, поблагодарим за труд по развалу "совка", натравим, когда надо, на гадов, желающих восстановить "совок", но... Но у нас совсем другая игра! Мы не мясники, мы из доильного цеха. А это большая разница».

Во-вторых, при наличии объекта под названием «государство» можно еще и что-то «разруливать». А без объекта – нельзя.

«Это диссидентам хочется добить все и уехать в разные благородные страны на низкие зарплаты... А то и вообще на бедствование, ха-ха-ха... А мы-то понимаем, что нужно социализоваться в этой самой, как ее? – мировой элите. А как социализуешься, если они там фыркают? Надо предъявить объект. Вот, мол, и ракеты ядерные есть, и мало ли еще что... Мы держим объект под контролем. А если придут всякие там негедонистические элементы, они такого натворят! Значит, мы вам – контроль, а вы нам – социализацию. Диссиденты-то что могут? Добить? И что будет? Хаос на территории, начиненной ядерным и иным оружием? Переход сырьевых ресурсов Сибири под контроль Китая? Вам, господа американцы или европейцы, это нужно? Нет. А мы контролируем в ваших интересах. Вы сами проконтролировать не можете. И повторяем: мы вам – контроль, вы нам – социализацию. И инфраструктуру гедонизма. У вас мы хотим оттягиваться, у вас! В ваших Ниццах, Монте-Карлах, Лихтенштейнах, Баден-Баденах и т.д. Дворцов мы хотим на вашей территории – бабки есть. Хотим, чтобы допускали к себе и не фыркали. Чтобы бабки эти не проверяли без конца вашими Интерполами. Мы вам – вы нам».

Как это без объекта под названием «государство» разрулить? А без разруливания – как туда вписаться? Значит, объект нужен? Нужен. Хотя бы для одного этого нужен. Но и для дойки тоже. Да и вообще...

В-третьих, при наличии объекта можно кайфовать. «Ну, проедешь ты на "Роллс-ройсе" по Лондону – и что? Будьте добры, соблюдайте правила уличного движения... И так далее. А если хочется со спецномерах (пусть даже и коммерческой серии)? Да с мигалками? Да кортежем? Да с вооруженной охраной (хоть помповые – все равно ружья)? Да так, чтобы все улицы перекрывали? А если какие-нибудь "Жигули" по дороге, то чтоб сразу в сторону. Это вам уже не деньги, не скука в дворцах и виллах. Это кайф! Адреналин!»

Не так давно по телевизору показывали одного такого адреналинщика... Тот прямо говорил: «Кайф! Купил поместье... Сажу, чай пью, а мужички докладывают... Ну, про погоду и вообще». Попробовал бы он сказать во Франции что-нибудь подобное. А тут – можно. Что, анекдот эпохи, в котором политический лидер увещевает олигархов: «Вы же все приватизировали – нефть, золото, уголь, пора и о людях подумать», – а лидеры отвечают: «Да, душ по триста не мешало бы!» – не имеет корней в реальности? Имеет, имеет! Это и есть кайф, адреналин или третье основание для сохранения объекта, как его ни назови – государство или дойная корова. Что для гедониста одно и то же.

Раздавить или отбросить элиту ненависти своими силами оппозиционные «слаботочники» не могли. В этом и была фундаментальная унижительность ситуации. Но соединить свои слабые токи с элитой гедонизма и дать ей хотя бы потеснить элиту ненависти... в каком-то смысле это удалось. Таков весьма проблемный (вновь подчеркну – и позитивный, и

унизительный) промежуточный результат.

Нынешнее государственное состояние – это частичное обнуление элиты ненависти за счет триумфа элиты гедонизма. Обнуление, конечно, носит относительный характер. Элита ненависти занимает достаточно прочные позиции. Она чуть-чуть отступила, чуть-чуть забила в очень (очень-очень) элитные щели, чуть-чуть сменила лексику, «молотя» под патриотизм, а то и под социальную справедливость.

Но все эти уступки, которых удалось добиться невероятной ценой, отнюдь не означают окончательного исторического поражения элиты ненависти. Она еще будет пытаться брать реванш, и не раз. И именно как элита. В России оранжевая «улица» может возникнуть только как добавление к совсем другому – собственно элитному – оранжизму. В этом принципиальное отличие от Украины, где «улица» все-таки значила чуть больше, а элита чуть меньше.

Даже в конце 80-х годов, когда квазиоранжевые страсти кипели в Москве, выплеснуть оранжевую энергию на улицы можно было только с высочайших элитных благословений. Сегодня, когда энергии намного меньше, это еще труднее. Поэтому оранжисты будут искать элитного реванша. Они будут творить по этой части чудеса, опираясь на противоречивость элиты гедонизма, своего врага и собрата. Оранжисты понимают, что только в этом их шанс в России! Ох, как понимают! Потому что люди неглупые. А еще вдобавок идейные. Идейка скверненькая («эта страна» и прочее), но все же идейка. А у гедонистов-то и этого нет.

Отпихнуть «ненавистников» гедонисты могут. Начать лакомиться государственностью (и бабки, и разруливание, и кайф) тоже могут. Но дальше-то что?

Коллизия, которую я рассматриваю, касается отнюдь не только России. Запад создал третьесортные, но очень лакомые и достаточно широкие элитные ниши. Ниши гедонизма. Теоретически можно себе представить, что в России какие-то немногочисленные представители элиты захотят государства как инструмента не гедонистического, а иного. Например, инструмента Большой Игры.

Вот, скажем, элиты Зимбабве не могут видеть в своем государстве инструмент Большой Игры. Потому что государство маленькое. Так зачем им государство вне вышеназванной триады (дойка, разруливание, кайф)? Либо они почему-то любят свой народ и относятся к государству не инструментально (тогда они элита идеи). Либо оно им за пределами вышеназванной триады абсолютно не нужно. Но у триады есть ограничения. Ну, продержалась у власти определенная элитная группа лет двадцать – двадцать пять. Надоила... Разрулила... Покайфовала... Что дальше? Позиции в гедонистической западной нише есть. Никакая другая гедонистическая ниша не конкурентоспособна. Запад монополизировал гедонистическую инфраструктуру, знаки и фигуры престижа. Что тебе шейх, что вождь... «Оттягиваться» он хочет в местах престижного западного релакса, а не в своем северо- или центральноафриканском дворце. А вот ловить кайф доминантности он может только на своей территории.

Но если он гедонист и ему предложат выбирать между удовольствием-1 (суперроскошное размещение на европейской гедонистической суперэлитной территории) и удовольствием-2 (вытирание ног об автохтонных рабов), то он в итоге выберет удовольствие-1. Он, конечно, повыпендривается и сначала скажет, что не хочет выбирать, а хочет все сразу. Но ему возразят, что выбирать надо. Что он, конечно, может выбрать второе (это самое «вытирание ног»), потеряв первое (Монте-Карло и так далее), но при таком выборе у него потом и второй кайф отберут с помощью очередной оранжевой революции.

И почему это гедонист, поняв, что с ним не шутят и выбор действительно таков, будет артачиться? Потому что он хочет играть в мировой преферанс, используя фишки под названием «народ и государство»? Но если это все Зимбабве, то фишки такие невозможны. К тому же если он гедонист, то он не игрок.

Используя пошлую и жалкую в своей неказистой роскоши инфраструктуру, сделав себя монополистом по части этой инфраструктуры гедонизма, Запад гениальным образом решил проблему. Он оторвал элиты от народов, с которыми они должны быть связаны, интегрировал элиты в себя и снял с них груз исторических обязательств перед их народами. Элиты гедонизма, меняясь и кривляясь, превращали народы в слизь, в гной истории. Развитие народов оказалось ненужным.

Такие смены элитных масок и типов кривляния, конечно, можно попробовать назвать модернизацией элит за счет народов. Но только абсолютно не понимая, что такое модернизация.

«Я вижу рабство и гнет, произвол и насилие повсюду, безмерный чувствую стыд, ибо народ мой унижен – и этим унижен я сам», – писал Уолт Уитмен от лица элиты модернизации. Обучавшаяся на Западе и пропитанная его культурой латиноамериканская интеллигенция возвращалась в свои нищие страны для национально-освободительной борьбы (синоним стартовой фазы догоняющей модернизации). Она теряла завоеванные на Западе позиции, возможности процветания, культурного самовыражения... Ради чего? Ради полунищеты и с трудом осваиваемой массами проповеди... А то и ради жертвенной смерти... Ведь доктор Че Гевара вполне мог преуспевать на Западе, но выбрал иное...

Народ... Если он для элиты является источником мелких, вторичных по отношению к гедонизму лакомостей, то его можно использовать, но не более. Да и то недолго. Потому что и от дойки можно устать, и от кайфа властвования. А на «разруливание» (оно же укоренение на западной элитной территории) не нужно исторически длительного периода. Дети вписываются в чужую элиту, получают позиции в бизнесе, правильным образом строят собственные семьи (включая в них представителей западного элитного сообщества). Ну, и все...

А что еще надо-то гедонисту? Решил он эти задачи – народ становится чистым обременением. Страна – тоже. И чем тогда гедонист будет отличаться от ненавистника? Тем, что просто наплюет и сдаст, а не будет отплясывать джигу на трупе? Невелика разница, если мы говорим о жизни, а не о смерти.

Для «слаботочников» элита гедонизма была инструментом. Средством отодвигания (а по возможности, избывания) элиты ненависти. Но и для гедонистов «слаботочники» были инструментом. Так сказать, средством самолегитимации.

И вот, получив такой культурный и социальный результат, мы говорим о развитии... А есть ли на него хоть какой-то шанс? Ведь речь не об отдельных фигурах. И не о политических лидерах даже. Речь о социальных группах и элитах. На что мы надеемся? Есть ли на что надеяться?

В случае, если мы встанем на позиции романтизма, то надеяться не на что. Ситуация исторического поражения (а оно несомненно) обрекает нас на абсолютно другую – глубоко неромантическую – логику поведения. Я не хочу сказать, что мы должны предать идеалы, стать циниками. Нет, конечно же, мы можем что-то изменить, лишь сохранив в себе идеальное. Но это сохранение не имеет ничего общего с романтизацией реальности.

Наши надежды следующего десятилетия, как и надежды предыдущего десятилетия, будут нести горький привкус унижения. И чего-то добиться мы можем только игнорируя несовершенство наших надежд. Отказавшись от их воспевания и вместе с тем трезво их перечислив. Причем начав с самых, так сказать, несовершенных. И потому самых реальных.

Надежда №1 – на то, что западная ниша окажется «не того». Условно можно назвать это надеждой в духе злоключений Прохорова в Куршевеле, но возведенных в тысячную степень. Причем сразу и количественно (в смысле количества случаев и персонажей, ими задетых), и качественно (в смысле объема проблем, которые будут возникать у наших гедонистов в столь желанной западной нише).

Никакого рационального основания для такой надежды нет. Но к рациональному жизнь не сводится. Рационалистический в целом Запад зачастую совсем не рационален. Кто сказал, что он уравнивает в правах русских и африканских элитных гедонистов? (При том, что русскими будут считаться одинаково Прохоров с Потаниным и Авен с Фридманом.) Не настаиваю, что поражение в правах, при котором то, что позволено африканскому элитарию, не позволено русскому, обязательно состоится. Но считаю это высоковероятным. Потому что Африку снисходительно презирают, а Россию исторически ненавидят. И тут-то как раз и возникает переход за черту рационального.

Если дела будут разворачиваться так (вновь подчеркиваю, что это никак не предопределено, но возможно), то остаться в западной нише русский элитарный гедонист сможет только переквалифицировавшись не просто в ненавистника, а в эффективного киллера. Кое-кто, может, на это и готов, но... надо еще суметь. А кое-кто – не готов. Или в силу темперамента, или в силу структуры способностей, или даже в силу смутного русского потаенного и малопросветленного рефлекса, выражаемого емким словом «западло».

В любом из этих случаев возможна охота западных «волков» на русских наиболее курдючно-аппетитных «баранов». Бараны тогда побегут в Россию. Причем вместе со своими курдюками, то бишь наворованными миллиардами. А что им еще делать? Как говорил герой Достоевского, «а коли идти больше некуда?».

Напустить на баранов местных русских Емельянов Пугачевых невозможно по причине отсутствия реальных соискателей на звание Емелек-XXI. А также той легкости, с которой соискатели мнимые превратятся в некую модификацию тех же баранов («озверевшую», как, надеюсь, все помнят, клонированную овечку Долли, которой все поначалу так умилялись). А также свойств баранов, оказавшихся на нашей «обеспугачивленной» территории. Баран-то он баран, этот высококурдючный гедонистический элитарий, но только по отношению к Рокфеллеру или «Голдман & Сакс». А в своем Отечестве он сам «кого хошь схарчит». Такова унижительная реальность. Реальность нашего регресса.

Значит, дело вовсе не в том, чтобы здесь пускать бегущих оттуда баранов на общенародные шашлыки. Это все романтика. Реальность в другом. В том, что бараны прибегут и принесут с собой самое дорогое – эти курдюки, то бишь бабки. Принесут они с тем, чтобы тут спрятать, потому что в другом месте отберут. Россия и народ станут нужны не только для того, чтобы доить, разруливать и кайфовать. Они окажутся нужны для того, чтобы защитить надои от «ужасных иноземных гонителей».

Это совершенно новая историческая коллизия, которая потребует своего оформления и будет оформлена. Кое-кто уже успел ее оформить в модели разного рода «автохтонных крепостей». Но можно не сомневаться, что реальным подобное оформление станет только в случае, если за поэзией будет стоять именно вышеназванная проза.

Не сомневаться можно и в другом. В том, что прежде всего побежит прятаться в искомую российскую крепость именно тот элемент, который (при использовании абстрактных, освобожденных от груза исторической необходимости критериев) было бы справедливо назвать самым грязным. Именно его ТАМ «прижмут» наиболее сильно и в первую очередь. И именно он будет наиболее склонен к архетипическому поведению, выражаемому как уже названным выше словом «западло», так и еще более сочными, но уже совсем непечатными выражениями.

Хотим мы или нет, мы можем оказаться на randevu с такой вот «элитой». Назвать ее героем моего романа я никак не могу. Но не я же буду организовывать ее «обратное десантирование». Я просто предвижу такую возможность. Как только возможность возникнет, священные символы прежних эпох, используемые ныне в виде пиар-конструкций («Родина», «Держава», «народ» et cetera) наполнятся емким содержанием, адресующим к слову «общак». Речь не о прямой криминальной аналогии, а о метафоре. Чтобы провести грань (и вместе с тем не потерять емкость образа и вытекающее из него понимание существа ситуации), назовем это «общаком» в кавычках и с большой буквы. Так сказать, не обычный заурядный общак, а «Общак». Не надо иллюзий, инвестиционный бум последних лет в России порожден, в том числе, и данной закавыченной сущностью.

Сущность же принесет с собой не только минусы, но и плюсы. Вернувшиеся деньги (а это ведь не только деньги, это позиции, судьбы и многое другое) – почему вернулись? Потому что почувствовали ТАМ угрозу. Но оказаться ЗДЕСЬ мало для того, чтобы угроза исчезла. Чтобы она исчезла, надо это самое «ЗДЕСЬ» сделать защищенным. А это, между прочим, и называется построить дееспособное (в элементарнейших смыслах этого слова) государство. А дальше начинается «суп из топора».

Для того, чтобы было хотя бы такое государство, нужен народ. Для того, чтобы был народ, нужно, чтобы дойка сократилась, а кое-что из фондов (прежних надоев), которыми располагает рассматриваемая весьма безусловная сущность, было отдано на нужды страны.

«Оборонка» нужна, чтобы защищать эту сущность? Нужна. Так пусть сущность поделится. Сытые и достаточно образованные солдаты нужны? Нужны. Они должны быть здоровыми? Должны. Но нельзя сделать здоровыми только солдат. Значит, медицина в целом нужна? Нужна. И спорт. И культура. Идеология нужна? Нужна. А оружие? А технологии? А это самое, будь оно неладно, развитие? Абсолютно дистрофичное в иных условиях развитие может обрести в новой ситуации

весьма грязную, но реальную опору в виде вышеназванной сущности. Она, повторяю, не герой моего романа. Сооружали эту сущность гарвардские консультанты, продиктовавшие постсоветской России так называемые «либеральные реформы».

Я делал все, что мог, для того, якобы эта сущность не выросла. Но она выросла. И что? Теперь нельзя размышлять о том, как эту, взращенную ими, неблагодатную сущность использовать не для гибели, а для спасения? А почему нельзя? Потому что для спасения используется лишь благое? А неблагое гарантированно ведет к гибели? Странная позиция, противоречащая и жизненной практике, и всем историческим теориям, и, уж тем более, духу капитализма. Воскресите Адама Смита и расскажите ему, что только благое начало может реализовывать в рынке благие цели. Он рассмеется... Или плюнет вам в лицо.

Яды ведь используют в медицине. В чьих руках яд – лекаря или убийцы – вот главное.

Впрочем, к мрачному сценарию, предполагающему спасительное использование губительной сущности, все не сводится. И потому – о **Надежде №2**. Надо собирать по крупицам элитные элементы, способные стать носителями не гедонистического, а иного – хотя бы игрового, а лучше бы и игрового, и идейного – отношения к народу и государству.

Всего этого, конечно же, в наличии крайне мало. А то, что есть, крайне незрело. Я могу согласиться с тем, что для кого-то из нынешних очень богатых наших соотечественников государство уже является чем-то большим, нежели объектом дойки, возможности «разруливания» на Западе и здешнего кайфа. Эти соотечественники (подчеркну еще раз, что они в категорическом меньшинстве) в чем-то созрели для понимания роли государства в их большом бизнесе. Но именно в большом бизнесе, а не в Большой Игре. Большой бизнес – это крохи для Игры. Игра начинается там, где на стол кладут даже не миллиарды, а триллионы. Ну, хорошо, сотни миллиардов. А у нас такого бизнеса нет.

Нет и инфраструктуры, в рамках которой огромные состояния могут превратиться в Фишки. Автоматически это не происходит. Нет очень многих других слагаемых – как материальных, так и иных. Много определяется типом сознания. А также пониманием и ощущением (последнее имеет решающее значение) своей неразрывной связи с государством. Государство должно ощущаться как свое по факту. Таковым должно быть глубинное самосознание элиты, вырастающее из тысячи мелких и крупных данностей.

В нашей стране даже те, кто мог бы стать игроками, государства своего побаиваются. И страх этот с годами не убывает, а скорее наоборот. Даже отдельные молекулы такого страха уже препятствуют формированию игрового самосознания и игровой самости. Разумеется, когда я говорю о самосознании и самости подобного типа, то я имею в виду именно совсем большую Игру.

Еще одно препятствие – страшное недоверие друг к другу, порожденное как трезвостью (и то ведь – «война всех против всех»), так и эгоцентризмом, находящимся на грани безумия. Инфраструктура, позволяющая осуществить идентификацию (кто я? где я? зачем я?), разломана и исковеркана. А без нее нельзя собрать никакую общность. В том числе и искомую – «негедонистически элитарную».

Мы должны формировать предпосылки для возникновения подобного типа сознания. Но помнить, что процесс это долгий, неблагодарный и непредсказуемый по своему результату. А также – ну, что греха таить – уж очень, очень нерусский. Нет в архетипе развернутой базы для игрового начала (в смысле Большой Игры, разумеется). В англосаксонском архетипе эта база доминирует. В русском находится в латентно-разобранном состоянии, близком к тонкодисперсному. Собрать-то базу в принципе можно, но тут ее надо собирать, а там она и собрана, и отшлифована, и непрерывно используется. Такая вот диспропорция. Не было бы ее – не проиграли бы Советский Союз.

Как ни странно, в этой ситуации легче уповать на идейное, перескакивая черва промежуточную – игровую – элитную «номинацию». Перескакивая к **Надежде №3**.

Прыжок из гедонистического в идейное в принципе возможен. Потому что даже в самом порочном нашем элитном гедонизме есть какой-то надрыв, невроз. Иногда складывается впечатление, что кое-кто из тех, кто с невероятной цепкостью и жадностью накапливает и изошренно – с надсадным хамством – шикует, может сорваться в новое (позитивное) качество под воздействием любого, самого ничтожного повода.

Конечно, тоненькая пунктирная линия, разделяющая гедонизм непоколебимый и гедонизм трансформируемый, почти не видна. Но лично я ее ощущаю. И абсолютно убежден, что при глубоком кризисе группа наших элитных гедонистов расколется. Когда будет предложен выбор между пребыванием ТАМ, в теплой ванне гиперпотребления, даруемого ИХ гедонистической нишей, и пребыванием ЗДЕСЬ, начнется иррациональный процесс.

Он будет протекать в каждом из обитателей нынешнего «царства Цирцеи», как бы тот ни оброс щетиной гедонизма и какой бы яхтно-дворцовый пятачок у него ни вырос. Этот Процесс захватит не только отцов, которые еще помнят про манную кашу в детском садике и пионерский отряд, но и детей, окончивших западные элитные колледжи. Для того, чтобы он начался, нужно только произнести роковое «навсегда» (forever). Или же «never more» («никогда»), которое прокаркал ворон Эдгара По.

Надо будет сказать: «Ты выбери! ТАМ или ЗДЕСЬ. И не катайся в истериках, что хочешь и там, и здесь, а выбери. Но выбери "forever". И пойми, что после выбора уже "never more"».

Когда такие слова войдут в душу, в ней начнется страшный процесс. Я ничего не идеализирую. Я знаю, что большинство холодно выберет «там» и наплюет на «здесь». Но это будет лишь большинство. Если хотите, всего лишь большинство, а не «всество», о котором когда-то говорил Достоевский.

То, что я сейчас начинаю обсуждать, называется «возвращенчество». Поскольку долгое время героем некоего условного общественно-политического романа у нас был «невозвращенец», я считаю важным подвести под этим романом черту. Установив, что время предыдущего общественно-политического романа, в каком-то смысле, уже позади. «Невозвращенец» понят, описан, обмусолен. Он надоел и другим, и самому себе. Кому он интересен сегодня? Желающим обрести западный покой девицам легкого поведения?

А вот «возвращенец» и не описан, и интересен. **НАСТОЙЧИВО ОГОВОРЮ, ЧТО Я ИМЕЮ В ВИДУ НЕ ВНЕШНИЙ**

ПРОЦЕСС, КОГДА КТО-ТО ИЗ ЖИВУЩИХ ТАМ ЗАХОЧЕТ ВЕРНУТЬСЯ СЮДА, А ПРОЦЕСС ВНУТРЕННИЙ, В ЧЕМО МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ. ПРОЦЕСС, ПРИ КОТОРОМ ПОКИНУВШИЕ НЕКИЙ ВНУТРЕННИЙ ДОМ В НЕГО МУЧИТЕЛЬНО ВОЗВРАЩАЮТСЯ. ЭТО СТРАШНЫЙ ПРОЦЕСС – И АБСОЛЮТНО НЕОБХОДИМЫЙ. ВОЗМОЖЕН ЛИ ОН?

«Я вернусь», – писал Есенин. «Я вернулся», – говорил Одиссей. Кто ты, будущий возвращенец? И что ты с собой принесешь? А главное, за счет чего ты сможешь превратиться в возвращенца, отряхнуть щетину с загривка своего, избавиться от пятачка, снять проклятие Цирцеи?

То, о чем я говорю, можно назвать трансформирующим катарсисом. Его нет и не может быть без определенных метафизических предпосылок. Так их и надо обсуждать... «Разбудить», – говорил Гурджиев, повторяя своих великих метафизических учителей.

Я убежден, что сформируется активное меньшинство, которое испытает трансформирующий катарсис и выйдет из спячки. А поскольку это возможно (на мой взгляд, так даже предопределено), то вопрос о МЕТАФИЗИКЕ – да-да, именно метафизике, задающей тип связей между элитой и народом, – очень важен. В каком-то смысле он намного важнее разного рода практических вопросов. И я предлагаю это метафизическое слагаемое классовой теории развития внимательно рассмотреть.

Глава IX. Метафизический драйв, способный переделать «зайчиков» в «ежиков»

Что такое «политическая метафизика»? Правомочно ли в принципе подобное словосочетание? Попытаюсь доказать, что правомочно. И ровно постольку, поскольку правомочно говорить о политической теории развития. Развитие и метафизика... Эти слова сочетаемы или нет? Все понимают, что да. Но если целое (развитие) допускает политизацию, то и часть этого целого (метафизика развития) тоже допускает? Не так ли? Я уже говорил о том, что труднее всего ответить на вопрос о благодати развития. Не о его полезности – тут все ясно. Но развитие может быть полезно в плане осуществления некоего блага. Оно может, например, дать технику, которая нужна для армии. А армия спасет Родину. Спасение Родины – благо.

Но это не значит, что оно само по себе является благом.

«Развиваться – или нас сомнут...». Мама говорит мальчику, который не любит рыбий жир: «Ты должен пить рыбий жир! Будешь пить – быстрее вырастешь, мышцы станут крепче... и ты побьешь Петю, который тебя обижает». Мальчик, обижаемый Петей, начинает жадно пить рыбий жир. Но не потому, что рыбий жир приобрел для него качество лимонада. Он не вкусность приобрел, а полезность.

Если развитие обладает только полезностью, то говорить о его метафизике невозможно. Полезное лишено метафизически автономной значимости. И неважно, для чего полезно – если только полезно. Полезно ли для того, чтобы спасти Отечество, или для того, чтобы нормально жить!

По мне, так, конечно же, «полезно, ибо спасает Отечество», – и достойнее, и политически разумнее. Потому что тогда благо – это Отечество, а не «нормальная» жизнь. И мы не подвергаем своих соотечественников соблазну свалить из Отечества в поисках более нормальной (да еще и комфортной) жизни. Но Сталин, говоря «или нас сомнут», призывал не просто к защите Отечества, а к защите социалистического Отечества. К кому-то адресовывалось «социалистического», а к кому-то «Отечества» (на что и нужен был фильм «Александр Невский» и прочее). Но вряд ли у кого-то есть аргументированные сомнения по поводу того, что на том этапе истории из социалистического и патриотического (Отечество как таковое) социалистическое было на первом месте и по факту, и по риторике. Да, разрыв между социалистическим и Отечеством был несколько сокращен. Но не более того. Монархическое Отечество не защитили – ну, по факту не защитили, и все тут – от менее мощного внешнего врага. Социалистическое защитили от более мощного.

Да и вообще... Почему нас должны были смять? Как это понимали те, кто откликнулся на призыв? Потому что мы несли миру благо – социализм. А ревнителей зла это не устраивало.

Что является – внешним, конечно же, но естественным – порождением политической метафизики? Идеология! Твое Отечество в ней фигурирует как средоточие блага. Чужое, враждебное – как средоточие зла. Сказать, что «наших бьют», недостаточно. Так бьются стенка на стенку. И так стаи грызутся за территорию.

Кто впервые предложил ввести в политический оборот этих самых «наших»?

Первым в начале 90-х годов это сделал Александр Невзоров, известный петербургский тележурналист. Но интеллектуальным спонсором этого начинания был ученый Лев Гумилев. А почему Лев Гумилев стал интеллектуальным спонсором именно этого начинания? Чем он при этом руководствовался? Руководствовался он своей теорией пассионарности, опасным образом сближающей макросоциальную общность (народ, нацию) и зоопопуляцию.

«Наши» – это не идеологический, а, строго говоря, антиидеологический ход, в рамках которого отменяется необходимость в смысле как таковом. «Наши» – это не носители того или иного высшего смысла. Гумилев не верил в смысл. Но, соответственно, он не верил и в возможность разного рода «национальных возрождений». Какие возрождения, если у этноса – надлом? Для Гумилева под вопросом были все реалии, связанные со смыслоцентрической идентификацией. Ему как теоретику (человек – это, как мы понимаем, совсем другое), что коммунизм, что симфонизм...

Гумилев – это пассионарность плюс «наши», чьи изменения предопределены и зависят от фазы этой самой пассионарности, а не от воодушевленности новой идеей. Объяснить, почему при царе был как бы надлом, а потом произошел как бы новый пассионарный взрыв, он не мог. Да и не хотел. Для него все это – именно «как бы».

С методологической точки зрения (об остальном пусть судят специалисты) концепция Гумилева – это подкоп под идеологию как таковую. Да и под нечто большее. Под все внеприродное в человеке. То есть под прерогативы духа, смысла, культуры... Но главное – дискредитация идеологии. Исторически дискредитируемой идеологией была советская,

коммунистическая идеология. И потому Гумилев был моден в диссидентских кругах. Но удар-то наносился не только по одному конкретному смыслу, но и по смыслам вообще.

На этом примере видно, что говорить только об идеологической войне или даже о войне смыслов нельзя. С методологической, вновь подчеркиваю, точки зрения концепция Гумилева – это не фактор в войне конкурирующих смыслов. Это фактор в войне против смысла как такового. Если точнее, то в игре на понижение роли смысла как такового. Но суть от этого уточнения не меняется.

Идет не только Великая война смыслов. Идет еще и война более высокого уровня, в которой борются Смысл и его Антагонист... Кто же этот Антагонист? Формально – Природа. Ибо там, где смысл – там и культура. А также – дух (в любом его понимании).

Природа... Одно дело – просто ее исследовать. Другое – брать в союзники по борьбе с чем-то... Культурой, например... А почему бы не с Человеком? Ведь говорят же радикальные экологи, что человек – это смертельно опасный вирус, заразивший Землю и даже... Даже Вселенную, которая будет активно подавлять вирус ради самосохранения. А как же доктрина Венца Творения?

Венец ли плох... Творение ли не ахти или... Или доктрина ложная, и ее надо заменить другими... Ну, например, теми, которые не имеют совокупности опасных особенностей, позволяющих возвысить человека над природой...

Если я назову такую борьбу войной идеологий, то я занижу планку. Но где борьба – там политика. Если идет масштабная война чего-то большего, чем идеологии и даже смыслы вообще, война, влияющая на судьбы человечества, то это политическая война. Но ведь не политическая вообще! Политическая война – все же в основном война за власть над человечеством (или его частями), взятыми в качестве данности.

Ну, управляют умами (то бишь общественным сознанием) на конкретном этапе те или иные смыслы. Политик исходит из этого в борьбе за власть. Борьба же за власть над умами, не сводимая, как мы видим, к узкоидеологической борьбе, – это не политика как таковая, а политическая метафизика.

Метафизика развития отвечает на вопрос, почему развитие – это благо. Благо, а не полезность! Не «рыбий жир». Политическая метафизика начинается там, где у Развития как блага возникает Антагонист. Либо в качестве субъекта, апеллирующего к не сопряженному с Развитием благу... Либо в качестве субъекта, воюющего с Развитием как со злом. Такие (весьма могущественные) субъекты были, есть и будут. Противостояние им предполагает союз политики развития с метафизикой развития. И тем, что она порождает. А порождает она сначала доктрину, затем концепцию, затем стратегию и только затем – идеологию в узком смысле этого слова. Низвести все только к идеологии – значит проиграть.

Возьмем, например, сегодняшнюю попытку, причем весьма и весьма масштабную, подменить ценность «развитие» ценностью «демократия». Если мы не привлечем внимания людей хотя бы к самому факту этой подмены... если не покажем, что борьба за формальную демократию превращается в поддержку сил, враждебных развитию как таковому... В этом случае неминуем и идеологический, и политический проигрыш. А порожденный этим проигрышем мутный социокультурный поток поволочет человечество к беспрецедентной исторической катастрофе.

Но мало показать, что формальная демократия – это в ряде случаев демократия с сугубо регрессивным лицом.

Демократия – это всего лишь тип политического устройства, порожденный определенными представлениями о политической свободе, а значит, и о свободе вообще. Как благо, именуемое «свобода», соотносится с благом, именуемым «развитие»? При том, что лично я убежден в том, что свобода – это метафизическое, то есть абсолютное, благо. И все же о чем идет речь? Что такое «свобода минус развитие»? Это «свобода от» или «свобода для»... Для чего?

Почему бы не обсудить:

А) Метафизику развития, то есть трактовку развития как того или иного абсолютного (то есть самозначимого и самодостаточного) блага.

Б) Политическую метафизику развития, то есть войну трактовок развития как подобного блага – с альтернативными, да и просто антигуманистическими, трактовками.

В) Социальную герменевтику, раскрывающую соотношение борьбы трактовок с борьбой... групп, сил, классов, элит... Словом, каких-то конкретных акторов.

Г) Доктринальные основания, то есть варианты мегапроектов, с помощью которых человечество может осуществлять развитие... Тут надо обсуждать судьбу основного Мегапроекта (мегапроекта «Модерн»), судьбу альтернативных мегапроектов, возможности новых (беспрецедентных или имеющих историко-культурную традицию) подходов.

Д) Концептуальные основания, то есть место России в процессе всемирно-исторического развития... Тут-то и надо обсуждать, что такое Запад, Запад ли Россия, и если да, то какой именно, что реально осуществляла Россия, развиваясь (Модерн или не Модерн, но какое-то другое развитие).

Е) Стратегию нашего развития, то есть окончательный выбор типа, формата и динамики России. Выбрали Модерн? Тогда – с такими-то последствиями, такими-то властными, социальными и культурными подвижками... Не Модерн? Тогда – какое другое Развитие и, опять-таки, за счет чего, с какими подвижками, с опорой на что, в условиях какого старта и так далее.

Ж) Идеологию в ее сопряжении с образованием, культурой, национальной политикой, правовой и хозяйственной политикой, конфессиональной политикой, внешней политикой и так далее.

Можно захлебываться в конкретных нерешенных проблемах, надрываясь под их грузом и до хрипоты споря о том, как подавлять вызов острейших и очевиднейших неблагополучий (эпидемии, голод, безпризорность и прочее). Но если есть метафизический драйв, то все равно красной нитью через всю текучку пройдет его «и потому». Мы несем миру новое слово, и потому вши будут беспощадно истреблены... Вместе с теми «элементами», которые не проявляют достаточного рвения в борьбе с этой угрозой нашему великому делу. Кто за? Кто против? Следующий вопрос. Тест на метафизический драйв... Что он диагностирует? Как, впрочем, и тесты на другие драйвы (доктринальный, концептуальный, проектный).

Бездрайвие и антидрайвие, причем воинственное... Вот что поразило меня в первых набросках концепции развития,

предложенных МЭРТом обществу. Бездрайвие – это в чем-то объяснимый феномен. МЭРТ – министерство, ведомство. Чиновное, бюрократическое начало неизымаемо из его деятельности. Проблематична в принципе возможность формирования доктрин, концепций и стратагем в недрах ведомств, которые должны наполнять подобные «оболочки» умными конкретными частностями, а не выступать в неорганичной для чиновников (используя слово без какой-либо уничижительности) концептуально-стратегической роли. Концепция, стратегия – это всегда в каком-то смысле задания. Когда исполнитель (чиновник) сам себе дает задание – добра не жди.

Но было в тех набросках и что-то от антидрайвия. Антидрайв это не саботаж. Это упаковка опасного и враждебного содержания в матрицу, с этим содержанием абсолютно несовместимую. Читатель возразит, что это и есть саботаж. Ну, вот... Сначала враги развития, потом саботажники... ну, а дальше 1937 год, разумеется!

Нет, не буду я соглашаться с читателем! И не только по причинам политкорректного (переходящего в моральное!) свойства.

Саботаж – это продуманная система мер, направленная на желаемый результат. Антидрайв – это не меры, а особая пассивность. Если «плюс бесконечность» – это страстная влюбленность в предмет, а «минус бесконечность» – это страстная ненависть к предмету, то безразличие – это нуль... Так ведь? В арифметике – нуль и есть нуль. Уже в дифференциальном исчислении можно говорить о бесконечно малых (т.е. бесконечно близких к нулю) величинах разных порядков: первого, второго, третьего и так далее. В более сложных разделах математики можно говорить о бесконечно малых бесконечного порядка и сравнивать порядки (бесконечный порядок №1, №2... и так далее).

Не утомляя читателя математической заумью, я предложу ему на рассмотрение нуль, возведенный в бесконечную степень. И разграничение бездрайвия и антидрайва как нуля и нуля, возведенного в бесконечную степень... Нуль, возведенный в бесконечную степень, – это не «минус бесконечность», а тот же нуль. Тот да не тот!

Вы выкачиваете воздух из сосуда, создавая вакуум. Постарались, выкачали, что могли. Но ведь что-то осталось. Вы определили, что именно, и каким-то образом и это изъяли... Но все равно что-то осталось. Не молекула какая-нибудь заваливающая, так атом. Ну, а если вы изъяли все (что, конечно же, невозможно, но в порядке игры воображения допустимо), то ваш сосуд – это бомба. Да еще какая! Не чета атомным или термоядерным.

И еще неизвестно, – что зашевелится в такой пустоте... В этом нуле, возведенном в бесконечную степень.

Уловить вибрации антидрайва трудно. Их легко спутать с агрессивным безразличием или даже этим... как там его? Саботажем... Но, научившись улавливать эти вибрации, ты их ни с чем другим никогда не спутаешь.

Мертвый дух – это не дух отрицания, саботажа и провокации... «Холод пространства бесполого», – говорил Мандельштам... И он был прав...

Впрочем, нам нужны не ощущения сами по себе – пусть даже и метафизические... Нам нужны понятия, позволяющие проложить мост от этих ощущений к определенным политическим качествам... Качествам чего? Чиновных рассуждений о развитии? Нет, всего интеллектуального климата, в котором мы живем!.. И в котором осуществляется обсуждение столь судьбоносной для нашей несчастной страны темы развития.

Нуль в бесконечной степени... Абсолютный вакуум... Холод бесполого пространства... Это все метафоры, с помощью которых я хочу передать другим, да и самому себе, какие-то трудно вербализуемые ощущения. А климат – культурный, социальный, духовный – это понятие достаточно строгое.

Что и как обсуждают в обществе? И как соотносятся обсуждаемые вопросы?

Вопрос №1 – развитие. О нем спорят, например, И.Дискин и А. Проханов на одной из интеллектуальных акций, организованных «Единой Россией».

И. Дискин говорит о «мягкой» модернизации.

А. Проханов – о «жесткой».

Это комментируют репортеры. Градус их интереса? Он даже не нулевой. Он именно из разряда того, что я назвал «антидрайвом».

Вопрос №2 – война кланов. О ней говорят А.Хинштейн и В.Соловьев. Они-то говорят об этом горячо. А комментарии? Общественная реакция? Прошу прощения, из той же «оперы».

Но и не это главное! Корреляция между темами строго равна нулю. «В огороде бузина, а в Киеве дядька»... Две принципиально разные подведомственности.

«И что тут странного, – удивится читатель. – Темы-то и впрямь очень разные».

Для нас с вами в этом ничего странного нет. Нам (и это хуже всего) наш климат начинает казаться естественным и даже безальтернативным. Но давайте проверим самих себя. И адресуемся для этого к прецедентам из своей же истории.

В 1927 году никто не смог бы отделить обсуждение вопроса №2, то есть внутрипартийной борьбы, от вопроса № 1 (одна модель индустриализации, другая). А как отделишь?

Начнешь обсуждать конфликт кланов (Сталина, Троцкого)... Вокруг чего конфликт? Только вокруг развития. Начнешь обсуждать развитие – сразу натыкаешься на кланы («товарищ Сталин опроверг товарища Троцкого в вопросе о развитии...», «товарищ Троцкий опроверг товарища Бухарина в вопросе о развитии...»).

Что теперь? Зюганов опровергает Путина по вопросу развития? Жириновский опровергает Зюганова по вопросу развития? Внутрипартийная дискуссия (клубы-то зачем созданы?) идет по вопросу развития? НЕТ политической дискуссии! НЕТ ее и в помине! А то, что ЕСТЬ (некий полуакадемический спор), натыкаясь на подобное фундаментальное НЕТ, тонет, как «Титаник».

Кто-то скажет: «И, слава богу, значит, не будет 37-го года». Кто-то всплакнет и скажет: «Эх, не дождемся мы славного 37-го».

Слова, слова... По сути же, как мне кажется, Проханов ХОЧЕТ 37-го года ничуть не больше, чем Дискин. Да и кто, кроме однозначных пациентов Кашенко, может ХОТЕТЬ крови, насилия, унижений, страха, лязгающих зубов, черных воронок и

всего остального? А также всего, что с этим прочно связано (начинается с борьбы кланов, а кончается доносами на соседей, с которыми что-то не поделили).

Вменяемый человек, даже тяготясь своей социальной ролью (местом в элите, среднем классе и пр.), никогда не захочет менять это место по технологиям ГУЛАГа и 1937 года. Потому что эти технологии имеют слишком очевидный изъян: «Сегодня ты, а завтра я. Сегодня прорвался в комдивы по чьим-то костям, а завтра захрустят твои косточки»,

Всем хочется такой модели развития, при которой нормальный законопослушный человек получит сразу и гарантии от неправового насилия, и открытые каналы вертикальной мобильности, но...

Но Кромвель... Но Робеспьер... Но Линкольн и генерал Грант... Но... Но... Но...

Почему развитие чаще всего сопрягается с диктатурой и ее – большими или меньшими, но неизбежными в любом случае – издержками? Конечно, это не всегда так. В Индии идет развитие по какой-то очень своей модели. И никакой диктатуры нет. В Бразилии идет развитие (более сомнительного качества, но ведь идет). И тоже нет диктатуры. Но чаще всего ПЕРЕХОД от неразвития (крайний случай – регресса) к развитию действительно использует авторитарные инструменты. Правда, и неразвитие их тоже использует. Может быть и диктатура регресса (смерти нации, наконец).

Но и демократия, как мы видели, может быть демократией регресса и даже смерти. Она не ОБЯЗАНА приобретать такое качество в силу демократичности как таковой, но она МОЖЕТ оборачиваться подобными штуками. А у нас – ими и обернулась. Причем не без форсированной зарубежной помощи. «Анархия 90-х породила у русских отвращение к демократии»... Кто только об этом сейчас не пишет! А анархию-то кто поощрял? Не Гарвард ли?

Серьезные и страстные споры 20-х годов породили кровь 1929 и 1937 года. А также некий исторический результат (индустриализация, выигранная война, космос).

Это был один климат, порожденный огромным (в том числе и метафизическим) драйвом.

Треп, шедший с февраля по ноябрь 1917 года, породил еще большую кровь – и кровь гражданской войны, и (в смысле исторической логики) кровь, связываемую со Сталиным... Антиклимат плюс антидрайв...

Без драйва нет и не может быть ответа на вызовы. Неспособность же ответить на вызовы обрекла на гибель (горькую или сладкую) уже несколько наших элит – царскую, февральскую, горбачевскую. А уж какую цену за это заплатил народ... Снова на те же грабли?

Есть ли сегодня этот самый драйв? Преодолеем ли антидрайв? Изменим ли (и за счет чего) климат нынешних, воинствующе антисерьезных дискуссий? Мы всерьез хотим развития (пусть даже в усеченном варианте модернизации)? Если так, необходимо констатировать следующее.

1. Модернизация – это не СИНОНИМ развития. Это ОДИН ИЗ ВАРИАНТОВ развития. ЕСТЬ И КАРДИНАЛЬНО ИНЫЕ ВАРИАНТЫ РАЗВИТИЯ. Почему надо их сходу отбросить и говорить только о модернизации (мягкой, жесткой)?

Ведь даже сталинская модель развития лишь с трудом может быть уложена в матрицу классической модернизации. Потому что модернизация в сочетании с элементами возврата к традиционности (очень трансформированной, но традиционности) – ЭТО УЖЕ НЕ МОДЕРНИЗАЦИЯ. И пока мы не осмыслим свой опыт всерьез (показав, где и в какой мере сталинские трансформации являются модернизационным развитием, а где и в какой мере – это развитие, но другое), мы никуда и никогда не сдвинемся.

Такое осмысление требует статистических рядов, компаративных построений, классификаций, типологий, моделей. «Ах, нет ГУЛАГа!»... «Ах, да ГУЛАГа!»... Нельзя, поймите, девяносто лет кряду (и даже двадцать постфактум) проклинать и прославлять. Понять, понять, понять наконец-то надо! Не исторической правды ради (хотя и без нее мы никуда не денемся), а с ориентацией на будущее.

Немодернизационное развитие возможно! И именно на нашей территории хранятся какие-то остатки памяти о том, что это такое.

Отождествляя модернизацию с развитием, мы сразу отбрасываем все наиболее существенные для XXI века нематериальные активы нашей, как говорят прагматики, «суперкорпорации Россия». А можно ли, отбросив нематериальные активы, быть эффективными менеджерами?

Шанс России на признание и, простите за грубость, ПРОСТО НА ЖИЗНЬ в XXI веке (да-да, не на достойное участие в разделении труда, а на жизнь) полностью зависит от этих – отбрасываемых при зауженных дискуссиях – нематериальных активов. Потому что только они и нужны миру, как западному, так и незападному. Проект «Модерн» загибается по многим причинам. Запад от него отрекается. Мир без развития проблематичен. У России есть ноу-хау в плане альтернативного развития, не сводимого к Модерну. Она это (возможно, спасительное!) ноу-хау – в глобальный мусоропровод выкидывает?

В любом случае – нельзя всерьез обсуждать тему развития, ставя знак равенства между развитием и модернизацией. Что дальше?

2. Нельзя обсуждать тему развития, не признав, что модернизация как раз и является НАИБОЛЕЕ СВИРЕПЫМ способом осуществления развития.

Вот она-то как раз хуже, чем любой другой вариант развития, сочетается с понятием «свобода». Это так происходит вовсе не потому, что модернизация является злом («глетворным влиянием Запада» и так далее). Это так происходит потому, что модернизация начинает входить в неразрешимое (в окончательном варианте – именно ценностное) противоречие с домодернизационными принципами существования общества.

Модернизация не знает, что ей делать с остатками традиционного общества. Она боится этих остатков. Она понимает, что фактически всегда находится в меньшинстве. Всем, я думаю, знакомы советские дискуссии 20-х годов по поводу того, что рабочий класс является меньшинством населения, страна крестьянская, и потому пролетариат, являясь передовым классом, просто обязан осуществлять диктатуру. Но ведь эти дискуссии ПО СУТИ повторяют общемировую норму. Так же рассуждали якобинцы. Так же рассуждали представители победивших национально-освободительных движений в странах Третьего мира.

Модернизация, справедливо страшась «социального монстра» под названием «ущемляемое традиционное общество», начинает этого монстра подавлять. А заодно и разрушать, чтобы ему неповадно было. Разрушенный монстр – это не база, а шлаки модернизации. Эти шлаки надо переваривать или отбрасывать. И то, и другое не совместимо ни с какой демократией.

3. Нельзя провозгласить модернизацию (жесткую или мягкую), одновременно возвращая религии (или религиям) несвойственные им функции.

Я даже не буду подробно доказывать, почему. Сотни томов по этому поводу написаны. В учебниках соответствующего профиля есть соответствующие разделы. Иначе это не модернизация. В Турции модернизация, в Саудовской Аравии – нет. Уважение к религии обязательно. Все остальное – недопустимо.

4. Агрессия модернизации по отношению к традиции всегда сочетается с накаленной до иступления светско-моральной проповедью.

Модернизация ВСЕГДА должна создать определенный климат, в котором ЧЕСТНОСТЬ становится краеугольным камнем в фундаменте осуществляемого проекта. Нечестность же презренна до крайности и до крайности же жестко карается (руки рубят на площади за украденный пирожок и так далее). Видим ли мы нынешнюю Россию в подобном качестве? И как, если всерьез говорим о модернизации, хотим это качество получить?

5. Модернизация требует, чтобы производство – оно и только оно – являлось тем ЯДРОМ, вокруг которого складываются все остальные формы жизни и деятельности.

Производство, а не потребление! Нельзя путать модернизацию с построением общества потребления. В обществе потребления социальная роль под названием «официант» (или «официантка») имеет совершенно не то содержание, которое она же имеет в обществе производства (то есть модернизации). Мне неоднократно жаловались на Западе на наших «новых русских»: «Они лапают официанток так, как будто бы живут в начале XX века. А ведь сейчас все изменилось! Эти девочки – студентки, они из очень приличных семей! Работать в модном ресторане официанткой очень престижно!»

Таков только один малюсенький штрих. Он не касается каких-нибудь аристократических ресторанов класса суперлюкс, в которых подают по-прежнему выхолщенные лакеи (чаще всего мужчины среднего возраста). Такие рестораны тоже существуют, но не они являются нормой и лицом общества потребления. Лицом же является молодая, очень сдержанная, но почти высокомерная девушка в фартуке, любезно подающая еду и понимающая, что она участвует в отправлении КУЛЬТА нового потребительского общества. Унизительные детали советского общепита и сервиса в целом были порождены еще и ролевой социальной матрицей. Согласно которой престижно – в сфере производства (если не у кулмана, то у мартеновской печи), а вовсе не в сфере «подай-прими-пошла вон».

6. Основа модерна – не только культ производства, но и культ труда.

Богатый бездельник, купающийся в роскоши, – не герой романа под названием «Модерн», а антигерой. К труду как высшей добродетели апеллируют все. Оглянитесь вокруг: высокий уровень уважения к труду уж никак не составляет содержания постсоветской эпохи. А без него модерн невозможен.

И как мы хотим вернуться к трудовым идеалам? Хотим мы к ним вернуться или нет, понимая, что модерна без этого быть не может? Каков ответ на этот вопрос? Но только ответ, а не уклончивый благотреп?

7. Общество, ставшее на путь модернизации, карает коррупцию беспощадно и системно, опираясь при этом в позитивном плане не на свирепые правоохранительные органы только, а на две фундаментальные ценности – честность и труд.

Эти параметры не являются столь фундаментальными в традиционном обществе. Его разрушают еще и в силу этого. А оно сопротивляется. Почему, если это не так, модернизация на Сицилии оказалась столь трудно реализуемой? И что такое мафии, как не сопротивление модернизации?

Отсюда вопрос на засыпку: если у вас сложился гипермафиозный (или, жестче, криминально-социокультурный) мейнстрим, то кто субъект модернизации? Нечто, не вписанное в мейнстрим. Как иначе? А как оно, не будучи мейнстримом, будет поворачивать мейнстрим? Демократически?

Демократия – это по определению власть мейнстрима! Так что вы хотите сказать? Что у нас не такой мейнстрим, а другой? Так ведь это же мало сказать. ДОКАЖИТЕ! Если вы ученые, вы должны не вещать, а доказывать.

Доказательств того, что наш мейнстрим носит социокультурно-криминальный характер, что называется, «до и больше». Есть объективные данные. А есть и нечто другое. Мы ведь не марсиан хотим модернизировать, а своих сограждан. Мы здесь живем.

Нынешняя реальность знакома нам не только по цифрам и статьям. Мы в нее так погружены, что дальше некуда. И что же? Этот опыт – отдельно, а рассуждения – отдельно?

8. Модернизация предполагает фундаментальную переструктуризацию идентичности. Не де-структуризацию с варварской ломкой любых идентификационных матриц, а пере-структуризацию.

Традиционное общество может позволить себе племенные и региональные типы идентификации, дополняемые идентификацией конфессиональной. Если, например, подавляющее большинство жителей Франции – католики, то они одновременно могут быть бургундцами, лотарингцами, окситанцами, бретонцами и так далее. Но, как только возникает конфессиональный раскол (например, между католиками и гугенотами), возникает вопрос – чем спаять общность? Уже не конфессией... А чем?

Традиционное общество не имеет ответа на этот вопрос. Да оно в нем и не нуждается до поры до времени, потому что конфессиональный жар достаточен, чтобы обеспечивать минимум «спаянности» в пределах традиционной социоконструкции. Но тут еще и жар остывает. И оказывается, что короли и феодалы уже не могут обеспечить никакой спаянности (даже полуформальный абсолютизм выдыхается), а робеспьеры и сен-жюсты могут.

А за счет чего они могут? За счет модернизации и тех форм решения вопроса об идентичности, которые она порождает (и которые, в свою очередь, ее подпитывают). Нет уже в пределах новой идентичности ни окситанца, ни бретонца – есть стандартный француз, который (А) является гражданином Франции, (Б) говорит на ее языке, (В) интегрирован в ее культуру

при абсолютной свободе совести, (Г) имеет что-то наподобие этоса (это называлось «благоговение перед Францией»).

А, Б, В и Г – это максимальный из возможных наборов, который характеризует так называемую культурную нацию (Германия, Франция). Англо-американский набор выводит за скобки В и Г. И это называется «политическая нация». Поэтому националист в понимании модерна – это не чудик, который будет рассуждать о том, кто во Франции галл, а кто не галл. Нет никаких галлов и франков. Есть французы. И без такого перехода от галльской идентичности к общепольской – нет ни модерна, ни нации.

А после того, как это зафиксировано, начинается очень жесткий процесс. Вандея настаивает на своей локальной бретонской идентичности? Соединяет такое упрямство с политическим своеволием? Адресует все это к традиционному обществу? Ну, что ж, туда идут революционные дивизии. Они везут с собой гильотину. Их сопровождает для остроты комиссар Конвента с особыми полномочиями и мандатом, подписанным «триумvirатом» (Робеспьер, Дантон, Марат). А дальше начинается кровавая мясорубка, по отношению к которой Чечня – детский лепет. Это известно по архивным источникам. Но тем, кому лень лезть в архивы, достаточно прочитать классический роман Гюго «Девяносто третий год».

Линию Конвента продолжают все. Марата убивают, Дантона и Робеспьера казнят. Но на их дело никто не посягает. Ни более поздние ревнители революционной демократии, ни Наполеон, ни его последователи. Модерн сделал свое дело – создал нацию. И начинает на этом фундаменте реализовывать свой проект.

СЛОМАТЬ БАЗУ СОПРОТИВЛЕНИЯ, ИМЕНУЕМУЮ «ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО», ПОСЕЛИТЬ В ОБЩЕСТВЕ НОВЫЕ СИСТЕМНЫЕ ИДЕАЛЫ, НОРМЫ И ПРИНЦИПЫ – ВОТ ЧТО ТАКОЕ «ДЕЛО МОДЕРНИЗАЦИИ».

9. Никогда и никакой модерн не может быть развернут в обществе без того, чтобы каждая пора социальной ткани не оказалась заполнена глубоким и искренним почитанием Закона.

Причем не абы какого Закона, а формального права, одинакового для всех, всеми выполняемого и разделяемого. Право должно быть именно формальным. В этом основа модерна. И перед этой формальностью должны склоняться все. Буква закона – не презируемая хаотизированным обществом козявка, а священный символ, на который молится общество, упорядоченное этой – особой – «светской сакрализацией».

Ни рассуждениям о том, что право вторично по отношению к правде, ни разного рода присказкам (мол, как телеграфный столб – перепрыгнуть нельзя, обойти можно, как дышло – куда повернул, туда и вышло), в модернизации места нет. Те, кто этого не понимает, проведут жизнь в тюрьмах или быстро прервут ее на гильотине или электрическом стуле. Никаких разговоров о том, что «кто силен, тот и прав», быть не может. Ты силен, богат и нарушил право? Получай по закону! Именно уравнивание всех в правах становится коронным номером нового «монстра» под названием «модернизационное государство».

В соответствии с этим абсолютным приоритетом, самым тяжелым из всех возможных преступлений является ТОРГОВЛЯ ПРАВОМ, то есть коррупция. Потому что превращение права в товар – это конец модерна. И модерн это понимает. Отсюда пресловутые китайские расстрелы на стадионах, выставляемые напоказ набитые чучела и все прочее. Внутри очень разубоженной новой социальной ткани, создаваемой модерном, остается мало «склеивателей». И право является основным из них. Оно становится одной из главных «скелетных» конструкций модерна. И его системообразующее значение осознается всеми – элитой прежде всего.

Это не вопрос наказания. Точнее, не о нем только идет речь. Да забейте вы коррупционерами все лагеря, создайте новый супер-ГУЛАГ, расстреливайте и сжигайте огнеметами (жесткий вариант)... пугайте потерей места в обществе и высоких зарплат (мягкий вариант)... совершенствуйте институты (гибкий вариант)... Ничто не поможет, если нет культуры. КУЛЬТУРЫ, В КОТОРОЙ УКОРЕНЕН ВЫСОКИЙ МОРАЛЬНЫЙ ДУХ, СООТВЕТСТВУЮЩИЕ НОРМЫ, ТАБУ И ПРОЧЕЕ.

10. Модерн немислим без культурной ревалвации. Как в узком смысле (новое, более высокое качество культурной продукции), так и в смысле широком (новое, более высокое качество образования, новое понимание КАЧЕСТВА жизни, не сводимое к КОЛИЧЕСТВУ материальных благ и так далее). Модерн – отнюдь не царство количества, как его уничижительно называл Геген. Модерн меняет требования к качеству, но не отменяет качества как такового.

Нет модерна без классической литературы, повышающей культурное «качество». Нет Александра Освободителя без Пушкина и нет Сталина без Шолохова. Нет западного модерна без классического романа. И так далее. Сейчас наши политики говорят о чем угодно, кроме культуры. А сама культура не говорит, а мычит, и это все слышат. Иногда она мычит жалобно, а иногда свирепо. Иногда благородно, а иногда подло. Но она мычит. Нельзя не вспомнить Маяковского:

*Гримируют городу Крупны и Крупники
грозных бровей морщи,
а во рту
умерших слов разлагаются трупики,
только два живут, жирея –
«сволочь»
и еще какое-то,
кажется – «борщ».*

Совсем никто из политиков всерьез не говорит о культуре. И из интеллектуалов тоже. А происходит-то именно это. Какой тогда модерн? Регресс, декультурация, постмодерн. И что дальше? Нам все время рассказывают, как много сажают коррупционеров, разного рода «оборотней» – в погонах и без них. Можно сажать в десять раз больше и порождать всеми этими «посадками» еще более высокий уровень коррумпированности. Потому что сами по себе эти «посадки», сколь бы свирепы они ни были, лишь повышают цену товара под названием «право» (или «правовая услуга»), находящегося в руках

лишенного морали и не укорененного в культуре чиновника. Платите ему сколько хотите, следите за ним хоть из космоса, карайте хоть четвертованием – он все равно украдет, если нет в нем самом соответствующих культурных и моральных табу.

11. Нет серьезного разговора о модерне вне анализа его социокультурной укорененности в модернизируемом обществе. Иначе это называется – базовый уклад, социальный актив.

КТО будет следить из космоса за коррупционерами и ворами, КТО будет их четвертовать, КТО будет поощрять честных? Вряд ли кто-то полагает, что это может делать человек, не укорененный в соответствующих ценностях, не имеющий адекватных таким действиям моральных и культурных самоограничений. Такой человек возьмет взятку за то, чтобы временно отключить спутник и не обнаружить коррупционера и вора... За то, чтобы не четвертовать вора, а просто зарезать (или притвориться, что четвертовал, а на самом деле спрятать за деньги, а четвертовать другого)... Такой человек будет награждать за честность не действительно заслужившего награду борца с коррупцией, а своего родственника (или кореша). Такой человек любую борьбу с коррупцией превратит в межклановую грызню.

Для победы модерна нужен человек модерна, уклад модерна, модернистская социальная энергетика.

НЕЛЬЗЯ ПОДМЕНИТЬ ПРОБЛЕМУ ПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕКА ПРОБЛЕМОЙ ПРОИЗВОДСТВА ИНСТИТУТОВ. ЭТО ПУТЬ К КАТАСТРОФЕ.

Каким образом в условиях криминального мейнстрима могут сформироваться институты модерна? Институты борьбы с коррупцией? Институты адекватной социальной мобильности? Судьба модерна зависит от наличия актива модерна. Нельзя бороться с регрессом, опираясь на регресс. Необходимые активы не преобладают в сегодняшнем обществе. Их надо собирать по крупицам. Может быть, кто-то уповает на то, что можно такие некриминализованные активы откуда-то ввезти? Опыт наших современных строек показывает, что ввезенные из-за рубежа югославские, турецкие или даже финские фирмы начинают вести себя «перпендикулярно» собственным национальным культурным нормам примерно на третий месяц. А если они этого не делают, то оказываются выброшены с нашего специфического рынка.

Молодежь? Один миллиардер с печальной послеельцинской судьбой очень хотел прочитать лекцию элитным студентам, обучающимся юриспруденции и финансам. А студенты очень хотели послушать живого миллиардера. Миллиардер был в чести... И начальство тоже требовало, чтобы студенты послушали... Миллиардер начал с воспевания ценностей модерна. Аудитория недоуменно вздохнула. Как бы почувствовав это недоумение, миллиардер быстро произнес: «Да-да, мы были другими. Мы не соблюдали правовых норм. Но этот этап позади. А вы теперь будете соблюдать». Суперприличная аудитория несмотря на то, что над ней здесь же надзидало начальство, начала дружно гоготать. И массово покидать зал.

12. Нельзя прийти в конечную точку (успешная модернизация), не отдавая себе отчета в том, откуда стартуешь, какова отправная точка.

ПОЧЕМУ НИ ОДИН ПОЛИТИК ИЛИ ЭКСПЕРТ НАШЕГО ОТЕЧЕСТВА НЕ ОСМЕЛИВАЕТСЯ ГОВОРИТЬ О НАШЕЙ ОСОБОЙ СИТУАЦИИ, СИТУАЦИИ НЕОРГАНИЧНОГО ВЗРЫВНОГО ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО НАКОПЛЕНИЯ? ЧТО ТАКОЕ В ЭТОЙ СИТУАЦИИ НЕ ТОЛЬКО МОДЕРН, НО И ЛЮБАЯ, МЕНЕЕ ЖЕСТКО ПРАВОВАЯ, ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ НОРМА? И КАК СИТУАЦИЮ ПРЕОДОЛЕВАТЬ?

Почему об этом не говорят вообще? В доме повешенного не говорят о веревке?

Однако если мы не будем об этом говорить, если мы СЕГОДНЯ не осмелимся зафиксировать плачевные стартовые условия, в которых надо что-то как-то развивать какими-то способами (модернистскими или другими), то ЗАВТРА об этом заговорят наши враги. Но они-то сформулируют проблему так, как им нужно. Они не будут говорить о первоначальном накоплении, тем более, что у них-то (Гарвард тут лишь один пример) – ох, насколько рыльце в пушку! Они будут говорить о России как о КРИМИНАЛЬНОМ (не криминализованном, а криминальном – понимаете?) государстве.

А сформировав этот образ на основе (признаем, весьма богатого) фактического материала, они получают некие легитимные основания для всего чего угодно, включая интервенцию. Потому что легитимной базы для борьбы с нашей антидемократичностью в принципе не существует – сначала надо бы бороться с ней, например, в Саудовской Аравии. А вот легитимная база для борьбы с криминальным государством зафиксирована многократно.

Страх перед нашим ядерным оружием? Разве страх перед советским ядерным оружием запретил подписывать соответствующие директивы в период с 1946 по 1986 год? И не только подписывать, но и исполнить? «Победа в холодной войне» называется.

Да мало ли что можно сделать после того, как образ криминального государства сформирован и протранслирован всему миру? А как избежать этого в XXI веке? Перекрыть Интернет? Отключить западные спутниковые каналы? Отменить намеченный переход на новые цифровые форматы вещания с расширением набора каналов до 700–800? Ясно же, что это сделать нельзя. А если и можно было бы, то, во-первых, с издержками, превышающими приобретения. А во-вторых, ненадолго и с абсолютно сокрушительными отсроченными последствиями.

Значит, нужен другой образ – более правдивый, емкий, убедительный. Но он не может сформироваться в недрах гламурной доктрины и ее гламурного интеллектуального сервиса.

Приглядитесь к оговоренным выше двенадцати пунктам. Убедитесь, что все должное, относящееся к модерну, противоречит всему, что мы имеем в наличии. И как это противоречие преодолевать? И с чьей помощью?

13. Не может быть серьезного разговора о модерне, если все сводится к сакраментальному «что делать?» и «как делать?». Жестко, мягко et cetera. Любой серьезный разговор требует ответа на вопрос: «КТО это будет делать»? Это называется «рефлексия на субъектность».

Такая рефлексия фактически сведена к нулю. И это начинает приобретать буквально вопиющий характер.

Впрочем, иногда в качестве отговорки адресуют к чему попало (народ, средний класс, гражданское общество), вообще не обсуждая при этом содержание собственных адресаций и их связь с сегодняшней российской ситуацией (где гражданское общество, например, СИСТЕМНО замещено криминалитетом).

В более серьезных случаях роль этого самого КТО (субъекта модернизации) делегируется власти. Но это абсолютно

некорректно. Для такого КТО нужна не власть как таковая, нужны «массовые опоры», социальный базис. Любая власть не может функционировать, не опираясь на определенные группы. Но уж проводить модернизацию, не имея классовой опоры... Об этом можно говорить только у нас и только сейчас. Больше нигде, никто и никогда не мог вести дискуссию в таком формате без подрыва собственного интеллектуального престижа в глазах элиты и общества.

У нас же это оказывается возможно, прежде всего, потому, что Маркс, который был и остается классическим авторитетом хоть в Гарварде, хоть в Сорбонне, в России стал жупелом. И само слово «классы» глубочайше скомпрометировано. Но к этому, конечно, все не сводится.

Ну, не классы... Элиты... Массовая опора... Социальная база... Эти термины ведь никто отменить не сможет. Значит, дело в чем-то другом. Значит, есть какая-то загадка в тоне наших дискуссий. И тут я прошу читателя еще раз закрыть глаза, перенестись в 20-е годы, а потом вернуться в нынешний климат обсуждения проблем развития. Загадочный контраст, не правда ли? Я не о конкретных темах, и не о лингвистике даже. Я о серьезности. А также о связи собственно властной тематики (в ее предельном – клановом – преломлении) и тематики развития. Нет связи. Почему? Загадка? Ну, так и надо ее разгадывать.

14. Еще одно обстоятельство, категорически требуемое для успеха модерна, – консенсус элит.

Если речь идет о модерне, то и консенсус должен быть соответствующий. Западные консерваторы и западные либералы могут вместе рулить нациями лишь постольку, поскольку они внутренне абсолютно солидарны в вопросе о модерне. Это называется – «рамка». Нет рамки – забудьте о развитии. Вот сейчас исчезает эта рамка – какой модерн?

У нас же консенсус модерна отсутствует. Та тема №2, заявляемая Хинштейном и Соловьевым (она же война кланов), о которой я уже говорил, – это не отдельная планета (Марс), по отношению к которой тема №1 (она же развитие) – это другая планета (Венера). Нет, речь идет о двух теснейшим образом сопряженных темах.

Элита ненависти отодвинута. Но элита гедонизма разруливает ситуацию в пределах своей – гедонистической – элитной субкультуры. Причем субкультуры, тесно сочетаемой с особыми формами групповой идентификации, порождающей если не кланы классического образца, то их диффузные аналоги (паракланы).

Структурируясь таким – принципиально не сочетаемым с модерном – образом, элита ведет жесточайшие подковерные бои. Я разобрал их в книге «Качели» и не могу ничего добавить к тому, что там написал. Кроме того, что качели после избрания Медведева, как я и предсказывал, закачались еще надрывнее. Назревает олигархическая мясорубка. Она превращает все стратегические проблемы государства (те самые, которые так остро обсуждались в 20-е годы) в невыносимое для кланов ОБРЕМЕНЕНИЕ.

У вашего клана есть 20 неких, так сказать, «условных дивизий». И вы должны 10 послать на территорию развития. Но у противника ведь тоже 20 «дивизий». А у вас для схватки с ним останется 10. Вывод: нельзя посылать на эту самую территорию развития никаких реальных «дивизий». Территория в политическом плане оказывается пустой (в этом-то и состоит отличие от 20-х годов).

«В каком смысле пустой? – возмутится требовательный читатель. – Не хотите ли Вы сказать тем самым, что никто из соратников Путина и Медведева, никто из околоставных интеллектуалов ничего не сказал о развитии, поддерживая своими высказываниями политических вождей, с их разумными пожеланиями касательно перехода России в новое цивилизационное качество?»

Какое Вы имеете право это утверждать вопреки очевидности? И на каких основаниях? Ведь Вы лишили отдельные высказывания околоставных интеллектуалов авторства! Вы отказались от скрупулезного рассмотрения этих высказываний! Ну, побывали Вы на каком-то или каких-то семинарах, проводимых в ходе того, что Вы называете "18 брюмера Владимира Путина". Так Вы на каких-то семинарах побывали, на каких-то нет... Где гарантия, что Вы адекватно воспроизвели материал, который теперь именуете доказательством какой-то там элитной пустотности?

А высказывания партийных соратников Владимира Владимировича? Вас не устраивает, видите ли, качество этих высказываний!

Ну, и что, что оно Вас не устраивает? Кто Вы такой, чтобы свою субъективную оценку называть научной констатацией какой-то там элитной пустотности? При том, что сама эта адресация к пустотности, мягко говоря, непросто сочетается с претензией на научность?

Уточняйте немедленно свою позицию! Или признайте, что она, как минимум, идеологически предвзята. А как максимум – просто предвзята и представляет собой развернутый парафраз на тему о том, что все, кроме Вас, пусты.

Далеко не всегда соглашаясь со своим, непрерывно меня «прессующим», требовательным читателем, я в данном случае с ним согласен ПОЛНОСТЬЮ. Не на 99%, а именно на 100. И считаю абсолютно необходимым уточнение своего тезиса об обнаруженной элитной пустотности. Тем более, что дальнейшее исследование в какой-то мере должно опираться на этот тезис. А нельзя опираться на тезис, вызывающий подобные – вполне справедливые – нарекания.

Глава X. Авторская рефлексия на процесс формирования периферии исследуемого Текста

Прежде всего, следует осуществить уточнения методологического характера. Во введении к данному исследованию я утверждал, что исследованию будет подвергнут некий Текст. На данном этапе исследования категорически необходимо проверить, является ли исследуемая мною сущность Текстом.

Утверждая, что высказывания Путина и Медведева – это ядро исследуемого мною Текста, я при переходе от исследования ядра к исследованию периферии существенно трансформировал свой подход. Я отказался от принятых норм цитирования, позволил себе иную степень метафоричности. Причем не только в качестве частного исследовательского приема, но и в качестве организующего начала. Фактически все оказалось – в этой части исследования – «организационно подчинено»

метафоре «ежиков» и «зайчиков». Какова степень правомочности такого крена в сторону всеобъемлющей метафоричности? Не противоречит ли это обязательству проводить исследования вообще и исследования Текста в особенности?

Мои уточнения носят двоякий характер. Прежде всего, я вынужден объясниться по вопросу, что такое Текст. Если кто-то считает, что Текст – это совокупность слов, призванных сформулировать определенные мысли, то либо-либо. Либо я должен знакомить сторонника подобного понимания Текста с текстологической традицией вообще и с текстологической традицией XX века в особенности, либо... Либо сторонник подобного понимания Текста сам ознакомится с этой традицией и убедится в том, что он неправ. Что, начиная с древнейших времен, мало кто подходил так зауженно к определению Текста. А уж в XX веке (о XXI говорить рано) так заужено определять Текст стали только профессионалы, которым надо было... Ну, я не знаю... Начинать учить тогдашние электронно-вычислительные машины умению читать хотя бы самые примитивные тексты... Устанавливать формализованные соответствия с тем, чтобы тут же эти соответствия проблематизировать... Наконец, просто выпендриваться, утверждая, что они, зауживая подобным образом определение Текста, являются текстологами не абы какими, а математическими. А все остальные (поскольку математика – известное дело, царица наук) – и не текстологи вовсе, а так... Никчемные болтуны.

Впрочем, и такое выпендривание длилось недолго, пока была мода на математику. И пока не произошла революция в самой математике, где сначала Гедель, а потом Козн и другие начали говорить о внутренней противоречивости царицы наук, а также применять почти текстологические подходы к исследованию самой царицы, вводя при этом представление о метаматематике. О «языке», в котором отдельные математические системы, построенные на той или иной аксиоматике, являются «буквами».

Уже во введении я предупреждал читателя, что мой Текст не будет текстом в классическом понимании этого слова. И сейчас мне легче всего было бы сослаться на тогдашнее утверждение, на уже тогда осуществленную адресацию к метатексту (тексту, в котором буквами являются отдельные тексты), диффузному тексту, паратексту и так далее.

Но я в начале все же выступил в защиту классического понимания слова «текст». И противопоставлю это классическое понимание пониманию зауженному, согласно которому текст – это совокупность слов, призванных выразить какое-то содержание.

Прежде всего, я обращаю внимание читателя на то, что никто из серьезных исследователей текстов никогда не рассматривал оные в отрыве от подтекстов. У любого текста есть автор. Даже когда текст анонимен, у него все равно есть автор. Просто мы не знаем имени этого автора. Текст без автора – это либо электронная химера, либо выдумка формализаторов, модная в первой половине XX века. В любом случае, такой текст не имеет никакого отношения к тому, что я называю Текстом. И для того, чтобы противопоставить свой Текст химере под названием «текст без автора», совершенно не надо оппонировать классической текстологии.

Итак, у текста есть автор. Автор может оперировать текстом по-разному. Авантюрист Феликс Круль у Томаса Манна называет свой текст исповедью, в своей откровенности переходящей в бесстыдство. И при этом в каждой строчке текста врет как сивый мерин. Это тоже использование текста.

Когда говорилось, что любая идеология требует герменевтики классовых интересов, стоящих за используемыми ею словами, констатировался один из возможных зазоров между текстом и подтекстом. «Язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли»... «Формально правильно, а по существу издевательство»... «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке»... Мало ли сказано по поводу того, что никаких прямых соответствий между тем, ЧТО автор говорит, и тем, ДЛЯ ЧЕГО он это говорит, в принципе быть не может. А все психоаналитические трактовки сновидений? Не для того ли они применяются, чтобы обнаружить в высказываниях человека, пришедшего к психологу (заплатившего ему немалые деньги, заинтересованного в результате, знающего, что только при полной откровенности результат возможен, находящегося один на один с врачом, соблюдающим профессиональную этику и давшим лично ему определенные обязательства по части конфиденциальности), ложь!

Так что такое Текст? Это слова или это единство слов и авторства? По-моему, ответ очевиден. Текст – это единство слов и авторства.

Что такое авторство? Это всего лишь гарнир для кролика под названием «текст»? То есть совокупность биографических обстоятельств, помогающих нам понять нюансы смысла, вкладываемого автором в текст? Или же речь идет не об уточнении нюансировок, а о том, что автор может использовать текст по-разному? Для передачи смысла, для искажения смысла, для разрушения смысла... для... Мало ли еще для чего? Опять же, мне кажется, что вопрос очевиден. То единство слов и авторства, которое является текстом, предполагает возможность больших и разнообразных зазоров между названными компонентами этого единства. И не нужно здесь, опять-таки, апеллировать к неклассическому пониманию текстов. Уже у Чехова все именно так.

В какой степени «правило зазоров», являющееся обязательным для классической текстологии, касается методологии исследования политических текстов, которую так и хочется назвать политической филологией?

В меньшей степени, чем когда речь идет о методологии исследования художественных текстов (то есть о филологии как таковой)? В такой же степени? Или в большей? Мне кажется, что и тут все достаточно очевидно.

Когда автором текста является политик, то зазор между авторством и текстом существенно больше, чем в случае, когда этим автором является писатель. Пусть даже и писатель, который (как Чехов, например) сделал использование зазоров между авторством и смыслом высказывания основой своего художественного метода.

Переходя от филологии как таковой к филологии политической (и еще не посягая – подчеркну еще раз – на классическое понимание текста), я должен обсудить с читателем единство текста и действия. Автор художественного текста хочет своим текстом воздействовать на умы. Может быть, у него есть еще какие-то мотивы прагматического характера («не продается вдохновение, но можно рукопись продать»), но они вряд ли сопоставимы (если речь идет о настоящем художнике, а другие не в счет) с мотивом творческим (познать истину через образы) и социальным (повлиять на умы через текст).

У политика все принципиально иначе! Когда Ленин пишет книгу «Государство и революция», то он не только хочет воздействовать книгой на умы. И даже не только прорабатывает планы революции для себя и своих сограждан. Он еще и ведет борьбу с внутрипартийными конкурентами, вплетает текст в партийные интриги. Констатация таких побочных мотивов сооружения политического текста и возможности преобладания этих мотивов над мотивами гносеологическими (что-то узнать для себя) и даже идеологическими (объяснить что-то другим) не имеют ничего общего в очернительстве. Книга Казакевича «Синяя тетрадь», знакомая нашему поколению с детства, равно как и одноименный фильм, были абсолютно апологетическими по отношению к Ленину. Но там было весьма наглядно показано, что автор книги «Государство и революция» не только примеривался к революции, не только звал в нее массы, но и разбирался с товарищами по партии, как повар с картошкой, прессуя их, разводя и так далее.

Все эти разводки, прессовки и так далее являются частью компонента политического текста под названием «автор»? А как иначе? Чем они отличаются от подтекста в том понимании, в каком он существует для филолога, анализирующего художественные тексты? Качественно ничем, а количественно тем, что мотивы, побочные для художника, являются чуть ли не основными для политика. А значит, весомость подтекста в политическом тексте неизмеримо выше, чем даже в самом насыщенном подтекстами художественном тексте.

Есть ли подтексты у Путина и Медведева в их высказываниях о развитии? А как их может не быть, этих подтекстов? Ухожу ли я от задачи формирования Текста (а я предупреждал, что Текст буду не только исследовать, но и формировать), включая в Текст авторство, а в авторство – подтекст? Никоим образом.

Путин долго говорил о развитии. Я эти разговоры зафиксировал, включив их в ядро исследуемого мною Текста о развитии.

Потом Путин делегировал право говорить о развитии Медведеву. Или же Медведев по умолчанию воспользовался этим правом. Что входит в этом случае в понятие «Текст» (при том, что текст от подтекста и авторства в целом отделять я совершенно не собираюсь, как и любой политический филолог)? Только слова Медведева? Слова Медведева в соотношении со словами Путина? Или же вся игра, в которой право говорить передается, как эстафетная палочка, а высказывания перебрасываются от Путина к Медведеву, как футбольный мяч? Конечно же, все вместе.

Дальше вступают в силу прерогативы контекста. Можно отрывать текст от контекста? В классической филологии это можно делать, если филолог является неумным начетчиком. Или если он кокетничает «а la математик». В политической филологии это вообще невозможно. Мы проанализировали контекст и его воздействие на ядро текста, понимаемое нами как единство высказываний и авторств. Что дальше?

Дальше начинается расширительная игра. Путин берет мяч под названием «даешь развитие»... Что значит берет? Употребляя слово «берет», я использую политический жест или метафору, разъясняющую суть путинской игры. Для меня лично ближе к сути дела использование политического жеста. Потому что Путин именно берет этот мяч... Вы или видели спортивные состязания, или участвовали в них – и понимаете, что в слове «берет» есть пластика. То есть жест. Мускулатура напряжена, автор жеста понимает, что «взять» – это не просто протянуть руку.

Как максимум – это значит вырвать у другого. Как минимум – не упустить.

В любом случае – принять некое игровое решение и сопряженный с ним риск проигрыша.

Когда я включаю это «берет» в сущность под названием «Текст», насколько крамольно подобное включение с точки зрения политической филологии? По мне, так не слишком крамольно. Ну, начну я расшаркиваться и говорить, что для меня «берет» – это не политический жест (семиотика как нечто неорганичное для классической текстологии), а политическая метафора (семантика, то есть нечто, для классической текстологии вполне органичное). Нужно ли это? Ведь я же уже сказал, что Текст мой не вполне классичен. А почему он должен быть классичен в ситуации, когда мои постмодернистские противники орут как оглашенные о смерти текста вообще, а также о смерти авторства и многого другого?

В любом случае, согласитесь, грех мой перед классической политической филологией не так велик. А если и велик, то надеюсь, что ты, читатель, будешь великодушен и вместе со мною его замолишь.

Итак, Путин берет мяч под названием «даешь развитие»... Возможность взять этот мяч у него имеется потому, что он о развитии говорил. С этой точки зрения можно говорить и о «засталбливании темы развития» как еще об одном политическом жесте. Или даже ритуале (ритуал – совокупность символически значимых жестов). Так засталбливали на Клондайке участки, надеясь, что они золотonosные. Так загодя готовят припасы для замысливаемых путешествий. Так делают первые ходы в далеко идущей шахматной партии.

Взяв мяч под названием «даешь развитие», Путин кидает этот мяч... Уже не Медведеву! Если бы он кинул его Медведеву, то мы находились бы все еще в ядре Текста. Но Путин кидает этот мяч «Единой России». Когда я фиксирую предельное изумление на лице игрока под названием «Медведь» (ранняя аббревиатура «Единой России» – Межрегиональное движение «Единство»), который получает зачем-то подобный мяч... то это текстологически корректно? Мне так кажется, что вполне. Но если кому-то так не кажется, то пусть вспомнит, что я изначально говорил о не вполне классической текстологии, реагирующей на вызов постмодернизма, декларирующей невозможность текстологии как таковой.

Ход первый – сформировать «под себя» игрока под названием «правящая партия».

Ход второй – добиться для этой «правящей партии» абсолютного большинства в Думе.

Ход третий – отдать президентство Медведеву.

Ход четвертый – забрать мяч под названием «даешь развитие», поиграв перед этим с Медведевым в переброску этого мяча.

Ход пятый – кинуть мяч сформированной тобою «правящей партии» (недоумевающей по этому поводу в гораздо большей степени, чем цирковой медведь, и почти так же, как медведь дикий, которому в тайге зачем-то засветили по голове этим мячом).

Ход шестой – организовать в берлоге «политического Медведя» какие-то дискуссии о развитии. Скажи, читатель, интеграция в текст урчания из медвежьей берлоги – это компонент текста? По мне, так да. А ты как считаешь?

Ход седьмой – возглавить правящую партию, способную, по Конституции, вынести импичмент президенту.

Ход восьмой – стать председателем правительства.

Ходы с первого по четвертый – это ходы, осуществляемые на предыгровом этапе и потому включаемые в ядро Текста.

Ходы с пятого по восьмой – это ходы, осуществляемые на игровом этапе. Как только Путин, взяв мяч «даешь развитие», (а) кинул этот мяч недоумевающей партии (между прочим, правящей в том смысле, в каком это понимается во всем мире), (б) инициировал дискуссии о развитии в этой самой недоумевающей политической когорте единомышленников, (в) сам возглавил когорту и (г) стал председателем правительства от лица когорты, он от формирования «Текста для себя» перешел к формированию «Текста для других».

Вот этот «Текст для других» я и ввел в первый слой текстуальной периферии! Сейчас, расставляя акценты и объясняясь с требовательным читателем по поводу корректности такого построения первого слоя периферии, я завершаю и формирование этого первого периферийного слоя, и его исследование.

Не слова о развитии я нанизываю на свои исследовательские ниточки! Я соединяю слова с авторством, авторство с игровыми подтекстами, подтексты с контекстом ради решения двудеиной задачи. Ради осуществления герменевтики политической игры и ради обнаружения того, что находится по ту сторону игры, – исторического содержания. Частным случаем обнаружения исторического содержания является обнаружение отсутствия оно, то есть обнаружение пустоты.

С игрой, как мне кажется, мы разобрались. Как минимум, в первом приближении. Ну, так мы же договорились, что по ходу дела все время будем нечто уточнять. Разве не этим я сейчас занимаюсь? В дальнейшем мы еще уточним игру. При том, что я категорический противник рассмотрения игры как таковой и исторического содержания как такового. К сожалению, одно перетекает в другое и наоборот. Так было всегда, но никогда это не происходило с такой всепоглощающей, как в нашем нынешнем ХХI, еще совсем незрелом, столетии.

С игрой-то, повторяю, как-то разобрались. А с историей? Для того, чтобы разобраться с нею, нужна некая ритуализация происходящего. Ритуализация – штука, согласен, рискованная. Но, как говорится, кто не рискует... В любом случае – я рискую. И провожу эту самую ритуализацию. Я уже говорил читателю о том, что даже теоретики НЛП (нейролингвистического программирования) называют свой ультрарациональный метод «магией» (смотри, например, классическую книгу Р.Бэндлера и Д.Гриндера о НЛП, которая так и называется – «Структура магии»).

Поэтому, говоря о ритуализации, о заклятии через политический жест, я лишь отдаю дань современности, а не зову читателя в иррациональное прошлое. Но мало оговорить теоретическую допустимость «аналитики ритуализации» в условиях ХХI века, сославшись на действия противника, который только и делает, что суррогатно ритуализирует все на свете.

Надо еще и разъяснить читателям, незнакомым с неошаманскими подходами этого противника, о чем собственно идет речь.

Речь идет о том, что, совершая определенную последовательность действий с прагматическими целями, вы можете случайно (или не вполне случайно, а в силу не осознаваемых вами архетипических обстоятельств) воспроизвести в этих действиях некий незнакомый вам ритуал. Если кто-то этот ритуал наблюдает, то этот кто-то никогда не скажет себе, что вы осуществили знакомый ему великий ритуал не сознательно, а в силу совершенно других причин. Например, ухаживая за барышней. Ритуал слишком сложен. Этот кто-то видит, что соблюден весь рисунок ритуала вплоть до деталей. Он отреагирует на вашу совокупность действий именно как на знакомый ему и почитаемый им ритуал. Незнание вами ритуала не избавляет вас от ответственности, вытекающей из факта осуществления вами одного.

При этом наблюдатели могут быть разными. Есть наблюдатели очевидные – крупные глобальные игроки, например.

Есть наблюдатели диффузные – классы, группы, элиты.

А есть... есть наблюдатель трансцендентный. И совершенно необязательно быть религиозным человеком для того, чтобы утверждать это. Назовите таким трансцендентным наблюдателем Историю. Как именно эта самая история «сгущается», так сказать, до сущности, способной стать наблюдателем? А мало ли как? Через коллективное бессознательное, которое достаточно хорошо изучено. Через сверхсознание, которое изучено хуже, но в достаточной степени для того, чтобы констатировать, что оно есть. Что имели в виду великие люди, говорившие о «кроте истории»? Почему Гегель в своих лекциях использовал этот шекспировский образ? И в какой степени сам Шекспир, вводя этот образ, знал о дискуссиях по поводу крота, которую вели, например, Августин и Альберт Великий? В любом случае, кто только об этом кроте не говорил! От Сталина до Блока. И все, по сути, имели в виду некое сгущение ноуменального до степени, при которой оно обладает чертами феноменального.

Назовите все эти мои апелляции апелляциями к метафизическому контексту или аналитикой ритуализации. Но когда Путин, заявив тему развития, затем отдает ее правящей партии, проводит мозговой штурм внутри правящей партии, возглавляет правящую партию и становится ее премьер-министром, утверждая при этом, что, мол, «развитие или смерть», то это очень определенный ритуал. Причем это ритуал именно политический! Называется это на политическом языке «преодоление бессубъектности».

Вы хотите сказать, что Путин случайно повторяет подряд все жесты, включающиеся в эту ритуализацию, вплоть до деталей? Во-первых, неосознанно – это не значит случайно.

Во-вторых, незнание ритуала не избавляет, как я уже сказал, от ответственности за его осуществление.

А в-третьих... В-третьих, вызвав своим ритуалом дух истории, Путин дал возможность этому духу-«кроту» поведать нам всем, как коллективному Гамлету, о некоей тайне. Тайне элитной пустоты.

Свечи зажжены... Обряды сотворены... Храм развития пуст.

Утверждая, что этот храм пуст, я вовсе не хочу девальвировать высказывания о развитии, которые исторгли из себя как политики, так и околовластные интеллектуалы. Я только хочу сказать, что все эти высказывания были осуществлены НА ЯЗЫКЕ, КОТОРЫЙ НАХОДИТСЯ В ВОПИЮЩЕМ НЕСООТВЕТСТВИИ С ДАННЫМ РИТУАЛОМ. Назовите этот язык академическим или публицистическим, прагматическим или управленческим – это в любом случае не тот язык. Образно

говоря, после путинского ритуала вышеназванные персонажи должны бы были начать глоссолатить, а они очень аккуратно выпили и закусили и при этом корректно обсудили свойства покойника, на чьих похоронах оказались и выпивка приличная, и закуска отменная, и компания стоящая.

В академическом ключе тема наимягчайшей модернизации «по Дискину» уже исчерпана мною в части I. Но, как показывает спор Проханова с Дискиным, тема эта из академической превращается в политическую. Вот что в связи с этим необходимо дополнительно зафиксировать.

1) Никто, кроме очень специфических людей, не хочет и не может хотеть мобилизации ради мобилизации. Потому что мобилизация всегда сопряжена с издержками как краткосрочного, так и долгосрочного характера.

2) Никто, кроме политических садомазохистов, не хочет и не может хотеть «словить» не словесный, а иной кайф от неосталинизма. Хотя бы потому, что желание стать новым Берией сдерживается хорошо осознаваемой возможностью стать не новым Берией, а новым Тухачевским. Да и по другим причинам тоже.

3) Никакой буквальный неосталинский разворот в принципе невозможен. Нужны и более тонкие, и более многомерные мобилизационные решения. Нужны другие методы управления принципиально иным человеческим контингентом, погруженным в принципиально другую информационную и иную среду.

4) Можно пойти на мобилизацию только от безысходности,

5) Даже пойдя на нее от безысходности, надо отдавать себе отчет в том, сколь малы шансы ее осуществить и каковы сценарии в случае провала данного начинания.

6) С имеющимся кадровым контингентом мобилизацию осуществлять в принципе невозможно. И никаких кадровых паллиативов быть не может. Тут все надо менять, что называется «от и до» («революцией сверху» подобное называется или «революцией снизу»). В любом случае, речь идет о глубочайшем изменении всего наличествующего.

7) Наличествующее будет сопротивляться. Это закон любых больших социальных систем.

8) Преодоление этого сопротивления может быть грубым и тонким. Грубое погубит любую подлинную мобилизацию. Тонкое же кто-то должен суметь осуществить. Между тем с такими людьми у нас, как говорил герой Бабеля по сходному поводу, «недостача, ай, недостатка».

9) Почему элита не хочет мобилизации – это к вопросу о невозможности угадать, будешь Берией или Тухачевским. А также к вопросу о нежелании менять на что-либо имеющийся социально-политический комфорт. Но речь идет не только об элите. Речь идет о народе. Мобилизация – это жертва. Подымать народ на очередную жертву опасно по причине его крайней утомленности (почти что исчерпанности). Но, в любом случае, элита не может поднять его на жертву, не продемонстрировав свою способность к удесятенной жертве.

10) Нынешняя элита не хочет не только удесятенных, но и никаких жертв.

11) Контрэлитный резерв невелик и безусловен. А задействовать его крайне трудно.

12) Все, что я только что оговорил, свидетельствует в пользу предложений Дискина.

13) Единственное, что свидетельствует в пользу мобилизации – это неосуществимость предложений Дискина. А также такой разворот мировых событий, при котором для выживания России нужно будет быстро переводить ее в совсем новое технологическое (а значит, и цивилизационное) качество.

14) Делать это можно лишь с помощью мобилизации, причем не просто мобилизации, а прорывной, то есть сверхфорсированной и сверхсложной мобилизации.

15) Это не имеет никакого отношения к тупым рекомендациям «завернуть гайки». Где-то и впрямь надо завернуть до хруста, где-то наоборот ослабить. А в целом надо делать нечто совсем другое. Выявлять «точки роста», формировать инфраструктуру и институциональность будущего. «Институт будущего», если хотите (прошу не путать с научным учреждением). Я это в нескольких своих работах описывал и возвращаться здесь к этому не хочу.

16) Иосиф Дискин книгу написал, причем толковую. И почему, собственно, нужно делать выбор в пользу мобилизационного прорыва, который я предлагаю, а не в пользу дискинского мягкого варианта? Потому что я, видите ли, не верю в осуществимость дискинского (да и любого другого мягкого) варианта развития? Ну и что, что я не верю. А вдруг это получится?

17) Мне, как гражданину и человеку, хотелось бы, чтобы получилось. И если получится – я буду доволен донельзя. И свое человеческое место в дискинской реальности найду. Причем не без удовольствия. А найду ли я это место в той реальности, которая возникнет в ходе осуществления моих предложений, – это еще вопрос.

18) Короче говоря, мои предложения плохие, а дискинские – хорошие. При всех их минусах – все равно хорошие. Говорю без всякой иронии, я действительно так считаю.

19) На плохой вариант можно пойти только испугавшись самого плохого и провалив хороший.

20) Самый плохой вариант – крах России. У черты этого краха, у самой последней черты, мы пойдем на плохие варианты ради недопущения наихудшего. И будем при этом по возможности умны и осторожны донельзя.

Такова положая руку на сердце моя позиция, и не только моя. И не надо эту позицию путать с позицией тех, кому нужна жесткость ради жесткости. Жесткость ради жесткости абсолютно аморальна и контрпродуктивна. Говоря об этой аморальной и контрпродуктивной позиции, я не имею в виду Проханова. Из всех знакомых мне мобилизационистов – он самый умеренный и адекватный. Есть и другие люди. Совсем другие.

Почитаешь их – и еще больше хочется успеха мягкой модернизации. И тянешься к работам ее сторонников. Внимательно читаешь эти работы – и разводишь руками. Почему, к примеру, модернизационный актив – это сообщество успешных людей, о чем поведал нам один из вполне компетентных и адекватных политических интеллектуалов России – Сергей Караганов? Что такое успешность в постсоветской России? Чем она измеряется? Деньгами, положением в обществе, которое связано с этими деньгами?

Почему я должен считать себя неизмеримо более успешным, чем мой бывший научный руководитель, профессор, доктор

наук, один из блестящих геофизиков, получающий 500 долларов? Какое развитие возможно в рамках подобной формулы успешности? Я этого не понимаю, а другие понимают. И я не хочу с ними об этом дискутировать.

Обозначив, в чем я в принципе с Карагановым не согласен категорически, – я должен сказать про то, в чем я с ним согласен.

Сергей Караганов считает, что заявка Путина и Медведева на развитие так возбудила неких глобальных акторов, что они натравили на Россию Саакашвили! Караганов очень хорошо знает мировой истеблишмент и он не сторонник теории заговора. Так что я благодарен ему за эту мысль (если я ее правильно понял).

И потому, что это ценная мысль.

И потому, что эта мысль подтверждает мои аналитические выкладки (очень важно, когда нечто подтверждено человеком, прекрасно знающим предмет под названием «мировая элита»).

И потому, наконец, что это-то я и называю реакцией на ритуализацию. Ведь не в том дело, что Путин и Медведев стали разговаривать о развитии, а в том, что замаячило преодоление бессубъектности. Более того, стали обсуждаться меры, – да-да, конкретные меры – способные это преодоление осуществить. Тут вам и претензия на стратегирование (мозговые штурмы, видите ли, внутри правящей партии), и увязывание партии с концептом (развитие – это именно концепт), и придание правящей партии новой политической роли, и параллельные геополитические претензии. Кто не возбудится-то от такой ритуализации? Был бы я альтернативным России историософским и геополитическим актором – тоже возбудился бы. В конце концов, вторая по мощи ядерная держава. Единственный на сегодня реальный ядерный конкурент США.

Короче – много кто сказал много чего о развитии. И дело не в том, что я хочу все эти высказывания назвать пустыми. Дело в том, что в высказываниях были применены все языки – аналитический, публицистический, академический... Все, кроме одного – языка реального стратегирования, то есть языка элитной ответственности. Это избегание определенного языка мне очевидно до боли. И никто мне не докажет, что я ошибаюсь. Потому что я не ошибаюсь. Я, к сожалению, не ошибаюсь. Я так хотел бы ошибиться.

Гора ритуализации, вызванных прагматическими и игровыми причинами, родила мышей – академических, публицистических и иных. Она не родила стратегирования, не родила субъекта, не соединила субъекта с концептом, не породила полноценной национальной дискуссии и так далее.

Все эти многочисленные «не» сплетаются в элитную пустоту, которая обнаруживается под кожей, так сказать, очень разных и мною никак не девальвируемых КОНКРЕТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ. Не в том дело, каково качество высказывания. Пусть судит об этом общество, состоящее из разных групп, каждая из которых к качеству высказывания относится по-своему.

Дело в том, что осуществленный ритуал – это про Фому. А все беседы в рамках ритуала – это про Ерему. И все.

Скажут: «И слава богу, что про Ерему! Вам бы все про вашего Фому! Мобилизацию вам подавай, чистки, репрессии, зачинчивание гаек, экспроприации! Хватит!»

Не хочу спорить с теми, кто так скажет. Мог бы, да не хочу. Можно, конечно, доказать, что мобилизация – это не репрессии и не чистки. Что на самом деле нечто, имеющее отношение к моему пониманию должного и эффективного, намного мягче не только самой мягкой модернизации, но и всяких там концепций МЭРТа. Что трогать общество в его нынешнем состоянии «ежовыми рукавицами» может только безумец. Что положение дел слишком скверно и несовместимо ни с какой традиционной, так сказать, политической медициной. Что тут ни скальпель политический, ни радиология не помогут. Что тут нужно точно воздействовать на параллельную акупунктуру. Но это все по поводу того, что надо делать. На мои представления по этому поводу найдутся и критики, и обладатели альтернативных представлений. С одной стороны, слава богу, что найдутся. Всегда хорошо, когда предложений много, когда критика не отменена. А с другой стороны... С другой стороны, опять же, я про Фому, а мне про Ерему.

Я про то, КТО будет нечто делать (в данном случае развивать).

А мне о том, ЧТО надо делать.

Я о преодолении бессубъектности.

А мне о показателях роста.

Я о том, что без субъекта ничего не будет.

Мне о том, что формирование субъекта породит кровь, несвободу и прочие ужасы. Почему формирование субъекта это породит? И почему продление бессубъектности этого не породит? Я так считаю, что все с точностью до наоборот. Но не будем даже об этом подробно спорить.

Согласимся, что про Фому (то есть про субъект развития) надо говорить только на языке Фомы. То есть на языке стратегирования, отвечающем актуализации соответствующих субъектных потенций. Вы считаете, что отсутствие разговора про Фому на языке Фомы – это хорошо. Ваше право. Вы соглашаетесь, что разговор про Фому на языке Фомы отсутствует? Уже, говоря о том, что, де, мол, и слава богу, – вы признаете это отсутствие.

Ну, так я его, отсутствие это, и называю элитной пустотой, элитным Ничто. Я обнаружил это Ничто, обнаружил, как Путин вызвал своей случайно-прагматической ритуализацией дух истории (а также много что еще), и все эти вызванные сущности, как крысы из сна гоголевского городничего, будучи вызванными, «пришли, понюхали и пошли вон». Вы радуетесь, что они пошли вон... По мне, так страшно, что вы этому радуетесь... Но это ваше право. Вы соглашаетесь с тем, что они пришли, понюхали и пошли вон? Да или нет?

Если вы соглашаетесь, то тем самым мы договариваемся о том, что я, исследуя первый пласт текстуальной периферии, обнаружил некое отсутствие, проанализировал его, назвал элитной пустотой или элитным Ничто, обсудил генезис этого Ничто, выявил его тонкую структуру (поскольку это вообще возможно по отношению к Ничто, а возможно это только с помощью метафоризаций). То есть я осуществил некую исследовательскую работу, а не отказался от оной ради восхваления себя и поношения других.

Я эту работу осуществил. Я ее сейчас доосмысливаю. И я от нее перейду к исследовательским работам другого типа, в ходе которых и мой совокупный текст изменится, и его осмысление станет, надеюсь, более глубоким.

Пока же, в завершение очень большого этапа исследовательского проекта, давай, читатель, всмотримся в пустоту, которую я обнаружил. Вслушаемся в нее и задумаемся. Давай вместе созерцать мистику бессилия. Ту мистику, в которой из политических уст, как воробы, вылетают слова о развитии. Вылетают – и превращаются в мертвые льдинки. Ты видишь, читатель, как живые птички превращаются в эти мертвые льдинки... Ты наблюдаешь за подобной метаморфозой и... И что ты при этом испытываешь? В конечном итоге, все зависит от этого.

Ибо одно дело – видеть частности, негодовать и идти неведь куда за очень активными слепыми поводьями. А другое дело – прозреть, встретившись с явленной тебе пустотой.

Нет у моих логоаналитических хитросплетений никакой иной цели, кроме этого прозрения. Ради него – герменевтика с ее обнаружением пустоты.

Согласись, читатель, являясь политической проблемой №1, такая пустота является и фундаментальной гносеологической проблемой.

И впрямь ведь, когда в процессе исследования Текста (а одновременно и формирования оно) обнаруживается Нечто, то понятно в целом, каким образом это Нечто надо исследовать.

А когда обнаруживается не Нечто, а Ничто? Является ли такое обнаружение гносеологическим результатом? По мне, так, безусловно, является. И не только потому, что первая заповедь ученого: «Отрицательный результат – это тоже результат».

Обнаружение Ничто элиты, ее особой пустотности – это не тот отрицательный результат, о котором говорится в данной заповеди. То есть, конечно же, это отрицательный политический результат. Результат, которому можно и должно дать предельно жесткую отрицательную оценку. Но в научном плане это результат не отрицательный, а положительный, существенно продвигающий нас вперед в нашем исследовании судьбы развития в России и мире. Ибо судьба развития в России предопределена обнаруженной нами элитной пустотой, этим специфическим элитным Ничто. А наше элитное Ничто, наша зловещая пустотность не может не быть связана с общемировым процессом. Вопрос лишь в том, как именно связана.

Сценарий №1. Общемировой процесс насаждает (причем достаточно равномерно) локальные элитные пустотности (отчужденные от народов элиты). Впоследствии элитные локальные пустотности должны, слившись, создать пустотность глобальную, общемировую элитную Ничто. Глобальную элиту, отчужденную от человечества.

Сценарий №2. Общемировой процесс не равномерно насаждает эти локальные пустотности, а, избрав в очередной раз Россию в виде так называемого «слабого звена», хочет, взрастив ее элитную пустотность, спроецировать затем эту пустотность на человечество.

Сценарий №3. Общемировой процесс использует взращиваемую им российскую пустотность как негативную тенденцию, отстраиваясь от которой, можно сформировать тенденцию позитивную. Кто-то назовет это историсофской тягой, при которой российский историсофский поршень опускают вниз для того, чтобы другой поршень поднялся вверх. Кто-то то же самое назовет локальной контринициацией (культурным сбросом), позволяющей осуществить инициацию (культурный подъем) в соседнем месте.

Подтверждением последней трактовки могла бы стать развернутая реплика М.С. Горбачева, который в 1992 году в ходе одного достаточно открытого обсуждения, проводившегося под стенограмму, вспоминал свою давнюю поездку в Европу, где ему было сказано (очень авторитетными, как подчеркнул Михаил Сергеевич, людьми), что «Европа мертва и не воскреснет, пока не закипит русский котел». Если я правильно тогда интерпретировал интонацию (а развернутая реплика была ответом на мою аналитику), то очень авторитетные люди не могли иметь в виду ничего, кроме этой самой историсофской тяги с опусканием «русского поршня» во имя подъема «поршня европейского».

Сценарий №4. Российская пустотность возникла в ходе каких-то, прискорбно органичных для России метаморфоз (крахов, коллапсов, кризисов и так далее), которые были поддержаны миром, исходя из шкурных недальновидных соображений.

США казалось, что так можно добить геополитического противника.

Мировому капитализму хотелось наиболее наглядно и сочно расправиться с коммунизмом, своим «могильщиком».

Русофобам всего мира (а кто сказал, что их нет?) хотелось с помощью формирования этой пустотности расправиться с ненавистной страной и ненавистным народом (а также ненавистной культурой, ненавистной глобальной историсофией и так далее).

Но возникла пустотность в силу некоей нашей органики, уже сотворившей не раз нечто подобное. Неужели же мы не хотим понять, что это за органика, и не считаем исследовательским результатом то, что взыскует (пусть и с поправкой на сценарную вариативность) подобного понимания?

Наконец, возможны различные композиции из описанных мною четырех сценариев.

В любом случае, эта элитная пустотность, это Ничто, обнаруженное нами на этапе соединения ядра Текста с его периферией, – выявленный фактор. Причем, возможно, весьма существенный, а то и решающий.

Для любого исследователя выявление такого фактора является научным результатом. Предположим, что это выявление всего лишь позволило бы предложить читателю описанные четыре сценария в совокупности с анализом каждого из них и их композиций. Разве только это одно не имеет права называться научным результатом? А ведь речь уже идет о большем. И мы лишь на середине своего исследовательского пути.

Так фиксируем результаты.

Признаем, что, отделив Текст от Контекста (и наладив связь между ними), мы сначала сформировали ядро Текста. А потом добавили к этому ядру периферию Текста.

Что сначала мы соотнесли с Контекстом только ядро Текста. А потом, структурировав Контекст и выделив в нем подтекст в качестве отдельного уровня, сумели – через воздействие подтекста на Текст – соединить ядро этого самого Текста с первым

слоем текстуальной периферии.

Что достроенная нами система нами же доосмыслена.

Что мы не только поняли нюансы политической игры, но и соприкоснулись с историей. Пока лишь через обнаружение этой самой элитной пустоты. Но и это отнюдь не мало.

Признав все это, двинемся дальше.

ЧАСТЬ IV. «ПЕРЕСТРОЙКА–2»

Глава I. Только наблюдать – или воздействовать, соучаствуя?

Еще и еще раз уточним то, что всегда немаловажно для любого исследователя: его, исследователя, возможности по отношению к исследуемому, то есть предмету. Тут все зависит и от исследователя, и от предмета.

Исследование является научным до тех пор, пока есть объект, субъект и отношения между ними.

Объект – это предмет исследования.

Субъект – это исследователь.

Отношения между субъектом и объектом – исследование как процедура.

С момента, когда отношения между исследователем и тем, что его интересует, теряют субъект-объектный характер (а это происходит чаще всего тогда, когда исследуемое из неодушевленного «что» превращается в разумное и сопротивляющееся исследованию «кто»), речь идет уже не о науке. А о совсем другой гносеологической процедуре: интеллектуальной игре, в которой моделируются взаимодействия между двумя и более субъектами, участвующими в этой игре.

Объект не знает, что субъект его исследует. А если и знает, то не может помешать исследованию. Превращаясь из объекта в субъект, исследуемое может мистифицировать исследователя, имитируя ложные формы поведения для того, чтобы сбить его с толку, и порождая этим особую интеллектуальную деятельность по распознаванию ложных форм поведения, их расшифровке, обнаружению скрываемых планов. Подобная интеллектуальная деятельность, оставаясь интеллектуальной (и даже усложняясь по отношению к обычной научной деятельности), в строгом смысле слова уже не является научным исследованием.

Почему мы можем называть наше исследование научным?

Во-первых, потому, что никто из авторов высказываний, которые мы превращаем в Текст, не осуществляет высказывания с тем, чтобы сбить нас с толку. Кого-то, может быть, они и хотят сбить с толку, но не нас. И не подобное сбивание с толку доминирует в их побуждениях, порождающих интересующие нас высказывания.

Во-вторых, потому, что, исследуя единство авторов и высказываний (а любой другой подход, как я уже не раз показал, даже филологически некорректен), мы считаем первичными фактами, по отношению к которым осуществляется исследование, высказывания. Итак, предмет данного исследования – судьба развития в России и мире. Фактологическая база – этот самый Текст, который мы формируем, классифицируя и сопрягая высказывания, и анализируем в единстве с его неотменяемыми дополнениями и «обрамлениями» (подтекстом, контекстом и так далее).

Мы же не оперативники, для которых фактология – это прямые данные о намерениях и действиях игроков. Мы рассматриваем игроков в основном как авторов определенных высказываний. При таком рассмотрении мы не отказываемся от аналитики игры, просвечивающей за фактом того или иного высказывания и являющейся его контекстом или подтекстом. Но логоаналитика опирается (подчеркиваю – именно опирается!) не на то, что такой-то игрок то-то и то-то сделал в соответствии с таким-то и таким-то замыслом, о котором нам известно из таких-то сообщений. Нет, логоаналитика опирается на то, что такой-то и такой-то игрок решил стать автором такого-то высказывания. Зачем он решил им стать – это одно. Это его решение – одно из слагаемых игры, высказывание не может не соотноситься с игрой, если это политическое высказывание. Соответственно, тут все зыбко: ведь решается обратная задача – по высказыванию определяются его мотивы, его игровая функция, а значит, и игра в целом. Но внутри этой – неотменяемой в силу природы логоаналитического метода – зыбкости есть несомненность.

Она выражена в том числе и в народных поговорках. Одну из них я уже приводил: «Слово не воробей, вылетит – не поймашь». Другая – ничуть не менее «логоаналитична» по сути своей: «Что написано пером – не вырубишь топором».

Одно дело – размышления о том, зачем такой-то игрок что-то написал (высказал). Такие размышления, по определению, носят вероятностный характер. Как и любое решение так называемой «обратной задачи», не зря называемой «неустойчивой» и «некорректно поставленной». Но ведь решаемой! Целая математическая школа создана для подобных решений.

Другое дело – то, что игрок (по каким-то, повторяю, с трудом и неоднозначно реконструированным причинам) нечто высказал, написал. Почему он это написал, всегда не до конца ясно, но может быть существенно прояснено с помощью определенных исследований. Но вот то, что он это написал и что написанное теперь топором не вырубишь, принадлежит не сфере проясняемой с помощью определенных процедур сомнительности, а сфере несомненного. Написал, написал! А не написал, так заявил – тогда-то, там-то. Фиксируя это, мы обретаем точку опоры, а значит, и возможность применения строгих исследовательских процедур, не выходящих (или не слишком выходящих) за рамки научности.

Извлекая что-то из несомненности высказывания, из несомненности построенного из этих высказываний Текста, мы отдельно от этого рассматриваем игру высказавшихся. Она для нас иногда является контекстом, иногда подтекстом. Но есть у нас нечто, кроме сомнительной игровой реконструктивности. И поскольку это нечто есть, постольку мы сопричастны науке. Находиться же всецело на научной территории и не нужно! Исследование игры – это тоже исследование.

Оговорив еще раз неотменяемую специфику логоаналитического метода, порождающую его размещение на границе между наукой и аналитикой субъект-субъектных игр, я хочу перейти к другому. Более прикладному, но, к сожалению, не до конца очевидному. В силу этой неочевидности мне придется потратить сколько-то страниц на методологическое отступление, поскольку без такого отступления может возникнуть недопонимание в вопросе о том, почему я именно так и никак иначе формирую вторую оболочку периферии того Текста, который является для меня фактологической базой исследования.

С определенной – я бы назвал ее экзистенциальной – точки зрения, это и так ясно. В самом деле, если, сформировав первую оболочку периферии этого самого Текста, я выявил то, что назвал элитным Ничто или элитной пустотой, то вторая оболочка должна быть посвящена моим диалогам с этим Ничто, этой пустотой. А иначе зачем я ее выявлял?

Пустота же сама разговаривать не начинает. Ее можно побудить к этому, только осуществляя так называемые активные воздействия. Пустота на эти воздействия может откликнуться, а может и не откликнуться. Но если суждено сформироваться второму слою этой самой текстуальной периферии, то только в виде соответствующих откликов пустоты.

Мефистофель предупреждает Фауста:

...Готов ли ты?

Не встретишь ты заповей пред собою,

Но весь объят ты будешь пустотою.

Ты знаешь ли значенье пустоты?

Однако апелляция к «Фаусту», к диалогу с какой-то там пустотой дополнительно проблематизирует научность используемого исследовательского метода. Я, кстати, никогда не говорил, что так уж держусь обеими руками за эту научность. Я говорил, что хочу исследовать нечто, но не говорил, как именно. Художественный метод – это тоже метод исследования.

Кроме того, есть, как мы знаем, промежуточная территория. «Так говорил Заратустра» Ницше – это художественный метод или научный? «Бытие и Ничто» Хайдеггера – это эссеистика или философия? XX век уже размыл все эти грани донельзя. А XXI завершит его сокрушительную работу. И поди разберись теперь, где проходит граница между пониманием и объяснением, то есть между гуманитарным и естественнонаучными методами исследования, а где гуманитарное переходит в художественное.

И все же мне для начала (чуть позже я опять вернусь к экзистенциальным аспектам используемого метода) хотелось бы оговорить и что-то строго научное.

Речь идет о разнице между научным исследованием, осуществляемым с помощью пассивного наблюдения, и научным исследованием, осуществляемым с помощью активного воздействия на предмет, регистрации и анализа, получаемых с помощью этого активного воздействия откликов. Два метода научного исследования – пассивное наблюдение и анализ активных воздействий – одинаково применяются как в естественных, так и в гуманитарных науках. Их разграничение с научной точки зрения абсолютно корректно.

На геофизическом факультете, где я получал свою первую физико-математическую специальность, были даже кафедры, занимавшиеся только активными воздействиями на изучаемые объекты или только пассивными воздействиями. Разные профессора читали нам разные курсы, подробно разъясняя различие между методами активного воздействия (изучения наведенных полей) и методами пассивного наблюдения (изучения естественных полей).

Гуманитарные исследования сталкиваются с тем же методологическим разграничением между активным воздействием и пассивным наблюдением.

В самом деле, если вы встречаетесь с живым автором и ведете с ним диалог, то в ходе диалога автор может трансформировать компоненты своего поведения, включая содержание своих высказываний. И это – результат активного воздействия, сближающего ваше научное исследование высказываний некоего автора с игровой аналитикой.

Но если вы вчитываетесь в уже сделанное высказывание, то ваше вчитывание не может изменить высказывание так, как может изменить речь живого собеседника ваше полемическое слово, на которое он начнет отвечать. Следя за речью живого собеседника, с которым вы говорите, вы играете. Вчитываясь в уже осуществленное и неизменяемое («не воробей», «не вырубил топором») высказывание, вы занимаетесь научной деятельностью.

Так, значит, не только в том дело, что мне сейчас необходимо с экзистенциальной точки зрения поговорить с пустотой, оказав на нее воздействие (без которых она говорить не будет) и проанализировав отклики.

Этот – конечно же, для меня основной – экзистенциальный, всегда близкий к художественному, исследовательский смысл может быть дополнен и гораздо более строгими научными соображениями.

С их точки зрения важно, (а) соучаствуете ли вы в создании объекта, который исследуете, или же этот объект вам дан как нечто окончательно оформленное, и (б) можете ли вы посылать в это оформленное свои сигналы и получать отклики, или же вы должны только регистрировать функциональные характеристики объекта.

Пример соучастия в создании объекта: вы хотите исследовать химическое вещество и что-то в него добавляете. При этом вы свой объект досоздаете фактом добавления в него чего-то.

Пример возможности получать отклики от объекта, который вы не можете досоздать: вы не можете досоздать пациента, но вы можете не просто прощупать его пульс, но крикнуть на него (послать ему сигнал) и зарегистрировать изменения пульса.

Пример, в котором этой возможности нет: под землей лежит рудное тело. Вы не можете его возбудить вашими электрическими сигналами, но у рудного тела есть магнитные свойства, и вы можете исследовать создаваемую этим рудным телом аномалию.

От примеров, связанных с естественными науками, повторяю, весьма нетрудно перейти к примерам, связанным с науками гуманитарными. А поскольку мое исследование осуществляется на этой территории, то я, снабдив свой методологический экскурс естественно-научными наглядными примерами, перехожу к примерам собственно гуманитарным.

Вы, например, не являетесь современником Наполеона, но располагаете историческими свидетельствами по поводу наполеоновской эпохи. Воскресить Наполеона вы не можете... Переиграть Бородино и битву под Ватерлоо не можете... Но вы можете и использовать по-новому сведения об этих состоявшихся событиях, и попытаться добыть новые сведения.

В этом случае вам отведена роль пассивного наблюдателя. Кстати, эту же роль вы можете исполнять и являясь современником событий, которые исследуете. Для этого достаточно устранившись от участия в событиях. Часто это рекомендуется еще и для того, чтобы, так сказать, сохранить дистанцию, а значит, и объективность.

Являюсь ли я, как исследователь, пассивным наблюдателем того, что исследую? Не вполне. И именно в связи с тем, что не вполне, я имею с научной (а не только экзистенциальной) точки зрения право построить еще один, второй по счету уровень

периферии исследуемой мною системы, именуемой Текст, заполнив его откликами на мои активные, пусть и слабые, воздействия.

Подчеркну, что эта моя возможность не сводится к соучастию в формировании Текста, хотя и это существенно. Ведь, высказываясь по поводу развития, я вбрасываю нечто дополнительное в исследуемый мною химический реактив под названием «совокупные высказывания о развитии». То есть досоздаю исследуемое своей собственной исследовательской деятельностью.

Но намного важнее то, что одновременно с таким досозданием Текста я активно воздействую на предмет и его фактологическую базу, посылая сигналы в виде тех же своих высказываний о развитии и замеряя воздействие этих сигналов.

То есть я являюсь и досоздающим объект исследователем (что в конце концов и не настолько важно), и исследователем, применяющим метод активных воздействий и откликов (что крайне важно).

Но чем же достигается активность моего исследовательского метода?

Тем, что я сначала создаю весьма атипичный по размерам газетный материал (36 полос в течение 9 месяцев). А уже затем, отследив реакции на этот сериал, пишу книгу, в которой перерабатываю сериал, расширяю его и вывожу за всяческие публицистические рамки, не стирая при этом основных черт предыдущего «сериального» высказывания. А зачем я буду стирать эти черты, если именно они и только они позволяют мне сделать исследовательский метод активным?

Ведь, только превращая каждую из опубликованных газетных полос в сигнал и анализируя отклик на этот сигнал, я могу и по ходу газетного марафона, и в процессе превращения газетного сериала в книгу осмыслить отклики, структурировать их и превратить в отдельный и наиважнейший слой периферии исследуемого мною Текста.

Предположим, что вместо этого я просто писал бы книгу. Тогда у меня не было бы возможности исследовать отклики на книгу как высказывание одновременно с написанием книги. Сначала никто не будет откликаться, потому что не на что. А потом... Потом книга приобретает окончательность, и включить в нее аналитику откликов невозможно.

Теперь читателю, надеюсь, понятно, почему двухэтапное исследование (газетный сериал – книга) предоставляет другие методологические возможности, нежели просто написание книги. Дело тут не только в экзистенциальных моментах. Дело в научной процедуре как таковой. Двухэтапная процедура дает принципиально иные, гораздо большие исследовательские возможности.

Оговорив наличие у меня этих не вполне тривиальных возможностей (равно как и более тривиальных возможностей досоздавать исследуемое), я должен калибровать свои активные исследовательские возможности. То есть определять, являются ли оказываемые мною активные воздействия слабыми или сильными, явными или неявными.

Мне случалось оказывать и достаточно сильные воздействия на предмет, который я изучал. Но по отношению к предмету, который я изучаю сейчас (и фактологическую базу которого называю Текст), я не оказывал никаких сильных воздействий. Но слабые воздействия оказывал. Эти слабые воздействия – учащение или замедление пульса пациента в ответ на мои к нему обращения – должны быть учтены или нет?

Отвечаю: несомненно должны! Как исследователь, я просто не имею права отказываться от драгоценной возможности изучения свойств предмета с помощью регистрации откликов на собственные воздействия. Такой отказ был бы абсолютно непрофессионален. Другое дело, что отклики откликам рознь. Есть отклики достаточно сильные и абсолютно неинтересные с исследовательской точки зрения. А есть отклики совсем другие.

Выявление таких, «совсем других», откликов, доказательство того, что они «совсем другие», систематизация этих откликов, их сопряжение с ядром и первым слоем периферии той системы, которую я называю Текст, – задача данной части моей работы.

Никоим образом я не собираюсь превращать научный анализ откликов, представляющих интерес, в примитивное выяснение отношений, являющееся «коронкой» политической публицистики. Я этого не делал даже в ходе своего газетного марафона, чей результат лег в основу книги. Тем более я этого не буду делать в самой книге.

Но если подобные («совсем другие») отклики, их сопоставление с чем-то (контекстом, игровым подтекстом, уже сформированным Текстом, определенными историческими обстоятельствами etc.) помогут что-то понять в предмете... Что ж, тогда анализ откликов носит неотменяемый характер.

Итак, я посвящаю эту часть своей книги построению второго слоя системной периферии, заполняемой существенными для понимания предмета откликами на мои «воздействия», которые и достраивали исследуемый мною предмет, и побуждали этого «пациента» к очень слабым, но крайне важным изменениям пульса.

Конечно же, дело не в моих достройках предмета самих по себе и не в этих изменениях пульса, а в некоей весьма нетривиальной и в высшей степени показательной неустойчивости той коллективной сущности, которая порождала высказывания, превращаемые мною в Текст.

Была бы эта сущность устойчивой – никаких исследовательски важных откликов на мои достраивания и активные воздействия не было бы.

Но не зря мудрые одесситы сочинили знаменитую присказку: «Были бы у моей тети колеса – была бы не тетя, а дилижанс». Наличие откликов с внутренней структурой, заслуживающей исследовательского интереса, свидетельствует о том, что сущность, которую я исследую, не дилижанс, а тетя.

Согласитесь, что даже эта констатация уже является результатом. Если вы ничего не знаете о свойствах объекта, а потом выясняется, что это некий газ, то вы уже тем самым выяснили, что объект – не жидкость, не твердое тело.

Между тем я не считаю, что анализ особых откликов на мои активные воздействия и досоздание исследуемого Текста может только указать на то, что откликающаяся сущность – это газ, а не вода, тетя, а не дилижанс и так далее. Этот анализ может и объяснить, почему у сущности нет устойчивости, выявить внутреннюю структуру этой сущности, отвечающую за ее неустойчивость, определить другие свойства данной, зондируемой моими слабыми сигналами сущности.

Но все это можно сделать лишь после того, как будут развеяны недоумения, порожденные самим введением в

рассмотрение какой-то там откликающейся на мои воздействия сущности. Сделать это я могу только вернувшись к экзистенциальному аспекту применяемого исследовательского метода, аспекту, который я вначале вкратце охарактеризовал, пообещав чуть позже обсудить более подробно. Теперь я выполняю данное обещание.

В первой части исследования я рассматривал конкретных авторов конкретных высказываний, подтекст и контекст высказываний, принадлежащих этим авторам. И всячески избегал апелляций к недоопределенным источникам чего бы то ни было.

Во второй части исследования я уже более активно использовал так называемый «принцип хора», повествуя о тех или иных высказываниях без указания на то, кому они принадлежат конкретно. Но поначалу это был только жанровый прием, и не более. Я мог назвать конкретных авторов тех или иных высказываний и процитировать их более подробно.

Затем (все в той же второй части исследования) я стал размыывать авторство высказываний и их графику.

И, наконец, стирая и стирая случайные черты, как сказал бы Блок, я выявил коллективного экзистенциального героя – элитное Ничто, элитную пустоту.

Но одно дело – использовать определенный прием и превращать нечто конкретное в абстрактное, а другое дело – позволять метафоре, используемой поначалу лишь для разъяснения абстракции, укорененной в конкретном (элитная пустота, видите ли), превратиться в символ, в сущность. То есть очерченную структуру, наделенную чуть ли не субстанциональной определенностью.

Имею ли я на это право? Тем более, что любой из откликов, который я буду исследовать, по определению должен иметь автора. Так ведь вроде бы?

На самом деле не вполне так. Это касается как простых донельзя вопросов, так и вопросов чрезвычайно сложных. Вкратце попытаюсь обсудить их все – по принципу от простого к сложному.

Предположим, что очень хорошо знакомый вам человек, в чьей информации вы на сто процентов уверены, подробно и доказательно сообщает вам (разумеется, на сугубо доверительных основаниях) о чем-нибудь. Например, о том, что лица, принадлежащие к числу глобальных политических игроков, проявляют конкретную и глубокую обеспокоенность вашим газетным сериалом и обсуждают сложные системы действий, призванные не допустить его продолжения.

Вы уже как бы обязаны говорить о том, что на вас откликнулась сущность. Ведь не можете же вы сказать, кто на вас откликнулся. Скажи вы об этом – вы косвенно (а даже это недопустимо) сообщите о том, кто вас снабжает информацией. Но если бы все сводилось к этому, совсем уж простейшему, то я нашел бы другие формы уклончивости и не стал бы говорить о том, что откликается, видите ли, некая сущность. Но сразу за этим простейшим следует нечто чуть более сложное.

Ведь лица, о которых вам сообщают, ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ не могут интересоваться вашими газетными статьями как «вещью в себе». Ну, так они и не скрывают, что их интересуют не ваши интеллектуальные «откровения», а большая политика. Конкретизируя, что именно их не устраивает, они по сути (в своих терминах, разумеется) говорят в точности о том, что вы описываете как «преодоление бессубъектности». И подчеркивают, что даже очень слабая тень возможности такого преодоления, каковой для них и является ваша затея, уже опасна.

При этом никто из этих лиц не говорит «для меня опасна». Говорится – «для нас опасна». То есть не я апеллирую к некоей размытой сущности, а сами эти лица. Причем по принципу: «Да мне-то что! А вот для нас...»

Поскольку я совершенно не собираюсь вместо этих лиц проводить реконструкцию той коллективности, которая ими обозначается, то я предпочитаю говорить о некоей сущности. Вот почему я говорю об откликах сущности, а не об откликах людей. Не только людей этих называть нельзя, но и люди эти говорят о себе как о сущности... Впрочем, и к подобному, уже и не вполне примитивному, резону все никоим образом не сводится.

Любой конкретный автор может выступать и как личность, и как представитель некой общности – класса, группы, секты, другого социального сообщества. Причем задача определения того, когда именно доминирует в высказывании личностное начало, а когда начало коллективное, вполне решается современными средствами.

Помимо него, есть нечто социально ситуативное. Говорится же ведь: «Только деньги – и ничего личного». Изымем из этого высказывания слово «деньги». Заменим слово «деньги» как слишком конкретное абстрактным «это». Разве не приходилось вам сталкиваться с ситуациями, в которых ваш собеседник, очень явным и недвусмысленным образом, адресуется к вам по принципу: «Только это – и ничего личного». В роли «этого» может выступать классовое, кастовое, групповое... Мне так даже приходилось сталкиваться со случаями, когда почти что сектантское... Но всегда исключительно коллективное.

Как я много раз уже говорил, рассмотрение Евгения Онегина только как представителя столичного дворянства, а Татьяны Лариной только как представительницы дворянства провинциального – это недопустимая вульгаризация Пушкина, раскрывающего в своем великом произведении очень тонкие и сугубо личностные моменты.

Но игнорирование того, что и у Евгения Онегина, и у Татьяны Лариной есть социальный и культурный генезис и вытекающие из него поведенческие рамки, критерии должного и недолжного и так далее, – это тоже вульгаризация.

Когда социальное достигает определенных концентраций, то ты физически ощущаешь, что с тобой разговаривает не человек, а представитель сущности, являющийся рупором этой сущности. В частности, это измеряется частотностью и страстностью апелляций к некоей коллективности: «НАС это не устраивает! Вы НАМ мешаете! Как НАМ с вами быть!» и так далее.

При этом всегда остается неясным, почему выкрикивающая это личность начинает апеллировать к коллективности и что это за коллективность. Вроде личность эта – не государь-император, чтобы говорить о себе «Мы», не представитель очерченного социального сообщества (Кремля, какой-нибудь оппозиционной партии, банды, корпорации и так далее)... А что можно сказать о неочерченной сущности, кроме того, что она сущность? И что она откликается именно как сущность даже тогда, когда от ее имени и по ее поручению говорит кто-то, все время апеллирующий к им не определяемой, но очевидной для него коллективности?

Существует и нечто еще более иррациональное, трудно определяемое, но вполне реальное. Что именно? Ответить легче всего (да и короче всего, что немаловажно), приведя конкретный и более чем внятный пример. В противном случае пришлось бы втягиваться в долгие и уводящие в сторону аналитические рефлексии.

Когда-то, году этак в 1980-м, мне, начинающему тогда авангардному режиссеру-неформалу, был отрекомендован один журналист, который должен был написать статью о моем спектакле и коллективе. Отрекомендован он был близкими друзьями. Я, соответственно, охотно говорил с этим журналистом на все возможные темы. В числе этих тем почему-то оказалось творчество Александра Солженицына.

Никогда не относясь плохо к Солженицыну как к художнику, высоко ценя в художественном плане его раннее творчество, я имел свою – очень далекую от официально принятой тогда, но не апологетическую – позицию по отношению к творчеству, в котором политическое (а в общем-то, публицистическое начало) уже явно преобладало над художественным.

Этими своими представлениями об эволюции художника и не более я поделился с журналистом, не зная, что он является фанатическим поклонником Солженицына, изгнанным в периферийное издание за верность Александру Исаевичу. Мой собеседник ничего тогда мне не ответил. Он не возразил мне, не выразил гнева по поводу моей некоплиментарности по отношению к великому человеку.

Он просто сочинил в виде статьи о моем театре и обо мне лично блестяще продуманный донос. Разумеется, не донос о том, что я сложно отношусь к Солженицыну. Нет, это был комплексный донос, очень непорядочный и недобросовестный даже по отношению к нормам доносительства той эпохи, в котором мастерски было показано и доказано, что театр надо закрыть как вредный для дела коммунизма и социализма, а меня, как минимум, отлучить от творческо-идеологической деятельности, именуемой режиссура. А как максимум – изолировать от общества, триумфально шествующего в коммунизм, чему я якобы всячески препятствую.

Друзья, рекомендовавшие журналисту написать статью о моем коллективе, пришли в ужас. Являясь по совместительству его начальниками, они упрашивали его не печатать статью, а он орал, что он ее напечатает, дабы раздавить гниду, которая осмелилась не вполне комплиментарно комментировать Солженицына. Тогда мне впервые пришло в голову, что разговор о социальном безумстве (социопараноиде, социомании) не вполне спекулятивен. Впоследствии я изучил эту тему.

Человек может быть вполне нормален как личность и абсолютно безумен как представитель какой-то коллективной сущности, с которой он себя идентифицирует и которая является отчасти реальной (очень плотная референтная группа, так сказать), а отчасти виртуальной (выдумывают же себе одинокие дети виртуальных друзей, а шизофреники – двойников).

Выдуманное приобретает силу реальности, то есть становится сущностью (кто-то скажет – идентификационной субстанцией). Когда ты задаваешь что-то, связанное с этой сущностью, то ее представитель, доходящий в своей ярости до безумия и сохраняющий при этом в своем поведении определенную рациональность, как бы не равен самому себе.

И ты ощущаешь, что с тобой на контакт выходит эта сущность напрямую. Как ощущаешь? Разъясняя своим соратникам основу логоаналитического метода, да и любой аналитики бытия, я настойчиво подчеркиваю, что осваивающий подобный метод профессионал должен не только уметь увидеть и услышать исследуемое («и виждь и внеми», сказал пушкинскому пророку серафим), но и... улавливать особые запахи.

Никоим образом не хочу воспевать средневековых инквизиторов. Но ведь далеко не все они были тупыми психами (хотя и тупых психов было достаточно). Так что же подразумевали под запахом скверны те, кто не был ни дураком, ни психом (а такие были)? Я не хочу сказать, что они подразумевали что-то научное и заслуживающее буквального воспроизводства при осуществлении аналитического исследования в XXI столетии. Но ведь что-то они подразумевали?

Проще всего адресовать к Юнгу и его коллективному бессознательному. Нам с практической точки зрения и этой адресации достаточно. Человек очень прочно соединяется с архетипическим. Архетипическое поглощает его. Возникают особые суггестивные возможности (какой ученый сейчас будет опровергать наличие суггестии?). Эти суггестивные возможности воздействуют на сенсоры акцептора подобного превращения. Акцептор ощущает запахи. У него могут возникнуть и другие неслучайные визуализации (сгущение воздуха, о котором очень часто говорится при описании подобных феноменов).

Я-то думаю, что реальность не укладывается в схематизацию Юнга. Что она еще намного сложнее. Но начини я сейчас развернуто излагать свои соображения – мы потеряем нить. Могу дополнительно сослаться на опыт разного рода экстремальных состояний, в которых высокопрофессиональные спецназовцы улавливают, например, запах опасности... Ну, и хватит. Юнга никто не опроверг в полной мере, он ученый с мировым именем... Ему можно говорить о диалогах с сущностями (анимой и так далее)... А мне нет?

Увы, подробнее распространяться по этому поводу – значит подменить предмет исследования. А обсуждая вкратце данный тип отношений высказывающегося и сущности, которую задел эти высказывания, можно констатировать лишь то, что я констатирую.

Позже я попытаюсь добавить нечто к сказанному сейчас. Но мне представляется, что сказанного достаточно для того, чтобы оправдать введение в мой анализ всего того, что я называю «откликами» некоей «сущности» на мои высказывания, достраивающие исследуемый мною Текст.

Иногда за подобной адресацией лежит нежелание указывать на конкретные лица и понимание того, что лица откликались не на мое аналитическое творчество, а на недопустимость никаких и именно никаких шагов в плане преодоления бессубъектности России.

Иногда за подобной адресацией лежит понимание того, что откликались – в виде интриг, например, – не конкретные люди, а социальные сущности, имеющие свои представления о том, как именно надо откликаться в подобных случаях.

А иногда речь идет о чем-то сродни социальной медиумности, когда откликается не личность, а медиум. И отклик этот репрезентирует почти буквально стоящую за этим медиумом сущность.

Но за всеми этими «иногда» всегда стоит Ее Величество Элитная Пустота, выявленная мною в предыдущей части работы.

Я почти физически ощущаю, как откликается именно она. И кем бы я был, если бы не воспользовался возможностью исследовать эти отклики, то есть поговорить с нею по душам? Я был бы кем угодно, но не исследователем! И уж тем более не исследователем судьбы развития... Ведь исследование судьбы – это всегда в чем-то и в какой-то степени разговор не с людьми, а с сущностями.

Да, разговор с сущностью – это всегда балансирование на грани, за которой субъект-объектное переходит в субъект-субъектное, а научное исследование в рефлексию на игровые хитросплетения.

Что ж, это мой осознанный выбор. Выбор исследователя, понимающего, что именно он исследует, и отдающего себе отчет, что классическим образом неклассическое исследовать невозможно.

А еще я собираюсь балансировать на грани, за которой рациональное переходит в экзистенциальное. Это тоже мой осознанный выбор. Ницшевскому Заратустре можно балансировать, а мне нет?

Я всегда считал, что настоящая аналитика – это аналитика бытия. И, не будучи поклонником экзистенциального метода Ницше, Хайдеггера и других, всегда относился очень серьезно к их пафосу, характеру их интеллектуальной страсти, требующей сопряжения рационального и экзистенциального. Мне может не нравиться то, как именно они осуществляют это сопряжение. Но само стремление такое сопряжение осуществить мне глубоко созвучно.

Можно ли, осуществляя подобные сопряжения, сохранить верность духу исследования? Отвечаю: можно, если ты сознаешь, что эти сопряжения являются для тебя, как исследователя, именно опасной возможностью. Тогда ты возможность используешь, а от опасности уберешься.

Как именно? Да самыми разными способами! Прежде всего, за счет регулярных и желательно частых переходов от подобных сопряжений к тому, что принадлежит сфере конкретного и практически достоверного.

Если ты, осуществляя такие переходы, способен верить конкретикой свои сопряжения...

Если ты видишь, что они, сопряжения эти, позволяют тебе ориентироваться точнее в пределах практически достоверного...

Что ж, тогда ты, может быть, и не сойдешь с исследовательского пути. Конечно же, риск велик. Но что поделаешь – предмет «избыточно специфичен».

Глава II. Что-то знакомое

Переходя от первого слоя текстуальной периферии, в котором я выявил собирательного героя, именуемого пустотой, к второму слою этой периферии, в котором я хочу пустоту исследовать, я понимаю важность правильного выбора отправной точки. И в качестве такой отправной точки выбираю... всего лишь некое невнятное ощущение... Обсуждаю я в газете «Завтра» это самое развитие, и через четыре-пять недель (а обсуждал я в газете «Завтра» развитие из номера в номер в течение 9 месяцев) возникает у меня странное ощущение. Будто бы ты движешься уже не в обычной атмосфере, в которой сопротивления твоему движению нет, а в какой-то постепенно уплотняющейся среде, в которой поначалу все вроде бы как обычно, а потом обычное продвижение начинает требовать удвоенных, утроенных и так далее усилий.

Мало того, что ты эту необходимость окупать обычное продвижение вперед избыточными усилиями ощущаешь почти физически... Ты еще начинаешь понимать, что это дежа вю... Что так уже было когда-то... Что ты просто забыл тогдашние ощущения в их тотальной телесности. А теперь они восстанавливаются, выныривают из глубин памяти.

Конечно, это только ощущения... Но когда осуществляешь такое исследование, то и ощущениям тоже надо верить. Что же касается повторности этих ощущений, то впервые они возникли у меня в период с 1987 по 1991 год, в ходе написания ряда аналитических работ, посвященных возможностям преодоления застоя и перехода к форсированному развитию. Это ощущение сопротивления сгущающейся вокруг тебя атмосферы, сопротивления, при котором нужно напрячь все силы, чтобы совершить каждый следующий исследовательский шаг, было особо острым в момент написания книги «Постперестройка».

Подчеркиваю – вначале речь шла не о политическом дежа вю, а о дежа вю личном. Ты почему-то сталкиваешься с чем-то, напоминающим что-то, что касается твоих прежних продвижений по сходному исследовательскому маршруту. От таких ощущений до чего-либо более внятного, и уж тем более до проведения параллелей между твоим личным воспоминанием и историческим дежа вю, огромная дистанция.

Но чем острее становились ощущения и чем в большей степени восстанавливалась память об ощущениях предыдущих, тем в большей степени хотелось осмыслить как природу этих ощущений, так и их причины.

Любой повтор дает огромные исследовательские возможности. Пока ты располагаешь уникальным комплексом ощущений, впечатлений, данных, ты скован этой уникальностью. Но, когда ты сталкиваешься с аналогичным комплексом (при том, что букварных аналогий вообще не бывает), ты можешь задаться вопросом о том, что именно повторяется и почему. Ты можешь наложить один контур на другой... Ты можешь сопоставить отдельные сегменты поразительно совпадающих контуров... И так далее.

Раньше или позже ты спрашиваешь себя: «А что, собственно, происходит за пределами твоей личной коллизии с каким-то там «ощущенческим» и вполне невнятным, точнее только для тебя лишь и достоверным, дежа вю? Происходит ли что-нибудь общезначимое и абсолютно очевидное? При этом еще и самим же тобою выявленное к данному этапу исследования?»

Подумав и отобрав лишь наиболее бесспорное из того, что ты сам же и выявил, ты отвечаешь: «Да, происходит. Качество происходящего существенно недоопределено. Но то, что происходит нечто знакомое, бесспорно».

Заявлена ли тема «развития»? Заявлена ли она властью – внятно и с абсолютной категоричностью? Да или нет? Ни один вменяемый человек не может отрицать, что эта тема заявлена, причем и Путиным, и Медведевым.

Можно обсуждать качество этой заявки. Это ответственное волеизъявление (проект)? Это пиар? Это благопожелание?

Можно обсуждать также содержание, вкладываемое в заявку. Пойдет ли речь действительно о спасении через развитие...

или же речь пойдет о чем-то, аналогичном народной присказке «что мертвому припарки»...

Можно (и должно) обсуждать также, во что превратится заявленная тема в связи с так называемой «войной элит». Не окажется ли, что заявка на развитие в нынешнем прискорбном элитном контексте тождественна борьбе за «распил» тех или иных ресурсных потоков?

Не окажется ли, наконец, что эта заявка превратится в начало какой-нибудь очередной «перестройки»? Мол, имела место путинская стабильность, а теперь эту (в чем-то схожую с брежневской) благополучную инерционность начинает раскурочивать, апеллируя к развитию, нечто, сходное с горбачевизмом? Сначала скажут о развитии... Потом вернут нам неких новых Сахаровых, и понесемся мы все к очередному жуткому хаосу?

Такой вариант возможен? А почему бы нет? Сейчас возможно все, что угодно.

Следует ли из этого, что надо перестать обсуждать тему развития? Или же, продолжая обсуждать, перестать хотя бы сопрягать обсуждаемое с проблематичным властным вмешательством в эту самую судьбу? Нет и еще раз нет.

Потому что властное вмешательство всегда ущербно и двусмысленно. Сейчас – более, чем когда бы то ни было? Согласен. И все равно, предложение изъять это вмешательство из обсуждения судьбы развития в России и мире – если таковое удалось бы осуществить – стерилизовало бы донельзя предмет, лишило бы его политических обертонов, а значит и смысла.

В таком стерилизованном виде предмет никого не пугает. Обсуждайте его сколько угодно. Чем бы интеллектуальное дитя ни тешилось, только бы нос в политику не совало.

Тот способ обсуждения судеб развития, который я предложил в тогдашнем газетном сериале, тем и раздражал, что я не хотел тешиться. Как и выступать в роли любого – хоть бы и обхаживаемого ценителями – интеллектуального «дитяти».

Не хотел я этой роли в 1987–1991 годах, не хочу и сейчас тем более. Так не является ли мое ощущение нарастающего сопротивления некоей среды осуществляемому мною исследовательскому процессу следствием чьих-то опасений, сходных с опасениями, которые такое же сопротивление создавали в 1987–1991 годах? Что, собственно, некорректного в подобном предположении?

Ведь и тогда анонимное сопротивление моему исследовательскому марафону было порождено именно этим моим – неприемлемым для кого-то – способом обсуждать развитие.

Конечно, одного лишь способа обсуждения темы развития каким-то интеллектуалом недостаточно для того, чтобы вызвать подобное сопротивление (оно же – начальный отклик интеллектуальной сущности, описанной мною в предыдущей главе этой книги).

Нужно, чтобы способ обсуждения вошел в резонанс с определенными политическими обстоятельствами – как существенными, так и не очень. Постараюсь эти обстоятельства перечислить в порядке их значимости.

Обстоятельство №1 – это осуществление В.В.Путиным всего того ритуала, который обязателен для политика, пытающегося выйти из стратегической бессубъектности. Я уже описал элементы этого ритуала в предыдущей части своей работы.

Путин своим ритуалом страшно возбудил всех, кто как огня боялся любых всходов подлинной субъектности на российской тщательнейшим образом протравленной и лишенной подобной плодородности почвы.

Поди-ка ты разберись со стороны, исполняет Путин данный ритуал по соображениям сугубо прагматического характера или он действительно собирается выйти из стратегической бессубъектности.

А Медведев?

А ну как и он начнет наперегонки с Путиным взращивать ростки новой субъектности?

А ну как процесс выхода из бессубъектности, будучи запущен частными прагматическими соображениями конкурирующих политиков, станет в дальнейшем выходить из-под их контроля, а то и оказывать на политиков свое обратное сокрушительное воздействие?

В подобных ситуациях крайне важно, чтобы проснувшаяся по каким-либо причинам и слепая до поры до времени политическая воля не соединилась с интеллектом, который когерентен именно этой воле и нацелен только на преодоление политической бессубъектности.

Можно, конечно, сказать, что у меня мания величия. Но можно ведь и по-другому к этому подойти, не правда ли? И сказать, что у каких-то вполне конкретных глобальных игроков мания иного рода. Что они до смерти боятся любых, даже самых крошечных, всходов субъектности на опекаемой ими российской почве. Ну, так представьте себе, они боятся! Серьезные, матерые, весьма влиятельные международные элитарии боятся панически, боятся иррационально. Это какой-то особый – социогенетический – страх. Шок в международных элитных генах, порожденный 1917 годом. Может быть, сами паникеры не понимают природу своей паники, но она именно такова.

Я более или менее активно занимаюсь политикой тридцать лет и совсем активно – более двадцати лет. Политический опыт убедил меня в том, что очень крупные глобальные игроки боятся как огня самых ничтожных интеллектуально-политических факторов, которые могут превратить российскую бессубъектную политику в политику субъектную, соединившись с недоопределенными политическими факторами.

Самый яркий для меня пример на эту тему – то самое личное дежавю, к которому я уже апеллировал в начале этой главы.

1987–1991 годы... Поди разбери, не дернется ли Горбачев и КПСС в целом, не начнут ли движение СССР в сторону действительного развития? А если еще им тут что-то подскажут, выведут за рамки каких-то ментальных ограничений, что-то напоят, к чему-то подтолкнут! Кошмар! Ужас!

Беспокойство глобальных игроков по поводу возможности соединения моей организации «Экспериментальный творческий центр» и политического фактора под названием КПСС в конце 80-х годов XX века носило абсолютно неадекватный характер. Но в самой этой неадекватности был политический смысл, который заслуживает обсуждения в силу ряда причин.

Но сначала – о мере неадекватности тогдашней международной, крайне высокопоставленной паники.

КПСС к тому моменту была уже почти похоронена.

Горбачев – почти доопределен в своем выборе между властью и любовью так называемого международного сообщества. Он почти уже выбрал любовь. Последней преградой на пути окончательности этого выбора была собственная жена. Но и эта преграда в итоге была преодолена.

Лидеры КПСС были разобщены до предела. И не слишком склонны к глубокому политическому диалогу с какими бы то ни было интеллектуальными силами.

Моя организация была абсолютно молода и неопытна. Никаких элитных бэкграундов у нее не было. Ее отношения с немногими симпатизирующими ей представителями элиты КПСС были основаны на некоей гражданской обеспокоенности и не приобрели нужной глубины, человеческой экзистенциальности и окончательной доверительности. При том, что, конечно же, тогдашний элитный «человеческий материал» давал для построения отношений совсем другие, гораздо большие возможности, нежели материал сегодняшний. Хуже или лучше были те представители элиты – они не были ни столь прагматичными, ни столь далекими от масштабных смыслов. Смыслов, которые нельзя было до конца истребить без истребления КПСС как той матрицы, в которой эти смыслы были «поселены».

Шансы на глубокое и продуктивное соединение нас как интеллектуально-политического фактора с фактором собственно политическим, шансы на то, что мы преобразуем «зайчиков» в «ежиков»... Каковы они были двадцать лет назад? Они не были нулевыми, но... В лучшем случае, они равнялись одной миллионной. Но, боже мой, как эта «одна миллионная» возбудила глобальных игроков! Имея по поводу этого возбуждения абсолютно достоверную оперативную информацию, я просто не хочу засвечивать источники даже по прошествии двадцати лет. И потому прошу мне поверить на слово. Речь шла не только о крупнейших политических фигурах, но и о тех, кто стоял за спиной этих фигур. А вдруг уже приговоренные «зайчики» станут «ежиками»?

Прошло сколько-то лет, и все то же самое повторилось еще в нескольких вариантах. Каждый раз речь шла о «зайчиках» и «ежиках». И о «друг».

А вдруг в «ежиков» превратятся депутаты Верховного Совета в 1993 году?

А вдруг в «ежиков» превратятся силовики в окружении Ельцина?

А вдруг в «ежиков» превратятся олигархи, вкусившие от власти в ходе выборов 1996 года?

А вдруг?... А вдруг?... А вдруг?..

Новое «а вдруг» замаячило в 2008 году.

Возникло это самое обстоятельство №1 (оно же – подробно рассмотренное мною 18 брюмера Владимира Путина, точнее призраком оного). И сразу же весьма серьезные международные акторы завибрировали: «А вдруг?»

Конкретность моего знания об этих вибрациях сегодня даже больше, чем в 1989 году. Но поскольку и вибрации более свежие, то я уж тем более не хочу тут ничего засвечивать.

Скажу лишь, что вибрации были по своей серьезности анекдотически несопоставимыми с тем, что происходило в реальности. Впрочем, почему были? Они остаются таковыми и поныне. Входя в резонанс с обстоятельствами, куда менее важными, но все-таки существенными для тех, кто вибрирует.

Обстоятельство №2 – состояние общества.

Двадцать лет назад все, что говорили я и мои соратники, было для общества ненавистно. Теперь же – по разным оценкам – неосоветские настроения охватили от 60 до 75% населения.

Выпускаемые представителями этого направления (мною в том числе) издания достаточно авторитетны. Газета «Завтра», в которой я осуществил марафон на 36 полос, очень авторитетна.

То, что рейтинг Сталина зашкаливает и превышает все рейтинги, включая рейтинги Путина и Медведева, общеизвестно.

Конечно, общество регрессивно. И в силу этого будет ведомо своей специфической элитой до конца или почти до конца.

Но, во-первых, есть огромная разница между этими «до конца» и «почти до конца». Если «почти до конца», то... Словом, подобное «почти» многих глобальных игроков совершенно не устраивает.

А, во-вторых, для того, чтобы без диктатуры вести общество в требуемом регрессивном направлении, нашей элите нужно считаться с общественными умонастроениями. Считаюсь с ними (конечно же, по минимуму), элита неизбежно должна давать представителям другого, нашего направления («Красным проектом» она его называет почему-то, элита эта... Ну ладно, «красный» так «красный»...) какие-то общественные возможности.

Опять же, возможности минимальные, но и это уже пугает. Выступления по телевидению... Иные формы квазивостребованности... Присутствие на каких-то конференциях... Мало ли еще что... А ну как это окажет воздействие на социальную динамику, а та на высшую элитную страту... Не зря говорят – «у страха глаза велики».

Обстоятельство №3 – сама элита.

Как бы она ни была порочна и «бессубъектна», она уже не та, какой была в 1992 году. Есть невнятный властный зуд, есть другое отношение ко всему иноземному, по крайней мере, в части этой элиты... Есть невнятные опасения за собственное будущее... Есть достаточно масштабные материальные интересы. Мало ли как это может дооформиться и во что вылиться.

Обстоятельство №4 – так называемая «коллективка».

Ну, хорошо бы Кургинян один в «Завтра» что-то сооружал. Но перед этим что-то еще сооружалось в сомнительном «красном» духе и с апелляциями к развитию. Причем с апелляциями самыми разными, вплоть до метафизических. А ну как сформируется особая, совсем ненужная интеллигенция внутри интеллигенции нужной и безопасной (как либеральной, так и «белой»). С чего всегда начинались масштабные неприятности, чреватые выходом из бессубъектности? С формирования такой интеллигенции.

Обстоятельство №5 – международное.

Однажды я провел международную конференцию, на которой определенный круг элитных израильтян оказался рядом с представителями индийской и российской элиты. На конференции выступил аж премьер-министр Индии. Что началось! Те,

кого это интересует, могут сопоставить дату выхода журнала The American Interest, замысле иного и патронируемого Бжезинским, и дату нашей конференции. Формирование треугольника Израиль – Индия – Россия было объявлено основной международной опасностью, реализации которой по глупости могут поспособствовать неоконсерваторы в США. При этом никогда ничего подобного не говорилось ни о химерическом треугольнике Россия – Китай – Индия, ни о реальном БРИК. Это не расценивалось как «международная опасность №1». Специфическое отношение к связям между Россией и Израилем объединяет З.Бжезинского и стоящие за ним круги, ненавидящие Израиль, с Г.Киссинджером. Который (как и стоящие за ним круги) благоволил Израилю, но категорически сопротивляется установлению стратегических отношений между ним и Россией. При этом тяга России к сотрудничеству с любыми исламистами только поощряется. Впечатление такое, что глобальные антироссийские (прежде всего американские) игроки готовы заплатить миллиарды долларов за то, чтобы в Россию приехал бен Ладен и выступил в Кремле. А вот альтернативные сценарии, подобные тому, который я обсуждаю, почему-то пугают донельзя. Причем даже больше, чем очень условный и проблематичный альянс между Россией и так называемой «старой Европой» (термин Д.Рамсфелда).

Я мог бы продолжить перечисление неких обстоятельств, создававших определенные вибрации в момент, когда я публиковал свои нескончаемые статьи о развитии, и продолжающих создавать сходные вибрации и поныне.

Я мог бы проанализировать, как именно сочетаются между собой названные пять обстоятельств. Но у меня другая исследовательская задача. И все, что мне нужно в связи с ее решением, – это уверенность читателя в отсутствии у меня мании величия или бреда преследования.

Я говорю о неслучайности неких откликов на мой газетный сериал о развитии только тогда, когда точно знаю, что отклики не случайны, и только постольку, поскольку это нужно для исследования основного предмета.

Если у меня нет точных оперативных и именно оперативных данных (смотри введение, в котором я сказал о роли таких данных в логоаналитических исследованиях), то я никогда ни о чем подобном не говорю.

Но, даже когда у меня эти данные есть, я тоже об этом совершенно не обязательно говорю. А говорю тогда и только тогда, когда это (а) не несет издержек для источников данных и (б) очень важно с исследовательской, то есть и интеллектуальной, и политической, точки зрения.

Ну, так вот – сейчас я об этом поговорю.

Обсуждение темы развития на страницах газеты «Завтра», частое появление на телеэкранах «ужасных лиц» (редактора газеты, вашего покорного слуги etc), нарастание внутри- и внешнеполитической неопределенности, ряд иных тонких и малоаметных для общества обстоятельств... все это действительно породило весьма серьезное международное беспокойство.

Обеспокоились реальные игроки. Я, повторяю, никоим образом не склонен преувеличивать роль тогдашних своих интеллектуальных упражнений, а также отдельно взятой газеты. Конечно, все это в совокупности не более чем минифактор. Но этот минифактор, беспокоивший определенных персонажей в 1987–1991 годах и в последующем, поразительно сходным образом вновь обеспокоил их в 2008-м.

Подчеркиваю – он обеспокоил в 2008-м (да и сейчас беспокоит) тех, кто по роду службы должен заниматься ТОЛЬКО глобальными факторами. Причем обеспокоил (и беспокоит) вполне конкретно.

Когда я говорю о беспокойстве (да еще и вполне конкретном), то провожу совершенно четкую грань между этим вполне конкретным (как по авторству, так и по дескрипции) беспокойством и неким раздражением, которое может по своей амплитуде в тысячи раз перекрывать все вибрации, связанные с беспокойством, важным для нашего исследования, но не имеет никакой исследовательской ценности.

Потому что раздражается наше «приличное общество». На то оно и приличное, чтобы раздражаться. Оно всегда раздражается, когда возникает что-то не вполне стерилизованное. Раздражаясь, оно реагирует привычным для него смердяковским образом. Для того, чтобы так реагировать, ему не нужны заказы высоких международных персон. Смердяковщина – это естественный и безальтернативный способ существования данных «болтливых белковых тел». (Кто-то сочтет, что я в слове «белковых» пропустил две буквы, но я всего лишь перефразировал классика.)

Беспокойство надо анализировать, ибо оно малое слагаемое Большой Игры. А в Большой Игре нельзя пренебрегать малыми компонентами. Раздражение же надо игнорировать.

Конечно, в какой-то степени беспокойство инициирует раздражение, а раздражение подпитывает беспокойство. ТАМ начинают больше беспокоиться – ЗДЕСЬ больше раздражаются. И наоборот. Но не в этом главное. Главное в том, что именно обеспокоило в 2008-м (и беспокоит поныне).

Обеспокоил не чей-то радикализм. Обеспокоила (цитирую близко к тексту тогдашние оперативные «материалы») возможность появления на патриотическом поле хотя бы одного фактора, несводимого к однозначному лубку – наглядному и крикливому пособию на тему об «ужасном русском фашизме». Высокие «тамошние» инстанции настаивали – не должно быть НИ ОДНОГО такого патриотического «фактора». Почему-то (беспокоящимся виднее, почему именно) особо нервировал альянс вашего покорного слуги и газеты «Завтра». Ибо в этом альянсе виделась возможность возникновения подобного нелубочного фактора.

Я не вдаюсь в рассмотрение причин такого видения процесса. Я только фиксирую его наличие. А также наличие предельной обеспокоенности возможностью выхода газеты «Завтра» за пределы отведенной ей роли. Роли самого известного – модного и в чем-то даже «приличного» – ЖУПЕЛА.

Такой выход за пределы роли не только обеспокоил игроков, но и породил яростное раздражение у смердяковых. Не путаю ли я одно с другим? Никоим образом. Генезис раздражения – слишком понятен, а потому неинтересен. А вот в чем генезис беспокойства? Это весьма серьезный и далеко не тривиальный вопрос. Мелкий? Конечно, мелкий. Но рассмотрите эту каплю под аналитическим микроскопом – и вы такое увидите, что мало не покажется. Именно это я и постараюсь сделать.

Буквально несколько слов о формах, в которые отливалось и отливается это беспокойство. Беспокойство ли? Когда какой-

то псих, смердяковствующий маргинал, выявляет в вас тягу к царедворству, якобы толкающую вас на обсуждение темы развития, что сие знаменует? И знаменует ли хоть что-то? А может, псих-то никакой не инструмент чьего-то там беспокойства, а просто самораздражающийся элемент нашего «приличного общества»?

Есть логоаналитический (причем простой и почти количественный) метод, позволяющий ответить на вопрос.

Я здесь рассматриваю этот вопрос не в связи с разнокачественными инвективами по отношению к собственной персоне. Хотя, конечно же, калибровка подобных инвектив порою является моей прямой исследовательской обязанностью. Обязательность эта возникает в тех случаях, когда я пытаюсь рассматривать инвективу как отклик системы на осуществленное мною воздействие. То есть применяю пресловутый принцип «черного ящика». Тогда и только тогда я должен заняться калибровкой инвектив – в той же степени, в какой физик калибрует системные отклики, анализирует их спектр, структуру, соотношение между сигналом и помехой и так далее.

Но, помимо моих прямых аналитических обязанностей, у меня есть еще и обязанности методологические. Развивая исследование, я должен развивать параллельно с ним и свой логоаналитический метод.

Такое развитие немыслимо без прямых рекомендаций тем, кто хочет метод самостоятельно применить. Вот я и даю такие рекомендации. Вы хотите что-то понять на основе высказанных каким-то субъектом суждений, касающихся вас лично. Что для этого надо сделать? Начну с того, что не надо делать. Никогда не надо начинать с оценки степени объективности, а уж тем более справедливости этих суждений. Начали вы с этого – этим все и кончится. Я вам предлагаю начать с другого.

С установления того, какова мощность субъекта. Не его адекватность (и уж тем более справедливость), а мощность. Мощность – в ее простейшем измерении. То есть в мегабайтах, количестве страниц, посвященных вашей (или чьей-то еще) персоне. Почему это так важно? Потому что сразу возникают классификационные градации, которые можно использовать при решении обратной задачи. То есть при реконструкции субъекта, его бэкграунда. «Реконструкция по следам жизнедеятельности». Подобное применяется как следователями, занятыми поиском преступника, так и людьми совершенно иных профессий.

Итак, мощность – и ее классификационное значение... Согласитесь, если занявшийся некоей персоной субъект – абсолютный параноик, который не ест, не спит, а только пишет и пишет, он может написать столько-то.

Если он пишет намного больше, то он не раздраженный бескорыстный псих, а нанятый работник.

Если же, например, он пишет в десять раз больше, то это уже нанятый коллектив. Есть ли логический дефект в таком методе рассмотрения? Это количественная дедукция – один из наиболее надежных логоаналитических ориентиров.

Потом вы должны заняться другим. Содержанием выдаваемой этим субъектом «на гора» продукции. Это кропотливое и неблагодарное занятие. Где-то субъект лжет нерепрезентативно. А где-то – очень репрезентативно. Где-то он проявляет действительную некомпетентность, а где-то – мнимую. Вы всем этим должны заниматься. Всем, включая стиль, жанр, контекст и так далее. Иначе вы не логоаналитик. Может быть, вы и не хотите им быть. Но я-то исхожу из того, что вы или хотите, или вынуждены.

А раз вы или хотите, или вынуждены, то давайте договаривать до конца. Из логоаналитики можно извлечь очень много. Но никакая логоаналитика не может быть самодостаточной. Для уточнения существа дела вам рано или поздно понадобятся так называемые точные данные. Те знания, которые, как известно, умножают скорбь. Вы можете отвергнуть с пренебрежением стихию подобных данных, но тогда не занимайтесь логоаналитикой. Занявшись же ею, готовьтесь к тому, чтобы окунуться и в эту стихию. Если подобные занывания начинают вам нравиться – это печально. Но если вы ими пренебрегаете, то это непрофессионально. Лучше всего, если, занывая, вы испытываете отвращение, но занываете. Мало ли к чему испытывает отвращение профессионал.

Я, занимаясь логоаналитикой более 20 лет, занывая все чаще и со все большим отвращением. Но – по необходимости. Как исследовательской, так и иной. И ничего другого вам порекомендовать не могу.

Да, занывая, вы окунаетесь в стихию чужого сленга и чужой смачно-стукаческой логики и как бы незримо присутствуете при разговоре, в котором обсуждается то, как вас надо во что-то втянуть, а вы либо испугаетесь подобного втягивания и отскочите, либо замараетесь. И тогда будет решена такая-то оперативная задача.

Вам такое незримое присутствие претит? Мне тоже. Но зато, незримо присутствуя, вы узнаете кое-что не по принципу «то ли да, то ли нет», а с абсолютной точностью. Может быть, вы узнаете немного. Но и немногого – в сочетании с логоаналитическим методом – для думающего человека достаточно.

Ну, так я и узнаю временами кое-что. Например, в связи с «ХАМАСовской темой» в газете «Завтра» и откровениями ее «операторов», касающимися возможности решить оперативную задачу при любых моих прогнозируемых реакциях. Что я сделал? Я поломал прогноз. Так сказать,отреагировал нетипично.

Но каков же был масштаб откровений тех операторов, которые прогнозировали мои реакции, преувеличивая их порывистость и романтичность! А главное – прямолинейность, это родное и любимое дитя любой порывистости и романтичности.

Был ли в произошедшем неявный отклик на мой газетный марафон «Медведев и развитие» некоей недоопределенной, но очень раздраженной марафоном этим коллективной сущности. Вот ведь что важно – и в плане конкретного исследования, и в плане развития метода. Давайте представим себе, что нечто такое имело место. Называется подобное – вклинивание и перехват. Мол, не успеет этот тип (я то бишь) развернуться со своими газетными опасными публикациями, как мы вклинимся. Редактор газеты «Завтра» окажется избыточно для данного типа с его «чисто конкретными» заморочками вовлечен в дерзкую борьбу ХАМАСа с международным империализмом и сионизмом. Тип или «дернется», или «умоется». В любом случае, он окажется перехваченным.

То, что я как этот самый «перехвачиваемый тип» не «дернулся» и не «умылся», не предполагалось. И то, что редактор «Завтра» поведет себя так, как он себя повел, тоже не предполагалось.

Итак, мы с вами и разобрали некий (пусть и слабый) отклик системы, позволяющий восстанавливать ее характеристики, и

доуточнили суть метода, и выяснили, как можно себя вести по отношению к системе. Все это важно. Но поскольку наша задача – продолжать исследование, то будем рассматривать описанный микросюжет как слабый отклик *par excellence*. И назовем такой отклик «спецоткликом».

Мои заныживания и мой логоанализ в совокупности позволяют мне отвечать за подобную классификацию данного отклика. Заодно я тут разрабатываю нужную для нас тему спецоткликов как таковых. Как свидетельств, так сказать, позволяющих выстроить диалог исследователя с элитной пустотой. Добиться от этой пустоты отклика. Конечно, слабого. Но, во-первых, все такие отклики, как минимум, поначалу очень и очень слабые. А, во-вторых, для исследователя – что слабый отклик, что сильный. Слабый иногда и важнее.

Еще один слабый отклик элитной пустоты на мой исследовательский многомесячный марафон – ужасно своевременное обнародование (не в «Завтра», а в совсем иных изданиях) стенограмм с давними лирическими откровениями А. Проханова, в которых я как-то упоминался. Не знал бы я точно (опять же, на том уровне, на котором знания умножают скорбь), кто и как планировал эту операцию по публикации давно устаревшей болтовни, – я бы просто пожал плечами. А что особенного?

Ну, поговорил редактор газеты «Завтра» с журналистом на тему «люди, годы, жизнь» (имеется в виду не жизнь Ильи Григорьевича Эренбурга, а жизнь редактора). Разговор шел много часов. Наговоренного журналисту хватило на книгу. Ну, книга и книга... Много часов говорить «за жизнь» всухую дураков нет (даже исламист не сможет, не то, что русский человек с широкой душой).

Так что бытовой контекст абсолютно ясен. Стиль – тем более. Ну, право... не в суд же подавать на то, что в книге этой назван я аж «референтом Березы»... Речь о 1996 годе, «письме 13-ти», других сюжетах. Как ни старается журналист препарировать задушевный разговор, все равно видно, что никакой я не референт (увы). А больше, чем я сам о себе уже рассказал, никакой журналист не сумеет. Делов-то!

Но мне, опять же, пришлось занырнуть. И не то, чтобы я к этому особо стремился. В данном случае так оно само получилось.

Я бы даже не стал на этом фиксировать внимание читателей, если бы речь не шла об отклике, совершенно идентичном тому, который я разобрал выше. Снова речь шла о том, что надо вашего покорного слугу поставить перед определенной ситуацией. Теперь в качестве такой ситуации выступали давние высказывания Проханова, которые какому-то субъекту нужно было правильно подать. Логика подачи в точности та же: либо после такой подачи ваш покорный слуга «умоется», либо разорвет отношения. В любом случае, цель будет достигнута.

Прорисовывался примитивный, но кому-то казавшийся очень эффективным алгоритм. Одна за другой создаются ситуации, провоцирующие либо на избыточную уступчивость автора, либо на его конфликт с газетой. Никаких реакций, альтернативных уступчивости и конфликту, не предусматривается.

Читатель, я имею массу оснований для того, чтобы знакомить тебя с подобными сюжетами. Некоторые основания я уже привел выше (распознавание конкретной игры так называемой «элитной пустоты», развитие метода). Но здесь я хотел бы походя коснуться одного совсем фундаментального основания. Подробно я его обсуждать не могу, ибо это уведет в сторону. Но коснуться обязан.

Помнишь, читатель, я во введении говорил о том, что вызов конца истории (он же постмодернистский вызов) проблематизирует классическую интеллектуалистику? Ты либо оказываешься в рамках классического и интеллектуально самодостаточного (потому и интеллектуально самодостаточного, что классического) «ретро», либо отвечаешь постмодернизмом на постмодернизм. Не кажется ли тебе, читатель, что подобная фундаментальная ситуация в чем-то аналогична мелким специграм, которые мы рассматриваем? Опять – либо-либо. Конечно, совершенно другое по масштабу, но в чем-то сходное: «Либо он останется в рамках классики и будет солидно смешон со своим интеллектуально самодостаточным "ретро", либо он станет одним из нас, представителем когорты постмодернистов».

Как выходить за рамки подобной, предписанной тебе, тупиковой дихотомии? Что такое интеллектуальная самодостаточность классики? Я мог бы долго это обсуждать, но мы ведь договорились, что я лишь обозначаю проблему одним штрихом. Поступая согласно договоренности, скажу, что интеллектуальная самодостаточность классики (она же «ретро») может быть названа «романом мысли». Постмодернизм подменяет «роман мысли» «романом игры». То, что может противостоять и одному, и другому, я называю «романом судьбы». Мне представляется, что ответить на вызов постмодернизма, не впадая в «ретро» и не превращаясь в постмодерниста, можно только на территории «романа судьбы». Что я и делаю. Нюансы же, которыми я обременяю свое повествование, – это способ уйти от «романа мысли», который высокомерно отбросил бы подобные нюансы. И при этом не подменить «роман мысли» «романом игры», который бы только и абсолютизировал эти нюансы. Попробуем – не только в частных спецситуациях, но и в фундаментальной ситуации, которая в чем-то эти частные ситуации повторяет, – уйти от дихотомии. И рассматривать дробящиеся на кучу мелких осколков спецоперации, так сказать, «с точностью до судьбы».

Осуществив это, сопоставим усилия, затраченные на все пустые спецоперации, с теми обстоятельствами (№1, №2... №5), которые я уже рассмотрел выше и здесь могу лишь вкратце воспроизвести для вящей аналитической внятности.

№1 – беспокоящий кого-то поиск Путиным и Медведевым неких условных возможностей выхода из бессубъектности с опорой на тему «развитие». Условный поиск? Да. Ищутся условные возможности? Да. Но и этот поиск беспокоит донельзя! До такой степени, что опасной начинает казаться даже серия статей в газете «Завтра».

№2 – готовность общества откликнуться на тему «развитие». Есть эта готовность? Есть. Должна она кого-то беспокоить даже сама по себе? Должна. А вкупе с обстоятельством №1 – тем более.

№3 – элитный зуд. «Эх-ма! А вдруг и впрямь субъектность возникнет? Не, вряд ли, мы люди взрослые, все понимаем... А ВДРУГ?»

Треугольник «власть – общество – элита»... Согласитесь, это уже немало.

№4 – хор голосов вместо одинокого вопля в пустыне. Обеспокоенный субъект рассуждает так: «В этой "Завтра" – то один

голос про развитие, то другой... Неважно, насколько сложен хор. Важно, что обилие голосов в любом случае опасно».

№5 – предельная международная настороженность по отношению к любым выходам России «за флажки»: «Мало заморочек первых лиц, общественной и элитной блажи и множества голосов – тут еще то израильтяне, то индийский премьер... Черт знает чем это может кончиться в условиях нарастающей неопределенности! Опасно!»

Согласись, читатель, не было бы этих обстоятельств №1, 2, 3, 4, 5 – мое обсуждение всяких мелких элитных спецсюжетов показалось бы излишним. Но №1, 2, 3, 4, 5 – налицо! А раз так, то и разного рода неслучайные провокации (они же, так сказать, отклики на мои воздействия, мою достройку предмета), переплетаясь с этими сюжетами, формируют второй слой интересующей меня текстуальной периферии.

Элитная Пустота, откликаясь на мое обсуждение развития, хочет сказать нечто вполне конкретное, почти примитивное и абсолютно внятное как с политической, так и с классовой точки зрения. Что же именно? Пытаясь ответить на этот вопрос, я вдруг вспомнил несколько ярких конкретных откликов – не на мои статьи о развитии, но на нечто сходное.

Много лет назад на высоком (и по составу в основном иноземном) собрании я впервые услышал: «Дверь модернизации захлопнулась для России в середине 90-х годов. И это навсегда». Кто говорил об этом? Иностранцы? Нет. Они слушали. Говорили же высокопоставленные элитарии из России. Причем вовсе не в алармистском ключе, а «с чувством глубокого удовлетворения и облегчения». А почему они так об этом говорили? И есть ли корреляция между тогдашней констатацией и этой, выявленной мною в части II и заполнившей первую оболочку моей предметной периферии, Пустотой?

Я считаю, что корреляция есть. Выявлять ее содержание можно по-разному. Можно – с помощью развернутых аналитических выкладок. А можно – апеллируя к емким метафорам. Мне по понятным причинам второй путь представляется предпочтительным.

Когда-то, узнав о ярком высказывании Джабы Иоселиани: «Демократия – это не шутка! Это вам не лобию кушать!», – я преисполнился уважения к автору высказывания, который сумел так противопоставить нечто бытовое, понятное и любимое («лобию кушать» – это почти культовая кавказская трапеза) и высокий идеал («демократия»). То, что Джаба Иоселиани в этом же высказывании весьма своеобразным образом утверждает приоритет высокого идеала над бытом («Кто будет против демократии – того к стенке поставим!»), это не главное. Главное – в противопоставлении Низа и Верха – кушания лобию и демократии. Причем противопоставление – в пользу Верха.

Наша элита – это элита Низа. Иначе – ультрагедонистическая элита. В этом смысле она, конечно, хочет «кушать лобию». Вообразите себе, что ей кто-то сказал: «Развитие – это вам не шутка! Это вам не лобию кушать». Что она ответит?

Что можно согласиться на реверансы в пользу Верха («развитие»), если никто не отнимает Низ, возможность «кушать лобию». Что говорят нашей элите представители так называемого сценария мягкой (а я бы сказал, мягчайшей) модернизации (тот же Иосиф Дискин, позицию которого я уже разобрал в предыдущих частях этой книги)? Что никто не посягает на «лобию», его можно кушать, кушать и кушать. Надо только время от времени отвешивать поклоны модернизации, и тогда лобию станет даже больше. А про то, что «лобию лобию, либо модернизация», говорят только ужасные и очень отсталые люди. Такое «либо-либо» имело место в отдаленные эпохи всяких там робеспьеров и сен-жюстов, при другой расстановке классовых сил, при другом качестве общества, другом уровне технологического развития. Да, такое «либо-либо» было и при Сталине. Но оно не только не носит безальтернативного характера, оно глубочайшим образом в прошлом. Сейчас же все, развиваясь, едят больше лобию, а съев больше лобию, восходят к вершинам развития. Все так делают! А уж у нас-то, при нашей просвещенной власти, при нашем особо прогрессивном новом предпринимательском слое, впервые существует возможность «лобийного развития» (не в смысле «лоббизма», которые будут распиливать деньги, полученные на развитие, а в смысле того самого «лобия», которое в вареном виде, и с орехами, растет на древе развития).

Элита наша – барышня порочная, но толковая. Она понимает, что Дискин – того... заманивает... Что либо речь идет о «распиле» под разговоры о развитии (тогда понятно, что лобию будет больше, но тогда развития не будет – и ради бога). Либо... либо даже наимягчайшая модернизация все равно заберет у нее, элиты, наидрагоценнейшее лобию в пользу какого-то там развития.

Взять ресурсы у тех, кто с утра до вечера поглощает нефтяное и иное лобию, и отдать их какому-то ВПК?!! Да еще и так, чтобы отданное нельзя было разворовать, то есть превратить в то же лобию? Обидно! Вдвойне обидно. И тем, у кого будут забирать ресурсы (то бишь лобию), обидно. И тем, кому ресурсы будут переданы, обидно (на черта ресурсы, если их нельзя превратить в лобию).

Так кому ж не обидно-то?

Населению? Оно молчит. И, опять же, если ему предложат на выбор – либо с тобой поделаться лобию (в Шарм-аль-Шейх съездишь, шмотки подкупишь), либо «вперед и с песней» (паши на модернизацию, пусть даже и за приличную зарплату), то... Уверены ли вы, что электорат за это проголосует? И что электоральная поддержка, даже если она будет, превратится на следующем этапе в поддержку социальную и политическую? Я – не уверен.

Так кому не обидно? Ученым и инженерам, которым заплатят в два-три раза больше? Они, конечно, зарплате обрадуются, но... Настроения в этой среде самые разные. Человек ведь существо не до конца рациональное. Кто-то и впрямь поддержит (причем до конца). А кто-то станет осуждать жесткость политических технологий, с помощью которых произойдет такое перераспределение ресурсов в пользу модернизации. Ведь «мягких» технологий тут по определению быть не может. Разве что в виде издевки.

Так что такое с политической точки зрения выявленная мною в предыдущей части исследования элитная Пустота? Это... Это Его Величество Классовый Интерес. Интерес, доведенный до метафизической страстности. Интерес в том, чтобы развития не было. Класс подвергает путинский ритуал возвращения к субъектности мягкой, но очень мощной обструкции. Он не восстает против ритуала. Он его – очень аккуратно и осторожно – сводит на нет. Вместе с политическим субъектом, которого угораздило по причинам частного характера осуществить, видите ли, какой-то там ритуал. Пусть и беспомощный, но все равно опасный.

Вы сомневаетесь в справедливости моей гипотезы? Так я ведь ее не только высказал, я ее доказывать буду. И аналитически, и на конкретных примерах. Сначала – аналитические доказательства, которые легко поддаются даже математизации.

Возьмите всю существующую социально-политическую (да и экономическую) информацию того времени (апреля–июля 2008 года). Оцените этот массив в мегабайтах. Введите весовые коэффициенты. И оцените, какой процент от данных мега- и гигабайт был центрирован на вопросе развития. Потом оцените, на чем именно этот малый процент центрирован. Вы убедитесь, что на чем угодно, кроме выхода из бессубъектности. На любых ЧТО, но только не на том, КТО будет осуществлять эти ЧТО. А если вам этих выкладок мало (хотя они очень убедительны), то... То я могу дополнить их другими, весьма, как мне представляется, убедительными примерами.

В тот же период, когда господствующий класс так тихо-тихо и мягко-мягко сводил на нет случайные, но опасные ритуализации Владимира Путина, мне пришлось побывать на одном элитном мозговом штурме. В приглашении тема штурма формулировалась так: «Энергетическая война. Роль России».

Мозговой штурм по поводу энергетической войны начался с надрывного крика высоких газпромовских интеллектуалов о том, что никаких разговоров о войне быть не должно. Что надо говорить только о дружбе и сотрудничестве. Высокие газпромовские интеллектуалы орали буквально как резаные. К ним подключился высокий газовый босс из соседней могущественной корпорации. Босс тоже требовал, чтобы «никаких войн!» Зачем было собирать мозговой штурм на объявленную тему и потом требовать, чтобы тема была отменена, – так и осталось для меня загадкой. Но то, что визг был аномально-нервным, это я зафиксировал. Визг был настолько нервным, что председательствующий сказал: «Ну, хорошо. Давайте изменим тему нашего мозгового штурма. Не энергетическая война, а...»

«Конкуренция», – предложил один ТЭКовец.

«СОТРУДНИЧЕСТВО!!!» – завопили другие.

Являясь следующим по очереди выступающим, я сказал, что можно, конечно, не говорить о войне в данном высоком собрании. Однако в Лондоне, Нью-Йорке, Амстердаме etc. у всех ТЭКовцев (от студентов и преподавателей до корпоративных боссов) на столах лежит книга Даниэля Ергина «Добыча», в которой говорится ИМЕННО О ВОЙНЕ – нефтяной, газовой, энергетической и так далее. А в соседних финансовых офисах лежат книги Джорджа Сороса, в которых говорится о финансовой войне и рефлексивности финансовых рынков. То есть опять-таки О ВОЙНЕ. «Так как, – спросил я, – не потеряв лицо, ЗДЕСЬ можно не говорить о войне, если ТАМ все говорят только о войне?»

Поблудневший ТЭКовский босс мне ответил: «Вот Вы ТАМ и говорите о войне. А ЗДЕСЬ – пожалуйста, не надо».

Председательствующий промолчал. Я встал и вышел.

Рассказываю это совсем не для того, чтобы похвалить себя и поругать кого-то. Я предлагаю вникнуть в мотивы истерики, которую я описал. Эти мотивы очень непросты. Они не сводятся к тому, что нервничающие лица – они же представители класса, вы понимаете, КЛАССА! – уже живут по сути ТАМ, а ЗДЕСЬ лишь добывают сырье. Этот уровень мотивации тоже присутствует. Но если бы все сводилось к нему...

Соединенные Штаты Америки беспокоят не Иран или Ирак.

Их беспокоят центры сил, способные в принципе оказаться более мощными, чем сами США. В ближайшей перспективе таких центров сил два – Европа и Китай. Китай – это отдельная песня. А вот Европа... Европа никогда не была единой. А в последние десять лет она у нас на глазах раскалывается на две Европы – старую и новую.

Старая Европа – это, прежде всего, Франция и Германия. Ну, Италия. Ну, Австрия, ставшая периферией Германии.

Новая Европа – это бывший соцлагерь. И примыкающие к нему бывшие союзные республики. Прежде всего, речь идет об Украине, Прибалтике, Молдове. Белоруссия пока выпадает из этого «санитарного кордона». Но лишь пока. Запевалами в процессе являются Польша и Украина. Польша – явный и безусловный лидер новой, очевидным образом проамериканской Европы.

Задача новой Европы – мешать структуризации старой Европы. А также отношениям между старой Европой и Россией. Прежде всего, между Германией и Россией. Но и между Францией и Россией тоже. Франция пока не оторвана от Германии. А там – кто знает...

Самой главной задачей новой Европы является препятствование энергетическим коммуникациям между Россией и старой Европой. Особенно, если эти коммуникации идут мимо новой Европы. Тут задевается уже не только политический, но и экономический интерес. Исчезает плата за транзит, возможность коллективного воровства энергоносителей и так далее.

Для того, чтобы блокировать инициативы старой Европы по укреплению союза с Россией, новой Европе нужен соответствующий образ России. В пределе это должен быть образ однозначно фашистской, причем гнилостно-фашистской, страны. Страны и криминальной, и ненадежной, и грозящей ракетами, и антисемитской, и... и... и...

Если этот образ будет создан, то старая Европа окажется в сложном положении. А только это и нужно и американцам, и новой Европе. Разрушение коммуникаций со старой Европой грозит огромными неприятностями нашим энергетикам-экспортерам. Газовым, в первую очередь. Нефть так или иначе, но продадут. А вот газ... Для того, чтобы диверсифицировать продажу газа, нужны огромные вложения и годы напряженного труда. Нужно иметь флот для транспортировки сжиженного газа... Заводы по сжижению... Инфраструктуру... Или же тянуть колоссальные газопроводы не на Запад, а на Восток.

Оптимисты считают, что Европа от нашего газа никогда не откажется. И что угрозы нет. А газовщики нервничают. И поди тут разбери, отчего они больше нервничают – оттого, что фокус их интересов, фокус, конечно, гедонистический, уже находится ТАМ, или же оттого, что они имеют для этой самой нервозности более серьезные и масштабные основания? Я в таких случаях всегда выбираю наиболее комплиментарную версию.

Сразу же после 18 брюмера... прошу прощения, 15 апреля 2008 года старая Европа начала обхаживать всех подряд – вождей, соратников, класс. Бывшие главы государств старой Европы приезжали в Москву как эмиссары и буквально умоляли русских быть паиньками. При этом они осуждали американцев, называли НАТО инструментом чужой для европейцев

политики, говорили русским еще очень много разного рода приятных вещей. Но рефрен у них был один: «Ради бога, будьте паиньками! Потерпите, поулыбайтесь... Во имя общего дела и наших газовых успехов! Не ставьте нас в сложное положение! Покажите цивилизованное лицо! Пойдите на уступки! Пожалуйста!»

Теперь я прошу читателя кое-что сопоставить.

Первое. Мой рассказ о некоем семинаре, на котором так нервничали ТЭЖовцы и который должен был называться «Энергетическая война», но был срочно переименован в «Энергетическое сотрудничество». Помните, что там было сказано? «Вы ТАМ говорите об энергетической войне, а ЗДЕСЬ не надо».

Второе. Регулярные собеседования бывших глав старой Европы, причем наиболее лояльных к России, и рефрен: «Ради бога, мягче, мягче! Ради бога, помогите нам! Уступите! Пр продемонстрируйте хоть что-нибудь, так сказать, а la Горбачев».

Согласен ли читатель с тем, что первое и второе – это просто части одного, очень внятного, целого? Если он в этом сомневается, то пусть поверит моим трудно рационализируемым ощущениям. Это именно одно и то же, понимаете? Тот же тон. Та же лингвистика. И так далее.

Итак, согласимся, что это одно целое. И добавим к его двум названным слагаемым ряд других.

Третье – это начавшиеся после 15 апреля 2008 года разговоры об амнистии, которую должен получить Ходорковский, и о возвращении в Россию Гусинского. В любых разговорах на подобную тему (а они всегда эксклюзивны) важно, кто, зачем и как разговаривает. Но если разговаривающим (а это были конкретные люди, достаточно близкие к одной из властных группировок) удалось убедить Проханова, и не только его, в реальности возвращения Ходорковского, если Проханов об этом заявил по «Эху Москвы» и написал в своей газете... Если потом в передаче А.Караулова, посвященной этой теме, фигурировали прямые данные прослушек, оказавшие сокрушительное воздействие на всю тему «возвращения блудных сыновей» и на тех, кто эту сказку должен был сделать былью, то о чем идет речь? О настоящей политической войне, пусть и подковерной. Войне, призванной по сути своей превратить некие заявки на развитие в политический римейк на очень большую тему. То есть в «перестройку-2».

Четвертое – прозвучавшее тогда же заявление Генри Киссинджера о том, что Путин уйдет в октябре, а Медведев осуществит в России глубокую перестройку а la Горбачев.

Киссинджер очень ценит свою осведомленность и никогда не дает прогнозов, которые могут не состояться. Но ведь он почему-то дал тот прогноз! И что же? Зная все это, мы продолжим категорически отметать с порога саму возможность «перестройки-2»?

Пятое – само избрание Д.Медведева президентом.

Шестое – весь путинский ритуал, который я обсуждал выше.

Седьмое – нарастающая борьба элитных кланов, которую я подробно описал в книге «Качели» и которая теперь обязательно начнет подтачивать дуумвират.

Восьмое – августовские события на Кавказе.

Девятое – кризис.

Десятое – призрак оранжизма во Владивостоке и других местах. Оранжизма, управляемого из каких-то кабинетов в Кремле.

Да мало ли что еще день грядущий нам готовит! Мало не покажется. И что же? Нет никаких оснований говорить о «перестройке-2»? Я сказал о ней еще в апреле 2008 года, когда это казалось смешным. Сказал во все том же сериале о развитии. Здесь же я акцентирую внимание не на политической новизне этого феномена, а на его глубинном историческом и философском значении.

Пока перестройка уникальна, в ней многое принципиально не может быть понято. А если даже и будет понято, то никаких исследований ее природы все равно быть не может, ибо исследования уникального – это в каком-то смысле и не исследования. Но, как только возникает римейк, копия, вариация на тему, можно отделить общее от частного, выявить сущностное, обнаружить тонкую структуру исследуемого феномена. А ну как эта структура окажется значимой для нашего будущего? Для 2012 или 2020 года? А ну как она, соотнесясь с чем-то еще, объяснит нам некие парадоксы нашей истории, а значит, опять же, как-то осветит ту тьму, о которой говорит волхв у Пушкина:

Грядущие годы таятся во мгле; –

Но вижу твой жребий на ясном челе.

Почему бы не рассмотреть мои пункты под таким углом зрения? Дело ведь и впрямь никак не сводится к гуманитарно-нравственному аспекту тех или иных политических инноваций! В эпоху «перестройки-1» я вовсе не мечтал о том, чтобы А.Д.Сахаров продолжал пребывать в городе Горьком. И сейчас я не мечтаю о том, чтобы продлились чьи-то злключения. Я рассматриваю происходящее не как роман чьих-то конкретных судеб, а как гигантский политический механизм с взаимно-уравновешивающимися блоками. Как только блок под названием «чьи-то судьбы» переместится из точки А в точку Б, соседний блок переместится из точки В в точку Г. Я не хочу следом за ажиотажными пиарщиками говорить, что место Ходорковского на нарах займет обязательно кто-то другой, поскольку это и так ясно. Я обращаю внимание на неизбежность системных перебалансировок, возникающих при любых трансформациях такого масштаба.

Чем системная перебалансировка отличается от замены конкретных узников на конкретных нарах?

Тем, что, во-первых, меняются позиции элитных кланов, перераспределяются финансовые и ресурсные потоки, происходит существенная макротрансформация в том, что касается власти и собственности.

Тем, что, во-вторых, подобная трансформация может сохранить, а может и разрушить систему.

Тем, что, в-третьих, разрушение системы может и должно привести к разрушению чего-то большего. Дело не в том, что Сахаров из Горького в Москву приехал. И хорошо, что приехал! Дело в том, что СССР развалился. Общество не всегда улавливает связь между одним и другим – а зря.

Ведь в подобных перебалансировках участвуют не шестерни и гири, а автономные элитные субъекты (центры

политических сил). А раз так, то процесс имеет существенно нелинейный характер. Разве не говорилось многократно и многими о том, что горбачевские смягчения (начавшиеся переездом Сахарова из Горького в Москву), породили контрреформистское противодействие. Это противодействие усилилось, потому что Сахаров в Москву переехал не «лобию кушать», а демократией заниматься. Заниматься же у нас демократией, не разоблачая коррупцию, – это все равно, что выпить и не закусить. Стали «закусывать»... То... сё... Гдян с Ивановым... Региональные номенклатуры, огрызаясь, подняли (на паях с другими силами) волну национально-сепаратистских движений. Национально-сепаратистские движения поспособствовали развалу СССР.

Но даже к этому та перебалансировка (она же «перестройка»), увы, не сводится.

Что такое в игровом плане Ельцин, заявивший, что он прозрел, пролетев над статуей Свободы? Ельцин, о чьем пребывании у Рокфеллера было сказано избыточно много?

На самом деле – это такой же фактор перебалансировки, как и национал-сепаратистские движения окраин. Старая, догорбачевская номенклатура схватилась за свердловского секретаря обкома! Не прокляла его, а схватилась за него, как за антитезу Горбачеву. Я не умничаю на пустом месте, я просто точно знаю, что было. Мало кто сейчас помнит, как по наущению ЦК КПСС ряд высших функционеров российской представительной власти на Съезде народных депутатов РСФСР пытались снять Ельцина. Дело было еще при Горбачеве. Данных высших функционеров, помнится, называли «шестерка» (их и впрямь было шестеро, но демократической общественности надо было подчеркнуть их ничтожество). Почему затея провалилась? Потому что представители ЦК КПСС ходили по рядам и говорили, как надо голосовать, а им отвечали: «Сначала надо снять Мишку!» (имелся в виду Горбачев). Представители ЦК КПСС взывали к партийной совести российских депутатов (секретарей обкомов, между прочим), они говорили им, что Ельцин – антикоммунист. Те в ответ упрямо: «Главное – снять Мишку!»

У Ельцина было много сторонников в консервативной номенклатурной антигорбачевской среде. Он знал про это, сторонников этих ценил. С кем-то просто советовался по многу лет. А кого-то в нужный момент выдвигал на высокую должность.

Никоим образом не считаю, что сегодняшняя игра будет слепо копировать предыдущую. Но некоторые черты сходства есть. А почему бы, собственно, им не быть?

Теперь я могу, наконец, выполнить данное читателю обещание и соотнести отклики на свои слабые усилия по преодолению бессубъектности и все «это». «Перестройка-2» не может не быть важным слагаемым большой мировой игры. В Большой Игре нет мелочей. Однозначная расстановка фигур на «русской шахматной доске» – не мелочь, а одно из главных условий, при которых игра будет выиграна ИМИ и проиграна НАМИ. И ОНИ придают этому условию огромное значение.

Для ИХ выигрыша фигуры на русской шахматной доске должны быть расставлены так.

На одном краю этой доски должны разместиться однозначные до карикатуры «шустрики» – «русские фашисты», крикливые, плакатно-лубочные, глубоко криминализованные и... насквозь гнилые, не способные ни к чему за рамками публичного дизайна. Они могут быть очень разными: тут найдется место и радикальному исламу, и этническому радикализму, и мало ли чему еще.

Важно, чтобы это был именно дизайн. И чтобы «окно ужаса» открылось ненадолго. «Дизайн» может стать и достаточно далеко идущим... вплоть до какого-нибудь локального ядерного удара по «нужной» точке. Но должна быть гарантия надежного, быстрого и окончательного «закрывания окна». А «коллектив», созданный для дизайна, не должен обладать ни масштабным проектом, ни позитивной идеологией, ни, тем более, философией развития.

На другом краю той же доски должны находиться столь же однозначные «мямлики». «Мямлики» эти должны, по замыслу, быть абсолютным раздражителем для большинства населения, жупелом, символом возврата ко всему ненавидимому. И политически абсолютно обесточенными. У них на лбу должны быть соответствующие этикетки, причем такие, чтобы хоть солдату российскому, хоть офицеру одинаково захотелось в эти этикетки засадить из всего, что есть под рукой.

Если «мямлики», поняв, что обречены на заклятие, захотят избежать этой участи и... ну, я не знаю... поискать опору внутри страны (не рыхлую электоральную, а социальную и политическую), сменить для этого имидж, заявить какую-то программу... Словом, если это им придет в голову, то сразу возникнет забугорный вой. («Ой, что вы! Потерпите! Смягчите! Не надо, вы нам мешаете!»)

Выше я описал, что такое этот вой в исполнении, например, фигур из «Газпрома». Но это – мелочь по сравнению с тем, что начнется, если приготовленные для заклания фигуры крупнейшего внутривнутриполитического калибра станут таким образом «дергаться». Они скорее всего и не станут... Но если станут, то одергивать их будут весьма авторитетные для них элиты – весь их совокупный международный бэкграунд.

И опять-таки – зачем «мямликам» развитие? «Мямлики» должны поставлять энергоносители в нужное место и из этого нужного места привозить туземцам то, что они не производят. Шмотки, машины... продукты питания, наконец.

Политическая элита не может не знать, что продовольственная зависимость Москвы и Санкт-Петербурга превышает 80%, по большим городам колеблется между 60 и 70%, а в целом по стране составляет (по разным оценкам) от 45 до 52%. Что среднее потребление населением животного белка сейчас вдвое меньше, чем в эпоху СССР. Что восстановление животноводства потребует многих лет и колоссальных вложений в инфраструктуру (фабрики по производству кормов, дороги, свинарники, коровники и так далее, а также люди, которые будут готовы во всем этом профессиональнее эффективно участвовать, производя качественный необходимый продукт).

Я не хочу говорить, что эти неприятности фатальны. Но они огромны. А в рамках гедонизма, который преобладает, – непреодолимы. Так гедонизм и не собирается преодолевать эти неприятности. ТАМ – технологии, ЗДЕСЬ – сырье. То есть реально планируется комфортно-колониальное бытие, но сопровождается вялым пиаром на тему развития!

Если я прав в своих построениях (а я их рассматриваю лишь как гипотетический сценарий), то противнику до разреза нужно иметь этот самый однозначный и безальтернативный расклад с «шустриками» и «мямликами».

Патриотическое движение (шустриков) в очередной раз волокут в определенную сторону. Только ли враги его туда волокут? Если бы! Его волокут туда регрессивные процессы, запущенные социал-дарвинистами. Его волокут туда многочисленные «заморочки», фобии, синдромы, фантазии. Его, как мы видим, волочет туда и глобальная конъюнктура.

Все это надо суметь преодолеть. И потому серьезное обсуждение вопросов развития сегодня важнее, чем когда-либо ранее. Ну, так и продолжим обсуждение. Причем именно в том формате, который так кому-то не нравится.

Глава III. Похлебка и Первородство

Развитие без опоры на прошлое называется прыжком в будущее. Возможен такой прыжок? Да! При огромном накале утопии, представляющей это будущее как невероятно счастливое.

*О, как горит звезда неведомого счастья,
Как даль грядущего красна и широка,
Что значит перед ней весь этот мрак ненастья,
Всех этих мук и слез безумные века?*

Эти строки написал П.Ф.Якубович – народоволец, заключенный в Петропавловской крепости, а затем сосланный в Сибирь.

В сходном ключе высказывались и большевики. Ибо на повестке дня была утопия. И именно утопия. При «прыжке в будущее» необходимый для развития метафизический драйв должен быть именно иступленным. Так это понималось всеми: и знавшими толк в утопиях революционерами, и крупнейшими учеными. Тем же Карлом Маннгеймом, описывавшим сопряжение утопии и технологии.

Только при таком накале утопии можно петь:

*Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног.*

Разве первохристиане не отрекались от старого мира и не отряхивали его прах с ног своих?

Но даже при иступленном метафизическом драйве в итоге оказывалось, что весь старый мир не отбросишь. Христиане начинают вбирать в себя опыт античности (от иудейского опыта они никогда не отказывались)... Коммунисты – опыт предшественников. Ленин, кстати, всегда понимал, что до конца прошлое неизымаемо. Читайте его работу: «От какого наследства мы отказываемся». Итак, нет развития без опоры на прошлое.

В нашем случае развития нет и не может быть без опоры на прошлое советское. Как по причине того, что это наше прошлое, так и по другим причинам. Утопии настоящей нет... Аскетизма, в котором может вырасти утопия, нет. Опыта развития иного, чем советский, нет... Причин много. Кроме этих, есть и другие. Впоследствии я их буду разбирать. Но и сказанного достаточно для того, чтобы констатировать: опираться на советское, осуществляя развитие (а еще и переламывая регресс), совершенно необходимо, но...

Но как прикажете на него опереться, если часть вашего населения, вашей элиты, вашей интеллигенции пребывает в очень и очень специфическом антисоветском умонастроении? В чем специфичность этого умонастроения? Постараюсь с должной степенью полноты ответить на этот сложный и чрезвычайно для нас важный вопрос.

Советская идеология слишком долго являлась предметом острейшей полемики. Эта полемика сформировала несколько несовместимых друг с другом систем оценки всего на свете: коммунизма, социализма, советизма, марксизма-ленинизма. Такие системы оценок никоим образом не сводятся к простейшему «за» и «против». Они представляют собой развернутые мировоззренческие комплексы или «субкультуры».

Субкультура, укореняясь в личности, приобретает определенную самодостаточность. Хорошо еще, если субкультура не добралась до ядра личности. А если добралась? Вы ведете полемику с человеком, который не просто принял на вооружение антикоммунистическую или антисоветскую субкультуру, но и позволил ей разместиться в личностном ядре.

Социопатология, как я ее понимаю, – это размещение в личностном ядре любого «анти». Хоть бы и антифашизма. Место любому «анти» – на периферии личности. В ядре личности должна быть любовь. На периферии – сосредоточенное (а пусть бы и ненавидящее) слежение за тем, что этой любви угрожает. Если антикоммунизм, антисоветизм и так далее расположен на периферии личности – все нормально. Человек адекватен. Ты можешь достучаться до его любви, находящейся в ядре, и она скорректирует его периферийные личностные программы. Причем скорректирует нужным для его любви образом. Необязательно сотрет – именно скорректирует. Кроме того, «анти», размещенное на периферии, питаясь определенными, свойственными периферии, соками, нормально функционирует и развивается. Его габариты, структура, жесткость имеют нужный характер.

Но если «анти» сумело пробраться в ядро и получило доступ к его сокам, то оно формируется иным, совершенно патологическим, образом. Человек, который умеет только ненавидеть, опасен всегда, даже если предмет этой ненависти является абсолютное зло. Такой человек может быть использован в определенных профессиях, но с оглядкой. Художественное открытие, сделанное режиссером А.Тарковским в фильме «Иваново детство», в том и состоит, что мальчик Иван, который мыслит свою жизнь только в формах борьбы с абсолютным злом фашизма, не превращается в существо, лишенное любви. Тарковский не сусален, он создает художественное произведение, а не агитационную пропись, и потому Иван балансирует на грани превращения в героя, поглощенного полностью ненавистью к злу. Так в том и сила Тарковского и его героя, что на этой грани удастся балансировать, не срываясь в сторону «поглощения ненавистью».

А если это поглощение произошло? И, например, речь идет о поглощении ненавистью к советскому («совку», СССР, коммунизму)? Что ж, тогда... Тогда в принципе невозможно провести грань между личностью и рассматриваемым особым

(антисоветским, антикоммунистическим или любым «анти») «МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИМ ОРГАНИЗМОМ», поселившимся именно в ядре этой личности. Тогда этот (именно этот!) специфический «организм» становится неизъемой частью личности. Изъять что-то из периферии личности можно. А из ядра?

Представьте себе, что по каким-то причинам вам удалось добраться до «организма» своими аргументами (как рациональными, так и ценностными). Вы, так сказать, ухватились пинцетом своей аргументации за этот самый «мировоззренческий организм». И хотите вырвать его из личности. Но такой «организм» – это паразит особого рода. Он не просто поселяется в ядре личности. Он многочисленными своими ответвлениями («лапками») зацепляется за те или иные личностные ткани (ценностные, нравственные и иные). Затем он и поселился в ядре, чтобы «лапками» своими «всепроникать».

Личность, в которой рассматриваемый «организм» так укоренился, трагична. Я не хочу сводить к прописи и эту, далеко не оптимистическую, в отличие от «Иванова детства», трагедию. Личность, с которой приключилось подобное укоренение «организма», не просто несет в себе паразитарное по своей сути «мировоззренческое существо». Она руководствуется наличием данного «существа» в своей деятельности. То есть под влиянием этого «существа» совершает разного рода поступки. В том числе и поступки с далеко идущими последствиями. Например, она эмигрирует из страны. Но не потому, что любит другую страну, а потому, что ненавидит эту – ненавидит всю целиком, причем особой, не ведающей любви, ненавистью. В любом случае, личность кормит собой паразитарный по сути «мировоззренческий организм». Она приносит нечто ему в жертву. Что именно? Сначала часть ядра, а потом все ядро. Нарастив жертву, личность сильнее и сильнее срашивается с тем, на алтарь чего принесено столь многое.

Оговорюсь, что использую здесь слово «паразит» в прямом системно-биологическом смысле, а не в смысле оценки качества. Внутрисистемный паразит – это существо, действующее в системе таким-то образом. Не более и не менее. Если система – это сознание («ментал»), то и паразит – ментальный.

Пусть даже вы почему-либо можете добраться пинцетом аргументации до этого самого «ментального паразита». Ну, добрались вы, ну, ухватились за него. Вам кажется, что надо дернуть и, дернув, выдернуть. Если вы действительно начинаете это делать (а начать это делать может только абсолютный психологический тупица и невежда), то ваше рвение приведет к уничтожению личности. Многочисленные лапки «паразитарного ментального существа» не отпустят клеточки ментала, в которые они вцепились. Вы будете тянуть сильнее и сильнее и порвете в клочья ментал, оставив в нем частицы «паразита». Которые (если ментал не погибнет одновременно) к тому же вскоре регенерируются.

Но поскольку личность умеет себя защищать, то такой результат вряд ли будет достигнут. Вы дернете «организм» пинцетом аргументаций... Многочисленные лапки «ментального паразита» уцепятся за разные клеточки личностного ментала... Личность почувствует боль... Вы потянете еще сильнее... Боль многократно усилится... Наконец, личность поймет, что болевые сигналы предупреждают ее о смертельной опасности: «Сейчас этот садист еще сильнее потянет, и сразу во многих точках произойдут непоправимые разрушения».

Проинтерпретировав таким образом болевые сигналы, личность мобилизует потенциал агрессии, направив этот потенциал не на собственные представления и не на тех, кто их породил, а на «садиста с пинцетом».

Итак, при подобном – вроде бы правильном, а на деле тупом и контрпродуктивном – «пинцетировании» вы можете получить результат-максимум и результат-минимум.

Результат-максимум – вы разрушите личность, которую хотите избавить от инородного (с вашей точки зрения, враждебного) «ментального паразита».

Результат-минимум – вы породите в личности фундаментальный, могучий в силу своей иррациональности, импульс агрессии. Если этот импульс будет направлен только на вас, то это полбеды. Хотя, согласитесь, и в этом нет ничего хорошего. Но, если этот импульс будет направлен на все, что грозит возвратом к «пинцетированию», это намного хуже.

Пациент может возненавидеть конкретного врача. Это плохо, прежде всего, для врача и в чем-то для пациента (вдруг именно этот конкретный врач ему и нужен). Но пациент может возненавидеть и медицину как таковую. Он может выработать в себе безусловный агрессивный рефлекс не только на физиономию конкретного медика, но и на белый халат, медицинские запахи... Мало ли еще на что. При этом если пациент болен и помощь ему может оказать только медицина, то абсолютное отторжение оной, ставшее итогом вашего благородного «пинцетирования», погубит пациента.

Что результат-максимум, что результат-минимум... В любом случае, ни о каком выздоровлении речи быть не может.

Сразу же оговорюсь, что не считаю каждого яростного антикоммуниста или антисоветчика больным человеком, в которого вгрызся ментальный паразит «антикоммунистического и антисоветского абсолютного зла». В равной степени не считаю абсолютным благом каждую строчку, написанную классиками марксизма-ленинизма, и любую букву «Коммунистического манифеста», а также все программные документы всех съездов Коммунистической партии.

Я говорю об особом состоянии личности, состоянии социопатическом, состоянии социального безумия. И я описываю природу этого безумия. Речь идет о поселении любого «анти» (антисоветизма в том числе) в ядре личности. И о чудовищных последствиях подобного поселения.

Если же антисоветизм не успел проникнуть в ядро, ничего социопатического я в этом антисоветизме не вижу. Кому-то советское нравится, кому-то нет... И что?

В принципе, я бы предпочел вариант, при котором оценка индивидуумами и социальными группами качества коммунистической (социалистической, советской etc.) идеологии вообще бы не касалась судьбы развития в современной России. Но в том-то и дело, что это невозможно! В том числе и по причине социопатического характера такой оценки у важных для нормального функционирования страны групп населения. А также потому, что советское – это наше, а не бразильское или мексиканское. А также потому, что советское не случайно стало нашим, а по причине нашего специфического отношения к развитию. А также... Ну, что ты мне прикажешь делать, читатель?

Поклясться всем, дорогим сердцу моему, что я никогда не стал бы сопрягать рассмотрение данной проблемы с теорией развития, если бы речь шла о развитии Индии или Бразилии? А почему, собственно, ты должен мне верить?

Присоединиться к хору антикоммунистических, антисоветских голосов, а потом начать дозированные оговорки? Мол, «гадость ужасная, но...» Так это значит соврать. Не считаю я коммунистическую идеологию «гадостью ужасной»... Не считаю, и все тут.

Как только признаешься в этом, сразу начинается: «Вот-вот... Подбрасывает свою любимую тему!» Да не подбрасываю, не подбрасываю... И обсуждать сейчас собираюсь не идеологию как таковую... Может, позже скажу о ней пару слов, но ГЛАВНЫМ ПРЕДМЕТОМ для меня сейчас является вовсе не эта самая идеология с ее плюсами и минусами. А нечто, находящееся на стыке между психологией (и даже психиатрией) и метафизикой.

Разворачивающаяся у нас на глазах трагедия предполагает обсуждение именно этой – особо травматической – проблематики. И желательно без всякого «пинцетирования». Во избежание одного предлагаю рассмотреть не тему «Россия и коммунизм», а тему «Историческая Личность и Идеал».

Историческая Личность влюбилась в Идеал. Неважно, в какой. Хотя в какой. Важно, что влюбилась. Влюбившись, стала приносить на его алтарь невероятные жертвы. Лить немерено кровь – свою и чужую, демонстрировать чудеса аскетизма и жертвенности. Она убила в невероятной ценности Идеала не только соседей, но и Кубу с Вьетнамом. Она напугала своим «идеалолубием» весь мир, заставив трепетать Европу и США... А потом она вдруг встала утречком, глянула на Идеал, смачно плюнула на него – и выкинула в мусорный ящик.

А теперь вопрос на засыпку: что после этого должно случиться с Исторической Личностью – вне всякой связи с тем, каково качество Идеала?

Мне возразят, что перед этим та же Историческая Личность в иной своей ипостаси, влюбившись в данный Идеал, отбросила другой, на который раньше молилась. Столь же грубо отправив его в мусорный ящик.

Я даже не буду отвечать на это возражение привычным способом – обсуждая цену, заплаченную за такой способ обращения с Идеалом. Я обращаю внимание на другое. На то, что в предыдущий раз Историческая Личность сменила один Идеал на другой Идеал. И все согласятся, что при огромной разнице в Идеалах, новый Идеал (сколь бы ложным и ужасным его кто-то ни считал) был именно Идеалом. Можно даже сказать, Идеалищем.

Сменив один Идеал (белый) на другой Идеал (красный), Историческая Личность сменила ядро. Она из Российской империи превратилась в СССР.

Если вы меняете идеал на идеал (или жвачку на жвачку), то это обмен с сохранением качества. Если вы меняете идеал на жвачку, то это обмен с понижением качества. А если вы меняете, ну например, жвачку на идеал, то обмен с повышением качества. Каков тип обмена – такова и трансформация Личности.

Если бы Историческая Личность сменила прежний Идеал (красный) на какой-то новый Идеал (вопрос, какой), то, определив этот новый Идеал, мы могли бы говорить об обмене с сохранением качества. А значит, и о личностной трансформации, сохраняющей качество: Личность сохранилась, но стала другой, не перестав при этом быть Личностью. Но тогда мы должны ОТВЕТСТВЕННО назвать этот новый Идеал.

Кто-то может это сделать? Причем ОТВЕТСТВЕННО? Пиарщики вам по этому поводу любые сказки расскажут. Но нужны-то нам не сказки, а правда! И пока она не будет сказана, ни за что мы из нынешнего тупика не выйдем. Хватит ли у нас на эту правду мужества?

Меня спросят: «А если она, правда эта, будет сказана, то мы из тупика выйдем?»

Отвечаю: если вы, задаваясь трагическими (а в пределе – метафизическими) вопросами, заранее хотите знать, какой результат принесет правда, вы никогда не получите никакого результата. И тогда лучше вам такими вопросами не задаваться.

Вы сначала встретитесь с трагедией лицом к лицу и правильным образом. Переживите ее. Кто знает, может быть, она вас раздавит. А может, вылечит. Это, между прочим, от вас зависит. «...Так тяжкий млат, дробя стекло, кует булат». Вы продлите это переживание – и, МОЖЕТ БЫТЬ, оно изменит вас... Если переживание правильное, то оно либо вас изменит, либо уничтожит. «При своих» вы, в любом случае, не останетесь.

Если оно, переживание это, вас изменит, то, МОЖЕТ БЫТЬ, вы найдете путь из тупика. А МОЖЕТ БЫТЬ, и не найдете. Но если вы обрекаете себя на отсутствие переживания, отсутствие внутренней трансформации – то никакого выхода из тупика быть не может. Из таких тупиков линейным способом не выходят. Линейным я называю способ, при котором путь и личность – отдельно («мы-то будем такими же, но вот напишем пару сотен законов – и путь откроется»). Не откроется! Называется все это «невроз прагматизма».

Итак, в чем правда? В том, что в 1917 году одна Историческая Личность (Российская империя) сменила один Идеал (универсальная православная монархия) на другой Идеал (универсальный Красный проект). Возникла новая Личность (СССР). Можно обсуждать степень связи одной Личности с другой. Но процедура обмена с сохранением качества (смена Идеала на Идеал) предполагала возможность возникновения новой Личности, а также преемственность между прежней и новой Личностями (тут все зависит от анализа Идеалов).

А в 1991 году одна Историческая Личность (СССР) сменила один Идеал (универсальный Красный проект) на... НА ЧТО? НА ЧТО??!!

По факту получается, что она сменила Идеал на нечто, не имеющее идеального измерения вообще. Потому что разговоры о том, что новый Идеал был Идеалом свободы (либерализм) или Идеалом традиции (консерватизм), надо предоставить пиарщикам. А честный ответ, конечно же, немного более печален.

Что такое обмен, свершенный Личностью в 1991 году? Это обмен с очевидной потерей качества. Ведь красная Идеальность (хороша она или нет) – это все-таки Идеальность, и она в обмене участвовала. Еще и еще раз подчеркиваю – я не лезу в чью-то личность своим «пинцетом» и не воспеваю позитивов этой Идеальности. Предположим даже, что Идеальность чудовищна. Но ведь все равно Идеальность! Идеальность обменяли на что? На заполнение прилавков? На

растущее благосостояние? На рынок? Ну, так это и есть обмен с потерей качества.

Если бы я был Зюгановым (холодный пот пробил меня при одном подобном предположении), то я бы сейчас начал голосить, что прилавки заполнили дорогими товарами, что благосостояние досталось немногим, что рынок оказался липовым.

Но я не буду по этому поводу голосить. Я, более того, предлагаю рассмотреть условную ситуацию, при которой прилавки оказались бы заполнены дешевыми товарами, благосостояние стало всеобщим, а рынок – функциональным.

И что? Коллизия-то все равно в чем? В том, что Идеальность обменивали на Материальность. А у этого есть название. Это называется «отдать первородство за чечевичную похлебку». Вы скажите эту правду. И найдите в истории пример, когда Историческая Личность совершила бы подобный обмен с потерей качества и при этом осталась Личностью.

На момент обмена НИКТО таких фокусов НИКОГДА не осуществлял: ни Кромвель, ни Робеспьер, ни Линкольн... НИКТО! Это – запрещенный ход! И для того, чтобы его осуществить, нужно было не просто разрушить какой-то там Красный Идеал, который кому-то не нравится. Нужно было разрушить Идеальность вообще. А также предпосылки Идеальности.

Это и было сделано. Я уже неоднократно – по пунктам и с конкретными примерами – описывал, КАК ИМЕННО ЭТО БЫЛО СДЕЛАНО. Но сколько ни говори при этом об оргорукии, о манипулятивности, в метафизическом варианте – о совращении... Никуда при этом не исчезнет ужасный факт того, что Личность подобный «обмен с потерей качества» совершила САМА. И никакое участие в этом ЦРУ, любых других зловещих сил, собственной элиты не отменит того, что Личность это совершила. Ну, хорошо, ее совратили. А она что сделала? Она пала. Именно в метафизическом смысле.

А дальше – либо-либо. Предположим, что есть «кто-то», для кого метафизика просто не существует. Ему все понятно. Этот «кто-то» пожмет плечами, говоря, что Историческая Личность вовсе не пала, а разумно обменяла какое-то там Идеальное («чушь собачью») на подлинную правду жизни – шмотки, ресторанчики, пляжи, развлечения, раскрепощения... «Однава живем». Но если «однова живем», то какая Родина, какие проекты (модернизация и т.п.)? И почему вообще развиваться надо? Можно жить и неразвитыми. «Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше».

По миру мечется уже чуть не миллиард людей, ищущих, где лучше. «Новые кочевники» называются. Вы попробуйте, объясните что-нибудь таким «кочевникам» про Родину. Вы попробуйте, соедините их с высокими культурными образцами. Со всякими там Гамлетами («Что значит человек, когда его заветные желанья – еда да сон? Животное – и все») или королями Лирами («Сведя к необходимым всю жизнь, и человек сравняется с животным»)... А также с более авторитетными персонажами, говорившими, что «не хлебом единым»...

Хороши или плохи эти «кочевники» – не о том речь. Ясно, что не они являются опорой государства и носителями тех патристических мотиваций, без которых невозможно никакое проектное усилие, предполагающее солидарность. Какая солидарность? Зачем? С чем? На чем?

«Кто-то» хочет государственности с опорой на рыночные атомы, свободно перемещающиеся в зоны наивысшей зарплаты? Во-первых, где эти зоны? Во-вторых, наивысшая зарплата ВСЕГДА коррелируется с нарушением закона, а не с его соблюдением. А в-третьих...

Наверное, этот «кто-то» и впрямь считает, что солдат умирает не за Родину, а за зарплату. Что возразить? Предложить самому попробовать? Но «кто-то», утверждающий подобную чушь, сам в армию не пойдет. Он скажет, что у него другая профессия. И сошлется на США. Мол, профессиональная армия. Во-первых, ты создай ее, эту самую, профессиональную... Во-вторых, учти, что за «бабки» убивают, а не умирают. А в-третьих... В-третьих, перестань хотя бы лепетать о том, что ты копируешь США. В США солдаты и офицеры (при совсем не наших зарплатах) умирают не за зарплату, а за Идеал («священный Град на холме»).

Люди, которые, находясь в российском окопе, воспевают миф о «прагматичных США», вовсе не хотят, чтобы Россия стала «США Восточного полушария». Они хотят, чтобы Россия гнила. Потому что какие-то силы в США почему-то заинтересованы в таком гниении и выдают его за приоритет № 1 американской национальной политики. Соответственно, пребывающие в российском окопе «солдаты демократии» являются в полном смысле слова солдатами американской демократии. И, если их любимые США закажут такую песню, под аккомпанемент которой в России будет сооружен гнилой деградирующий фашизм, наши окопные демократы будут петь эту песню. И сооружать этот гнилой фашизм, ахая по его поводу. Но это все – по части ненависти. Ведь отношения между элитой ненависти и элитой гедонизма отнюдь не сводятся к конфронтации. Конфронтация – лишь первый уровень отношений. Где интересы расходятся. И ненавистники проклинают олигархических конформистов, перекусившихся в патриотов. А уж олигархов в погонах – тем более.

Однако на другом уровне тех же отношений все выглядит иначе. Элита ненависти прекрасно понимает, что элита гедонизма в итоге все равно добьет Россию. Но только более медленно. Элите ненависти не нравится, что это происходит медленно. Да еще и под аккомпанемент ненавистного для нее суррогатного патриотизма. Но ей нравится, что это происходит. А в том, что процесс затягивается, есть свои позитивы. Можно нюхать и нюхать этот тлен, смрад, наслаждаться организованным на территории «бобком».

Гедонизм – отсрочка гибели России, а не коренной перелом. А раз он всего лишь отсрочка гибели, то какое развитие?

Если же нам нужно развитие, то... То элиту гедонизма можно ситуационно использовать, «разруливая» отдельные ситуации или создавая более вязкую среду, понижающую скорость протекающих процессов деструкции. Понижающую, но не отменяющую деструкцию как таковую.

Противодействие деструкции, невозможное без форсированного развития, может быть обеспечено лишь по другую сторону. Не только по другую сторону ненависти, но и ПО ДРУГУЮ СТОРОНУ ГЕДОНИЗМА.

Причем всяческого гедонизма. Как элитного, так и не очень. Если желания – «еда да сон», то какая разница, где едят и спят?

Едят ли в «Максиме» или в «Макдональдсе», спят на яхте или в турецких трехзвездных пляжных отелях... Чего можно

ожидать, если к этому все сводится? Если «животное – и все»?

Как только мы начинаем думать о развитии, мы спрашиваем себя: что находится по другую сторону гедонизма? И мы никоим образом не можем сказать, что по другую сторону вообще ничего не находится. У меня есть один близкий родственник, который в конце 80-х годов очень даже симпатизировал демократическим силам, да и сейчас никак не является апологетом Зюганова или Жириновского. Но, в отличие от многих других, он после катастрофы 1991 года не ушел из своей любимой науки и обрек этим себя на полунущенное существование. Поскольку родственник этот – ученый достаточно крупный, то он работал по международной тематике, получая личные гранты. При этом, вопреки рыночной логике, отдавал деньги от грантов на то, чтобы его лаборатория в Москве могла работать.

Родственник этот – не средневековый аскет. Он не стремится к истязанию плоти и не считает радости земные бесовскими соблазнами. Но он не готов продать за эти радости свое научное первородство. И не только научное. Научкой он мог бы заниматься и в других местах. И с языком английским у него все в порядке, и с востребованностью. Но что-то соединяет его с этой самой Исторической Личностью. Причем соединяет без патетики, без модных ныне лукавых самообольщений («возрождаемся» и так далее).

Что соединяет-то? И имеют ли историческое значение эти ниточки? Даже если их много миллионов... Дело ведь не в количестве, а в способности повлиять на макропроцесс.

А макропроцесс развивается в логике, заданной условиями осуществленного обмена. Историческая Личность обменяла (в силу чего – отдельный вопрос) первородство на чечевичную похлебку? Да или нет? Она подписала некий договор по этому поводу? Да или нет?

Легче всего воскликнуть: «Нет, это не она!» Или: «Ее коварно обманули, завлекли!» Или: «Это все социокультурный шок, устроенный элитой». Все так, кто спорит? Но значит ли это, что Личность не обменяла? Конечно, важно, В КАКОМ КОНТЕКСТЕ осуществился этот обмен с потерей качества. Но контекст не отменяет ФАКТА, СОБЫТИЯ. Обмен с потерей качества произошел.

Если мы не гедонисты, не ненавистники, то мы не можем не оценивать этот обмен и эту потерю качества с позиций социальной метафизики. Которая совершенно необязательно должна носить трансцендентальный характер. Социальная метафизика может быть вполне светской. Дисфункция идеального в общественном сознании и метафизическое падение – это, по сути, одно и то же. Что такое аномия (множественное поражение ценностно-нормативного пласта общественного сознания)? Это, опять же, метафизическое падение, ПОРЧА.

Психоаналитик не изгоняет бесов, как монах. Но в методологическом смысле проводимые настоящим психоаналитиком процедуры и экзорцизм имеют много общего. Кто только не говорил об этом, начиная с Юнга!..

Что такое описанный мною выше «ментальный паразит», вцепившийся своими лапками в ядро личности? Для экзорциста это бес. А для системщика? Для системщика-биолога это паразитарный организм особого рода. Подобный вирусу, усложненному микроклетшу, другому микробиологическому образованию. Для системщика, занятого компьютерами, это особая программа, которую, опять-таки, называют «вирус». Программа, призванная поселиться в чужом софтвере («ментале искусственного разума»).

А для системщика-психолога, занятого индивидуальной психологией, психологией групп или общественным сознанием? Для него это тоже программа, но создаваемая не в искусственном разуме, а в разуме обычном (индивидуальном или коллективном). Это «ментальный вирус». И поскольку речь идет не о естественном организме, а о конструкции, то ее наделяют очень сложными свойствами. Такой саморазвивающийся ментальный организм, созданный для того, чтобы поразить среду (органический ментал личности или общества), должен уметь вгрызаться в жертву, выпускать из своего тела новые и все более длинные лапки, давать потомство, ускользать от «пинцетов», с помощью которых его хотят «фронтально» удалять из сознания...

А почему он поселился в сознании? Только ли потому, что его туда загнали нехорошие дяди, занятые теми или иными подрывными программами в иноземных специнститутах? Остерегаясь прямых метафизических параллелей, я все же должен спросить: почему возникает грех? Только из-за инсинуаций дьявола? А откуда тогда святость?

Говорят, что Россию развратили «антисистемы» (агенты ЦРУ и прочая нечисть).

Люди, которые дают такие разъяснения! Обращаюсь к вам с простым лобовым вопросом: СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО ПРИ ОПРЕДЕЛЕННОЙ МОЩНОСТИ ПРОМЫВКИ МОЗГОВ С ПОМОЩЬЮ ТЕЛЕВИДЕНИЯ И ДРУГИХ СМИ ВЫ ЛИЧНО МОЖЕТЕ ПОМЕНЯТЬ СВОИ УБЕЖДЕНИЯ? Не какие-то абстрактные сограждане, которыми зловеще манипулируют, а ВЫ ЛИЧНО?

Поскольку до сих пор ВЫ убеждения не меняли, то как прикажете понимать ваше утверждение об абсолютном манипулировании сознанием ваших сограждан и, соответственно, об абсолютном же отсутствии исторической вины этих сограждан?

Должен ли я понимать это так, что вы – существа высшего сорта, неподвластные манипулированию, а сограждане – существа низшего сорта, подвластные манипулированию? Куда во всех этих построениях надо деть метафизический принцип свободной воли? Что надо вычеркнуть из культуры и метафизики, на которую она опирается? Свободу? Волю? Что еще? Трагедию? Удел человеческий? И что тогда останется?

Так не пора ли признать другое? Что падение Исторической Личности все же произошло. Указав при этом, что падение и обмен с потерей качества – это одно и то же. Идеал – это «первородство». Материальные соблазны – это «чечевичная похлебка». Смена Идеала на материальные соблазны («первородства на чечевичную похлебку») – это обмен с потерей качества, или падение. В конце XX века произошло падение НАШЕЙ (не «этой», а НАШЕЙ) исторической Личности? Да или нет?

В начале XX века Историческая Личность, отчуждаясь от одних ценностей, немедленно «регенерировалась» вокруг других (обмен без потери качества). А в конце XX века регенерации на новой ценностной основе не произошло вовсе (обмен с

потерей качества).

В начале XX века народ получил, конечно же, поддержанную им, но все-таки диктатуру. И волю свою был способен выявить лишь КОСВЕННО (например, в акте неслыханного подвига Великой Отечественной войны). А в конце XX века народ обрел формальное право на ПРЯМОЕ выражение своей воли. И, выразив напрямую волю, открепился от одних ценностей, не интегрировавшись в другие.

В 1991 году все можно было как-то списать на то, что Личность захватили врасплох. У народа отсутствовал опыт отстаивания социальных прав. У него не было также опыта ущемления этих прав. Он был увлечен новой утопией. Он находился в состоянии революционного угара. Он был испуган странным ГКЧП. У него после краха ГКЧП совсем не осталось реальных альтернатив Ельцину. Разве что полный распад всего... Не Горбачева же было поддерживать после августовских событий!

Кроме того, народ был загипнотизирован антиправовой ситуацией ГКЧП. Танки на улицах... Добавьте к этому несобранный гкачепистами Съезд народных депутатов, который надо было собрать прямо 19 августа... А также двусмысленность гкачепистов, продолжающих парадоксальным образом апеллировать к Горбачеву... Янаев так прямо говорил: «Мой друг Михаил Сергеевич»...

Но в 1993 году народ, делая исторический выбор, уже не был захвачен врасплох. Его социальные права уже были чудовищно ущемлены гайдаровскими реформами. Утопия уже рухнула. Жестокая социальная правда уже обнажилась. Танки на улицу вывел Ельцин, а не Верховный Совет. Сам этот Верховный Совет, худо-бедно, стал политической альтернативой (Руцкой хотя бы не говорил: «Мой друг Борис Николаевич»). В конце концов, альтернативной политической воли при всей ее проблематичности хватило на какое-то сопротивление, доведенное хоть до беспомощной, но стрельбы.

Говоря об уроках октября 1993 года по горячим следам событий, я достаточно подробно разбирал особые обстоятельства, в какой-то мере оправдывающие Историческую Личность (крайняя невинность оппозиционных политических сил... неоднозначность лидеров... совершенно особый феномен Зюганова и КПРФ... коварство спецслужбистских игр...).

Но, оговаривая все это, нельзя это превращать в индульгенцию. Революционные силы ВСЕГДА невинны. Политические лидеры ВСЕГДА неоднозначны. Внутри революционных действий ВСЕГДА есть спецфеномены. Что, Каменев и Зиновьев не опубликовали в газете заявление против ленинского плана вооруженного восстания, фактически «сдавая» тех, кто это восстание планировал?

Но внутри революционных действий ВСЕГДА есть еще одно: накаленная энергия масс.

К 1993 году у меня уже был немалый опыт работы в «горячих точках». Я внимательно отслеживал массовые шествия и митинги во многих городах СССР в эпоху так называемой перестройки (1989–1991 годы). Их организаторы обычно преувеличивали численность участников в несколько раз. Так возник миф о миллионных демократических митингах на Манежной площади. На Манежной площади не может разместиться миллион человек. (То же самое, кстати, и с Майданом Незалежности, со всеми прилегающими к нему «рукавами», во время «оранжевой революции»). Миллионный митинг я видел один раз – в Баку с десятого этажа гостиницы, рядом с которой этот митинг проходил.

Тот, кто это увидел и пережил, вряд ли стал бы говорить о миллионах на Манеже и Майдане. Миллионов человек там не было. Но ведь сотни тысяч действительно были!

Самым мощным массовым действием, осуществленным патриотической оппозицией, было 9 мая 1993 года. Тогда на улицу вышло реально до двухсот тысяч человек. Вскоре после этого неслыханного успеха прошли совещания патриотических интеллектуалов и политиков. К чему сводилась общая (между прочим, небезосновательная) оценка? К тому, что если 9 мая вышло так много людей (понимавших, кстати, что это рискованно), то в случае, если Ельцин разгонит законно избранную конституционную власть, а эта власть проявит стойкость, к зданию Верховного Совета (почему-то называемому Белым домом) выйдет полмиллиона людей, защищающих свое растоптанное социальное достоинство и Конституцию.

Реформы Гайдара начались в январе 1992 года. К октябрю 1993 года большинство российского населения было беспрецедентно и бесстыдно ограблено. Ученые, врачи, учителя ввергнуты в нищету. Армия и спецслужбы унижены. 9 мая было расценено как неопровержимое доказательство того, что революционная ситуация в ее классическом варианте уже сформировалась и окончательно созреет к осени 1993 года. Я до сих пор не знаю, почему я оппонировал этой точке зрения и сторяча сказал, что к «Белому дому» соберется максимум 20 тысяч человек. Выйдя с совещания, я упрекал себя за горячность и совершенно несуразный прогноз.

После подписания Ельциным наглейшего Указа 1400, распускающего парламент (на что у Ельцина было не больше полномочий, чем у его дворника), вожди оппозиции вышли на балкон, ожидая встречи с полумиллионной толпой. Особенно на это рассчитывали те, кто приветствовался толпами, собравшимися к этому же «Белому дому» в августе 1991 года. Тогда они были не патриотами, а демократами. Бледные как мел, они смотрели вниз. Там было... Сначала 10, потом 15... Ну, 20 – но никак не 200 и не 500 тысяч человек. Я был потрясен ничуть не менее, чем они... Впрочем, обсуждать здесь те горькие события и их провокационные слагаемые я не имею права. Это было бы переключением внимания читателя на не имеющие отношения к основной теме сюжеты. Провокации и провокаторы – неотъемлемое слагаемое любой революции. Много раз за эти годы я спрашивал себя: «Почему я дал тот прогноз? Изумился, дав его?.. И второй раз изумился, увидев, что угадал?»

Практическое основание для того, чтобы дать такой прогноз, у меня было одно – крайняя неоднозначность результатов референдума, проведенного в апреле 1993 года. Но главным, наверное, все же стало теоретическое основание. Безыдеальных революций не бывает. А значит, 1991 год был не революцией, а сбросом, падением в регресс, продажей первородства за чечевичную похлебку жалкой, но желанной «нормальной жизни». За регрессивный «нормалёк» с его, блестяще угаданными Ельциным, «социотелесными» вожделениями.

Метафизика развития... Какая метафизика – без таинства, преобразующего личность! Такое таинство называется инициация?

Во-первых, совершенно необязательно. Мистерии были задолго до орденских инициаций.

Во-вторых, ну и что? Воспользовались люди метафизическим опытом в своих целях. Вам цели их не нравятся? Воспользуйтесь тем же опытом для других целей... Или добудьте другой, еще более глубокий и достоверный метафизический опыт. Делайте все, что угодно – кроме одного. Не надувайте губы. И не прячьте голову под крыло. Ситуация уж очень взрослая для того, чтобы губки надувать и о злых силах без толку толковать. И слишком жестокая, чтобы прятать голову под крыло. Есть личность, выходящая из таинства преображенной. Историческая Личность с помощью еще более сложных метафизических социальных действий тоже может быть преображена... Дело не в этом... А в том, что преображение может иметь разный вектор.

Есть инициатическое преображение. Историческая Личность, совершая такое социальное таинство (модернизация или иное развитие), восходит. А есть контринициатическое преображение. Историческая Личность под воздействием контринициатического преображения (регресса) нисходит.

Первородство – ключ к Инициации и Восхождению. Позитивному, восходящему преображению, если вам больше нравятся такие слова. Похлебка – ключ к контринициации, нисходящему преображению, отпадению от развития, регрессу.

Уголовники, и те это понимают. На их языке это называется опустить. На языке фашистских концлагерей – сломать. Не все ломаются. Но ведь рабочие, согласитесь, технологии... Проверенные... Их и применили.

Что теперь делать? Расколдовывать, возвращать к Первородству, менять качество подпитывающей культурной и социальной энергии, выводить из Ада, наконец. Но не кудахтать о том, в каком все шоколаде и как мы стали, наконец, возрождаться. Думать надо, читатель! Не кудахтать, а думать. Нужно всерьез, взыскав подлинного, глубинного понимания, разбираться с собственным прошлым и отвечать на вопрос: что случилось тогда? Тогда, в момент «опохлебывания»? Нам с тобой, читатель, нужна теория, позволяющая иначе описать процесс 1985–1991 годов, так называемое горбачевское время. Вместо теории тебе предлагают конспирологию, абсолютизацию роли личности в истории, набор традиционных проклятий в адрес «Мишки Меченого», «Горбатого»...

И что, читатель, ты удовлетворишься подобными суррогатами? Тогда ты не мой читатель. Ты поверишь во всемогущество ЦРУ, развалившего СССР? А почему КГБ не развалил США? Ты поверишь в нежизнеспособность коммунистического строя? А Китай, а Кастро, которому сулили гибель в 1992 году по причине его полной зависимости от СССР? Сейчас 2009 год, Кастро болен, что после него будет на Кубе неизвестно, но пока что там все в порядке, не правда ли? Куба и впрямь сильно зависела от СССР, я вовсе не хочу сказать, что она безупречна, хотя темпы развития там приличные, медицина, образование – на подъеме.

Но не в этом дело, читатель. Куба показала, что фатальной нежизнеспособности коммунистического строя нет. А уж как Китай показал это! Что? Там строй не коммунистический? А кто мешал Горбачеву (или даже Андропову) перестроить КПСС так, как перестроили КПК? Столы наших генсеков были завалены записками о благотворности китайского опыта! А может быть, мы-то, читатель, могли бы и не так взлететь, как Китай, а еще более мощно? У нас ведь были другие стартовые условия, другое население в образовательном и культурном смысле слова, другой уровень развития производительных сил!

Так что же произошло, читатель? В силу чего все обернулось у нас «похлебничеством» без берегов? Именно у нас! Когда это произошло? Понятно, что в названный уже мною период, римейком на который может стать наша нынешняя эпоха. Коль скоро есть основания для выдвижения подобной гипотезы (гипотезы о «перестройке-2»), то переживаемое мною дежавю, которое я положил в основу своего диалога с элитной Пустотой, является понятным порождением большого политического римейка. Возможен ли он? И если да, то о чем поведает нам подобный повтор? Или даже его умоуловительная возможность? Ведь, как я уже сказал выше, любой повтор позволяет глубже взглянуть на генезис и внутреннюю структуру повторяющегося. Так почему нам не попробовать это сделать?

Глава IV. Развитие и Танатос

Что случилось тогда, в момент «опохлебывания»? И о каком именно моменте идет речь? О 1986 году? 1987? 1988? Не поняв этого, мы не поймем, как теперь нам изжить случившееся (программа-максимум) или хотя бы не усугубить его, повторив тогдашнее (программа-минимум).

Программа-максимум и программа-минимум не могут быть даже разработаны (и уж тем более осуществлены) без политической теории развития. Политической... теории... развития...

Самое трудное – не потерять связь между теорией развития и текущей политикой. Теория развития интересна сама по себе. И так легко увлечься ею... Мне – так, наверное, еще легче, чем моему читателю.

Столь же легко превратить обсуждение развития в предлог для тех или иных политических игр. Или даже для сведения каких-либо счетов – политических, идеологических и так далее.

Кто-то скажет: «А вы не шарахайтесь из крайности в крайность! Избегайте и метафизических абстракций, и участия в слишком злободневных дискуссиях». Мудрый совет... Только вот понятно, каков будет интеллектуальный продукт, если его создатели к такому совету прислушаются. Тот, кто будет избегать крайностей, никогда не получит никакого синтеза. Ибо синтез как раз и требует работы с этими самыми крайностями (тезисом и антитезисом – так ведь?).

И опять-таки кто-то скажет: «А тот, кто увлекается крайностями, не получит вообще ничего». Совершенно справедливая констатация. Увлекаться крайностями ни в коем случае нельзя. С ними надо работать. Весь вопрос в том, ради чего.

У меня на этот вопрос ответ есть. Я работаю с крайностями для того, чтобы построить политическую теорию развития. Именно политическую! Само это название – «политическая теория развития» – как раз и связывает крайности: теорию развития и политику.

Другой вопрос, зачем нужна политическая теория развития. Понятно, что, вообще-то говоря, она нужна. Но зачем она нужна сейчас? Почему сейчас есть особая необходимость в построении именно данной теории?

Академическому ученому такой вопрос покажется диким. Политическая теория развития – это «терра инкогнита». Желание посетить такую «терра» для ученого столь естественно... Но я не академический ученый. И никогда не стал бы десантироваться на эту «терра» из одного лишь интеллектуального любопытства. Не хочу сказать, что оно отсутствует. Но оно никак не исчерпывает мою мотивацию.

Мне кажется, что ход вещей неумолимо требует этой самой политической теории развития. Именно политической! Без нее мы можем оказаться в положении, не намного лучше, чем в конце 80-х годов XX века. Мотив «не оказаться в этом гнусном положении» для меня ничуть не менее силен, чем самодостаточное интеллектуальное любопытство.

Я уже показал в самом начале исследования, что о развитии начал говорить Владимир Путин. И что только потом эта тема была подхвачена Дмитрием Медведевым. Хронологически это так. И политически тоже.

А еще я показал, что игру в преодоление бессубъектности (соединение развития как стратагемы с правящей партией) тоже начал Владимир Путин. Опять же, это не вопрос для обсуждения. Это несомненный факт.

Так какова же роль Медведева в предмете под названием «судьба развития»? Почему эту роль можно считать особой? Почему свой газетный марафон я назвал «Медведев и развитие»?

Вдумайся, читатель, стал бы Путин играть в игру под названием «превращение "зайчиков" в "ежиков"», если бы не было фактора по имени Медведев? Конечно, не стал бы. Приобрела бы проблема развития без Медведева политический обертон? Конечно, нет! Только появление Медведева позволило (безосновательно или основательно – неважно) говорить о Путине как творце ужасного (или благодатного) застоя и о Медведеве как возможном творце благодатной (или ужасной) оттепели. А ведь без этого разговора тема развития не приобретает собственно политического привкуса. И зачем тогда нужна именно политическая теория развития?

И, наконец, главное. Оперативная информация, к которой я апеллирую только в крайних случаях, но от использования которой не собираюсь отказываться, о чем предупредил читателя еще в методологическом введении, говорит о том, что очень крупные глобальные игроки рассматривают Медведева как римейк Горбачева. Является ли Медведев подобным римейком или нет – неважно. Важно, что «они» его рассматривают в качестве такового. А также то, что эти «они» очень влиятельны. Медведев может обмануть подобные ожидания, а может их подтвердить. Поживем – увидим. По мне, так буквальных повторов вообще не бывает, и Медведев похож на Горбачева не больше, чем Путин на Брежнева. Но ошибочные суждения крупных глобальных игроков и сил – это тоже фактор процесса.

В любом случае, появление Медведева на политической сцене находится в особом соотношении с политической (и именно политической) проблемой развития. Без Медведева проблема развития оставалась бы сентенцией, в лучшем случае, административно-управленческой установкой. Вместе с Медведевым она приобрела политический характер. И, что бы ни произошло завтра и послезавтра, такая метаморфоза проблемы развития уже не отменяема. Это случилось! Даже если все переменится любым образом, случившееся уже неизменно из истории, а значит, и из политики. Это очень важно, читатель.

Но еще важнее то, что подобное появление политика, превратившего умозрительную при всем ее трагизме проблему развития в проблему политическую, – это в любом случае некий большой римейк. А значит – и возможность понять весьма глубокие вещи. Нужные для нас вне всякой зависимости от того, что будет происходить на узко понимаемой политической сцене.

Мы должны попытаться использовать имя Медведев для этого более глубокого понимания, возможного лишь при рассмотрении большого римейка, каким бы он ни был по существу – имитационным или действительным, губительным или плодотворным. Попробуем использовать этот ключ для того, чтобы открыть дверь, войти в комнату, где находятся какие-то ответы на интересующие нас вопросы. Для этого используем метод раскочки – от общего к частному и обратно. Равно как и уже обсужденный нами диалог с элитной Пустотой, которая уже на что-то откликнулась и по мере моего движения по исследовательскому пути будет откликаться все сильнее и сильнее.

Для начала, читатель, попробуем отжать все, что можно, из организованной нами формально-лингвистической связи.

Слово «Медведев» – средоточие конкретного, частного, политического в рамках наших аналитических построений.

Слово «развитие» – средоточие общего, метафизического, экзистенциального в рамках тех же построений.

Поставь между словами соединительный союз «и» – и формальная связь возникнет («Медведев И развитие»). Но толку ли от этой формальной связи?

Для того, чтобы такая связь наполнилась хоть каким-то содержанием, надо от лингвистической формализации перейти к чему-то другому. К чему?

Если не перейти ни к чему по-настоящему содержательному, то слова съедят друг друга. И неважно, какое из слов окажется поглощенным. Важно, что никакой связи между словами не будет. И политической теории развития не будет. Будет либо нечто сугубо конъюнктурное («отдадим дань новой политической моде»). Либо что-то из разряда тех или иных игр. Когда одно из слов произносится с пафосом, а другое с уничижением. Но если не игра и не мода, то что?

Поиск смыслов! Только за счет такого поиска может возникнуть политическая теория развития. И если ради нахождения смыслов надо работать с крайностями (метафизикой и политической злобой дня), то и надо работать. А как иначе?

Итак, каковы политические смыслы, востребованные разговором о развитии, который повели сразу два (подчеркиваю – два) главных действующих политических лица текущей российской политики – Путин и Медведев?

ПЕРВЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ – прямой и буквальный. Медведев – политик, отвечающий за страну, которая его избрала (все видели, что страна именно его и избрала), – говорит, что нужно развитие. Почему нужно считать, что он несерьезен? А что, развитие не нужно? Мы можем без него обойтись? Нет, не можем. Нет сейчас для России более острой проблемы, чем проблема развития. Путин, который поднял тему развития, будучи президентом, – став премьером и возглавив «Единую Россию», по-прежнему говорит о развитии.

Что? Эти разговоры обнажают элитную Пустоту? Тем важнее становятся разговоры о развитии в политическом, да и экзистенциально-политическом, смысле слова. Будут ли преодолевать Пустоту, заполняя ее чем-то... Будут ли в эту Пустоту

падать... Любой из этих сценариев затронет не только заполняющих или падающих, но и Россию, находящуюся в весьма специфическом состоянии «всепохлебничества».

Сказано – пусть вяло и с оглядкой на разнокачественный прагматизм, но сказано – развитие или гибель. Какой бы смысл высокие официальные лица в свое заявление ни вкладывали – буквальный или иной, – сказанное начинает ворожить помимо воли сказавших.

Они имели в виду реальное осуществление развития? Тогда нужно переводить слова в дела. Они не переводятся? Тогда что имелось в виду? Что-то ведь имелось в виду? Даже если политики имели в виду одно, а элитная Пустота другое – как это начинает переплетаться? Кто тут победит, а кто проиграет?

Начинаем это рассматривать – и что получаем? Что есть и **ВТОРОЙ МАСШТАБНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ**, который может быть вложен в обсуждение развития. И этот второй смысл носит операциональный характер. (Есть такая дисциплина – теория операций.)

С операциональной точки зрения, слово есть способ влияния на реальный процесс, а значит, и способ управления этим процессом. Как именно вы влияете на процесс с помощью слова – это отдельный вопрос. Слово «развитие», разным образом вбрасываемое в процесс, может оказать на процесс то или иное воздействие.

Оно может (а) ускорить развитие, (б) замедлить развитие и (в), коварно легитимировав нарушение функциональной нормы, породить очерченную деструкцию.

Ведь функционирование и развитие – это два абсолютно разных (системщик скажет – ортогональных) «вектора». Возможно интенсивное развитие при минимуме функциональной активности. И наоборот – можно так наращивать функциональную активность, что для развития места вообще не останется.

Любой, кто занимался этим самым развитием профессионально, поймет меня с полуслова. Но ведь им мало кто занимался подобным образом. И потому необходимы поясняющие примеры.

Ребенок находится под опекой родителей, которые частично избавляют его от трат энергии на обеспечение функционирования. Но ребенок – существо с огромным профицитом энергии. Зачем ему профицит? Для развития. Старик, став беспомощным, тоже находится под опекой. Но по причине дефицита энергии. Есть разница?

Больному человеку облегчают функционирование в санатории или на больничной койке потому, что у него дефицит энергии. Но отшельник – часто полный сил человек – тоже начинает экономить энергию, переходя на упрощенное функционирование. Это называется «освободиться от суеты». У отшельника огромный профицит энергии. На что он ее тратит? На развитие.

Что такое нынешняя Россия? Старик, дитя, отшельник, белка, крутящая гигантское функциональное колесо? Есть ли энергетический профицит? Если нет, то какое развитие? А если есть? Любой специалист знает, что профицит энергии или будет направлен на развитие, или взорвет систему. У СССР 1985 года был профицит энергии. И что же произошло?

В апреле 1985 года состоялся пленум ЦК КПСС, вошедший в историю под названием Апрельский. На нем был провозглашен абсолютно позитивный и спасительный для страны курс на **УСКОРЕНИЕ** социально-экономического развития страны. Рычагами ускорения назывались научно-техническая революция, технологическое перевооружение и активизация «человеческого фактора». Если бы хватило политического мужества не отступать в дальнейшем от заявленных целей, страна не только бы сохранилась, но и завоевала новые позиции.

В любом случае следует констатировать, что в апреле 1985 года началась короткая, но важнейшая в политическом и историческом плане фаза периода перемен. И борьба за оценку этого исторического периода является политической борьбой, имеющей значение для будущего. XXVII съезд КПСС (февраль 1986 года) тоже, по сути, был съездом, проходившим под флагом этого самого совершенно позитивного **УСКОРЕНИЯ**.

Все подорвал Октябрьский пленум 1987 года, на котором Ельцин бросил вызов Горбачеву. Профицит энергии перенаправили – с развития на деструкцию, с «ускорения» на «перестройку».

И, когда я слышу о деструктивных силах, вбивающих клин между Путиным и Медведевым, я сразу вспоминаю этот самый Октябрьский пленум. Тогда мы поняли: **РАЗВИТИЕ** подорвано. Окончательный демонтаж **РАЗВИТИЯ** происходил на XIX партийной конференции, состоявшейся в июне 1988 года. Тут-то страна и завалилась в перестройку как таковую («гласность», сведение политических счетов, «Борис, ты не прав!»... и понеслось).

Итак, с апреля 1985 года началась недолгая позитивная фаза процесса перемен... Она не была свободна от самых разных двусмысленностей и внутренних противоречий. Но она **БЫЛА**. И содержала она в себе, в числе прочего, вполне серьезную и единственно спасительную заявку на **РАЗВИТИЕ**. Как только энергию перенаправили с развития на что-то другое (политическое «бодание» на высшем уровне) – этот позитив обнулили. Игра случая? Или спецтехнология?

«**УСКОРЕНИЕ**»... То бишь пролог к **РАЗВИТИЮ**! Сначала научно-техническому, а потом и другому... Если это произойдет, Советский Союз сохранится, укрепится, получит новый исторический шанс! Госдеп США, ЦРУ, Пентагон, администрация президента США, спецслужбы НАТО захлебнулись в экспертных записках, живописующих «ужасные последствия» этого самого ускорения. Наш геополитический противник бросил все силы на то, чтобы сорвать ускорение. Точнее, не допустить, чтобы оно перешло в нечто большее. Во что же большее?

Уже несколько раз я оговаривал, что мобилизационный прорыв – это одно, а мягкая модернизация – это другое. Оговорю еще раз. Вопрос столь важен, что тут, знаете ли, не до стилистического и жанрового изыска.

О прорыве как наимягчайшей модернизации заявил И.Дискин. Я уже столько раз, казалось бы, эту его заявку проблематизировал. Нужно ли снова заниматься тем же? Увы, совершенно необходимо. Не о понятиях спорим – о политике, причем донельзя животрепещущей.

Если прорыв – это просто термин и не более, то, конечно, его надо определить. Я дал свое определение и повторяю его еще раз.

Прорыв – это осуществление запредельного задания в условиях, когда запредельность этого задания преобразует субъект,

который должен это задание выполнить.

Если говорится о прорыве как наимягчайшей модернизации, то необходимо дать определение такого прорыва и показать, почему это прорыв, а не просто модернизация. Если же прорыв – это просто любая модернизация, то зачем двумя разными словами называть одно и то же?

Кроме того, прорыв – не только термин. Это – технология, в каком-то смысле даже теория. Одно из частных следствий синергетики как таковой, теории нелинейных динамических систем. То есть прорыв – это еще и теория прорыва.

Теория – не термин. В терминах можно позволить себе определенную меру раскованности. И называть прорывом все подряд. В том числе и апеллируя к неким бытовым ощущениям. Есть у вас преграда на пути? Вы ее преодолели – значит, прорвались, осуществили прорыв. Какая преграда? Да какая угодно. Швейцар стоял у двери кабака и орал: «Не пуцу!» Вы швейцара отпихнул и, вошли... Прорвались! Вас жена в Монте-Карло не пускала, боялась, что вы там проиграетесь в пух и прах да еще любовницу заведете. Вы дуру бабу уболтали... Прорвались!

В сущности, Иосиф Дискин как раз и использует слово «прорыв» в качестве термина. Он, конечно, не про швейцара у клубной двери и не про не пускающую в Монте-Карло злую жену... Он про модернизацию. Россия должна модернизироваться. На пути модернизации стоят определенные преграды. Прорыв Дискина – это преодоление преград на пути модернизации.

Можно так использовать слово «прорыв»? Безусловно, можно! И я никоим образом не хочу в использовании Иосифом Дискиным слова «прорыв» для названия книги о мягких способах осуществления российской модернизации видеть какую-то злокозненность. Мол, ввели мы слово «прорыв» в конце 80-х годов в оборот, говоря о теории прорыва... А тут – спустя двадцатилетие – Дискин взял слово, использовал его в противоположном по сути значении... Возникла лингвистическая путаница, а значит, и путаница политическая...

Не люблю я теории заговора и концепции происков. И считаю, что Дискин имел полное и абсолютное право говорить о прорыве как о преодолении препятствий на пути модернизации.

Но повторяю еще и еще раз! «Прорыв» – не термин, а теория. Описывающая то, что нам может оказаться, увы, бесконечно необходимо.

Приведу тот же пример с казино. Вы – робкий, несильный человек. Швейцар вас грубо оттолкнул, когда вы хотели пройти в казино, и сказал что-то, что вас фундаментально задело. Под влиянием этого фундаментального переживания вы преображаетесь. А преобразившись, откидываете детину-швейцара, как пушинку, и действительно прорываетесь в казино. Не проходите, а прорываетесь. А почему вы преобразились? Потому что испытали запредельную для вас нагрузку (в данном случае – нагрузку оскорбления). И, пережив эту нагрузку, не сломались, а создали из «себя прежнего» – «себя нового». Вы не умом и по чьей-то директиве это сделали. Вы нелинейным образом, войдя в специальное состояние, изменили собственную структуру.

Не только мягкая модернизация, но и модернизация «линейно-мобилизационная» не имеет ничего общего с прорывом. Прорыв – это нелинейная мобилизация. Пока вода кипит, это не прорыв. А вот когда появляются так называемые «ячейки Бенара», и вода начинает переструктурировать самое себя, переходя от термодинамической диффузии к термодинамической конвекции (турбулентности и так далее), то это уже прорыв. И только это – прорыв.

В принципе известно (или, по крайней мере, намечено), как побудить систему к прорыву. Это авангардное, неполное и в чем-то трагическое знание. Увы, оно может оказаться нам абсолютно необходимо. Может быть, нам к нему придется обратиться. И такое обращение не должно дополнительно осложняться терминологической путаницей.

Завершив крайне краткий теоретический экскурс, вернемся к политической истории и политике как таковой. И разберемся (с опорой на экскурс, ради чего он здесь и осуществлен) с совокупностью фаз интересующего нас процесса, протекавшего с 1985 по 1991 год.

Процесса, который может повториться.

Процесса, который бессмысленно называть горбачевским. Бессмысленно, как мы убедимся позже, называть его и оттепелью (медведевской или иной). Потому что «оттепель» – это адресация к хрущевским трансформациям, а они ничего общего с трансформациями 1985–1991 годов не имели, при всем иллюзорном сходстве.

Именно для того, чтобы разобрать тонкую структуру процесса, разворачивавшегося с 1985 по 1991 год, – причем разобрать так, чтобы оказаться теоретически вооруженными в условиях, когда процесс может повториться, пусть и в существенно модифицированном виде, – я и затратил время на развернутое объяснение. Объяснение того, чем прорыв как преодоление любым образом любого препятствия отличается от прорыва как преодоления системой непосильного для нее задания путем трансценденции. То есть переделки собственной структуры и получения иных возможностей.

Назовем весь процесс 1985–1991 годов «временем перемен». Помните, что пели на улицах? «Мы ждем перемен!»

Назовем первую фазу этого процесса (1985–1986 годы) «ускорением».

Слово «ускорение» может сбить с толку тех, кто не понимает различия между сложными системами (например, автомобилем) и системами сверхсложными (человеческим обществом). Для того, чтобы детально разъяснить эти различия, нужно написать отдельную книгу – а значит, уйти от политической теории развития к теории развития как таковой. Но если вообще эти различия не обсуждать, то общество окажется сбитым с толку.

Ну так вот, даже в самых сложных автомобилях все обстоит очень просто. И совсем не так, как в сверхсложных системах. В автомобиле вы жмете на газ и за счет этого ускоряетесь. Машина едет быстрее... Потому что вам нужно быстрее добиться определенной цели. Какой цели? Если совсем буквально, то некоего географического пункта (например, вашего загородного дома, в котором вас гости ждут).

Но ведь никто, надеюсь, не находится в абсолютной зависимости от такой избыточно банальной буквальности... В принципе речь идет о любой цели. Например, о прибытии нашего общества в точку определенного материального благополучия. Для прибытия в эту точку нужно иметь такой-то валовый внутренний продукт и таким-то образом его

распределять. Но искомого валового внутреннего продукта нет. И движение от имеющегося продукта к искомому идет слишком медленно. А значит, движение надо УСКОРИТЬ. То есть осуществить формальное ускорение.

Низкая скорость движения экономического автомобиля? Например, три процента роста ВВП в год? УСКОРЯЕМСЯ! Обеспечиваем рост в четыре, пять процентов. Мало? Жмем еще сильнее на педаль нашего экономического автомобиля. Получаем шесть процентов. Мало?

Жмем еще сильнее. Но оказывается, что «педаль» нажата до предела, а «скорость» (рост валового внутреннего продукта или другой материальный показатель) не увеличивается. Что вам надо делать? Вам надо менять конструкцию автомобиля. То есть останавливать движение и переходить к созданию другой конструкции. Например, рыночной экономики. Или политической демократии.

НО ЭТО В СЛУЧАЕ, ЕСЛИ ВЫ ИМЕЕТЕ ДЕЛО С АВТОМОБИЛЕМ КАК С ОБЫЧНОЙ СЛОЖНОЙ СИСТЕМОЙ, А НЕ С ОБЩЕСТВОМ КАК СО СВЕРХСЛОЖНОЙ СИСТЕМОЙ. И ЕСЛИ ВЫ ПУТАЕТЕ АВТОМОБИЛЬ С ОБЩЕСТВОМ, А СЛОЖНУЮ СИСТЕМУ СО СВЕРХСЛОЖНОЙ, ТО ВЫ ОБРЕЧЕНЫ.

В сверхсложных (социальных и иных) системах наращивание задания, увеличение нагрузки (прессинг, разогрев или же социальное ускорение) не выводят систему в простой режим насыщения. Автомобиль выводят – нажал газ до конца, и все. Но это потому, что он сложная система, а не сверхсложная. А в сверхсложных системах это самое наращивание задания, как его ни назови, подводит систему не к точке насыщения, а к точке **СОВСЕМ ИНОГО РОДА...**

Увы, сейчас все говорят о точке бифуркации. Но вряд ли хотя бы один процент говорящих понимает, что конкретно имеется в виду. Гуманитарии, впрочем, и не обязаны понимать. Не обязаны-то они не обязаны... А как без этого понимания разобраться в политическом процессе? И потому я хотя бы «на пальцах» попытаюсь что-то объяснить, прося прощения у тех, кто и без объяснения «на пальцах» все понимает.

Если правильный рост задания, даваемого сверхсложной системе, называть ее ускорением, то по ту сторону ускорения наступает не насыщение, а прорыв. А если задание будут наращивать неправильно, то «по ту сторону» вместо прорыва может быть коллапс...

Как же происходит прорыв (в последний раз, во избежание гибельной путаницы, скажу читателю, что **ВОВСЕ** не дискинский, а в каком-то смысле и **АНТИдискинский**)?

Вы даете задание сверхсложной системе: надо, мол, перенести столько-то тепла с уровня А на уровень Б. Система, приняв ваше задание, использует известный ей механизм передачи тепла. И до тех пор, пока она его использует, она является сложной, а не сверхсложной. То есть ее потенциал сверхсложности спит. Но систему можно разбудить! Как?

Вы наращиваете задание. Система не хочет использовать свой потенциал сверхсложности. И пытается с помощью привычного механизма выполнить ваше задание, то есть передать больше тепла с уровня А на уровень Б.

Но вы еще наращиваете задание! Причем правильным образом, то есть понимая, чего хотите. Понимая, что система сверхсложная, что ее надо разбудить и в этом ваше спасение. Понимая, что разбудить спящий потенциал сверхсложности – это совсем не то же самое, что сломать, растоптать, отжать досуха, повысить норму эксплуатации и так далее.

Итак, вы настойчиво и правильно повышаете задание, а система уже не может – ну, совсем не может – с помощью привычного для нее механизма выполнить задание, передав столько, сколько вы требуете, тепла с уровня А на уровень Б. Если вы **НАСТАИВАЕТЕ** на своем задании, причем настаиваете именно **ПРАВИЛЬНЫМ** образом, и если ваша система сверхсложная (даже обычная, физическая, но сверхсложная), то сверхсложная система, разбудив свой потенциал сверхсложности, сама найдет новый механизм передачи тепла, обеспечивающий выполнение вашего задания. Например, система начнет передавать тепло не хаотически (нормальным термодинамически-стохастическим образом, что для нее привычно), а через механизмы турбулентности, создавая упорядоченную структуру шестигранных или цилиндрических вихрей (так называемые «ячейки Бенара», о которых я уже говорил).

Что значит подойти к точке бифуркации? Это значит разбудить спящий потенциал сверхсложности. Что значит начать прорыв через зону бифуркации? Это значит правильно задействовать потенциал сверхсложности (например, через эти самые «ячейки Бенара»), Задействовали его правильно – прорвались.

ЗА УСКОРЕНИЕМ СЛЕДУЕТ ПРОРЫВ.

ПРОРЫВ – ЭТО РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ СВЕРХСЛОЖНОЙ СИСТЕМЫ ЗА СЧЕТ ПРАВИЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЕЕ ПОТЕНЦИАЛА СВЕРХСЛОЖНОСТИ.

И тут обязательно надо понимать, как устроен потенциал сверхсложности данной сверхсложной системы. Тут нельзя с дрожащими губами говорить о «живом творчестве масс». Или же, играя волевыми желваками на скулах, признаваться, что «мы не знаем общества, в котором живем».

Сверхсложная система может осуществить прорыв, задействовав свою тонкую структуру, которая и является хранителем ее потенциала сверхсложности. Важно подчеркнуть, что эта тонкая структура является не структурой вообще, а структурой именно той системы, к которой вы адресуетесь. Вы адресуетесь к своей, а не чужой сверхсложной системе. К ее особым точкам, ключевым потенциалам, сеткам возможностей. Если вы вместо этого адресуетесь к соседней системе (американской или какой-то другой) или к своей ложной догме по поводу реальной системы, вы провалитесь. И тогда и впрямь лучше не ускоряться.

Кстати, надо отметить, что рынок как таковой не имеет ничего общего с потенциалом сверхсложности. Рынок – это не «ячейки Бенара». Это классический термодинамический перенос. Рыночные атомы суетятся, толкают друг друга, температура растет Но и план – это не потенциал сверхсложности. Это, в лучшем случае, нагрузка на систему. Если вы способны сделать так, чтобы нагрузка была.

А вот если нагрузка правильная и система начинает переносить тепло не за счет столкновения атомов, а за счет более или менее регулярных струй, вихрей, протуберанцев, то это значит, что вы добились прорыва. По какой именно из веток бифуркационного альтернативного разветвления пойдет процесс, зависит от того, как именно вы его будете подталкивать. Но

для этого вы должны знать тонкую структуру системы. И понимать, что использовать уравнения линейной термодинамики (рынка) в зонах бифуркации бессмысленно. Что тут начинается другая термодинамика. Та самая, которой занимается вполне конкретная наука под названием «синергетика».

Я понимаю, что слово «синергетика», как и слово «бифуркация», бесконечно замылено и при этом у современного пиарщика-логомана абсолютно лишено содержания. Но что прикажете делать? Прорыв – это действительно синергетический процесс. А ускорение – это первая стадия прорыва. В сущности, ускорение и прорыв образуют единое синергетическое целое.

Чтобы наиболее просто и емко раскрыть смысл невероятной трагедии, случившейся с нашим любимым Отечеством и скупо называемой «распадом СССР», я приведу одну присказку и один анекдот.

Присказка, к которой я уже обращался: «Если бы у моей тети были колеса, то была бы не тетя, а дилижанс».

Анекдот: «Слушай, ты знаешь, кто такие Маркс и Энгельс?» – «Нет, не знаю.» – «Если бы ты побольше ходил на политучебу, то знал бы, кто такие Маркс и Энгельс!» – «А ты знаешь, кто такой Розенблум? Если бы ты поменьше ходил на политучебу, знал бы, кто спит с твоей женой».

Если бы Горбачев и другие поменьше ходили к рыночникам, то знали бы, что такое прорыв. Знали бы, что все не исчерпывается альтернативой «рынок – план» («иного не дано!»)... Если бы они посещали хотя бы мозговые штурмы, которые шли в (не слишком даже узком) кругу советских синергетиков (физиков, химиков, биологов и так далее), то у нас был бы шанс. И он назывался бы «от ускорения – к прорыву».

Но если бы Горбачев и другие ходили к синергетикам, то «была бы не тетя, а дилижанс»... Однако они не ходили к синергетикам. И в этом смысле, может быть, у нас шанса и не было. Но тогда у нас его не было вообще. Потому что единственным нашим шансом на спасение СССР был новый виток развития. А единственным нашим шансом на новый виток развития являлось двуединство ускорения и прорыва. И в этом был позитивный потенциал периода перемен. Я подчеркиваю, что он был. И это для меня является тем осевым утверждением, вне которого мы ничего не поймем в том, что происходит сейчас.

«Ах, ох, открытое общество!» Кому мозги пудрите? Абсолютное открытие общества – это превращение сверхсложной системы, которой является общество, в бесструктурный газ, подчиняющийся только законам линейной термодинамики. Такое превращение в принципе лишает общество малейшего шанса выбираться из тупиков застоя. Сейчас в таком тупике находится западная цивилизация. Если она раздробила свою сверхсложность до этого газа, у нее нет никаких шансов на выход. То есть на ускорение и прорыв. И тогда мир ждут весьма мрачные перспективы.

Но я не знаю, можно ли в принципе добить такую сверхсложную систему, как общество, превратив ее в лишенную сверхсложности открытую примитивность, так восхваляемую Карлом Поппером и его последователями. Наверное, в принципе это можно сделать с какими-то капитулировавшими социумами. Но не все сдадутся без сопротивления.

А сопротивление будет опираться на фундаментальную амбициозность сверхсложных систем. На их нежелание упрощаться, превращаясь в атомарный газ. «Не ставьте из себя! Открывайтесь!», – говорят идеологи открытого общества, рекламируя свой проект невероятного упрощения как наращивание сложности. А человечество в целом и большинство народов «ставит из себя» вопреки этим грозным призывам.

Россия же особенно «ставит из себя» и этим особенно раздражает. Но если она перестанет «ставить из себя», то она уже не будет Россией. Тогда забудьте о государственности. Да и о развитии тоже. Потому что развитие как единство ускорения и прорыва адресует только к тому началу, которое «ставит из себя». Самое таинственное то, что это начало, называемое «синергийным» людьми, достаточно чуждыми религии, присуще не только сверхсложным социальным сообществам. Оно каким-то и впрямь таинственным образом пронизывает мир.

Синергия – это воля к образованию и усложнению форм. Еще раз подчеркну, что об этом синергийном начале говорят не только религиозные люди, но и свободные от религиозной заданности нобелевские лауреаты... Они говорят, что смысл слова «синергия» отнюдь не исчерпывается его религиозным значением... Что источники, порождающие образование и усложнение форм, анализируются сейчас с помощью математических формул и тончайшей аппаратуры...

И при всем при том, конечно же, связь синергетики с синергией, о которой говорят люди религиозные, присутствует. Это не такая простая связь... Но она есть. И здесь мы опять-таки сталкиваемся с анализом крайностей. Есть математика – и есть чудо. Казалось бы, где есть математика, там нет чуда – и наоборот. Ан нет. Есть специальные отрасли знания, связанные с так называемой «странностью». Суть в том, что некоторые – модулированные волей – события случаются чаще, чем это должно быть в соответствии с так называемым «нормальным» (иначе – гауссовым) распределением вероятностей. Далеко не просто объяснить что-то подобное людям, которые этим специально не занимаются, но...

Известно же, что бутерброд странным образом чаще падает маслом вниз. Подчеркиваю – странным образом.

Специалисты называют это «эффектом странности». Две крайности – математика и чудо – связаны между собой словом «странность».

Развитие – процесс актуализации странности. Странность – это способность самых разных организованностей (сверхсложностей) выявлять свое синергийное или синергетическое начало. Выявление этого начала происходит за счет актуализации спящих возможностей, приводящих к развитию и без того сверхсложных организованностей (уже упоминаясь «ячейки Бенара» и прочее).

Развитие – принципиально нелинейный процесс, который может быть осуществлен только при наличии спящих потенциалов в сверхсложных организациях.

Эти спящие потенциалы не похожи на «дремлющие силы рынка», к которым пытался адресоваться Ельцин, или на план, к которому адресовался Брежнев. По крайней мере, корректировка пятилетних планов, ставшая синонимом застоя, уж никакого отношения к развитию не имела. Но даже если бы корректировок не было... И если бы план носил напряженный некорректируемый характер – этого тоже мало.

План должен был становиться в чем-то сверхнапряженным и одновременно – тонким и гибким. А главное – правильным образом сочетаться с тонкой структурностью **ИМЕЮЩЕЙСЯ** сверхсложной системы. **И-МЕ-Ю-ЩЕЙ-СЯ!** Не желанной («чтобы было как в США») и не химерической («развитой социализм»), а **ИМЕЮЩЕЙСЯ**.

Итак, сверхсложную систему можно разбудить, наращивая напряженность правильного задания (ускорение), и побудить к самоизменению, выходу за собственные границы, к самотрансценденции. Если это побуждение будет реализовано, то произойдет прорыв. Но реализовано побуждение будет только если сверхсложная система начнет **«СТАВИТЬ ИЗ СЕБЯ»**, то есть задействует свою спящую сверхсложность.

Как помешать этому? Если противник хочет помешать этому, то что он должен сделать? Он должен помешать этой сверхсложной системе **СТАВИТЬ ИЗ СЕБЯ**. Он должен убедить эту сверхсложную систему в ее ничтожности и чудовищности. Он должен разбудить в ней не спящие силы, а комплекс неполноценности.

Вот это-то и сделала перестройка.

В ЭТОМ СМЫСЛЕ ПРОЦЕСС ПЕРЕМЕН СОДЕРЖИТ В СЕБЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ ПОЛЮСЫ. **ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ** – ЭТО УСКОРЕНИЕ ПЛЮС ПРОРЫВ (обращение к спящей сверхсложности с тем, чтобы она пробудилась). **ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ** – ЭТО ПЕРЕСТРОЙКА (такое обращение к спящей сверхсложности, которое, навязав ей идею ее ничтожности и виновности, усыпит ее навсегда).

Перестройка – не всеобъемлющая характеристика процесса перемен, не синоним перемен как таковых, не олицетворение духа развития. Она извращение этого духа. Она отрицание собственного начала, которое в случае СССР и было ускорение плюс прорыв.

Давать сегодня какую-либо интегральную оценку процессу перемен – это безумие. И это полный политический тупик.

Вы скажете, что процесс перемен весь целиком омерзителен? Вы заснете застойным сном, и разбудят вас «оранжисты», управляемые все тем же противником.

Вы восславите процесс перемен весь целиком? Вам подсунут эту самую перестройку, и вы проделаете путь от Горбачева к Ельцину во второй раз. Путь развала и деградации.

Мне интересна теория развития сама по себе. Но политическая теория развития – это создание аппарата дефиниций и методов, позволяющих избежать повторения перестройки. И в этом смысле такая теория не блажь и не произвольная «терра инкогнита», а острейшая политическая задача. Насущнейшее требование, вытекающее, увы, на самого хода вещей.

Носится нечто скверное в воздухе? Да или нет? Я считаю, что носится.

Это скверное что-то напоминает? Я считаю, что напоминает.

Оно адресует к событиям двадцатилетней давности? Адресует.

Нужно эту адресацию учесть? Нужно.

А как ее учесть? Проклясть скопом все, что тогда было, и заснуть? Это аморально и бесперспективно.

Значит, надо анализировать то, что было. И выявлять в нем погубленные возможности. А также конкретный потенциал этой самой «скверны». А как иначе? Вот я это и делаю. И что на выходе?

Что в почти неощутимом зоре между ускорением и перестройкой была нереализованная возможность **ПРОРЫВА**. Что **УСКОРЕНИЕ** не было обречено на провал. Что провалило его директивное подавление той тонкой структуры, которая одна лишь и позволяла превратить ускорение в прорыв.

И оно-то – это директивное подавление тонкой структуры – как раз и называется «перестройка».

Обсуждая катастрофу распада СССР, часто задаются сакраментальным вопросом: «Глупость или измена?» А почему «или»? Глупость и измена – вот единственно возможный ответ.

Глупость – это капитуляция части номенклатурных хозяев системы. Кто-то внушил этим хозяевам, что общество – это автомобиль, а не сверхсложная система с саморегулятивными возможностями, определяемыми ее тонкой структурой. Хозяева жали-жали на газ, потом разочаровались, что «Запорожец» быстро ехать не может, и нужен то ли «Мерседес», то ли самолет. Остановили «Запорожец», стали его раскурочивать, надеясь, что получится «Мерседес». Получилась груда металлолома. Что делать с металлоломом? Утилизировать через пункт вторсырья. Хоть денежки получить. Это глупость. А что такое измена?

Измена – это осознанные действия тех (включая другую часть номенклатуры), кто понимал, что общество – не автомобиль. Кто, насаждая рыночные утопии («ах, нам нужен новый автомобиль!»), видел и ненавидел реальную сверхсложность данной социальной системы, способной плодоносить. А видя и ненавидя, наносил продуманные удары по «акупунктуре» этой сверхсложности. И тем самым уничтожал возможность перехода ускорения в прорыв.

Удары эти наносились в точности тогда, когда ускорение **МОГЛО** перейти в прорыв. То есть прорыв срывали с помощью перестройки. Нужно очень хорошо понимать, какова система, и очень хотеть ее убить, чтобы так действовать.

Предлагаемый мною метод – это медицинский зонд.

Процесс перемен 1985–1991 годов – некое тело. Вам предлагают оценить его как целое? Не соглашайтесь! Это ловушка. Возьмите зонд и рассмотрите тело детально. Вы увидите, что оно не просто неоднородно. Оно состоит из **УТВЕРЖДЕНИЯ** и **ОТРИЦАНИЯ**, **ЖИЗНИ** и **СМЕРТИ**.

Отрицать следует лишь отрицание. Зачем ненавидеть тело? Ненавидеть надо опухоль, которая, поселившись в теле, притворяется его нормальной здоровой частью.

Перестройка и есть опухоль: подлейшая и тончайшая мимикрия отрицания под утверждение, смерти под жизнь. Мимикрия, имеющая под собой и политическую, и социально-метафизическую основу. Какую?

Скажешь, что перестройка является социальной скверной, – люди пожмут плечами и решат, что меня прельщают лавры Савонаролы. А то и Нины Андреевой... А что если и впрямь, говоря о скверне (пусть и социальной), мы переходим с языка науки на другой язык – с другими законами и другим радиусом действия?

Это было бы непростительно. Но на самом деле это не так. И, вводя термин «социальная скверна», я не отменяю

сделанную заявку на теорию политического развития, а, напротив, подтверждаю ее. В том числе и давая строгое определение вводимому мною понятию «социальная скверна».

Скверна – это внутрисистемный Танатос (потенциал смерти системы).

Но что такое Танатос? Допустимо ли вводить строгие определения, адресуя к божествам из греческой мифологии? Конечно же, нет. Для того, чтобы раскрыть научный потенциал понятия «Танатос», мне понадобится короткий исторический экскурс.

Триумф классического прогресса приходится на период с 60-х годов XIX века по 30-е годы века XX-го. Он связан с тремя великими именами – Маркс, Эйнштейн и Фрейд. Это не гении, а сверхгении. У сверхгениев есть сверхзадачи, ради решения которых они приходят в мир. Маркс, Эйнштейн и Фрейд хотели вывести Всё из одного Принципа. Это называется «научный монизм» (или универсализм). Человек может быть абсолютно светским. И при этом глубоко обусловленным своей культурой, опирающейся, в свою очередь, на религию. Были ли эти трое абсолютно светскими людьми – в конце концов, неважно. Их монотеистическая религия и культура породили научный монизм как сверхзадачу, которой они посвятили жизнь.

Гений находится в рамках науки, а значит, ищет истину. Сверхгений плюет на классическое разделение гносеологии (поиска истины), этики (поиска справедливости) и эстетики (поиска красоты). Эйнштейн не раз говорил о красоте, не отделяя ее от истины. И потому он сверхгений. То же самое двое других. Неважно даже, что они говорили. Важно, как они творили и жили. «Самое прекрасное в мире чувство – это ощущение тайны. ...Я испытываю самое сильное волнение перед загадкой жизни. Это чувство создает красоту и истину, порождает искусство и науку» (Альберт Эйнштейн).

Содержание рассматриваемого мною периода триумфа классического прогресса – поиск тремя сверхгениями возможности выведения Всего из одного Принципа. Какого Принципа?

Маркс хотел все вывести из Принципа под названием «отношения труда и капитала».

Эйнштейн – из Принципа под названием «пространственно-временной континуум».

Фрейд – из Принципа, который он называл «Эрос».

Объединяло всех троих «волнение перед загадкой жизни». Светские люди... не светские... Вам бойко процитируют Эйнштейна: «Бог не играет в кости». На самом деле Эйнштейн сказал нечто гораздо более сложное. В своем письме Дж. Франку он написал: *«Я могу еще, если на то пошло, понять, что Господь Бог мог сотворить мир, в котором нет законов природы. Короче говоря, хаос. Но то, что должны быть статистические законы с вполне определенными решениями, например, законы, вынуждающие Господа Бога бросать кости в каждом отдельном случае, я считаю в высшей степени неудовлетворительным».*

Чувствуете метафизический замах?

Монизм Эйнштейна и дуализм Бора-Гейзенберга (замечу, что Гейзенберг не случайно заигрывал с фашизмом) – это не борьба людей или теорий. Это борьба метафизик.

С квантовым дуализмом Эйнштейн так и не согласился до самой смерти. Но Эйнштейна победило нечто другое. Та физическая Реальность, которая заставила его ввести в монистические уравнения собственной Общей теории относительности дополнительный «лямбда-член». Тот самый «лямбда-член», который разрушил монизм теории и который впоследствии был назван «темной энергией» – Танатосом в его физическом воплощении.

Взявшись за построение политической теории развития, я не могу подробно описывать все перипетии этой борьбы Эйнштейна с Реальностью, оказавшейся более сложной, нежели предполагал классический монизм. Тем более, что история этой борьбы, скажем так, далеко не прозрачна. Но нам и не нужны все перипетии. Достаточно констатации того, что Эйнштейн в итоге все-таки столкнулся с какими-то частями Реальности, фундаментально противоречащими его жажде единства мира. И ему стало скучно. Или страшно – кто знает.

Маркс тоже столкнулся с какими-то кусками Реальности, которые не укладывались в то, что было его сверхзадачей. Я имею в виду не мировую революцию, а возможность выведения Всего из одного Принципа. Маркс назвал то, в чем он столкнулся, «азиатским способом производства». И замолчал. Ему тоже стало или скучно, или страшно... Неважно.

Но наиболее ярким этот процесс был у Фрейда. Где-то под конец активного периода научной деятельности (и вопреки тезису об универсализме Эроса, положенному им в основу своей системы) он вдруг публикует работу «По ту сторону принципа удовольствия». Можно много рассказывать об истории этой работы, о персонажах, содействовавших ее написанию, а значит – и самоотказу Фрейда. Да, именно самоотказу! Потому что для Фрейда делом жизни было выведение Всего из Эроса (принципа удовольствия). И признание того, что нечто находится по ту сторону этого принципа, было для него весьма и весьма болезненным. Между тем, Фрейд в этой работе фактически признал, что Смерть – вдумайтесь! – есть не умаление Жизни (это-то всем понятно!), а нечто абсолютно отдельное от нее, невыводимое из нее.

Так что не я ввожу Танатос как научное понятие. Это открыл Фрейд и детально описали его последователи. Загнивание Запада («закат Европы», так сказать), декадентские маразмы, ужасы Первой мировой войны, предощущение нацизма – все это было культурным и политическим контекстом, во многом определившим востребованность понятия Танатос уже для Фрейда и его учеников. В постфрейдистский период начался подъем как новых, так и ранее существовавших наук (танатографии, например), занятых выявлением Танатоса, а значит, и управлением Танатосом.

Подчеркиваю – наук! Не богемных полухудожественных упражнений, а наук! Да, их развитием воспользовался постмодернизм. Но ведь не он один. Воспользовались, например, все, чьей специальностью является смерть чужих систем. Специалисты этого профиля поняли, что можно использовать три приема, позволяющих уничтожить враждебную систему.

Первый прием – отделение внутрисистемного Эроса (потенциала Жизни) от внутрисистемного Танатоса (потенциала Смерти).

Второй прием – активизация такого отделенного от Эроса Танатоса.

Третий прием – засовывание Эроса в мясорубку отделенного от него и активизированного Танатоса.

Если перевести огромный корпус религиозных представлений о «мертвечине» и «скверне» на светский системный язык, то эти три приема как раз и называются «осквернение». Так что введение понятия социальной скверны и социального осквернения – разрушения системы за счет активизации внутрисистемного Танатоса – мне представляется вполне корректным. И я берусь доказать, что перестройка – это и есть социальное осквернение, активизация внутрисистемного Танатоса с целью ликвидации системы.

Была система – некий кристалл. Некто запустил Танатос и получил булькающую беспомощную слизь. Получил – и радуется...

Кто-то скажет, что такой подход все же в большей степени использует язык искусства, а не язык науки.

Что ж, и искусство немаловажно. Оно ведь тоже технологично. Образы – это импульсы, воздействующие на сознание. Так ведь? И что если систему под названием «дом» разрушит импульс под названием «взрыв», то это – наука, и даже техническое ремесло (подрывное дело)? А если систему под названием «культура» разрушит импульс под названием «образ», то это – не наука, а искусство? Но если речь идет о разрушении систем, то так ли важно данное разграничение? Одни системы разрушаются атомными бомбами, другие – образами. Неужели тот, кто разрушает, не сведет это воедино во имя достижения своей цели? Обязательно сведет, и давно уже свел.

Знаю это отнюдь не понаслышке. Знаком с соответствующими разработками, которые осуществляли как зарубежные специалисты, так и наши умельцы, выехавшие за рубеж. Разве Александр Зиновьев, вернувшись на российские развалины, не признавался в том, что занимался на Западе чем-то подобным? Признавался. И не он один. А многие не признавались – по вполне понятным причинам.

Но разве можно все сводить только к иностранцам и эмигрантам?

Разве Александр Николаевич Яковлев, всесильный идеологический шеф Коммунистической партии, не говорил после краха собственной партии и СССР о том, что «удалось переломить хребет»? Кто-то скажет, что он оперировал метафорой, а не адресовал к технологии? Но почему тогда так успешно был сломан этот самый хребет? И почему я должен считать, что это метафора, если я знаю, что специалисты по теории систем называют технологии, обеспечивающие демонтаж оси системы, «ломкой хребта»?

А что, Анатолий Ракитов, советник Ельцина, не призывал к смене ядра российской культуры? Или тут тоже надо говорить об искусстве, а не о науках особого рода? А почему? Ведь абсолютно понятно, что речь идет именно о науках.

Есть люди, кончающие жизнь самоубийством. Они могут делать это по разным причинам. Многие трактуют террориста-смертника как человека, стремящегося заслужить место в раю. Мол, гурии и все прочее. Это в огромной степени задано тем, что такие «многие» избыточно заикливаются на исламском суицидальном терроризме (шахиды). Но в других культурах вообще нет понятия рая, а суицид и суицидальный терроризм наличествуют. И метафизически обосновываются неприятием такого скверного дела, как жизнь вообще, и тем более жизнь вечная.

Короче, наука о суициде (наука! слышите?) уже достаточно подробно разобрала автономную от Эроса (воли к жизни) суицидальную мотивацию (волю к смерти). А начали этот разбор не ученые (психиатры, психологи и т.д.), а философы. Прежде всего, Артур Шопенгауэр, для которого подлинная свобода – это еще и независимость от необходимости.

При этом независимость от необходимости (не «познанная необходимость» Гегеля, а НЕЗАВИСИМОСТЬ от необходимости) не может быть связана для Шопенгауэра просто с проявлением воли, направленным вовне (волей как «волей-явлением»). Она связана с абсолютностью воли, направленной сразу и вовне, и внутрь себя – повсюду. То есть с волей как «волей-сущностью».

Животное на это не способно. Оно может направить волю вовне, но подлинной свободы достигнуть не может. Ибо животное принадлежит только природе. В природе есть только необходимость. Значит, животное находится в сфере необходимости, которой и подчиняется. Свобода же обитает в благодати. Но как тогда она может обнаружиться в явлении?

По Шопенгауэру, она может обнаружиться только когда «воля-сущность» (дух) вступает в противоречие с «волей-явлением» (телом). И, отрицая последнее, уничтожает тело как свое проявление. Самоубийство тем самым для Шопенгауэра (конечно, не любое самоубийство, а добровольная смерть, вызванная крайним пределом аскетизма) представляет собой единственное проявление абсолютности воли. А значит, и единственное, что позволяет обрести свободу и благодать. Такое отношение к самоубийству заслуженно закрепило за Шопенгауэром не только славу «величайшего пессимиста» и певца самоубийства, но и статус первого теоретика так называемой «воли к смерти».

Именно в связи с этим особо буйствовал двойник и оппонент Шопенгауэра Фридрих Ницше. Мол, какая смерть?! «Над жизнью нет судьи» – и так далее... Но жизнь, над которой нет судьи, жизнь как отрицание справедливости – это феномен, восславление которого, по сути, подтверждает, а не опровергает правоту Шопенгауэра. Так что отношения Ницше с Шопенгауэром (а также Ницше с Вагнером) отнюдь нельзя назвать тривиально антагонистическими.

Танатос – это и есть воля к смерти... Тема эта разобрана уже не только в том, что касается человека. Проанализировано, что такое «контуры смерти» и «точки смерти» в разного рода сверхсложных системах. Введен термин «программа самоликвидации». Самопрограммирующиеся сверхсложные системы изучены и с точки зрения возможности их побуждения к «программированию на самоликвидацию».

Обсужден, причем подробно, феномен так называемых «превращенных форм». Это философское обсуждение (блестятельно осуществленное, например, советским философом Мерабом Мамардашвили) было впоследствии переведено на язык теоретической биологии и общесистемный язык. Этим пользуются медики, обсуждающие ряд заболеваний (системная красная волчанка и так далее). И зачем притворяться, что все это не доведено до комплекса технологий? Да, эти комплексы технологий не продаются на «Горбушке» и не находятся в открытом доступе. Ну и что?

Совершенно очевидно, что уже сейчас обиходными являются понятия «суицидальные группы», «суицидальные секты» и

так далее. А лет через двадцать к самопрограммированию на смерть будут побуждать сверхсложные компьютерные системы. Да и сейчас есть специалисты, которые далеко продвинулись в этой, пока еще достаточно закрытой, размытой и проблематичной сфере.

Словом, Танатос – это на современном Западе уже не только наука, но и технологии. Восток же занимается технологиями Танатоса, в соответствии со своей интеллектуальной и культурной спецификой, тысячелетиями. И достаточно далеко в них продвинулся.

А теперь вопрос на засыпку: если можно так запрограммировать систему... А также личность... А также группу... То почему нельзя так запрограммировать более крупное сообщество (народ, нацию, цивилизацию)?

Почему нельзя выявить тонкую структуру этого сообщества, его системные коды, его потенциалы сверхсложности? Почему нельзя, выявив, начать это самое «программирование Танатоса»? Или кто-то считает, что термин «социокультурные коды системы» – это тоже метафора?

Ракитов говорил о культурном ядре, но ядро – место, где содержатся эти самые коды. Если можно попасть в ядро и начать работать с кодами, то почему нельзя (если очень хочется) поработать с этими кодами так, чтобы актуализировался спящий потенциал Танатоса?

В каждой культуре, обладающей своим ядром, этот потенциал устроен по-разному. Ну, так и танатизируют их в соответствии с устройством конкретной культурной системы. А также в соответствии с общесистемными принципами.

Не может работа по актуальной политической теории стать одновременно пособием по проблеме Эроса и Танатоса. Да и не факт, что в условиях современной интеллектуальной войны так уж стоит все раскладывать до конца и по полочкам. Я так в этом абсолютно не уверен.

А для развития заявленной темы достаточно и приведенного выше. Ибо теоретические сведения необходимы мне здесь для того, чтобы раскрыть понятие «перестройка», и не более. Когда я захочу рассматривать вопрос Танатоса или превращенной формы в общетеоретическом плане, я буду писать принципиально другие сочинения.

Итак, я утверждаю следующее.

Во-первых, перестройка – это активизация внутрисистемного Танатоса.

Во-вторых, работа с внутрисистемным Танатосом (автономным потенциалом смерти системы) для кого-то уже является не искусством, а технологией. Или же гибридом искусства и технологии.

В-третьих, опыт работы с внутрисистемным Танатосом наращивается.

В-четвертых, нет никаких оснований считать, что этот опыт (а также новые разработки) не будут применены для активизации внутрисистемного Танатоса страны под названием Российская Федерация. Если такой опыт был применен успешно для активизации внутрисистемного Танатоса страны под названием СССР... Если его применение (и именно оно) называется «перестройка» (прошу не путать с периодом перемен, развитием, ускорением и прорывом), то почему невозможна «перестройка-2»? Конечно, с учетом новой специфики: степени повреждения культурного ядра, глобального контекста, особенностей имеющихся осевых функций и так далее.

В-пятых, если тогда перестройку (как отрицание развития) осуществляли под маской развития, если за все эти годы перестройку как «Танатос периода перемен» так и не рассмотрели отдельно от «Эроса периода перемен» (развития, ускорения и прорыва), то почему сейчас кто-то не может попробовать осуществить «перестройку-2» (новое отрицание развития) под маской развития-2?

Ну и что делать? Отрицать идею развития? Бороться с головной болью методом отсечения головы? Это глупо. И кто-то, наверное, рассчитывает на то, что возобладает подобная глупость.

А в чем альтернатива? Бежать очертя голову за всем, что будет рекламировать себя в качестве Эроса, являясь на деле Танатосом («То кости лязгают о кости» – Блок)? Уже добегаешь в конце 80-х годов...

Ну и что делать-то? Голову беречь – вот что! Надо не только понять, но и ценностно ощутить отличие перестройки от развития (ускорения и так далее) как отличие Танатоса от Эроса. А пережив и поняв, вооружиться «датчиками скверны», способными уловить, где дух живой, а где мертвый, где развитие, а где перестройка как его антитеза. А к датчикам этим подключить сирену, чтобы она выла при первых отклонениях стрелки за «красную черту». И чтобы все и каждый поняли, что значит вой этой сирены. Да, каждый!

Нужны не внешние, а внутренние датчики (хотя хотелось бы, чтобы внешние тоже были). Если вы понимаете, чем одно отличается от другого, вас не «возьмут на хапок», не захватят врасплох, как в конце 80-х годов. Но и в пугливого стагнационщика, лепечущего «хочу Брежнева, чтобы не было Горбачева!», тоже не превратят.

Политическая теория развития – это выявление ряда смыслов, которые содержит в себе сама идея развития. Зачем нужно обсуждение развития?

Первая и основная цель – теоретически проработать возможность движения в векторе «ускорение – прорыв».

Вторая цель – не дать нашим противникам в руки тех карт, которые им так нужны. Не дать им низвести группу оппонентов перестройки к группе ретроградов, враждебных переменам. Если мы правильно задаем альтернативу между линией на ускорение и прорыв – и линией на перестройку, то мы сумеем избежать этого капкана. А противникам нашим, повторяю, очень хочется, чтобы мы в него угодили.

Третья цель – добить перестройку. Добить ее до конца. Это актуальная политическая задача. И, чтобы ее решить, нужен соответствующий новый понятийный аппарат. Существующего аппарата категорически недостаточно.

Четвертая цель – в защите подлинных ценностей развития и Восхождения человечества. Только отделив ускорение и прорыв от перестройки, как зерна от плевел, мы можем спасти подлинность развития. А значит, и свою Родину.

Только так мы спасем идеалы прогресса и гуманизма. А может быть, и идеалы свободы и демократии (хотелось бы, чтобы и их). Но, в любом случае, это спасение возможно лишь при абсолютном размежевании с духом перестройки как «духом мертвым». Если же мы и «дух живой», и все эти нуждающиеся в спасении ценности будем ассоциировать с перестройкой, то

есть «духом мертвым», то ценности погибнут, а мы окажемся в клоаке абсолютной реакции. Может быть, кому-то именно это и нужно?

Согласитесь, что четыре вводимых мною цели не чужды идее развития, но одновременно являются целями политическими. И в этом смысле можно говорить о политической теории. Но политическая теория только тогда имеет право на существование, когда сопрягается хоть с какой-то практикой.

Есть ли эта практика? Иначе говоря – запахло ли перестройкой как очередной социальной скверной?

Если я просто скажу, что запахло, то я инквизитор. Это отвратительная роль, которая мне претит более, чем любая другая. Есть люди, которые к ней тянутся и даже пишут по этому поводу модные сочинения. Но я знаю, что развязывание охоты на ведьм – вернейший путь к разрушению своей страны и своего общества. Дух охоты на ведьм вообще омерзителен. Но он ведь еще имеет свойство превращаться в корыстный промысел. У вас сосед по коммуналке слишком долго в туалете сидит и вам мешает... Почему не назвать его врагом народа, если вы можете? Почему он враг народа? «А у меня нюх такой – я чую...»

Короче, нужны не отсылки к интуиции (чую... не чую...), а доказательства. И нужны они не для того, чтобы кого-то прищучить или даже осудить. Они каждому нужны для себя. Если вы понимаете, что к чему, то в вас этот «дух смерти» не разбудят. Вы себя спасете и другим поможете.

Займитесь не утучиванием других, а самими собой. Не дайте взять себя тепленькими этому самому новому Танатосу, научитесь ставить соответствующие защиты, – и не будет никакой «перестройки–2». Ухмылки будут и пожимания плечами, а не очередной самоубийственный покаянный массовый вой.

Кому-то не нравятся смыслократы. Но что плохого в смыслократии? Какая-то «кратия» всегда будет... или что – нужна плутократия? А может, танатократия?

Сталин был неизмеримо кровожаднее Горбачева или Ельцина. Но он не мог дать товарищу по партии задание и потом наказать товарища за то, что тот его прямое указание выполнил. Потому что Сталину нужно было, чтобы система работала. А в этом случае она работать перестает немедленно. Горбачеву же, как минимум, не нужно было, чтобы система работала. А как максимум, ему нужно было, чтобы она не работала.

Нередко говорят, что Горбачев, как и любой другой властитель, вел «макиавеллиевскую» политику. При чем тут Макиавелли? Макиавелли не рекомендовал государю покупать политическое выживание (власть как форму) ценой уничтожения власти как содержания. Макиавелли рекомендовал государю презирать людей, а не государство, которое он возглавляет...

Да, в связи с известным скандалом по поводу корпорации «АНТ» Николай Иванович Рыжков плакал. А почему он плакал? Он был слабым человеком? Директор «Уралмаша» не может быть слабым человеком.

Просто Рыжков увидел, как Горбачев сделал то, после чего их, как ему казалось, общая собственность – система – уже не будет работать. И еще Рыжков услышал хохот товарищей по системе. Почему-то по-идиотски радовавшихся тому, что система работать уже не будет. В этом была скверна. Она дохнула на Рыжкова. И он заплакал.

Но так вести себя с системой Горбачев мог только после того, как шабаш перестройки, то бишь дебольшевизации, освободил его от любых социальных обязательств по отношению к тому благу, что было в системе и создавало из нее социальный космос. Ибо шабаш убил все благое. Погасил все звезды Идеального. А после этого – какие обязательства? Шабаш дебольшевизации превратил советский социальный космос в ад, в место без звезд. А в аду царит ненависть. Обитателей подпитывает только энергия Танатоса – углубление и обострение разрушения.

Дело не в том, что Ельцин и Горбачев конфликтовали жестче, чем их предшественники. Нет, они конфликтовали несравнимо мягче. Но с использованием технологий, которые, например, Сталин и Троцкий (вполне достойные ученики Макиавелли) никогда бы не могли даже попытаться использовать. «Ты из-под меня РСФСР выбиваешь? А я из-под тебя Татарстан с Башкирией выбью». Так не конфликтуют даже самые свирепые властолюбцы, желающие «оседлать», а не разрушить государство. Так конфликтуют только танатократы, оказавшиеся в социальном аду.

Но что сделало партократов танатократами? Перестройка, скверна истеричной дебольшевизации, погрузившая все во тьму и погасившая звезды Идеального. Это она лишила их мир (систему) статуса социального космоса. Это она погрузила все в адскую тьму. А погрузив, высвободила весь потенциал танатократической ненависти. Чем иным можно пробавляться в аду?

Есть ли опасность, что нечто подобное повторится? Увы, есть. Я не хочу сказать, что оно обязательно повторится. Но опасность, повторяю, есть. И она реализуется в одном-единственном случае. В случае «перестройки–2», когда новые «дебольшевизаторы» начнут новую ломку хребта, убивая слабые позывы нынешней, не до конца превращенной в ад реальности к тому, чтобы хоть в малой степени снова стать хоть каким-то космосом. Если новые «дебольшевизаторы» внушат политической элите что она обитает в месте без исторической благодати, без звезд Идеального (то бишь в социальном аду), то политическая элита скажет: «Ах, в аду? Ну, раз так...» И тогда процесс пойдет...

В самом начале своего газетного марафона я, не имея к этому никаких реальных оснований, построил модель – на тот момент умозрительную, – согласно которой ВОЗМОЖНА концептуализация конфликта между В.Путиным и Д.Медведевым. Эта модель фактически без изменений изложена мною в данном исследовании (смотри часть I). Позже о подобной концептуализации заговорили многие. На момент завершения книги она стала уже совсем очевидна. Но дело не в очевидности какого-то конфликта между Путиным и Медведевым. Затягивание двух, даже очень близких, людей в такую конфликтогенную ситуацию, как нынешняя, должно бы было гораздо раньше породить конфликт гораздо большей интенсивности.

Дело в том, что маячит за концептуализацией. Если Путин станет символом чекистского застоя, а Медведев – символом освобождения от застоя во имя «развития», то частные конфликты политического характера (неустойчивый «двуумвират», как это называют сейчас) превратятся в «перестройку–2». Теперь, после того, как я описал подробнее, что такое эта самая перестройка как повторяющееся явление (активизация Танатоса), мы, наверное, иначе отнесемся к подобной возможности.

И тут я возвращаю читателя к тому, что говорил ранее и об элитной Пустоте, и о разговоре с ней с помощью активных

мессиджей и вызываемых ими откликов, и о... запахе... Экзистенциальном запахе скверны, который, между прочим, тоже есть не что иное, как отклик. Скверной-то пахнет, не правда ли? Да еще как!

А раз ею, то и очередной перестройкой. Ибо именно она (если точнее, то активизируемый ею Танатос) порождает подобный запах.

Мое личное дежа вю, с которого я начал, и это большое дежа вю – находятся в неслучайной и далеко идущей, к сожалению, корреляции.

Беда не в том, что элиты конфликтуют (смотри мою книгу «Качели»). Они всегда конфликтуют. Беда не в том, что на «качели» хотят посадить Путина и Медведева (хотя, конечно, это уже беда). Но раз есть «дуумвират», будут и «качели». Конфликты конфликтам рознь.

Беда не в том, что кризис проблематизировал определенный тип государственной жизни, не в том, что идет совершенно ненужная нам перегруппировка международных сил, не в том, что назревает международная свара, а мы в военном и не только военном плане слабы как никогда.

Беда не в том, что угрожает нам. Беда в нас самих.

Беда не в том, что мы не знаем, что делать. Беда в том, что нет того «мы», которое должно что-то делать. Нет этого самого субъекта. И не просто нет его. А есть элитная пустота, элитное Ничто, отчуждающее немногих, способных перейти от бессубъектности к субъектности, от всего, что связано с восстановлением субъектности. От необходимого для этого интеллектуализма, прежде всего. Но и не только. От перехода в определенное духовное качество, то самое, которое было потеряно при очень специфическом отказе от идеала, на алтарь которого были принесены жертвы, слишком большие для того, чтобы после их принесения можно было ТАК этот идеал откинуть, ТАК наплевать на первородство. И во имя чего? Во имя того, что с каждым годом все больше обнажает себя в виде чечевичной похлебки. Ее и именно ее. Ее – и ничего более.

Бессубъектность – не дефицит чего-то, что нужно приобрести. Это жуткий, экзистенциальный и метафизический страх, вызванный необходимостью заплатить за подобное приобретение.

Платить не хочется потому, что в качестве платы придется отдать последнее и главное. То самое, ради чего отказывался от первородства.

Платить не хочется потому, что совершенно непонятно – если отдашь это последнее и такое любимое по причине слишком дорогой цены, которой оно досталось (цены отказа от первородства), то что получишь взамен? И получишь ли хоть что-нибудь?

Платить не хочется еще и потому, наконец, что плата – это плата за жизнь. А жить уже не хочется. И есть подозрение – очень русское подозрение, – что вместе с жизнью вернется боль. А так можно сладко умирать – без боли и с удовольствием. Возлюби Танатос, и он подарит тебе сладкую истому конца. И многое другое. То, что творится сейчас на наших необъятных все еще просторах, это сладкая смерть, смерть дрящущая и в этом смысле как бы живая, беременная смерть, одна из самых загадочных и зловещих фигур средневекового карнавала.

Она не разговаривает – разговаривают ее слуги. Сама же она сладко смердит, источает запах, тот самый запах, который я могу лишь помочь тебе уловить, читатель. Не захочешь – не уловишь. Не уловишь – не ужаснешься. Не ужаснешься – не проснешься. Не проснешься – не станет по-настоящему больно. Не станет больно – не сможешь стать другим. Не сможешь стать другим – не обрешь субъектности. Не обрешь субъектности – потеряешь страну. Потеряешь страну – потеряешь душу.

Улови запах, читатель. Это смердит Танатос. Танатос новой перестройки. Было дано время опомниться от Танатоса предыдущего и отторгнуть его навеки. Но если это время упущено и есть соблазн второго Танатоса, то знай, читатель: второго Танатоса не переживет та историческая личность, которую мы до сих пор не смогли отмотить после Танатоса первого.

Не только Путин и Медведев рухнут в бездну, которая распадется вместе со вторым пришествием Танатоса.

Не только Кремль, не только грызущиеся друг с другом элитные группы, не только вся совокупная нынешняя пародия на буржуазию или бюрократию.

Не только государство, а эта историческая личность. И когда она туда рухнет, подталкиваемая по-идиотски хихикающей элитной Пустотой, начнется новая и последняя стадия мировой беды. В бездну, куда рухнет это, полетит и все остальное.

В 1991 году мы предупреждали, что крах СССР запустит совершенно новый мировой процесс. Тогда все хихикали, спрашивали: «Ну, и где этот ваш процесс?» После Сербии стали хихикать не так воодушевленно. После Ирака перестали хихикать вообще. А вот уже и кризис. Последние скрепы миропорядка, построенного в 1945 году и отмененного в 1991-м, истлевают. А других-то скреп нет вообще. Ты понимаешь, читатель, что это такое?

Сначала мир не устраивает качество этих скреп. Они грубые, неудобные, ржавеющие. Мир сетует на качество скреп, но скрепы-то есть. И они сохраняют какую-то, пусть остаточную, надежность.

Потом скрепы теряют надежность.

Потом они отпадают одна за другой.

Потом обнаруживается, что их вообще нет. То есть нет как нет! Полное отсутствие чего-либо скрепляющего!

А потом обнаруживается, что ничего другого нет. Потому что Нечто, способное стать этим другим, продали за чечевичную похлебку. А альтернатив имевшемуся Нечто не сумели извлечь из Ничто. И теперь есть только Ничто. Эта хихикающая элитная Пустота, она же беременная смерть из средневекового карнавала.

Призрак коммунизма не устраивал?

Ладно, изгнали. Повеселились. Теперь принимайте гостью – новый призрак. На этот раз не несовершенно жизнь сулящий, а совершенную смерть.

Читатель, ты не видишь всего этого в хитросплетениях нынешней событийности? Скоро увидишь. Не увидишь – так уловишь запах. Не захочешь, а уловишь этот запах Танатоса. Раньше-позже – уловишь. Только вот уловивший раньше еще

может что-то сделать, а уловивший слишком поздно может только вдыхать иприт тления и выть, ощущая, как рвет этот иприт на части не легкие, как обычный боевой газ, а душу.

Глава V. «Никогда больше»

Один мой очень незаурядный израильский знакомый, ныне тренирующий сербский спецназ, рассказывал, как бабушка благословляла его, подающего надежды «умника», на овладение боевыми профессиями, которым он и посвятил жизнь. Она положила ему руку на плечо и сказала: «Запомни – никогда больше». Имелось в виду, что Освенцим больше никогда повториться не должен.

Мой знакомый говорил, что в самые трудные моменты его жизни (в том числе и под пытками) ему всегда помогала эта фраза бабушки.

После случившегося с СССР у нас должно быть свое «никогда больше». Но чему должно быть сказано «никогда больше»? Ведь не развитию же! Чему? Второму пришествию Танатоса. Однако тут мало сказать... Тут надо... Надо реально не допустить.

Ты хочешь не допустить второго пришествия Танатоса.

Ради этого осмысливаешь первое его пришествие.

Что значит осмысливать?

Это значит сравнивать первое пришествие Танатоса с чем-то из того, что снова стучится в двери. А как иначе осмысливать? Чтобы так осмысливать, нужно иметь политическую теорию развития. Но если осмысливать можно только так и осмысливать надо, то почему бы и не построить такую теорию? Мы ведь по существу именно этим и занимаемся.

Не построишь полноценную политическую теорию развития – не придашь развитию необходимой глубины и целостности.

Не придашь развитию необходимой глубины и целостности – не защитишь развитие. Более того, позволишь превратить его в инструмент регресса, Танатоса. Ведь именно отсутствие у идеи развития необходимой глубины и целостности и использовалось для первого пришествия Танатоса.

Потому-то развитие и стало тогда «служанкой Танатоса», что смыслы, связанные с развитием, не были достаточно глубокими и живительными.

Теперь надо идти на глубину и оживлять эти смыслы.

Идти на глубину и оживлять смыслы – не значит попусту болтать, отрывая фундаментальное от прикладного. Восстановить развитие в экзистенциальных и даже метафизических правах абсолютно необходимо. Но абсолютное доминирование фундаментального (беседы, о которых я говорил во введении) ничуть не лучше абсолютного доминирования прикладного (политизация развития, экономизация развития, низведение развития даже к более высокому, но все равно недостаточно высокому социокультурному уровню). Нам нужно Сочетание всех уровней – при очевидном доминировании уровней высших. Для чего нужно?

Вообще-то – для полноценной жизни.

Но сейчас по преимуществу для того, чтобы не проиграть второй тур большой игры.

Я уже объяснял, как должно быть осуществлено целеполагание в рамках второго тура, если мы не хотим проигрыша.

Я уже описал, как ускорение переходит в прорыв, и объяснил, почему срыв подобного перехода обеспечил пришествие Танатоса в конце 80-х годов прошлого века и может обеспечить его второе пришествие сейчас.

Реабилитация линии «ускорение-прорыв» (цель №1), отделение линии «ускорение-прорыв» от линии «перестройка» (цель №2), вскрытие абсолютной губительности «перестройки» (цель №3), придание идее развития глубины и целостности (цель №4)... Эти цели, о которых я уже говорил выше, осуществляются не одна за другой и даже не по какому-нибудь сетевому графику. Это гораздо более сложное древо целей, в котором цель №4 замыкается на цель №1.

Как замыкается, каков окончательный целевой контур? Углубление в эти детали превратило бы исследование сути в исследование технологическое. А это и не нужно, и преждевременно.

Все, что необходимо для того, чтобы двигаться дальше по заявленному исследовательскому маршруту, – это указание на нетривиальность необходимого целевого контура. А также на то, что вытягивать необходимо одновременно все звенья контура.

Не придашь идее развития глубины и целостности – не сможешь реабилитировать линию «ускорение-прорыв»... И так далее.

«Перестройка-1» сумела заболтать развитие, стерилизовать его, выморочить. А сумев все это, привела Танатос в нашу жизнь.

Нам предстоит война и именно война за обеспечение полноценности (глубины и целостности) идеи развития. Потому что только полноценное развитие нельзя стерилизовать, заболтать, превратить в морок. А значит, враг, ждущий второго пришествия Танатоса, делает все, чтобы развитие было лишено полноценности, то есть своих высших экзистенциально-метафизических ипостасей.

Нет сейчас более важной задачи – одновременно стратегической и тактической. Но если мы хотим ее решить – вспомним (для начала всего лишь вспомним), как двадцать лет назад оппоненты перестройки были низведены в общественном сознании к группе ретроградов, враждебных переменам.

Если мы не осмыслим тот печальный урок, если сейчас не помешаем уравниванию противоположностей, коими являются на самом деле линия на ускорение и прорыв и линия на перестройку, то мы в очередной раз проиграем. А мы не имеем права проигрывать в очередной раз. Мы не можем позволить врагу одурачить еще раз общество, приравняв каждого врага «перестройки-2» ко второму изданию теперь уже не коммунистической, а чекистской «Нины Андреевой»: «Ах, вы не хотите

позволить стране распасться и вкушать от интеграции, пусть и по частям, в мир развития? Значит, вы реакционер. Вы хотите навязать стране "День опричника", махровую реакцию, деградацию в ужасной эрэфии, ха-ха-ха, единой и неделимой!»

Читатель, ты не видишь, как знакомая профессиональная рука знакомым образом выстраивает подобную ложную альтернативу? Ты не понимаешь, чем это чревато?

Что? Ты все это понимаешь, но не знаешь, что делать? Окончательные рецепты тут невозможны, читатель. Но кое-что сделать абсолютно необходимо. Давай сделаем хотя бы это и посмотрим, что будет дальше. Сделать же нужно следующее. Реабилитировав линию на ускорение и прорыв, доведя все, что связано с прорывом, до экзистенциальной и метафизической значимости, надо одновременно с этим (но только одновременно с этим!) БЕЗЖАЛОСТНО ДОБИТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ. ДОБИТЬ ЕЕ ТАК, ЧТОБЫ НИКОМУ НЕ ПОВАДНО БЫЛО ЗВАТЬ ЭТО ЧУДИЩЕ ВНОВЬ НА НАШУ МНОГОСТРАДАЛЬНУЮ ЗЕМЛЮ.

Никакая другая стратегия страну из тупика не выведет! Предупреждал об этом тогда, предупреждаю теперь. Если начать просто добивать перестройку, не выведя из-под удара, не осмыслив и не построив нужным образом ускорение и прорыв, то это будет иной вариант гибели страны. Но это тоже будет вариант гибели, и не более того. А мы ведь жить хотим, читатель, не правда ли?

Только если мы правильно задаем альтернативу между линией на ускорение и прорыв и линией на перестройку, то мы сумеем избежать этого капкана. А противникам нашим, повторяю, очень хочется, чтобы мы в него угодили.

Итак, мы входим в новую фазу большой игры, в ее небуквальный и потому особо коварный римейк, вооружившись четырьмя вышеназванными целями, образующими особый («самозамыкающийся») целевой контур.

Но эти четыре цели, которым мы пытаемся подчинить обсуждение идеи развития, ГЛУБОЧАЙШЕ ВРАЖДЕБНЫ тем силам которые хотят навязать происходящему одну-единственную потаенную логику – логику «перестройки–2», то есть Танатоса–2.

Ты заявляешь цели и в какой-то (минимальной, разумеется) степени их начинаешь реализовывать... Враг откликается, элитная Пустота начинает понемногу сгущать вокруг тебя нечто, мешающее тебе двигаться по твоему исследовательскому маршруту. «Понемногу» – это значит сначала мелкие интриги и кулуарные перешептывания, а потом...

Потом должно произойти нечто более определенное и развернутое. Отклики, которые я хочу превратить в отдельный слой текстуальной периферии, подлежащей исследованию, не могут долго носить интрижно-кулуарный характер. Конечно, если бы с помощью таких откликов удалось остановить тогдашнее движение по исследовательскому маршруту, то никто не стал бы наращивать идеологическое и психологическое давление. Но остановить движение по маршруту интрижками и кулуарными разговорами не удалось. Публикации в газете «Завтра» продолжались вопреки трюкам с ХАМАС и еще более грубо-мелочным разводам.

Двигаясь дальше, я понимал, что противодействие моему движению усилится. Что, когда дешевые игры будут сорваны, элитная Пустота, оказавшись в цейтноте, перейдет к той или иной фронтальной атаке.

Направление этой атаки тоже было понятно. И для решения задачи-минимум (остановки движения зарвавшегося исследователя по какому-то, видите ли, маршруту), и ДЛЯ решения задачи-максимум (подмены «ускорения–2» «перестройкой–2» и недопущения прорыва) нужна была бешеная антикоммунистическая истерия. Предвидя ее возможность и даже необходимость, я загодя описал, что такое любое «анти-», оказавшееся не на личностной периферии, где ему положено быть, а в ядре личности.

Я ждал первых выбросов нового перестроечного Танатоса, превращающих заявку на развитие в свою противоположность, то есть в «перестройку–2». Ждал и дождался.

Глава VI. Ципко

Не ленись, читатель, проверь: номер газеты «Завтра», в котором я предсказал и разобрал с общих позиций новую (в том числе и адресованную нам) антикоммунистическую истерию, вышел в свет 25 июня 2008 года. Никто еще не призывал на этот момент к дебольшевизации (а значит, к очередной перестройке). Но я точно знал, что это произойдет, и потому с опережением описал структуру сознания возможных новых «дебольшевизаторов».

И вот – пожалуйста. В тот же день, когда вышел номер «Завтра», где я это описал, появилась (в «Литературной газете») откровенно «дебольшевизаторская» статья Александра Сергеевича Ципко «Снова "Красный проект"?». Как вам такое совпадение?

Тон статьи Ципко, отчетливо инквизиторский, тоже о многом говорит. И очень напоминает похожие статьи двадцатилетней давности. Если в «разговоре о левой идеологии» считается приемлемым такой ТОН РАЗГОВОРА, – то РАЗГОВОРА в принципе быть не может.

Но что это вообще за разговор? В чем его сокровенный смысл?

Выступая в газете «Завтра» и в других местах, я несколько раз предлагал не обсуждать красных, белых или кого-либо еще, а обсуждать только идею развития. Не я один говорил, что время формального красно-белого синтеза – в прошлом. И что синтез может быть только содержательным, то есть основанным на понимании объединительной роли развития, столь необходимого для страны. Что же касается красно-белых полемик, то они себя во многом исчерпали. Прошло время, когда можно было проклинать или восславлять. Нужно научиться понимать. Нужно отказаться от расхожих клише и категоричностей. Это не значит отказаться от принципов. Но негоже быть рабами прошлого и его страстей в момент, когда страна вновь находится в такой опасности.

Выводя на сцену Ципко и его «Снова "Красный проект"?», авторы начинания бросают вызов идее любого консенсуса. Ципко в восхитительно развязной интонации будет обсуждать этот самый «снова "Красный проект"?». Наверное, кому-то

хочется, чтобы кто-то в такой же интонации опять начал обсуждать «снова "Белый проект"»? А результат? Разве неясно, чем это обернется? Это-то и есть перестройка.

А собственно, почему нельзя обсуждать развитие? Нечего о нем сказать? Когда нечего сказать, то молчат.

Ну, не хотят молчать... Пусть обсуждают то, что им нравится. Пусть те, кому нравится Белый проект, обсуждают Белый проект. Пусть тот же Ципко расскажет о Белом проекте. Расскажет умно и с любовью. И я об этом прочитаю. И в ответ постараюсь что-то рассказать о Красном проекте.

Но если Ципко с ненавистью рассказывает о Красном проекте, то, значит, он зовет дух ненависти. Зачем? И куда ведет эта дорога? В лаборатории мысли? Да полно!

Пахнет именно перестройкой с ее психическими атаками, призванными вновь и вновь придавить нашего несчастного соотечественника. Разбудить в нем комплекс вины, довести этот комплекс до так называемого «бреда вины» (вполне строгий термин, используемый в психиатрии). Это все называется – удар на поражение.

По кому удары наносите, господа? Потом опять скажете, что целили в коммунизм, а попали в Россию?

Апологеты дебольшевизации («перестройки-2») все время спрашивают: «А что, денацификацию тоже нельзя было проводить?» Что ответить?

Никто не запрещает патриоту России ненавидеть большевиков. Но это еще не значит, что этот патриот может позволить себе призывать к дебольшевизации («перестройке-2») и остаться патриотом. Потому что такая дебольшевизация – активизация внутрисистемного Танатоса – нанесет почти невосполнимый урон его народу, культуре, всей его цивилизационной системе.

Для того, чтобы патриот России призвал к дебольшевизации, он должен считать большевизм абсолютным метафизическим злом, а не крупной исторической неприятностью. И быть готовым применять страшные средства с открытыми глазами.

Те, кто призвал к денацификации Германии, прекрасно понимали, что призывают к применению страшных средств. Но были твердо уверены, что абсолютное метафизическое зло нацизма легитимизирует применение даже таких средств.

А дальше возникает фундаментальный вопрос, который действительно разводит по разные стороны баррикад. Что следует называть абсолютным метафизическим злом? Нацизм или большевизм (коммунизм, Красный проект)? Понятно желание назвать злом и то, и другое. И зло действительно может быть разным. Но абсолютное метафизическое зло может быть только одно.

Два зла могут воевать друг с другом.

Два абсолютных метафизических зла вообще невозможны. И воевать друг с другом они тем более не могут.

Либо Россия (СССР) победила абсолютное метафизическое зло нацизма. И тогда денацификация морально оправдана, а дебольшевизация – нет.

Либо наоборот. Денацификация не оправдана морально, а дебольшевизация оправдана. Ну, так что выбирает Ципко?

Есть третий вариант. При котором речь идет не о моральном оправдании тех или иных активизаций внутрисистемных Танатосов (немецкого – денацификация, российского – дебольшевизация), а об «обвинении по праву победителя». Это цинично и отвратительно, но возможно. Однако вряд ли Ципко рассматривает себя в рамках этой возможности. Потому что тогда он должен действовать по праву победителя в холодной войне. То есть как американец, а не как русский патриот (белый или любой другой).

Начав такой разговор, я не могу обойти Карла Поппера и его тезис о том, что нацизм и коммунизм – это два «равномерных» тоталитаризма.

Не буду здесь заниматься детальным обсуждением Поппера. Несколько раз уже обсуждал его в различных работах. Во-первых, для Поппера метафизики нет вообще. Во-вторых (вот почему я адресуюсь именно к Попперу), работы Поппера о тоталитаризме – это чисто служебное начинание, призванное придать будущей дебольшевизации не прагматический, а псевдоморальный и даже, так сказать, научный характер. Это агитка, имеющая своей задачей легитимацию холодной войны, демонтаж памяти о Победе и СССР как спасителя от нацизма.

Поппер делает это надменно, истошно, и у него это плохо получается. Ему ужасно не хочется упаковывать в свою лукавую матрицу Маркса и марксизм. Ибо на самом деле он любит Маркса потаенной любовью либерала. Исповедоваться в ненависти к Гегелю – пожалуйста. А к Марксу – очень не хочется. Но раз приказали...

Далее – Поппер проклиная любой национализм. И вообще любую макросоциальную идентичность, мешающую распылению социума на отдельные индивидуумы. При чем тут тогда патриоты – хоть бы и белые? Присягнули концепции Поппера – становитесь в оголтелый либеральный ряд.

Ведает ли каждый, кто призывает сейчас к дебольшевизации, что он творит? Понимает ли, что призывает к цинично прикладной дебольшевизации, к актуализации внутрисистемного Танатоса, которую победитель (иноземец) хочет осуществить, чтобы дорастоптать побежденного (наше Отечество)? Что другой дебольшевизации не было и не может быть. Что и в конце 80-х годов это была дебольшевизация (перестройка), осуществляемая под диктовку иноземцев (США и НАТО) ради победы над нашим Отечеством – СССР – в холодной войне.

А значит, новая дебольшевизация («перестройка-2») будет окормляться теми же иноземцами ради добывания Российской Федерации, которая начала проявлять какой-то норв (какой – обсуждать не буду, есть много вопросов к этому норву, ну и что?).

Понимает ли теперь этот самый белый патриот, что в конце 80-х годов дебольшевизация-1, она же «перестройка-1», она же «скверна-1», она же активизация внутрисистемного Танатоса в СССР, была соучастием в войне против своей страны и страшным преступлением перед своим народом? И понимает ли он, что двадцать лет спустя дебольшевизация-2, она же «перестройка-2», она же «скверна-2», она же активизация внутрисистемного Танатоса в РФ, будет соучастием в такой же войне на окончательное добывание своей страны и своего народа?

Разве это СЕЙЧАС не очевидно даже самому яростному антикоммунисту, если он патриот? Разве нельзя не любить и даже

ненавидеть большевиков и при этом понимать, что дебольшевизация – это подлая спецоперация, уничтожающая не идеологию, а народ? НАРОД!

Зафиксируем это – и двинемся дальше.

Дебольшевизация–1, она же «перестройка–1», она же «скверна–1» и так далее, имела «актив–1», Состоящий из так называемых демократов.

Эти демократы – «мавр, сделавший свое дело». Использовать их по второму разу очень трудно. А значит, дебольшевизация–2, она же «перестройка–2» и так далее, должна использовать «актив–2». Какой актив? Понятно, что антикоммунистический, но какой? Такой, который еще не стал до конца «мавром», не замарался до крайности, не потерял какой-то, пусть и минимальной, общественной привлекательности.

Что это за актив? Александр Сергеевич Ципко говорит о белых патриотах... Ему виднее – белые или не белые. Но каждый, кто хоть как-то заботится о народе, а не ненавидит его, не станет раскручивать антисистемный Танатос по второму разу. Ведь слишком очевидно, что если удастся раскрутить, то после этого народа уже не будет. Так что же это за патриоты такие?

Не те ли это патриоты, которые открыто призывали Соединенные Штаты Америки нанести ядерные удары по Москве, Ленинграду и еще десяткам городов СССР?

Не те ли это патриоты, которые подстроились к знаменитой Декларации о поработанных народах, сочиненной бандеровцами и принятой в 1959 году Конгрессом США? При том, что в этой декларации перечислены все народы СССР, кроме русских, то есть русские – всеобщие «поработители»? Я знаю, что часть эмигрантского русского движения выступила против данной декларации. Что, к сожалению, не помешало ей сотрудничать с создателями декларации. Но ведь выступила все-таки против! А кто-то не выступил. Может быть, кто не выступил, и есть эти патриоты?

Или же это те патриоты, которые говорили, что они казаки, а не русские, а русские – это погубленный народ? Мы знаем таких патриотов и их мотивацию участия в гитлеровском движении. Они хотели «Казаксию», а не Россию. И готовы были сотрудничать хоть с бандеровцами, наиболее сочно говорившими о «москальской нечисти», «москальских нелюдях», хоть с кем угодно еще, предлагавшим «окончательное решение русского вопроса».

А может быть, это те самые бандеровцы и есть? В чуть обновленном варианте? Может, это по их отмашке должна идти вторая «дебольшевизация под белыми знаменами»? Может, людей, которые встали под эти знамена, на деле лукаво используют для добивания все тех же самых «москалей»? Добивания – под лозунгами «духовного очищения народа» и его «спасения от большевистской скверны»?

В мои планы совершенно не входило атаковать конкретного Александра Сергеевича Ципко. Сразу по очень многим причинам. В том числе и потому, что любая такая атака предсказуема и очевидна по своим последствиям. Какая там после этого теория развития, тем более политическая! Обмен ударами... Красные, белые – и поехало... Я в этом участвовать категорически не хотел. И сделал все, чтобы такого обмена ударами не было.

Но, начав заниматься политической теорией развития, я не мог не обсуждать, (а) как противники развития будут стравливать белое и красное для того, чтобы развития не было даже на уровне обсуждения (это называется «переключением внимания»), и (б) как во имя срыва развития могут организовывать «перестройку–2». Она же – дебольшевизация–2.

Александр Сергеевич Ципко по собственной воле стал рупором дебольшевизации–2. И это всем очевидно. Не я приписал ему эту роль – он ее исполнил. Страстно и определенно. Соответственно, он оказался для меня одним из откликов этой самой Пустоты, причем откликом развернутым, лобовым, фронтальным. Никто не мог понять, чего ради Ципко вдруг начал войну и с людьми, которым всегда выражал весьма сдержанную симпатию (Кургинян), и с людьми, которые являлись совсем уж близкими для него друзьями (Третьяков).

Но он ведь начал войну! Став рупором определенной коллективной сущности, то есть феноменом. Разница между личностью и феноменом как раз в том и состоит, что личность выражает свою позицию (конечно, с чем-то как-то соотносимую), а феномен, растворяя свое личностное в некоей коллективной сущности и жертвуя ради этого всем, чем угодно, позволяет коллективной сущности заложить себя в пушку как пушечное ядро.

Сущность закладывает ядро, бормочет в мой адрес (это хотя бы понятно) и почему-то в адрес других, в кого ядро должно угодить, – «постой-ка, брат мусью» – и... откликается, командуя: «Пли!»

Она откликается, а я феномен анализирую. Не Ципко, а этот феномен, то бишь ядро, посланное по команде «Пли!» некоей коллективносущностной пушкой. Как исследователь, я обязан анализировать отклик. Да и феномен тоже. Иначе я не политической теорией развития занимаюсь, а непонятно чем.

Рассматриваемый мною феномен активиста «перестройки–2» (назовите ее белой, если хотите – я так называть ее не хочу) шире личности Александра Сергеевича Ципко. Но и Александр Сергеевич Ципко к феномену до конца сводиться не может. Любая личность богаче феномена, обобщенного типажа или «идеального типа». Разбирать я буду именно феномен, потому что все остальное неинтересно. И я этот феномен не намерен обсуждать публицистически. Я намерен его ОСМЫСЛИВАТЬ.

Если в ходе этого осмысления удастся получить интеллектуально значимый материал, то я сам себе могу сказать – «удалось». В противном случае скажу – «провал». Подчеркиваю – сам себе скажу и буду перед собой честным.

Я использую текст Ципко так, как физик-теоретик использует физический эксперимент. Чем был бы Эйнштейн без опытов Майкельсона? Я благодарен Александру Сергеевичу за то, что он предоставил мне нужный текст (факт высказывания). И я постараюсь с этим фактом обойтись предельно корректно. Конечно, в рамках, задаваемых занятием под названием «политика». Александр Сергеевич сам понимает, что у этого занятия есть свои законы. Оно не для слабонервных.

В любом случае, Александр Сергеевич должен отметить, что я, как политический публицист, его личностью (типажем, феноменом) вообще никогда не занимался. В его адрес ничего, кроме сугубо корректных высказываний, не допускал. Даже после порыва Александра Сергеевича к обсуждению моих качеств и обстоятельств (личных, семейных и прочих) я ничего подобного никогда бы не стал делать. И не сделаю.

Все, что я должен сделать и не могу не сделать, это описать перестройку как таковую (-1, -2, -3 и так далее) с точки зрения

«социального физика». Представив эту самую перестройку в качестве волны, содержащей в себе ряд частотных вибраций. Я должен выделить каждую вибрацию. То есть провести спектральный анализ. То, что использую при этом текст Ципко «Снова "Красный проект"?», феномен Ципко и так далее, это не публицистика, а социальная физика.

Так каковы же вибрации в пределах этой самой смрадной волны?

Вибрация №1 – обнуление чужого содержания. Когда-то один знакомый иностранный профессор сформулировал суть этой вибрации с поразительной четкостью: «Вы думаете, что есть только декартовский способ думать: *cogito ergo sum* (я мыслю, то есть я существую)? Уверю вас, есть и совсем другой способ: я мыслю, то есть вы не существуете».

Вибрация №2 – дегуманизация. Носитель перестроечного Танатоса обязательно должен не только обнулить содержание оппонента, но и расчеловечить его самого. При этом всегда апеллируя к гуманистическим ценностям. В «перестройке-1» речь шла об общечеловеческих ценностях. Теперь их называют моральными. Можно еще как-нибудь. Суть в том, что перестройщик (-1, -2, -3 и так далее) к этим ценностям апеллирует и тут же сам их растаптывает. Для него они абсолютно необязательны. Даже напротив. А другие... Как они ни вертись, все равно окажется, что они эти ценности нарушают. Читайте «Волк и ягненок» Крылова, это блестящее пособие по перестроечной публицистике.

- Ты хочешь лишить русский народ права изучать иностранные языки!

- Помилуй, где это написано?

- Значит, Юрьев хочет, а вы одна шайка-лейка! Кто-то ведь хочет! Твой политический кум, сват... Словом, кто-нибудь из вашего же роду!

- А я чем виноват?

- Тем, что мне нужно проводить перестройку (-1, -2, -3 и так далее)...

Перестроечный полемист не будет доказывать, что его противник – вор. Он скажет – «как известно, вор». Кому известно? Почему известно? Или «как известно, человек без совести». Или «человек непорядочный». Или «шарлатан». Кто, когда на Западе может себе позволить что-то подобное? И как вообще такое может сходить с рук? Почему читатель не спросит: «А где доказательства? Почему это вы ругаетесь? И кто это вы такой, если просто ругаетесь? И почему, собственно, я должен читать ваши ругательства, а не ваши глубокие мысли по поводу той или иной проблемы?»

Вибрация №3 – культурно-криминальная. Без нее перестройки нет.

Отцы перестройки (А.Н.Яковлев и другие) очень любили награждать оппонентов словечками типа «шпана». Но сами говорили на языке, внутренне причастном к криминальной семантике.

И это не случайность, а вибрация перестройки.

Где с особой силой действует закон расчеловечивания? В криминальном мире. Как, впрочем, и в мире специфических следователей, которые так не нравились перестройщикам. Что значит расчеловечить? На криминальном языке это значит «опустить». А на языке неправового следствия – «сломать», «расколоть». Что значит оклеветать? «Шить дело». Перестроечный публицист купается в семантической уголовщине...

Уловили вибрацию? Улавливайте следующую.

Вибрация №4 – узурпация абсолютной моральной позиции. В этом суть перестройки. Нет вибрации №3 без вибрации №4, и наоборот.

Перестроечный публицист постоянно преподносит себя как «приличного человека». Чувствуете, как вибрации переплетаются (мультиплицируют)? Они ведь не могут не мультиплицировать. Ибо никто так не любит отрекомендовываться приличным человеком, как матерый уголовник, понимающий, что другой его приличным человеком не назовет и поэтому он сам должен себя таковым объявить. Как там в Одессе пелось?

Я джентльмен, запомните-ка, дамы!

Мы с лордами большие кореша.

Но если надо – достану шпалер,

Не будет шмона, тишина и ша!

Почитайте перестроечные тексты. Проанализируйте семантику как филологи. И вы увидите, что я прав. А если у вас остаются сомнения, задумайтесь над тем, как именно перетекала эта самая семантика в политику. Как легко благородные интеллигенты-перестройщики обнимались с ворами в законе.

Вибрация №5 – презрение к читателю. Перестройщик глубоко презирает читателя, ибо читатель для него – элемент бесконечно ненавидимого и презираемого советского социума. То бишь «совок» (быдло, лох, недочеловек). Поэтому перестройщик не ждет, что читатель его одернет. Для того, чтобы одернуть, нужно быть гражданином – мыслящей личностью, интегрированной в культурное поле. Перестройщик уверен, что нет ни личности, ни культурного поля. Есть «пипл» – то есть социальный пластилин. И он, перестройщик, будет делать с этим пластилином все, что угодно. Опять же – по известному уголовному принципу, прекрасно описанному Шукшиным («ша, пацаны, я его делаю»).

Перестройщик знает, что «сделает». Он знает, что есть «пипл», «хававший» развитой социализм, и этот пипл и теперь схавает все подряд, даже не заметив, что с ним не разговаривают – его «делают».

Вибрация №6 – пропагандизм. Кем бы ни был перестройщик по профессии – он всегда представитель отдела агитации и пропаганды. Чего он хочет от ситуации? Чтобы ему сказали: «Фас!» Чтобы показали: «Вот враг. Вот она, большевистская гадина». Именно враг и именно гадина. Не носитель спорных позиций или заблуждений, не обладатель парадоксальных альтернативных идей – враг. А поскольку враг, то с ним можно делать все, что дозволено с врагом. Его можно шельмовать, как угодно. Все, что угодно, извращать. Как угодно, мухлевать, говоря о совести. Ведь это же война! Это не танцы-шманцы. История – не тротуар Невского проспекта. «Ша, мы делаем»!

Вибрация №7 – стрельба по хорошо привязанным мишеням: «Я могу все, а ты ничего». Перестройщик почему-то уверен, что никто к нему его технологий не применит. Это глубоко аморальная по своему культурному духу вибрация. Нет никакого «не пожелай ближнему того, чего себе не желаешь».

Вибрация №8 – освобождение себя от химеры под названием «совесть». Рекламирывать себя как абсолютную нравственную инстанцию – ради бога! Обсуждать других как бессовестных – тем более. Произносить «совесть» на каждом шагу... А как без этого? Но совесть предполагает единство критериев, применяемых тобою к себе и к другим. А это невозможно для перестройщика. И тут вибрация №8 и вибрация №7 тоже мультиплицируют. Почему невозможно-то? Потому что тот, с кем работают и кого «делают», – не ближний. Он вообще не человек, он «коммуняка». А раз так, то тебе можно все, а ему ничего. Словом, нет не только Христа, но и Канта.

Вибрация №9 – воспаленная ассоциативность. Перестроечный публицист хочет казаться чуть ли не ученым, но работает он все время не с логическими, а с ассоциативными связями, причем глубоко произвольными. То, что я говорю, вызывает у Ципко ассоциацию с репрессиями... А потому... и так далее. А я вот, например, если у меня возникает произвольная (в духе школы сюрреалиста Андре Бретона) ассоциация Ципко с поленом, никогда не буду ее репрезентировать в тексте, претендующем на логику, да и в жизни применять не намерен. Например, засовывая в печь уважаемого мною Александра Сергеевича. Я не завоплю: «А вы, гады, нашего Лазо куда засовывали?!» Мне стыдно станет, перестройщику – никогда. Он о совести все время говорит, но стыда в нем нет никакого. То есть вообще никакого. И это глубоко закономерно. Какой тут стыд, если речь идет об активизации внутрисистемного Танатоса! Это – из другой оперы. Воины перестройки освобождены от «химер» совести и стыда. Это вам ничего не напоминает?

Вибрация №10 называется «и потому». Строится она так: «Я порядочный человек, имярек – негодяй, И ПОТОМУ я буду делать как имярек». Как иронизировали еще в XIX веке, человек, мол, произошел от обезьяны, И ПОТОМУ все люди братья... Типичная перестроечная логика! Она не формальная, не диалектическая... Она танатическая: «Кургинян зовут к репрессиям? Ну, не он, так его сообщники. Ведь если эти сообщники на говорят прямо, как они без этого обеспечат мобилизационное развитие, то, наверное, зовут к репрессиям... Раз "наверное" зовут, то значит и наверняка. А раз наверняка зовут, то негодяи. А значит, и Кургинян – негодяй. Да что негодяй! Раз репрессии, то он Вышинский. Вышинский – абсолютный негодяй. Я должен спасти мир от абсолютного негодяя Кургиняна, И ПОТОМУ я, как абсолютно порядочный человек, буду действовать так, как абсолютный негодяй Вышинский».

Вибрация №11 – отсутствие даже тени чего-то, напоминающего ответственность. Нет ответственности за других (ты зовешь к дебольшевизации – что будет с твоим народом?). Но нет ответственности и за себя, свое прошлое, свой Путь. Это, наверное, важнее всего. Потому что Путь – это суть и фундамент социальной метафизики. Скажи мне, как ты относишься к Пути, – и я скажу тебе, какова твоя метафизика.

Каждый человек имеет право строить свою жизнь так, как хочет. Но нет права в отрыве от ответственности. Строя свою жизнь определенным образом, человек отвечает за сделанный выбор. Построенная определенным образом жизнь – это выбор. Человек, построивший определенным образом жизнь, должен сказать себе и другим: «Это МОЯ жизнь. И я за эту, мною ответственно прожитую, жизнь отвечаю».

Человек может этой жизнью гордиться. Он за право гордиться платит определенную цену, иногда весьма высокую.

Человек может стыдиться прожитой жизни или ее части. Он может страдать, сходить с ума по этому поводу. А как же! Он служил «большевистской химере»? Как он мог?! Он соучаствовал в зле, не по назначению использовал драгоценный дар – жизнь и ее ВОЗМОЖНОСТИ.

Но человек, испытывающий подобные чувства, не может не отдавать себе отчет в том, что это ОН, ОН САМ использовал не по назначению дарованные ему вместе с фактом жизни ВОЗМОЖНОСТИ.

Это ОН, данный человек, использовал часть СВОЕЙ жизни не по назначению! А раз это сделал ОН, то что-то в нем не так. И человек начинает, осознав это, вести себя ответственно. Он осознает, что НЕЧТО в нем (не вне него, а в нем) дало сбой и породило ошибку. И тогда он сосредоточивается на самом себе. Он спрашивает себя: «А что же есть это НЕЧТО?»

Он не сразу себя об этом спрашивает.

Сначала он просто признает, что часть его пути была неправильна. Уже это очень трудно. Человек шел-шел, а потом должен сказать себе: «А ведь я неверным путем шел». Он должен суметь это сказать, суметь увидеть неправильность и признать ее. Великий, решающий шаг к исправлению. Но не единственный.

Затем он приходит к выводу, что внутри него есть некий механизм сбоя, приводящий к тому, что он пошел неверным путем. Что это ЕГО механизм сбоя. Что он находится внутри ЕГО личности, а не где-то вне нее. Что не злые силы волокли его неверной дорогой, а сам он пошел не туда.

Очень трудно прийти к такому выводу. Да и не всегда он абсолютно правомочен. Невинного человека взяли и в юном возрасте в тюрьму ни за что посадили. Это что, он сам выбрал путь в зону или его туда пихнули? И почему он должен за это отвечать?

Но в принципе человек за все случившееся должен отвечать сам. А такие случаи, как тюрьма для невинного юноши, – это аномалия. В определенные страшные эпохи очень частая аномалия. Но аномалия. Норма же состоит в том, что человек в существеннейшей степени идет тем путем, которого хочет. И если он потом понимает, что он шел не туда, так это ОН шел не туда. А значит, что-то в нем хотело этого «не туда». И это что-то – внутриличностный механизм сбоя.

И вот только тогда начинается познание механизма сбоя. Человек сосредоточивается на себе. На себе, а не на других. И начинает постигать свое «я», просвечивать себя рентгеном, исследовать под микроскопом. Подобное исследование не должно превращаться в пустое самокопание. Человек не вообще любопытствует. Он ищет этот самый механизм сбоя, это скрытое повреждение. Он может всю жизнь искать и не найти. Он может не получить доступа к технологиям самопознания, позволяющим осуществить такой поиск. Но если он пробился к этим технологиям, использовал их правильно и нашел повреждение внутри себя, то и это еще не все.

Затем начинается работа по исправлению повреждения. Ведь мало обнаружить механизм сбоя, его еще надо ликвидировать. Сделать это можно, только опершись на альтернативные ресурсы в собственной личности. Поди еще нащупай эти ресурсы! И если нащупал – обопрись на них! Сооруди на этой территории нечто для работы с имеющимся

механизмом сбоя. Используя это нечто правильным образом и добейся результата.

Иногда человек делает это с помощью религиозного Учителя.

Иногда он это делает с помощью очень мудрого и профессионального психолога.

А иногда он делает это сам. Это бывает очень редко, но бывает. Начинается все обычно с какого-то потрясения. Подобное потрясение и все, что за ним последовало, подробно описал великий Чехов в повести «Дуэль». Чехов не был почвенником, сторонником «особого русского пути». Он оппонировал по этому вопросу таким великим (и очень разным) сторонникам особого пути, как Достоевский и Толстой. Чехов был настоящим патриотом России и одновременно либералом и западником. Не провалившиеся деятели февраля 1917 года, а гений Чехова указывает путь каждому, кто захотел стать в России либералом и западником, оставаясь патриотом.

Ну, так вот, в «Дуэли» главный герой, Лаевский, идет по жизни неверным путем. Идет в направлении фундаментальной человеческой катастрофы. Он при этом непрерывно рассуждает, всем и всеми недоволен. А сам на полных парах движется к человеческой гибели. Наконец, он подходит к ней вплотную – и что-то происходит. Лаевский понимает, что шел неверным путем, поворачивает в самый последний момент и... и АБСОЛЮТНО МЕНЯЕТСЯ.

Чехов блестяще описывает это изменение. Лаевский перестает красиво говорить, углубляется в себя, приобретает какую-то несвойственную ранее нерешительность и неловкость. Чехов тончайшими средствами раскрывает суть этой неловкости. И вдумчивый читатель понимает: Лаевский так поглощен поиском этого самого механизма сбоя и возможностью его исправления, что ему не до внешнего. Ему надо нечто исправить в себе самом и начать новую жизнь. Точнее – одновременно начать новую жизнь и исправление. Одно без другого не бывает. Это и есть метафизика Пути.

Перестройщик же действует в рамках другой – альтернативной и антагонистичной такой ответственности за свой путь – метафизики.

Да что там Лаевский! Мы же говорим о разного рода «де»: дебольшевизация, денацификация... И кто-то призывает к омерзительной для меня дебольшевизации, ссылаясь на денацификацию. Этот «кто-то» хочет дебольшевизации для других или для себя? Ципко меня будет дебольшевизировать или себя? Никогда не приму никаких уравниваний большевизма с нацизмом, но раз кому-то неймется, то в качестве «задачи на понимание» и это могу использовать.

Есть прекрасный фильм Стенли Крамера «Нюрнбергский процесс». Его герой – вошедший в нацистскую элиту судья Эрнст Янинг – вдруг понимает, что выбранный им путь абсолютно ошибочен. Он признает эту ошибку. Он не говорит: «Они ошибались». Он говорит: «Ошибался я». И следом за этим признанием он испивает чашу до дна. Он получает пожизненный срок. Он оказывается изгоем среди остальных, абсолютно нераскаившихся, подсудимых. И он становится другим. Он, гордый интеллектуал, зовет давшего ему срок провинциального американского судью и, как школьник, говорит с ним о своей ошибке...

То, что Чехов описывает словами, герой фильма делает всей полнотой данных кино тотальных средств выразительности. Походка, манера, пластика, интонация... Выжидательная вопросительность. Человек понял, что большую часть пути шел абсолютно не туда. Что не кто-то вел его не туда, а он сам шел не туда. И теперь надо поворачивать и нести ответственность. Все ресурсы человеческой личности направлены на поиск механизма сбоя. То есть вовнутрь, а не вовне. Осознать свою ошибку – это не бесплатное удовольствие. Тут уж не до поучения других. Надо самим собой заниматься. И, признав ошибку, отказаться от права поучать других.

Как ты можешь поучать кого-либо, если сам так ошибался? И ведь, признав ошибку как СВОЮ ошибку (а как иначе?), ты, продолжая учительствовать, становишься просто смешон. Это понимает Эрнст Янинг. Но не Ципко.

Александр Сергеевич Ципко родился 15 августа 1941 года в Одессе.

В 1963 году он вступил в КПСС. Ему было 22 года. Его в КПСС тянули на аркане? Мой отец вступил в КПСС под Ельней в 1941 году. Мать, работая на гуманитарной ниве (Институт мировой литературы Академии наук СССР), не только не вступала в КПСС, она в страшном сне не могла бы об этом подумать.

Александр Сергеевич вступил в КПСС по собственной воле. Это его ЖИЗНЕННЫЙ ВЫБОР. Но это же ЕГО жизненный выбор! И он за него отвечает.

В 1968 году Александр Сергеевич Ципко окончил философский факультет МГУ. Все даты, которые я привожу, взяты из его официальной биографии. Если верить этой его официальной биографии, он с 1965 по 1967 год работал в газете «Комсомольская правда». А с 1967 по 1970 год – в аппарате ЦК ВЛКСМ. То есть, еще не окончив философского факультета, он уже работал в аппарате ЦК ВЛКСМ. Прошу прощения у Александра Сергеевича, если я пользуюсь неверными данными. Но это официальные данные.

Мы все жили в 1968 году. И знаем, что страшные дяди не приехали на черных воронках к Александру Сергеевичу, что они не скрутили ему руки и не приволокли на философский факультет МГУ. А также в газету «Комсомольская правда» и в аппарат ЦК ВЛКСМ. Что его в этот аппарат не заперли злобные силы, что он не был лишен возможности альтернативного самоопределения. То есть выбора другого жизненного пути. Что этот путь ему не навязали.

Конечно, время всегда навязывает какие-то рамки. Но оно не лишает свободы. По крайней мере, в 1968 году. Это Александр Сергеевич Ципко САМ РЕШИЛ пойти в «Комсомольскую правду», на философский факультет МГУ и заняться философскими основаниями социализма. Это он САМ РЕШИЛ пробыть в ЦК ВЛКСМ. Или, по крайней мере, согласился на сделанное предложение. А мог бы не согласиться.

Итак, свое самое дорогое – молодые годы жизни – Александр Ципко отдал ЦК ВЛКСМ. Отдал добровольно. А я не отдал. И тоже добровольно. Вы когда-нибудь бывали в ЦК ВЛКСМ? Вы видели функционеров ЦК ВЛКСМ? И вы понимаете, что захотеть быть вместе с ними – это жизненный человеческий выбор? Система не требовала, чтобы человек стал частью ее. Человек мог только сам захотеть стать частью системы. И надо было очень захотеть. А также суметь. И заплатить за это соответствующую моральную и экзистенциальную цену.

В ЦК ВЛКСМ бывали вполне приличные люди. Но эти люди почему-то хотели стать частью системы. Потому ли, что они

верили в нее... Или из конъюнктурных соображений... Но когда люди НЕ ХОТЕЛИ становиться частью системы, видя в ней, например, зло, то они и НЕ СТАНОВИЛИСЬ. По хорошо известному принципу: «Почему верблюд не ест селедку? Не хочет и не ест».

Ципко «съел селедку» потому, что он ХОТЕЛ ее «съесть». И он не однажды «оскоромился», он «ел» эти «селедки» одну за другой.

С 1970 по 1972 год А.Ципко учится в аспирантуре философского факультета МГУ.

С 1972 года с перерывами работает в Институте экономики мировой социалистической системы Академии наук СССР (ныне – Институт международных экономических и политических исследований РАН). Не знаю, как другие, но я родился в Москве и вырос в гуманитарной семье. И для меня такая биография как открытая книга. Я не хочу сказать, что это плохая биография. Это абсолютно системная биография.

В этой биографии есть еще более системное звено. Когда Ципко с 1978 по 1981 год работал в Институте философии и социологии в Варшаве. Мы же не на Луне в это время жили. И понимаем, что это суперсистемный фрагмент системного пути. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. А скептики, которые пожмут плечами и скажут: «Да все бывает в жизни», – должны соотнести это звено с предшествующими и последующими. И честно признать, что так бывает только тогда, когда люди хотят, чтобы так было. Когда ответственно и продуманно выбирают определенный жизненный путь.

Путь Ципко, выбранный им по собственной воле, привел его в аппарат ЦК КПСС, в ядро системы, в ее святая святых. Этот путь сделал Ципко не только консультантом Международного отдела ЦК КПСС, но и еще более крупной фигурой.

И что хочет сказать Александр Сергеевич Ципко? Что за это вхождение в ядро системы не надо было платить высочайшую цену? Что можно было войти в ядро, не стремясь туда? Или что его туда на аркане приволокли некие «вертухаи с овчарками»?

С 1988 по 1990 год Ципко – перед этим оперившийся консультант Международного отдела ЦК КПСС – работает аж помощником секретаря ЦК КПСС Александра Яковлева... Помощником по теоретическим вопросам!

Вряд ли есть наивные люди, которые могут не понимать, что это значит. Это значит, что Ципко под эгидой всесильного тогда (и знавшего толк в кадрах) Александра Николаевича Яковлева начинает разгром той самой системы, которой он посвятил 25 лет жизни. На этот момент он находится в ядре партийной элиты. И осуществляет разгром особым образом – изнутри. Это не бесплатное с моральной точки зрения занятие. Особенно для тонкого и неглупого человека, каковым Александр Сергеевич, безусловно, является.

Из партии Александр Сергеевич Ципко выходит в 1990 году. Он не с волчьим билетом вылетает из нее в 1970 году за неконформизм. Он в 1990 году, когда от нее бегут как от чумы, гордо покидает ряды, назвав большевизм, который восхвалял 25 лет (а что он еще мог делать в системе?), главной причиной исторической трагедии России XX века.

Чем по своей биографии Ципко отличается от Янинга, упомянутого мною ранее героя фильма «Нюрнбергский процесс»? Янинг кается и замолкает. Его подельники не каются и «режут правду-матку». Ципко же... сам не кается (в отличие от Янинга). И не замолкает (в отличие от Янинга). Он начинает проповедовать обратное тому, что проповедовал, когда был частью системы. И без всякой оглядки на свое прошлое.

Но, может быть, Ципко хотя бы в момент выхода из КПСС заплатил за этот выход какую-то цену? Может быть, он хоть на короткое время схлопотал «волчий билет», стал работать кочегаром? Ничего подобного не произошло. Ципко после очень своевременного, мягко говоря, выхода из КПСС стал аж заместителем директора того Института экономики мировой социалистической системы Академии наук СССР, в котором работал прежде. И в этом благополучно-привилегированном статусе начал учить нас ненависти к большевизму, встав в позу чуть ли не жертвы одного.

Казалось бы, если 25 лет своего – да-да, своего собственного! – жизненного пути были ошибкой, поклонением злу, то еще 25 лет надо искать механизм сбоя, приведший к тому, что ты сделал эту ошибку. А не учить других. Не тут-то было!

Роль Александра Николаевича Яковлева в жизни страны понятна. Он ломал ей хребет, понимая, чем это кончится. И добился цели. Но он всегда потом говорил, что хотел этого. Всего целиком! Развала КПСС, развала системы, развала страны под названием СССР.

А вот Ципко через какое-то время начинает яростно проклинать развал СССР и преступные силы, которые его осуществили. Он имеет в виду Яковлева? Себя? Кого?

Ципко-1 – это функционер коммунистической системы.

Ципко-2 – это активист системы радикального перестроечного антикоммунизма, то есть некоего информационного шабаша, управляемого из кабинета его шефа и приведшего к распаду СССР.

Ципко-3 – это почвенник и защитник СССР (а как же ненавидимый Красный проект?).

Ципко-4... Ципко-5...

Что это все такое?

Теперь Александр Сергеевич Ципко люто ненавидит проекты, которые он называет левыми. Но левизна у него – понятие слишком растяжимое. Виталий Третьяков оказался заподозрен им в любви к Константину Леонтьеву. Но Константин Леонтьев... как говорят в таких случаях на разных языках мира, «правее только Чингисхан». Ан нет... Видите ли, Леонтьев антибуржуазен – и Ленин антибуржуазен... И потому – что Ленин, что Леонтьев. Это называется «кто не с нами, тот против нас».

А вы-то кто? -1, -2, -3... -25... -134...

У меня с Глазьевым или Юрьевым ничуть не больше общего, чем у Ленина с Леонтьевым, но Ципко и тут улавливает связь. Кстати, скептики, которые упрекали меня за излишнее внимание к статье Ципко в «какой-то там "Литературной газете"», после статьи того же автора в «Российской газете», где он разносит Виталия Товиевича за антибуржуазный уклон, звонили и ИЗВИНЯЛИСЬ. И впрямь, есть ли большой официоз? «Российская газета»... Аналог газеты «Правда» эпохи Ципко-1...

Но под каким номером идет Ципко, которому нравился проект «Русской доктрины», изданной Андреем Кобяковым и Виталием Аверьяновым? Это Ципко-3? Ципко-4?

Поскольку я уже запутался, то предлагаю другую индексацию. Это Ципко-2005. Именно тогда был обнародован проект «Русская доктрина». Ципко-2005 назвал проект Кобякова и Аверьянова событием, следующим по важности за знаменитым сборником статей российских публицистов и философов «Смена веков», а его авторов – будущей национальной элитой.

Теперь Ципко-2008 подразделяет авторов соседних проектов на «людей или слабых, больных душой, или откровенных шарлатанов». Не означает ли это, что Ципко-2008 рвет в клочки Ципко-2005?

Я плохо знаю Аверьянова. Но Кобякова знаю хорошо: это умный, милый, патриотичный человек. Однако его «Русская доктрина» вполне могла бы быть порвана в клочки Ципко нынешнего образца. Ибо она преисполнена всех тех «недостатков», которые Ципко-2005 казались достоинствами. Доказать это текстуально так же просто, как отнять конфету у ребенка. И потому вряд ли стоит этим заниматься.

Гораздо важнее уловить смысл политического таинства, превратившего Ципко-2005 в Ципко-2008. Таинство это называется «перестройка-2». Ципко ее чувствует и ржет, как боевой конь при звуке неояковлевской трубы. Что за труба-то? Аналитик элиты может о чем-то догадаться по списку «негодяев», который составляет Ципко-2008. Ципко-2008 знает, что Ципко-2005 мог бы легко попасть в такой список. И поэтому он хочет вовремя из списка выпрыгнуть.

Люди, прошу вас, доверьтесь нюху Александра Сергеевича Ципко! И поверьте мне, что я не о мелочах говорю, не об отдельных демаршах отдельных личностей. Я о тенденции говорю. О ТЕНДЕНЦИИ!

Ципко филигранно составляет список «негодяев». Не буду указывать на очевидные лакуны. Любой, кто прочитает внимательно, их обнаружит. Ох, как Ципко комически аккуратен! И в этой аккуратности – еще одна (сбился уже со счета, какая... ах да, **12-я**!) **вибрация** перестройки – улавливание тенденции! Перестройщик дерзко бьет по тому, что не вписывается в тенденцию. А по тому, что вписывается, не бьет. Как-никак школа ЦК КПСС... Как говорил мне один высокий партийный журналист, в «Правде» работают не по директивам. Директивы – это для «Сельской жизни». В «Правде» работают ПО ТЕНДЕНЦИЯМ. Когда нет логики (мешанина правого и левого, коктейль из ничем не связанных между собой имен), нет последовательности (критикую нечто, неотличимое от того, что сам же вчера расхваливал), но есть определенная псевдоморальная иступленность, то это перестроечная вибрация. Улавливайте – и предуготовляйтесь.

А еще одна такая **вибрация** (**13-я** по счету) характеризуется сакраментальным словечком «не нравится». «Нравится»... «не нравится»... Люди вроде бы политологией занимаются, а ведут себя как невесты на выданье. Я не жених Ципко, чтобы ему нравиться... Между тем оперирование вышеназванным «нравится, не нравится» – не прерогатива отдельного человека. Это коллективная мода, она же вибрация.

Марк Урнов, с которым я когда-то дискутировал по телевидению (и который, по моему мнению, и умный, и вполне порядочный человек), не имея аргументов в споре, с неподражаемым видом сказал мне, что ему нечто не нравится. Ну, скажи, что противник неправ, вскрой содержание этой неправоты... Ах нет, «не нравится»! Вы вообще-то понимаете, что это значит? Даже Лигачев – и тот говорил Ельцину: «Борис, ты неправ». Он же не говорил ему: «Борис, ты мне не нравишься».

Искусствовед или театровед – и тот не имеет права сказать «не нравится». Он должен оценивать объективные эстетические достоинства и недостатки, хотя речь идет о такой субъективной вещи, как искусство. А тут люди называют себя учеными! Учеными! И упоенно оперируют словечком «не нравится». Ну, напечатайте в «Литературной газете» (и уж тем более в «Российской») крупными буквами: «Граждане России! Знайте, что Ципко не нравится то-то и то-то!» Граждане кивнут головой и проникнутся.

Вибрация №14 – это... Ну, как бы сказать помягче... Фундаментальная неделикатность.

«Не нравится» – это, знаете ли, такая особая «фенечка». Синоним понятия «сволочь». «Не нравится» – это зачин. Вам сказали, что вы «не нравитесь»? Сейчас вам начнут рассказывать, какая вы сволочь. И не просто сволочь. Вы человек, лишенный совести. Доказательства не нужны. Поскольку Ципко – это абсолютный камертон совести (смотри описанную мною биографию), то ему виднее.

Но мало сказать «нет совести», надо ведь и порассуждать на эту тему. А аргументов – нет. Тогда их заменяют ассоциациями.

Ассоциативность – это вибрация №9 в моей классификации. Я ее уже описал. Почему у меня нет совести? Потому что Юрьев якобы не хочет, чтобы русские изучали иностранные языки. А я ассоциативно напоминаю Ципко Юрьева.

Однако все не исчерпывается ассоциативностью как таковой! Вибрация №9 («мне кажется, что похож на...») вплетается с вибрацией №13 («мне не нравится») и с вибрацией №14 («раз мне не нравится, то сволочь»). Такая мультипликация дает вполне однозначный результат. Строятся «антипартийные группы». Тут хоть Афанасьев, хоть Ципко – это одна и та же «дженерейшн». Партноменклатура, ставшая авангардом дебольшевизации.

Антипартийные группы... Их произвольным образом создают те же люди, которые проклинают Сталина как создателя этих самых (как им кажется, произвольных) антипартийных групп. А также Гайдара, который, как им кажется, похож на Сталина. Но им никогда не покажется, что они сами похожи и на Гайдара, и на Сталина – причем в их собственном описании.

Люди эти ссылаются на какие-то эталоны (ну, Струве или кто-то еще...). Если бы эти эталоны, воскреснув, могли прочитать тексты тех, кто к ним апеллирует... Тех, кто называет себя западниками и индивидуалистами и одновременно закатывает истерики в стиле шельмования произвольно объявляемых ими «групп» (а рекомендуемая западниками индивидуализация каждого случая? а доказательность?).

Демонтаж высоких западных норм осуществляется под аккомпанемент их истеричного восхваления. Альбац хочет быть западницей и носителем западных норм. А люди, преподающие журналистику в Гарварде, публично говорят, что ее метод диалога с собеседниками – это набор примеров попражнения всех норм западной журналистики. И что они будут на этих примерах – как нельзя делать – учить своих студентов.

Скажут: «Так то Альбац, а не Ципко». Извините, я не о людях – о нормах. Я и в Альбац вижу симпатичные человеческие

качества, например, хоть какой-то неконформизм (штука редкая у нас сегодня, увы). И Ципко совершенно не собираюсь демонизировать. А главное, меня люди в данном разбирательстве вообще не интересуют. Меня интересуют вибрации.

Лишь посему продолжаю заниматься «политической сейсмологией».

Итак, вибрации...

Если вы следите за тем, как они накладываются друг на друга, у вас не может не возникнуть потребность в каком-то объяснении таких психологических «дифракций и интерференций». За объяснением я предлагаю обратиться уже не к Чехову, а к Достоевскому. Конкретно к «Запискам из подполья».

Источники вибраций, они же актив перестройки, слишком долго жили двойной, подпольной, жизнью. Они уже не могут жить иначе. Они впитали в себя определенные стереотипы подпольного поведения и воспроизводят их уже автоматически, полубессознательно. Вчера они знали, что ненавидят Ленина, но отрекомендовывались верными ленинцами. Сегодня они знают, что Струве к ним никакого отношения не имеет, но отрекомендовываться будут, апеллируя к Струве. Держать в руках некое зная и ненавидеть его... Не в этом ли общий корень всех исследуемых мною вибраций?

Вибрация №15 – патент на любовь к народу. Патент выписывают себе сами перестройщики. Александр Сергеевич Ципко сам наделяет себя правом судить, кто любит русский народ, а кто нет. При этом он, конечно же, любит. А его оппонент, конечно же, не любит. Доказательства, опять же, не нужны и даже вредны.

Предположим, кто-то сказал, что «Россия – сука». Если этот «кто-то» свой, если он «нравится» и, соответственно, не «сволочь» (тут нужно добавлять дату: «нравится–2008», «сволочь–2008» и так далее), то он это сказал от избытка любви к России. От боли за нее. А также по причине своей бескомпромиссности, своего гордого неконформизма, своей прямоты, готовности говорить правду-матку и так далее.

Ципко, например, фактически говорит, что русский народ – это вор, который все разграбил и в 1917, и в 1991 году. Но он это делает от любви к русскому народу. А также по причине наличия в нем, Ципко, других вышеуказанных благородных качеств.

В конечном итоге оказывается, что каждый, кто восхваляет русский народ (приписывает ему, знаете ли, какую-то там жертвенность, мессианство), его ненавидит. А каждый, кто народ хлещет по щекам, называя «шариковым» или воров, его любит. Так сказать, выражает свое нутряное чувство страдания по поводу недостатков любимой страны.

В итоге, конечно, окажется, что больше всех русский народ любит Новодворская. Но, во-первых, если нечто, неудобное для перестройщика, вдруг «окажется», то перестройщик этого не заметит. Или назовет казуистикой. А во-вторых, мало ли что когда «окажется»? А ну как для Ципко-2009 Новодворская станет идеалом? Или, наоборот, какой-нибудь ультрапатриот? В 2009 году узнаем...

Но, может быть, я что-то приписываю Ципко?

Может быть, он не говорил о шарлатанах и людях без совести?

Не говорил о некоем «сообществе» (в котором я, по его мнению, занимаю важное место) как о людях, собирающихся бросать русский народ в очередную мясорубку?

Может быть, это я поминал все предков Ципко, а не он моих?

Увы, я-то как раз оперирую конкретными высказываниями, а не произвольными ассоциациями. И я не просто оперирую этими высказываниями. Я хочу добраться до чего-то крупного, что маячит за ними. И лишь потому продолжаю скрупулезно анализировать.

Мне нужен не Ципко. Мне нужна феноменология и логика перестройки (-1, -2, -3 и так далее). Это не формальная, не диалектическая, не парадоксальная, а иная логика. Но это логика. И важно понять, какая. В этой логике (читайте Ципко о Красном проекте) если я рассуждаю о Красном проекте, то явным образом хочу запихнуть русский народ в кровавую мясорубку, завершая (Ципко и до этого договорился) дело своих предков. О предках чуть позже. А пока – об этой самой народофобической мясорубке.

Коммунистическая партия Китая, которая осуществляет мобилизационный проект (ни один сумасшедший сегодня не будет лишать мобилизационный проект рыночной периферии – глобализация не позволит), тоже народофобствует и крутит эту самую мясорубку?

А все остальные (некоммунистические) мировые авторитарные модернизации – это тоже свидетельство нелюбви лидеров и политических систем к своим народам? Южнокорейские лидеры свой народ не любили, сингапурские – свой народ не любили... Наполеон французов не любил. То, что Петр I не любил русских, понятно... Но Линкольн не любил южан, а значит, и народ американский... В итоге выяснится, что свой народ любит только Ципко. А также те, кто ему нравится. А кто ему нравится – поди угадай. Ему сегодня нравятся одни, а завтра другие.

Скажут: улавливайте так же чутко тенденцию. А если я не работал в ЦК КПСС, то что мне делать? Еще мои друзья по ЦК КПСС (отличные люди, широкие, культурные, ироничные) говорили мне, что не надо ругать «цекизм» вообще, что есть «цекизм» и «ципкизм». И что «ципкизм» – это отдельная разновидность «цекизма». Я не верил. А после такого неслучайного шедевра начинаю верить. Но все равно приобщиться уже не могу – поздно. Надо только ждать, когда кому не понравлюсь, и заранее посыпать голову пеплом.

Вину за перестроечный смрад возложили на интеллигенцию. Не хочу сказать, что она была абсолютно безвинна. Она, конечно, соучаствовала в уничтожении народа и самой себя. Но... но при чем тут интеллигенция? А также интеллигентность? Интеллигентность – это совокупность очень важных и ценных человеческих качеств. При этом одно из таких качеств, безусловно, скромность. Я не хочу сказать, что интеллигентность – это высший идеал и средоточие всех достоинств. Но это... Это опять же Чехов... Чехов интеллигентен. А Достоевский нет.

Написать в статье, что Проханов не патриот, а ты патриот, интеллигентно? Перестройка не интеллигентна – она антиинтеллигентна. И, может быть, вся ее суть в этой глубочайшей антиинтеллигентности.

Перестройка – это война с любым и всяческим тактом, скромностью, чувством меры, внутренней сдержанностью.

Перестройка – это апофеоз бесцеремонности. Ведь в принципе, казалось бы, есть предел этой самой бесцеремонности, через который никакой вменяемый человек (да и никакой вменяемый печатный орган) не может перешагнуть. Ну, не стану я говорить о семье Ципко. Пусть Ципко говорит, а я не стану. Я о семье Ципко говорить не буду, он о моей – будет. Причем бессмысленно, безграмотно, предельно некомпетентно. Так, что возникает странное чувство... А может, это и не Ципко говорит, а кто-то еще? Может, это кому-то другому неймется?

Ведь неймется же! Ох, как неймется!

Впрочем, о том, как именно неймется, – позже. Я, может, и Ципко-то занялся для того, чтобы перебросить мост к этой теме. А пока – об этой самой бесцеремонности и безграмотности, за которой маячит нечто другое. Если бы не маячило – слова не сказал бы.

Ципко, упражняясь в перестроечной логике, говорит, что Егор Гайдар, как «необольшевик», продолжил большевистское дело своей семьи. И что ваш покорный слуга поступает таким же образом.

Во-первых, я не вижу ничего плохого в том, чтобы продолжать дело своей семьи, своего рода. Почему это чудовищный большевистский (или азиатский) атавизм? Это то свойство британской, например, аристократии, которым я восхищаюсь. И не только британской. И не только аристократии. Буржуазные семьи тоже на этом становились атлантами, держащими на своих руках великие государства. Враги советского общества говорили о том, что пролетариат лишен семейной традиции и потому он хам. Так что, теперь оказывается, что морально быть хамом?

Кроме того, пролетариат никогда не был лишен семейной традиции. Я не поклонник Кочетова (то есть совсем не поклонник, нельзя быть одновременно поклонником Томаса Манна и Кочетова). Но то, что он описал в «Семье Журбиных», очень близко к тому, что я наблюдал в семьях высококвалифицированных питерских рабочих. Между прочим, это и называлось «рабочие династии». И они были.

В доиндустриальном обществе (аграрном, например) род – это все. И семья – это высшая ценность. Если мне что-то и понравилось в Гайдаре, так это то, что он не стал говорить, что его дед сволочь, не стал отрешиваться от семейной традиции. В этом он повел себя как человек, а не как падаль. Как человек, а не как падаль повел себя Серго Берия, написав о своем отце. А как падаль повел себя герой фильма «Покаяние», выкинув отца из могилы.

Были люди, которые вступали на путь конфронтации со своими семьями. Но это мучительный путь для людей, не лишенных идеального. И обычно на этот путь становились очень последовательно революционные люди. Те, кого ненавидит Ципко. Они-то как раз рвали с семьями, но ради высшего идеала. И, разрывая (причем мучительно) семейные узы, никогда не переходили грань, за которой человек превращается в падаль. А где находится эта грань, указал Шекспир устами тени отца Гамлета. Тени, дающей уроки сыну.

Двадцать лет активных занятий политикой научили меня улавливать нечто недоартикулированное: невнятное, но существенное. К разряду таких «невнятных существенностей» относятся появляющиеся время от времени странные, не лишенные адресности истерики. Они отличаются от всех собственно перестроечных вибраций.

Чем отличаются? Это трудно сформулировать. Тем, что более невнятно и одновременно как бы более основательны. В общем, отличаются, и все. Источник (или источники) этих странных истерик мне почему-то хочется назвать «бэкграундом перестройки». Не собственно перестройкой (-1, -2, -3 и так далее), а именно бэкграундом. У истерик, о которых я говорю, есть что-то наподобие внутренней структуры. Они построены по бихевиористскому принципу «импульс – реакция».

Импульсом всегда является очередное обсуждение Красного проекта... Чаще всего такое обсуждение производится на страницах газеты «Завтра». Я могу участвовать в этом обсуждении или нет. Но если оно идет, то рано или поздно обсуждающий выходит на некий метафизический уровень... Ну, Богданов и его «Тектология», богостроительство, Федоров, Вернадский... И так далее.

И вот тогда – ответная реакция... Обличительные сюжеты о «мерзких опытах Богданова по скрещиванию людей и обезьян»... А также прочая чушь. Но не она одна. Более или менее явно затрагиваются те самые «дела семейные», на которые наемается Ципко.

Идя по ложному следу, Ципко, наверное, считает, что моя семья имеет некое сходство с семьей Гайдара. Но это не так. Кстати, если бы это было так, то элитная субстанция, которую я называю «бэкграундом перестройки», никогда бы к теме моей семьи не обращалась. Но она обращается. И эти обращения становятся чем-то вроде симптома. Может быть, когда-нибудь я объясню на эту тему подробнее. А сейчас скажу буквально несколько слов, поскольку это очевидным образом перестает носить частный характер. Право, не хочется говорить, но приходится.

Ну, так вот. Если бы Ципко основательно ознакомился с биографиями моих предков, то с ним могло бы случиться какое-нибудь психическое несчастье. Поэтому я, забывая о нем, говорю вкратце. «Дело моих предков» отнюдь не противоречит западной традиции в том виде, в каком ее восхваляет Ципко. Когда мой предок по поручению Ивана Грозного исполнял миссию в Англии и хотел добиться династийной связи между царем Иваном Васильевичем и английским королевским семейством, то вряд ли это было антизападным поступком, не так ли? И вряд ли это можно назвать свидетельством генетической склонности к большевизму (необольшевизму и так далее)?

Значит, Ципко имеет в виду что-то другое.

Что именно? И Ципко ли это нечто имеет в виду? Или же за ним стоит кто-то другой, разбирающийся (или считающий, что разбирается) в биографических нюансах, семейных историях – то есть в чем-то, недоступном пониманию самого Ципко?

Гипотеза №1 – за этим что-то стоит.

Гипотеза №2 – за этим ничего не стоит, кроме специфики нервной организации А.С. Ципко вообще и его антикоммунистических заморочек в частности. При том, что антикоммунистические заморочки Ципко вполне тривиальны: за «красным проектом» должны стоять семьи каких-то инородцев. Желательно еврейских, но на худой конец сойдут и кавказские.

Наиболее высоковероятна гипотеза №2. Но она абсолютно неинтересна. Интересна же только гипотеза №1.

В доказательство этой гипотезы я попытаюсь привести ряд утверждений, иллюстрируя тем самым все тот же логоаналитический метод. Особо подчеркну, что не только каждое из этих утверждений свидетельствует в пользу гипотезы №1, но и система утверждений свидетельствует, опять же, в пользу именно этой маловероятной гипотезы.

Первое утверждение – Ципко САМ, по своей собственной воле, вполне может атаковать меня. Ему это чуть-чуть не с руки. Но он искренне ненавидит «красный проект» и его носителей. Я никогда не скрывал своего обратного отношения к этому проекту. Никаких особых человеческих связей между нами нет. Конечно, ссориться с кем-либо люди, имеющие номенклатурный опыт, не любят. Но сердцу не прикажешь. Короче, в моем случае – 50 на 50. А вот в случае с Третьяковым, которого Ципко атаковал как ревнителя «красного проекта», – все иначе. Третьяков не ревнитель «красного проекта», а консерватор с имперско-ностальгическими обертонами. Ципко – такой же консерватор. А главное, Третьякова и Ципко по жизни связывает очень многое. Такие связи номенклатурщики типа Ципко никогда не рвут без прямой директивы. Значит, уже первого утверждения достаточно для того, чтобы сделать выбор в пользу гипотезы №1 («за этим что-то стоит»). Те же, кто подвергнет сомнению мой подход и скажет, что всяко бывает, пусть знают, что законы номенклатурного поведения столь же жесткие, сколь и законы Ньютона. И что нет логоаналитики без учета подобных социальных закономерностей. Пусть они знают также, что я уверен на 100% в своем первом утверждении и имею для этого всяческие основания, не только логоаналитические.

А значит, стоит разбираться в вопросе о Ципко! Если мы хотим хотя бы догадываться, кто за этим стоит, то стоит. А разбираться в этом надо, повторяю, руководствуясь уже нащупанными логоаналитическими принципами. Согласно которым если кто-то сказал что-то несуразное, то это никоим образом нельзя с порога отбрасывать, пожимая плечами. Надо выявлять тип, формат, генезис несуразности. Понимая, что подчас логоаналитика несуразностей может выявить нечто, не выявляемое никакими другими способами.

Второе утверждение – ничего в плане «красного проекта» из моей армянской ветви наскрести невозможно. Разве что «инкриминировать» родство с поэтессой Шушаник Кургиян, которая дружила с художником Мартиросом Сарьяном, сын которого был близким другом моего отца. Но из всей этой гуманитарно-богемной конфигурации «красный маузер» никак не высовывается... Ну, никак!

Третье утверждение – кто-то, маячащий за Ципко (см. первое утверждение), тем не менее хочет нащупать в моей родословной некую конфигурацию, из которой высунется «красный маузер». И даже считает, что он имеет к этому какие-то основания.

Четвертое утверждение – если из отцовской ветви отжать ничего нельзя, то надо отжимать из материнской.

Пятое утверждение – если за действиями Ципко кто-то маячит (еще раз – см. первое утверждение), то этот «кто-то» страшно не любит «красный проект». И почему-то боится возможности его воскрешения. При этом данный «кто-то» понимает в «красном проекте» побольше, чем Ципко.

Шестое утверждение – не может быть в Российской Федерации сразу много «кто-то», так относящихся к «красному проекту» и располагающих возможностями организовывать серьезные информационные атаки на «красный проект». У Оккама это называется «не умножай сущности». Не будем их умножать и потому констатируем, что достаточно мощная сущность с подобными намерениями в России одна. Она может быть чуть-чуть диффузна, дисперсна. Но она одна. И все крупные информационные атаки на «красный проект» организованы ею.

Седьмое утверждение – самая крупная информационная атака на «красный проект» была организована каналом РТР. В ходе этой атаки (а точнее, атак) наносились точечные удары по всем нетривиальным компонентам «красного проекта». На это были затрачены деньги и усилия. Ничто подобное не может осуществляться в сегодняшней России без прямых или косвенных директив. И в конце концов, РТР – не «Российская газета», где выступал Ципко, и тем более не «Литературная газета». «Российская газета» – мелкий официоз, «Литературная газета» – почти не официоз. РТР – это крупный официоз. Крупный и специфический.

Восьмое утверждение – точки, по которым канал РТР наносил удар (удары), были выбраны неслучайным образом. Неслучайным, но странным. С одной стороны, РТР бил по точкам, действительно связанным с «красным проектом». По личности А.Богданова, его богостроительским идеям к так далее. С другой стороны, к данной теме был подверстан не только Л.Троцкий, чья причастность к красной проектной метафизике крайне сомнительна, но формально возможна. Кроме того, Троцкий позволяет разрабатывать расхожую и очень лакомую «еврейскую тему» (Шифф, Варбург и так далее). Но вот сквозь «богдановщину» (к которой логично приплести Горького и Луначарского, но не приплетают) и троцкизм (никогда не было близости Богданова и Троцкого) вдруг начинает просвечивать нечто знакомое – бритый наголо генерал царской армии. Это Бонч-Бруевич, причем не тот, который с Лениным, а его брат, обеспечивший большевикам на начальном послеволюционном этапе поддержку военной разведки царской армии.

Какое отношение Бонч-Бруевич имеет к «красному проекту», непонятно вообще. Если речь о том, что он перешел на сторону красных, так ведь много кто перешел – генерал Брусилов, «красный граф» Игнатьев... До утра перечислять можно.

Значит, он выделен на каких-то особых основаниях. На каких? Он был близок к Троцкому? Кто из высших военных, перешедших на сторону Красной армии, мог не быть близок к Троцкому, если Троцкий возглавлял Красную армию?

Девятое утверждение – значит, этот Бонч-Бруевич, как лыко в строку, вплетен в иных, особых, параполитических основаниях. Для того, чтобы выявить эти основания, мало Троцкого с Шиффом и Варбургом в придачу. Неявному элитному субъекту нужен другой след. След подлинно элитный. То есть тянущийся в сторону русской аристократии с ее параполитическими завязками.

Десятое утверждение – единственное, что всерьез выделяет данного Бонч-Бруевича из череды царских генералов, перешедших на сторону красных, – это то, что рассматриваемый персонаж был тесно интегрирован в круг дяди царя Николая II Николаевича. Никаких других оснований для его выделения нет.

Одиннадцатое утверждение – узкий круг дяди царя («никولاевичи») всегда противостоял как узкому кругу самого

Николая II, так и узкому кругу его супруги – Алисы Гессенской.

Двенадцатое утверждение – в дальнейшем (в первые эмигрантские годы) сформировалось два внутренние антагонистичных и имеющих разные международные привязки элитных эмигрантских центра. Один – вокруг «николаевичей», другой – вокруг «кирилловичей». Данный сюжет не принадлежит истории только – он принадлежит сегодняшней актуальной элитной политике. Это вопрос о том, кто дальше будет окормлять наше пространство. Обломки рухнувшего величия, так сказать.

Тринадцатое утверждение – в эмигрантской среде, кругах, которые на нее в большей или меньшей степени замыкаются, время течет не так, как в обычной среде. Логоаналитика не должна пренебрегать хронотопами. В среде, которую я рассматриваю (и которая сегодня очень сильно переплетена с нашей актуальной элитой), конфликты прошлого живы. «Николаевичи» и «кирилловичи» также не терпят друг друга, как и сто лет назад. Кроме того, данные элитные «микроимена» подверстаны к крупным парapolитическим «именам». При том, что последние (не имея прямого отношения к России) не оказались жертвами деструкции 1917 года.

Четырнадцатое утверждение – в рамках этих (малых и больших) «имен» «красный проект» все еще актуален. И не просто актуален. Почему-то считается, что он может быть восстановлен. Идея его восстановления абсолютно ненавистна. Реакция на малейшие свидетельства подобной возможности (включая газетные статьи, книги и так далее) обострена до крайней степени особой – элитной политической – невротичности.

Пятнадцатое утверждение – в рамках данной невротичности и эмигрантского хронотопа и впрямь каждое лыко в строку. А поскольку по материнской линии я, через неких Бонч-Осмоловских, имею отношение к Бончам в целом (как и к другим «подозрительным» родам), то при абсолютной кажущейся бредовости моей увязки в эту цепочку смысл, согласитесь, как-то начинает просвечивать.

Я не могу бесконечно следить за отблесками этого смысла. Но я не считаю свои пятнадцать утверждений высосанной из пальца гипераналитической фантазией. И у меня есть другие, конкретные, основания для того, чтобы настаивать на верности сделанных выше утверждений в их совокупности.

«Перестройка–2», как я уже показал, может быть только специфически белой. Но в чем тут специфичность?

Господа, играющие на этой клавиатуре! Чем более оголтело вы будете на ней играть, тем более внятным будет ответ. Все ваши апелляции к Юровскому и другим слишком уж лукавы. Еврейские, кавказские и иные этнополитические слагаемые революции 1917 года абсолютно очевидны. Их не могло не быть. Но они имели бы нулевую результативность, если бы не было решающего русского слагаемого. И куда вы его не денете. Буденный – не кавказец и не хасид. И Чапаев тоже. Бурлящий русский народ, народ, слагающий ядро империи (да и державы тоже), никогда и никто не мог бы силком принести в «коммунистическое узилище». Народ, ушедший с фронта с винтовками и пришедший снова в Красную армию... Народ, который не в демографической депрессии находился и не в состоянии полусонного потребительства...

Вы знаете, что этот народ принял ТОГДА Красный проект. И вы видите, что он ТЕПЕРЬ снова к нему приглядывается. Что все перестроечные радения (с их дальним и далеко не либеральным прицелом) не сумели «решить поставленную задачу». СССР любим народом, который вы пропустили через перестроечную мясорубку. Создатели СССР имеют рейтинг, свидетельствующий об очень и очень многом. И никакие социологические лукавства ничего не в состоянии исказить, ибо слишком уж этот рейтинг зашкаливает.

Любой политический лидер, желающий народной поддержки, будет так или иначе опираться на неосоветский электорат. Который – и это надо понимать – резко шире зюгановского. Путинский электорат на 60 процентов является неосоветским. Просто Путин играл на неосоветском поле лучше, чем Зюганов, – современнее, ярче, точнее, конкретнее (вплоть до возвращения музыки гимна СССР). Да и возможностей у него, ясное дело, было больше. С годами неосоветский электорат только нарастает. Надежды на то, что молодежь забудет и отвернется от советского, не сбылись.

Не может быть в России демократии (не только абсолютной, но и относительной) в сочетании с накопленным антисоветизмом. К тому же антисоветизм с какой-то социальной востребованностью – это не либеральный антисоветизм, а белый. Причем «накаленно-белый». Со всеми вытекающими для нынешнего политического класса последствиями. Белая перестройка («перестройка–2»)... Что это такое? Это белый реванш, при котором белое антисоветское меньшинство (примерно 15 процентов электората) навязет свою волю 30 процентам конформистского электората и 55 процентам неосоветского электората?

И что оно будет делать после того, как навязет? Ведь навязать эту волю оно может только достаточно свирепыми репрессиями (той же «сталинщиной», которую оно проклинает). Объяснения, почему Сталин негодяй, а репрессии нужны, у этого меньшинства есть. Но они носят очень, очень особый характер. И любое введение их в оборот создаст предпосылки для быстрой гибели политического субъекта, затеявшего такую игру. Вместе со страной.

Итак, для успеха подобных репрессий нет никаких исторических предпосылок. Ни внешних, ни внутренних. Так, может быть, успех и не планируется? Планируется провал? «Белые начинают и... проигрывают»? А вот что находится по ту сторону этого проигрыша – понятно. Не «красный реванш», а полная историческая катастрофа. Может, нужна именно она?

Так что вы навязываете новой властной конфигурации в целом и молодому лидеру, прежде всего? Что вы ему навязываете вместо развития? Белый дефолт по аналогии с тем, неизмеримо более щадящим дефолтом, который соорудил молодой Сергей Кириенко? Но тут-то все не закончится скромным уходом с поста и последующей карьерой в атомной промышленности. Тут-то все развернется совсем иначе!

Вы играете в очень странные игры, господа. И поскольку эти игры столь странны и опасны, то какой-то разговор о них, видимо, назрел.

Итак, Красный проект был принят русским народом, а не инородцами, отщепенцами и антисистемными элементами. Это принятие не могло не вызвать у врагов Красного проекта специфического отношения к своему народу. У кого-то это отношение не переросло в ненависть к народу, а у кого-то переросло. Смысл парapolитической игры Булгакова (прежде

всего в «Собачьем сердце») абсолютно понятен. Булгаков и не скрывал, о чем идет речь.

Речь идет о том, что русский народ – это «шариков», то есть недочеловек (человек-зверь, гилик). Сумасшедшие красные проектанты пытаются превратить гилика в психика или пневматика, делают операции. Они же работают с какими-то там «роковыми яйцами». А это все – не просто от лукавого. Это противоречит фундаментальным основам бытия, коими для Булгакова однозначно являются основы сугубо гностические.

Белая трагедия состояла в том, что народ признал Красное. Кого-то эта трагедия привела к гностицизму, а кого-то нет. Но те, кого она привела к гностицизму, не могли не сделать из него фундаментальных политических выводов: «У такого народа нет перспектив». Да и впрямь – какие перспективы у народа как коллективного «шарикова»? Только назад в конуру, да и то дело не гарантированное... Испорченный гилик – это не просто гилик, а бесполезный урод.

Теперь представим себе, что в ядре «перестроек» (–1, –2 и так далее) лежит нечто подобное. Разве не называли «шариковщиной» и «совком» все советское? Разве не было в этом очевидных реминисценций указанного типа? Да, они не имели решающего характера. Потому что были очень сильно растворены в либеральных настроениях и рыночно-демократических ожиданиях. Но сейчас-то нет ни того, ни другого. А значит, «перестройке–2» придется руководствоваться известной рекомендацией: «Хода нет – ходи с бубей». Она и ходит.

Делать подобные выводы на основе одной или даже нескольких статей Ципко – дело гиблое. И комическое. Но кто сказал, что речь идет об одном Ципко? Речь идет о потоке новых явлений. И только выявив этот поток, можно признать гипотезу о «белой перестройке» достойной рассмотрения или же... или же ее отвергнуть. В науке негативный результат – это тоже результат. Но нет науки без фактов. И я обязан эти факты предъявить, если занимаюсь наукой, а не сведением личных счетов с Александром Сергеевичем Ципко.

Глава VII. «Покаяние–2»: от отдельных квазиперестроечных демаршей – к шквалу белого покаяния

Не независимый интеллектual Ципко, а все основные российские телеканалы в течение недели вели по своим гражданам прицельный огонь на поражение из антибольшевистских орудий всех возможных калибров. Судите сами.

14 июля 2008 года, понедельник, 22.55, канал «Россия». Фильм «Штурм Зимнего. Опровержение». Очередная и ничего нового с собой не несущая раскрутка темы «большевики – немецкие шпионы». Тема дополнительно осложнена разного рода спекулятивными сюжетами (борьба Ленина с Троцким, финский «спецназ» Ленина и так далее). Используется привычный ход: то, что говорили большевики о штурме Зимнего, абсолютная ложь... А НА САМОМ ДЕЛЕ ВСЕ ОБСТОЯЛО ТАК...

Общество готово поверить, что большевики говорили ложь по поводу штурма Зимнего. Но насчет того, что «на самом деле»... Почему общество должно верить, что на самом деле все обстояло так, как это рассказывает телеканал «Россия» и режиссер фильма – госпожа Галина Огурная? Тогда общество уже никому не верит. Или всем сразу. Или тем, кому хочется в данный момент. Никаких доказательств по телевидению представить вообще невозможно.

Что такое доказательность в условиях идеологической борьбы – неясно в принципе.

Эксперты что-то говорят по телевидению? А что за эксперты? А кто им заплатил и на кого они работают? А почему надо считать, что это эксперты?

Архивные документы показываете? Кое-кто тоже врал по поводу того, что работал в архивах, и называл количество репрессированных. Потом оказалось, что их несопоставимо меньше. Чьи архивы? Почему надо считать, что это архивная подлинность, а не фальшивка?

Сталкиваете фильм Эйзенштейна «Октябрь» со своими ироническими комментариями? Это действовало двадцать лет назад. А теперь смотрят и говорят: «А что? Фильм-то клевый! Может, и правда все так и было?»

А если чей-то дед реально брал Зимний? И потом без всякого пафоса подробно рассказывал об этом своим родным и близким? Что победит? Новый иронический официоз или это семейное знание?

А главное... Ну, поверили, что не брали большевики Зимний – и что? Тогда оказывается, что Временное правительство – еще большее барахло, чем мы думали. Его не свергли могучим натиском – оно без боя сдалось! А поскольку монархия сдалась без боя Временному правительству, то она еще большее барахло, чем Временное правительство...

Ну, и на что потратили деньги Российский фонд культуры и канал «Россия»? На то, чтобы дискредитировать монархию, пытаюсь пропеть ей осанну? На то, чтобы обозлить неосоветский электорат (основную опору власти)? На то, чтобы еще чуток снизить рейтинг главного инструмента власти – гостелевидения?

Таков политический результат. Но есть еще и результат социокультурный. Хаос в умах нарастает... Нарастивание социальной энтропии... Если нужно это, то все в порядке. НО КОМУ ЭТО НУЖНО И ДЛЯ ЧЕГО?

16 июля, среда, 22.55, канал «Россия». Фильм «Галлиполийское стояние». Тот же режиссер – Галина Огурная. Ведущий – Никита Михалков. Автор – Елена Чавчавадзе. Фильм – абсолютно правильный. Белые хвалят белых. Ничего больше не говорится. Но сразу становится ясно, что если в фильме нет «истерического накрута», то заменить его просто нечем. Ну, хорошие были люди «галлиполийцы» – и что? Наверное, действительно хорошие... Или, как всегда бывает в таких случаях, разные... «В войне гражданской победителей, как известно, не бывает», – говорит Н. Михалков. Что значит – не бывает? Кому известно, что не бывает?

У одной силы – один проект. Линкольн хочет освободить негров. А у другой силы – другой проект. Южане хотят, чтобы негры остались рабами. Победил Линкольн – страна пошла одним путем. Победили бы южане – страна бы пошла другим путем. Конечно, травма была чудовищная, и ее залечивали более ста лет. И неизвестно, залечили ли. Но что значит «победителей не бывает»? Еще как бывают!

А еще Михалков говорит: «Полуостров Крым – "белой армии оплот", как пели в советских песнях». Кто пел, что остров Крым – «белой армии оплот»? Наверное, кто-то пел – Никите Сергеевичу виднее. Но на слуху у нации другая песня: «Чтобы

с бою взять Приморье, белой армии оплот». Там, кстати, еще есть абсолютно мистические строки: «Наливались знамена кумачом последних ран». В гражданской войне победили те, у кого была ЭТА мистика.

В среду, 16-го, и в четверг, 17 июля, показаны в одно и то же время (08.55) по каналу «Россия» две серии «Ожидание императрицы». Абсолютно комплиментарный документальный фильм с ведущей Аллой Демидовой. Что, просмотрев его, можно понять? Что Мария Федоровна была женщиной мужественной и достойной. И, наверное, все остальные тоже. Ну, посмотрят. Ну, признают это, не сочтут новой официозной агиткой... Но дальше-то что? Ее прах в конце концов похоронили, как она завещала, на российской земле? Замечательно.

Но фильм-то не существует сам по себе. Он находится в ряду других фильмов и неизбежно принимает их политическую окраску, интегрируется в единое полемическое поле. И что в итоге остается в сознании зрителей?

В лучшем случае, говорится: «Да, они были хорошие. Но они проиграли. Например, Первую мировую войну. А также политическую конкуренцию с теми, кого вы называете "злыми силами". В результате начался ужас. Ну и толку, что они были хорошие, а Сталин плохой. Но войну мы выиграли. А если бы он был хороший, но мы бы при этом ее проиграли? Хороший человек и хороший политик – вещи разные».

17 июля – день расстрела царской семьи. На канале «Культура» (13.50) показан фильм «Путь на Голгофу. Тобольские дневники Николая II». Спокойный документальный фильм, где на фоне старых фотографий зачитываются, в частности, фрагменты дневника, который Николай II вел во время тобольского заключения. Человек показан таким, какой он есть. И видно, что это очень позитивный и достаточно ординарный человек. Но даже если бы он был неординарным (а когда зачитывают дневники, то ясно, какой он)... Ну и что? Он проиграл. И видно, почему проиграл. Человеку можно сочувствовать. Политику?..

В четверг же, 17 июля, на Первом канале (15.20) – фильм «Николай II. Плаха». И это уже серьезнее. А заодно и издержечнее. Потому что однозначно оказывается, что проиграл Николай II мировому злу, сотворившему ритуальное убийство.

Фильм пронизан пророчествами, поэтому назвать его документальным очень трудно. Как и всегда, когда речь идет о телевидении, встает вопрос о доверии к информации. Но, если верить информации, некий монах Амель пророчествовал: «Наказание божие, гнев господен за отречение России от своего богопомазанника». А дальше ведущий Вячеслав Разбегаев объясняет, что отрелись-то – БЕЛЫЕ! Они были республиканцами, они царя свергли, арестовали, отправили со всей семьей в ссылку. И при этом проводятся мистические параллели между гибелью царской семьи и убийством фаворита Александры Федоровны Распутина.

Царь здесь – жертва. Но, как ни опростился нынешний российский зритель, он понимает, что никто за Николая II от престола не отрекался. Он САМ отрекся. Это его, Николая II, решение. Он мог не отречься и принять мученическую смерть, оставаясь царем-помазанником. Он в итоге и так принял смерть. Но если бы он ее принял, НЕ ПОДПИСАВ ОТРЕЧЕНИЕ, те можно было бы говорить о политическом герое. И строить полноценную систему политической же героизации. Однако он же подписал отречение! Совершил этот грех.

Но ведь его подталкивала к этому элита. Высшее духовенство в том числе. Оно молилась за Учредительное собрание и Временное правительство. Так чей же все-таки грех? И кто судия? Элита КПСС будет карать Россию за грех коммунизма? А элита монархии будет карать Россию за грех монаршего отречения? А не проще ли покарать элиту, а не Россию? По мне, так и проще, и естественнее.

Подробности убийства царя и его семьи, приведенные в фильме, претендуют на шок. Но это пустая претензия. Потому что в нынешней России зверские убийства шока уже не вызывают. Их показывали в сотнях фильмов («Бригада», «Парни из стали»... несть им числа). В 1986–1987 годах люди бы рыдали до рвоты. Сегодня – «Ну, "замочили", и ладно. А что еще было делать? Да и вообще – кто "мочканул", тот и прав. Не фиг было ушами хлопать».

А вот заявления ведущего: «Белым не нужен был царь... Царя предали все...» – дорогого стоят. ЭТО АБСОЛЮТНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРИГОВОР И ЦАРЮ, И БЕЛЫМ. И какой же предстает ситуация при такой оценке?

Политический лидер никому не нужен.

Политический класс, на который только и может опираться лидер, полностью сгнил и пропитан предательством.

В этих условиях систему может снести любой среднегабаритный «политический дворник». Зачем нужен мировой заговор могучих сил? Система обречена. Идеал потерян. Социальная связность равна нулю. Это – смерть. И уже неважно, кто именно подпишет свидетельство. Так ведь вроде бы? Почему Россия должна мучиться по поводу того, что она это, прогнившее, потеряла? И как она могла ЭТО не потерять?

Чтобы «замылить» эту очевидную несурязицу, нужна патетика. Причем весьма дурнопахнущая: «Красный зверь требовал крови. Ему нужны были жертвы: царь и еще сто миллионов человек». В начале фильма говорится об этих ста миллионах человек, погибших в России с 1914 по 1953 год.

Но, во-первых, если бы в России погибло столько народу, она бы вообще обезлюдела. Во-вторых, как сообщается в фильме, в их числе – погибшие в Первую мировую войну. Их кто погубил? «Красный зверь»? Или все же Николай II как политический лидер и Верховный Главнокомандующий? А также вся совокупная белая элита?

Ну, может быть, их погубил германский рейхсвер. Так это он «красный зверь»? И вообще, зачем создатели фильма ко всему этому приплели какого-то «красного зверя»? Где не только вкус, но и чувство меры, понимание политической целесообразности, наконец? В 2008 году в Российской Федерации к красным относятся с симпатией больше половины электората. А говорят зачем-то о «красном звере». Реакцию просчитывают? Про «красного зверя» говорит государственный канал. То есть власть. Ну, не будет после этого избиратель голосовать за эту власть. Рухнет зыбкое «путинское большинство».

ЗАДАЧА-ТО В ЧЕМ? В ТОМ, ЧТОБЫ ОТТОЛКНУТЬ ОТ ВЛАСТИ РЕАЛЬНЫХ ГРАЖДАН С ИХ ПРЕДПОЧТЕНИЯМИ? ИЛИ В ТОМ, ЧТОБЫ ОБЕСПЕЧИТЬ ПОДДЕРЖКУ ВЛАСТИ ЭТИМИ ГРАЖДАНАМИ?

ИЗМЕНИТЬ В 2008 ГОДУ МЕНТАЛИТЕТ ЧЕЛОВЕКА С НЕОСОВЕТСКИМИ СИМПАТИЯМИ С ПОМОЩЬЮ РАЗГОВОРОВ О «КРАСНОМ ЗВЕРЕ» НЕЛЬЗЯ. А ВОТ ОТТОЛКНУТЬ ЕГО С ПОМОЩЬЮ ТАКИХ РАЗГОВОРОВ – РАЗ ПЛЮНУТЬ.

Политическая система Путина, унаследованная Медведевым, основана на том, что власть может забрать неосоветский электорат у Зюганова, благо Зюганов его с легкостью отдает. Для того, чтобы забрать этот электорат, власть создает поливалентную патриотическую идеологию. Создав ее и забрав электорат, власть обеспечивает за счет этого какую-то стабильность.

ЧТО ДЕЛАЕТСЯ ТЕПЕРЬ? РАЗВАЛИВАЕТСЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА, СОЗДАННАЯ С ТАКИМ ТРУДОМ? НО ЭТО И ЕСТЬ «ПЕРЕСТРОЙКА-2»!

Кому-то хочется говорить про «красного зверя»? Ну, пусть бы говорили по Интернету, фильмы снимали и в кино показывали, на частных телеканалах самовыражались. А на государственных телеканалах, казалось бы, надо решать политическую задачу – укреплять систему. А также уважать всех своих сограждан – и тех, и других. В противном случае – «перестройка-2». Так, может, к ней и ведут?

А тут еще тема ритуальности в убийстве царской семьи! Мама родная! На месте власти (такой, которая есть) я бы отер холодный пот. Чьи ритуалы, какие ритуальные убийства? Зачем это все сооружали агитпроп Белой армии в ходе гражданской войны, эмиграция в ходе борьбы с СССР и так далее – понятно. Естественно, говорились – чьи убийства и что за ритуалы. Зритель, кстати, не дурак, и это в книгах и газетах давно прочел. Телевидение договорить до конца не может. Но говорит достаточно для того, чтобы запустить абсолютно ненужный власти процесс. «Перестройка-2»?

Банку с головой Николая видели в Кремле... Кто видел? Ну, предположим, что зритель поверит. Он, конечно, не поверит, потому что он ничему не верит. И самоопределяется в соответствии с тем, к какому из обрывков разорванного общества принадлежит. Консенсуса и вообще-то нет, а такие «заходы» истребляют даже его возможность.

Кроме того, немедленно вводится не только еврейская, но и масонская тема. Это только совсем диким людям кажется, что одно равно другому. Остальные знают, что весь царский двор баловался ритуалами и состоял в масонских ложах. И это подтверждено не чими-то сплетнями, а архивными данными. Ошалевшая царская контрразведка растерянно спрашивала, как бороться с парapolитическими структурами в ситуации, когда начинаешь бороться – и обнаруживаешь, что все концы уходят в Зимний дворец?.. Что, не сетовала по этому поводу контрразведка?

Непонятно, (а) что с этим собираются делать сами белые, коль скоро шила в мешке не утаить, и (б) на кой ляд это все нужно нынешней власти?

Если Роман Аркадьевич Абрамович, предвидя фильм про ритуалы и головы, мудро сошел с чукотского пьедестала, то ведь многие другие остались на своих – как экономических, так и политических – пьедесталах. Совокупная цена их пребывания на пьедесталах составляет, по самым скромным оценкам, несколько сот миллиардов долларов. Им так хочется потерять эти суммы вместе с головами, над которыми будут осуществляться альтернативные «ритуалы возмездия»? Им так уже не дороги не только их личные счета, но и жизни близких? Они во что играют и почему так заигрываются?

Но главное все же – народ, электорат, политическая система. Ишь ты, «красный зверь»! Чай, не в 1988 году находимся! Для 60 процентов, а то и больше это никакой не «красный зверь», а великая страна и священная история. Хотите, чтобы было не 60 процентов, а 75? Чаше говорите про «красного зверя». И что-нибудь еще этакое исполните в некрофильском духе, пожалуйста. Но вернемся к нашей теленеделе.

Вечером 17 июля, в 90-летие со дня расстрела царской семьи, три телеканала – Первый, «Россия» и НТВ – поставили в сетку документальные фильмы о расстреле. На канале НТВ фильм почему-то не вышел. На Первом канале был показан фильм Эдуарда Радзинского «Последняя ночь последнего императора».

И опять – чехарда с ритуальным убийством. Она осуществляется чуть более аккуратно, но в том же ключе. Мол, есть много версий, говорит Эдуард Радзинский. Что убийство совершили садисты... Что убийство совершили евреи... Что это было ритуальное убийство...

В сознании контингента, готового нечто подобное воспринять (а иной контингент просто плюнет и разотрет), нет разных версий. Есть одна уверенность – «ритуальное убийство совершили евреи-садисты». В противном случае надо говорить, чьи ритуалы. И показывать оперативную телесъемку, сопровождая ее показаниями культурологов, профессионально занимающихся садистскими ритуалами.

Ну, хорошо. Предположим, что были какие-то ритуалы – и что? Это интересно для историка. Хотя настоящий историк потребует настоящих же доказательств. А они, как я уже показал, сегодня в принципе достаточно проблематичны.

Но там, где оперируют доказательствами, рассматривают все «за» и все «против». Одна версия, другая... Обвинитель, защитник...

Сейчас же НЕТ ДАЖЕ ПОПЫТКИ, ПУСТЬ БЫ И ЛУКАВОЙ, ВЫСЛУШАТЬ ДРУГУЮ СТОРОНУ, ПОЗВОЛИТЬ ЕЙ ВЫСКАЗАТЬ АЛЬТЕРНАТИВНУЮ ТОЧКУ ЗРЕНИЯ. Раньше это право предоставляли Шандыбину. Но теперь мы лишены и такого удовольствия.

Игра в одни ворота... Омерзительный перестроечно-репрессивный стиль, не имеющий ничего общего с тем, что можно назвать нормами приличного поведения. Но этот стиль не имеет также ничего общего с политической целесообразностью. Хотя бы самой циничной.

Даже Геринг, выступая на абсолютно сфабрикованном процессе по поводу поджога рейхстага, нуждался в Георгии Димитрове, который должен был высказывать альтернативную точку зрения. Казалось бы, власть была взята. Общество поставлено под контроль. Не было никакой рыхлости, была абсолютная кровавая, злая воля. Но даже эта воля, понимавшая, что она может сфабриковать все, что угодно, из элементарной политической целесообразности нуждалась в том, чтобы были представлены альтернативные точки зрения.

Но тут-то других обвиняют в тоталитаризме! Других! Сами же называют себя демократами и играют по вопиюще

антидемократическим правилам. Что, на Нюрнбергском процессе (вновь и вновь буду подчеркивать, что параллель для меня омерзительна) судопроизводство велось заочно? Обвиняемым не давали слова? У них не было адвокатов? А ведь речь шла о военном процессе, следовавшем за абсолютным разгромом страны.

Вы что, уже страну разгромили? И, разгромив, освободились от самых элементарных приличий? Вы уже двадцать лет эти приличия не соблюдаете и двадцать лет говорите о том, какие вы приличные люди.

И что самое поразительное – нет мощной реакции отвращения на этот факт разнузданной игры в одни ворота. Ни здесь нет этой реакции у людей, которые могли бы сохранить в себе остатки этого самого правового демократического сознания, а также какие-то реликты представлений о порядочности и нормах дискуссии. Ни на Западе этой реакции нет. Как же все-таки кому-то необходима эта разнузданная, односторонняя, циничная, неприличная травля! Как же бояться противника, который вроде повержен и растоптан! Как же мутит голову страх! Как вибрирует внутри мелкая трусливая ненависть, этот Танатос перестройки! Ну, давайте-давайте, добьетесь противоположного результата...

«Из народа, как из древа, или икона, или дубина, в зависимости оттого, кто обрабатывает – Сергей Радонежский или Емельян Пугачев», – цитирует Радзинский Бунина. Это таким способом у нас нынче икону сооружают?

На 23.05 того же 17 июля по НТВ был заявлен документальный фильм Д.Штоколова «Призраки дома Романовых». Показан не был. Судя по аннотации, автор, видимо, уже настолько «перебрал» по части всего сразу, что фильм отменили. Но аннотацию оставили. И там... Заговор масонов, проблематичность останков, найденных под Екатеринбургом, охрана Гитлером наследника российского престола... Кто-то в последний момент, видимо, обрел минимальную вменяемость. Но, знаете ли... когда аннотация есть, а фильм не показывают, то это круче, чем просто показать фильм.

Я прошу читателя внимательно сопоставить микрокосм Ципко, с которого я начал, и этот телевизионный макрокосм, которым нас так порадовали. А после этого задать себе вопрос, возможна ли «белая перестройка–2» (не белая модернизация, не белая диктатура даже, а «белая перестройка–2»)? И, как минимум, признать, что не на отдельном микроявлении я строю некую аналитику и прогностику.

Между тем дело не сводилось к фильмам, хотя и их было бы достаточно. Творческий порыв сопровождал и аранжировал что-то вроде порыва политического. И это надо рассмотреть с предельным вниманием.

1 июля 2008 года в храме Христа Спасителя открывается выставка, посвященная убийству царской семьи. Среди экспонатов – штык-нож, которым командир отряда Петр Ермаков добил княжну Анастасию... Записка с требованием выдать 170 литров серной кислоты для уничтожения тел... Скажут: «Ну, выставка и выставка». Так-то оно так...

Однако 9 июля и.о. секретаря по взаимоотношениям церкви и общества Отдела внешних церковных связей Московского патриархата священник Георгий Рябых заявляет о том, что «осуждение коммунизма было начато в 1990-е годы, но так и не было доведено до конца». Рябых предлагает свою программу дебольшевизации. **ПОЛИТИЧЕСКУЮ ПРОГРАММУ!** Официальное церковное лицо переходит грань между «цесаревым» и «божьем». И еще как! Рябых не осуждает злодеев морально. Он берет за рога политического быка. Он требует не только покаяния, демонтажа памятников кровавым вождям, демонтажа кладбища у Кремлевской стены, но и (внимание!) **ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ ВЫСШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТЬЮ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**. Рябых прямо говорит: *«Это оценка нужна, и она должна быть выражена в публичных действиях и заявлениях. Осуждение преступления и общегосударственное признание подвига царской семьи противодействовало бы любой РЕМИССИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ НАСТРОЕНИЙ В НАЦИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ»*. Хочет сказать «ренессансу», а говорит чушь. Лат. remissio – уменьшение, ослабление.

Не установление истины нужно, а «противодействие ремиссии», слышите? Так прямо не говорили даже во времена «перестройки–1».

14 июля член Синодальной комиссии по канонизации протоиерей Георгий Митрофанов заявляет Интерфаксу: *«Мы и так уже чрезвычайно опоздали с процессом декоммунизации нашей страны. Мы оказались в двусмысленном положении: русский народ, главная жертва коммунизма в мировой истории, ведет себя по существу как народ, ощущающий свою духовно-историческую преемственность по отношению к этому режиму. Как будто всех по-прежнему пытаются убедить, что русский – это коммунист, а самый последовательный коммунист – это именно русский. Это кощунство, когда жертва отождествляется с палачом»*.

Итак, мы (ваш покорный слуга, например, и множество других людей) с уважением относимся (и, что бы ни случилось, будем относиться) к чувствам определенной части наших сограждан. Но представители той части наших сограждан, чье мнение мы уважаем, но не разделяем, не хотят относиться аналогичным образом к нашим чувствам. И им плевать на то, какой процент их сограждан не разделяет их чувств. Для них это не сограждане, а враги.

Митрофанов сетует на то, что народ, видите ли, ощущает «духовно-историческую преемственность» по отношению к советскому режиму... Ну, ощущает он, и что? Это же твой народ! Твой! Задумайся, почему он ощущает преемственность? Уважай эти его ощущения! В 1917 году уже «донеужажались». Извлекай уроки. Хочешь изменить общественное сознание? Меняй действительность, ибо общественное сознание корнями уходит в нее, и только в нее.

Но нет! Уверены, что все это – от лукавого. И что нужно поторопиться с декоммунизацией. То есть с «перестройкой–2». Ведь фраза Митрофанова о том, что «мы и так уже чрезвычайно опоздали с процессом декоммунизации нашей страны», по сути совершенно тождественна фразе Рябых о «противодействии ремиссии революционных настроений».

Как противодействовать? Оскорбляя народное чувство? Каким способом, кроме насильственного, можно исправить то, что Митрофанов назвал «двусмысленным положением»? Ведь большинство электората неосоветское. А если даже и не большинство, а существенная часть? Что делать? Убедиться, что высший рейтинг – у Сталина, и начать подкручивать рейтинги так, чтобы все помирилось от хохота?

Итак, 9 июля Рябых, 14 июля Митрофанов и... 14 же июля еще одно официальное лицо, глава Издательского совета Московского патриархата протоиерей Владимир Силовьев, говорит в интервью Интерфаксу: *«Чем раньше уберут мавзолей с*

Красной площади и имена преступников с названий улиц и городов, тем лучше будет для народа». Он также напоминает, что к 90-летию убийства царской семьи «так и не дана оценка – ни Думой, ни правительством, ни народом». Вновь перейдена грань между «цесаревым» и «божьем». При том, что эту грань православная Церковь соблюдать умела всегда.

Силунов заявляет: «Как в свое время был осужден фашизм как человеконенавистнический режим, так же должен быть осужден и коммунизм. Думаю, к этому мы придем в более или менее близкое время, этот процесс неизбежен». «Мы» – это кто? Силунов уже ощущает себя инструктором всесильной ЦК КПСС, проводящей государственную политику? Так сказать, новым Ципко при новом Яковлеве?

В тот же день к хору, вызывающему к российской власти, присоединяется диакон Андрей Кураев (в таком же интервью Интерфаксу): «Было бы хорошо объявить Российскую Федерацию правопреемницей Российской империи, точнее Российской республики, то есть сказать, что правовое творчество в нашей стране прекратилось с Октябрьским переворотом 1917 года, а все последующие нормативные акты – это акты, принятые диктатурой, хунтой, и современное государство считает их юридически ничтожными». Развивая свою мысль, он предложил на какое-то время объявить действующими законы Российской республики 1917 года «и тут же – скажем, буквально на следующий день после этого объявления – принять пакет законов современной Российской Федерации». Ну, что сказать...

Во-первых, я не имею ничего против того, чтобы объявить Российскую Федерацию правопреемницей Российской империи и тут же заявить соответствующий масштаб претензий (как территориальных, так и историософских).

Во-вторых, Андрей Кураев – умный человек и не хуже меня понимает, что это невозможно. Невозможно политически, социально и иначе.

В-третьих, он должен понимать, что отказ от правопреемства по отношению к СССР создаст для страны абсолютно сокрушительные последствия. Только как правопреемница СССР Российская Федерация входит в Совет Безопасности ООН.

Но к этому все не сводится. Возникнут системные проблемы, вплоть до проблем с ядерным оружием. Возникнут новые вопросы по части компенсаций тем или иным категориям пострадавших. Как минимум, придется отдать Калининградскую область. Она передана СССР по факту победы во Второй мировой войне. В эпоху Российской империи она входила в Германию и называлась Восточная Пруссия. Пролиты мы не получим, а Калининград потеряем.

Но Кураев говорит больше. Он предлагает объявить Российскую Федерацию «правопреемницей Российской империи, точнее Российской республики».

Что такое Российская республика? Это та «февральская лабуда», которая стала расползаться на части на следующий день после обрушения монархии? В этой республике надо будет заново уточнять права территорий, входящих в состав государства? И ради чего все это? Ради чего? Мы откажемся от советского исторического капитала – сами и в одностороннем порядке – и никакого другого капитала взамен не получим? Так это и есть «перестройка-2»!

В-четвертых... Новая Конституция с новым правопреемством как будет приниматься? На референдуме? При неосоветском большинстве? А чем будет обеспечиваться победа? Примерно тем, чем обеспечивается поспешное превышение рейтинга Николая II над рейтингом Сталина? Есть один репрезентативный соцопрос – выборы называется. И этот соцопрос все время показывает, какой у Николая II рейтинг. Был бы у него могучий рейтинг – не было бы гимна на музыку «Союз нерушимый...». Был бы – «Боже царя храни». Ну, что дурака валять!

В-пятых, я хочу знать точную цифру верующих, от лица которых выступает диакон Кураев. Только, пожалуйста, без дутых цифр! Это очень больной вопрос. Но от него никуда не уйти. И диакон Кураев, и другие выступают так, как будто бы они окормляют большинство российского населения. Но это же не просто не так. ЭТО СОВСЕМ НЕ ТАК. Лично я был бы совершенно не против, если бы паства была в десять и даже в двадцать раз больше. Но есть то, что есть. И абсолютно не нужны – вредны и опасны для института – притязания, неадекватные реальности.

В-шестых... Медведев и Путин совместно выдвинули развитие в качестве безусловного приоритета. О каком развитии идет речь? Я знаю два типа развития – проект «Модерн» в классическом буржуазном варианте и его советскую альтернативу. Оставим в стороне советскую альтернативу. Так что насчет Модерна? Нельзя одновременно поднимать знамя Модерна и демонтировать его основные составляющие: отделение церкви от государства, невмешательство церкви в политику и так далее.

Если некто во Франции заявит, например, что нужно отменить все акты «парижской хунты 1789 года» и вернуться к легитимной монархии, то все зависит от статуса этого «некто». Выражает ли он личную позицию (его право)? Или от лица какого-то института призывает к тому, что – в случае обнаружения института, стоящего за высказыванием, – французы назовут антиконституционной деятельностью?

15 июля Интерфакс публикует высказывание священника Георгия Рябых: «Было бы справедливо вернуть на кремлевские башни двуглавых орлов, которые их украшали в течение столетий».

А если представитель католической церкви предложит изменить французский государственный флаг, сказав, что «было бы справедливо»? Или не флаг, а гимн?

17 июля средства массовой информации сообщили, что Всемирный русский народный собор во главе с патриархом Алексием II призвал государство официально осудить убийство царской семьи. Помимо этого, на соборной встрече в Екатеринбурге прозвучало обращение к властям с просьбой реабилитировать Николая II и членов его семьи. Протоиерей Всеволод Чаплин заявил в связи с этим: «Государство, не осудившее преступлений, совершенных против царской семьи, отягощает себя, а в некоторой степени и народ, последствиями этих преступлений. Осуждение государством убийства царской семьи станет актом покаяния нашей страны перед убиенными царственными страстотерпцами».

«Покаяние страны...» «Государство отягощает себя...». Заметим, что речь идет уже не о «преступлениях коммунизма», а о конкретном деле – убийстве царской семьи.

Можно рассуждать, чем буржуазный строй отличается от коммунистического. Но гораздо труднее рассуждать, чем убийство Марии-Антуанетты, ставшее жертвой на алтарь построения буржуазного общества, отличается от убийства Александры Федоровны, ставшего жертвой на алтарь построения советского общества. По большому счету – ничем не

отличается. А если чем-то и отличается, то степенью соучастия народа в одном и другом убийствах. Во французском случае оно было неизмеримо большим. Толпы парижан, которые могли остановить убийство, ликовали по его поводу, рвались окунуть платки в кровь...

Русский же народ ничего подобного не делал и ведасть не ведал об убийстве. Но французское государство не отягощено убийством. А Российская Федерация отягощена. Франция (страна!) не должна каяться. А Россия (опять-таки как страна!) должна каяться. Почему? Потому что царственные жертвы революции 1917 года канонизированы? Этот особый статус придал им авторитетнейший духовный (но духовный, и не более того!) институт – РПЦ. Никто не давил на РПЦ с тем, чтобы этого не произошло. Но почему РПЦ давит на власть, представляющую не православных верующих, а всю нацию? Власть избирали не в храмах, а на избирательных участках.

Всемирный русский народный собор – это общественная организация, в существенной степени находящаяся в орбите РПЦ! Название не должно мутить разум. Если завтра я создам общественную организацию и назову ее «Всенародное вече», то это не значит, что я собрал вече. Во-первых, я собрал не вече, а сто человек (или тысячу). Во-вторых, вече не предусмотрено Конституцией.

Всемирный русский народный собор резко превысил допустимые нормы волеизъявления. Он – по какому-то праву – хочет давить на общенародную власть. А по какому праву? Если есть хоть какое-то право, то оно принадлежит не ему, а тому институту, в орбите которого он находится.

Но есть ли и у него это право? Ведь слишком очевиден тогда переход грани между «кесаревым» и «божьим». Повторяю, речь тогда идет о давлении церкви на власть и государство. Причем о таком давлении, которое убийственно и для власти, и для самого Российского государства.

Власть должна разорвать консенсус с весьма существенной частью своего населения ради того, чтобы удовлетворить другую часть? Любой политолог вам скажет, что следующим шагом на таком пути бывает диктатура. Или же – крушение власти. Государство, уступив, начнет перекраиваться. Ибо оно при таких уступках перестает быть государством Модерна (отделение церкви от государства при уважении государством церкви – главный принцип Модерна).

А каким государством оно тогда становится? И как оно может им стать, не переписав Конституцию? И как можно переписать Конституцию без учета интересов неправославных частей государства, а значит, без нового витка центробежных тенденций?

В любом случае, вдруг заговорили о покаянии страны (видимо, страны-преступницы) – причем массированно и под ПОЛИТИЧЕСКИМ углом зрения. Это случайность?

18 июля на сайте телеканала «Россия» (программа «Вести») появляется интервью, взятое у князя Александра Трубецкого и также посвященное 90-й годовщине расстрела семьи Романовых. Трубецкой говорит: *«Хочется верить, что в России начнут осознать ужас, который постиг ее историю. И что Россия будет приходить к чувству общего покаяния: это чувство, что каждый русский виновен в том, что произошло в истории страны. Первый этап покаяния – это когда Россия будет признавать открыто, что эти события (массовые расстрелы) были. Это и будет покаянием».*

Интервью князя Трубецкого, на мой взгляд, раскрывает всю подоплеку происходящего. Оговорю для вящей корректности, что интервью было размещено лишь на сайте канала «Россия», а в эфир программы «Вести» не вышло. Но разве сайта мало?

Вчитайтесь в текст интервью! Ощутите парадоксальность позиции!

«Ужас постиг историю России...» Но не историю Франции?!

«Чувство общего покаяния...» В каком смысле общего? Нация по-разному относится к событиям. Какое вообще может быть общее покаяние? Это совместимо с христианским персонализмом? На Страшном Суде судить будут нацию? Или каждого по грехам его? Чем виноваты люди, которые не жили в эпоху революции? Тем, что у них одна нация?

В чем виноваты рязанские мужики, которые никаким мыслимым способом не могли узнать, что происходит в Екатеринбурге? Что они должны были делать? Схватить вилы и побежать в Екатеринбург? И в чем они виноваты? В конкретном убийстве? Или в том, что «оскоромились коммунизмом»? Речь-то вроде идет о конкретном убийстве?

Но как можно такое конкретное дело вешать на всех? А те, по поводу чьей судьбы должны в стольких поколениях так мучиться и так каяться, – они ни в чем не виноваты? И нет отдельной избирательной вины элиты (аристократии, клира, дворца, военного руководства)? Нет их вины ни в том ужасе, на фоне которого все начало разворачиваться, ни в самом отречении, ставшем прологом к гибели?

А английское королевское семейство тоже будет каяться вместе с рязанскими мужиками? Оно ведь отказалось принять царскую семью, отказалось спасти ее от гибели, неминуемой в условиях революционной ситуации!

Но главное, конечно, – так называемая монархическая элита. Она знает, что НА НЕЙ КРОВЬ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ. На ней! И весь мир это знает. И что же? Эту кровь надо переложить с себя на русский народ? На несколько поколений этого народа? А самим учить других покаянию так же, как аппаратчики из ЦК учат ненависти к большевизму?

«Каждый русский виновен в том, что произошло в истории страны...» Не слабо! А каждый француз тогда виновен в том, что произошло в истории Франции?

И как все расчерчено! Как в плане строительных работ... «Первый этап покаяния...» Когда есть первый этап, то должны быть следующие...

Я уже говорил о герое фильма Абуладзе «Покаяние», выбросившем труп отца на свалку. Роль этого фильма в «перестройке-1» заслуживает самого пристального внимания. Пока же лишь оговорю, что где перестройка – там и покаяние. Где покаяние – там и перестройка. «Перестройка-1» – «покаяние-1». «Перестройка-2» – «покаяние-2»... И так далее.

Никогда не забуду и не прощу того, как перестроечная тележурналистика показывала лица стариков-ветеранов. Как она, давая суперкрупные планы, смаковала приметы дряхлости. Она делала это так, будто у нее самой нет ни отца, ни дедов. И будто бы она вкусила даосского эликсира бессмертия.

Конечно же, это было, в том числе, и средством ведения идеологической борьбы. Но не только! Убежден, что не только!

Что перестройщикам нужно было заразить манипулируемые массы Танатосом.

То же самое происходит теперь.

Одно дело – беречь память усопших... Вглядываться в старые фотографии... Так соприкасаются с жизнью любимых, как бы воскрешая в памяти эту жизнь.

Совсем другое дело – навязчиво окунаться в буквальность останков, тления, праха. Это некрофилия. Где перестройка с ее Танатосом – там и некрофилия. Не зря в этом самом фильме «Покаяние» так подробно и детально погружают зрителя в стихию гниения, трупные сюжеты и «запахи».

То же самое, увы, происходит вокруг столь активно раскручиваемой сейчас темы убийства царской семьи. Останки... Кости... Экспертизы... Вот эта косточка – она чья? Она точно принадлежит мальчику? Или – девочке?

Понятно, что для судмедэксперта или патологоанатома такой подход – норма профессии. Но почему надо устраивать по телевизору прозекторскую на всю страну? Причем с некоторыми очевидными элементами смакования?

Я могу представить себе, что подобный стиль, сильно смахивающий на постмодернистские инсталляции, просто нравится его конкретным создателям. Но вряд ли к этому можно свести и информационный шторм по поводу убийства царской семьи, и его некрофильскую составляющую. Речь идет о масштабной спецоперации «Танатос», с помощью которой хотят решить определенные политические задачи.

Этим штурмом (и всей совокупностью очень опасных для страны и власти «покаянных» политических новаций), видимо, хотят заменить то необходимое, что слишком трудно осуществить. Обеспечение реальной стабильности и, тем более, сочетание стабильности и развития. Консенсус развития не нужен. Его активно не хотят и подменяют другим. За этим стоят самые разные, в том числе и вполне банальные, интересы. Начнись развитие – ему надо соответствовать. Или покидать историческую сцену. Проблема носит и классовый, и групповой характер.

Класс уже однажды решил ее определенным способом. Он не захотел соответствовать и отказался отдавать власть. Решение этой двуединой задачи потребовало от него демонтажа СССР и обрушения РФ в социальный регресс. Если класс в очередной раз откажется и соответствовать целям развития, и отдавать власть, он снова займется демонтажем и обрушением. Это и будет «перестройка-2».

Но речь идет не только о классе. Речь идет об интеллектуально-сервисной группе. Назовем ее активом.

Заявлена тема развития. Надо хотя бы начать говорить о развитии. Но актив говорить не может. Он в этом ничего не понимает, ему это скучно, тошно. Он видит в этом какой-то, знаете ли, даже подвох. Все, что актив может, это закатывать истерики, устраивать шоки, выкапывать и закапывать трупы, осквернять память жертв и так далее. В этом он дока. Его этому учили. Ему это нравится. Актив, как и класс, не хочет уходить с исторической сцены. А значит, он должен подменить разговор о развитии разговором о негодях (красных и прочих), дурными морализациями и так далее. Что он и пытается сделать.

Актив подталкивает класс, угадывая его сомнения, а класс стимулирует актив. Так было двадцать лет назад. И что-то сходное хочет повториться теперь.

У такого повтора должна быть фокусировка. Фокусом делают тему убийства царской семьи. Это, что называется, видно без очков. Ну что ж, не мы призвали к фокусировке на этой – очень непростой и весьма деликатной – теме. Но раз уж кто-то пытается использовать именно такую фокусировку, то отказаться от дискуссии мы просто не имеем права. Надо только попытаться, чтобы дискуссия носила минимально конфронтационный характер.

Начну с рассмотрения политической логики и вытекающего из него прогноза развития политической ситуации. Предположим, что раскрутка темы убийства царской семьи возобладает. Что дальше? Следом за этой раскруткой с ее надрывной морализацией (убиенные дети, убийцы с окровавленными руками, мерзавцы, творящие тайные ритуалы, и так далее), нужна эксгумация трупов в духе «Покаяния-2». То есть вынос Ленина из Мавзолея, демонтаж некрополя у Кремлевской стены и так далее.

Это актив умеет. Рассказать о белом проекте развития он не может. Выдвинуть концепцию будущего не может. А жонглировать трупами – «силь ву пле». Отжонглировали... Что дальше? Каков следующий этап покаяния, если я правильно понимаю замысел князя Трубецкого?

Понятно, что Ленин – не «кровавый палач» (или, точнее, ничуть не более кровавый, чем Кромвель или Робеспьер), а **ОСНОВАТЕЛЬ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА**. Если до конца сплясать на костях Ленина и Сталина (а предлагается именно это), то неминуемо возникнут как уже обсужденные мною проблемы с советской правопреемственностью, так и острейшие проблемы собственно политического характера.

НАЧНЕТСЯ ПОЛИТИЧЕСКИЙ – И ИМЕННО ПОЛИТИЧЕСКИЙ – КРИЗИС, ПРИЧЕМ ЖЕСТОЧАЙШИЙ.

Ведь действие рождает противодействие... Власть отпадает от осуществленного Путиным зыбкого идеологического синтеза? Тогда электорат отпадает от власти.

Путинское большинство испаряется.

Власть оказывается в изоляции от большинства и в объятиях «белой группы».

Большинство начинает наседать.

«Белая группа» требует для самосохранения диктатуры.

Перед началом этой диктатуры политические лидеры (Путин и Медведев) должны исчезнуть со сцены, как виновники дестабилизации.

Появляются новые фигуры.

Невозможность их легитимации порождает декоративный, но не лишенный кровавости режим. Режим быстро выходит из берегов.

Возникает не большая, как кажется, а значительно меньшая международная легитимация.

Режим становится еще жестче. Это называется «галопирующее ужесточение».

Нарастает и ответное ожесточение – и вне, и внутри страны.

Режим разваливается.

Россия исчезает с исторической сцены.

Кто-то думает, что события будут развиваться иначе? ГКЧП тоже думал («да в суп попал»). Кому-то хочется, чтобы противник попал в очередной «суп»? Однако в «суп» попадет не только противник, но и народ. И если мы этого не хотим, а это запускают, в том числе используя тему убийства царской семьи, то придется, обсуждая развитие, заняться еще и (по возможности, кратким) рассмотрением этого убийства.

Во-первых, потому, что мы и перспективы, связанные с развитием, обсуждаем политически (то есть предполагая, что развитие могут превратить в свою противоположность, «перестройку-2»).

Во-вторых, потому, что если это все начнется, то реального развития не будет и в помине. А будет, напротив, очередной регресс. И все это как раз под регресс и сооружается.

В-третьих, потому что есть некая связь между дайной исторической тематикой и тем, что входит в понятие «стратегия развития».

Начну все-таки с того, что в Российской империи были самые разные силы, понимавшие, что развивать империю можно. Причем делать это надо жестко, мобилизационно и вопреки разного рода элитным играм. Эти силы существовали и в армии, и в тогдашних спецслужбах, и в интеллектуальной среде империи. Чаще всего упоминают в связи с этим программы Маниковского и Главного Артиллерийского управления российской армии. Но это только верхушка айсберга. Было множество проектов, которые могли бы спасти все, о чем мы запоздало плачем: и жертв гражданской войны, и царскую семью, и жертв коллективизации, и жертв 1937 года.

Нужно было только суметь мобилизовать имперскую систему на развитие. Не на стабилизацию, не на спокойные десятилетия, которые грезилась Столыпину и которых не могло быть, а на развитие. Были люди, были структуры, были разработанные проекты. Чего не было? Не было ВОЛИ – политической адекватности лидеров и готовности правящего класса (элитных групп) соответствовать требованиям истории.

А когда нет такой ВОЛИ, то ужасная штука под названием «революция» становится фактически неотвратимой. Если группы и классы, лидеры и системы не могут соответствовать, то их безжалостно устраняют, потому что в противном случае погибнет народ. В этом высшая и неотменимая революционная правда. Страшная правда, но правда. Да, надо сделать все, чтобы избежать революции. Но если революция становится неизбежной, то она лучше, чем гибель нации.

УПРЯМАЯ ТУПОСТЬ ПРАВЯЩЕГО КЛАССА И ЕГО ВОЖДЕЙ – ОНА И ТОЛЬКО ОНА – ОБРЕКАЕТ НАРОДЫ НА РЕВОЛЮЦИИ.

Революция – жестокая сила, вырывающая народ из сладких объятий Танатоса. Ромен Роллан, Че Гевара, многие другие настаивали на том, что революция – это не ненависть, а любовь. Странно, что такой весьма авторитетный подход, такая философско-историческая традиция, насчитывающая уже столетие, находится вне поля зрения сегодняшних борцов с революционностью как таковой. Но, увы, это так. Да что там эти борцы! Даже КПРФ заговорила, как мы помним, о неких странных «лимитах на революцию».

Но что же борцы с революционностью? Они хотят отменить ЛЮБЫЕ революции? Буржуазные тоже? А заодно и национально-освободительные, антифеодальные? Опираясь на какую философию, какую систему ценностей можно это сделать? Понятно, что речь идет не о философии Модерна и не о ценностях Модерна. То есть не о том, что породило и современных западных либералов, и современных же западных консерваторов. Но тогда о чем же речь? А что, если речь идет о какой-то новой и исторически беспрецедентной легитимации НЕРАЗВИТИЯ как такового через разговоры о «кровавых преступлениях революции» и о «лимитах на революцию»?

Не хотите революции? Осуществляйте развитие, а не топчитесь на месте!

Повторяю – и Главное Артиллерийское управление, и Военная разведка империи, и другие структуры имели – возможно – спасительные планы, выполнение каковых предотвратило бы революцию с ее кровавыми эксцессами, включая убийство царской семьи.

Но планы эти остались на бумаге! Кто их оставил на бумаге? Власть! Ее косность, скованность борьбою элитных групп, историческая близорукость суть Причина, Следствие же – Ленин и Сталин. И не надо путать причину и следствие!

Если элита отказывается реализовывать развитие – ее сбрасывают. Таков всемирно-исторический закон. Наверное, его можно попытаться отменить. Не в этом ли задача глобализации? Но вряд ли его можно отменить без того, чтобы сгноить человечество на корню. Может быть, кому-то хочется именно этого?

В любом случае, планы по развитию, положенные под сукно, – это историческая вина господствующего класса. Класса как целого. Это вина как тех, кто был субъектом политической воли, но не проявил ее, так и тех, кто, не будучи субъектом политической воли, входил в господствующее «мы», совершившее непростительную ошибку.

Это «мы» называется «династия». Она дает права, но она и взыскует – политически, метафизически и иначе.

Входящий в такое «мы» и ничем не проявивший себя ребенок пользуется огромными преимуществами потому, что он сын царя, а не сын крестьянина. Но он и цену за эти, им лично не заслуженные, преимущества будет платить иную. Дети за отцов не отвечают? Правильно. А наследники за царей отвечают.

Так было всегда и везде. Россия тут не какая-то аномалия. Это норма в эпоху абсолютных монархий, революций и мятежей. Если ты член династии и династия не удержала власть, ты поплаатишься.

Первый и основной вопрос состоит в том, почему власть не была удержана. А не удержана она была потому, что и в Российской империи место ускорения и прорыва (по Маниковскому или иначе) заняла «перестройка» с ее распутищиной и прочим. Не дав состояться ускорению и прорыву, элита заплатила страшную цену.

Второй вопрос состоит в том, куда делись те наработки по развитию, которые не использовали царь и его элитные группы. Отвечаю, куда. Их-то и использовали Ленин и Сталин (точнее ВКП(б) в целом). Они были молоды, решительны, свободны от

устоявшихся предрассудков. Кто бы что бы ни говорил – достаточно образованны. Они подняли архивы, в которых мертвым грузом лежали предложения по развитию. И пустили в дело, разобравшись, что им нужно и что и в какой последовательности нужно делать. Сделав это, они спасли русский народ и другие народы империи от абсолютного уничтожения во Второй мировой войне, которая все равно бы разразилась. Ибо фашизм нужен был не для борьбы с коммунизмом, а для борьбы с гуманизмом как таковым. Он был запланирован и неотменяем. И он все равно обернулся бы «окончательным решением русского вопроса».

Единственная возможность отменить это решение заключалась в том, чтобы развиваться и не погибнуть. Сделав это, большевики спасли себя и мир. Если бы, повторяю, это сделал царь, было бы в чем-то лучше. По крайней мере, крови было бы очевидным образом меньше. Но царь этого НЕ сделал и поплатился. Он поплатился за свои ошибки, а не пал жертвой чьих-то ритуальных фантазий.

Третий вопрос – о роли в истории этих самых ритуальных фантазий. Когда французская царственная семья (в чем-то похожая на российскую) была казнена, то, как говорят, некто ритуально соприкоснулся с кровью и воскликнул: «Ты отомщен, Жак де Моле!» Речь шла о тамплиерской мести за злодеяния Филиппа Красивого.

В чем тут французский урок нам?

Прежде всего, в том, что во Франции, где это в разных вариантах живописуют, разводят руками и говорят: *«Ну, и что? Ну, был ритуал! Признаем! Ну, были интегрированы в революционный мутный поток какие-то парapolитические силы! Можно долго разбираться, какие. Ну, совпали какие-то парapolитические интересы и интересы истории... Главное-то тут история, а не конспирология. А если даже конспирология имела место – это ничего не меняет. Мы по причине ее наличия вовсе не собираемся отменять "Марсельезу" как государственный гимн».*

Урок и в том, что не бывает игры в одни ворота. Кровавый счет всегда носит двусторонний характер. Грубо говоря, есть кровавый счет РОМАНОВЫХ, а есть кровавый счет К РОМАНОВЫМ. Иначе в истории не бывает.

Кровавый счет к Романовым был много у кого. К Романовым вообще и к последнему царю в частности. Так называемый «красный граф» Игнатев перешел к красным потому, что считал (и, видимо, не без оснований) своего отца убитым по неясной отмашке государя императора. Если же учесть памятьливость элиты, то общий исторический счет к Романовым был огромен. Был и революционный счет. Самый разный. У Анджее Вайды в «Пепле и алмазе» по этому поводу хорошо сказано: «Что ты делал во время восстания?» – «То же, что и все. Стрелял в немцев». – «А теперь в поляков?» – «А вы по воробьям...»

Романовы (включая последних) тоже стреляли. И не по воробьям, а по людям. Если через сто лет у одной стороны сохранился такой мстительный счет, то почему у другой стороны не могло быть счета – как исторического, так и буквального – по кровавым следам того же 1905 года?

Кроме того, Николай II был Верховным Главнокомандующим в одной из самых кровавых войн человеческой истории. Давайте начнем аналогичным образом описывать те жертвы. Ту мясорубку. Те миллионы разлагающихся трупов. Давайте вспомним, о чем шушукались по всем углам (царица, Распутин, немецкое лобби, сдаваемые планы военных сражений). Обсуждалось же это! Однажды – даже на заседании Государственной Думы!

Так что? У семей погибших не было счета к тем, кто своей ординарностью или двусмысленностью нагромождает горы трупов? А почему у них не должно было быть счета? Они не люди, что ли? Было бы очень странно, если бы такого счета не было.

Мой дед, воевавший в «империалистическую», считал, что счет этот был огромен. И что именно он все в итоге и решил. Был ли счет справедлив? Тут до сих пор нет конкретных правдивых ответов. Но ведь существует и великая в своей абсолютной неопровержимости правда истории!

Мы победили в войне 1941–1945 годов в условиях, когда против нас была вся захваченная нацистами Европа, а второй фронт открылся поздно. И к тому же был все-таки очевидно вторым.

В войне 1914–1917 годов наш фронт был скорее вторым, хотя и очень важным. И англичане, и французы несли немеренные потери и воевали отчаянно. Против нас была не Европа и не тоталитарный фашистский режим, а две страны – Германия и Австро-Венгрия. Мы проиграли тогда. И отвечает за проигрыш лидер. А также господствующий класс.

Отнять у Сталина лавры победы невозможно. Как нельзя и игнорировать то, что Николай II приведенному военному, политическому, а значит, и историческому результату.

Так все же как надо относиться к трагедии царской семьи? Должны ли мы оплакать людей, которых казнили столь свирепым образом? Безусловно, должны. Не станем же мы воспевать казнь, тем более казнь детей! Нужно ли возносить казненных на духовный пьедестал (что уже сделала РПЦ)? Это дело РПЦ. Ей виднее. Я никогда не вмешивался ни в один спорный вопрос, который как-то задевал Русскую Православную Церковь. Потому что Церковь все-таки хранит хоть какие-то исторические традиции и хоть как-то поддерживает моральный дух в весьма проблематичном российском обществе.

Я готов бесконечно благодарить любого, сколь угодно далекого от идеи развития священника, если он внушит своей пастве хоть что-нибудь моральное. Если он в чьем-то сознании проведет какую-нибудь грань между добром и злом. Если он как-то будет противостоять нарастающей криминализации, одичанию, бесконечному духу наживы и стяжательства.

Но, даже если он не будет этого делать, я все равно ничего не скажу – хотя бы потому, что это не мое дело. Пусть говорят те, кто находится внутри системы. Диомид или кто-то еще. Я буду следить за этой дискуссией без всякого злорадства и искренне надеясь, что победит дух, способный сохранить Церковь как одну из каркасных государственных конструкций. Как нельзя было при любом отношении к КПСС воевать против нее в конце 80-х годов (поскольку было слишком ясно, что это обернется крахом страны), так нельзя сейчас воевать против РПЦ, слишком сильно связанной с устойчивостью российского государства.

Церковь решила возвести царскую семью на пьедестал великомученичества? Ее полное право, заслуживающее нашего уважения. Но это религиозный пьедестал. И его надо отличать от пьедестала политического.

Много говорится о сострадании и о примирении. Но исторический опыт неопровержимо показывает, что сострадание

приводит к примирению только тогда, когда оно адресовано всем участникам исторической драмы. Кроме того, политика диктует меру в вопросе о сострадании. Каждый из нас должен сострадать созвучно своей душе. А все мы вместе имеем право сострадать лишь в той степени, которая не является политически губительной.

РОССИЯ – КАК ВСЕ МЫ ВМЕСТЕ – ИМЕЕТ ПРАВО СОСТРАДАТЬ КАЗНЕННЫМ ЦАРСТВЕННЫМ ОСОБАМ НЕ БОЛЕЕ ЧЕМ ФРАНЦИЯ СОСТРАДАЕТ МАРИИ-АНТУАНЕТТЕ, А АНГЛИЯ КАРЛУ I.

РОССИЯ – КАК ВСЕ МЫ ВМЕСТЕ – ИМЕЕТ ПРАВО СОСТРАДАТЬ СВОИМ ЖЕРТВАМ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НЕ БОЛЕЕ ЧЕМ США СОСТРАДАЮТ ЖЕРТВАМ СВОЕЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

В ПРОТИВНОМ СЛУЧАЕ РОССИИ НЕ БУДЕТ.

Если мы нарушим этот принцип, то мы «лохи», а не моральные люди.

Мы идиоты, недостойные заниматься политикой.

Мы глупые рыбешки, клюющие на двусмысленную моральную наживку.

Мы преступники, запускающие новые кровавые разборки якобы ради того, чтобы переосмыслить и переоценить пролитую когда-то кровь.

В этом урок «перестройки–1». Этот страшный урок должен вбить в сознание всех российских политиков одну заповедь: никогда нельзя каяться больше других.

Кто-нибудь отказывается от «Марсельезы» в связи со зверствами Французской революции? Никто! А почему не отказываются? Потому что знают, что в случае такого отказа государство погибнет. И потому там ведут себя взвешенно.

Ну, так и мы будем вести себя взвешенно. **ВЗВЕШЕННО.** Мы не будем потирать руки и повизгивать: «Так им и надо было, коронованным мерзавцам!» Но мы признаем сами (и добьемся признания от других), что многие народы вели себя в революциях весьма и весьма свирепо. Ничуть не менее свирепо, чем народ нашей страны. Конечно, это прискорбно. И что? Мало ли прискорбного содержит в себе жизнь?

Я никоим образом не собираюсь Противопоставлять мораль политике. Но вряд ли кто-то и впрямь считает, что политическая мораль тождественна морали обычной. Что для обычного человека морально, то подчас для политика безответственно.

Мария-Антуанетта и Людовик XVI до конца вели политическую борьбу. Они не хотели сдавать власть. И в этом смысле поступали политически ответственно.

Подписание отречения от престола, которое произошло в России, не имеет мировых precedентов. Оно в чем-то равносильно фантастическому сценарию, в котором Сталин перед Сталинградской битвой подает в отставку по состоянию здоровья, а партия эту отставку принимает. Как известно, положение обязывает. А положение помазанника Божия обязывает особо: кто дал, тот и взял.

Но даже без этого неизываемого сакрального фактора проблема политической морали и ее отличия от морали обычной весьма и весьма болезненна. Как говорят в таких случаях, «хороший человек не профессия». никоим образом не хочу проблематизировать духовную оценку, данную Церковью. Но ведь не может же Церковь или кто-либо другой не ощущать, что речь идет не только о духовном, но и о политическом лидере. А значит, кроме духовной оценки, обязательно должна существовать и оценка политическая. В противном случае, не надо ни той, ни другой оценки. Нельзя выводить политическую оценку из духовной. Духовная оценка может быть экстремально позитивной, а политическая – экстремально негативной.

Справился ли Николай II с ролью Верховного Главнокомандующего? Вопрос риторический, ибо результат всем известен.

Справился ли он с ролью политического лидера? Вопрос, опять-таки, риторический.

А если лидер не справился с взятой на себя военной и политической ролью, то как можно его избавить от исторической вины, неотделимой от политической ответственности, которая с человеческой моралью находится по понятным причинам в очень непростых отношениях? За то, что Николай II не справился с взятой на себя ролью военного и политического лидера, русский народ заплатил страшную цену. Так кто перед кем должен каяться? Русский народ перед Николаем II? Или наоборот?

Я задам сейчас страшный вопрос: можно ли наращивать прославление Николая II, соединив в этом прославлении духовное и политическое, и не проклясть свой народ, не предать его? Неужели непонятно, к чему стремятся при этом не искренние ревнители белой правды (которую я не разделяю, но уважаю), а подлинные архитекторы такого далеко идущего начинания? Они хотят показать (используя имена не буквально, а сугубо метафорически), что Николай II – это как бы Христос, а русский народ – это как бы Иуда.

Яд этого замысла растворен в приправах и соусах. Но если замысел сработает, то прокляты будут все: повара, официанты и едоки.

А может быть, мы слишком большое значение придаем второстепенным вопросам? Так ли важно, в конце концов, какова будет оценка роли личности Николая II в истории России? «Дела давно минувших дней...» Почему бы не пойти тут на определенные уступки? Кому-то хочется, чтобы эта роль была оценена позитивно. А нам-то, по большому счету, не все ли равно?

Продолжая такую – глубоко порочную по сути, но авторитетную – линию рассуждений, можно сказать: «А так ли важно, где будет лежать Ленин? Какие символы будут находиться над кремлевскими башнями, как будут называться те или иные улицы, где будут захоронены те, кто сейчас покоится у Кремлевской стены? Там ведь разные личности упокоены – как заслуживающие безусловного уважения всех наших сограждан, так и проблематичные для многих».

Общие дискуссии по поводу того, важно это или не слишком, могут длиться бесконечно. Поскольку в эти дискуссии вмонтированы ценности, тут вообще проблематично какое бы то ни было достижение договоренностей. В российском обществе нет реального идеологического консенсуса ни по одной стратегической проблеме. И, уж тем более, по поводу собственной истории. Так может ли в этом вопросе быть какая-то «точка схода»? Может ли быть предъявлена такая политическая очевидность, которая преодолит идеологические противоречия, тонкие различия в подходах к истории,

вкусовые предпочтения, принадлежность к тем или иным «внутренним партиям» и многое другое?

Мне кажется, что подобная очевидность наглядно предъявлена всем нам. И не сегодня. Я уже говорил об этой очевидности. Она называется «Декларация о порабожденных народах». Этот омерзительный документ был принят Конгрессом США в 1959 году, утвержден президентом Эйзенхауэром и превращен в главный инструмент подрыва территориальной целостности СССР. А также в нечто большее. В инструмент такого же подрыва территориальной целостности нынешней Российской Федерации. Поскольку в Декларации говорится об «освобождении от порабощения» Казакии, Идель-Урала (то есть поволжских народов) и других.

Обо всем этом я уже говорил, но вскользь, стремясь не уходить от проблемы развития слишком далеко. А также считая, что речь идет о многократно обсужденной теме. Декларация о порабожденных народах до сих пор не отменена. В ней есть еще одна позиция, которая превосходит по своей подлости и разрушительности все остальное. Дело в том, что русский народ вообще не входит в число народов, «порабоженных коммунизмом». Ну, не входит, и все! Из чего следует сразу несколько совершенно конкретных и беспощадных политических максим.

Во-первых, уже упоминание Казакии, Идель-Урала и прочего лишает русских права на какое-либо вменяемое государство, выходящее за пределы скромного куска Восточно-Европейской равнины. Кстати, о том, что русские и не должны иметь права на другое государство, не раз (вскользь, но красноречиво) проговаривались в прессе высокие представители нынешнего американского политического истеблишмента.

Во-вторых, неупоминание русского народа в числе народов, «порабоженных коммунизмом», означает, что русский народ, в отличие от прочих, не был порабожен коммунизмом, а сам породил это «чудовище», впитал его в каждую пору своего национального тела. И в этом смысле неисправим.

В-третьих, такое «во-вторых» означает, что русские и являются поработителями. Они, а не какой-то там коммунизм! Коммунизм сам по себе – дух (для авторов документа злой, конечно, но дух). Но этот дух нуждается в теле, причем в таком, из которого злой дух изгнать невозможно. Из других национальных тел можно, а из этого – нет.

Соединение этих трех максим означает, что хороший русский – это мертвый русский. И что настоящий враг – конечно, все-таки именно русский народ, а не коммунизм.

Скажут, что я преувеличиваю, возвожу напраслину, страшаю. Но я убежден, что сказать так на самом деле могут только те, кто (а) не читал внимательно эту самую Декларацию и (б) совсем не в курсе того, кто конкретно ее соорудил.

Между тем тут есть полная историческая ясность. Это не тайна за семью печатями. Сооружали данный документ конкретные представители специфических украинских сил. Тех самых сил, которые обобщенно именуются бандеровцами. Доказать это не составляет никакого труда. Фамилии известны. Люди, писавшие Декларацию, гордятся плодами своей работы. Излагать тут детали мне бы не хотелось. Это действительно уведет в сторону. Но я отвечаю за каждое свое слово. Возможно, тема станет настолько острой, что придется посвящать ей отдельное исследование. Но в рамках данного исследования я ограничусь этим минимумом.

Почему для меня так важно установить обобщенно-бандеровский генезис данного документа? Украинский народ, безусловно, является одним из самых близких к русскому, и братство этих народов никогда не может быть поставлено под сомнение. Но веками осуществлялась определенная работа, направленная на создание внутри братского украинского народа такой русофобской субкультуры, рядом с которой любые другие виды русофобии меркнут. В этой субкультуре «москаль» (то есть русский) – это недочеловек. Степень сочности, с которой описывается, НАСКОЛЬКО «москаль» недочеловек, однозначно говорит о том, ради чего нужны подобные описания. Они нужны не только для того, чтобы освободиться от «гнета русских» (весьма проблематичного, по моему мнению), которые якобы погубили Украину. В конце концов, мнения могут быть разными. А исторический счет к русским самодержцам у Украины есть. Как есть и обратный счет. Реальная история не предполагает идиллий.

Но то, что за несколько веков взрастили на украинской почве конфессиональные конкуренты православия, это не идеологическая система, призванная обеспечить национально-освободительную борьбу или конфессиональный прозелитизм. Это нечто совсем другое! Это оружие уничтожения и русских как народа, и русской государственности в любой ее исторически приемлемой ипостаси.

Конфессиональные конкуренты православия, начиная с гения по имени Игнасий Лойола, специализировались на возвращении «крыс, убивающих крыс». И если кому-то кажется, что речь идет только о рецептуре по созданию евреев-антисемитов, то этот «кто-то» глубоко заблуждается. Речь шла и о том, чтобы разжигать вражду между самыми близкими этническими родственниками (в том числе славянскими). При этом считалось, что именно такая вражда будет главным – смертельным и окончательным – оружием.

Декларация о порабожденных народах – смертный приговор русскому народу в его коммунистическом или любом другом облике. Именно таким образом восприняли эту Декларацию отнюдь не только в Кремле. Таким образом ее восприняли и в широчайших слоях русской белогвардейской эмиграции.

Русские, давно работавшие с ЦРУ по широкому кругу вопросов (и, конечно, по вопросу борьбы с коммунизмом), стали криком кричать по поводу Декларации, хорошо понимая, кто, почему и как ее сварганил. Они кричали, что эта Декларация по своим целям абсолютно тождественна нацистскому «окончательному решению русского вопроса» и что они, как русские люди, бок о бок с теми, кто выдвинул Декларацию, работать не могут. В итоге они, конечно, работали. А как иначе, если Декларация стала стратегическим ориентиром американской политики, а люди, о которых идет речь, были и остаются вписаны в эту политику так, что дальше некуда.

И тем не менее отношение к Декларации о порабожденных народах было всегда хоть какой-то, пусть и очень лукавой, демаркационной линией. По одну сторону стояли те, кто хотя бы на словах как-то связывал себя с каким-то – конечно же, глубоко дебольшевизированным – русским вектором. Предполагающим и сохранение дебольшевизированного народа, и существование русского государства. А по другую сторону стояли другие.

Эта – давно очень большая – тема стала еще болезненнее после распада СССР и предъявления миру ельцинской России, отмежевывавшейся от коммунизма. В ответ на это (а также на поднимаемый Козыревым платок госсекретаря США, гарвардских советников Гайдара и Чубайса, «друга Билла» и «друга Бориса» и т.д.), казалось бы, надо было отменить Декларацию о порабощенных народах. Но ее не отменили! Разговор об этом заходил многократно. И каждый раз, холодно глядя в глаза своим – не до конца чуждым русофильству – консультантам, их американские хозяева твердо говорили, что этого не будет. А консультанты понимали, почему этого не будет.

Теперь – о неких важных хронологических нюансах.

Декларация о порабощенных народах, принятая Конгрессом США в 1959 году, обязывает американских президентов ежегодно подписывать специальную «прокламацию о порабощенных народах» и провозглашать третью неделю июля «Неделей порабощенных народов».

На практике президент США обращается к народу с соответствующей прокламацией в конце третьей недели июля и объявляет следующую неделю (в 2008 году это было 20–26 июля) «Неделей порабощенных народов».

То есть было заранее ясно, что 18 июля, перед началом «недели порабощенных народов», Буш озвучит нечто в духе приравнивания коммунизма к нацизму (или, как минимум, в духе категорического осуждения коммунизма). И было столь же ясно, что в России максимальный накал страстей в связи с 90-летием убийства царской семьи придется на дату убийства, 17 июля.

А значит, если в России превратят поминовение последних Романовых в антикоммунистическое радение, то подыграют Бушу, который именно на следующий день переймет эстафету. Ни российские политики (предположим, что и антикоммунистические, почему бы нет?), ни те, кто отвечает за наполнение телепрограмм, ни Русская Православная Церковь это обстоятельство не могли не понимать.

Повторяю, «обращение» Буша «о порабощенных народах» 18 июля 2008 года было абсолютно предсказуемым. Ничего сверхординарного в этом «обращении» не было. Коль скоро американский президент обязан каждый год подписывать такое «обращение», а народы, согласно Декларации, порабощены коммунизмом, то Буш должен что-то оказать об этой порабощенности.

Экстраординарно не «обращение» Буша, а все в совокупности. Вокруг России действительно сжимается какое-то кольцо... Дебольшевизаторская мировая истерика, явно увязываемая с косвенным, но очень напористым «отмыванием» фашизма, наличествует. И мало ли что еще наличествует!

В любом случае, к «обращению» надо было быть готовым. И либо отвечать на него, либо «умываться».

Буш заявил, что «в XX веке зло советского коммунизма и германского фашизма были побеждены и свобода распространилась по миру с появлением новых демократий».

ЧЕМ ПО СУТИ ЭТО ЗАЯВЛЕНИЕ ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ НАШИХ ВНУТРЕННИХ АНТИКОММУНИСТИЧЕСКИХ ДЕМАРШЕЙ? И от того антикоммунистического крещендо, которое закатила РПЦ именно в те самые дни, когда в Америке готовились отметить, как я показал выше, вовсе не избавление от коммунизма, а будущую зачистку и нашего государства, и народа, и Церкви.

26 июля (с задержкой на восемь дней) последовало заявление МИД России, в котором «обращение» Буша оценивается как подпитка «усилий тех, кто в политических корыстных целях стремится сфальсифицировать факты и переписать историю заново. Все это происходит на фоне удивительной толерантности, проявляемой в Соединенных Штатах к тем, кто в ряде европейских стран пытается обелить "своих" приспешников нацистов».

Далее МИД заявляет: «Осуждая злоупотребления властью и неоправданную суровость внутривнутриполитического курса советского режима того времени, мы тем не менее не можем равнодушно отнестись к попыткам уравнивать коммунизм с нацизмом и согласиться с тем, что они были движимы одними и теми же помыслами и устремлениями... Исторические факты неопровержимо свидетельствуют, что именно СССР внес решающий вклад в победу над германским фашизмом. Именно благодаря Советскому Союзу, ратному и трудовому подвигу советских людей Европа спасена от нацистской оккупации и порабощения. Память об этом навсегда сохранится в сердцах благодарных потомков».

Я полностью поддерживаю каждое слово в этом заявлении. И считаю его очень крупным и позитивным событием последнего времени. Но возникает естественный вопрос. Если МИД, а значит, и государство заявляют на весь мир такую позицию в том, что касается не только роли СССР в войне, но и принципиального неравенства двух идеологий – нацистской и коммунистической (которые движимы, согласно заявлению МИДа, разными помыслами и устремлениями), – тогда что значит все, что мне тут пришлось разбирать? Включая вопли по поводу «красных проектов»...

Уж что-что, а графики у нас составлять не разучились. А из графика следовало, что «как только, так сразу». Как только (просто по графику событий) достигнут апогея антибольшевистские радения по поводу 90-летия убийства царской семьи, так сразу настанет время Бушу подхватывать тему и говорить нечто о так называемых порабощительских ужасах коммунизма.

«Обращение» Буша резко и правильно осуждено нашим государством. Но и наша Церковь, и отдельные представители нашей творческой интеллигенции, которым так хочется взять власть в подельники по очередной дебольшевизации народа, – в каком они оказываются положении? Откуда ПО СУТИ (об остальном и думать не хочется) управляется информационная кампания, которую я вынужден разбирать?

Официальная позиция государства и все, что говорится дебольшевизаторами, расходятся...

Официальная позиция Буша и все, что говорится дебольшевизаторами, сходятся...

Государство официально оппонирует позиции Буша.

ТЕМ САМЫМ НАШИ ДЕБОЛЬШЕВИЗАТОРЫ ФАКТИЧЕСКИ ОБЪЕДИНЯЮТСЯ С БУШЕМ ПРОТИВ СВОЕГО ГОСУДАРСТВА, ПОДЫГРЫВАЮТ БУШУ, РАЗМИНАЮТ ДЛЯ НЕГО ТЕМУ.

А теперь рассмотрим, чем это оборачивается в сфере воздействия на общественное сознание.

Время, когда считалось, что в армии вообще не надо заниматься пропагандистско-воспитательной работой, – позади.

Теперь уже все понимают, что этой работой надо заниматься, и занимаются. И как прикажете ей заниматься (а это ведь один из частных, но важных вопросов), если пропагандист должен проводить линию государства, но есть отдельная от этой линии линия церкви? А Церковь тоже работает в войсках.

И что происходит в сознании у воина-христианина? Он должен руководствоваться идеологией, согласно которой параллели между коммунизмом и фашизмом оскверняют его Родину и историю? Или он должен руководствоваться идеологией, согласно которой «что коммунизм, что фашизм», и дебольшевизировать свою душу?

Соединить эти две идеологии в своем сознании он не может. То есть может, но это знаменитая «сшибка по Камерону»! На ней основаны американские инструкции по ведению психологической войны и организации хаоса в сознании солдат противника. На ней были основаны деструктивные действия в рамках «перестройки-1». Церковь в виде нового диссидента и идеологического конкурента государства?! Не слабо!

На месте белых патриотов я хотя бы объяснил другим и себе, чем их позиция отличается от позиции Буша, а также многих иже с ним, с кем они вряд ли хотят находиться по одну сторону баррикад (бандеровцев, прибалтийских фашистов и т.д.).

Мне возражат, что государство не оракул и его противоречивые вердикты – не истина в последней инстанции. Я с этим абсолютно согласен. И меньше всего хотел бы выступать в роли цензора, который ловит за руку всех, кто отошел от очень извилистой и не всегда легко обнаруживаемой «государственной линии».

Церковь должна говорить народу правду. Это долг всех, кто занимается общественным сознанием. В том числе и Церкви. Неся свою правду в массы, она может не сверять эту правду не только с позицией власти, но и с интересами государства. Ибо нет ничего выше правды.

Двусмысленность начинается только тогда, когда, с одной стороны, сама Церковь хочет выступать в роли, сходной с той, которую исполнял секретарь по идеологии ЦК КПСС. А с другой стороны, говорить нечто, не сверяясь ни с интересами государства, ни с позицией других членов Политбюро и Генерального секретаря ЦК КПСС.

Тут – либо-либо. Либо мнение Церкви – это одно из мнений. В этом-то ее счастье отделенности от государства. Ее и общества. Церковь может учительствовать без оглядки на что-либо. А общество – внимать и вырабатывать свою нравственную позицию с учетом мнения авторитетного института, имеющего тысячелетнюю традицию.

Либо – нет отделенности от государства. А ведь сейчас сама Церковь осознанно движется в этом направлении. Но, двигаясь в этом направлении, она не имеет права нечто говорить без оглядки на государственные интересы. А также на международную политику, идеологическую игру и прочее.

Единственное, чего не может быть в природе, – это чтобы одной стороне доставались все плюсы, а другой ничего. Чтобы одна сторона всем все диктовала так, как будто бы она является рупором идеократического государства, и одновременно могла позволить себе свободу от всякой государственной ответственности.

Впрочем, когда я говорю, что этого не может быть в природе, я вывожу из «могущего быть в природе» одно явление – перестройку. Когда идеологический отдел партии, сосредоточивший в себе всю ответственность за государство и монопольные возможности влияния на сознание граждан, решил разгромить, пользуясь этими возможностями, и сознание, и государство.

Так неужели кто-то хочет воспроизвести эту «внеприродную аномалию»? Но если кто-то хочет этого, то кто-то другой может хотеть и обратного. И этот другой не должен подчинять правду интересам государства. Государство, взявшее на вооружение ложь, обречено.

Хотела ли «внеприродная аномалия» двадцатилетней давности подлинной правды? Теперь мы точно знаем, что она этого не хотела. Есть, например, цифры жертв сталинских репрессий, подтвержденные самыми авторитетными международными инстанциями. Это ужасные цифры, но это совсем не те цифры, которыми приводили в шок советское общество перестройщики, взрывая общественное сознание. Так чем они занимались? Раскрытием правды или манипуляцией?

И чем занимаются сегодня те, кто настаивает (причем весьма и весьма активно) на том, что отречение царя Николая II – это ГРЕХ РОССИИ, за который она теперь должна каяться (надеясь на возможность прощения, и не более того)? Это правда или манипуляция?

РАЗВЕ – СПРАШИВАЮ СНОВА И СНОВА – ГРЕХ ОТРЕЧЕНИЯ МОЖЕТ БЫТЬ ЧЬИМ-ЛИБО ГРЕХОМ, КРОМЕ ГРЕХА САМОГО ЦАРЯ НИКОЛАЯ II?

Разве нет священной обязанности монарха-помазанника держать до конца власть, которую легитимным путем и отдать-то невозможно, ибо она сакральна? Держать власть и пасть в борьбе, если на власть посягнули?

У Павла I хватило на это силы духа. Он смог сказать: «Вы можете меня убить, но я умру вашим императором».

В случае Николая II произошло нечто другое.

Мы не должны тревожить тени мертвых и муссировать, что именно произошло. Но мы же не можем делать вид, что этого не произошло. Мы притворимся – нас разбудят другие политики, которые начнут на это указывать.

Нам предлагают обсудить конспирологию убийства царской семьи? Мол, евреи, ритуалы и прочее. Уклоняться? Апеллировать к хорошему тону?

Да, есть сторонники запрещения подобного рода тем. Я с ними КАТЕГОРИЧЕСКИ НЕ СОГЛАСЕН. Все, на чем я настаиваю, это серьезность обсуждения. Тиражируемые легковесные мифы ничего общего с серьезным обсуждением не имеют. Мы обязаны знать правду о своей трагической истории. Но правду, а не эрзац. Правда же требует интеллектуального усилия. Если хотите – разбирательства фундаментального.

Я никоим образом не претендую на то, чтобы осуществить это разбирательство в данном тексте. Но я занимался темой ничуть не менее тех, кто сейчас выносит скороспелые вердикты. У меня есть по этому поводу как открытая, так и закрытая аналитика. Под аналитикой открытой я имею в виду полное и лишенное не критических экстазов осмысление имеющихся опубликованных материалов. Таких материалов много. Их надо собрать. Освоить. Осмыслить. Я эту работу проводил вместе со своими единомышленниками и готов поделиться результатами.

Есть и другие материалы – не опубликованные, находящиеся в разного рода архивах, включая семейные. Тут нужны такт и, опять же, научная осмотрительность. Потому что определенные данные задевают круг вопросов, не лишенных политической актуальности. Отвечать на эти вопросы в полном объеме надо. Но нельзя сделать это без апелляции и к таким неопубликованным данным, и к данным, которые еще более эксклюзивны.

Ответить в полном объеме – не значит вынести вердикт. В таких осмыслениях никогда не может быть сделано никаких окончательных выводов. Все, что можно, это резко продвинуться вперед по отношению к сегодняшним беспомощным претензиям на «раскрытие тайн». Тему надо освобождать от подобного мусора. Но очень осторожно – так, чтобы не выплеснуть с водой ребенка.

Имеющиеся данные позволяют утверждать с достаточной уверенностью, что нынешняя публичная трескотня по поводу тайн убийства царской семьи представляет собой **НАБОР АБСОЛЮТНО НЕСОСТОЯТЕЛЬНЫХ МИФОВ, ПРЕТЕНДУЮЩИХ НА НЕКУЮ БЕСКОМПРОМИССНУЮ ПРАВДУ.**

Все в этой «правде» – ложь. Все – агитационная подтасовка. Подтасовка грубая, нарочито лубочная. И – высказываю робкую надежду – если мы хоть чему-то научились за последние двадцать лет, то с сегодняшним обществом этот номер не пройдет. Ну, если не с обществом, то хотя бы с его мыслящим меньшинством... Может быть, хоть оно не купится на совсем дешевый лубок, приняв его за окончательную правду о своей трагической (и крайне сложной, как все трагическое) истории.

Кому-то больше всего не нравится, что данный лубок (мол, «ритуальное убийство» и прочее) не может не быть антисемитским – лукаво-деликатным или же «по полной программе». А мне больше всего не нравится, что это – лубок. Лубок унижает нацию. Он превращает ее в «коллективного лоха». Дело не в том, что этот лубок кому-то удобен, а кому-то неудобен. Дело в том, что он замазывает всех – и тех, кому он кажется неудобным, и тех, кому он кажется удобным. Шла ведь игра с лубками вокруг Сталина. Доигрались?

Я хотел бы, чтобы думающая часть российского общества попыталась получить ответы на некоторые вопросы. И постараюсь сформулировать эти вопросы. Я не превращаю свои вопросы в скрытые ответы. Ничего никому не навязываю. Просто спрашиваю и искренне надеюсь получить вменяемые ответы. Ответы, а не истерический вой, в котором тонет любое позитивное содержание.

Я задаю эти вопросы не только российской, но и зарубежной аудитории. В том числе и той, которая очевидным образом подпитывает нынешнюю истерику с ее лубками. Неужели этой аудитории не хочется знать правду? Касающуюся, в том числе, и нечужих для нее людей с их и впрямь трагической участью? Или эта аудитория знает правду, а распространяет лубки? Это было бы слишком нечестно, я не хочу в это верить.

Прежде всего, надо понять степень достоверности нетривиальных материалов следователя Соколова. Мне достаточно ясно, что Николай Алексеевич Соколов – человек честный, последовательный, абсолютно белый по своим убеждениям, очень компетентный, смелый и в хорошем смысле слова дотошный. Я абсолютно уверен, что он и впрямь нечто запротоколировал. Однако внутри того, что он запротоколировал, есть как очевидные эпизоды, не требующие особой расшифровки, так и эпизоды, которые надо расшифровывать с применением всего арсенала современных аналитических методов. В том числе и методов контекстуального анализа. Ибо сегодня мы располагаем совсем не тем контекстом, которым располагал Соколов.

К сожалению, такой аналитики пока нет. Ее место занимает конспирология. Однако российская аудитория и с сомнительной конспирологической продукцией знакома лишь выборочно. Она питается выжимками из этой продукции. В результате трагедия превращается в трагифарс, а трагифарс самым оскорбительным для жертв трагедии образом переходит чуть ли не в анекдот, очень напоминающий пресловутое «ереванское радио»: «Правда ли, что Бабалян выиграл сорок тысяч в лотерею?» – «Правда. Но только не Бабалян, а Карапетян, не сорок тысяч, а сорок рублей, не в лотерею, а в преферанс. И не выиграл, а проиграл».

Вообще омерзительно, когда историю твоей страны препарируют, превращая в подобный анекдот. Политически бесконечно опасно, что такой анекдот уже озвучивается гостелевидением и может заполнить его. Что нечто, вызывающее сарказм в международной компетентной аудитории, в России начинают с пафосом тиражировать (мол, и мы доросли до понимания подлинных тайн). Это унижает и нацию, и элиту, и власть. И вызывает крайнее беспокойство. В связи с чем я продолжаю начатое аналитическое вопрошание.

Итак, была ли среди вещей императрицы икона с ее собственноручной надписью «S.I.M.P. The green Dragon. You were absolutely right»? Не только вызывающие сомнения конспирологические изыскания, но и куда более серьезные данные говорят о том, что икона была. Но что означает эта надпись?

Сегодня все уже понимают, что «green Dragon» – это не сообщество мифических сионских мудрецов, а совсем другая организация. Достаточно конкретная и подробно описанная.

Так что царица говорит? Что этот самый «green Dragon» спроектировал ее и ее семьи трагическую судьбу? А также судьбы многих и многих семей (в том числе моих родственников, например, моего деда, погибшего в 1938 году)? В целом – судьбу нашей страны?

Если она говорит это и если ей можно верить (а она, с одной стороны, лицо, обладающее высокой компетенцией, но, с другой стороны, женщина, не лишенная экзальтации и находящаяся в отчаянной ситуации), то при чем тут коммунисты, Юровский и его компания, Ленин, Свердлов и кто-либо еще?

Вы хотите знать, что такое «green Dragon»? Вызовите на собеседование дух Карла Хаусхофера. Можно порекомендовать и более легко реализуемые технологии, в рамках которых вы можете побеседовать с некими вполне живыми конкретными лицами. Но давать такие рекомендации я лично буду только при частных встречах, если сочту нужным.

Следующий вопрос касается инициалов. Что такое «S.I.M.P.»? Справедлива ли имеющаяся расшифровка, согласно которой это означает: «Superior Inconnu Maitre Philip»? Соглашался ли с такой расшифровкой Соколов? По моим данным, да. Но в таком вопросе нет и не бывает окончательной достоверности. Или совместными усилиями все-таки можно вывести этот

вопрос за рамки банальной конспирологии? Ведь методы, позволяющие осуществить выход из слишком уж одиозной сферы, в XXI веке имеются. Почему их не хотят применить?

Следующий вопрос. Если фраза действительно адресована мэтру Филиппу, то это мессидж царицы ЕЕ учителю-мартинисту (уже умершему). О чем предупреждал царицу при жизни мэтр Филипп? О том, что она доверилась некоему очень опасному кругу людей (включающему Распутина, но не сводимому, естественно, к данной незлитной личности)? И что этот ЭЛИТНЫЙ круг ее погубит? Но об этом же, кстати, предупреждал царицу и ученик мэтра Филиппа Папюс, который дольше наблюдал в действии тот самый элитный круг, чью губительную функцию угадал мэтр Филипп.

Итак, что означает «You were absolutely right» («Вы были абсолютно правы»)? Абсолютно правы В ЧЕМ?

В том, что за спиной Распутина стоят весьма серьезные международные элитные группы, а также центры иностранной резидентуры (как японской, так и германской), желающие гибели и царской семьи, и России? И что эти группы погубят царицу? Перед смертью царица признала правоту этого утверждения по поводу губительности данных элитных групп?

Но эти элитные группы уж никак нельзя отождествить с коммунистами. Как нельзя в 2008 году пробавляться шушуканьями о Симановиче. В стране достаточно специалистов, понимающих, что группы, о которых идет речь в версии Филиппа и Папюса, имели (в виде высоких титулов и древних дворянских грамот) стопроцентное алиби от обвинений в причастности к «злым инородческим силам». Ну, так мы будем обсуждать эти «автохтонные» элитные силы, будем анализировать такой бэкграунд? Ведь это важно не только для понимания прошлого России, но и для ответа на вопрос о ее будущем. Ибо люди приходят и уходят, а элитные бэкграунды остаются.

Позволю себе еще один вопрос. Не из конспирологических сплетен, а совсем из других источников я знаю о конфликте Николая Алексеевича Соколова и Николая Дмитриевича Тальберга, белого офицера, мешавшего расследованию Соколова как при Колчаке, так и позже. Должны ли мы разобраться в этом конфликте? Ибо если Соколову и впрямь мешали Тальберг и стоявшие за ним люди, то единственным внятным мотивом для их противодействия были приведенные выше нетривиальные материалы, полученные Соколовым.

Но тогда речь идет о сопричастности Тальберга и тех, кто стоял за ним (а это весьма влиятельные международные аристократические круги, преимущественно немецкие, но и не только), тому, что царица (видимо, не без влияния Филиппа и Папюса) назвала «green Dragon». Подворотня с двумя извилинами может трактовать фамилию Тальберг как еврейскую. Но если у подворотни количество извилин превышает две, то и она уже не может этого делать. А если речь идет вообще не о подворотне, тогда...

Понимаем ли мы, что тогда трагедия, которую поспешно пытаются превратить в истерический лубок, и впрямь оксверняется анекдотом; «Не в лотерею, а в преферанс, и не выиграл, а проиграл»? Ибо место привычных фигур из антисемитских комиксов займут люди с совсем иной «расовой спецификой» и диаметрально противоположной идеологической ориентацией.

Речь идет о конкретных людях, конкретных структурах, конкретном элитном генезисе. Хотим ли мы разобраться в этом серьезно? Если хотим, то разберемся. Может быть, нам понадобится для этого пять лет, а может быть, десять – какая разница? Это история нашей страны, это наша национальная трагедия, и мы обязаны разобраться. Но разобраться! А не шутовски кривляться на глазах ухмыляющейся международной элиты.

Я могу задать еще много подобных вопросов. Но достаточно и тех, которые задал. Задаю их потому, что меня эти сюжеты действительно волнуют. А волнуют ли они тех, кто разыгрывает сегодняшний трагифарс, оксверняющий все на свете? И реальные судьбы, и историю страны, и государство? Да-да, наше нынешнее российское государство.

А вот теперь – совсем немного о тех моих семейных сюжетах, которые почему-то тревожат воображение Александра Сергеевича Ципко.

Как я уже указал ранее, Тальберг входил в некие прогерманские (точнее было бы сказать, остзейские) элитные группы. А также в разного рода организации отнюдь не сионистского, а диаметрально противоположного характера. Часть моих дальних родственников имела причастность к остзейской аристократии и знала ее изнутри. А другая часть родственников ненавидяще шептала, называя остзейские фамилии (Унгерн, Будберг, Тальберг и другие): «Помни, помни эти фамилии. Помни, как только подобная нечисть создает Союз русского народа, империя кончается».

Шептавшие никак не были комиссарами. Они были глубоко воцерковленными людьми с весьма специфическим отношением ко всему советскому. А также людьми, весьма далекими от любого интернационализма. А также людьми, вполне не чуждыми определенным фобиям, которые я никак не разделяю. Но это были вполне адекватные и вполне компетентные люди. Мир праху их. А также праху тех, кто ими назван. Не будем будить злых духов истории. Все, что я хотел сказать и сказал по этому поводу, продиктовано желанием уберечь нынешнее российское думающее меньшинство от ненужной поспешности, которую оно уже проявило двадцать лет тому назад. Уберечь это меньшинство от духовного и интеллектуального Танатоса перестройки.

ВОПРОС О ТОМ, НА КОМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛЕЖИТ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ГИБЕЛЬ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ, КРАЙНЕ НЕПРОСТ. СВОДИТЬ ЕГО К ОБЫЧНОЙ АНТИСЕМИТСКОЙ ПРОПИСИ ГЛУПО, ПОШЛО И НЕДОСТОЙНО.

МЫ ХОТИМ ГЛУБОКОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА? Если хотим – не избежать вопросов весьма болезненных. Болезненных не для народа, хотя и для него тоже, а для тех семей, которые так или иначе позиционировали себя по отношению к династии Романовых в целом и ее отдельным представителям в частности. И нам понадобятся мудрость, сдержанность, терпение, чтобы, проведя такое разбирательство до конца, не взорвать общество. Не породить нечаянно новую распрю, которая воспроизведет не только старую, советскую, но и совсем-совсем старую.

Что абсолютно неприемлемо в таких разбирательствах – так это примитивизм и пошлость. А также желание что-то задеть походя по принципу «слышал звон, да не знает, где он».

Александр Сергеевич Ципко, думаю, абсолютно не понимает, где тот звон, который он когда-то «зарегистрировал». Те, кто понимает больше, хотят все свести к парapolитическим, династийным, элитным «междусобойчикам». К тому, как

поссорились особо элитный «Иван Иванович» с не менее элитным «Иваном Никифоровичем».

На самом же деле, речь идет об исторической судьбе как той нити, которая связывает народ и элиту. Речь идет о России как исторической личности. А потому еще и о метафизической правде.

То есть не о том, кто предал шефов элитных корпораций. А о том, кто предал историю и страну. «Элита для себя» не может даже в умствованиях своих выйти за флажки этого самого «для себя». Ей не понятен сам вопрос, что важнее – Романовы или Россия? Иначе – Россия для Романовых или Романовы для России? Ссылка на особый статус помазанника Божия здесь бессмысленна. Ибо помазанник служит истории. А у истории есть историческое лицо. Помазанник не вообще помазан – он на определенное царство помазан. А царство, как и любое государство, нужно для осуществления исторического предназначения. Субъект которого – народ.

Кроме того, Николай II не был только царем православным. Он был, например, Верховным Главнокомандующим армии, в которой служили, в том числе, и светские люди. Дав Манифест и провозгласив конституционную монархию, царь стал высшим руководителем своих граждан.

Поэтому давайте договоримся все-таки, что не Россия для царя, а царь для России. Что верность – это верность России. Это не династическая, а историческая верность. Конечно, хочется быть верным и тому, и другому. А ЕСЛИ НЕЛЬЗЯ?

Что-то тут я знаю по семейным преданиям. И, как говорится, многие знания умножают скорбь.

Глубоко чуждым всему большевистскому царским офицерам и генералам было ясно, что красным для каких-то их целей сильная Россия и сильная армия все же нужны. Им было ясно также, что сильная Россия и сильная армия никогда не будут функциональным придатком к этим «всемирным» целям. Что заработает, так сказать, положительная обратная связь. Им – после того, что произошло, – было ясно также, что династии и тому элитному политическому субъекту, который реально возглавил антибольшевистское дело, сильная Россия и сильная армия нужны лишь на риторическом уровне.

Ленин подписывал Брестский мир? А Краснов, конечно, ничего не подписывал с теми же немцами... И не грезил об отдельной Казакии... И не говорил сторонникам Добровольческой армии, которые называли его «немецкой проституткой»: «А кто в таком случае вы, если живете у нас на содержании?»

Я не говорю, что в белой среде не было настоящих патриотов. Их там было очень много. Я говорю о том, что в этой среде, и особенно в ее высших стратах, гнездились историческое предательство. Вполне конкретное и документально оформленное. Нынешние белые патриоты любят говорить о Брестском мире. А об этом говорить не хотят. Но так нельзя – нечестно и бесперспективно.

Белая элита (прошу не путать с Белым движением) сначала **предала царскую семью**. Потом она (с остатками династии) **предала Россию**, руководствуясь и мстительным чувством (любой ценой наказать «быдло»), и корыстными интересами (лишь бы вернуть собственность, все остальное вторично), и так называемым комплексом проигравших (мол, Россию мы уже не подыдем, нужно опираться на иноземные силы, нужно быть им полезными, а раз им нужно расчленение страны, то что поделаешь...).

Увы, этот путь (во многом с трагической неизбежностью) был продолжен русской эмиграцией в эпоху так называемой холодной войны. В противном случае как можно было идти рука об руку с силами, соорудившими Декларацию о порабощенных народах? Вроде как и отмежевываться от них, но продолжать общую игру под руководством общих кураторов.

Так кто предал? Красные (не поздние функционеры ЦК, а те, что верили) в итоге державу сохранили, а в каком-то смысле и возвеличили. А белые помогли тем, кто ее в конечном счете разрушил! И почему так патриотично примыкать к этому стану, имея в качестве результата его действий разрушение своей державы?

Мне – и как личности, и как представителю семьи – это совершенно непонятно. Между тем абсолютная очевидность в этом вопросе возникла не в 2008 году, а в 1918-м.

Ленин, видите ли, кому-то хотел продать Крым... А что и кому продала та сторона? Какие договоры она подписала по принципу «власть за территории»? И не является ли наблюдаемое нами сейчас прологом к выполнению тех давних секретных договоренностей?

Так элита для элиты или элита для народа и государства?

Зачем этой элите нужно государство? Чтобы взять реванш? А то и «попилить» напоследок? У них есть миссия? Есть чувство долга перед народом? Или народ для них – «иуда»? А ну, если так?!

Не будет народа без сильного государства российского. Но и государство само по себе – не фетиш. Без народа как субъекта истории (а не будучи субъектом истории, крупный народ распадается на племена и субплеменные региональные группы) нет государства. Поди-ка еще собери такой народ, не имея подлинного исторического драйва! Ну, так и где этот самый драйв?

У большевиков был драйв. И это предполагало хотя бы теоретическую возможность восстановления государства. А у их оппонентов? Исторический драйв нельзя скрыть! Он обнаруживается во всем: в текстах, речах, политических решениях, подходах к тем или иным проблемам. И по факту (был бы драйв – был бы другой результат), и по контенту совершенно ясно, что драйва не было. А на что в условиях распада и коллапса можно рассчитывать, если нет драйва, а значит, и мощной центростремительной силы? Да и вообще... По сути-то, нет драйва – нет государства.

Разрушительный драйв революционеров может превратиться в созидательный драйв новой власти, построенной победившими революционерами. А может и не превратиться. Но нулевой драйв сулит лишь нулевые возможности. «Из ничего и будет ничего».

Я уже говорил о том, что государство – это не аппарат насилия и не средство согласования интересов. Но это средство. И каждый, кто увидит в нем цель, фундаментальным образом ошибется. Повторю еще раз.

ГОСУДАРСТВО – ЭТО СРЕДСТВО, С ПОМОЩЬЮ КОТОРОГО НАРОД ДЛИТ И РАЗВИВАЕТ СВОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ.

Спросят: «А как же малые государства?» Но я ведь не о власти над миром говорю, а об историческом предназначении. И тут в принципе – что малые, что большие. Израиль – малое государство. Но за свое предназначение (как в религиозном, так и в светском смысле) он очень держится. И если бы этого накаленного ощущения предназначенности к чему-то (еще раз – необязательно к завоеванию мира) не было – не построили бы Израиль. Но и Палестина держится за предназначение. Думаю, что все в каком-то смысле держится. Но даже если не все...

Назвался груздем – полезай в кузов. Назвался великим государством – плати. Не бывает приобретений без издержек. Кто-то скажет: «Надоело, не хотим быть великим государством и платить по этим счетам. Хотим жить обычной жизнью, быть обычным государством, а не приносить жертвы на алтарь какого-то там величия».

Что ответить? Что поздно спохватились и не там родились. Отменить историю России невозможно, даже если очень хочется. Умение быть обычным государством достигается отнюдь не сразу. Обычности этой учатся столетиями. Сейчас уже поздно. Идет стремительная концентрация геополитического капитала, параллельная концентрации капитала производственного и финансового. В XXI веке обычные государства будут – прямо или косвенно – поглощены великими.

Да Россия и в принципе не может быть обычным государством. Своими размерами, местоположением, всемирно-исторической ролью, своими подвигами (а если кому-то хочется так оценить, то и преступлениями) она это величие соединила неразрывными связями с каждой клеточкой своего социокультурного тела. Если теперь по этим «проводкам» опять начнут поступать мессиджи по части исторической неполноценности, то она не из величия в обычность перейдет. Она исчезнет, обрушится в бездну такого самоотрицания, из которого уже никогда не выберется.

Так что не говорите нам про нормальную, обычную Россию как альтернативу «патологическому» величию. Для России величие и есть норма. А эта самая «обычность» – патология. И очень скоро призывы стать обычными превратятся в призывы распасться на части во имя желанной «обычности». Но и распавшаяся на части Россия не превратится в совокупность обычных государств. Каждая из частей будет нести в себе свой Танатос...

И что я должен делать? Доказывать, что каждому из осколков «не светят» позитивные перспективы? Что их безжалостно и унижительно подомнут не только восточные, но и западные соседи?.. Но что можно доказать людям, которые готовы отказаться от своего государства? И стоит ли им что-то доказывать? В любом случае, это другая тема.

Я же пишу о связи между развитием и пониманием нашего исторического прошлого.

Сотни раз я говорил оппонентам, что, даже если они готовы принять омерзительную для меня версию о равноценности нацизма и коммунизма, им следует прикинуть, в чем элементарная количественная разница между 12-ю годами нацизма и 72-мя (в конце горбачевского правления говорить о коммунизме смешно) годами коммунистической власти. Это не просто шестикратное увеличение временного срока. Это совсем другое временное качество. А значит, и качество вообще.

Парню, которому до прихода Гитлера было 20 лет, после разгрома Гитлера было 32 года. У этого парня был донацистский социально-культурный опыт. И у него была постнацистская социально-культурная перспектива. Историческую расселину в 12 лет можно было попытаться перепрыгнуть. Опыт показал, что это практически невозможно, что восстановление государственной полноценности (простого воссоединения Германии) немедленно порождает желание спеть «Дойчланд, Дойчланд, юбер алес!» даже у таких осторожных и тотально денацифицированных политиков, как Гельмут Коль. И тем не менее можно было надеяться перепрыгнуть узкую, длиной всего-то в 12 лет, историческую расселину.

Черчилль говорил о Хрущеве как о политике, который хочет перепрыгнуть пропасть в два прыжка. Наши дебольшевики – это люди, которые возжелали перепрыгнуть пропасть в шесть прыжков. То есть это либо крайне неумные люди. Либо люди – опять же крайне – двусмысленные.

У нынешнего поколения граждан России нет никакой естественной связи с так называемым белым (шире – дореволюционным) опытом. Эту связь, конечно, можно отчасти восполнить песнями, фильмами и разного рода «возрожденческими» начинаниями. Но я все время вижу нынешние «институты благородных девиц» и «дворянские собрания» глазами своей бабушки. Я даже толком не могу изложить свое видение на бумаге (для этого нужно не статьи писать, а фильмы снимать). Твардовский написал по другому поводу:

*Смогли б ли мы, оставив их вдали,
Прожить без них в своем отдельном счастье,
Глазами их не видеть их земли
И слухом их не слышать мир отчасти?*

Он писал о погибших в Великой Отечественной войне и нашей трансцендентальной ответственности перед ними. Но разве нет такой же трансцендентальной ответственности перед дворянами, которые ОТТУДА должны видеть дворяно, кривляющуюся под дворян? Где черпают легитимность устроители этих унижительных маскарадов, этих криминальных пародий на тогдашнюю жизнь? Этих плясок на костях нашего бытия и нашей истории?

Монархия, говорите? Какая? Хотите, я вам расскажу, что получится? Прежде всего, учтите, что никто активно сопротивляться не будет. В сегодняшней России вообще активно не сопротивляется никто. Будут ухмыляться. По большей части подлизываться, по меньшей части отстраняться.

Затем понадобится установить, что за монархия. Конституционная или абсолютная... Если конституционная, то это вообще курам на смех. Если абсолютная, то неизбежно кровавая. Тогда нужно будет найти системный актив для пролития крови. Чьей – это отдельный вопрос. Но он не так уж существенен. Актив этот можно найти в стране и за рубежом. Если его искать за рубежом, то это понятно как называется. Это называется иностранная интервенция и полная потеря суверенитета. Потому что «та» элита, конечно, не «замаралась» в коммунизме (и только она и не замаралась). Но она в другом «замаралась», причем не слабо.

Если же речь будет идти об отечественном активе, то он бел по форме и криминально-черен по содержанию. Маску

Деникина наденет на себя резко ухудшенный батька Махно. Потому что исторический батька Махно был не лишен идеологических пристрастий. А нео-Махно будет их лишен полностью.

Разборка же по поводу того, кто «замаран» в коммунизме, а кто «не замаран», будет идти по принципу самораскручивающейся спирали. При этом окажется, что замараны все. Чекисты – безусловно. И если кому-то из них кажется, что они достаточно системно «перековались» и превратились в безудержно православных людей, то им быстро напомнят прошлое. Напомнят и их детям и внукам, кто были отцы и дедушки. РПЦ? Ей припомнят все. И Сталина, и Хрущева, и Брежнева. И сотрудничество с КГБ – как подлинное, так и мнимое.

Начнет она такую самораскрутку – вскоре окажется, что «была у зайца избушка лубяная, а у лисы ледяная»... Что это ей, РПЦ, мнилось, что она поглотит «зарубежников». И при «путинизме» так бы и было. Но в условиях «белой перестройки-2» окажется, что «зарубежники» поглотили ее. Ибо она «замарана», а они белые и пушистые. Выиграет часть амбициозной церковной молодежи, которая хочет завалить «стариков» (это просто на лицах крупными буквами написано). А также те, кто встроился в ряды РПЦ, ожидая, когда можно будет начать разборку по части «преступлений сергианства» и прочих аппетитных вещей.

Действие всегда порождает противодействие. Зачистка всех «замаранных в коммунизме» где-то пойдет легче, а где-то труднее. Центробежные тенденции будут нарастать. Поскольку системного неворующего актива нет, то и воровство будет нарастать.

Наиболее яркие представители криминальной и криминализованной элиты будут получать титулы. Мольеровский «Мещанин во дворянстве»? Его «новотитулованный» герой покажется образцом respectable интеграции в элиту на фоне того гламурно-уголовного фарса, который начнет исполнять так называемая «белая Россия XXI века».

Очень скоро бойкие интеллектуалы, пристроившиеся к этому шабашу, станут обсуждать необходимость нового крепостного права. Приведенный мною выше анекдот, в котором высокое должностное лицо, воспитывая зарвавшихся олигархов, говорит: «Пора и о людях подумать», а олигархи отвечают: «Да-да, душ по триста не мешало бы», – воплотится в жизнь. Продлится это все от полугода до пяти лет. Рухнет по причине тотального саморазложения. Исторический позор будет беспрецедентным. А поскольку все это будет сопровождаться большими амбициями (для здоровых места уже не останется) и разворачиваться в ядерной стране, то мало никому не покажется.

В любом случае, такой разворот событий потребует абсолютного демонтажа существующей системы. Ровно такого же, какой был осуществлен при дебольшевизации-1 в период «перестройки-1». Теперь понадобится демонтаж пугинской системы, которую кто-то называет «чекистской».

Ее собралось использовать для целей развития подобно тому, как хотели использовать советскую систему в начале периода перемен? Ну, так надо учиться на горьком опыте! Тогда это называлось ускорение («ускорение-1»). Теперь, если верить словам о развитии, нужно «ускорение-2». Но если в эту песню так активно вплетается «белый мотив», то какое ускорение? Чего? «Чекистского ужаса»? Какая мобилизация возможностей системы на цели развития? «Ужасная система не мобилизуема! Это антисистема! Хуже, чем та, административная! Надо спасаться! Разрушать систему! Скорей!»

Так было сорвано «ускорение-1» за счет истерической десталинизации, переходящей в такую же дебольшевизацию. Так будет сорвано «ускорение-2» за счет истерик по поводу царской семьи и других сюжетов. Ленина-то вытащат из Мавзолея, звезды снимут (много ума не надо). И даже, может быть, монарха ввезут. Только вдруг окажется, что Россия еще через двадцать лет если и сохранится (а с чего бы это?), то в лаптях. Кто-то скажет: «И слава богу! Каков народ – такова и обувь».

Может быть, теперь скептическому читателю становится яснее, чего ради я стал так придирчиво разбирать откровения Александра Сергеевича Ципко... Может быть, теперь он уловит трупный запах «белой перестройки», этого готовящегося Танатоса-2.

Труп... трупы... В центре очередной «покаянной» темы – политическое некрофильство самого разного рода.

С одной стороны, некрофильство по отношению к красным: взять эти тела и выкинуть туда-то... а эти тела – туда-то... выкопать!.. выкинуть!..

С другой стороны, как я уже говорил, речь идет и о некрофильстве белом (те ли это косточки... те... не те...) Где Танатос, там и особое мироощущение с его прикованностью к буквальности разлагающейся человеческой плоти.

Этот тип мироощущения хорошо разобран в мировой литературе. Он был непревзойденно художественно оформлен в уже упоминавшемся мною фильме «Покаяние». Хочу оговорить, что автор фильма Тенгиз Абуладзе – очень талантливый человек. Но он согласился работать по выверенным политическим лекалам. И отработал. А после этого уже не мог снять ничего. И в этой неспособности есть нечто от метафизического возмездия. Нечто такое, к чему стоило бы приглядеться внимательнее. Однако не хотят приглядеться. Не хотят.

Итак, перестройка и ее мистерия – фильм «Покаяние». Ничего нельзя понять в метафизике явления, не анализируя его мистирию.

Первая ключевая особенность данной мистерии, она же фильм, – особая заикленность на трупе. И не просто на трупе – на трупе отца. Труп выкапывают, хоронят, снова выкапывают, так много раз, и наконец выбрасывают на свалку. Абуладзе в трагифарсовой манере работает с темой, которую человечество затабуировало. С незапамятных времен оно запретило себе фарсы по этому поводу. По поводу смерти – пожалуйста. Идет старуха с косой, ей кто-то дает под зад.... Были такие средневековые жанры. Но чтобы выкапывать... Обнюхивать, ощупывать, закапывать, снова выкапывать...

А как вы думаете, зачем человечество это все затабуировало? Почему так отчуждены от социума какие-нибудь индийские секты, осуществляющие таинства с мертвыми телами на кладбищах? Вы считаете, что у человечества не было к этому фундаментальных оснований? Секты, нарушающие эти основания (табу), выведены из социума... А нация? Нация, которая вдруг занялась растабуированием в духе «Покаяния», не рискует быть выведенной из человечества?

Не сейчас, по прошествии двадцати лет, а тогда же, по горячим следам игры, затеянной Абуладзе (когда рафинированный танатический фильм был рекомендован к кинопрокату по всем колхозам, включая колхозы на кавказских и среднеазиатских

окраинах), я спрашивал себя и других: «При чем тут Запад с его ценностями? Истоки западной культуры – в античной Греции. Ее гении преподавали уроки, которые и легли в основание моральных табу. Великая трагедия Софокла "Антигона" учит тому, что труп (труп Полиника) должен быть похоронен. ПОХОРОНЕН, а не выброшен на свалку».

Вторая ключевая особенность той же мистерии (а значит, и политической метафизики так называемого покаяния) касается уже не «дионисийского» (разнузданная игра с трупом), а, так сказать, «аполлонического» начала. Это начало олицетворяется храмом, к которому приводит дорога покаяния. Выкинул труп отца, отдал его на поругание – и пришел к храму.

Спросят: «А что плохого в храме?» Ничего плохого в храме нет. Можно ли туда прийти после того, как совершил надругательство над трупом отца, – отдельный вопрос. Но главное не в этом. А в том, что храм предстает зрителю (то бишь социуму, жаждущему пути) в виде... торта. Кто не верит – пусть проверит. Посмотрит внимательно финал фильма.

В финале вы должны лицезреть Храм как Торт. Как очень жирный, сладкий, сусальный, бургерский торт. Вы не должны лицезреть ни Реймский собор, ни Шартрский собор, ни церковь Покрова на Нерли, ни кафедральный собор Светицховели. Вы должны лицезреть этот пошлый, жирный, сладкий кремовый храм. И это для режиссера (и курировавшего его «сценариста») невероятно важно.

Совершив своеобразное эксгумационное покаяние, вы можете прийти только в эксгумационный же антихрам. В антихрам погребения. Он знаменует собой эксгумационизм наизнанку. Тот же Тананос, но вид сбоку. Кондитерский крем отдает трупом, лжепричащение – некроаннибализмом.

Лохи, соблазненные дьяволом, надевшим покаянную маску, приходят в вертеп особого, сошедшего с ума оргиастического потребления. А тот, кто привел их туда, хохочет. Разве не это дано нам в нашем сегодня в наказание за наше вчера – за «перестройку-1»? Тошнотворный потребительский крем вместо смысла жизни.

Есть документальный фильм об Ингмаре Бергмане. Очень интересный фильм. Бергман жил один на острове, в доме площадью 56 квадратных метров. В этом доме было все необходимое, включая маленький кинозал. Из этого дома можно было влиять на ход мировой истории больше, чем из гиперроскошных вилл на Антибах... Расскажите об этом взбесившемуся «новому русскому», гордящемуся, что он пьет вино по тридцать тысяч евро бутылка. Он вам скажет, что Бергман... Да что говорить... Сами знаете, что он скажет.

Визги-то по поводу Красного проекта почему начались? О маленьком человеке так хотят позаботиться? О том, чтобы его не обобрали «новые комиссары»? Но его уже обобрали борцы с комиссарами – Гайдар в 1992 году, творцы дефолта в 1998-м. Ему в виде компенсации подбрасывают жалкие подачки. Такие подачки могут его удовлетворить только в одном случае – если он посажен на иглу ИКЕА, как наркоман на героиновую иглу. Он о душе думать не должен. Он не должен развиваться культурно, социально или как-то еще. Он должен хватать потребительский кредит, покупать улучшенный телик и, пялясь в него, видеть себе подобного. А также – «старшего брата по потреблению». «Тебе – ИКЕА, ему – Мальдивы, а мне – самый дорогой дворец в Лондоне. Жалко, Букингемский не продают!»

Так заботятся? Так берут в подельники, так повязывают кровью... И о чем хлопочут-то? Вдруг оказывается, что чуть ли не о душе!

Материалистичность советского человека? Да, было мещанство, которое в конечном счете и продало первородство за чечевичную похлебку. Но даже это мещанство стереглось разнузданности, которая сегодня выходит за все пределы. Даже оно стеснялось сказать, что надо только потреблять и что в этом «только» – высшая правда жизни.

А теперь об этом говорят без тени стеснения! День и ночь, по всем каналам радио и телевидения. В какой стране мира об этом говорят так много и в такой разнузданной интонации? О да, конечно, вы заботитесь о душе! Со времен «Покаяния» и «Интердевочки» вы лишь о ней заботитесь неустанно! И неустанно же ее спасаете от «красного зверя».

Маленький человек...

Посетителя ИКЕА внушают, что хозяева дворцов – его братья по потребительской вере. Эти гламурные братья смотрят на маленького человека как на лоха и шваль. Они относятся к нему с презрением, которое не снилось никаким вандербильтам и морганам.

Это они вдруг спохватились и стали защищать «брата меньшого» от «мясорубок красных проектантов»? Вранье! Они и их информационно-пропагандистский сервис обеспокоены по сути лишь тем, чтобы ничто и никогда не прервало оргии в кремовом «храме имени Потребления». «И дольше века длится жор...»

Дворец... ИКЕА... Маленький человек... VIP-человек... А собственно, почему человек-то? Кремовый храм нужен для того, чтобы расчеловечить существо, именуемое человеком, чтобы уничтожить его амбиции. «По образу и подобию, говоришь? Шас как кремом накормим – и проверим, по какому он подобию, хе-хе-хе...»

«Человек – это звучит гордо» (Горький).

«Я человек с крупными запросами... Я зеркальным шкафом интересуюсь» (Маяковский).

А вот еще из того же произведения: «Он – победивший класс, и он сметет все на своем пути, как лава, и брюки у товарища Скрипкина должны быть полной чашей».

«Клоп» Маяковского оказался не фарсом, а кошмарным метафизическим пророчеством. Этот клоп начал расти, раздуваться до чудовищных, чуть ли не космических размеров. Он не может насосаться, потому что он существо с укрупняющимися запросами и брюки у него должны быть соответствующими. Иерархия потребностей сломана. Остался один – невероятно раздутый – нижний уровень этих самых потребностей. Но любой ученик Маслоу, любой психолог вообще скажут вам, что когда остается ТОЛЬКО этот нижний уровень (чье значение в иерархии никто не оспаривает), то человека нет, есть ЭТО. ЭТО во дворце... ЭТО в ИКЕА...

Для того, чтобы уничтожить ЭТО, не нужен никакой 1917 год. ЭТО само себя уничтожит. Существо, имеющее лишь одну мотивацию – пересечь из «мерседеса» в «бентли», из «бентли» в «ролс-ройс», а из «ролс-ройса» неизвестно куда, – может только сожрать все на свете. И окружающих, и себя.

1917... 1937... Все это не имеет никакого отношения к тому, что составляет содержание сегодняшнего процесса.

«Перестройке» удалось запустить регресс. Борьба с регрессом – это не классовая борьба, не хилиастическое восстание, не национально-освободительная борьба и не буржуазная революция. От регресса отстраняются, как от скверны. От него уходят в социальные и культурные катакомбы. Его кремовому храму противопоставляют не мускулистую руку (какая рука, если регресс все уже подорвал – устойчивые формации, классовую структуру?). Его храму противопоставляют свою альтернативную социальную и культурную метафизику – метафизику развития.

Иногда продуманный альтернативизм спасает цивилизации, поддавшиеся регрессу. Иногда, но не всегда. Надо говорить правду. Не всегда удавалось решить данную задачу цивилизациям, с которыми случилось такое несчастье. Но, если мы не ужаснемся масштабу вызова, если подменим правду о негарантированности спасения криками о национальном возрождении, мы лишимся даже имеющихся шансов на выход из ситуации. Не для того ли, чтобы мы не ужаснулись реальному вызову, нас пытаются ужаснуть вампуками на исторические темы?

Лобное место. На нем стоит Россия и хлещет себя бичами морального самоистязания. «Ах, зачем я, негодная, так расправилась с несчастной царской семьей!» Рядом стоят бывшие работники ЦК КПСС и других активов перестройки. И хлещут, хлещут страну теми же бичами. Мир, изумляясь, на это смотрит. Весь мир дивится этому диву. А уж как Китай дивится, так дальше некуда. Он уже двадцать лет изучает нашу перестройку. Не как позитивный опыт, а как то, чего ни в коем случае нельзя допустить. Сторонится этого опыта – и развивается. Развивается – и еще более сторонится.

Рядом с Лобным местом стоит глашатай, странно похожий лицом на Александра Сергеевича Ципко. И читает (цитирую): *«Парадокс состоит в том, что наш бывший президент Путин, говоривший, что лежащие в основе "красного проекта" коммунистические идеалы были "пустыми идеалами", что на самом деле эти идеалы были чудовищами, которые уничтожили миллионы, причем самых талантливых, самых одаренных, самых независимых представителей российской нации, никем не услышан».*

Вы все поняли? Путин никем не услышан, кроме Ципко! С одной стороны, это правильно. Ведь Ципко – это Аппарат. А Аппарат – он ведь еще и слуховой аппарат. Хотя и не только. С другой стороны, что значит «никем не услышан»? Понятно, что мною не услышан и мне подобными. А начальники? Начальник всегда слышит лучше, чем подчиненный. Лучше всех Генсека слышит секретарь по идеологии. Чуть хуже – заведомом ЦК. Еще чуть хуже – консультант международного отдела ЦК. Консультант международного отдела ЦК всегда слышит лучше, чем Кургинян, тут спору нет. Но он слышит хуже, чем заведомом. Неужели заведомом не услышал Путина? И тот, кто над ним, не услышал Путина? Определенно, аппаратный сбой (читай «В исправительной колонии» Кафки).

Путин – не оракул, не жрец. Он политический лидер с определенными заслугами перед обществом. Как граждане страны, мы должны уважать лидера, который, во-первых, действительно решил какие-то из проблем государства и, во-вторых, активно поддерживается большинством населения. Но читать Путина, как Маркса-Энгельса-Ленина, руководствоваться его словами, как велениями партии, которая «ум, честь и совесть нашей эпохи», мы не только не должны. Мы на это в нынешней ситуации не имеем права, если мы исследователи. Исследователи, несущие равную ответственность перед всеми, от Путина до рязанского мужика, только за одно. За правду о ситуации.

Что касается Путина, то он много разного сказал. О том, что распад СССР – геополитическая катастрофа, он тоже сказал. И о развитии он тоже кое-что сказал. Как и Медведев.

Оценка прошлого, конечно, важна для понимания будущего. Но я не помню, чтобы Путин где-то сказал, что советские идеалы были чудовищами. И кстати, если бы он это сказал, то с чего бы МИД РФ стал так отчитывать Буша?

Впрочем, Ципко виднее. Но я бы предложил для начала обсудить – самостоятельно, без оглядки на высокие политические авторитеты и без псевдоморальной антибольшевистской психопатии – качества советской действительности. Не идеалов даже, взятых в отрыве от этой действительности. Их тоже надо обсуждать, но на следующем этапе анализа. И не в их «прописном» варианте, а на уровне, отвечающем современным глобальным вызовам. А также нашей нынешней, высокой, как никогда, ответственности за понимание смысла своей истории.

Но прежде, чем заняться этим, надо обсудить ту советскую действительность, в зеркале которой мы только и можем увидеть действительность постсоветскую.

Повторю: Путин когда-то публично заявил, что считает распад СССР «крупнейшей геополитической катастрофой века». Но сегодня никто не может сказать, что она порождена идеалами. У нас есть исторические свидетельства, не позволяющие так говорить никому. Строй рухнул не по причине ложности идеалов.

Я сейчас не обсуждаю, хороши идеалы или плохи. По этому поводу можно спорить бесконечно. Я же констатирую «медицинский факт», и не более. Идеалы не породили крушения строя ни в Китае, ни на Кубе. Для того, чтобы зафиксировать факт, достаточно назвать одно место. Фиделю Кастро пророчили фиаско сразу после советской геополитической катастрофы. Где фиаско? Уже двадцать лет прошло. В Китае – тоже геополитическая катастрофа, порожденная идеалами? Там готовятся перенять эстафету глобального лидерства!

Если распад СССР – это геополитическая катастрофа, то надо назвать виновника. Мы установили, что это не идеалы. Но это и не народ. Вряд ли кто-то хочет на него возложить ответственность и сказать, что китайцы или кубинцы хорошие, а русские плохие.

Глупо возлагать ответственность и на чьи-то происки. Уж какие происки чинились против Кастро – дальше некуда!

Ну, так кто же виноват? Логически, социально и политически мы вынуждены констатировать, что виновата элита, которая и обеспечила геополитическую катастрофу. А за счет чего она ее обеспечила? За счет перерождения.

Что это такое, я уже описал, рассмотрев некий отдельный случай. Я никак не хочу все сводить к случаю. Но он очень показателен. Это, так сказать, наглядное пособие по перерождению.

А что такое подобное перерождение с общих позиций? Это важный вопрос.

Я уже говорил о превращенных формах. Формах, любящих себя и ненавидящих свое содержание. Ну, так вот, именно в этом превращении таинство перестройки. Советский Союз истребила превращенная форма. В первый раз я сказал об этом в

1992 году, написав об антиэлите. И с каждым годом все больше убеждаюсь в своей правоте. Форма истребила свое содержание. Кстати, это и есть Танатос в чистом виде и доказательство того, что перестройка представляет собой активизацию внутрисистемного Танатоса. СССР как Содержание истребила номенклатура как превращенная Форма. Теперь она же хочет истребить и Российскую Федерацию, сменив демократическую маску на белую.

Хотите узнать судьбу новой системы, именуемой путинской? Присмотритесь к новой номенклатуре (она же – старая). Когда эта номенклатура под теми или иными лозунгами запоет на танатический лад – предуготовьтесь.

А теперь давайте на время отвлечемся от советских идеалов и вспомним непростую и несовершенную советскую действительность, в которой все мы жили – в том числе и я, и Ципко, и Путин. И не просто вспомним. У каждого свои воспоминания. А осмыслим и сопоставим кое-что с чем нынешним. А также с белой ностальгической псевдоутопией, с помощью которой очередные перерожденцы хотят осуществить очередную подрывную работу.

Дебольшевизаторы любят расписывать ужасы советского коммунального быта.

Знаю этот быт по своему опыту. Воспевать его никоим образом не хочу, хотя... Ну, никак не могу сказать, что он меня раздавил или как-то особенно угнетал. В каких-то случаях он мог носить уродливые черты, а в каких-то нет. Но говорят-то совершенно о другом. О том, что советский быт неумолимо возвращал неполноценного человека. Какого человека? Почему между умеренными бытовыми издержками и качеством личности должна существовать такая неумолимая корреляция? А древнегреческие герои, жившие даже без коммунальных удобств? Они тоже неумолимо приобретали антропологические изъяны, порожденные бытом? Но тогда чем лучше быт, тем лучше человек. И, как сказал чукча из анекдота, «я знаю этого человека».

Быт, конечно, может раздавить человека. Но он для этого должен носить особый характер. Тот самый, который в принципе именуется «социальным адом». Это быт, в пределах которого уже нельзя сохранять человеческое достоинство, возможности внутреннего роста, моральный стержень. Это быт криминальных бараков, латиноамериканских трущоб, африканских гетто. Это быт людей, которых не лечат, не учат, не охраняют от сопряженной с таким бытом распущенности. Вы хотите сказать, что это был советский быт? Вы лжете! Этого не было. Этого не было ни в больших городах, ни в селах, где жили очень трудно. Ни даже в проблемных регионах, в которых мне лично пришлось бывать по роду первой профессии геофизика.

Социальный низ существует всегда. Дно тоже существует всегда. Но какие-то корректирующие импульсы, исходящие от всепроникающей власти (конечно, очень безусловной), доходили если не до самого дна, то почти до дна. И эти импульсы имели не расчеловечивающий, а обратный характер. Власть в СССР не поощряла разврат, культурную дегенерацию, социальную маргинализацию. Она не всегда могла это остановить, но она явственно пыталась. Она отвратительным образом затыкала рот, творила многообразные идеологические глупости. Но того, что ей приписывают дебольшевизаторы, она не делала. И чем больше они ей будут приписывать, тем больше их будут презирать за откровенную ложь.

Кроме того, власть этот коммунальный быт преодолевала. И под конец чуть ли не преодолела. Дебольшевизаторы издевались над понятием «общественные фонды потребления». Над тем, что советская власть лживо заявляет, что в совокупности с этими фондами потребления уровень жизни советского человека в чем-то приближается к уровню жизни на Западе...

Теперь мы понимаем, что такое общественные фонды потребления. Это реально бесплатная медицина. Дебольшевизаторы орали, что она в СССР была плохая. Есть многолетние сводные данные ООН. И мы знаем по этим данным, какая она была и какая она сейчас. Это было бесплатное образование далеко не худшего по высшим мировым меркам уровня. Дебольшевизаторы орали, что оно отстает по качеству. Но, опять-таки, есть данные ООН. А мы и без них сами знаем, что было и что стало. Чем был приличный советский педагогический вуз и что такое сейчас какой-нибудь новоявленный «университет».

Я очень бегло скажу о другом.

Социально обусловленные цены на продовольствие и предметы первой необходимости. Очереди? Предложите сейчас людям среднего и низкого достатка постоять в тех очередях и получить продукты по тем ценам.

Бесплатные квартиры. Качество? Во-первых, оно не было плохим. А во-вторых оно что, сейчас в России лучше? Конечно, сейчас кто-то может построить виллы любого качества. Ну и что? А что могут оставшиеся?

И, наконец, главное. Дебольшевизаторы с упоением рассказывают о том, как хорошо жили в дореволюционной России представители среднего класса – врачи, учителя, инженеры. А также купцы. И другие успешные люди. Согласен, они жили хорошо. Именно они жили в тех больших многокомнатных квартирах, которые потом превратили в коммуналки. Ведь не дворцы же и не усадьбы в них превратили. Дворцы и усадьбы, которые не пожгли, превратили в музеи и санатории.

Но кто переехал в коммуналки и откуда? Дебольшевизаторы расписывают, как хорошо жили рабочие на какой-нибудь морозовской фабрике. Где-то они, наверное, жили прилично, не спорю. Но если бы они везде жили прилично, то на кой ляд они стали бы переезжать в коммуналки и тесниться там на общей кухне? Значит, где-то они жили относительно прилично. А где-то совсем наоборот. И второго «где-то» было несравненно больше. Иначе вообще ничего понять нельзя. Людей в эти коммуналки не ЧК депортировала. Коммуналки ведь не ГУЛАГ! Люди туда с восторгом переезжали. Еще раз спрашиваю – ОТКУДА?

Единственно возможный ответ: они переезжали туда из помещений, по отношению к которым пятнадцатиметровая комната в квартире на пятнадцать семей воспринималась как рай. Но тогда каков был социальный ад, в котором их держали до переезда? Они переезжали в комнату с окном. В их коммунальной квартире все-таки были какие-то сантехнические удобства. А до того жили они в подвале, где дети вымирали или зарабатывали чахотку (читайте хотя бы Короленко).

Вот это-то и был расчеловечивающий социальный быт (он же – ад). Который сочетался со всем остальным. В том числе с отсутствием социальной перспективы (или, как минимум, с крайне затрудненной вертикальной социальной мобильностью).

Я не хочу сказать, что все успешные дореволюционные граждане, жившие в многокомнатных квартирах, упивались своими возможностями и плевали с высокой колокольни на несчастья социальных низов. Напротив, в отличие от нынешних

успешных граждан, существенная часть тогдашних «счастливиц» мучилась от сознания несправедливости жизнеустройства, при котором расчеловечиваются «братья». Именно это мучение и породило революционный актив – от Радищева до Герцена и дальше.

Одна часть успешной страты уходила в революцию, другая просто мучилась совестью, иногда вполне деятельно. Чехов, например. Но если бы вся успешная страта состояла только из таких людей, то о ком бы написал Чехов: «Как в сущности много довольных, счастливых людей! Какая это подавляющая сила!»

Значит, была эта подавляющая сила, пребывающая в довольстве и счастье. И, как следует из чеховского морального диагноза, абсолютно безразличная к чужому несчастью.

Это безразличие счастливого меньшинства (как элиты, так и существенной части обывательствующего среднего класса) и это безмерное несчастье низов – они, и только они, породили революционный взрыв. Когда безразличные допускают социальный ад, они должны знать, что кто-то спустится в этот ад и начнет выводить оттуда. И за ним пойдут. И наступят страшные времена. Но, конечно, даже тогда жертвы этих страшных времен, потерявшие свои социальные достижения, никакой ответственности за случившееся не почувствуют. А тех, кто вышел из ада, будут называть «сволочью». И никакого внятного лозунга, кроме как «вернуться и пороть», не сформулируют.

Так чем были тогда коммуналки, которые этим людям предложили большевики? Они были выходом из ада. Чем была тогда дешевая одежда при любой ее скудности? Выходом из ада. Чем была борьба за чистоту («либо социализм победит вошь, либо вошь победит социализм»)? Выходом из ада. Чем была, наконец, борьба за развитие, за образование и воспитание, за открытую социальную перспективу? ВОСХОЖДЕНИЕМ ОНА БЫЛА, ВОТ ЧЕМ.

Это все было путем к счастью для тех, кто находился в аду. Говорят, что большевики перебили цвет нации. Наверняка в этом есть доля правды. Наверняка в числе жертв были и те, кто мучился совестью, и те, кто пытался деятельностью своей что-то исправить, и даже те, кто поддерживал революцию.

Но не они же одни. И куда денешься от чеховского диагноза? Довольные и счастливые люди слишком много думали о себе. И их было слишком много. Они не хотели заниматься социальным адом, не чувствовали ответственности за него. В итоге ад занялся ими. Люди пострадали безвинно. А класс, а страта? Как говорить об отсутствии их исторической вины при определенном историческом результате? Совсем нечувствительные к метафизике люди еще могут как-то отгородиться от исторической правды, да и то с большими издержками (лукавая перед самими собой). Но как могут отгородиться от нее те, кто понимает, что такое бич божий? Или его секулярный эквивалент – историческая вина?

Создав такое зеркало прошлого, посмотрим на настоящее.

Я не так давно был в Белоруссии в составе одной делегации. Конечно, нас привозили в образцовые совхозы. И, конечно, в этих совхозах повсюду пахло застоем 70-х годов. Но в совхозных клубах есть очень активно работающие кружки и секции. Дети танцуют, поют, учатся лепке и рисованию. Им не предлагают проституцию и уголовку в качестве «канала вертикальной мобильности». Их как-то тянут вверх. Примерно так, как было при Брежневе.

Я не любил брежневский застой. Я его яростно не любил. Я любил те потенциалы, которые позволяли двинуться из этого застоя в постиндустриальное общество. Я любил энергию, которую общество накопило за сорок пять мирных лет. И которую можно было направить на восхождение, на прорыв, на взятие постиндустриального барьера.

Перестройщики эту энергию слили в канализацию. Есть ли в обществе теперь хоть какая-то энергия? Не будем даже обсуждать качества. Накапливается ли она? Конечно, нет ничего похожего на ту ситуацию. Конечно, царствуют регресс и апатия. Но они царствуют небеспрдельно. Где-то – в каких-то нишах и какими-то путями – что-то накапливается. Вопреки всему, идут какие-то восстановительные процессы. И что? Эту (может быть, последнюю) скудную по количеству и безусловную по качеству энергетику будут снова сливать в канализацию с помощью «перестройки-2» и при этом ссылокать по поводу несчастных, проживающих в ветхих домах?

История не знает сослагательного наклонения. Но – еще и еще раз прошу, вдумайтесь – если бы в течение последних двадцати лет СССР развивался так, как при Черненко, то есть по 3% в год, то, с учетом накопления этих 3%, ВВП был бы уже вдвое больше, чем в 1985 году. То есть у каждой семьи была бы приличная бесплатная квартира, дача, машина среднего качества, бесплатная медицина и образование, нормальная социальная перспектива.

Мало? Серо? Так ведь и шла речь о том, чтобы переломить эту застойность переходом к ускоренному развитию!

Повторяю, я до тошноты ненавидел брежневский застой. Но то, что соорудили перестройщики, и есть триумф ненавидимого мною «застоя со знаком минус», освобожденного от «застоя со знаком плюс». Этот «застой со знаком минус» (номенклатура минус социальные обязательства) «опустил» общество, дабы сохранить – да, сохранить, а не отдать – власть. Оглянитесь вокруг себя, и вы поймете, что произошло именно это.

Номенклатура, боясь в условиях восхождения народа оказаться неконкурентной во власти, организовала регресс под видом перестройки. Перестройка – это Тень застоя. Это его маневр, направленный на самосохранение. За счет чего? «За счет всего», указали мне застойные номенклатурщики, преуспевшие в постзастойное время. Согласитесь, определение емкое.

И вот теперь эти номенклатурщики начинают рыдать по поводу ветхих домов. Они понимают, в какое время живут? Они могут посмотреть на свой результат в зеркало советской действительности?

Жил-был город. Он был построен вокруг одного крупного предприятия военно-промышленного комплекса. Потом предприятие остановили. Жителей города никуда не вывезли. Других предприятий нет. Заботы государства по поводу судьбы обитателей этого города тоже нет. Вы примерно понимаете, что там происходит? Вы понимаете, что сегодня никто не социализует преступников, вышедших из зоны, даже на убогий советский манер? Что, выходя оттуда, они просто оседают в удобных для них, близких к зоне, неблагополучных анклавах.

Я имею в виду ту «братву», которая не рвется в Москву. Такая есть. Она оседлывает анклавы. Милиция носа туда сунуть не может. Вы понимаете, как там живут? И вы хотите сказать, что при советской власти тоже так жили? Вы лжете. Вы либо лишены социального опыта, либо сознательно жертвуете им в угоду агитпропу. И подменяете проблемную (и даже порою

страшную) правду лубком в духе «Груза–200».

Но оставим даже в стороне эти крайние случаи. Хотя, собственно, почему? Возьмем другие случаи, гораздо более расхожие и социально репрезентативные. В несовершенно СССР, в условиях отнюдь, повторю, не воспламеняемого мною застоя, были всякие презрительно третируемые «малости»... Ну, например детская комната милиции... Вписанная в систему и потому реально работающая, а не вываливающаяся из нее и абсолютно декоративная. Или бесплатные спортивные секции, причем очень и очень массовые. Теперь всего этого нет. Но зато есть очень специфический «телик», которого не было. А также новая «улица», которой не было. И где дерутся не до первой крови, а совсем иначе.

Тогда детская комната милиции все-таки как-то удерживала среднего паренька от криминалки и доводила до армии. В армии его тогда как-то воспитывали. Не ахти как, но как-то. Потом он возвращался в свой родной город, становился к станку, который работал (и попробуй не встань!). И, натерпевшись в армии, быстро делал детей какой-нибудь приглянувшейся девахе. Крутилась машина скудной, скучной, остывающей, но человеческой жизни.

Это было тогда. Что происходит теперь? Первичный криминальный опыт паренек получает на улице. И при просмотре телевидения. К моменту прихода в армию он уже криминализован. В армии обучается владению холодным и огнестрельным оружием. Потом приходит к закрытой проходной завода. Путь у него один – в криминалку. Этот путь широко открыт. Остальные закрыты. Вдобавок ему внушили (реклама у нас такая), что «только в BMW последней модели можно почувствовать себя настоящим мужчиной».

Возможность получить BMW последней модели у него одна. А почувствовать себя настоящим мужчиной он хочет. И верит тому чему его учат с телеэкрана. Табу никаких нет. Он начинает добывать этот самый BMW. Либо он преуспееет, либо нет. Если он не преуспееет, то окажется в тюрьме или на кладбище. Если преуспееет, то попадет в «элитку» среднего уровня и станет присматриваться, как попасть в «элитку» высшего уровня. А там, глядишь, и в политику.

Вам описать, что такое криминальная молодежь в возрасте от 12 до 15 лет? Вам описать окружающие Москву точки, где проводятся гладиаторские бои? Их организаторов, участников и зрителей сделает своим активом «белая перестройка»? Для этих людей освежать Гайдара – раз плюнуть. Но Гайдар же сотоварищи и создали этих людей. Они дали такому «активу» путевку в жизнь. Они породили почву для будущего фашизма. И отделить Гайдара от ответственности за это так же трудно, как Вальтера Ратенау от ответственности за Гитлера. С той лишь разницей, что Вальтер Ратенау свое заплатил. А Гайдар, я думаю, не заплатит. Впрочем, какая разница?

2007 год. Я участвую в телевизионной передаче, посвященной Куршевелю и Прохорову. На передачу приезжает одна соответственно одетая и украшенная барышня, знакомая нашим политикам. Эта барышня позитивно оценивает мой вид, узнает меня как одну из телевизионных «говорящих голов». И поначалу относится уважительно. Но я осуждаю Прохорова. Барышня изумляется и огорчается (казалось, что приличный человек, а нет). И говорит с невероятным презрением: «Я думаю, что девушки там были счастливы... А что, было бы лучше, чтобы они справляли Новый год в своей родной деревне Бабушкины Вилы? Они вместо этого справляют с интересным человеком...»

Конец 80-х годов. Школьница, посмотревшая фильм «Интердевочка», пишет режиссеру фильма П. Тодоровскому такое письмо: *«От себя и от имени многих моих ровесников хочу поблагодарить Вас за создание замечательной картины, которая поможет современной молодежи, особенно девушкам, в выборе будущей профессии. После просмотра фильма я, например, сразу решила, если быть, то "интердевочкой". Мне семнадцать лет. В этом году я заканчиваю десятый класс».*

Если бы перестройщик верил во что-нибудь и уж тем более в Бога, он бы каялся до самого своего смертного часа, а не призывал бы к покаянию других. Но перестройщик – это поразительное существо. Растлитель и морализатор в одном лице. Подобный монстр, читая письмо несовершеннолетней девчонки, которую он растлил, будет ухмыляться: «Во как мы ломаем совок, используя его поганые свойства!» «Поганые свойства» – это целомудренность, наивность, готовность откликнуться на зов такой боготворимой инстанции, как культура, вера в подлинность и спасительность транслируемых ею эталонов. Урки от культуры и их перестроечные кураторы, монополизировавшие культурные функции (кто-то, помимо КПСС, мог дать отмашку на фильм и выпустить его широким экраном?), сплевывая, цедят сквозь зубы: «Ша, братва! Я их делаю!» «Их» – это провинциальных девчонок, превращаемых в то, что на языке борцов с преступностью называют «живым товаром».

В 20-е годы прошлого века проституток в Шанхае или Харбине называли «русские девочки». Перестройщик будет возлагать на большевиков ответственность за тот ужас (порожденный гражданской войной, в которой и впрямь «брода нет»). И толкать на панель новых «русских девочек». Вроде бы нет никакой гражданской войны... Ах, да, простите за недогадливость. Гражданской войны нет, но есть мучительная необходимость вернуть совка в лоно «нормальной жизни».

СОДЕРЖАНИЕ

Методологическое введение

Часть I. Высказывания, превращающиеся в ядро текста и анализируемые в качестве такового

Глава I. Первичный анализ заявки на развитие,

сделанной российской властью в 2007–2008 году

Глава II. От первичного политического анализа – к анализу сравнительно-историческому

Глава III. От сравнительно-исторического анализа – к аналитической герменевтике

Глава IV. От герменевтики – к анализу политического контекста

Глава V. От политического контекста – к маячащим за ним аллегориям

Глава VI. От аналитики аллегорий – к аналитике брэндов....

Глава VII. От брэндов эпохи – к медведевскому личностному ядру

Глава VIII. Роль и судьба нормальности в российской политике

Глава IX. Нормальность и криминальный гедонизм
Глава X. Нормальность и диссидентская революция тела.....
Глава XI. Нормальность как оргоружие.....
Глава XII. Нормальность как проблематизация путинского надидеологического консенсуса
Глава XIII. Нормальность в понимании МЭРТ.....

Часть II. От текста – к контексту

Глава I. Контекст – война
Глава II. Развитие и его враги
Глава III. Как именно враги воюют с развитием
Глава IV. Ты и твои враги.....
Глава V. Враги развития и его метафизический Враг
Глава VI. Контекстуализация Текста.....

Часть III. От ядра текста – к его периферии

Глава I. О том, чем периферия Текста отличается от его ядра
Глава II. Фактор политического баланса и требования к «зайчикам» касательно их превращения в «ежиков»
Глава III. «Ежики» и «зайчики» как общетеоретическая (и политическая) проблема
Глава IV. «Ежики» и «зайчики» как фундаментальная этнополитическая проблема
Глава V. «Ежики» и «зайчики» с точки зрения политузубъектности
Глава VI. «Ежики» и «зайчики» с точки зрения переформатизации мира
Глава VII. «Ежики» и «зайчики» с экзистенциальной и игровой точек зрения
Глава VIII. «Ежики» и «зайчики» с точки зрения конфликта элит
Глава IX. Метафизический драйв, способный переделать «зайчиков» в «ежиков»
Глава X. Авторская рефлексия на процесс формирования периферии исследуемого Текста

Часть IV. «Перестройка–2»

Глава I. Только наблюдать – или воздействовать, соучаствуя?
Глава II. Что-то знакомое
Глава III. Похлебка и Первородство
Глава IV. Развитие и Танатос.....
Глава V. «Никогда больше»
Глава VI. Ципко.....
Глава VII. «Покаяние–2»: от отдельных квазиперестроечных демаршей – к шквалу белого покаяния

Международный общественный фонд «Экспериментальный творческий центр»
Москва 2009

УДК 327.56 ББК 66.4(0) К93
К93

Кургинян СЕ. Исав и Иаков. Судьба развития в России и мире: в 2-х томах – М.: МОФ ЭТЦ, 2009.
ISBN 978-5-7018-0513-0
Том 1. «Перестройка–2». – 2009. – 642 с.
ISBN 978-5-7018-0514-7

Известный политолог Сергей Кургинян в своей новой книге рассматривает вопрос о судьбе развития в России и мире. Кургинян отвергает два преобладающих ныне метода: академический, который он называет «ретро», и постмодернистский. Кургинян предлагает «третий метод», требующий разного рода синтезов (актуальной политологии и политической философии, религиозной метафизики и светской философии и так далее).

«Третий метод» позволяет Кургиняну доказать, что гуманизм и развитие в XXI веке в равной степени оказались заложниками «войны с Историей». Кургинян выявляет Игру как фундаментального антагониста Истории, решившего в XXI веке подвести черту под Историческим как таковым. И показывает, что выведение России из Истории за счет так называемой перестройки – это лишь первая проба пера. И что только Россия может, возвращаясь в Историю, спасти и себя, и мир.

Как вернуться в Историю – вот о чем новая книга Сергея Кургиняна.

Научные редакторы – Ю.В.Бялый, М.Р.Мамиконян
Художественное оформление серии – Н.Д.Соколов

Подписано в печать 03.06.2009. Формат 60х88 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 39,3. Тираж 1000 экз. Заказ № 5258.

МОФ «ЭТЦ». 123001, г. Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1–2

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ». 140010 Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-кт, 403. Тел. 554–21-86

ISBN 978-5-7018-0514-7 (т.1) © Сергей Кургинян, 2009

ISBN 978-5-7018-0513-0 © ЭТЦ, 2009

Сергей Кургинян **ИСАВ И ИАКОВ** Судьба развития в России и мире

Том 2
«ПОСТ» и «СВЕРХ»

ЧАСТЬ V. ИСАВ И ИАКОВ

Глава I. Конец «шоколада»

Гораздо проще написать книгу с чистого листа, чем превратить в книгу совокупность – даже если они далеки от публицистичности – газетных статей. Но чем дальше я продвигаюсь в деле написания книги, тем больше убеждаюсь в том, что замысленная мною исследовательская игра, в которой газетные статьи, сохраняясь в виде «интеллектуальных статуэток», превращаются в фигурки, расставленные на шахматном поле, обладает гносеологической ценностью. Одно дело – изящно выточенный слоник. А другое дело – этот же слоник на шахматной доске, не правда ли?

Любая метафора, что-то разъясняя, в чем-то уводит в сторону.

Осуществляя тогдашний газетный марафон, я, конечно же, не вытаскивал каждую статью, как отдельную фигурку. Да, я двигался в потоке событий, реагируя на каждое из них. Но эти реакции и на том этапе были подчинены единой сверхзадаче – исследованию развития. И на том этапе присутствовала некая шахматная доска. А значит, велась игра.

Что изменилось? То, что в игру может быть по-новому введено время. То время, которое в момент написания статей имело статус настоящего, превратилось в прошлое. Если бы я стал писать книгу заново, то время, которое в игре моей фигурирует отнюдь не только в роли шахматных часов, указывающих на близость к цейтноту, стало бы однокачественным. «Только прошлым» – в противовес «только настоящему», которое фигурировало в моих газетных статьях.

Я же хочу лишить время этой однокачественности, сделать его разнокачественным, соединяющим в себе качество прошлого и качество настоящего. Достаточная экзотичность отправного газетного начинания (мало кто писал неделю за неделей в течение девяти месяцев подряд по газетной полосе на одну и ту же тему развития) дает шансы на такую игру со временем. Если эти шансы удастся реализовать, то получится не просто книга, а нечто наподобие книги о книге. Поскольку любая книга классична именно в том, что касается времени (автор пишет ее в такой-то локальный период, относясь определенным образом к событиям и проблемам, которые размещены за рамками этого локального периода), то книга о книге в большей степени, чем обычная книга, может быть ответом на вызовы постмодерна, для которого любая книга – это по определению нонсенс.

Требовательный читатель возразит, указав, что существуют книги, в которых автор рассматривает события, одномоментные с творческим процессом написания своего произведения.

Я соглашусь с читателем. Но, наверное, и он согласится со мной и признает, что такие книги – скорее исключение, чем правило. И что речь тогда идет о так называемой дневниковой литературе. При том, что чаще всего – даже в рамках этих исключений из правила – дневник пишет герой. И синхронность событий процессу их изложения является игрой. Если же дневник пишет автор, то... То это и есть дневник. Только дневник, и ничего более. Набор моих газетных статей является аутентичным интеллектуальным дневником. Что такое интеллектуальный дневник, знает каждый, кто занимался так называемыми полевыми исследованиями (геологическими, географическими, историческими, культурологическими).

Ты выезжаешь в поле, сталкиваешься с артефактами, которые тебе надо осмысливать, описываешь эти артефакты, фиксируешь возникающие у тебя соображения, связанные с первыми (и иногда очень ценными) впечатлениями, которые эти артефакты на тебя произвели. В определенных случаях ты фотографируешь или делаешь зарисовки. Все это образует совокупный, иногда очень ценный в интеллектуальном смысле полевой материал. Иногда ты сочетаешь полевые исследования с первичной, так называемой камеральной, их обработкой.

А потом, уже вернувшись из экспедиции, ты пишешь отчет или книгу. Совершенно необязательно при этом стирая

полностью черты первоначальных полевых данных и их первоначального осмысления. Ты можешь (а иногда даже и должен) приводить цитаты из собственного дневника, причем развернутые. Ты, приводя эти цитаты, сопоставляешь даты. А ну, как, например, в момент, когда в такой-то точке с тобой разговаривал такой-то полевой командир, в другой точке произошел конфликт? Тогда разговор с этим полевым командиром приобретает новые, незафиксированные тобою обертона.

Мало ли что еще происходит, когда есть дневник – да еще и интеллектуальный дневник – и есть возможность надстроить нечто над дневником. Например, включить в осмысление данные химических анализов образцов, которые ты в дневнике описал только визуально.

Сочетание интеллектуального дневника как аккумулятора одного времени (настоящего) и позднейших осмыслений этого дневника как аккумулятора других времен (тогдашнего дневникового настоящего, ставшего прошлым, других уровней прошлого, нынешнего настоящего и так далее) позволяет вести исследование совсем иначе. На мой взгляд, гораздо более эффективно. И это первый плюс, содержащийся в предлагаемом читателю проекте.

Второй плюс – преодоление классичности одномоментно написанной книги без превращения преодоленной классичности в постмодерн. Это ответ на вызов постмодерна, причем ответ, находящийся за рамками ретро и потому для меня особо ценный.

А тут еще возможность использовать статьи как зарегистрированные воздействия, аналоги экспериментов, о невозможности которых в гуманитарных исследованиях так много написано. Словом, плюсов много.

Минусы тоже очевидны. Создаваемый продукт не должен быть слишком сложным, слишком гетерогенным, слишком эклектичным. И он должен, не отменяя результат, полученный в ходе написания первичного интеллектуального дневника, давать новый результат. Причем такой, который не воспрепятствует встрече читателя с тем первичным результатом, на который этот вторичный результат должен накладываться.

Первичный результат для меня бесконечно ценен. Как по причинам социальным, так и по причинам интеллектуальным. Социальные причины состоят в том, что я тогда нечто уловил и отразил. И это нечто имеет далеко не ситуационный характер. Речь идет о запросе нашего общества – не власти, а общества – на определенный разговор о проблеме развития.

Общество тогда откликнулось на мой интеллектуальный дневник. И не потому, что власть тогда флиртвала с развитием. А по совсем другим, воистину нетривиальным причинам.

Можно было бы воскликнуть: «Неисповедимы пути твои, российское общество!» Можно было бы, но не хочется. И ближе другие, вполне кондовые и беспашфосные, строки барда-семидесятника:

*И под дых, и под глаз –
Ставит из себя!..
И дубьем, и добром,
И отдельно, и гуртом,
И галоперидолом –
Ставит из себя!..*

Общество вопреки огромной силы ударам, которые по нему нанесли, вопреки регрессу, порожденному этими ударами, «ставит из себя». И на это «ставит из себя» – иначе это называется «остаточные амбиции» – признаюсь, все мои упования. Так зачем же я буду стирать фактуру и текстуру того интеллектуального дневника, вызвавшего отклик «ставящего из себя» общества (прошу не путать этот отклик с откликами элитной пустоты, которые я ввожу в текст)?

Что же касается интеллектуальных причин, по которым я особо ценю тот дневник, то каждый, кто вел подобные полевые дневники, поймет меня с полуслова. Есть огромная разница между зафиксированным тобою процессом мысли on-line (то есть процессом мысли, одномоментным нетривиальным встречам с людьми, событиями, памятниками культуры etc.) и процессом мысли post factum. Любой исследователь знает, что это разные процессы. И психологически, и культурно, и социально, и когнитивно разные.

А тут еще самопроверка. Да и проблема построения отношений с читателем. Кто из пишущих будет пробрасываться возможностями построения более доверительных отношений? Если ты к этому не стремишься, зачем писать? А ведь одно дело – элементы on-line, отслеживая которые читатель может убедиться в том, что автор не задним умом крепок, как многие, а способен нечто уловить и даже предвидеть, а другое дело – post factum.

Короче – после очень долгих раздумий (которые я очень кратко воспроизвожу в этой книге из соображений сугубо методологического характера) я решил-таки не изымать из книжного текста тот драматизм, который наличествовал в моем газетном марафоне. Драматизм же этот (а если хотите, то и трагизм) связан в том числе (и даже по преимуществу) с живыми событиями, вторгшимися в мои размышления о развитии и фактически образовавшими еще один слой сплетенной с моими рассуждениями текстуальной периферии. Текстом на этот раз стала сама жизнь. Я поясню.

В течение долгого времени все разговоры о развитии были порождением (а) крайней степени благополучия, того самого, которое позже назовут «путинские тучные годы», и (б) некоей политической игры между Путиным и Медведевым, привлекавшей мое особое внимание.

Что же касается тучных лет, то любые предупреждения о предстоящем неблагополучии, которые посылали власти в многочисленных публикациях я сам, мои соратники, другие обеспокоенные интеллектуалы, натывались на формулу «у нас всё в шоколаде». Я описал этот «шоколад» еще в 2005 году. И тогда же сказал, что нет ничего страшнее самоуспокоения, что «шоколад» кончится и к этому надо готовиться заранее. Никто готовиться не хотел и не мог. А потом... Потом «шоколад» кончился. Он кончился резко и одномоментно.

В ночь с 7 на 8 августа 2008 года грузинские войска по приказу президента Грузии М.Саакашвили напали на Южную Осетию и наших миротворцев. События стали развиваться стремительно. Пожелание Медведева о многих годах спокойствия,

необходимых для России, являющееся парафразом столыпинского высказывания, оказалось поразительно похоже на столыпинское пожелание и в том, что касается несбыточности. Кстати, уже в марте 2008 года, начиная свой газетный марафон, я предупредил о бессмысленности благопожеланий по поводу долгих лет благополучия, сопоставив их со столыпинскими. Эти мои предупреждения оставлены в книжном тексте.

Но дело не в том, кто о чем и когда предупреждал. А в том, что реально случилось. На момент, когда это случилось, я как раз готовился уйти от той «работы с откликами», которую я описал выше и за счет которой мне удалось сформировать отдельный слой текстуальной периферии. В сущности, уже тогда я был готов к изменению исследовательской траектории, резкому углублению проблематики, ее отрыву от всякой сиюминутности. У меня было скверное предчувствие, что мне этого не дадут сделать. Так и случилось. Началась пятидневная война. А затем и все остальное.

Я не могу доказать читателю, что эта война была откликом глобальных игроков на заявленную Путиным и Медведевым тему развития. То есть я бы мог попробовать это сделать. Но это потребовало бы таких спецаналитических рефлексий, которые полностью подменили бы собой всякое осмысление сущностных вопросов.

Поэтому я только могу сказать, что не я один так считаю. То есть – далеко не я один. Так считают многие международные аналитики, в том числе и те, кто не слишком тяготеет к публицистической или научной деятельности.

Война на Кавказе... Признание Абхазии и Южной Осетии... Угроза перерастания кавказской войны в войну глобальную... Мировой кризис... Допустимо ли считать все это звеньями одной цепи? И уж тем более – откликами глобальных игроков на какую-то там тему развития? Я считаю, что допустимо. Что даже самые слабые импульсы власти, касающиеся развития, улавливаются определенной частью мира как невероятно опасные. Причем те, кто улавливает, думаю, не могут даже объяснить себе, почему российские властные импульсы, чья слабость и суррогатность слишком уж очевидны, им кажутся столь опасными.

Для кого-то слишком страшен любой разговор о развитии в России, а уж разговор, инициированный и поддержанный властью, – тем более. Словом, у меня есть основания для того, чтобы считать кавказскую войну (а точнее, реализованную США замену конфликта с Ираном конфликтом на Кавказе) стратегическим решением, связанным с этими самыми слабыми импульсами, касающимися развития.

Подчеркиваю – я совершенно не хочу сказать, что мировой кризис стал ответом мировых игроков на российские заходы по поводу какого-то там развития. Связь, конечно же, много более сложная. Но она есть.

Война на Кавказе потребовала ответа от загнанной в тупик российской политической власти.

Российская власть, дав этот ответ, резко вывела мировой процесс за определенные рамки.

США, для которых этот вывод был наиболее болезненным, не решились и не сумели ответить. Этим подорвали имидж – имидж Акелы, который не промахивается (образ из «Маугли» Киплинга, очень часто используемый англосаксонской элитой). Промахнувшийся Акела – это как бы и не Акела. Мировая финансовая стабильность держалась на том, что Акела – это Акела. И что он, Акела этот, все еще о-го-го. Сомнения начались после Ирака. События на Кавказе и в Черном море (где чудом не началась российско-украинская война, способная перейти в войну мировую) подтвердили, что Акела – это не Акела. А уж если не Акела – то почему не экстраполировать политические сомнения в финансово-экономическую сферу? Такая экстраполяция более чем естественна. В какой мере именно она поспособствовала мировому кризису? Размышления на эту тему, опять-таки, увели бы нас далеко. Но в какой-то степени явно поспособствовала. Кризис проблематизировал очень многое. И этот самый пагубный «шоколад», и возможность развития в том виде, в каком его замысливала власть.

Сейсмические толчки и их осмысление – вот что стало последним слоем текстуальной периферийности, который мне удалось выстроить. Выстроив его (а этому будет посвящена V часть моей книги), я оторвался от газетного марафона. Но не от публицистики как таковой. Просто наступило время, когда соединять политически актуальное с темой развития уже было нельзя. Ибо политически актуальное стало чересчур горячим и донельзя конкретным.

Одновременно наступил этап работы, на котором такое соединение уже не требуется. Потому что существуют фазы исследования, на которых уже не нужно и даже вредно опираться на злобу дня, осуществляя проработку фундаментальной тематики.

Данная, V по счету, часть моего исследования посвящена, как и IV часть, откликам на тему «развитие». Но если IV часть посвящена анализу и структурированию откликов субъекта, который я назвал «элитная пустота», то V часть посвящена откликам другого субъекта – Истории.

В IV части отклики одного субъекта формируют один слой текстуальной периферии. В V части отклики другого субъекта формируют следующий по счету – и последний – слой все той же текстуальной периферии. Соответственно, в V части завершается формирование Текста как системы из ядра и нескольких слоев периферии. Формируя этот Текст, я одновременно его исследую. И это один тип исследования.

Другой тип исследований, к которому я намерен перейти после завершения работы по созданию (и первичному осмыслению) Текста, предполагает отстраненный взгляд на созданный (и первично осмысленный) Текст. И сопоставление этого Текста с проблематикой фундаментального характера.

Два слоя текстуальной периферии, рассмотренные (и сформированные) в IV и V части этого исследования, связаны друг с другом очень прочно. Можно даже сказать, что один слой не существует без другого. В самом деле, если бы История не откликнулась, то все разговоры об откликах «элитной пустоты» были бы слегка умозрительными. Или – безнадежно мрачными: мол, пустота-то откликается, а Истории как ее антагониста нет вовсе. Оказалось, что она есть, эта самая история. Что ее отклики слетаются воедино с откликами элитной пустоты, образуя особый жизненно-текстуальный пласт.

Первым откликом истории стала сама кавказская война. Она многое проявила. Равно как и последовавшее за ней признание Южной Осетии и Абхазии. Я категорически отказался с первых же строк этой книги от прямого следования осуществленному мною газетному марафону. Но есть моменты, когда такое следование необходимо. И есть причины – как исследовательского, так и политического характера, – по которым именно в этой части книги надо соединить процесс

историко-хронологический с процессом исследовательским. Чуть позже станет ясно, зачем это нужно делать. Начиная сейчас объяснять, я сделаю еще одно слишком развернутое методологическое отступление. А чувство ритма и жанра подсказывает мне, что отступать уже некуда. Да и незачем.

События в Южной Осетии я отслеживал из далекой костромской деревни, куда уехал как раз для того, чтобы перерабатывать статьи в книгу. Но и из этой деревни улавливалась глубокая двусмысленность происходящего. Двусмысленность, в которой сплетались очень разнокачественные ниточки. В том числе – и ниточки весьма коварной международной игры. Эти ниточки я успел тогда и обнаружить, и описать.

Через несколько месяцев я зачем-то оказался участником очень дежурного телемоста между Москвой и Парижем. Телемоста, не рассчитанного на показ по российскому телевизору. Да и по французскому, по-видимому, тоже. И при этом телемоста «второстепенно-официального». Это было очевидно по присутствию на телемосте французских журналистов (в Париже), да и российских (в Москве). Журналистов было много, выражение скуки на их лицах однозначно говорило о том, что их послали с тем, чтобы они не участвовали, а присутствовали. И что мероприятие хоть и второстепенное, но официальное.

В ходе мероприятия мне задали прямой вопрос: «А как это случилось, что 20 августа 2008 года вы опубликовали свою статью, а 26 августа произошло нечто неожиданное, имевшее далеко идущие последствия, то бишь признание Южной Осетии и Абхазии?»

Я ответил, что внешнее совпадение необязательно должно обладать глубинной логикой. И что, как все знают, совпадение по времени само по себе ничего не доказывает. Я в любом случае ответил бы так, но в данном случае, видимо, мой ответ был особенно убедительным, поскольку я действительно говорил в точности то, что думаю.

Вопрос этот показал, что газету «Завтра» читают не только в России. И что тогдашняя статья – первая моя попытка осмыслить такой отклик на заявленную Россией тему развития, как кавказская война, – была воспринята с предельным вниманием теми, кто вел глобальную игру. И делал новый ход в игре на Кавказе.

Уже одного этого достаточно, чтобы я воспроизвел один к одному тогдашнюю статью, посвященную последствиям нападения Саакашвили на Южную Осетию и российских миротворцев.

Итак, следующая глава – это статья «Слагаемые победы», опубликованная в газете «Завтра» 20 августа 2008 года, то есть за 6 дней до признания Россией Южной Осетии и Абхазии, и написанная в костромской деревне еще неделей ранее.

А затем я дам пояснение и двинусь дальше, используя и эту статью, и следующие материалы, как физик использует им же проведенные эксперименты, осуществляя их теоретическое осмысление.

Глава II. Внимание – капкан!

СЛАГАЕМЫЕ ПОБЕДЫ Аналитика событий в Южной Осетии

Итогом любой войны является подписание мира. Иногда в виде безоговорочной капитуляции стороны, проигравшей войну. Но чаще в виде мирного договора, учитывающего интересы как воюющих сторон, так и размытого, но влиятельного субъекта под названием «мировое сообщество». При оценке подобных договоров всегда легче всего встать в позу «благородного ястреба» и кричать о «наших непропорциональных уступках». Но это было бы безнравственно. Общество нуждается в корректном и объективном анализе достигнутых компромиссов, а не в судорожном перечислении уступок под театрализованную барабанную дробь.

Однако объективность и корректность не означают сервильности. Мирные переговоры не завершены. От ничтожных на первый взгляд деталей зависит – в буквальном и абсолютно беспасфосном смысле слова – судьба страны.

Во время острой фазы конфликта мы услышали так много интересного о могущественных международных силах, стоящих за спиной Михаила Саакашвили! Мы услышали об этом по каналам государственного телевидения. Сразу по всем каналам! Мы услышали об этом от официальных (причем высочайших) представителей законно избранной власти. Сказано было больше, чем за предыдущую четверть столетия. Причем в тоне, в котором об этом никогда не говорила не только постсоветская, но и позднесоветская власть. Это значит, что положение крайне тяжелое. И – исторически прецедентное. Нас очень редко побеждали, но слишком часто переигрывали. Нас переигрывали в Балканских войнах, которые вела Российская империя. В холодной войне нас тоже именно переиграли. В Рейкьявике нас переиграли, на Мальте... Можно победить в войне и проиграть мир. Именно проиграть.

Теперь уже и официальное телевидение, комментируя события в Южной Осетии, говорит о том, что России – в евразийской схеме, копирующей балканскую, – отведена роль Сербии. Сколько раз мы в предыдущие годы об этом предупреждали! Что ж, лучше поздно, чем никогда...

Но мало запоздало зафиксировать аналогию. Надо, чтобы российские (неизбежные при любом компромиссе) договорные уступки не оказались ловушкой, подобной той, в которую когда-то попала сербская сторона. А потому вчитаемся в текст под названием «Шесть принципов мирного урегулирования грузино-осетинского конфликта». Это предварительный, но суперважный документ. Вчитываться в него надо корректно и уважительно. Хотелось бы дополнить это вчитывание разного рода деталями... например, наблюдением за интонацией и поведенческим стилем президента Франции Николя Саркози. Но для начала очень внимательно прочитаем сам документ.

У нас в России не слишком любят оживленных международных посредников, занимающихся «челночной дипломатией». Негоже потакать такой нелюбви. Хочу подчеркнуть, что в принципе участие посредника в достижении договоренностей, выводящих крупный конфликт из первой «горячей фазы», допустимо. И к активности как таковой президента Николя Саркози следует отнести с глубочайшей доброжелательностью.

Другое дело – качество этой активности. Его мы можем оценить, лишь проанализировав вышеназванный документ – порождение этой самой активности. При том, что никакая оценка не отменит нашей – не Саркози, а нашей и только нашей, российской – ответственности за каждую букву данного документа.

Итак, принципы мирного урегулирования грузино-осетинского конфликта. Их шесть. И хотя они на слуху, я все равно обязан их перечислить.

Первый принцип – отказ от применения силы.

Второй принцип – немедленное прекращение всех военных действий.

Третий принцип – свободный доступ гуманитарной помощи.

Четвертый принцип – вооруженные силы Грузии возвращаются в места их постоянной дислокации.

Пятый принцип – вооруженные силы России возвращаются на линию, предшествовавшую началу боевых действий.

Шестой принцип... стоп! Поскольку вокруг шестого принципа развернулась полемика, то его надо анализировать отдельно. Но вначале рассмотрим в первые пять пунктов. Они кажутся разумными и очевидными. Но нет ничего коварнее подобной кажущейся очевидности.

В названии документа (очень правильным, кстати, образом) зафиксированы стороны конфликта – Грузия и Южная Осетия. Но тогда они и только они, вступив в конфликт, должны договариваться о способе выхода из него. И принципы выхода должны отвечать их субъектности. Соответственно, в соглашение категорически не может быть введен пятый принцип, который осуществить может только Медведев, а не Кокойты. Пятый принцип должен был быть сформулирован так: «Южная Осетия обращается к России с просьбой о возвращении вооруженных сил России на линию, предшествующую началу боевых действий».

Вот тогда соглашение по своему содержанию стало бы соглашением между Саакашвили и Кокойты. А Россия не попала бы в ловушку, которая буквально является «ловушкой правосубъектности»: «Вы упомянули в соглашении пункт, отвечающий вашей и только вашей правосубъектности (обязательство России вернуть войска на линию, предшествующую началу боевых действий)? Вы по факту такого соглашения стали стороной соглашения, а значит и стороной конфликта».

Медведев, естественно, выполнил бы просьбу Кокойты. Но ловушки бы не было! Россия не дала бы мировым игрокам никаких («именно никаких!») оснований для превращения себя в сторону конфликта. В любом же другом случае эти основания возникают. Можно спорить о том, в большей или меньшей степени. Но ведь возникают! Не так ли?

Они ловушку правосубъектности подготовили. Мы в нее попали. На Западе взвыли от восторга, когда это произошло. Просто взвыли!

Установив факт ловушки, содержащейся в бесдискуссионных «невинных» пунктах («отказ от применения силы» – кем? «немедленное приостановление боевых действий» – чьих?), и особенно в пятом, обратимся к шестому пункту, ставшему предметом дискуссии. Той самой дискуссии, которая закончилась (по просьбе Николя Саркози) согласием российской стороны на редакцию, предложенную Михаилом Саакашвили.

Шестой пункт в нашей первоначальной редакции звучал так: «Начало международного обсуждения вопросов будущего статуса Южной Осетии и Абхазии и путей обеспечения их прочной безопасности».

Всего-то! Предлагалось лишь начать обсуждение будущего статуса Южной Осетии и Абхазии. Поскольку, начав, можно кончить чем угодно или ничем, то это очень скромная сатисфакция!

«Ах, сатисфакция! – закричат. – Имперская логика! Вы не народы спасаете, а что-то заполучаете!»

Конечно, когда США вошли в Ирак, они несли поработенным народам свободу и демократию. Ну, прямо крупными буквами это написано было у них на лбу! Мы анализируем смысл игры или хотим подменить сухую игровую логику эмоциями и причитаниями? Ну, хотели спасти осетинский народ (и, между прочим, наших граждан) от геноцида. Действительно хотели, и что? И абхазов хотели спасти. Хотели – и спасли. Но только по ту сторону ломберного стола в это никто никогда не поверит. А, поверив, станет неслыханно презирать. Нельзя выигрывать (и даже не проигрывать), отбрасывая игровую логику. А также политическое рации, не имеющее ничего общего с имперской наступательностью и обязательное для всех, кто хочет выжить.

Итак, мы возжелали лишь утешительного приза («начать обсуждение») и... получили отлуп. Казалось бы, разгромленный агрессор должен выплатить какую-то политическую контрибуцию. Но оказывается, что, хотя он и агрессор, и очевидным образом разгромлен, диктовать условия будет он. Что мы впутались во что-то и сами выпутаться не можем, а «дорогой Николя» дает нам последний шанс.

Мы впутались или нас впутали? Вопрос риторический. Нас очевидным образом впутали. Впутал, как все говорят, Буш («злой следователь»). А выпутывает Саркози («добрый следователь»).

Это-то и называется «Большая игра»! А также «балканский сценарий», «победа без войны» и так далее. Партнера по игре загоняют в ситуацию, при которой любой ход ухудшает его позицию: «Не дашь отпор кровавому хулигану – от тебя отпадет Северный Кавказ. Разгромишь хулигана – к тебе придет Саркози. И ты будешь платить хулигану политическую контрибуцию, а не наоборот».

Игрок сначала должен добиться от противника именно очень маленькой и почти незаметной ошибки. Он ее называет «зацепка». Добившись такой ошибки, он потихоньку начинает ее развивать. Тот, против кого играют, должен опомниться только тогда, когда уже будет поздно. «Коготок увяз – всей птичке пропасть». Шесть пунктов и их коварное содержание, которое мы обсуждаем, – это типичная игровая «зацепка».

Пройдет пара месяцев. О том, как рухнула хваленая армия Саакашвили, забудут. И о геноциде осетин забудут. А вот об этой «зацепке» не забудут никогда. К ней будут явным и неявным образом апеллировать. Ее будут усугублять. Это-то и называется «разыграть». Не разыграют? Хочется верить.

Хочется-то – хочется... Но я сначала слышу, как представитель РФ в ООН В.Чуркин (блестящий и очень патриотичный дипломат) говорит: «А какой приличный человек станет сейчас разговаривать с Саакашвили?» А потом «друг Николя»

объявляет, что господину Саакашвили нечто желательно, и мы это «нечто» соглашаемся принять. То ли потому, что оно желательно Саакашвили, то ли потому, что оно желательно «другу Николая». Как сочетается чуркинский максимализм с подобным минимализмом? И зачем максимализм, если итогом станет минимализм?

Пока Россия шарахается от максимализма к минимализму (при том, что потеря лица – это отнюдь не мелочь), Запад ведет Большую игру, причем привычными для нее мошенническими способами. «Злой следователь», «добрый следователь» – избитый, но почему-то безотказный прием.

Злой Буш хмурится. Мы нервничаем. Приезжает добрый Николай Саркози и говорит: «Ах, мне так трудно было приехать в Москву! Я столько рискую ради вас! Я могу об вас замараться, но я еду, нечто предлагаю. Как? Вы не соглашаетесь? Не может быть! Вам нужен – ха-ха-ха – какой-то тайм-аут? Какой тайм-аут, опомнитесь? Вздвигнувшиеся американцы могут с цепи сорваться. О, этот Чейни! Ужас! А Маккейн? Ужас-ужас! Надо скорее что-то подписать. Тогда мы с вами их обыграем!»

В глазах Саркози – непогашенные искорки специфического игрового азарта... Я предлагаю вашему рассмотрению шестой пункт анализируемого мною соглашения в окончательной редакции. После согласования с Саакашвили. То есть по завершению игры «добраго Николая».

Шестой пункт теперь звучит так: «Предоставление Абхазии и Южной Осетии международных гарантий безопасности и стабильности». Ничего себе! Начальная редакция, как говорится, «за здравие», окончательная – «за упокой». Останемся ли мы в итоге в Южной Осетии и Абхазии в качестве миротворцев – «бабушка надвое сказала». «Международные гарантии безопасности и стабильности» – это типичная интернационализация конфликта. Тот самый «балканский сценарий», будь он неладен. Ну, не американцы окажутся «интернационализаторами», а Евросоюз... В точности так, как это прорабатывается для Косово... «Миссия ЕС вместо миссии ООН»...

Мы потом свернем с этого пагубного пути? А зачем мы на него встали? При том, что с каждым днем сворачивать с него будет все труднее! Мы встали на него под давлением обстоятельств? Каких обстоятельств? Непобедимая грузинская армия стояла у врат Кремля? Ах, речь идет о внешних обстоятельствах! Так они всегда будут на нас давить. Чем больше будет наша уступчивость, тем сильнее будет давление.

Как и все граждане России, я хочу верить во все хорошее. Я хочу верить, что «мировое сообщество» придет в ужас от злодеяний Саакашвили. Что оно, придя в ужас, признает Южную Осетию независимым от Грузии государством. Что Южная Осетия, став независимой, воссоединится с Северной и войдет в состав Российской Федерации. Это было бы огромной победой для нашей страны, которой очень нужны победы. И я хочу верить в эту победу. А еще я хочу верить, что доживу до семисот лет.

Шесть пунктов – это только начало. Мы их приняли под давлением? Давление будет усилено. Его усилят американцы... К вопросу об улыбочках, которыми обмениваются Райс и Саркози. Главы МИД стран ЕС одобрили шесть принципов. Франция готовит на их основе проект резолюции Совета Безопасности ООН. Да и сам Совет Безопасности... У, сколько коршунов слетается... прошу прощения, авторитетных членов благородного «мирового сообщества».

В начале 90-х годов все верили, что это благородные члены «мирового сообщества». Потом уже никто из вменяемых людей в это не верил. Но телевидение продолжало об этом уныло талдычить. Теперь уже и телевидение говорит что-то совсем другое, и власть. Они говорят, да не договаривают. Ну, так я договарю. Мировое сообщество – это неправовая банда, замаранная бомбардировками Югославии и много еще чем. Механизм признания Южной Осетии, как и кого бы то ни было еще (так сказать, «признавалка»), находится в руках у этой неправовой банды. Она признает тех, кого хотят признать ее паханы. А кого они не хотят признать, тех не признает. И на любые аргументы плюет с высокой горы.

Соответственно, есть два сценария нашего поведения, совместимых с жизнью. Подчеркиваю, совместимых, и не более того.

Первый сценарий – жесткий. Мы в одностороннем порядке берем под свою опеку народы и заселенные ими территории, вводя их в состав своего государства. А как иначе мы их защитим? Тогда нас называют разными нехорошими словами. А возможно, и подвергают каким-то санкциям. Например – о, ужас! – проблематизируют наше место в так называемой «восьмерке». Или – о, ужас, ужас! – наше место в Европе.

Это предлагаемый мною сценарий? Помилуйте! Я о своем подходе (восстановление СССР и прочее) говорил уже не сотни, а тысячи раз. Подход, который я только что описал, предлагается не мной, но многими. Применив этот («жесткий») подход, мы должны сказать, что нам... как бы это пополицорректнее выразиться?... вот оно! что нам дела нет до этого самого «мирового сообщества», являющегося: специфическим альянсом «воров в законе» и опущенных этими ворами «малых сих». И что мы готовы испить горькую чашу последствий своего поведения, порожденного таким качеством «мирового сообщества». Горькую – или смертельную? Не резкость нашего поведения породит превращение горького в смертельное. Хотя, конечно же, мы не должны вести себя по принципу «гуляй, Вася!». Горькое в смертельное может превратить только наша слабость. Это называется «не ищущай других собственной слабостью»!

Второй сценарий – «мягкий». Но тоже совместимый с жизнью страны. Мы не признаем Южную Осетию и Абхазию, опасаясь избыточных издержек, связанных с подобным признанием. Но мы рассматриваем эти непризнанные государства как высоко приоритетную зону своих интересов на Кавказе. Своих – и только своих. Мы не пускаем туда ни США («злого следателя»), ни ЕС («добраго следателя»), ни ислам, ни Китай. Мы твердой ногой становимся на оставшуюся пророссийскую кавказскую землю. И мы делаем все для того, чтобы эта земля становилась все более и более пророссийской. Если надо, то мы – не помыкая властями этих непризнанных государств, а бесконечно уважая их – создаем совместно с ними один социальный и политический климат, если надо – другой. Мы всегда действуем в интересах народов этих государств, мы вкладываемся в обеспечение этих интересов не только в критических ситуациях. Мы это делаем постоянно. Если надо, мы так восстановим Цхинвал, что Тбилиси будет завидовать. Только так!

С «мировым сообществом» мы при этом сюсюкаем, поелику возможно. И пытаемся войти в его действительный воровской синклит, то бишь в НАТО. Подчеркиваю, что это тоже приемлемая государственная стратегия. Подчеркиваю также – что не

моя. Я говорю не о своем любимом, а о совместимом с жизнью страны... Не такой, какой я ее во сне вижу, а такой, какова она есть. Не будет ее, нам та, другая, и во сне перестанет сниться.

«Жесткий» сценарий... «Мягкий»... Оба они не совместимы с шестым пунктом соглашения в редакции Саакашвили. А поскольку других сценариев жизни нет, то «подарок от Саркози» совместим только с нашей смертью. И чем скорее мы это в полной мере признаем – тем лучше. Такое признание – не дань имперским амбициям. Оно проистекает из очевиднейшего и простейшего рации.

Государственники! Кем бы вы ни были по своей идеологии, как бы ни любили Запад, как бы ни хотели «антисовковых» постсоветских благоустройств – очнитесь!

Президент Франции Никеля Саркози привез в Москву антигосударственный яд, а не примирительный документ. Поправки Саакашвили превратили привезенное в яд кураре.

Это не подкуп под линию Кремля, это сигнал тревоги. Имея антагонистом Кремля мерзавца Саакашвили и опекающую его безжалостную «братву», нельзя не поддержать Кремль... Это называется поддержка по принципу «от противного»... Ну так вот... Впервые за много лет Кремль можно поддерживать не только по этому принципу. Впервые можно по-настоящему гордиться тем, как повела себя Россия и власть на первой острой фазе конфликта.

СМИ в целом, телевидение, в первую очередь, сработали надежно и качественно. Не было ни одной пакости из тех, что сопровождали первую чеченскую кампанию. Не было «кукиша в кармане». И «отработки» директив начальства тоже не было. Налицо была консолидированная внутренняя прогосударственная позиция всего так называемого «среднего» (и решающего) звена. А это беспрецедентно.

Армия вела себя героически. Но героически она вела себя и в других острейших кризисных ситуациях. Тут же она проявила еще и что-то давно забытое. То, чего от нее перестали ждать. Быстроту реакции. Совсем иную боеготовность – и системную эффективность.

МЧС и другие структуры, призванные быстро реагировать в чрезвычайных ситуациях, угрожающих нашей безопасности, оказались адекватны и состоятельны.

Политики не колебались, не шарахались из стороны в сторону. Дмитрий Медведев, имевший богатый административный опыт и нулевой политический, проявил себя как жесткий и эффективный политик. Владимир Путин, за восемь лет приобретя вкус к развернутым политическим формулировкам, давал их сочно, по делу и от души.

МИД вел себя умно, гибко и наступательно. Региональные политики были на высоте. Народы Северного Кавказа проявили поразительную солидарность.

Достоинство оказавшегося жертвой геноцида осетинского народа поражает и восхищает, равно как и его мужество.

Сострадательность, проявленная гражданами России... Надежность и «аккуратность» абхазов... Отсутствие каких-либо эксцессов на межнациональной почве... Все это вызывало гордость за страну, уважение к политикам, управленцам, воинам, а значит, и всей выстроенной Системе.

Системе... наконец-то, мы подошли к самому главному.

В чем обязанность аналитика? Зарегистрировать явление. Описать его. Раскрыть его сущность. И, исходя из этого раскрытия, дать прогноз.

Регистрируем: пожары, залпы, беженцы, трупы.

Всматриваемся в детали: сводки, международные СМИ, игровые ходы и так далее...

Проводим первоначальные параллели... Уж очень это все напоминает сводки двадцатилетней давности (сумгаитские, ферганские и другие). И что? Считать, что проведенная параллель раскрывает сущность явления? Это совершенно недопустимо! Страна, власть, мир – все страшно изменилось. Стоп! Как изменилось? В какую сторону?

Легче всего воскликнуть: «Все полетело в тартарары!» И порассуждать по этому поводу. Но именно потому, что это легче всего, увлекаться подобным не должно. Особенно, когда случилась реальная большая беда. Но что тогда сказать? Что все возрождается, воскресает, аки Феникс из пепла?..

Что именно надо сказать, я понял, наткнувшись на это самое слово «система».

Да, сложилась новая Система. Она, во-первых, сложилась. Она, во-вторых, новая. И она, в-третьих, Система. Как и любая Система, она рассчитана на определенные нагрузки. Как и любая Система, она что-то может, а чего-то нет. Архитектор Системы – Путин. Он ее не соорудил по какому-то генеральному плану. Он делал конкретные дела, наводил элементарный порядок. А она складывалась. Сложилась. Блестяще отреагировала на первой острой фазе конфликта. И – стала пробуксовывать на второй. С глубоким благожелательным интересом и без тени злорадства всмотримся в то, что уже на первой фазе предвещало подобную пробуксовку.

Могло ли быть сказано следующее: «В ночь на восьмое августа 2008 года без объявления войны на нас напали... враг будет разбит, победа будет за нами»? Этого не могло быть сказано. Могли ли мы – ставлю вопрос ребром – объявить войну Грузии? Не могли. А почему не могли? У нас не было оснований? Саакашвили осуществил акт агрессии. Он целенаправленно уничтожал наших солдат, совершал другие вопиющие военные преступления. В том числе и по отношению к нашим гражданам.

Но если бы он только истребил наших солдат, наших воинов, то этого бы не было достаточно для объявления войны? По всем мировым нормам этого совершенно достаточно. В телевизионном кадре значилось: «Война в Осетии». Война? Миротворческая операция? Принуждение к миру? Если бы это была война, то мы бы, разгромив Саакашвили, добились очень быстрой безоговорочной капитуляции. И на безусловных основаниях определяли бы устройство жизни на территории, где не по нашей вине началась война. На территории разгромленного нами государства-агрессора.

Саддам Хусейн не напал на США. Он не осуществил кровавого погрома американских граждан. Но – американцы создают новый «Большой Ближний Восток», как они его называют. А мы не можем, разгромив реального агрессора, создать новую структуру безопасности в регионе? А почему, собственно? Потому, что ничего подобного созданная Система осуществить не

может. И побуждать ее к этому – значит заниматься провокацией. Так я и не побуждаю, я анализирую ее рамки. Это мой аналитический долг. Система – эффективна. Но она создана для вхождения в Запад, а не для противостояния с ним. И даже не для какого-нибудь «особого пути». Система такова, какова она есть.

Система не может понять, что стряслось. Она цепляется за фактор Саакашвили. Это системный невроз. Система успокаивает себя: «Мне всего-то противостоит подонок Саакашвили. И такой подонок, и этакий, и трус, и дурак. А значит, крупных неприятностей нет».

Саакашвили – подонок, кровавый палач, военный преступник. Наверное, он трус, не знаю. Меня это так же мало интересует, как то, какой он семьянин. То, что он созревший пациент для Кашенко, я сказал задолго до цхинвальских событий. Тогда, когда к его ногам бросали Аджарию. Саакашвили делает все ошибки, кроме одной – стратегической. Он знает, кто сила, и он служит ей – безоглядно, с кровавой бандитской угодливостью. Он не дурак! Вы слышите, не дурак! Гитлер был и подонок, и псих. Но он не был дураком, и потому им занималось не Кашенко, а все человечество. Саакашвили спланировал операцию под названием «сгон с земель». Такие операции – быт Африки, а в чем-то до сих пор и Латинской Америки.

Для сгона нужно, прежде всего, породить в жертвах особый архетипический ужас. Их надо жечь, давить танками, убивать детей на глазах матерей и так далее. Тогда, как гласят соответствующие инструкции, которые Саакашвили выучил наизусть, жертвы, убежав, не захотят возвращаться. А, оказавшись в лагерях беженцев, бок о бок с себе подобными, будут размножать бактерии пережитого ужаса, создавая интересующую мучителей субкультуру жертв.

Для сгона, далее, нужно разрушить инфраструктуру. Всю инфраструктуру жизни. Для этого нужны «Грады», «Ураганы», ковровые бомбардировки. Убитые? Прекрасно, очевидно, что они не вернуться. Уцелевшие? Испугаются! Неиспугавшиеся? А куда они вернуться? Нужно разрушить то, куда они могут вернуться. Они же люди, им надо жить, учить детей, лечить их. На восстановление среды нормальной жизни уйдут годы? Прекрасно! Пусть русские восстанавливают! Потом мы это все заселим грузинами. А осетины за эти годы разъедутся по России или укоренятся в Северной Осетии... Так, холодно и подло, рассуждает подонок Саакашвили. Но ровно так же, повторяю, все расписано в инструкциях, которыми он пользуется. Ровно так сгоняли, между прочим, сербов. И это самое «мировое сообщество» бровью не повело...

Для сгона, наконец, нужно получить правильный формат власти в созданной зоне бедствия. В Косово должен быть международный контингент, который будет смотреть сквозь пальцы на то, как сербов выдавливают, но за каждый эксцесс с албанцами – ой-ё-ёй!..

В итоге «жесткое» вытеснение завершится «мягким». Вот что такое реальный Саакашвили.

Что же касается «фактора Саакашвили», то Система не может справиться и с его оценкой. Вроде бы она говорит, что за спиной Саакашвили стоят «злые силы». Но тогда «фактор Саакашвили» никакие равен Саакашвили. Однако Системе очень хочется приравнять «фактор Саакашвили» к Саакашвили, а реального Саакашвили к успокоительному «нулю».

В.Чуркин говорит, что идиот Саакашвили (конечно, он, как дипломат, говорит корректнее, но суть в этом) не понял американских хозяев и, что называется, лоханулся. Да все он понял! Ничего бы он без хозяев не сделал! Они бы ему не дали! И... он абсолютно не лоханулся! Он задание выполнил!

Особенно трудно Системе осмыслить так называемую «неадекватность» западных СМИ. Наши СМИ очень обижались на то, что их западные коллеги по профессии проявляют такую неадекватность. И они так обрадовались, когда те стали и проявлять адекватность.

Проверьте, пожалуйста, когда они стали проявлять адекватность! Они стали проявлять ее тогда, когда им показалось, что мы попали в капкан, поддавшись на шесть пунктов! Точно тогда! День в день, час в час, минута в минуту: «Надо же! Русские, выиграв войну, подписали политическую капитуляцию?!» Оценив так случившееся, глобальные СМИ стали проявлять по отношению к нам немножечко снисходительности. Большая игра ведется именно так. Вы делаете то, что нужно играющим против вас, – они вас поощряют. И наоборот. А что особенного? Политика «кнута и пряника».

Система мучительно пытается справиться с этим непостижимым поведением глобальных СМИ. Вдруг оказывается, что эти СМИ якобы выполняют (версия С.Маркова) приказы Дика Чейни. Вице-президент США Ричард Чейни – умный, жесткий правый республиканец. Глобальные же СМИ правых совсем не любят. (Это проблема всего Запада – Европы, Израйля, США.) И потом... если бы случившееся было только игрой штаба Маккейна и Ричарда Чейни, штаб Обамы отыграл бы в обратную сторону.

Глобальные СМИ нельзя купить на деньги Саакашвили, который, как говорят, нанял пиар-агентства на американские деньги (версия представителя РФ в НАТО Д.Рогозина). Конечно, Саакашвили кого-то нанял и что-то заплатил. Но сколько он заплатил? Если бы он отдал «глобальным СМИ» всю американскую военную помощь (а мы видим, что это не так), то все равно денег не хватило бы на то, чтобы купить одну тысячную этих глобальных СМИ.

Глобальные СМИ нельзя купить и на деньги мирового нефтяного правительства, о котором говорил тот же Рогозин (его вторая версия).

И как сочетаются две версии Рогозина? Саакашвили на американские деньги купил глобальные СМИ или их купило глобальное нефтяное правительство? Эти субъекты располагают качественно разными деньгами. В первом случае потягаться ничего не стоит, а во втором...

На самом деле глобальные СМИ не подконтрольны ни пиар-агентствам, исполняющим заказ Саакашвили, ни Дику Чейни, ни мировому нефтяному правительству (которого очевидным образом нет, было бы – жили бы мирненько). Глобальные СМИ гораздо ближе к хозяевам мировых финансов. Кого-то мы знаем по именам. И связи их с глобальными СМИ знаем. Кто-то стоит за кадром. Можно было бы начать решать так называемую обратную задачу и, исходя из этого, реконструировать субъект, стоящий за осетинскими событиями как элементом «Большой игры». Но это не в газетах делается.

Все, что я хочу показать, это беспомощность имеющихся сценариев ответа на вопрос, «кто это сделал». А также на другие вопросы. Эта беспомощность обусловлена свойствами Системы, ее кодами. «Мировое сообщество» хорошее, но оно

сотворило Зло... Мы хорошие, но оно нас не любит... Нет, это не оно... Оно нас любит! Нас не любят те, кого подкупил Саакашвили, кому приказал Дик Чейни, кого наняло нефтяное правительство!..».

Повторяю – нынешняя Система создана для вхождения в «мировое сообщество», а не для того, чтобы ему противостоять. Для этого была создана советская Система, учредившая свое «мировое сообщество», именуемое «мировая социалистическая система, народно-освободительные движения и все прогрессивное человечество».

Еще один вариант успокоительного объяснения, даваемого Системой: «Нас не любят ангlosаксы. Не "дурак" нас не любит, и не "узкий круг негодяев", а "ангlosаксонский мир"» (очень популярная сейчас версия, озвучиваемая, в том числе, и Н.Нарочницкой).

Ну что сказать? У сербов были прекрасные отношения с Францией. Госпожа Нарочницкая не хуже меня знает, какие у них были прекрасные отношения. Кстати, и с Великобританией тоже. С Германией отношения были немного сложнее. Но – лишь немного. И что? Французские истребители помогли югославам, когда американцы бомбили Сербию? Французские политики остановили преступное решение Клинтона по бомбардировкам и столь же преступное решение Буша по Косово? Кто-то верит, что российская армия вместе с французской и немецкой будут воевать против ангlosаксонского мира? Ну, зачем эти иллюзии? Кто их порождает? Их порождает Система.

Почему никто, признав, что за спиной Саакашвили американцы, не положил на нужную чашу весов хотя бы возможность вывода нашего Стабилизационного фонда на США? Потому что Система! Не негодяи, не предатели, а Система.

Система не хочет признавать очевидного. Владимир Путин и на Северном Кавказе, и в Москве выступал как очень страстный, яркий и зрелый политик. Но тем не менее он сказал следующее: «Холодной войны нет давно, но ментальность холодной войны прочно засела в головах некоторых американских дипломатов».

Да, холодной войны нет давно, не спорю. А что есть? Есть война на уничтожение, по отношению к которой холодная война – это детские шалости. Нам противостоит мир, ненавидящий нас больше, чем когда-либо. Мир беспощадный, как никогда ранее. Мир, провоцируемый нашей слабостью на окончательное решение так называемого «русского вопроса». Возможности этого мира чинить расправы резко усилились. Оснований для того, чтобы нас любить, стало – представьте себе! – не больше, а меньше. Не в отдельных головах засели пережитки прошлого, так сказать. Это новая стратегия управления российской агонией. Речь идет о буквальной формулировке, подкрепляемой разного рода оскорбительными метафорами и сидящей вовсе не в отдельных головах.

Кому нужны иллюзии по поводу частного характера случившегося («ментальность холодной войны в головах некоторых американских дипломатов» и т.д.)? Путину? Нет! Сам Путин уже перешел Рубикон. И это видно без очков. Системе это надо, Системе.

Она боится признать даже самое очевидное. Что Саакашвили «шпендель», которого прислала «братва». Что «шпенделя» «отметелили». Что тогда «братва» прислала... о нет, не натовские войска, а всего лишь... всего лишь Николя Саркози.

Спросят: а что делать? Кидаться, очертя голову во все тяжкие, не имея ничего для этого?

Отвечаю: ни в коем случае. Вы ничего не имеете? Захотите это приобрести! Одно слагаемое победы за другим. Какие-то уже в ваших руках. Нужны следующие. Другая стратегия. Другая армия. Другая связь со своим народом. Никто, кстати, не сказал, что он так уж не готов к этому. Другая идеология, культура. Другой формат идей, касающихся того же развития. Умствования? Для этой Системы – да. А для другой – проблема жизни и смерти. Новая весть из России... Новое качество ее объединительной воли... Собираение за счет этого сверхдержавы... Ведь не совсем же мы забыли, как это делается!

Короче, надо создавать другую Систему под другие нагрузки. Построенная Система будет двигаться по «балканской» траектории. И очень скоро столкнется с сокрушительными нагрузками. Не губите под ее обломками себя и народ. Стройте новую! Вам в этом не мешать будут, а помогать все те, кто понимает масштаб беды. Вам не нужна их помощь? Вам нужен Николя Саркози? Ради бога, значит, вы верите в построенную вами Систему. Это ваше право. Милошевич тоже верил.

Глава III. От того, что «всё в шоколаде» – к тому, что «как-нибудь рассосется»

Через 6 дней после выхода статьи, которую я предоставил читателю в режиме on-line, состоялось нечто, являющееся беспрецедентным ответом российской власти на геополитические вызовы. Те вызовы, с которыми власть наша сталкивалась неоднократно. Но никогда еще в своих ответах не выходила так далеко за рамки определенных фундаментальных ограничений.

Если наши военные действия, осуществленные (как теперь уже понимают все) в ответ на преступления Саакашвили, были ситуационным реагированием, то признание Южной Осетии и Абхазии означало переход Рубикона. Так это и было воспринято.

США – не тупой громила с особо мощными военными мускулами. Это сверхдержава, способная и к оценке, и к реагированию. По крайней мере, в том, что касается главного сверхдержавного ресурса – имиджа, образа сверхдержавы в глазах всего остального мира.

Действия российской политической власти по признанию Южной Осетии и Абхазии проблематизировали образ США как беспощадного вожака, способного наказать тех, кто посягает на его полномочия и прерогативы. Я уже говорил об очень популярном в ангlosаксонской культуре образе Акелы из «Маугли».

США понимали, что если они ничем не ответят на признание Россией Южной Осетии и Абхазии, то они станут промахнувшимся Акелой. А в мире вследствие этого начнется всеобщий праздник непослушания. Мало ли кому еще и как захочется нарушить неписаный «кодекс Акелы», если Акела промахивается?

США послали в Черное море военные корабли. В ответ разгоряченные политическими шагами своего руководства российские военные стали обсуждать возможность нанесения ударов по этим кораблям как силами Черноморского флота, так

и силами других военных соединений.

В ответ на этот ответ США попробовали активизировать Украину и инициировать войну между нею и Российской Федерацией.

Украинцы потребовали от США (рассказываю читателю не сплетни, а достаточно достоверные, хотя и не опубликованные в открытой печати факты) задействования американского флота, американской авиации, американских средств подавления систем связи и многого другого.

США понимали, что такое задействование равносильно собственному включению в войну. На носу были выборы американского президента. В воздухе уже пахло финансово-экономическим мировым кризисом. Борьба элит в США достигла максимума. Российское руководство использовало все свои международные возможности для того, чтобы не допустить экстремального развития событий. В итоге мир не оказался втянут в ядерную войну. Но это могло произойти.

Военный кризис августа-сентября 2008 года вполне соизмерим с карибским кризисом 1962 года. Такова, по крайней мере, моя оценка.

Еще одним последствием беспрецедентного шага российского руководства по признанию Южной Осетии и Абхазии было очень острое негативное реагирование на этот шаг Европы в целом и Николя Саркози лично. Европейские «добрые следователи», ждавшие, когда европейские войска окажутся в Абхазии и Южной Осетии в виде обещанных механизмов урегулирования, почувствовали себя глубочайшим образом оскорбленными тем, что российское руководство не попало в капкан, который они соорудили.

В детских стихах по этому поводу сказано очень точно:

*Плачет киска в коридоре.
У нее большое горе:
Злые люди бедной киске
Не дают украсть сосиски!*

Не буду перегружать читателя деталями, но европейская «киска» и впрямь плакала, причем не фигурально, а буквально.

Что же касается российского руководства, то перед ним впервые и во весь рост встал вопрос о том, зачем совершены все эти беспрецедентные подвиги. Речь не о гуманитарном аспекте, не о том, надо или нет защищать страдающие народы Кавказа. Речь об аспекте политическом. А в политическом плане единственным настоящим результатом этого должно было бы стать включение Южной Осетии и Абхазии в состав России. То есть еще больший выход за пределы «кодекса Акелы», да и всей той модели, которую российское руководство унаследовало от Ельцина и модифицировало. Теперь уже надо было не модифицировать модифицированное, а просто переходить на другую модель. История вышла на randevu с российским руководством и спросила его: «А ты готово?» Российское руководство, никогда ранее на подобные randevu не выходившее, отшатнулось. Оно не отшатнулось, когда ему угрожал Акела. Но оно отшатнулось от рукопожатия Командора по имени История.

26 августа 2008 года мне пришлось срочно прервать отпуск и приехать из далекой костромской деревни в Москву. Приехав, я остро, как никогда, ощутил, что риск перерастания конфликта на Кавказе в мировую войну носит, мягко говоря, далеко не умозрительный характер. Видимо, это ощущал не я один. По причинам, являющимся для меня загадочными вот уже двадцать лет, чем выше политическое неблагополучие, тем чаще мне приходится выступать. По телевидению и радио, в газетах и журналах... Ну, и на разного рода официальных мероприятиях тоже. Выступая на одном из таких мероприятий сразу после своего приезда из отпуска, я сформулировал нечто, казалось бы, очевидное. Что у любого объекта и политической системы в том числе существуют пределы прочности. Что можно сплясать на столе, но нельзя поставить на него тяжелый танк. Стол – не постамент и не испытательный стенд. Стол – это стол.

Политическая система, созданная Путиным и ставшая – после президентских выборов 2008 года и путинских политических инноваций, которые я назвал «18 брюмера», – фактическим дуумвиратом, могла выдерживать нагрузки, которые легли на нее с 1999 по 2008 годы. Иногда это были совсем немалые нагрузки. Но после августа 2008 года на систему ложатся совсем другие нагрузки, которых она не сможет избежать. И эти нагрузки, утверждал я уже в конце августа 2008 года, раздавят существующую систему так же, как самый хороший стол будет раздавлен, если на него попытаются поставить тяжелый танк.

Пока что власть может перестроить политическую систему, приспособив ее к более серьезным нагрузкам. Но если власть не успеет это сделать вовремя, то потом будет поздно. Каждый месяц с тех пор делает все более очевидным правоту этого моего незамысловатого политологического вывода.

Но чем очевиднее это становится для всех, тем в большей степени власть избегает всего, что стало для нее обязательным после ее же собственных решительных действий. Повторю еще раз, одно дело – пободаться аж с самим Бушем, а другое дело – оказаться на randevu с Историей.

Настойчивые заявления власти о том, что «мы с пуги не свернем» (с какого пути? что это за путь, с которого нельзя сворачивать в определенных условиях?), что империи в прошлом (а Объединенная Европа – не империя нового типа?), были не только ошибочными (сейчас-то уже слишком очевидно, насколько), но и странными. Эту политическую странность надо было исследовать в ее соотношении с идеей развития.

Я назвал эту странность переходом от политической мантры «всё в шоколаде» – к политической мантре «ништяк – рассосется». И впрямь ведь – все ответы власти на аргументы в пользу скорейшего преобразования политической системы сводились к тому, что «нечего драматизировать: оно, глядишь, само собой рассосется». Под тем «оно», которое должно само собой рассосаться, подразумевалась международная напряженность, вызванная нарушением Россией неформального «кодекса Акелы», о котором я говорил выше.

Ты долго и настойчиво объясняешь, что, согласно «кодексу Акелы», преступление (нарушение этого паскудного кодекса) требует наказания. Что это вопрос почти метафизический, то есть неотменяемый.

Ты объясняешь, что в противном случае «кодекс Акелы» (чья капитализация исчисляется сотнями триллионов долларов) должен быть выброшен на помойку. Ты объясняешь, что на стратегическом общемировом горизонте нет – в силу концептуальной вялости России в первую очередь – ничего, что могло бы быть альтернативой «кодексу Акелы».

Ты это объясняешь... Но страх перед Командором по имени История так велик, что тебя выслушивают, понимают, к чему ты клонишь, и с невротической оптимистичностью заявляют: «А мы верим, что рассосется!»

Сразу же хор голосов подхватывает: «Да-да, конечно же, рассосется!» Ты вспоминаешь в ужасе, что это прямой парафраз горбачевского: «Не надо драматизировать!» Ты наращиваешь убедительность аргументации и ее жесткость. В ответ звучат остальные горбачевские парафразы («нам подбрасывают» и так далее).

В основе, конечно же, страх перед Командором и нечто политически значимое, находящееся в симбиозе с этим страхом. Некая неотменяемая проектность, система табу, система ценностно окрашенных политических аксиом.

«Это все уже было», – думаешь ты и продолжаешь безнадежную по сути полемику. Почему продолжаешь? Потому же, почему герои какого-нибудь Сартра или Камю вели борьбу без надежды на успех. Потому, что такая борьба – твой долг. И не только долг, но и метафизическая обязанность. А еще потому, что никакая борьба не может быть абсолютно безнадежной. Абсолютно безнадежен только отказ от борьбы («нет ничего хуже, чем отказ от борьбы, когда борьба необходима», – сказал Дантон, и был абсолютно прав).

Итак, поскольку формально (по факту тогдашних публикаций и выступлений) именно я взял на себя роль оппонента власти в вопросе об абсолютной необходимости перестройки политической системы во имя спасения народа и страны, то отказаться от осмысления подобной странности и оппонирования властному оптимизму я не мог даже с этой точки зрения. Но ею все не исчерпывалось.

Кое-кто заявлял открыто и во всеуслышанье, что властный оптимизм («рассосется – и точка») вызван моими рассуждениями о необходимости коррекции системы под новые вызовы и угрозы. И что мое оппонирование потому необходимо не только с формальной точки зрения, но и по причинам иного рода.

Не знаю, насколько правы были эти «кое-кто» в своих утверждениях. Могу лишь сказать, что входившие в это «кое-кто» политические интеллектуалы не принадлежали к числу моих горячих поклонников (всегда склонных нечто преувеличивать), что они не были маргиналами, конспирологами или потенциальными «пациентами Кашенко».

Как бы там ни было, отвечать на опасную уверенность по поводу возможности движения все тем же путем и невозможности собирания вокруг России новых государственных сущностей, в чем-то похожих на империю (не более, чем Объединенная Европа, к примеру), было абсолютно необходимо

Можно ли это было сочетать с исследованием судьбы развития в России и мире? Не надо ли было сразу же прекратить это исследование и начать с чистого листа дискуссию по поводу преобразования политической системы и государства в условиях новых вызовов и угроз? Мне казалось, что надобности в прекращении исследования судьбы развития в связи с новой политической ситуацией нет. И я оказался прав.

Другое дело, что у моей фактологии, той самой, которую я называю Текст, появлялся тем самым новый пласт, новый уровень текстуальной периферий. Этот уровень заполнялся прямой, корректной, но настойчивой полемикой с действующим властным субъектом.

Я предлагаю читателю ознакомиться с этой полемикой, снабженной минимальными необходимыми комментариями. Отказ власти от рандеву с Историей и перехода к иным параметрам государственности, иным, мобилизационным, формам управления обществом породил нарастающее политическое и социальное неблагополучие. Мне было ясно, что соединять диалог о развитии и обсуждение этого неблагополучия можно лишь до тех пор, пока неблагополучие не станет слишком острым. А также пока есть надежда быть услышанным. В московских политических салонах все чаще называли мой газетный марафон «письмами к царю». Ясно было, что подобный роман в письмах лимитирован и эстетически, и этически. Да и гносеологически тоже.

В момент, когда процесс обострился донельзя, я прервал этот жанр в связи с исчерпанием сразу всех названных лимитов. Но за время, в течение которого еще можно было вести полемику в двойном – политическом и концептуальном – ключе, удалось не только о чем-то поспорить и о чем-то предупредить, но и что-то понять. Очень редко, кстати, политическая злободневность расширяет, а не сужает горизонты понимания исследуемого предмета. Но тут произошло именно такое резкое расширение. Подвергнув критике чужую позицию и сформировав собственную, я сумел одновременно продвинуться в исследовательском плане.

Мое продвижение сопровождалось очередными откликами все той же элитной пустоты, чьи явные и неявные демарши обсуждались мною в предыдущей части книги. А эти отклики позволили мне не потерять связь между очень сложно соотносящимися уровнями исследуемой текстуальности.

Новый и последний ее уровень, формированию и осмыслению которого я посвящаю данную часть своего исследования, успел сложиться как раз в момент, когда острота процесса вошла в антагонистическое противоречие с любым концептуальным «действием», осуществляемым на страницах политической газеты.

Подведя черту под формированием многоуровневого Текста, я вернулся (но уже за пределами газетного марафона) к рассмотрению фундаментальных вопросов развития. Тех вопросов, которые до обострения политического процесса предполагал обсудить в газете. Знакомству читателя с рассмотрением общих вопросов я посвящаю следующую часть своего исследования.

В этой же части я сформирую последний уровень исследуемого мною Текста, заполнив его концептуально значимой политической полемикой, превращающейся постепенно в скелет той самой теории развития, ради построения которой я и начал концептуально-политический марафон на страницах газеты «Завтра».

Я сознательно вывожу из этой части исследования те фундаментальные наработки, которые все же опубликовал в постцхинвальский период. Здесь – лишь о том, что имело концептуально-полемический характер и превращалось по ходу полемики в скелет искомой политической теории развития.

Уже 3 сентября 2008 года я, отложив в сторону все фундаментальные наработки, сделанные в летний период, предложил концептуализацию кавказского конфликта. Не практическое осмысление его, как перед этим, а именно его концептуализацию. Причем не только концептуализацию как таковую, но и концептуализацию, связанную с развитием. С этого момента и по момент такого обострения процессов, при котором любая концептуализация на тему о развитии является «бегством от реальности», я сделал несколько полемических записей в своем интеллектуальном полевом дневнике. Каждая – размером в газетную полосу. Настало время свести их в единую, снабженную минимальными комментариями, текстовую целостность – третий по счету уровень периферии формируемого и исследуемого мною Текста, Текста политических и метафизических судеб. Если есть «Книга Судеб», то почему не быть подобному Тексту со всеми его уровнями, дополняющими друг друга?

Глава IV. Постцхинвалье – запись в полевом дневнике, 3 сентября 2008 года

А нужна ли нам идея развития? Нужна ли нам (а) вообще какая-то консенсусная идея и (б) консенсус вокруг такой абстрактной и непрагматической идеи, как развитие? Ведь как неабстрактно полыхнуло в Южной Осетии! И как прагматично на это ответили!

Реагируя на текущие политические события (какая же без этих реакций ПОЛИТИЧЕСКАЯ теория развития), вводя сознательно в теоретический текст элементы идеологической полемики, я уж никак не могу не рассмотреть – воистину несопоставимый с тем, на что я уже отреагировал, – югоосетинский «эпизод».

Он ворвался в нашу жизнь и неумолимо подчиняет себе ее течение. Сначала конфликт, потом признание Южной Осетии и Абхазии, потом... Мало ли что еще будет потом. В этой ситуации можно либо закрыть тему развития, сказав, что есть вещи поважнее. Либо дать внятный ответ на вопрос, почему развитие сегодня надо обсуждать гораздо более накален но и фундаментально, чем вчера. Я убежден, что обсуждать его надо. И что произошедшее придаст обсуждению темы развития еще большее значение. И вот почему.

Какие бы конкретные шаги ни осуществлялись, единственный стратегический ответ на вызов фундаментально новой ситуации, сложившейся к концу августа 2008 года, – ЭТО СОЗДАНИЕ СВЕРХДЕРЖАВЫ. Только создав сверхдержаву, мы сможем:

- остановить напугавшую на мир ядерную войну;
- сохранить свое государство и проживающие в нем народы;
- не допустить множественных этноцидов, являющихся неизбежным следствием превращения произвольных административных границ, доставшихся в наследство от СССР, в границы государственные, не допустить повторения эксцессов такого рода, уже имевших место в процессе территориального переустройства Османской и Австро- Венгерской империй (пресловутая балканизация, и не только);
- не допустить новых саморазмножающихся эксцессов (в Крыму, Приднестровье и на том же Северном Кавказе);
- придать какое-то другое содержание (а значит, и направление) историческому процессу, который сегодня лишен любых «непрагматических» оснований, все больше напоминает грызню звериных стай, оголенную и потому обезумевшую чисто силовую конкуренцию, избавленную от социальной и культурной легитимации.

Я мог бы еще перечислять причины, по которым альтернатив созданию сверхдержавы нет. Но и этих достаточно. Я понимаю, что создания сверхдержавы не хочет никто. Но мало ли чего не хотел никто еще несколько месяцев назад.

Если система, построенная за эти годы, выдержит новые нагрузки – пусть она отстаивает себя. Я буду рад этому. И помогу всем, чем смогу. Но если она их не выдержит, то погибнет нечто, не сопоставимое по ценности с этой системой, этой элитой, этим классом. Погибнет народ, история, возможно, и человечество. Цена вопроса именно такова. Она обнажилась со всей неумолимостью. Эта новая цена вопроса была бы очевидна всем, если бы так страстно не цеплялось нутро за вожацкие радости комфортного бытия.

Никто не хочет лишаться этих радостей потому, что они противоречат каким-то мировоззренческим установкам. Если эти радости можно сохранить – пусть они будут сохранены. А если нельзя? Я спрашиваю – ЕСЛИ НЕЛЬЗЯ? Каково тогда будет политическое решение?

Можно ли создать сверхдержаву? Не знаю. Но сначала надо сказать, что хотим этого, что спасительно только это, что без этого нельзя. А дальше будем думать, как. Ясно, что такая задача находится ПО ТУ СТОРОНУ ВСЯЧЕСКОГО ПРАГМАТИЗМА. ЧТО ОНА ТРЕБУЕТ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИДЕЙ, СВЯЗАННЫХ С РАЗВИТИЕМ. ГДЕ СВЕРХДЕРЖАВА – ТАМ И ЭТИ ИДЕИ. ЕСЛИ СВЕРХДЕРЖАВА НУЖНА – ТО ОНИ СВЕРХАКТУАЛЬНЫ. А ЕСЛИ ОНА НЕ НУЖНА – ТО ОНИ УПРАЖНЕНИЯ УМА. И ВОТ СЕЙЧАС Я УБЕЖДЕН, ЧТО ОНА НУЖНА, КАК НИКОГДА. А ПОТОМУ ИССЛЕДОВАНИЯ САМЫХ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ ПОД ПОЛИТИЧЕСКИМ УГЛОМ ЗРЕНИЯ – НАСУЩНЫЙ ХЛЕБ, А НЕ ПИРОЖНЫЕ НАШЕЙ ПОЛИТИКИ.

Я не хочу подменять практику теоретизированием. Это было бы просто смешно. Но без ответа на фундаментальные вопросы, связанные с развитием, вся практика скоро начнет приобретать очень трагикомический характер. Она при любой ее остроте и блистательности разобьется о нерешенные стратегические проблемы. Она уже о них разбивается. И с каждым днем это будет становиться все очевиднее.

Мы – в Постцхинвалье. Еще недавно казалось слишком многим, что «всё в шоколаде» и Россия вот-вот будет в Европе. А теперь мы в Постцхинвалье. Сгорая это еще не осознано в полной мере. Говорится о каком-то кризисе отношений с

Западом, который надо разруливать. Конечно, надо... Только это не кризис. И чтобы ЭТО разруливать, следует признать, что ЭТО такое. Мужество решать конкретные проблемы есть. Найдется ли мужество для ответа на фундаментальные вопросы? Вот ведь от чего зависит судьба страны!

Каждый человек – это прежде всего личность. А еще он представитель своего народа. А также представитель своего класса. Разорвать с классом – его ментальностью, его приоритетами, его стилем существования – очень, очень сложно. Но что если личность и народный дух, который в ней просыпается, входят в противоречие с классом? Вот я уже вижу, как это происходит, на наших лидерах – с каждой их новой речью, с каждым новым витком обострения.

Это важнейший позитивный потенциал кризиса. Сумеют ли обладатели этого потенциала им правильно распорядиться? Или же их загонят назад в «классовое стойло»? Но только тогда недолгое пребывание в уютном стойле будет для них лишь прологом к путешествию на бойню.

Может быть, кто-то считает, что, мол, «рассосется». Но пусть этот «кто-то» объяснит мне, как это рассосется, так сказать, на девятом месяце? Политические лидеры откажутся от признания Абхазии и Южной Осетии? И Дума откажется? И Совет Федерации? Нет, миленькие, не рассосется! Произошедшее необратимо и будет двигаться по своему пути. Мятаж? Глубокая зачистка? Не вижу ресурса! Но даже если он есть – это все равно Постцхинвалье. А если его нет – это тоже Постцхинвалье. По факту это новая жизнь России. По факту это новый формат политики. Выпустите вы сейчас хоть сто Ходорковских – это не отменит Постцхинвалье. Его уже ничто не отменит.

Всё! Вы понимаете, господа гедонисты, – всё! Я не злорадствую, не ликую. Я констатирую то, что вы бы и сами поняли, если бы вам не было так страшно и больно. Двадцатилетие закончено. Дело не в том, чтобы с кем-то сводить счеты, упаси бог! Я просто не хочу, чтобы уже постучавшаяся в дверь беда пришла к неподготовившемуся народу и растерянной элите.

Я не накликаю эту беду, не кричу, как буреви́стник: «Пусть сильнее грянет буря!» Я не хочу этой бури. Если бы для того, чтобы она не состоялась, нужно было бы никогда не выступать по телевидению, не писать в газетах и заниматься чисто теоретическими разработками, я с огромным воодушевлением сделал бы именно это. Я не бравуюрю – не тот момент. Я пытаюсь в обсуждении невероятно важного для страны вопроса взять ту интонацию, которую когда-то один герой Достоевского рекомендовал другому, сказав: «Оставьте ваш тон и возьмите человеческий».

В Черном море – чужой флот. И наш тоже. Может быть, господа гедонисты не знают примерных возможностей плавающих в приграничных Грузии и Абхазии водах «изделий» и путают их со своими яхтами. Тогда пусть прикинут: того, что находится на этих «изделиях», достаточно... даже не буду договаривать. Потому что мне кажется, что и гедонисты знают, для чего достаточно. Говорится, что не надо пугать народ войной. А народ – он что, «кукукнулся» до такой степени, что не понимает значения маячащих на рейде чужих боевых кораблей? Если бы даже это был народ, доведенный либеральными реформами до состояния позднего палеолита, он бы все равно понял.

Но наш народ – все еще один из самых образованных народов мира. Вы боитесь напугать его угрозой войны? Вы знаете, как называется этот страх? Он называется «культивированием пацифистского сознания». В старой частушке пелось:

*С неба звездочка упала
Прямо к милому в штаны!
Пусть бы все там оторвало –
Лишь бы не было войны!*

Вы хотите вооружиться пацифистским сознанием и выстаивать в противостоянии с людьми, которые прямо говорят, что они солдаты армии Рейгана? Того самого Рейгана, который сказал, что уничтожение человечества лучше, чем крах Америки? Вы на языке пацифизма собрались разговаривать с диспенсалистами? Ах, вы не знаете, кто это такие? Вы не наблюдаете, как они в ходе американской выборной кампании обсуждают, кто из кандидатов Антихрист? Так узнайте! А если знаете, то примерьтесь. Необязательно для этого обезьянничать. Но соотнестись надо.

Я крайне позитивно оцениваю интервью Путина CNN. В этом интервью есть и достоинство, и страсть, и адекватность происходящему. Внутренний некрикливый пафос очевиден: мы не хотим быть рабами американских господ. Этот пафос нашел отклик в сердцах многих, и понятно почему. **НО ТОГДА ПРИ ЧЕМ ТУТ ПАЦИФИСТСКОЕ СОЗНАНИЕ?**

Либо-либо. Либо борьба с этим сознанием, либо отказ от продемонстрированных интонаций. И ползание на брюхе. Но сочетание «мы не рабы» с «боже мой, только не пугайте наш народ угрозой войны!» – это нонсенс, причем губительнейший. Россия материально слабее НАТО. Но не фатально слабее. А главное – дух решает в войне очень многое. Решение о начале войны возможно по многим причинам. Это будет не наше решение. Но оно уже прорабатывается. И остановить его можно только одним – всем известным – образом. Положить на другую чашу весов контрпотенциал, состоящий и из материального, и из духа. Но не из пацифистского же сознания, которое будет только распалать потенциального противника, внушая ему уверенность в безнаказанности.

Остановить войну – не значит сюсюкать, прятать голову под крыло. А сила духа не в том, чтобы закатывать милитаристские истерики. Но продемонстрировать мобилизационный духовный потенциал абсолютно необходимо. И не только продемонстрировать. Эпоха пиара позади. Этот потенциал надо разбудить в народе, которому двадцать лет внушали, что любая мобилизация – это отвратительная и почти преступная затея.

Но главное – соединить мобилизацию с развитием. Не противопоставить, а соединить. Иначе сверхдержавы не будет. Ну, будет рычащее, деградирующее чудовище. Кого-то оно чуть-чуть напугает, а кого-то раззадорит. Мало ли что этот раззадоренный «кто-то» может соорудить, помимо прямого ведения боевых действий?

Мобилизация и развитие! Не развитие в условиях отсутствия неприятностей, а развитие в условиях неприятностей, в каком-то смысле даже под воздействием оных, – вот единственно возможная формула. Кому-то казалось, что есть другие. Ну, и как?

Читатель, посмотри, с чего я начал свои размышления по поводу развития! С того, что Д. Медведев сказал о необходимости для России долговременной передышки. А я обратил внимание на то, что еще до того, как он об этом заговорил (да и Путин уже успел сказать что-то о необходимых нам десятилетиях развития в спокойных условиях), стало обсуждаться, из какого именно окна и пулей какого именно калибра с кем именно из этих «развивантов» будут разбираться.

Я что-нибудь выдумал? Я, что ли, тогда этот «политический сюжет» обнародовал, а не высокий американский эксперт? Я в ответ лишь объяснил, что Столыпину тоже не нужны были великие потрясения. Но они состоялись. И сейчас лишь фиксирую: чем именно отличается Южная Осетия от вековой давности «выстрела в Сараево» – понять невозможно. Если кто-то сумеет мне это объяснить, то этот «кто-то» – виртуоз по части ухода от правды жизни.

Страна должна встряхнуться. Проснуться. Осознать новую реальность. В стране должен произойти страшно важный ВНУТРЕННИЙ ПЕРЕЛОМ. Вы слышите? Внутренний!

Я не призываю ни к 1937 году, ни к каким бы то ни было ВНЕШНИМ коренным переломам. Любой ВНЕШНИЙ перелом абсолютно катастрофичен. Шас – начнем всех загонять в военный коммунизм, карточки раздавать, национализации проводить и черные воронки гонять почем зря! Не дожидетесь. Какие-то практические шаги, конечно, необходимы. Но их можно осуществить без всякого ВНЕШНЕГО перелома – спокойно и деловито. Это-то действующая власть вполне сможет.

Дело в другом. Необходим коренной ВНУТРЕННИЙ ПЕРЕЛОМ. Он должен быть, повторяю, ВНУТРЕННИМ. Но он ДОЛЖЕН БЫТЬ. Если его не будет – нам всем хана. Этот внутренний перелом предполагает отказ от всякой подражательности, от любого обезьянничанья на чужой манер. Он предполагает не прагматический, а иной отказ от заданной двадцатилетием модели «вашингтонского обкома».

Можно поносить американский империализм почем зря (что уже делается и будет делаться еще громче) и при этом находиться в абсолютной психологической зависимости от этого империализма, его моделей, концептуальной власти, задаваемой этими моделями. Надо показать не только, что это кончено, исчерпано, дискредитировано самим американским империализмом. Надо показать, что у нас есть свое фундаментальное послание миру в том, что касается понимания развития. И что на основе этого фундаментального понимания мы собираем вокруг себя народы, готовые его разделить.

Я не призываю ни к каким реставрациям, ибо они бессмысленны. Позорно отказываться от своего опыта и своей самости. Но ничуть не менее позорно оказываться ностальгирующими «бобиками», неспособными посмотреть в будущее. Я с методологических, а не идеологических, ценностных позиций предлагаю осмыслить то, что советская Россия при Ленине была неизмеримо слабее нынешней России в плане вооружений, экономической мощи и прочего. Но у нее было некое фундаментальное послание миру. И только это помогло ей выстоять.

Так уж устроен мир, что Россия, перестав ползать на брюхе, оказывается перед выбором – или собирать сверхдержаву, или быть уничтоженной. Сказал А (перестал ползать на брюхе), говори Б, В и так далее. Ищи послание – да обрящешь.

Бряцание оружием, нагнетание страстей? Помилуйте! Кто их нагнетает? Флот, трущийся о флот в небольшой лохани под названием Черное море, – кто это соорудил? Ваш покорный слуга? Я сидел в костромской деревне и с наслаждением занимался изучением Блаженного Августина. Смотрел телевизор, с невероятной горечью констатируя, что все, о чем я предупреждал, сбывается с пугающей меня неумолимостью. Да, пугающей! Я никогда не хотел, чтобы мои прогнозы сбывались. И никогда не считал, что страх – это нечто недостойное. Я, напротив, всегда считал, что отсутствие страха – симптом глубокого психического нездоровья.

Вот у мерзавца Саакашвили не было страха, когда он приказывал разрушать Цхинвал. Страх возник, когда самолеты начали летать над его головкой, а не над головами осетинских детей. Тот, кто говорит, что у него нет страха, – это глубоко больной человек. Или псевдомачо, который обделается при первых неприятностях, касающихся лично его, как это случилось с Саакашвили.

Так что я повторяю: все сбывается с пугающей неумолимостью. Но главное – с неумолимостью. Потому что для того, чтобы сказать, что никакой передышки не будет, не нужно было быть семи пядей во лбу. Агрессия против «непокорных грузинских провинций» начала рассматриваться соответствующими международными кругами в феврале 2008 года. Еще до победы на выборах Д. Медведева. Примерно тогда же, когда стали обсуждать, как и по кому будут палить из винтовок с оптическими прицелами.

А вот что нужно было для того, чтобы говорить о передышке? О мирных десятилетиях, в течение которых мы будем неуклонно развиваться и одновременно делать нашу жизнь все более и более нормальной? Для этого нужно было быть людьми именно той генерации, к которой относятся и Путин, и Медведев. К генерации людей, твердо убежденных, что Россия может и должна стать великим государством, входящим в великий западный мир.

Это и есть российское державное западничество. Именно державное и именно западничество. И петербургский генезис здесь имеет существенное значение, и человеческий опыт. Путин работал в Германии, смотрел вокруг, видел ухоженность, опрятность, НОРМАЛЬНОСТЬ окружающей жизни и хотел, чтобы так было в России. Ему были абсолютно ясны две вещи. Первая – что именно в этом благо для России. Вторая – что это благо достижимо.

Он и отнесся ко всему происходившему соответственно. Как советский офицер и патриот, он острейшим образом пережил распад СССР и начавшийся демократоидный дурдом. Как человек с российскими державно-западническими убеждениями, он твердо верил, что коммунизм – это красивая, но вредная сказка. Что нужно добиваться нормальности. Что СССР развалился потому, что советские лидеры не дали народу вожделенной для него нормальной жизни. Они не дали! А мы... Мы добьемся этой нормальности, станем нормальной (и великой) державой и войдем в этом качестве в нормальный (и великий) западный мир.

Он в это верил, как офицер, переживший катастрофу конца 80-х. Он в это верил, как начинающий постсоветский менеджер. Он в это верил, как крупный администратор. Он в это верил, как человек, рискнувший всем, давая отпор в Чечне. Он в это верил, как утвердившийся политический лидер. И он выбрал преемника, который верил в то же самое.

С недоумевающей издевкой Путин смотрел на Меркель (чей «генезис» ему, надо полагать, понятен ну уж никак не

меньше, чем мне) и «пояснял для недоразвитых»: «Я давно привык к ярлыкам вроде того, что трудно разговаривать с бывшим агентом КГБ. Медведев будет более свободен от того, чтобы доказывать свои либеральные взгляды. Но и он в хорошем смысле такой же русский националист, как и я. Он настоящий патриот и будет самым активным образом отстаивать интересы России на международной арене».

Выбрал же он Медведева потому, что видел в нем два слагаемых, которые ему особо дороги, – державность и западничество. Все, что касается надежности, взаимных личных симпатий, это уже третье. Или, как говорят математики, необходимое, но недостаточное. Достаточным же было именно то, что я назвал. Путин – это офицер конца 80-х годов. У меня есть друзья с подобными же представлениями. И я знаю, что это даже не мировоззрение, а нечто большее. Это глубокая светская вера. Не мешающая ее обладателям быть, например, православными или кем-либо еще. Или же не быть оными.

Я знаю немало людей в гораздо более высоких военных чинах, чем Путин, которые верили именно в это. Я знаю людей из окружения Андропова, которые сочетали глубочайший патриотизм с таким же представлением о нормальном и должном. Ни эти люди, очень близкие к Юрию Владимировичу, ни профессионалы-историки, занятые его личностью, ничего не могут утверждать наверняка. Но поскольку я занимаюсь этим давно, то мне кажется – подчеркиваю, кажется, – что у Ю.Андропова была какая-то затаенная мысль по поводу суперпроекта, основанного на тонком переигрывании противника. Ну, например, мы как бы разоружаемся, чуть-чуть разваливаемся, входим в макросистему противника, а потом оказывается, что мы там главные. А что делать? Не ядерную же войну начинать!

Сколько раз де Голль говорил о Европе от Атлантики до Урала. А нашим – нравилось. Ох, как им это нравилось! Им же говорили – и по-французски» и в переводе – до Урала! А после Урала – что? Политическая Европа кончается? Де Голль же о политической Европе говорил! А государство под названием Россия (СССР или просто Россия) продолжается? Или за Уралом уже начинается Китай?

Потом начались химеры Евразии. Мы объединимся с Европой. Возникнет единая Евразия. Мы «удеваем» Штаты. Станем хозяевами мира. А для начала развалим СССР и хитренько так, нормализовавшись, освободившись от «совкового безумия», в это все запрыгнем.

Запрыгнули?

Я адресую этот вопрос не вороватому быдлу, не любителям роскошных особняков, а серьезным державникам-западникам. Так запрыгнули или нет? Стали частью Евросоюза?.. Вошли в НАТО?.. Вышвырнули американцев из Европы или поделили с ними мир?.. НИЧЕГО ЭТОГО НЕ ПРОИЗОШЛО. И Постцхинвалье – время, когда всем придется признать, что этого не произошло. Классу придется признать. «Базису» то есть. А высшей политической «надстройке» – в первую очередь. Потому что, если она этого не признает и не сделает выводов, ее сдает класс.

И не надо говорить, что у него нет способов. Способы всегда найдутся. Просто до Цхинвала класс был готов кого-то сдавать, дабы усидеть на двух стульях (державности и западничества). А после Цхинвала можно либо сдать всю «надстройку» целиком и ползти на брюхе к иноземным завоевателям (не будучи уверенными в том, что простят), либо стать адекватными новым вызовам. А они огромны!

СССР был сверхдержавой. Холодная война – это противостояние сверхдержав с разными идеологиями. Не религиями! Когда конфликтуют религии, да еще поднагретые эсхатологическими ожиданиями, то это не холодная война, а конфликт цивилизаций. На языке офицеров, о которых речь, – «фул абзац» (говорю культурно).

Конфликт же идеологий – не ахти какой ужас. Возможна дивергенция идеологий, возможна конвергенция. Есть общая база, есть глубокие расхождения. Возможна разрядка, а возможно нарастание напряженности. И что? Если силы равны, то мир спокоен. Это и называлось Ялтинский мир. Кому-то он не нравился. Но нам-то он почему не нравился? Не нас разгромили и на обломках построили против нас какой-то там мир. Мы этот мир строили! Мы получили в нем больше, чем когда-либо имела Российская империя.

Почему мы этот мир сдали? Нам нужно было рынок внедрять, будь он неладен? Обогащаться нужно было нашей номенклатуре? А что, китайская номенклатура не обогатилась? Не внедрила рынок, сохранив при этом стране все, что та имела, в смысле державности? Или у Андропова не лежали на столе записки о китайском опыте, о том, куда Китай поворачивает после Мао Цзэдуна? Лежали, лежали! Но была какая-то мечта – очень давняя и очень опасная мечта. Мечта «слиться». И невозможно было объяснить, почему нельзя слиться. Невозможно было объяснить, что уже Ленин понял: победы он под Варшавой, и всему конец.

Россия – это альтернативный Запад. Именно Запад и именно альтернативный. Пока она будет – будет так. Когда же ее не будет, то мир рухнет в ходе «войны за русское наследство». Россию даже развалить «культурненько» нельзя: она так устроена. Отдайте китайцам Сибирь – и нет никаких США как сверхдержавы! Все начнут учить иероглифы. Я имею в виду тех, кто останется жив.

На этой историософской проблеме сходили с ума русские цари и советские генсеки. Очень и очень неслабые люди. Наконец, страсть по вхождению в Европу стала настолько сильна, что все политические инстинкты оказались временно подавлены. Я подчеркиваю – временно подавлены.

Не предатели России совершили то, что произошло. Это сделали несколько групп, чьи интересы временно совпали. Лишь одна из групп – «пятая колонна» (эти самые предатели). Вторая группа – расхитители, воры, чревоугодники, обезумевшие от желание иметь еще более роскошную жизнь, чем западные суперэлитарии. Третья (и решающая) группа – западники, воодушевленные любовью к России ничуть не меньше, чем те, кто оказался по другую сторону политического барьера.

В решающий момент все зависело от поведения третьей группы. Она изнутри захватила главные элитные позиции к началу 80-х годов. Так произошло в силу определенных культурных и социальных причин, которые нужно рассматривать отдельно. Здесь же мне важно только то, что это произошло. ГДР сдали не тогда, когда рухнула Берлинская стена. ГДР сдали окончательно где-нибудь в году 1979-м. Я не перепутал год. Не в 89-м, а в 79-м. Какие именно масштабные планы были в голове у Ю.Андропова по части мироустройства... Были ли они вообще... Тут окончательные ответы дать нельзя. А вот по

поводу того, когда сдали ГДР, можно нечто утверждать с большей или меньшей достоверностью. И я не с потолка беру этот 1979 год.

Прошло тридцать лет. Тридцать лет мечтаний, интриг, спецпроектов, национальных несчастий, личных катастроф, колоссальных жертв, положенных на алтарь того, чтобы все-таки слиться с Европой, зажить вместе с ней этой еамой «нормальной жизнью».

Постцихвалье – это время, когда надо подводить черту под давней мечтой. Для многих это страшно болезненно. Потому что эти многие не твари, не циники. Верю, что, во всяком случае, часть из них руководствовалась своими представлениями о национальном благе, а вовсе не желанием похоронить страну, получив в обмен возможность пить вино по тридцать тысяч евро бутылка.

В момент, когда Путин был офицером, эти люди были руководителями совсем другого ранга, хотя и сходного профиля. Жизнь прожита, принесена на алтарь несостоявшегося проекта. Что они думают, а главное, чувствуют теперь, когда трутся бок о бок в Черном море соответствующие «изделия»? Они же не дети! Они же понимают, что уже проблема военной конкуренции турецкого и нашего черноморского флота не имеет, так сказать, однозначного ответа! Они же понимают, что ради вхождения в Европу мы разоружились в одностороннем порядке!

Нам надо избежать холодной войны? Да холодная война была бы неимоверным благом по сравнению с тем, что нависло! Нам надо бы мечтать о холодной войне. А религиозным людям – молиться каждый день за то, чтобы войти в ее формат. Потому что она-то ничем не угрожает ни нашим народам, ни всему, что мы любим. Мир стал бы равновесен.

Он перестал им быть сразу после распада СССР. СССР, как тяжеленная плита, придавил и держал под спудом сконструированный для его подрыва радикальный исламизм (прошу не пугать с исламом). СССР фактом своего существования, своей миросистемной ролью нарушил так называемый закон неравномерности развития империализма, выведя за пределы этого самого империализма существенную часть человечества. Теперь человечество оказалось целиком обьято «неравномерностью империализма» и готовится к неизбежному последствию данной неравномерности – американо-китайской ядерной войне (уже «назначенной» некими прогнозистами на 2017 год).

СССР... Наши правозащитники с поджатыми губами, эти вчерашние хулители СССР, теперь мямлят: «Ведь были же братские народы, а теперь!»

Вы мне скажите, когда были эти братские народы? Когда они были, я спрашиваю? Пока была сверхдержава, именуемая одним или другим способом! «Такой-то царь, в такой-то год вручал России свой народ».

Мы что, не говорили о том, что малые империи гораздо свирепее, чем большие? И что Грузия своей репрессивностью покроеет все рекорды советской эпохи, которые так было принято смаковать? Вам что, была недоступна элементарная аргументация, предсказывающая, что каждому «свободолубивому народу, освобождающемуся от русского имперского сапога», немедленно придется лизать другой имперский сапог?

Мы что, не показывали – и количественно, и качественно, – что мир не отказывается от империй, а, наоборот, рвется к ИХ созданию в XXI веке? Что империей (и именно Четвертым Римом) мнят себя и США, и Евросоюз? Что раньше или позже возникнет еще пара кандидатов на имперское сверхдержавие? Причем именно такое, которое не будет совместимо ни с каким другим? И что нам в каждом из этих сверхдержавий места уже не будет? Что мы попадем между молотом и наковальней? Что отказаться от сверхдержавы ради евроутопии может только человек, разучившийся отличать мечту от действительности?

Я же не оспариваю эту мечту! Она совместима с жизнью России! Вошедшая в некое сверхдержавное поле Россия могла бы жить. У этой жизни были бы плюсы и минусы. По мне, так минусов было бы больше, а для кого-то это иначе. Но... не дано такой мечте осуществиться! И не надо даже спрашивать, почему этого не может быть. Этого не может быть, потому что не может быть никогда. «Теоретически это, конечно, лошадь, а практически так она падает».

«Теоретически» мы движемся в Европу. А «практически» мы трем о Запад ослабленными бронированными боками.

Западничество и державность вошли в клинч. Нужна не «практическая» милитаристская щетина, одевшая тело страны, млеющей от желания слиться в экстазе с Европой (Западом). Такая милитаристская щетина только погубит все на свете – и себя, и других. Себя – в первую очередь. Нужны рыцарские латы, под которыми – сверхдержавный дух.

Скажут: «Да что щетина, что латы – все равно ядерная война».

А вот и нет! Потому что латы остановят. А щетина не остановит. Ну, если вам так не нравится метафора лат... Если вы так верите в пацифизм (а я лично ни на йоту в него не верю и имею все основания)... Если так, то есть другая метафора. Мои учителя мне говорили: «Самая правильная одежда – это фрак». А когда я спрашивал почему, объясняли: «Потому что в нем нельзя ни драться, ни обниматься».

Обиженный западник может начать вести себя как оставленная жена, которая пишет письмо в партком: «Мой муж негодяй, верните мне моего мужа!» Такая жена способна на неадекватное поведение. Державный субъект, знающий, что у него есть его путь (назовите его особым или как-то еще) совершенно необязательно должен быть невротизирован сдержанными отношениями с теми, кто идет иным путем. Идеологический конфликт – это фрак в ситуации разрядки и это латы в ситуации обострения. Многое можно варьировать, если мы добьемся вменяемого идеологического конфликта. Но для этого надо иметь идеологию! А ее нет! У сверхдержавы она была. А у нас сейчас ее нет!

Самое страшное (не побоюсь слова «страшное»), что по большому счету ее нет ни у кого. Написав книгу «Слабость силы», я попытался «на языке фрака» обратиться к западным коллегам, объясняя это прискорбное обстоятельство. И получил много откликов. В том числе от людей с Запада, не лишенных влияния. Многие уже понимают, что слабость силы состоит в том, что сила имеет один генезис, а власть – принципиально другой.

Истоки Запада – в греческой античности, ядром которой является трагическое как основа греческого мировоззрения. Кто породил трагическое? Эсхил. И в этом смысле он является родоначальником всего сразу: и мировоззрения, породившего Запад, и западной политики, являвшейся на рассматриваемом этапе составной частью мировоззрения и культуры.

Ну, так вот. В трагедии Эсхила «Прикованный Прометей» фигурируют два символических персонажа, ведущих Прометея

к скале. Эти персонажи – Сила и Власть. Подчеркиваю, их два, и они отличны друг от друга. Власть имеет онтологически другую природу, нежели Сила. Власти-то в современном мире и нет! Потому что – и это давно показано (сошлюсь хотя бы на наиболее известного Кожева) – власть может быть сакральной, по сути теократической (власть Отца), нормативной (власть Судьи), проектной (власть Вождя) и экзистенциальной (власть Господина над рабом по Гегелю). Можно приводить другие классификации – ничто от этого не изменится.

Теократическая власть предполагает (а) накаленную религиозность всего населения и (б) вытекающий из этой накаленной религиозности конфликт цивилизаций («фул абзац» в приведенной выше лингвистике).

Власть Судьи предполагает императив права. Настоящего права, не ориентированного на одностороннюю выгоду, а имеющего абсолютное значение. Эта власть преступно растоптана Клинтоном в Югославии и добита Бушем за счет признания Косова. Ее нет. Миром правит не право (жесткое или мягкое), миром правит беспредел. Кто силен – тот и прав. Но это уже не власть, это сила.

Власть проекта (и Вождя) предполагает наличие проекта. Проект растоптан в Ираке. Не потому, что Ирак стали бомбить. А потому, что, разгромив Ирак, не стали строить на пепелище модернизированное сильное национальное государство (как это делали, победив Японию или Германию). Вместо этого под жалкие и пошлые вопли о демократии соорудили хаос, наполненный суперрадикалами. Сооруженный же хаос, по сути, обрушили на своего союзника Турцию, воткнув ей в спину нож под названием «курдская проблема».

С этого момента стало ясно, что цезари обезумели. А обезумевший цезарь – это уже не цезарь. «Король голый!» – шептались придворные в сказке Андерсена. Голый король – это все же еще король, хотя и странный. То, что мы лицемерим по части «цезарей», делится для меня на нечто привычно безнадежное и ужасно странное. Привычно безнадежное – это Маккейн. Ужасно странное – это Обама.

Голые короли? Это бы было еще полбеды! Но король, не видя, что он голый, апеллирует тем не менее к своему сакралитету. Тут же апеллируют только к силе. Сила – очень серьезное слагаемое. Но, когда ею подменяют, а не дополняют власть, это конец королю – голому, одетому... Любому. Его место занимает громила. У громилы весьма впечатляющая мускулатура. И дубина – о-го-го какая! Но он не король. Не рыцарь. Он громила. И это все видят. Власти Проекта под названием «Модерн» – нет. Буш, который отрекомендовался его защитником, сам же его и похоронил в Ираке.

Что есть еще? Власть Господина над рабом по Гегелю. Еще это называется признанием. Господин не боится смерти, а раб боится. Когда Господин доказывает рабу, что не боится смерти, раб, понимая, что сам-то он боится, признает Господина, делая его таковым фактом своего понимания.

Кто-то хочет сыграть по этим правилам? Но по ним уже сыграли без нас. И если у режиссеров драмы под названием «шахиды» была большая цель, то она состояла именно в этом. Люди, демонстрирующие, что они идут на очевидную смерть за идею, тем самым подчеркивают, что это они не боятся смерти, а не те, кто хочет стать их господином. И если они не боятся смерти, то факт господства по Гегелю отменен.

А раз так, то обрушена и четвертая, последняя схема власти Запада. Он НЕ избранник Бога, НЕ справедливый судья, НЕ создатель Проекта «Модерн» и даже НЕ господин по признаку бесстрашия. Так кто он?

И НЕУЖЕЛИ НЕПОНЯТНО, ЧТО МАЛО-МАЛЬСКИ ПОЗИТИВНЫЙ ВЫХОД ИЗ КОЛЛИЗИИ, ЗАДАВАЕМОЙ ЭТИМИ ЧЕТЫРЬМЯ «НЕ», СВЯЗАН С РАЗВИТИЕМ? РАЗВИТИЕМ! СТРАНА, КОТОРАЯ, ПЕРЕСТАВ КОПИРОВАТЬ ИСЧЕРПАННОЕ, СКАЖЕТ НЕЧТО НОВОЕ О РАЗВИТИИ, ТЕМ САМЫМ СОЗДАСТ ПРОЕКТ. СОЗДАВ ПРОЕКТ, ОНА ВЕРНЕТ (ЛИШЬ ПРОЕКТОМ И ПОРОЖДАЕМУЮ) ВЛАСТНУЮ ЛЕГИТИМНОСТЬ. В ПРОТИВНОМ СЛУЧАЕ МИР ПОГИБНЕТ В ЯДЕРНЫХ СУДОРОГАХ БЕЗВЛАСТНОЙ, ТО ЕСТЬ ЧИСТО СИЛОВОЙ, КОНКУРЕНЦИИ.

Что же касается России, то, конечно, кого-то может запутать паскудный лепет на тему о «тысячелетней рабе». А также казусы последнего десятилетия. Но Россия не раба. Что угодно, но не это. Она полюбила Запад, как Татьяна Ларина Евгения Онегина. Полюбила, считая, что у него есть эгрегор, дух, высшая идеальная правда. Когда она видит, что этого нет, происходит то, что описано у Пушкина. Губы шепчут: «Уж не пародия ли он?» И... Постцихинвалье.

Восстановить проект! Восстановить проект и вместе с ним что-то, адресующее к власти. Восстановить проект и сверхдержаву. Внести в нынешнее «безумие сильных» нечто, адресующее к идеальному, нечто сверхпрагматическое. Вот в чем спасение и России, и мира. Только в этом, и ни в чем другом. Опомнитесь, откройте глаза! Повторяю – вы в Постцихинвалье. Так случилось. Теперь придется исходить из этого и либо погибнуть, либо... переходить в иной, сверхпрагматический, проектный формат. А там уж... удастся – фрак, не удастся – латы. Все лучше и даже безопаснее, чем милитаристская щетина.

Проект – вы слышите?! Или это – или конец российской истории. Выносить такой вердикт до признания Абхазии и Южной Осетии было рано. Вчера было рано. Завтра будет поздно.

Что случилось? К чему готовиться? Случилось Постцихинвалье. Оно обрушилось на неподготовленную страну, на неподготовленную элиту («базис»). Если бы только на «базис»! Постцихинвалье обрушилось на «надстройку», абсолютно не подготовленную к альтернативе между западничеством и державностью.

Это ясно как божий день. С каждым часом, с каждой очередной телевизионной программой, с каждой газетной статьей и радиодискуссией это будет все яснее. Но элита этого не хочет понимать. И дико злится на тех, кто ей пытается объяснить нечто, теперь уже категорически очевидное.

Раньше можно было посылать на три буквы и говорить, что «всё в шоколаде». Вы идете к реке, чтобы искупаться. Жаркий день, вы ждете всех прелестей от этого купания. А вас уговаривают: «Да не ходи туда, не надо!» Ну, как не послать на три буквы-то?

Потом вас кусает овод... Вы по нему – бац! Вам говорят, что оводов будет больше. А вы отвечаете: «Да че там, купнуться хочется! Может, кайф и не тот, но лучше купнуться. Да уже и до речки почти дошли».

Потом на вас набрасывается туча беспощадно жалящих насекомых. И вы понимаете, что на берегу их еще больше. Вы не

начнете менять маршрут? Будете объяснять, что очень купаться хочется?

А потом вы видите, что на вас ползет крокодил. И что река полна крокодилов. Вы тоже будете туда прорываться? Но тогда вы не любитель купания, вы кто-то совсем другой!

Что произошло в Южной Осетии? Вас укусил отдельный овод? На вас набросилась туча ядовитого и смертельно опасного гнуса, способного вас сожрать до костей? Или крокодилы неожиданно обнаружили в такой спокойной и желанной речке? Ответьте на это себе! Быстрее! Скажите правду! Успейте ее осмыслить и сделать выводы! Не за оружие хватайтесь быстрее. Не на него уповайте. Оно необходимо, но недостаточно. Найдите в себе духовные силы для принципиально другого пути. Для проекта.

Нет проекта без идеи развития. В каком-то смысле югоосетинский вызов связан еще и с попыткой России перейти к развитию. Этих попыток – даже самых мягких и деликатных – Запад боится больше всего. Сколь бы эти попытки ни были западническими – они пугают. Хотите правду? Они пугают ТЕМ БОЛЬШЕ, ЧЕМ БОЛЕЕ ОНИ ЗАПАДНИЧЕСКИЕ. Очень неудобней горько говорить об этом, но это так.

Либо проект, основанный на углубленном, доходящем до предельных вопросов рассмотрении развития, либо «фул абзац». Именно потому проблема развития не отменяется, а усугубляется.

Вроде бы все так просто: все «за» – и за работу, товарищи! Но вместо этого – специальным образом произносимые слова о несворачивании с выбранного пути. Какого пути? Так можно говорить только о пути, имеющем значение, превышающее все, что связано с сохранением народа и государства. Что же это за путь? Откуда такой непрагматический пафос у людей, гордившихся своим абсолютным политическим и управленческим прагматизмом? У людей неупертых, незацикленных, гибких, понимающих, что без адекватности и связанной с ней готовности к самым парадоксальным вариациям всех мыслимых и немыслимых политических сил нельзя выжить и выстоять?

Согласитесь, речь идет о чем-то почти загадочном. О том, к чему следует присмотреться попристальнее. Вдруг да выяснится нечто существенное?

Глава V. Исав и Иаков – запись в полевом дневнике, 24 сентября 2008 года

Передо мной – книга Мартина Хайдеггера «Бытие и время»... «Эдмунду Гуссерлю в почитании и дружбе посвящается». Время, бытие, вечность, присутствие...

Хайдеггеру, конечно, бытие милее, чем время. О бытии он говорит, не обставляя каждое свое утверждение ссылками и цитатами. А о времени... То Гегель, то Дильтей, то вот граф Йорк фон Вартенбург, на чьи письма Дильтею Хайдеггер ссылается особенно уважительно. Более уважительно, чем на сочинения Гегеля.

Граф пишет: «"Ученые" стоят перед силами времени как тончайше образованное французское общество перед тогдашним революционным движением».

Силы времени, ау! Вы породили Цхинвал, черноморские предьядерные судороги, мировой финансовый кризис. Что вы еще припасли?

Силы молчат.

А граф Йорк фон Вартенбург отвечает: *«Колебания волн, вызванные эксцентрическим принципом, создавшим более четырехсот лет назад некое новое время, мне кажется, до крайности расплылись и измельчали, познание прогрессировало до снятия его же самого, человек настолько оторвался от самого себя, что себя уже не замечает».*

Вартенбург фиксирует некий «эксцентрический принцип», породивший новое время (то есть Модерн). Это уже открытие, поскольку главное-то как раз в том, что принцип не абы какой, а именно «эксцентрический». Он связывает возникновение этого принципа с Ренессансом, оформившим этот принцип более четырехсот лет назад. Он говорит о неких колебаниях волн, вызванных этим принципом. Он оценивает изменения характера этих волн. Он связывает изменения характера волн с метаморфозой в отношении между человеком и знанием. А в завершение он пишет: *«"Человек модерна", т. е. человек после Ренессанса, готов для захоронения».*

В середине XIX века Модерн вдруг начал дряхлеть с пугающей всех скоростью. Кто только об этом не писал, сравнивая эту дряхлость с древнеримской («Я – римский мир периода упадка»). Рецепт омоложения Модерну предложил коммунизм, и именно в его советской версии. Фашисты взвыли от ярости. Либералы говорили о спасительной весте с Востока. Россия спасла Запад не только от фашистской чумы, но и от предуготовления западного человека к захоронению, о котором так достойно и емко сказал граф Йорк фон Вартенбург.

Омолодившись за счет коммунистов, проект «Модерн» продержался еще сто лет. Когда коммунизм убили, он снова стал дряхлеть. И еще более стремительно. Кто-то этому радовался, кто-то ужасался. Но все понимали, что падение коммунизма означает стремительное увядание присосавшегося к его относительно молодому телу Модерна. Что, Хабермас этого не понимал? И Адорно не понимал? И Маркузе? И Хоркхаймер? И вся франкфуртская школа? Да и не только франкфуртская.

Не понимала этого только В.И.Новодворская, и то не факт.

Не понимали этого наши бойкие нувориши. И их ставленники. Да и то не все. Б.Ельцину это все было «по барабану». А интеллектуалы из его команды были «в курсе». А уж как Запад был «в курсе», так дальше некуда.

Прошло сто лет с момента предсказания графа фон Вартенбурга.

И вот на пороге неслыханного глобального кризиса, в момент абсолютного увядания Модерна российская политическая власть и околостатные российские интеллектуалы провозглашают... нашу модернизацию! Оказывается, только теперь мы к ней подошли (а двадцать лет-то что делали?!). И никто теперь не смеет ей мешать! А проводиться она должна в самой оптимистической – так и хочется сказать «шикарной» – непререпрессивной модификации! Она должна быть и мягкой, и демократичной, и открытой всему на свете.

Но главное – чтобы ей никто не мешал. А даже если кто-то и будет мешать, то он все равно не враг – он так... Бедолага, не избавившийся от атавизмов холодной войны. Не избавится – мы ему врежем в воспитательных целях и снова займемся мягкой, демократичной, открытой и суверенной модернизацией.

То, что врежем – хорошо. А вот как займемся? Как займемся-то, когда и «эксцентрический принцип» – того... И волны эти самые затухают... И человек Модерна уже «готов для захоронения»... Как займемся, если вся суть мировой ситуации в этом самом «захоронении»? А разного рода частности (такие, как мировой финансовый кризис или назревающая ядерная война) – это только проявления сути, то бишь этого самого одряхления?

Суть мировой ситуации – в этом. А мы хотим (а) идти в фарватере мировой ситуации (упаси нас боже от изоляции, холодной войны и так далее!) и (б) ускоренно рожать то, что эта мировая ситуация ускоренно же хоронит.

В Россию раньше было модно привозить за большие деньги разного рода западных «телок», они же культовые актрисы Голливуда. Теперь «телок» тоже привозят, но это уже не так модно. Модно привозить другие культовые фигуры. Людей, лет сорок назад поражавших мир свежими идеями (ну, Тоффлера там али кого еще). Привозят этих людей именно так, как десятью годами ранее привозили «телок» (понты дороже денег).

Сами эти люди, с изумлением взяв деньги, которые для них дороже понтов, с глубоким соболезованием смотрят на привозящих их неофитов. Они понимают, что огорчать щедрых хозяев беспактно. И потому не хотят им говорить, в чем суть общемировой ситуации. Хотя понимают это, что называется, «от и до». Хоть и в маразме уже, хоть песок из них сыпется. Но все равно понимают. Понимают, но молчат, как партизаны на допросе.

А наши интеллектуалы тоже молчат. Ибо искусство подобных интеллектуалов состоит вовсе не в том, чтобы говорить правду, как рекомендовал один плохо кончивший коллега по профессии («волхвы не боятся могучих владык»). Не побоялся и «схлопотал по полной программе». А почему схлопотал? Фишку не рубил, вот почему. Диковатый человек был, да еще добавок «негроидный».

Нынешний же интеллектуал все понимает до мелочей. Он вибрации ловит. Понимаете? Вибрации начальства. И оформляет эти вибрации в экспертные заключения, которые начальство воспринимает с глубоким удовлетворением. Начальству хочется, чтобы ему сказали что-то приятное. Интеллектуал улавливает, что именно. На то он и интеллектуал, чтобы уловить. Это ученые говорят после того, как поняли, что к чему. А эксперты – когда их спрашивают.

Но в сообществе людей, занимающихся так называемой игрой (она же – спецмероприятия), это называется «коробочка». На то, чтобы выстроить вокруг нужного начальника «коробочку», отсекающую его от реальности и помещающую в просторные собственные вибраций и экспертного резонанса, тратятся большие деньги. Годы уходят, чтобы эту «коробочку» сделать достаточно герметичной. Профессионалы высокого класса этим занимаются.

А у нас все по принципу «быстренько, быстренько, сама, сама, сама». Интеллектуалы – «быстренько, быстренько»... А силы времени...

Я не знаю, понимает ли российская власть суть нынешней общемировой ситуации. Но, в конце концов, власть не для того существует, чтобы понимать суть. А для того, чтобы реагировать на мусть, порождаемую этой, какая она ни есть, сутью. На всякие там Цхинвалы и прочее.

Но интеллектуалы-то наши российские... неужто все по принципу «чего изволите-с»? Коли так – то добра не жди.

Никто не охарактеризовал эту самую суть нынешней общемировой ситуации, суть, ускользающую от власти или игнорируемую ею, емче, чем покойный граф Йорк фон Вартебург, чьи прозрения так высоко ценили и Дильтей, и Гуссерль, и Хайдеггер.

Владимир Владимирович Путин, в отличие от меня, блестяще владеет немецким языком. И он может насладиться прочтением писем графа Йорка фон Вартебурга в оригинале (Briefwechsel zwischen Wilhelm Dilthey und dem Grafen Paul Yorck von Wartenburg 1877–1897, Halle a.d.S. 1923).

Я убежден, что и прочтение этих писем, и прочтение откровений других выдающихся людей, говоривших о подготовленном к захоронению проекте «Модерн», и порожденный этим прочтением иной взгляд на нашу реальность могли бы многое изменить. В частности, прекратить несвоевременные разговоры о модернизации как таковой. И уж о модернизации мягкой, открытой и органичной – тем более.

Один царедворец скажет: «Нашим лидерам недосуг». Другой добавит: «Им Иван Ильин нравится». Нравиться могут и должны барышни. Что же до Ивана Ильина, то он был просто заморожен тем мироощущением и миропониманием, которое так тонко выражено графом фон Вартебургом в его письмах Дильтею.

То, что российским политическим лидерам нравится Иван Ильин и не нравится мобилизация, идеологизация и прочие рецидивы имперскости, понятно. Глухой не услышит.

Сталину, кстати, тоже абсолютно не нравилась индустриализация «от группы А» с ее необходимостью концентрировать главные ресурсы в тяжелой промышленности. Тем более, что ее навязывал Троцкий, требовавший посылать гильотину в деревню. Нравилась же Сталину индустриализация «от группы Б». Та, которую предлагал Бухарин. И он даже искренне восклицал, обращаясь к оппонентам Бухарина: «Вы нашего Бухарчика не трогайте!»

А потом нечто случилось. Называлось это нечто мировым кризисом. А также... Впрочем, исторические экскурсы должны быть короткими. Случилось нечто, и все. Это называется – сложилась новая объективная ситуация. К этой объективной ситуации добавилось и нечто субъективное. Апокрифы гласят, что Сталину, приехавшему с инспекцией и убежденному в эффективности бухаринской модели, какой-то преуспевающий аграрий той эпохи, позже названный «кулаком», сказал: «А ты, рябой, мне спляши, тогда я, может, тебе и дам хлебушка!»

Сталин и тогда Льва Давидовича не послушался и гильотину в деревню не послал. Он послал туда нечто, лишнее декоративной прецедентности, столь любимой Троцким. Что именно он туда послал, все мы знаем. И чем это обернулось, знаем. Но войну мы как-никак выиграли. А если бы не послал, то не выиграли бы. И все было бы органично, открыто, мирно и по Бухарину. Но только не было бы ни России, ни человечества. А был бы один всемирный Освенцим.

Я не знаю, говорил ли нечто подобное какой-то аграрий Сталину. Но что именно Кондолиза Райс сказала Путину и Медведеву, я знаю точно. Впрочем, Кондолизе Райс я намерен обсудить несколько позже. А сейчас хотел бы завершить цитирование полюбившегося мне графа фон Вартенбурга: *«И тогда я наслаждаюсь тихим разговором с собой и общением с духом истории. Он Фаусту в его келье не являлся и маэстро Гете тоже нет».*

Далее граф говорит о том, что ни Гете, ни Фауст не отшатнулись бы в испуге от такого явления к ним важного и захватывающего донельзя духа истории. Он говорит, что дух истории в каком-то глубоком смысле более дружелюбен и родствен человеку, чем обитатели леса и поля. После этого он говорит об УСИЛИИ, порождающем эту встречу человека и духа истории, и в завершение указывает: *«Усилие тут имеет сходство с борьбой Иакова».*

Вот ведь как человек, вел-вел и вывел на главное – усилие, имеющее сходство с борьбой Иакова.

Нет западного политика вообще и американского тем более, который бы не завизировал при упоминании Иакова. Апелляция к Иакову – не «еврейская выдумка», а осевой принцип всей западной цивилизации (да и исламской тоже). Он особо почитаем протестантами вообще и англосаксонскими в первую очередь. Но нечто сходное есть и у народов, чья культура сформировалась без влияния Библии («потеря лица» в Китае, «кодекс чести» в Японии и так далее). Но мы сейчас анализируем Запад. Для него борьба Иакова, сходство усилий с борьбой Иакова – это, повторяю, принцип, порождающий очень многое. Внешнеполитическую доктрину, логику проведения переговоров, способы поведения в конфликтах, психологическую оценку партнеров...

Для Запада мир делится на «народы Иакова» и «народы Исава». В этом, конечно же, есть и надменность, граничащая с расизмом, и почва для так называемой русофобии. Но есть и нечто, требующее не отторжения, а осмысления. Народы Иакова – это народы, для которых первородство важнее чечевичной похлебки. А народы Исава – народы, которые готовы на богопротивный «иксчейндж».

Западный политик, прежде всего, устанавливает, кто его партнер. Он, так сказать, из колена Иакова или из колена Исава? Если он из колена Иакова, логика поведения одна. Если из колена Исава – другая. Группы, готовые к переговорам, отслеживающие их результаты, формирующие предложения по части кнута и пряника, создающие психологические портреты, могут и не использовать метафору Иакова и Исава. Но они пропитаны этим духом. Они воспитаны в этой культуре. И уж тем более в этой культуре воспитаны политические лидеры.

Может быть, для романского мира это и не является сверхдоминантой, хотя все равно присутствует. Но для англосаксонского мира это именно сверхдоминанта. Так сказать, альфа и омега реальной политики.

А теперь введем поправку на ситуацию. Пока ситуация стабильна и ничто никому не угрожает, всегда доминируют цинизм, система своеобразных интересов, мелкие амбиции, политическая лень и прочее. Так мир устроен. Но как только возникает хотя бы кризис (а уж тем более угроза коллапса), как только обостряется конфликт, задевая экзистенциальную тему (что такое ядерная война? это экзистенциальная тема!), сверхдоминанта выходит на поверхность. И тогда альтернатива между Иаковом и Исавом (вопрос о первородстве и чечевичной похлебке) дополняется тем самым усилием Иакова, о котором говорит граф фон Вартенбург.

С кем именно боролся Иаков, получая следующий после Авраама (более высокий) уровень отношений с Богом, – с Богом ли, Ангелом или Сыном Божиим – это теологически открытый вопрос. Но то, что Исава рвался к похлебке (Иметь), а Иаков к тому, чтобы Быть, и получил в результате новое качество Бытия, – это понятно всем. И теологам, и политикам.

Что такое первородство и Иаков? Это именно то, что Эрих Фромм называл Быть, а Хайдеггер – Бытием. А что такое чечевичная похлебка и Исава? Это то, что Эрих Фромм называл Иметь. Присутствие духа истории (возникающее у человека, обладающего бытием, в особые экзистенциальные моменты) порождает усилие. Так это происходит у людей Иакова. Когда они соединяются с духом истории, у них нечто включается, а когда оно включается, они способны бороться. Хоть с Ангелом, хоть с Сыном Божиим, хоть с Богом. Бороться за признание, за новый формат отношений.

Вот говорится, что нам не нужна мобилизация (мобилизационная экономика и так далее) и нужен мягкий проект «Модерн». Я не спорю. Сама по себе мобилизация – штука неоднозначная. А мягкий проект всегда лучше жесткого. А еще нам нужны были десятилетия спокойной жизни для реализации проекта-2020. Мало ли что человеку бывает нужно. Дух истории апеллирует не к нужному, а к должному и возможному. Я могу только уважать людей, которым нужна мягкая модернизация и не нужна мобилизация. Мне отвратительны кровожадные люди, тираны, властолюбцы, диктаторы.

Но все же понимают, что нет впереди никаких десятилетий спокойной жизни (нормальной жизни, как еще говорилось). Что коридор возможного сужается. А давление стенок этого коридора апеллирует к должному. К должному – а не к желаемому (нужному). К должному и возможному. И эта апелляция все равно породит – с неумолимостью закона Ньютона – необходимость мобилизации.

Мобилизация же – это довольно сложная штука. Она начинается с того, что ты возвращаешь себе отчужденное бытие (если, конечно, оно отчуждено). Что ты самопреобразуешься – нет, не из Савла в Павла, а из Исава в Иакова. И ты преобразуешься, и весь народ. Тебя подсадили на это самое Иметь («бабки», комфортная жизнь и прочее), ты на это купился, теперь над тобой издеваются («обманули дурака на четыре кулака»).... Ты, конечно, можешь просто беситься, но это криминальный кураж. А вот если с тобой начнет происходить что-то другое (примерно то, что со Сталиным, которому сказали: «Ты, рябой, спляши!»), если происходящее не просто заденет твое самолюбие (плевать политику на самолюбие, ему страну спасать надо), а включит твой спящий экзистенциал, то все возможно. Если можно из Савла в Павла превратиться, то можно и из Исава в Иакова. Или из рябого Джугашвили в Сталина.

Надо только понимать, что в принципе все возможно. Не мне решать – нужно ли. Но возможно все.

Все начинается с тебя, а кончается твоей Родиной. Спаси себя – и спасутся многие.

И всего-то надо – обрести Бытие и включить Время (дух истории). Перейти от отсутствия к присутствию... А дальше – кто знает, – может, что-то получится... Что именно получится, если это СДЕЛАТЬ, неясно. А вот что получится, если этого НЕ СДЕЛАТЬ, ясно. Возможно, это ясно только мне. Но поскольку я уже заговорил о парадигме Исава как альтернативе

парадигме Иакова, то я покажу, что это такое в плане сугубо практическом. А иначе окажется, что я не политическую теорию развития строю, а воспаряю в высь поднебесную.

«Независимая газета» от 19 сентября 2008 года. Статья Константина Ремчукова. *«Кремль не намерен и далее углублять конфронтацию с Западом в целом и с США в особенности»*, – утверждает Ремчуков. Поразительная сенсация! Как говорил герой Чехова, «табак есть главным образом растение».

Но оказывается, что Кремль не просто не намерен углублять конфронтацию. Он планирует уступки. Ремчуков пишет: *«В скором будущем будет принят целый пакет мер, направленных на улучшение отношений и ослабление напряженности в диалоге между Россией и ее ключевыми западными партнерами. Об этом сообщают сразу несколько информированных источников в администрации президента России и вокруг нее»*.

Эти же информированные источники (ну, кто из нас не знает источники господина Ремчукова!) разясняют, что на состоявшееся решение Дмитрия Медведева перейти к политике «умеренной разрядки» в отношении с Западом повлияло несколько факторов. Каковы же факторы?

Фактор №1, по Ремчукову, – «весьма умеренная» реакция США и особенно Евросоюза на признание Россией Абхазии и Южной Осетии. Умеренная?!!

19 сентября «Независимая газета» печатает программную статью Ремчукова.

А 18 сентября госсекретарь США Кондолиза Райс, выступая в Фонде Маршалла «Германия – США» в Вашингтоне, призывает Европу выступить единым фронтом с США против агрессии России. Говорит она при этом следующее: *«Грузия выжила. Ее демократия станет крепче. Ее экономика будет возрождена. Ее независимость укрепитя. Ее вооруженные силы со временем будут восстановлены. И мы ждем дня, когда территориальная целостность Грузии будет восстановлена мирным путем»*. В переводе с политического языка на нормальный это означает, что либо Россия дозреет до уступок (что после случившегося равносильно ее капитуляции и отпадению Северного Кавказа, как минимум), либо ее развалят, либо... Вооруженные силы Грузии будут восстановлены? А зачем их восстанавливать, если одних грузин для возвращения отпавших провинций все равно мало? Говорим о восстановлении вооруженных сил Грузии, а имеем в виду спецоперацию НАТО?

Это умеренная реакция? Кого за идиотов держите, господин Исав... прошу прощения, Ремчуков?

Еще Кондолиза Райс заявляет: *«Анахронические манифестации военной мощи России не смогут повернуть историю вспять»*. Райс издевается над Россией, оказавшейся с признанием Южной Осетии и Абхазии в компании лишь с Никарагуа и ХАМАС, и глумливо отзывается о визите в Венесуэлу «устаревших бомбардировщиков ТУ-160». И выносит вердикт: *«Международный статус России сейчас хуже, чем когда-либо, начиная с 1991 года»*.

Но главное высказывание Райс в этом выступлении – о (цитирую) «параноидальном агрессивном импульсе» Москвы. Она прямо так и говорит! Кокетство, блажь, истерика? Полно! Так говорит народ Иакова с народом Исава.

На уровне риторики дают одну пощечину (говоря о «параноидальном агрессивном импульсе»), на уровне прагматики – другую (заявляя о том, что территориальная целостность Грузии будет восстановлена). А Ремчуков блеет о факторах, порождающих стремление к достойным отношениям между равноправными партнерами.

С фактором № 1 мы ознакомились. Но есть еще фактор №2. Что же это за фактор? Представьте себе, финансовый кризис: *«с учетом того, что наша экономика стала частью мировой, справиться с его (кризиса этого самого. – С.К.) последствиями без помощи Запада и тем более в условиях изоляции России практически невозможно»*.

И это называют умеренной разрядкой? Это не умеренная разрядка, а безоговорочная капитуляция. «Плюс исавизация всей страны». Но кто же «исавизатор»? Кто архитектор этой новой перестройки, которую нам сулит Ремчуков?

Ремчуков говорит об архитекторе без всяких обиняков. Мол, архитектором является заместитель руководителя администрации президента РФ Алексей Громов. Н-да... Громов – не Саркози. Ему зачем такие лавры? Какую бы в дальнейшем карьере он ни хотел сделать, ему сейчас эти лавры даром не нужны. И Яковлеву они были не нужны. Лигачеву нужно было засветить Яковлева, а Яковлеву, как «архитектору», хотелось находиться в тени.

Даже тогда хотелось, а теперь... В 1988 году чечевичная похлебка была хитом сезона. Прошло двадцать лет. Это уже не совсем так. А точнее – совсем не так. Засвечивать А. Громова в виде главного «чечевичника»... Это очень сомнительное занятие. Провокация? Не похоже. Не стал бы Ремчуков сам исполнять столь сомнительное спецмероприятие. Тогда зачем он орет как оглашенный: «Пацаны, бежите все к Громову скорее, он теперь главный "Яковлев"!»? Он рехнулся? Опять-таки не похоже.

Какое тогда объяснение? Цейтнот! Нужно, чтобы все «пацаны» поскорее поняли, куда бежать. Им этот мессидж посылают в радиоэфир без шифровки. «Как-то скверно здесь пахнет», – говорили герои братьев Стругацких... Очень, очень сильно пахнет этим самым Исавом.

Вчитаемся внимательнее в ремчуковские (вполне бестактные) восхваления Громова: *«Пакет приоритетных мер в настоящее время разрабатывает неформальная рабочая группа, которую возглавил заместитель руководителя администрации президента Алексей Громов. Этот чиновник уже несколько лет занимается вопросами имиджа российской власти на Западе. Считается, что именно Громову принадлежит идея создания телеканала Russia Today, предоставляющего зарубежной аудитории объективную информацию о событиях в России, и регулярных встреч политологов – членов известного "Валдайского клуба" с российским руководством. На недавнем заседании "Валдайского клуба" Медведев особо отметил позитивную роль замруководителя АП в налаживании диалога официальной России с международным экспертным и журналистским сообществом»*.

Дмитрий Анатольевич Медведев – законно избранный президент Российской Федерации. Что именно он поручил заместителю руководителя кремлевской администрации – касается только президента и этого высокого чиновника. Вопрос на засыпку – почему обо всем этом надо говорить в газете и фактически день в день с донельзя наглой выходкой Конди Райс? Это ведь называется «активка», не правда ли? Спецмероприятие по сопровождению... А как иначе? День в день... Под вопли о том, что мы изжили «пятую колонну»... Как же, изжили...

Далее господин Ремчуков пишет: *«По сведениям наших источников, президент четко определил "группе Громова" "красные линии", за которые Россия отступать не может и не будет».*

Дмитрий Анатольевич Медведев что захотел, то и определил. На то он и президент, чтобы давать задания высоким администраторам. Уступки в политике всегда существуют. Не собираюсь заполошничать и заниматься охотой на ведьм. «Красные линии», которые называет Ремчуков, вполне патриотичны. И Абхазия с Южной Осетией сданы не будут... В общем, и волки будут сыты, и овцы целы. Короче, всё в шоколаде. Точнее, ништяк, рассосется... Это раньше было в шоколаде. А теперь ништяк, рассосется и... и будет в шоколаде. Не будет!

18-го – Райс. Ох, как ее анонсировали! Тезисы по газетам разослали, подчеркивали, что выступление беспрецедентно жесткое в отношении России.

19-го – Ремчуков. Райс хлещет по щекам... Ремчуков надрывно шепчет: «Терпеть, терпеть – и будет всё в шоколаде». В шоколаде?

Я пригласил гостя, выставил на стол икру и хочу его угостить, а он мне орет: «А ну, паскуда, мажь скорее бутерброд! Живо, пока тебя не прихлопнули!» Что я сделаю? Я возьму ножик в одну руку, банку икры в другую и... А вы, наверное, бутерброд намажете?

Райс не понимает, что делает? Ее хозяйка хотят разрядки, а она выкидывает фортель? Она – отморозок? Полно! Повторяю – она говорит с народом Исава на языке народа Иакова. Считая, что у нее есть первородство, а у вас один сплошной аппетит. У нее есть бытие и время – у вас пока что есть «бабки». Но это, дорогие мои, пока что! Она шлет сюда мессидж: вы шваль, вы народ Исава!

А Ремчуков ей вторит: да-да, мы стопроцентный народ Исава! Мы только мошки, мы ждем кормежки! И... и давайте выстраивать достойные равноправные отношения, поскольку (совсем уж прямая иллюстрация на тему Исава) *«наша экономика стала частью мировой и справиться с последствиями кризиса без помощи Запада не может...»*.

Если у вас ни гроша, если вы на абсолютной мели – вы все равно так говорить не будете, коль скоро ведете переговоры. Вы так будете говорить, только если вы «пятая колонна» американцев и хотите им побыстрее доложить, что их партнер по переговорам сломан. Я провел в своей жизни до сотни переговоров разного ранга. Но есть опытные переговорщики, которые счет ведут на тысячи. Пусть хоть кто-нибудь мне докажет, что я неправ. Это не ход переговорщика. Это ход провокатора, стукача, «шестерки» американцев.

Ремчуков развивает тему: *«Кремль может, подобно белорусскому президенту Александру Лукашенко, облегчить участь ряда российских граждан, которых на Западе считают политзаключенными»*. Тут же Ремчуков пугливо оговаривается, что это не Ходорковский... Ну, ладно, ладно. А кто, интересно? Просто так интересно, что дальше некуда... Чтобы и Райс это было нужно... И Кремль не заделало... Таких просто нет. Райс же (и прочим разным) нужен только один политзаключенный – тот, который пока что плохо освоил профессию швей-мотористки.

Причем все понимают, что, выпуская Ходорковского, надо кого-то... ну, если не посадить, то сдать. И все понимают, кого. И все понимают, что это дежа вю на тему возвращения из ссылки Сахарова. Но не это главное. Когда новый политический лидер выпускает кого-то знакового – он тем самым осуществляет изменение курса. А вот когда он делает Это под давлением и в порядке «баш на баш» – то это колониальная норма, не так ли? При чем тут суверенитет?

Вопрос на засыпку: демократия с лицом Исава (без бытия, времени, присутствия и усилия) может быть суверенной?

Следующая уступка, если верить Ремчукову, – *«либерализация условий участия крупных транснациональных корпораций в стратегических сырьевых проектах на российской территории»*. В Конго уже нет такой либерализации. Говорим – «либерализация», понимаем – «капитуляция»? Делаем политические уступки под давлением? Это значит сдаем политический суверенитет. Делаем экономические уступки под давлением? Сдаем экономический суверенитет. Ну, а дальше... Дальше вообще сдаем... А потом сдаемся.

Вновь цитирую Ремчукова: *«Ну, и конечно, "на десерт" (нет, согласитесь, что-то уж совсем официантское – «на десерт»! – С. К.) Кремль может предложить Западу определенные кадровые перестановки: некоторые чиновники, вызывающие излишнее раздражение в Вашингтоне и европейских странах, возможно, уйдут на задний план. Не в последнюю очередь речь идет о министре иностранных дел Сергее Лаврове, который сегодня превратился чуть ли не в живой символ растущей российско-западной конфронтации, особенно после его шумевшего пикантного разговора с британским коллегой Дэвидом Милибэндом...»*

Далее следуют официантские же, целовальные, так сказать, расшаркивания перед Лавровым, который и Медведеву нравится, и Путину. Которого и повысить можно, но при этом убрать. И которого надо заменить на Громова, руководителя рабочей группы по умеренной разрядке.

Все это вместе называется (цитата) – *«Дмитрий Медведев пытается найти решение, которое позволит стратегически замирииться с Западом без какой бы то ни было "сдачи" геополитических позиций России»*.

А также (опять цитата) – *«дружба сильных и равных»*.

Сильных и равных? Если вы сдадите под давлением Лаврова, выпустите политзаключенных (опять-таки под давлением), спустите с цепи свору перестроенных Ремчуковых, а объяснять все будете тем, что не можете справиться с финансовыми неурядицами без помощи США, которые никакой помощи не дадут, то это дружба сильных и равных? Без сдачи геополитических позиций? Но с восстановлением вооруженных сил Грузии, а также ее целостности мирным путем!

Лавров им мешаает? Я вчера родился и не знаю, кто им мешаает? Они что, не говорят об этом на всех закрытых и полужакрытых международных тусовках? Сдать надо Путина и неких его особо одиозных товарищей. Гусинский об этом в открытую орет по RTVi (если кто, конечно, слушать умеет). А уж как при этом Медведева хвалят! Так хвалят, когда... Как там у Ремчукова? «На десерт»? Разовьем образ: Лаврова в качестве салата, Сечина на бульон, Путина на жаркое, а Медведева на десерт.

Путин, Медведев верят в то, что государство российское станет той или иной частью некоего Запада (Европы,

Евроатлантики)? Исключено. Это серьезные политики, слишком хорошо знакомые с ситуацией и ощущающие ее смертельный (и для них лично, и для России) специфический «холодок».

Есть идиоты, твердящие сейчас о нашем вхождении в Запад так же, как тридцать лет назад твердили о скором пришествии коммунизма. И есть подонки, которые знают, что войдут в Запад они лично, а Россия будет расчленена. Это все – «исавдженерейшн», «похлебофилы».

России же пора вернуться к Бытию. Ох, как пора!

Глава VI. «Бобок–2008» – запись в полевом дневнике, 1 октября 2008 года

Рассмотрим в самом общем виде ситуацию, в которой вы любому «некто» предлагаете «нечто» (например, возвращение к Бытию). Какие тут возможны сценарии?

Сценарий №1 – речь идет о «нечто», созвучном «некто». Вы в этом случае объясняете адресату, что ваше предложение реализует его желание. Что станет лучше. Причем лучше в том смысле, который адресату понятен и близок. В политике, экономике, административной и иной деятельности это называется «меры по совершенствованию».

Вам могут сказать, что меры, которые вы предлагаете, неэффективны. Что издержки ваших нововведений не окупают общаемых вами приобретений. И, наконец» что интересы тех, кто не хочет предлагаемых вами изменений, превалируют над интересами тех, кто их хочет. Но в принципе именно такой сценарий и нужен для нахождения взаимопонимания с «некто».

«Некто» может оказаться косным и заворчать: «Вот еще – "лучше". Да нам и так неплохо. А тут надо заново огород городить...». Но если «некто» не слишком консервативен, а ваши предложения для него являются внятными и разумными, то он их примет. В случае, конечно, если они разумно поданы – сформулированы и сопровождены.

Сценарий №2 – вы предлагаете «некто», которому хорошо, «нечто», абсолютно для него нежеланное. Если «некто» не взбесится сразу и не пошлет вас куда подальше, то между вами обязательно завяжется такой диалог.

Некто: А зачем нам это нужно, если нам и так хорошо?

Вы: На самом деле нехорошо.

Некто: Это вам нехорошо, а нам хорошо.

Вы: Это сегодня вам хорошо. А завтра и вам, и всем будет очень плохо.

Некто: Вот когда будет плохо, тогда и поговорим.

Вы: Тогда уже будет поздно! Сейчас надо предуготовляться, создавать необходимые антикризисные механизмы, менять систему. Это не быстрое и очень трудоемкое дело.

Некто: На дворе прекрасная погода, а вы нам о каких-то там бурях.

Вы: У меня на руках метеосводки такие, что дальше некуда.

Некто: Подумаешь, метеосводки.

(Вы уходите. Потом набегает тучи, и вы «через не хочу» приходите снова.)

Вы: Ну, как?

Некто:...

В идеальном случае «некто» скажет: «Да, вы правы. Давайте действовать». Но гораздо чаще происходит другое. Предлагаемые действия не осуществляются в полном объеме, их слишком долго обсуждают, уродуют, вымещают на вас раздражение, поскольку вы оказались правы. Вы опять уходите. И в третий раз не приходите. Не потому что в вас разыграло «ретивое». А потому что буря. Ваши предложения касались предуготовления к буре, а теперь она уже началась. И готовиться к ней поздно. «Некто» надо с бурей, а не с вами, вести диалог. Да и вам тоже.

Сценарий №3 – буря сокрушает все, что дорого и вам, и «некто». Вы вместе с «некто» предпринимаете меры по спасению того, что дорого и вам, и ему. Если ваши совместные действия предотвратят губительное развитие событий, то все вернется к конфликту ценностей, который описан в сценарии №2. Но какое-то время вы вместе с «некто» можете «нечто» вполне успешно осуществлять.

Сценарий №4 – невнятен. Внятность – это когда вы предлагаете «некто», живущему в городе, вернуться в его родную деревню. «Некто» знает, где деревня, как до нее добраться и как в ней жить. Он не хочет снова жить в этой деревне, но если в городе нет тепла, воды и электричества, то «некто» примет ваше предложение и лучше вас обживет предложенную вами избу. Ибо он жил в деревне, а вы человек умственный, городской. «Некто» потому до последнего и не хочет принимать ваше предложение ехать в деревню, что он там жил, все знает «от и до» и его от деревенского жития выворачивает наизнанку. Но он, повторяю, понимает, что ему предлагают.

А вот если вы предлагаете «некто» не вернуться в его деревню (то есть устроить все один в один как при Брежневе или Сталине), а отправиться невесть куда (в какое-то там Бытие вернуться), то «некто» просто не понимает, о чем вы. А поскольку он вас... ну, не то чтобы ценит, а так... считает и неглупым, и энергичным, то ему не может не показаться, что вы «пургу гоните». То есть подбиваете его на самом деле все на то же возвращение в деревню, обставляя оное всякими красивыми словами. В лучшем случае, «некто» начнет вам петь в ответ есенинские романсы:

Не буди того, что отмечалось,

Не волнуй того, что не сбылось, –

Слишком раннюю утрату и усталость...

И так далее. Как у Василия Макаровича Шукшина в фильме «Калина красная». Опять же – красная, понимаешь...

Но это в лучшем случае. А в худшем начнется «бенц»: «В деревню зовут, да еще ходят вокруг да около! В Бытие какое-то надо, видишь ли, ехать... Что еще за Бытие? Где деревня находится – мы знаем. А Бытие...»

В стране, где наизусть заучивали, что «бытие определяет сознание», сложилась странная и неслучайная путаница. Люди почему-то решили, что быт определяет сознание. Они приравнивали быт к Бытию. Те же, кто говорил, что «бытие определяет сознание», никоим образом не рассчитывали на подобную подмену. Они хотели понять связь сознания вовсе не с бытом, а с Бытием. Им в страшном сне не могло присниться, что сознание определяется тем, имеет ли его обладатель зарплату в 5000 рублей или 5000 долларов. Речь шла о Бытии как «царстве качества» и о том, как это «царство качества» связано с сознанием. А также с совершенно отдельным «царством» – «царством количества».

Я поясню. Когда говорилось, что капитал за 300% прибыли продаст родного отца, то имелась в виду экспансия товарно-денежных отношений в те сферы, в которых ранее им не было места; Капитализм и впрямь вынес очень многое на продажу. И для этого очень многого возник количественный эквивалент – цена. Как только нечто получает цену, оно переходит из «царства качества» в «царство количества».

Человек эпохи, предшествовавшей капитализму (и именуемой «традиционным обществом»), с трудом расставался, например, с домом, где жили его предки. Человек же, живущий в посттрадиционном обществе, холодно спросит о цене, которую ему предлагают, и если эта цена его устроит, то съедет. То есть дом предков перешел при капитализме из «царства качества», в котором он находился ранее, в «царство количества».

Перед людьми, осмысливавшими капитализм, очень остро встал вопрос о том, что осталось в «царстве качества». Или, как они говорили, не оказалось в результате торжества капитализма предметом купли-продажи. Понятно, что труд оказался предметом купли-продажи... А вот родной отец?

Бытие – это ядро социокультурной системы. Кто-то скажет «цивилизации». Но на самом деле социокультурные системы бывают разные. В ядре социокультурной системы находится то, что не имеет количественного эквивалента. Если при капитализме все имеет количественный эквивалент, то в нем нет Бытия.

А что же есть? Есть то, что называется Иметь. Иметь – это обладать теми или иными количествами. Быть – это обладать качеством. Общественное сознание, как и сознание личности, определяется ядром социокультурной системы. И находящимися в ядре кодами. Содержание ядра (коды, связи между ними) не может быть наделено никакой количественной эквивалентностью. На любой вопрос, адресованный к этому содержанию: «Сколько стоит?» – ответ один: «Нисколько».

В зависимости от того, что именно «нисколько не стоит», сознание качественно разное. У традиционного человека, для которого дом «не стоит нисколько», оно одно. Для современного человека, потерявшего дом как качество, оно другое. Но это другое сознание, опять-таки, определяется тем, ЧТО современный человек не потерял как качество. А если он потерял все, то он не человек. Можно сказать, что он постчеловек. Или неочеловек. Но он не человек. Совокупность «пост» или «нео» людей, не имеющих ядра и не способных ответить «нисколько» ни на один вопрос, не обладает Бытием. Можно с уверенностью утверждать, что такая совокупность не обладает и жизнью. А то, чем она обладает, следует назвать «постжизнью».

Тем, кто опять начинает раздражаться, подозревая в вышесказанном словесную эквилибристику, я должен задать один простой и очень практический вопрос: сколько стоит Родина? Или точнее: за сколько ее продаст наш российский капитал?

Если за 300% прибыли он продаст родного отца, то за сколько процентов конкретно он продаст Родину? Люди, которые противопоставляют метафизике реальную политику, глубоко заблуждаются. Потому что единственный политический вопрос, без ответа на который невозможно ничто: ни стратегия, ни определение политического курса, ни совокупность антикризисных действий, ни внешняя политика, – абсолютно метафизичен: когда и за сколько наш капитал продаст Россию? Не отца, как говорили классики, а Родину-мать.

Чем является для капитала Россия? И если он собирается ее продать, то что надо делать с ним как с господствующим сословием? Что должно делать с ним общество (если общество, конечно, на вопрос о том, сколько стоит Родина, отвечает: «Нисколько»)? И что должна делать власть? Она сама чем себя считает? Частью господствующего сословия? Или субъектом исторического действия?

Конкретная перспектива продажи России (а точнее, осуществление развала России) была рассмотрена Збигневом Бжезинским сразу же после событий в Цхинвале. Уже 14 августа 2008 года он написал, что для ответа на русский вызов не надо затевать ни холодную, ни горячую войну. Надо просто проинвентаризировать, в каких банках находятся крупные состояния российских капиталистов, и предъявить обладателям этих состояний конкретный ультиматум: делайте то, что вам скажут, или лишайтесь своих состояний. Бжезинский настаивает на том, что одно такое конкретное действие разом оборвет все амбиции, все бряцания оружием в Цхинвале, а также после. И кинет к ногам США расчлененный труп жалкой страны, чье господствующее сословие не ценит ничего, кроме своих счетов в банках.

Бжезинский – не председатель мирового правительства. Но он умный, холодный и влиятельный человек. Он хорошо видит болевые точки ненавидимого им противника. А ненавидит он Россию по-настоящему. Он указывает на эту болевую точку как на основную и абсолютно смертельную. Он утверждает, что достаточно удара в эту точку, чтобы разом решить все проблемы.

А что по этому поводу думает власть? Она считает, что российский правящий капиталистический класс поступит иначе? Она готова разделить этот капиталистический класс на компрадоров и патриотов и опереться на патриотов? Она считает, что класс не будет поставлен перед тем выбором, о котором говорит Бжезинский? Она хочет опереться не на это господствующее сословие, а на какой-то другой класс (страту, группу)?

Предположим, что за рубежом находятся 500 миллиардов долларов в виде (даю усредненный вариант) 100 состояний по 5 миллиардов каждое. О более мелких состояниях не будем даже говорить. Предположим, их обладателям этих состояний скажут: «Продавайте Родину – или мы отберем 500 миллиардов». Продадут ли те, кому это скажут, Родину за 500 миллиардов или за триллион долларов? Если еще точнее, то, во-первых, захотят ли продать? И, во-вторых, смогут ли продать?

Я понимаю, что, пока вопрос не будет поставлен ребром, российский капитал будет хорохориться и даже посылать

авиацию и флот к берегам Америки. А когда вопрос будет поставлен ребром – ЧТО БУДЕТ ТОГДА?

Ничуть не меньше наших реалистов и прагматиков я в своей жизни занимался сценариями, схемами и алгоритмами. И я абсолютно не понимаю, о каких конкретно сценариях, схемах и алгоритмах можно говорить без ответа на этот вопрос. Более того, я убежден, что все реальные схемы и алгоритмы, избегающие ответа на данный вопрос, – это забалтывание ситуации, невротическая лихорадочная говорильня, а вовсе не солидные рассуждения людей, понимающих, чем конкретное отличается от абстрактного. Диалектика конкретного и абстрактного в нынешней ситуации как раз и состоит в том, чтобы сначала ответить на этот вопрос, а потом заняться проработкой совершенно иного характера – сухой, деловой и прагматичной донельзя.

Обладает ли российский капитализм Бытием? Обладает ли «новый русский» (между прочим, все ли понимают, что это издевательский парафраз на «нового человека», о котором говорили коммунисты?) антропологическим статусом? Является ли он человеком или постчеловеком? Есть ли у него личностное ядро в том смысле, о котором я говорил? И что находится в этом ядре? А то ведь, может быть, в нем находится, например, понятие «ребенок», но не находится понятие «Родина».

Но этот же вопрос может быть задан не только господствующему политическому сословию, но и всему российскому обществу, в семантике которого особое место занимает сейчас выражение «всё в шоколаде». Под «шоколадом» имеется в виду обладание новыми возможностями – купить за деньги очень и очень многое. Эти возможности пьянят.

Что дороже – Родина или эти возможности? И что такое Родина? Если Родина – это место процветания, преуспеяния и у нее есть количественный эквивалент, то ее, по сути, нет, ибо в других частях мира при наличии денег ты можешь тоже преуспевать и процветать. Если же Родина определяется не количеством, а качеством и является единственным местом, где ты можешь обладать качеством, то есть Быть... И если, далее, у тебя самого есть потребность в этом качестве, то ты не обменишь Родину как качество (Бытие) на процветание и преуспеяние как количество. То есть на эти самые 300% – покупаемые материальные и иные возможности.

Я вовсе не хочу сказать, что в жизни нет места количеству (материальным и иным возможностям) и отношениям купли-продажи. Все это очень существенные слагаемые жизни. Место которым на периферии, а не в ядре социокультурных систем (групп, классов, обществ). Я всего лишь хочу указать, что настойчивый разговор о необходимости сменить социокультурное ядро субъекта под названием Россия (читайте хотя бы А. Ракитова) можно трактовать по-разному. В том числе и как прикрытие для иной затеи – проекта по уничтожению ядра.

А это так просто! Привнесите в то, что не подлежит торгу и купле-продаже, эти самые отношения количественной эквивалентности – и ядра не будет. Не будет страны как исторической личности, не будет общества и народа, не будет даже личностей как таковых. Все это заменит постчеловек и постжизнь. И, конечно, проект был именно в этом. А его острие было направлено в ядро нового господствующего сословия – этих самых «новых русских», которых и хотели взрастить в виде постчеловеков.

Почему мое стремление обсудить эту болезную тему не является предметно-политическим, а болтовня о модернизационных сценариях и прочих конкретных благодетельных инновациях является?

Речь должна идти о выстроенной системе и ее способности держать нагрузки. Нагрузки будут увеличиваться. «Шоколада» будет все меньше, а проблем все больше. Выдержит ли нагрузки эта система? И чем мы располагаем для построения другой системы, адекватной росту нагрузок? Только, пожалуйста, не надо мне говорить, что мы вырастили новых, активных, рациональных людей... Вы предъявите бытийственность этих людей, а также социальных систем и групп. Перефразировав древнегреческого философа, могу сказать: покажи мне, каким потенциалом Бытия располагаешь, я скажу тебе, какова должна быть политика. Когда же политику в ситуации «быть или не быть» начинают строить, не обсуждая потенциал Бытия, – это странно.

Еще страннее другое. Налицо два типа действий, осуществляемых параллельно.

Один тип действий (триумф патриотизма в связи с Южной Осетией и Абхазией, посылка самолетов и флота к берегам Америки, накаленная антиамериканская информационная война, ведущаяся нашими телеканалами и доходящая до обсуждения на основном государственном телеканале версии, по которой ЦРУ взорвало ВТЦ 11 сентября 2001 года) наращивает нагрузки на систему. И все было бы ничего.

Но другой тип действий (параллельный – вот что особо странно) делает систему все более хрупкой. Я имею в виду подробно проанализированный мною феномен Ремчукова, назначение Чубайса главою «Роснано технологий» с параллельным его триумфальным приходом в международный совет ключевого американского банка J.P. Morgan Chase.

А какое место в ситуации наращивания давления на систему и ее хрупкости занимает убийство Руслана Ямадаева, фантастическая эскалация ингушской напряженности, явная попытка обострить осетино-ингушские отношения?

Без ответа на основной вопрос, который я задал, описанный мною странный «хрупкодав» будет продолжаться. Ибо в его основе – противоречивость класса, который хочет и умиловить Запад, чтобы оставить в целостности и невредимости свои зарубежные счета, и покуражиться, погрозить «кузькиной матерью». Все это было бы мило, если бы, повторяю еще и еще раз, не приводило и к наращиванию нагрузок на систему, и к ослаблению способности системы выдерживать эти нагрузки.

Но мы же все понимаем, что такое одновременное наращивание нагрузок на систему и снижение ее прочности! Это развал! Когда прочность снизится до критической, а нагрузки достигнут максимума – система схлопнется. Она просто не может не схлопнуться.

Нельзя одновременно проклинать американцев, грозить им бронированным кулаком и идти в постиндустриальное будущее под знаменем А.Б.Чубайса, всегда донельзя американизированного и американизирующегося теперь больше, чем когда бы то ни было. Или кто-то считает, что так можно? Но пусть он объяснит обществу, на чем основана такая уверенность?

Нельзя ставить на уши уже утвердившийся американский гегемонизм, совершая беспрецедентное действие с признанием Южной Осетии и Абхазии (которое я всячески поддерживаю) и аранжировать это действие стонами и посудами Ремчукова.

Нельзя возвеличивать героизм тех, кто воевал в Южной Осетии (это возвеличивание я, опять же, поддерживаю), и сквозь пальцы смотреть на убийство брата одного из героев этой войны, совершенное в зоне ответственности ФСО, в час пик, на глазах у всех, чуть не под стенами здания правительства и рядом с британским посольством. Это даже не ситуация, когда правая рука не знает, что делает левая. Это ситуация, когда правая рука давит на систему, а левая ломает в этой системе все ребра жесткости.

Класс под патриотические фанфары сдает Россию? Или он готов сказать, что Россия для него дороже накопленных и вывезенных на Запад состояний? Или же он раскалывается на тех, кто говорит «Родина», и тех, кто говорит «бабки»? Нужна ясность, но ее нет! Класс хочет спрятаться от Прямого вопроса: Родина ИЛИ бабки? Не «Родина И бабки» (кто же откажется? красиво жить не запретишь!), а «Родина ИЛИ бабки». А когда Бжезинский И его бэкграунд поставят этот вопрос ребром – что будет тогда?

Мы не имеем права не задавать себе этот вопрос. В памятной всем, наверное, песне пелось: «С чего начинается Родина?» И перечислялось: «с картинки в твоём букваре», «с хороших и верных товарищей», с песни матери и прочее. А дальше говорилось: «С того, что в любых испытаниях у нас никому не отнять».

Но у нас же отняли? По факту – взяли и отняли. Нет СССР.

Владимир Владимирович Путин сказал, что распад СССР – это геополитическая катастрофа. И я его в этом всецело поддерживаю. Но мне кажется, что настало время сказать гораздо большее. И что это, большее, обязано быть сказано именно теперь.

Большее же состоит в том, что РАСПАД СССР – ЭТО КАТАСТРОФА НЕ ТОЛЬКО ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ, НО И МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ. ЭТО ПРЕЖДЕ ВСЕГО МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА. Ибо Быть было отдано за Иметь, первородство – за чечевичную похлебку. «Царство количества» ворвалось туда, куда оно не врывалось ни при каком нормальном капитализме. Да и ненормальном тоже. Такой экспансии количества в сферу качества не видела никакая Колумбия.

Такая экспансия количества – это метафизическая катастрофа. Она бросает вызов жизни и человеку. Она создает постжизнь и постчеловека. Мы не ответим на новые вызовы, не поняв как следует, что это такое. Сегодня уже не может быть политики, оторванной от метафизики, от экзистенциальных вопросов. В момент, когда встает ребром вопрос: «Быть или не быть России?» – подчеркиваю, не вопрос «какой ей быть?», а вопрос «быть или не быть?» – только экзистенциальное и метафизическое начало может придать политике упругость и эффективность.

Так что же такое вызов Иметь, вызов количества, вызов антибытийности, вызов постжизни? Оторвав эти вопросы от политически актуального, мы рискуем погрузиться в пустые умствования. Но, подчинив эти вопросы злобе дня, мы не придадим искомой политике экзистенциального качества.

Вот почему я обращаюсь к опыту тех наших великих философов, которые не чурались политики и не скользили по метафизической поверхности. Я по-своему трактую этот опыт, но не подменяю его анализ своими собственными построениями.

Первым из таких философов, к которому надо обратиться за пониманием феномена постжизни и постчеловека, является Федор Михайлович Достоевский. Это он сказал устами своего героя в «Записках из подполья»: «Это уже не жизнь, господа, а начало смерти». Что самое важное в этих словах? Понятие о НАЧАЛЕ смерти. Смерть для Достоевского не одномоментна. Она начинается. И – длится. Длющаяся смерть и есть постжизнь. А плывущий в потоке постжизни – постчеловек.

Глубже всего Федор Михайлович рассматривает это в своем «Бобке». Вчитаемся в его сокрушительные метафизические и политические пророчества.

Я уже обсуждал феномен неприличности Ремчукова и спрашивал себя и других: «Что это?» Достоевский отвечает: это постжизнь. И связывает постжизнь – социальное, политическое и культурное тление – с возрастанием этого самого неприличия.

«Заголимся!» – восклицают герои «Бобка», объятые тлением. Достоевский, исследуя личность и ее тление, говорит и о других каркасных личностных конструкциях, атакуемых тлением. Например, о способности удивляться.

Он говорит о том, что тление личности порождает способность НЕ удивляться ничему на свете. И что эта способность «почему-то признана» правящим сословием Российской империи – «за хороший тон». Чем это кончилось для правящего сословия – мы знаем по результату. А Достоевский это предвидел. И выводил из своей концепции тления личности. Тление личности порождает неспособность отличить приличное от неприличного... Оно же порождает неспособность удивляться... Что еще оно порождает?

Анализируя крах той империи, мы постоянно сталкиваемся с чем-то, вызывающим оторопь, с какой-то особой склонностью делать именно то, что не надо, и не делать того, что надо. Подобную склонность принято называть «политической глупостью». Это не обычная глупость. Это метафизическая глупость, порожденная тлением личности и постжизнью как длящимся тлением. Таково, по крайней мере, мнение Достоевского, предчувствовавшего гибель любимой им Империи. И пытавшегося что-то объяснить Победоносцеву – Суслову Российской империи, – мечтавшему ее подморозить.

Подморозить... Не правда ли, это слово отдает моргом? Подморозить – это сдерживать тление. Ну и как, удалось его сдерживать? Дело не в том, чтобы сдерживать тление, а в том, чтобы обрести потерянную личность, то есть воскреснуть. Признаем же, что воскресла Россия в 1917 году. Нравится нам, как она воскресла, или нет – будем элементарно честными.

Французское правящее сословие перед революцией 1789 года было столь же изощренно и изысканно, как российский правящее сословие перед революцией 1917 года. И столь же метафизически (а в результате и политически) глупо. Оно тоже истлело. Граф Йорк фон Вартебург объясняет это тление потерей связи с историческим духом. Что ж, потеря связи с духом всегда впускает в субстанцию это самое тление. А восстановление связи?

Революционеры были людьми достаточно простыми. Но обладали поражающим всех политическим умом, имевшим метафизический генезис. Умом, связанным с присутствием исторического духа и восстановлением личностного начала.

Личность всегда умна, считает Достоевский. Она может быть наивна, даже примитивна. Но постольку, поскольку она личность, она всегда метафизически (а значит, и политически) умна. Индивидуум же, расставшийся со своей личностью, всегда метафизически глуп. Он может быть хитер, чуток, сложен, образован, тонок. Он может быть невероятно цепок. И потому успешен в определенных ситуациях, не требующих этого метафизического ума. В каких именно ситуациях? В ситуациях, когда «всё в шоколаде».

А по ту сторону «шоколада»? Там необходимо соединение с историческим духом, обретение личности и метафизического (то есть и политического) ума. Возможно ли это? Да, возможно. В той степени, в какой возможно то, что называется воскресением. Если бы я не считал, что это возможно, я не написал бы ни строчки по поводу судьбы развития в России. Ибо и судьба, и развитие предполагают Бытие, личность и не предполагают той самой особой метафизической глупости, которая порождена, уверен, «исавизацией всей страны», тлением личности и постжизнью.

Освободиться от глупости «а la бобок» можно только воскресая (опять же в социальном, культурном, политическом смысле). Воскресая, вновь становясь умным. Так считает Достоевский. И для меня абсолютно очевидно, что, размышляя об отдельной личности (ее тлении и воскресении), он размышляет и о России. Так поразмышляем и мы. Право же, есть о чем.

Может ли воскреснуть нынешняя Россия? Именно воскреснуть – причем не в поэтически размытом смысле, а в смысле обретения исторической личности? В смысле соединения ее субстанции с ее же историческим духом. Тем духом, связь с которым разорвала перестройка. Разорвала, предложив обменять первородство на чечевичную похлебку, организовав – подчеркну еще раз – и геополитическую, и метафизическую катастрофу. Запустив Танатос, то есть это самое тление (регресс). Истлевающее теряет Быть и получает взамен Иметь. Эрих Фромм, говоривший об Иметь и Быть, был абсолютно солидарен с концепцией тления Достоевского.

Воскресить Россию – значит вырвать ее из трясины всеобъемлющего Иметь. Посадить на цепь воющее тоскливое вождение: «Это хочу иметь, и это, и это». Изгнать количество из качества (менять из храма).

Личность – это то, что способно Быть. Экспансия Иметь – акт тление. Достоевский напряженно наблюдает за тем, как тлеет в бесконечно им любимой России правящее сословие. В том числе за тем, как, тлея, то есть теряя личностное, сословие приобретает способность ничему не удивляться и считает эту способность хорошим тоном.

Достоевский прямо связывает подобный «бонтон» с тем, что индивидуумы, слагающие это сословие, тлея, глупеют. Еще раз подчеркну: для Достоевского потеря личности – это приобретение глупости. В итоге Достоевский выносит такой вердикт: *«Ничему не удивляться почти то же, что ничего и не уважать. Да глупый человек и не может уважать».*

Потрясающая точность и глубина мысли! Достоевский устанавливает, что потеря способности удивляться имеет общий источник с потерей способности соблюдать приличия, то есть что-то уважать – себя, других, страну и так далее. И что этот общий источник – метафизическая глупость, порождаемая тлением личности.

А еще Достоевский в своей концепции тления вводит понятие «инерция». Он утверждает, что глупость порождает инерцию, а инерция усугубляет глупость. Предреволюционное состояние правящих сословий всегда чудовищно инерционно. Казалось бы, небольшой точный поворот – и все будет спасено. Но поворот невозможен. Как и точность. Кого исторический дух хочет наказать, того он поражает инерционностью.

Чтобы не быть голословным, позволю себе еще одну цитату из того же «Бобка»: *«Наверху, когда еще мы жили, то считали ошибочно тамошнюю смерть за смерть. Тело здесь (разговор ведется, как вы, наверное, помните, между покойниками на кладбище. – С.К.) еще раз как будто оживает, остатки жизни сосредотачиваются, но только в сознании. Это – продолжается жизнь как бы по инерции [...] еще месяца два или три... иногда даже полгода... Есть, например, здесь один такой, который почти совсем разложился, но раз недель в шесть он все еще вдруг пробормочет одно слово, конечно бессмысленное, про какой-то бобок [...] Ну, а как же вот я не имею обоняния, а слышу вонь? Это... хе-хе... тут вонь слышится, так сказать, нравственная – хе-хе... Вонь будто бы души, чтобы в два-три этих месяца УСПЕТЬ СПОХВАТИТЬСЯ (выделено мною. – С.К.)... Так сказать, ПОСЛЕДНЕЕ МИЛОСЕРДИЕ (выделено мною. – С.К.)».*

Наши западники после 26 августа 2008 года пребывают, по сути, в фундаментальной экзистенциальной ситуации «Бобка». Они могут отреагировать на эту ситуацию по-разному. Могут УСПЕТЬ СПОХВАТИТЬСЯ. Прощу, прислушайтесь к этим удивительно емким словам российского гения – именно УСПЕТЬ и именно СПОХВАТИТЬСЯ. Они могут успеть спохватиться... А могут... могут и не успеть.

Глава VII. От октября 1993 до октября 2008 года – запись в полевом дневнике, 8 октября 2008 года

Мне звонят мои друзья, возмущенные передачей «Судите сами» на Первом канале 2 октября 2008 года. Передача была посвящена трагическим событиям 1993 года – октябрьскому расстрелу Дома Советов и другим «шалостям» раннего ельцинизма. Например, знаменитому апрельскому референдуму «Да-да-нет-да». Тому самому референдуму, на котором впервые были применены запрещенные технологии взлома психики. Нейролингвистическое программирование (НЛП), прочие наработки, созданные военными психологами для подавления психики чужого населения в условиях ведения военных действий на его территории. Тут же этими средствами вели войну со своим населением. Или – с уже чужим?

На все возмущения моих друзей я отвечаю: «Идет политическая война».

Друзья говорят: «Мы же видим, что твое высказывание искромсано! Мы достаточно профессиональны, чтобы и более тонкие склейки улавливать. А тут – грубейшие вклейки. Таких склеек не было со времен НТВ Гусинского!»

Я отвечаю: «Идет политическая война».

Друзья говорят: «Ты не можешь не понимать, что Первый канал сознательно играет на стороне монстров либерализма, валяющихся на свалке история. А когда ты им оппонируешь, то кромсают не скальпелем – штык-ножом».

А я опять отвечаю: «Идет политическая война».

Друзья заводятся: «А как же эти, эти и эти (называются имена телевизионных работников)... Они на чьей стороне воюют? Они патриоты? Конъюнктурщики? Засланные казачки?»

Я: «Это совершенно нормальные люди. У них есть и позиция, и свой взгляд на происходящее. Дело не в них, а в Системе. Система входит в режим автоколебаний. А люди... Они же не только люди, но и функционеры этой Системы».

Друзья начинают называть еще более высокие имена.

Я: «И это нормальные люди. И у них есть позиция. Но если телевизионщики – функционеры Системы, то эти люди – высокие функционеры Системы. Надо смотреть правде в глаза – старая Система не выдерживает новых нагрузок. Она взяла на себя совершенно не свою роль. У нее парадигмальный кризис, понимаете? Не кризис функционирования, не кризис системной архитектуры, а кризис оснований. Это страшная штука».

Тогда друзья называют совсем высокие имена.

Я отвечаю: «А это – высочайшие функционеры Системы. Той самой Системы, которая не выдерживает нагрузок, путается в кодах, логистике. Вы мне имена называете?.. Имена вторичны. Любой функционер – заложник автоколебаний несправляющейся Системы».

Друзья отпускают ядовитые реплики. А когда телефоны умолкают, я остаюсь наедине со своими мыслями и понимаю, что для друзей события 1993 года не имеют метафизического смысла, а для меня имеют.

Я ценю то, что Путин назвал распад СССР геополитической катастрофой. И абсолютно убежден, что он сделал это от сердца, а не по конъюнктурным соображениям. Но для меня-то распад СССР – это метафизическая катастрофа. И я эту оценку считаю научной, а не базирующейся на симпатиях и ценностях. А из различия оценок качества катастрофы вытекает очень многое.

Главное – представление о необходимых действиях в посткатастрофический период. Травма пространства и травма смысла лечатся по-разному. Конечно, пространство связано со смыслом, а смысл с пространством, но это все-таки не одно и то же.

В период с 1987 по 1991 год (всего-то четыре года) Верх обменяли на Низ, идеал – на совокупность определенных... скажите, как вам нравится... Соблазнов? Возможностей? Ну, пусть возможностей. В число возможностей, которые обменяли на идеал, входили прежде всего возможности материальные. Еда – отсутствие дефицита (полные прилавки вместо пустых), другой ассортимент продуктов (не для всех, но для многих), а также возможность не стоять в очередях, что отнюдь не мелочь. Следом за едой речь шла обо всей корзине потребительских товаров, о новых возможностях решать жилищную проблему (уже для немногих) и, наконец, о развлечениях (возможность отдыха за рубежом и т.д.).

То, что я назвал, это материальные возможности. Но я согласен приплюсовать к ним другие, более высокие. За рубежом можно, например, не только отдыхать, грея тела на пляже, но и любоваться Римом, Парижем, проводить часы и дни в Лувре или в галерее Уффици.

Но это – все равно возможности. Герой О'Генри едко заметил: «Песок – плохая замена овсу». Является ли для кого-то идеал «песком», а все эти совокупные жизненные возможности «овсом», или наоборот – неважно. Важно, что обмен идеала на возможности – это игра на понижение, движение сверху вниз, скольжение, контринициация. А значит – падение в буквальном смысле слова. Оно же – метафизическая катастрофа.

Мне кажется, что скоро это начнут понимать все. Политики в том числе. Потому что это слишком очевидно. Как слишком очевидно и то, что именно новые материальные возможности предопределили решение широких общественных групп поддержать сначала перестройку, а потом... 1993 год.

Эти широкие общественные группы вполне можно назвать омещаненными. База перестройки и ельцинизма, конечно, была шире. Я не хочу редуцировать ее до общественных групп с данной характеристикой. Но эти группы были и локомотивом, запевалами, осью будущей властной Системы. Они быстро отодвинули все другие группы на периферию, а потом и безжалостно их растоптали. Другим группам оставалось маргинализироваться и либо запоздало проклинать новую Систему, либо поддерживать ее, вопреки своей очевидной маргинализации. Последнее тоже имело место.

Омещанивание – грех позднего советизма. Страшный грех. Но поздний советизм – это растор с мещанской взвесью, и не более того. Взвесь еще надо было осадить, спрессовать, превратить в иной по качеству социальный субстрат Перестройка сделала это и оперлась на новый субстрат. Мы пожинаем плоды.

Проще всего сказать, что «негодяи осуществили заговор, сменив Верх на Низ». Да, заговор был. Его можно даже назвать «заговором Карнавала». Именно карнавал меняет Верх на Низ. Это его основополагающее социальное и культурное свойство. Михаил Бахтин талантливо это описал. Он еще и рассмотрел технологии Низа, используемые Франсуа Рабле и его последователями. А это отдельная (и очень непростая) страница в истории мировой культуры и мировой парapolитики.

Все так. Да, соврашали, да, растлевали. И что? Всех ведь растлевали, всем внушали, что Верх надо поменять на Низ. Но кто-то не поменял, а кто-то поменял. Значит, была возможность не поменять? Просто кто-то ею воспользовался, а кто-то нет.

Никто не снимает с растлителей вину за растление, но можно ли снять вину за падение с падшей женщины? Особенно если она не Соня Мармеладова? Воля человеческая свободна. Это касается как отдельного человека (личности), так и народа, являющегося исторической личностью.

Когда мы говорим, что кто-то пал, а кто-то не пал, это абсолютная правда. Огромное количество наших сограждан не пало. Они проявляли и проявляют колоссальный социальный героизм. Ведь нянечки, которые за крохотную зарплату возятся с тяжелыми больными, сохраняя добросердечие, приветливость, отзывчивость, не пали. И таких примеров много. Мы, в конце концов, можем сказать, что пало активное меньшинство, а не большинство.

Но, отказываясь от концепции коллективной вины, мы должны отказаться и от концепции собора, от концепции народа как единой исторической личности. Хотим ли мы отказаться от этой концепций? Я, например, не могу от нее отказаться. Для меня общество не совокупность индивидуумов, а Целостность. И если Целостность сажает себе на шею Ельцина, то она совершает выбор и делает всех заложником этого выбора. Меня – тоже.

Я лично никогда ни от чего не отказывался, не делал в своей жизни никаких понижающих выборов, не поддавался никаким соблазнам нынешней эпохи.

Я лично говорю в 2008 году в точности то же самое, что говорил двадцать лет назад. Конечно, не как попугай, а как человек, который ищет ответы на новые вызовы, не меняя при этом основополагающих представлений.

Я лично прекрасно знал, что я должен был бы сказать и от чего отказаться, дабы вкусить от разного рода возможностей. Но я, опять-таки лично, отверг такой соблазн.

Потому что я (снова скажу – «я лично») прекрасно понимал, чем первородство отличается от чечевичной похлебки, а человек, у которого есть подлинность, от человека, у которого ее нет. И я лично хотел иметь подлинность.

Все это – лично. Но, кроме личного, есть и нечто другое. Есть Целостность, в которую я вхожу и за которую отвечаю. Как только я признаю, что являюсь частью Целостности (а я никогда от этой Целостности, она же Родина, Отечество, не откажусь), так сразу же поступок, совершенный этой Целостностью, бросает и на меня свою экзистенциальную и метафизическую тень.

Я лично не сдавал ни Хоннекера, ни Наджибуллу и выражал глубокое отвращение по поводу этой сдачи. Хоннекера и Наджибуллу (а также многих других) сдала власть, про которую я лично всегда говорил то, что думал.

Но если бы историческая личность, к которой я принадлежу, испытала настоящее отвращение к этому предательству, совершаемому властью, то не было бы такой власти – ни самого Ельцина, ни его Системы. «Если бы да кабы»... Историческая личность отвечает за предательство власти, а я отвечаю за историческую личность, являясь ее частью.

Знаю все возражения: мол, народ кто-то должен организовать и так далее. И убежден, что в этих возражениях всегда есть доля лукавства. Даже у тех, кто выдвигает их с абсолютно немеркантильными целями. Достоевский про это говорил: «В душе насмешка шевелится». Увы, нельзя не признать, что метафизическая катастрофа 1988–1993 годов происходила в условиях беспрецедентной для России политической и социальной свободы и этим усугублялась.

Потому что выбор между идеалом и возможностями, первородством и чечевичной похлебкой совершался не под дулами автоматов. В бордели и казино не свозили в «черных воронках»... Люди отрекались от своего прошлого не потому, что их вздымали на дыбу. И давно пора посмотреть этой горькой правде в глаза.

1993 год занимает в метафизической катастрофе (а катастрофа – это процесс, разворачивающийся во времени) особое место.

В 1991 году народ взяли врасплох. Ему слишком многое пообещали. И это многое в конце концов и впрямь не сводилось к материальным приобретениям. В частности, народу пообещали верховенство закона над идеологическими предвзятостями, «крутизной» отдельных личностей, однопартийной блажью. Народу пообещали конкурентные правила политической игры и Конституцию как гарантию их соблюдения.

А в 1993 году оказалось, что конкурентные правила политической игры, они же демократические институты, важны, пока выигрывает тот, кто задает правила. А когда он проигрывает (ну, как шахматист партию в шахматы), – он бьет выигрывающего по лицу шахматной доской и затем предлагает сыграть новую партию.

Такой, весьма наглядно осуществленный подход изымал из приобретенных народом возможностей последние крупинцы Идеального. Согласившись на изъятие Идеального, народ признал, что именно материальные возможности, будучи положены на одну чашу весов, перевесили Идеальное, положенное на другую чашу. Это признание усугубляло метафизическую катастрофу.

Пусть даже в 1991 году народ, поддержавший Ельцина, надеялся на новую жизнь, а не только на новое стойло и новое поило. Мне очень хочется в это верить, ибо в этом оправдание народа, той Целостности, частью которой я себя ощущаю.

Но к 1993 году все всем уже было ясно. Ельцин пообещал лечь на рельсы – и не лег. Гайдар обокрал народ беспрецедентным в истории образом. Кичливость новых «социальных триумфаторов» была предельно оскорбительной. Рабочие, инженеры, ученые, аграрии, вся так называемая бюджетная сфера (да и весь реальный индустриальный и постиндустриальный уклад) оказались варварски подавлены во всех смыслах – нравственном, социальном, экзистенциальном. Все «нечечевичное», что в 1991 году оказалось по одну сторону баррикад с «чечевицей», испарилось к 1993-му. ОСТАЛАСЬ ТОЛЬКО ЧЕЧЕВИЦА. К ней-то и апеллировал Ельцин в этом особо горьком 1993 году: мол, коммунисты придут, прилавки опустеют, халява кончится, опять попретесь вкалывать и так далее.

Для народа наступил момент истины. Правила политической конкурентной игры и Конституция сломаны. Маски сняты, нуворишский оскал, скрывавшийся за этими масками, виден всем. Социальные, нравственные и прочие слагаемые, определяющие качество жизни, растоптаны. Если вы все это поддерживаете (а не сопротивляясь этому, вы это поддерживаете), то вы признаете, что Низ важнее Верха. А это – метафизическое признание.

Но, может быть, средства сопротивления были народу недоступны? Это не так. Всего-то нужно было, чтобы к конкретной точке – зданию Верховного Совета – пришло от 300 до 500 тысяч людей, готовых поддержать законно избранную власть. Перед этим на демонстрацию 9 мая пришло больше 300 тысяч человек. А ведь одно дело – демонстрация, другое – указ №1400, растаптывающий и Конституцию, и политические институты, то есть то «нечечевичное», что могло как-то оправдать произошедшее в 1991 году.

В 1993 году народ не поддержал людей, достаточно мужественных для того, чтобы, сказав Ельцину «нет», оказаться в осажденном Доме Советов, в кольце колючей проволоки. Людей, готовых вооружиться. Людей, призвавших народ дать отпор посягательству на Конституцию, политические права, институты. Людей, призвавших дать отпор очевидному социальному и культурному надругательству над большинством населения.

Народ не поддержал людей, восставших против его, народа, беспрецедентного ограбления. Народ не поддержал людей, которые, в конце концов, заплатили за свое «нет» ельцинизму – и нахождением в обстреливаемом здании, и тюремным заключением, а многие и жизнью. Да, никто из депутатов не был убит. Но другие-то люди были убиты! И очаг сопротивления был! И было понятно, как его поддержать. Но ведь не поддерживали.

То есть кто-то поддержал. Однако если бы поддержала Целостность (да хотя бы просто 300 тысяч пришедших к зданию Верховного Совета), то ельцинизма не было бы. Мне скажут, что могло быть что-то похуже. Но, один раз показав, что посягательство на политические институты, права, Конституцию и многое другое не проходит, народ приструнил бы всех. И очень надолго.

Многое было метафизично в те осенние дни 1993 года. Метафизичен был выбор толпы, стоявшей рядом со зданием Верховного Совета и гоготавшей под выстрелы по своему законно избранному парламенту. Кому-нибудь на Западе в конце XX века мог присниться страшный сон, в котором танки расстреливают французский или британский парламент?

Толпа зевак, которые, потягивая пиво, аплодируют танковым выстрелам по высшему законодательному органу страны, – это не метафизическое падение? А что это?

А что такое сначала призвать народ не допустить ельцинской Конституции, а затем фактически поддержать ее своим участием в выборах? Это не метафизический грех, не блуд на крови?

Я никогда не забуду, как поздней осенью 1993 года по причинам, скажем так, социологического характера оказался на предвыборном шоу, устроенном Зюгановым. После окончания шоу ко мне подошел плечистый, утянутый ремнями человек средних лет и спросил: «Вы тоже станете депутатом?» Я грубо послал его, а человек не только не обиделся, но возбужденно прошептал: «Спасибо тебе, спасибо», и добавил: «Говорил я им: "Ребята, уходить надо". А они – "надоело бегать, лучше за правое дело умереть". Вот, умерли, а тут...» Дальше шли незабываемо оскорбительные высказывания в адрес тех, кто потопал на выборы, поддержав Конституцию, а перед этим призывал умереть, но не позволить этой Конституции растоптать устои общества и принципы социальной справедливости.

Сегодняшнее качество жизни в России во многом определяется метафизической катастрофой предшествующего периода. И ее кульминацией – событиями 1993 года. Еще раз подчеркну, что о едином выборе всех говорить не приходится. Кто-то пассивно отвергал ельцинизм и доказал это результатом выборов в Думу в самом конце 1993 года. Тем результатом, при объявлении которого один известный либерал возопил: «Россия, ты одурела!» Россия не одурела, а отвергла постфактум тех, кто организовал бойню в октябре 1993 года.

Но если ельцинизм состоялся, если он вошел, как нож в масло, в тело России, то не говорить о ее историческом выборе в пользу ельцинизма нечестно.

В 1917 году Россия выбрала коммунизм. В 1933 году Германия выбрала фашизм. Наличие Добровольческой армии, не поддержавшей коммунизм, или Тельмана, не поддержавшего фашизм, не меняет факта выбора, сделанного исторической личностью. В 1993 году Россия как историческая личность выбрала ельцинизм. Не выбрала бы – сколько бы он ни утешил гусеницами не только набережную Москвы-реки, но и одну седьмую планеты – ельцинизм все равно бы рухнул. И очень скоро. А он не рухнул.

Метафизическое качество выбора, сделанного Целостностью в 1993 году, очевидно. Обсуждать можно и должно другое: является ли это нисхождение (хождение в Низ, то бишь падение) необратимым. Если да, то «бобок» будет неумолимо волочить Целостность к катастрофическому метафизическому финалу. А если нет, то она спохватится.

Я уже несколько раз оговаривал, что не Путин и не Медведев создали колею нисхождения, по которой движется до сих пор, увы, моя Родина. Создала эту колею перестройка. Это она запустила регресс, включив Танатос – дух смерти, смрада и тления. Это она, запустив регресс, карнавальными методами поменяла Верх на Низ. Это она, наконец, присосалась к идее развития (ускорения, модернизации и прорыва) и извратила эту идею.

И да не присосется к развитию «перестройка-2».

И да минует на этот раз чаша сия мою Родину. Минует ли?

Наличие ада и рая не означает полного территориального размежевания погибели и спасения. Есть мир. Все бытие. При окончательном территориальном размежевании (размежевании во времени и пространстве) царство погибели было бы жалким хутором. Всеми презируемым «скотским двором», населенным очевидными для всех хрюкающими уродливыми ничтожествами. Этими наглядными пособиями на тему о жалких последствиях погибели.

Царство погибели становится могучим, лишь когда оно проникает своими щупальцами на территорию спасения. Как мы знаем хотя бы по истории с Адамом и Евой, – на всю территорию, включая рай. Проникновение, метафизическая вербовка – вот подлинное оружие царя погибели и его приспешников. Они, так сказать, метафизические разведчики. Они должны войти в чужое царство и там преуспеть.

Чтобы преуспеть, погибель ищет себе место как можно ближе к спасению. Развитие может быть спасением России, а может стать и ее погibelью. Не понимал бы я этого – не начал бы метафизического странствия в поисках политических истин. Горбачевская эпоха перемен, заявив о развитии, поместила развитие как спасение (ускорение – прорыв) в невероятной близости с развитием как погibelью (карнавал – Танатос – перестройка – регресс).

«Перестройка-2» сделает то же самое. Она опять поставит на... На что? НА ЧТО?! Тут очень много значит верное слово.

Что может погубить Россию? Американская мощь? Китайская демографическая экспансия? Халифатистский ислам? Происки иных злых сил? Кто может отнять у нас Родину в 2011 году так же, как в 1991 у нас отняли СССР? Назовите правильные слова! А лучше бы одно слово. Если вы сносили семь пар башмаков в метафизических странствиях и добыли это слово, вы выиграли. Назовите именно правильное слово. Конфуций призывал давать вещам правильные имена, видя в этом единственную возможность воскрешения лежащего в прахе и бесконечно любимого им Китая. Да и не только Конфуций.

Ну, так слово-то каково? В какую точку будут бить умные люди, ненавидящие Россию и желающие ее окончательной смерти? Идиоты будут считать своим главным оружием гонку вооружений, беспилотные самолеты, лазеры, глобальную ПРО, постядерное и посттермоядерное оружие. Но ненавидящие нас умные люди, к которым я отношу Бжезинского, укажут на другую технологию обеспечения нашей погибели.

Бжезинский на эту технологию уже указал. Поскольку это начинает приобретать все большее значение у нас на глазах, я обязан не только пересказать его мысль (что я уже сделал), но и дать буквальную развернутую цитату из его статьи «Не

опускать глаза перед русскими», опубликованной 14 августа 2008 года в журнале «Time»:

«Говорить о том, какие конкретно меры должен принять Запад, сейчас было бы преждевременно. Однако необходимо сделать так, чтобы до России дошло: она стоит перед лицом опасности, международного ostracизма. Особенно чувствительно это должно быть для новой бизнес-элиты России, все более уязвимой к давлению со стороны глобальной финансовой системы. Влиятельные российские олигархи держат на счетах в западных банках сотни миллиардов долларов, и в случае начала "холодной войны" они многое теряют, ибо в результате такого противостояния Запад может на определенном этапе заморозить эти средства».

Кто-то фыркнет: «Ишь ты, бабки он отбирать будет! А мы их куда-нибудь перепрячем».

Такое фыркание возможно только при поверхностном понимании тех глубоких подходов, которые предлагают наши ненавистники для нашей гибели. Откажитесь от буквального (то есть поверхностного) прочтения и найдите, повторяю, точное слово! Найдите слово – или зачем метафизика?

Это слово витает в воздухе, но сделано все, чтобы оно не было названо. Ну, так я его назову. Это слово – НИЗОСТЬ.

Враг, стремящийся нас добить, делает ставку на нашу низость.

Низость нашей элиты. Низость нашего общества. Низость вообще.

Почувствуйте это слово – НИЗОСТЬ. Русский язык гениально раскрывает метафизическое существо игры, где ставкой являются спасение и гибель.

Низость – это Низ. Ставка на низость – это ставка на Низ. Именно эту ставку и сделала перестройка с ее метафизикой карнавала, предлагающей замену Верха на Низ. И такую же ставку сделает «перестройка-2».

Ставку на низость класса...

На низость элиты...

На низость в душах...

На низость в поступках...

На «бобок-с».

«Бобок» – это метафизический термин. Есть близкий научный термин – социокультурный регресс.

Карнавал и царствующий в его лоне Танатос запустили регресс, сломали механизмы, обеспечивающие восхождение человека. Толкнули вниз и продолжают толкать. Толкать человека вниз гораздо проще, чем тянуть его вверх.

Танковые залпы 1993 года отдавались в моих ушах этим самым словом «регресс». Мы после этих залпов живем на территории регресса. Просто жить на ней – значит тлеть. Мы боремся. Мы противопоставляем регрессу контррегресс, царству низости – катакомбы, в которые этой низости вход закрыт. Но мы живем не только в катакомбах!

Конечно, тут каждый выбирает для себя! Кто-то может так огрядиться от поврежденного, тлеющего социума (сказав добавок, что рыба тухнет с головы), что потом и не достучишься.

Так отгородились старообрядцы после Петра I, Они не уклонились от участия в общей народной жизни и породил много ценного для России. Но их поведение в корне отличалось и от поведения ранних катакомбных христиан, и от поведения современных групп с катакомбными стратегическими претензиями, например, тех же ваххабитов, которых Буркхардт когда-то назвал «протестантами ислама».

В чем суть различия? Ведь не в том же, что ранние христиане были менее чутки к тлению Рима – параллельно с ними существующего и господствующего политического и социального мироустройства. Не они ли называли Рим блудницей, не их ли третировал этот Рим? Нет, их чуткость к низости, к «бобку» и отчуждение от оных было ничуть не меньше, чем у старообрядцев.

Но они шли на территорию регресса, веря в силу своего духа, в возможность преображения, в возможность смены возобладавшему в тлеющем Риме Низа – на Верх. И они преуспели. Каким бы было человечество, если бы они не преуспели? Византия за счет этого их подвижничества продержалась тысячу лет. Вы только подумайте! Не семьдесят лет, как СССР, и не четырехсот лет, как проект «Модерн», а тысячу!

Но ведь и Запад спасся за счет проникновения тех катакомб на территорию регресса! Да, Рим спасти не удалось. Но Папа сумел ввести в какие-то берега обезумевших мелких варваров, этих царей-бандитов ранней феодальной Европы. А дальше началась долгая история превращения мелких царей-бандитов в элиту Священной Римской империи. Византия продержалась тысячу лет, а западный Рим, рухнув, воскрес. И этим в огромной степени определил, вместе с Византией, лицо современного человечества.

Так имеем ли мы право забывать этот урок? Или мы считаем, что у нас нет своей метафизической правды? Но чего ради тогда мы проживаем на территории регресса? Нам так нравятся березки? Мы «бабки» вместе с регрессорами стрижем? Егор Гайдар рекламировал свою деятельность (в том числе им, Гайдаром, организованную и проплаченную – читайте Геращенко – пальбу по Дому Советов) прямым цитированием из Стругацких, как «прогрессорство». Но понимал он, что на самом деле занимается – причем буквально – РЕГРЕССОРСТВОМ. Впрочем, не в Гайдаре – и даже не в Ельцине – суть дела.

Суть дела – в слове «низость». Ощутите значимость этого слова для будущего России.

Бжезинский делает ставку на низость и говорит: «Это ахиллесова пята».

А если и в самом деле это «ахиллесова пята»?

Низость элит обрушила СССР. Бжезинский делает ставку на то, что это совершится во второй раз, и Российская Федерация рухнет в силу низости новорусского нуворишского сословия. Двадцать лет назад элитам удалось заразить низостью широкие слои населения. А теперь?

Все зависит от нравственного обоняния. Его-то мы и должны развивать.

Мы знаем, что это многим не нравится. Ну, и что? Ведь мы также знаем, что это абсолютно необходимо. Что только развитие нравственного обоняния (равно как и понимания происходящего) может позволить людям, оказавшимся в ситуации регресса, спохватиться. Сегодня спохватываются одни, завтра – другие. Мы не должны ни радоваться, ни сетовать – только

работать. Работать на территории регресса.

«Работать» – это значит писать статьи и книги, зная, что для всего, что погружено в регресс (как элитный, так и низовой), эти статьи и книги – пустой звук.

«Работать» – это значит идти на телешоу или иные шоу (те же «2020», к примеру), зная, что и пригласившие тебя организаторы шоу, и большинство тех, кто будет лицезреть эти шоу, считают регресс возвратом к нормальной жизни, освобождением от «цепей совка».

«Работать» – это значит быть готовым к тому, что действие рождает противодействие. Что твои выступления будут сопровождаться грязными, развязными, пустопорожними комментариями. Или же их будут кромсать, искажая купюрами мысль. Что и произошло, к примеру, в телепередаче о событиях 1993 года, которая побудила меня к этим историческим и метафизическим рефлексиям.

«Работать» – это значит раздражать тех, кто воспринимает губительный регресс как очень комфортную и высококалорийную среду обитания. В числе подобных – множество VIP-персон, настроенных как либерально, так и консервативно. Пусть либеральная фронда отсчитывает твои выступления по телевидению или количество твоих участия в околостатных мероприятиях и измеряет этим количеством некую, вождельную для этой фронды, «приближенность». Но ты-то сам знаешь, что эта фронда мерит тебя своими мерками. А что на самом деле она-то и приближена по-настоящему. И даже непонятно, почему так тщательно следит за тобой... То ли путает тебя со своими консервативными конкурентами, то ли... То ли боится, что, вопреки всему произошедшему, всей выстроенной системе, всем запущенным тенденциям, всей логике поведения элиты и масс, кто-то еще может СПОХВАТИТЬСЯ.

«Работать» – это и значит вопреки всему давать кому-то какой-то шанс спохватиться. Предупреждая, что время, отведенное на такое спохватывание (то есть последнюю возможность исправления метафизического повреждения), сжимается, как шагреньевая кожа.

Я пришел на телешоу, посвященное событиям 1993 года, чтобы работать. Когда мне помешали работать, искромсав сказанное, я обратился к тем, кто готов слушать: «Смотрите, как кромсают, и задумайтесь, почему». То есть те, кто мне помешал работать, одновременно помогли, дав наглядный материал для рефлексии. Тебе мешают, а ты работаешь. И даже помехи используешь для того, чтобы работать. И так – год за годом.

Пятнадцать лет назад Россия не спохватилась, ее нравственное обоняние не учуяло мертвый дух, вонь тлеющей души. Чем в большей степени мы, работая, разовьем нравственное обоняние, тем больше у нас надежд на это спохватывание сегодня. Других надежд, по определению, нет и не может быть. Кремль, телевидение... Спыхватятся там – мы будем рады. Не спыхватятся? Мы так же спокойно будем делать дело, которому посвятили жизнь.

В отличие от моих друзей, с возмущенных звонков которых я начал эти записи, мне важен не явный крен передачи на Первом канале, а причины, породившие этот крен. И я спрашиваю себя и других:

1) Зачем вообще нужна была передача на Первом канале по поводу октябрьских событий 1993 года? Ведь на самом-то деле вполне можно было обойтись без нее. Мало ли острых тем!

2) Почему, заявив эту передачу, надо было впасть в специфическое эмоциональное состояние, понятное всем, кто смотрел передачу?

3) Чем так опасна сейчас тема 3–4 октября 1993 года?

4) Для кого она опасна? Для Путина? Он мирно прошел восемь годовщин октябрьских событий, не представлявших для него хоть какую-то политическую проблему. Палил по Дому Советов не Путин, а Ельцин. Как раздавать всем сестрам по серьгам («и в этом есть хорошее, и в том») – Путин знает, что называется, «от и до».

5) Значит, казалось бы, эту тему нельзя назвать горячей.

6) Но произошедшее показало, что тема не горячая, а обжигающая. И это единственное, что интересно.

7) Для кого она столь горячая, непонятно, но – ох, как горячая! Не только приглашенные в передачу «чучела ельцинской эпохи» – Шейнис, Шумейко, Станкевич и прочие, недоумевавшие, почему их спустя пятнадцать лет поддерживают, но и очень умные (а главное – адекватные) люди были напряжены до предела.

8) Для Медведева тема 1993 года еще более безразлична, нежели для Путина. Даже если он хочет повернуть политический курс – не руками же Шейниса он будет его поворачивать!

9) Так для кого так горячая тема? Отвечаю. Для тех, кому адресованы угрозы Бжезинского. Он указал, куда бить – в «чакру низости». В нее и ударили. Капитал, в чью чакру ударили, бесится. Ох, как он бесится! Он прямо распространяет вокруг себя волны паники, волны метафизического безумия.

10) Специфическое цензурирование моего и Проханова высказываний – рябь, порожденная этими волнами. Интересна не рябь, а волны. Вашего покорного слугу еще не так цензурировали. Работа на территории регресса предполагает все, что угодно, кроме упования на правила хорошего тона.

11) Как аналитику, мне интересно зарегистрировать некий сигнал и понять его масштаб и его генезис. Чем масштабнее сигнал, тем интереснее. Чем он страннее, тем опять-таки интереснее. Гражданин скорбит, когда приходит беда. Ученый радуется, получив впечатляющие данные. Как гражданин, я скорблю, как ученый, радуюсь. Потому что полученные данные предполагают одну возможную интерпретацию.

ЕСЛИ ТЕМА ОКТЯБРЯ 1993 ГОДА ОКАЗАЛАСЬ СУПЕРГОРЯЧЕЙ ТЕМОЙ, ТО ЛИШЬ ПОТОМУ, ЧТО МЕЖДУ ОКТЯБРЕМ 1993 ГОДА И ОКТЯБРЕМ 2008 ГОДА ЕСТЬ КАКАЯ-ТО НЕОЧЕВИДНАЯ, НО ОЧЕНЬ АКТУАЛЬНАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ. ПРИЧЕМ ПАРАЛЛЕЛЬ СУГУБО ПРАКТИЧЕСКАЯ.

Политическая почва вибрирует. Это предвещает землетрясение. Все, кто улавливает вибрации политической почвы, впадают в особое состояние. Это состояние вторично – первичны политические сейсмосигналы. Их и надо анализировать.

На все недоумевающие звонки я отвечаю: «Идет политическая война».

Кто с кем воюет? За что?

Глава VIII. «Перестройки» обнажают свой историософский инвариант – запись в полевом дневнике, 15 октября 2008 года

Побочными результатами проводимого мною исследования являются:

- а) само понятие «метафизическая катастрофа» и его политическое использование,
- б) определение распада СССР и краха коммунизма как метафизической (и именно метафизической!) катастрофы («катастрофа первородства», «катастрофа смысла»),
- в) определение постсоветского периода нашего существования как бытия, травмированного этой катастрофой («падение», «бобок», «регресс», «травма смысла»),
- г) вытекающее из подобной оценки представление о необходимости преодоления наличествующего, а не потакания оному,
- д) некие наработки, касающиеся методов преодоления («спохватывание», «воскрешение», «контррегресс», «социокультурные катакомбы», «посттравматическая реабилитация»).

Побочными я называю эти результаты потому, что мейнстрим исследования – теория развития.

Историческими циклами я заниматься не хотел. Лавры Артура Шлезингера («Циклы американской истории») меня никоим образом не привлекают. Да и вообще – теория циклов любого рода не является ни моим коньком, ни пределом моих теоретических амбиций, коль скоро таковые вообще имеются («философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»).

Но если по ходу исследования мы можем описать циклы русской истории, то, согласитесь, это немало. И почему бы их не описать? Это и интересно, и политически небесмысленно. Это может помочь нам в решении основной задачи.

Но для того, чтобы говорить о циклах, мы должны «всего лишь» установить, что не только распад СССР, но и распад Российской империи был метафизической катастрофой (преодоленной впоследствии, но свершившейся). Что и в Российской империи речь шла о метафизических симптомах – Танатосе, карнавале, заголении, отсутствии нравственного обоняния, «бобке», тлении души, измене и самоизмене элит, падении, прострации, инерции.

Словом, обо всем, что мы уже обсуждали в связи с «перестройкой-1» и возможностью «перестройки-2».

Нелишним при этом было бы обратить внимание на теорию Александра Янова, так восхитившую А.Н. Яковлева. В этой теории циклы российской истории описываются как колебания между реформами и контрреформами. При этом нет и тени желания раскрыть тонкую структуру феномена реформ и контрреформ, выявить двусмысленность того и другого, обнаружить этот самый Танатос, приводящий вовсе не к колебательным, а к катастрофическим результатам.

В атипичных циклах, которые выявляем мы, главный герой – эта самая двусмысленность. Все начинается с воли к переменам, с разговоров о развитии и... в это тут же встраиваются Танатос, карнавализация (смена Верха и Низа), война со своей историей и ее смыслом, активизация внутреннего «бобка». В результате крах – не упругий откат к чему-то другому, а именно крах. Точнее, катастрофа истлевания и метафизическое падение.

Никаких волн по Янову, копирующему Шлезингера, копирующего Тойнби или Шумпетера, нет и в помине. Место экстремумов занимают провалы, черные дыры. Ну, не работают в России колебательные схемы! Ни схемы Янова или Шлезингера, ни схемы Гумилева, ни схемы Тойнби. То-то и интересно, что они не работают. Циклы есть, – но они не обычные, колебательные, а сингулярные (апокалиптические).

Непредвзятый взгляд на происходящее в России просто не может не столкнуться с вопиющим несоответствием всего, что случается в определенных точках нашей истории, с любой концепцией, предполагающей ритмизацию (обычную колебательность, плавное движение между двумя несингулярными экстремумами, сжатия и растяжения и так далее).

Но если в когнитивной матрице исследователя заложено задание обнаружить эти циклы любой ценой, то он их обнаруживает. Находит – вопреки очевидности – и описывает.

Политический смысл такого обнаружения, осуществляемого сейчас весьма компетентными западными специалистами, прозрачен донельзя. Говорится следующее:

«Путин – это контрреформы.

Медведев – это переход от контрреформ к реформам.

Но следом за Медведевым начнется новая фаза контрреформ. И эта фаза будет ужасна! Как же ее не допустить? Если мы не хотим, чтобы захлебнулись реформы и возобладали циклы российской истории, то, увы, есть только одна возможность этого ужасного захлебывания не допустить – государственный распад.

Не распался бы СССР после Горбачева (читай – РФ после Медведева), начался бы контрреформизм. Ну, не с лицом Сталина, так с лицом Крючкова или кого-то еще.

Но СССР распался, и на новом госпространстве (в Российской Федерации) можно было длить упоительные реформы (что и сделал Ельцин). А потом Ельцин наткнулся на контрреформистское ограничение и вместо того, чтобы допустить новый распад, сделал ставку на Путина.

Путин осуществил контрреформы.

Если Медведев не захочет после полосы своего реформизма допустить распад Российской Федерации, возобладает кошмарный контрреформистский "чекизм".

Поэтому Медведев обязательно должен что-нибудь развалить. Без этого любые медведевские послабления будут только паузами.

А вот если Медведев решится на переконфигурацию пространства (например, отделение Северного Кавказа – ведь это уже «отрезанный ломоть», так сказать), то после Медведева может быть хоть Касьянов, хоть Каспаров (как Ельцин после Горбачева). И реформизм будет продолжен. Ведь это главное!»

Считайте, что мне подобное развернутое высказывание приснилось. Приснилось, что я сижу на высоких совещаниях,

проводимых крайне уважаемыми и влиятельными фондами (не чета каким-то там «Бильдербергам»), и просто слышу, как говорят, слово в слово, именно это.

Во сне слышу, разумеется. А как еще-то? Я даже фонды могу перечислить, в которых обсуждается управление сбивом контрреформистских откатов в пределах российской цикличности, и утверждается, что сбивать контрреформистские откаты можно только через распад.

Но это все мои дурные сны, и не более того. А то, что сны мои иногда бывают вещими, так это... Это, к сожалению, случается! Лишь постольку, поскольку это, увы, случается, я продолжаю исследование, раздражающее очень и очень многих.

И в ходе исследования вдруг наталкиваюсь на гипотезу: а вдруг цикличность российской истории не укладывается в обычные представления о цикличности? Вдруг это особая цикличность? С сингулярностями, провалами, метафизическими катастрофами?

Гипотезы надо обосновывать. А для того, чтобы такую гипотезу обосновать и выявить атипичную цикличность в качестве главной характеристики российской истории, надо заняться содержанием коллапса, произошедшего в феврале 1917 года в России. И называемого почему-то буржуазной революцией. Если в этом коллапсе обнаружится вся совокупность слагаемых, характерных для метафизической катастрофы, то гипотезу можно будет считать обоснованной. При развале Российской империи возымело место подобное, и при развале СССР, и сейчас нависает нечто сходное... Как сказал бы коренной представитель Чукотки из известного анекдота: «Однако, тенденция».

Если мы выявим такую тенденцию, то можно обсудить и то, как ее преодолевать. Но тогда надо преодолевать ее, а не нечто другое. Понимая масштаб вызова и не пасуя перед этим масштабом.

Но выявить такую тенденцию можно только занявшись досоветским катастрофизмом. А как им заняться? Как анализировать Российскую империю (сложнейший, между прочим, предмет), не меняя мейнстрим исследования? И как сохранить жанр, в рамках которого мы общее улавливаем не академическим путем, а следя за политическим рисунком, формирующимся на наших глазах?

Что-то должно вторгнуться в течение наших размышлений и побудить нас к такой – абсолютно неизбежной и потому обоснованной и методологически, и жанрово – коррективе. Коррективе, выводящей нас на новый уровень понимания событий февраля 1917 года. А также того, что к этому февралю неумолимо влекло Россию на протяжении, как минимум, большей части XIX столетия.

«О Дух истории, – взмолился я, – вторгнись! И я проведу коррективы! Ты только пошли мне необходимое знамение! Любое по качеству, хоть бы и отвратительное. Но главное – побудительное».

Взмолившись, я знамение получил. Открываю газету «Завтра»... Не Первый канал включаю, не «Эхо Москвы», не «Независимую газету» от скуки перелистываю... Нет, открываю газету «Завтра» и аккуратно напротив своей очередной статьи читаю гневную отповедь двух ужасно «белых» господ, возмущенных моей клеветой на Российскую империю.

В отповеди – несколько впечатляющих констатации по поводу вашего покорного слуги (это вам не телекупюры на Первом канале, это покруче) и некая, так сказать, теория, разоблачающая мифы о плохом царе Николае II и плохой Российской империи.

Мол, империя была бурно развивающаяся (преодолеваем миф №1 об отсталости), гармоничная (преодолеваем миф №2 о «тюрьме народов»), с сильным лидером (преодолеваем миф №3 о безвольном царе), бесконфликтная (преодолеваем миф №4 о «Кровавом воскресеньи») и – безотреченная. Оказывается, отречение Николая II – это миф №5. А на самом деле он не отрекся, а его – цветущего, могучего, благородного государя – сковырнули злые силы в лице ряда депутатов, генералов и членов царской семьи. Ну, а за этими негодями стояли супернегодяи – дело известное (Шиффы, Варбурги – и понеслось).

Ну, думаю, дождался... Не отвечать нельзя (как-никак, родная «Завтра»). А отвечая, придется заняться катастрофой 1917 года, определяя и объем этой катастрофы, и ее тип. Что 1917-й, что 1991-й... Катастрофа элит... «бобок»... беспрецедентное отпадение от смысла... тление... Н-да... Ну и знамение прислал мне Дух истории, откликнувшийся на просьбу о помощи...

Но что сетовать по поводу качества знамения? Сам просил – и вот, напросился. Нарывался? Теперь ответствуй. Хошь, не хошь – уподобляйся этому самому Шлезингеру. И выдавай доказательства специфичности циклов российской истории. Легко сказать – доказательства. У нас цикличность-то не только СПЕцифична. Она у нас, к сожалению, еще и просто «СПЕЦ».

Демарш господ Аверьянова и Мультатули на страницах газеты «Завтра» «Другой царь и другой Сталин» от 8 октября 2008 года можно интерпретировать по-разному.

В том числе и как очередное (причем не первое) спецначинание, призванное проблематизировать проводимое мною (и, видимо, «доставшее» слишком многих) исследование. Но, как сказал Оккам, не надо умножать сущности. Если можно отнестись к данному тексту просто как к тексту – зачем вводить в анализ текста это самое «спец»?

Почему бы не предположить, что господ Аверьянова и Мультатули (а также других участников так называемой «Екатеринбургской инициативы», в число которых входит, между прочим, А.С. Ципко) просто задели мои статьи по поводу «белой перестройки» или «перестройки–2!»?

Почему бы им не быть задетыми, если они представляют так называемый белый (монархический) фланг патриотического движения?

Почему бы им не ответить на мой весьма развернутый резкий мессидж, касающийся этого самого белого фланга?

Почему бы газете «Завтра» и ее главному редактору, для которого делом жизни является связь белого и красного, не дать белой части политического спектра высказать свое отношение к моим антибелым мессиджам?

«Почемучники» хотят, чтобы я поверил в то, что А.Проханов, только что переживший вместе со мной определенную ситуацию на Первом канале (когда, безбожно обкромсав в угоду «спецмоменту» наши высказывания по событиям 1993 года, цензоры исказили смысл этих высказываний) и давший этому соответствующую оценку, тут же стал воспроизводить сам нечто сходное у себя в «Завтра»? Что он, вопреки морали и здравому смыслу, санкционировал некие определения, которые

не только подорвали бы в этом случае основу наших человеческих отношений, но и дискредитировали бы его самого, зачем-то предоставившего бесчисленные полосы своей газеты люду, так нелепым охарактеризованному господами Аверьяновым и Мультатули? Что он, дав такую санкцию, сам подорвал проект, под который он же сильно «подзаложился»?

Я на сто один процент знаю, что это не так. Не знал бы я этого с такой достоверностью, вы бы не читали уже эту статью в газете «Завтра». Но вы прочтете и эту статью, и следующие, господа Аверьянов и Мультатули, и, обещая вам, получите большое удовольствие.

Как мы все понимаем, тут либо-либо. Поскольку Проханов санкций на рассматриваемую мною публикацию не давал, то она, по определению, представляет собой спецпроект. И это не первый спецпроект, призванный подорвать наше общее с Александром Андреевичем амбициозное начинание.

Я не хочу погружать читателя в разного рода пикантные спецдетали: как именно подбирали время для внедрения, как пространствовали и обставляли спецоперацию. Мы живем не в краю непуганых идиотов, умеем получать достоверную информацию по интересующим вопросам, чувствуем стиль и почерк...

А главное – понимаем, что когда всерьез оппонировать очень сильно тобой задеты специалисты, желающие тебя разгромить, то они могут использовать любые выражения. В том числе и крайне некомплементарные. Но они обязательно будут нечто доказывать. Им же надо и показать, что они специалисты (это всегда приятно), и наказать по-настоящему задевшего их наглеца (что без доказательств сделать невозможно).

Когда интеллектуалы говорят, что критикуемый ими автор (а) «скатывается к упрощениям и предвзятости», (б) «прибегает к домыслам и ложной аргументации», (в) использует «голословные заклинания» и (г) аж демонстрирует «неопрятный цинизм» (согласитесь, сильное выражение), то они так или иначе будут это аргументировать. Подтасовывая доказательства или соблюдая профессиональную честность. А вот если они провокаторы (иначе – спецпроектанты), то они ничего доказывать не будут. Им всегда – это их родовое качество – надо походя мазнуть и отскочить. У них задача такая.

Ну и давайте разбираться, с чем мы имеем дело. Причем абсолютно спокойно и с искренним желанием убедиться в том, что господа, написавшие текст, доброкачественны. Что они либо доброкачественно заблуждаются, либо... либо не они заблуждаются, а я – почему бы нет? Итак, приступим.

Тест №1. Господа Аверьянов и Мультатули, разоблачая мифы, якобы мной насаждаемые, первым из этих мифов называют миф о Российской империи как о «тюрьме народов». И этим сразу обнаруживают свою вопиющую недоброкачественность. Ибо я (и это общеизвестно) двадцать лет отстаивал и отстаиваю имперскость как благо. Я начал делать это тогда, когда слово «империя» было тотально дискредитировано. «Шить» мне «тюрьму народов» – это... согласитесь, это диагноз.

Тест №2. Я в той же мере никогда не говорил ничего о Российской империи в плане ее отсталости и малой пригодности для жизни. «Отсталость», «малопригодность»... как и «тюрьма народов», это не мой язык. Причем настолько не мой, что случайно приписать его мне невозможно. Отсталость и малопригодность – западническая «феня», постулирующая, что неотсталым и «многопригодным» местом для жизни в XIX, да и XXI веке, являются Швейцария, Дания или США.

Господа Аверьянов и Мультатули спорят не со мной, а с Гайдаром и Новодворской по поводу того, была ли Россия близка к неотсталости и многопригодности Запада (как они считают), или же была далека от этого идеала (как считают Гайдар и Новодворская). Мне же этот идеал и вытекающая из него шкала критериев невероятно чужды. Господа, с теми, кто отстаивает советское, нельзя спорить, присваивая им позицию Новодворской и выдвигая против них аргументы, отточенные в споре с Гайдаром! Это дурдом и саморазоблачение. Потому что вы просто показываете, что Гайдар и Новодворская вам гораздо ближе, чем мы.

Так это, кстати, и есть «бобок» белого движения (как XX-го, так и XXI-го века), его главная тайна и ахиллесова пята. Сначала заголяется Ципко, обнаруживая сокровенное. Теперь вот другие его коллеги. Заголяйтесь сколько угодно, но мы-то тут при чем? Чем больше вы заголяетесь, тем более всем видно, что либералы и белые – это те же западнические яйца, но вид сбоку. И в этом источник альянса красных и тех дореволюционных элит, которых от псевдомонархического западнического «бобка» (позже породившего белое) тошнило всю вторую половину XIX-го столетия, а уж в XX-м – так просто вырвало.

Тест №3. Был ли царь безволен или не был... Меня НИКОГДА не волновала ЛИЧНОСТЬ Николая II. Личность Наполеона волновала, а личность Николая II нет. Меня перепутали не только с Гайдаром и Новодворской, но и с Э. Радзинским. Я вынужден напомнить, что зовут меня С. Кургинян. И интересует меня только ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЗУЛЬТАТ деятельности Николая II, но не его личность.

Николай II был абсолютным властителем в Российской империи, которая при нем катастрофически рухнула, погребая под собой миллионы человеческих жизней, в том числе и жизни членов моей семьи. Он отвечает за этот политический результат или нет? Горбачев отвечает за распад СССР и жертвы, порожденные этим распадом? Да или нет? Что некорректного в моей постановке вопроса? И кем надо быть, чтобы жесткий и абсолютно актуальный политический вопрос переводить в вопрос sentimentalный, ретропсихологический? Не могу и здесь не заметить симптомы того, чему уже поставил диагноз.

Властитель отвечает за то, чтобы держава не рухнула. Исходя из этого я, как гражданин и профессионал, требовал чрезвычайных мер для недопущения распада СССР. И на тебе! Господа Аверьянов и Мультатули обнаружили во мне отвращение к репрессивности. Опять с кем-то путают! На этот раз, наверное, с В.Лукиным. Может быть, есть правозащитник по фамилии Кургинян? Но тогда это мой однофамилец. Я же, повторяю, неоднократно указывал, что отсутствие жестких – и, конечно же, умных! – мер порождает неизмеримо большую кровь, чем их своевременное и адекватное применение. Эта моя позиция была неоднократно осуждена нашей либеральной интеллигенцией. И известна всем, кроме соавторов статьи, которую приходится обсуждать. Ну не диагноз ли?

Ответственность за распад державы! Этим счетом я оцениваю и Николая II, и Горбачева. Личные судьбы у них разные, но факт того, что при первом распалась Российская империя, а при втором – СССР, отменить невозможно. Как и все, что вытекает из данного факта. Жертвы огромны, а ответственность?

По поводу 9 января и всей Первой русской революции в целом сказано мною было одно: что кровь всех граждан имеет

единую цену. По крайней мере, для их родственников. И что без такой констатации не может быть гражданского примирения. Это не предмет полемики, а очевидная для всех аксиома. Отрицать которую можно лишь выставя себя на посмешище. Себя, а не оппонента. А заодно и все свое, так называемое «белое», дело.

Тест №4. Есть царь, который отвечает за страну. Началась революция, по его мнению, губительная для страны. Царь, спасая страну, применяет репрессии.

Вроде бы все очевидно: где ответственность за страну, там и ответственность за репрессивные действия. Ан нет! Нам говорят, что царь ответственности за репрессии не несет! Что за 9 января и все последующее (Первая русская революция называется) отвечают японская разведка, нанятые ею провокаторы, смутьяны и стрелочники.

Станный подход... Но тогда его очевидным образом надо применять и к злосчастиям Николая II. И тоже говорить о стрелочниках и разведках. Оснований в данном случае, заметим, гораздо больше: страна распалась, клубится хаос, каждый дудит в свою дуду, разведкам раздолье, заинтересованность их хозяев в ликвидации Николая и его семьи очевидна...

Однако выясняется, что за красные репрессии должны ответить красные вожди, а за белые репрессии – кто угодно, кроме самих белых. Видимо, опять-таки красные вожди. «Почему ты живешь везде, а я нигде?» – спрашивал пьяный, стучась в пятый раз в чужую дверь. Извините, но пора протрезветь.

Власть, применяющая репрессии, отвечает за их последствия. Искушаются последствия сохранением страны. Ибо потеря страны порождает несоизмеримо более страшные последствия. Где страна? Вот вопрос к Николаю II, и не только к нему. И не надо подменять этот больной вопрос тем, что Лермонтов назвал «жалкий лепет оправдания».

Что касается заговоров, чинимых злыми силами, разными полковниками Акаси, Шиффами, Варбургами и прочими, то хорошо известно, что мешает плохому танцору. Направляйте своих агентов в Японию – и пусть японцы свергнут императора. Или начнут против него революцию. А агентов КГБ направляйте в США, и пусть они развалят США, а не агенты ЦРУ – СССР.

Словоблудие на тему о Николае II – чем опасно и почему должно быть прекращено? Потому что оно культивирует слабость, создает культ слабости, по сути, героизирует проигрыш или хотя бы оправдывает его. А в нынешней ситуации стране нужно мобилизоваться, то есть сказать себе, что проигрышу оправдания нет и не может быть. Именно поэтому страна выбирает Сталина, а не Николая II. До тошноты понятно, почему ей навязывают Николая II – чтобы она смирилась с очередным проигрышем.

И, наконец, мы подходим к главному тесту – тесту №5. Добровольно или недобровольно отказался Николай II от власти?

Кому-то может показаться, что это уж и вовсе второстепенный вопрос. Отнюдь нет. Это вопрос, ответ на который во многом определяет будущее страны. И именно наличие такого вопроса позволяет мне утверждать, что странные личности, странным образом сотворившие странный текст на страницах газеты «Завтра», посланы нам Духом истории. Да и о личностях мы, разбираясь с их ответом на данный вопрос, поймем нечто прелюбопытное.

И Путину, и Медведеву, и всем ныне действующим российским политикам, присягнувшим государственности российской (которая, поверьте же, опять под вопросом), надо постоянно напоминать, что СТРАНУ РАЗВАЛИВАЕТ ЭЛИТА. А еще точнее – НИЗОСТЬ ЭЛИТЫ.

Господа Аверьянов и Мультипули, добравшись до пятого мифа (он же тест №5 в моем ответном исследовании), начинают перечислять тех элитарнее, чья низость погубила Российскую империю. Они пишут: «Презренные имена изменников известны. Это председатель Государственной Думы камергер Родзянко, депутаты Государственной Думы Гучков, Милюков, князь Львов, эсер Керенский, начальник Штаба Ставки генерал-адъютант Алексеев, великий князь Николай Николаевич, генерал-адъютант Рузский, генерал-адъютант Брусилов, генерал Крымов, генерал Корнилов».

Глупость – ближайший сосед провокации. В молодости я считал, что глупость – это повреждение ума, и не более. С годами убедился, что все намного печальнее. И научился уважать глупость, считаться с ней как с очень серьезным врагом. И потому для начала готов предположить, что предлагаемый – вопиющий по своей эклектичности и избирательности – список изменников порожден именно этим могучим врагом человеческого ума. А также полным отсутствием понятийного аппарата.

Давайте все-таки определим понятие «изменник». Изменник – это человек, совершивший измену. А что такое измена? Ходорковский может изменить Путину в 2007 году? Не может – ни технологически (он изолирован), ни по месту в системе (он внесистемный элемент). Березовский или Невзлин могут изменить Путину в тот же период? Опять-таки не могут. Они могут чинить козни, потому что, в отличие от Ходорковского, находятся на свободе и обладают средствами и желанием использовать оные против Путина. Но изменить они не могут, как в силу того, что определяют себя открыто антипутински, так и в силу своей внесистемности. И Лимонов не может изменить Путину. И Каспаров. И Касьянов. И Новодворская.

Изменить может только тот, кто присягнул, завоевал доверие, получил место (не в системе даже, а в ядре системы) и соответствующие возможности. И Зюганов не может изменить Путину. И даже Жириновский. Мы говорим об очевидных вещах, не правда ли? Но если это очевидно, то как можно ввести Керенского в список изменников? Этак и Троцкого с Лениным можно в подобный список ввести!

О чем мы говорим – о заговоре или об измене? Что погубило Российскую империю? Что потом погубило СССР и что может теперь погубить Россию?

Что объединяет власть в Российской империи, власть в СССР и власть в современной России, при всем их очевидном отличии?

Понятие «политическая система». Причем все три политические системы достаточно жесткие. Что может погубить жесткую политическую систему? Внутреннее тление, истачивание ребер жесткости или удар могучим молотом какого-то врага.

Конечно, враг может ударить не молотом, а тонким шилом в особую точку системы. Но система-то должна знать свои особые точки и их особым образом защищать. Перестает она их защищать тогда, когда механизмы защиты истлевают вместе с ребрами жесткости. Ленин великолепно все это понимал, утверждая, что никто не победит большевиков, если они сами

себя не победят. И никто не победит Кремль–2008, кроме самого Кремля. И так далее – вплоть до микросистем.

Российская Федерация (как и некогда СССР) обладает достаточным ядерным потенциалом для того, чтобы не бояться военного разгрома. Властные механизмы достаточно эффективны для того, чтобы не бояться «оранжевых революций».

А значит, для того, чтобы Российская Федерация распалась, система должна истлеть. Вот когда ее ребра жесткости перестанут нести нагрузки, а механизмы защиты особых точек рассыплются, то не надо будет ни удара могучего молота по системе, ни коварного укола в особую точку. Достаточно будет громко чихнуть. Оказать любое внешнее или внутреннее воздействие.

Власть же боится забастовок, революций, других нагрузок. Она почему-то не боится собственного истлевания – «бобка». А бояться-то надо только этого!

Давайте посмотрим в мистерию истлевания Российской империи. В реальную мистерию, а не в карикатуру, которую нам предлагают. В карикатуре этой всегда соседствуют двусмысленно-недостаточный список изменников и двусмысленно-избыточные сетования на козни сверхмогучих врагов. Приглядимся, прежде всего, к сетованиям.

Неумеренно невротизированная и страшно поверхностная болтовня о Шиффах, Варбургах и иже с ними в итоге порождает... комплекс национальной неполноценности! Страна ведь может погибнуть либо по причине нашей слабости, либо по причине силы врага, не так ли?

Одно дело – сказать, что сами сплеховали: допустили уйму ошибок, развалили Систему, сгноили ее на корню, потом гнилое здание подтолкнули (евреи, немцы, неважно кто) – оно завалилось. Другое дело сказать, что власть безупречна, что правила могуче и мудро. Сказали... Все умилились, поверили, потом спрашивают: «А страна-то где, почему развалилась?» На это отвечают: «На страну ополчился Сион, сила неодолима. И потому не справилась даже такая мудрая, безупречная и могучая власть!»

Перевели стрелку на врага и... впали в прострацию. Ибо враг неодолим! Святой Николай II и тот не устоял! А нам-то, грешным, куда! «Мы обречены!», – начинают шептать губы властителей. «Надо ехать в новую Орду за ярлыком», – шепчут другие губы. И вот мы уже имеем то, что имеем.

Судьба страны всегда – и в 1917, и в 1991, и в 2008 году – в руках властителей. И народа. Властители могут создавать адекватные и неадекватные вызовам политические системы. Они могут преодолевать или поощрять элитный «бобок», способный заразить все общество. Если властители правильно выстраивают систему (а в эту правильность, конечно, входит адекватное понимание суперфактора по имени «народ») и если они преодолевают элитный «бобок», государство сохраняет жизнеспособность. Если же они этого не делают – обрушиваются и они, и страна. Но власть, допустившая такое обрушение, должна быть проклята, а не возведена в сан святых со ссылкой на ущербность народа и неодолимость злых сил.

В этом и только в этом исторический и метафизический опыт распада Российской империи. Господа Аверьянов и Мультатули хотят скрыть этот опыт от нашего общества (программа-минимум) или посадить обществу на голову суперистлевший белый «бобок» (программа-максимум). Они хотят также насадить в обществе культ овцы, называя этот культ культом агнца. Все «танцы» вокруг Николая II ведут к этому и только к этому.

Агнец – это красиво. Но я убежден, что это соблазн. Вам предложат роль агнца, потом окажется, что это роль барана. А потом вам поведают жуткую тайну, сказав, как называется кастрированный баран.

Но мы же вроде бы не решились поменять свой исторический тотем (медведя) на барана. Нам сегодня нужен героизм победителя, героизм служения и чести, героизм мобилизации, героизм, считающий поражение постыдным, героизм, готовый добиваться победы и платить за нее высокую цену. Нам не нужен ни криминальный героизм, в котором нет места служению, ни героизм, совместимый с поражением и готовый к нему. Это должно быть изгнано.

Мы готовы преклоняться перед белыми царями-победителями и возносить их на любой пьедестал. Прощая этим царям многое. Как мы прощаем Петру Великому. Мы готовы преклоняться перед красными вождями-победителями, прощая им многое, как мы прощаем Сталину.

Но мы не хотим и не будем сюсюкать по поводу проигравших, по поводу лузеров – белых (Николай II), красных (Горбачев) или трехцветных. Всем лузерам, которые, ссылаясь на что бы то ни было, пустят в распыл страну, должно быть понятно, что их ждет историческое и всяческое проклятие. Никакой другой философии и метафизики у нас нет и не может быть. И любая идеология должна строиться на этой философии и метафизике.

Задача наша в том, чтобы, поняв и пережив правду о том, что было, не допустить нового государственного распада. Но для этого нужна правда, вся правда, а не отцензурированный сусальный лубок. Карикатурный список изменников, предлагаемый Аверьяновым и Мультатули – кого может убедить в 2008 году, при таком обилии исторических материалов и при столь остром ощущении надвигающейся беды?

Я приведу имеющиеся факты в необходимом объеме и попытаюсь на их основе разобраться в качестве тогдашней измены. А ну, как она и впрямь тянет на метафизический – и именно метафизический – катастрофизм?

Глава IX. Катастрофизм истощения – запись в полевом дневнике, 22 октября 2008 года

Из второй части статьи В.Аверьянова и П.Мультатули «Другой царь и другой Сталин»: «Сегодня мы каемся не за "мнимый грех", не за то, что наши предки убили царскую семью, а за то, что они позволили состояться этому лютomu злодеянию, положившему начало трагедии всего народа, каемся потому, что и нам сегодня нужна метаноя – "перемена ума" – и пытливые переосмысление своего прошлого, а не повторение придуманных "старшими товарищами" агитационных клише».

А вы, наварное, читая первую часть их статьи, решили, что господа беспокоятся по поводу порабощенности вашего сознания ложными мифами? Покаяние – вот что им от вас нужно! Покаяние–2, –3, –4, –5 и так далее.

Я уже обсуждал тему покаяния. Сейчас вынужден к ней вернуться еще раз. И еще раз оговорить, что метафизическая

обязательность покаяния отменяет любые политические и социальные целесообразности. Если историческая личность (народ) совершила нечто метафизически отрицательное (то есть пала), то она должна каяться – со всеми вытекающими, в том числе и политическими, последствиями.

Но метафизическая обязательность покаяния может возникать лишь в двух случаях. Подчеркиваю – в двух, а не в трех, пяти и так далее.

Первый случай – когда историческая личность, отпав от Идеального (Верха, первородства), присягает материальному (Низу, чечевичной похлебке).

Второй случай – когда историческая личность, опять же отпав от Идеального, присягает анти-Идеальному (абсолютному злу).

Оба этих случая должны рассматриваться объективно, без ценностной предвзятости, при которой ваш идеал – это идеал, а любой другой идеал – это антиидеал или безыдеальность. Извините, но объективные критерии существуют. И подsunуть вместо них пустопорожний треп о покаянии уже не удастся.

То, что произошло в феврале 1917 года, нам, благодаря демаршу Аверьянова и Мультатули, придется обсуждать подробнее. И потому я называю этот демарш мессиджем, ниспосланным мне Духом истории.

Но то, что произошло в октябре 1917 года, никак не может быть отнесено к первому случаю. Потому что в октябре 1917 года Россия очевиднейшим образом присягнула новому накаленному Идеальному, именуемому «коммунизм». Каждый имеет право оценивать это Идеальное по-своему. Это вопрос аксиологии (ценностей), но не метафизики. Отказать коммунизму в идеальности как таковой невозможно. А значит, октябрь 1917 года – не то, что я назвал первым случаем. Но, может быть, это второй случай? Я уже давал внятные разъяснения и по этому поводу. Что ж, дам их еще раз.

Сталин Красный проект не отменил. Он не разогнал ВКП(б), не выволок Ленина из мавзолея, не ввел частную собственность, не произвел реституции, не снял звезды с кремлевских башен, не растоптал красное знамя, не вернул белых из эмиграции и так далее. Он красный термидорианец, а не белый царь. Имейте совесть! Не позорьте себя и белое дело!

Раз так, то Сталин и Красный проект – это единое целое. СССР, красная империя, победила Гитлера. А какие красная империя вносила коррективы в свою идеологию и политику при Сталине – это частности, ничего не меняющие в красном качестве данной империи. А значит, и в метафизическом качестве произошедшего.

Мы ведь о метафизике говорим? В том числе о метафизической войне Третьего рейха (черной империи) и СССР (красной империи). Ну, так давайте определим метафизическое качество воюющих сторон. И договоримся, что мы все-таки не язычники. Что метафизическое зло – не Олимп, на котором расселась парочка равнозначных злых богов, один из которых опекает красную империю, а другой – черную. Люцифер опекал либо СССР, либо Третий рейх. Если вы считаете, что Люцифер опекал СССР, то Россия должна каяться, а Германия должна быть оправдана. Но тогда, господа, вы поклонники гитлеризма. Ибо, утверждая подобное, вы говорите, что Люцифер НЕ опекал Третий рейх и Гитлера. Что они непричастны метафизическому абсолютному злу. Что империя абсолютного зла – это СССР, а не Третий рейх. Так идите к рейгановцам и болтайте с ними об этом, а не лгите о своем патриотизме, своей державности.

Идет шулерская игра на метафизическом поле. Игра с понятными уже для всех и весьма далеко идущими политическими последствиями.

Люди, говорящие всерьез о необходимости покаяния России за коммунизм, говорящие об этом как метафизики, отмывают Гитлера, Третий рейх и ставят крест на России. В годы войны такие люди были с Гитлером, требовали расчленения России. Позже солидаризировались с теми, кто называл ее империей абсолютного зла. Это люди принципа – наши страшные враги, но... Враги – это иногда не самое худшее. С ними хотя бы все понятно. А вот что такое контингент, пытающийся и о великодержавности поговорить, и о том, что «России – быть», и о покаянии за коммунизм? Контингент, впутывающий в метафизическую проблему (качество идеальности) обычные, хоть и трагические, исторические события? Что это за загадочный контингент? Отвечаю: это либо наипустейшие болтуны, либо... ревнители покаяния как спецпроекта. То есть «спецпокаянщики».

Доказательства? Неужели нужно называть конкретные имена высокостатусных работников западных спецслужб, разрабатывавших концепцию этого самого спецпокаяния? Неужели нужно обсуждать, где, когда, кто и зачем проводил тренинги, в которых Россия выводилась в качестве лица, кающегося перед восточно-европейцами и не только? Неужели нужно описывать психотехнологии, призванные обеспечить сопряжение между этим спецпокаянием и расчленением России (буквально: «разделкой туши»)? Надо будет – назовем, обсудим, опишем. Поверьте – не залежится!

Но, во-первых, это другая тема.

А во-вторых... Вам мало фильма «Покаяние»? Вам мало лицемерия освобожденных из-под нашего «ига» лимитрофов, занятых не своими государственными делами, а продажей готовности вцепиться нам в горло? Продажей этой готовности (и способности) не только в качестве геополитического товара, но и в качестве единственного смысла своего национально-исторического бытия?

Вас все еще не тошнит, когда вы наблюдаете затем, что делается с памятниками нашим героям, освободившим мир от фашизма? Вы не спрашиваете себя, надо ли было всех их освобождать – чехов, венгров, поляков и прочих – всех тех, кто сейчас так злобствует по нашему поводу?

*Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.*

Вы не спрашиваете себя, зачем умерли наши парни, не родив детей, не увидев внуков, не вкусив обычного человеческого

счастья? Ради того, чтобы... быть оплеванными в этом самом Будапеште? А также Праге, Варшаве et cetera. Чтобы их медалями на Арбате торговали? Ради этого?

Эта мерзость – чем порождена? Тем, что перерожденцы из ЦК КПСС (А.Н.Яковлев, его команда, вся элитная цэкистская «диссида»), имея монополию на СМИ, обрушили на общество это самое перестроечное «покаянчество» в виде беспрецедентных психологических репрессий. Объявив войну своей истории, то есть идентичности своего народа, соорудив социокультурный шок («ломку хребта» и так далее). Именно выдвижение идеи покаяния историко-культурной личности (страны) и репрессивно-монопольное осуществление этой идеи привело к вышеописанному. Не правда ли? И вот мы слышим снова те же слова о покаянии – покаянии страны и народа. От кого? От тех, кто называет себя патриотами.

Полемизируя по острым вопросам, задевающим ценности, приходится оговаривать очевидное: религиозный человек должен каяться за свои грехи. Я лишь говорю, что покаяние, предписываемое стране и, как я уже показал, в случае России метафизически абсолютно не обоснованное, недопустимо.

Конечно, при подходе, отрицающем историчность, любая смена идеалов (то есть революция) может называться падением, за которое следует каяться. Но при таком подходе и Великая французская буржуазная революция, и другие революции, создавшие современное человечество, это падение. Тут можно договориться до страшных вещей.

И, в любом случае, пусть тогда наши любители отменять свою историю отменяют историю как таковую. И потребуют всеобщего за нее покаяния. Это – во-первых. Во-вторых, отменив историю, пусть отменят развитие. Опять же для всех. А в-третьих... В-третьих, не антиисторичность правит бал во всем, что касается нынешних призывов к покаянию, как и призывов к покаянию в разгар перестройки. Никто покаяния от Франции не требовал и не собирается требовать. И это – тест, неопровержимо свидетельствующий, что мы являлись и являемся единственными жертвами спец- и именно спецпокаяния.

Кто-то хочет, теперь уже под белой маской, повторить спецпокаяние. Не выйдет! Лучше сами покайтесь перед народом, а не требуйте этого от него.

Либеральный диссидент из приснопамятного анекдота писал объявление в газету: «Пропала собака, сука... б... как я ненавижу эту страну!» Правопреемник этого диссидента, прячущийся под белой маской, пишет в ту же метафорическую газету: «Купил поместье, борзую собаку, суку... б... почему же эта сука не кается?»

Повторю еще раз то, что очень плохо входит в определенные головы: государство – это средство, с помощью которого народ длит и развивает свое историческое предназначение. Поклонение государству как цели – путь к тлению государства. Спасти от тления может только огонь исторического предназначения. Огонь этот хранится в метафизических схронах. Не хотите тления – ищите огонь. К 1917 году у власти огня не было. Ситуацию спас красный огонь. Признайте это и думайте о будущем. А также о том, какую роль вы себе выбрали, встав в ряды «спецпокаянщиков-2008».

Думайте – а не кликушествуйте: «...мы категорически не принимаем конспирологические теории, связывающие отмечание в этом году 90-летия убийства Царственных Мучеников с желанием подыграть США с их "неделей порабощенных народов"».

Эти кликушествования не прогоняют, а усиливают скверную мысль по вашему поводу. «Не принимаем»... Вы аналитики или жеманные барышни? Вы не знали последовательности дат, не понимали политической логики своих и чужих мероприятий? У вас на руках политического календаря не было? Можно, конечно, и это предположить. Но тогда речь идет о такой дремучести, такой политической неадекватности, которые вряд ли предполагают учительскую позу, занятую Аверьяновым, Мультатули и их бэкграундом.

Но я-то убежден, что никакой дремучести и неадекватности не было. А был, прошу прощения, согласованный двухмодульный проект. Один модуль – Декларация о порабощенных народах, другой – покаяние на 90-летие убийства царской семьи. А между модулями – внятный, прекрасно прописанный иноземцами интерфейс.

Я уже показал, что исторической личности каяться не в чем.

Людам каяться тем более не в чем. Об этом говорит элементарный здравый смысл. А также тонкая структура исторической событийности, которой мы еще займемся.

Но «покаянщики» хотят, чтобы каялись. Причем по принципу – чем дальше от вины, тем больше надо каяться. Народ дальше всех от вины. Ему и предписывают покаяние. Элита российской империи ближе всех к вине. Ее-то и отмывают.

Я обещал расширить список элитных изменников, который предложили Аверьянов и Мультатули, говоря о крахе монархии. Я обещал, далее, осмыслить этот расширенный список. Я обещал, наконец, дать политическое определение тем, кто подменяет реальный список урезанным. Что ж, попытаюсь выполнить сразу все свои обещания.

Из дневника посла Франции в России Мориса Палеолога. Запись от 14 марта 1917 года (все даты у Палеолога даны по новому стилю, отречение императора Николая произошло 15 марта по новому стилю): «Великий князь Кирилл Владимирович объявил себя за Думу. Он сделал больше. Забыв присягу в верности и звание флигель-адъютанта, которое он получил от императора, он пошел сегодня в 4 часа преклониться перед властью народа. Видели, как он в своей форме капитана 1-го ранга отвел в Таврический дворец гвардейские экипажи, коих шефом он состоит, и представил их в распоряжение мятежной власти», (Палеолог М. Царская Россия накануне революции, Москва, 1996, стр. 213).

Отчего-то в списке изменников, предложенном Аверьяновым и Мультатули, места главному изменнику не нашлось. Не потому ли, что он по совместительству является «царем в изгнании», прадедом нынешнего претендента на российский престол? Ведь игра в том, чтобы посадить нам на шею правнука обер-изменника, не так ли? Но для этого надо скрыть, что прадед не просто изменник, а обер-гипер-, мега-изменник и так далее. А как скроешь-то?

Дворцовый комендант В.Н.Воейков в своей книге воспоминаний цитирует слова Кирилла: «Я и вверенный мне Гвардейский экипаж вполне присоединились к новому правительству. Уверен, что и вы, и вся вверенная вам часть также присоединитесь к нам. Командир Гвардейского экипажа Свиты Его Величества контр-адмирал Кирилл». (Воейков В. С Царем и без Царя, Гельсингфорс, 1936, стр. 251).

Не называя Кирилла Владимировича, Аверьянов и Мультатули, называют Керенского, Гучкова, Милюкова, Львова,

Родзянко! Повторяю для совсем непонятливых: Гучков, Милюков, Львов, Родзянко могли изменить царю не в большей степени, чем Зюганов, Жириновский и, скажем так, Лимонов – Путину. Керенский сопоставим в подобном ряду разве что с Каспаровым. А вот изменившего Кирилла Владимировича в списке Аверьянова и Мультипули нет как нет! Об измене негодовать можем, а список-то расширить слабо. Надо сквозь зубы несколько имен назвать – и скорее к покаянию страны переходить, к покаянию народа, рязанского мужика (он, видите ли, предал!).

На самом деле – и прежде всего – предал Великий князь, командир Гвардейского экипажа Свиты Его Величества! У него в руках были войска. Он находился рядом. Он мог пасть в схватке, отстаивая государя. Мог попытаться спасти государя (и члена своей семьи), вырвав его из рук тех, кто, арестовав монарха, повел его путем гибели. Он что сделал?

Вот свидетельство генерала П.А.Половцева, будущего главкома войск Петроградского военного округа в период премьерства Керенского: *«Появление Великого князя под красным флагом было понято как отказ императорской фамилии от борьбы за свои prerogatives и как признание факта революции. Защитники монархии приуныли. А неделю спустя это впечатление было еще усилено появлением в печати интервью с Великим князем Кириллом Владимировичем, начавшееся словами: "Мой дворник и я, мы одинаково видели, что со старым правительством Россия потеряет все". И кончавшееся заявлением, что Великий князь доволен быть свободным гражданином и что над его дворцом развевается красный флаг».* (Половцев П. Дни затмения, Париж, БГ, 1923, стр. 17–18).

Но, может быть, Половцев клеветает?

Вот аутентичный текст интервью, которое Великий князь Кирилл дал газете «Биржевые ведомости»: *«...даже я, как великий князь, разве я не испытывал гнет старого режима?.. Развел скрыл перед народом свои глубокие верования, разве я пошел против народа? Вместе с любимым мною Гвардейским экипажем я пошел в Государственную Думу, этот храм народный... смею думать, что с падением старого режима удастся, наконец, вздохнуть свободно в свободной России и мне. Впереди я вижу лишь сияющие звезды народного счастья».* («Биржевые ведомости», 1917 год, №16127 (вечерний выпуск), 9–22 марта, стр. 1).

А вот еще одно интервью (интервью, а не воспоминания, которые могут быть позднейшими измышлениями), данное Кириллом «Петроградской газете» по весьма немаловажному поводу. А именно – по поводу ареста царской семьи: *«Исключительные обстоятельства требуют исключительных мероприятий. Вот почему лишение свободы Николая и его супруги оправдываются событиями...»* («Петроградская газета», 1917 год, №58, 9 марта).

Тема добровольного или недобровольного отречения от власти императора Николая II весьма болезненна для сознания части наших сограждан. Прежде всего, потому что если критерием падения является неверность престолу в 1917 году (это не мой критерий, но я согласен его применить), то никто не пал в большей степени, чем семейство, которое теперь кое-кто хочет возводить на престол. И это очевидно. Оттого никакое достойное обсуждение данной темы вообще невозможно в нынешних монархических кругах. Там все покоится на лжи. На скелете в шкафу. Не надо никаких усилий, чтобы выволакивать скелет из шкафа. Его просто невозможно там сохранить. Он выпадает при первом прикосновении к этому самому шкафу. И тогда его назад запикивают – и лгут, лгут, лгут. Чего-то там причитая про чужой «щизнизм».

И вот мы узнаем, что царь не отрекался, что документы поддельны, что мы в плену лживой версии Александра Блока.

А может, это действительно так? Давайте вместе порассуждаем. И даже примем версию, согласно которой текст отречения, устроивший всех, включая монаршие дворы того времени, сомнителен. Почему об этом не говорили большевики, понятно. А белые? А эти самые европейские монархии, столь чувствительные к процедурам? Но главное – почему царь, пребывая под не слишком строгим надзором при Временном правительстве, да и впоследствии, не передал своим сторонникам документ, призывающий Россию не верить в его отречение и бороться за сохранение монархии?

И как нам относиться к дневникам Николая II? Будто бы нет записи в дневнике от 2 марта (здесь и далее – по старому стилю): *«Утром пришел Рузский и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство без Думы будет бессильно что-либо сделать, так как с ним борется социал-демократическая партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку, а Алексеев – всем Главнокомандующим фронтам. К двум с половиной часам пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект Манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена, и трусость, и обман».*

Как много значит построение фразы. Одно дело сказать, что царь ОКРУЖЕН изменниками. И совсем другое, что он ОКРУЖИЛ себя изменниками. Он проводил кадровую политику? Он или нет? Что ахать-то! Истребляй измену! Гибни в неравном бою. Ишь ты – предали!

Все предали... Михаила Сергеевича Горбачева. Но он безупречен. Ах, как он безупречен – на фоне этого, по определению, им сооруженного изменничества. У него «тяжелое чувство»... Мне скажут, что Горбачев процветает, а Николай II принял мученическую смерть. Согласен. Но это вопрос о личной судьбе. Меня же интересует вопрос о державе, о судьбе ее граждан, об исторической миссии. А вас?

Телеграмма Николая II начальнику Штаба Верховного Главнокомандующего, генералу Михаилу Алексею: *«Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России я готов отречься от престола в пользу моего сына. Прошу всех служить ему верно и нелицемерно. Николай».*

Запись, которую отрекшийся монарх сделал в дневнике 3 марта: *«Спал долго и крепко. Проснулся далеко за Двинском. День стоял солнечный и морозный. Говорил со своими о вчерашнем дне. Читал много о Юлии Цезаре. В 8.20 прибыл в Могилев. Все чины Штаба были на платформе. Принял Алексева в вагоне. В 9.15 перебрался в дом. Алексеев пришел с последними известиями от Родзянко. Оказывается, Миша (младший брат царя. – С.К.) отрекся. Его манифест кончается четыреххвосткой (так называли прямые, равные, всеобщие и тайные выборы. – С. К.) для выборов через шесть месяцев*

Учредительного Собрания. Бог знает, кто его надоумил подписать такую гадость! В Петрограде беспорядки прекратились – лишь бы так продолжалось дальше».

Никогда не собирался становиться узким специалистом по Николаю II и его отречению, поскольку не являюсь ревнителем белого дела. Но если люди, адепты монархизма, создают «Екатеринбургскую инициативу» и учат всех других, что такое добросовестность и что такое цинизм, то они должны знать, кому именно принадлежит та или иная фраза. Нужно быть очень странными людьми, чтобы автором фразы «отрекся, как будто эскадрон сдал» сделать Александра Блока. Эта фраза была крылатой, и повторяли ее многие. Блоку были хорошо известны и данная фраза, и ее источник: генерал-майор Свиты Его Императорского Величества Д.Н. Дубенский. Сказанное Дубенским сразу после отречения звучало так: *«Отказался от престола просто, как сдал эскадрон»*.

Люди начинают развеивать мифы и... путают Блока, повторившего чужую фразу, с первоисточником – Дубенским. А ведь понятно, почему таким неслучайным образом путают. Блок, как известно, «Двенадцать» написал, в его устах все, что угодно, можно считать наветом. Другое дело Дубенский. Он по факту должности (генерал Свиты) видел, КАК царь отрекся. И его это несказанно впечатлило.

А что делать с известнейшим письмом царицы от 2 марта 1917 года: «А Ты один, не имея за собой армии, пойманный, какмышь, в западню, что Ты можешь сделать?» Как прикажете к этому письму отнестись, если у всех на памяти фраза императрицы Феодоры, жены Юстиниана, сказанная во время мятежа, по размаху ничуть не меньшего, чем в феврале 1917 года? Феодоре было доложено, что все готово для эвакуации императора из Константинополя, но Феодора сказала: «Порфира – это лучший саван». И она, и император остались. В итоге им удалось через своих посланцев внести неразбериху в среду повстанцев, и бунт был ликвидирован.

С одной стороны – «а Ты один... не имея армии...мышь в западне...».

С другой стороны – сухо и коротко: «Порфира – это лучший саван». И все.

Высшее сословие царской России фразу про «лучший саван» знало наизусть. Она, фраза эта, была камертоном для тех, кто еще не истлел до конца и верил в монархию. А для нынешних лживо умствующих монархистов?

Профессионалы сверяют тексты отречения Николая II, анализируют зачеркнутые слова. Мол, сначала было сказано «не имея сил руководить», потом «руководить» было зачеркнуто и написано «не имея сил вывести империю из тяжелой смуты», а еще было зачеркнуто «великие неудачи», а еще было сомнение, написать «дана» ли «власть от Бога» или «вручена»...

Потом полный текст... *«Почли Мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное единение и сплочение всех сил народных»*. Это называется – отречение ради консолидации. Мол, я являюсь источником смуты, отрекись, и будет консолидация. Он взрослый человек, он не понимает, что, когда он отречется, начнется не консолидация, а официальный бардак? На фоне которого апрельские тезисы Ленина – это заклятие хаоса. В апреле – словом, потом – и делом. Слова...

Отчаявшийся народ ждет слов, которые утолят отчаяние. В 1917 году это отчаяние утолили красные слова. Это факт, а не ценностно окрашенное суждение. Давайте вслушиваться в слова, если хотим что-то понять.

«Не желая расстаться с любимым сыном Нашим...» У этих слов свой вкус, цвет, запах, свой музыкальный лад.

«Я солдата на фельдмаршала не меняю». Фраза совсем другого звучания.

В заключительной части своей статьи Аверьянов и Мультиатули предлагают соорудить оптику, в которой Николай II и Сталин окажутся совместимы. Пусть они попробуют эти две фразы совместить для начала! Исторический синтез – не попури.

Слова – настоящие, живые, горячие. От кого хотел народ их получить в первую очередь? От церкви, конечно. Он их не получил.

Теперь страна, народ должны каяться. А церковь?

Мы что, совсем не знаем истории? Не знаем о призывах товарища обер-прокурора Н.Д.Жевахова к Синоду? Не знаем о телеграммах некоторых (только некоторых) отделений Союза русского народа, адресованных Синоду? И Жевахов, и эти самые немногочисленные отделения умоляли Синод найти слова для народа и этим поддержать рушащуюся монархию. Как же, поддержали!

Уже 2 марта члены Синода признали необходимым немедленно войти в сношения с Исполнительным комитетом Государственной Думы.

4 марта на заседании Синода архиереи не скрывали радости по поводу наступления новой эры в жизни Православной Церкви. В этот же день из зала заседаний Синода было вынесено царское кресло – как символизирующее поражение Церкви государством.

За редким исключением архиереи воспользовались определением Св. Синода от 7 марта и вычеркнули имя Помазанника Божия из богослужебных книг. В соответствии с определением, вместо монарха стали поминать «благочестивое Временное правительство».

7 марта всем епархиям был разослан текст присяги новой власти (само наличие этой присяги кощунственно по монархическим критериям).

И, наконец, в знаменитейшем (и позорнейшем, с позиций белой монархической нормативности) Обращении Св. Синода от 9 марта говорится: *«Свершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни... доверьтесь Временному правительству; все вместе и каждый в отдельности приложите усилия, чтобы трудами и подвигами, молитвою и повиновением облегчить ему великое дело водворения новых начал государственной жизни и общим разумом вывести Россию на путь истинной свободы, счастья и славы. Святейший синод усердно молит Всемогущего Господа, да благословит Он труды и начинания Временного российского правительства»*.

Послание подписали ВСЕ члены Синода, включая митрополита Киевского Владимира и митрополита Московского Макария, которые считались крайними монархистами.

Такой призыв церкви парализовал монархическое движение абсолютно. Понимаете? Абсолютно! ВСЕ пребывали в шоке.

Шок еще усилился к 12 июля 1917 года, когда Синод обратился с посланием к гражданам России, «сбросившей с себя сковывавшие ее политические цепи».

Господа Аверьянов и Мультатули понимают, о каких цепях идет речь? О цепях монархии! Синод благословляет то, что Россия «сбросила политические цепи» монархии, а народ... народ должен каяться за убийство Николая II?!

Бердичевский портной на вопрос, что бы он делал, если бы был царем, сказал, что он бы жил даже лучше, чем царь, потому что он еще бы немножко шил. Те, кто призывает нас каяться, наверное, тоже хотят немножко шить... Красиво шить не запретишь.

Между прочим (так, к слову), когда в августе 1991 года Б.Н.Ельцину предлагали сдать, то он сказал, что сдастся, если его благословит Патриарх. Патриарх через Руцкого передал, что он отнюдь не благословляет сдаваться, а, напротив, благословляет «стоять».

Работа Николая II над отречением (и над текстом, поскольку он не фальшивка, но если даже текст фальшивка, то над процедурой, которую, как мы опять же видим, отменить невозможно) вообще происходила без Церкви. Царя не интересовало получение от Церкви благословения на отречение или, упаси боже, на «стояние». Церковь миропомазала царя, но взять у нее благословение на уход ему даже в голову не пришло. Церковь сдавала царя, царь – церковь.

Правила, приличия, нормы уже никого не интересовали: ни одних, ни других. Но... и узы семейной, клановой солидарности были порваны с такой же беспощадностью, как истлевшие от «бобка» гнилые веревки.

Господа Аверьянов и Мультатули называют отдельных изменников. Очень странные господа! И странный список изменников. Николай Николаевич изменил? Рузский, Брусилов, Крымов, Корнилов?

Вы помните фильм «Операция «Ы» и другие приключения Шурика?» Там есть знаменитая фраза: «Огласите весь список». Ну, так я и оглашаю вместо Аверьянова и Мультатули.

Первое место в этом списке у не названного по понятным причинам Великого князя Кирилла Владимировича, чья семья особо усердствует по части необходимости общероссийского покаянства (так и хочется сказать «окаянства»).

Но есть и другие, кому вроде бы надо каяться больше, чем рязанскому мужику. Это Великие князья Борис Владимирович, Николай Михайлович, Александр Михайлович, Сергей Михайлович, принц Александр Ольденбургский. Кто не изменил Николаю II, кроме генерал-адъютанта Хана Нахичеванского и генерал-лейтенанта графа Ф. А. Келлера?

Кто не изменил, если изменили церковь, близкие родственники, двор, подавляющее большинство генералитета?

И спрашиваю в который раз подряд: КТО ОТВЕЧАЛ В СТРАНЕ ЗА КАДРОВУЮ ПОЛИТИКУ? А? Не слышу! Кто назначал этих генералов-изменников? Silentium...

Спор по поводу личности Николая II бесконечен. Да, был такой Михаил Кольцов, который восхвалял царя Николая II. Наверное, это был искренний и умный человек – допускаю. И на основании его свидетельства ваш покорный слуга, по мнению Аверьянова и Мультатули, должен устыдиться легковесности своих суждений о личности Николая II.

А если мне кажутся более адекватными нелецеприятные отзывы Витте, то это, конечно, значит, что я красный пропагандист. «Старший товарищ», придумывающий «агитационные клише». Наверное, даже сосед А.С.Ципко по ЦК КПСС...

Нет, я всего лишь сын историка, и я понимаю, чего стоят свидетельства Витте, прекрасно знакомого с императором (в отличие, заметим, от Мультатули, Аверьянова и всей «Екатеринбургской инициативы»). Витте – прекрасного психолога, администратора, государственного деятеля, одного из умнейших и независимейших людей своего времени. Я понимаю, что вымарывать свидетельства современников (Витте, Кони и десятков других людей, к большевизму никакого отношения не имевших) может только белый неумный цензор, он же – бывший красный неумный цензор. За счет таких вымарываний нам предлагают «открытие собственной цивилизации», «восстановление социальной ткани Отечества»?

Почему-то вспоминается Галич – и не его политическая сатира, а сатира бытовая: «Вот на койке я сижу нагишом и оруду консервным ножом». И видится мне этот консервный нож новой белой цензуры, которым кромсают «социальную ткань Отечества», добиваясь открытия «собственной цивилизации» и выковыривая «агитационные клише», придуманные «старшими товарищами»... Не знаю, добьются ли радеющие за монархию господа таким способом метанойи (перемены ума), но паранойя им обеспечена. Ладно бы только им!

Глава X. Преодоление истощения – запись в полевом дневнике, 29 октября 2008 года

Если бы речь шла лишь о «-нойных» (мета-, пара- etc) суждениях двух конкретных ревнителей покаяния–2... Ан нет. Один из государственных каналов российского телевидения на 99% занят подобной «-нойностью». Да и другие. Речь идет о политической войне – войне за сознание лиц, ответственных за решения.

Эта война приобрела особо наступательный характер после избрания Медведева. Понимание того, чем она чревата, побудило меня к объединению в одном исследовании политической полемики и собственно философии. К работе в жанре публицистического (и философского) марафона.

Марафон подходит к концу. Исследование оказалось нужным и существенным для думающей и политически безразличной части нашего общества. В каком-то смысле оно оказалось даже более существенным, чем это можно было предположить в момент, когда возник странный замысел, воплощенный в цикле «Медведев и развитие».

Я начал этот цикл тогда, когда избранный президентом России Дмитрий Медведев сказал, что нам нужны десятилетия спокойной жизни для развития. Тогда же я обратил внимание на трагическое сходство этого пожелания с пожеланиями Столыпина. На то, что как тогда, так и теперь нам не будут отпущены десятилетия спокойной жизни. А также на необходимость отличать желаемое (десятилетия спокойной жизни) от реального. Я был уверен, что спокойствия не будет. События в Южной Осетии и то, что за ними последовало, мировой финансовый кризис и то, что за ним последует, лишь

подтверждают это.

Когда я предупреждал о грядущем скором неблагополучии, на политическом горизонте еще не было ни единого реального облачка. Теперь же на нем сгущаются такие тучи, что дух захватывает. Завершается российская передышка, восемь относительно тучных лет, являющихся в полном смысле слова, как это кому-то ни покажется странным, эпохой Путина–Буша. Чуть позже я постараюсь объяснить, что это за эпоха, почему она кончается и чем это чревато. Но разве мало фактов? Если их для кого-то мало, то могу заверить: ближайшие месяцы подарят столь многое, что даже закоренелый оптимист, считающий, что «ништяк, рассосется», расстанется со своими иллюзиями.

Процесс, который в начале нашего исследования был ламинарным, явным образом становится турбулентным. Турбулентность нарастает. Не надо быть физиком, чтобы понимать, что это такое. Большинство читателей знает, что такое тихая заводь, по которой «плывет, качаясь, лодочка», и что такое стремнины и водовороты. Ну, так вот, «тихая заводь» – это ламинарный процесс. А «стремнины и водовороты» – турбулентный процесс. Когда вместо «стремнин и водоворотов» лодочка попадает в нечто наподобие Ниагарского водопада, то это называется «турбулентный процесс с разрывом сплошности струй».

Не буду сулить читателю скорый разрыв «сплошности» наших политических и экономических струй. До такого разрыва – еще несколько лет. Но турбулентность, наверное, ощущает и сам читатель.

Решаясь на довольно странный проект под названием «Медведев и развитие», я должен был ответить самому себе на вопрос: «С чего бы это, собственно?» Давая себе ответ на такой вопрос, я, еще не взявшись за перо, сформулировал десять условий, позволяющих рассчитывать на получение серьезного результата. Условия таковы.

1. Проект эффективен, пока процесс ламинарен. Это не значит, что процесс должен иметь застойный характер. Но, как только начнутся турбулентности, надо прекращать марафон.

2. Проект немыслим без анализа политически актуальных обстоятельств (событий, высказываний), без ведения острой полемики и так далее.

3. Параллельно с этим анализом и внутри этой полемики должна обнаруживаться связь между актуальным (буквальным содержанием полемики) и фундаментальным (историософским, метафизическим) смыслом, прочитываемым за актуальностью.

4. Эта связь не должна быть натужной, высосанной из пальца. Она должна быть органичной.

5. Параллельно с обнаружением связи между актуальным и фундаментальным должен разрабатываться, так сказать «с колес», аппарат, позволяющий глубже понять нечто, волнующее нас всех. Причем нечто такое, что, не являясь злобой дня, действительно нас всех к себе притягивает.

6. Это нечто достаточно очевидно. Речь идет о том, кто мы такие, в какой переплет мы попали и как нам из него выбираться.

7. Ни на минуту не должна теряться связь условий 1–6 с фундаментальной проблемой развития. С судьбой развития в России и мире. Не должно быть подмены судьбы развития судьбой как таковой. Ни судьбой России, ни судьбой мира. Но и судьба развития не должна отрываться от вопроса о судьбе страны и человечества в целом.

8. В какой-то момент придется, анализируя фундаментальное, отказаться от актуального, то есть прекратить марафон. Но не исследование как таковое.

9. Этот момент наступит тем раньше, чем раньше ламинарный процесс превратится в турбулентный. Ведь турбулентность неизбежно начнет комкать политически актуальный рисунок, делать его слишком резким и жестким, превращать его в самоцель. А значит, противопоставлять актуальное фундаментальному. Вот тут-то и надо прекращать марафон, отрываться от актуального, заныривать на глубину, добираться до предельных уровней рассматриваемой проблематики, обретать в этом погружении искомое знание о метафизическом смысле и содержании развития. И использовать это знание как фундамент для политического осмысленного существования в условиях этой самой турбулентности, которая очень быстро превратится в падение с «разрывом сплошности струй».

10. Это погружение на глубину не должно быть сковано жанром марафона. Можно печатать в десятках номеров газеты философско-детективный роман. Это рискованно, но возможно; Но нельзя превращать в газетный сериал, ну, скажем, «Науку логики». Закончить марафон, осуществить отдельное от него погружение, соединить марафон с этим погружением и, переработав все, издать книгу, причем достаточно быстро, – вот в чем конечная цель.

Марафон подходит к концу. Политическая турбулентность приобрела зрелый характер в 20-х числах октября 2008 года. Выходя на финишную прямую, должен оговорить, что в осуществленном были, конечно же, сверхзадачи. Опять же – и актуальная (политическая), и фундаментальная (метафизическая).

Актуальная сверхзадача достаточно очевидна. Мне не хотелось (и не хочется), чтобы вновь избранный президент стал заложником так называемых «оттепельных» процессов (перехода от контрреформ к реформам). Эти оттепельные процессы совершенно не нужны сегодняшней России, а в новом мировом контексте способны приобрести сокрушительный характер. Я верил и верю, что этого можно избежать. И что для недопущения таких перекосов надо говорить правду, с предельной внятностью описывая, чем являются эти самые оттепели и эти реформизмы. И в какую ловушку попадает политик, который в них вовлекается.

Колебание России между контрреформами и реформами, выдаваемое Александром Яновым за циклы российской истории, является на самом деле способом уничтожения России. Причем тут совершенно неважно, отклоняется ли Россия в сторону реформ или контрреформ. В пространстве, где альтернативой реформам являются контрреформы, плохо все. Это ощущал (к сожалению, крайне смутно) совсем не близкий мне консервативный российский политик Константин Победоносцев, считавший: что демократия, что собор – один конец для России.

Колебания между контрреформами и реформами происходят по очень известной схеме. Россия устает от аскетического, мобилизационного напряжения (затягивания поясов), связанного с необходимостью давать отпор явным или скрытым

внешним угрозам. Усталость эта обычно носит многомерный характер.

Это, прежде всего, усталость от так называемого культа личности, всевластия лидера, который олицетворяет нечто наподобие мобилизационного усилия и сопровождается мобилизационное усилие так называемым закручиванием гаек.

Это еще и усталость, порождаемая корыстным использованием мобилизационного пафоса бюрократией в целом и отдельными бюрократическими кланами в особенности.

Это также усталость от избыточных оборонных расходов, становящихся совсем нестерпимыми в условиях неблагоприятной для России экономической конъюнктуры, последние пятьдесят лет определяемой ценами на нефть.

Мало ли какая еще это усталость. Отдельную книгу по этому поводу написать можно.

Устав, Россия шарахается в сторону того самого реформизма, которому с тонкой иронией аплодирует Александр Янов. Культ личности разоблачается, жертвы культа восстанавливаются в правах, элементы мобилизационного сознания демонтируются и дискредитируются, оборонные расходы снижаются... Бюрократические (и иные) кланы, связанные со всем этим оборонным, мобилизационным, контрреформистским, «культличностным», атакуются как политически, так и иначе. Начинается борьба с коррупцией, засильем чиновников, излишней зарегулированностью.

Очень быстро обнаруживается, что это все – путь в никуда. Июльский пленум 1953 года и XX Съезд КПСС (классика оттепели, то есть движения в сторону реформ) сменяются Октябрьским пленумом 1964 года и XXIII Съездом КПСС (классика застоя, то есть движения в сторону контрреформ).

Александр Янов отнюдь не только подменами занимается. Он справедливо обнаруживает на всех этапах российской истории процессы, сходные с вышеназванной классикой. Хоть Киевскую Русь возьми, хоть Московское царство, хоть Российскую империю, хоть СССР – всюду это есть.

Яновские подмены начинаются тогда, когда содержание российской истории сводится к этим биениям между реформами и контрреформами. Потому что на самом деле не эти биения создают те полюсы, которые маркируют собою действительные циклы российской истории. Биения, образно говоря, истирают Россию в прах. Они усугубляют тление, наращивают его. После серии таких биений возникает отрицательный полюс цикла – «бобок».

Благодаря полемике с Аверьяновым и Мультатули мы убедились, что отрицательный полюс, завершающий цикл «Российская империя», вполне подходит под определение «бобок». Элиты Российской империи истлели. Чему доказательством абсолютность элитной измены, осуществленной в феврале 1917 года. Политическая система стала абсолютно дисфункциональной. Если власть не может вызвать на свою поддержку даже полк (не то что дивизию), если к ней никто не прислушивается, ее приказы не выполняют, от нее с наслаждением отрекаются, то это дисфункция, причем всеобъемлющая.

Всеобъемлющая дисфункция системы и истление элит – это и есть «бобок». В «бобок» входит также характерное поведение политических лидеров и самого института лидерства. В случае Российской империи лидер – это государь Николай II, а институт – монархия. Неадекватная инерционность, ступор лидера и института лидерства – часть «бобка».

Итак, «бобок» февраля 1917 года. Но ведь и в августе 1991-го был тот же «бобок». Так не является ли «бобок» инвариантом, описывающим отрицательный полюс каждого российского цикла (не путать с псевдоциклами реформистско-контрреформистских биений)?

Всмотримся в еще один отрицательный полюс – начало Смутного времени. Там все происходит аналогичным образом. Про это очень много написано. Если бы не жанр, можно было бы приводить исчерпывающие развернутые доказательства. Данные так смердят, что становится страшно, когда в виде безусловной и консенсусной даты выбирается 4 ноября – как подведение черты под ужасами Смутного времени.

Что касается ситуации накануне завоевания России татаро-монголами (отрицательного полюса, завершающего цикл Киевской Руси), то тут данных меньше. И, конечно, надо проводить отдельное исследование собственно исторического (или историко-политического) характера. Но то, что враг воспользовался распрей князей, что поведение элиты по отношению к татаро-монгольскому врагу не было консолидационно-мобилизационным, общеизвестно.

И не приближаемся ли мы сейчас к очередному «бобку», метафизическому отрицательному полюсу, особо опасному потому, что предшествующего положительного полюса в целом не оформилось?

Что же такое положительный полюс в рамках нашего понимания цикла?

Это момент, когда исчезает биение между реформами и контрреформами, снимается противоречие между отпусканьем и натягиванием вожжей, преодолевается либерально-консервативный «тяги-толкай», а главное – отменяется ложная альтернатива между безопасностью и развитием. Безопасность становится развитием, а развитие безопасностью. Это как минимум. Как максимум, развитие становится метафизической потребностью и элиты (класса), соединившейся с Духом истории, и народа, преодолевшего падение, фактически тождественное выпадению из истории.

Такова историософская диалектика российских сингулярных исторических циклов, весьма далеких от обычных циклов с их растяжениями и сжатиями, положительными и отрицательными экстремумами.

Отрицательный полюс – это всегда метафизическое падение, сингулярность, рассыпание в прах формы, именуемой «государство».

Положительный полюс – это всегда мобилизационное развитие, имеющее под собой метафизическое основание, это всегда соединение с историей, это всегда преодоление альтернативы между безопасностью и развитием.

Так и живем. А кому не нравится, должен жить в другом месте.

Как сделать, чтобы не оформился новый «бобок», не произошло нового обрушения, истления? И что делать, если это произойдет? На что обопрется развитие? И не окажется ли новый «бобок» последним и окончательным?

Метафизика очистительного огня имеет здесь решающее значение. А также метафизика спохватывания. Ведь при совершенно иных, гораздо более оптимистических в плане «безбобковости» и развития параметрах раннесоветской действительности реакция Сталина на «ты мне, рябой, спляши» была именно метафизическим спохватыванием.

Если бы нервом всего нашего исследования не была попытка ответить на этот вопрос, мы бы давно запутались в арабесках политического и метафизического характера. Но мы не запутались.

И именно желание ответить на вопрос, как же не допустить очередного «бобка», оправдывает внимание к разного рода сомнительным опусам. В том числе и тому последнему, который кое-что нам рассказал (и доказал) по части «бобка» февраля 1917-го.

Для преодоления «бобка» надо решить три задачи.

Задача №1 – соединить элиты с Духом истории (создать субъект).

Задача №2 – вернуть историческое население, сделав его народом (создать субстанцию, ибо народ – это население, ставшее субстанцией Исторического).

Задача №1 и задача №2 не могут быть решены без решения **задачи №3** – соединить элиты с народом через Дух истории, превратить «элиты для себя» («класс для себя») в «элиты для других» («класс для других»).

Покаяния в рассмотренных мною спецвариантах – это подрыв решения сразу всех этих задач. Но лишь их решение в совокупности может преодолеть заваливание в очередной «бобок». И степень внимания к спецпокаяниям (либеральному спецпокаянию–1, квазибелому спецпокаянию–2) определяется именно этим.

В момент, когда нам нужно снять дихотомию «реформы – контрреформы», оформить мобилизационный проект развития, который только и может снять эту дихотомию (а также ложную дихотомию «безопасность – развитие» и т.п.), нам, по сути, непрерывно подсовывают коварнейшую подмену. Вместо проекта развития (который не может не быть мобилизационным) нам подсовывают реформы, являющиеся не синонимом развития, а его отменой. В такой отмене, как я уже показал, суть так называемой перестройки. То есть нам и впрямь навязывают «перестройку–2».

Картина становится совсем уж очевидной, когда к навязыванию реформ вместо развития добавляется навязывание спецпокаяния. Ведь спецпокаяние – это разрыв с историей. Не только с прошлым (что немало), но и с самим Духом истории. А Дух истории – это единственное, способное преодолеть «бобок».

Где Дух истории, там Иаков. Где спецпокаяние, там Исав. Риторика спецпокаяинства убеждает в этом раз за разом. И так, нам опять подсовывают Исава, отнимают первородство ради чечевичной похлебки. И когда же это делается? При ценах на нефть ниже 60 долларов за баррель. То есть на пороге ситуации, которая одним щелчком превратит в труху даже жалкий нынешний консенсус Исава. Это самое лживо-примитивное нефтяное благополучие.

Мне представляется крайне важным рассмотреть еще одно не вполне, очевидное обстоятельство, имеющее серьезнейшее значение для нашего будущего.

Весь XIX век, контрэлита Российской империи была обуреваема долгом перед народом, хождением в народ, заботой о нем. Элита издевалась над этим. И до 1917 года, и особенно после. Но именно народофилия контрэлиты не позволила «бобку» февраля 1917 года подвести черту под российской историей.

Народофобчество сформировалось потом в диссидентской среде, ушедшей во внутреннее подполье, в белоэмигрантской среде. Либеральное спецпокаяние–1 и квазибелое спецпокаяние–2 являются буквальной альтернативой народофилии. Произошел, так сказать, «разворот вектора на 180 градусов». То есть инверсия. Мол, беспокоились и добеспокоились. От страстной народофилии – к столь же страстной народофобии, лжеевангелием которой стало, конечно, «Собачье сердце» как политический и метафизический (гностический) манифест. Что беспокоиться-то о Шарикове? Добеспокоились («народ-богоносец надул»).

Либералы (покаяние–1) и так называемые «белые патриоты» (покаяние–2) – это парадоксально единое целое. Источник единства – в народофобии. Понаблюдайте, как наши нувориши обнимаются с эмигрантской аристократией. Аристократией, ненавидящей этих нуворишей социально, культурно, этнически. Что общего у столь разных элитных групп? Народофобия, что еще? Квинтэссенция народофобии – спецпокаяние. Ибо это ВСЕГДА по сокровленной (а иногда и обнаженной) сути своей – покаяние народа перед элитой. И НИКОГДА – покаяние элиты перед народом.

Но что такое элита без народа? Это «элита для себя», постыдная и жалкая тусовка, обреченная на шикарное прозябание. Связь с народом – это не умение пить водку и закусывать огурцом. И не хождение босиком по траве-мураве. Подлинная связь между элитой и народом обеспечивается Духом истории. Им и только им.

Элита (класс), вобрав в себя историческую энергию, перестает быть элитой для себя (классом для себя) и становится мощным историческим генератором (субъектом). В качестве такового она передает историческую энергию народу (субстанции). Субстанция, откликающаяся на исторический зов, – это исторический народ. Народ-Иаков. Субстанция, неспособная откликнуться на исторический зов, – это мертвый народ. Народ-Исав.

Только живой народ, живая субстанция, заполненная тонкими историческими вибрациями, создает передовое (а значит, жизнеспособное) государство. Государство – это форма. Содержание – исторические вибрации. «Государственники»? Нельзя поклоняться форме. Форма, отвергшая содержание, истлевает. Народофобческая элита, будучи вне истории, обречена на «бобок». Народофобческая политическая Система – на дисфункцию. Дисфункция и «бобок» губят государство даже при отсутствии «врагов унешних и унутренних». Чуть-чуть истлевшее рухнет, только если будет нанесен сильный удар. Сильно истлевшее – если чуть-чуть подтолкнуть. А совсем истлевшее рухнет под своей тяжестью.

Как бороться с подобной макротенденцией?

Адекватно ее масштабу и содержанию. Если масштаб таков, как я описал, то мы и впрямь имеем дело с метафизическим дежа вю. Вспомните в это дежа вю еще и еще раз.

«Бобок–1» – маразм наших элит перед татарским нашествием.

«Бобок–2» – маразм элит, породивший Смутное время.

«Бобок–3» – маразм февраля 1917 года, который мы столь подробно рассмотрели.

«Бобок–4» – маразм советских элит перед августом 1991 года.

Нам нужен еще и «бобок–5»?

Всмотритесь и... Если в вас возникает внутренний протест и вы хотите противодействовать «бобку-5», то ищите связь с Духом истории. Других возможностей противодействия нет.

Народофобия и Дух истории – «две вещи несовместные». Дух истории приходит только к элите, не разорвавшей связь с народом. Иначе зачем ему приходиться? Ведь он приходит для того, чтобы субъект соединился с субстанцией. А если субъект заранее разорвал отношения с субстанцией? Дух истории, лишь заприметив это, сразу покидает территорию, на которой допущен подобный – во сути ликвидационный – разрыв.

В XIX веке, повторяю, хотя бы контрэлита была одержима народофилией (не декоративной, а подлинной) и потому выстояла в XX-м, пройдя через «бобок-3», создав проект, сверхдержаву, осуществив великие исторические деяния. Что сейчас?

Приближаясь к завершению своего марафона, я все же обращаю еще раз внимание на несколько актуальных политических публикаций. Ведь все же марафон продолжается. А его закон – в таком обращении к актуальному.

Одна из таких публикаций – это статья А.Пионтовского в «Гранях.ру» от 24 октября 2008 года. Статья называется «Родина или кузькина мать?». Дело отнюдь не в том, что автор подробно меня цитирует, именую своим далеким собратом по разуму. А в том, что он раз за разом использует острые противопоставления, задевая в них слово «Родина» абсолютно некорректным образом. Некорректным и научно, и политически. Поелику в условия нашего исследования входит еще и построение аппарата, причем «с колес» (смотри пункт 5 в приведенном мною списке условий), то я просто обязан ответить. Причем и концептуально, и политически.

Некогда А.Пионтовский поставил в один ряд Родину и Романа Аркадьевича Абрамовича («За Родину! За Абрамовича! Огонь!»). Теперь А.Пионтовский ставит в один ряд Родину и «кузькину мать». (Для справки: «кузькина мать» – это бомба в 50 мегатонн, которую СССР испытал на Новой Земле. У А.Пионтовского «кузькина мать» – это синдром национал-клептократии, которой, в отличие от глобальной клептократии, я якобы симпатизирую в качестве красного Савонаролы.)

Чтобы не выпячивать политическое, зафиксируем очень коротко, что ни на Украине никто никогда не опубликовал бы книгу «За Родину! За Рабиновича! Огонь!», ни в США никто никогда не опубликовал бы книгу «За Родину! За Голдмэн&Сакс! Огонь!». Но это политическое (слишком политическое, как сказал бы Ницше). Намного важнее – концептуальное. В сознании почти всех без исключения начинают путаться несколько политических категорий. Эта путаница особо опасна в случае, когда в число перебираемых и смешиваемых категорий входит категория «Родина».

Мое беспокойство носит не академический характер – отнюдь. Я знаю – и по опыту, и по соцопросам, – что существенная часть нашего бизнес-сообщества, так называемого среднего класса, обозлившись на чиновничество, называет это самое чиновничество не иначе, как «Родиной» («Родина хочет с нас 50 тысяч баксов» – имеется ввиду, что их хочет тот или иной чиновник за определенную административную услугу). Это часто говорят «на автомате» даже вполне патриотичные и любящие Россию люди.

А раз так, то пора развести категории. И установить, что есть ряд категорий, в пределах которого категориальные единицы ну никак не могут быть сведены одна к другой. Это и позволяет называть единицы категориальными. Предлагаю обсудить следующие, особо актуальные, категориальные единицы, между которыми путаница совсем уж недопустима.

Категория №1 – Родина.

Категория №2 – страна.

Категория №3 – население.

Категория №4 – народ.

Категория №5 – государство.

Категория №6 – элита (класс).

Категория №7 – власть (политическая система).

Категория №8 – властитель (государь).

Список категорий можно было бы продолжить, но остановимся хотя бы на этом как на особо актуальном.

Прежде всего, надо установить, что Родина – это не государство, не класс и элита (Абрамович) и не население. Родина – это единство территории, населения и актуального смысла. При этом актуальность смысла является главным. Теряется актуальность – человек перестает ощущать территорию Родиной. Он перестает ее защищать. Он не хочет за нее умирать. Возникает метафизический коллапс. И все распадается. Распадается тем быстрее, чем важнее смысл для данной культуры, данного (ею скрепленного) населения.

Актуальность (нагнетость, огненность) смыслу придает Дух истории. Когда Дух истории уходит, смысл остывает. Если бы всего этого не было, государства бы не распадались. Россия распалась два раза за одно столетие. А почему? Потому что страна как место проживания переставала быть Родиной. Смысл остывал – и все начинало истлевать, рушиться.

Состояние, при котором страна является территорией актуального смысла, называется активным историческим состоянием. Люди, живущие на территории актуального смысла, не просто живут, процветают, самореализуются. Они еще и спасаются. И это главное. Красный проект предложил актуальную для своего времени формулу спасения. Её приняли те, кто уже отверг предыдущую формулу. И началась новая исторически активная жизнь. Ее трудно описать, трудно свести к любым – позитивным или негативным – социально-культурным прописям. Маяковский называл страну, ставшую территорией активного смысла, «весной человечества». А кто-то проклинал тот смысл. Но все вместе жило в среде, заполненной особыми вибрациями, в особом времени (кайросе). Вокруг того, что жило таким особым образом, собралась сверхдержава (СССР). Потом исторически активное ушло в песок. Но на песке остались отпечатки. Страна, на метафизическом песке которой есть отпечатки, – это тоже Родина.

Кроме того, исторически активное оставляет след и в связанном со страной ноосферном, так сказать, измерении – эгрегоре.

То, что хранится в эгрегоре, это Небесная Родина. Небесная Родина связывается с земной через отпечатки и ожидание

нового пришествия Исторического. Этого пришествия ждут. Иногда веками. Помнят о том, что это было, и ждут. Ожидание – тоже Родина.

Родина – это тончайшая и сложнейшая идеально-материальная сущность. Нельзя объяснить до конца, как у людей возникает ощущение Родины. Но все мы знаем, как оно пропадает. И как люди перестают защищать безлюбое, еще вчера бывшее предметом бесконечной любви.

Повторяю, Родина – это сложнейшая, тончайшая сущность.

Ведь вы же можете представить себе, что страна осталась, а Родины нет, не так ли? Или наоборот – что страны нет. А Родина есть. Израиль как страны не было в течение двух тысяч лет. А Израиль как Родина оставался. И потому, что был Небесный Израиль. И потому, что отпечатки на метафизическом песке сохраняли для народа исключительное значение. Примерьте эту коллизию на себя. Нет земного СССР. А Небесный (эгрегориальный) СССР есть. И отпечатки на песке есть. И потому можно и выйти из «бобка», и вернуться в историю. А значит, спастись. Родина – это не место процветания. Это место спасения.

Самое страшное – это потерять Небесную Родину. Потому что тогда не будет и земной. Причем никогда. Ибо любое восстановление земной Родины возможно лишь через связь субъекта, который осуществляет это восстановление, с Небесной Родиной. Связь такая – это историческая (огненная) мистерия.

Нет Родины без исторической мистерии. Поскольку Родина – это союз живых и мертвых. И только этот союз – поймите же, только он – имеет право называться собором. Путать трансцендентную соборность с имманентной коллективностью очень наивно. Метафизика это или политика? Это, конечно, метафизика. Но это и политика тоже, да еще какая.

Если правящий класс захочет продать Россию, то этому должно воспротивиться население. А если население, проникнувшись духом Исава и продав первородство за чечевичную похлебку, захочет продать Россию и даже проведет референдум на тему «150 триллионов долларов за Россию»? А что? Каждый россиянин получит миллион долларов. Разве мало? 150 миллионов населения, согласившихся на эту продажу, не могут ее осуществить, потому что есть еще миллиарды мертвых, умерших за Россию. И есть Небесная Россия как совокупная Память об Историческом, то есть Родине. Единство метафизической России, находящейся в эгрегоре, и актуальной России, которая должна вернуться в историю, – это Родина.

Господин Пионтковский противопоставляет Родину «кузькиной матери». Это некорректное противопоставление. Тут важно – Родина для «кузькиной матери» или «кузькина мать» для Родины. Если Родина для «кузькиной матери», то это уже не Родина. А если наоборот? И стоит ли вообще так смаковать композиции, в которых имманентное недопустимым образом переплетается с трансцендентным? Это ведь не только политически, но и научно неверно. А также морально, экзистенциально и так далее.

Господину Пионтковскому стоило бы прочесть «А зори здесь тихие» Васильева. Находящийся на грани безумия старшина, видящий, как погибают девушки, спрашивает – ради чего? Ради Беломоро-Балтийского канала имени Сталина (сравни «кузькину мать» или «Абрамовича» у Пионтковского)? И одна из девушек отвечает, что Родина – это не канал. Что защищали ее, а не канал. Канал – имманентное, Родина – трансцендентное. Девушки это понимали. А Пионтковский не понимает. И многие, многие другие – тоже.

Повторю, у нас в застойную эпоху любили петь «С чего начинается Родина». Перечислялись имманентности (картинка в букваре и так далее). А дальше оптимистически заявлялось: «С того, что в любых испытаниях у нас никому не отнять». Отняли! Под вопли о покаянии стирали отпечатки на метафизическом песке. Воюя с историей, ломали связь с эгрегором, со смыслом как таковым. Но главное – смысл остыл. И его удалось отделить от страны. Теперь нужен преемственный нагретый исторический смысл. Лишь он восстановит все: тонкую структуру, отпечатки, эгрегориальный канал – Родину.

Глава XI. «0,5 + 150» – запись в полевом дневнике, 5 ноября 2008 года

«Имя Россия»... Шоу на краю пропасти... Продюсер проекта А.Любимов заявляет: *«Великолепен День России. Пора уже прекращать язвительные споры по его поводу. ...Потеряв территории (имеется в виду распад СССР), мы просто сбросили балласт»*. Вот ведь какие мы, оказывается, умные! Сбросили балласт! А когда снова сбросим? Северный Кавказ, например? И когда, наконец, балластом станет государственность как таковая, а также все, что с ней связано? И что сделать, чтобы «просто-сбрасыватели» не сбросили нас в итоге в помойную яму, в безгосударственное ликвидационное гетто?

Для того, чтобы этого не произошло, надо суметь ответить на два вызова.

Первый – «вызов 0,5». «0,5» – это полтриллиона долларов, вывезенные нашей «элитой» за рубеж. «Вызов 0,5» – это предложение выбрать: ИЛИ «0,5», ИЛИ Россия. Элита невротически отрицает возможность такого вызова. А все крупные западные аналитики (Бжезинский, Сестанович и другие) придают именно ему решающее значение («припугнем русских хорьков, они струхнут и все сдадут – лишь бы не потерять свои "0,5"»).

Второй вызов – «150». Что сделает нынешнее население России – 150 миллионов человек, – если ему предложат продать Родину за 150 триллионов долларов? Не хмыкайте («таких денег в природе нет!»), а посмотрите правде в глаза. Знаю лучше многих изьяны Слободана Милошевича. Но население Сербии продало своего лидера и терпело унижительные для нации изымательства над ним – за что? За возможность под руководством Бориса Тадича в обкромсанном до несовместимости с национальной жизнью и растоптанном виде войти в Европу... Нечто подобное по отношению к России я называю «вызовом 150».

Говорить, что все сводится к «вызову 0,5» – значит, врать самим себе. Был бы только «вызов 0,5» – справились бы в два счета.

«0,5» знает, что ее спасение – «150». «0,5» формирует «150», проводя соответствующую культурную политику. Сериалы – это «150», «Груз-200» – это «150», «Comedy Club», «Дом-2» – это «150». «Адмирал» – тоже. И много что еще.

Чем мы располагаем в качестве альтернативы «0,5» (контрэлиты) и альтернативы «150»? Какую часть своего населения мы можем называть народом? Если клочку России (например, Северо-Западному) предложат завтра войти в Европу в качестве независимого государства, то какая часть населения окажется народом, отвергнувшим этот выбор? Что подвигнет на борьбу отвергнувших? Нужен горячий, великий смысл, обращенный в будущее. И нужно помнить: остывший смысл не спасает. Ведь при распаде СССР речь шла не только о «проблеме 0,5» в ее тогдашнем варианте («сейчас развалим и о-го-го как пограбим!»), но и о «проблеме 150» в ее тогдашнем варианте («ё-моё! – у них там на прилавках 150 сортов сыра!»).

Родина ИЛИ «150»! Но почему ИЛИ? Позднесоветское «ням-ням» с сытым недоумением смотрело выпущенный на экраны в 1987 году (и снятый в 1968 году) коварный фильм «Интервенция». Высоцкий нравился... почти как шикарные американские джинсы. И песенку он пел клевою:

*Нам будут долго предлагать – не проглотить.
– Ах! – скажут, – что вы, вы еще не жили!
Вам надо только-только начинать... –
Ну, а потом предложат: или-или.
Или пляжи, вернисажи или даже
Пароходы, в них наполненные трюмы,
Экипажи, скачки, рауты, вояжи...
Или просто – деревянные костюмы...*

Через четыре года «ням-ням» выбрало пляжи, вернисажи, экипажи, скачки, рауты, вояжи, 150 сортов сыра... Начался ельцинский бордельеро («забег в ширину», как говаривал Василий Макарович Шукшин). К 1999 году страна оказалась на грани небытия. Пришедший вместо Ельцина Путин не предложил «ням-ням» ИЛИ-ИЛИ. Он предложил И-И. «Ням-ням» (как элитное, так и низовое) с радостью согласилось. Сформировался патриотизм «времени И» (И пляжи, И «замочим в сортире»). Оформился «консенсус И-И», «политическая система И-И». «И дольше века длится И...» (сравни – «десятилетия спокойной жизни, нужные нам для развития»).

Даже теперь никто не хочет понять, что «время И» кончилось. И началось «время ИЛИ».

Когда И «0,5», И Россия – кто откажется? И шика больше, и «0,5» можно удвоить, превратить в «1», имея Россию (скверное, но очень точное в своей двусмысленности слово).

Ну, а потом предложат: ИЛИ-ИЛИ.

Для начала на мобильниках с «брюликами» загорится «0,5» (обыски в Испании и так далее). Потом на мобильниках попроще (да и телеэкранах) в том или ином виде загорится «150» (где рост благосостояния, пляжи, вернисажи и прочее?). Где-где...

Абонент не отвечает или временно недоступен...

Это смотря какой абонент. И.Юргенс, председатель правления Института современного развития (того самого, которым руководит президент РФ Д.Медведев), очень внятно отвечает – и за себя, и за это самое «0,5» (см. «Московский комсомолец», М. Ростовский, «Голая правда о кризисе», 22 октября 2008 года).

Ростовский (оппонируя тезису И.Юргенса о неминуемом скором сближении США и России): *А разве Америка не будет нам мстить за своего «поруганного» союзника – Грузию?*

Юргенс «через не хочу» признает наличие в Америке враждебных нам значительных сил, которые будут «накалять обстановку». И тут же добавляет: *«У нас тоже есть ястребиные силы, которые будут тоже действовать точно так же. Иногда их интересы настолько смыкаются – в противовес долгосрочным национальным интересам США и России, – что просто диву даешься».*

Итак, мы впервые узнаем, что на вершине российской властной пирамиды есть некие «ястребиные силы», действующие в сговоре с «ястребиными силами» США и работающие на подрыв национальных интересов.

Согласитесь, сильное, а главное, очень свежее утверждение. Римейк на тему о сговоре «нашего Тухачевского» с «ихним абвером».

Юргенс: *Конкретный пример просите? (Фигура речи. Ростовский ни о чем не просит. Это Юргенсу надо любой ценой расставить точки над «i». – С.К.) А кому, по-вашему, был выгоден весь этот грузинский конфликт?*

И в самом деле, кому? Слежение за логикой Юргенса дает однозначный ответ – новому «коллективному Тухачевскому» для подрыва российских нацинтересов.

Юргенс: *До начала войны у нас была восходящая экономическая динамика. А сейчас, как уже было сказано выше, кризис ликвидности постепенно переливается в кризис доверия. И одна из причин такого положения – обострение внешнеполитической обстановки вокруг России. Опасаясь еще и новой «холодной войны» с Западом, часть российского среднего и высшего класса выводит свои капиталы из страны.*

И.Юргенс отрекомендован М.Ростовским как «лицо, близкое к государю-императору» (стиль-то каков!). Трепещи, читатель! Сейчас явится сам «государь-император» и, назвав бояр-изменников ПОИМЕННО, накажет их за самое тяжкое из всех возможных преступлений – подрыв долгосрочных интересов России: «Пошто возбудили часть российского среднего и высшего класса, и бабки потекли прочь из страны?»

Трепеща, читатель ждет, чтобы были названы имена высокопоставленных негодяев – нового Курбского, нового Тухачевского, нового Берии. Последнее ближе всего к делу. Ибо И.Юргенс явно претендует на роль провозвестника новой (по факту его должности – медведевской) оттепели. А где оттепель, там разоблачения тирана и кара его опричникам. Кара может быть жесткой (процесс над Берией) или чуть более мягкой («антипартийная группа Молотов, Каганович, Маленков и примкнувший к ним Шепилов»).

А как быть с тираном? Оттепель без тирана – это все равно, что выпить и не закусить. Вы все еще не улавливаете, в чем особая пикантность оттепельной заявки Юргенса? Хрущев стал разбираться с Берией и другими «опричниками» в посттиранический период. Здесь же все начинается при не отстраненном от власти Путине, чья роль в этой оттепельной пьесе, как мне кажется, не вызывает сомнения.

И все же главный герой манифеста «Оттепель–2008» не тиран и не освободитель, не контрреформистские опричники и не бросающий им вызов отважный реформатор, а «класс 0,5». Именно его интересы с поразительной откровенностью отстаивает новый Сперанский.

Тиран и его опричники соорудили югоосетинский напряг, благородный и мудрый «класс 0,5», наложив в штаны от одной только мысли о возможности перерастания напряга в холодную войну, начал выводить капиталы. Удивительно нервный и нежный класс! Был бы он поспокойнее и поглубже, рассуждал бы так: «У меня капиталы в России. Будет холодная война? У, как на этом можно нажиться! А ну-ка, менеджеры, – мухой! Быстро скупать все, что пахнет оборонкой. И к начальству, к начальству! На полусогнутых! Просите у начальства долю в оборонзаказе! Объясните ему, что у нас заводики о-го-го какие!»

Демидов так не делал? Делал. Путилов так не делал? Делал. Виккерсы так не делали? Делали. Крупп так не делал? Делал. А вот наш «класс 0,5» так делать не хочет. И «лицо, близкое к императору», топая ногами на тирана и опричников, заходит в негодование, грудью бросаясь на защиту «0,5», чью тонкую нервную систему подвергли недопустимой нагрузке.

«Класс 0,5», «проблема 0,5»... Капризная, жирная бабища заходит в непристойных истериках, а вокруг нее бегают «лица, близкие к...», спрыскивают духами, обмахивают опахалами, подтирают, подмывают, потакают... Кто будет колебаться при выборе ИЛИ-ИЛИ? Эта «бабища 0,5»? Ее клеветы?

Сталин ведь в 1929 году не от обиды на то, что его называли «рябым» и предложили сплясать, затеял коллективизацию. Он просто понял, что ИЛИ «класс 0,5» (он же – кулачество как класс), ИЛИ победа в Великой Отечественной войне. Кулачество было не так отвратительно, как эта нервная «бабища 0,5». Кулачество, может быть, и детей бы на фронт послало, и в церквях помолилось за победу нашего оружия, и на пожертвования покалеченным солдатикам скидывалось бы. Но хлеба бы оно задарма не отдало ни рябому, ни безрябому – никому.

А тогда пиши пропало. Никакой индустриализации в 1929 году (падение цен на хлеб, аналогичное падению нынешних цен на нефть) не могло быть в условиях наличия класса, несогласного отдавать экспортный продукт по демпинговым ценам. Да и с «продовольственной проблемой 1941–1945» такой класс был несовместим. Поднялся ли бы он против «коммунак» при подходе немцев? Может быть, да. Может, нет. В целом этот класс был достаточно патриотичен, в отличие от жирной «психопатки 0,5», волокущей бабки за рубеж при мысли о возможности холодной войны. Кстати, вы понимаете, как для этого должны быть устроены эти бабки, чтобы их так быстро «туда-сюда»? Понятно вам, о каких бабках, гордо называемых инвестиционными, на самом деле идет речь? Если я дом начал строить и в него вложил, то я бабки в один день не выведу. Я буду продолжать строить и думать: «Авось пронесет!» А вот если я краткосрочными спекуляциями занимаюсь – тогда почему бы нет?

Я не поношу кулака и не прославляю сталинскую коллективизацию. Я готов этого кулака хоть бы и воспеть и сказать, что в обычных условиях, о которых грезил Бухарин, кулак страну бы поднял (по схеме от «группы Б»), Но в предвоенных условиях он был несовместим с выживанием страны. И вопрос оказался поставлен ребром: ИЛИ этот класс, ИЛИ страна.

Кулака-то я мог бы и воспеть (хотя, конечно, не так умильно, как деревенщики). А эту «бабищу 0,5» с ее истериками в августе 2008 года ну никак воспеть не могу. И просто не понимаю, что делать с ней в условиях «времени ИЛИ». Она страну сдаст и не задумается. Выразитель ее блажных прихотей, которые даже интересами назвать нельзя, – И.Юргенс – хвалит ее за это. А ругает тех, кто ее нервирует...

Сие совместимо с государственностью?

С государственностью «времени И» – кое-как совместимо.

С государственностью «времени ИЛИ» – нет.

Я знаю представителей российской буржуазии, вполне совместимых с «временем ИЛИ». Им скажут «ИЛИ-ИЛИ» – они выберут Россию, да еще и сумеют нарастить индустриальные мощности своих предприятий, как это сделал при Петре Демидов. Справедливости ради замечу, что И.Юргенс говорит: бабки стала уводить ЧАСТЬ российской буржуазии («среднего и высшего класса»). Так почему мы должны цацкаться с этой капризной, оплывшей от жира ЧАСТЬЮ? Мы же обязательно схему 1929 года должны повторять! Достаточно волевой и эффективной политики, при которой те, кто отвечает требованиям «времени ИЛИ», будут поддержаны. А остальным будет сказано (и подтверждено делом), что цацкаться с их «капризами 0,5» никто не намерен. Может, тогда и капризов будет поменьше?

Но Юргенс-то предлагает совсем другое! Он предлагает потакать «капризам 0,5». А всех, кто раздражает истеричную капризницу, именует подрывными силами. Силы-то должны понимать, что их сначала именуют подрывными, а потом... Потом, что называется, «по полной программе» – за подрывную деятельность...

Разумеется, дело не в Юргенсе, а в Путине, сказавшем элите и населению, что они будут И процветать, И преисполняться патриотической гордости. А кто ж против? Ни «элита 0,5» не возражала («бабок как грязи!»), ни «население 150» («что-то ведь и нам достается»). Футболисты побеждают! Восстанавливается международный авторитет! И живем лучше, И гордимся больше. И-И... И-И... Так сербы понимали патриотизм до американских бомбардировок. Ну, а потом...

Ну, а потом предложат: ИЛИ-ИЛИ.

Сербам предложили – они выбрали Тадича. А Милошевича отправили на скамью подсудимых. Нам кажется, что нас это все не касается, потому что у нас есть ядерное оружие? Опаснейшая иллюзия!

Власть упорно не желает признать неотвратимость «времени ИЛИ». Август 2008 года был для Путина и Медведева не только тактическим, но и стратегическим – а также метафизическим – вызовом. На тактический вызов ответили жестко и адекватно. А вот на метафизический вызов «времени ИЛИ»...

Наши западники шепчутся: события на Кавказе создали антизападный крен, а кризис создаст крен прозападный...

Почему именно кризис должен создать прозападный крен – понять нельзя. Что же вообще до прозападного крена, то он очевидным образом начался СРАЗУ ЖЕ после крена антизападного. То есть не в связи с кризисом, как это кажется западникам (его еще не было), а в связи с шоком, вызванным встречей «власти И-И» с ситуацией ИЛИ-ИЛИ.

Формула политической системы, созданной Путиным, – «западничество И государственность». «Суверенная демократия» – это одна из возможных идеологических вариаций на эту тему. Вариации создают идеологи. Тему создает глава государства.

Сменить формулу «западничество И государственность» на формулу «западничество ИЛИ государственность»?.. У этого барьера власть упирается и говорит, что «мы с пути не свернем». А если на пути – мина? Или скала? Власть любой ценой хочет сохранить формулу «И-И» и категорически отказывается переходить к формуле «ИЛИ-ИЛИ»! И флот к американским берегам – И Чубайс во главе «Роснано технологий»... И-И! И-И!

«Система И-И» входит в весьма опасный режим. Статистика несовместимых «И», следующих друг за другом (тот же М. Ростовский назвал это «равняйся, мирно!»), дает кривую биений между И+ («равняйся», оно же «И государственность») и И– («мирно», оно же «И западничество»). Аппроксимация биений между И+ и И– позволяет описать процесс формулой:

$$И = I_0 * \frac{\sin \omega t^2}{t - t_k}$$

Каждому системщику ясно, что это формула так называемых автоколебаний. «Система И-И» идет в разнос! В момент t_k биения с нарастающей амплитудой и частотой разнесут эту систему в клочья. Под обломками системы в нашем случае неизбежно окажется не только власть. Крах системы, безусловно, повлечет и крах государства. А чтобы этого не произошло, до наступления времени t_k должна возникнуть другая система – другая идеология, другая оргструктура, другие адресации к другим опорным группам, другая система элитного отбора и построения элитных конфигураций. Нужно, чтобы власть сама перешла от «системы И-И» к «системе ИЛИ-ИЛИ». Тогда мы выдержим в условиях «времени ИЛИ». Но со всей откровенностью надо сказать, что только тогда мы выдержим.

А еще нужно признать, что, как только власть (из моральных или иных соображений) выберет не «0,5», а Россию, «класс 0,5» начнет активнейшим образом апеллировать к «населению 150» и призывать его сбросить власть. Что сделает власть? Обращаться к России по принципу И-И (что она очень успешно делала до сих пор) уже будет невозможно. Опирается на «население 150» – тоже. «Население 150» вместе с «классом 0,5» сдадут упирающуюся власть в реальную или метафорическую Гаагу.

Значит, власти нужно пробиться и к контрэлите (альтернативе «классу 0,5»), и к народу, граду Китежу, андеграунду, катакомбной России (альтернативе «населению 150»). С нынешней идеологией, нынешней культурной политикой (порожденными «форматом И-И») туда пробиться нельзя.

Власть надеется, что ИЛИ-ИЛИ исчезнет, как дурной сон. А почему исчезнет-то? С какой стати? Кризисотрегулирует наши отношения с Западом? Почему? Запад нам поможет? С какой стати? И чем? Он себе помогать будет. Мы ему должны помочь? Чем?

Это ведь, пожалуй, наиболее важный вопрос.

Как сформировался наш «класс (или элита) 0,5»? Да очень просто! Кризис, который мы сейчас переживаем, – это третий всеобщий кризис капитализма. Он должен был разразиться еще в 1992 году. Но... В своем интервью И.Юргенс говорит, что НАС спасет данная НАМ Богом «подушка безопасности» (сырьевые ресурсы). Во-первых, Богом ли? «Подушку» дала НАМ державная воля, расширившая княжество до масштабов империи. Не будет воли – НАША «подушка» станет ИХ. А во-вторых... Распад СССР 1991 года как раз и превратил НАШУ «подушку безопасности» в ИХ «подушку». И ценой НАШИХ лишений спас тогда ИХ от кризиса. Зарубежные хозяева поднаняли будущее «0,5». Вывезено было, как вы понимаете, намного больше «0,5». «0,5» – это только посредническая маржа.

Так в чем теперь должна быть НАША помощь ИМ? Со Стабфондом все уже понятно. Но этого мало. Значит, помощь должна быть в том, чтобы распалась РФ? И способные «ребята», продолжая работать на хозяев, вывезли еще «гораздо больше, чем «0,5»» с территорий, находящихся в новом, еще более глубоком, чем в 1991 году, катастрофическом состоянии? А в обмен на это получили новую маржу, превратившись из «0,5» в «1»?

Нашим реформаторам кажется, что Запад хочет их поддержать, дабы сблизиться с очищенной от контрреформизма Россией. А Запад ждет не дожидается нового Горбачева и «перестройки-2». Он изнывает в этом ожидании. А ну как удастся сгношить оттепель, превратить ее в перестройку, осуществить развал, поднажиться на паях с «0,5» и погрузить российское население (еще раз пойманное на наживку «150») в безгосударственный ад?

М.Ростовский пишет: «В какой-то момент глава МИДа Сергей Лавров и госсекретарь США Кондолиза Райс настолько обиделись друг на друга, что совсем перестали общаться. И тогда именно Игорь Юргенс был отправлен в Вашингтон для налаживания неформальных контактов».

Я оставляю одну тысячную процента на то, что Игорь Юрьевич Юргенс не читал и не визировал текст интервью. Одна тысячная остается потому, что систему лихорадит по формуле, которую я описал выше. Но, скорее всего, И.Ю.Юргенс этот текст (в котором описан абсолютно допустимый, нужный, но обычно не обсуждаемый и подрываемый любыми обсуждениями феномен back channel) визировал.

Что касается того, что руководители внешнеполитических ведомств США и РФ обиделись друг на друга и перестали общаться, то это... это даже не Кашенко. США – полноценная ядерная сверхдержава. То есть и ядерная сверхдержава, и сверхдержава во всех других смыслах этого слова. РФ – увы, не сверхдержава во всех других смыслах слова. Но РФ – ядерная сверхдержава №2. Ну, а раз так... Скажу грубо, но чтобы все поняли и перестали «гнать пургу»: если бы Буш тихим голосом сказал Райс; что она должна отжаться Лаврову, то, вопреки самым разным несовместимостям, она бы это немедленно сделала со счастливой улыбкой на лице.

Итак, мы ГОВОРИМ «обиделись», а ПОДРАЗУМЕВАЕМ нечто другое. Что Юргенс решал задачи в режиме back channel. Что за задачи? И почему «засвечивается» back channel?

Западу нужна «перестройка-2»! Поверьте мне, в США это обсуждают достаточно откровенно и на очень высоком уровне.

Сначала разминочки, расшаркивания. А потом...

Ну, а потом предложат: ИЛИ-ИЛИ.

ПредложАТ? Или уже предлагаЮТ?

Чехов предупреждал: мир гибнет из-за мелочей.

Назовем мелочью №1 текст Юргенса, который мы начали обсуждать. И обратим внимание еще на один фрагмент этого текста, касающийся плана-2020, плана развития, с обсуждения которого я начал свой философско-аналитический марафон. Тогда, когда я начал это обсуждение, данный план назывался «планом Путина-Медведева». Что теперь?

Ростовский: И все-таки не придется ли теперь положить под сукно амбициозную путинскую (вы читать умеете? путинскую, а не путинско-медведевскую, в этом суть. – С.К.) программу модернизации России – план-2020?

Юргенс: В любой трудной ситуации очень важно ставить перед собой амбициозные задачи. Если все вокруг «кризис, кризис, кризис» и хороших перспектив не видно, это психологически самоубийственно. План-2020 – хорошая политическая цель, которую снимать нельзя. Но...

Подруга моя – девочка хорошая, но...

Юргенс: ...но вот все контрольные цифры снимать нужно (цифры, являющиеся содержанием плана-2020. – С.К.). Они сейчас выглядят наивными. Уж слишком поменялась окружающая реальность.

Ну, вот... Хорошая подруга, но «пробы ставить негде»! Сначала похлопывания по плечу, потом это «но...» – и тут же нокаутирующий апперкот. Сказать, что цифры надо снимать, а план оставлять, – это нокаут.

Итак, мелочь №1 – это текст Юргенса, начиненный подобного рода перлами, часть которых мы обсудили, а часть еще собираемся обсудить.

Мелочь №2. 28 октября 2008 года «Независимая газета» (как мы помним, газета К.Ремчукова) публикует статью Э.Билевской и А.Самариной «У президента своя "Стратегия"». Утверждается, что «на днях» Д.Медведев подписал указ о создании Совета по вопросам развития информационного общества. Совет должен возглавить бывший руководитель Минкомсвязи Леонид Рейман. Задача Совета – представить на рассмотрение главы государства доработанную редакцию «Стратегии-2030».

Факт или сплетня? Скорее всего, факт. Но даже если сплетня – и что? Сплетня – это факт информационной войны. Авторитетная газета сообщает об указе и... И «разводит»: «Деятели науки побоялись, что те, кто запишется в разработку инициированной президентом «Стратегии-2030», попадут в черный список премьера, занимающегося реализацией «Стратегии-2020»» (слова приписываются авторитетному неназванному окол властному источнику, что придает им особый вес).

«Разводка» осуществляется 28 октября. А 27-го...

27 октября 2008 года проходит заседание правительства РФ под руководством В.Путина, посвященное не чему-нибудь, а (в существенной части, как минимум) именно плану-2020, который так специфически охарактеризован сначала (22 октября) в интервью Ростовского и Юргенса, а потом (28 октября) в статье «У президента своя "Стратегия"».

Случайные совпадения? А то, что сначала Ремчуков, а потом Юргенс говорят о реформистской оттепели и борьбе с контрреформистскими силами, это тоже случайное совпадение?

Мелочь №3 называется «игра вокруг изменения даты оглашения президентского Послания». Сообщая читателю только информацию, опубликованную серьезными источниками.

15 октября 2008 года Д.Медведев заявил на заседании президентского совета по науке, что оглашение Послания Федеральному собранию состоится достаточно скоро.

Газета «Ведомости» сообщала: за неделю до намеченного срока сотрудники администрации президента неофициально оповестили сенаторов, депутатов и правительственных чиновников, что оглашение состоится 23 октября.

20 октября, поданным газеты «Коммерсант», правительственным чиновникам класса А (в том числе вице-преьерам) были разосланы официальные приглашения на 23 октября. Приглашенные скорректировали свои графики, а заседание правительства было перенесено с 23 на 27 октября.

21 октября выступление президента было отложено на неопределенный срок. Пресс-секретарь Медведева Н.Тимакова сообщила «Коммерсанту», что «президент лично редактирует послание, ежедневно вносит в него коррективы в связи с меняющейся ситуацией в мире».

Что в мире произошло такого в ночь с 20 на 21 октября, что до произошедшего нужен был один текст Послания, а после произошедшего – другой, при том, что Д.Медведев не собирался говорить о мировом кризисе? Но и внутри мирового кризиса ничего за одну ночь не произошло. Так стремительно могут разворачиваться только внутривластные события (борьба окол властных групп, конфликты другого рода). 23 октября Послание не прозвучало.

Но в тот же день Д.Медведев выступил с записью в видеоблоге. Если он решил в корне переработать Послание в связи с новой ситуацией, то зачем выступление в видеоблоге? Уважаю Интернет. Но Д.Медведев не президент интернет-сообщества, а президент России. Противопоставлять «обынтернеченный» электорат «необынтернеченному» более чем опасно. Если до выступления на видеоблоге часть журналистов еще считала, что в отмене зачитания Послания нет политической интриги, то после выступления на видеоблоге все сказали: «Интрига есть».

27 октября первый вице-премьер И.Шувалов заявил журналистам, что президент занимается Посланием лично, а огласит, «когда оно будет в таком виде, что он сможет его представить Федеральному собранию».

К 27 октября, если верить И.Шувалову, Послание не было в таком виде, что его можно было представить Федеральному собранию. Тем более оно не было в таком виде 20 октября. Но 20 октября его решили представить. А 21-го отменили

решение...

Есть в стране кризис или нет... Не хочу здесь это обсуждать. Но то, что страна на нервах, всем очевидно. И зачем тогда фальстарт, усугубляющий нервотрепку?

Для справки: в период президентства Путина был случай, когда оглашение Послания было отложено на один день – в 2007 году из-за похорон Б.Н.Ельцина.

29 октября пресс-служба президента РФ официально сообщила, что Послание будет оглашено 5 ноября.

Уверен, что президент РФ Д. Медведев выступит 5 ноября с убедительным Посланием, отвечающим содержанию нынешней ситуации и перспективам на будущее.

Но произошедший сбой тянет на еще одну, вполне автономную и небезопасную мелочь. Особенно с учетом того, как именно этот сбой обсуждается. А не обсуждаться ведь он не может.

Мы уже рассмотрели разводку «Независимой газеты» (от 28 октября 2008 года): мол, «ученые боятся» впутываться в конфликт и так далее.

А вот что та же газета говорит в тот же день по поводу рассматриваемого нами сбоя (И.Родин, «Послание–2008: два в одном»):

«...Как сообщают разнообразные источники на Охотном Ряду, Медведев отказался от организации соответствующего мероприятия на прошлой неделе исключительно потому, что его не устроил состав разработчиков документа. Якобы не все медведевские люди получили допуск к подготовке текста Послания, а потому президент вроде как и отверг его в целом».

А кто формировал состав разработчиков документа? Не Медведев? А кто? Ведь это уже не разводка одних ученых с другими и одной программы с другой (а также политических субъектов). Теперь газета утверждает, что президент Медведев несубъектен (не контролирует состав спичрайтеров и интеллектуальных консультантов, допущенных к подготовке его ГЛАВНОГО документа)! Что он в последний момент (почему в последний?) обнаруживает, что кого-то не допустил и, и потому отменяет объявленное выступление в условиях, которые ну уж никак нельзя назвать безмятежными.

Я мог бы перечислять другие мелочи. И я хочу верить, что все эти мелочи в итоге не обернутся никакими дополнительными нагрузками на политическую систему, находящуюся в весьма специфическом состоянии. Но не обратить на мелочи внимание было бы аналитически непростительным.

В общем контексте перечисленных «мелочей» интервью (а я так считаю, что манифест) И.Юргенса, согласитесь, требует особого внимания. А ну, как политический процесс и впрямь переходит из ламинарного в турбулентное состояние?

Еще раз сказав «да не будет так!», займемся более тщательным рассмотрением высказываний лица, отрекомендованного как «близкого государю-императору», лица, явно желающего быть провозвестником реформаторства.

Что ж, история российских реформ весьма поучительна. И при реальных императорах были близкие к ним реформаторски настроенные особы. Одна из ярчайших – Сперанский. Не хочу проводить никаких параллелей. Хочу лишь сказать, что «государь-император» – это «государь-император». А «лицо близкое» – это всего лишь «лицо, близкое», и не более. Оговорив же это, займусь не лицами (близкими и не очень), а процессами. Конкретно – теми биениями между реформами и контрреформами, которые мы уже обсуждали, и которые кое-кто (прежде всего, А.Янов) пытается выдавать за циклы российской истории.

Никогда – подчеркну еще раз – реформизм не оформлялся при действующем, сохраняющем позиции контрреформаторе. А значит – либо все как-то и впрямь рассосется, во что хочется верить (но зачем такое накапливать?), либо эксцесс будет больше, чем когда бы то ни было. И включать он будет в себя все сразу: разоблачение культа личности, антипартийных групп, возврат к чистоте ленинизма (прошу прощения – ельцинизма), реабилитацию жертв репрессий, разрядку международной напряженности... если тут еще и покаяние–2... тогда с приветом от перестройки. Второй и последней.

Еще раз подчеркну: Я НЕ ГОВОРЮ, ЧТО ТАК БУДЕТ, Я ГОВОРЮ, ЧТО ТАК НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ. ЧТО СТРАНА ЭТОГО НЕ ВЫДЕРЖИТ. НЕ ТОЛЬКО ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА, НО И СТРАНА.

Глава XII. Медведев: от избрания до Послания – запись в полевом дневнике, 12 ноября 2008 года

4 ноября 2008 года Барак Хусейн Обама стал президентом США.

5 ноября 2008 года президент РФ Д.Медведев выступил с очень важным Посланием Федеральному собранию.

7 ноября 2008 года М.Ходорковский опубликовал явным образом альтернативный Посланию Медведева манифест.

Начну с Послания Медведева.

Оно состоит из трех равновеликих частей. Одна – внешнеполитическая. В ней заявлена позиция, которую я уже охарактеризовал как «И+» («равняюсь» – в терминологии М.Ростовского).

Другая – внутривнутриполитическая. В ней заявлена позиция «И–» («мирно», в терминологии М.Ростовского).

Есть еще и третья, практическая, часть (на какой срок кого будем выбирать и так далее). Об этом – потом. А сейчас о главном. О том, как Д.Медведев понимает, кто мы такие (в моей терминологии – «И–»). И как он понимает, что мы будем с «ними» делать, если «они» нас тронут (в моей терминологии – «И+»).

Проще всего сказать: «Поддерживаю «И+» (решительность в отпоре «их» посягательству на наши национальные интересы) и не поддерживаю «И–» (уподобление «нас» «им» в вопросе о ценностях)».

Но в том-то и дело, что нет двух разных «И», а есть уже описанное мною биение:

$$I = I_0 * \frac{\sin \omega t^2}{t - t_k}$$

Мы И бросаем «им» жесткий конкретный вызов («И+», оно же «равняюсь»), И столь же жестко деисторисофизуемся

(«И—», оно же «мирно»). Что такое деисториософизация? Это констатация того, что «мы» являемся субъектом, который порочным образом хотел быть историософской альтернативой «им», но в последние пятнадцать лет образумился и стал «им» ускоренно уподобляться. Признаем это и капитулируем перед «ними»? ОТНЮДЬ!

Деисториософизуясь («И—»), мы одновременно наращиваем резкость нашего отпора («их») попыткам нас умалить («И+»).

Тем самым деисториософизация не позволяет нам вести с «ними» холодную войну (ведь нет расхождения ценностей и идеалов), но отнюдь не исключает (а в чем-то даже предполагает) возможность ведения войны горячей в качестве ответа на ущемление «ими» наших интересов.

«И+», предъявленное в Послании Д.Медведева, уже вызвало беспрецедентный международный скандал. Как гражданин страны и представитель определенного течения в общественно-политической мысли, я полностью поддерживаю президента в этом самом «И+». Но с деисториософизацией-то как быть? «И+», «И—», «И—», «И+»... Биения...

Медведевское «И+» слагается из оценки США как амбициозно-агрессивного зарвавшегося субъекта и предложений по осаживанию наглеца, предписывающего что-то остальному миру. Для осаживания наглеца (в случае, если он будет наглеть) президент РФ предлагает вполне конкретные и очень жесткие меры. Мы воздерживаемся (в этом случае) от снятия с боевого дежурства трех полков ракетной дивизии, дислоцированной в Козельске. Для нейтрализации американской системы ПРО мы (опять-таки в этом случае) развертываем в Калининградской области ракетный комплекс «Искандер». А также предусматриваем использование в этих целях ресурса ВМФ России. С территории Калининградской области мы (вновь лишь в этом случае) будем осуществлять радиоэлектронное подавление новых объектов системы ПРО США. Ну, а теперь об «И—».

Вот как характеризует президент Д.Медведев соотношение между новой и старой Россией:

«В России на протяжении веков господствовал культ государства и мнимой мудрости административного аппарата. А отдельный человек с его правами и свободами, личными интересами и проблемами воспринимался в лучшем случае как средство, а в худшем – как помеха для укрепления государственного могущества. Повторю, так было на протяжении веков. И хотел бы привести слова Петра Столыпина, который говорил: "Прежде всего, надлежит создать гражданина, и, когда задача эта будет осуществлена, гражданственность сама воцарится на Руси. Сперва гражданин, а потом гражданственность. А у нас обыкновенно проповедают наоборот"».

Возникает сразу несколько вопросов (точнее, «вопросительных замечаний»).

Вопрос №1. Сказать, что в России на протяжении веков ГОСПОДСТВОВАЛ некий нехороший культ государства, можно, только если где-то этот культ НЕ ГОСПОДСТВОВАЛ. Где? Ежу ясно, что на Западе. Не в Китае же и не в Африке.

Вопрос №2. Утверждение о том, что на Западе на протяжении веков господствовал хороший культ, а в России плохой, оригинально? Никойм образом. Это классическое западническое либеральное утверждение о порочном культе государственности в России. Только начни цитировать предтеч – и окажется, что вполне патристичный лидер попадает в совсем чужую ему компанию. Включающую много кого – вплоть до В.И.Новодворской.

Вопрос №3. Что такое порочный культ государства и мнимой мудрости административного аппарата? Это ведь не гидропоника (культ отдельно, народ отдельно). На гидропонике не продержаться и года. А тут столетия. Да какие! Создается огромное государство, побеждающее Наполеона и Гитлера... Нет уж – или-или.

Или есть сверхсложная историософски обусловленная система (наша судьба, наше предназначение, наша миссия, наконец), выковыривать из которой негативы бессмысленно. Система, ценная вообще и особо ценная в условиях формирующегося всемирного тупика... Или... или мы историософские банкроты, поклонники порочного многовекового культа государственности. Но тогда все по Чаадаеву... Мы прискорбный урок для человечества, ходячее историософское заблуждение. Со всеми, так сказать, вытекающими...

Заблуждение – штука страшная. Породило оно в нас, упорствующих столетиями, социальные, культурные и прочие ПАТОЛОГЕМЫ, от которых теперь избавляться надо.

ТАКОЕ ИЗБАВЛЕНИЕ И ЕСТЬ ДЕИСТОРИОСОФИЗАЦИЯ.

Вопрос №4. Но заблуждение-то откуда взялось? Для одних (мягких деисториософизаторов) его навязали нам чужаки, заразившие нас этой тяжелой болезнью. Для других (жестких деисториософизаторов) народец наш – монстр. И нечего на чужаков пенять (кстати, раз речь идет о столетиях, то чужаки, как понимаем, самые разные).

Демократия для монстра? Для тяжелого больного? Помилуйте! Деисториософизация с демократией несовместима. Как несовместима она и с духовным суверенитетом. Суверенитет чего? Историософского заблуждения? А как без духовного суверенитета отстаивать политический?

Ссылается наш президент на Столыпина. А кто такой Столыпин? Непорочный министр в порочном государстве, исповедующем порочный культ?

Кстати, приведенная Д.Медведевым фраза Столыпина адресует к весьма проблематичному и совершенно антидемократическому (а не наоборот) методу – социальному конструированию. Сначала царизм, передоверившись русскому Бонапарту, позволит ему сконструировать гражданина (читай – кулака), потом передаст вожжи в руки Бонапарта (Петра Аркадьевича), а потом... будет суп с котом. Возможно, демократическим.

Французский Бонапарт преуспел потому, что, в отличие от Столыпина, опирался на восходящий исторический поток, рожденный Французской революцией. И граждан он не конструировал, а получил в качестве исторического дара. Со Сталиным было то же самое. Петр I – вот пример российского успешного социального конструирования. Но Петр не проклинал столетия культа государства, а возвел этот культ в бесконечную степень. И потому его революция сверху стала революцией развития. Только потому!

Есть государство, и оно сверху хочет создать граждан. До конца лояльный гражданин – это просто подданный. Значит, нужен не вполне лояльный гражданин. А что значит не вполне лояльный? В нем нет нового исторического всеобщего содержания, которое есть у гражданина, совершающего великую революцию. У «гражданина для революции» есть и абсолютная нелояльность к наличному государству, и «нечастная» страсть, сулящая новое государство. А вот у гражданина,

конструируемого сверху, такой «нечастной» страсти нет. У него есть страсть только «частная» – в ней он чуть-чуть не подданный, за счет нее он не вполне лоялен, но не более того. Так вот именно «частная» страсть, страсть-ублюдок, как раз и достаточна для того, чтобы старое государство разрушить, а новое не создать.

Столыпин – охранитель, а Петр – революционер на троне. Петр мог разбудить большую страсть и одновременно по-крупному усмирить ее, приумножая культ государства. Столыпин был просто охранителем. И потому мог разбудить только «частную» страсть, недостаточную для нового государственного строительства. Да он о нем и не мечтал. Когда же оказалось, что мелкая страсть чревата понятным чем, его отозвали. А Горбачева не отозвали. И разбуженная им «частная» страсть пошла вразнос.

Рецепт очистительной революция сверху – большая страсть и готовность резко усиливать, а не ослаблять культ государства. Тогда революция сверху может быть революцией развития. В любом другом случае – это перестройка, то есть деструкция. Революция снизу, неся в себе большую страсть, рождает настоящего Бонапарта и не приводит к деструкции.

А эта верхушечная игра в условного гражданина... Она опаснее всего.

Ельцин ведь тоже, озверев от бюрократизации, поиграл под конец в «гражданина-олигарха» (других граждан бывший секретарь обкома не обнаружил). Но понял абсолютную разрушительность этой игры и для государства, и для себя лично. Так появился Путин, укрепивший условный квазибонапартизм, рожденный Ельциным в 1993 году. Подлинным бонапартизмом тот бонапартизм не стал. Да и путинский тоже. Исторической страсти на это не хватило. Всего-то ведь был в основе взбудораженный Горбачевым квазигражданский, частно-мелкотравчатый контингент.

Революция сверху как апелляция к большой, отнюдь не частной, страсти своего актива – и резкое укрепление государственности. Или это – или «перестройка-2».

Вопрос №5. Д.Медведев говорит о СТОЛЕТИЯХ этого самого порочного культа? За это уцепятся. Когда конкретно возобладали порочный культ? При каком царе? Порочно царство? Империя?

Если империя, то День народного Единства – это день фактического зачатия романовской империи. И что мы празднуем? А если царство... В любом случае – поверьте опытным людям – власти не поздоровится. Медведеву же в первую очередь.

Вопрос №6. Д.Медведев одновременно с утверждением, которое я развернуто анализирую, заявил (цитата): *«Наш народ духовно и нравственно богат. Нам есть, чем гордиться, есть, что любить»*.

Полностью солидаризируюсь с этим утверждением. Но нельзя проводить деисториософизацию («И–») и говорить о духовном богатстве народа («И+»). Ведь в этом случае неминуем вопрос: ЧЕМ духовно и нравственно богат народ, создавший порочный культ государства и сформированный этим порочным культом? Очевидное отсутствие ответа на подобный вопрос породит серьезные политические последствия.

Вопрос №7. Д.Медведев, говоря об ужасе культа государства, господствовавшего на протяжении веков, ПРОТИВОПОСТАВЛЯЕТ, И ИМЕННО ПРОТИВОПОСТАВЛЯЕТ, этому ужасу СТАРОГО государства, благодать государства НОВОГО. Мы имели порочный культ на протяжении веков, и (цитата) *«ПОЭТОМУ принятие в 1993 году Основного закона, провозгласившего высшей ценностью человека, его жизнь, его права и собственность, стало беспрецедентным событием в истории российской нации»*.

Вы понимаете? БЕСПРЕЦЕДЕНТНЫМ СОБЫТИЕМ!

За всю нашу тысячелетнюю историю самое беспрецедентно позитивное – это ельцинская Конституция! Меньше всего хочу дискредитировать нынешнюю Конституцию. Не хватало только добить еще и ее. Но чем выше ее возносят, тем для нее это опаснее. Даже не хочу подробно рассуждать, почему. Это так очевидно. Покажут пальбу по Белому дому, референдум «да-да-нет-да» и спросят: «Это то беспрецедентно позитивное, что противостоит предшествующему историософскому заблуждению?»

Вопрос №8. На минутку предположим, что мы и впрямь перешли в 1993 году историософскую черту (чего, безусловно, не было) и разорвали на бумаге (Конституция – это разрыв на бумаге) с порочным культом, господствовавшим столетиями. Как должен был бы оформляться переход от разрыва на бумаге к разрыву на деле?

Порочная практика, осуществляемая столетиями, не может выкорчевываться даже самым умным и судьбоносным правовым документом.

Мало Конституции, нужен субъект, который день за днем, месяц за месяцем, год за годом будет выкорчевывать вьевшуюся в плоть и кровь порочную практику. Субъект этот должен существовать автономно от государства и как некая его антитеза. Ну, так – представьте себе – и возник подобный субъект в 90-е годы. Его можно назвать «граждане-олигархи». Ельцин за этих граждан ухватился в 1996 году, поняв, что бюрократия пробуксовывает. А граждане-олигархи принялись выкорчевывать порочный культ государственности – вместе с самой государственностью. И очень лихо.

Довыкорчевывались до катастрофического государственного кризиса 1998–1999 годов. Окончательный триумф граждан-олигархов означал очередной развал страны. Путин этого не допустил. И стал корчевать корчевателей. Государство было спасено, а выкорчевываемый гражданами порочный культ... При Путине бюрократия (которую уничтожить можно только вместе с государством) усилилась, ее реальные антагонисты (олигархия и криминалитет) признали это усиление и стали играть по новым правилам.

Культ, знаете ли, не Конституцией руководствуется. Вы ему хучь американскую, хучь французскую. А уж ельцинскую... «А Вася слушает да ест». И что прикажете делать? Бюрократию снова уничтожать? Как? Вместе с государством? Культ снова выкорчевывать – чьими руками? Граждане-олигархов? Тех самых, которых Путин приструнил? «У меня для вас других выкорчевывателей нэт». А эти выкорчевывают прежде всего государство, а уж потом какой-то там культ. Им государство распиливать надо, а не на культ размениваться. И распиливать его им надо побыстрее.

Совершенно согласен с президентом Медведевым в том, что государство – это средство и только средство. Вопрос лишь – чье средство и средство чего.

Государство – это средство, с помощью которого народ длит и развивает свое историческое предназначение. Где

деисториософизация – там нет исторического предназначения, а значит, нет и народа. Но чье тогда средство государство? И средство чего?

Д.Медведев отвечает: *«Сильное государство и всеильная бюрократия – это не одно и то же. Первое нужно гражданскому обществу как инструмент развития и поддержания порядка. Для защиты и укрепления демократических институтов. Вторая – смертельно опасна для него»* (по тексту понятно, что гражданского общества. – С.К.).

Итак, государство – это средство, находящееся в руках гражданского общества и используемое им...

Но Кремль не Высшая школа экономики. И не РГГУ. Пусть они грезят, а Кремлю надо что-то делать с «классом 0,5», иначе он с Кремлем что-нибудь сделает.

Что же касается гражданина...

Гражданин – понятие, меняющееся в зависимости от исторической эпохи. Есть гражданин античного полиса. Так он без рабов ни при, ни ну. Сообщество граждан античного полиса – это гражданское общество? А кто рабы?

Существует представление, сформировавшееся в XVIII-XIX веках, согласно которому есть государство и гражданское общество как сфера, охватывающая все многообразие социальных связей, лежащих между индивидом и государством. Но ведь еще надо знать, каково это многообразие. И что оно думает насчет государства. Мы передадим ему в руки государство – и что оно с ним будет делать? А ну как срочно распиливать? И почему это оно должно что-то делать с государством, а не государство с ним? Гегель, Например, считал, что государство должно руководить гражданским обществом, а не наоборот.

А еще есть представление о гражданском обществе как совокупности всех сообществ. Общества любителей рыбной ловли и эсперанто будут использовать государство для обеспечения порядка и развития в условиях дебиюкратизации и деисториософизации? «И+», потом «И-», потом «И-» и так далее.

Аристотель, Локк, Фергюсон, Мэдисон и так далее – все понимали гражданское общество по-своему. Для Мэдисона гражданское общество – гарантия от тирании (в нашем контексте читайте – от тирании Медведева). Для Локка гражданское общество – это система неприродных сообществ (семья – это для него природное сообщество, а вот другие сообщества – это политическое, гражданское общество).

Все это хорошо для умного разговора и не имеет отношения к реальной политике. Что же имеет отношение? То, что для **ОЧЕНЬ КОНКРЕТНЫХ И ВЕСЬМА ВЛИЯТЕЛЬНЫХ СИЛ** гражданское общество – это антагонист государства и его могильщик. Причем эти, повторяю, **ОЧЕНЬ КОНКРЕТНЫЕ И ВЕСЬМА ВЛИЯТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ** интересуют не любое государство, а государство, представляющее опасность. И, соответственно, они (Сорос прежде всего, но не только) вплотную занимают гражданским обществом.

Но, может быть, гражданское общество следует вырвать из их рук и передать в руки подлинных ревнителей государства? Внимательный исторический анализ показывает, что только в очень специфичной англосаксонской культуре, от которой мы особо далеки, выработаны какие-то (тончайшие и деликатнейшие) механизмы сотрудничества государства и гражданского общества. Причем в критической ситуации эти механизмы ломаются.

В любой другой культуре гражданское общество – это или фантом, или враг государства. Не бюрократии, а государства. И в этом смысле инструмент в очень определенных руках. И в чем такая ценность этого самого гражданского общества? Ведь соответствующий контингент пытается доказать, что без гражданского общества страна существовать не может, и ссылается на всю мудрость мира, которая якобы солидарна в этом вопросе. На самом деле никакой такой солидарности нет и в помине.

Для Канта гражданское общество – это этап в движении к «обществу граждан мира». Для Гегеля гражданское общество – момент в историческом развитии, который уже преодолен (снят) в форме прусского государства. Маркс считал, что гражданское общество – это буржуазия, и только. А использование государства гражданским обществом как своего средства – это просто обнажение классовой природы явления, то есть того, что государство в эпоху буржуазии – это государство, которое служит интересам буржуазии. Он, кстати, имел для этого не только лингвистические основания (burgerlich – это и «буржуазный», и «гражданский»).

Сейчас все в большей степени становится ясно, что Маркс был прав.

Но бог с ними, с Марксом, Кантом, Гегелем, Мэдисоном, Локком и Аристотелем. Это все теория, практикой будет Сорос. Д.Медведев в других местах своего Послания говорит Соросу и оранжевым «щип», а тут... «И+», «И-», «И-», «И+».

«Burgerlich»? Ради бога! Если нашему «burgerlich» как классу нужно государство в качестве средства самоутверждения в мире, если оно ему нужно дозарезу, если оно любимо им, то пусть оно его делает и им пользуется. Но это как суп из топора. Нельзя сделать государство (никакое вообще, а сильное и великое тем более), не выполнив сотни условий. При том, что на сегодняшний день в России не выполнено ни одно из этих условий. И Послание Медведева, увы, не приближает нас к пониманию того, будут ли условия выполнены и что для этого сделает власть. Ответственная отнюдь не только перед «burgerlich», не правда ли?

Государь (не государь-император, по М.Ростовскому, а просто законно избранный глава государства) не может передать государство в качестве средства «классу 0,5». Он может либо создать другой класс, либо отделить этот класс от государства. Так что мы делаем с капитализмом в России?

Мы преобразуем «0,5» во что-то другое? Мы отсекаем от совокупного «burgerlich» его нездоровую часть, она же «0,5»? Мы предельно дистанцируем «0,5» от государства? Или мы, как считает Юргенс, подчиняем государство интересам «0,5»?

Но тогда при чем тут «Искандеры» в Калининградской области??? А главное, что мы все-таки делаем? Сейчас, пока еще не поздно?

Дополнительно к уже сказанному берусь с цифрами на руках доказать, что по всем сколько-нибудь реальным критериям в нынешней России гражданское общество системно замещено криминалитетом. Власть, называя бюрократию смертельным врагом **ОТСУТСТВУЮЩЕГО** (и – что еще хуже – **СИСТЕМНО ЗАМЕЩАЕМОГО КРИМИНАЛИТЕТОМ**) гражданского общества, на что обрекает страну?

Д.Медведев говорит, что бюрократия должна помнить свое место и не «кошмарить» бизнес?

Кто-то ждет, что я ему в пику заору: «Должна "кошмарить"! Должна!»? Не дождетесь! Я вовсе не призываю бюрократию «кошмарить» этот самый бизнес. Я хочу знать: это «бизнес 0,5» или другой бизнес? И даже если это «бизнес 0,5», дело не в том, чтобы его «кошмарить», то есть побуждать делиться с «бюрократией 0,5». Дело в том, чтобы решать большую «проблему 0,5», понимая, что, если ты не решишь ее, она порешит тебя.

Решать можно по-разному – мягко, жестко. Всегда желательно решать мягко, но главное – решать эффективно, не прячась от живых мучительнейших проблем в утопию гражданского общества, сооруженную «академишн», чей «несоросовский» настрой надо, извините, еще доказать.

Но разве нет очевидной для всех омерзительной и губительной бюрократическо-воровской оргии?

Есть. Но только бороться с ней надо соразмерно проблеме. А у нас проблема сама по себе, а борьба сама по себе.

Борьба – это когда какое-то семейство Двулучанских (генерала-отца и сына) бичуют за эту самую оргию. Семья и впрямь из госсредств себе добыла кредит, если считать в долларах, почти в 7 миллионов.

А проблема – это когда 130 тысяч семей военнослужащих не получают квартиры. Я не хочу сказать, что квартира стоит миллион долларов. Но даже если она стоит 100 тысяч долларов (а это не так), то кто-то украл 13 миллиардов долларов, а не 7 миллионов. И до тех пор, пока «академишн» будут упражняться в абстрактных этюдах на тему о гражданском обществе, легко превращаемых в конкретные «оранжевые» этюды, 13 миллиардов будут сами по себе, а борьба останется «приколом» по поводу 7 миллионов, то есть 0,05% искомой суммы.

Вор – бюрократия? Да! Надо бороться? Да! Но бороться или «прикалываться»?

Политический подход к реальной борьбе таков.

Класс и народ строят государство.

Фетишизация государства (а о ней, по сути, говорит Д.Медведев в своих порицаниях порочного культа, столетиями господствовавшего у нас) и впрямь означает, что класс как субъект, народ как субстанция, история как Содержание попадают в капкан Формы (то есть бюрократии), освободившейся от своего Содержания, а не выражающей его. Иногда же – и уничтожающей Содержание (превращенная Форма).

Превращение – это когда Минобороны начинает уничтожать оборону, Минобразования – образование и так далее. И это – «кранты».

Что делать власти, если она подобное уловила? Поглаживать по головке превращенную Форму? Ни в коем случае.

Власть, отвечая за Содержание, должна в этом случае адресоваться к субъекту, субстанции и истории – то есть к классу, народу и историческому предназначению (укорененному в традиции, с которой воевать нельзя, плюс устремленному в будущее). В рамках ЭТОЙ адресации МОЖНО преодолевать бюрократическое превращение.

Но на кой ляд тогда в Послании перечеркнули традицию (если столетиями господствовал порочный культ – какая традиция)? И почему нет будущего? Ходорковский лепечет о том, что мы стоим на пороге смены парадигмы мирового развития, и тут же комически саморазоблачается, называя эту смену парадигмальности концом эпохи Рональда Рейгана и Маргарет Тэтчер. Вот уж эпоха-то! Но если бы не этот курьез, то получилось бы, что в Послании о новой исторической эпохе и кризисе как именно ее провозвестнике ни слова, а Ходорковский-то о-го-го! Аж новая парадигма!

На самом деле, и кризис (который сгладится, а потом опять обострится), и многое другое – это начало общемировой катастрофы, являющейся наказанием за распад СССР и метафизические слагаемые этого распада (крах коммунизма как отказ от истории). Это навязанный нам и миру историософский крах. Не преодолеем мы его – миру конец и нам тоже.

Преодолеть – не значит скопировать то, что рухнуло. Но это значит ревальвировать свою историософию, а не девальвировать ее. Деисториософизация – это предельная девальвация. «Искандеры» в качестве «И+» не скомпенсируют такое «И–», а биения к хорошему не приведут. В конце концов, дело же не в том, чтобы любой ценой развязать ядерную войну, а в том, чтобы избежать войны и сохранить Родину. Но в условиях деисториософизации подобное невозможно.

Россия нужна миру не как историософский капитулянт, а как историко-культурная личность, обращенная в будущее. А мы миру... Нате вам, гражданское общество... То бишь бифштекс «0,5» под соусом «оранжи», приготовленный на кухне мистера Сороса.

Преувеличение? Помилуйте! Против России ведется реальная финансовая война. Прочитайте незамысленным взглядом интервью Юргенса и... подымайте брошенную перчатку «0,5». Не прячьтесь в умствования по неуместному гражданскому поводу. Речь идет о политической и социальной стабильности в апреле-мае 2009 года, о судьбе власти, судьбе страны.

Владимир Путин 31 октября на совещании по экономическим вопросам сказал по поводу антикризисных мер: «Все эти меры будут работать только в том случае, если мы перекроем спекулятивный отток капитала из России». Полностью поддерживаю в этом премьер-министра. Но спрашиваю: КАК мы этот поток перекроем? Пресса это путинское высказывание ВИРТУОЗНО проигнорировала, обрезав цитату. Подчеркиваю – ВСЯ пресса (к вопросу о гражданском обществе, «burgerlich» и так далее).

Но как же все-таки перекрывать поток, являющийся, как я уже показал, «поток 0,5»? Это можно делать двумя способами – капитулируя или совсем иначе. Иначе это делал не только Сталин, но и Рузвельт. И мы точно знаем, как. По беспощадности методы перекрытия были вполне сопоставимы во сталинскими. Они были изящнее, но не более того.

Ну, хорошо, ни Сталин, ни Рузвельт нам не урок. Но перекрывать-то как-то надо! И вот Юргенс предлагает перекрыть этот «поток 0,5», капитулируя. Это отвратительно и бесперспективно. Мы, затаив дыхание, ждем, что скажет Медведев.

Он, в отличие от Юргенса, не капитулирует (относительно!!!), но и поток не перекрывает. По сути – это равнозначно тому, чтобы открыть загон и кинуть в сонное еще стадо «0,5»... нет, не гранату Ф–1, но солиднейший взрывпакет.

Медведев вытирает ноги о юргенсовские рекомендации (и слава богу). Медведев очень сильно напрягает отношения с Западом (смотри многочисленные отклики на его Послание, сравнимые только с откликами на мюнхенскую речь Путина), – и слава богу. Но что с «0,5»? После такого Послания капиталы «класса 0,5» должны побежать из страны уже не рысью, а галопом.

«The Financial Times» тут же на это реагирует а la Юргенс: «...хотя президент пообещал провести демократические реформы, своей вчерашней речью он стер значительную часть роста на московских рынках ценных бумаг, котировки которых с 24 октября поднялись на 50%. Медведеву стоило бы следить за реакцией рынка, так как появляется все больше уверенности в том, что БРАВАДА РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ окажется сломленной ее слабеющими экономическими позициями».

Эта фраза про бравату, которая будет сломлена, видит бог, достойна самого пристального внимания всего политического руководства страны. Оно ведь не хочет быть сломленным, не правда ли? Или хочет? Но оно БУДЕТ сломлено, если не решить проблемы «0,5» и «150». Рассуждениями о гражданском обществе эти проблемы решить нельзя, их можно только усугубить.

Спросят: «А бюрократия? Она не продаст государство?»

Отвечаю. Бюрократия «0,5» – такая же предательница, как и «олигархия 0,5». Что касается любой обычной – даже грязной – бюрократии, то она, конечно, сгноит государство, но не сразу. И мало ли что за это время подрастет в контрэлите, народном андеграунде. «Ты что предпочитаешь – сразу умереть или помучиться?», – спрашивает в известном фильме Абдулла Сухова. «Лучше помучиться», – отвечает Сухов. И если мы верим, что наш народ – это все же Сухов (а не дистрофик, которого и впрямь гуманней убить сразу, чем долго мучить), то мы ответим как Сухов. Я, по крайней мере, отвечаю так.

Мои американские респонденты предупреждают: вопрос о полном освобождении России от ядерного оружия обсуждается людьми Обамы гораздо более оживленно, чем людьми Буша. Этот вопрос уже ставился в повестку дня нашей «гражданственной» антибюрократической олигархией предпутинской и раннепутинской эпохи. Называлась даже цена, за которую эта олигархия готова «слить термояд» (помнится, речь шла о сотнях миллиардов долларов). Вернуться к такому решению – мечта люмпен-олигархии. И она будет искать поддержки у иного люмпена, многоликого и многочисленного. Все, кто по другую сторону, должны быть вместе.

Не бюрократия против граждан и не граждане против бюрократии, а контрэлита и народ против люмпен-олигархии, люмпен-бюрократии и прочего люмпена – вот главный лозунг эпохи.

В таких условиях правильная апелляция к ценностям решает все. И что же?

Возьмите любую ценность, предъявленную в Послании Д. Медведева. И спросите себя: «С чего тот, кто всерьез воспримет именно эти ценности, станет отказываться от проекта "Россия как новый Техас в составе США"?»

Честность судов, ответственность руководителей, политическое равноправие... Все это энергично заявлено, от души. И... вполне совместимо с вышеназванным проектом. А дальше... как будто кто-то к каждому энергичному заявлению о приоритете частного над общим в полусне дописывает: а еще народ, а еще нация...

«Хочу, чтобы У МЕНЯ все было хорошо, а еще чтоб и того... нация... Ну, а если не будет нации, так и... Частное-то все-таки главное».

Частное должно возобладать над общим? И ТОГДА появится гражданин? ТОГДА гражданин умрет. Гражданин – это только тот, для кого общее важнее частного. Тот, кто без этого общего (Родина, исторический смысл), обладая любым частным, сойдет с ума или повесится. Вот такой гражданин и будет защищать Родину. Но он не подпишется под ценности, в которых что Россия, что новый Техас в составе США.

Семейные ценности... Любовь и верность, унд «burgertte», унд К.Собчак на гостелевидении. Кто-то, наверное, поверил Локку? Решил, что семья относится к природному состоянию? Не верьте, семья не прайд.

*Коротенький обрывок рода –
Два-три звена, – и уж ясны
Заветы темной старины...*

(А. Блок)

Есть эти соединенные два-три звена – есть заветы и есть семья. Сочетаемо ли соединение звеньев с деисториософизацией? Конечно, нет.

Глава XIII. «Буратино» – запись в полевом дневнике, 19 ноября 2008 года

Есть ценности, несовместимые с потерей суверенитета (в первом приближении – ценности гражданина).

И есть ценности, совместимые с потерей суверенитета (в первом приближении – ценности обывателя).

Пример ценности, совместимой с потерей суверенитета: бедная женщина, живущая в древней Галлии, страстно любит своего ребенка. Цезарь завоевывает Галлию. Геноцида не устраивает. Бедная галльская женщина может так же страстно любить своего ребенка, подчиняясь власти Цезаря. Жить ей при Цезаре никак не хуже (было – хуже некуда), а в чем-то и лучше (гнет верхов становится более упорядоченным)...

Историософия – она и только она – формирует ценности, несовместимые с потерей суверенитета. А деисториософизация разрушает эти ценности. И гипертрофирует другие, совместимые с потерей суверенитета (они же – общечеловеческие ценности, к которым постоянно апеллировал М.С.Горбачев в ходе перестройки).

Защищать суверенитет, опираясь на ценности, совместимые с потерей суверенитета, нельзя.

В Послании Д.Медведева упомянуто много таких ценностей. Какие же ценности, несовместимые с потерей суверенитета, там упомянуты?

Патриотизм.

В Послании сказано: «При самом трезвом, критическом взгляде на отечественную историю и на наше далеко не

идеальное настоящее, в любых обстоятельствах, всегда – вера в Россию, глубокая привязанность к родному краю, к нашей великой культуре».

Сказанное обладает тонкой структурой, каждый элемент которой должен быть проверен на совместимость (или несовместимость) с потерей суверенитета.

Элемент №1 – ПРИВЯЗАННОСТЬ К РОДНОМУ КРАЮ.

*То березка, то рябина,
Куст ракиты над рекой:
Край родной, навек любимый,
Где найдешь еще такой?*

Элемент №2 – ПРИВЯЗАННОСТЬ К НАШЕЙ ВЕЛИКОЙ КУЛЬТУРЕ.

Привязанность... В песне о березке и рябине сказано о любви, причем о любви навек! О привязанности к супруге – когда говорят? Когда признается в качестве слишком уж очевидного обстоятельства отсутствие любви как сильного и горячего чувства. Но надо оговорить наличие какого-то другого чувства – более слабого и холодного. Его-то и называют привязанностью, не правда ли?

Но предположим даже, что к краю и к нашей великой культуре не привязаны, что их любят навек. Ну, есть у вас сильное и страстное чувство по отношению к природе (Цветаева про куст рябины писала), языку, культуре...

Но для формирования ценностей, несовместимых с потерей суверенитета, нужно такое же чувство, имеющее другой адресат. Нужна любовь к исторической личности.

Давайте все же признаем очевидное: люди, влюбленные в родную природу и родную культуру, шли под гитлеровскими знаменами, понимая, что Россия не будет суверенна под властью Гитлера. А почему они шли под этими знаменами? Потому что, любя природу и культуру, они ненавидели историческую личность – «Совдепию». Эмиграция раскололась по отношению к исторической личности. Те, кто хотел спасти свою любовь к исторической личности, а не к природе, культуре и языку, начали искать в Октябрьской революции великий исторический смысл. И, найдя его, тут же стали отстаивать суверенитет новой России, ибо за новой – есть вечная. Это они стали кричать: «Руки прочь от России – пусть и красной! Все равно это бесконечно любимая историческая личность, по сути, та же личность! Великий смысл остался!»

А другие? Другие сказали, что смысл «был да сплыл». Что можно любить язык, природу, культуру, а эту новую историческую личность можно лишь ненавидеть и презирать.

Эти другие, противопоставившие свое отношение к исторической личности отношению к культуре, природе и языку, отстаивать суверенитет новой России сразу же отказались!

Я даже не хочу обсуждать, кто хорош, кто плох. Я только хочу показать, ЧТО формирует ценности, несовместимые с потерей суверенитета. Эти ценности формирует только любовь к исторической личности (иначе – историософская страсть). А все остальные типы любви, и уж тем более привязанности, этих ценностей не формируют.

Но ведь в исследуемом высказывании Д.Медведева упомянута и история! А как она упомянута?

Элемент №3 – ПРИ САМОМ ТРЕЗВОМ, КРИТИЧЕСКОМ ВЗГЛЯДЕ НА ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ИСТОРИЮ... Трезвость, критичность к своей истории – это хорошие качества. Но предпишите их фламандцам. Пусть они трезво и критично относятся к своим героям, боровшимся за спасение страны. К тем же гезам, например, чей подвиг олицетворяет Тиль Уленшпигель. Фламандцы в целом очень трезвы и критичны. Но вряд ли они последуют рекомендации о трезвом критическом взгляде на героев гезов. А почему не последуют? Потому что понимают, что трезвый и критический взгляд, как минимум, со второй половины XX века (а то и ранее) является инструментом дегероизации – и только. И рекомендуется тем, кто должен вместе с героизацией уничтожить и свою историческую идентичность.

Французы, которые тоже трезвы и критичны, не будут эти свои свойства мобилизовывать по отношению к Жанне д'Арк. Причем в точности по той же причине. И это многократно обсуждалось в ходе внутрифранцузских историософских полемик.

На своем опыте мы знаем, что трезвость и критичность рекомендовано применять по отношению к определенным субъектам, прецедентам, тенденциям. По отношению же к другим рекомендовано этого не применять. Или применять прямо противоположное. Рассмотрение данной избирательности (кого надо трезво критиковать, а кого не надо) доказывает, что рекомендуемые избавляют нас от исторического как такового. А также от всего, что с этим историческим связано. То есть от ценностей, **НЕСОВМЕСТИМЫХ С ПОТЕРЕЙ СУВЕРЕНИТЕТА**.

Ведь ценности, несовместимые с потерей суверенитета, и вдохновляемые этими ценностями герои (Тиль Уленшпигель, Жанна д'Арк и так далее) формируются только на основе трепета перед историей, а не трезвого и критичного взгляда на нее. Этим определяется «этос» – благоговение перед историософски обусловленными святынями родной земли. Все ценности, несовместимые с потерей суверенитета, обусловлены этосом. И вне его не существуют. А трезвый, критический взгляд...

Как-то так у нас повелось в последние десятилетия, что где трезвость и критический взгляд – там перестройка. То есть разрушение этоса. Сказали «трезвость и критический взгляд» – и понеслось: покаяние, переименование улиц, фильм «Адмирал» etc.

Иноземцы ухмыляются: «Не понимаете, что такое этос, трезвейте и "окритичнивайтесь" и дальше. Но – под властью Цезаря. А почему бы нет? Он даже поможет вам развить вашу трезвость и вашу критичность. Конечно же, не по отношению к Цезарю».

Элемент №4 – ВЕРА В РОССИЮ.

Опять «И-И». И трезвость с критичностью, И вера.

Вера в Россию рекомендована была Тютчевым. Так он сначала трезвость с критичностью проблематизировал («умом Россию не понять»), а потом сказал о вере («в Россию можно только верить»).

Для меня бесспорно то, что нужно верить в Россию. Но верить в Россию можно только историософски. «Мы попробуем любовью», – писал Тютчев, противопоставляя Бисмарку (с его «железом и кровью») НАШ историософский принцип симфонии, положенный в основу НАШЕЙ государственности. Нельзя верить в Россию и производить деисториософизацию. Нельзя верить в Россию и рекомендовать только критичность и трезвость (рацио).

НЕЛЬЗЯ сочетать в одном высказывании элементы, заряженные прямо противоположной смысловой энергией.

Да, постмодернизм пренебрегает таким НЕЛЬЗЯ. Но за счет чего? За счет выхолащивания смысловой энергии вообще и соединения «освобожденных» от нее элементов по принципу так называемых склеек.

Склейте из кусков всего, что окажется под рукой, бугафорский меч... Пока вам надо этим мечом размахивать на представлении – что склеенный меч, что выкованный. А когда надо воевать? А ведь скоро будет так надо, что дальше некуда. И что тогда произойдет с постмодернистским мечом, склеенным из несочетаемых друг с другом осколков?

В Послании говорится: «*Основу нашей политики должна составить идеология, в центре которой – человек*».

Это впечатляло... неискушенную публику в 1988 году. Теперь неискушенные Посланий не читают. Что же касается искушенных, то они подразделяются на тяготеющих к публицистике (мой российский «далекий собрат по разуму» А.Пионтковский, например) и тяготеющих к научному подходу (мои зарубежные «далекие братья по разуму» из Сорбонны, Гарварда, Оксфорда и других мест).

Тяготеющие к публицистике, услышав об идеологии, в центре которой человек, окажут: «Все чукчи знают этого человека».

Тяготеющие к научному подходу тонко и деликатно улыбнутся. И промолчат. С их точки зрения (которую я, кстати, не разделяю), идеология умерла в 80-е годы XX века, и ей на смену пришла политическая антропология, которая доводит до предела человекоцентричность любого мировоззрения.

Но ведь и в идеологиях человекоцентричность наличествовала – с незапамятных времен до нашего времени. Коммунисты говорили: «Все во имя человека, все для блага человека». Но имели в виду определенного человека («Ты же советский человек!») – кричит комиссар Мересьеву). Новый человек и новый гуманизм у коммунистов... Сверхчеловек и антигуманизм у фашистов... В центре любой идеологии – человек (чему б еще быть в центре-то?). Вопрос – какой именно?

КАКОЙ ЧЕЛОВЕК НАХОДИТСЯ В ОСНОВЕ ИДЕОЛОГИИ, К КОТОРОЙ АПЕЛЛИРУЕТ ПОСЛАНИЕ Д.МЕДВЕДЕВА? Это человек, чьи ценности несовместимы с потерей суверенитета? Это человек, чьи ценности совместимы с потерей суверенитета? Это ТАКОЙ человек, каковым его сделала личная сопричастность нашей истории? Или это ДРУГОЙ человек, каковым его делает продолжающаяся деисториософизация?

Вот строчки из стихов покидающего Россию Бродского:

*Вези меня по родине, такси.
Как будто бы я адрес забываю.
В умолкшие поля меня неси.
Я, знаешь ли, с отчизны выбываю.
Как будто бы я адрес позабыл:
К окошку запотевшему приникну
И над рекой, которую любил,
Я расплачусь и лодочника крикну.
(Все кончено. Теперь я не спешу.
Езжай назад спокойно, ради Бога.
Я в небо погляжу и подышу
Холодным ветром берега другого.)*

Бродский не Тютчев. Но и для него таксист, подвозящий к КПП, за которым – эмиграция, несет «в умолкшие поля» (в Аид). Бродский понимает, что ему предуготованы в эмиграции успех, признание, безопасность, комфорт. И – превращение в ДРУГОГО человека.

За то, чтобы не оказаться в «умолкших полях», а остаться на Родине, МОЖНО терпеть лишения и гибнуть. Это не значит, что ты ХОЧЕШЬ терпеть лишения и гибнуть. ХОЧЕШЬ ты, конечно же, преуспевать и жить. Но когда тебе предложат «ИЛИ-ИЛИ» и ты в сердце своем по-настоящему переживешь коллизию «умолкших полей» и лодочника, то ты, возможно, выберешь Родину. А главное – ты тогда ТАКОЙ, а не ДРУГОЙ человек (к вопросу о том, что в центре идеологии, КАКОЙ человек).

Мой дед, и не он один, сделал свой выбор и погиб на Родине в 1937 году. А другие представители его класса сделали другой выбор. За что я их никоим образом не упрекаю. Но они, сделав другой историософский выбор, стали ДРУГИМИ. Не говорю – плохими. ДРУГИМИ. Как это видно по потомкам белоэмигрантов! И крестятся, и русский язык безупречен, и в русскую культуру влюблены ... А уже ДРУГИЕ.

Кстати, у англичанина, преподающего русскую культуру в Оксфорде, со знанием нашего языка и нашей культуры тоже все в порядке. Может, и его назовем патриотом России?

Турбулентность, о которой я предупреждал, уже налицо. Не за горами момент, когда небрежное отношение к историософскому, если оно не будет преодолено (хотя я на это преодоление продолжаю надеяться), подорвет союз власти со всеми, кто готов выстаивать, опираясь на ценности, несовместимые с потерей суверенитета, и на историософию, единственно порождающую такие ценности.

А те, кто не готов выстаивать («население 150» и «элита 0,5»), власть будут сносить вместе с государством – «оранжевым» или иным образом. Занимаясь деисториософизацией и противопоставляя «глупым и жестоким» ценностям, несовместимым с

потерей суверенитета, «умные и добрые» ценности, совместимые с этой потерей (к вопросу о Цезаре и галльской женщине).

Нас, приверженных ценностям, несовместимым с потерей суверенитета, нас, не желающих потерять свое право быть ТАКИМИ, какими нас сформировала наша великая история (не бывает великой культуры без великой истории), ОЧЕНЬ много. Мы ОЧЕНЬ разные. А еще – мы слабы, разрозненны, дезориентированы, травмированы. Но это не значит, что нас НЕТ. Мы ЕСТЬ. Мы ЕСТЬ, поскольку ЕСТЬ Родина. Но и Родина ЕСТЬ, поскольку ЕСТЬ мы.

Пока остается на данной территории сообщество тех, кто хочет быть ТАКИМИ людьми, какими это им предписано их историческим смыслом, их историософией, – до тех пор, повторяю, здесь будет и армия, и все остальное. И никто сюда не сунется. А как только этот социальный массив испарится (в том числе и с помощью деисториософизации) – испарится и все остальное. Государство, власть, политическая система, олигархия, бюрократия – все.

Я верю, что в душе президент Медведев все понимает правильно. Но я не о душе – о Послании.

Политическая борьба 2009–2015 годов отделит зерна от плевел, булат от стекла, дробимого кризисом, людей, имеющих ценности, несовместимые с потерей суверенитета, от людей, чьи ценности прекрасно совмещаются с потерей оного.

Патриотизм как ценность? Я помню, кто и как издевался над этой ценностью в 1988 году и поносил меня за то, что я тогда назвал себя патриотом. Потом патриотами стали все, кто меня третировал. Я постоянно вижу их лица на телеэкране.

«Слаб человек»? Согласен. Но человек, который слаб, хорош, куда всё «в шоколаде». А поелику «шоколад» тую-тую, человек этот... Он как от слабости своей вдруг СТАЛ патриотом, так (от этой же слабости) и ПЕРЕСТАНЕТ им быть. Погодите совсем немного, и вы получите по этому поводу самые наглядные доказательства.

Я обещал, завершая марафон, обсудить еще Обаму, кризис и манифест Ходорковского.

Ходорковский сначала сделал стратегическую заявку («кризис – это смена парадигмы»), но тут же заявку провалил (парадигма – это «тэтчеризм-рейганизм»). Смешно...

Кризис и впрямь тянет на смену парадигмы. Смена эта произойдет не в один день. Но не исключено, что на нее уйдет всего лишь 6–8 лет. Обычно парадигмы менялись многими десятилетиями, но и такая длина переходного периода воспринималась как катастрофический скачок. А тут...

Да, кризис парадигмален. Но не потому, что отменяется «тэтчеризм-рейганизм», а потому, что не отменяются законы капитализма. Всеобщие кризисы капитализма – не выдумка. После двух первых всеобщих кризисов были мировые войны. Которые и выводили из кризисов. Других способов вывести из всеобщего кризиса капитализм не знает. В условиях кризиса подешеветь должно все, кроме собрания сочинений К. Маркса. Потому что все происходит строго по Марксу. Презирали Маркса, презирали... Допрезирались.

А еще кризис парадигмален потому, что исчезла дуальность мира. У капитализма нет «альтер эго» (им были СССР и мировая коммунистическая система). А капитализм без «альтер эго» – это та еще штука. Скоро и Ремчуков с Юргенсом поймут, какая именно.

Парадигмальность парадигмальности рознь. Есть такое понятие «ранг». Формационная парадигмальность имеет высокий ранг. Но более высокий ранг – у парадигмальности мегапроектной. Кризис, по существу, подводит черту под всей эпохой Модерна и спрашивает человечество: «У вас есть, чем этот Модерн заменить? Не Постмодерном же!» Нет ответа? Наступает великое удушье. Всемирный «бобок».

Но и мегапроектная парадигмальность – не наивысшая.

Наивысшая же по своему рангу парадигмальность кризиса адресует к человеческому роду как таковому. К его барьерам и тупикам. Мы и впрямь приближаемся к барьеру, по своей непреодолимости и чудовищности равному барьеру между палеолитом и неолитом. Технологический рост, несовместимый с антропологической консервацией, играет тут очень важную роль... Да и многое другое.

В Послании Медведева смене парадигм вообще места не нашлось. Скажут, что и в Посланиях Путина ничего такого не было. Да, но и В РЕАЛЬНОСТИ (к которой текст все же должен иметь отношение) не было при Путине явлено того, что явлено сейчас. Мы предупреждали, что это будет явлено. И к этому надо готовиться, Но от предупреждений отмахивались, говоря, что всё «в шоколаде». Теперь же отмахнуться невозможно!

Кроме того, Послания Путина всегда были (причем сознательно) прагматичны донельзя. А Медведев-то от прагматичности ушел. А к «парадигматичности» (когда-то доклады генсеков съезду КПСС не случайно начинались с «содержания всемирно-исторической эпохи») не пришел.

И ясно, почему. Потому, что все еще работает изношенная, дышащая на ладан стратегическая формула «И-И» (И западничество, И патриотизм). Согласно этой формуле, определять содержание всемирно-исторической эпохи должна цитадель западничества. И всем понятно, что за цитадель. Ну, вот теперь в цитадели этой – Обама. Пиарщику кажется остроумным приурочить Послание президента РФ к избранию Обамы. Но мало «приурочиться». Надо еще и соотнестись.

Барак Хусейн Обама – это сложнейшее уравнение со многими неизвестными... Культ племени луо, к которому принадлежал дедушка... Сопричастность исламу деда, отца и отчима... Значение негритянской теологии освобождения в Объединенной Церкви Христа Джереми Райта, от которой так мучительно отрешивался в ходе президентской кампании Обама... Параллели между Линкольном и Обамой, а также между Джоном Брауном («Джон Браун пал на поле боя»), от которого как бы открестился Линкольн, и Джереми Райтом, от которого как бы открестился Обама... Русский язык, изучавшийся отцом и матерью Обамы... Не вполне ordinaria, не чуждая истеблишменту белая бабушка... Колумбийский университет, в который поступил Обама... Его сенсационная, беспрецедентная по сути для афроамериканца карьера в Гарварде, предполагающая специфические каналы вертикальной мобильности... Внутренний круг Обамы, включающий не только стратега Дэвида Аксельрода и менеджера Дэвида Плутфа, которых Обама публично благодарил, но и Валери Джаррет, Роберта Гиббса, чикагских экономистов (Остена Гулсби и Джеффри Либмана), Сьюзен Райс (будет у нас новая Райс), а также легенду ЦРУ Джона Бреннана, вне понимания роли которого разговор об Обаме бессмыслен. И о котором говорить будут меньше всего.

А тут еще и вице-президент Джозеф Байден, по сути, главный организатор бомбардировок Сербии... Старая клинтоновская гвардия... Збигнев Бжезинский и его молодая поросль... Предупреждения Байдена и Комиссии по оборонному бизнесу о том, что Обаме вскоре после начала правления предстоит столкнуться с кризисом (возможно, имеющим отношение к России)... Заявление Обамы о том, что русские «демонстрируют поведение зла (evil behaviour)», сделанное в ответ на вопрос Тома Броку, является ли Россия при Владимире Путине «империей зла»... Место, где это было сказано (Нэшвилл, штат Теннесси – это все равно, как если бы Медведев сделал подобное заявление по поводу США в «атомном» Сарове)... Не чуждый созданию кризиса Пол Волкер, который теперь – при Обаме – от кризиса должен спасать...

Приурочили Послание к избранию Обамы? СООТНОСИТЕСЬ! А это ведь более чем непросто. Потому что феномен Обамы донельзя проблематизирует формулу «И-И». Сковывающую и Путина, и Медведева ничуть не меньше, чем мировой кризис.

Почему проблематизирует?

Во-первых, потому, что Обама, понимающий, что ему придется иметь дело с беспрецедентными вызовами, апеллирует в своих выступлениях перед американцами ПРЕЖДЕ ВСЕГО К ИДЕАЛЬНОМУ. Не к Идеальному НАРЯДУ с чем-то другим. И не ТОЛЬКО к Идеальному. А именно ПРЕЖДЕ ВСЕГО К ИДЕАЛЬНОМУ.

Во-вторых, потому, что в отличие от Послания Д.Медведева, апелляции Обамы посвящены ценностям, несовместимым с потерей суверенитета, – то есть американскому историософскому Идеальному. Обама, зная, что предстоит мобилизация (жертвы, затягивание поясов и так далее), как бы говорит: «Американцы, мы же с вами народ Иакова!»

Итак, «обамизм» – это новый вызов. Приурочиться к нему легко. Соотнестись с ним трудно. Ибо это не просто новый вызов. Это новый системный стратегический вызов. Каковы же слагаемые вызова?

№1 – идеология. Это слагаемое мы только что обсудили.

№2 – геополитика. При Буше Европа, США и ислам были порознь. Теперь они могут (и даже должны) оказаться вместе. Вместе – против кого? А ну как против России? Близкий к Обаме Бжезинский прямо говорит именно об этом.

№3 – экономика. Ведь чаще всего американским демократам (представляющим не только Уолл-стрит, но и обрабатывающую промышленность), в отличие от американских республиканцев (представляющих не только ВПК, но и нефтяников), НУЖНЫ НИЗКИЕ ЦЕНЫ НА НЕФТЬ. Кризис сам по себе понижает эти цены, но их понижение еще и нужно победившим американским демократам.

Между тем высокие цены на нефть и отсутствие консолидированного (американо-европейско-исламского) международного давления на Россию – это два немаловажных условия, при которых могла существовать предыдущая (путинско-бушевская) система.

№4 – историософия. Обама ведь и впрямь назвал поведение России «поведением зла»... А это... Это в устах демократа звучит более эксцентрично, чем в устах республиканца Рейгана. Нет ни коммунизма, ни СССР, а это есть. Да еще и, повторяю, в демократическом исполнении.

№5 – психология. Обама – это еще и новизна личности. А когда новизна личности помножена на новизну ситуации (то бишь кризис), то грань между объективным и субъективным размывается. Кризис всегда обостряет конфликты. Ресурсов меньше – аппетиты все те же. Кто «облизнется» на чьи ресурсы? И как будет прокладывать себе к ним дорогу?

№6 – политика как таковая. В избрании Обамы есть один-единственный КОНКРЕТНЫЙ смысл, ПРЯМО касающийся внутренней политики России.

Приди к власти республиканец (желательно такой, как Буш, то есть не «заточенный» специально на Россию, но даже и любой, вплоть до Маккейна), что бы это нам подарило? Большее или меньшее наращивание холодной войны... Что само по себе не страшно. Да, специфические объективные обстоятельства в сочетании с субъективной заданностью (которая в случае Маккейна была очевидна) сулили еще и возможность перерастания холодной войны в горячую. Но столь ли велика была эта возможность?

А вот избрание демократа вообще (и Обамы в частности) знаменует собой не разрядку, как это кому-то хотелось бы, а оттепель, перерастающую в перестройку. Причем на фоне новой внешнеполитической конфигурации, кризиса и снижения цен на нефть. От нас ждут не избавления от зол («чекистского» или иного), а 1991-го или 1993 года. То есть или развала страны, или паралича власти за счет конфликта дуумвиров... и опять же развала страны.

Ничего другого от нас не ждут! Беда же в том, что слишком многие считают, что ждут другого – белого и пушистого. Эти ожидания другого опасны больше, чем холодная война. Выстоять в новых условиях можно. Но только по модели Иакова.

Обама использует эту модель для США. А мы... В последний раз даю слово И.Юргенсу, успевшему за это время несколько раз выступить, в том числе и в «The New Times» (замечу: А.Н.Яковлев у В.И.Новодворской в газете не выступал).

Юргенс: «С одной стороны, как призывал Бухарин, обогащайся. А с другой – иди в русле коллективной воли и покажи всем вокруг величие. Но величие заключается в миссии. А какую именно миссию мы сейчас несем?»

«Принцесса, вы так наивны, что можете сказать совершенно страшные вещи», – говорили придворные дамы из сказки Е.Шварца. Именно так наивны наш «класс 0,5» и его идеологи. Обама и Аксельрод американцам про миссию, а наш «класс 0,5» и его идеологи русским про Бухарина (с восхваления которого, как мы помним, началась «перестройка-1»).

Хуже всего, что Юргенс кое в чем прав. И пора сказать, в чем же именно.

За период с 1991 по 2008 год в России сформировался некий ПОРЯДОК ВЕЩЕЙ. Этот (скажем так, существенно бжезинский и даже антиидеальный) ПОРЯДОК ВЕЩЕЙ устраивает как власть, так и подавляющее большинство населения. Этот ПОРЯДОК – уникален. И – не случаен. Его создание является плодом многолетних дерзновенных усилий всего господствующего капиталистического класса планеты.

Поясню. Страх этого господствующего класса перед коммунистической революцией был огромен. Но, к чести класса, страх не парализовал, а мобилизовал класс, причем в неслыханной степени.

Мобилизация была всесторонней – в том числе интеллектуальной. В поисках лекарства от коммунистической революции

капиталистический класс не высмеивал и не сжигал на кострах, а штудировал Маркса. И понял, что Маркс прав. Что история неминуемо отменит господство класса капиталистов так же, как отменяла господство других классов. А на смену господству класса капиталистов придет или господство других классов, или нечто совсем новое.

Поняв этот исторический рок (а понять его класс мог только осмыслив Маркса), класс не спасовал, не подчинился року, а стал искать способ сохранения своего классового господства.

Способ, как ни странно, был подсказан самим Марксом (а в еще большей степени Гегелем). Если история отменяет господство класса, то класс, желающий сохранить господство, может сделать только одно – ОТМЕНИТЬ ИСТОРИЮ.

Ни египетские жрецы, ни Платон, ни контрреформаторы Средневековья не могли осуществить проект под названием «отмена истории». Они могли мечтать об этом и мечтали, но не более того. А вот капиталистический класс, вооружившись Марксом и принципиально новыми возможностями, предоставленными ему историческим развитием, уже мог и выдвинуть, и осуществить такой неслыханно амбициозный проект.

Гуманитарные технологии – не мелочь. Это оружие страшнее ядерного или химического. Если человека можно, как Буратино, обстругать под некоторый (в принципе неважно даже, какой) ПОРЯДОК ВЕЩЕЙ, то этот ПОРЯДОК ВЕЩЕЙ будет поддержан всем сообществом обструганных буратино. Гуманитарные технологии, отвечая на заказ господствующего класса капиталистов, сказали классу:

«Обстругать можно. В XIX веке было еще нельзя, в первой половине XX-го было еще нельзя. А теперь – можно, но... Но это будет фундаментально деисториософизированный человек. Человек, из которого вытравлено все историческое. Этот человек будет бороться за место в ПОРЯДКЕ ВЕЩЕЙ и не посягать на порядок как таковой. Но он не сможет развиваться. Вытравливая из него все историческое, мы вытравим из него имеющийся в нем «развиватель» – орган развития, механизм развития, мускул развития. Человек будет находиться в гомеостазе с ПОРЯДКОМ ВЕЩЕЙ.

Вы можете нам задать параметры ПОРЯДКА ВЕЩЕЙ. Мы выстругаем Буратино под заданные параметры. Но это будет Буратино. Он будет счастлив. Но он не сможет ни развиваться, ни развивать (и даже поддерживать) ПОРЯДОК ВЕЩЕЙ. Симбиоз Буратино и Буратинии будет основан на контристорическом проседании. Мы сможем управлять скоростью этого проседания. Но превратить проседание в развитие мы уже не сможем.

Вы заказчики – решайте, нужно это или нет. Это будет называться... ну, неважно, например, потребительское общество. Главное тут не общество, а человек. Если можно выстругать потребителя под потребительское общество как ПОРЯДОК ВЕЩЕЙ – история прекращается. И по вашему заказу мы ее прекратим, если вам это нужно. Но вы должны понимать последствия».

Класс, к которому пришли «буратинизаторы», задумался. И согласился на частичную «буратинизацию» нужных ему стран первого мира, где было надо любой ценой погасить «огонь истории».

В этих странах он согласился, повторяю, лишь на частичную «буратинизацию». Но ему очень хотелось понять, что такое «буратинизация» полная, тотальная. Для этого нужно было провести эксперимент в отдельно взятой стране. Причем именно той, где пылал ненавистный классу «огонь истории», угрожающий классовому господству. То есть в СССР.

Сюда-то класс и направил «буратинизаторов». И сказал им: «Тут обстругивайте Буратино полностью. И так, чтобы эти буратино навсегда возлюбили Буратинию и гнили с нею вместе, опускаясь сколь угодно низко и с любой скоростью».

«Буратинизаторы» отработали. Ошалев от масштаба задания и предоставленных средств, они сначала чуть-чуть поныли: «Ах, ох, трудно быть богом! Надо же, хищные вещи века! Не может быть! Факультет ненужных вещей!» Но, поныв, они засучили рукава. И обстругали так, что дальше некуда. ПОРЯДОК ВЕЩЕЙ опирается на Буратино, Буратино поддерживает ПОРЯДОК ВЕЩЕЙ.

«Буратинизаторы»... Они же регрессоры... Социокультурный шок, карнавализация, архаизация, культ карго... Много стружек – и Буратино. Довольный предоставленными возможностями и тогда, когда они велики, и тогда, когда они так себе, и тогда, когда они «скуднее скудного». Ибо и тогда ведь – дешевый алкоголь, наркотики, отсутствие принуждения к труду, криминальная вольница, приобщение к низкой, но праздничности.

ПОРЯДОК ВЕЩЕЙ... Никто из наших оппозиционеров (ни Зюганов, ни Лимонов, ни скинхеды, ни белые монархисты – НИКТО) не посягает всерьез на этот, устраивающий столь многих, ПОРЯДОК ВЕЩЕЙ.

И уж тем более на него не посягает власть, которой абсолютно непонятно:

- а) что плохого в этом порядке вещей,
- б) как на него можно посягнуть,
- в) чем его можно заменить,
- г) зачем его на что-то заменять, если и так хорошо (точнее, если только так и хорошо).

Но при чем тут тогда развитие? Поддерживая этот ПОРЯДОК ВЕЩЕЙ, мы должны признать, что в центре идеологической надстройки, освящающей этот базис, ЭТОТ человек, по имени Буратино. Причем, чтобы этот человек оставался Буратино, его надо все время подстругивать.

Власть хочет разместить пять «и», от «интеллекта» до «инноваций», в этом ПОРЯДКЕ ВЕЩЕЙ и в порожденном ПОРЯДКОМ ВЕЩЕЙ человеческом материале? Но это невозможно.

Власть мыслит пять «и» как добавку к наличествующему: Буратино скушает пищевую добавку «2020» или «2030», и у него будет больше жира «пять "и"»? Но пять «и» – это не нагуливаемый жирок.

Где есть Буратино, там нет пяти «и». А где есть пять «и», там нет Буратино.

Буратино деисториософизирован. Потому они Буратино. А где деисториософизация, там нет ценностей, несовместимых с потерей суверенитета. Точнее, эти ценности валяются на полу в виде стружек. А где нет ценностей, несовместимых с потерей суверенитета, – там нет суверенитета. Причем никакого суверенитета – ни духовного, ни политического.

Если нет ни развития, ни ценностей, несовместимых с потерей суверенитета, какое государство, какая власть и так далее? Властвовать над Буратино легко. Но как побудить Буратино мобилизоваться для защиты отсутствующих у него ценностей,

несовместимых с потерей суверенитета? А значит, и всего остального. В том числе, между прочим, и власти.

Путин, Медведев, вся наша актуальная элита, в которой немало умных и совестливых людей, упорно отказываются признать очевидное.

Что И Буратино, И развитие не вытанцовываются. ИЛИ Буратино, ИЛИ развитие. Человек, находящийся в симбиозе с существующим ПОРЯДКОМ ВЕЩЕЙ и реализующий пять «и» (и уж тем более опережающее развитие), возможен в той же степени, что и гордый папуасский космонавт, первым прилетающий на Марс или Альфу Центавра.

Буратино создает Буратинию. Но и Буратиния достругивает Буратино. Приглядитесь к обоюдоострому процессу. Буратино делают – стружки летят.

Специалисты по развитию – с чего начинают? С помещения в центр идеологии человека, способного к развитию. Любому развитию! А уж если речь идет об опережающем развитии, тогда... Тогда совершенно особое значение придается эмоциям, стимулирующим развитие, иерархии потребностей (хотя бы по Маслоу, но желательно потоньше и посовременнее), трансцендирующему началу, устройству очагов развития в человеческом мозге, управлению целеполаганием. Все понимают, что в основе лежит смысл, экзистенциальное беспокойство. А если «ноты обструганному» и без этого хорошо... если он выструган под это «хорошо»... если он день и ночь говорит это «хорошо» в интонации престарелого генсека Черненко, опускающего бюллетень в урну («хорошо-о-о...»)... Тогда какое развитие (если ему ТАК хорошо-о-о)?

ИЛИ-ИЛИ... ИЛИ преодоление «буратинизации» (глубочайшая посттравматическая реабилитация, широкий комплекс восстановительных социокультурных программ и т.д.)... ИЛИ... Или это «хорошо-о-о...». И симбиоз «хорошиста» с «хорошизмом», Буратино с Буратинией, абсолютно губительный для государства, политической системы, народа. Симбиоз и задуманный для того, чтобы все сгноить... А потом еще сгноить гной... И в итоге возвести гной в бесконечную степень.

ОПЕРЕЖАЮЩЕЕ РАЗВИТИЕ?

Что в «2020» и «2030» от опережения? Какое отношение модернизация имеет к опережению? В каком социальном и культурном смысле следует говорить об опережении? ОПЕРЕЖЕНИИ ЧЕГО? КОГО? Мировых лидеров? Но они потому и лидеры, что побежали по своему историческому пути.

Как минимум, опережение означает, что либо у нас будет своя «Калифорния–2020», до которой в США если додумаются, то лет на 50 позже, либо... либо у нас будет нечто такое, чего у США никогда не будет. Нечто, определяемое нашей траекторией исторического движения. Но тогда это даже не опережение, а нечто большее. Предположим, что мы уже знаем, что у них тупик, знаем, как выйти из тупика и вывести из него человечество, идем сами этим путем и выводим других... Вам это ничего не напоминает?

МЕЖДУ ПРОЧИМ, ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ОТ НАС ДО СИХ ПОР ЖДЕТ ТОЛЬКО ЭТОГО И НИЧЕГО ДРУГОГО. А МЫ ПРЕДЪЯВЛЯЕМ ЕМУ ОБСТРУГАННОЕ И СТРУЖКИ.

Для кого-то Буратино – это метафора?

А аномия по Дюркгейму (болезнь ценностей, все ее признаки налицо) – для вас тоже метафора? Люди, оптимистически обсуждающие какую-то модернизацию, что стали бы делать на Западе, если бы их спросили: «А сочетается ли модернизация с аномией»? Но эти лжеоптимисты отлично понимают, что они не на Западе. Эти высоколобые прогрессивные эксперты-модернизаторы, порицающие «совок» (в котором человек, способный к развитию, очевидным образом был – просто по факту), сами ведут себя как в анекдоте брежневской эпохи:

«Уважаемый товарищ... Чаушеску!» – «Леня, Герек это, Герек!» – «Уважаемый товарищ... Чаушеску!» – «Да Герек же, Леня, Герек!» – «Сам вижу, что Герек, но тут написано "Чаушеску"!»

Вот и эксперты наши... «Сам вижу, что аномия. Но пишу – инициативный актор новой модернизации!»... «Сам вижу, что Буратино. Но пишу...» Ох, допишется! Не к добру все это. И не ко времени.

В Послании говорится: «Наши цели неизменны».

Мало сказать «неизменны». Надо сказать, в чем цели.

Демократические институты, частная собственность, политические свободы – это не цели. Вот, например, опережающее развитие – это цель. Но тогда все остальное – средства. А средства не могут быть неизменными. Вы идете к «Граду на холме». Путь преграждает река. Вы садитесь в лодку. Вы же не скажете, что неизменно будете идти только пешком и никак иначе!

Так что же, цель – поддержание ПОРЯДКА ВЕЩЕЙ? Но предъявление в качестве цели поддержания любого ПОРЯДКА ВЕЩЕЙ, как мы понимаем, до крайности проблематизирует развитие. Если цель – гомеостаз, то какое развитие? А если цель – поддержание того ПОРЯДКА ВЕЩЕЙ, который я описал и назвал Буратинией, то она СОВСЕМ несовместима с развитием. И абсолютно тождественна его антитезе. То есть регрессу.

Кроме того, есть «наши цели» и «их». А ну, как мы скажем, что наши цели неизменны, а они изменяют цели? Например, они отменяют капитализм, а мы его продолжим лелеять... говоря о неизменности целей... Но это тогда будет точь-в-точь «капитализм в отдельно взятой стране». То есть автаркия. Однако ведь в Послании-то утверждается, что «мы давно сделали свой выбор в пользу глубокой интеграции в мировое хозяйство». Сделав такой выбор, мы не можем говорить о неизменности наших целей, не правда ли? Ибо наши цели уже предопределены целями тех, кто управляет мировым хозяйством...

Или мы решили, что мы управляем мировым хозяйством? Решить-то, конечно, можно все, что угодно. Если оторваться от реальности. Но вряд ли стоит так от нее отрываться. Тем более рекомендуя трезвый и критический подход к своему прошлому. Наверно, и к настоящему нужен тоже такой подход?

Уже не только Сорос, но и Гринспен проклял тот «рынок, который привел к нынешней экономической катастрофе. Что же касается демократии, то все мы понимаем: она не панацея, а нечто вторичное по отношению к господствующему классу. Класс держит рамку, без которой демократия не существует. Без рамки так называемая полноценная политическая борьба (а какая без нее демократия?) – это не гарантия от ошибок, а разрушительная самоубийственная грызня.

Демократия «0,5»? Демократия «0,5 плюс 150»? Да-да, и кризис в придачу. За два месяца съедено более 20% имеющихся

резервов... Самое время для демократии.

Или кто-то считает, что демократия – это народовластие?

Для народовластия нужен народ. Для гражданского общества – граждане.

Буратино – это ультрапотребитель, «потребоман» (богатый, бедный, неважно). «Потребоман» – это антигражданин. Сделать государство средством для «потребомана» в условиях сжимающегося потребления – это политический и государственный суицид.

Давайте попытаемся лучше преодолеть синдром Буратино или хотя бы прекратить этого Буратино обстругивать и дальше (причем наигубительнейшим, наиболее противоречащим всему происходящему, ультрапотребительским образом).

Приятно, конечно же, стругать Буратино и кокетливо восклицать: «Трудно быть богом!» Но история создателей големов повествует о том, что подобные кокетливые восклицания, обрываясь, переходят в вопль ужаса, исторгаемый создателями, на которых эти големы набрасываются.

Пора, пора... Пора, пора, пора... Пора, пора, пора, пора – СПОХВАТИТЬСЯ.

США, Китай, Европа, ислам могут увеличить нагрузку на нашу истлевающую систему. И за счет этого она рухнет быстрее. Обама и кризис могут ускорить обрушение и грозят его ускорить, что, мне кажется, уже для всех очевидно. Но источник тления – УЛЬТРАПОТРЕБИТЕЛЬ, Буратино конца истории.

Брежнев не помешал обстругивать Буратино.

Горбачев призвал Буратино под знамена перестройки и дал ему разрушить страну.

Ельцин ревностно достругивал Буратино, служа его взрослому и алчущему нутру.

Путин попытался соединить Буратино и патриотизм по принципу «И-И».

Новый тип вызовов и угроз подводит черту под этим экспериментом, который (поелику хоть как-то был реабилитирован какой-то патриотизм) я не намерен демонизировать. Но путинское «И-И» очевидным образом в прошлом. Вскоре те, кто будет сносить и Путина, и Медведева (а они на подходе), провозгласят: «Долой патриотизм! Да здравствует освобожденный от его цепей Буратино!»

А мы? Бороться с властью под знаменем «освобожденного Буратино» (а зная, вот увидите, будет таким и только таким) аморально и контрпродуктивно. Фрустрированный кризисом Буратино сожрет и власть, и страну.

Альтернатива этому только в одном. В стратегическом отказе от Буратино. Этот отказ предполагает прекращение «буратинизации», масштабную реабилитацию наших «буратинизированных» сограждан, а также (и это главное) поиск необструганного человеческого материала, способного к развитию и обладающего ценностями, несовместимыми с потерей суверенитета.

Этот материал есть. Он накапливается в российских катакомбах, не принявших чечевичной похлебки. Помочь накоплению и перейти от накопления к структуризации – вот все, что можно и должно делать.

Глава XIV. «Пора, мой друг, пора»

Я предложил читателю в V части исследования начальный развернутый комментарий и десять объемных «тетрадок» из моего полевого интеллектуального дневника.

В этих десяти «тетрадках» содержится большая часть того, что найдено в ходе предыдущего странствия по извилистым путям, задаваемым различного рода политическими высказываниями, касающимися судеб развития. В них осуществляемая аналитика судеб развития превращается в политическую теорию развития. Но судьба развития не может быть ни описана, ни предсказана, ни преодолена на основе одной лишь теории. Если бы я хотел исследовать... ну, не знаю... процесс развития в России и мире... или просто развитие... Тогда, пожалуй, теория была бы тем, что только и надо обрести в ходе странствия по исследовательским маршрутам. Но если речь идет о судьбе, то обрести надо нечто большее – метафизику.

К ней-то я и собираюсь перейти летом 2008 года, уезжая в деревню. Ну, а потом случилось то, что случилось. Случившееся делится на общее («случившееся для всех»), в том числе и для меня, разумеется) и частное (случившееся только со мной, то есть именно со мной и не с кем более). Общее – это зародыш будущих глобальных бедствий, описанный в V части книги. А частное – это сама V часть книги, которой не было бы, не свались нам на голову все то, что слишком явным образом предвещает будущие глобальные бедствия.

V часть порождена прямым вторжением в полусонную реальность командора по имени История. Она не была бы написана, не начали Саакашвили войну в Южной Осетии, не замаяч американский флот в Черном море. Но, имея подобный, сугубо прикладной, генезис, V часть оказалась теоретически продуктивной. Случайность или закономерность? Мне кажется, что закономерность. Причем давно и в каком-то смысле исчерпывающе обнаруженная и описанная Александром Блоком.

Рожденные в года глухие

Пути не помнят своего.

Исследуй сколько хочешь судьбы развития – пока года глухие (а все восемь тучных путинских лет были глухими донельзя), забвение пути обеспечено. А как, не помня пути, не пребывая с ним в непосредственной – почти телесной и уж в любом случае отнюдь не только умственной – связи, понять что-то в судьбах развития? Кончились глухие годы, стала иной по своему качеству память о пути, и – надо же! – даже прикладная аналитика освобожденного от глухоты времени сама собой превращается в теорию, историософию, подлинную аналитику судеб. Ту самую, которую Хайдеггер – напомним еще раз – называл аналитикой Бытия.

Вот бы и ограничиться этой аналитикой Бытия, породившей теорию. Но тот же Хайдеггер (которого уважаю, но не люблю) с непреложной ясностью показал, что Бытия – мало. Есть еще Ничто. И именно оно взыскует не онтологии (для нее Бытия достаточно), не историософии, а метафизику.

В слове «метафизика» читатель привычно улавливает религиозный обертон и спрашивает себя и автора: «А если я светский человек – нужно ли мне все это?»

На самом деле, метафизика вполне может быть светской в случае, если светскость включает в себя представления о Ничто и его особой функции по отношению к Бытию. Был ли Хайдеггер в полном смысле слова религиозен? Светским человеком он, безусловно, не был. Но я не о человеке, а о философе. Был ли религиозен Ницше, сказавший, что Бог умер? Кто их разберет, этих философов, взыскующих последних глубин! Сами они про себя не знают, религиозны они или нет. Религиозны ли как философы... Религиозны ли они как люди – это неважно. Наверное, Кьеркегора можно назвать по преимуществу религиозным философом... Но можно ли быть религиозным философом только по преимуществу? Наверное, Сартра можно назвать почти нерелигиозным философом. Но можно ли быть «почти нерелигиозным» философом?

Религия – это то, что отвергает разного рода «по преимуществу» и «почти». «Всё или ничего», – сказал философ Брандт, герой одноименной поэмы Ибсена. Но был ли этот философ религиозным, да и сам Ибсен? Кроме того, само это высказывание возвращает нас к Ничто. Ибо альтернативой тому, что Брандт называл «всё», он полагает «ничего». Но, может быть, это «ничего» еще весомее, чем «всё»? И не сопричастно ли оно тому Ничто, которое подробно исследовали экзистенциальные философы – как почти религиозные, так и почти нерелигиозные..

«В твоём Ничто я Всё найти сумею», – сказал гетевский Фауст Мефистофелю задолго до того, как Хайдеггер противопоставил Бытию некое не очень проартикулированное Ничто. Но может ли Ничто быть проартикулировано? А если не может, то чем должна заниматься изучающая его метафизика? Если не артикуляцией, то чем?

И каково же светское содержание, вкладываемое в Ничто? Если, конечно, есть такое объективное содержание, если в светской экзистенциальной философии разговоры о Ничто не психологизированы полностью. Ну, а если даже они психологизированы? Что тогда? Тогда вскоре обнаруживается, что Ничто экзистенциалистов и Танатос Фрейда крайне близки друг к другу. Насколько близки? Близки или тождественны?

Уже одни эти вопросы выводят нас на метафизическую тропу, которая отличается от проторенной дороги, по которой идет нормальный исследователь, примерно так, как тропинка в костромском лесу, по которому я блуждал, размышляя о метафизике, – от Ленинского проспекта, по которому я несея, взыскую политических диалогов, после того, как летний отпуск был прерван. Так давайте затормозим, выйдем из комфортной политической машины, комфортной даже в том случае, если она все больше напоминает танк, и пройдем по метафизической тропке.

По понятным (и уже обсужденным выше) причинам мне было нужно разметить путь по метафорическому Ленинскому проспекту реал-политики временными вехами. То есть датировать каждую интеллектуальную тетрадку. Гарантировать аутентичность текста сделанной датировке. А значит – придать излагаемому вид полевого дневника, путевых заметок, делаемых геологом, географом, ботаником, – словом, любым путешественником, «добывающим» артефакты и описывающим оные одновременно с их «добычей».

При переходе на метафизическую тропу мне (опять-таки по вполне понятным причинам) все это абсолютно не нужно.

Но это не значит, что мне не нужен диалоговый метод, с помощью которого я получил на предыдущем этапе все мало-мальски ценные результаты. Я буду продолжать вести диалог с теми или иными – теперь уже не политическими, а в полном смысле слова интеллектуальными – оппонентами. Острота полемики с такими оппонентами не имеет ничего общего с конфронтационностью. А поскольку кому-то может показаться, что это не так, то я не только оговариваю свое отношение к полемике, но и заранее извиняюсь перед всеми оппонентами, дабы не быть заподозренным в наличии каких бы то ни было гносеологических мотиваций к подобному диалогу.

Оговорив это, я мог бы приступить к метафизическому путешествию по узкой и некомфортной тропе, памятуя, что часто тропы эти повисают над бездной и становятся уже волоса и острее лезвия бритвы. Но стоит, пожалуй, все-таки обратить внимание читателя еще на одно, в общем-то весьма очевидное обстоятельство.

Переходя на метафизический этап путешествия, я не отменяю его цель – исследование судеб развития и только развития. Соответственно, метафизика, которой я посвящу следующую часть своей книги, будет метафизикой развития. Диалоговый же режим предполагает выявление подобной метафизики через то, что является ее отрицанием. То есть через обнаружение метафизики, враждебной развитию.

Наверное, метафизику развития можно обсуждать иначе. Но, во-первых, мне лично в принципе неочевидно, что в XXI веке иной формат обсуждения метафизики развития сколь-нибудь продуктивен. А во-вторых, я хочу остаться верен той стихии панполитизма, которая мной изначально заявлена. Если судьба – это политика и мы обсуждаем метафизическое в том, что касается судьбы развития, а не развития вообще, то куда денешься от политики? А где политика – там борьба, где борьба – там враги. Не мои личные, а развития.

Иногда эти враги развития просто отрекомендовываются в качестве таковых.

Иногда же они ничего не говорят о развитии или даже хвалят его, но при этом атакуют нечто, без чего развитие невозможно (ну, например, Историю – какое и впрямь без нее развитие?).

А иногда мои оппоненты говорят вовсе не о развитии, но о чем-то таком, что требует от меня полемического ответа. А ответ этот позволяет что-то дополнительно уточнить в том, что касается искомой нами метафизики развития.

В любом случае – моя полемическая острота носит сугубо исследовательский характер. И является слагаемым исследовательского стиля, не более, но и не менее.

Сделав все необходимые уточнения, я могу выйти из машины. Той самой, на которой мы доехали до конечной точки исследовательского маршрута. Я могу, обнаружив в этой конечной точке сущность по имени «теория», побеседовать с нею и попрощаться. Попрощавшись же, сказать себе «пора, мой друг, пора» – и двинуться в неизвестное по петляющей метафизической тропке.

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...

...На свете счастья нет, но есть покой и воля.

Казалось бы, и прекрасные, и неоспоримые строки Пушкина. Но ведь Блок (любимый мною ничуть не меньше, чем Пушкин) пишет:

И вечный бой! Покой нам только снится...

А гораздо менее любимый мною Булгаков?

Он не заслужил света, он заслужил покой».

Так покой или вечный бой? Снится покой или он фундаментально реален?

НУ, ВОТ.. ТРИ ЦИТАТЫ ИЗ РУССКОЙ КЛАССИКИ – И МЫ УЖЕ ВО ВЛАСТИ МЕТАФИЗИКИ PAR EXCELLENCE, УЖЕ ДВИЖЕМСЯ, СОЙДЯ С ПРОТОРЕННОГО ПУТИ, ПО КОВАРНОЙ И ВО ВСЕ НЕ БЕЗОПАСНОЙ МЕТАФИЗИЧЕСКОЙ ТРОПКЕ.

ЧАСТЬ VI. ВОЙНА С РАЗВИТИЕМ

Глава I. «Скверна» развития

Мы отвлеклись на политически актуальное... Это отвлечение может и помочь, и помешать нам разобраться в проблеме развития. Помочь оно может только в одном-единственном случае: если мы, сохранив метафизическое начало в недрах политически актуального, сумеем теперь, не отрекаясь от политики, высвободить это начало. При таком высвобождении политическая метафизика должна естественным путем превратиться в метафизику развития как такового. Но значит ли это, что мы можем от политически актуального перейти к чему-либо неактуальному?

Ни в коем случае! Если мы, перейдя к метафизике развития как таковой, потеряем «политический нерв», это будет невосполнимой потерей. Выигрыш же мы можем получить, только если:

- во-первых, от политически актуального перейдем не к какой попало метафизике (будь то даже метафизика развития), а к чему-то метафизически актуальному,

- во-вторых, политически актуальное и метафизически актуальное окажется взаимосвязано.

Но может ли быть найдено такое метафизически актуальное содержание? Разве корректно говорить о метафизически актуальном? Совместима ли вообще метафизика и актуальность?

Размышляя об этом, я предъявил определенный счет себе самому. «Вот ты, – сказал я себе, – говоришь, что никто из находящихся на чужом для тебя (ну, скажем так, белом) поле не говорит о развитии. А собственно, почему ты так считаешь? И на основании чего? На основании того, что об этом не говорят высокие чины, что нет соответствующих выступлений по телевидению и разворотов в известных политических изданиях? Но разве это достаточный повод для столь огульного утверждения?»

А если все же что-то есть? Я собрал своих коллег, попросил их сделать мониторинг высказываний на данную тему лиц (не только высокостатусных), принадлежащих к не разделяемой, но уважаемой мной белой идеологии. Причем высказываний – за рамками обычного круга популярных СМИ, ориентированных все-таки на политику.

Собранный урожай вряд ли можно назвать обильным. Однако должен признать, что в очень важной для белой идеологии православной среде давно идет вполне содержательная дискуссия о развитии. Только вот эту дискуссию... то ли не замечают, то ли держат в загашнике. А она, между прочим, очень тонко сопряжена с рядом других метафизических дискуссий, которые вроде бы развития не касаются. И при этом имеют некий специфический обертон, вполне не чуждый всему сразу – и политике, и теории развития.

Но вначале все же о том, как разворачивается православная дискуссия на тему развития. Самую глубокую и содержательную аналитическую разработку я прочел не в политических газетах и политических же журналах, а в «Московском психотерапевтическом журнале» (№3 за 2005 год), где М.Миронова очень внятно разбирает альтернативные подходы к столь важному для нас всех вопросу в своей статье «Категория "развитие" в психологии и христианской антропологии».

М.Миронова очень тактично и одновременно аналитично рассматривает точки зрения, существующие внутри того сообщества православных интеллектуалов, в которое она сама очевидным образом входит. Как психолога, М.Миронову интересует, по ее собственным словам, прежде всего, «проблема переосмысления категории "развитие" в контексте христиански ориентированной психологии». Однако ее аналитика, как мне представляется, важна не только для психологов, но и для всех, кого волнует проблема развития как такового.

Ведь не зря М.Миронова уже в заглавии своей статьи говорит не только о соотношении проблемы развития с психологией (христиански ориентированной, как она уточнит ниже), но и о соотношении той же проблемы развития с христианской антропологией.

Я уже упоминал, что не раз наталкивался в своей деятельности на очень серьезные и отнюдь не либеральные политические элитные группы с корнями в советской высшей страте, для которых вообще ненавистно или, по крайней мере, совершенно чуждо развитие как таковое. Само слово «развитие» вызывает в этой среде глубочайшее психологическое отторжение. Поскольку я никогда не злоупотребляю сведениями, почерпнутыми в частных беседах и на узких «круглых столах», то в открытой печати я и мог ограничиться только указанием на наличие подобных групп. Без всяких конкретизаций, которые я никогда себе не позволю как по причине элементарного человеческого такта, так и из политических соображений.

Ведь группы, о которых я говорю, искренне патриотичны и к государственности (как к советской, так и пред- и постсоветской) относятся с глубоким трепетом. То, что в этих группах укоренилось такое отношение к развитию, никак их не демонизирует. Напротив, я и оговаривал-то наличие таких групп потому, что они для меня индикативны. Обладая и политическим опытом, и обостренной чувствительностью к угрозам государственной целостности, эти группы, видимо, имеют свои основания для подобного отношения к развитию.

Весь вопрос для меня состоял и состоит в том, сводятся ли эти основания к тому, что лозунг «развитие», провозглашенный в «эпоху перемен», привел к разрушению страны и глубочайшему социальному регрессу? Или же все-таки у этого крайне негативного отношения к развитию есть более глубокий и фундаментальный генезис?

М.Миронова (еще раз подчеркну – с глубочайшим тактом и деликатностью) артикулирует некие возражения против развития, которые кто-то высказал публично, а кто-то, как она говорит, «в частных разговорах». В том-то и беда, что данная тема прорабатывается в основном в этих самых частных разговорах. И, соответственно, не может быть предъявлена в качестве одного из пунктов национальной повестки дня.

Но М.Миронова обращает внимание на то, что тема развития обсуждается все же не только в частных разговорах. Она предлагает к рассмотрению работу священника и психолога Андрея Лоргуса «Методологические проблемы идеи развития». Отец А.Лоргус дал свое понимание этих проблем в докладе на совещании «Преподавание в православных школах вопросов

творения мира, жизни и человека». Совещание проводил 29 октября 1999 года Отдел религиозного образования и катехизации Московского Патриархата, доклад о. А.Лоргуса был опубликован в 2000 году в сборнике «Шестоднев против эволюции» (издательство «Паломник»).

Суммируя возражения против развития, почерпнутые из указанного сочинения о. А.Лоргуса и своих частных источников, М.Миронова формулирует тезисы православных теоретиков, рассматривающих развитие со знаком минус. В большинстве случаев М.Миронова основывается на прямых цитатах из о. А.Лоргуса.

Тезис 1 сформулирован в виде такой прямой цитаты: *«Существуют явления, прямо противоположные развитию: явления деградации и регресса. И именно православная мировоззренческая точка зрения больше всего склоняется к ним. Представления о мире, разрушающемся и распадающемся, представления о личности человека, деградирующей, и истории человеческой, находящейся в непрерывном регрессе, свойственны православному пониманию мира и прямо противоположны идее развития».*

Тезис 2 сформулирован тоже в виде прямой цитаты: *«Духовный опыт показывает, что в настоящее время большинство людей находится в состоянии падения».* Комментируя эту цитату, М.Миронова дополнительно указывает, что в кругах тех, кто против развития, много говорится о том, что феномен падения во всей его полноте будет наблюдаться в самые последние времена, о которых повествует Откровение Иоанна Богослова. И что, с точки зрения этих кругов, данное обстоятельство служит дополнительным подтверждением тому, что человечество лишь регрессирует в процессе истории.

Тезис 3 сформулирован опять же в виде прямой цитаты: *«Библия не может смириться с таким представлением о человеческом существе, в котором интеллект, психика, речь и иные, собственно человеческие проявления жизни, возникли постепенно в результате развития».*

Тезис 4... И вновь – прямая цитата из А.Лоргуса, приводимая М.Мироновой: *«В христианском мировоззрении нет места представлению о развитии, в котором некая сущность может порождать и изменять себя "из себя же", не идет здесь речи и о необходимости развития более сложных форм из более простых».*

Тезис 5 (который, в отличие от предыдущих, М. Миронова формулирует не в виде прямой цитаты, а, значит, опираясь еще и на свои частные источники): человек не изменился со времен Адама, так как образ Божий был вложен в него при сотворении. Поэтому ни о чем новом в человеке – а следовательно, о его развитии – не может идти речи; правильнее говорить о совершенствовании того, что уже было заложено.

М.Миронова никоим образом не приговораживает А.Лоргуса к позорному столбу в духе перестроечного агитпропа, которому мне пришлось уделить такое большое внимание. Она без тени иронии выражает благодарность о. А.Лоргусу за то, что он *«заострил внимание на действующих противоречиях между традиционными психологическими и богословскими представлениями».*

Я могу только присоединиться к позиции М.Мироновой во всем, что касается оценки сочинения А.Лоргуса. И впрямь, надо выразить благодарность православному интеллектуалу, внятно сформулировавшему то, что в размытом виде существует и обсуждается в определенных интеллектуальных кругах, чье влияние отнюдь не ограничено (заявляю об этом со всей ответственностью) психологами, с которыми общалась М.Миронова. Я с психологами, увы, в отличие от М.Мироновой, общаюсь мало. А с политиками и близкими к политике интеллектуалами – много. И утверждаю, что группы, оценивающие развитие в полном соответствии с тезисами, которые были приведены выше, и широки, и влиятельны.

Вести полемику с такими группами на публицистическом уровне совершенно бессмысленно. Столь же бессмысленно, более того, пошло и унизительно, восклицать: «Ах, у нас и Путин, и Медведев призывают к развитию, а вы его отметаєте с порога, называете фантомом, химерой, заблуждением, в лучшем случае, ложной ученостью!» Члены указанных групп могут не разделять представлений Путина и Медведева даже по самым ключевым вопросам, но при этом быть лояльными гражданами, государственниками, патриотами, имеющими право как на высказывание своей позиции, так и на ее отстаивание.

Кроме того, всегда можно сказать, что Путин и Медведев высказались по поводу развития с политических и технократических позиций, а здесь речь идет о рассмотрении развития с позиций духовных. И это не одно и то же.

И, наконец, вашему покорному слуге одно внятное слово (например, процитированного выше А.Лоргуса) дороже любого лояльно-размытого словоблудия тех, кто будет лепетать про развитие потому, что это созвучно указаниям руководителей партии и правительства. Но...

Но любой специалист по общественному сознанию скажет вам, что наличие вышеназванных тезисов, коль скоро они имеют весомую элитную и общественную поддержку, не позволяет выдвинуть идею развития в виде идеи консенсусной.

Вы призываете все общество и всю элиту отбросить идеологические разночтения и поддержать, казалось бы, очевидную в своей позитивности и безальтернативности идею развития, а вам говорят: «А откуда вы взяли, что эта идея очевидна? Тем более безальтернативна и позитивна? У нас, например, совершенно другая точка зрения. И вы своей плетью национально-государственнической аргументации наш духовный обух не перешибете. Вам надо какое-то там развитие во имя победы в противостоянии с врагом государства. Мы тоже хотим противостоять врагу государства. Но мы знаем, что есть еще враг человеческий и что выше задачи спасения государства стоит задача спасения души. И вы нам это самое развитие не подбрасывайте! Ишь ты, "позитивное", "безальтернативное", "консенсусное". Что нам ваши мирские приоритеты? У нас есть приоритеты совсем иного порядка!»

А тут из-за спины этой аргументации (в принципе АБСОЛЮТНО НОРМАЛЬНОЙ И ВНЯТНОЙ) слышится второй, собственно политический, так сказать, голос: «Хватит, хватит... Доразвивались при Михаиле Сергеевиче...» И опять-таки – что скажешь? И впрямь доразвивались.

Поскольку я убежден, что оба эти голоса – духовный и политический – суть одно целое, то возникает крайне сложная ситуация. Ну и слава богу, что она крайне сложная! Иначе нам пришлось бы избыточно политизировать обсуждение развития и слишком разбавлять это обсуждение собственно политической проблематикой... Разрушительность дебольшевизации...

Рамки политической рациональности в вопросе об убийстве царской семьи... Все это, конечно, важно. Но только вкупе с настоящей теоретической проблематикой.

Наличие такого внятного оппонирования развитию, которое заявлено отцом А.Лоргусом, позволяет нам сделать шаг вперед и начать обсуждать развитие как таковое, переходя от прикладной – к общей политической метафизике.

Внимательно ознакомившись с работой А.Лоргуса «Методологические проблемы идеи развития», я обратил внимание на некоторые моменты, которые М.Мироновой, в силу ее профессиональной ориентированности, не показались особо существенными. Мне же представляется, что без рассмотрения этих моментов беседа о метафизических pro и contra в вопросах развития рискует погрязнуть в частностях. Очень интересных, в том числе и для меня, но в политическом отношении не имеющих решающего значения.

Прежде всего, речь идет о построении работы А.Лоргуса. Он делает свой доклад в связи с дискуссией о дарвиновской теории эволюции, развернувшейся в определенных религиозных кругах и породившей совещание Отдела религиозного образования и катехизации Московского Патриархата на тему «Преподавание в православных школах вопросов творения мира, жизни и человека». В теории Дарвина есть ряд моментов, болезненных для христианского сознания. Причем именно для сознания не слишком, так сказать, усложненного. И при этом обремененного всеми сомнительными приобретениями нынешней российской эпохи, к числу которых, конечно, относится абсолютное пренебрежение ко всему, что сформировало на настоящий момент человечество.

Такое современное российское сознание (к сожалению, его приходится объективно оценивать как регрессивное), взяв на вооружение что угодно – от радикального демократизма до своеобразно понимаемой религиозности («а почему бы нет, у нас плюрализм, могу выбрать и такой прикид»), – категорически отменяет все остальное: «У меня новые ценности, а тут лезут с каким-то Дарвином, получается, что я от обезьяны произошёл, а мне при моих новых ценностях это ну никак не подходит».

По сути именно это, как мне помнится, заявила одна школьница, подав вместе с отцом судебный иск с требованием, чтобы школа прекратила навязывать учащимся, имеющим религиозные ценности, Дарвина. Позиция школьницы и ее отца не случайно оказалась в фокусе внимания ряда телевизионных каналов. Все это явным образом отдавало пиаром с политической окраской.

Беспокойство вызывает не сама эта позиция, а способ ее обсуждения. Ведь российская школьница и ее отец – не первооткрыватели в данном вопросе. Таких исков в мире было множество, особенно в конце XIX – начале XX века. Вызов дарвинизма мучительно осваивался христианством. Одним способом этот вызов осваивал Ватикан, другим – Российская империя и Русская Православная Церковь. И в том, и в другом случае существовала церковная иерархия, чей вердикт был обязателен для верующих. И тут надо говорить не о способе, а о способах принятия вызова, который и впрямь был достаточно болезнен для религиозного сознания.

У протестантов иерархии, способной вынести окончательный вердикт, не было. Именно поэтому наиболее яростно против Дарвина ополчились некоторые течения в протестантизме, особенно американском. И вели бои против Дарвина очень долго. А иные ведут до сих пор, хотя большинство вполне религиозного американского общества воспринимает это как мракобесие. Но за то время, пока шли эти бои против дарвинизма, «воюющими сторонами» было столько сказано, что, казалось бы, навеки усвоено: такие бои не нужны никому. Ни науке, ни церкви.

Что касается Ватикана, то он, в свойственной ему гибкой манере, очень быстро справился с вызовом. Конечно, всегда («всегда» – это до второй половины XX века) сохранялись радикальные клерикальные круги, которые отрицали Дарвина. Но это уже не было мнением всего церковного Института.

Скажут: «Ватикан нам не указ». И я полностью соглашусь. Хотя... На уровне МЕТОДОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ – почему бы и не поучиться (сохраняя при этом и систему ценностей, и аутентичность православной позиции)? Но и впрямь ведь не указ. Заемным опытом сыт не будешь. Однако есть же и свой опыт! Он для нас тоже не указ?

Граф Алексей Константинович Толстой никогда не был отлучен от православной церкви, в отличие от графа Льва Николаевича Толстого. Кроме того, Алексей Константинович Толстой никогда не был либералом и очень сдержанно (мягко говоря) относился к революционным демократам, в отличие от графа Алексея Николаевича Толстого.

В стихотворении, которое я приведу ниже, это выражено напрямую в его оценке нигилистов (то есть революционных элементов Российской империи). Эта его экстремально-негативная оценка, весьма тогда «немодная», никак не добавила ему популярности ни в либерально-буржуазных, ни в фрондирующих аристократических салонах России. Но он дал эту оценку потому, что таково было его мировоззрение. И он не хотел им поступаться – ни в угоду либеральной моде, ни в угоду странностям течений противоположного рода. Дал он ее по одному частному поводу.

М.Лонгинов – начальник Главного управления по делам печати в 1871–1875 годах, поддавшись давлению неких крайних (как сейчас сказали бы, контрмодернистских) группировок, всего лишь попытался запретить одно из произведений Дарвина. Повторяю – всего лишь попытался! Пошли слухи (разумеется, обоснованные, но слухи), что он это сделает. И граф Алексей Константинович Толстой на эти слухи откликнулся своим известным стихотворением «Послание к М.Н.Лонгинову о дарвинизме».

Это «Послание» советский агитпроп тоже не любил, поскольку слишком уж сильно граф «приложил» нигилистов, то есть революционных демократов, то есть предтеч большевиков (по каноническому определению Ленина – «декабристы разбудили Герцена» и так далее). Но стихотворение стало суперпопулярным уже в момент его написания и оставалось таковым весь XX век.

Это стихотворение убило все попытки перенести на российскую почву протестантские (или католические в их радикально-инквизиторском исполнении) методы борьбы с Дарвином. Мне казалось, что стихотворение знает каждый образованный человек. В общем-то, так и было лет 30 назад. Кто-то цитировал наизусть, кто-то кусками. В школах стихотворение изучали. Не учили наизусть «от и до», как «Песню о Буревестнике», но изучали. А наиболее яркие фрагменты стихотворения вошли в быт достаточно широких кругов... ну, примерно так, как цитаты из Ильфа и Петрова вошли в быт несколько более широких

кругов...

А. Лоргус не знает этого стихотворения? Его бэкграунд хочет в очередной раз «по полной программе наступить на те же грабли»? Кто-то готов так же прямолинейно, как М.Лонгинов, начать работать с наукой вообще и теорией эволюции в частности по прошествии конкретно 136 лет? Уже не в XIX и не в XX, а в XXI столетии?

А зачем? Нет, вы мне объясните, зачем? В чем какая-то политическая целесообразность? Если даже речь идет о том, чтобы установить в стране абсолютно жесткий теократический режим, то это все равно не так делается! Россия не Иран, но и в Иране это не так делается! Главное, что будет этот теократический режим делать? Гоняться за сторонниками Дарвина и ждать, пока очередные научно-технические революции создадут такие виды оружия, против которых стареющий потенциал, унаследованный от СССР, окажется бессилён? Соединять работу а la М.Лонгинов с развитием нанотехнологий?

Но главное все-таки метафизика... Поскольку я хочу СРАЗУ обсуждать и ее, и политику, я все-таки приведу дословно метафизически бессмысленное стихотворение А.К.Толстого. Тем более что оно столь же бессмысленно с политически-прикладной точки зрения.

*Я враг всех так называемых вопросов.
Один из членов Государственного совета*

*Если у тебя есть фонтан, заткни его
Кузьма Прутков*

*Правда ль это, что я слышу?
Молвят овамо и семо:
Огорчает очень Мишу
Будто Дарвина система?*

*Полно, Миша! Ты не сетуй!
Без хвоста твоя ведь ...,
Так тебе обиды нету
В том, что было до потопа.*

*Всход наук не в нашей власти,
Мы их зерна только сеем;
И Коперник ведь отчасти
Разошелся с Моисеем.*

*Ты ж, еврейское преданье
С видом нянюшки лелея,
Ты буж должен в заседание
Запретить и Галилея.*

*Если ж ты допустишь здраво,
Что вольны в науке мненья –
Твой контроль с какого права?
Был ли ты при сотворенье?*

*Отчего б не понемногу
Введены во бытие мы?
Иль не хочешь ли уж Богу
Ты предписывать приемы?*

*Способ, как творил Создатель,
Что считал он боле кстати –
Знать не может председатель
Комитета о печати.*

*Ограничивать так смело
Всесторонность Божьей власти –
Ведь такое, Миша, дело
Пахнет ересью отчасти!*

*Ведь подобные примеры
Подавать – неосторожно,
И тебя за скудость веры
В Соловки сослать бы можно!*

Да и в прошлом нет причины
Нам искать большого ранга,
И, по мне, шматина глины
Не знатней орангутанга.

Но на миг положим даже:
Дарвин глупость порет просто –
Ведь твое гоненье гаже
Всяких глупостей раз во сто!

Нигилистов, что ли, зная
Видишь ты в его системе?
Но святая сила с нами!
Что меж Дарвином и теми?

От скотов нас Дарвин хочет
До людской возвесть средины –
Нигилисты же хлопочут,
Чтоб мы сделались скотины.

В них не зная, а прямое
Подтвержденье дарвинизма,
И сквозят в их диком строе
Все симптомы атависма:

Грязны, неучи, бесстыдны,
Самомнительны и едки,
Эти люди очевидно
Норовят в свои же предки.

А что в Дарвина идеи
Оба пола разубраны –
Это бармы архирея
Вздели те же обезьяны.

Чем же Дарвин тут виновен?
Верь мне: гнев в себе утиша,
Из-за взбалмошных поповен
Не гони его ты, Миша!

И еще тебе одно я
Здесь прибавлю, многотимый:
Не китайскою стеною
От людей отделены мы;

С Ломоносовым наука,
Положив у нас зачаток,
Проникает к нам без стука
Мимо всех твоих рогаток,

Льет на мир потоки света
И, следя, как в тьме лазурной
Ходят Божии планеты
Без инструкции ценсурной,

Кажет нам, как та же сила,
Все в иную плоть одета,
В область разума вступила,
Не спросясь у Комитета.

Брось же, Миша, устрашенья,
У науки нрав неробкий,

*Не заткнешь ее теченья
Ты своей дрянною пробкой!*

Конец 1872 г.

А.Лоргус в своем докладе, который М.Миронова считает столь индикативным (и я с нею абсолютно согласен), апеллирует к методологии как науке, которая, начиная с 40-х годов XX века, стала оказывать влияние на отношение к научной теории вообще и рассматриваемым им конкретным теориям в частности.

Методология – интересное и в целом очень позитивное направление. Другое дело, что методология породила не только очень умные и правильные идеи, методы, приемы работы, но и параллельную субкультуру со всеми ее составляющими. В то время, как ведущие методологи (особенно глубоко уважаемый мною Г.П. Щедровицкий) категорически настаивали на необходимости изучения традиции мышления, требовали, чтобы определенные канонические философские произведения заучивались чуть ли не наизусть, субкультура культивировала пренебрежение ко всему, что не есть методология. Было очень соблазнительно отказаться от изучения философской традиции и от апелляции к ней и на все смотреть «с методологического высокого». Это порождало дилетантов.

Я никоим образом не отношу к ним А.Лоргуса, окончившего психологический факультет МГУ в 1982 году и Московскую духовную семинарию в 1992 году. Я просто обращаю внимание – и его, и других интеллектуалов со сходной точкой зрения, – что такой соблазн в принципе существует.

Но коль скоро А.Лоргус апеллирует к методологии, то я хочу обратить его внимание на то, что граф А.К.Толстой, не зная о существовании методологии, которая, по мнению А.Лоргуса, начала развиваться с конца 40-х годов XX века (а как же Джон Ди и его последователи?), построил стихотворный текст блистательно именно с методологической точки зрения. Да и с политической, кстати, тоже. То, что мы и в XIX веке не были за китайскую стеною... Согласитесь, граф угадал правильно. Кто-то хочет, чтобы мы оказались за нею в XXI столетии?

Так вот, насчет православной методологии... Граф А.К.Толстой никогда не рвал связи с каноническим православием. Что же до разных его масонских шалостей, то кто из искренне верующих христиан (православных в том числе), принадлежащих к высшему классу, не баловался чем-то подобным в XIX веке? Не только в России, но и в Германии, и во Франции, и т.д.?

Граф шутиливо и одновременно всерьез спрашивает о том, кто, относя себя к Твари, может осуществлять дескрипцию интенций Творца по поводу им творимого? Как это в принципе возможно? Не построено ли в религии все и всегда на неисповедимости путей Господних?

Но если эти пути неисповедимы, то почему надо считать, что Ньютон или кто-то еще (тот же Дарвин) не раскрывали нечто в этих путях (конечно, не до конца и несовершенным образом), а клеветали на Божий Промысел? Каким должно быть научное открытие, чтобы его нельзя было интегрировать в Божий Промысел, который – по методологическим основаниям, применяемым в гиперпрограмме под названием «вера!» – заведомо вмещает в себя очень и очень многое?

Атеисты пели частушки: «Всю Вселенную прошли – нигде бога не нашли». Все понимали, что это чушь. Что прошли всю Вселенную. Что понятие «нигде» для Бога вообще не существует. Что Вселенной все не исчерпывается. Наука никогда в этом смысле не посягала на Бога, если это была серьезная наука. Если отдельные «жрецы науки» это делали, то на свой страх и риск и в силу исторической ограниченности. Эйнштейн говорил, что со стороны Бога некрасиво бросать кости каждый раз, нечто определяя. Но он почему это говорил? Потому что считал, что Бог и не бросает эти кости. Ибо Он – единство истины, справедливости и красоты. Он не говорил, что Бог в принципе, если ему захочется, не может и кости побросать. Все он может. Ведь неисповедимы пути и так далее.

Вульгарнейший атеизм, действуя с определенными целями, мог подбрасывать малообразованным людям: «Вам говорили, что бог на облаке? А там самолеты летают, а бога нет». Может быть, Лоргус хочет подобную чушь выдать за позицию науки?

Борис Викторович Раушенбах – крупный ученый и вполне верующий человек. С его статьей «Четырехмерное пространство», опубликованной в сборнике «Пристрастие» (издательство «Аграф», 2000 год), каждый может ознакомиться самостоятельно.

Вначале Раушенбах вводит четырехмерность просто как существование, наряду с обычными тремя пространственными измерениями, четвертого. И оговаривает, что, когда теория относительности только появилась, за это новое четвертое измерение принимали время.

Далее Раушенбах пишет о том, что есть *«значительно более сложное четырехмерное пространство, где четвертой координатой является не время (что себе легко представить), а тоже пространственная координата (что представить себе невозможно)»*. И указывает, что методы изображения этой немислимой ситуации (если есть четвертое пространственное измерение, то любая мистика допустима) давно были выработаны в русской иконописной школе.

Раушенбах размышляет о последствиях возрожденческого отказа от свойственных средневековому искусству приемов. О том, что художники Возрождения «границу между миром видимым и невидимым стали показывать изображением облаков». Но ведь Раушенбах понимает, что «границу между миром видимым и невидимым» просто стали показывать по-другому. То есть что «облака» в искусстве Возрождения – это все то же введение немислимой пространственной четырехмерности. Он считает эту инновацию неудачной... Не будем спорить. Подчеркнем лишь, что обсуждение УДАЧНОСТИ и НЕУДАЧНОСТИ методов показа пространственной немислимой четырехмерности лишь подтверждает, что речь идет ИМЕННО О ПОКАЗЕ ЭТОЙ НЕМИСЛИМОЙ ЧЕТЫРЕХМЕРНОСТИ, а не о чем-то другом.

Но наука на своем языке осваивает пространства с немислимой четырехмерностью, а также большим количеством собственно пространственных измерений, что совсем немисливо. При этом речь идет – и это особо важно – не об абстрактных математических n-мерных пространствах, а о пространствах физических (квантовых и космологических прежде всего, о чем мы поговорим ниже).

Наука и религия конкурируют друг с другом в том, что касается понимания сверхсложности подобной реальности. Такая

конкуренция не носит антагонистического характера. Как поведет себя религия в этой ситуации? Любая ее попытка отказаться от конкуренции (и кооперации) с наукой в вопросе о сложности и сверхсложности приведет к тому, что пальма первенства перейдет к науке. Религии же останется пропись, элементарщина. Но в этом случае религия проиграет.

Так что такое атака церкви на науку? Граф А.К.Толстой, как православный методолог XIX столетия, показывает, что это ересь. Это посягательство на Бога. На его прерогативы, на всевозможности Вседержителя. В чем изъян его методологических построений? И есть ли этот изъян?

Православный методолог XXI века А.Лоргус прекрасно понимает, что, с методологической точки зрения, изъяна нет. Существует Система (религиозная или иная). Существует Информация, отвечающая критериям достоверности («экспериментальные результаты» это называется, «верификация» и так далее). Как может Система не интегрировать в себя Информацию: данные науки, любые другие данные о мире, имеющие статус достоверности (при том, что достоверность всегда относительна)? Если Система этого не может, то одно из двух: или Система плохо построена, или... Или на самом деле она-то может, но ей мешают, чтобы развалить ее, соорудив на пустом месте пустой и бесперспективный конфликт между Системой и Информацией.

Но А. Лоргус не М. Лонгинов. Они живут, согласитесь, несколько позже. И замахивается на нечто большее. Если бы он замахивался только на теорию эволюции, я не стал бы столь подробно это обсуждать. Но он замахивается на теорию развития вообще. А поскольку ему мало замахиваться на теорию с позиций чистой веры (он слишком хорошо понимает, чем это чревато), то он берет в союзники (чуть не сказал «в поделники») методологию и теорию систем. Мол, теория развития была хороша, пока не возникла теория систем.

Это классический игровой прием. Он же – политический «заход». Управляемый конфликт, так сказать. Манипуляция, она же – разводка. Вы хотите атаковать науку. Вы ее делите на «своих» (методологов и системщиков) и «чужих» (сторонников теории развития). Потом «свои» должны съесть «чужих». А вы – стоять, уперши руки в боки, и похихикивать. Чужими руками жар загребать.

Конфликт теории систем и теории развития? Не понял. Ну, гадом буду, не понял. Я не выпускник психфака МГУ. Я кандидат физико-математических наук. Защищался в советскую эпоху, когда это кое-что значило. Защищался как раз по уравнениям, описывающим устойчивость систем, и сходным вопросам. У меня есть работы и по теории систем, и по распознаванию образов, и по обратным задачам. Я в политологии непрерывно применяю теорию систем.

Ну, так вот... Я не знаю ни одного профессионала, который осмелится сказать, что теория систем опровергает теорию развития. А у А.Лоргуса сказано именно это. Я не по реферативным выжимкам, данным М.Мироновой, сужу. Я А.Лоргуса сам внимательно прочитал. И мне его методологический прием ясен. Берем некие научные дисциплины (например, дисциплину X и дисциплину Y), сталкиваем их с научной же дисциплиной Z, потом организуем проигрыш дисциплины Z дисциплинам X и Y, а потом «подчищаем» все с помощью религии.

А.Лоргус делает буквально это. Дисциплина X – методология. Дисциплина Y (основной союзник А.Лоргуса) – теория систем. А дисциплина Z, которую надо разгромить, – теория развития. Вся теория развития целиком, понимаете?

Осуществляя такой методологический прием, надо ждать методологического же ответа. И не только от графа А. К.Толстого. В ожидании методологического ответа надо ознакомиться с теорией систем. Я не знаю, в какой мере А.Лоргус является специалистом по методологии. Судя по тому, как он ею пользуется, тут есть вопросы. Но он психолог, методология близка психологии мышления... Все может быть. В конце концов, методология – это сфера гуманитарного знания. И в силу специфики знаний у нее есть свое, достаточно размытое, представление о строгости.

Но с теорией-то систем все иначе! Это математическая дисциплина. Там есть иное представление о строгости. Есть алгоритмы и аппарат. Есть круг авторитетов. Этот круг вполне обозрим. И я твердо говорю, что сталкивать теорию развития и теорию систем может только человек, который в теории систем не понимает НИЧЕГО. То есть ничего вообще за пределами модных сегодня ужимок: «я, мол, системщик». Теория развития и теория систем не могут противостоять друг другу в принципе – с методологической, опять-таки, точки зрения.

Теория систем – это «что». Что развивается? Система. Любая динамическая система имеет траекторию (в обычном пространстве, если речь идет о механической системе, или в пространстве фазовых переменных, если речь идет о системе более сложной). Траектория определенного типа – это траектория развития.

Как отличить траектории, не являющиеся траекториями развития, от траекторий, являющихся траекториями развития? Как выявить типы траекторий развития, увязать эти типы с классами систем, решить обратную задачу восстановления системы по траектории? Этим всем должна заниматься теория развития.

И что значит противопоставить теорию систем и теорию развития? Это значит противопоставить нечто (теорию систем) неотъемлемому атрибуту этого нечто (теории развития). То бишь противопоставить слову «сахар» слову «сладкий». Это логический, а значит и методологический, нонсенс.

Но что подобный казус знаменует собой в плане идеологическом (так и хочется сказать – схоластическом)? Что религия в том виде, в каком ее понимает Лоргус, хочет бороться с наукой и побеждать, оставаясь только на своей территории. Как достигается такая победа – понятно.

Говорится, что есть мистический опыт, опровергающий нечто (например, развитие).

Оппонент спрашивает: «Что за опыт?»

Ему отвечают: «Вам не понять. Наш опыт внутри системы, а вы вне нее».

Оппонент указывает на мистический опыт других людей, находящихся внутри системы. Опыт, утверждающий, а не опровергающий нечто (например, развитие).

Ему отвечают: «Мы между собой разберемся, а вы тут лишний».

Ну, хорошо, я готов признать себя лишним.

Как быть с культурологией, историей религий, религиоведением – отдельный вопрос. Есть мнение, что всем этим можно

заниматься только находясь «внутри». Принимаю, но с одной оговоркой. А сравнительным религиоведением должен заниматься кто? Экуменист? Немного чудно.

Но в принципе, я готов рассмотреть все сразу: и отказ от развития с апелляцией к мистическому опыту, и разделение на тех, кто «внутри», и тех, кто «не внутри». Однако тогда религия не должна никогда апеллировать ни к какой науке. Она должна апеллировать только к религиозному опыту и создавать такие формы его осмысления, которые будут свободны от научного искусства.

Такой подход к религии существовал. Говорили ведь о «греческом соблазне», имея в виду увлечение античными философствованиями. Но это очень быстро было отмечено. Стало ясно, что подобный подход носит абсолютно тупиковый характер. Религии пришлось пойти на компромисс, взять внутрь себя и научный метод, и научные данные. Не сделай она этого – ей бы быстро пришел конец.

Ведь речь идет ни много ни мало о вопросе соотношения между Разумом и Верой. И «оскоромились разумом» люди веры не в XIX и не в XX столетии, а примерно тогда, когда Блаженный Августин заявил во всеуслышание, что без чтения греческих философов он пребывал бы во тьме. Он же не заявил при этом, что для него наука выше божественного! Он трактовал Платона и Аристотеля очень тонко и абсолютно своеобразно. И именно вокруг этих (и других, вкушающих от разума) трактовок сложилась хрупкая система христианского «вероразума». Начните изымать из этого сплава разум – система рухнет.

ПРОВОЦИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ СИСТЕМЫ НА РАЗРЫВ С РАЗУМОМ КАК ТАКОВЫМ – ЭТО ПОДРЫВНАЯ ОПЕРАЦИЯ. Говорю как специалист. Это точь-в-точь запуск Танатоса – но не по отношению к нации с определенным идеологическим опытом, а по отношению к конфессии.

Отношения между Разумом и Верой никогда не были гладкими и сусальными. На что опять-таки указывает А. К. Толстой, но и не только он, по этому поводу тысячи томов написаны. Да, они НЕ БЫЛИ гладкими. Но они БЫЛИ – были всегда! Кто-то говорил, что Разум подчинен Вере. Кто-то – что Вера подчинена Разуму. Кто-то предлагал тот или иной паритет в отношениях между Верой и Разумом. Кто-то особым образом трактовал Разум в его отношениях с Верой.

Возражат, что были и те, кто говорил: «Верую, ибо нелепо». Согласен. Без такой позиции религия мертва. Но такая позиция отдельных очень ярких личностей, позиция мистиков, духовидцев, отстраняющихся от разумного во имя ясности духовного зрения, всегда была интегрирована в институт под названием «церковь». И если бы эта позиция не была интегрирована в институт и отчасти растворена в нем, то религии бы не было. Была бы секта духовидцев... Потом оказалось бы, что у одних – одни духовные видения, а у других – другие. Дать оценку статусу духовных видений невозможно: то ли мистическое откровение, то ли соблазн... И все стало бы рассыпаться.

Чтобы не рассыпалось, как раз и нужен институт. Институт, а не отдельные, сколь угодно яркие личности с их видениями, чужающимися разума как препятствия и соблазна. Личности-то, может быть, и чурались. А институт с разумом никогда не порывал! Потому что понимал, что это бессмысленно. Что нельзя построить здание без веры, но и на одной вере его не построишь.

Номиналисты, реалисты и концептуалисты по-разному строили отношения между Знанием и Верой. Но они все и всегда эти отношения строили. В Средние века строили. Потом – тем более. Что такое Ренессанс? Это не безбожие, это иное давление античного Знания на христианскую Веру. Вера – выдержала.

Так они и жили... Этак полторы тысячи лет...

А потом наступило нечто, ради чего, в сущности, я так подробно все это обсуждаю. Нечто называлось проект «Модерн». Модернисты – не безбожники. Есть католические, протестантские и православные модернисты. Не разрывая с Верой, они приняли вызов Нового времени. Времени, породившего стремительный взлет науки и техники. А в силу этого – иное отношение к Разуму. Модернисты поняли, что теперь отношения с Разумом и Наукой надо строить по-новому. Или же уходить в глубочайшие катакомбы.

В эти катакомбы ушли так называемые контрмодернисты. Модернисты и контрмодернисты разошлись отнюдь не только в вопросе о внутрицерковных реформах. Да, и о них спорили. Но главным все же был спор об отношении к Разуму. Религиозный модерн согласился принять Разум в дом Веры на совершенно других основаниях, нежели это происходило ранее. А контрмодернисты на это не согласились.

Без религиозного модерна нет проекта «Модерн» как такового. А без этого проекта «Модерн» о каком развитии можно говорить с политической и стратегической точки зрения?

Многие путают Просвещение и Модерн. Эта путаница – от лукавого. Для меня лично и Просвещение – это великая эпоха с великими достижениями, со своими гениями, своими мучениками. Но вряд ли кто-то не согласится с тем, что Модерн намного шире Просвещения. Что в его основе – поиск новых внутрирелигиозных подходов к вопросу о Разуме и Развитии.

Прежде всего, речь пошла о соотношении Развития и Свободы Воли. Если Бог даровал Свободу Воли, то он сделал это зачем-то. Человек имеет право выбрать путь. И идти этим путем до конца. Он может идти к свету или к тьме. Кто-то говорил, что еще и к свету через тьму. Но это отдельный и очень сложный вопрос. В ходе этого движения человек меняется. Меняется, ибо борется. Меняется, ибо само приближение к чему-то может осуществить в нем фантастические перемены.

Являются ли эти перемены актуализацией того, что заложено, или возникновением чего-то совсем нового? Сложный вопрос. Понятно, что в примере, который приводит А. Лоргус (куколка, превратившаяся в бабочку), реализуется не индивидуальная, а внутривидовая программа. Куколке предписано стать бабочкой. И потому куколка несвободна. Но в примере с куколкой и бабочкой речь идет о природе. И о природном же роке. Куколка не человек. Она не может менять программы, написанные программистом под названием «природа». Куколка, как и бабочка, безраздельно принадлежат природному.

А человек? Разве уже культура не является вызовом господству природы? А вторая реальность – реальность сознания? И доколе простирается человеческая свобода? И есть ли у нее пределы, если она дарована Богом?

Впрочем, даже и в плане соотношения Развития и Природы... Что такое, например, мутация? Животное или зародыш облучили жестким электромагнитным излучением. Возник... ну, например, монстр... Имей ли мы право сказать, что радиационное воздействие актуализировало заданные траектории динамической системы под названием «животное»? Если цыпленок вылупился из яйца или куколка превратилась в бабочку, то ясно, что речь идет о заданных (и реализованных) траекториях. Но если из яйца вылупился мутант, а из куколки вместо бабочки выпорхнуло нечто другое, то это тоже заданная траектория?

Но тогда все на свете предзадано и говорить просто не о чем. На самом же деле уже приведенный пример, касающийся животного или растения, которые качественно менее свободны от диктата природы, чем человек, доказывает, что возможно то, что не задано изначально. И это-то и называется прорыв.

На сверхсложную систему, способную выйти за рамки автоматизированных программ поведения, оказано абсолютно нетривиальное воздействие. Система в существующем виде на это воздействие ответить не может. Но она хочет жить. И она представлена миллионами, а то и миллиардами экземпляров с разной жизнеспособностью. Одни из них сверхнормативная нагрузка уничтожит, а другие преобразует («тяжкий млат, дробя стекло, кует булат»).

Развитие – это ответ системы на испытание, задающее нагрузки, превышающие пределы прочности системы. Механическая или любая просто сложная система ответит на нагрузки, превышающие пределы ее прочности, единственным способом: она разрушится. А вот сверхсложная система... Может быть, разрушится, а может быть, и нет. И в этом «может быть нет» – механизм развития. Нет этого «может быть» – нет развития. И почему же это Творец не мог заложить такой механизм в Творение? Уже скоро компьютерщик сможет, а Творец нет? Странное отношение к Творцу (смотри А.К.Толстого). Странное – и, видимо, неслучайное.

Обсуждение тех или иных религиозных идей... Рассмотрение сложных внутриконфессиональных мировоззренческих разногласий... Так ли все это актуально? Отвечает ли это заявленной теме? Почему этим надо заниматься не в специальных изданиях?

Эти вопросы абсолютно закономерны. И проще всего было бы свести ответ к одному – лежащему на поверхности – обстоятельству. Мы говорим: «Развитие или смерть!» А рядом представители весьма авторитетного института – Церкви – утверждают устами священника и интеллектуала Лоргуса, что для христианина нет и не может быть развития как позитивной ценности. Если мы занимаемся политикой, мы не можем делать вид, что этого не происходит. Иначе это не политика, а башня из слоновой кости.

Читатель вправе спросить: «Кто об этом говорит? Представитель института или представители? Влиятельна ли эта точка зрения в элите, ориентирующейся на православие, в собственно православном сегменте современного российского общества? Если даже эта точка зрения влиятельна, то так ли она пагубна в политико-стратегическом смысле? И, наконец, при чем тут светская часть российского общества?»

На часть из этих вопросов трудно дать прямые доказательные ответы. Косвенные ответы я уже давал. Читателю остается только поверить им. А также экспертным оценкам, согласно которым эта точка зрения влиятельна и имеет самые разные стратегические последствия. В том числе и собственно политические.

Ведь не только ваш покорный слуга, далекий от конфессиональных дел, но и интегрированная в конфессию М.Миронова адресует, говоря о группе православных интеллектуалов, отрицающих развитие, как к тексту А.Лоргуса, так и к частным разговорам. Поскольку разговоры частные, то дальше вступает в действие система моральных ограничений. Они ведь на то и частные, чтобы на них не ссылаться. Кроме того, поскольку они частные, то любые ссылки будут бездоказательными.

Итак, читателю придется верить на слово и исходить из того, что, дискутируя с А.Лоргусом, я на самом деле дискутирую отнюдь не только с ним. И это в каком-то смысле меня оправдывает. Но лишь в каком-то смысле.

Беспокойство читателя по поводу того, что подробные рассмотрения неочевидных и достаточно тонких религиозных идей могут увести нас далеко в сторону, я полностью разделяю. И постараюсь этого избежать. А также привести аргументы в пользу такого рассмотрения.

Первый аргумент я уже привел. Если влиятельные группы говорят о том, что смыслы, весьма важные для России, несовместимы с развитием, то мы не можем не задуматься, так ли это.

И потому, что не хотим разговорами о развитии разрушить подобные смыслы.

И потому, что верим в развитие и не верим в то, что оно может оказаться антагонистичным великим смыслом, которые глубоко созвучны нашей культуре и государственности. Этот аргумент можно назвать идеологическим. Его надо поставить на первое место, но к нему нельзя все сводить.

Второй аргумент – стратегический. Тезис о несовместимости развития с той или иной религиозностью не нов. И выдвигается отнюдь не только христианами. В исламе, например, есть похожая авторитетная точка зрения, тоже разделяемая отнюдь не всеми мусульманами. И в католицизме есть. И в протестантизме. Сторонников невозможности сопряжения религии с развитием, как я говорил выше, называют контрмодернистами. Не фундаменталистами и даже не интегритами, а именно контрмодернистами. Мировая борьба между модернистами и контрмодернистами сегодня обострена до предела. Устраниться от участия в этой борьбе невозможно. Можно попытаться спрятаться. Но это не выход.

Хотим мы или нет, нам не избежать стратегической полемики по вопросу о Модерне и Контрмодерне. Эта полемика носит частный внутриконфессиональный характер?! Да что вы! От нее, прошу прощения за пафос, буквально зависит судьба мира. И трата времени на разъяснения сути стоящих перед миром альтернатив вполне окупается важностью вопроса. Тем более, что альтернативы не вскозь касаются нашей основной темы – проблемы развития, – а сфокусированы ИМЕННО НА ЭТОЙ ПРОБЛЕМЕ.

Третий аргумент носит политико-метафизический характер. Россия затянута в воронку регресса. Сегодня она очень сильно отчуждена от источников, способных дать развитию контррегрессивную энергетику. Для того, чтобы преодолеть такое отчуждение, мало политических, социально-экономических, социально-культурных и даже философских рефлексий. Надо

дойти до метафизических уровней. И там разбираться, почему оскудели живые ключи, энергетизирующие общество, и как это преодолеть.

В таких ситуациях всегда подробно и детально рассматривают метафизику как таковую, не пугаясь того, что это слишком абстрактно, слишком специфично и усложненно.

Если разберемся должным образом – уйдем от простого к сложному, от абстрактного к конкретному, от специфичного к общему. А если не разберемся – будем блуждать в потемках и удивляться, почему это у нас регресс, вопреки всему, остается макросоциальной тенденцией. Ведь не только потому он ею остается, что его пестуют, дают ему «зеленый свет» на телевидении, превращают в норму социального поведения. Нельзя сказать, что альтернативные направления удушены до конца. Почему же они не так популярны, как в конце 80-х годов XX века? Почему нет тогдашнего спроса на сложную литературу, сложное кино, театр?

ПОЧЕМУ НЕ РАЗВОРАЧИВАЕТСЯ КУЛЬТУРНАЯ БОРЬБА ПРОТИВ РЕГРЕССА? В конце 80-х годов повестка дня, предложенная властью, не устраивала определенные слои общества. Но с какой энергией эти слои искали альтернативную повестку дня! Как спорили на кухнях, с какой активностью искали точки альтернативного предложения!

Тогда все кипело страстями по развитию! Кипело вопреки очень скудному интеллектуальному рациону. Теперь рацион гораздо разнообразнее. А социального аппетита нет. Все так возлюбили деньги и упрощенные удовольствия? Ясно, что не все... Но тогда откуда этот всеобщий «сон на бегу»? Понятно, что людей сознательно дебилизируют. Непонятно другое – почему это действие, очевидное до наглости, не вызывает адекватного противодействия.

В старом фильме Крамера «Благослови зверей и детей» дети пытаются спасти бизонов, которых будут отстреливать. Они преодолевают всевозможные препятствия и, наконец, выпускают бизонов на свободу. Но бизоны не хотят бежать в прерию.

Почему не хотят бежать в прерию развития дебилизируемые группы российского населения, эти метафорические бизоны?

Наша политика отчуждена от мирового (да и своего) опыта. Она не знает и не хочет знать прецедентов. Она не понимает, что не впервые в истории возникает этот больной вопрос. Что с таким же вопросом (почему не хотят бежать некие метафорические бизоны?) сталкивались все, кто делал стратегические проекты. Например, евреи-сионисты, которые мучительно пытались понять, почему народ не устремляется в Палестину.

Почему «бизоны» не бегут из Европы, где их будут уничтожать? – спрашивал себя и других Теодор Герцль, наблюдая рост европейского национализма и предвидя фашизм. За ответом политики ранга Герцля обратились не к психологам и методологам, а к метафизикам. Таким, как Гершом Шолем.

По существу, Шолем в своем ответе сказал, что отсутствие энергии связано с пересохшими метафизическими ключами. И стал заниматься метафизикой, заниматься детально и одновременно политизированно. И каждый раз, когда перед активистами различных проектов возникал вопрос, почему их бизоны не бегают, они шли на глубину, к метафизическим ключам. А не суетились на политической поверхности, перманентно впадая в ступор.

Я мог бы привести и более близкие примеры, говорящие о том, что глубокое рассмотрение так называемых «корней» (гносеологических, метафизических и т.д.) окупается в политической смысле. Но стоит ли?

Конечно, я испытываю определенный дискомфорт, вступая на данную специфическую территорию. И, видит бог, не рвался к этому. Просто все так сошлось, что отказываться от обсуждения уже невозможно. Я был бы очень признателен, если бы инициативу на себя взяли современные православные мыслители. Интеллектуалы высшей пробы есть. Вряд ли все они встали на позицию отца Лоргуса (хотя кто знает?). И вряд ли им безразлично, как будет выглядеть конфессия в глазах мира (хотя, опять же, кто знает?).

Но по тем или иным причинам эти интеллектуалы молчат. Это их право. Но если все будут молчать – тогда какое развитие?

Итак, разрыв конфессии с развитием означает разрыв с Модерном. Во имя чего? Есть ли логический изъян в следующей схеме: «Если развитие скверно, то все, что ему противостоит, хорошо. И тогда регресс хорош. Он порождает архаизацию и возвращает в лоно. Если развитие скверно, то дело не только в том, чтобы не развиваться, а в том, чтобы наносить по развитию всевозможные удары. То есть противопоставлять развитию регресс. А как иначе бить по развитию?»

Все прекрасно понимают, что логических изъянов в данной схеме нет. Мне возразят, что долг путь от логики до политики. Не спорю. Ну, так я и хочу знать, какая часть пути уже пройдена. И, при всей важности ответа на этот вопрос, еще важнее установить, что, сказав «а» и осудив развитие, будут говорить «б» и бороться с развитием.

Итак, «долой развитие! да здравствует регресс!»

Но регресс ведь не движется до той точки, которая задана чьими-то конфессиональными пожеланиями! Начавшись, он не может привести общество в точку желанного кому-то нового Средневековья, а потом уйти, как сделавший свое дело мавр. Он не для того приходит, чтобы уходить. Все остальные уйдут – он останется.

Провозгласившие подобный лозунг православные интеллектуалы, если они интеллектуалы, не могут не понимать сокрушительности его последствий для христианства в целом. И неизбежности ухода общества от христианства в весьма специфическую «примордиальную архаику». «В язычество?» – спросят те, кто любит уточнять. Хотите, считайте так. Разве этого мало? Но на самом деле язычество не последняя остановка на триумфальном пути регресса.

Кстати, нельзя ли было бы уточнить, что такое – и в политическом, и в метафизическом смысле – Христианство, разорвавшее с Историей? Можно ли разорвать с Историей и не разорвать с Откровением? А может быть, существуют элитные группы, которые хотят Христианства, отступившего с территории Откровения на территорию Мифа?

Но будет ли это Христианство? Как оно удержится на этой самой территории Мифа? С какой именно – весьма своеобразной и никакого отношения к христианству не имеющей – эзотерикой оно должно сплестись, чтобы уцелеть на территории Мифа? О каком Мифе пойдет речь? Как присягнувшее ему «христианство» будет сопротивляться исламу, который вряд ли собирается отступать на территорию Мифа? Как оно будет сопротивляться религиям Востока, которые с территории Мифа никогда не уходили? Ах, оно не хочет сопротивляться? Но есть закон систем! Система, которая не

сопротивляется экспансии других систем, оказывается поглощенной ими. И что тогда?

Неужели же подобные экстравагантные новации порождены грезами о так называемом «национальном христианстве»? При том, что грезящие, называя себя православными, уже не хотят называть себя христианами? Но нельзя ли тогда попросить их более развернуто раскрыть понятие «наихристианство»?

Есть понятие «национальная идеология». Пока мы оперируем этим понятием, все в порядке. Но речь обычно идет о секулярных идеологиях. Социалистической, например. Или какой-либо другой. Демократической, почему бы нет? Тогда появляются гибриды разного качества. Например, печально известный национал-социализм. Или национальная демократия...

У определенных политиков возникает желание создать более сложные гибриды. Например, христианская демократия. Она создана? Создана. Есть вполне уважаемые партии. Например, что такое германская ХДС? ХРИСТИАНСКО-демократический союз. Значит, есть прецедент синтеза христианства и некоей идеологии.

А дальше может возникнуть и такая идея: если есть национальная демократия и есть христианская демократия, то почему не может быть христианско-национальной демократии?

Наверное, это возможно. И, безусловно, при этом христианское в рамках христианско-национальной демократии должно приобретать национальный оттенок. Но именно оттенок. Что значит перейти от оттенка к краске? Начнется вполне добропорядочный разговор о великом вкладе конкретной нации в общехристианское дело, а кончится заявкой на ее уникальность в этом деле. Соответственно, рухнет само дело: христианский универсализм. А под обломками гибнет все.

То есть, как только оттенок превратится в краску, краска станет коричневой. Но и этим не будут исчерпаны возникающие при подобных метаморфозах проблемы.

Нация – это субъект и продукт Модерна. Все мало-мальски корректное (христианско-демократическое и так далее), что наработано по части синтеза национального и христианского, **ВСЕЦЕЛО ОБУСЛОВЛЕНО МОДЕРНОМ**.

Контрмодернист не может апеллировать к нации. Если он и произносит это слово, то лишь по недоразумению, имея ввиду на самом деле племя.

Отказавшись от Модерна, надо отказываться от упомянутых выше корректных (хотя и проблематичных) вариаций на тему конструктивного синтеза нации и христианства..

Термин «национальное христианство» в контрмодернистском исполнении оказывается тождественным термину «племенное христианство». Что-то в этом направлении разрабатывали... даже не Гиммлер, а Гитлер и Розенберг. Начинать-то они с этого, да кончили другим.

Гитлер показал, что такое синтез христианского и племенного! И что при таком синтезе от христианства остаются рожки да ножки. Конкордат Третьего рейха с Ватиканом как раз и был констатацией того, что «ножки ваши, а рожки наши». В нацистской Германии эстафета быстро перешла от изуродованного христианства к язычеству. Но и на этом все не закончилось. Родилась весьма специфическая религия смерти. Как и полагается, со своим Мифом.

Может быть, речь идет о том, чтобы десантировать за счет регресса наш народ на территорию этого Мифа и там уничтожить окончательно? Что сначала провозглашается по сути «долой развитие! да здравствует регресс!», а потом это плавно перерастет в «долой жизнь! да здравствует смерть!»?

Отказ православия от развития порождает сокрушительные для православия политические и «корпоративные» последствия. Но религия не имеет права все поверять лишь политической и «корпоративной» целесообразности. Для религиозного человека метафизическая правда важнее политической целесообразности. Так в чем же эта метафизическая правда?

Ее политически необходимое обсуждение закономерно уводит нас на территорию крайней – и крайне специфической – сложности.

Прежде всего, обсуждать приходится онтологический статус Адама, находившегося в раю. А также место рая, то есть сакральную географию. Имеет ли Адам, находясь в раю, провиденциально замысленную полноту? Если он ее имеет, то ему дальше двигаться некуда. Только в сторону грехопадения. Но тогда имеет смысл говорить лишь об отрицательном движении. И Лоргус прав: метафизический развитие скомпрометировано. Однако, если опираться на слова авторитетов церкви – и Святого Андрея Юродивого, и Григория Синайского, прокомментированные святителем Игнатием Брянчаниновым, – Рай, где пребывает Адам, не есть высшее небо. Рай – это первое («нижнее») небо. Тем самым у Адама остаются возможности позитивного движения вверх – от первого неба к небесам более высоким.

Спросят: возможно ли это даже для безгрешного человека, каковым был поначалу Адам? А разве нет указаний на то, что некто, поврежденный первородным грехом, поднимался выше первого неба? Разве не говорил об этом прямо апостол Павел во Втором послании к Коринфянам: *«Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба»*?

Разве есть хоть один церковный авторитет, который сомневается в том, что Павел говорил о себе? То есть, повторяю, о человеке, поврежденном первородным грехом? В любом случае, он здесь прямо говорит о наличии третьего неба. Святитель Игнатий цитирует рассказ Святого Андрея Юродивого, поведенный им иерею Никифору: *«...Он, обратясь ко мне, сказал: "Не бойся, нам должно взойти выше" – и подал мне руку. Когда я схватился за его руку, – мы очутились выше второй тверди («твердь» и «небо» суть одно. – С.К.) ...И опять руководивший меня обратился ко мне, и подал мне руку, говоря: "Нам должно взойти и еще выше". С этим словом мы очутились выше третьего неба, где я увидел и услышал множество Небесных Сил, поющих и славословящих Бога»*.

Далее Святой Андрей говорит о том, как после видения Владыки Христа он, «не понимая и сам, как» – снова оказался «ходящим по раю». Святитель Игнатий Брянчанинов пишет в книге «Слово о смерти»: «Из этого видения святого Андрея видно, что рай есть ближайшая к земле небесная обитель, или первое небо, превыше которого находятся другие небеса».

Наверное, кто-то может захотеть изъять из «христиански безусловного» апокрифы о Енохе, пророке Исае, а также Ветхий Завет с вознесением пророка Илии. И забыть, что в этом корпусе текстов есть упоминания и о седьмом небе. Но Павла из

христианства изъять нельзя. И что-то мне неизвестно о каких-либо попытках игнорировать суждения и толкования Св. Игнатия Брянчанинова.

Но если Адам был всего лишь в Раю до момента грехопадения, то без этого самого грехопадения он должен был восходить, то есть развиваться. Значит, он не был совершенен настолько, что ему некуда было развиваться дальше. А значит, развитие в положительном плане существует. Изначальная природа, будучи благой, не являлась совершенной настолько, чтобы не быть улучшаемой! Спасение, обожение предполагает отнюдь не только восстановление изначального, но и превышение его. И это достаточно очевидно. Но это превышение, по определению, является фундаментальным позитивным развитием. И осуществляется оно в историческом времени, которое тем самым тоже обретает фундаментальный же позитивный смысл.

Так что такое попытка Лоргуса скомпрометировать развитие с якобы церковных позиций? Или даже представить это развитие всего лишь как компенсацию?

А.Лоргус (и ведь не он один) пытается скомпрометировать не только движение, противопоставив его неизменности, но и меру этого движения – Время (противопоставив оное Вечности). Посмотрим, насколько это совпадает с представлениями церковных авторитетов.

Дионисий Ареопagit пишет в сочинении «О Божественных именах»: *«Сущий (Исх.3,14) является сверхсущностной субстанциональной Причиной всякого возможного бытия, Творцом сущего, существования, субстанции, сущности, природы, начала, и Мерой веков, и Реальностью времен и Вечностью сущих, и Временем возникающих, и Бытием всего, что только бывает, и Рождением всего, что только появляется... Всех сущих и веков бытие от Предсущего; и всякие вечность и время – от Него»*. Так, значит, время – от Него!?

Преподобный Максим Исповедник так комментирует Дионисия: *«...Выход Божией благодати в чувственное, при его сотворении, мы называем временем»*. Время – выход Божественной благодати!

Мы видим, что А.Лоргус хочет скомпрометировать Время, которое у Дионисия неразрывно с Сущим («Мера веков», и «Реальность времен», и «Время возникающих») и которое Максим Исповедник называет «выходом Божией благодати в чувственное». Так чем занимается А.Лоргус? Подкопом под Божью благодать? Подо что еще? Ясно, подо что! Под Творение!

Сборник, в котором напечатана статья Лоргуса, называется «Шестоднев против эволюции». Урок Лоргуса состоит в том, что начав «за здравие», всегда кончают «за упокой».

Начав подкапываться под эволюцию, кончают подкопом не только под развитие, но и под Шестоднев. Сам по себе Шестоднев – это время? Время! Но тогда это благое Время! Это история? История! Но тогда это благая история! Значит, время и история могут быть благами?

Одно дело – рассуждать, кто творит (Бог или человек).

Другое дело – поставить под сомнение то, что Творчество разворачивается во Времени. И что именно Творчество, развернутое во Времени, представляет собой смысл Истории.

Я уже обсуждал ранее метафизические идеи странного толка, согласно которым якобы Большой Взрыв (в терминологии астрофизиков), послуживший началом нашей Вселенной, метафизически равноценен изгнанию Адама из Рая. Не началу Творения то есть, а моменту грехопадения. Одно дело – сказать, что Бог за шесть дней своего творчества, развернутого во Времени, создал мир, разместил в нем Рай, а потом изгнал Адама из Рая, а Рай то ли сокрыл, то ли изъяс из мира. А другое дело – сказать, что все шесть дней Творения Бог работал не над этим миром, а над чем-то другим. А этот мир – то бишь Вселенная – является «отходами производства» под названием грехопадение.

Можно ли предлагать такую версию и одновременно осуждать гностицизм? Мне кажется, вопрос риторический. Но он ведь еще и политический, не так ли?

На самом деле противопоставление «Время – Вечность» весьма и весьма коварно. Потому что в этом противопоставлении осуществляется сокрытие разнокачественности самого времени. Шестоднев – это Время, но это сакральное Время. Бог не отстранился, сотворив мир. В противном случае, чем является пришествие Сына?

Для всех мировых культур очевидно наличие сакрального Времени, врывающегося в обычное. Любая культура это чувствует, но наша, пожалуй, острее других. «Душа ПРАЗДНИКА просит», – говорят далеко не благообразные герои Шукшина. В России время праздника всегда ощущалось как особое время. В каком смысле особое? В том, что сакральное.

Праздник разворачивается во времени. Он без этого развертывания во времени немислим. Но он разворачивается в ДРУГОМ, отчасти сакральном времени. Не разворачиваясь во времени, он не является действием. А он является действием! Любое действие – церковное, ритуальное – имеет фазы и предполагает мистерияльность. Что такое мистерия? Это чередование сакральных жестов и сакральных слов. Это процессуальность, не так ли? Как она может существовать без времени?

«Душа праздника просит», она просит сакрального очистительного Времени. И разве неясно, что сама Душа находится в очень плотном переплетении со Временем? Плотность этого переплетения варьируется. Но подчас ее так наращивают, что становится в принципе невозможно разделить Душу и Время. Так что же, компрометация Времени должна стать еще и компрометацией Души?

Я уже говорил о том, что небестрепетно «десантируюсь» на территорию внутриконфессиональной метафизики. Но Лоргус-то десантируется бестрепетно на территорию науки (той же теории систем, например)! И как дискутировать? Я не хочу уподобляться Лоргусу и выступать с позиций «симметричных ответов». Однако какой-то ответ должен быть дан, иначе неизвестно, куда это все пойдет.

А.Лоргус не ограничивается в своих заходах на территорию науки теорией систем. Он еще и апеллирует к термодинамике, утверждая, что Творение полностью подвластно энтропии (Второму закону термодинамики) и что, соответственно, у него нет потенциала саморазвития. А.Лоргус параллельно с подобными рассуждениями противопоставляет науку XXI века науке XIX века.

Странно, что А.Лоргус при этом еще и учительствует по части методологии. Потому что в такой апелляции, таком выборочном черпании нужного ему из науки и таком противопоставлении науки XIX века науке XXI века нет никакой логики. И ему на это укажет любой грамотный методолог. Фатум Второго закона термодинамики – это типичное наследство науки XIX века. Мол, мир охладевает – и что с этим поделаешь? Или фатум, или Промысел. Но уже в начале XX века в ответ на коварный вопрос: «Что будет с человечеством, когда погаснет Солнце?» – звучал ответ: «Мы зажжем новое». Атомная бомба еще не была изобретена. Водородная тем более. Но наука уже отрицала фатум Второго закона термодинамики. А далее, по мере все более глубокого проникновения в тайны мироздания, философы науки все чаще рассматривали модель, в которой человек, доразвившись, находит способы согреть Вселенную, противостоя Второму закону термодинамики.

Пусть бы А.Лоргус почитал корифеев того, что он называет «методологией». Ильенкова, который был огромным авторитетом для Зиновьева и Щедровицкого, а значит, и для всей методологической школы. Или Лефевра, который просто является одним из отцов-основателей методологии. Все они писали о возможности такого антиэнтропийного космического действия, осуществленного человеком. Впрочем, еще задолго до них об этом грезил верующий христианин Рихард Вагнер. А Ильенков непрерывно слушал музыку онго.

Хорошо это все или плохо – пусть каждый сам решает для себя. Кто хочет, пусть скажет: «Вот какая гадость эта наука». Но пусть этот «кто-то» не профанирует объем проблемы, не навязывает науке какие-то школьные проповеди, от которых она ушла невероятно далеко. Для Лоргуса термодинамика – это линейная классическая термодинамика. Сегодня есть и квантовая термодинамика, и нелинейная термодинамика самоорганизующихся (то есть, развивающихся!) систем... И в это лезут, апеллируя к классической энтропии?

Однако почему, собственно, надо заикливаться на термодинамике? Есть же еще и теория информации! Тем более, что Лоргус говорит о теории систем как альтернативе теории развития. Что, и здесь он будет пугать общественность энтропией? После Людвиг фон Бергаланфи, Норберта Винера, Джона фон Ноймана? После того, как специально было введено понятие «негэнтропия» и этим подчеркнуто, что информация вне юрисдикции энтропии? Что там, где есть информация – между прочим, третье состояние бытия (не материя и не энергия), – там с этой самой энтропией все совсем не по учебнику физики Перишкина.

Наука XXI века – это в очень большой мере синергетика. Серьезные православные физики рассматривали вопрос о том, как научная синергетика соотносится с религиозной. Предполагая, что придется дискутировать по вопросу о развитии, я об этом упоминаю. Сейчас настало время для более развернутых обсуждений.

А.Лоргус говорит, что формы не усложняются... М.Миронова с ним солидаризируется в этом вопросе... Как это они не усложняются?

Между прочим, говоря «усложняются» или «не усложняются», вы уже прибегаете к логике. К выбору между «да» и «нет». И как осуществить этот выбор? К каким аргументам апеллировать? Один скажет, что все эти формы – суть модификации совершенной Протоформы. Другой скажет, что формы следуют одна за другой. Как выбрать между двумя утверждениями? Вы готовы предъявить совершенную Протоформу (Форму Форм)? Готовы показать, что это она сама себя трансформирует, создавая видимость усложнений? Но ведь показать (то есть доказать) этого нельзя! Значит, речь идет о самодостаточной Вере, освобождающейся от диалога с Разумом. Ну, освободились...

Разум же будет набирать и набирать доказательства. Вот царство протоэлементарных частиц (кварков)... А вот уже возникает агломерация таких частиц и появляются элементарные частицы как таковые. Вот зоны Вселенной, где ничего, кроме элементарных частиц, нет. А вот зоны, где есть атомы, но нет ничего другого. А вот уже молекулы... Потом кристаллы... Органические молекулярные цепочки невероятно сложного типа... Еще нет жизни, а восхождение форм началось. Потом возникает жизнь... Она качественно меняет свои формы и потенциалы...

Формы восходят. Почему в этом не может быть Божьего Промысла?

Почему это восхождение не может продолжаться и дальше?

И почему время – только порча, а не нечто совсем другое?

Еще древние говорили о двух типах времени – низшем (хронос) и высшем (кайрос). Низшее время наращивает энтропию, влечет к небытию. Высшее время способно преодолевать энтропию, излечивать энтропийное повреждение Бытия, НО ЭТО ТОЖЕ ВРЕМЯ! Не может быть метафизики вообще и особенно метафизики, связавшей себя с историей религии, без двух времен – обычного и сакрального.

В том-то и дело, что и наука начинает подбираться к подобного рода вопросам. Она тоже начинает говорить об активном и пассивном времени. Очень многое в этом плане сделал наш соотечественник – астрофизик Козырев. Но есть целая школа, которая мучительно нащупывает подходы к превращению времени из пассивного регистрационного скаляра в активный и креативный вектор. Например, теория музыки и психологическая теория музыкального восприятия в особенности. Насколько надо быть в принципе лишенным мистериального опыта, чтобы не понимать значения человеческой встречи с другим временем! Встречи буквальной, когда все меняется.

А может быть, речь идет не о непонимании, а о сознательном извращении? М.Миронова в своей статье «Категория "развитие" в психологии и христианской антропологии» приводит очень точный пример такого извращения. При котором цитируются слова из посланий Св. Апостолов: «От начала Творения все остается тем же» (2, Пет. 4). Не могу не повторить этот ее пример. Вот что сказано на самом деле: «Прежде всего, знайте, что в последние дни появятся наглые ругатели, поступающие по собственным своим похотям и говорящие: "где обетование пришествия Его? ибо с тех пор, как стали умирать отцы, от начала Творения все остается тем же"» (2, Лет. 3:4).

То есть те, кого я назвал «противники Времени», извращают смысл используемой цитаты, трактуют ее с точностью до наоборот. Они приводят в качестве позитивного аргумента слова тех, кто в тексте назван «наглыми ругателями». Но дело тут не в отдельных извращениях, а в своеобразной «клиофобии». То есть в нелюбви к Истории. Но разве не историей является жизнь Христа? Если бы не нужна была эта история – Крещение, искушение дьяволом, Голгофа, Воскресение, – «нечто»

произошло бы одновременно. Зачем было рождаться, жить, взрослеть, учительствовать? Как быть с этим временем и с этой историей при такой нелюбви к времени и истории вообще?

Мне кажется, я ответил на вопрос о сочетании политики и метафизической правды. Да, метафизическая правда важнее политики. Но эта метафизическая правда говорит в пользу развития. Всех доказательств – не приведешь. Разве приведенных недостаточно? А их ведь намного больше!

Раз так, то вывод напрашивается сам собой. Не метафизическую правду защищают, говоря, что она важнее адекватной политики. Нет, метафизическую правду извращают, подчиняя ее какой-то другой (и, видимо, не вполне адекватной) политике. ТУТ ГЛАВНОЕ, ЧТО ПОЛИТИКЕ.

У глубочайшего недоверия к времени и истории, к бытию, к форме (и обычной, и трансцендентальной) есть политический эквивалент. Он же – и метафизический фокус. Так что же это за фокус?

Многолетние занятия политической культурологией (а нельзя заниматься конфликтами и не заниматься политической культурологией), экспедиции в различные регионы мира, беседы (в том числе и весьма доверительные) с представителями самых разных религий убедили меня в том, что нелюбовь ко времени, истории, форме и бытию обязательно сочетается с нелюбовью к душе. Далеко не все религиозные люди любят душу. Есть и совершенно другое отношение к душе у людей, считающих себя «накаленно религиозными». Для этих людей (а возможно, и элитных групп) душа есть пагубное образование, от которого надо освободиться.

Я не буду излагать культурологический материал, доказывающий это мое утверждение, ибо такое изложение должно быть либо подробным, либо никаким. А будучи подробным, оно уж точно уведет нас в сторону. Поэтому вместо того, чтобы приводить доказательства, я ограничусь выдвижением гипотезы. Доказательства же приведу когда-нибудь в другом исследовании, не ставящем перед собой политических целей.

Здесь же я только укажу, что для тех, кто так метафизически негативно относится к душе (а нельзя, повторяю, будучи метафизиком и относясь негативно к времени и формам, относиться позитивно к душе), очень естественно желание отторгнуть историю и развитие.

Но тогда я должен подчеркнуть, что Россия для тех, кто так относится к истории, развитию, времени, формам, душе, – это не только слабое звено в политической, геополитической и иной имманентной цепи. Это еще и слабое звено в цепи метафизической, трансцендентной. И быют по этому звену с особой сокрушительной силой. Надо ли подробно рассказывать о том, в каких историософских и геополитических школах и почему Россию называют душой мира (буквально – «сердцем мира», «Хартлендом»)? Вряд ли... Об этом много говорилось... А главное – не зря ведь Россию так называют. Она действительно имеет в себе нечто душецентрическое. Причем это душецентрическое начало связывает все периоды ее непростой истории.

И не случайно в некоторых сочинениях утверждается, что поскольку телом мира является Запад, душой мира – Россия, а духом – Восток, то Россия должна подчиниться Востоку. Речь идет как об исламском Востоке, так и о Востоке другом.

Сочинения, о которых я говорю, не абстрактны. Они насквозь политизированы. Суть в них, конечно, закамуфлирована. И Запад, и Россия вместе составляют Клиос, христианский мир, мир истории, а значит, и развития. Россия действительно представляла собой место, где развитие любили не меньше, чем на Западе, но понимали его иначе, чем на Западе. Или, как минимум, не вполне так, как на Западе. В этом смысле Россия была альтернативным Западом (ну, хотя бы как альтернативная – православная – часть общей христианской цивилизации). Запад это свое «альтер эго» ненавидел больше, чем Восток. Так бывает между близкими родственниками. Но это ничего не меняло в существе отношений и в разделении ролей.

Желание остановить развитие, причем не в отдельных частях земного шара, а в целом, острием направлено на Россию. Ведь западный проект «Модерн» не только подрывается многочисленными контрмодернистскими противниками, но и «остывает» – по ряду объективных причин. И если Россия в очередной раз не станет местом альтернатив, местом выработки других – преемственных, но более горячих – проектов развития, развитие (чуть раньше или чуть позже) исчерпает свою собственную модернистскую энергетiku.

Россия сегодня может осуществлять Модерн лишь с оглядкой на неизбежное остывание одного завтра. Вряд ли ей удастся разогреть этот самый Модерн... Хотя кто знает?..

Но метафизических врагов развития беспокоит не примыкание России к западному проекту «Модерн», а возможность именно здесь какого-то нового слова, создающего новый – горячий – проект «Развитие» подобно тому, как это уже было в советский период. Этого не могут забыть! Этого не могут простить! Этого бояться, вопреки беспрецедентности российского оскудения. И для того, чтобы этому воспрепятствовать – именно для этого, – нужна и дебольшевизация, и предельная компрометация развития на всех уровнях, включая метафизический.

«Перестройка-2» и борьба с развитием как таковым на метафизическом уровне – это не параллельные заготовки. ЭТО ОДНА НОВАЯ ЗАГОТОВКА. И ее конечная задача – обеспечение полного небытия России (о чем, конечно, могут не догадываться многие энтузиасты-контрмодернисты от православия). Тут просматриваются отнюдь не только геополитические или геоэкономические цели. Тут просматриваются и цели метафизические: «Ах, Душа мира? Не будет Души – не будет развития. Не будет развития – будет регресс. Будет регресс – не будет мира. Повернем колесо истории вспять! Раскуем Кроноса!»

Нынешняя российская ситуация не благоприятствует серьезному отношению к словам и глубокому пониманию их подлинного значения. Играющие по поверхностному закону пиара противники обмениваются хлесткими словечками, как фехтовальными ударами. Еще недавно на этом поприще вне конкуренции было словечко «фашизм». Теперь – заметьте – оно ушло в тень. И это не случайно. Потому что одновременно из тени вылезли другие словечки. «Гностики»... «манихеи»... «Ты гностик». – «Сам ты гностик!» – «Ты манихей». – «Сам ты манихей!» – так ведется дискуссия.

Поверхностная политическая задача борьбы с революционными настроениями (безграмотно названная «противодействием ремиссии революционных настроений») сопрягается с гораздо более серьезными – масштабными и глубинными – задачами

(борьба с развитием, борьба с историей и так далее). Но и пресловутое «противодействие ремиссии» нельзя с порога отбрасывать.

Ведь любая серьезная теория развития (если это не суррогат под названием «устойчивое развитие») начинает иначе работать с этими самыми революционными настроениями. Она начинает – так ли, по-другому ли – использовать социальную энергетику для крупных трансформаций, без которых развитие невозможно. А то, что без таких трансформаций не обойдешься, как мне кажется, очевидно. Дебольшевизаторы очень любят ставить знак равенства между такими трансформациями и репрессиями! Они доиграются, отпугивая от трансформаций этим, как им кажется, беспроигрышным образом. Раньше или позже скажут: «Ах, не может быть трансформаций без репрессий? Но и жизни без трансформаций быть не может! Дашь репрессии!»

Я лично так никогда не скажу. Но это не значит, что не скажут другие. А главное – нельзя торговать страхом, трусливо прятать голову под крыло и считать, что все образуется. Не образуется! Бояться правды в нынешней ситуации означает нарваться на самые негативные и бессмысленно-кровавые сценарии развития событий. Так, значит, надо сказать правду. Хотя, конечно, говорить ее нелегко.

В 1990 году я и группа моих товарищей выпустили книгу «Постперестройка». Она размещена на интернет-сайте моей организации, и каждый может с ней ознакомиться. Если свести все содержание книги к одной стратегической (и прогнозно-аналитической) констатации, то получится следующее: «На обломках коммунизма при нынешнем развитии процессов сформируется только КРИМИНАЛЬНЫЙ КАПИТАЛИЗМ как общественно-политическая формация и система».

Прошло 18 лет. На протяжении первых лет после написания этой книги все просто рушилось. И у тех, кто не входил в узкую профессиональную страту, не было вообще никакого представления о том, что именно формируется. Казалось, что вообще ничего не формируется, клубится хаос. Хотелось, чтобы он перестал клубиться. Во второй половине 90-х стало понятно, что нечто формируется и что это нечто – именно КРИМИНАЛЬНЫЙ КАПИТАЛИЗМ. Начались крики по поводу того, что этого нельзя допустить.

А что значит – нельзя допустить? Казалось бы, следовало подумать о достаточно радикальной смене всего порядка вещей. О смене макросоциальных тенденций, приводящих к формированию этого самого криминального капитализма. Но, как только речь начинала идти об изменении тенденций, раздавался оглушительный визг: «Не смейте! Снова "Красный проект"? Вы зальете Россию кровью! Вы преградите ей путь к благосостоянию! Вы запустите мясорубку!»

Между тем было ясно, что мясорубка-то уже запущена самими тенденциями. А также теми, кто их создал и их поддерживает.

Не желая (и не умея) переламять тенденции, политический класс занялся тем, что это (мягко говоря, крайне упрощенное) классовое сознание воспринимало как свое ноу-хау и «супер-пупер». Он занялся не сменой макротенденций, а сменой лидерства. Так пришел Путин. И, придя, решил ряд серьезных тактических задач, как-то: централизация власти, отпор сепаратистам в Чечне, смена политического языка и так далее.

Уже решение этих задач кое-кого сильно встревожило. Но не более. Потому что макротенденции не были переломлены. А значит, специфическое социальное тело под названием КРИМИНАЛЬНЫЙ КАПИТАЛИЗМ, распухая, продолжало наливаться силой, отвечающей его субстанциональному качеству. Эта сила соглашалась подчиниться власти лишь постольку и до тех пор, поскольку и пока власть не задевала ее ключевые интересы.

«Единая Россия» готова была голосовать за любые решения Кремля. Но... Когда Кремлю показалось политически и электорально полезным провести закон о ликвидации казино и игорных автоматов – вроде бы покорная его воле сила встала на дыбы. И закон был блестяще провален. Точнее, принят... в форме, обеспечивающей суперконцентрацию игорного бизнеса в так называемых игорных зонах. При определенной способности к обобщениям это могло бы тревожить донельзя. Но текучка... Но сиюминутные политические проблемы... Короче, это осталось абсолютно неосмысленным.

А пухнущему социальному телу – то бишь криминальному капитализму – только это и надо. Тело продолжало расти. Блестяще справляясь с некоторыми частностями, власть ничего не могла противопоставить такому росту. Ведь не разговоры о борьбе с коррупцией надо ему противопоставлять, если речь идет о подлинном, а не о риторическом противопоставлении.

Противники моего диагноза скажут, что я мажу всех одной криминальной краской. Почему это всех? И почему наличие некриминальных людей на всех этапах власти должно быть доказательством неправильности такого диагноза? Если у вашего пациента опухоль, а вы в процессе исследования натываетесь на здоровые клетки, то значит ли это, что пациент здоров?

КРИМИНАЛЬНЫЙ КАПИТАЛИЗМ, разрастаясь, не может не захватывать различные социальные периферии. Не может в обществе, где долго существует КРИМИНАЛЬНЫЙ КАПИТАЛИЗМ, не возникнуть криминальной милиции, криминальной медицины, криминального образования и так далее.

КРИМИНАЛЬНЫЙ КАПИТАЛИЗМ, предоставленный самому себе, не может не двигаться по регрессивной траектории. Он будет постепенно превращаться в криминальный же феодализм и так далее. Для того, чтобы этому воспрепятствовать, надо действительно выдвинуть проект формационного преобразования, он же проект «Развитие». Декриминализация капитализма – это не борьба с коррупцией. Это вывод всего капитализма из весьма специфической стадии первоначального накопления капитала. Нельзя это сделать, не продавливая, причем весьма волевым образом, некие социальные, политические, культурные и иные макроинициативы.

Альтернативой этому является гниение. Так, может быть, кому-то и нужно гниение?

Некоторое время назад лояльный к власти «Левада-центр» вдруг предъявил результаты соцопроса верхушки среднего класса. «Левада-центр» назвал верхушкой среднего класса жителей Москвы с доходами больше полутора тысяч евро в месяц на человека, жителей Санкт-Петербурга с доходом больше тысячи евро в месяц на человека и жителей других городов России с доходами больше восьмисот евро на человека.

«Левада-центр» показал, что исследованный им контингент сильно тяготеет к отъезду из России. Это вызвало достаточно болезненную реакцию власти. Что до меня, то я совсем не уверен, что этот контингент – соль земли и опора нужных для

страны трансформаций. Я думаю, что контингент столь же многолик (культурно, социально, ценностно, политически), а значит, и «разнополезен», как и другие слои населения. Но не в этом дело.

Предположим, что это актив. Этот актив может выехать из страны (хотя слова и даже намерения не всегда переходят в дела). А может и не выехать. Рассмотрим оба сценария.

Если он не выедет (и он актив), то он будет пытаться на что-то как-то воздействовать. Вопрос – на что и как. Он может воздействовать как деструктивно (пресловутым «оранжевым» образом), так и конструктивно. Тут все дело в том, кто оседляет энергию, кто отформатирует тенденции, куда будет направлен вектор активности.

А теперь предположим, что он выедет. Пусть и не сразу, а за несколько лет. Тогда сформируются правящий слой (обитатели Рублевки, а в перспективе и Сочи) как совокупный управляющий и нечто, чем надо управлять. Предположим (опять-таки не факт, повторяю – я абсолютно не загипнотизирован слоем, к которому приковано внимание «Левада-центра»), что все остальное – это пассив. Тогда образуется классическая картина гниения. Наверху – квазиафриканская элита (псевдоэлита, антиэлита), существенную часть времени проводящая за границей и наблюдающая за тем, чтобы массы находились в социальной инерции («состоянии покоя или равномерного прямолинейного движения»). Вектор движения в этом случае ясен, и это отнюдь не развитие. А внизу – африканизированные массы.

ЗАЧЕМ ИМ ТОСКОВАТЬ О РАЗВИТИИ? ИМ НАДО РАЗНЫМИ СПОСОБАМИ ВБИВАТЬ В ГОЛОВУ, ЧТО РАЗВИТИЕ – ОТ ЛУКАВОГО. ЧТО ЭТО МЕТАФИЗИЧЕСКИ ЛОЖНЫЙ ОРИЕНТИР. ЧТО ИХ СОСТОЯНИЕ ПОКОЯ КАК РАЗ И ЕСТЬ ПРАВИЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ. ЧТО ИХ БЕДЫ ВЫЗВАНЫ «ЧУМОЙ РАЗВИТИЯ», КОТОРУЮ НАСЛАЛИ НА ИХ ГОЛОВЫ КОММУНИСТЫ («ПЕРЕСТРОЙКА»–2, –3 И ТАК ДАЛЕЕ). ЧТО ИМ НАДО КАЯТЬСЯ И КАЯТЬСЯ («ПОКАЯНИЕ»–2, –3 И ТАК ДАЛЕЕ). А ПОСКОЛЬКУ ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ЭТИ МАССЫ ОПАСНЫ, ТО НАДО СДЕЛАТЬ ВСЕ ВОЗМОЖНОЕ, ЧТОБЫ ВЫРВАТЬ ИЗ КУЛЬТУРЫ, МЕНТАЛИТЕТА, ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ВСЕ, ЧТО МОЖЕТ ПРИВЕСТИ К ПРЕСЛОВУТОЙ «РЕМИССИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ НАСТРОЕНИЙ». ИМЕННО ВСЕ, ВКЛЮЧАЯ...

Включая метафизические корни этих самых революционных настроений и их (ох уж эти умные словечки не к месту!) «ремиссий». А где же корни? Ведь большевизм же что-то породило? И это «что-то» находится в нашей культуре глубже, нежели сам большевизм.

Теоретики денацификации, взявшиеся за выкорчевывание корней фашизма в Германии, в основном принадлежали к Франкфуртской школе. Школа эта сама была изначально не чужда революционным настроениям. Но, перекочевав в США, стала существенной частью концептуальной культуры, используемой в том числе и ЦРУ. А также всеми остальными борцами с «ремиссиями наоборот». Эти теоретики и их коллеги из разного рода учреждений, тяготеющих к тем или иным конфессиям, довольно быстро сообразили, что искать и вырывать надо именно метафизические корни. Поскольку, во-первых, только они могут давать новые всходы. И, во-вторых, только их отсутствие абсолютно парализует тех, у кого их вырвали.

И что же это за корни в исследуемом нами российском случае? Прежде, чем перейти к анализу данного крайне важного вопроса, зафиксируем то, что можно назвать «промежуточными результатами».

Первое. Дебольшевизация–2 или «перестройка–2» нужна для того, чтобы переключить компьютер под названием «общественное сознание» с программы «развитие» на программу «саморазрушение» (иначе – «Танатос–2»).

Второе. Есть определенные, пока еще начальные симптомы такого «переключения компьютера».

Третье. Центральными при таком переключении должны стать псевдобелые мифы (они же «коды»). Именно они должны сыграть в «перестройке–2» ту роль, которую в «перестройке–1» играли мифы псевдодемократические.

Четвертое. Главным из псевдобелых мифов будет миф о невероятном и беспрецедентном по своей зловещности убийстве царской семьи.

Пятое. Неизвестно, выйдет ли подобная наработка за рамки «пробы пера». Этому может помешать очень многое... Вялость нынешнего российского общества... его разорванность... психотренинг, приучивший к лицемерию по телевизору разного рода жестокоствител... жизненная практика, которая приучила к тому же самому ничуть не меньше, чем телевизор. И так далее. Словом, гарантий успеха нет. Но шанс на успех есть. И его нельзя сбрасывать со счетов.

Шестое. Есть попытка мобилизовать на «перестройку–2» определенные круги в РПЦ.

Седьмое. Для РПЦ эта мобилизация может иметь самые сокрушительные последствия.

Восьмое. Еще более сокрушительные последствия это может иметь для действующей власти. А значит, и для государства.

Девятое. Параллельно с этими попытками (выдаваемыми за борьбу с возможными «революционными настроениями») осуществляются системные попытки скомпрометировать уже не какой-то там большевизм, а развитие как таковое.

Десятое. Эти амбициозные попытки и попытки дебольшевизации–2 каким-то образом внутренне согласованы.

Одиннадцатое. Согласование весьма похоже на действия по выкорчевыванию неких метафизических корней.

Двенадцатое. Выкорчевывание метафизических корней обрекает народ и государство на беспрецедентное по униительности гниение. Именно гниение.

Ну, так все-таки какие же корни хотят во имя неразвития выкорчевывать?

Я очень подробно разбирал политические демарши, сопровождавшие 90-летие трагической гибели царской семьи. Такая подробность была абсолютно необходима в том числе и для того, чтобы не строить концептуально-прогностическую модель (а модель «перестройки–1» – это, конечно, концептуально-прогностическая модель) на каких-то там текстах А.С.Ципко. Такое построение на единичном частном примере было бы, безусловно, некорректно. Да я и после того, как доказал неединичность высказываний по поводу покаяния–2 и их далеко не частный характер, не считаю представленный массив высказываний абсолютно репрезентативным.

Я в принципе могу предположить, что в окрестности круглой даты люди и движения, к этой дате небезразличные, осуществили, так сказать, обычное публицистическое крещендо. Что по прошествии даты все развеется, «как сон, как утренний туман». Я готов признать такую «гипотезу локальной приуроченности» правомочной. Я только не готов признать

ее единственно возможной. И выдвигаю на основе приведенного материала также и другую гипотезу – «перестроечную».

Я не превращаю гипотезу в теорию. Еще раз повторю, что на пути реализации гипотетического перестроечного сценария есть, слава богу, огромные трудности, в том числе и вытекающие из негативных обстоятельств. К каковым можно отнести:

- отсутствие нынче той тяги к переменам, которая была в конце 80-х годов XX века;
- отсутствие чувствительности к моральным суррогатным истерикам, вытекающее из отсутствия чувствительности к морали как таковой;
- отсутствие былой наивности;
- отсутствие настоящей централизации информационных и иных ресурсов и так далее.

Кроме того, нет и «властной подударности» необходимого типа. ЦК КПСС еще можно было сделать виновником убийства царской семьи. Ту систему еще можно было, назвав коммунистической, атаковать с описанных мною позиций. Как обвинять Путина и Медведева в том, что они свирепо расправились с невинными царствующими особами, непонятно. Хотя... В горячие юбилейные дни раздавались восклицания о том, что царя убили чекисты (не коммунисты, а чекисты).

Помним ли мы события двадцатилетней давности? Помним ли мы их не только обычной, но и особой – эмоциональной – памятью? Если помним, то не будем пренебрегать иррациональным... Экзальтированную толпу можно убедить в самых разных вещах. Каких именно?

Стоит ли, что называется, рассусоливать? В принципе и так понятно... Политические бои не за горами (считал бы иначе – не тратил бы силы на подобную аналитику). И это будут именно бои, а не спортивные поединки. Корректности – не ждите, слишком высок накал.

Уверю вас – рассмотреть гипотезу «перестройки–2» более чем полезно. Не надо на ней заикливаться. Не надо превращать гипотезу в роковую предопределенность. Но анализировать, безусловно, надо. Ибо не рафинированностью отдает от всего этого, а страстным желанием некоего рафинэ оседлать подворотню даже в том случае, если по множеству своих характеристик это рафинэ оседлать подворотню не может. А может только ее подстрекнуть и тут же оказаться подмятым им же спровоцированными эксцессами.

Ровно в той же степени, в какой нельзя строить гипотезу «перестройки–2», исходя из единичных частных высказываний, нельзя строить таким образом и гипотезу о деанатпуэзации. Слово «анатпуэзация» от греческого «анатпуэ» – «развитие». Ведь не говорить же о прогрессе вообще и линейном тем более. Как-то уж очень заужено и затерто. А других адекватных латинских слов я не нашел. Наше слово «развитие», кстати, богаче, чем многие иностранные термины. Не хочу подробно обсуждать его тонкую семантическую структуру. В целом она и так понятна (раз-ВИТИЕ). Но ведь не скажешь «дезаптуэзация» по аналогии с «дегуманизацией». Как-то, согласитесь, плохо звучит.

Ну, так вот. Деанатпуэзация – это организованная идеологическая и даже метафизическая дискредитация развития. Имеет ли место нечто в этом роде? Причем не на уровне отдельных высказываний? Ну, высказал А.Лоргус некое мнение о несовместимости христианства с развитием... Бог знает когда он его высказал – аж в 1999 году. И что? Отдельное высказывание не может быть основой для формирования столь далеко идущих гипотез. Ну, высказал и высказал... Не он первый высказывает подобное мнение... Хорошо, что высказывает, причем публично...

Можно корректно оппонировать. И с помощью этого оппонирования начать обсуждать фундаментальные теоретические проблемы, не удаляясь при этом в башню из слоновой кости. Мне, например (как гуманитария, как эксперта – не более), обсуждать отличие Хроноса от Кайроса или Рая от седьмого неба гораздо интереснее, чем доказывать, что Волга впадает в Каспийское море, то бишь что перепрыгнуть «историческую пропасть» шириною в 70 лет невозможно.

Так есть ли тенденция? Хотя бы просто интеллектуальная, и тем более интеллектуально-политическая? Ну, высказался А.Лоргус от лица некоей группы православных методологов... И что? Мне понятно, что такая группа есть. Но кто ее знает?... Может быть, одни ее представители считают развитие метафизически допустимым, другие нет... Пусть они сами высказываются. Вот уж чего никогда не буду делать, так это «склеивать на соплях» некие «группы и силы».

Интеллектуалы не солдаты в строю. А если даже и солдаты, то строй – рассыпной, а не регулярный. Но главное – что они действительно не солдаты. Они действительно индивидуалисты и эксклюзивщики. И рассматривать их нужно адекватно их функциональной специфике. То есть нужно индивидуализировать каждый случай, каждый текст, каждое высказывание. Но это вовсе не значит, что нет ничего, кроме индивидуализированных случаев.

Так как же корректно перейти от случая к явлению?

Давайте применим метод дедукции. Предположим, что некто хочет истребить не саму «красную заразу» (политическая дебольшевизация), а ее метафизические корни (метафизическая дебольшевизация). Куда он прежде всего ударит, если он настоящий интеллектуал, а не только политический публицист?

Общеизвестно, куда. Он начнет бить по хилиазму как таковому. Коммунисты хотят построить Царство Божие на земле? Кто верил в построение Царства Божия на земле? Хилиасты (иначе – милленаристы), сторонники религиозного учения, согласно которому концу мира будет предшествовать тысячелетнее «Царство Божие на земле». Отсюда хилиазм (греческое «хилиас» – тысяча).

Хилиазм выражал чаяния тех, кто был растоптан социальной и иной – сугубо реальной и конкретной – вопиющей несправедливостью. Уповать на то, что эта несправедливость будет преодолена лишь в Царствии Небесном, а не на земле, эти люди не хотели. Слишком велик был гнет обрушившейся на них конкретной несправедливости. Хилиазм как таковой никак нельзя вывести за скобки христианства. Ну, не выведешь за эти скобки Апокалипсис Иоанна Богослова, да и многое другое. Не перечеркнешь походя авторитет Иринея Лионского, Тертуллиана, Аполлинария Лаодикийского и других.

Все понимают, что в основе революционной воли к изменению порядка вещей лежат именно хилиастические ожидания, выражающие в том числе и антифеодальные настроения крестьянско-плебейских масс. Да и любые антиаристократические настроения вообще. Все знают также, что для традиционных (и близких к традиционным) христианских обществ чем больше социальный гнет, чем он оскорбительнее и нестерпимее, тем выше хилиастический накал.

В России перед 1917 годом этот накал был беспрецедентно высок (смотри уже обсужденный мною вопрос о том, ОТКУДА народ переезжал в «ужасные коммуналки»). Но ничуть не меньше этот накал был у чешских таборитов, у анабаптистов Мюнстерской коммуны, у так называемых «Людей пятой монархии» во время Английской буржуазной революции XVII века. На нем построена «религия меча» христианского революционера Томаса Мюнцера, считающегося одним из предтеч коммунистов. Сам Мюнцер обращался в своих религиозно-идеологических начинаниях к учению Иоахима Флорского о так называемом христианстве Третьего Завета.

Так что отнюдь не русские в силу каких-то своих «пороков» породили хилиазм. Хилиазм – это мировая тенденция, причем глубоко закономерная. В России, кстати, эту тенденцию выражали не Ленин или Свердлов (они-то как раз хотели работать на ниве светской идеологии, как подлинные ученики революционных демократов), а Ф.Достоевский, В.Соловьев и многие другие. Весь русский Серебряный век был проникнут этим. Д.Мережковский, Н.Бердяев, В.Розанов, З.Гиппиус... Да мало ли еще кто? Безусловно, Н.Федоров.

Увлекавшийся тем же самым и негативно впоследствии оценивавший эти свои увлечения Сергей Булгаков говорил обо ВСЕМ русском Серебряном веке как об интеллигентской хилиастической секте. В любом случае, речь о масштабном духовном явлении, идущем через века и имеющем свои глубочайшие исторические корни.

Многие ищут эти корни в иудаизме. Мол, иудейское учение о мессии... иудейская же апокалиптическая литература периода Маккавейского восстания и гонений Антиоха Епифана... восстание Бар-Кохбы... Этот иудейский генезис, конечно, присутствует. Равно как и другой, тоже иудейский и более древний. Тут и Пророчество Исайи о всеобщем мире и установлении гармонии между человеком и природой. Тут и Пророчества Иезекииля О Новом Иерусалиме. Ну и, конечно, книга пророка Даниила, Псалмы Соломона, Книга тайн Еноха, Завет двенадцати патриархов, Апокалипсис Ездры, Апокалипсис Баруха и так далее.

Эта Ветхозаветная традиция существенна. Но непонятно, почему ее надо считать единственной. Фактически нигде в мире реакция традиционного общества на невыносимый гнет не оформлялась иначе, как через аналогии хилиазма. Все простые люди – даже в религиях, которые в принципе считают земную жизнь морозом и тем, от чего надо избавиться, – восставая, грезили о царстве справедливости на земле.

Мечта о создании на земле настоящей гармонии столь же древняя, как и человечество. Она столь же древняя, как и мечта о бессмертии, и в целом созвучна ей. Она приобретала разные обертона. Она приводила к очень разным эксцессам. Но ее нельзя изъять из человечества, не разрушив человечества. Как нельзя ее неразрушительным образом изъять из культуры – европейской, российской, общемировой. Как нельзя ее изъять из христианства, фактически из любой метафизики.

Но если у вас в сознании развился невроз дебольшевизации и вы хотите задушить все, что так или иначе отдает «большевизмом», то вы начнете свирепо РАСПРАВЛЯТЬСЯ с этим самым (далеко не однозначным и не однородным) хилиазмом вместо того, чтобы ИССЛЕДОВАТЬ его и ПОНЯТЬ. Кто и как хочет производить такую расправу? Главное здесь – «кто», которое изначально, в силу невротизации темой большевизма, было тесно связано с осуществлением подобного «как». Это «кто» – конечно же, белая эмиграция, пострадавшая от большевизма. Она пострадала страшно – кроваво и унижительно. И, сводя счеты с большевизмом, совершенно не собиралась проявлять академическую объективность.

Накаленный антисемитский миф был абсолютно естествен. Он был нужен для того, чтобы мобилизовать хоть какие-то массы в России. Он имел богатое фактурное подтверждение («вот кто такие эти революционеры!»). Он, наконец, ложился на хорошо проработанную с конца XIX века «спецтематику» – «Протоколы сионских мудрецов» и все прочее.

Миф – он и есть миф. Он нужен пропагандистам, мастерам информационной войны. Но на определенных этапах он становится абсолютным препятствием на пути к пониманию действительного процесса. Содержание, требующее объективного анализа, попадает в орбиту мифов и трансформируется до неузнаваемости. Увы, это не исчерпывается темой убийства царской семьи и сходными острыми историко-политическими сюжетами. Это распространяется и на сферу фундаментальной интеллектуальной аналитики, метафизической в том числе.

Где миф – там и лубок. Антисемит приходит в антикварный магазин и видит рояль: «Что такое эти черные штучки? Это жида?» – «Нет, гражданин, это клавиши». – «А эти белые штучки что, это жида?» – «Гражданин, это тоже клавиши». – «Клавиши?» – «Да, клавиши» – «А из чего они?» – «Из слоновой кости». – «Во, жида проклятые, что со слонами сделали!»

Дело не в том, что кто-то хочет табуировать тему еврейского участия в революции 1917 года. Дело в том, что обсуждать надо – находясь в адекватном состоянии. Ну, хорошо, есть у кого-то антисемитская страсть. Но ее тоже надо держать в рамках... Нет, не приличия, а хотя бы адекватности. А иначе – как в анекдоте. Так ведь на это укажут!

Кому-то, конечно, приятно говорить, что «еврей Тальберг мешал нашему Соколову расследовать еврейские ритуалы в деле царской семьи». Но, как я уже говорил в части IV, Тальберг (а) не еврей (русское сознание очень интернационально по сути и потому подчас не понимает тонких отличий). Тальберг (б) был суперантисемитом и входил в узкий круг тех, кто распространял «Протоколы сионских мудрецов». Тальберг (в) потому и не хотел, чтобы Соколов разбирался с ритуалами, что знал: это разбирательство покажет, что ритуалы не еврейские, а совсем-совсем другие.

Теперь представьте себе, что кто-то надул пузырь «наш Соколов против еврейского Тальберга». Потом – легкий укол: мол, Тальберг такой же еврей, как Будберг... или как Унгерн... И что происходит с пузырем? Кроме того, это все-таки наша история. Интересно же знать, что за ритуалы, если они были... В клубящейся, разорванной на части России ритуалы могли быть хоть канибалистскими. И это не имеет решающего значения для оценки исторического процесса. Но ведь интересно! И не только в плане узко-историческом – в политическом тоже. Так почему не разобраться-то? Потому что всё «из слоновой кости»?

Глава II. «Корень скверн»

Пиамы Павловны Гайдено – не отец Андрей Лоргус. Она в отечественной научной среде весьма серьезный авторитет. Все

мы учились по ее книгам. Об экзистенциализме, в первую очередь, но и не только. Понятно, что в советскую эпоху кого допустили к возможности, цитируя обильно экзистенциалистов и излагая их мысли, публиковать что-то, того и читают. Как читали критику западной философии? Критическим духом проникались? Отнюдь. Читали, чтобы хоть таким образом приобщиться к этой самой западной (почему-то непереуценной и неопубликованной) философии. В этом было идеологическое убожество, которое я никоим образом оправдывать не намерен. Соответственно, кто печатал и хотя бы излагал – уже получал фору. Но Пиамы Павловны пользовалась этой форой очень тактично. Излагала корректно. И все всегда это ценили и уважали.

Пиамы Павловны, которую мы знаем по ее книгам об экзистенциализме, – это настоящий ученый. И в этом смысле – носитель советской традиции, сильная сторона которой была в строгости и эрудированности, в нормальной – глубокой и широкой – компетенции.

Пиамы Павловны не меняла академическую деятельность на иной род деятельности, университетскую кафедру – на амвон. Она НАСТОЯЩИЙ доктор философских наук, НАСТОЯЩИЙ член-корреспондент Академии наук. И кому, как не ей, заведующей сектором философских проблем истории науки Института философии РАН, сказать что-то объективное и серьезное об этом самом хилиазме. Конечно, дистанция между хилиазмом и экзистенциализмом XX века (узкий профиль Пиамы Павловны) велика. Но не настолько, чтобы снизить ценность выступления на эту тему такого авторитетного философа, как Пиамы Павловны Гайдено.

Ну, так вот. В январе 2000 года состоялись Восьмые Рождественские образовательные Чтения. Впервые в рамках Рождественских образовательных Чтений прошла конференция «Христианство и философия». Председательствовала на конференции П. П. Гайдено.

27 января 2000 года П.П.Гайдено в конференц-зале Института философии РАН прочла доклад «Апокалиптика, хилиазм и эллинская философия». Пиамы Павловны обрушилась на хилиазм так же, как отец Андрей Лоргус – на развитие. И сходство здесь далеко не формальное.

Пиамы Павловны не обсуждала хилиазм, а пригвоздила его к позорному столбу в духе того самого «противодействия ремиссии революционных настроений». Пиамы Павловны достаточно умна для того, чтобы продвинуться дальше банальной дебольшевизации. И даже дальше дебольшевизации–2, являющейся, конечно же, не простым повтором дебольшевизации–1, а следующим шагом в очень определенном направлении. Творчество о. А.Лоргуса показывает, что это за направление. Ибо, как мы убедились, именно его деанатупеизация (провозглашение развития скверной, родственной большевизму) представляет собой следующий шаг в направлении, задаваемом такими вехами, как дебольшевизация–1 и дебольшевизация–2.

Пиамы Павловны движется в том же направлении. И, конечно же, делает еще один шаг на этом «большом пути». Отдавая себе отчет в том, что у родственных скверн (большевизма и развития) есть общий метафизический корень, она предлагает истреблять не бесконечные побегы, а этот самый метафизический «корень скверн». И в самом деле, что такое искоренение? Это именно истребление корня. Нашупав «корень скверн» (настаиваю – не скверны, а скверн), Пиамы Павловны решила поделиться своим открытием с православной общественностью. Ее право.

Я не работал в Институте международного рабочего движения (как некогда Пиамы Павловны). И тайна, в силу которой ученого может так привлекать задача искоренения, – для меня «за семью печатями». В моем понимании – это не научная, а инквизиторская задача. И вроде бы высоколобая советская общественность страдала от гнета обуреваемого инквизиторскими страстями сусловского партаппарата... Теперь этого гнета (который, не оправдывая, можно все же объяснить идеократичностью советского государства) нет. И идеократичности нет. Ну да ладно... Как говорится, дело вкуса...

Моя задача – рассмотреть концепцию «корня скверн», предложенную Пиамой Павловной, показать, что это еще один шаг на том же пути, который торит взявший некий след Лоргус. И, принимая подход автора (судить художника надо по законам, которые он сам разделяет и выбирает для себя), разобраться в том, насколько соблюдаются принятые Пиамой Павловной для себя нормы инквизиторской корректности. Она же – корректность в рамках ведения идеологической (не научной, а идеологической!) полемики.

Ведь борьба идеологий, в которую Пиамы Павловны теперь включается не в силу гнета партаппарата, а по зову души, имеет свои нормы корректности. Даже если это война. Война не беспредел. Есть нормы ведения боевых действий. Соблюдаются ли хотя бы они? А если не соблюдаются, то в какой степени и почему? Куда нацелено острие удара, наносимого Пиамой Павловной? То есть номинально оно, конечно же, направлено в хилиазм.

Большевики хотели «рая на земле»... Кто его еще хотел? В чем традиция? Мне так все время хочется задать ответный вопрос: «А кто его не хотел? И как можно было его не хотеть? Или точнее – чего же должен был хотеть верующий человек так называемого "традиционного" общества?» Человек – единственное живое существо, знающее, что умрет, и продолжающее жить. Существо это может, конечно, сказать: «Вот и ладненько! Пожить надо в свое удовольствие... И – вовремя помереть...»

Но такое существо нельзя назвать религиозным. Религия – это ответ на вызов Танатоса. Человек будет добиваться бессмертия. Либо уповая на Бога. И тогда он религиозен. Либо уповая на Разум и науку как его порожденье. «Мама, – плачет ребенок, – любимый дедушка умер! Как мне смириться с потерей... И я... я тоже умру?»

Если мама религиозна, то она ответит на это определенным образом. Ее вариант ответа (назовем его **вариант №1**) сведется к тому, что любимый дедушка теперь обрел новую, лучшую жизнь. Но ведь жизнь! И она, мама, и ее дитя (которое она успокаивает) тоже когда-нибудь обретут лучшую жизнь и воссоединятся в лоне этой лучшей жизни с любимым дедушкой. А также всеми другими, кто уйдет, породив в душах оставшихся безмерную боль утраты.

Это не единственный, но преобладающий вариант религиозного ответа. Есть ли иные?

Вариант №2, тоже религиозный (но другой религии), гласит, что жизнь – это ужасная мерзость, от которой невозможно избавиться. Что дедушка никуда не ушел (хрен, я извиняюсь, уйдешь!). Что душа его переселилась в другое тело и опять мучается в аду этой самой жизни, ужасной в силу своей ничем не исправимой сущности. Но что муку можно смягчить, если

соблюдать особые (религиозные) правила. Религия в этом варианте не дарит вечную жизнь (бред какой-то!), а смягчает стресс жизни, учит, как изживать, а не наращивать муку («развязывать кармические узлы» и так далее). Для дерзких предлагается быстрый путь достижения высшего счастья, коим является избавление от муки жизни вообще. Это путь левой руки. Остальные должны идти путем правой руки и затратить на избавление много индивидуальных жизненных циклов, являющихся единым и неотменяемым стрессом (мукой) под названием «жизнь».

Вариант №1 и вариант №2 качественно отличаются. Они отличаются и по региональной привязке, и по историко-культурной специфике. В плане же того, о чем я говорю, они отличаются по сотериологии (учению о спасении). Религиоведы в XX веке заговорили даже о «формуле спасения». Вариант №1 этой формулы – вечная жизнь как дарованное Богом для идущих благим путем чад, терзаемых ужасом смерти. Вариант №2 этой же формулы – избавление идущих благим путем от ужаса под названием «жизнь».

Вариант №3 – нерелигиозный. Плачущий ребенок задает тот же вопрос о дедушке. А мать ему говорит: «Ты не бойся. С дедушкой, увы, все так. Но тебя это не коснется. К моменту, когда ты вырастешь, ученые найдут лекарство от смерти». Мать, правда, не объясняет малышу, что будет с дедушкой. Но если малыш, повзрослев, не перестанет этим вопросом мучиться, то ему ответят, что наука всемогуща и, в принципе, она и мертвых воскресить сможет (по генетическим останкам, информационному полю или еще как-то, «она вон как движется вперед, наука-то! Кто ее знает!»).

Вариант №4 – тоже нерелигиозный. Человек должен смириться со смертью без воскресения (религиозного или научного). Он должен любить жизнь и знать, что ее отнимут и не вернут. Он должен мириться с потерями. У матери смерть унесла любимое дитя – она воеет и, в лучшем случае, утешает себя тем, что может родить новое дитя. А если не может? А если и с новым случится то же самое? А если ей дорого именно потерянное в его неповторимости? Ответа нет. В лучшем случае говорится, что «надо помнить». Почему надо? Кто и что будет помнить после смерти самой матери? Уникальность своего чувства не передашь... Да и зачем?

Так что суть варианта №4 состоит в том, чтобы развести руками и сказать: «Эх-ма! Такая вот штука – жизнь!» Стоп-стоп. Какая именно такая? Такая, что все это в себе содержит, а ее надо любить? Ты ее будешь любить, а она у тебя все, за что ты ее любишь, будет отнимать? Ах, ты передашь это любимым детям! А они – внукам... Что передашь-то? Понятно, что ПЕРЕДАШЬ... Непонятно, ЧТО передашь.

Вариант №5 – тоже нерелигиозный – в том, что нужно создать человека, не ведающего о смерти («неведающее дитя»). Достоевский вложил этот вариант в уста Великого Инквизитора. Видимо, есть весьма могущественные сторонники такого варианта ответа на вопрос о «вызове смерти». А значит, и такого варианта будущего для человечества. Но напрямую пока никто о таком варианте не говорит. Его контуры можно угадать во многом из того, что реально осуществляется (та же эвтаназия, и не только).

Но назвать это во всеуслышанье спасительным ответом на «вызов смерти» никто не решается. Великий Инквизитор – это литературный герой. Сообщает он об этом Христу в порядке великой тайны. Оговаривая при этом, что все человечество в подобную (ведь буквально же – 4Д!) «дженерэйшн» превратить нельзя. Что должно для управления оным остаться меньшинство, «взвешавшее на себя проблему познания добра и зла». Что управлять это меньшинство будет опираясь на чудо, тайну и авторитетно сути, описана антиутопия, мало чем отличающаяся от оруэлловской.

Отдельные люди принимают для себя тот или иной вариант ответа на вопрос о смерти. Это тончайший и интимнейший из всех возможных выборов. На основе выбора создаются общности. Конфессиональные или нет. Не мое дело раздавать сестрам по серьгам, обсуждая, какие из этих общностей хорошие, а какие плохие.

Я не инквизитор. Все, что я могу и должен сделать, это соотнести рассмотренные мною варианты с проблемой развития. А также нащупать в данном вопросе этот самый «нерв», он же актуальное содержание.

Начну с «нерва». Актуальность проблемы ощутили так называемые неоконсерваторы. Они с сожалением констатировали, что любимый ими проект «Модерн» начинает давать сбои. И что по большому счету источником этих сбоев является «невразумительность утешения». То есть ответа на «вызов смерти». Все, что неоконсерваторы могли рекомендовать в связи с этим, это вернуть в проект «Модерн» религиозный вариант утешения.

Как говорится, «просто сказать, да трудно сделать». Сделать оказалось не просто трудно, а невозможно. Неоконсерватизм рушится у нас на глазах. Прерогатива утешения будет передана или фундаменталистам, или... Вот тут-то и начинается главное... Или – кому?

Передача решающей прерогативы фундаменталистам породит те самые «цивилизации», о которых говорит Хантингтон. Этих «цивилизаций» нет. И их не будет, пока доминирует проект «Модерн». Но если важнейшую прерогативу передавать фундаменталистам, то Модерн надо отменять. То, что уже на старте подобной отмены человечество умоется кровью... То, что светская часть человечества окажется (вся целиком) в положении политически бесправных еретиков (попробуйте просчитать ответную реакцию этой части!)... Это все «мелочи». То, что на развитии надо будет поставить крест (читайте А. Лоргуса)... То, что все государство надо будет перестроить под фундаменталистски-цивилизационный (т.е. по сути монотеократический) формат (это называется «разогрев цивилизационных швов») и от России останутся рожки да ножки... Даже не в этом главное.

Главное, что, как только будут построены реальные цивилизационные монады (полмиллиарда жизней надо будет принести на алтарь только ради такого построения), эти монады вступят-таки в конфликт. И в огне конфликтов сгорит уже не полмиллиарда, а все (именно все) человечество.

Если речь идет не о таком развитии событий, то о каком? Или об осуществлении проекта «Великий Инквизитор», или о радикальном светском утешении, к которому – и из этой песни ну никак не выкинешь слов – ближе всего был именно метафизический коммунизм.

Коммунизм к своим метафизическим потенциям относился очень скептически. И говорил только о грядущем рае на Земле, а не о преодолении вызова смерти, воскрешении отцов и прочих экстремальных затеях. Окоротил метафизические амбиции коммунизма, конечно же, Сталин. И слов из песни этой тоже никак не выкинуть. Окороченный коммунизм стал загнивать...

И, приказав долго жить, оставил человечество в компании приемлемого, но быстро остывающего проекта «Модерн» и иных, никак не совместимых ни с чем приемлемым, вариантов.

Что делать-то? Рыдать по поводу коммунизма бессмысленно! Вглядываться сейчас надо не в исторически обусловленные идеологии, а в эти самые метафизические корни и почвы.

Мне скажут, что светские метафизические утешения невняты, а в чем-то даже и комичны. Ну, воскресят отцов... И что с ними делать? Циолковский для реализации замысла Федорова ракеты проектировал, чтобы разослать по космосу избыток отцов, которых Земля прокормить не может. Эти отцы в каком возрасте воскреснут и в каком теле? Они же, обрета бессмертие, Вселенную съедят, как саранча поле. Обглодают, так сказать, до костей.

Критика светского иммортализма, то есть концепции телесного человеческого бессмертия, точно бьет по очевидным недостаткам этого варианта утешения рода людского.

Но, нанося свои точные удары, она забывает о том, что нет и в принципе не может быть никакой разницы между изъятиями религиозного и светского иммортализма. Что разница между религиозным и светским иммортализмом не в том, «что», а в том, «кто» (Бог или Человечество) творит это самое «что».

Хэппи-энды голливудских протестантских фильмов полны встреч умерших с родственниками и любимыми животными (собаками, кошками). Субстанциональный упрек, который адресуют критики светскому иммортализму, может быть тут воспроизведен «один к одному». Потому что в светском иммортализме тоже рассматривалась отнюдь не только проблема обретения живущими (и воскрешенными) обычного плотского бессмертия, но и проблема изменения качества плоти, ее просветления, превращения в нечто гораздо менее материальное. Не зря говорилось об автотрофном человечестве (Вернадский), да и о многом другом. Чем это отличается от хэппи-энда голливудских протестантских фильмов? Коль скоро просветленное должно быть узвано и вновь полюблено – это все равно предполагает какую-то оформленность просветленного, какую-то преемственность, в том числе и на уровне плоти.

Еще раз повторяю – опишите любой, подчеркиваю, любой замысел Бога, предполагающий встречу и «хэппи-энд», и тут же светские имморталисты вам скажут: «Вот-вот, именно это будет сделано человеком как существом, доразвившимся до возможностей Бога».

Так что хоть бессмертные тела, хоть голограммы... Нет тут никаких фундаментальных противоречий между светским и религиозным результатом, если только религиозный результат предполагает не растворение в океане света, не абсолютное отсутствие плоти, а тот «хэппи-энд», который слишком часто обсуждается и вне которого существенная часть всемирного религиозного сообщества обойтись не может. Это касается, как мы понимаем, отнюдь не только христианства.

Такова одна сторона проблемы. Но есть и другая сторона. Она касается феномена божественной плоти, по отношению к которому велись дискуссии с первых христианских веков. Дискуссии вели не религиозные и светские имморталисты. Их вели монофизиты и их противники.

Монофизиты атаковали сторонников божественного качества плоти Христовой. В том числе и очень грубо: «Ах, он был в теле? И ел? Наверно, и нужду справлял? Или как?» Ответ на этот вопрос с помощью очень убедительной концепции другой, недиссипативной так сказать, плоти заложил фундаментальные принципы, согласно которым материя может и должна быть спасенной и благодатной, то есть иной. У Христа она изначально такова. А у спасенных – станет такой.

Этот принцип тут же подхватывается светскими имморталистами. И методологически («вот-вот, и мы создадим пресуществленную материю, но не таинством Бога, а научным путем»), и технологически. Повторяю – разве не этому по сути посвящена концепция автотрофного человечества, выдвинутая Вернадским? А также даосская или западная алхимия? А также мучительные раздумья светских ученых о преодолении Второго закона термодинамики?

Тут либо – либо. Либо надо вообще отказываться от концепции личностного бессмертия – религиозной или светской. И заменять ее – чем? Растворением в коллективной нирване, световом океане, божественно-безличном Солярисе... Но это отсылает нас к варианту №2, варианту, в котором спасение – это не спасение ОТ СМЕРТИ, а спасение ОТ ЖИЗНИ. Либо надо признать, что все (и именно все) упреки, адресуемые светскому иммортализму, могут быть в той же степени адресованы и иммортализму религиозному.

И все же главное в том, что в виде утешения предлагается светскому человеку. Ему предлагается жизнь без утешения – или разрыв со светскостью. А почему он согласится на такое зауженное меню? Его кто-то заставит? У него из мозга ментальными инструментами изымут все другие альтернативы? И кто же хочет стать ментальным хирургом? Великий Инквизитор?

Вот реальная повестка дня, содержащая реальные метафизические проблемы, актуальные для современного человечества. Пиам Павловна Гайденок знает об этих проблемах лучше многих. Она занималась экзистенциалистами, которые детальнее, чем кто угодно еще, описали, что такое «смертная болезнь». Вот бы послушать доклад Пиама Павловны на тему «Смертная болезнь и современное человечество»!

Ну, ответила Пиам Павловна для себя самой на этот вызов в рамках варианта №1... Или №2? В любом случае она, как мыслитель, понимает, что этот ответ не удовлетворит ни все человечество, ни даже всех ее сограждан.

А иначе какой Камю? Какой Сартр? Да и с Кьеркегором и Хайдеггером все очень непросто. А ведь сколько с тех пор воды утекло! Но Пиам Павловна хочет обсуждать хилиастические корни скверны, именуемой «большевизм». А также сходных скверн (терроризм, экстремизм и так далее).

Есть такие корни у большевизма?

Наверное... В народных массах Российской империи к началу XX века накопился огромный потенциал хилиастических ожиданий. Не подключи его к своему проекту большевики, они потерпели бы сокрушительное фиаско. Согласившись с этим, я сразу же вынужден оговорить, что использование большевиками народной хилиастической энергетики и наличие у большевизма собственных хилиастических метафизических корней – это не одно и то же. Если Татьяна Ларина решила, что Евгений Онегин – это лорд Байрон (или тотемный Медведь), то это не значит, что Евгений Онегин пишет «Чайльд-Гарольда»

или кидается в Миссалонги на помощь восставшим грекам. Не значит это и того, что у него особо обильный волосаяной покров, напоминающий медвежью шкуру.

Евгений Онегин или использует ожидания Татьяны Лариной и поступает по-донжуански. Или же не использует. Но он никак не несет ответственности за эти ожидания. Пушкинский Онегин ожиданий Татьяны Лариной не использовал. Большевики ожидания своей Татьяны Лариной использовали на 200%. Политика – это управление общественной энергией, так ведь? Как ей управлять без архетипов, без образов, без всего того, на что только и откликается такая энергия (она же – «чаяния»)? Не берусь даже определять, было ли такое использование строго манипулятивным. Я так убежден, что нет. Но не в этом главное.

Ясно, что классический большевизм – это родное дитя западного проекта «Модерн». Отсюда – тяга к развитию, сравнение себя с якобинцами и многое другое. Говорить о хилиастических корнях такого большевизма нельзя ни при проведении научного исследования, ни даже при мало-мальски, по-инквизиторски честном ведении идеологической войны. Есть еще и метафизический большевизм.

Экзистенциалистами я занимался несравненно меньше, чем Пиам Павловна (доведя тем не менее свои занятия до способности практического осуществления экзистенциального психоанализа). А вот метафизическим большевизмом я занимался больше, чем Пиам Павловна и кто угодно еще. И со всей ответственностью заявляю, что если у такого метафизического большевизма и существует разветвленная корневая метафизическая система, то эта система ну уж никак не может быть сведена к хилиазму. А кто ее сводит к хилиазму, «покупаются» на очень внешнюю параллель. Этот самый рай на земле.

Но поскольку Пиам Павловна из всех метафизических корней большевизма хочет рассматривать именно хилиастический корешочек, я буду обсуждать именно то, что находится в эпицентре ее внимания. Я буду вчитываться в ее утверждения, надеясь, что это выведет меня на искомое – на актуальную (и именно актуальную) метафизику того самого развития, которому посвящено мое исследование.

Пиам Павловна начинает с утверждения о том, что у хилиазма – иудейские мессианские корни. При этом она настаивает: *«Ветхозаветная традиция подчеркивает именно катастрофический аспект спасения. Чтобы перейти от нынешнего состояния мира к другому, необходимо разрушение всего того, что было создано в истории, нужно до основания снести с лица земли все здание старого миропорядка».*

Я вынужден обратиться к Пиам Павловне с вопросом: сделала ли Пиам Павловна некое выдающееся гуманитарное открытие и доказала (где и каким образом?), что ветхозаветная традиция в большей степени, чем другие, подчеркивает именно катастрофический аспект спасения? Или же это произвольная формулировка, не претендующая на доказательность? Но тогда это не идеологическая борьба даже, а заход по принципу: «Поскольку, как известно, дважды два равно пяти, то...»

Разберемся с одним из наиболее известных ветхозаветных катастрофизмов. Он называется Всемирный потоп. Может ли наличие этого катастрофизма говорить о том, что именно ветхозаветная традиция тяготеет особым образом к «катастрофике»? А что, миф о потопе не является кросскультурным? Пиам Павловна нашла способ доказать, что этот миф уникален? Что его нет в религии древних шумеров или ацтеков? Она может доказать, что греческие боги вели себя с обидевшими их племенами более гуманно, нежели Бог евреев? Она построила доказательную шкалу катастрофики, шкалу мягкости и жесткости богов разных религий? Она провела нормировку этой шкалы временным фактором? А вот у евреев есть, как мы знаем, конкурент по части монополии во всем, что касается жестокости и склонности к катастрофике. Это ислам.

И что, мы на краю бездны будем обмениваться упреками по поводу того, чья традиция катастрофичнее, отдавая себе отчет в том, что иудейский катастрофизм, ничем не отличающийся от других, – это неизываемая часть той традиции, в рамках которой Пиам Павловна выступает с докладом? Рождественские Чтения как-никак...

Ну, так все же кто-то считает, что альфа и омега катастрофики – Всемирный потоп – не является кросскультурным мифом? Так, значит, краеугольный миф кросскультурен, а породившая его ветхозаветная традиция уникально катастрофична?

Где больше катастрофики – у Иоанна Богослова или у пророка Исайи? Что такое эсхатология без катастрофики? Что такое наша религиозная традиция без эсхатологии? И на кого рассчитан такой заход? На аудиторию, состоящую из тех или иных модификаций «4Д-дженерейшн»?

Итак, согласно Пиам Павловне, корни хилиазма – мессианско-иудаистические. А «ветхозаветная традиция» подчеркивает именно катастрофический аспект спасения, то есть призывает «до основания снести с земли все здание старого миропорядка».

Несколько ниже говорится о том, что для всех хилиастических движений характерно болезненно-острое (всегда хотел знать, чем болезненно-острое отличается от острого) переживание царящих в мире зла и страдания. Понятно, почему надо говорить «болезненное». Потому что просто сказать, что характерно острое или чрезвычайно острое переживание царящих в мире зла и страдания, недостаточно. Скажешь так – и люди подумают! «А чем плохо-то? Как иначе это переживать?» А вот если скажешь «болезненное» – это другое дело.

Дальше Пиам Павловна говорит о *«всепоглощающей страсти разрушения, которая отличает революционеров всех мастей – приверженцев как утопий социоцентрических и атеистических, так и утопий метафизически-религиозных».*

Страсти разрушения чего? Часто приходится слышать обывательское: «Как же! Разрушим до основания, а затем...» На это ерничанье можно лишь возразить, что в тексте Интернационала сказано о разрушении мира насилия. И тот, кому это не нравится, должен твердо сказать, что ему НРАВИТСЯ мир насилия. Нравится также, чтобы паразиты всегда владели землей. Не «никогда», а всегда. Что надо делать с миром насилия, если он совсем распоясался? Пасовать перед ним?

И о чем вообще речь? О том, что у хилиазма – еврейско-мессианские корни, хилиазм этот является источником революционных гадостей... Ну, и... И обнаружен, наконец, общий корень всех скверн. Пресловутое «Что со слонами сделали?» – отдыхает.

Я не знаю, как выступала Пиам Павловна на партсобраниях, но заявить в научном докладе (конференция ведь научная), что, «к сожалению, от абсолютизации царящего в мире зла и от хилиастических настроений не вполне свободны и многие русские философы и писатели, такие, например, как Достоевский и Соловьев». – это знакомый стиль. «К сожалению, антимарксистские настроения затронули и таких западных философов, как...» (разве не похоже?).

Я внимательно вчитываюсь и пытаюсь понять, куда же это все должно быть заточено. То, что это должно быть заточено на что-то актуальное, понятно по стилю. Но куда же это «заточено»? Развернутая цитата из Гершома Шолема, которая призвана противопоставить иудаизм, алчущий внешнего спасения, христианству, алчущему внутреннего спасения... Шолем – блестящий и глубокий исследователь. Но очень далекий от, так скажем, однонаправленности. Пролистнете еще две страницы – будет написано нечто сложно сочетаемое с только что сделанным утверждением.

Да и сама цитата, в которой, как говорит Пиам Павловна, Шолем нечто выразил с предельной ясностью, далеко не настолько ясна. Она достаточно длинна, но, видимо, придется привести ее целиком – в точности так, как цитирует Пиам Павловна.

«То, что христианство полагает... основанием своего вероисповедания и главным моментом Евангелия, решительно опровергается и отвергается иудаизмом. Последний всегда и везде рассматривал искупление как общественное событие, которое должно произойти на исторической сцене и в лоне еврейской общины, – другими словами, как событие, должное совершиться видимым образом и немислимое без этого внешнего проявления. Христианство, например, рассматривает искупление как событие, совершающееся в мире в сфере духовной; как событие, происходящее в душе, во внутреннем мире отдельного человека и призывающее к внутреннему преобразению, не влекущему за собой с необходимостью изменения хода истории. Град Божий св. Августина, представляющий собой в рамках христианской догматики куда более смелую попытку сохранить и в то же время переосмыслить иудейские категории искупления в пользу Церкви, – этот Град определяется как сообщество людей, таинственным образом спасенных внутри неискупленного мира. То, что иудаизм поставил твердо в конец истории как момента кульминации всех внешних событий, в христианстве стало центром истории, обретающей таким образом особый смысл "истории спасения". Церковь убеждена, что этим она преодолела временное представление о спасении, связанное с физическим миром, и заменила его новым, более возвышенным... То, что христианину представляется как более глубокое понимание события, в глазах еврея представляется его выхолащиванием и уверткой. Это обращение к чистому, ирреальному внутреннему миру кажется ему попыткой избежать мессианского испытания в его конкретности».

Ну, и что? Про что тут сказано? Про очевидную для всех нас культурологическую вещь. Евреи спрашивали: «Если Христос – мессия, то где спасение? Вы говорите, что он мессия... Но он пришел – и ничего не изменилось, стало еще хуже. И мы не хотим ваших уловок по поводу того, что где-то внутри все изменилось. Мы хотим очевидного блага после прихода мессии, а не блага скрытого».

Эта полемика действительно сильно «развела» иудаизм и христианство. Но чем ответило христианство на подобное вопрошание своего (внутрисистемного и одновременно беспощадного) оппонента? Оно ответило рассуждениями о том, что внутренние перевоплощения выше внешнего? И все? Да, такие рассуждения были, и без них нет христианства. Они внесли великий вклад в общечеловеческую культуру, культуру Запада.

НО, ЕСЛИ БЫ ВСЕ ИСЧЕРПЫВАЛОСЬ ЭТИМИ РАССУЖДЕНИЯМИ, ХРИСТИАНСТВО ОСТАЛОСЬ БЫ МАЛЕНЬКОЙ СЕКТОЙ, НИКОГДА НЕ СЫГРАЛО БЫ НИКАКОЙ РОЛИ В ИСТОРИИ И УЖ, БЕЗУСЛОВНО, НЕ ДОЖИЛО БЫ ДО НЫНЕШНИХ ВРЕМЕН.

Христианство ответило на все эти весьма серьезные возражения концепцией Второго пришествия. Христос пришел первый раз для внутреннего спасения и предуготовления. И это сердцевина истории. Христос придет второй раз для окончательного и полного спасения. И это будет конец истории.

Шолем обсуждает, чем первое (и потому лишь внутреннее) пришествие во спасение в христианстве отличается от единственного (и потому полного) спасения в иудаизме. И он показывает, что это огромное отличие. А кто спорит? Кто-то говорит, что иудаизм и христианство – это одно и то же? Это просто смешно.

Но Шолему в кошмарном сне не может присниться утверждение, согласно которому и Второе пришествие мессии в христианстве будет тоже лишь внутренним спасением. Он вообще не намерен обсуждать разницу между Вторым пришествием в христианстве и пришествием мессии в иудаизме. Потому что он понимает, что и там, и там должно совершиться нечто окончательное и полное. В противном случае надо сказать, что мир будет длиться вечно. И вечно будут приходить и спасать... Но это не христианство. Это ересь, и известно какая – хлыстовская.

Христианство же прекрасно понимает, что окончательное спасение будет полным. Что смерть, например, будет поправа не символически, а буквально. Сказали бы вы накаленным толпам Средних веков, творившим историю, что все и в Конце Концов будет происходить лишь аллегорически, – они бы вас порвали на части. Вы скажите это сегодня – церкви будут пусты на следующий день. Может быть, в них останутся некоторые бывшие партработники и обществоведы. Но не более того.

Пиам Павловна этого не понимает? Она может этого не понимать? Меня иногда начинает терзать кошмарная мысль, что может. Но я гоню эту мысль от себя. Но тогда зачем такие, прошу прощения, заходы? Иудаизм-де понимает искупление буквально, а христианство – внутренне. Окончательное искупление и иудаизм, и христианство, и что угодно другое понимают тотально. И без такого тотального понимания религии нет. А христианство от иудаизма отличается тем, что для христианства есть промежуточное спасение, а для иудаизма нет. Это огромное отличие, которое все знают. Но при чем тут хилиазм, апокалиптика, эсхатология? Кто-то изобрел небуквальную эсхатологию? Кто, простите? Иоанн Богослов на Патмосе? Патмос весь пронизан ожиданием этой буквальности. Кто как ее видит – это другой вопрос. У кого – булки на деревьях, а у кого – пение на небесах.

Но нужно совсем не читать тексты, чтобы сказать, что у евреев – только булки на деревьях, а у христиан – только пение на

небесах. А откуда тогда конфликт апостола Павла и греков? Тот самый конфликт, при котором Павел начал, наконец, говорить о воскресении в теле, а греки ему ответили: «Об этом поговорим после».

Христианство к телесности спасения относится невероятно трепетно. Может быть, и более трепетно, чем иудаизм. А хилиазм в разных его модификациях очень по-разному видел Тысячелетнее царство или рай на земле. Согласно тому же Иоахиму Флорскому (и это Пиам Павловна в своем докладе сама оговаривает), в Царстве Третьего Завета исполнятся все обетования Ветхого и Нового Заветов: люди будут обладать духовными телами, не требующими пищи; на земле победит свобода и любовь, а всякая власть отомрет за ненужностью.

Обратите внимание: люди будут обладать ДУХОВНЫМИ ТЕЛАМИ! Духовными! Не требующими пищи! Значит, нет у Иоахима Флорского булок на деревьях? А хилиазм есть!

В том же тексте доклада Пиам Павловна цитирует А.Эткинда (книгу «Хлыст»). В книге сказано, что последователи Иоахима Флорского «учиняли еврейские погромы». Пиам Павловна как будто не замечает того, что сама же с восхищением цитирует. Так у хилиастов – иудейские мессианские корни, это евреи? Или это другие люди, организующие еврейские погромы? Или это евреи, организующие еврейские погромы?

«Ну, что со слонами-то гады делают!»

Однако это все промежуточные шаги. Пиам Павловна подбирается к главной теме. А главная тема состоит в том, что евреи породили не только хилиазм, но и гностику. То, что истоки хилиазма – в иудаизме, это спорная, но достаточно традиционная версия. Но то, что гностики – это евреи... Это я слышу в первый раз. Нет, я, конечно, знаю, что есть и еврейский гностицизм... Но то, что он изначально еврейский... И то, что он порождение еврейского духа... Не слишком ли? Гитлер – порождение гностицизма в XX веке. Гитлер жег евреев. Видимо, евреи сами жгли евреев. Раз они такое со слонами выделывают, то и с собой, наверное, тоже...

Но почему Гитлер истреблял евреев? Почему он полез в СССР, чтобы добить «еврейский коммунизм»? Вот Сталин, как рациональный политик, сомневался в том, что Гитлер полезет в СССР, поскольку не понимал – зачем? А у Гитлера была иррациональная гностическая мотивация. И она хорошо изучена.

Но, прежде всего, давайте договоримся, что такое гностики и имеем ли мы право «сажать в одну лодку» гностиков и манихеев?

Гностики – это одно из самых многоликих явлений в мировой религиозной культуре. Рассуждать тут по принципу «хорошие или плохие» я не берусь. Вторить антисистемным построениям и ахать по поводу того, что гностический клир не хотел детей рожать, тоже достаточно мелко и бесперспективно. А католические монахи хотели детей рожать?

Демаркационная линия между определенной религиозной патологией, причем невероятно глубокой, о которой стоит говорить в категорически отрицательном духе, и огромной палитрой воззрений, которые я никак не берусь огульно охаивать, абсолютно ясна. Практически все значимые ранние гностики проповедуют принципиальное отличие истинного Бога непроявленной (духовной) благой Вселенной от Творца неблагой материальной Вселенной – Демидурга. Они также настаивают на злом, и именно НЕИЗБЫВНО злом, состоянии материи. В «Евангелии истины» (созданном последователями Валентина, а, возможно, и самим Валентином) читаем: «Форма Изъяна есть мир...» В «Евангелии от Фомы». «Кто познал мир – нашел труп...»

Причем под Демидургом – творцом злой материальной Вселенной – у многих ранних гностиков (особенно явно у Симона Мага и Маркиона) прямо понимается иудейский бог Яхве (Иегова).

Пиам Павловна обнаружила в среде хилиастов некоего иудействующего приверженца гностицизма Керинфа... А я обнаружил, например, вместе со всеми своими согражданами, во главе ДПНИ – Белова-Поткина, а во главе ЛДПР – Жириновского. И что? Если я сделаю из этого такой же вывод, как Пиам Павловна, то получится, что радикальный специфический русский национализм (в спектре от ЛДПР до ДПНИ) состоит из евреев. Не содержит в себе еврейский компонент, а на сто процентов состоит из данного и только данного контингента. И этим контингентом определяется. Если я заявлю нечто подобное, то меня устыдят как политолога. Потому что я займусь экстраполяцией, отождествлю феномен (радикальный русский национализм) с личностями (Жириновский, Поткин).

Но почему же другая экстраполяция, не политологическая, а философская, в которой свойства феномена (гностицизма) выводятся из этнической специфики личности (Керинфа), считается допустимой? Но ведь считается! И самой Пиам Павловной, и теми, кто ее читает и слушает.

Пиам Павловна пишет: «Поскольку хилиазм получил широкое распространение, благодаря гностицизму, особенно его иудействующим приверженцам...»

Каким иудействующим приверженцам? Симону Магу и Маркиону, у которых учились все (вплоть до Гитлера и Мигеля Серрано, «апостола» оккультного неонацизма) абсолютной ненависти к абсолютно злему богу Иегове? И при чем тут хилиазм? Если Космос, согласно воззрениям гностиков, – «творение Бога слепых», «худой выкидыш», а его Творец – «самонадеянная тварь с мордой льва (Иалдаваоф)», то какое благое Тысячелетнее царство, являющееся альфой и омегой этого самого хилиазма? Помилуйте!

Основная мысль гностического апокрифа «Евангелие от Марии (Магдалины)» – избавиться от бремени злой материи и уйти в блаженное небытие.

Это хилиазм, что ли, мечтает уйти от бремени злой материи в блаженное небытие? И одновременно он же является средоточием излишней любви к материи?

Извините, никакие научные статусы и заслуги не избавляют от необходимости соблюдать хотя бы самые элементарные правила логики. И не навешивать хотя бы по этой причине на идеологически ненавидимое взаимоисключающих обвинений. А то, что речь идет о навешивании – и именно навешивании – на нечто идеологически ненавидимое (коммунизм и его предшественника – хилиазм), слишком уж очевидно.

Столь же очевидно и то, в чем цель подобных навешиваний. Отнюдь не только в том, чтобы изобличить нелюбимую

религиозно-культурную традицию (иудаизм, еврейство) во взаимоисключающих пакостях. Бог бы с этим... Хотя и это индикативно.

Но главная цель – в другом. В том, чтобы все наши соотечественники, как верующие, так и неверующие, никогда не смогли разобраться, как именно построен судьбоносный для их идентификации и будущего России метафизический конфликт. Тот конфликт, который породил и революцию 1917 года, и победу в Великой Отечественной войне, и все остальное, включая распад СССР.

Как же на самом деле построен он, этот конфликт, который определит в конечном итоге, будет ли Россия развиваться и жить или тлеть в некоей специфической алхимической колбе?

Чтобы обсудить архитектуру конфликта, его сначала надо назвать. А потом доказать, что суть и вправду именно в нем.

Ну, так я и называю, и доказываю.

МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ, КОТОРЫЙ ВСЕ В КОНЕЧНОМ СЧЕТЕ ОПРЕДЕЛИТ, – ЭТО КОНФЛИКТ МЕЖДУ ХИЛИАСТАМИ И ГНОСТИКАМИ.

Если это и впрямь так, то сконструированный Пиамой Павловной Гайдено «хилиасто-гностик» – это неслучайный фантом. Это фантом, сооруженный для того, чтобы никто не мог добраться до сути подлинного конфликта и понять, что либо-либо... Либо хилиасты, либо гностики. А «хилиасто-гностик» – это все равно что горький сахар. То есть, наверное, и сахар может быть горьким, если его долго вымачивать, например, в хинине. Но стоит ли его тогда называть сахаром?

Отдельный персонаж (Керинф), наверное, может упражняться в сочетании несочетаемого – гностики и хилиазма. Но тогда его философия уже никак не гностична в полном смысле этого слова. Это тогда не та гностика, которая отрицает бытие как неисправимую пакость. То есть это не гностика Василида, Маркиона и других.

Это, скорее, констатация крайнего несовершенства мира, сочетаемая с предложениями исправить этот мир, а после исправления продлить его на хилиастический манер.

Любой последовательный гностик пожмет плечами и скажет, что в мире исправлять нечего. Да и не нужно в нем ничего исправлять. Нужно бежать из концентрационной Вселенной, как назвал бытие самый яркий гностик XX века Мигель Серрано. И бежать не в другое бытие, а в небытие. И сбрасывать, сбрасывать с себя пакость любой оформленности, любой, даже самой тонкой, телесности. Не стремиться к этой тонкой телесности, а уходить и уходить от нее, проклиная «вампиризм Формы как таковой».

Где находятся истоки гностицизма? Откуда он пришел? Можно ли последовательный (а только он и интересен) ликвидационный гностицизм уравнивать с манихейством? Откуда пришло само манихейство?

Я двадцать лет занимаюсь гностицизмом и его истоками. Вы спросите специалистов по орфикам, где истоки? Они вам отвечать будут в течение многих часов. И нагромождая одно вопрошание на другое. Вопрос об истоках всегда крайне непрост.

Но одно я знаю точно: истоки ликвидационного гностицизма уж никак не находятся в Иудее, как хотелось бы одним. И не в Иране, как хотелось бы другим. Они вообще находятся не на Ближнем Востоке. Не в средиземноморской ойкумене.

Я понимаю, что феномен гностицизма настолько неоднозначен и многолик, что разные исследователи могут трактовать его по-разному. Те же катары, например, покровительствовали евреям... И что? Это определялось и наличием общего ватиканского врага, и множеством других обстоятельств. В том числе и наличием у евреев, живших в тот момент на юге Франции, тяги к разработке своих метафизических концепций, в чем-то сходных с гностической. Я знаю, что это за концепции. Понимаю, что недаром такой крупный исследователь Каббалы, как Герхард Шолем, считал Каббалу еврейским вкладом в гностическое учение.

Но, согласитесь, ядром гностицизма как религиозной философии и практики является (прочтите еще раз приведенные мною выше цитаты) именно констатация неисправимой метафизической ущербности Творения. Без такой констатации нет подлинного гностицизма, нет гностицизма как фундаментальной метафизической проблемы. А когда ее нет, то нет ничего.

Но самое главное (и очевидное!) состоит в том, что **ИМЕННО** констатация неисправимой метафизической ущербности Творения **ВМЕНЯЕТСЯ ГНОСТИЦИЗМУ В ВИНУ**. Она и только она! Если нет этой констатации, то, собственно, что в гностицизме порочного?

Установив это, двинемся дальше. И вновь и вновь убедимся в том, что воистину – либо-либо.

Либо ущербность Творения считается исправимой (а в каких-то вариантах гностицизма это так), но тогда никакой особой метафизической крамолы он в себе не содержит.

Либо ущербность Творения считается неисправимой. Тогда и только тогда фундаментальная метафизическая крамола есть. Тогда и только тогда есть фундаментальный метафизический феномен под названием «гностицизм». То есть то, что обсуждать действительно стоит.

В самом деле, если признается исправимая ущербность Творения, то ищутся пути ее преодоления. Этим занимались многие. И никто этих «многих» не называл ни антисистемой, ни врагами человечества. И не имел права называть.

Право же относиться к гностицизму как к чему-то и впрямь фундаментально враждебному миру и человечеству имеется лишь постольку, поскольку речь идет о ликвидационном гностицизме. То есть о гностицизме, который настаивает на неисправимой ущербности и порочности Творения. То есть всего сотворенного – и мира, и человека.

Настаивая же на этом, подобный гностицизм (а ему в последовательности никак не откажешь) идет до конца. И утверждает, что раз и мир, и человек столь неисправимо ущербны и порочны, то их надо уничтожить. Это и дает право называть данный гностицизм «ликвидационным». Те, кто специализируется на гностицизме как на зле и хочет искоренить данное зло, инкриминируют гностицизму именно предельные амбиции. Справедливо ли?

Прочитав ряд последовательно гностических авторов – от Василида и Валентина до Мигеля Серрано, – нельзя не увидеть, что:

– во-первых, ликвидационный гностицизм действительно существует,

- во-вторых, именно он определяет специфику многоликого явления «гностицизм»,
- в-третьих, его претензии и впрямь идут весьма далеко,
- в-четвертых, ЭТОТ ГНОСТИЦИЗМ ЯВЛЯЕТСЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНО АНТИСЕМИТСКИМ.

Он и не может быть другим, поскольку последовательный ликвидационный гностик обязательно скажет вам, что Творение является непоправимо ущербным и порочным по причине определенных качеств Творца. А как иначе-то? Иначе и впрямь никак.

О каких же «скверных» качествах Творца тогда идет речь? И о каком Творце?

Творцом, создавшим непоправимо ущербное и порочное Творение, для ликвидационных гностиков очевидным образом является еврейский бог. Но только ликвидационный гностик никогда не назовет этого бога Первопричиной. Первопричина для таких гностиков, да и для гностиков вообще, невероятно отдалена от мира и связана с Абсолютом или Иным. Творец же, создавший этот грязный и жалкий мир, для ликвидационного гностика не более чем злой и мелкий Демиург.

Можно ли вменять еврею, исповедующему иудаизм, подобную оценку собственного Бога и всего остального? То, что такая оценка есть у Валентина, Василида или Мигеля Серрано, общеизвестно. Но эти ликвидационные гностики – предельные, метафизические антисемиты. То есть антисемиты особые. Повторяю, для них еврей – это даже не злой человек, не человек, исповедующий злую религию. Это особый робот, иначе – Голем, созданный злым Демиургом для того, чтобы поддерживать существование злого мира. Того самого мира, который ликвидационный гностик обязан уничтожить – во славу блага, связанного с Абсолютом, Иным и так далее.

Я знаю специалистов, инкриминирующих всем гностикам такой чудовищный, требующий уничтожения мира и человека приход и потому называющих гностиков Антисистемой, абсолютным злом. Но я не могу себе представить, как именно подобный специалист увяжет такую оценку ликвидационного гностицизма (или гностицизма вообще) с иудаизмом и еврейством.

Конечно, все можно как-то увязать, если очень хочется. Но ничто не увязывается так трудно, как воспевание Бога-Творца и одновременно проклятие этому же Богу за то, что он сотворил.

Неувязка, согласитесь, предельная. И уйти от нее невозможно. Скажешь, что проклятия этому Богу-Творцу не присущи гностицизму... Что нет в нем воли к уничтожению Творения, созданного богом-негодяем... Конечно, при этом погресишь против истины, ибо присуще это гностицизму как таковому, из этой песни этих слов не выкинешь... Но, в конце концов, что не сделаешь, увязывая то, что увязать невозможно?

Но ведь, как мы убедились, сказав нечто подобное, ты не преодолеваешь неувязку, а нарываешься на естественный вопрос: если гностицизм не проклинает Бога-Творца как убогого и жалкого Демиурга и не призывает к уничтожению Творения, ТО ЧТО В НЕМ ПЛОХОГО?

Итак, если хочешь, с одной стороны, проклясть зло гностицизма, а с другой, – приписать это зло евреям и иудаизму, то обрекаешь себя именно на предельную неувязку. Желая быть деликатным, я расшифровываю термина «ПРЕДЕЛЬНАЯ неувязка» давать не буду. По-моему, и так ясно.

Но и такой предельной неувязкой все не исчерпывается. Нужно еще обвинить евреев и в порождении другого предельно злого учения – хилизма. А также обвинить евреев в порождении, исходя из одних и тех же, лишь им ведомых оснований и того, и другого зла в некоей взаимоувязке.

В этом же состоит наитруднейшая задача, взятая на себя Пиамой Павловной Гайденок! А как ее решить-то? Как обвинить негодяя:

– и в том, что он как именно ликвидационный (иначе ведь обвинения нет) гностик желает расправиться с Божьим миром, бежать из него, как из концлагеря, в любом случае, прервать жизнь как «вампиризм Форм»,

– и в том, что он как хилиаст хочет длить эту самую жизнь, считать ее высшим благом, ею упиваться тысячи лет etc?

Мне так кажется, что это можно сделать только расставшись со статусом ученого, с логикой, с основательным культурологическим подходом. А вам?

Есть обширная литература, доказывающая, что гитлеровская эзотерика (вряд ли кто-то сегодня рискнет утверждать, что у Гитлера ее не было) основывалась на ликвидационной гностике. Что он шел истреблять евреев (ведь шел же, правда?) для того, чтобы, лишив злого бога его главной опоры и инструмента, победить этого омерзительного Демиурга. Который в силу собственной жалкости и злокозненности создал мир как темницу.

Все больше доказательств того, что Гитлер верил в это. Что он хотел, уничтожив злых «големов», добраться и до их бога.

В последний раз проследим линию, задаваемую более или менее явно П.Гайденок.

- 1) Гностики – порождение еврейства.
- 2) Гностики – антисистема и фундаментальное зло.
- 3) Антисистемой и фундаментальным злом может называться только ликвидационная гностика.
- 4) Раз так, то ликвидационная гностика – порождение еврейства.
- 5) Ликвидационная гностика хочет уничтожить еврейство, дабы обрушить мир.
- 6) Еврейство хочет уничтожить себя.

Это называется «змея, кусающая себя за хвост», не правда ли? Пиам Павловна ничего не говорит о Гитлере. Но мы-то понимаем, что квинтэссенцией ликвидационной гностики является (и в теории, и на практике) гитлеризм. А тогда –

- 7) видимо, и его надо называть «еврейством»?

Есть очень специфические умники, которые давно уже написали, что Гитлер – еврей, сионист и уничтожал евреев ради построения Израиля. Но эти умники не оперируют гностицизмом и хилизмом. И вряд ли Пиам Павловна хочет оказаться в этом интеллектуальном строю. Так чего же она хочет? И ведь не она одна.

Хочет она вырвать с корнем «коммунистическую заразу». Только этого она хочет – ни больше ни меньше. Корнем этой заразы она справедливо считает хилизм. Но поскольку изничтожить сам по себе хилизм невозможно, то она его сращивает

со всем, что ей не нравится. И, видимо, не только ей.

Что же при этом исчезает? Несомненный факт, согласно которому фашизм как ликвидационный гностицизм был уничтожен СССР как державой, в которой осуществлялся хилиастический Красный проект. Исчезает факт абсолютной антагонистичности фашистов и коммунистов. Антагонистичности не только политической, но и метафизической. Исчезает факт такой же предельной антагонистичности двух проектов; Красного (несводимого к поверхностной коммунистичности) и Черного (несводимого к национал-социализму). Сколько Поппер бился для того, чтобы истребить эти несомненные факты! А вот теперь и Гайденко...

Дополнительная к Попперу пикантность состоит в том, что Пиаме Павловне обязательно нужно засунуть «весь творог в один вареник». И все пакости XX века, а также предыдущих веков вменить евреям. Наплевав при этом на то, что одна часть вменяемого исключает другую.

Может ли такой подход именоваться научным? Сочетаем ли он с этическими принципами? Увы, сочетаем он только с худшими стандартами советского экстремистко-идеологического начетничества. С готовностью прошедших определенную школу философов, во славу той или иной идеологии, манипулировать истиной как угодно.

У советской философской школы были сильные и слабые стороны. Сильные я уже указал выше – основательность, знание предмета, методологическая вооруженность. Слабая же сторона была именно в том, что советский обществовед во славу идеологии готов был вершить очень многое. Теперь сильные стороны убраны. А слабые – оказываются выпуклы, как никогда, ибо освобождены от тех рамок, которые задавали сильные стороны. Кроме того, они теперь еще замешаны на инверсии. То есть на огульной войне с тем, что когда-то огульно же восхвалялось.

И вы мне хотите сказать, что это не станет адом на земле? Рай на земле хилиасты строить не должны, утверждает П.П. Гайденко. А она сама ад на той же нашей земле, видимо, может если не устраивать, то сопровождать.

Следуя логике такого сопровождения, убеждаешься, что евреи:

- 1) не только «загубили слонов», но и соорудили хилиазм,
- 2) соединили этот хилиазм с несоединимым с ним гностицизмом,
- 3) пропитали немислимый гибрид абсолютным духом ненависти ко всему сущему и абсолютным же желанием к сладострастному обладанию этим сущим.

Ухитрившись соорудить сие, они послали в мир всех революционных негодяев (как говорит Пиам Павловна, «анархистов, террористов-народников и большевиков»). Так и вижу их всех сразу...

Умеренного антисемита Бакунина...

Радикального антисемита Махно...

Желябова и Перовскую, которым, видимо, было не до евреев вообще...

И, конечно же, большевиков, которые были очень сложной амальгамой, включавшей такие антисемитские элементы, по отношению к которым Нестор Иванович – и тот юдофил (читайте хотя бы Бабеля).

Когда нечто подобное ваяет не Пиам Павловна Гайденко – уважаемый ученый, претендующий на объективность и глубину, – а агитпроп Белой армии в ходе гражданской войны или белогвардейская эмиграция, помогая США и НАТО выиграть холодную войну, это понятно.

Но гражданская война, если мне не изменяет память, кончилась 86 лет назад. Говорят, что и холодная война кончилась. В любом случае, при чем тут наука? Понимание? Желание добраться до истоков самих себя? Нет, происходящее – это нечто совсем другое.

Рассмотрим сотворенное Пиамой Павловной не как «вещь в себе», а как нечто входящее в названное мною «перестройка–2». Что включает в себя подобное нечто?

Прежде всего – социальную дебольшевизацию («иначе все отберут, загонят в коммуналки»).

Затем – идеологическую дебольшевизацию («иначе опять нас всех в кровавую мясорубку»).

В качестве следующего уровня – конспирологическую дебольшевизацию (ноу-хау так называемых белых – «творили, гады, свои кровавые ритуалы»).

И, наконец, – метафизическую дебольшевизацию («напитали всех своим хилиазмом унд гностицизмом»).

А где-то рядом с этим – борьба с развитием! БОРЬБА С РАЗВИТИЕМ, а не БОРЬБА ЗА РАЗВИТИЕ. Ведь мы ознакомились с Лоргусом и другими («для нас этот виноград развития не просто зелен, он нам еще и метафизически чужд»).

Это все существует порознь? Или же речь идет об одной большой игре – и интеллектуальной, и политической? Если это одна игра, то ЧТО ЭТО ЗА ИГРА? Ведь только ради ответа на подобный вопрос стоит так детально заниматься высказываниями П.П. Гайденко.

Пиам Павловна внятно описывает иудейскую хилиастическо-гностическую (все опомниться не могу!) напасть, а также то, благодаря чему христианство было от данной напасти спасено. Тут все впечатляет!

Во-первых, она сотворяет коктейль из хилиазма и гностицизма, который вызывает странное ощущение какого-то отчаянного лихачества, никак не сочетаемого, в моем, например, сознании, с образом Пиамы Павловны и с ее каноническими научными текстами.

Во-вторых, она подчеркивает, что это жуткая напасть. Иринеи Лионский – это жуткая напасть? Иоахим Флорский?

И, в-третьих, она говорит, что спасло мир от этого неопишемого и ею лихо изобретенного коктейля. Так что же? Цитирую Пиаму Павловну: *«Существенную роль в преодолении хилиастических умонастроений играл элемент эллинизма, позволявший освободиться от слишком чувственно-материального представления о радостях земного рая, представления, характерного для ветхозаветной традиции»*.

От ветхозаветной традиции (от Библии то есть) христианство спас эллинизм (то есть язычество). Понятно, что это называется «деиудизация христианства». Но главное тут не в деиудизации (это многие уже пробовали), а в эллинизации (что тоже пробовали, но не в такой степени). И опять слово Пиаме Павловне: *«Преодолеть апокалиптические и хилиастические*

настроения, а также связанное с ними слишком чувственное, материалистическое представление о грядущем Царстве Божьем (у Иоахима Флорского оно материалистическое и чувственное? – С.К.), Августину, как и восточным отцам Церкви, помогла эллинская философия – прежде всего, платонизм. И это – несмотря на существенные различия, существовавшие между христианством и учениями Платона, Плотина, Порфирия и др».

Итак, Платон, Плотин и Порфирий. Запоминаем – и цитируем дальше:

«Вот что постиг Августин, изучая книги неоплатоников: во-первых, "истинно существует только то, что пребывает неизменным" (Исповедь, 7,11), и, во-вторых, к неизменному, вечному ближе всего бестелесное, сверхчувственное, духовное начало, тогда как чувственные явления преходящи и изменчивы».

Начали с борьбы против хилиастической красной заразы («Красного проекта», как скажут другие), а кончили борьбой с развитием. Политическая теория развития только тогда теория, когда она прослеживает, как начинают с охоты на определенных политических ведьм, а кончают тем самым запретом на развитие, который я уже назвал «деанаптуэзацией» (напоминаю, что «анаптуэ» (греч.) – «развитие»).

Истинно лишь неизменное? Тогда в чем благодать развития? Оно не истинно. Ведь развитие – это движение. Причем не любое, а восходящее и наделенное способностью к качественному усложнению. Если истинно лишь то, что пребывает неизменным (то есть не обладает атрибутом движения), то любое движение – неистинно, ибо оно не просто лишено неизменности, но оно бросает ей вызов.

Но и это не все. П.Гайденок и А.Лоргус, наступая с двух сторон, хотят устроить Развитию пресловутые «клещи», окружить и разгромить его. Вот что такое соединение метафизики развития с политической актуальностью. Поскольку чем ближе «всё» к неизменному, тем это «всё» становится менее оформленным (чем бестелеснее – в смысле любого тела, – тем неизменнее, а значит, истиннее), то абсолютно истинное абсолютно же лишено телесности и оформленности.

Что, неизвестно, как это называется? Это не просто Ничто любимых Пиамой Павловной экзистенциалистов и Nihil ненавидимых ею нигилистов... Нет, это нечто покруче. Это Иное. То есть некое находящееся выше Творца непроявленное благо с его эманациями. Но тогда ясно, в чем идеал спасения. Он не в полноте бытия в условиях попоранной смерти, а в «блаженном небытии». Ясно и что такое «блаженное небытие». Это растворение в Пустоте, которое и есть единственное совсем бестелесное и потому истинное.

Спросят: а почему бы нет? Отвечаю: абсолютно правомочное возражение.

Я никоим образом не собираюсь дискредитировать такой тип воззрений. Я только хочу оговорить, что это один из типов воззрений. Один из типов, а не истина в последней инстанции. Что у этого типа воззрения есть научное имя. Это называется эманационизм. Его действительно пропихивали греки, опираясь на близких Пиаме Павловне Платона, Плотина и Порфирия.

А противостоял этому креационизм, в котором отрицалось что-либо, находящееся выше Творца.

Христианство (как и иудаизм, и ислам) развивалось в борьбе между эманационизмом (и вправду греческим по преимуществу) и креационизмом (по преимуществу и впрямь иудейским).

И не эманационизм или креационизм дооформили христианство, а парадоксальный, тончайший, противоречивейший синтез одного и другого.

Теперь, почтав П. П.Гайденок, мы видим, что не от хилиазма должны спасать нас греки, а от креационизма. А что значит спасать от креационизма? Это значит окунать с головой в эманационизм.

Я не хочу уравнивать Плотина с Маркионом, а неоплатонический эманационизм с ликвидационным гностицизмом. Но слишком уж, как мне кажется, ясно, что эманационизм гораздо ближе к гностицизму, чем креационизм. И что система рассуждений, построенная Пиамой Павловной в ее крайне интересном докладе, – это ОСУЖДЕНИЕ ГНОСТИЦИЗМА НА УРОВНЕ ДЕКЛАРАЦИИ И ДРЕЙФ В СТОРОНУ ГНОСТИЦИЗМА НА УРОВНЕ РЕАЛЬНО СДЕЛАННЫХ ПОСТРОЕНИЙ.

Ведь что по сути сказано? Что противник (да-да, противник, а не исследуемый феномен!) – и хилиаст, и гностик (вопреки несовместимости одного и другого!). А дать силы противостоять противнику должна именно та греческая философия, которая адресует к спасительности Иного.

То есть к эманационизму, а не креационизму.

То есть к тому, что во все века обеспечивало дрейф в сторону гностицизма.

Это интеллектуальная игра. По сути – игра без правил. Это игра, цель которой – замутнение сути интеллектуальной и политической борьбы, ведущейся человечеством на протяжении тысячелетий.

Что ж, попробуем обнажить эту сокровенную суть.

Глава III. Учиться «плотинизму»

Пиаме Павловне Гайденок призывает искоренителей хилиазма учиться у Августина Блаженного, который, в свою очередь, учился у Платона и Плотина...

В психологии подробно разобрано все, что связано с запрограммированностью сознания, – как явной, так и неявной. Видимо, в сознании большинства советских философов есть что-то от такого неявного программирования, ибо слишком уж этот призыв напоминает пресловутое «учиться коммунизму». Теперь, конечно, учиться надо не коммунизму, а антикоммунизму, точнее, антикоммунизму метафизическому, то есть антихилиастичности. А если еще точнее, то учиться надо не коммунизму, а «плотинизму»... Сказали бы уж сразу, что гностицизму. Ан нет! Не только не говорят ничего подобного, но и, скрепящая естественным образом хилиазм и гностицизм, доводят наших новообращенных вообще и интеллектуально-любопытных новообращенных в особенности до специфического ментального состояния, хорошо знакомого тем, кто занимался так называемыми «когнитивными ловушками» (а также «сшибкой стереотипов» etc).

И что прикажете делать? Как что? Помогать из этих ловушек выбираться. Замутнению всего и вся можно

противопоставлять только пояснение, не правда ли? А для этого надо неторопливо разбираться в сути предлагаемого.

У кого учиться – сказано. Теперь надо сказать – чему. Ответ Пиамы Павловны привычен до тошноты.

Во-первых, пониманию того, какая же гадость этот хилизм. Ранее нам говорили, что учиться у великого Ленина надо пониманию того, какая же гадость – царизм, самодержавие, капитализм. Теперь великим стал Августин. А гадостью – хилизм (читай «большевизм»). Что в этом неизменно, так это методология. Есть великий. Есть нечто гадкое. У великого надо учиться ненависти к гадкому и опыту искоренения оногo. Завтра будет другой великий, другое гадкое и другой опыт искоренения. Но схема останется. А в ней мало сказать, у кого и чему. В каноне это называется «во-первых».

А «во-вторых»... Во-вторых, надо сказать, чем вооружился... да не пугайтесь вы! не жуткий Ленин, а благолепнейший Августин!.. в своей благородной борьбе с хилистической мерзостью. Вы не помните, чем надо вооружаться по канону? Ну уж! Так и не помните! Вооружаться надо передовым учением... Да не пугайтесь вы опять! Не «жутких изуверов» Маркса и Энгельса, а благостных философов – Платона и Плотина!

На первое, на второе... А на десерт? А десерта уже не надо! Кому по каким причинам... Меня уже... того... и мне, так скажем, не до десерта. А присутствующим на Рождественских Чтениях? В хрестоматиях по обществоведению количества «блюдов» (во-первых, во-вторых и так далее) доходило иногда до восьми. Меня один экзаменатор так и спросил: «Что на такой-то странице сказал великий Ленин в-восьмых?» Когда я ему всю страницу (память была хорошая) воспроизвел наизусть, он очень обиделся. Но это когда было! В СССР! А нонче у нас все то же самое, но в регрессивном варианте. Тут и двух пунктов достаточно.

Туземцы, живущие в примитивных обществах, как считают? Правильно! Один, два, много. Ну так вот, не надо, чтобы было много! Один, два... Достаточно!

Может быть, участники Рождественских Чтений уже доархаизировались до того, чтобы воспринять лубок в духе «учиться платонизму-плотинизму» как высший класс интеллектуализма и духовности. Искренне надеюсь, что это не так, но кто знает!

Однако в России немало людей, которых (а) вообще тошнит от всяческих прописей и лубков, (б) особо тошнит от прописей и лубков, задаваемых в качестве нормы подхода к решению сложнейших политико-философских вопросов, (в) совсем особо тошнит тогда, когда они узнают в прописи и лубке вывернутую наизнанку советскую обществоведческую муть.

Вчера надо было учиться коммунизму у классиков в лице Маркса и Энгельса. Сегодня надо учиться антикоммунизму у классиков в лице Платона и Плотина... Ну, и конечно же, цинизму у тех, кто окормлял сначала советское обществоведение, а потом антисоветское как советское же, но вывернутое наизнанку. Когда я сказал, что в России немало людей, которых (а), (б), (в) и так далее, то знал, что неминуемо нарвусь на встречный вопрос: «Немало – это сколько?».

И ведь, согласитесь, вопрос не праздный! Как минимум, от ответа на него зависит правомочность обсуждения Блаженного Августина с широким (и отнюдь не обязательно религиозным) политизированным читателем, а как максимум... Как максимум, я убежден, что именно от ответа на этот вопрос зависит судьба России. А значит, и многое другое.

Людей, для которых важны общие, в том числе и философско-политические, проблемы и недопустима их редукция к «шиворот навыворот» в духе антисоветско-советской прописи, в России, по моим оценкам, не менее десяти тысяч. (Я исхожу из тиражей известной мне серьезной литературы, отражающих читательский спрос. Ведь сейчас не так уж много охотников просто купить высокоумное сочинение и поставить его на полку.)

Много это или мало? Ответ на такой вопрос лежит за пределами количественных оценок. Тут нужна «оценка качеств»... места и роли этих людей в данном обществе... остроты и типа фрустрации, вытекающей из сознания униженности и бесперспективности этого места и этой роли... амбиций... социальной адекватности...

Да мало ли еще чего! Если десять тысяч – это интеллектуальные насекомые, забившиеся в свои маргинальные ниши, то это мало. А если это потенциальный актив, структуризирующееся сообщество, способное деструктуризоваться аж до системного контррегрессивного ядра, то это более чем достаточно. Ибо где ядро, там и периферия.

На вопрос: «Для чего достаточно?» – я развернуто отвечать не буду. В двух словах – для того, чтобы стать субъектом развития в движущейся по траектории регресса России. Я не буду спорить с теми, кто на мой ответ по поводу десяти тысяч разведет руками и скажет про неадекватный ситуации оптимизм. Во-первых, у меня есть основания для такой оценки. Во-вторых, «воюй не числом, а качеством», а в-третьих... В-третьих, в России, может быть, в большей степени, чем где-либо, есть странный слой людей, желающих войти в стан названных мною десяти тысяч.

Они, возможно, не читали «О Граде Божьем» этого самого Блаженного Августина. Но если им определенным способом разъяснить смысл осуществляемых подмен, то они прочтут. И Августина, и много кого еще. Они не в Институте философии работают, но прочтут...

Ну, так я и постараюсь разъяснить, не превращая разъяснения эти в пропись (она же – обществоведческая инструкция по сборке «интеллектуального автомата Калашникова» с «надежно заклиниваемым затвором»).

Начну с признательных показаний. А как без них-то в подобном, по сути абсолютно инквизиторском, случае? Каясь, признаюсь в том, что Блаженный Августин – один из моих любимых авторов. И я у него учусь. Но не искоренению еретиков, а тому, какая странная, трагичная, атипичная, величественная и хрупкая это «вещь» – история. История вообще и осознание истории тем более. При том, что нет истории без ее осознания в качестве таковой теми, кто ее, так сказать, волочет на своих плечах.

Когда говорят о тонкой пленке культуры на теле собственно природного человечества, то под культурой имеют в виду не неолит и, уж тем более, не палеолит. Хотя и неолитическая революция – это колоссальный культурный взрыв, швырнувший человечество в неведомое, оборвавший его связи с собственно природной нишей и так далее. И все же культура – это не обработанные орудия и не фигурки богинь матриархата. Культура – это Шумер, Египет, праКитай, праИндия... Что еще? Ну, Иерихон. Ну, Чатал-Гююк... Все остальное – мифы. Атлантида, Лемурия и так далее... Оставим эти проблематичности в сфере проблематичного. Сколько тысячелетий такой – достоверной и непримитивной – культуры за спиной человечества? Пять? Шесть? Ну, хорошо, десять! Это, что называется, уже «с перебором». А сколько человечество жило как человечество без

этого всего, но уже в оформившемся виде? Ну, двести тысяч лет... Хотя, на самом деле, больше. Вот сколь тонка собственно культурная пленка.

А теперь постарайтесь увидеть на этой пленке совсем уже тонюсенький и локальный очажок исторического человечества.

Ведь историчность человечества определяется не тщательностью, с которой фиксируются деяния фараонов и императоров. История – это способность двигаться, руководствуясь компасом под названием «Великая Новизна». Впереди есть то, чего не было... И это, грядущее, заслуживает того, чтобы бросить имеющееся и двинуться в путь... Бодлер писал в своем «Плавании»:

*В один ненастный день, в тоске нечеловечьей,
Не вынеся тягот, под скрежет якорей,
Мы всходим на корабль, и происходит встреча
Безмерности мечты с предельностью морей.*

Но это XIX век... И кто-то скажет, что это Великое Беспокойство – свойство перехода от традиционного общества к обществам иного типа (индустриальным, модернизированным). А как же Святой Христофор, несущий на своих плечах младенца по имени Грядущий день? Готовность человеческих сообществ двигаться в сторону нового, понимаемого как Идеал, не имеющий отношения к опыту («этого не было, но это будет!»), очень нетривиальна.

Столь же нетривиальна и готовность выйти за пределы циклического, «природоподобного» времени. Природоподобное время оперирует аналогией между тем, что происходит в Природе («зима, весна, лето, осень... опять зима... и так всегда было и всегда будет»), и тем, что происходит с человечеством, и с иными, надчеловеческими, «инстанциями». Нил разливается регулярно... Есть и более сложные циклы... Благоприятные, неблагоприятные... Но неблагоприятный период сменится благоприятным... Змей съест солнце... Но произойдет битва, солнце освободят... Так было и так будет... После ночи наступит день, а после дня – ночь.

Культурные герои, божественные вестники Великой Новизны, преодоление страха перед неизвестным, которое с собой эта новизна приносит. Ведь в самом деле... Только-только освоили культуру как аккумулятор опыта... И вдруг надо отказаться от опыта во имя какой-то там новизны! Ну, придет она, катастрофа какая-нибудь, например, – будем приспосабливаться! Но чтобы ждать ее, звать, видеть в ней спасение и избавление... К этому человечество приноравливалось с трудом. И – неравномерно. Кто-то был первопроходцем. А кому-то это все было чуждо; «Ишь ты, свет в конце туннеля!»

Большая часть культурного человечества в воду истории не вошла, опасаясь последствий. Вошел ли, например, в воду истории как страсти по новизне великий китайский народ? В той мере, в какой для него альфой и омегой являются всеисильные циклы, не вошел. Я не специалист. И не знаю специалиста, который взялся бы это оценить. И с трудом представляю себе метод, на который такой специалист мог бы опереться.

Но мой личный опыт наблюдения китайской цивилизации говорит о том, что – несмотря на все модернизационные успехи – ее ядро не задето крылом странной и диковинной птицы под названием История.

Невозможно назвать эту птицу ни семитской, ни арийской. В том-то и казус, что она существенно семито-арийская. И этим одним ставит в тупик тех, кто охотится за конкретным иудейским «врагом человечества», «такое» сделавшим и с замечательными слонами, и с прочими жертвами своих бесчисленных происков. Зороастрийский взрыв, вошедший в резонанс с иудейскими пророчествами... Два этих взрыва (арийский и семитский) в их взаимообусловленности и взаимопреemptивном качественности... А дальше обусловленный этими двумя взрывами мегавзрыв под названием христианство. Он и только он оформил окончательно историю как невероятно проблематичный формат человеческого существования.

Нет истории без философии истории. Нет философии истории без метафизики истории. Нет метафизики истории без острейшего ощущения онтологического конфликта, конфликта света и тьмы, добра и зла. Мировая история – дитя этого конфликта.

Внутри этого конфликта у человечества есть особая роль. В истории разворачиваются битвы, имеющие фундаментальный смысл. Она, история, и мучает, и сулит надежду. Да, без нее исчезнут определенные муки. Но исчезнет и надежда как таковая. В истории может свершиться и свершается Великая Новизна. Ее метафизика не только таит в себе ответ на вопрос о природе зла, но и вычерчивает рукой надежды тот маршрут, по которому следует идти спасаясь. То есть освобождаясь от зла. Нельзя утверждать, что этот маршрут – прямой, как полет стрелы. Но он – не лабиринт и не круг коловращений (Вечное возвращение).

Вера человечества в историю подтачивается двумя соблазнами. Один – презреть историю как Время, являющееся и очевидным врагом человечества (старение, смерть), и чем-то, заведомо подчиненным Вечности. Это – эманационный, гностический соблазн. Другой соблазн – циклически-пантеистический. Все идет по кругу. Направленность – выдумка. Есть именно коловращение всего на свете. Не только времен года, но и человеческих судеб. Отсюда и реинкарнация.

Зима – все умерло. Весна – воскресло. Снова зима – снова умерло. Стихийно оформленное в язычестве, это пантеистическое мировоззрение навязывает сознанию и иные циклы. Например, цивилизационные. Родилась цивилизационная монада, оформилась, состарилась и умерла. Бесконечно изощренная китайская теория циклов, кальпы индусов... Европейские заимствования Ницше, Шпенглера, Тойнби, Данилевского, Хантингтона, наконец! Великие часы тикают: «Так было – так будет, так было – так будет». Вечное возвращение, так поразившее Ницше... Коловращение, смена кальп... Стерли – заново... Стерли – заново...

С одной стороны, пантеизм с его циклами, в которых нет историчности. С другой стороны, гностицизм с его уцениванием Времени в пользу Вечности, тоже отрицающий историю. В узком створе между этими двумя отрицаниями движется Дух истории. Нет истории без того, чтобы общество не стало познавать самое себя как нечто, развернутое во времени, то есть обладающее историчностью. Неведение обществом своей историчности – в целом скорее норма, а ведение – глубокая аномалия. Но, раз возникнув, эта аномалия начинает диктовать условия всем. И тем, кто соглашается нести крест Истории. И

тем, кто отказывается это делать. Сам этот отказ вовлекает отказывающегося в Историю. Нельзя противопоставить себя истории, не оказавшись в определенной степени ей сопричастным. Внеисторизм – это именно неведение истории. Антиисторизм – это в каком-то смысле уже все равно историзм.

Историческое сознание, зародившись в семито-иранском ареале, укоренилось в том, что называется духом Запада. Говорить о бездуховности Запада как такового просто смешно. И вряд ли можно не заметить, что птица под названием «Дух истории» чаще всего свивает гнезда на Западе. Что излияния исторической лавы чаще всего случаются на западной культурной земле.

Ответ на вопрос «Я и Запад», который дает Россия, в точности определяет ее место в рядах человечества. Входит ли Россия в собственно историческое человечество? Если да, то она Запад. Придерживается ли Россия своей точки зрения на историю, оставаясь внутри исторического человечества? Если да, то Россия – это альтернативный Запад. (И я-то как раз уверен, что это именно так.) Отбрасывает ли Россия следом за коммунизмом весь историзм? Покидает ли она маленький зыбкий островок историчности, эту сверхтонкую пленку на тонкой пленке культуры? Если да, то она... Она даже не на Востоке Христа (вспомним «Каким же хочешь быть Востоком: Востоком Ксеркса или Христа?»). Она попадает на другой Восток, который в буквальном смысле не является и Востоком Ксеркса.

Это еще нужно понять, на какой Восток она тогда попадет! И в виде чего? Внеисторического субъекта? Или пожираемой другим субъектом субстанции? Потерявшей связь со своим собственным духом, Духом истории и не обретшей взамен ничего. История – это череда импульсов, сменяющих друг друга. Каждый из этих импульсов – культуuroобразующая Великая Новизна. Или Великая Утопия. Конечно, если Великая Новизна носит религиозный характер, то она считает себя одной-единственной уникальной новизной. Новизной на все времена. Да и светская Великая Новизна приходит не для того, чтобы быть сменной чем-то другим, а для окончательного решения всех человеческих вопросов. Но, придя и сделав невероятно много, эта новизна не оправдывает ожиданий человеческих.

И тогда включаются два механизма, позволяющие заменить ее чем-то другим. Один из этих механизмов – критика, она же суд. «Чей суд, – спросят, – если приход новизны мыслится в абсолютно метафизических категориях?..» Оказывается, суд, он же критика, все же есть. Это суд истории. Пока есть история – есть и суд. Но суд ничто без второго механизма, механизма выращивания нового в недрах того, что подвергается критике. Оказывается, что нечто еще не пришло, но вот-вот придет. В большинстве религиозных систем Великая Новизна имеет развитие. Бог иудеев заключает завет с Авраамом. Он передает евреям через Моисея некий закон. И он повелевает им исполнять Закон и ждать мессию.

Христос является, давая новое слово. Это новое слово надо исполнять в ожидании Второго пришествия. Эсхатологизм (жизнь по закону в предощущении финала) присуща даже религиям, которые не порвали с цикличностью. Но и светские утопии строятся сходным образом: есть доклассовое общество, в котором еще нет истории. Вместе с классами она приходит в мир. В постклассовом коммунистическом обществе – кончится.

Много раз говорилось о том, что диалектика и финализм несовместимы. Что каждый финал хочет освободить себя от критики (суда Истории) и мечты (зачатия Нового в лоне этой самой Истории). Но что этого не происходит.

В момент, когда импульс Великой Новизны исчерпывает себя окончательно, становится душно. Человечество заболевает. Оно мечется в поисках «кислорода» Новой Новизны. Одновременно лихорадочно нарастает критика наличествующего. Эта критика может быть только критикой, и тогда она превратит историческое Бытие, исчерпавшее свою новизну, в труху.

Но эта же критика может быть критикой Старого, которое, будучи когда-то Новым, создало данное историческое Бытие во имя того Нового, которое созревает внутри истлевающего Старого. Сколько анафем произносилось в адрес людей, распевавших:

Отречемся от старого мира!

Отряхнем его прах с наших ног!

А как не отряхнуть прах, если он прах? И разве неясно, что берет за эталон данная песня?

Нам враждебны златые кумиры...

Люди отрекаются от золотого Тельца – что в этом плохого?

Мы пойдем в ряды страждущих братии...

А что, к страждущим братьям идти не надо? А мир насилия разрушать не надо? А что с ним надо делать? Его надо холить и лелеять?

Великая Новизна приходит как взрыв, как извержение вулкана. Чудовищный накал, тектонические подвижки, огонь, сжигающий старое самым безжалостным образом... Это – первая фаза культуuroгенеза. Кому-то нравятся одни культуuroгенезы, кому-то другие... Для кого-то некоторые культуuroгенезы (например, христианский) представляются не культуuroгенезами, а священными и окончательными событиями. Для других священными являются другие события. Но для философа культуры всякая Великая Новизна – это взрыв культуuroгенеза, вспышка Нового, создающая культурное поле.

На второй фазе это поле надо структурировать. Новое должно быть оформлено, войти в жизнеустроительные отношения со Старым. Ведь все Старое не истребишь!

На третьей фазе Новое разворачивает свой потенциал, пользуясь тем, что убраны препятствия, создаваемые Старым.

На четвертой фазе оно избавляется от Новизны как своего неотъемлемого и главного атрибута. Попросту – оно если и не стареет, то взрослеет.

На пятой фазе оно буквально стареет, и его обновляют серий внутрисистемных инноваций (реформ).

На шестой фазе оно дряхлеет, ссылаясь – при виде сыплющейся трухи – на козни критики. Став старым, оно позволяет очередным утопистам развертывать в своем лоне собственное отрицание, очередную Великую Новизну. Если это удастся сделать, объект (система) обретает новую жизнь. Если нет – он умирает.

Так История, меняя новизну, движет вперед страны и человечество. Куда движет? В стадию совершенного самосознания (Гегель), в эпоху Святого Духа (Иоахим Флорский), в бесклассовое общество (Маркс), в царство позитивной науки (Кант)...

И так далее.

Важно, конечно, куда. Но еще важнее, что движет. Что взрывы новизны и то, что за ними следует, это как работа двигателя внутреннего сгорания. Горючее, взрыв, движение... Снова горючее, снова взрыв. Перед тем, как человек избирает исторически обусловленную телеологию истории, он делает еще более фундаментальный выбор. Он присягает истории как таковой, духу этой меняющейся новизны...

Или же – отвергает, как грех, не только революцию, но и историю в целом. Ибо история – это череда культурогенезов, то есть взрывов и оформлений. Можно, конечно, любить оформления, но не любить взрывы. Но это непоследовательная позиция, хотя и очень часто встречающаяся.

Зародившаяся в ирано-семитском (зороастрийско-иудейском) котле, утвердившись в христианстве, проявив себя в Великом французском взрыве 1789 года и Великом российском взрыве 1917 года, история мечется по планете в поисках Новой Великой Новизны. Постмодернизм, заявив, что новизна нынешней ситуации – в невозможности Новой Великой Новизны («новизна – в невозможности новизны»), приговаривает Запад к гниению. Предыдущая Великая Новизна 1789 года, называемая еще проект «Модерн», стареет у нас на глазах, и никакие попытки омоложения не отменяют сам этот факт старения.

Считать, что все это не заденет христианство, да и другие исторические религии, наивно. Большинство человечества безоглядно втянулось в водоворот Исторического. Тончайшая пленка истории обволакивает культуру. Отодрать эту пленку, не задев сразу несколько слоев культуры, невозможно. Мир висит над бездной: Фрэнсис Фукуяма, ученик неогегельянца Кожева, подыграл своей статьей «Конец истории» постмодернистам, говорящим о том, что «новизна в невозможности новизны» (а также подлинности и многого другого).

Но даже Фукуяма, конечно же, сыгравший на стороне постмодернистской партии, занятой убийством Истории, не может скрыть своего ужаса перед тем, чье предвещание он вроде бы воспекает. Вот чем он завершает свое исследование: *«Конец истории печален. Борьба за признание, готовность рисковать жизнью ради чисто абстрактной цели, идеологическая борьба, требующая отваги, воображения и идеализма, – вместо всего этого – экономический расчет, бесконечные технические проблемы, забота об экологии и удовлетворении изощренных запросов потребителя. В постисторический период нет ни искусства, ни философии; есть лишь тщательно собираемый музей человеческой истории. (...) Признавая неизбежность постисторического мира, я испытываю самые противоречивые чувства к цивилизации, созданной в Европе после 1945 года с ее североатлантической и азиатской ветвями. Быть может, эта перспектива многовековой скуки вынудит историю взять еще один, новый старт?»*

Что, помимо красивого жеста, содержит в себе последняя фраза Фукуямы и может ли она быть у неогегельянца чем-либо, кроме красивого жеста, – это отдельный вопрос. Для нас сейчас важнее установить масштаб вызова, брошенного Истории.

Быть с нею или против нее – это и метафизическая, и человеческая, и политическая проблема. Христианство, иудаизм, ислам выйти из истории не могут... Или – могут? Отвечая на этот вопрос, сначала признаем, что они в истории увязли, так сказать, с невероятной силой.

Конец истории без Мессии... Конец истории без Махди... Конец истории без Второго пришествия Христа... Если такой конец истории возымеет место, то эти великие религии кончатся в одночасье. Или превратятся в собираемые экспонаты музея, о котором говорит Фукуяма.

Кто породил историю – тот первым будет принесен в жертву в случае ее фиаско.

А греки? С ними-то как? Является ли трагический пессимизм греческой античной философии союзником и соучастником в создании сверхтонкой пленки Исторического как такового? Или же он этой задаче создания тонкой пленки Исторического активно сопротивлялся? Конечно же, великая греческая античная мысль крайне многообразна. И всегда можно найти такого ее представителя, который опровергнет тезис о неучастии греческой античности в создании Исторического как такового. И все же надо констатировать, что величайший из интеллектуализмов древности – античный греческий интеллектуализм – по отношению к Историческому вел себя более чем сдержанно. Повторяю, контрпримеры найти нетрудно. Но в гуманитарных науках у них не та роль, они не опровергают наличия тенденций. Впрочем, и в естественных науках есть понятие «флуктуация», и говорится, что наличие флуктуации не отменяет тенденции.

Анализируя греческий античный интеллектуализм именно как тенденцию, мы должны признать, что его трагический пессимизм противостоит историческому порыву к благодному финалу и Великой Новизне как таковой. Одиссей плыл в родную Итаку. Страстью к беспредельному плаванью в поисках невесты чего его все-таки наделил по преимуществу Данте.

Я постоянно говорю «все-таки», «по преимуществу» – и это не случайно. Я совершенно не собираюсь компрометировать великий античный греческий интеллектуализм, называя его врагом истории. Все, на что я обращаю внимание, это то, что основания для такого понимания античного греческого интеллектуализма имеются. Что об этих основаниях не ваш покорный слуга впервые заговорил, возгоревшись желанием полемизировать с Пиамой Павловной Гайдено. Что такое понимание «трагического пессимизма» античных греков достаточно традиционно. Что оно не может не быть знакомо Пиаме Павловне, хотя бы в силу ее занятий экзистенциализмом как течением, весьма близким к трагическому пессимизму и находящимся в очень сложных отношениях с надеждой как таковой («борьба без надежды на успех» и так далее). А какая историчность без надежды? Какая вера в Великую Новизну и смысл плаванья в водах истории? Кстати, как быть с Верой, Надеждой, Любовью, а также матерью их Софией?

Впрочем, на последний вопрос Пиамы Павловны уже дала нам ответ, сказав, что софиологи – это хилиастическая секта, чье участие в создании определенного духовного климата поспособствовало ужасному «большевизму».

И, наконец, является ли античный греческий интеллектуализм как целое враждебным или безразличным к исторической заморочке, надстраиваемой над традиционализмом культуры, – это, конечно же, «вопрос на засыпку». Кто-то скажет «да», кто-то «нет». Кто-то сошлется на одни авторитеты, кто-то на другие. Кто-то вообще откажется рассматривать этот интеллектуализм как целое. А вот насчет роли Платона и Плотина в том, что касается этой самой исторической заморочки (и

замороженности)... Тут все более или менее понятно... Цель Платона и его учеников – сдержать старение и угасание того, что порождено первоимпульсом, породившим Золотой Век. Ни в какой новый кулыурогенез, создающий нечто неслыханно более прекрасное, чем Золотой Век, Платон и его ученики не верят. А вот в необходимость автономизировать и оптимизировать жизнь в отсутствие новых импульсов – еще как верят.

Ради этого и мыслят, вглядываясь в «логос». Ибо логос этот должен помочь обустроить безимпульсную и постимпульсную жизнь. Так люди сберегают огонь, понимая, что нового огня не будет, а без огня жизнь не организуешь.

Великая сила Платона и его учеников – в том, что они гениально раскрывают то содержание, которое способно экономно расходовать огонь, создавать формы, препятствующие его быстрому исчерпанию.

Великая же... для меня слабость, а для кого-то специфика – в том, что в новый Огонь, новый импульс они не верят. Что Великая Новизна, то есть историческая страсть, им чужда. А уж если договаривать до конца «положа руку на сердце», то и враждебна. В какой-то степени это предопределялось соседством с Персидской империей, которая, будучи враждебна до крайности политически, воспринималась греками еще и как фундаментальный метафизический враг. Между тем именно персидский дух был носителем исторической устремленности. Согласно которой где-то там, в финале мировой истории, произойдет нечто неслыханное и – морально окрашенное. В некоем окончательном сражении Свет победит Тьму.

Греческий полис, чье представление о должном гениально выразил Платон, не мог не воспринимать враждебно подобную историческую устремленность своего яростно ненавидимого соседа. Кто знает – может быть, есть связь между локальностью подобного полиса и его отрицанием Исторической Новизны. Отказываясь от локальности, Александр Македонский был просто вынужден, в силу указанного, соединять универсальность, глобальность и историзм. Может быть, здесь источник фундаментального интеллектуального конфликта между Платоном как сторонником классической античной локальной полисности и Аристотелем, вдохновившим Александра Македонского на выход за пределы полисности и создание всемирной универсалистской империи. В любом случае, конфликт между последователями Платона и последователями Аристотеля для Запада является системообразующим. И вряд ли можно ответить на вопрос о характере этого конфликта вне рассмотрения антитез «полис или империя», «локальное или универсальное», «историчность или цикличность», «примордиальность или Великая Новизна».

Впрочем при всей важности рассматриваемых антитез еще важнее другое. Констатация историчности персидского духа, разом прекращающая те игры, в которых историческое тождественно иудейскому, а значит... Что это значит – зависит от предпочтений. Для нас же важно установить, что само тождество носит спекулятивно-идеологизированный, а не научный характер. Что оно призвано не раскрывать существо реальных альтернатив, еще более важных для человечества сегодня, нежели во времена Платона и Аристотеля, а сбивать с толку, заводить в трясину ложных фобий и филлий.

Сначала надо завести в эту трясину, затем заняться политической игрой с искоренением хилиастической ереси... Нет уж, давайте все-таки признаем очевидное! Установим, что «какой-то там зороастризм» несомненно участвовал в порождении сверхтонкой пленки Исторического. А великий греческий античный интеллектуализм этого чурался и этому активно противостоял.

При этом я могу и должен сослаться на А.С.Хомякова, крайне авторитетного в почвенных славянофильских кругах. Это он говорит о трех началах духа истории (духа птицы, как он это называет) – зороастризме, Иудее пророков и русском православии. Я могу сослаться также на Пауля Тиллиха, выдающегося теолога, христианского мыслителя и философа культуры... Зачем нужны эти ссылки? Потому что если все их... ну, я не знаю... спрятать, стереть... Очень многое придется, увы, в этом случае стирать или в новые спецхраны запирать... Словом, если это проигнорировать, то выстроится презабавнейшая картинка. Окажется, что не только хилиастическое начало, но и вся эта историческая супертонкая пленочка на теле культуры есть творение иудейского духа. Пиамы Павловны скажет, что подрывного. А ее интеллектуальный соперник – что единственно подлинно креативного. При наличии авторитетной традиции, вводящей в число создателей этой сверхтонкой пленочки не к ночи будь помянутый зороастризм, этого сделать нельзя.

Но если нельзя, то очень хочется, то можно. Можно если не вообще со всеми, то с аудиторией Рождественских Чтений. А хочется-то как! Не просто очень, а очень-очень. Чего именно хочется? А вот чего.

- 1) Снять зороастрийский фактор (стереть его, утаить etc).
- 2) Заявить после этого, что хилиазм – это плод подрывного иудейского духа, как и большевизм.
- 3) Опираясь на это ложное заявление, назвать плодом этого подрывного духа весь историзм, всю страсть по временной траектории, отличающейся от циклической.
- 4) Изъять эту историческую страсть из христианства, освободить христианство от иудейского мессианства.
- 5) Тех же, кто станет утверждать, что историческая страсть – это суть христианства, обвинить в приверженности хилиастической ереси.

6) Освободившись таким образом от необходимости отвечать оппонентам, заявить, что историческая страсть – это не суть христианства, а хилиастический иудейский полип на его теле. И что Блаженный Августин, воспользовавшись единственно подлинно верным учением Платона–Плотина как хирургическим инструментом, удалил этот полип. А нынешние российские последователи Блаженного Августина, учась у него проведению подобных хирургических операций, должны довести дело Блаженного Августина до конца и с помощью того же хирургического инструмента изъять всю опухоль Исторического во имя излечение христианства...

Вот в чем философско-политический смысл борьбы с хилиазмом. Смысл, угаиваемый теми, кто хочет протянуть нить от иудейского хилиазма к иудейскому же большевизму.

Этим хирургам надо обязательно расширить операцию, распространив ее на иудейское же «тлетворное Историческое».

Им обязательно надо сказать, что историческое – это не сверхтонкая пленка, концентрирующая в себе волю к развитию и объемлющая культуру как таковую. Нет, историческое, как и хилиастическое (а также большевистское, революционаристское etc), – это иудейская порча, плесень, которую надо побыстрее извести на корню. Вот они –

хирургические инструменты, изготовленные Платоном и Плотиной! Берите, пользуйтесь! Августин ведь пользовался! А вы, имея этот опыт, «ни бе ни ме».

Называется это – науськивать. Науськивать на иудеев? Не думаю. Науськивают, конечно же, на Историческое как таковое. А иудеи – повод. Причем – наиважнейший. Не наклеишь на лоб историзма шестиконечную звезду... Как по нему тогда долбануть из всех информационных калибров? А ведь как хочется!

Впрочем, я не психологией занимаюсь. И разбирать, в какой степени первичны чувства к «погубителям слонов», а в какой – чувства к триаде «большевизм – хилизм – историзм», не намерен. А вот смысл игры и ее характер обсудить абсолютно необходимо.

Я не знаю, в какой степени Маркс и его последователи в своих страстях по истории («из царства необходимости – в царство свободы») были ведомы иудейским мессианством. Огромное большинство этих людей порвало с конфессией под названием «иудаизм» и противопоставило себя этой конфессии. А значит, и народу. Отец одного моего знакомого рассказывал сыну, как община насаждала на дедушку с бабушкой: «Вразумите Моню! Он из приличной семьи! Ну что он, как сумасшедший, бегаёт с маузером по улицам!» Но, может быть, разорвав с конфессией, они не разорвали с народом. А может быть, некий мессианский дух, свойственный их народу, приобрел модифицированный светский облик... В принципе такое возможно.

Но я знаю, сколь глубоки корни другого мессианства – русского. Как дышит все тут страстью по историческому пути и историческому же избавлению. Как велико здесь жадное и страстное любопытство к новому, неизведанному и неиспытанному, предельному и спасительному. И русский, и еврейский народ причастны «историкуму» – этой самой сверхтонкой и спасительной пленке исторически страстного человечества.

Религиозное мессианство не терпит наличия мессианского религиозного конкурента. Это породило сложности в отношениях мессиански настроенных иудеев и мессиански же настроенных русских православных людей. Может быть, корни небезоблачности этих отношений еще глубже. Не знаю. Не это мне интересно. И, в любом случае, я меньше всего хочу превращать огромную сложность этих отношений в сусальный розовый примитив. Я даже не хочу сказать, что, сбросив конфессиональные облики, два мессианства, русское и еврейское, нашли свой общий знаменатель в марксизме и коммунизме. И слились в экстазе беспроblemной и безоглядной любви друг к другу. Возникли новые сложности. Да и память о старых никогда не исчезает бесследно.

Думаю, что корни сложности отношений иранского и еврейского духа еще глубже. Что не мешало Израилю и Ирану дружить в дохемейнистский период. Но я знаю точно, что сейчас является целью игры. Главная текущая задача – лишить Россию (и именно ее!) права на нахождение в сверхтонкой и проблематичной пленке исторически страстного, готового нести этот Огонь человечества.

Наверное, конечная цель в том, чтобы погасить Огонь и разгромить весь «историкум». Но сейчас все сфокусировано на России. Я кожей чувствую, в какой степени все именно на ней сфокусировано. Не на ее недрах и территории – на этом, зыбком и на ладан дышащем «огневом начале».

Что же касается развития, то тут все как «дважды два четыре». Я не хочу сказать, что развитие является уделом только той части человечества, которая породила тончайшую историческую пленку с ее почти безнадежной волей к спасению через Новое и Невиданное. Но то, что именно эта пленка является мотором развития, вряд ли вызывает сомнение. Возможно ли развитие без новых импульсов культурогенеза и порожденных этими импульсами новых исторических зон? Что будет это тогда за развитие? Ради чего оно будет осуществляться?

Все эти вопросы наверняка будут получать самые разные ответы. Но то, что страна, входившая в число локомотивов развития, отказавшись от своего «локомотивного права» (оно же – вхождение в историкум) и находясь в ситуации регресса, будет продолжать гибельное движение из историкума в регрессиум, как мне кажется, достаточно очевидно. Впрочем, кого интересует, что будет происходить со страной, отказавшейся от культурогенезисной роли? Саму страну это не слишком интересует, а других и подавно.

Важно перекрыть все возможности для появления нового импульса вообще и на данной территории, коль она к этому предрасположена, в частности. Вырвать с корнем саму возможность возникновения здесь даже подобия нового (или старого) мессианства. И ради этого – если надо, поговорим о хилистах, а если надо – об учении Платона-Плотина, которое всесильно, ибо верно. Ну, и об Августине, чтобы и этим... как их там... православным – не слишком обидно было. Ну что ж... Об Августине, так об Августине...

Никоим образом не задевая авторитет великого религиозного мыслителя, давайте вкратце сформулируем то, что нам удалось понять в ходе только что осуществленной общесистемной рефлексии на интересующую нас конкретную тему. В сущности, мы установили всего-то лишь невозможность проведения операции по изъятию Исторического из христианства с помощью любых хирургических инструментов. Хоть изготовленных на заводе имени Платона-Плотина, хоть изготовленных на заводе имени Гимmlера-Розенберга. Никоим образом не ставя на одну доску эти разнокачественные заводы, хотя и понимая, что их объединяет странная затея деиудеизации христианства, мы показали, что дело не в качестве инструментов, а в невозможности осуществления самой операции. Будь инструменты хоть супер-пупер и хирургом хоть сам Асклепий – все равно операция неосуществима. Ибо христианство содержит в себе историческую страсть, так сказать, на клеточном уровне.

А учение Платона-Плотина на том же клеточном уровне содержит в себе отвращение к этой исторической страсти или же, как минимум, глубочайшую духовную несовместимость с оной. В детском стишке долго выбирается няня для мышонка, которого надо покачать... Перебирая нянь для своего мышонка, мама-мышка, наконец, при одобрении сыночка выбирает на роль няни кошку.

Учение Платона-Плотина – это кошка в виде няни для мышки. Но как же Августин? Он ведь в самом деле что-то для чего-то там применял? Тут важно понять, что и для чего. Прошу прощения за ценностно фрустрирующее сравнение, но представьте себе, что христианство – это красные (историческая страсть), а Платон-Плотин – это белые (антиисторическая

страсть или глубочайшее историческое безразличие). Можно ли использовать белых в красном проекте? Или – роялистов в якобинском проекте? Или, наконец, трагический пессимизм греков в исторически оптимистическом христианском проекте?

Можно! И именно этим занимался Блаженный Августин. А также – Сталин. Или – Наполеон Бонапарт. Подобное явление называется термидорианством. Блаженный Августин – это метафизический термидорианец Великой Христианской революции. Именно метафизический! И в этом его отличие от названных мною термидорианцев-политиков. Но он именно термидорианец. В этом его, Августина, сходство с совсем иными, нежели он, персонажами.

Прежде всего – о сути Августина и его роли.

Блаженный Августин был выдающимся религиозным мыслителем, одним из крупнейших интеллектуалов своего времени. И в качестве такового занимался тем, чем занимается любой подлинный интеллектуал... Он «мысль разрешал», по выражению Алеши Карамазова.

Но Блаженный Августин был не только мыслителем. Он был еще и церковным деятелем. Он строил церковь, наряду с другими. Осмысливал ее политику, формировал ее идеологию. Такие роли редко сочетаются без ущерба друг для друга. А в Августине они сочетались. В Фоме Аквинском – нет, а в нем – да. И потому чтение Августина поучительно не только в силу богатства его идей, но и в плане обучения диалектике страстей. Ибо органически (гармонично или как хотите еще) такие контрастные, чтобы не сказать взаимоисключающие, роли, как «религиозный мыслитель» и парт... прошу прощения, «церковный строитель» сочетаются только тогда, когда две страсти – по церкви и по истине – сливаются воедино.

Ну, а теперь – о термидорианстве, как политическом, так и ином. То есть о том, что объединяет Августина с совершенно иными фигурами, которых я (по своей прихоти, видимо) ставлю с ним в один ряд. Я попытаюсь показать, что это не прихоть вовсе, а системная аналогия, чья эффективность искупает некоторую ценностную фрустрацию, возникающую у читателей Августина.

Никто не описал суть термидорианства лучше, чем Сергей Есенин в своем отрывке «Ленин» из поэмы «Гуляй-поле». Вся суть термидорианства с поразительной емкостью выражена в нижеследующих строках:

*Его уж нет, а те, кто вживе,
А те, кого оставил он,
Страну в бушующем разливе
Должны заковывать в бетон.
Для них не скажешь:
«Ленин умер!»
Их смерть к тоске не привела.*

*.....
Еще суровой и угрюмой
Они творят его дела...*

Заковывание в бетон того, что находится в бушующем разливе, – это особая интеллектуальная и политическая функция, которую берут на себя великие люди, острейшим образом переживающие и понимающие насущность не самой, может быть, любезной их сердцу задачи. Задачи структуризации последствий великого революционного импульса. Для людей с разной ценностной ориентацией одни революционные импульсы могут восприниматься как высочайшее благо, а другие как абсолютное зло.

Но даже если эти люди ценностно отвергают все такие импульсы... вспомним еще раз высказывание Фридриха Эберта: «Революция мне ненавистна, как грех»... Даже в этом случае люди эти; если они интеллектуалы, не могут не понимать, что есть взрывы, то есть импульсы (хоть возникновение Солнца, хоть возникновение планет, хоть Большой Взрыв), а есть оформление последствий созданного этими взрывами разогрева. Я вот, как человек, обладающий определенными ценностями, ненавижу Гитлера. А как политолог, понимаю, что в вопросе об оформлении последствий созданного взрывами разогрева различия между ним и всеми другими «оформителями» исчезают. Сначала – импульс, а потом – «ночь длинных ножей». То, что в плане оформления последствий разогрева исчезают все идеологические, ценностные, метафизические даже различия и выступает на первый план нечто фундаментально инвариантное (этот термидор, то есть), свидетельствует о том, что мы имеем дело с одной из самых устойчивых в мировой истории политических закономерностей – закономерностью постреволюционного термидора.

Глава IV. Термидор как историческая (и даже метаисторическая) константа

Давайте попытаемся выявить то, что, не травмируя наши ценности, приводит разнокачественные явления к общему теоретическому и даже системно-математическому эквиваленту. Лев Гумилев называл это общее пассионарностью. А другие называли это иначе.

Для Гумилева импульсы носят природный характер, что явным образом противоречит ряду важнейших фактов. Ясно, например, что между упадком 1908 года и революцией 1917 года никаких супервспышек на Солнце, возбудивших наших дедов и прадедов, не было. А импульс шарахнул такой, что мало не показалось.

Пауль Тиллих понимает природу подобных импульсов иначе, чем Гумилев. Как мне представляется, более адекватно сути. Скажут: «Мало ли что кому представляется!» Соглашусь. И не буду тасовать колоду авторитетов, установивших некую закономерность, согласно которой сначала имеет место импульс (взрыв, разогрев etc), потом оформление продуктов взрыва, потом остывание этих продуктов, потом исчерпание энергии (и накопление новой внутри этого исчерпания), потом новый взрыв. Куда это направлено и является ли цикличностью или чем-то другим, это отдельный вопрос. Невероятно важный, но отдельный. А то, что это (взрыв, оформление, остывание, исчерпание, новый взрыв) наличествует, пожалуй, уже ни у кого не вызывает сомнения.

Но даже если у кого-то и вызывает, то ситуация с Августином – как на ладони. Он оформлял продукты сверхмощного смыслового взрыва, взрыва, не знающего аналогов в истории.

Взрыв, создавший колоссальный очаг энергии, имел для квантов этой энергии (они же – верующие) очевидно сакральный характер. Но есть религиозная доктрина, а есть наука. Она не может не заниматься сопоставлением сходств культурных последствий, имеющих место как при различных сакральных взрывах в рамках одной культурной традиции (Моисей – это ведь тоже Великая религиозная революция, чье значение христианин под сомнение не ставит), так и при сакральных взрывах в рамках разных традиций. А также при секулярных взрывах с культурогенезисными последствиями.

Для ученого (а как иначе мы хотя бы сопоставим традиции?) сходства бросаются в глаза. Сначала – Великий Взрыв. А потом...

Взрыв оставляет после себя лаву («страну в бушующем разливе» у Есенина) и необходимость структуризации, канализаций и прочего («заковывания в бетон»). Возникает фундаментальное расхождение между «людьми лавы» и «людьми бетона». А значит, и между внутренними партиями («партией лавы» и «партией бетона»). Августин ощутил свое предназначение – стать выразителем мировоззрения (а отчасти воли) этой самой «партии бетона».

Это не значит, что он поставил свой язык и свою мысль на службу данным (как сказал бы Маркс, классовым) интересам. Имей место подобное, он был бы неубедителен. А он крайне убедителен, потому что подлиннен. Августин служит истине, а не интересам. Но его служение, его поиски удивительно созвучны «времени бетона». А значит, и «партии бетона».

Наступило время оформлять продукты раннехристианского катакомбного и посткатакомбного взрыва. Время этого взрыва – позади. Люди, еще недавно бывшие товарищами по партии, разделились на тех, кто верен духу произошедшего взрыва (и в этом смысле, взрыву как первотрадиции), и тех, кто кожей чувствует некие фундаментальные перемены... Культурные, психологические, если хотите, но и политические тоже. И понимает, что с дорогим и их сердцам «духом взрыва» пора завязывать.

И те, и другие – истово верующие христиане. Ну и что? Даже если вас коробит моя термидорианская метафора, постарайтесь, продравшись к сути сквозь ценностные колочки и применив ее, добыть важное для вас (для вас, а не для меня) новое понимание.

В моей метафоре Христос – это Ленин, Августин – Сталин (не вполне Сталин, но в первом приближении это проходит, а чуть позже я уточню), хилиасты – Троцкий. И Сталин, и Троцкий – верные ленинцы. Но Троцкий – это партия бушующей лавы (Есенину, видимо, представлялась река, а мне – лавовый поток). А Сталин – это партия заковывания в бетон. И одна, и другая партии верны духу Великого Взрыва и делу того, кто осуществил этот взрыв. В противном случае метафора термидора лишена всякого смысла.

Августин и хилиасты, с которыми он борется. Хилиасты – вернейшие, провереннейшие партийцы. «Возникни» по их поводу Августин чуть раньше – он был бы объявлен меньшевиком, оппортунистом, ревизионистом. А возможно даже, «изгнав из рядов». Но у каждой фазы культурогенеза – свои задачи.

Вчера нужен был «хилиастический газ», сегодня – «августинианский тормоз». Вчера те, кого называют хилиастами, были раннехристианским (катакомбным и посткатакомбным) мейнстримом. Сегодня их необходимо перевести в разряд маргиналов (еретиков).

Справедливости ради надо сказать, что хилиасты всегда «идут вразнос». Как шли вразнос Троцкий в XX веке или Сен-Жюст, Робеспьер, Куто и Бабеф в конце XVIII века. Но, даже если бы они не шли вразнос, все равно эпоха взрыва должна была смениться эпохой оформления извергнутого им, революция – термидором. А раз так, то Сталин – «верный ученик», а Троцкий – «хилиаст». Исторически это абсолютно закономерно. Но ставить знак равенства между этой закономерностью и содержанием идей – занятие вовсе не безусловное. В Ленине – два духа: взрыва и оформления. В Троцком – только дух взрыва. В Сталине – только дух оформления. Что ближе к Ленину? Пока нужен был взрыв (а очень долго был нужен только он), Троцкий был ближе. Когда Троцкий почуял в Ленине сдвиг к оформлению – он отошел от Ленина и даже напал на него. Но и ленинское «Письмо к съезду» нельзя ни абсолютизировать, ни уничтожительно выводить за рамки большой политики.

Августин – член внутренней «партии бетона» в пределах современного ему христианства. Он мыслит так, как ей нужно, дышит с нею «ноздря в ноздрю», понимает, в чем ее (и его) интерес, кожей чувствует веления времени. Все сразу. Я не знаю, сколь подробно Сталин прорабатывал для себя эту коллизию. Августина он, безусловно, читал... И политическую суть августинианства понимал. В спорах о термидоре (а августинианство – это, конечно же, метафизический термидор) он принимал участие. По статусу и роли в РСДРП(б) и ВКП(б) он не мог про это не слышать. Может быть, он не разглагольствовал на эту тему. Но слушал и мотал на ус...

В чем же диалектика любого термидора, любого «бетона», любого взрывооформительства? В том, что термидор должен заигрывать с реставраторством, но он не может ним не только слиться, но даже и войти в союзные отношения. Потому что войдешь – и тебя сразу же «цап-царап». Не только термидорианцы не могут себе ничего такого позволить... Наполеон не может... Он должен расстрелять роялистов из пушек на площади Святого Рока, а потом... Потом беспощадно убить герцога Энгиенского. Иначе он не трагический великий император Наполеон, а жалкий генерал Монк, предатель дела революции, дух которой делится на «разлив» и «бетон», но не ставит под сомнение общий генезис двух таких модификаций, размещенных внутри Великой Новизны. Только выйди за ее рамки – тебя безжалостно слопает Старое.

Итак, пойти на союз со Старым эта самая Великая Новизна, будь она стократ «партией бетона», все равно не может. Но и обойтись без Старого не может! Откуда возьмешь бетон-то? Своего – нет! Свое – только взрыв и разлив раскаленной магмы. Той самой, которую теперь надо обзывать хилиастической. Или – «торопыжничавшей», в зависимости от конкретики данного термидора. В любом случае, говорится-то одно и то же: «Дорогие единомышленники! Хватит жать на газ! Нужен тормоз! Хватит любоваться бушующим разливом! Нужны бетонные оковы, иначе конец и нам, и нашему общему делу!»

Если бы ельцинская революция была Великим Взрывом, импульсом культурогенеза, то Путина или Медведева нужно бы тоже рассматривать как оформителей продуктов взрыва, людей из «партии бетона». Наверняка кто-то это так и

рассматривает. Однако все дело в том, что магму регрессивного взрыва ни во что не оформишь...

Но давайте все же завершим с Августином. Для этого признаем, что Платон и Плотин – это Старое. То есть метафизические роялисты. А Августин – это Новое, входящее во вторую фазу культурогенеза. То есть это классический термидор, пусть и метафизический.

Для Августина, как метафизического термидорианца, Платон и Плотин – это не передовое учение, которым надо вооружиться. Это – роялисты, враги. Это «совсем Старое», «чужое Старое», «враждебное Старое».

Новое и передовое учение для Августина – это Евангелие. У Августина есть и, так сказать, «свое, дружественное Старое», кардинально отличающееся от «чужого, враждебного Старого», связанного с Платоном и Платином. Это «свое Старое» называется Ветхий Завет.

Прошу прощения у тех, кого параллели, которые я сейчас начну проводить, задевают на ценностном уровне. Но если мы хотим осознать суть фундаментальной коллизии, связанной с необходимостью оформления Нового, то эти параллели необходимы. Правомочность их вытекает из того, что ВСЕ смысловые системы являются системами вне зависимости от того, каково качество наполняющих эти системы смыслов. Споры нет, что христианство это смысл одного типа, а советский смысл – это смысл другого типа. Но и то, и другое – смысл. И то, и другое нужно определенным образом превращать в систему.

А раз так, то ленинизм для превращающего советский смысл в систему Сталина – это то же самое, что Новый Завет для Августина, превращающего в систему христианский смысл.

Сделаем еще один шаг в том же направлении и признаем, что марксизм для Сталина, превращающего советский смысл в систему, – это то же самое, что Ветхий Завет для Августина, превращающего в систему христианский смысл.

Тем самым для Сталина ленинизм важнее марксизма в той же степени, в какой для Августина Новый Завет важнее Старого. Но как Августин не может отказаться от Старого Завета, так и Сталин не может отказаться от марксизма. Отсюда имя созданной Сталиным советской смысловой системы – «марксизм-ленинизм».

По отношению к любой созданной системе (смысловой в том числе) необходима балансировка.

Если тебе нужно бороться с теми, кто хочет растворить Новое в старой жизни, то ты критикуешь буржуазные пережитки или ревизионистский марксизм.

Если тебе нужно бороться с теми, кто хочет противопоставить Новое нормам жизни, то ты критикуешь троцкизм.

Первый вариант критики – это все равно, что нажать на газ.

Второй вариант – все равно, что нажать на тормоз.

Вот так и едем... То на тормоз, то на газ...

А иначе и быть не может! Такая езда – это общий закон культурогенеза, закон поведения больших смысловых систем, в ядре которых – Великий Импульс.

От газа к тормозу, от тормоза к газу... Хрущев мог критиковать Сталина за перебор с тормозом (стынет магма разлива, а он, товарищи, все бетон да бетон). Но лишь адресуясь к Ленину! Брежнев мог снова жать на тормоз, возвращая Сталина.

Когда Система рухнула? Когда, с полного одобрения Горбачева и Яковлева, был нанесен удар по Ленину! И нарушен закон культурогенеза. Ударьте по Христу – какое христианство? Скажите, например, что он сошел с креста и вел с Марией Магдалиной достойную семейную жизнь...

Платон и Плотин – для Августина не передовое учение! Если бы это было так, то он и по духу, и по исторической роли оказался бы предателем Нового, «пятой колонной» Старого, агентом греческой метафизической реставрации. Возможно, Пиама Павловне нужен именно такой Августин. Ведь нужен же определенным элитным группам, имевшим вес в СССР и сохранившим его в постсоветской России, именно такой, реставрационный Сталин, предавший Новое, удушающий его в своих, якобы неомонархических, державных объятиях. Есть элитные группы, которым до зарезу нужен такой Сталин.

Представитель этих кругов, яркий (а для кого-то и культовый) философ Евгений Шифферс называет, желая сохранить аббревиатуру ВОСР (Великая Октябрьская социалистическая революция), всё произошедшее с октября 1917 года – «Великой Октябрьской социалистической реставрацией». Противопоставляя это, как он считает, благое феодально-реставрационное начинание буржуазно-либеральным ужасам февраля 1917 года. Чаше, однако, «Великой Октябрьской социалистической реставрацией» называют не всё произошедшее с октября 1917 года, а именно сталинизм. Впрочем, это уже нюансы. А нас интересует суть.

Суть же в том, что определенные круги категорически отказываются считать реальную ВОСР новой исторической вехой, новым историческим импульсом. Отказываются же они от исторической инновационности «ВОСР» – в силу очень специфического отношения к истории как таковой.

Их отношение к истории абсолютно несовместимо на деле с христианством как воплощенной историофилией. Отношение этих кругов к истории – обратное (историофобское). По той же историофобской причине эти круги так специфически заточены против иудаизма. Который для них является родоначальником столь ненавистной историофилии.

Реальной совместимости с христианством у историофобских кругов быть не может. Зато историофобия прекрасно совместима с иными началами. Для Пиамы Павловны – с греческим. А для Шифферса – так и иным («шамбхалийским»).

Почему-то мне кажется, что и лоргусовские эскапады в адрес развития, и заходы Пиамы Павловны, которые я вынужден разбирать, буквально (да-да, буквально) из той же политической (и именно политической) оперы. Но этим группам не удастся долго отсиживаться в окопе всяческой невнятности.

При этом я понимаю, что этим группам особо важно как можно дольше сохранять именно метафизическую невнятность. Отсюда – совсем уж вопиющий антинаучный заход, в котором Пиама Павловна создает гибрид из хилизма и гностицизма. Все в принципе может оказываться в сложном ситуационном соотношении со своими сущностными антагонистами. Хилизм хилизму рознь. И я могу представить себе союз между гностиками, желающими покинуть землю и ждущими «летающих тарелок», и хилистами, которым гностики оставят Землю в далеко не райском состоянии. Ибо в этой версии «летающие тарелки» должны прилететь и забрать гностиков после начала ядерного Армагеддона...

Я знаю степень элитной влиятельности именно группы (или групп) с такими воззрениями. Я отдаю себе отчет в том, что речь идет о группах (или системах) с американским ядром. Но одно дело – ядро, а другое – периферия. Ядро может быть американским, а часть периферии – вполне российской. И даже очень патриотично настроенной. Я все это знаю. И если бы не знал, то и не занимался бы чьими-то манипуляциями с фигурой Блаженного Августина.

Да, все это имеет место. Как имели место и попытки Карла Радека найти общий язык с Гитлером и его отребьем (окультизм в том числе). А потом война расставила все точки над «і». Доказав, что на самом деле мир спасает не воля к «онормализованию», а готовность «партии жизни» дать бой «партии смерти» (испанские фалангисты так прямо взяли в качестве варианта «зиг хайль» приветственный возглас «вива ла муэртэ», то есть «да здравствует смерть»).

«Партия жизни» – хилиасты.

«Партия смерти» – ликвидационные гностики.

Ведь хилиазм (абсолютно необязательно еврейский, но и еврейский тоже) и впрямь был религиозным предтечей коммунизма.

А гностицизм – религиозным предтечей фашизма.

Не «и хилиазм, и гностицизм» – а ИЛИ хилиазм, ИЛИ гностицизм.

Русский народ каким-то невероятно тонким чутьем уловил это ИЛИ-ИЛИ.

И своим выбором решил судьбу одной из острейших схваток между хилиазмом и гностицизмом. Схватка называлась Вторая мировая война. В схватке этой противники выступали под некими светскими масками. Но суть схватки была метафизической. Так ее и предощущал Блок. Гностицизм не может простить русским их хилиастического выбора. Между тем та схватка была судьбоносной, но не последней. Мир движется к новой схватке. Или к новому туру Большой игры. Ставкой будет штука под названием развитие.

Поскольку для гностицизма и его питательной среды (эманационизма и прочего) истинно лишь неизменное, то развитие для него – это нечто очень вредное (возвращаю читателя к А.Лоргусу).

А для хилиазма развитие – это высшая и сокровеннейшая суть (сакральное время, кайрос).

Поскольку Творец – это, как ни крутись, движущийся сверхсубъект (иначе какой Шестоднев?), то он для гностиков не только не благ (не истинен), но и враждебен. А благ вовсе не Творец, а совсем другое начало – пассивное и лишнее всяческих атрибуций. Чтобы прорваться в это начало, нужно обрушить мир атрибуций. А некто тебе мешает. Да еще сосуществовать хочет, то есть дальше мучительствовать.

Столкновение неизбежно. Нет более острой метафизической коллизии, чем столкновение хилиастов и гностиков. Тут или-или.

Или восхождение форм – или их аннулирование.

Или развитие – или покой.

Или высшая личностность – или безличностность...

Или собор, где важен каждый и нет низших, – или «собрание искр».

Или всеобщее спасение – или деление на психиков, пневматиков и гиликов.

Или «Педагогическая поэма» – или «Собачье сердце».

В конечном счете, или жизнь – или смерть.

РОССИЯ ОЧЕНЬ ОПРОСТИЛАСЬ. НО НЕЛЬЗЯ ЖЕ СЧИТАТЬ СВОИХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ, В ТОМ ЧИСЛЕ И ВОЦЕРКОВЛЕННЫХ, ТАКИМИ ПРОСТАКАМИ, КОТОРЫЕ НЕ ЗАДАДУТСЯ ВОПРОСОМ: А КАК ЖЕ МОЖНО ОДНОВРЕМЕННО И ОТ ПЛОТИ ИЗБАВЛЯТЬСЯ (УЖАСНЫЕ ГНОСТИКИ) И ТАК ХОТЕТЬ БУЛКИ ЖРАТЬ В ТЕЧЕНИЕ ТЫСЯЧИ ЛЕТ (УЖАСНЫЕ ХИЛИАСТЫ)?

Каждый выбирает для себя. НО ТОЛЬКО НЕ НАДО ПУТАТЬ ДРУГИХ. Путать людей – это вообще нехорошее дело. Но это совсем уж скверное дело в нынешней России, где и впрямь слишком многие и слишком сильно запутались. И где сейчас только ясность (не путать с примитивностью) может оказаться спасительной.

Интеллектуалы – не выстроенные в шеренгу солдаты. Каждый из них в отдельности выражает свое и только свое мнение. И каждое из этих мнений должно быть разобрано в отдельности. Разобрано уважительно, без всяких ассоциативных склеек и собирания очень разных и абсолютно автономных людей в антипартийные группы.

А.Лоргус – это А.Лоргус.

П.Гайденко – это П.Гайденко.

Интеллектуал может сказать сам про себя, что он следует такой-то школе или такой-то традиции. Но никто другой не имеет права низводить думающую личность даже к таким серьезным и совсем не уничижительным сущностям, как Традиция или Школа.

В каждом интеллектуальном тексте есть содержание. Текст предлагается нам для того, чтобы мы его прочитали. То есть выявили содержание и, выявив оное, что-то с чем-то соотнесли.

Я никогда не буду объединять П.Гайденко и А.Лоргуса по каким-то внешним признакам, например, по их совместному участию в Рождественских Чтениях. Я никогда не буду осуществлять ложных склеек по принципу каких бы то ни было внешних ассоциаций (белых или каких-либо других). Я никогда не буду пренебрежительно относиться к аутентичности отдельного интеллектуального текста. Но и трепетать по поводу текстов я не намерен. Текст – это система. Она предложена мне для того, чтобы я ее самостоятельно освоил, в каком-то смысле раскрыл, сопоставив элементы данной системы... И сделал выводы.

Кроме того, если автор текста не скрывает, что у него есть политическая позиция, состоящая, например, в том, что хилиасты ужасны, ибо породили ужасных большевиков (а также террористов и анархистов), то я не имею права элиминировать эту политическую позицию и назвать текст внеидеологическим или комплиментарным по отношению к тому, что он, текст, оценивает так-то и так-то.

Если автор говорит, что христианство несовместимо с развитием, то я не должен говорить, что автор в этом тексте развитие рассматривает. Он его изгоняет из религии (а потому, в каком-то смысле, и из культуры).

Я показываю, как именно этот автор в этом тексте осуществляет свой аутентичный замысел. И спрашиваю себя, кто, как и почему это осуществлял до автора. В чем своеобразие автора, а в чем его преемственность по отношению к другим. Ибо нет своеобразия без преемственности.

Выясняется, что определенные тексты, как сложно построенные системы, подчинены прямо заявленному авторами или явно доказанному мною целеполаганию. Не знаю как для кого, но для меня тексты без стратегического целеполагания в принципе абсолютно неинтересны.

Целеполагание оказывается тесно (и цитатно подтвержденным образом) связано с определенными идеологемами и даже стратегемами. Например, борьба с развитием («деануптуэзация») – это очень серьезная стратегема. Искоренение хилизма с помощью эллинизма – это тоже стратегема. Заявление о том, что Разум должен знать свои пределы и что вторгаться в трансцендентальное он не должен, это тоже стратегема.

Пиам Павловна Гайденоко говорит об этом напрямую. Добро бы она сказала, что есть такая философская традиция наряду с другими. Но она говорит о том, что не только наука и религия, но и философия (философия не вполне наука) и религия могут «не противостоять друг другу как два взаимоисключающих, враждебных друг другу способа осмысления мира», а сотрудничать лишь в том случае, если философия «не претендует на исчерпывающее постижение всего с помощью разума, то есть не преувеличивает его возможности и признает существование трансцендентного начала, недоступного разуму». Но это очень специфический способ ведения диалога между наукой и религией, философией и религией.

Оставим в стороне светскую науку. А также те научные школы, которые рассматривают, например, возможности диалога разума с другим разумом и сверхразумом. Но разве все религиозные школы так относятся к возможностям разума? Пиам Павловна пишет: «И Платон, и Плотин, и Прокл были убеждены в том, что сущее, бытие в качестве условия своей возможности предполагает Единое (to hen) как некое сверхбытийное начало, трансцендентное как бытию, так и познанию».

Во-первых, это одна из возможностей прочтения данных античных авторов.

Во-вторых, есть другие античные авторы (тот же Аристотель, который был ничуть не менее авторитетен в христианстве, долгое время «путавшем» его с Платоном... да и что такое аутентичный Платон?).

В-третьих, есть другие христианские школы. Например, Абельяр.

В-четвертых, есть особые отношения веры и разума, оговоренные в Модерне.

В-пятых... В-шестых...

Короче, мне понятно, что рассудок пасует перед трансцендентальным. Но если трансцендентальное ничему не доступно, то в чем его смысл? А если оно чему-то доступно, то что есть то, чему оно доступно? Понятно, что это не рассудок. Но это и не эмоция, освобожденная от всего остального. Такая эмоция может породить истерический экстаз, но не более. Проникать же в некие сферы (пещеру Прокла и так далее) может только нечто, наделенное качествами высшего синтеза. То ли разум, воспаряющий на крыльях любви, то ли любовь, воодушевляемая созвучным ей разумом.

Понятно, что для религиозного человека обычный субъект-объектный метод пасует перед трансцендентальным. Но ведь не субъект пасует! Если субъект пасует, то он не субъект. Скажут, что есть Высший субъект. И потому субъект и не должен претендовать на субъектность. Но разве Высший субъект не наделил субъект свободой воли? Разве он запретил субъекту познавать Высший субъект? А как же гнозис (не гностики, а гнозис – прошу не путать!)?

И потом, разве этот Высший субъект, обладая высшей духовностью, не является в этом смысле и высшим разумом? И разве разум не объединяет Высший субъект с субъектом? А как же тогда «по образу и подобию»?

Пиам Павловна хочет вести Россию в XXI век под лозунгом «философия – это служанка религии»? Она хочет цыкнуть на философию и указать ей ее место? И легитимировать это ссылками на Платона, Плотина и Прокла?

Но это даже не новое Средневековье. Потому что уже в Средневековье церковь хотела конкурировать с наукой в вопросе о разуме, определять, чем один разум отличается от другого, а не провозглашать: «Всяк сверчок знай свой шесток». Ибо сам клир понимал, что его сила – в способности познавать (конечно же, особым образом) трансцендентное. А если оно, это трансцендентное, вообще непознаваемо никем и никак, то к чему клиру такое «трансцендентное»?

Совсем другое дело – рассуждать о том, как разум, приближаясь к Богу, меняет свою структуру и тогда приближается еще больше. Это называется – снятие оппозиции субъект-объект... Это пример классического применения в религии теории нелинейных процессов.

И конечно же, возникает еще один вопрос. Такое отношение к разуму («знай свой шесток» то есть) сочетаемо с гуманизмом? При том, что гуманизм, как, наверное, все мы понимаем, отнюдь не всегда носит светский характер.

Мне кажется, что ответ очевиден.

И что дехилиастизация, проводимая во имя дебольшевизации, очень быстро оборачивается не только демодернизацией и деануптуэзацией (компрометацией развития), но и дегуманизацией. Если кому-то нужно, чтобы Россия надежно никогда не развивалась никаким образом, то это очень правильный и тщательный набор демонтажей, при которых развитие оказывается лишенным какой бы то ни было сущностной почвы. О тех прорывах в будущее, которыми Россия славилась, в этом случае речи не может быть тем более.

Вернадского нет и не может быть. Какая ноосфера? «Знай свой шесток»!

Софиологии тоже не может быть.

Н.Федоров – видимо, хилиасто-гностик?

Серебряный век – радение хилиастической секты.

Советский период – уклон, зачатый от хилиасто-гностики.

Ну, и наконец, развитие несовместимо с благом христианства.

О'кей. Зачистили всю поляну. Срезали все, что может формировать высшую тонкую структуру любого проекта развития. А теперь давайте развиваться – дружно и с песней. Что? Не получается? Давайте звезды снимать или трупы выволакивать. Это занятие более простое и знакомое.

А в это время ведущие интеллектуальные центры мира будут разрабатывать совершенно новые формы диалога науки и религии. Это уже не Эйнштейн, не Уиллер, не Пригожин. Все продвигается дальше с каждым годом. А тут под крики об освобожденной наконец духовности – такое опрошение... такое опрошение...

Почему по этому поводу молчат те, кто интегрирован в конкретный духовный массив? Что, в православной части методологического сообщества есть только А.Лоргус? Там есть люди с совершенно другим авторитетом... Им это все нравится? Им некогда? Что случилось? А философы? Аверинцев умер, но другие православные мыслители и эрудиты живы. Они, повторяю, интегрированы... Ну, как еще помягче сказать? Почему они молчат? Они позиционируют себя в пределах описанной мною странной духовной поляны? Им безразлично, будет ли в России развитие? Они не понимают, что в рамках этой поляны развития не будет и что она создана для того, чтобы его не было? Им не ясно, что если не будет развития, то будет другое – взятие Россией на себя ускоренных гностических обязательств по «самовалентинизации» и «самомаркионизации»?

Впрочем, каждый в подобном рода ситуациях делает свой выбор. И не мое дело осуждать чужой. Мне надо делать свой. И я его делаю, предлагая читателю и политическую теорию развития, и аналитику, позволяющую прочесть некий антагонистический развитию метатекст. Я не создаю этот метатекст из обрывков превратно трактуемых чужих высказываний. Есть аутентичный и очень авторитетный интеллектуально-политический «полуфольклор». Не я, повторяю, его соорудил. Не я превращаю его во влиятельную субкультуру. Свое отношение к этому фольклору я, по-моему, сформулировал с полной определенностью. Как у всякого фольклора, у этой интеллектуалистики есть коллективный автор, или, как это сейчас принято говорить, «сетевой субъект». Но я совершенно не собираюсь его верифицировать. Ну, не люблю я такой род деятельности – и все тут. Кроме того, это ведь фольклор! Ничего нет хуже, чем после размытого указания «как говорилось в частных беседах», начать конкретизировать – когда говорилось, кем, в какой связи, при каких особых обстоятельствах... Ну, говорилось и говорилось... В самом деле говорилось при очень серьезных обстоятельствах – и что? Я не с людьми воюю. Я идеи анализирую.

Я мог бы воспользоваться тем, что этот фольклор на сегодняшний день уже лишь с оговоркой может быть причислен только к разговорному жанру. Я ведь не зря назвал его полуфольклором. Нетрудно предоставить опубликованную половину на суд читателя. Но это дрожжи, на которых текст моего исследования (и без того объемный) распухнет до невообразимых объемов. А поскольку опубликованные сегменты свяжет именно фольклорная нить, то издержки окажутся существенно больше приобретений. Нет уж, давайте я ограничусь перечислением основных утверждений, сплав из которых порождает рассматриваемую мною авторитетную полуфольклорную субкультуру. Этих утверждений – десять.

Утверждение №1. Сталин – это суперМонк, а не термидорианец. Он восхитительный предатель омерзительного «красного дела».

Утверждение №2. «Красное дело» омерзительно именно своей хилиастичностью.

Утверждение №3. Хилиастичность – это иудейская зараза! Вся хилиастичность целиком! Хоть Иоахим Флорский, хоть Томас Мюнцер.

Утверждение №4. Сталин подавил красную хилиастичность, исходя из своих глубинно метафизических предпочтений, имеющих оккультно-антисемитский характер.

Утверждение №5. Глубинно метафизические предпочтения Сталина имеют самое прямое отношение к метафизике Булгакова, то есть к гностицизму. Сталин – верный ученик Булгакова. Передовое учение, вдохновляющее замечательного белого Сталина, предавшего ужасное красное хилиастическое начинание, это «маркионизм-валентинизм».

Утверждение №6. Страсти по истории вообще, а не только страсти хилиастические – это иудейская зараза. Историческая страсть – ужасный побочный продукт кошмарного иудейского мессианства.

Утверждение №7. Убийство царской семьи – это происки красного зловещего хилиастическо-мессианского «зверя». Это убийство – не обычный для революции эксцесс, а беспрецедентное оккультное кощунство.

Утверждение №8. Развитие – это порождение исторической страсти, виновной и в мессианстве, и в хилиазме и являющейся той же иудейской скверной, что и все ее порождения. Развитие – это зло. Развитие – это грех.

Утверждение №9. Бороться с иудейской заразой под названием «страсти по истории» нужно опираясь на передовую теорию Платона – Плотина. И Плотина, конечно, в первую очередь.

Утверждение №10 (противоречащее всему вышесказанному и обязательное для рассматриваемой субкультуры). Гностики и хилиасты – это одна шайка-лейка.

Необходимость странного, или точнее сказать совсем уж дикого, десятого утверждения вытекает из сути замысла. Которая, как я уже показал, не в том, чтобы скомпрометировать какой-то там хилиазм. А в том, чтобы расправиться, причем «как повар с картошкой», с исторической страстью, жадной неведомых ранее путей и невиданных открытий. При большом желании эту страсть можно назвать уделом кочевников, пастухов, ищущих новые пастбища. Или – атлантистов, проклятых «народов моря». Можно сказать об аграрном, спокойном, уютно-домашнем русском нутре, на которое навели порчу злые силы.

У, сколько окажется этих злых сил! Это и варяги, беспутные морские бродяги, одержимые скитальческим духом, и иранские мятущиеся всадники – скифы, и кочевники, заворачивающие в аграрный наш палисадничек из Великой Степи, и хазары. Все можно сказать «от ума великого». Зная, что сказанное – ложь. Что странствие изначально заложено в народную душу. Что не только Афанасий Никитин и Семен Дежнев тому свидетели, но и бесконечные духовные странствия, погнавшие в итоге в путь и великого Льва Толстого. Ведь как старался-то... Как аграрничал, какую схиму каратаевскую, схиму опрошения в миру на себя накладывал. А потом – посох и...

Можно лгать, лгать и лгать... Но задача в том, чтобы лгать на определенный манер, а не абы как. Ну, скажешь ты, что Мани – еврей. Тебя спросят: «И Зороастр?» Скажешь, что викинги на самом деле тоже евреи, а между скифами и хазарами никакой разницы нет... Как-то уж слишком по-фоменковски все это будет звучать. И потому борьба с исторической страстью должна вестись под маской другой, более понятной борьбы. Какой же?

Кто в этой борьбе хорошие и кто плохие «парни»?

Плохие парни – это все недовольные. Все беспокойные, мятущиеся. То есть смутьяны. Хилиасты недовольны тем, что нет обещанного Тысячелетнего царства (рая на земле)? Раз недовольные, то «плохие парни». Гностики недовольны «вампиризмом Формы» и происками ее Творца-Демиурга? Тоже плохие парни, потому что недовольные.

Хорошие же парни – это те, кто всем доволен. Что ему ни предложи – он доволен. И в концлагере он будет доволен. И на барщине – хоть по двадцать часов его заставляй вкалывать. И сколько ему ни плати – он будет доволен. Изнасилуют жену его или дочь... Он вздохнет, всплакнет и снова заулыбается. Он, даже ежели его не кормить, все равно доволен будет. В помойке пороется... Или картошкой с огорода прокормится. А уж если ему на прилавок положить китайские трусы и полустухшую колбасу в цветастой обертке, то он так возрадуется, что Ельцина и на восьмой срок выберет, из уважения ко всяческому начальству.

Потому как – очень христианский народ. А христианство – это хорошая религия хороших парней. Это религия рабов, которые в любой ситуации и при любом уровне гнета должны не дергаться...

Именно в этом ключе описывал христианство Емельян Ярославский, ненавистный для создателей нового поклепа на христианство. Чем же плох для неопоклепников Емельян, их брат духовный? Тем, что Емельяну (он же не зря Емелькой назвался) такой, умилительно-рабский в его понимании, идеологический продукт был омерзителен. И он от него освобождал известными способами рабскую русскую душу. Духовным же детям (и антиподам) Ярославского этот продукт представляется идеальной идеологией: «Ты его не кормишь, измываешься, как хочешь, а он терпит и вкалывает. Если надо вкалывает... Или пьет... Главное – не возникает!»

Мне отвратителен Ярославский с его версией христианства, его тупо-атеистическим духом. Но если выбирать между Ярославским и теми, кто считает себя его антиподами, а на деле является вывернутыми наизнанку клонами, то лучше уж Ярославский. Он – мерзость. Но его вывернутые наизнанку клоны – это мерзость в бесконечной степени. И ведь до боли ясно, что все эти изыски с Платоном и Плотинем вместо Маркса и Энгельса нужны буквально для того, чтобы реализовать модель христианства как опиума для народа, поменяв знак в ненавидимых и презираемых большевистских концепциях и воспроизведя их «с точностью до наоборот».

В идеологии Ярославского «опиум для народа» – это крайне унижительная, предельно негативная оценка христианства. Все закликиваются на этом. Вот ведь как Ярославский ненавидит замечательное христианство, какую идиотскую оценку дает сложнейшей религиозной системе. Кстати, для Ярославского любая религия – «опиум для народа». Это называется «воинствующий атеизм». Но, конечно же, главная война объявлена православию. Да, идиотская война! Да, губительная, не спорю! Но в ней есть определенная логика.

Краеугольный камень этой логики – негативность «опиума для народа». Православие – «опиум для народа». «Опиум для народа» – вреден, и потому православие отвратительно. Вы не можете найти в этой логике ни одного позитивного момента? А я – могу! И не боюсь сказать об этом, оговорив, что никоим образом не солидаризируюсь ни с позицией Ярославского, ни с воинствующим атеизмом вообще. И все же есть одно звено в этой (повторяю, в целом порочной) логике, которое я могу принять. Я считаю, что «опиум для народа» – это мерзость. Я не считаю, что религия вообще и православие в частности – это «опиум для народа». Но «опиум для народа» мне так же отвратителен, как и Ярославскому. А вам?

Оставим в покое Ярославского. Он исполнитель. Над ним – партия и ее вожди. Партии нужен народ, полный страсти по Идеальному, народ, вдохновленный порывом высочайшего жертвенного энтузиазма. Такой народ нужен всем вождям: и Троцкому, и Сталину – всем! Спор между ними, повторяю, идет лишь о том, на что направить энтузиазм. Как им воспользоваться. Энтузиазм же всеми ими воспринимается как спасительное благо. Никто не вздыхает не только открыто, но и исподтишка: «Эх, поменьше бы его! Этого самого...»

Энтузиазм желанен. Он порожден новым, коммунистическим идеалом. Конкурирующие идеалы не сумели породить энтузиастического накала. Смогли бы – не было бы никакого коммунизма и никаких большевиков. Проиграв, эти идеалы должны уйти со сцены.

Не уходят? Их надо устранить, обеспечив тем самым структуризацию всего энтузиазма только вокруг победившего идеала. Так же рассуждали якобинцы. Так же рассуждали первохристиане.

Это аксиома победившей идеологии. Ярославский туп и прямолинеен. Он не осознает необходимости жизненных компромиссов между Новым и Старым. Но так же их не осознавали те, кто топил в реках волхвов или воодушевлял массы на крестовые походы. Грубая, прямолинейная и неадекватная оценка религии как «опиума для народа» может при определенном ее анализе дать для понимания существа дела больше, чем гораздо более умные и тонкие суждения по поводу религии вообще и ее значения для народа в частности. Вдумаемся: религию обвиняют в том, что она сковывает волю, обнуляет энергию. Да, это абсолютно несправедливо, но... «Скажи мне, в чем ты обвиняешь противника, и я тебе скажу, кто ты». Тот, кто обвиняет противника в том, что он сковывает волю и гасит энергию, обнажает свой восторг перед волевым и энтузиастическим началом. Ведь что такое «опиум»? Это успокоитель. Революционер кричит священнослужителям: «Успокаиваете людей, гады! Сковываете их волю! Не то что мы!»

Опиум... Человек, пристрастившийся к этому зелью, обесточен. Он, как и хронический алкоголик, не годен для напряженной, высокоорганизованной и высококачественной деятельности. Ярославский как бы говорит: «Нам нужны люди трудового и боевого подвига! А вам – покорные пофигисты». Человек высокой религиозной нормы возмутится и скажет: «Это нам-то не нужны подвижники и герои!» Он перечислит достижения религии на этой ниве. Но он тем самым признает ценность подобной нивы.

А теперь представьте себе, что кто-то, говорящий от лица религии, выдвинет другой желанный тип человеческой личности и тем самым скажет: «Да, омерзительный Ярославский прав! Нам нужен именно такой – внеэнтузиастический, внеподвижнический, внегероический – человек. У-спо-ко-ен-ный человек! Мы успокаиваем, хоть бы и за счет повреждения энергетических центров! Но это наше благое дело! Да здравствует "опиум для народа"! Да здравствует это великое лекарство от революции!»

Лекарство от революции... Лекарство от истории... Лекарство от подвига, героизма... Возможна ли религия в виде такого лекарства? И возможно ли христианство подобного формата? Что ответит вам на этот вопрос культуролог (подчеркиваю – культуролог, а не религиозный адепт, считающий, что переформатирование системы, имеющей аутентичный сакральный источник, может осуществляться только этим источником)?

Культуролог прежде всего предложит рассмотреть историческое христианство как систему с определенной эластичностью. Он обратит внимание на то, что катакомбное христианство очень сильно отличается от христианства классического Средневековья, что и внутри классического Средневековья имела место вариативность. Как допускаемая церковью, так и внецерковная. И что соотношение между церковными и внецерковными инновациями зависело от гибкости института и его готовности бороться за паству. А также – реагировать на вызовы Времени. Такой культуролог обратит внимание верующего на предельную корректность именно исторического подхода. «Вот вы считаете, – скажет он верующему, – что все определяется божественным промыслом. Но этот промысел допускал уже и это, и это, и это... Значит, можно, не задевая религиозное чувство, говорить о вариативности, разноформатности! А как иначе-то может быть? Ведь христианство – это живая система, обязанная проявлять изменчивость и адаптивность! Не проявляя подобных свойств, система подписывает себе смертный приговор».

Получив санкцию верующего на такой анализ, проводимый, конечно же, с учетом трансцендентального императива, делающего верующего – верующим... Получив, повторяю, такую санкцию, культуролог зафиксирует совокупность несомненных исторических фактов. Он, например, укажет на то, что было христианство, звавшее обездоленных на борьбу за справедливость, и христианство, благословлявшее тех, кто подавлял поднявшихся на борьбу. Что уже одним этим опровергается, кстати, чушь по поводу исключительной успокоительности христианства. «Ничего себе "опиум для народа"! – скажет культуролог. – А Томас Мюнцер? А Иоахим Флорский? А Фома Аквинский, писавший, что солдат, воюющий за правое дело, почти святой? А современная теология освобождения? Это не успокоитель, а возбудитель! Да еще какой! Фидель Кастро это понял и совсем не случайно поддержал. А вам бы все – опиум!»

Что вам ответит оппонент? Он скажет (к бабке не ходи – скажет!), что христианство, звавшее обездоленных на борьбу за справедливость, – это хилиастическая ересь! Вы хотите защитить христианство от опиумных наветов. Как это сделать? Привести контрпримеры! Вы их приводите, а вам говорят от лица церкви: «А это все не мы! Это хилиастические еретики!»

Что вы можете ответить на это, если вы культуролог, испытывающий самые искренние симпатии к христианству и желающий оградить его от опиумных наветов? Что это и называется переформатирование. И что трансцендентальный императив никоим образом не исключает участие церкви в мирской жизни. И прежде всего, в борьбе за умы и сердца людей. А там, где есть эта борьба, там есть и все остальное. Политика в том числе.

Новые постсоветские «религиозники» (они же иногда и бывшие советские обществоведы) выполняют классовый заказ. И именно поэтому изгоняют из церкви все левое, называя его хилиастическим. Они боятся, как чумы, например, христианского левого социализма, да и любого другого социализма, хоть бы и самого что ни на есть «правоуспокоительного». Ну, что же... Заказ так заказ... Рассмотрим, что это за заказ, никоим образом не травмируя констатацией одного трансцендентального императива верующего. Верующий – он ведь не только верующий. Он ведь еще и человек с определенными социальными, культурными, а значит, и политическими запросами.

Кроме того, он мыслящий человек, знающий историю вопроса. Одно дело, если он может быть верующим и одновременно поддерживать Сальвадора Альенде. Или даже Фиделя Кастро. А другое дело, если ему говорят: «Поддерживай Пиночета – или от церкви отлучим! Не проголосуешь за франкистов – к причастию не допустим!» Он ведь и задуматься может, этот самый верующий. И задаться, к примеру, вопросом: «А у кого политический перегиб-то? Кто на деле отменяет трансцендентальный императив, превращая духовную страсть в заложницу неких очень грубых и однозначных политических предпочтений? Что представляют собой эти предпочтения? Что же именно собираются отсекают в угоду этим самым, грубым до безумия, новоявленным суррогатам классового подхода? В чем тенденция и куда она нацелена? Что она уже обнажает и что скрывает до поры до времени? И если это тенденция (то есть нечто, имеющее направленность), то не заденет ли такая направленность раньше или позже то смысловое ядро, которое и делает верующего верующим?»

Итак, необходимо всего-то несколько констатаций для того, чтобы все сдвинулось с мертвой точки.

Констатация №1 – что все российские экзерсисы с Платоном, Плотинем, Августином, хилиазмом etc. нужны для решения вульгарнейшей политической задачи, состоящей в таком переформатировании христианства, при котором все левое, социалистическое, «розовое» и уж тем более «красное» (а ведь и такое как-никак существует) окажется беспощадно ампутировано. А в христианство окажутся допущены только правые и ультраправые в их постсоветском специфическом понимании.

Констатация №2 – что никому не придет в голову замыслить и уж тем более заявить о чем-то подобном ни в православной Греции, ни в католической Испании. И уж тем более – в Латинской Америке. Такие заходы возможны только в постсоветской России.

Констатация №3 – нигде более такие заходы невозможны, поскольку сами конфессии ни на что подобное не пойдут. А почему не пойдут? Кто там, у них, делает подобные заходы неосуществимыми? Государственная власть, что ли, ставит на место конфессии, тяготеющие к подобному? Ничуть не бывало! Во-первых, из ценностных соображений. Конфессии понимают, что, ампутировав все левое и социальное, они приведут к необратимой мутации весь институт Церкви.

Во-вторых, не пойдут из соображений прагматических. Конфессии заботятся о пастве. Как-никак, XXI век.

Ну, так что же? В моем Отечестве не работают ни ценностные, ни прагматические соображения, которые работают везде? А почему они здесь не работают? Так мало верующих? Отнюдь! Такая борьба за чистоту православия? В Греции очень искреннее и даже истовое православие. А об ампутациях указанного типа никто и помыслить не может. Так, значит, есть в происходящем нечто экстраординарное? Есть!

Констатация №4 – эта экстраординарность, будучи признанной, не может быть изъята из контекста всех прочих экстраординарностей – социальной, культурной – без тех четырех «д», о которых я говорил и число которых можно существенно увеличить.

Констатация №5 – что заходы, призванные приравнять развитие к греху, тоже достаточно экстраординарны. И должны быть рассмотрены в одном ряду с прочими экстраординарностями.

Констатация №6 – что подобный набор экстраординарностей, как минимум, не исключает наличия в происходящем определенной тенденции, имеющей далеко не частный характер.

Констатация №7 – что перед нами ситуация, когда оппонент, наплевав на все трансцендентальные императивы, вознамерился проводить переформатирование конфессии с далеко идущими последствиями во имя решения супероднозначных задач грубейше политического характера. А в такой ситуации попытка анализа тенденции с применением аппарата, использующего политическую параметризацию наряду с другой, как минимум, допустима.

Констатация №8 – используя политическую параметризацию (и оговаривая сразу же, что к ней дело мы сводить никоим образом не намерены), мы должны признать, что речь, по сути, идет о попытке поставить Русскую Православную Церковь на службу классовым (и только классовым) интересам. Что, мягко говоря, «не есть хорошо».

Констатация №9 – в связи с особой остротой политического момента, можно было бы закрыть глаза на подобное «не есть хорошо». Вряд ли это может сделать верующий – он сошлется на трансцендентальный императив. Я же, как политический культуролог и гражданин страны, скажу, что (а) это для меня не имеет столь решающего значения, (б) это бывало в истории, и (в) на это можно посмотреть сквозь пальцы в условиях, когда государство на грани исторического небытия. Тогда даже грубо классовая логика может быть позитивна, если она хоть сколь-нибудь государственна.

Констатация №10 – таким образом, надо не сетовать на тему «институт на службе классовых интересов», хотя, конечно же, это очень прискорбная тема. А понять, что за классовые интересы, как они сопрягаются с общенародными и государственными в данный исторический период.

Иначе говоря – что это за... класс... группа... элита... субъект... диктующие российскому православию трансформацию, при которой оно должно – внимание! – «освободиться»:

- от метафизических позитивов развития;
- от исторической страсти;
- от героичности, подвига, жертвенности;
- от духовного энтузиазма;
- от... от... от... РАДИ ЧЕГО?

Ради того, чтобы окормляемое религией нового формата население никогда и ни при каких обстоятельствах не поддавалось снова хилиастическому соблазну и всему, что из него вытекает. А вытекает из него не только большевизм, но и все левое, социалистическое, «теолого-освободительное» и так далее!

Что же это за класс такой или квазикласс (группа, элита)? Может быть, это нормальный инстинкт любого господствующего класса? Особенно же класса, осуществляющего господство в стране, где с его предшественником уже случились столь масштабные неприятности!

Нужен ли этому классу народ, длящийся и развивающий свое историческое предназначение?

Ответ очевиден. Если окормлять этот народ должна смысловая система, освобождающая его от исторической страсти, то... какое историческое предназначение?

Если государство (для вышей точности добавим «великое») – это средство, с помощью которого народ длит и развивает свое историческое предназначение, а смыслоокормляющая система должна с корнем вырвать и страсть по истории, и веру в предназначение (иудейские хилиастическо-мессианские мерзости), то великое государство этому классу тоже не нужно.

Нужен ли этому классу народ, способный выиграть большую войну? И тут ответ очевиден. Без жертвенности, без готовности откликнуться на зов великой идеи, без ощущения, что ты отстаиваешь благо в борьбе со злом, что страна твоя сопричастна метафизическому Свету и атакуема метафизической Тьмой, большую войну не выиграешь.

Нужен ли этому классу развивающийся народ? И опять ответ очевиден. Если народ, окормляемый смысловой системой нового формата, должен убоиться греха (а иначе зачем вообще нужна окормляющая смысловая система?), а переформатирующаяся смысловая система говорит, что развитие греховно... Тогда – какое развитие?

Так что же нужно классу? Если переформатирование, о котором я говорю, – это его заказ, то ему нужно одно: «чтобы быдло не возникало». Это и только это!

Меня спросят: «А разве Круппу или Моргану это совсем уж не было нужно?»

Отвечаю: «Допустим даже, что Круппу или Моргану с Рокфеллером и Дюпоном нужно было и ЭТО ТОЖЕ. Не хочу идеализировать господствующие классы вообще и буржуазное господство тем более. Но вы же не хотите сказать, что им было нужно ТОЛЬКО ЭТО? Им явным образом, ПОМИМО ЭТОГО, нужно было нечто другое. И очень многое! Чтобы не вернулись феодальные порядки и они не были бы вынуждены вновь кланяться в пояс каждой титулованной особе... А кто от этого может защитить? Воодушевленный определенными идеями народ. Им нужно было также, чтобы их страну никто не завоевал, отобрав их достояние в пользу завоевателя. Что для этого нужно? Армия, то есть все тот же народ, готовый лить кровь не за их мошну, а за Родину.

Им нужно было также, чтобы стоящий у ИХ станков ИХ народ создавал продукцию более высокого класса, чем соседний народ, стоящий у станков их конкурентов. То есть чтобы народ развивался, причем быстрее, чем соседние народы. Наверное,

будучи немцами или американцами, англичанами или французами, эти буржуа хотели и чего-то большего... Быть сопричастными великой идее, заключающей тот или иной союз (вариант Завета) с их народом. А не с каждым из них в отдельности. Наверное, они ощущали себя немцами, французами, англичанами, американцами, а не только денежными мешками. В любом случае, даже для того, чтобы передать детям эстафету своего дела, им нужно было некое не лишнее героики идеальное содержание. И естественно предположить, что они черпали его в своей культуре. А значит, и культура эта нужна им была (в том или ином виде) не для того, чтобы отдавать дань моде и закатывать балы, а для чего-то другого.

Но уж, как минимум, им нужны были энергичные, достаточно развитые и неаморальные работники, причем в огромном количестве. Не только для своих заводов и фабрик, но и для национального хозяйства, национальной обороны, национальной культуры, образования и так далее. Конкуренция между странами, «хозяйствующими субъектами», хлестала их своим бичом, и они тянули, тянули и тянули этот груз классовой ответственности. Именно неизбежность этого «тяглого усилия» позволяла Марксу утверждать, что капитал готовит себе своего могильщика. Что, развивая производительные силы, он рано или поздно столкнется с несоответствием этих, развившихся и потому новых, производительных сил старым общественным отношениям.

Что Старое будет подвергнуто критике, а поскольку в лоне Старого есть Новое, то и преобразению. Маркс верил в спасительность Истории, в ее неотменяемость. Он основывал эту веру на низменности по имени Интерес, но он, как верный ученик Гёте, верил, что Мефистофель Интереса будет работать вопреки своей воле на Бога Истории. Может быть, он и засомневался под конец жизни, но... Не в этом дело... И не это мы обсуждаем... Отнюдь не только Маркс так понимал логику поведения господствующего буржуазного класса. Да и любого господствующего класса вообще. Назвался груздем – полезай в кузов. Назвался господствующим классом – отвечай за государство. А значит, и за народ.

Если же все сводится к тому, чтобы «быдло не возбуждало», то, помилуйте, какой господствующий класс в строгом смысле этого слова! Переформатирование смысловой системы, которое мы обсуждаем, строго тождественно тому, что смысловая система должна производить «опиум» и только «опиум» для народа. И ничего другого не производить! А «опиума» – побольше! Пасквиль товарища Ярославского и его сподвижников превращается в классовый заказ: «Дашь опиум!»

Корчась в ненавидящих судорогах под гнетом поношений Ярославского и Ко, смысловая система, освободившись от гнета, решила воплотить в жизнь клевету Ярославского, стать именно такой, какой она представлялась его специфическому сознанию. Но только назвать его негатив – позитивом.

Однако это же слепок с общей ситуации! Соорудили пасквиль на капитализм, назвав его «городом Желтого Дьявола». Потом этот пасквиль стали, ничего в пасквиле не меняя, называть позитивным идеалом устройства общества и... осуществлять «в отдельно взятой стране»?

С деиудеизацией им, видите ли, неймется. Деиудеизация – в пользу чего? В пользу доиудейского Золотого Тельца!

Я чувствую, что в своем ответе что-то нащупал. И что для создания Церкви Золотого Тельца совершенно необязательно сносить христианские храмы и возводить вместо них храмы финикийские. Уже выдача индульгенций в Средние века вполне было шагом в сторону Церкви Золотого Тельца. И не взбунтуйся тогда некие «хилиасты» – дело бы зашло далеко. А разве мысль Ельцина «сделать деньги национальной идеей», о которой поведал нам бывший министр иностранных дел РФ А. Козырев, это не шаг в ту же сторону? Ведь это решение, по свидетельству Козырева, было принято неким «мы», то есть высшим властным синклитом тогдашней России.

Если национальная идея – деньги, а все влиятельные смысловые системы должны на нее работать (а иначе какая это национальная идея?), то церковь как влиятельная околовластная (ведь это так!) смысловая система должна работать в режиме Золотого Тельца. Так что же, господствующий класс решил создать культ, культуру и государство Золотого Тельца?

Решил ли? Решил – это значит понял, что нечто надо сделать. Для того, чтобы понять, что нечто надо сделать, надо иметь орган для понимания. Есть ли он у нынешнего класса? Такой орган называется классовое сознание (а также самосознание).

Я понимаю, что у отдельных групп, узких элитных сообществ есть все, что нужно, для того, чтобы осуществить самое изощренное начинание. Но класс в целом – это гора мышц, инстинктов, коварств. И не более того. Класс не знает, что были Баал, Финикия и оргиастические формы отправления специфических государственных культов, присущие доиудейским семитским народам. Он не знает, что в острейшем противостоянии этим культам сформировался иудаизм, передавший ненависть к Золотому Тельцу историческому христианству. Мол, «скорее верблюд пройдет в игольное ушко, чем богатый в Царствие Небесное», «изгоните торговцев из Храма» и так далее. Если кто-то из представителей клана о чем-то в этом роде в минимальной степени осведомлен, то он уже приподнимается над уровнем классового понимания. А очень сильно приподниматься над этим уровнем опасно. Ибо сказано: «Не выпендривайся». То есть сказано на самом деле грубее и емче. Но – в этом критериальном ключе.

Класс оргиастические культы и золотые тельцы не интересуют. Он «Золотого тельца» читал, а не «Саламбо» Флобера. Про оргазм он знает. Про оргиастические культы?.. Нет уж, увольте!

Класс другим занят. И принять сложное решение идеологического характера не может. Он ни «решить» ничего подобного не может, ни «строить». Он может нечто складывать из миллиардов полузоологических рефлексов. И, даже если это будет нам до боли напоминать Храм Баала или более зловещие масштабные начинания, это вовсе не означает, что класс (а) решил (б) построить (в) какой-то там жуткий храм.

Класс ничего не решает. Он живет. Как именно? А он и не скрывает, как именно... «Выкинь свой шестисотый "Мерседес", есть тачки покруче!» (аутентичная растяжка на Кутузовском проспекте – видимо, реклама «Роллс-Ройса»), «мы научились пить вино за тридцать тысяч евро бутылка» (аутентичное публичное высказывание Потанина) и так далее.

Класс не знает, что такое отправление оргиастических общеобязательных культов древней Финикии. Но он отправляет оргиастический обязательный культ. Точнее, он его складывает. И уже дал ему имя. Это культ гламура.

Не потребительства, нет! Именно гламура. Гламурный компонент в фашизме и неофашизме явно существует. И тяга нашего господствующего класса к гламурной же версии чего-то, в меру политкорректного, но и чуть-чуть фашистского, тоже

есть. Это все более внятно обнаруживается в определенных частях данного класса. Но то же самое присуще и классу в целом. Да, класс упорно не хочет обуславливать себя каким-либо «идеальным». Но это не значит, что класс ничем не обусловлен. И чувствуется обусловленности вообще. Класс хочет и может обусловить себя только одним – Жизнью. Итак, классовая богиня – Ее Величество Жизнь. Не Идеал, а Жизнь... Всмотримся повнимательнее в это противопоставление.

Идеал – это «ядро ядра ядра»... Так сказать, «святая святых». В самом деле, если ядро культуры – культ, то ядро культа – импульс. Импульс тем самым является ядром ядра культуры. Но у самого импульса тоже есть ядро. Это – идеал. Идеал тем самым – это «ядро ядра ядра» в буквальном смысле слова. Идеал рождает накаленную стратегическую цель. Нет стратегии без Идеала (потому-то у нас и нет стратегии, что идеала нет). Вокруг накаленной стратегической цели рождаются новые ценности (бесценностное вчера становится вдруг основной ценностью и наоборот). Так формируется «магматический корень» будущего вулкана Великой Новизны. Начинаются «технологические проработки», посвященные тому, как воплотить идеал в действительности. У вулкана возникает канал. Он оформляется... Магма идеальности прорывается наружу. Начинается взаимодействие Идеала с Действительностью. Это очень сложный процесс.

Глава V. Идеальное – и действительное

У действительности есть свои неотменяемые требования. Идеал, конечно же, поначалу чинит расправу над действительностью. Точнее, над теми ее элементами, которые являются препятствием на пути очищения этой самой скверной действительности, по отношению к которой Идеал так долго накапливал моральное и метафизическое негодование. Скверное устраняется. Устраняется и то, что мешает насаждению в действительности тех позитивов, от лица которых Идеал приходит в жизнь. Может ли долго существовать, например, в условиях христианской власти (признания властью монополии христианского идеала) институт рабства? Не может. Чуть раньше, чуть позже – «или-или». Или рабство съест христианство, и отношение к человеку как к вещи будет восстановлено в своих правах, или христианство перемелет социальный уклад, по сути отрицающий наличие души у каждого человека. Христианство назвали религией рабов не потому, что оно учило покорности, а потому, что его победа обеспечила крушение рабовладения в ничуть не меньшей степени, чем «развитие производительных сил». И потому христианство – не только духовная, но и социальная революция.

Ну, не сразу все феодалы его приняли. Так и институт рабства был отменен не сразу. Суть христианства именно в этом. Новый идеал – новые формы организации социальной жизни.

Итак, устранение негативов, учреждение позитивов... И – аппарат, с помощью которого это делается... Аппарат, который не может не осуществлять репрессий, как психологических («долой идолов! да здравствует Бог!»), так и физических. Со временем Аппарат имеет склонность обособляться от Идеала... И пошло-поехало... Ежов – Берия – Андропов... 1937 год – борьба с космополитизмом – психушки... Что? Это свойство одного-единственного «ужасного» Идеала? А инквизиция?

В определенным образом организованных умах (прошу не путать с умом рассматриваемого класса) рождается понимание того, что любая Великая Новизна – это, так сказать, небесплатное удовольствие. Возникает вопрос о том, стоит ли платить такую цену... За что? За некие, достаточно условные, приобретения, за шаг по пути Истории. Ну, хорошо, ВЧК и все прочее... Расчищают исторические плацдармы и заодно что-то другое творят... Очень, знаете ли, разнокачественное...

Но раньше или позже все это наткнется на естественные ограничения... Христиане согласятся справлять Масленицу и смотреть сквозь пальцы на прыгание через костры в ночь Ивана Купалы. Коммунисты – снисходительно относиться к верующим. У политической борьбы свои законы. Действие рождает противодействие. Всех еретиков не сожжешь... Всех белых и «сочувствующих» не перевесаешь. Придется идти на компромисс с предшествующим жизнеустройством... А главное – с Жизнью как таковой. С изначальной и непреодолимой Природой Человека.

Реакционны не только конкретные силы, хотя и их вы не дочикаете при любой жестокости и прозорливости ваших ЧК. Ну, «молоты ведьм» – и что? Ведьмы – тучочки! Аж на экранах христианнейшего вашего телевидения. Уберут с телевидения? На видеокассетах будут... Есть спрос – будет и предложение.

Реакционны и ваши ЧК. Ведьмофилы в итоге окажутся в высшем синклите ваших же инквизиций.

А главное – реакционна Природа Человека и Природа как таковая. Ну на что вы замахиваетесь! Это так устойчиво, так неизменно, в таких бездонных глубинах укоренено! Вы же даже не знаете, в каких именно глубинах! Ах, наука ваша?.. Да она сегодня говорит одно, а завтра другое! Вот – Фрейд. А вот – Ницше... А вот – Юнг. Человек остался зверем, дитя Природы он, и не более того. Что? Венец Творения Божьего? Так ведь первородный грех! Что? Пришел освободитель? Грех избыт? Новый человек? Ну, и насколько же он новый?

Партия Нового Идеала (подчеркиваю – любого!) начинает с того, что объявляет войну... Чему? Ну, скажем так, скверне, которой наполнил действительность Старый (ложный, на их взгляд, а главное, дряхлеющий) Идеал. На войне как на войне. Нужны бескомпромиссные воины, готовые на любые жертвы во имя победы. Может ли быть большая жертва, чем муки на кресте самого Сына Божьего? И может ли быть у воинства более могущественный Верховный Главнокомандующий? Битва не может не закончиться победой. И она ею заканчивается. Первородный грех избыт... Ад посрамлен...

Однако, во-первых, всего лишь посрамлен... Что такое окончательная победа – это сложнейшая метафизическая (а значит, к политической) проблема... Но обсуждать ее нам все равно придется.

А во-вторых, победа метафизическая в трансцендентальном мире (победа Идеи, Идеала – с точки зрения нерелигиозных людей) должна приводить не только к трансцендентным (в светском варианте – идеологическим) результатам, но и к результатам имманентным (в светском варианте – социальным и политическим). Война должна закончиться миром... С кем? Со Старым Идеалом? Никогда!

В войнах этого типа подобный компромисс абсолютно недопустим. Он равнозначен моральному, а значит и политическому, фиаско всей партии Нового Идеала.

Поэтому со Старым Идеалом ведут войну на уничтожение. Ну, хорошо. Старый Идеал разгромлен. Стерт в порошок. Что дальше?

«Как что дальше?! – говорят воины, которые так нужны были Партии Нового Идеала до тех пор, пока партия Старого Идеала не была разгромлена в пух и прах. – Дальше – война с действительностью. С пережитками прошлого в сознании, с недобитками, буржуазными элементами, с уродствами укладов, оставленными в наследство Старым Идеалом».

Партия Нового Идеала санкционирует следующий шаг. Ее воины (они же подлинные революционеры, лучшие сыны партии, а впоследствии «уклонисты» и «хилиасты») выкорчевывают наследство прошлого, воюя уже не только с партией Старого Идеала, но и с матрицей, грибницей, «чревом, способным выносить гада».

Однако очень быстро оказывается, что у этого второго этапа есть ограничения. Причем самого разного рода.

Это, прежде всего, ограничения фундаментальные. Если начать слишком сильно «раскурочивать» действительность, то можно нарваться на ее системную дисфункцию. А ты уже у власти. И отвечать теперь за эту дисфункцию будешь именно ты.

Это, далее, ограничения моральные. Робеспьер – не маркиз де Сад. Ленин – не Александра Коллонтай. Сталин – больший, а не меньший державник, чем Николай II. Сами революционеры, причем иногда очень цельные в идейном смысле, начинают роптать: «А доколе эту самую действительность мы намерены раскурочивать? И чего ради? Гильотинировать монархов и даже какого-нибудь Мирабо? Ради бога! А «национализировать» детей... разрушить семью как таковую? Это еще зачем?»

Затем начинаются ограничения социальные. Может, горячие головы, мечтающие национализировать жен и детей, еще и преобладают в раскаленной добела партии Нового Идеала. Но у любых горячих голов есть остудитель: народ. Партийцы готовы «национализировать» жен, детей... даже землю... А народ не готов. «Стоп, машина!»

И, наконец, существуют и политические ограничения. Партия Нового Идеала состоит из живых и очень амбициозных людей. Люди эти борются за власть. В этой борьбе одни – за один тип компромисса с действительностью, другие – за другой. Но, поскольку речь идет о политиках, а не о революционных крестоносцах, все – за компромисс. И могут тут даже дозированно (но очень дозированно) поиграть (но именно поиграть) с партией Старого Идеала.

Первый компромисс большевиков с действительностью назывался НЭП (новая экономическая политика). Перед этим, правда, был еще один компромисс – Брестский мир. Но тут речь шла о компромиссе с силами несопоставимой по мощи немецкой армии. А также – об обязательствах. Вообще же Ленин невероятно часто шел на компромиссы и в этом смысле был намного больше политиком, нежели многие из его последователей. Избегал он (при такой-то, казалось бы, гибкости) лишь компромиссов со Старым Идеалом и его партией. Это-то и называется «недопустимость компромиссов в сфере идеологии» (аксиома для любой, подчеркну еще раз, партии Нового Идеала).

НЭП был в чистом виде компромиссом между Идеалом и Действительностью. Такой компромисс и является, как я считаю, «универсальным термидорианским». Буквальные апелляции к термидору, то есть восстанию «вменяемых» якобинцев против «невменяемых», мало что дадут. А вот определяя универсальным (или общесистемным) содержанием всякого термидора компромисс партии Нового Идеала с Действительностью, мы получаем возможность сопоставлять внешне разноразличные явления. И – делать выводы.

Первым большевистским термидорианцем был Ленин. Основную нагрузку по состыковке Идеала с Действительностью взял на себя Сталин. Но начал окорачивать идеалистов-воинов Ленин. Впрочем, и Робеспьер гильотинировал Эбера и его «бешеных».

Ленинский НЭП вызвал колоссальное недовольство всей (или почти всей) партии Нового Идеала. Да и органической состыковки с Действительностью не произошло. «За что боролись?» Этот острейший вопрос всегда задается бескомпромиссными «воинами» той группе внутри партии Нового Идеала, которая останавливает революционный процесс. Полемика Биль-Белоцерковского со сторонниками Михаила Булгакова носит, по сути, универсальный характер. Ведь нет и не бывает компромисса с Действительностью без компромисса со Старым и его носителями.

«У меня белопогонники друзей замучили, а вы их в своем Художественном театре воспевать решили», – говорил Биль-Белоцерковский. И что ответить? Сталину удалось построить очень сложную систему, где газ и тормоз не противостояли друг другу. Это разрядило ситуацию, но не более того. Окончательных решений в таких случаях в принципе не бывает. Ведь воины в ответ на урезонивания (мол, «надо идти на уступки человеческой природе») всегда отвечают, что Новый Идеал призван не потакать человеческой природе, а изменять ее, совершенствовать, развивать.

Они настаивают также на том, что без глубочайших изменений в устройстве действительности эта действительность воспрепятствует эффективному поправлению человеческой природы и созданию Нового человека.

Троцкий был уверен, что сталинская державность воспрепятствует созданию Нового человека и все в итоге покатится под уклон. И он прав по факту: ведь покатило же под уклон. Ему можно ответить, что СССР спас мир от фашизма, а поколение, которое должно было стать Новым (1921–1923 годы рождения), жертвенная война истребила. И это тоже правда. Израильские красные кибуцники считают, что сионистская державомания и бессмысленный экспансионизм, от которого теперь отказываются, помешали им создать Нового человека. Это правда или лукавое оправдание? Кто решится вынести окончательный вердикт в подобном вопросе?

В отличие от светских революционеров, у революционеров религиозных есть трансцендентальный аргумент. За что боролись? За преодоление первородного греха! Эта задача решена! Путь к спасению открыт! Человеческая природа не исправлена окончательно, но ей указан путь к этому окончательному исправлению. Оно же – спасение. Или – обожение. Путь этот охраняет Церковь. Ее создание – вот в чем победа. Ибо это создание позволяет заняться спасением души для Вечной жизни, что неизмеримо важнее решения задач совершенствования устройства земной жизни и даже улучшения рода человеческого...

Вроде бы «крыть нечем». Но – лишь вроде бы. Потому что тем, кто так отвечает, задается встречный вопрос: «Ад посрамлен, но не более.... Зло существует. Мир является ареной борьбы добра и зла. Должен ли христианин бороться с мирским злом? Должен ли он подражать, например, высшему религиозному авторитету, изгонявшему торговцев из храма? А

совратители? Слуги зла? Вопрос ведь не в том, как бороться с мирским злом. Толстой, к примеру, говорил о непротивлении злу насилием. Но он же боролся! Он злу насилием не противился, но ведь иначе-то он противился! Да еще как! Его ученик Ганди превратил это непротивление злу насилием в одну из величайших национально-освободительных революций.

И потом... Толстой – не христианство... Или, уж как минимум, не каноническое православие. Чего ради Сергей Радонежский благословил Дмитрия Донского на войну с Мамаем? Татары в это время церкви христианские не жгли, отправлению церковных обрядов не препятствовали. Фашисты создавали церкви на оккупированных советских территориях. Значило ли это, что для христианина борьба с фашизмом была лишена метафизического смысла?

Метафизическая ось подобного вопрошания очевидна. Христианский идеал должен преобразовывать Действительность? Да или нет? Действительность может подвергаться критике с позиций этого идеала? Да или нет? Мирская деятельность и борьба за укоренение идеала в действительности имеет метафизический смысл? Да или нет?

Понятно, что церковь – не ВКП(б). Но если бы ВКП(б) сказала народу, что смысл великих жертв, принесенных им на алтарь Нового Идеала, в том, что институт под названием Компартия пришел к власти, то говорил ли бы такой ответ о психической вменяемости? И какой бы имел мирской (причем немедленный) результат? Говорится на определенном этапе нечто сходное, но принципиально другое: «Мы взяли власть и начинаем осуществлять определенные изменения. Мы уже и это сделали, и это. Но некоторые подталкивают нас к поспешным действиям, которые отбросят нас назад, а не продвинут к желанной цели. У некоторых – перегиб. У них – головокружение от успехов». Это и только это называется термидор. Никто под сомнение Новый Идеал не ставит. Никто не пытается отыграть в пользу правоты Старого Идеала.

Термидорианец – не изменник Новому Идеалу. Он сомневается в этом Идеале не больше, чем самый страстный «солдат революции». Он должен этот Идеал приводить в соответствие с Действительностью. Он должен платить по счетам Победы Нового Идеала над Старым. Он поневоле (да-да, чаще всего поневоле) должен заключать мир с Действительностью, ибо воевать с ней дальше нет никакой возможности. Где мир, там и компромисс. Но компромисс – не предательство дела революции. Как Ленин называл НЭП? Передышкой. Революция устала в битве с Действительностью. Нужна передышка с тем, чтобы вести потом новое наступление. Если же термидорианец разочаровался в Новом Идеале, то он никакой не термидорианец. Он предатель Нового и реставратор Старого.

Есть очень популярная идея превращения каждого термидорианца в реставратора, то есть в генерала Монка, предавшего дело революции и привлечшего Стюартов назад в Англию. Авторам идеи почему-то кажется очень естественной такая трансформация, которую я назову «монкизация».

Начинают все со Сталина. Ну, что ему было делать с этим ужасным революционным (читай «еврейским») процессом? Он же был вменяемый человек, а не какой-то там «хилиаст». Он понимал, что революция – это страшная гадость. И, не имея возможности с ней бороться открыто, боролся исподволь. Может быть, он был «нашим» в их команде. Может быть, прозрел. Но ясно же, что если сделал что-то хорошее, то контрреволюционер. То есть реставратор. То есть Монк.

Далее на повестке – Наполеон. Восстановил трон... Сел на него... Женился на августейшей австро-венгерской особе. Наверное, считал себя аж Меровингом. Умный, державный человек. Значит, контрреволюционер. Значит, реставратор. Значит, Монк. А как иначе? Ну, может ли крупный, не безумный человек верить в какие-то там Новые Идеалы? Верить в Историю? В Историю верят только сумасшедшие евреи.

Следующее – Августин. Тут речь идет уже не о политическом, а о метафизическом термидоре. И прямо не скажешь. Про Сталина еще можно (и даже должно) сказать: «Он же не сумасшедший, как Ленин...» А про Августина не скажешь: «Он же не сумасшедший, как...» Как кто? Ясно же, что тут, в плане системной аналогии, вместо Ленина – Христос. И сразу потому так не скажешь. Но можно начать другую игру. Это общеизвестная игра в Петра и Павла. В сущности, Августин для большой игры – фигура поздноватая. Своего рода «Суслов», не более.

А вот с Петром и Павлом все вытанцовывается «на раз». Павел – это Троцкий. Один из членов синклита, еврей и радикал. Кто воевал с греками (читай – с «нашими», «белыми»)? Павел! Кто говорил о вознесении в теле, о третьем небе и прочем (за что, кстати, был отвергнут греками, то есть «нашими»)? Опять же Павел. Павел – чужой. Он хилиаст.

Пиам Павловна Гайдено так не говорит. И я вовсе не собираюсь что-то за нее договаривать. Во-первых, я вообще не люблю что-то за кого-то договаривать. Во-вторых, Пиам Павловна и так сказала достаточно. Но это очень известная интеллектуальная тенденция. Не только российская. Генон этим забавлялся. И, опять же, не он один. Уж очень раздражает это (ненашенское, негреческое) вознесение в теле.

Ампутация хилиазма, историзма, левого крыла, социальности, павлианства... Спросят: «А что останется?»

Греческие белые останутся вместо «их» красных! И Августин – как метафизический Монк, вводящий в революционное (Новый Идеал) христианство метафизических реставрационных белых – Платона и Плотина.

Эта концепция всеобщей монкизации, превращения Новоидеального (красного) в Староидеальное (белое), революции в реставрацию (неважно – политическую или метафизическую) для меня является важным инструментом. Она позволяет проследить тенденцию. А это-то важнее всего. Августин тут – очень существенный элемент выстраиваемой Системы. Как и Сталин. Потому что Система-то выстраивается не метафизическая, а сугубо политическая. Подорвать она призвана, ни много ни мало, страсть к Новому, то есть историческую страсть. Какое Новое, если и это – реставрация, и это, и это...

Вот почему важно оговорить, что Августин – уж никак не реставратор. Он уж настолько не реставратор, что дальше некуда. Это Пиам Павловне нужно, чтобы он был реставратор. Но он типичнейший метафизический термидорианец. Успокоитель? Да нет... Даже и не успокоитель. Организатор неких отношений между Идеалом и Действительностью. Учитель ушел. Не сказал, когда вернется. Тут надо как-то обустраиваться. Не хочется, но надо. Обустраиваться и ждать. А эти нетерпенцы-хилиасты ждать не хотят. Ужо я вас! Я и сам не хочу. А надо! Надо!!!

Августин – термидорианец. Термидорианец поневоле. Типичный христианский термидорианец, ждущий обещанного не меньше любого хилиаста. Но – знающий, что надо ждать и надеяться. Надеяться и ждать. А эти хилиасты ждать не хотят! Им, вишь ты, сразу мировую революцию подавай. То бишь Тысячелетнее царство. Вот уж чем-чем Августин не занимается, так

это монкизацией Нового Идеала, то бишь греческой реставрацией. Это Пиама Павловне нужно, чтобы была предложена такая версия.

Августину же она чужда по очень многим причинам. Прежде всего, потому, что ему, в отличие от Пиамы Павловны, это даже в голову не приходит. Новое, которому он истово служит, накалено до предела. Оно абсолютно самодостаточно. Да, у этого Нового есть некие проблемы с самоодоформлением. Но уж никак не с энтузиазмом! Если точнее, то с недостатком энтузиазма у этого Нового во времена Августина никаких проблем нет. Есть кое-какие проблемы с избытком энтузиазма, и это называется хилиазм. А если еще точнее, то проблемы – не с избытком конфессионального энтузиазма (какая конфессия от энтузиазма как такового откажется!), а с вектором этого энтузиазма и его тонкой структурой.

Сталина (в классически термидорианском понимании этой фигуры) беспокоит не избыток коммунистического энтузиазма, а то, что этот избыточный энтузиазм будет направлен на экспорт революции. А он хочет, чтобы тот же энтузиазм был направлен на стройки пятилеток. «Вот когда мы построим новую великую Россию, конечно же, коммунистическую, красную, – говорит он, – она сумеет осуществить мировую коммунистическую революцию». «Дудки, – отвечает Троцкий. – Ты когда построишь царство, земного монстра СССР, то тебе никакая революция и не понадобится. Ты со своей номенклатурой рассядешься на обычном державном троне, как белый царь. И все тут!»

Так кто же прав? Классический термидорианец не строит царство ради царства! Наполеон нес на штыках Новое в Европу и на этом сломался. Но Новое принёс! Сталин, по факту, донес свое Новое до Берлина. Если он хотел удушить коммунизм в объятиях, то он не термидорианец, а предатель Нового. Что, кстати, в точности является трактовкой Троцким личности Сталина. Но тогда зачем Ленин в Мавзоле и красные флаги над всей Восточной Европой? Из тяги к расширению царства? Странная тяга! Монк, как предатель кромвелевской Великой Новизны, просто ввез в Англию Карла II.

Сталин ни на йоту не осуществил ничего подобного. Он обратился к белым за поддержкой (очень скрытой!) в борьбе с Троцким. Он обратился к Старому, соединяя его с Новым для победы во Второй мировой войне. И, когда счета с жизнью были кончены, улеся рядом с Учителем.

Троцкий обвинял Сталина в том, что он предатель замечательного дела революции. Монкизаторы по сути солидаризируются с Троцким и говорят: «Да, Сталин – предатель дела революции. Но только дело революции ужасно, а не замечательно, как считал Троцкий. Сталин – это замечательный предатель ужасного дела революции».

Ярославский наизнанку: «Да здравствует религия как замечательный опиум для ужасного народа, который без этого опиума будет революционизирован злодеями, обуреваемыми историческим беспокойством!»

Троцкий наизнанку: «Да здравствует Сталин как замечательный предатель ужасного дела революции! Как "возвратитель" в стойло ужасного народа, подавшегося злодеям, обуреваемым этим самым историческим беспокойством!»

Если монкизация – это универсальная логика и даже грамматика, то постройте в этой логике высказывания по поводу Августина: «Да здравствует Блаженный Августин как замечательный предатель ужасного христианского дела! Как успокоитель, загнавший быдло, взбудораженное злодеями, в греческое стойло. Как победитель иудейского злого духа исторического беспокойства!»

Я передергиваю? Сгущаю краски? Или, может быть, описываю частный закономерный эксцесс? Большевизм был так ужасен, что обезумевшие от этого ужаса интеллектуалы, обжегшись на большевистском молоке, дуют на воду исторической страсти как таковой?

Советская цензура держала общество на голодной пайке. А в постсоветский период пища, может быть, и стала чуть-чуть обильнее, но регресс породил прискорбную ситуацию в духе русской поговорки «не в коня корм». В результате многие узловые темы, проработанные на Западе, оказались не освоены у нас вообще. Или же освоены весьма специфическим образом. К числу таких тем относится «всемирно-историческое значение и смысл Великой Французской буржуазной революции».

Обсуждение этой темы в СССР было свернуто сразу по ряду причин.

Во-первых, адресация большевиков к себе как к наследникам якобинцев была уделом раннего этапа... Ну, скажем, с 1903 до 1923 года... Не только Сталин, но и Ленин якобинским генезисом большевизма не слишком интересовались. Ленин сфокусировался на отечественных предтечах (Радищев, декабристы, революционные демократы, народовольцы). Сталин тем более в это не хотел углубляться. Ибо подобное углубление означало бы вступление в дискуссию с Троцким, который очень увлекался аналогиями между большевиками и якобинцами, сталинизмом и термидором.

Во-вторых, при таком подходе исчезала уникальность Великой Октябрьской социалистической революции. А советскому агитпропу (так быстро потом перековавшемуся в оголтело антисоветский) уникальность (беспрецедентность) Великого Октября казалась более выгодной, нежели построение каких-то там типологических соответствий, адресующих к прецедентам вообще, а уж буржуазным тем более.

В-третьих, критика революционизма и исторической страсти, осуществлявшаяся на Западе, была достаточно острой. А советский агитпроп не любил вступать в идеологические и уж тем более методологические бои с сильным противником...

Можно назвать и другие причины, но и названного достаточно. Мне же всего лишь надо установить, что не наши интеллектуалы, уйдя во внутреннее антикоммунистическое подполье, зачали монстра антиисторизма. Они лишь придали этому монстру особо уродливый и гротескный вид. Основные же страгемы войны (и именно войны) с Революцией и исторической страстью как таковой – плод западной мысли. Оттачивавшей аргументацию не на большевистской, а на якобинской фактуре. И потому, что разбираться надо было со своими оппонентами, а не с какими-то там «дикими русскими». И потому, что «разборка» началась тогда, когда никто не придавал значения Марксу и пресловутому «призраку, бродящему по Европе». А Ленин еще не только не создал РСДРП(б), но и насчет того, что «мы пойдем другим путем», сказать не успел.

Романтики, конечно, спели свою песню на тему: «За что боролись, на то и напоролись...». Но настоящими первопроходцами в деле выкорчевывания исторической страсти были роялисты. Сказавшие по поводу якобинцев и Великой буржуазной революции все то же, что белогвардейские эмигранты сказали потом по поводу Великого Октября. Власть в

Российской империи, обеспокоенная якобинской заразой, а также другие силы, пытавшиеся или сдержать «подрывной» дух истории, или использовать его в своих узко-геополитических целях, поощряли роялистскую хулу на конкретную Великую Французскую революцию и на весь этот дух, проникнутый исторической, видите ли вы, Волей. Жозеф де Местр приезжал в Российскую империю в качестве спеца по борьбе с революционизмом-якобинизмом. И не он один.

Шел интенсивный обмен так называемой конспирологической информацией. Какие именно злые силы инспирируют это самое революционное беспокойство, будоражат исторические страсти? Иудеи? Масоны? Жидомасоны? Эти вопросы очень интересовали классовых сословных антагонистов победившей французской буржуазии – французских роялистов. И, конечно, церковь. Французскую католическую церковь, с которой вполне беспощадно разобрались революционные безбожники Конвента. Да и не безбожный в целом Робеспьер с его Башней Разума ну уж никак не устраивал пострадавшую от той революции «мать Церковь». Ибо метафизический революционизм для подвергающейся гонениям за реакционность конфессии еще хуже революционизма светского.

Специалисты, натренированные в войнах за веру (это называлось «контрреформация» и стало узкой специальностью Ордена Иисуса, он же иезуитский Орден), получили новый богатый фактологический материал. Они его надлежащим образом обобщили и дали необходимые разъяснения обеспокоенным монархиям. Как конфессионально близким (Австро-Венгерская) так и конфессионально чуждым (Российская, Прусская, даже Британская). Страх перед экспортом революции оказался сильнее конфессиональных разногласий. Так это начиналось... И, наверное, кончилось бы ничем... Проигравшие классы, при любой изысканности своих размышлений (а кто может отказать де Местру в изысканности?), всё компрометируют – и фактом проигрыша, и жалобной интонацией.

Да, наверное, все бы в итоге ограничилось романтической ностальгией по «временам Айвенго» и реставрационной унылой зауемью.

Но тут на помощь обиженным и ностальгирующим пришел победивший, а не проигравший класс. К тому же напуганный не на шутку Парижской Коммуной и очень уж страстными воспоминаниями народа, постоянно требующего, видите ли, «хлеба и Конституции 1793 года». Победивший буржуазный класс к этому времени уже пустил глубокие корни и не боялся каких-то там роялистов и их приспешников. По крайней мере, Коммуны он боялся намного больше.

Победитель не ноет. Он бьет наотмашь. Ударили там, где вызов ощущался сильнее всего, – во Франции. Заказ победившего класса на дискредитацию якобинства и революционаризма как такового блестяще выполнил французский историк Ипполит Тэн, создавший многотомную историю Великой буржуазной революции. Тэн сделал с Французской революцией примерно то же, что Солженицын с Октябрьской. Только Солженицын в силу профессии, темперамента, специфичности ангажемента работу выполнил плохо. Необъективно, публицистически, с неадекватной взятой роли предвзятостью.

Тэн сделал свое дело иначе – с филигранной точностью, богатством собранной фактуры, тонкостью и умом. А поскольку все французские государственники пережили шок проигранной франко-прусской войны и воочию увидели, как революционный нож Коммуны может оказываться подспорьем для иноземцев (сравни субкультуру, сформировавшуюся вокруг темы «немцы и Ленин»), то удар был и впрямь весьма ощутимым. Тэн нанес удар в основном все же по конкретной революции. Но – не только. Антиреволюционный заряд был. Роялисты и романтики поработали не зря. Им не хватало именно того, что предоставил Тэн, – жесткого, беспощадного, зрелого, конкретного подхода. Добавить к такому подходу и таким, прекрасно обработанным и осмысленным, данным виньетки антиреволюционаризма не составляло труда. Да и сам Тэн отнюдь не хотел быть только фактологом и хроникером.

Он знал, что наносит удар, и знал, куда на самом деле этот удар направлен. Ответ занял десятилетие, а то и больше. Ведь речь идет о достаточно диффузных интеллектуальных процессах. В ответ Тэну были вовлечены очень и очень многие. И профессиональные историки, и филологи, и деятели культуры. Было ясно, что Тэн и его сподвижники бьют по исторической страсти, исторической новизне, новой идеальности и ее укоренению в Действительность.

«Смотрите, – говорят они певцам любой революции. – Вот она, эта Новая Идеальность. Как она свежа, убедительна... Как страстна и жертвенна. Как бескомпромиссна в войне со Старым. Как быстро концентрирует она вокруг своих несомненных преимуществ энергию протеста. Ста лет по сути не проходит, а энергия – вот она...»

Что дальше? Энергия выплескивается. К процессу неизбежно подключается все на свете: мнение каких-то элит, иноземные происки, крикливая взбудораженность – все вплоть до уголовщины.

Посмотрите, что творит эта энергия в момент, когда происходит революционное Извержение! Вот такие происходят уже на этом этапе ужасы... И вот такие глупости. Но это только начало.

Потом революция начинает выкорчевывать корни Старого. Посмотрите, что творит при этом репрессивный аппарат! Как он освобождается в этом кровавом оргиастическом действе от всего на свете: морали, смысла, элементарной целесообразности.

Потом революция начинает внедрять Новое в поврежденную ею ткань Старого. Вот как она это делает! А еще вот так, вот так. Вас еще не стошнило?

А потом она пожирала своих детей.

А потом приходят к власти циники... В свои права вступает элементарный реализм. Помноженный на усталость масс и их отвращение, вызванное кровавой жестокостью безумных вождей.

И что в итоге? Вы продвинулись вперед? В каком смысле? Докажите нам, что вы на самом деле не отброшены назад! И объясните нам, ради чего все это? Объясните – без частностей, на самом высоком, пусть бы и метафизическом, уровне. Объясните, чего хотят ваши драгоценные революционеры? Изменить Природу Человека?

А вы не понимаете, что это глупая, страшная, изуверская по своей сути и абсолютно неразрешимая задача? Ах, вы не понимаете... А мы вам и это покажем, и это!»

Каков вызов – таков и ответ. На рубеже веков завязалась почти беспрецедентная схватка между людьми, уже дозревшими

до того, чтобы присягнуть не конкретной идее и не тому или иному импульсу Новой Идеальности, а истории как череде этих импульсов, имеющих очень разное и – по логике их чередования – взаимоисключающее конкретное наполнение. И людьми, дозревшими опять же до того, чтобы отвергнуть всю историю как череду подобных импульсов Новизны. Отвергнуть, опять же, не какой-то отдельный «нехороший» импульс, а всю «энергосистему», производящую импульсы.

В этот период, кстати, уже открыто произносилось все то, что потом начало стыдливо камуфлироваться с оглядкой на пресловутые нормы политкорректности. То есть дух исторической страсти открыто стал называться иудейским, еврейским духом. Порождением аутентичного и секулярно трансформированного мессианства. А тут еще и марксизм взмолился на дрожжах этой – будь она неладна – истории. Слепому же понятно, откуда ноги растут!

Отвечая школе Тэна, Ромен Роллан и его очень на разное ориентированные сторонники (например, истовый католик Поль Клодель) заявили о верности духу истории и неотторжимому от этого духа революционаризму. Для Клоделя любимый герой, олицетворяющий этот (христианский, как он полагал, по генезису) дух творческой исторической обеспокоенности, – Христофор Колумб. Ромен Роллан же сосредоточивается на оппонировании Тэну в вопросе о содержании конкретной революции – Великой революции 1789 года. В серии своих драматургических произведений – «драм революции» и «трагедий веры» – Ромэн Роллан исследует страсть по исторической новизне с разных сторон. Но любимый герой Ромена Роллана – не Робеспьер и не Мирабо. Его любимый герой – Святой Христофор, несущий на своих плечах младенца по имени Грядущий день, то есть этот самый драгоценный, по мнению Роллана, дух исторической страсти по Новому.

Война сторонников истории и ее противников велась отнюдь не только на территории художественных образов, символов и метафор. Она велась и на территории строгой исторической науки. Что такое школа Анналов? Что такое «Апология истории» Марка Блока? Это именно война за право возлюбить историю как сверхтонкую пленку, рождающую раз за разом Новое Идеальное и позволяющую Святому Христофору нести на плечах младенца, Христофору Колумбу пускаться в путь, человечеству мучительно двигаться по пути, вехами на котором являются импульсы Нового Идеального.

В сладко-ядовитой песне известнейшего советского барда Бориса Гребенщикова «Комиссар» есть такие строки: «Комиссар, просто нам изначально дан выбор – история или любовь».

Творчество Роллана, Клоделя, Томаса Манна, Марка Блока и сотен других интеллектуальных подвижников, столкнувшихся на стыке XIX и XX веков с новым вызовом – вызовом отрицания всего духа истории, – посвящено доказательству обратного. «Революция как любовь», – говорит Роллан, показывая революционную жестокость и маразм «поедания своих детей» с беспощадностью, превышающей тэновскую. «И все же – революция как любовь. Горе тому, кто не понимает этого».

Ромен Роллан говорит об утесе, в который бьются волны истории. Да, они разбиваются об утес человеческой косности, и что? Упорство воли – залог победы Океана добра над Утесом зла. И нужно, чтобы волны дыбились одна за другой, «чтобы великое дело Конвента было доведено до конца».

Человеческая страсть откликается на конкретное Новое Идеальное. Она не может пока откликнуться на весь Путь с его Вехами. Да и сможет ли она сделать это хоть когда-нибудь? Гегель считал, что это произойдет уже после конца истории... Но тогда, если верить Гегелю и его последователям, исчезнет страсть. По крайней мере, не истории она будет в этом случае адресована. И не Великой Исторической Новизне.

Но есть два обстоятельства: одно общее, а другое, в общем-то, частное, – которые придают дискуссии по поводу исторической страсти особую актуальность.

Первое (общее) обстоятельство состоит в том, что вообще нет никакого кандидата на новоидеальную роль. Идет ли речь о том, что коммунизм оказался «вне исторической игры»? Или о том, что сама игра входит в ту фазу, которую Фукуяма назвал «концом истории»? Насколько этот «конец» органичен и может быть назван «концом», а не «убийством» истории? Как это связано с пресловутой «глобализацией»? Это абсолютно отдельная и невероятно важная тема. Здесь же для меня существенно указать, что это обстоятельство придает качественно иной характер полемике о духе истории и его роли для человечества.

Одно дело, когда Дух этот несомненно парит над Новизной, только что осуществившейся или готовящейся к осуществлению. И другое дело, когда этот Дух как господин Годо из пьесы Беккета «В ожидании Годо». Есть, кстати, вполне серьезные основания предполагать, что Сэмюэл Беккет в своей пьесе имел ввиду именно ситуацию, в которой человечество ждет Нового Идеала (он же господин Годо). Мальчик, предупреждающий человечество о том, что господин Годо опять не придет, – это неявная цитата из сюжета о Святом Христофоре. А оргия абсурда, которую человечество разыгрывает, узнав о том, что господин Годо опять не придет, олицетворяет собой отчаяние человечества в условиях исчерпания Старого и отсутствия Нового.

Но если это так, то фундаментальная ситуация «исчерпание Старого и отсутствие Нового» имеет свою внутреннюю динамику. Чем глубже будет исчерпание, тем острее будет реакция на него со стороны человечества. Смысл этой реакции вполне отражает слово «душно». Русские слова «душа» и «душно» созвучны не случайно. И вряд ли в языке могут быть столь далеко идущие случайные созвучия. Душе – душно в отсутствие смысла, который может ей дать либо пришедшее, либо готовящееся прийти Новое. Это беспокойство тем острее, чем глубже исчерпание Старого.

Сначала душе просто душно. А потом... Потом начинается то, о чем пел Высоцкий:

Спасите наши души!

Мы бредим от удущья...

Он ведь не только (и не столько) о подводниках пел, не правда ли? Дефицит смысла, нарастая, порождает удущье. И тогда задыхающийся человек начинает благословлять все, что может его от этого удущья спасти, пусть даже и катастрофу. Революция и впрямь сродни катастрофе. То есть тому, чего надо избегать. Надо-то надо... Но буря, к примеру, – это природная катастрофа, между тем не только люди, но и звери в определенной ситуации не избегают ее, а ждут. Изнемогая от предгрозового удущья.

*Душно! Без счастья и воли
Ночь бесконечно длинна.
Буря бы грянула, что ли?
Чаша с краями полна!*

Некрасов неслучайно назвал это свое стихотворение «Из Гейне». В стихотворении этом, к Гейне никакого прямого отношения не имеющем, выражен тот дух мессианского беспокойства, который воплотил Гейне, наследуя определенную мессианскую еврейскую традицию. Но, будучи первоначально наиболее полно выражено в этой традиции, подобное беспокойство позже стало всечеловеческим. Это произошло по ходу того, как человечество приобщалось к Историческому. А значит, и мессианскому. Некрасов – поэт в высшей степени русский. Русский же мессианизм по своему накалу вполне сопоставим с еврейским. Отсюда, как мне кажется, апелляция Некрасова к Гейне.

А Горький с его «Буревестником»?

А вся мировая литература, в которой о невыносимости удушья говорилось с невероятной пронзительностью? Если от муки удушья спасает революция, то она и впрямь «как любовь». Как та жертвенная любовь, которая была призвана спасти человечество от невыносимости ада.

Дискуссия по поводу «революции как любви» была прервана Первой мировой войной. Которая для Ромена Роллана (и не для него одного) была судорогой задыхающегося в отсутствие исторической новоидеальности человечества. Не было никаких созревших до исполнения всемирно-исторической роли коммунистов. Была зачаточная новоидеальность и нестерпимая духота. Такая, что лучше быть убитым Грозой, чем задохнуться в безысторической душегубке. И только потому Некрасов пишет:

*Грянь над пучиною моря,
В поле, в лесу засвищи,
Чашу вселенского горя
Всю расплещи!..*

Так понимали суть исторической страсти и цену ее исчерпания и Гейне, и Томас Манн, и Клодель, и Горький, и Александр Блок, и Марк Блок, и Ромен Роллан. И Луи Арагон, и Пабло Неруда, и... И Махатма Ганди... Что же касается еврейского мессианизма, заразившего многих, то тут очень показательна личная и политическая трагедия молодого Ромена Роллана.

Глубочайше униженная итогами франко-прусской войны республиканская Франция знала, что Германская империя не ограничится тем, что уже отвоевала у своего исторического конкурента. Что предстоит новая война. И что эта война может в случае поражения Франции стать концом французской истории. Франция готовилась к войне. Накал патриотических настроений был очень велик. И ни Ромен Роллан, ни его сподвижники абсолютно не желали поражения Франции в будущей войне с Германией. Напротив, они осмысливали ошибки, приведшие к поражению Франции в войне 1870 года. Они считали своей миссией обеспечение нового патриотического подъема во Франции. Они считали свою культурную и интеллектуальную деятельность «отмалыванием грехов», приведших к поражению Франции во франко-прусской войне.

В разгаре этой их ранней деятельности в духе «штурма и натиска» разразилось знаменитое дело Дрейфуса. Страна раскололась. Либеральная Франция столкнулась с Францией иной. Дрейфусары и антидрейфусары – это стало естественным эквивалентом «фило- и антисемитской Франции». Конфликт вышел за пределы Франции. В нем участвовали даже российские крути. Вспомним Короленко с его памфлетом «Знаменитость конца века». Все симпатии Ромена Роллана находились на стороне филосемитской (дрейфусарского лагеря). Но он и его сподвижники категорически отказались ставить идеологические предпочтения над национальными интересами. «Дрейфуса обвинили в шпионаже в пользу Германии. Если он реально в этом виноват, он должен быть наказан на полную катушку».

Такая позиция Ромена Роллана обернулась для него жизненной катастрофой. Ему пришлось поломать свою семейную жизнь, лишиться многих друзей. Он не был принят в лагерь антидрейфусаров. Да он туда и не рвался. Но нежелание стать безоговорочным дрейфусаром поломало его жизнь. Он сделал свой выбор сознательно и никогда о нем не жалел.

Тем, кто хочет скомпрометировать историческую страсть, очень важно загнать ее в узкие рамки, обусловив принадлежностью к одному народу или одной конфессии. Во имя этой компрометации можно искажать все на свете. Выводить народы и конфессии из сообщества исторических. Фальсифицировать идеологические и политические конфликты. Превращать в недостойную вампуку чьи-то личные драмы и судьбы.

Итак, война с исторической страстью приобрела общемировой характер. И ведется она в условиях невероятного оскудения исторической страсти, воли к Новому вообще и Новой Великой Идеальности тем более. Исчерпанность Старого, имеющегося, нарастает неумолимо. Оно буквально трещит по швам. Соискатель, претендовавший на Новизну, устранен с исторической сцены. Новых соискателей, новых идеальностей, новых энергий нет.

Острота войны с Историческим в условиях такого исчерпания... Согласитесь, это серьезно. Это вам не дискуссии времен Ромена Роллана и Тэна, ведущиеся в мире, где и Старое (Конвент) не исчерпало себя, и Новое на подходе. И бродит, так сказать, по Европе.

Второе обстоятельство, как я уже говорил, не носит столь общего характера. Но оно не менее важное. Я имею в виду беспрецедентность ведущейся в России войны с Историей. Кое-что мы уже рассмотрели. Все эти дебольшевизации–1, –2, –3 и так далее. Перестройки – 1, –2, –3 и так далее. Мы убедились также в том, что существенным слагаемым этого процесса является «монкизация термидора». То есть попытка превратить всех, кто «закрывал в бетон» магму взрывов Нового Идеального, в противников самой этой магмы, самих этих взрывов, сторонников Старого, то есть скрытых реставраторов, ведущих войну с Историей, а не конституирующих новые фазы исторического процесса. Мы проследили также связь всего этого с беспрецедентно грубыми и бесперспективными формами так называемого «социального заказа». Мы установили, как

война с левым вообще переходит в войну с любой по своему качеству исторической страстью, с любым новоидеальным началом, взыскующим лучшей жизни.

Мы установили связь всего этого и метафизической войны с развитием. Мы могли бы проследить на богатейшем фактическом материале и более вопиющие формы войны с историей, героизмом, жертвенностью, свидетельствующие о действительной беспрецедентности того, что происходит в России на протяжении последних двадцати лет. Но наша задача – не в накоплении материала и даже не в его классификации. Нас интересует прослеживание тенденции и раскрытие ее содержания. А также обсуждение возможностей перелома этой тенденции, а значит, и обеспечения того самого развития, о необходимости которого так настойчиво заявила власть... Впервые за двадцать лет...

Вряд ли стоит рассматривать подробно не только тему возвеличивания Романовых во имя истребления советского смысла, но и тему истребления смысла, связанного с самими Романовыми. Идея послепетровской России (она же империя Романовых, она же Российская империя) расшатывается с такой же беспощадностью, как и идея СССР. Иначе и быть не может, коль скоро Петр I – это «революционер на троне». Имперскому смыслу объявлена такая же война на уничтожение, как и смыслу советскому.

Ради войны с красным смыслом можно приподнять Романовых. Но, как только начинается война с петровским смыслом, с его авторитарной модернизацией, породившей, повторяю, Империю, оказывается, что и Романовы не ахти. Особенно же те, которые не отрицали Новый исторический смысл, петровскую великую страсть по Новому. Наконец, и Пушкина, как певца петровских реформ, можно противопоставить Аввакуму и за счет такого противопоставления (конечно, в пользу последнего) растоптать и новоидеальность, предшествующую советской.

Внимательный анализ превознесений Романовых (и особенно Николая II) мог бы пополнить нашу коллекцию «монкизаций». Ибо, конечно же, Николай II ну уж никак не рассматривается как последователь Петра Великого. Он даже не термидорианец. И не трагическая жертва исчерпания великого импульса новизны, создавшего династию. Он «белая» антитеза «красному» Петру. Он благородный предатель ужасного петровского дела...

Что же такое эта «всемонкизация», не опознав которую мы не продвинемся дальше даже в раскрытии тенденции? И, уж тем более, в понимании ее содержания? Почему любое оформление Нового (конечно же, в диалектическом плане являющееся в чем-то и его отрицанием) рассматривается как «благородный заговор», направленный на удушение Нового в объятиях провокационного оформительства? Почему каждый революционер-оформитель, вплоть до Августина, подается как реставратор, борец с историческим духом, которому он лишь якобы сопричастен?

Я не хочу сказать, что Пиама Павловна Гайденок сознательно предлагает рассматривать Блаженного Августина как благородного белого (греческого) реставратора, который под видом оформительства на самом деле борется с ужасным «красным» Христом. Но есть какое-то всереставрационное поветрие, способ понимания всего и вся. И в атмосфере всереставрационизма рекомендация руководствоваться учением Платона – Плотина, разумеется же, передовым и всесильным, по существу равносильна именно этому.

«Мы метили в коммунизм, а попали в Россию», – писал двусмысленнейший Александр Зиновьев, отрекомендовывавшийся и как консультант ЦРУ, и как великий патриот России, и как интеллектуальный суперстрелок, и как «мазила», неспособный попасть в мишень... Что если завтра... ну, не Пиама Павловна, а кто-то другой напишет: «Мы метили в хилиазм, а попали в христианство»? Откуда путаница-то? И путаница ли это?

Любой оформитель – это борец с оформляемым содержанием... Разве может сформироваться такой подход в отрыве от специфического понимания соотношения Формы и Содержания? Может быть, сторонники «всемонкизации» и не формулируют для себя (а уж тем более для других) нечто подобное. Не восклицают (публично или наедине с самими собой): «Да здравствует благородная Форма, эта убийца гнусности, именуемой Содержанием!»

Может быть, конкретные интеллектуальные стрелки бьют по частным мишеням. Но логика, согласитесь, именно в этом. Если любой Икс – это борец с Игрек... Если такова схема описания, то что в голове у тех, кто предлагает такую схему? И может ли там не находиться окончательное «да здравствует»: «Да здравствует замечательный Икс как борец с омерзительным Игреком!» Икс – Форма, Игрек – Содержание. Что получаем? Получаем уже не частную иллюстрацию на тему «превращенная форма», а некое соотношение между тенденцией и ее основаниями. Я не шибко какой поклонник принципа, согласно которому «бытие определяет сознание». Но чтобы бытие уж никак не влияло на сознание... Извиняюсь, так не бывает почти никогда. И не надо лукавых адресаций к тактично оговоренному мною «почти»!

Авторы всех анализируемых мною высказываний не переселились при жизни полностью в астрал, ментал... И так далее... Они на работу ходили, какие-то минимальные требования инстанции выполняли, публиковались, социализовались и так далее. И если они ненавидели то, что должны были насыщать своими текстами, то есть оформлять... Если они в этом своем порыве сделали оформительство способом убийства ненавидимого содержания, то не Сталина они описывают, как Монка, и не Блаженного Августина – как метафизического нео-Монка, а... самих себя.

Бред? Навет? А как относиться к таким строкам Евгения Евтушенко, написанным еще в 60-е годы прошлого века:

*Мы, лицедеи-богомазы,
Дурили головы господ.
Мы ухитрялись брать заказы
И делать все наоборот...*

Поэт же не просто себя таким сомнительным образом отрекомендовывает! Он описывает свои размышления в грузинской церкви, которую в начале XX века расписывал Ладно Гудиашвили. Евтушенко что говорит-то? Что так было и так будет. «Берем заказ» (содержание), а «делаем» все «именно наоборот»! Не как-то, а шиворот-навыворот.

И в этом – миссия Формы (его стихов, росписей Гудиашвили) по отношению к Содержанию.

Форма не богаче Содержания... Не гибко с ним соотносится... Кто бы стал спорить! Она диаметрально противоположна

Содержанию? Вот как!

Легко возразить, что «это всё – Евтушенко». И что интеллектуальная фронда, она же «фига в кармане», – удел любой идеократической Системы, ее абсолютно неизбежное порождение. Мол, не создавайте идеократических систем, не будет и таких «евтушенков».

Но, во-первых, я и не призываю создавать идеократические системы.

Во-вторых, давайте все же признаем, что люди в таких системах жили столетиями, кое-где продолжают жить, причем, судя по Китаю, не худшим образом.

В-третьих, тот же Зиновьев ведь не Аристотелем занимался, а Марксом. Он рвался к занятиям этого рода, дававшим, между прочим, шанс сделать политическую карьеру. Согласно Г.П. Щедровицкому (а кому лучше знать Зиновьева и его интеллектуальную эзотерику), Зиновьев открыл своего Маркса, для которого феодализм – это формация, а капитализм – переходный период от одного феодализма (старого) к другому (новому). И что этот новый феодализм и есть коммунизм по Марксу! При том, что разница между старым феодализмом и феодализмом новым в том, что старый – гуманистичен, а новый – нет. И что задача капитализма как переходного периода – дегуманизировать феодализм.

Такое описание интеллектуальной эзотерики А.Зиновьева добыто мною не из частных разговоров с Г.П.Щедровицким, а из прочтения его мемуаров.

Ну, а Евтушенко... Да, среди тех, кто был вполне вписан в советскую литературу, существовала антисоветская фронда... Она могла быть разной. Одни (Солоухин, например) бытописательством пробавлялись. Другие – почвенничеством. Третьи – историческим сочинительством. Четвертые – аполитичной лирикой. Однако считать надрывные публичные вопли об исключительной любви к большевизму («и клятвой повтори: "Я большевик!"») – фрондерской нормой отчуждения от идеократии... Не слишком ли?

Разведчик, засланный в стан противника, всегда живет двойной жизнью. В частности, он может утрированно восхвалять ненавидимый смысл. При этом он работает на то, чтобы этот смысл начал задыхаться и умирать... Но это называется «убийство смысла». Это война на уничтожение, подрывная деятельность, а не фронда, неизбежная в слишком жестких идеократиях. Да так ли уж жестка была, например, брежневская идеократия, в которой столь бурно развились эти самые «превращенные формы»?

Мои очень прокоммунистические западные друзья называли всесильного позднесоветского идеолога М.А.Суслова «убийца смысла» («the killer of the sense»). Еще один Монк, скрытый реставратор... Реставратор – чего?

После распада СССР разговоры об «убийцах смысла», работавших на уничтожение идеократии, в высший эшелон которой они проникли, приобрели детальный и системный характер. Читайте, например, А.Байгушева «Русский орден внутри КПСС». Повествующие все чаще отрекомендовываются как осознанные борцы именно за «белое дело», выходившие на связь с зарубежным белым движением.

Ранние постсоветские вопли (90-е годы XX века) о том, что ужасные евреи погубили СССР своим подрывным тлетворным (антисистемным и так далее) антисоветизмом, сменились новыми воплями, нарастающими уже в постъельцинскую эпоху.

Суть этих воплей была в том, что «красные мудрецы» с их коммунистическим учением – это все те же «сионские мудрецы» с их «Протоколами». Что коммунистическое учение – это «красная каббала». А раз так, то на самом деле ужасный СССР разрушили замечательные белые русские патриоты, восставшие против «красной каббалы» и ее хозяев.

Итак, превращенные формы...

Глава VI. Перестройка как Превращение

Анализом превращенных форм занимаются не только философы. Например, биологические системы, ухитряющиеся «брать заказ» и «делать все» именно «наоборот», давно интересуют медиков и биологов.

Возьмем, к примеру, такую сверхважную биологическую систему, как иммунитет. Давно описаны так называемые аутоиммунные заболевания, при которых «взбесившийся» иммунитет начинает уничтожать не опасные для организма тела, а здоровые клетки. Прежде всего – соединительные ткани. Но и не только. Известны и методы лечения. Взбесившийся иммунитет пытаются подавить. Да, это чревато другими заболеваниями. Но нет ничего опасней системы безопасности, которая, взбесившись, начинает «делать все наоборот».

А онкологические заболевания? Тут взбесившейся системой является не иммунитет, а «фабрика по производству белка». И опять же – противопоставление части целому. «Делание» с точностью до «наоборот»...

Я уже описывал Танатос. Есть много оснований для того, чтобы связать превращенные формы с этим самым Танатосом. Активизируйте Танатос – и Системе конец. Но как активизировать его, этот, говоря условно, «ген смерти»?

Смерть – это не поломка только, не износ, не накопление шлаков. В сверхсложных системах есть глубинный побудитель к жизни. Он же – Эрос. Он же – подлинно актуальный внутрисистемный смысл. Этот смысл не надо путать с фантазиями. И даже с благопожеланиями («Эх, пожить бы еще немного»). В сверхсложных системах внешние, поверхностные мотивы продления жизни четко отделены от мотивов фундаментальных, «предназначительных». Если подлинное предназначение особи – продолжение рода, то по исчерпанию репродуктивного периода она подлежит ликвидации. Ей, может быть, хотелось бы еще пощипать травку. А эволюции нужен материал для отбора. Новый репродуктивный материал и те, кто его способен производить. Нет Эроса? Получите Танатос. Подавить Эрос, активизировать (а то и внедрить) Танатос – задача любого, кто хочет уничтожить враждебную систему. И наоборот... Каждый, кто хочет спасти (или усилить) систему, нейтрализует Танатос и активизирует Эрос.

Включил в сверхсложной системе ее аутентичную (между прочим, в ЯДРЕ заложенную) программу «Танатос» – появились превращенные формы, «делающие все наоборот».

«Святая святых» идеократической системы – институт, отвечающий за смыслы. «Фабрика по производству смыслов», так сказать.

«Институт» – это Форма.

«Смыслы» – это Содержание.

Если Институт не производит Смыслы, а пожирает их – это превращенная Форма.

Есть созвучные, совместимые с идеократической системой смыслы. Необязательно даже – комплиментарные, но совместимые.

А есть смыслы, несовместимые с данной идеократией. Они могут прятаться под маской комплиментарности. Так прячутся любые вирусы, не только биологические, но и компьютерные.

Институт, производящий (обновляющий, пестующий, взращивающий) внутрисистемные смыслы – это идеологическая подсистема внутри правящей идеократической партии.

Институт, закрывающий путь в Систему для несовместимых с ней смыслов и открывающий путь в Систему для совместимых с ней смыслов, – это идеологическая подсистема внутри органов безопасности.

Если две эти решающие Формы (а институты – это именно оболочки, то есть формы) превращаются, то есть «делают все наоборот», то Система приговорена.

Она перестанет обновлять, пестовать и взращивать внутрисистемные смыслы. Она начнет делать обратное. Омертвлять эти смыслы, изгонять их и удушать.

Она одновременно откроет путь для несовместимых с Системой смыслов. И перекроет путь в Систему смыслам, которые могли бы ее каким-то образом подпитать.

Запустили два этих института по схеме превращения – что дальше? Смерть Системы? Но Система-то сверхсложная. «Общество» называется... Легко запустить, а вот остановить... Иногда крайне сложно, а иногда и в принципе невозможно.

Начнем с того, что Система запрограммирована на поедание смыслов, а не на их производство. Пожрав определенные смыслы (советские, коммунистические), Система-пожиратель хочет сожрать еще что-нибудь. Что именно? Для начала что-нибудь родственное. Не коммунистическое, так хилиастическое... Историческое... Греховно занятое развитием... Но если Система-пожиратель запрограммирована на пожирание смыслов, а также на пожирание того, что порождает эти смыслы, а также пожирание всего, что «порождает порождающее»?.. Тогда пожирание смыслов становится самодостаточным. Война против определенных смыслов превращается в войну против смыслов как таковых.

Универсальный пожиратель должен пожрать все смыслы. Смыслы что создает? Масштабная накаленная цель. А ее что создает? Идеальное. Начинается война на уничтожение против смыслов, проектов (то бишь масштабных целей), против амбиций, их носителей (героев), и – Идеального. Конечно же, Новоидеального (новых импульсов, утопий) в первую очередь. Но и не только.

Представьте себе саранчу, пожирающую поля этой самой смысловой пшеницы... ржи, ячменя и так далее. Саранча поедает все поля. И – не абы как. Каждый Институт (Форма), ответственный за Смысл (Содержание), должен пожрать именно свой смысл. «Что посеял, то и пожрешь» – вот принцип этого самого Превращения. Он же – принцип Кроноса. «Пожрать своих детей». Он же, между прочим, принцип Баала, средиземноморского близнеца Кроноса. Он же – принцип Золотого Тельца. Не дешевой карикатуры (мол, «золотой теленок») и не агитпроповских упражнений на тему о всевластии денег, а настоящего, нешуточного Золотого Тельца. «В лоне своем сотвори убийство Нового во славу Старого».

Бог Авраама не дал ему принести в жертву Исаака. И в этом была историческая новизна. Бог Отец посылает Сына испытать Чашу за человечество. Но этот Сын воскрес. Смертью смерть поправ. В лоне Золотого Тельца должно стогать будущее – и буквально, в виде детей. Но и во всех остальных смыслах тоже. Все, созданное для чего-то, должно пожрать то, для чего оно было создано.

Власть денег? Миром правит Невещественное, то есть смыслы. Деньги должны пожрать Невещественное, то есть смыслы. Что не пожрет «смыслосаранча» – пожрут деньги. Смыслопожирающий базис, смыслопожирающая надстройка... Золотой Телец – не деньги.

Для того, чтобы деньги могли разместиться на территории, нужно совсем другое. Деньги должны быть жесточайше защищены несокрушимой силой Закона. В России Закон растоптан. С ним страна и всегда была не в ладах. Но то, что сотворено за двадцать лет, беспрецедентно в плане антизаконности. Институты законодательства и законотворчества заняты тем же, чем и все остальные институты, – уничтожением своего содержания. Новый русский распростерся на шезлонге в своем поместье совсем не так, как немец или австриец. Да, шезлонг сверкает позолотой. А кое у кого – и алмазами... Но под шезлонгом – автомат Калашникова. По бокам – гранаты. Окна виллы бронированы.

Деньги царят. Но они не хотят укорениться на территории. Они призваны согнать с территории смыслы. Вытеснить их и уйти. Они присланы на территорию, как спецназ – для смысловой зачистки. Не себя они размещают на территории – Великое Бессмыслие, Пустоту, Ничто. Но и это – только этап...

Предварительный этап, ибо в Пустое что-то обязательно вторгнется... Смысл? Создана несовместимость Существования и Смысла. Острота смыслоутраты беспрецедентна. Присутствие любого смысла невыносимо, ибо напоминает о том, что вытеснено. Первородство отдано за чечевичную похлебку. Что это значит? Что, обменяв X (смысл) на Y (похлебку), символически придали Иксу функции Игрека. Смысл стал похлебкой и его надо пожирать, ибо обмен есть символическое отождествление: «Обменял – жри». Невещественное овеществлено для пожирания. Потребление становится воинственным смыслоборчеством. Дело не в том, чтобы поклоняться вещи как таковой. Дело в том, чтобы через это поклонение вещи выразить «фе» какому-то там смыслу, плюнуть ему в лицо, сквитаться с ним, огородиться от него. Изгнать его, наконец. «Это – почему? Заплатили... Купили... Выкинули... Избавились... А сосед Вася еще и не такое, говорят, учудил».

Институты производства смыслов сначала эти смыслы овеществляют. Потом – отоваривают. В итоге все превращается... то ли в бойню, на которой забивают «овеществленных» смысложивотных, мычащих от ужаса... то ли в ресторан, где их

смыслоплоть подают под разными пиар-соусами... то ли в смысломагазине... то ли в смылосвалку... А в общем-то, во все сразу... Нельзя кушать и не какать. Нельзя использовать и не ломать. Трансцендентное превращено в имманентное... Вдумайтесь!

С тех пор, как существует человечество, испытаны были все способы соотношения между трансцендентным и имманентным. Трансцендентное восхваляли, превозносили и подчиняли ему жизнь. Во всем видели знамение высших сил и олицетворение некоего идеала. Обычно нечто подобное происходило в непосредственной близости от Импульса, от пришествия к человечеству новой великой идеальности. Существование тогда подчинялось смыслу. Ранний христианин не работал, он спасался, уподоблял свой микрокосм великому идеалу, подражая великой личности, олицетворявшей идеал. Но и в раннюю советскую эпоху советский рабочий или инженер – словом, человек – не работал, а строил коммунизм. Это действительно было так.

Потом, когда идеал остывает, возникает место существованию как таковому. Но смысл при этом не исчезает. Он приобретает личные обертоны, более сложно сочетается с земной, несовершенной действительностью. Потом смысл снова пытаются разогреть. Хрущев, например, пытался и создать пространство для внеидеологической личной жизни (отдельные квартиры и пр.), и... чуть ли не поиграть в хилиазм... Что такое «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме»? Это именно хилиастическая игра.

А противопоставление оскверненного идеала (Сталин) идеалу подлинному (Ленин)? Это абсолютный аналог разогревов предыдущих эпох. Хрущев исполнил все крайне противоречиво и глубоко неудачно. Он действительно превратил идеал коммунизма в «булки на деревьях» (Эрих Фромм назвал это «гуляш-коммунизмом»). Десталинизация, конечно же, ударила и по ядру Системы. Но ничего сверх неумелого осуществления того, что все смылосистемы осуществляли на определенной фазе, Хрущев не делал.

Поздний советизм?..

Человечество в своей истории переживало периоды цинизма. Герои такого времени рассуждали (и рассуждают) так: «Какой там смысл, какое еще трансцендентное! Есть существование, знаем мы этих глупых наивных идеалистов! А мы крепко стоим ногами на этой грешной земле».

Сопоставим подобное отношение к трансцендентному с тем, что происходит у нас сейчас. И убедимся, что происходит-то нечто гораздо более далекое от человеческой нормы. Трансцендентное отрицалось часто. Гораздо реже оно, трансцендентное, превращалось (как бы и не обнуляясь) в свою противоположность – в товар, в вещь, в имманентность, в некое «тело».

Между тем и относительно нормальные, как я сказал выше, периоды цинизма, неоднократно переживаемые человечеством, – это все же, скорее, отклонения, чем норма. Обычно же трансцендентное не делают земной нормой, превращая каждое земное деяние в микрогогофу или в здание коммунизма. Все сопрягается гибче, тоньше. На это и нужны настоящие августины разных времен и народов.

Но гибкость, тонкость, вариативность сопряжений трансцендентного и имманентного не отменяет того, что все строится на этих сопряжениях. Крайний случай – отрицание трансцендентного – это тоже тип сопряжения. Но на «превращении» жизнь не строил никто.

Можно противопоставить трансцендентное имманентному, заявив о богооставленности мира. И это протестантизм. Можно даже провозгласить атеизм, заменив религиозный смысл светским. Или сказать – стоим ногами на земле, и точка. Какое, так-растак, небо... Можно сопрячь небо и землю, смысл и существование гибко. Например, через идею чистилища. И это католицизм. Можно заявить о неустранимом присутствии трансцендентного в имманентном. И это... Это, конечно же, прежде всего русское православие. Вот он, свет! Вот оно, трансцендентное! В каждой березке, в каждом закате – везде!.. Мало ли что еще можно...

Но сделать трансцендентное однокачественным имманентному не решалась даже первобытная магия. Подумаешь, индальгенции! Деньги жертвуют с тем, чтобы отмаливали (и отмолили) твой грех. Отмаливают же его тонкими нетоварными способами. Желание купить за такие-то бабки домик таких-то габаритов в такой-то части Царства Небесного – это, согласитесь, другое.

«Деньги спасают, – сказал мне лет десять назад один олигарх. – Они не удовольствие доставляют. Это само собой. Они буквально спасают. Прежде всего, человек начинает иначе пахнуть. Не в смысле одеколонов и дезодорантов. И не в смысле оздоровления. Он начинает иначе пахнуть, понимаете? Плоть становится другой. Она преображается. А значит... Значит – все возможно. И покупка Времени, и... Мало ли еще что? Вы не осознаете всеограшающее величие денег в современном мире. Да-да, всеограшающее. Между тем это именно так».

Принято считать, что протестантизм – религия богатых. Никогда не понимал, почему принято так считать. Да, богатство, по мнению протестанта, свидетельствует о том, что Бог избрал его... Для чего? Для кайфа? Да нет, для иступленного труда, подвига в миру. Полубезумное доверительное «иначе пахнет» – это отнюдь не протестантизм.

Алхимический элексир бессмертия? Даосы? Там все не деньгами оплачено. И потом, вечное скитание по миру – это не покупка территории и инфраструктуры в Царстве Небесном.

Элита... Элитное... Прилагательное приклеивается к любым, самым низменным существительным. Элитные автомобили... Мало? Элитные унитазы... «Наверху элита»... «Я уже в элите»... А ведь есть еще и элита элит... Царствие Небесное – это, наверное, супер-Рублевка... Нет, Ницца... Нет, Антиб... Что? Сардиния? Еще круче?

Под проклятия одному хилиазму (большевиков, Иоахима Флорского, русского Серебряного века, пророка Исая) учреждается другой хилиазм – элитный. Не бюргерский покой должно беречь выкорчевывание хилиазма большевистского и пребольшевистского образца. Не покой героя чеховского «Крыжовника». Это выкорчевывание, оно же – переформатирование христианства с помощью Платона и Плотина, должно беречь элитный, гламурный, агрессивно безыдеальный, вызывающе циничный хилиазм Ксении Собчак и иже с ней.

«Приказано не беспокоить»... Кого? Трудлюбивого, добродетельного муравья? Да полно вам! Приказано не беспокоить новых господ, которым закон не писан и которые сами строят свою жизнь на том, чтобы беспокоить других. Это их надо избавить от критики с позиций Нового Идеала, взыскующего более справедливого (и достойного человеческого призвания!) жизнеустройства. «От того, что вы с вашей историей взыскуете лучшего, только хуже становится»... Хуже – кому?

А главное – если прекратить взыскующее историческое движение, тогда, конечно же, станет лучше... Да что там станет... Уже стало! И, конечно же, всем сразу. Ну, прямо в глаза бросается, насколько стало лучше, причем именно всем.

Видите ли, полубезумный Маркс считал, что на одном полюсе капитал накапливает все большее обогащение, а на другом все большее обнищание, а на самом деле... Что на самом деле? Глобализируются не системы связи, а труд и капитал. Глобальное неравенство нарастает. У нас глобальный капитализм, порождающий рост глобального неравенства. И в чем же Маркс не прав? В том, что западные низы подкармливают? Подкармливать стали, испугавшись СССР и собственных социальных эксцессов, готовых превратиться в заимствование большевистского опыта. Это называется «завоевания трудящихся».

Отберут ли теперь эти завоевания... Или просто переместят большую часть производства в Китай... Пойдет ли все по схеме, описанной в «Капитале», или по схеме, описанной в «Империализме как высшей стадии развития...». Или – по совершенно новой схеме... Только вот чего нет – это того, что всем стало хорошо.

Значит, те, кому стало хорошо, должны быть ограждены от тех, кому стало плохо. Узкая группа тех, кому стало хорошо, сужаясь, должна наращивать свое «хоррошо!». И предъявлять звериный оскал подобного гламурного «хоррошо» как себе подобным, так и всем остальным. А те, кому плохо, должны вникать в переформатированному с помощью Платона и Плотина христианству и понимать, что «возбуждешь – станет хуже»... А куда хуже-то? Ведь не зря было сказано: «Нечего терять, кроме своих цепей!» Если хуже некуда, то почему не возбужнуть-то? Потому что подавят почище, чем во времена Спартака?

Во-первых, неизвестно, подавят ли... Подавляльщикам-то тоже не то, чтобы очень сладко.

А во-вторых... Во-вторых, исторический опыт учит тому, что страх свирепого подавления не является панацеей от восстания масс, если массы по-настоящему обездолены. Что «на штыках не усидишь»... И так далее.

То есть надо придумать что-то другое для того, чтобы не возбуждали. Что именно? Снизить гнет? Тоже не спасает... К тому же снизишь гнет – откуда бабки для криминального гламура возьмутся? Самим вкалывать? Новые технологии внедрять? «Не проходит».

Однако другое средство есть... Известный психолог Франкл, наблюдавший в фашистских лагерях смерти за узниками, его описал. И как фашисты обеспечивали, чтобы «не возбуждали» узники, которым нечего терять. И как узники находили свой ответ на фашистское «ноу-хау». Все определял Смысл. В концлагерях не оскотинивались те, кто сохранял смысл. Соответственно, фашисты стремились истребить смысл любыми средствами. Концлагеря смерти становились испытательными стендами не только для «докторов Менгеле», но и для нацистских психологов. И они преуспели.

Нельзя переоценивать достижения – их самих и их последователей. Но и недооценивать эти достижения тоже нельзя. Террористы не хуже фашистов понимают значение психологического слома в успехе своих начинаний. Очень большое значение имеет так называемый «синдром жертвы» – возникающее у жертвы мазохистское влечение к насильнику. И опять же – все зависит от смысла. Если заложник удерживает смысл, препятствующий его превращению в мазохистскую слизь, он выживает, выдерживает испытания, иногда побеждая, иногда достойно принимая смерть.

Изыять смысл – вот чего добиваются нацисты, террористы... Все, кто хочет поделить человечество на господ-садистов и влекущихся к этим господам рабов-мазохистов. Если все человечество (или хотя бы один народ) удастся полностью уложить в садомазохистскую матрицу, то конец истории реален. Ну, появятся среди рабов садисты... Их можно будет либо истребить, либо инкорпорировать в правящую касту. Сделать надсмотрщиками... А если хорошо себя проявят, то господами... Как-никак вертикальная мобильность, ротация... Почему бы и нет? Появятся среди господ мазохисты? Их надо сбросить вниз, превратить в рабов. Их место займет раб, проявивший нужные садистские склонности. Главное, чтобы не возникал сильный человек, наделенный чувством сострадания. То есть не садист... Не вполне садист... Совсем не садист. Как только такие люди возникнут в количестве, достаточном для того, чтобы проблематизировать садомазохистский социальный императив, садистское благополучие окажется под угрозой. Как сделать, чтобы подобные люди не появлялись в количестве, достаточном для проблематизации садомазохистской гармонии? Надо убивать смыслы! Выкорчевывать их, обезвреживать Идеальное, уничтожая все его регулятивные функции. И все, что связано с состраданием, – в первую очередь.

Предположим, что кому-то дорог какой-нибудь идеал.

Предположим, далее, что из идеала начисто изъято то, что можно назвать «взрывчаткой истории». Что он, так сказать, обезврежен. Что он не побуждает к критике действительности, не порождает мечты о новом, более совершенном жизнеустройстве. Вообразить себе нечто подобное достаточно сложно. Но предположим, что такой идеал возможен.

Но нельзя избавить идеал полностью от влияния на поведение (мышление и действие) того, кто им обладает. Как минимум, обладатель сам должен руководствоваться собственной идеальностью. Иначе это не идеальность. Где он начнет ею руководствоваться? В жизни, где еще. Роль идеала, конечно же, не сводится к формированию этических разграничений. Но сделать так, чтобы идеал вообще не участвовал в формировании представлений о добре и зле, должном и стыдном нельзя.

Зло в мире есть? Есть! Предположим, что ему не надо «противиться насилием», что не надо даже противиться ему иначе – как Ганди и Толстой. Но к нему как надо относиться?

Безропотно повиноваться? Служить? В каком-то смысле любить, как жертва любит террориста? «Я поклоняюсь насилию, люблю его, служу ему, ибо таков мой идеал». Что это за идеал?

Ясно, что это не может быть идеалом для христианина – как ты ни переформируй христианство. Впрочем, если под переформатированием понимать «превращение», то можно все. Если «кто что в плане смыслов создал, тот это и пожрать должен», тогда...

Христианство создало личность в классическом ее понимании. Оно же, если речь идет о «превращении», должно ее уничтожить? Христианин не покорен злу. Он душу свою от него сберегает. Может быть социально отстраненное христианство. Но (вне ситуации превращения) экзистенциально отстраненного христианства быть не может. Драма борьбы за душу сил метафизического добра и метафизического же зла, Бога и Дьявола не изымается из христианства. Если речь не идет о ситуации превращения. «Покоритесь насилию и возлюбите его, откажитесь от моральной и экзистенциальной критики...» Только превращение может побудить христианство к чему-то подобному.

Криминальному классу нужна криминальная религия. Не религия, готовая спасать заблудшую криминальную душу, а религия, готовая метафизически санкционировать покорность... Кому? Представим себе успех эксперимента по созданию беспрецедентно покорного контингента. Представим себе, что этот контингент (антропопродукт, сооруженный по воле специфического заказчика) будет за пайку вкалывать и благодарить, благодарить и вкалывать... Ну, так скажем, хозяина. Хозяин, получив такой контингент, стрижет сверхприбыль и жиреет...

Чего же не хватает в этой «социальной мистерии»? Грабежа в ней не хватает... Криминальной оргии... Ну, доходяги в лагере... Ну, раздавленные рабы... Превращение мира (и даже страны) в криминальную зону? Криминальная культура, криминальная (вне спасающая криминальные души) религия... В чем тут основная проблема? Зона не самодостаточна. Криминалитет может организовать некую социальную Систему на своих, достаточно специфических основаниях. Но такая Система – это субъект криминальной деятельности. Субъекту нужен объект. Система – это «пожирающее». Ей нужно «пожираемое». Криминальный социум должен грабить другой, некриминальный, социум. То есть он по определению является не жизнесоздателем, не жизнеорганизатором, а, так сказать, жизнепользователем.

Революционер – враг существующего порядка. Но он хочет организовать другой порядок. Ради этого он идет на жертвы, бросает вызов закону и власти. Он может организовывать в том числе и криминальные действия ради своей победы. Чем занимался Камо? Именно этим. Но, придя к власти, революционер будет организовывать жесточайший порядок ради осуществления своего Идеала.

Криминальный субъект, как бы «велик и могуч» он ни был, не будет (а) заваливать власть и (б) устанавливать свою, беря на себя ответственность за жизнеустройство. Он не устроитель, а специфический пользователь.

«Мы живем в государстве, а они – в банде», – говорит в кинофильме начальник милиции, устанавливающий советскую власть, своему порывистому молодому сотруднику, не понимающему, почему надо бандитов судить по закону («они-то, мол, нас не судят»).

Банда – это высокоорганизованная социальная система, готовая грабить общества с любым типом государственной власти. И не готовая эту самую государственную власть осуществлять. Просто не понимающая – зачем.

Есть одиночные и плохо изученные случаи, когда банда, не отказываясь от своей сущностной и функциональной специфики, создавала государства. Примерами таких мафиозных, криминальных в строгом смысле слова государств являются так называемые «пиратские королевства». Наверное, можно немного расширить список, причем достаточно аккуратно. Колумбия – криминальное государство? Она была им в течение какого-нибудь периода?

Или все же наркомафия в Колумбии правила бал, но не огосударствлялась до конца – ни функционально, ни сущностно? Мне представляется, что даже в Колумбии окончательного огосударствления наркомафии все же не происходило. В том числе и по причинам сугубо рационального свойства. Ну, огосударствились... Что дальше? Новых забот – чрезвычайно много. А новых возможностей, причем лакомых, таких, которыми хочешь и можешь воспользоваться?

Я никоим образом не хочу сказать, что Россия воплотила то, что не удавалось сделать Колумбии, и стала пиратским королевством. Я описываю одну из тенденций, причем не в том виде, в котором она отчасти реализовалась. Это я описал много лет назад в книге «Постперестройка». Здесь же я хочу экстраполировать имеющиеся тенденции далеко за их нынешние рамки. И не для того, чтобы дать политический прогноз. А для того, чтобы нащупать некий условный альтернативный метафизический (и именно метафизический) потенциал цепи перестроек (перестройки – 1, – 2, – 3 и так далее), коль скоро эта цепь будет реализована.

Я мог бы поступить гораздо проще, сославшись на Танатос как дух перестроек. И указав, что коль скоро дух таков, то он и восторжествует при движении по перестроечной траектории. Я мог бы, далее, привести живые примеры на эту тему. Но я не агитпропом занимаюсь. Я не других уговариваю. Я сам для себя в чем-то разбираюсь. И пусть лучше это разбирательство, неся в себе переборы и шероховатости, что-то доуточнит, чем эти уточнения будут выведены за скобки во славу гладкости осуществляемых построений.

Да, я рассматриваю одну тенденцию и экстраполирую оную за всяческие пределы. Да, это называется антиутопия. Но не зря ведь используется такой жанр. Видимо, он позволяет что-то понять в реальном процессе. Конечно же, если не впадать в соблазн прямого отождествления реальности и антиутопии. Так я и не поддаюсь ничему подобному. Я слишком хорошо понимаю, чем это чревато. И потому так подробно оговариваю условность осуществляемой мной интеллектуальной игры. А также ее роль в проводимом исследовании.

Что же именно я хочу доводить до логического завершения? Прежде всего, некий частный, но очень важный принцип перестроечного мышления (и действия), который я называю «инверсией».

Перестройщик не отказывается от методов, применяемых проклинаемой им идеократией. Он всего лишь выворачивает эти методы наизнанку. Он хочет по-прежнему руководствоваться передовым учением, но другим... Учиться у классика... Но у другого... Воевать с врагом, а не исследовать явление... Но врагом становится то, что недавно еще было духовно единокровным. Чем единокровнее это было вчера – тем ненавистней оно теперь. И наоборот.

Идеократия, в которую перестройщик входил в качестве интеллектуала или даже умствующего чиновника, создала систему описаний того, что она назвала своим онтологическим (и даже «светско-метафизическим») врагом, – капитализма. Перестройщик может высмеивать отдельные штрихи в картине, созданной ужасной идеократией для описания ужасности капитализма. Но он картину не пересматривает. Он говорит: «Вы это назвали ужасным злом? А это, на самом деле, благо.

Огромное и несомненное благо! Зло же – это вы!» Что такое «это», которое надо было раньше разрушать, а теперь возводить на своей земле как храм блага и истины? Перестройщик не пересматривает характеристик «этого», данных идеократией: «Да, характеристики "этого" именно таковы! Но это не возмутительно, а замечательно! И будет осуществлено там, где с этим боролись. А все, что продолжает борьбу с "этим", будет сметено!»

«Это», то бишь капитализм, предъявлялось советской идеократией своему обществу как мерзость и наделялось потому «грабительской сущностью». Обладало ли «это» именно грабительской сущностью, вменяемой ему советской идеократией? Верила ли сама идеократия в такое описание или считала его необходимым для народа идеологическим мифом?

В любом случае, советская идеократия осуществляла два действия! Два, а не одно!

Действие №1 – наделение противника набором предельно негативных характеристик. Противник мерзок и отвратителен до крайней мыслимой степени. Ибо у него такая-то сущность. Можно осуждать такое действие. Называть его лубком, клеветой, перебором, наконец. Но только надо понимать, что противник действовал совершенно таким же образом. Вампука, которую он разыгрывал, предъявляя «своим» образ русского и коммуниста, не шла ни в какое сравнение с нашей вампукой, организуемой по заказу идеократической системы. Наша вампука была намного мягче и деликатнее. Идеологическая и психологическая война всегда и везде ведется достаточно грубыми средствами.

Но предположим, что действие №1 – тем не менее прискорбно и ущербно. Ведь было же и действие №2, которое сегодня хотя бы вообще не рассматривать. А на самом деле, оно-то и является наиважнейшим.

Действие №2 – определение того, что именно является мерзостью. Грабительская сущность – вот что. Обладало ли «это» (разоблачаемый капитализм) мерзостью под названием «грабительская сущность» – вопрос, адресованный к правомочности действия №1. А вот является ли грабительская сущность злом или благом? Для советской идеократии и народа, к которому она адресовывала образ противника, грабительская сущность являлась безусловно и однозначно злой сущностью.

А вот для перестройщика... Перестройщик, повторяю, не слишком засиживается на критике действия №1. Ему не нужен анализ реальной природы реального капитализма. Он не будет просвещать общество, захваченное врасплох, рекомендовать ему подробное ознакомление с работами Макса Вебера и других. Он бойко отгарабанит что-то о беспрецедентной лживости советской пропаганды и побыстрее перейдет к анализу действия №2. И вот тут-то... Тут-то окажется, что грабительская сущность – это не зло, а благо. Нигде в мире это не осмелились бы заявить откровенно. А перестройщик заявит и разовьет. Одним из главных брендов перестройки была фраза поэта Иосифа Бродского: «Ворюга мне милей, чем кровопийца». Ну, ляпнул Бродский... Ну, поэт... Но эта дикая фраза стала именно аксиомой (и именно политической аксиомой) всего перестроечного процесса. Чуть что начнешь проблематизировать – тебе отвечают: «Ворюга мне милей, чем кровопийца».

Спрашиваешь: «А почему "или-или": или ворюга, или кровопийца? Разве ворюга не может оказаться еще и кровопийцей? И почему кто-то должен был быть милей? Если бы господина Бродского спросили, кто ему милей – Ленин или Дзержинский? Что бы он ответил? Наверное, что "оба хуже"?»

Ты спрашиваешь... В ответ – не внятные аргументы, а потоки идеологизированного бреда. «Руки прочь от Бродского!» «Вы хотите увековечить господство номенклатуры!»

«Почему господство номенклатуры? – возмущался я. – Что, все революции выбирали между господством власть имущих и властью бандитов?»

Ничего вразумительного в ответ не говорилось. Только еще надрывнее воспроизводилась та же, мягко говоря, неумная строчка Бродского. Было абсолютно ясно, что вопрос о союзе нашей высокоморальной интеллигенции и криминалитета решен. Ею ли самой... Кем-то еще... Не это в данном случае следует обсуждать, а качество данного «многообещающего» союза. Это союз, при котором обе стороны делают шаги навстречу друг другу? Какой шаг навстречу интеллигенции может сделать криминалитет? Это союз, при котором кто и в какой степени освоит плоды победы? Чьи деньги лягут в фундамент будущего капиталистического устройства? У диссидентов есть деньги? Или они есть у воровского общака? Как говорится, третьего не дано. И наконец, если деньги – общака... Если никто не сможет отменить аксиому: «Кто платит деньги, тот заказывает музыку»... То что это будет за музыка? В политическом смысле, разумеется? Что «музыкантами» будет высокоморальная нонконформистская интеллигенция – понятно... Не музыка-то будет какая? «Музыка» – это идеология. А также порождаемые ею вибрации – культурные, религиозные и так далее.

Идеология должна обеспечить откровенную криминализацию, легитимировать ее. Тут мало сказать: «Ворюга мне милей, чем кровопийца», – или порассуждать о том, что раз все общество патологично, то социальная патология (мафия, тенивики и пр.) наиболее нормальна... А почему не патологична в квадрате? «Милей, чем кровопийца», – можно говорить ворюге тогда, когда он идет к власти. А когда пришел, то надо говорить, что он «на свете всех милее, всех румяней и белее». Всех милее, а не каких-то там Дзержинских и Лениных! Вибрации по поводу того, что «всех милее», могут быть поначалу слабыми. В одночасье такие метаморфозы в культуре не осуществляются. Из подворотни на высокую сцену должен выйти криминальный «шансон». Язык – политический и бытовой – должен вобрать в себя криминальный сленг. На телеэкране должен появиться криминальный герой. Причем такой, чтобы всем было ясно: и ворюга, и кровопийца.

Криминальный субъект (грабитель) возносится над объектом, которому надлежит восхищаться тем, что его грабят. Объект – общество. Что? Кто-то, видите ли, восхищаться не хочет! Да как он смеет? Мы, просвещенные перестройщики, дозрели до понимания очевидного: капитализм – светлое будущее всего человечества, оптимальный общественный строй, устройство, созвучное природе – слышите вы? – природе человеческой! А против нее не попрешь. Некоторые, ха-ха, пробовали попереть – и что?

Итак, капитализм, как известно, обладает грабительской сущностью и является идеальным мироустройством. Потому как созвучен природе – слышите вы, кровопийцы проклятые? Фанатики разных там идеалов, противных этой самой природе... Да здравствует капитализм и – грабительская, наиболе благороднейшая и наимуудрейшая – сущность оного! Так воспоем же эту сущность.

Да что там «воспоем»! Давайте у этой сущности учиться. Чему? Да всему на свете! Главное же – умению жить... Еще

Ницше говорил, что над жизнью нет судьбы, что жить и быть несправедливым – это одно и то же. Да что там Ницше! Он тоже – интеллигент, неумеха. Учиться надо у обладателей аутентичного опыта. Не лезть с поучениями к этой восхитительной грабительской сущности! Впитывать ее знание жизненных истин! Учиться, учиться и учиться тому, чему не учат в этих самых университетах. У сущности был свой высочайший учитель – Зона. Там природа обнажена! Там сущность вступает в диалог с первозданной природой – природой Зверя. К чему слова? Пусть зверь порычит! Неэстетично? И что? Это неэстетичное, корявое – оно и есть подлинно настоящее. Восславим хозяина Земли! Вот он, подлинный герой подлинного, грабительского мироустройства. Пусть он скажет сам о Времени и о себе. А мы, сняв очки-велосипед, причастимся подлинного, настоящего, нутряного!

Антиутопия? Научная фантастика? Уважаемый читатель, вдумайся в смысл текстов госпожи Юлии Латыниной и сотен ей подобных. Не выключай передачи, в которых прямо так и говорится. Не бойся посмотреть правде в глаза. Это не моя выдумка! Это – реальность! «Учиться у победителя»... Раньше нечто подобное говорилось о других победителях – народе, пролетариате. Говорится теперь то же самое. Только победитель другой. Это и есть инверсия.

Но что может грабительская сущность сказать сама о себе? Что она может привнести в этику, культуру... Религию, наконец! Ведь она же, сущность эта, как-никак структурирована. Как она структурирована? И что из этого проистекает в плане возможных? конечно же, лишь постепенно входящих в свои права инноваций?

У «грабительской сущности» есть принципы самоструктуризации. Это могут быть самые разные принципы. Но в первом приближении речь следует вести или о принципах традиционно-системных, или о принципах антисистемных.

Традиционно-системные принципы свойственны моноэтническим мафиям, черпающим «ценности для себя» из родового, племенного, этнического. Это родовое, племенное, «наше» – изгой в современном мире. Но у него есть шанс. Оно сплоченнее, чем этот окружающий мир с его индивидуализацией, его «делай что хочешь в рамках закона». Если этой индивидуализации противопоставить предельную сплоченность, а на рамки закона наплевать, то можно выжить. Можно принести детенышам, родственникам, «своим» не тушу мамонта, а коттедж, яхту, машину «Феррари».

Таков традиционно-системный принцип криминального структурирования. Чем ближе племя по родовой предрасположенности к набеговому, паразитарному восприятию действительности, тем легче построить криминальную общность, основываясь на традиционном и приспособлявая это традиционное под свои новые криминальные цели. Много из этого не выжмешь...

А вот другой, антисистемный, принцип богаче. Говорится: «Мы не просто другие. Мы прямая противоположность этим... Пристойненьким, трудолюбивым, законопослушным...» Создается – по принципу «от противного» – кодекс чести, нормы поведения, принципы общения, поощрения, суда, наказания etc. Все это – для себя. А дальше надо выходить в мир «приличненьких и пристойненьких». Его надо не только обворовывать. Его надо и осваивать, специфическим способом «заимствуя» его нематериальные активы, которые в буквальном смысле украсть нельзя, а в фигуральном смысле – и можно, и должно. Криминальная антисистемная культура создает не только своих антисистемных героев. Она пытается героев ненавидимой и экспроприруемой Системы (она же общество) переосмыслить и превратить тем самым в свой «нематериальный актив».

Криминальная антисистема осваивает, например, героя Системы по фамилии Пушкин, переводя его деяния на свой язык. Создается образ «блатного Пушкина». Пушкин, де, мол, вел себя по воровским законам, дрался с ментом – Дантесом... А перед смертью послал братве маляву, сказав, что «умирает не как сука, а как блатной».

Экстраполируем этот невыдуманный вариант антисистемных заимствований. Почему бы Антисистеме (не проблематичной, гумилевской, а абсолютно конкретной – криминальной), войдя во вкус, не начать перевод на блатную феню священных текстов, созданных презираемым ею объектом – нормальным обществом?

Почему не криминализовать Евангелие? Или не создать вместо криминализированного Пушкина криминализированного же Христа?

Слишком фантастично? Сегодня – может быть. А завтра? И мало ли что, казавшееся нам фантастичным вчера, сегодня стало реальностью?

Поскольку я с помощью подобных экстраполяции хочу всего лишь нащупать метафизический принцип, объясняющий уже описанные мною религиозные странности, то давайте не отметать с порога и такую экзотику. Признав, что дело УЖЕ зашло далеко. Что говорили-говорили о грабительской сущности капитализма... Потом восславили именно эту, проклинаемую ранее, сущность...

А еще говорили о глотке свободы и ужасной советской несвободе. А потом оказалось, что раб должен возлюбить хозяина, дабы не было эксцессов «а la Спартак»...

Проводимые же мною экстраполяции призваны показать, что не хозяина раб должен возлюбить, а братка. И не возлюбить, а лечь под него. И не возбуждать. Удастся откупиться – прыгать от радости. А не удастся – пенять на себя, а не рассуждать на разного рода идеальные темы, доводя себя до совершенно непристойной исторической страсти. Опустили тебя? Значит, на роду написано быть опущенным, природа тебе не додала, слабак ты и знай подобающее слабаку место. Ах, не слабак? Так сыграй по правилам, задаваемым благородно-грабительской сущностью, она же подлинно жизнеутверждающее мироустройство. Прояви крутизну то есть. Только к идеальному не апеллируй, братан. К этой... как там бишь ее? Справедливости... Ты еще о законе порассуждай. «Закон – тайга»... Че, не в курсе, кореш?

В России уже восславлен, причем недопустимым для всего остального мира образом, так называемый социал-дарвинизм. Теория развития, основанная на том, что сам не чуждый религии Дарвин называл «выходом из инферно», греховна. А инферно? Такое, чтобы из него выхода не было? Итак, социал-дарвинизм уже воспет неслышанным и недопустимым образом... А что если идеалом этого социал-дарвинизма станет браток? Что если будет воспет его право (жить – значит быть несправедливым) опускать, пригибать и так далее? Ведь Ницше-то, который жизнь восславил и справедливость отменил, как раз и является отцом социал-дарвинизма!

Стоп! Мы же о метафизике говорим! Жизнь жизнью, а смерть?

Жил такой крутой, верный закону жизни, закону пригибания, опускания, пожирания ворюга... По совместительству – кровопийца... Идеальный представитель идеального, в силу своей безыдеальности, мироустройства, подлинный выразитель его восхитительно-грабительской сущности. И, уже когда опускал, пожирал, делал все, что подобает прихожанину церкви жизни имени Ф. Ницше, знал при этом, что умрет. Волк, тигр, крокодил делал то же самое и не знал. А он знал. Жизнь без идеала, не имеющая над собой судьи, но знающая о фатуме смерти, – это не животная жизнь.

Бандитам надо не только нормы устанавливать, суды вершить, праздники справлять (определенным, делающим их социумом образом). Им надо хоронить своих собратьев, переправлять их в мир иной. Собратья же – необязательно атеисты.

Возникает несколько нетривиальных проблем.

Прежде всего – проблема греха. Если братан ищет утешения в классической религиозности, то никакие трансформации оной не могут полностью стереть проблему греха и платы за грех. То бишь вечных мук, ада и всего прочего. Ада, созданного в социальном смысле (подчеркиваю – в социальном, не желая задевать чувства верующих) для того, чтобы не все становились братанами. Потому что когда все станут братанами, то жизнь кончится. И братаны кончатся вместе с нею.

Итак, братан, который с точки зрения церкви им. Ф.Ницше вел себя образцово, с точки зрения другой церкви вел себя совсем иначе. А по делам и воздастся...

Есть проблема, не правда ли? Я предположим, что ее как-то обошли... Мол, великий грешник был близок к богу, раскаялся и... Словом, всё у братана «в шоколаде», и он попал в рай.

Возникает новая проблема – что он там делает? Я не шучу! Это серьезнейшая проблема. Раскаившийся при жизни братан, герой Шукшина Егор Прокудин, хотел березки трогать, на воду смотреть, «Калину красную» распевать... Опять же – свет... «Ты одна мне несказанный свет» – и так далее. А нераскаившийся братан хочет, чтобы «та жизнь» была наполнена самым лучшим из того, что он вкусил в этой жизни. То есть в той жизни должны быть грабежи, перестрелки, стрелки, разборки, телки, кайф и прочее. Есть тут что-то новое? Нет!

Викинги, представьте себе, ровно таким же образом представляли себе Вальгаллу. Они в ней рубятся насмерть, пьют, гуляют. Зарубленных попрыскали живой водой... они воскресли – и за свое.

А что, неужели кто-то считает, что очень крутой и не лишенный способности домысливать подобные сюжеты братан захочет петь в небесном хоре и купаться в океане Света? Что его не стошнит от подобной церковной идиллии? Что он не побежит сразу в другую церковь? И бабки свои... Фьють! Удобному конфессиональному конкуренту...

Но и с Вальгаллой тоже есть проблемы... Там ведь не только гуляют и дерутся! Там бьются насмерть (и воскресают), так сказать, в порядке тренировки. Ведь предстоит последняя битва сил добра и зла, света и тьмы. А это в идеал метафизической криминальной оргии никак не может быть включено. И вообще – это слишком «исторично», и даже «хилиастично», не так ли?

Но и приспособление классического христианского представления о благе вечной жизни к метафизической криминальной идиллии проблематично. Как ни переформируй христианство в угоду новым временам – это искомого результата не даст... Обратиться за помощью к грекам?

Аид – просто царство теней... Мрачное и бесперспективное место... Другое дело – какие-то там счастливые острова... а также греческий Олимп. Олимп абсолютно устроил бы криминального «триумфатора-пригибателя». Живут роскошно. Пируют... Пригибают смертных... Трахаются – и в своем кругу, и с использованием телок, добываемых в стане «опущенных» (то бишь смертных).

Олимп даже лучше Вальгаллы, где все подчинено последней схватке сил добра с силами зла. Но ход туда метафизически перекрыт. Да, какие-то отдельные супермены чего-то устаиваются. Но это еще надо просоответствовать. Вот Геракл. Крутой мужик, все у него чин-чином. Но еще и сын этого самого Зевса. Для сынков местечко сладкое припасено... А если ты не сын... Да и вообще – нет нужной метафизической нормы, а на исключениях далеко не уедешь. «Пошто расселись, гады, на Олимпе и не пускаете! свой суперпритон, в свою, такую клевенькую, малину?»

Убежден, что прорабатывавший подобные политметафизические сюжеты читатель упрекнёт меня в блуждании по окольным тропам. При том, что прямой и кратчайший метафизический путь понятен. И связан не с проработкой других моделей Рая, а с соблазнами Ада. В Аду как раз все и должно быть поделено на мучителей (чертей) и тех, кого мучители истязают. То есть на садистов и мазохистов. Пока жертвы, раскаиваясь, вопиют о спасении – они не погибли окончательно. А вот когда они возлюбили Ад, как заложники – террориста... Тогда все кончено. Нашупывавший подходы к подобной теме читатель укажет мне и на то, что фашисты очень активно прорабатывали тему Ада, создавали в виде лагерей смерти его «земные аналоги». Мне это все известно. Но у Ада, его хозяина и всей его метафизики есть один существенный недостаток. Хозяин Ада лишен высшей сакральной легитимации. Он павший, наказанный, слабак. Его изгнал начальник. Он может бунтовать, но не более того. В конечном счете – его накажут, пригнут. Неоптимистично... «Не греет»...

А вот если хозяин Ада – старый бог, свергнутый узурпатором, тогда другое дело... Старый бог легитимнее узурпатора. Узурпатор привнес в мир Новую Идеальность, он по определению, хотя бы по факту своей новизны, и историчен, и (что, по сути, почти тождественно) хилиастичен. Перейти на сторону Старого бога, присягнуть его метафизике, дабы... Разместиться в итоге вместе с ним в каком-то правильно организованном суперпритоне... «Олимпе для себя»... «Острове блаженных»...

Идея свергнутого Бога была глубоко созвучна древнему Средиземноморью. Кронос, поедатель детей, – это свергнутый Зевсом старый бог греческой античности. Римский Сатурн – культурное заимствование, тот же Кронос. Сатурн – отец римских сатурналий, предшественник всех карнавальных западных действ и западных вывороченных наизнанку празднеств, включая масленицу с ее карнавальными ряжеными. Греческий эллинизм, осваивая миры ойкумены и сравнивая ее богов, считал Кроноса, Сатурна, Баала, Сета одним и тем же «старым богом». Богом, которого свергли, отменив архитектуру трансцендентного мира, его принципы соотношения трансцендентного с имманентным, а также все остальное...

Все это, как верят сторонники Старого, может быть восстановлено. Время от времени праздники возвращают Старое. Но

это лишь «разминки». Сквозь праздники и их дух веет воля к возвращению Старого и законного, к преодолению Нового и незаконного.

Метафизика, адресующая к Старому – и этим легитимированному – богу, есть неизбежное следствие отказа от новоидеального и исторической страсти. Когда именно до этого додумаются новые триумфаторы, кто им окажет в этом интеллектуальную помощь, как переплетется большой глобальный сюжет с тем, что творится на нашей территории? Операция «Карнавал» легла в основу войны с Идеальным, войны не ЗА другие смыслы, а ПРОТИВ смыслов как таковых.

Принципы этой войны не новы. Война с Церковью, которая велась на рубежах Нового времени, была не только войной одних смыслов против других. Велась и война на уничтожение смыслов вообще. Разница между Эразмом Роттердамским и Рабле, между субъектом, желающим все подчинить новым высокоморальным смыслам, и субъектом, чуждым смыслам вообще, заменяющим смысл – смехом, космос – хаосом, дух – телом... Эта разница слишком уж очевидна. Слишком прозрачна аналогия между теми карнавализациями и убийством смыслов здесь, в России, в конце XX века.

Тогда от триумфа метафизики Тела, предложенной Рабле, и ее социально-политических производных Запад спасли новые великие смыслы – и религиозные (Реформация), и светские (гуманистические, модернистские). В конце 80-х годов перестройка добила того, что не удалось партии Рабле за много веков до этого.

Территория, очищаемая от смыслов вообще, от Идеального как такового – это плацдарм. Свято место пусто не бывает, пусто место свято не бывает... в пустое – должно что-то войти.

Антикоммунистическая революция не была революцией в строгом смысле этого слова. Она не выплеснула магмы Идеального Нового. Работать с тем, что она «излила», по тем законам, по которым работают с Новым Идеальным, нельзя. Нет того, что можно оформлять – по-августински, по-сталински.... Излилась магма безыдеального, магма карнавала. Соответственно, оформить можно только нечто, имеющее ядром ничто, безыдеальность, антиидеальность этого самого карнавала, его затаенную волю к Старому, спрятанную под маской агрессивной антиидеальности, антисмыслия.

Хилиасты хотели глубочайших преобразований реальности – во имя Нового Идеального. Этим они могли задеть механизмы внутрисистемной регуляции, подорвать культуру и жизнь.

Их останавливали. Строили иные отношения между Новым Идеальным и не лишенной идеальности жизнью. Построить отношения между Пустотой и жизнью нельзя. Любое соединение одного с другим вызывает поедание Идеального. Поедание – и ничего другого. Поедание того, что беспокоит, того, на чем оно основано? Мало? Сожрать, истребить то, на чем есть основание... Надо истребить и его! Пиамы Павловны Гайдено не может не знать, что так Ничто съедает Бытие. Что на этом основаны все экзистенциальные медитации. Идеал и смысловый институт... Возможна ли деидеализация религии? В пользу чего? Церкви Ничто?

Что такое Система с антисистемным ядром? Космос, в сердцевине которого (не на периферии, а именно в сердцевине) – хаос. Хаос – или Пустота, в которую втекает Всепожирание?

Глава VII. Прорва и термидор

Юбилей Розова... По каналу «Культура» – фильм о Розове. Выступает еще живой Розов, милый, положительный, твердо стоящий на своих позитивных принципах... Выступающие в фильме деятели культуры рассказывают о том, как обижали Виктора Сергеевича Розова партийные бюрократы. Наверное, обижали... Пьесу «Кабанчик» поначалу не давали ставить... Но города были увешаны афишами – пьесы Розова играли... Снимались фильмы... Вряд ли был более популярный драматург в 60-70-80-е годы XX века в СССР.

Деятели культуры сетуют: «А вот после 1991 года, когда, казалось бы, можно было открыть заново Розова, его почему-то перестали ставить...» Эти деятели – идиоты? Циники? Сумасшедшие? Кому нужен Розов после того, как поработала перестройка?

Процессы в конце 80-х годов XX века шли под флагом «даешь потребительство». Потребительство было провозглашено высшей положительной ценностью. Враги потребительства были объявлены фанатиками, безумцами, злодеями и так далее. Этот процесс я называю «исавизацией всей страны». Для кого «исавизация», а для кого и утверждение нормальных жизненных ценностей... Не будем спорить... Главное, что, начавшись в конце 80-х годов, этот (подготавливаемый в 60-е и 70-е годы) процесс победил. Те, кто возглавил процесс, стали властью (победившим классом, группой, элитой).

Победители сделали все для того, чтобы превратить провозглашенные ценности потребительства в абсолютную норму жизни. За двадцать лет они в этом существенно преуспели. Если не все, то очень существенная часть населения уверовала в потребительство и включилась в ту или иную модификацию потребительской оргии.

Кто антигерои Розова? Потребители конца 50-х – начала 60-х годов. В пьесе «В поисках радости» таких антигероев несколько. Это провинциальный хапуга-сталинист и... И либеральная москвичка-мещанка, которую полюбил один из членов семьи, исповедующей настоящие, антипотребительские, московско-интеллигентские антимещанские ценности.

Семья состоит из матери и четверых детей. «Старшой» влюбился в негодяйку-мещанку и женился на ней. Мещанка требует, чтобы «старшой» не занимался диссертацией, а брался за хорошо оплачиваемую нетворческую работу (переводы, рефераты, другая поденщина). На полученные деньги жена-мещанка покупает мебель.

Семья в ужасе смотрит на то, как гибнет душа «старшого», оказавшись в тенетах ужасного потребительства. Смотрит-смотрит... А потом начинает бунтовать. Каждый бунтует по-своему. Мать говорит «старшому», что она однажды, когда тот пал, попав в плохую компанию, подумала: «Если сын не переменится, пусть лучше умрет...» Теперь она думает о том же самом... Не слабо?

Младший брат этого самого «старшого» хватается саблю погибшего отца – красного командира. И этой семейной реликвией рубит мебель... Да, всего лишь мебель – этот символ потребительства. Но... Это же как с рабочими, поднимавшимися на

революционную борьбу. Сначала они машины ломали. Это называлось – «луддиты». А потом борьба с вещами превратилась в борьбу с теми, кто потребовал поклонения вещам и их Хозяину – Золотому Тельцу. Так что чем кончается рубка атрибутов потребительства (мебели)... И не абы чем, а саблей красного командира... Гражданской войной с апологетами потребительства это кончается. Розов это прекрасно понимает. И – к этому призывает.

Но одно дело – призывать к этому в 1959 или даже 1969 году, когда это еще не расшатало все остальное, а другое дело – в 2009-м.

Как еще бунтует младший брат против «старшего»? Стихи пишет. Прочитывать вам стихи?

*Как будто в начале дороги
Стою, собираясь в путь,
Крепче несите, ноги,
Не дайте с дороги свернуть!
Знаю, тропинки бывают,
Ведущие в тихий уют,
Где гадины гнезда свивают,
Где жалкие твари живут.
Нет мне туда дороги,
Пути в эти заросли нет!
Крепче несите, ноги,
В мир недобытых побед!*

Как сегодня это звучит? Как бунт против всего, что утвердилось в стране в качестве единственно подлинного. Как бунт против Исава... Или – «нормальных ценностей большинства населения РФ».

Но, в любом случае, это бунт. А деятели культуры, сетующие сегодня на не востребованность Розова, не бунта же хотят... Они хотят, чтобы Розов, «страдавший от гонений коммунистов» (в чем страдания? самый репертуарный драматург был!), интегрировался в систему Исава, систему потребительских ценностей. Чтобы победивший потребитель смотрел пьесу Розова и умилялся. Чему? Тому, как со сцены поносят все, что ему дорого?

А ведь поносят не слабо. Бунт против исавизации «старшего», чью душу губит жена-потребительница, принимает крайние формы. Но бунтующая мать уже стара... От отца осталась шпaga на стене... Младший брат отводит душу на мебели и пишет стихи... Впрочем, есть еще и сестра, тоже восстающая против исавизации старшего брата и против его жены (осуществляющей эту исавизацию ведьмы). Диалог сестры и «жены-исавизаторши» (сравни – Блудницы на водах многих) очень метафизичен.

«Жена: ...нам надо купить и то, и другое, и третье... Когда мы заведем все...

Сестра: Ты никогда не заведешь все.

Жена: Почему это?

Сестра: Потому что ты – прорва!»

В диалоге этом метафизический уровень конфликта уже обнажен до крайности. Младший брат – род Иакова. Старший брат (и соблазняющая его жена) – род Исава. Род же Исава в метафизическом плане не к чечевичной похлебке потребительства адресует. Похлебка – это, так сказать, поверхность. На глубине же – Прорва.

Прорва... Давайте сфокусируемся как следует на ее рассмотрении.

Начнем с того, что классическое мещанство – это совсем не прорва.

Горький, знавший мещанство изнутри, великолепно показал, что такое классическое мещанство в одноименной пьесе. Товстоногов, поставив эту пьесу на позднесоветской сцене, позволил нам присмотреться к разнице между классическим мещанством и пришествием чего-то близкого, но совсем другого. Классическое мещанство преисполнено добродетели. И для понимания его реального содержания надо протянуть линию из «Горя от ума», где Молчалин, говоря о своих достоинствах, называет их: «Два-с: умеренность и аккуратность», – в «Мещан» Горького. Что Товстоногов, кстати, и делает.

Горьковские «мещане» преисполнены умеренности, аккуратности. Они несут в себе именно классически бюргерский дух – дух труда, дух постоянных буден, дух бережливости, специфического отношения к вещам. Да, под этим может копошиться нечто другое. И Горький знал, что именно: мещанство – это ненависть к людям.

Но – вдумайтесь! – горьковские мещане разве могли написать на растяжке через Кутузовский проспект «Выкинь свой шестисотый мерс, есть тачки покруче»? Они вообще могли что-то выкинуть? Они покупали вещи в строго ограниченном количестве. Эти вещи должны были служить вечно. Они должны были пережить владельцев, показать владельцам, что космос (да-да, именно космос) – штука надежная и устойчивая.

Это начало не несло в себе хаоса и порока и не желало принять ничего порочного и хаотического. Чрезмерная пресность мещан могла породить антитезы. Но именно как антитезы. Порок мог тайно свить нишу в трещинах добродетели. Ибо если нет высшего, то добродетель обречена. Порядок как таковой не удержит мир. Чтобы космос противостоял хаосу, над космосом должно быть высшее. Это и показал Горький...

К вопросу о различии между греческим и христианским началом. Греки обороняются и проигрывают. Христиане удерживают космос лишь наступая и обновляя оный. Но это уже другой (и, конечно, главный) уровень нашего обсуждения. Прежде, чем перейти на этот уровень, давайте, чтобы не потерять политический нерв, спросим себя: «Горьковские мещане, скорбевшие о том, что какой-то хам выкинул дощечку, аккуратно положенную с тем, чтобы через лужу можно было перейти, не замарав ноги, могли бы выкинуть "шестисотый мерс"? Молчалин мог приехать, будучи районным начальником, к своему федеральному шефу на "Бентли"?» А прорва может. И даже должна. Потому что она – прорва.

Потребительство – антитеза мещанства. Антитеза, а не его преемник. Постмодерн – антитеза Модерна, а не его новый

виток. Жена-мещанка у Розова – антитеза гостя этой интеллигентной семьи, провинциального номенклатурщика. Но и московская «прорва», и почти аскетичный провинциальный номенклатурщик сходятся в одном – в ненависти к висящей на стене революционной сабле, олицетворяющей смысл. Прорва понимает: когда номенклатурщик убьет смысл, она съест номенклатурщика. Она понимает: главное разорвать связь номенклатурщика со смыслом. И она делает все для того, чтобы это состоялось. Прежде всего, она активизирует в номенклатурщике худшее – его страх перед смыслом, страх перед новизной, страх перед Духом и Импульсом.

Мне ль не знать, КАК прорва это делает! Как она нашептывает самому добродетельному номенклатурщику: «Может, при постиндустриальной реформе коммунизм и сохранится, только вам в этой реформе места нет! Кургияням хотите место уступать?» Номенклатурщик не хочет. Он свой «космос» хочет защитить. Свой основательный, сухой, достойный мир. Мир брежневских респектабельных бормотаний. Он понимает, что ему угрожает прорва. И что защититься от нее можно только призвав обновительное начало. Но пусть оно отработает и поскорее уйдет! Царь не может без Столыпина, но Столыпин опаснее Савинкова. А главное – абсолютно чужд. Даже Столыпин, успокаивающий бурю. А как же чужд тот, кто призывает наполнить бурей свои, а не чужие паруса. «Ну, наполним, ну, выплывем.... А куда, к такой-то матери, приплывем?»

И тогда рождается мысль – а может, лучше с прорвой договориться? Это абсолютно метафизический – и абсолютно политический одновременно – сюжет.

Политически он выглядит так: «Да, приходит этот самый Кургияня к нам в ЦК КПСС или в другие инстанции. Да, искренне хочет помочь и что-то может. В нем есть энергия, а в нас нет. Но это же чужая энергия! Может, лучше сдаться демократической прорве? Она, рано или поздно, провалится. Мы успеем освоиться с новой, аппетитной ситуацией. Мы – соль земли, управленцы. Прорву мы заагентурили крепко. А этот Кургияня... Вон, как руками размахивает... Хорошо бы, чтобы он прорву уделал, она его, а мы... Спокойненько, деловито... Но если так не получится, то, может, прорва лучше, чем сабля?»

Я наблюдал это в бесконечных вариациях в конце 80-х годов. И потом – тоже. Обсуждаешь целеполагание... А взбешенный разговором о каких-то целях номенклатурщик постсоветского образца вдруг взрывается: «Голубчик, ты помоги взять власть! А как ею распорядиться, я и без тебя знаю». Можно пожать плечами и сказать, что просто очень не умен человек и потому власти не возьмет. А можно и повнимательнее присмотреться.

Зюганов, гонимый за троцкистами, что защищает на самом деле? Он с Троцким борется? Он с энергией борется. Для него любая энергия – троцкистская. Он – в оппозиции, вдумайтесь. Не у власти! Чего он больше всего боится? Революционного духа как такового. К чему призывает? К неизменности сущего, не позволяющей его партии на что-то рассчитывать. Это не загадка, не странность?

Пиам Павловна с помощью греков еврейский хилизм зачищает? Она энергию зачищает. Уже не коммунистическую, а христианскую.

Деэнергетизация развития – вот как это называется. А поскольку энергия развития – это история, то речь идет о деисторизации развития.

«А энергию отдадим прорве! Пусть Лимонов ее забирает! Или ислам! Но – не силы развития! Да и само развитие давайте превратим в жвачку. В это самое устойчивое развитие!»

Что политика, что метафизика.

Аполлону опасен Дионис (номенклатуре – Новодворская). Спасти от Диониса Аполлона может только Новое, то есть Христос (Дух истории, энергия прорыва).

Но для Аполлона опаснее Христос, чем Дионис. И он сначала заключает метафизический договор с Дионисом против Христа. А потом сдается Дионису. И тем силам, которые через Диониса действуют. Каким силам сдается?

Метафизически – старым богам, то есть Кроносу и его оргиастическим ближневосточным аналогам. Они не будут воевать с Тьмой, они будут с нею договариваться, жертвами от нее откупаться (столько-то отроков в день для пещного действия в обмен на власть).

Политически – глубокой реставрации. Очень глубокой. Мы уже видели, насколько глубокой! Но как измерить предельную глубину? Ведь и Старые боги не надолго от Тьмы откупятся. Они отсрочку вымолят – не более того.

Номенклатура боится Развития. Она чувствует, что ей угрожает прорва (ну, например, оранжевая революция). Она, номенклатура, начинает заигрывать с энергетикой развития (то есть прорывом). Но, боясь его, уступает прорве. Прорва учреждает хаос. Номенклатура этот хаос стабилизирует. Прорва снова нападает, номенклатура опять заигрывает с энергией развития (прорывом). Потом снова сдается прорве. При каждой сдаче уменьшается все: качество социума, территория. Это и есть негативный тренд – хоть политический, хоть метафизический. Аполлону страшнее Христос, чем Дионис. В итоге Аполлон кается перед Кроносом. А Кронос, покуражившись, уступает Тьме.

Политические аналогии (хоть глобальные, хоть российские) провести настолько нетрудно, что я предоставляю это читателю.

Ну и как? Я что обсуждаю-то? Начал с Медведева, а кончил Аполлоном. Нет, коллеги! Я обсуждаю СТЫК метафизики и политики. Подлинное содержание того, что одинаково исчезает при «абстракции» и «конкретизации» наличествующего.

Моя методология, может быть, и неудобна... И непривычна... Да только... Ну признайте, что на нынешнем этапе другая методология – мертвому припарки. А эта хоть и рискованна, но лишена хотя бы заведомой абсолютной бесперспективности. А посему – продолжим.

Нам предлагается – и в этом тоже методология перестроенного Танатоса – ложная альтернатива. На отрицательном полюсе – ужасный хилизм. Сумасшедшие приноравливают жизнь к раю на земле, коверкают благое жизнеустройство, безумствуют и проваливаются.

На положительном полюсе – жизненная трезвость и приятие властного фатума, исходящего из неизменности сущего. Жизни. Человека. Ну, получают это без толку хилиасты – и что? Давайте лучше устаканим все на основе реалистического

подхода.

Минуточку – а прорву-то вы куда денете? Что за мошеннический прием? На самом деле, хилизму противостоит не порядок, а прорва... Я понимаю желание поднять тост за все хорошее, но мы не на юбилейном банкете, мы в Постцхинвалье!

Вы ведь как мухлюете-то?

Вашему противнику вы вменяете приверженность к хилизму. Что такое хилизм – поди еще разберись. А вменять надо нечто понятное. Расшифровывая хилизм, вы это непонятное связываете с понятным и неприятным. Чем именно? Революционностью, вот чем.

Революционность нонче крайне враждебна всем подряд. Как власти, так и оппозиции. К вопросу о пресловутых «лимитах на революции». Но все равно революционность тоже надо повязать с чем-то еще более для всех неприятным. С духом беспокойства, смуты, взбудораженности, взвинченности. По сути-то именно с тем, что Блок назвал «вечным боем».

Повязали. А с христианством что прикажете делать? Ничего нет более взвинченного и беспокойного, чем раннее христианство, пронизанное, между прочим, очевидной революционностью. Что понимали все революционеры, действовавшие на исторической сцене после начала христианской эры.

Значит, надо революционному христианству (христианству этого самого боя) противопоставить другое христианство, связанное с покоем, с устаканиванием, с отменой присущей раннему христианству взбудораженности и взвинченности (то бишь революционности).

Для этого – по сути, подчеркиваю – Христу противопоставляется Августин. Напрямую так никогда никто не скажет. Но готов биться об заклад, что речь идет именно об этом. И постараюсь не ограничиться сделанным голословным утверждением.

Итак, по сути противопоставление носит именно фундаментальный характер. Но это прячется. Кого именно можно открыто противопоставить Августину? Христа нельзя. Но кого-то надо? Очень хочется противопоставить Августину апостола Павла. Но нельзя открыто посягать на Павла – он апостол. Это можно делать закрыто. И это делается закрыто, когда разного рода конспирологические маргиналы обвиняют Павла в том, что он является иудейской «пятой колонной».

Вы скажете, что это совсем уж маргинальная версия. Совсем, да не совсем. И нужно быть слепым в интеллектуальном смысле слова для того, чтобы не понять (или не уловить), что сутью нападок П. Гайдено на хилистов является именно это. Хилисты олицетворяют собой вредный еврейский дух беспокойства. Павел олицетворяет этот дух. Раннее христианство в целом... Тут и до Христа недалеко. И все же Христа не трогают... Павла трогают только закрыто. Открыто говорится о каких-то негодях-хилистах, несущих в себе дух ненужного – а точнее, беспредельно вредного – революционного беспокойства. Кто противостоит этому духу? Августин и греки. Так ведь?

Играли бы честно – сказали бы, что Августин и греки противостоят Павлу и иудеям. Но честно у нас сейчас не играют. У нас не принято сейчас договаривать до конца. А надо договорить. Ибо недоговоренность превращается в эскалацию «духа Кашенко», веющего над всем этим и смертельно опасного для страны. Ну, так я и договариваю.

Августин и греки против Павла и иудеев. Успокоители против революционеров. Это, кстати, общий политико-метафизический ход.

Хоть вам Сталин против Троцкого. Хоть Августин против Павла. Вроде бы ход очевидный. У него даже есть универсальное политическое название – термидорианцы против якобинцев. И к этому названию многие адресуют.

Сталин – термидорианец. Троцкий – якобинец. В этом смысле Августин – термидорианец. Павел – якобинец. Сравнение вроде бы некорректное. Однако если отбросить исторические частности и нюансы, связанные с реальным значением реальных фигур, то В ЦЕЛОМ все именно так.

Но дальше-то начинается главная незатыка. Она связана с тем, что и у внутренней партии термидора, и у внутренней якобинской партии есть общий высший авторитет. Да, в случае коммунистов символом внутренней якобинской партии является Троцкий, а символом внутренней термидорианской партии – Сталин. Но у коммунистов (хоть из якобинской внутренней партии, хоть из термидорианской) есть ОБЩИЙ ВЫСШИЙ АВТОРИТЕТ – Ленин.

То же самое (оговаривая предельную условность сравнения и его абсолютную необходимость для понимания сути дела) – с христианами. Для внутренней термидорианской христианской партии символом является Августин. Для внутренней якобинской христианской партии... ну, предположим, Павел. Но и у «христиан-якобинцев», и у «христиан-термидорианцев» есть совсем уж неоспоримый и сверхвысокий авторитет – Христос.

Еще раз оговорю условность и абсолютную исследовательскую необходимость сравнения. И продолжу.

Во-первых, есть высшие авторитеты. Во-вторых, эти высшие авторитеты слишком очевидным и неоспоримым образом «заражены» революционностью.

Что делать?

Глава VIII. Термидоры и Превращения

Для того, чтобы устаканить все, что взбаламучено революцией, надо соединить революционные инновации с дореволюционной традицией. Позитивизацию дореволюционной традиции при этом надо эскалировать, вводя в пантеон (кроме революционных предтеч, которые там уже были) еще и нечто исторически значимое, но не несущее в себе революционного пафоса. Поясню на примере.

Уже в самом начале преобразований Ленину необходимо было связать революционную новизну с какой-то частью традиции, в целом отрицаемой революцией. Естественно, он выбрал ту часть, которая была максимально совместима с революционным началом. Ну, декабристы, Герцен и так далее. Ну, Чернышевский... Ну, Толстой, которого реакционная церковь предала анафеме... Опять же – «зеркало русской революции»... Ну, Пушкин – «Во глубине сибирских руд...» Ну, Чехов – «Палата №6»... А дальше – стоп.

Сталину уже пришлось заняться другим. Ввести в традицию со знаком плюс Суворова, Ушакова, Александра Невского... И так далее.

И наоборот – вот что важно! – что-то из революционного вывести. Иначе революционное с традицией не срашивается. Выведен из революционного был Троцкий – и главный политический конкурент, и чересчур революционный элемент.

Это и есть **первый** и неизбежный **ход** в термидорианской игре. Термидорианская игра Сталина – для меня важный пример, и не более.

А сопоставление этой игры с «термидорианской» же христианской игрой – способ универсализации термидорианской коллизии. Рискованный способ? Согласен. Но другого нет. А потом рискованный не значит недопустимый.

Пиамы Павловны Гайденок потому для меня и важна, что она, во-первых, осуществляет термидорианскую игру на христианском поле. И, во-вторых, выводит эту игру за грань нормы.

Сначала рассмотрим, что такое норма термидорианской игры.

Норма – это когда Августина как позитивно-консервативный элемент системы противопоставляют негативно-революционному элементу этой же системы (буквально хилистам, а на самом деле Павлу etc.). Это то же самое, что противопоставить Сталина Троцкому.

Но, как мы видим, сделав первый ход и противопоставив Августина Павлу, а Сталина Троцкому, термидорианская партия неизбежно раньше или позже делает **второй ход**. Она противопоставляет не просто Августина Павлу, а Августина и ГРЕКОВ – Павлу (и иудеям!). А также не просто Сталина Троцкому, а Сталина и... нечто дореволюционное (традиционное, «белое», в очень размытом смысле почвенное) – Троцкому и иудеям.

На самом деле, за этим вторым ходом сразу следует **третий ход**. Тот самый, после которого нормальный термидор, предполагающий некий компромисс между революционными изменениями и культурной инерцией в обществе, где они были осуществлены, начинает приобретать черты системного превращения.

Сталина соединяют уже не просто с почвенниками (державниками, имперцами), а напрямую с Николаем II. Что мы и видим на нынешнем этапе нашей постсоветской истории. Это мной уже было подробно описано. И то, что я сейчас обсуждаю, связано с описанным ранее НАПРЯМУЮ. Иначе я бы и обсуждать не стал.

Итак, Сталин и Николай II против Троцкого и иудеев. Это третий ход в термидорианской игре.

Четвертый ход понятен. «Сталин плюс Николай II» равно «Сталин минус Ленин».

Подчеркиваю, теперь уже не «Сталин минус Троцкий», а «Сталин минус Ленин». А значит, минус коммунизм. И что остается от Сталина? Николай II. А от Николая II?

Делая этот четвертый ход, термидорианцы превращаются в реставраторов. Реставраторы же...

Теперь от ходов в коммунистической игре перейдем к ходам в игре христианской. В этом же смысл нашего обсуждения, не правда ли?

Августин (равно Сталин) против Павла (равно Троцкий). **Первый ход**.

Августин и греки (равно Сталин и... русские... христиане...) против Павла и иудеев (равно Троцкий и иудеи). Это **второй ход**.

На **третьем ходе** надо конкретизировать греков. Греки – они, знаете ли, грекам рознь. Что давно выявил Ницше. Ведь когда Пиамы Павловны Гайденок говорит о греках, она не греческих Отцов Церкви имеет в виду, а античных греков.

Античный грек для христианина – это все равно, что Николай II для коммуниста. Подчеркиваю – для любого коммуниста: хоть троцкиста, хоть сталиниста.

Но вернемся к Ницше. Он показал, что (вот гадость-то!) дух беспокойства есть и у греков. А значит, для искоренения духа беспокойства (который Ницше связал с Дионисом и его оргиями) мало сказать «греки». Надо сказать «гармоничные греки, лишенные духа беспокойства». То есть не греки дионисийские, а греки аполлонические (сравни противопоставление Аполлона и Диониса у Ницше в «Рождении трагедии из духа музыки»).

Итак, третий ход в данной («христианско-термидорианской») игре предполагает превращение формулы «Августин плюс греки» в формулу «Августин плюс Аполлон».

На **четвертом ходе** этой игры Аполлон обязательно должен «съесть» Христа. А христианско-термидорианская затея превратится в затею антично-реставрационную. Христос в ней уже не нужен так же, как в затее, связанной с постепенным переходом от коммунистического термидорианства к белой реставрационности, не нужен Ленин. При всей разнице фигур – аналогия абсолютная.

Но одно дело – играть подобным образом на коммунистическом поле. В условиях, когда метафизика носит и светский, и неясный характер. А другое дело – так играть на поле христианском.

Сначала Аполлон (гармоничные греки, которых привлекают для деиудизации христианства) «съест» Христа. Тут же окажется, что Аполлон недостаточен.

В игру будет введен Платон (**пятый ход**, так сказать).

За Платоном замаячит Абсолют (**шестой ход**).

За Абсолютом – Тьма (**седьмой ход**).

Тьма и Абсолют, конечно же, «сожрут» Аполлона.

А когда они его сожрут, то задним числом в игру окажутся вовлечены и Дионис, и Кронос, и любая хтоника. Образуются самые причудливые конструкции. Ибо Тьма Тьмой и Абсолют Абсолютом, но жить-то, знаете, тоже надо. А раз надо жить и жизнь есть несправедливость (тот же Ницше), то ей не Аполлон нужен, не «боги, рожденные при свете дня», а «боги, рожденные в ночи». Американец Генри Торо, предвидя это, писал в своем «Вопле человека»: «У жителей островов Товарищества были боги, рожденные при свете дня, но они считались менее древними, чем боги, рожденные в ночи...»

Впрочем, Аполлон ли, Дионис ли, Кронос, Уран, Гей... Это уже виньетки. Важно, что не будет ни христианства, ни античности в подлинном смысле слова. Как говорилось у Салтыкова-Щедрина, «ни бога, ни идолов – ничего».

Занимаясь слишком долго экзистенциалистами с их Ничто (на самом деле, являющимся абсолютным метафизическим эквивалентом Тьмы и Иного), Пиама Павловна Гайдено в новом своем качестве, качестве защитника прорвы от хилиазма, не может избавиться от прежних страстей. И, что бы она ни делала, она в итоге все редуцирует до Иного.

Кстати, речь идет о некоей общей тенденции, в рамках которой занятия экзистенциалистами, увлеченными Ничто, зачастую превращают академический интерес к Ничто в нечто большее. А тут уже – один шаг от Ничто до Иного и Абсолюта, от экзистенциалистов до Платона. От Платона до гностиков.

Рассмотрев все эти частности, мы убеждаемся в самом главном.

В том, что ЭТА атака на хилиазм (в ее исполнении Пиамой Павловной) призвана на самом деле обеспечить тотальный и глубоко антихристианский триумф гностицизма.

Ради этого триумфа все позволено. Даже противоестественные гибриды из хилиазма и гностицизма организовывать и доверчивой публике подсовывать.

Не желая уподобляться инквизиторам и любителям наделять своих противников всеми возможными недостатками, должен сказать, что существует соседняя, более мягкая трактовка идеологических начинаний, подобных тому, которое я рассмотрел выше (Августин и греки против хилиазма и его адептов). Такая трактовка адресует к фундаментальному конфликту между реалистами и романтиками. Пока революционер низвергает строй и существующий порядок вещей, он является романтиком. Когда он завоевывает власть и устанавливает новый порядок вещей, он становится реалистом.

К сожалению, подобная трактовка в нашем случае не проходит. И очень важно понять, почему. Не проходит же она потому, что нельзя – В ПРИНЦИПЕ НЕВОЗМОЖНО – установить сколько-нибудь нормальный порядок вещей, опираясь на прорву. В этой невозможности – вся трагедия нынешней российской ситуации. А в чем-то уже и общемировой.

Всем, кто в нынешней ситуации (фундаментально отличающейся в силу вышеназванного от классических постреволюционных, известных человечеству) затевает разного рода войны против беспокойства, апеллируя к недопустимости оно и ратуя за реализм, хочется сказать: «Родненькие! Вы оглянитесь по сторонам! Вы голову под крыло не прячьте! Самого поверхностного взгляда на происходящее достаточно, чтобы стало очевидно до боли: речь идет не о защите добродетельного постреволюционного реализма от губительного революционного хилиастического неистовства! Речь идет о защите ПРОРВЫ! Вы ее, прорву эту самую, защищаете, лелеете, обеспечиваете, сопровождаете и так далее. Вы ей служите, ее от всего на свете оберегаете. От истории, суда, исправления, обсуждения даже. Вы жульнически прячете в рукав свой главный – политический и метафизический – козырь. И играете краплеными картами. Вы все те же игроки из Гоголя. Перестроившиеся в который раз перестройщики».

Вопиющую справедливость этой моей констатации доказывают рассмотренные выше постсоветские «ахи-охи» вокруг Виктора Сергеевича Розова. Фарисейские причитания по поводу странной невостребованности его творчества в нынешней жизни, согласитесь, говорят о многом. Розов боролся с прорвой. Неважно, с какой именно. С тогдашней, формирующейся. Но он ведь с ней боролся! И не хотел, чтобы она победила. А она-то и победила. В пресловутые «лихие 90-е» она в полной мере продемонстрировала свой «дионисийский норов». То, что произошло после, можно в лучшем случае назвать введением прорвы в некие, весьма условные берега. То есть частичной «аполлонизацией» прорвы.

Номенклатурные черты этой «аполлонизации» (оргии в Куршевеле плюс «вертикаль власти») получают в нашем обществе самые разные оценки. Для кого-то это чуть ли не возрождение России. А для кого-то – «созревание фашистских тенденций внутри чудовищного чекизма». Проводимое мною исследование показывает, что обе эти оценки не схватывают существа дела. Суть же дела – в неотменяемости самой прорвы при вариативности в том, что касается значимости различных ее ипостасей. «Олигархическая прорва а la Дионис»... «Номенклатурная прорва а la Аполлон»... Но в любом случае – прорва. Эта прорва сформировалась – что крайне важно признать – ВНУТРИ зрелого, так сказать, советского общества. В ходе той борьбы с Красным проектом, которая разворачивалась параллельно с фальшивыми восклицаниями о верности коммунизму, марксизму-ленинизму и всему остальному.

Виктор Сергеевич Розов это в пьесе своей как раз и показывал. В дальнейшем прорва осуществила «перестройку»... разгулялась всюю в ходе демократических реформ Ельцина и... столкнулась с необходимостью ввести самое себя (самое себя! – этого не хотят понять апологеты постельцинского периода) в некие очень условные берега. Но «прорвократию» при этом никто не отменил. Ее холят и лелеют! Слегка поругивают и очень сильно похваляют. Ей придают новые черты, возвращая ее при этом – подчеркиваю, – не отменяя, а ВЗРАЩИВАЯ.

И что такое сабля, за которую герой Розова хватается, объявляя прорве свой луддистский юношеский джихад? Сегодня нет не только героя, который мог бы за эту саблю схватиться. Проблематично уже само наличие сабли. Потому что в высшем смысле – как метафизическом, так и политическом – сабля является Духом истории. Тем самым мечом, о котором говорил Блок в своем «Возмездии», подчеркивая, что мало сковать меч (получить эту самую саблю то бишь). Надо еще иметь возможность ее использовать. То есть иметь и героя (исторический класс, субъект), и народ (соединившуюся с субъектом субстанцию).

Говоря о том, что «герой уж не разит свободно, его рука – в руке народной», Блок именно о недостаточности сабли как таковой говорил и даже героя как такового. Но это не отменяет острейшей необходимости в сабле. Проводя параллель между розовской пьесой и блоковским «Возмездием», я не иронизирую. Я пытаюсь выявить метафизическую суть через обнаружение общего в очень разных его проявлениях. Трудно, конечно, увидеть в юноше из «В поисках радости», которого убедительно (и одновременно разоблачительно) играл Олег Табаков, блоковского героя. Трудно, но нужно. Ибо только при подобном парадоксальном обнаружении в полной мере вдруг ощущается (именно ощущается) все сразу... И коллизия прорвы... И то, что надо сделать, чтобы иметь возможность ей противостоять: сковать меч исторического духа, которого нет, соединить этот дух с героем, героя с народом. А еще вдруг ощущаются колоссальные подвижки в структуре и содержании страны и мира как такового. И почти полное исчерпание шансов на получение меча, героя и народа в условиях подобных подвижек (они же – результат игры на обнуление Истории).

Постепенно из суммы этих ощущений (интеллектуальные ощущения – это строго научный термин) рождается понимание подлинного смысла достаточно коварной борьбы П. Гайдено и других против хилиазма. Эта борьба прорвы против меча. Да, именно против меча. Хилиазм Томаса Мюнцера, откровенно преемственный по отношению к хилиазму Иоахима Флорского, именовался именно религией меча. Кто-то скажет, что хилиазм – это и есть прорва с ее желанием «булок на деревьях». Что ответить? И надо ли отвечать?

На протяжении всего этого огромного исследования я с несвойственным мне в принципе терпением отношусь и к фундаментальной гуманитарной неграмотности нашего общества (между прочим, доставшейся в наследство от советского периода), и к расхожим предрассудкам этого же общества, вспухшим на советских дрожжах в постсоветский период, ознаменованный некоей поверхностной информированностью. Но я не могу одновременно вести сложнейшее исследование и проводить бесконечный ликбез с теми, кто прочитал пару бойко-безграмотных статей, созданных с откровенно провокационными целями.

Прочитайте Иоахима Флорского, ознакомьтесь с интеллектуальным наследием его последователей, найдите в себе мужество для прочтения хотя бы самых главных западных исследований (ну, хотя бы книг американского исследователя Нибура, на которые ориентирована политическая элита США). И вы убедитесь в главном. В том, что по одну сторону баррикад – прорва, легко берущая на вооружение гностицизм. А по другую сторону – да-да, именно по другую сторону – хилиазм.

Убедившись же в этом, вы поймете, что прорва, даже победив, до смерти боится хилиазма. И именно его считает основой Красного – да и любого другого исторического – проекта. И требует от своей интеллектуальной обслуги (отнодь не только либеральной, но и как бы ортодоксально христианской): «Дашь защиту от... как там бишь его... хилиазма!».

Вроде бы в чем актуальность подобного требования? Где хилиазм-то? Накаленные толпы бродят по Рублевке или Киевскому шоссе и требуют Тысячелетнего царства? Что за чушь? Почему надо бороться с тем, чего очевидным образом нет?

Между тем во всем, что касается ощущения угроз, прорва адекватна донельзя. Ума в ней нет, а чувствительности, что называется, «до и больше». Заказ прорвы на борьбу с хилиазмом многослоен.

Первый слой связан с демонтажем коммунизма.

Второй слой – с демонтажем хилиазма.

Третий... Четвертый... Пятый...

Можно ли отказаться от революционности как таковой и сохранить историю? Можно ли, отказавшись от истории, сохранить человека?

Переход от одного слоя к другому обнажает и суть прорвы, и уровень ее предельных, именно метафизических, амбиций.

То, что прорва боится хилиазма, понятно.

То, что она хочет добить его до конца самыми разными способами (в том числе, и через отождествление с гностицизмом), тоже понятно.

То, что она, устраивая невиданную оргию потребления, обвиняет в потребительских преступных намерениях хилиазм, опять же понятно.

Но данных пониманий мало. Надо еще понять, что именно стоит за всем этим в качестве предельной метафизической цели. Ради подобного понимания необходимо, прежде всего, констатировать, что борцов с хилиазмом беспокоит НЕ ТОЛЬКО и даже НЕ СТОЛЬКО хилиазм как таковой. То есть, конечно же, хилиазм их тоже беспокоит.

И все же в первую очередь их задача – в искоренении того, с чем хилиазм связан.

Прорва не может прямо заявить: «Мы боремся с хилиазмом потому, что он является почвой для коммунизма и разного рода красных проектов, но мы также боремся с тем, что является почвой для самого хилиазма и почвой для этой почвы». Однако занимается прорва именно этим.

То есть искоренением породивших хилиазм и многое другое и крайне неудобных прорве простых и пока еще как бы очевидных и безусловных для всех слагаемых ЛЮБОГО НОРМАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ.

Основное из этих простейших слагаемых – справедливость. «Мы говорим хилиазм – подразумеваем справедливость». Борцы с хилиазмом на самом деле хотят построить христианство, лишенное страсти по справедливому в любом понимании. И, напротив, проникнутое любовью к несправедливому. На первый взгляд кажется, что это вообще невозможно. Но это – если вы начнете в лоб бороться со справедливостью. Заповедь перестройки гласит: «Не борись с хорошим, борись за другое хорошее, противопоставив его тому, что ты хочешь уничтожить». Новые перестройщики, желая уничтожить справедливость, затевают борьбу не с нею, помилуйте. Они затевают борьбу «за жизнь»!

«Ах, вы хилиаст! Наверное, еще и гностик! Так вы против жизни! А мы – за!» Разберем подробнее это «за». «Жизнь минус справедливость» – кто это и когда обосновал, воспел, легитимировал? Не в античности, а в нашем с вами «историческом зоне»?

В XIX веке наиболее внятно, как я уже говорил, отрицал справедливость Фридрих Ницше. Он сказал, что жить – это значит быть несправедливым, а над жизнью нет судьбы. Но Ницше отверг христианство даже в его специфическом – вагнеровском – варианте. Он был честен и последователен в своих шагах. Он не выстраивал ницшеанского христианства... Назвав декадентством, оскверняющим жизнь, нечто, он шел до конца. Томас Манн устами своего героя доктора Фаустуса (который, конечно же, в очень большой степени списан с Ницше) обозначил, что именно понималось этим философом в качестве отменяемого нечего, которого «не должно быть».

«Чего не должно быть?» – спрашивает друг Фаустуса. И тот отвечает, что не должно быть «благого и благородного, того, что зовется человеческим... того, за что боролись люди, во имя чего штурмовали бастилии и о чем, ликуя, возвещали лучшие умы, этого быть не должно».

И добавляет: «Оно будет отнято. Я его отниму».

На вопрос друга, что же именно он хочет отнять, герой дает очень емкий ответ: «Девятую симфонию» (имеется в виду, конечно же, так называемая революционная симфония Бетховена).

Вот что Ницше хочет отнять у человечества. Вот что он называет «несовместимым с жизнью». Для Ницше несовместимое с жизнью декадентство – это всё (и именно ВСЁ), что проникнуто жалостью, состраданием, апелляциями к любым разновидностям ненавидимой им справедливости.

Ибо справедливость для Ницше – это диктатура слабых, порабащая сильных. И – препятствующая духу жизни, триумфально идущей по трупам «лузеров».

Все, что взывает к справедливости и состраданию, солидарности («то братья наши») и рыцарственной защите «материала, неспособного постоять за себя», – все это и есть «декадентство». А Христос для Ницше – перводекадент и корень декадентского зла, принесенного проклятыми евреями в великолепный греческий мир.

Ницше – вот что такое суть «белой» (антично-греческой) реставрации, призванной смести «красный» христианский мир.

Спасительные греческие «добавки» к христианству? Принцип спасительных добавок знаком нам всем по «перестройке-1». Вряд ли кто-то забыл о тогдашних предложениях, касающихся спасительных добавок рынка и демократии к замечательному в целом коммунизму. Покойный Шаталин, будучи советником последнего коммунистического вождя Горбачева, инструктировал начинающих рыночников: «Пусть только эти коммуняки клонут на нашу наживку! Пусть только клонут – и им конец!»

«Перестройке-2» нужны другие спасительные добавки. В том числе и греческая (эллинистическая) для спасения замечательного христианства.

«Греки нам помогут!» – обещает П.П.Гайдено. Они помогут! В начале XXI века они помогут РПЦ так же, как в конце XX-го Шаталин помог КПСС.

«Бойтесь данайцев, дары приносящих», – учили эти самые греки. В XXI веке любая адресация к благотельному, спасительному возврату – к природе, эллинизму и т.д. – это инструмент демонтажа имеющегося. Мол, нам надо «вернуться к X», а нечто мешает нашему возвращению. Демонтируем мешающее – во имя благотельного и спасительного «возврата к X». Потом оказывается, что вернулись вовсе не к X, а к чему-то совсем другому. Возникает новый, столь же спасительный Y. И вернуться надо к нему, а для этого...

Ну, хорошо, в конце 80-х это полагалось знать только специалистам по идеологическим спецоперациям. Но потом-то об этом узнали все. Это все опробовали на своей шкуре. На горьком опыте то есть. И что? Сейчас по второму разу? Мы к грекам возвращаемся от... от христианства?

Ницше, автор спецоперации «греки», проводившейся на рубеже XIX и XX столетия (одни назовут это «закатом Европы», другие – постдекадансом, третьи – «возвратом к истокам», четвертые – поминками по гуманизму), твердо знал, что греки – это его диверсия против христианства. Его инструментальный спецназ, средство «зачистки». С этого момента спецоперация «греки» стала почти нарицательной. Об этом много написано.

Но достаточно просто внимательно прочесть самого Ницше. И не абы как, а именно под заявленным мною выше углом зрения. Ницше гениально осуществляет спецоперацию «греки». На самом деле, греки ему, в отличие от людей, влюбленных в античность, нужны именно инструментально – буквально для сведения счетов с христианством.

Сведя данные счета и широко используя на этом этапе Аполлона как гармоническое начало, противостоящее христианскому «декадансу» с его жадностью справедливости, Ницше тут же начинает освобождаться от Аполлона. Да, освобождаться. Обнаруживается, что Аполлон-то, конечно, хорош (в любом случае – намного лучше Христа)... Но по-настоящему велик только Дионис – дух ночи, хаоса, ближневосточной оргиастичности.

Как видите, я не на основе чистой игры ума разбираю определенные «термидорианские схематехники», а соотносясь с историческими прецедентами. То, что Ницше осуществляет в своей книге «Рождение трагедии из духа музыки» (да и в других работах) это именно спецоперация «греки». Суть спецоперации – в освобождении от очень и очень многого (к вопросу о многослойности, которую я уже обсудил).

Трагедия родилась из духа музыки. И, казалось бы, надо восславить сразу и ее, и этот дух музыки. Но это не Ницше, это Бетховен. Ницше поступает иначе. Раз трагедия рождена духом музыки, значит, дух музыки важнее трагедии. А раз он важнее ее, то его триумф трагедию отменяет. Но что такое триумф духа музыки в чистом виде? Это Дионис.

Ницше полностью реализует послойный демонтаж в том виде, в каком я его описал выше. Сначала с помощью Аполлона демонтируется Христос, потом с помощью Диониса демонтируется Аполлон. Это можно назвать примордиальным принципом. Родившее – выше рождаемого. Древнее – важнее нового. Дионис важнее Аполлона, ибо он древнее и без него Аполлон ничто. Нет светлых аполлонических трагических образов без черной стены дионисийского танатического оргазма.

Спорное утверждение, но дело даже не в этом. Согласимся с утверждением и зададимся вопросом – ну, и что? Нет ребенка без родителей, нет текста без контекста. Но это же не значит, что родители отменяют ребенка, а контекст отменяет текст. «Значит, значит!» – отвечает Ницше. За этим его «значит, значит» стоит очень определенная и очень далеко идущая примордиальная логика. Логика регресса. А как иначе? Регресс – это движение вспять. Если предшествующее хуже последующего (а такова историческая логика), то регресс ужасен и губителен. Если же предшествующее лучше последующего, то регресс прекрасен и спасителен.

А ужасно и губительно это самое... как там его... развитие! А также то, что его обеспечивает. А обеспечивает его разум человеческий. Который Ницше и атакует в первую очередь. Христос, Аполлон – это в каком-то смысле второстепенные цели в рамках затеянной им атаки. Главная цель – Сократ. То есть разум как таковой.

Дух музыки, Дионис и прочее? Ницше превозносит их, чтобы добить Сократа. Раз не слушался Сократ духа музыки – он негодяй и ничтожество.

А ведь что такое Сократ вообще и тот Сократ, который нужен Ницше? Это то, что символизирует разум, гуманизм (в античном его варианте), науку, волю к истине и восхождению, волю к свету. Раз разум – это то, что проникает во тьму, то его

дискредитация есть восхваление Тьмы. Так Ницше этим и занят. Он молит богов, чтобы они послали ему безумие и Тьму.

Начали за здоровье, а кончили за упокой! Сначала восхитились греками как носителями формы, света, гармонии и убрали с их помощью Христа, затем избавили гармонию от формы (Аполлона) и разума (Сократа). Затем оказалось, что нет никакой гармонии, да и не нужна она. А что нужно?

Тьма! Танатос!

Потому что когда говорят, что над жизнью нет судьбы, то скоро жизнь, освобожденная от судьбы (с концом премодерна Суд не отменяется, для очень многих судьей становится История, дух ее), оказывается добычей смерти (Танатоса). И Ницше, отец спецоперации по зачистке, именуемой «ищем спасения у греков», этого не скрывал.

Да что это я все о Ницше? О прошлом то есть? Увы, дело в том, что Ницше не в прошлом. Что он не только предтеча фашизма, но и кумир вроде бы далекого от фашизма постмодернизма. Далекого ли?

Но, может быть, еще важнее то, что Ницше – кумир нынешнего социал-дарвинизма. То есть того, что было положено в основу «перестройки-1» и будет положено в основу «перестройки-2». Вопрос на засыпку: можно ли соединить Ницше с христианством, которое он отрицает? На первый взгляд, нет. А на самом деле – можно. Если речь идет об особом христианстве. Так вот это христианство (убежден, что никаким христианством на самом деле не являющееся) и нужно нашей прорве. Она же господствующий класс. Классом-то ее, конечно, можно назвать с натяжкой. Но каково общество, таков и класс.

Все мы каждый день видим (по телевидению и не только), что класс сей хочет и крестик нацепить, и понищеанствовать. То бишь освободить жизнь от всяких там судей.

Его заказ выполняют. Но при выполнении эта самая Жизнь, над которой, видите ли, нет судьбы, тут же оказывается заложницей Смерти. Класс еще и покайфовать как следует не успел в лоне специфического христианства, чьим созданием занимались и занимаются (кто только не скрещивал христианство и Ницше), глядь – его уже волокут в Танатос как таковой.

Казалось бы, какой Танатос при такой упоенной гедонистичности? Но на самом деле прорва на то и прорва, чтобы быть и гедонистичной, и танатичной одновременно. В этом ее сокровенная суть: «А че, может быть, так-то оно и в самый кайф? Пить будем, гулять будем, смерть придет – помирать будем!» Прорва фундаментально криминальна. Ее наслаждение жизнью носит далеко не пресный характер. Что такое и впрямь гульба без поножовщины и стрельбы?

Возможно ли христианство без поклонения Новому? Разве не говорили о себе христиане: «Мы – новые люди»? Разве не христианство создало в итоге особую историческую напряженность и устремленность, без которой нет развития, создало свой хронотоп, свой тип пространства и времени?

И что же теперь? Нужно создать христианство, освобожденное от поклонения новому, и в этом должны помочь греки?

А почему бы и нет? Налицо триумф постмодернизма. Как минимум, очень мощное его наступление. А раз так, то задача создания постмодернистского христианства вполне может быть и поставлена, и выполнена. Другое дело, что при этом христианство станет одной из бисеринок в постмодернистской игре... Что христианство, что культ вуду... Но кто сказал, что превращение христианства в постмодернистскую бисеринку не является частью осуществляемого антиисторического проекта?

Война с хилиазмом? Полно! С каким хилиазмом?

Разве перестройка не была грубейшим, вульгарнейшим из всех бытовавших когда-либо хилиазмов? Разве не внушали каждому пэтэушнику, что капитализм – это когда у всех по «шестисотому мерсу», три видака и бабе голой, но в мехах, лежащей на мерсовском сиденье?

Разве этот – капиталистический – ультрахилиазм (он же прорва) кого-то из нынешних борцов с хилиазмами возмущал?

Что такое хилиазм? Мечта о рае на земле?

Еще и еще раз спрашиваю: ЧТО В ЭТОЙ МЕЧТЕ ПЛОХОГО?

Вопрос в том, о каком рае? Что вводится в понятие «рай»?

Вспомним, что Эрих Фромм, критикуя Хрущева и его концепцию построения коммунизма, называл ее «гуляш-коммунизмом». Возможны и другие «гуляши». Мы все видим, что такое «гуляш-капитализм» (потребительское общество). Споры нет, скверно, если рай на земле – это «гуляш». А если не гуляш? Если это нечто высшее? Земная жизнь сопротивляется идеальному, и это привнесение оказывается избыточно-насиловственным? Но понятно же, в чем другая крайность. Отказываемся привносить идеальное в жизнь – и что получаем?

Так значит, речь идет просто о мере? А кто взвесил степень идеальности, совместимую с жизнью? И почему нельзя стремиться к тому, чтобы эта степень возрастала? Развитие-то что должно обеспечивать? Именно возрастание степени идеальности, повышение качества идеальности, а иначе это и не развитие вовсе. По крайней мере, не восхождение.

Рай на земле проблематичен, не спорю. Но с чем борются наши антихилиасты? Не в том ли дело, что рай на земле для немногих им нравится? А рай для всех – нет?

Что их устраивает рай на земле, если он «пивной», «мебельный», «джинсовый» и так далее? (Рекламу-то, идеологизированную насквозь, почитайте). И не нужен, если речь идет об Отечестве как «весне человечества» (Маяковский), то есть об Идеальном?

Мне скажут, что сама Пиам Павловна, да и весь ее круг, не в восторге от «пивных», «мебельных» и прочих «раев». Ну, не знаю... Может, это так, а может, нет. «Фифти-фифти». Но то, что наша философская и иная гуманитарно-политическая интеллигенция, прочно связанная с коммунистической системой и иступленно ставшая ее разрушать, оказалась (вопреки своим доперестроечным жизненным манифестациям) очень падкой до материального и вполне готовой развращать этим материальным народ, дабы он не вернулся в лоно «ужасного коммунистического хилиазма», это точно.

И неужели крут этот (а он ведь существует) так никогда и не даст обществу внятный ответ на прямо поставленный вопрос: всякий ли хилиазм ему не люб? И кто все-таки более люб-то? Прежние красные хилиасты с их пафосом аскетизма, подвижничества или нынешняя мамона без берегов? Ответ, по-моему, очевиден. Иначе не выкорчевыванием хилиазма

занимались бы (настоячиво подчеркивая, что речь идет о красном хилиазме), а чем-то другим.

Все становится по-настоящему ясным, когда оказывается, что нет хилиазма вообще, а есть два хилиазма. И что круг, который я обсуждаю, на деле поддерживал и поддерживает один хилиазм в его борьбе с другим.

Давайте всмотримся в то, что имеем. И спросим себя: разве грубейший рай для избранных – с «Бентли» и элитными унитазами – не воплощен теми, для кого был так отвратителен тот, в массах страждущих и униженных взращенный, иной хилиазм, в котором заявлялись, а в чем-то даже реализовывались и принцип равенства, и принцип «не хлебом единым»? Это что, были не христианские принципы? Ах да, забыл... Эти принципы утверждались с помощью насилия... А христианство как себя утверждало? Да и вообще – есть, увы, трагически нерешенная проблема соотношения развития и насилия.

Тянуть человечество вверх или толкать его вниз? Вот основной вопрос. И из него следуют все остальные. Например, если вниз оно, человечество это, может двигаться безнасильственно (демократически, как это теперь называется), то безнасильственность легитимизирует нисходящий характер движения? А если в силу определенных исторических причин тянуть вверх можно только насильственно (авторитарно то бишь), то что? То тянуть вверх не надо?

Я ничего в данном случае не утверждаю. Я вопросы задаю. И, согласитесь, в нынешней нашей ситуации вопросы эти не лишены актуальности.

Голодный человек не должен мечтать о том, что булки вырастут на деревьях. Это грубо и недостойно. А рассуждать, причмокивая, в полуголодной стране о бутылках вина по тридцать тысяч евро – это нормально? Заостряю вопрос до предела: не означает ли запрет на построение рая на земле карт-бланш на построение ада на земле? Причем с опорой на весьма тяготеющую к подобному аду прорву?

И то ведь: если НАД жизнью нет судьбы, то ПОД жизнью обнажается Бездна. Нет судьбы НАД Это? Сразу появляется Оно, Тень, Тьма... Царица Смерти... Снежная королева, тварь хищная...

И что же? Это метафизическое «ПОД» надо поселить в христианстве?

Рассмотрим христианство как институт (то есть форму) и как идею (то есть содержание). Идея христианства в том, чтобы противопоставить Смерти, духу мертвому дух живой.

Предположим, что в институт, который сформировался ради воплощения идеи такого противопоставления, поселяют это самое «ПОД», то есть идею смерти, идею мертвого духа.

С чем мы тогда имеем дело? С формой, которая воюет с собственным содержанием. То есть с превращенной формой.

А что такое перестройка? Разрыв формы и содержания, внедрение в форму, оторванную от своего содержания, некоего Антисодержания, организация войны формы, наделенной Антисодержанием, с тем содержанием, от которого форма отчуждена.

Почему бы творцам «перестройки–2» не превратить в вышеуказанном смысле уже не коммунистическую, как в ходе «перестройки–1», а христианскую форму? А как иначе осуществить «перестройку–2»?

Глава IX. Универсальный код перестройки

Перестройка–1, перестройка–2... перестройка–n, перестройка–... Куда движется ряд перестроек? К чему он, говоря математическим языком, сходится?

Превратили одну форму, другую, третью... Когда превратили все формы – что получили? Тьму, враждебную духу Формы, Творению то есть... Она и есть благое высшее начало гностиков, противостоящее злему еврейскому демиургу и жизни как его никчемному порождению.

Христианство минус «Х». Чему равен «Х»? Справедливости, состраданию, милости, суду, преображению, развитию, истории. Но ведь мало сказать «минус это». Надо еще сказать «плюс нечто другое». Минус «Х» плюс «У». Что такое «У»? Танатос... Минус – зачем нужно? Чтобы кайфу жизни ничто не препятствовало. Устранили препятствие – получили смерть. Технология перестройки, она же «побуждение к превращению форм», она же Танатос, она же... Она же Тьма.

В самом деле, освободились от христианства ради не искаженной страданием светлой гармонии – Аполлона. Устранили все препятствия на пути к Аполлону! Убрали Разум (Сократа)! А получили-то Тьму (Диониса). «Минус препятствие» равно осуществлению того, что антагонистично заявленной цели. Минус «слеза ребенка» это – по факту – растерзанные в сериях этнических конфликтов дети. От Ферганы и Сумгаита – к Цхинвалу. Перестройка, что за твоими покровами?..

Перестройка коммунизма, перестройка христианства, перестройка античного гуманизма... Куда несешься ты, советско-антисоветская Прорва? КТО твой метафизический кучер?

Дают ли адресации к Платону и Плотину основания для таких реконструкций? Убежден, что да. Я люблю и Платона, и Плотина. Платона же – особенно. И ничуть не меньше, чем Блаженного Августина. Анализирую же я не «козни греков как таковых», а логику превращения «греков» в антибольшевистскую дубину. Логика Ницше и ВСЕХ, кто решит пройти подобным путем. Это я анализирую. И – макросоциальный контекст. Что же касается Платона и Плотина как таковых...

Платон – гений, открывший человечеству невиданные духовные высоты. Но для Платона любое Новое – это метафизический (и политический) бунт. Не высшая позитивная инстанция в творческом порыве нечто улучшает и развивает. Нет, отпадает человечество от Золотого века, портится все на свете: земной мир, космос в целом. Неизменными остаются некие интеллектуальные сущности – эйдосы. Да, есть нечто, изливающееся на мир порции блага. Но мир эти порции может лишь проедать и, прощая, ухудшать. Чем грубее мир, тем меньше изливаемого блага ему достается. И тем ниже качество этого блага. А также тем быстрее оно проедается. Задача – проедать поэкономнее. И – сдерживать, сдерживать ухудшение мира. Потому что улучшение невозможно. Время лишь ухудшает мир.

Фактически говорится: «Так научимся же тому, чтобы замедлять это ухудшение, поелику возможно. Открыватели Нового? Новое – это хорошо забытое Старое. Новое – это ухудшенное Старое. Улучшить мир с помощью Нового нельзя. А вот

ухудшить не только можно, но и... Нельзя не ухудшать мир новизной! Она на то и новизна, чтобы его ухудшать. Если хотим, чтобы мир ухудшался помедленнее, его нужно надежно оградить от Нового. И – от Времени, этого безжалостного, неумолимого ухудшителя».

Конечно же, у каждого свой Платон. Но если Платона надо использовать инструментально – для борьбы с большевизмом и его предтечами, – то веер толкований великой философии Платона резко сворачивается. И остается некая, вполне небезопасная назидательность: «Люди, бойтесь исторических бурь! Я их пережил и осознал, что дело это исключительно скверное и бессмысленное».

Платон не мог бороться с хилиазмом. Равно как и с заморочками Хрущева по поводу кукурузы. Ну, не было при нем хилиазма и Хрущева! Возник же хилиазм через тысячу лет после смерти уважаемого наставника.

Сделать Платона инструментом борьбы с хилиазмом можно только опираясь на то, с чем Платон реально боролся. Однако Платон не только боролся. Он истину, прежде всего, искал. Но борцам с хилиазмом нужен не Платон – искатель истины, а Платон – борец. Такой Платон есть! Его не надо выдумывать. Как есть Маркс-ученый и Маркс-борец, так и с Платоном. Только «с точностью до наоборот».

Платон боролся не с хилиазмом, а с разрушением патриархального порядка вещей под воздействием новых веяний, маркируемых, кстати, в числе прочего и самим появлением олимпийского пантеона. Платон не был банальным защитником греческого прошлого. Он не к Кроносу апеллировал. Он науку в египетских храмах постигал, науку того, как сдерживать исчерпание. Вы живете в мире Старого, он вас устраивает, этот устоявшийся мир. Потом – бац! – это чертово Новое... Тупой человек скажет – заговор. А гений? Гений будет искать источник напасти в самой природе вещей. И лекарство он там же будет искать.

Лекарством и впрямь стала теория. Платон понял, что в борьбе с такой напастью мифа уже категорически недостаточно. И – вот ведь масштаб какой! – сумел, отстаивая то, что базировалось на мифе, выйти в новое, постмифическое интеллектуальное пространство и ввести туда человечество. Гений Платона шлифовался в египетских храмах. Он дышал воздухом Атлантиды... Мол, греки – дети... А ведь каких только в мире не было катастроф! Так говорили Платону египетские жрецы. А он осваивал, перерабатывал, выходил на новые, немислимые для жрецов обобщения. Гений Платона сумел выработать рецепты экононого обращения со смыслом в условиях исчерпания Старого и ради недопущения Нового.

Гений Платона мучительно искал способы сдерживать исчерпание и способы обустройства в наличествующем, чей смыслопотенциал – почти на нуле. Если людей уже нельзя воодушевить – их надо организовать. Если мобилизация невозможна – нужен баланс и оптимизация. Вот что такое Платон-борец. Платон – гений борьбы за Старое. Нет кислорода Истории! Что делать? Учимся у Платона! А почему кислорода-то нет? Как его добыть? Этому нельзя учиться у Платона! Потому что это Платону чуждо и отвратительно. Платон боролся с Временем, противопоставляя ему Вечность, с изменчивостью, противопоставляя ей неизменное. Для этой борьбы он сконструировал свое статичное Трансцендентное, изгнав из него Историю. Учиться у Платона изгнанию Истории из сакралитета можно. Но только...

Что такое «сакралитет минус история»? Ясно, что это – не Шестоднев. А теперь перейдем от Платона как такового к Платону как инструменту. Прочсть Платона как инструкцию по борьбе с Новым и Историей, как панегирик Старому совсем нетрудно. А в нашем «прорванстве», взыскующем охранительности, он так и будет прочитан. С умильной поправкой на то, что охранять надо Ее Величество Прорву.

Мне ответят: «Неважно, что охранять, рецепты не меняются». Ну, не скажите. Система с антисистемным ядром – штука уникальная. Стабильность на периферии, хаос внутри... Попробуйте-ка это организуйте. Хотя по Платону, хоть по иной интеллектуально-политической схеме.

Элитные унитазы... Элитные презервативы! Элитнейшее христианство!.. Мало? Примордиальное христианство... Мало? Христианство минус Время, минус История... Как это прорвоохранительство адаптирует Платона к своим (конечно же, прорвой задаваемым) целям? Как объяснить – почему надо охранять... не жизненный космос, нет. Эту уникальную, Танатосом нашигованную прорводействительность? Учимся у Платона освобождению от ... рецедивов большевизма! Революционизма! «Учимся у Платона тому, чтобы было как есть и никто не возникал...» Тут что у Платона учись, что у жандарма... «Платон – уроки построения метафизической жандармерии»... Уже строили... Без Платона... Можно и с Платоном... Будет это называться «государство стражей»... Стражей – чего? Метафизических позывов братков?

«Даешь Платона! А еще Олимп! Не, лучше этого... Кроноса». В Европе были новые правые движения, призывавшие к отказу от христианства во имя возврата к аутентичной греческой античной традиции. Но у них хватало смелости идти до конца. И призывать откровенно (весь смысл был в этой откровенности) к «белой» реставрации во имя преодоления «красной» христианской заразы. Называлось это – группа «GRECE». Результат был не ахти какой и в интеллектуальном, и в политическом смысле. Но люди не прятались за авторитет Блаженного Августина. Они не превращали христианскую (красную) церковь в тайную обитель неких греческих (белых) истин. Они не готовились к книге «Русский орден внутри КПСС» добавлять книгу «Греческий античный орден внутри РПЦ». Они не создавали превращенных форм. Потому что хотели утвердить некую жизнь. И понимали, что превращение может утвердить только смерть и тление.

Здесь же – превращение на превращении сидит и превращением погоняет. КПСС как инструмент белогвардейских антикоммунистических сил... РПЦ как инструмент «GRECE»... наших бы в это «GRECE»... Они бы быстро сделали его инструментом реализации идей халдейских магов... (шучу, конечно).

Плотин? Плотин – тоже великий автор... Тонкий, неоднозначный, глубокий. Уже додумавший до конца теорию своего предшественника и пришедший к концепции эманации. Он меньше, чем Платон, хочет размышлять об эффективном использовании все меньших количеств блага, изливаемого высшими сферами на оскудевающий мир. Он хочет как-то приблизиться к источнику и, значит, отдалиться от растущего несовершенства всего того, что наличествует.

Сделать из него антихилиастического жандарма наличествующего невероятно трудно. Но если задача – в этом, то понятно, как именно она будет исполняться.

Власть должна отвечать природе мира. Мир – зол. Такова его природа. Она неисправима. И власть должна ей соответствовать. Чем меньше власть будет соответствовать природе мира, тем она будет более ему неадекватна, а значит, пагубна.

Добрый властелин принесет миру больше зла, чем злой властитель. Идеалист наломает дров, циник – нет. Что? Идеалист может исправить мир? Мир исправить нельзя. Из него можно только бежать. Исправлять его глупо. Всего же глупей – мечтать о некоем окончательном исправлении.

Садистическому миру созвучен только садист, который берет на себя роль эсэсовца, возглавляющего суперконцлагерь. Кто хочет жить в концлагере, должен быть мазохистом, кайфующим от выкрутасов своего шефа-эсэсовца.

Все же, кого это не устраивает, должны не заниматься идиотизмом, исправляя то, что нельзя исправить, а бежать из этой мерзости... Как? Так вы уже решили бежать? Что ж, с вами стоит поговорить о том, как именно это надо делать.

Доводя до нужной (и искомой) жандармской прямолинейности, по Плотину (в жандармском его понимании), каждый потенциальный революционер должен покончить с собой или «уйти в нирвану». Это называется «спалить актив перемен».

Спалили актив... Остались садисты и мазохисты... «Опускатели» и «опущенные»... А вот теперь – пожалуйста, развивайтесь... Впрочем, зачем? Развитие – греховно. И товарищ майор... прошу прощения, великий философ Плотин, нам это показал, выступая перед младшим командным составом.

Словом, «фуки прочь от наших завоеваний!» А не выполните данного указания, мы такие мракобесно держимордские инструкции сочиним, что мало не покажется! Это мы те завоевания, которые вы завоеваниями трудящихся называли, защищать не хотели. А завоевания элиты – будем защищать! И не за страх, а за совесть... Ну и... за все остальное тоже... И по зову сердца, ибо правда жизни – в этом! Понимаете, правда жизни, а не идиотские хилиастические фантазии.

Советский (он же антисоветский) обществовед, осознанно или на подсознательном уровне, всегда решает утилитарную политическую задачу. Он так сконструирован. На подсознательном уровне он решает эту задачу тогда, когда говорит: «Все! Я наслужился! Хватит! Теперь я абсолютно независимый интеллект, выражающий свою и только свою точку зрения!» Сказанное не означает, что сказавший не будет служить чему-то. Это значит, что его это будет исполнять кокетливый танец «неслужения». А он – любоваться тем, как танцует его это. В это время подсознание будет работать в совершенно автономном режиме – и весьма активно. Суслов позавидует!

Если же советский (то есть бывший советский) обществовед решит служить какому-то новому делу (демократическому, белому, фашистскому – любому), то он будет делать это в точности по лекалу советской агитпроповской (по мне, так далеко не лучшей) системы. Как говорилось в анекдоте про одного советского сателлита, начавшего вместо произнесения речей собирать камни в корзину, «произошла ошибка, мы в него заложили программу лунохода».

Мне невероятно интересно наблюдать, как вставшая на новую трассу Пиама Павловна воспроизводит служение делу... Никакой там не РПЦ, а нового класса, от которого она, возможно, крайне далека по факту конкретной жизни и деятельности, но... делу превращенной КПСС, номенклатуры, отказавшейся от хилизма в пользу гностицизма, от рая на земле в пользу ада на земле... И одновременно навесившей на себя христианские крестики. Ведь по большому счету, согласитесь, если в идее прививки греческой античности христианству и есть какое-то политическое содержание, то оно именно таково. В самом деле, класс (каста, группа, номенклатура) уничтожил свое содержание и, организовав регресс для всего общества, сам ускоренным образом опростился.

Ему какие греки теперь нужны?

Ему если и хочется античности, то в ее грубейшем – садистско-высокомерном – качественном.

Зачем прорве христианская церковь? Для того, чтобы церковь эта в качестве нового квазиидеологического института сказала классу, что он хорош. Класс навязывает церкви не просто чужую, а диаметрально противоположную ее сути функцию. Он хочет, чтобы его благословили на все то, что он и так делает по факту. Чтобы не научили состраданию и справедливости, а освободили от оных.

Класс, во-первых, хочет этого. А во-вторых, он хочет этого ИМЕННО от той христианской церкви, которая для этого максимально не приспособлена. Ну, обзаведись ты, раз тебе нейдет, клубом любителей Ницше, храмом Афродиты или Диониса, неозиккуратом каким-нибудь. Нет! Нужен православный батюшка.

Но батюшка-то батюшкой, а институт как целое? Институт, извините, не сумма батюшек, которые тоже, между прочим, разные. Институту нужна, прошу прощения, ласка.

Начни Горбачев в 1985 году, в самом начале «перестройки-1», заявлять на съезде КПСС нечто откровенно ультраантикоммунистическое – эта грубость была бы сразу отторгнута. Но он сказал об очищении ленинизма, потом о роли Бухарина, потом о гуманном демократическом социализме. Получилось очень ласково и потому абсолютно сокрушительно. Подобная ласка – суть любой перестройки.

Вот и с церковью то же самое. Начни сразу говорить о Ницше – получится слишком грубо. Поэтому сначала надо впарить Платона, с которым у христианства есть свой непростой роман, затем греков вообще... А дальше – со всеми остановками, по аналогии с «перестройкой-1».

Я не хочу сказать, что наш «прорво-класс» как целое может замыслить столь изощренный проект. Но ведь и советская номенклатура как целое не замысливала горбачевскую перестройку. У проекта всегда есть субъект. И, грешен, ощущаю: от рассуждений Пиама Павловны пахнет какой-то невнятной субъектностью. Это не означает, что Пиама Павловна – часть субъекта. Те, кто Бухарина начинал превозносить, необязательно были в курсе общего перестроечного замысла. Так и в рассматриваемом мною случае.

Технология ласки...

Между прочим, универсальный прием. Называется это «метод последовательной адаптации».

Я системщик. Я вижу, что инъектирование под кожу КПСС антикоммунизма и инъектирование под кожу РПЦ антихристианства происходят одним и тем же – до предела технологизированным – образом.

Кто-то, наверное, скажет, что сие есть симптом Последних времен. У меня есть объяснения и более простые, и, что наиболее важно, технологические. Но я их поберегу для других работ. По теме «оргоружия».

Итак, мы добрались до станции «нищепанизация православия» (Ницше, кстати, верил, что он избранник Антихриста или даже сам Антихрист, и очень гордился этим). Но, с учетом классового контекста, это еще не последняя станция.

В романе Юрия Домбровского «Хранитель древностей» главный герой слушает, находясь в Средней Азии, радиопередачу о Ницше. Идет 1937 год. И здесь стоит процитировать, как герой описывает все сразу: содержание передачи, контекст, реакции окружающих...

«Шла французская лекция о Ницше. А когда француз, прямо-таки захлебываясь от восторга, говорит в 1937 году о Ницше, – это, конечно, что-то прямо относящееся к войне.

Повторяю, я слушал только потому, что говорил француз. Немца я бы слушать не стал. Но вот то, что француз – любезнейший, обаятельнейший, с отлично поставленной дикцией, с голосом гибким и певучим (как, например, тонко звучали в нем веселый смех, и косая усмешечка, и печальное светлое раздумье, и скорбное, чуть презрительное всепонимание), – так вот что этот самый французский оратор, еще, чего доброго, член академии или писатель-эссеист, не говорит, прямо-таки заливаясь, закатывая глаза, о Ницше, что все это, повторяю опять и опять, происходит летом 1937 года, – вот это было по-настоящему и любопытно, значительно и даже страшиновато. Но сколько я ни слушал, ничего особенного поймать не мог. Шла обыкновенная болтовня, и до гитлеровских вывертов, выводов и обобщений было еще очень далеко. И вдруг я уловил что-то очень мне знакомое – речь пошла о мече и огне. Правда, все это – огонь и меч – было еще не посылка и не выводы, а попросту художественный строй речи – эпитеты и сравнения. Но я уже понимал, что к чему. Дюрер, сказал француз, в одной из своих гравюр изобразил Бога-Слово на троне. Из уст его исходит огненный меч – вот таким мечом и было слово Ницше. Он шел по этому миру скверны и немощи, как меч и пламя. Он был великим дезинфектором, ибо ненавидел все уродливое, страдающее, болезненное и злое, ибо знал – уродство и есть зло. В этом и заключалась его любовь к людям.

И тут сладкозвучный голос в приемнике вдруг поднялся до высшего предела и зарыдал.

"Так послушайте же молитву Ницше, – крикнул француз. – Послушайте, и вы поймете, до какой истеричной любви к людям может дойти человеческое сердце, посвятившее себя исканию истины. Что может быть для философа дорожка разума, а вот о чем молит Ницше: "Пошлите мне, небеса, безумия! Пошлите мне бред и судороги! Внезапный свет и внезапную тьму! Такой холод и такой жар, которые не испытал никто! Попробуйте меня страхом и призраками. Пусть я ползаю на брюхе, как скотина, но дайте мне поверить в свои силы! Но докажите мне, что вы приблизили меня к себе! Но нет, при чем тут вы? Одно безумие может доказать мне это!?"

Голос, взлетевший вверх до крика, стал все понижаться и понижаться, дошел до шепота и оборвался. Наступила тишина. Приемник гудел и молчал. Я сидел, затаив дыхание.

Дед вдруг поднял бурые веки и зевнул.

– Ну все, что ли? – спросил он.

"Слышите ли? – взвизгнул приемник. – Слышите ли вы, люди, эту мольбу? Из-за вас мудрец отказывается от своего разума. Вы слышите, как бьется его живое обнаженное сердце. Еще секунда – и оно разлетится на части...?"

Снова наступило молчание, и потом голос сказал печально и обыденно:

«И Бог услышал его просьбу – он сошел с ума».

– Ну, на сегодня хватит, – сказал я и выключил приемник».

Не знаю, что заставило меня вспомнить роман Домбровского, прочитанный в далекие шестидесятые годы. Я прекрасно понимаю, что Пиама Павловна – не этот рыдающий француз. А Лоргус тоже «из другой оперы». Но все вместе в чем-то созвучно!

И для того, чтобы было понятно, в чем именно, я все-таки продолжу развернутое цитирование. На следующий день герой обсуждает с директором музея свои впечатления от радиопередачи. И вступает с директором в дискуссию, которую мне почему-то захотелось воспроизвести целиком. Что я и делаю.

«Директор (...) подошел к приемнику. – Ну, так что ж ты сегодня услышал? Было что-нибудь стоящее?»

– Было, – ответил я, – и очень даже стоящее. Лекция о Ницше.

Директор покрутил головой.

– Вот вьелся он им в печенки. Как включишь Германию – так и он.

– Да это не Германия была, – ответил я. – Париж передавал.

– Да? – Директор даже приостановился. – Французам-то что больно надо? Они-то куда лезут?

Я не ответил.

– Слушай-ка, а вот можешь ты мне вот так, по-простому, без всяких мудрых слов, растолковать, что это такое? У нас тут один два часа говорил. Пока я слушал, все как будто понимал. А вышел на улицу – один туман в башке, и все. Человек, подчеловек, сверхчеловек, юбермени, унтермени! Ну, хоть колом по голове бей, ничего я что-то не понял. – Он виновато улынулся и развел руками. – Ориентируй, брат, а?

– Плохо, если вы ничего не поняли, – сказал я. – Начать тут надо с самого философа ("Ну-ну!" – сказал директор) – с человека, который всего боялся. ("Ну-ну", – повторил директор и сел.) Головной боли боялся, зубной боли боялся, женщин боялся, с ними у него всегда случалось что-то непонятное, войны боялся до истерики, до визга. Пошел раз санитаром в госпиталь – подхватил дизентерию и еле-еле ноги унес. А ведь война-то была победоносная. А под конец... Вы помните премудрого пескаря?

– Ну, еще бы, – усмехнулся директор, – "образ обывателя по Салтыкову-Щедрину": жил – дрожал, умирал – дрожал, очень помню, так что?

– Так вот. Таким премудрым пескарем и прожил он последние годы. Просто ушел в себя, как пескарь в нору, – закрыл глаза и создал свой собственный мир. А вы помните, что снится в норе пескарю, что он "вырос на целых пол-аршина и сам щук глотает". Кроважиднее и сильнее пескаря и рыбы в реке нет, стоит ему только зажмуриться. Беда, когда бессилье начнет показывать силу.

– Вот это ты верно говоришь, – сказал директор и вдруг засмеялся, что-то вспомнив. – Знаю, бывают такие сморчки. Посмотришь, в чем душа держится, плевком перешибешь, а рассердится – так весь и зайдет. Нет, это все, что ты сейчас говоришь, – верно это. Я это очень хорошо почувствовал. Но вот как ему, пескарюшке, дохлой рыбешке, сажанные щуки поверили? Им-то зачем вся эта музыка потребовалась? Для развязывания рук, что ли? Так у них они с рожденья не связаны. Сила-то на их стороне.

– Это у них сила-то? – усмехнулся я. – Какая же это сила? Это же бандитский хапок, налет, наглость, а не сила. Настоящая сила добра уж потому, что устойчива.

– Так, так, – директор усмехнулся и прошелся по комнате. – Значит, по-твоему, и у земляка этого самого Ницше – Адольфа Гитлера – не сила, а истерика? Ну, истерика-то истерикой, конечно, недаром он и в психушке сидел. Или это не он, а его друзья? Но и сила у него тоже такая, что не дай Господи. Газеты наши, конечно, много путают и недоговаривают. Но я-то знаю что почем. Если бы он нас, говорю, не боялся, то и Европы давно не было, а стоял бы какой-нибудь тысячетный рейх с орлами на столбах. А ты видел, какие у них орлы? Разбойничьи! Плоские, узкокрылые, распластанные, как летучие мыши или морские коты. Вот что такое Адольф. А ты посмотри на его ребят. Те кадрики, что в нашей хронике иногда проскакивают. Все ведь они – один к одному, молодые, мордастые, плечистые, правофланговые. На черта им твой Ницше? Им Гитлер нужен. Потому что это он им райскую жизнь обещал. За твой и за мой счет обещал. А они видят: он не только обещает, но и делает.

Союзники только воют да руками машут, а он головы рубит. Что же это – пескарь, по-твоему? Юродивый Ницше? Нет, брат, тут не той рыбкой запахло. Тигровые акулы? Что, есть такие? Есть, я читал где-то... Только нас он, говорю, и боится. Если бы не мы, то сейчас только одна Америка за океаном и осталась бы, да и то только до следующего серьезного разговора, понял? – Он сел на стул, перевел дыхание и улыбнулся. – Вот так.

– Да я ведь не про него, – сказал я, сбитый с толку, – я про его учителя.

– И про учителя ты тоже не прав, учителей у него много: тут и Ницше и не Ницше, смотря кто ему потребуется. – Он открыл записную книжку. – Вот видишь, у меня полстраницы именами записано: граф Гобино, профессор Трейчке, профессор Клаач, Теодор Рузвельт – знаешь таких?

– Не всех, – сказал я. – Гобино знаю. Клаача тоже.

– Ну еще бы, еще бы тебе не знать, – усмехнулся директор. – Ты же хранитель. Ну да не в них в конце концов дело. Будь он граф-разграф, профессор-распрофессор. Им всем, вместе взятым, цена – пяточок пучок. Твой Ницше хоть страдал, хоть с ума сходил и сошел все-таки. А те вот не страдали, с ума не сходили, а сидели у себя в фатерланде в кабинете да на машинках отстукивали. И никто никогда не думал, что они понадобятся для мокрого дела. А пришел Гитлер и сразу их всех из могилы выкопал да под ружье и поставил, потому что так, за здорово живешь, сказать человеку, что ты хам, а я твой господин, нельзя, нужна еще какая-то идея, нужно еще: "И вот именно исходя из этого – ты-то хам, а я-то твой господин! Ты зайчик, а я твой капкан", – знаешь, кто так говорит?

– Нет.

– Уголовный мир так говорит. Ну, блатные, блатные, воры; теперь бандиты знаешь какие? Они и в подворотнях грабят с идеологией. Неважно, какая она. Спорить с ней ты все равно не будешь. Если у меня финка, а у тебя тросточка, то какие споры? Я всегда прав. Бери, скажешь, заради Христа, все, что надо, да отпусти душу. Твоя идеология, скажешь, взяла верх. Вот как бывает.

– На первых порах, – сказал я.

– И на первых, и на вторых, и на каких угодно порах; потому что, если взял он тебя за горло...

– Те-те-те... – рассмеялся я. – Так это же называется брать на горло, а не за горло. Таких даже воры презирают. Потому что это не сила, а хапок... Это я еще лет двадцать пять назад очень понял. Отец мне объяснил, он и все эти вещи тонко понимал. Тогда еще, заметьте, понимал!

Директор посмотрел на меня и засмеялся. Он всегда очень хорошо смеялся: раскатисто, разливисто, весело – в общем, очень хорошо.

– Литератор, литератор, – сказал он. – Выдумал, наверно, про отца. Ну, если и выдумал, то тоже хорошо. Возможно, возможно, что ты в чем-то и прав.

Конечно, сила – да не та, но легче ли от этого – вот вопрос!»

Глава X. «Как-то скверно здесь пахнет...»

Этой фразой в одном из романов Стругацких начиналось совещание властителей, на котором надо было решать вопрос об эскалации регресса во имя удержания собственной власти.

И у нас сейчас скверно пахнет чем-то подобным. Не фашизмом, нет. Эскалацией регресса, очередной метаморфозой субьекта этого регресса – прорвы.

Легче всего провести прямую аналогию между происходящим у нас сейчас и приведенной мною выше развернутой цитатой из Юрия Домбровского.

Легче всего сказать: «Вот и нашему классу нужен не Ницше, а Гитлер».

Но проведение такой (прямой) аналогии было бы глубокой ошибкой. Зачем нашей прорве Гитлер? Прорва вовсе не

собирается, превращаясь в Тевтонский орден или Черный орден СС, вести завоевательные войны, покорять мир, заводить новый (пусть бы и фашистский) порядок. Прорва может заигрывать с фашизмом, балдея от его презрения к быдлу, его воинствующей бессовестности и прочего. Но нужен прорве вовсе не порядок. Она и к Гитлеру относится как невеста из «Женитьбы»: это нравится, а это нет.

За покорение мира надо платить. Прорва платить не хочет. Для покорения нужен покоритель – воодушевленный какими-то идеями народ, например, немецкий. Обутий, одетый, занимающийся спортом, оснащенный новым оружием и – воспитанный в духе жертвенности. Прольем, мол, нашу кровь ради великого немецкого дела.

«Чью это "нашу"? Кровь быдла? Да сколько угодно. Кровь прорвы? Идти в армию? Напрягаться, посвящаясь в СС? Детей в армию отдавать? Да пошли вы!» Прорве не нужен мир, лежащий у ее ног. Точнее ей не нужен напряг во имя получения подобного приза. Что же ей по-настоящему нужно?

Ей нужен кайф. И – лайф. «Без кайфа нет лайфа». Да, прорве нужно чтобы ее кайф (и лайф) оградили от неприятностей – как внутренних, так и внешних. Но Зюганов не Тельман. Внешние неприятности пока прорву не слишком беспокоят. Шамиль Басаев ей, конечно, не нужен. Но и сильные лидеры, которые, «уделав» Басаева, начнут перебирать олигархических людшек, в восторг ее не приводят.

«Мне нужно, чтобы меня не беспокоили!» – кричал герой Достоевского, грозясь весь свет отдать (вот ведь русский язык – то ли свет как мир, то ли и вправду Свет) за копейку, лишь бы не беспокоили. «Не беспокойте прорву!» – вот задача ее интеллектуальной (и духовной) obsługi. Длитель прорвократический кайф (и лайф).

Небеспокойство предполагает защиту от доходяг, в которых прорва превратила народ. Дело это нехитрое. Немного пиара, немного ОМОНа, находящегося на самофинансировании (анекдот: «Еще и зарплата? А я думал: раз дали пистолет, то вертись, как хочешь»). Немного армии, благо от «совка» ее много осталось. И... И что еще? Скажете, ничего больше прорве этой не надо? Ошибаетесь! Ей нужна, причем до зарезу нужна, легитимация. Прорва обуреваема внутренним беспокойством. Не муками совести – «не дожидетесь!», внутренняя опустошенность как чрево Золотого тельца. Пустота внутри должна быть чем-то заговорена. Причем именно магически заговорена: «Спи, Пустота, не грызи нутро нашей замечательной прорвы».

Дело это – «оченно непростое». Это вам не ОМОН, не пиар, не армия. Тут духовный институт нужен. Опиум для народа – это полдела. Нужен еще и крэк для элиты. Вот что понимает (или улавливает, не знаю) Пиама Павловна Гайденко. Советско-антисоветский обществовед имеет невероятную способность улавливать. Такую же, как советско-антисоветский цэкист.

Даже без внутренних и внешних угроз прорва будет наращивать потенциал отрицания наличия и утверждения отсутствия. Ей нужна «эскалация разборок». С «красными проектами», «убийцами царей», развитием, хилиазмом. Ей кажется, что она борется с опасностями. Борется она с собой, с терзающей ее внутренней Пустотой, требующей все новых и новых смыслопожираний. Соответственно, смыслопожиратели всегда при деле. А поскольку ничем другим они заниматься не умеют, то зов господствующего класса и зуд смыслоедения подпитывают друг друга.

Что такое подобная отрицательная (негативная) динамика – Пиама Павловна, как специалист по экзистенциалистам, не может не понимать. А вот то, что она работает на это, а не против этого... Что ж, воля человеческая свободна... Голос сердца? Все голоса в советско-антисоветском обществоведе на поверку имеют один генезис. Улавливание тенденции и стремление «колебаться» вместе с «линией господствующего» – вот в чем сознательный и подсознательный жизненный смысл для этой страны, этой «субстанции». Быть с тенденцией, с силой! Быть на плаву!

Тенденция – пожирание смысла. Удаву прорвы нужны кролики. Кролика большевизма мало. Кролика Модерна (развития) тоже мало. Удав голоден – его надо кормить. Телец пуст – его надо заполнить. Боги жаждут – их надо умиловать. На очереди новый кролик. Хилиазма? Да не дурите голову себе и другим! Кролик христианства... Под греческим соусом. Если тенденция – смыслопожирание, то, начав с большевизма, пожрут и христианство. Ах нет, не пожрут! Но заставят «перестроиться»... В трагическом, конечно же, смысле. Учиться ему предлагают у греков... Известным (и единственно живым) ницшеанским образом... (Чай, не Средние века, Пиама Павловна, что голову-то нам дурите Августином!)

Прорва терзаема внутренним голодом, порожденным пустотой. Заменить пустоту полнотой она не хочет и не может. А вот кинуть в эту пустоту очередной набор жертв – смыслов, табу, долженствований, норм... Ну и разного рода обременений... Вплоть до территориальных, но и не только... Обременением могут (и должны) стать старики, дети, институт семьи и многое другое. Ведь не зря говорили о «семье, частной собственности и государстве». Нет нуклеарной семьи (и она рушится) – что происходит с частной собственностью и государством? Они исчезают? Или того... превращаются? Так у превращения есть законы. А где законы, там и прогноз. Да, прорва беспрецедентна. Но и эта беспрецедентность будет двигаться в соответствии со своей природой. И на нее найдется управа под названием «закономерности мутации систем».

А раз так, то, хотя прямых аналогий с процитированным выше Ю. Домбровским нет, есть «системные соответствия».

Соответствие №1 – само наличие специфического класса. Этой нетривиальной прорвократии.

Соответствие №2 – заказ со стороны специфического класса. Какой сейчас главный заказ? Не на подавление внутреннего врага, не на внешнюю экспансию – на трансцендентальное завершение. Прорвократии нужен некто, способный ее... скажу «оформить» – это будет неправильно, ибо прорва враждебна форме как таковой... Давайте все же лучше скажем – трансцендентально завершить. Прорве нужно трансцендентальное завершение. А то, знаете ли, скучно... несолидно... Главное – спокойно. Да, заказ не гитлеровский, другой. То, что он другой, не позволяет проводить прямых аналогий. А то, что он все равно заказ, говорит о наличии системных косвенных соответствий.

Соответствие №3 – «от А к Б, от Б к В и так далее». В случае КПСС – от Ленина к Бухарину, от Бухарина к демократическому социализму, от демократического социализма к капитализму, от капитализма к социал – дарвинизму.

В случае церкви... От Августина к Платону, от Платону к Плотину, от них к Ницше, от Ницше... ну, не к Гитлеру, но куда-то. Для прорвы Ницше сложноват и избыточно противоречив. Вроде бы то, что надо... Но не вполне. Гитлеру нужен не Ницше, а Черный орден СС. Дювалье на Гаити были нужны тонтон-макуты и... культ вуду. Да, прорва уникальна. И простыми сравнениями с Дювалье ли, с Гитлером ее заказ описать невозможно. Но как приводимым аналогам свойственно

было нечто из разряда «неймется», так и прорве тоже... Ей тоже неймется. Неймется – иначе. Но неймется же!

В том, что неймется как-то иначе, отличие. А в том, что неймется, сходство. Ведь пробирались посланцы фюрера на Тибет. И люди Дювалье хотели вызвать дух Тьмы из небытия. А зачем? Мало было простых репрессий? Простых апелляций к избранности народа и расы? Мало! Ибо неймется. Ну так и прорве... Ей в каком-то смысле тоже мало... Точнее, Ницше для нее и много, и мало. Много, потому что сложно. А мало... Мало, потому что недостаточно круто.

Трансцендентально завершить, то бишь легитимировать прорву, можно лишь освободив ее от обременения. От химеры под названием совесть? Да! Но и не только. От Творчества, ибо оно враждебно прорве. От Закона (любого – хоть Моисея, хоть Христа). От порядка (хоть бы и «олимпийско-аполлонического»). Вроде бы ясно, кто от этого освобождает! Освободитель от этого вроде бы называется Сатана. Ан нет! И он недостаточно крут. Он – под Богом ходит! Для прорвы (продвинутой, разумеется) это все равно, что под ментами. Что скажет прорва, прочитав Мильтона? «Ну свой парень, этот Сатана! Засадил его менты в зону, а он там устанавливает свои правила! И все живут «по понятиям». Но ведь зона-то все равно ментовская, так и мы умеем». А тому, что умеют, не поклоняются. Это уважают – и только. Но к чему-то прорве «прикрепиться» надо. К чему?

Ясно, что к чему-то несовместимому не только с любовью и состраданием, но и с законом. Зачем криминальному классу закон? Хучь иудейский, хучь иудеоподобный протестантский... Да пошли вы!

Следом за Христом отменяется и Ветхий Завет. В чью пользу? Аполлон? Ему подавай порядок, гармонию. Не канает! Ладно, отменили и Аполлона.

Дионис? Ну, он, конечно, круче. Ницше прав. Опять же, бог алкоголя, что приятно. Но он сын Зевса. И тут Олимп, иерархия, порядок. Конечно, эти боги не чета каким-то там ангелам. Они и трахаются, и дерутся, и бессмертные себе обеспечили, не абы какое, а телесное, и лохов (людей, то бишь) почему зря пригибают. Кайф, в общем, есть. Н-да... Есть то есть, да не про нашу честь... Отбросили Олимп... Что остается?

Старые боги?.. Но ведь слабаки – коли позволили себя сбросить... И опять же, сегодня отроков в пещь – это заради бога. А если завтра – нас? Пройденный этап... Капо в концлагере? Миль пардон! Да и как-то все это слабовато. Нет уж, нам при нашей крутизне подайте-ка нечто Абсолютное! Чтобы было выше (да, именно выше) Закона, Творчества и Порядка. И плеvalo бы на это сверху (да-да, именно сверху!) вниз. На что на это?

На Справедливость.

На Любовь.

На Сострадание (то есть Милость).

На Закон (то есть Суд).

На Преображение.

На Творчество.

На Творение.

На Творца.

Гуманизм, уважаемые ученые и церковные деятели, – это не просвещенческая великая дурь. Это Великий и единственный оберег человечества. Не Прометей это учредил. И уж тем более не Вольтер или Эразм Роттердамский. Всегда есть боги-друзья людей и боги-враги. С эпохи Древнего Шумера это так.

Теперь желательно (для прорвы), чтобы стерто было все гуманистическое. Человек, вишь ты, венец Творения. Образ и подобие. Сын человеческий – сын Божий... Изгоняю не желающих поклоняться человеку... Обожение какое-то? Чувшь гуманистическая! Эй, нам надобно, чтобы все это вырвано было с корнем. Мы желаем...

Стоп. А есть ли оно, желанное? Можно ли его соорудить из чего-то имеющегося? Простейший культурологический анализ показывает, что «это» легче всего соорудить из Иного неоплатоников в его специфической ультрагностической интерпретации. В этой интерпретации Иное очевидным образом превращается в Тьму Предвечную.

В ту Тьму, которая была до Творения. «И тьма над бездной». Эта тьма была до того, как началось Творение. Она древнее, а значит и мощнее, этого Творения. Да и того, кто учредил все эти «жалкие обусловленности» – Закон, Порядок, волю к сотворчеству. О любви и сострадании и говорить не приходится. Поймите, я не шучу. Братку Закон отвратителен. Но если ему сказать, что он – отпавший от Закона Люцифер, то браток поскукнеет. Ибо этого Люцифера пригнули, послали к нему ментов, посадили в тюрьму. Ну, в лучшем случае – «он как мы». В тюрьме, то бишь Аду, свои понятия учреждает.

А вот Тьма, отрицающая Творение и Творца, а также их установления (Закон)... Тьма, находящаяся не ПОД тем, что она отрицает («это и мы можем»), а НАД этим... Что ж, такое начало заслуживает внимания амбициозного и метафизически продвинутого братка. «Чай, покруче нас!» Покруче, но из той же незаконности, несправедливости состоящее. «Наши» для братка – это те, кто не принимает Закон, Порядок, Творчество, Сострадание, Любовь.

А над «нашими» – Высшее, санкционирующее подобный отрицающий алгоритм (к движению «Наши» это никакого отношения не имеет, да и к Невзорову тоже... А вот к предложившему подобное Гумилеву... Кто знает?). Гностическо-ликвидационная Церковь Тьмы, санкционирующая Не-Закон, Не-Порядок, Не-Творчество... «Куда ведет эта дорога, хозяйка?» – спрашивает Григорий Отрепьев трактирщицу. Интеллектуальная дорога, прокладываемая Пиамою Павловной, ведет (вне зависимости от осознания этого почтенной философией) именно в Церковь Тьмы, А чтобы скрыть очевидное, надо изобрести какой-то хилиасто-гностицизм (что-то навроде квадратного трехчлена, так впечатлившего в известном анекдоте Василия Ивановича Чапаева, когда он попытался его вообразить).

Но дело не в Пиаме Павловне, а в ультраницшеанском классе-прорве. Ницше – это хорошо, но мало. Про че он там молится? Пошлите мне, мол, безумие, великий Свет и великую Тьму... Чуете, что тут лишнее? Свет тут лишний.

Итак, ультраницшеанство (а к нему будет все более тяготеть этот класс) требует уже не Ницше с его одновременным, как мы видим, порывом и к Свету, и к Тьме, а некоего учения, в котором ницшеанство бы осталось, а вопрос о Свете был бы снят.

Существовало ли такое учение? Имело ли оно когда-либо какой-либо политический смысл? Убежден, что существовало и политический смысл имело. Да еще какой!

«Ницше минус Свет» – это особый оккультный фашизм, точнее, тот самый метафизический гитлеризм, который в Третьем рейхе на поверхность не вышел. На поверхность его вывели оккультные неофашисты – Мигель Серрано, Савитри Дэви... Однако это было интеллектуальными разминками, пробами пера. Осуществление чего-то подобного в качестве политически значимой идеологической практики... Это, по-видимому, еще впереди.

Но социальный заказ на ультраницшеанство формируется у нас на глазах.

Он многолик. В это включены как либералы, так и их непримиримые враги. Тексты, культурные артефакты, образцы политического и социального поведения... Все это формирует среду, в которой может вырасти полноценное и политически значимое ультраницшеанство. Пока что речь идет не более чем о среде. Перебирать тут имена бессмысленно. Их слишком много: «имя им легион».

Отвязанный постмодернизм, гламур, воспевание без- и антисолидарной силы, идеализация криминала... Это еще только цветочки... Кстати о цветочках...

Если мы в своих изысканиях будем опираться только на священные тексты, ритуалы, фольклор, культурные свидетельства прямого и косвенного характера – мы добросовестно выполним бессмысленную академическую задачу. Метафизика, если она живая (а другая неинтересна), может быть по-настоящему понята только если наряду с текстами, порожденными культурой и культом, мы научимся читать метатекст под названием «Повседневность».

Метафизично все: уклад жизни, кафе и магазины, свадьбы и похороны, танцы и спортивные состязания. Метафизичен дом... Но рекордсменом по метафизичности является среда, в которую человек погружает свое жилище. Если, конечно, он сам определяет, где жить, чем себя окружать. Такое право есть у немногих. Но то, как эти немногие распоряжаются подобным правом (завоеванным или унаследованным, неважно), может порой открыть феномены, которые культура лицемерно скрывает.

У меня есть знакомые, занимающиеся садоводством. Точнее – устройством окружающей дом человека среды. Коль скоро у человека есть дом и человек заказывает устройство среды, то он отнюдь не беден.

Устройство сада (парка или иного околodomного природного окружения) может человека вообще не интересовать. Ну а если – интересует? Если он платит деньги, тратит время на беседы с профессионалами, вникает в детали, проводит корректировки? Тогда это показательно.

Прежде всего, потому, что сад (искусственная природа, которой ты себя окружил) – это суперметафизическое «местечко». Буквально – твой здешний рай. Твоя проекция трансцендентного в имманентное. И далеко не все богатые граждане России так тупы, чтобы не понимать этого. Сад, кстати, в этом качестве имеет устойчивое метарелигиозное и транскультурное значение.

Но предположим, что лицо, заказывающее такой-то сад, метафизически тупо до беспредельности. Оно все равно сад зачем-то заказывает. Оно в нем наслаждаться хочет. В нем дети должны играть, близкие на качелях качаться. Должен быть, как минимум, «эта, того, релакс!». Иначе – зачем тратить деньги, время, усилия?

Ну, так вот... Мои компетентные знакомые, способные дать статистически ценные сведения, утверждают, что среди людей, занятых созданием околodomных природных сред, имеет место нечто крайне странное. Что все большее количество таких, обеспеченных и небестолковых, людей заказывают себе сады – не мягкие, а предельно (и запредельно) жесткие, чтобы не сказать жестокие.

Что очень модными стали дорогие и небезопасные колючки разных сортов. Что шиповник, который раньше сажали вдоль заборов (что понятно – живая изгородь), теперь высаживают совсем иначе. И требуют, чтобы находили дорогие сорта особо колючего шиповника, со страшными колючками. То же самое касается других растений. Включая безумно дорогие. Какие-нибудь лианы-монстры затаскиваются в дома. Это все равно, что заказать себе шторы из бритв. Что все это такое?

Это и многое другое говорит о том, что на земле в итоге строится не рай, а ад. И что для борцов с хилиазмом попытки построить рай на земле ужасны. А вот попытки (причем продвинутые) построить ад на земле должны защищаться и благословляться. И что вся критика рая на земле призвана на деле не противопоставить этой утопической глупости трезвую оптимизацию земной жизни в соответствии с некими представлениями о благом и должном, а расчистить путь к построению Замка Зла. Начнешь же критиковать ад земной, тебе скажут: «Ах, вам очередного рая на земле захотелось!»

Прорва эволюционирует, точнее инволюционирует... От Наташи из «Трех сестер», кричавшей: «И тут везде я вello понасажать цветочков, цветочков, и будет запах», – к Лопухину, который мечтал о вишневом саде, чтобы, купив его, срубить. А от него – к леди, заказывающей для «садика семейного» не абы что, а лианы-монстры. А чем не метафизический идеал? Ты черт (в пределе – бессмертный). У тебя адский сад в шипах и змеях, Замок Зла. А в долине люди, которые воют от ужаса, завидев тебя издали. И которых можно мучить, мучить и мучить. Развращать, терроризировать... Мало ли еще, что можно придумать?!

Рональд Рейган, назвав СССР «империей зла», заимствовал образ из «Властелина колец» Толкиена. Империя зла – это Мордор, замок зла, черный замок. Ну – и понеслось... Орки, то, се...

На самом деле СССР эпохи Рейгана был одним из самых умильных (умеренных до сусальности), добродетельных мест на планете.

Что сотворили с этим местом, лживо отождествив его с Мордором, мы видим. Под критику Мордора сооружается Мордор. И – Церковь Тьмы. Через которую князья свяжутся со своим трансцендентным, высшим инфернальным и Абсолютным.

Класс не читал Платона. Но он отыскивает нужное и желанное, как борзая дичь. У класса всегда нюх превалирует над разумом. Класс не химеричнее, а зоологичнее людей, которые его слагают. Да и люди... Понимаем же, каковы они в основной своей массе. Рано или поздно класс найдет то, что ищет. А то, что он ищет, раскроет ему объятия. Отдельные танатосы станут Супертанатосом, Всетанатосом. «Перестройка-1», «перестройка-2» и так далее станут в точке «перестройка-?»

Всеобщим Превращением. Все так и будет, если мы этому не помешаем (в очередной раз). Но для того, чтобы помешать, надо увидеть сквозь личины морализации и румяна псевдоидеологических мифов суть тех, кто сыграл в невиданную по античеловечности и коварству игру. Только тогда обнажится хоть в какой-то мере лик Тьмы. Подчеркиваю – в какой-то мере, не более. Человек не любит, а точнее сказать не может видеть этот лик в его всеобъемности.

И все же увидеть надо. Может быть, тогда удастся нащупать выход. Блок говорил: «Познай, где свет, – поймешь, где тьма». Нам после случившегося нужно познать, где Тьма и что она такое. После этого, может быть, мы и лучше поймем, что такое Свет, и окажемся в большей степени сопричастными оному.

ЧАСТЬ VII. «ПОСТ» ИЛИ «СВЕРХ»?

Глава I. Три метафизические традиции

Философия может чураться религиозного соседа, а может с ним заигрывать. Или даже считать себя неотъемлемой частью того или иного религиозного опыта.

В XIX веке философия почти всегда отмежевывалась от религии. Даже тогда, когда та или иная религиозная традиция накладывала слишком очевидный отпечаток на творческую деятельность отмежевывающегося от нее философа.

XX век перенял эстафету у предшествующего столетия. И гордо ее нес вплоть до своей последней трети, когда у философов, как минимум, исчез страх перед обнаружением своей причастности к чему-то религиозному. А как максимум – возникло желание пофлиртовать с ранее абсолютно недопустимым для ученого, а теперь становящимся для него более чем приемлемым религиозным началом.

Разумеется, я говорю об ученых, не связавших с религией прямо и откровенно не только себя лично, но и свою научную деятельность. Мы знаем, что ученые, заявлявшие о том, что их научная деятельность должна служить религиозному делу, тоже были и в XIX, и в XX веке. Но мы знаем также, что они были в явном меньшинстве.

А тех, кто сначала боялся флиртовать с религией, а потом перестал бояться, было гораздо больше.

Но были и те, кто категорически отметал какое-либо соприкосновение своей науки с религией. Такие ученые, кстати, могли быть верующими людьми (а могли и не быть). Но, допуская СВОЕ ЛИЧНОЕ соприкосновение с религией, они считали совершенно недопустимым соприкосновение СВОЕЙ НАУКИ с религией. Потому что опасались инфильтрации в научное – рациональное по определению – начала элементов иррациональности, всегда присутствующих в религии. (Не зря ведь историки религии возводят знаменитое «Верую, ибо нелепо» аж к самому Тертуллиану. Который, конечно, напрямую ничего подобного не говорил, но чьи рассуждения – равно как и более поздние рассуждения крупнейших церковных авторитетов – сводятся именно к этому.) Но даже у ученых, категорически обрывавших ПРЯМЫЕ И НЕПОСРЕДСТВЕННЫЕ связи своего научного начинания с религией, не могло не быть иных связей с той же самой религией, связей, КОСВЕННЫХ И ОПОСРЕДОВАННЫХ.

Косвенные и опосредованные связи между наукой и религией оборвать в принципе невозможно. Ибо реализуются они через неотменяемый институт под названием «традиция». В самом деле, светская наука – феномен достаточно поздний. И любое проследивание научной традиции в рамках этой самой светскости рано или поздно приводит вас сначала на границу, разделяющую светское и религиозное, а потом... Потом вы оказываетесь за границами светскости. И обнаруживаете, что у вашего горящего своей светскостью начинания есть религиозный предок. Ваше право – отнестись к этому предку как угодно. Но отвергнуть его наличие вы не можете. И если вы добросовестны в своем желании познать историю, а значит, и смысл своего научного начинания, то вы станете заниматься своими предками, предками своих, не менее светских, чем вы, оппонентов. То есть религиозными традициями, порождающими те или иные школы в рамках светской научности.

Ну, сказали вы, будучи светским философом и гордясь своей воинствующей светскостью, про линию Платона и Демокрита. А Платон-то и Демокрит разве были светскими мыслителями? Вы, конечно, выбираете себе более светского Демокрита в качестве предшественника. И говорите, что Демокрит был материалистом. Но вы ведь понимаете, что такое материализм V века до нашей эры. Это такая безудержная религиозность, что дальше некуда. И поди еще разбери, кто менее религиозен – Платон или Демокрит?

Есть три причины, по которым рассматриваемая мною коллизия невероятно важна именно сейчас.

Первая причина состоит в том, что мы никогда не поймем по-настоящему ни одну светскую научную традицию (систему, школу), если не выведем эту традицию за ее светские пределы. И не присовокупим к ней более раннюю (и именно ей органически близкую) традицию религиозную. Это касается всего, чего угодно. В том числе коммунизма, которому так яростно когда-то присягнула Россия и от которого она сейчас так же яростно отрешивается. Ничего тут нельзя понять, оценить, развить, не выйдя за светские пределы.

Вторая причина состоит в том, что ни про одного крупного, пусть и декларирующего яростно антирелигиозную светскость, ученого XIX и XX века нельзя сказать наверняка, что «под кожей» его антирелигиозной светскости не пряталось нечто метафизическое. Метафизика ведь может быть и внерелигиозной. Идеология развития в ее определенных вариантах не может не быть очень накаленным светским культом. Светская метафизика не выдумка. Но в том-то и заковыка, что, с одной стороны, добраться до светской неявной метафизики можно только обнажая религиозную метафизическую традицию. А с другой стороны, будучи выявленной в качестве светской, метафизика стремительно увлекает вас в прошлое, наполненное ее же религиозными предтечами.

Третья причина состоит в том, что XXI век взыскует какого-то нового метафизического качества, преодолевающего противоречие между наукой и религией. А значит, попытка метафизических реконструкций, выявляющих скрываемые светскими научными школами метафизические основания (религиозные или светско-неявно-метафизические), важна сегодня как никогда ранее.

Ну, так я и хочу перейти к подобным метафизическим реконструкциям, касающимся важнейших для XXI века научных и научно-идеологических светских (и именно светских) школ. Прежде всего, марксизма. Но и не только. С моей точки зрения, ответ на вопрос: «Будет ли спасено человечество в XXI веке или ему суждено погибнуть, разбившись у невзятых барьеров развития?» – полностью определяется способностью человечества построить в XXI веке убедительную для него светскую метафизику, приемлемую и для религиозных людей. И не может человечество преуспеть в таком метафизическом строительстве, отбрасывая свой исторический опыт. Но нет в этом мировом опыте ничего сопоставимого по яркости и исторической значимости с марксизмом и коммунизмом. Важность же для России данного обстоятельства мы с тобою, читатель, обсуждали во всех предыдущих частях этой книги. И убеждать тебя в неслыханной важности для России как самой «красной» метафизической прецедентности, так и вытекающих из нее инновационных возможностей я больше не буду.

В конце концов, мотивы, по которым я хочу теперь обсудить явную и неявную светскую метафизику, содержащуюся в тех или иных мегатеориях и мегапроектах, – это одно. А само такое обсуждение – это другое. Может быть, для меня реконструкция неявной светской метафизики важна по одним (вышеназванным трем) причинам, а для читателя – по другим. Не буду я читателю свои причины навязывать. Я их оговорю и начну осуществлять эту самую реконструкционную деятельность. То есть выявлять, как именно функционирует метафизическое начало за религиозными рамками.

В VI части этой книги я попытался рассмотреть борьбу сторонников и противников развития с точки зрения метафизик, находящихся в религиозных рамках. То есть с точки зрения метафизических традиций (каковых несколько).

Под метафизической традицией я имею в виду формальную (то есть так или иначе институционализированную) или неформальную (то есть неинституционализированную вообще) метафизическую школу, сформировавшуюся в рамках той или иной религии и устойчиво воспроизводимую от учителей к ученикам на протяжении больших временных интервалов. То есть школу, исторически состоятельную.

Ну, так вот... В VI части книги я сосредоточился именно на борьбе метафизических традиций в рамках православия. Такое сосредоточение порождено было как политическим характером проводимого мною исследования, так и его объемом. Я с радостью описал бы в книге результаты своих исследований борьбы метафизик, считающих развитие благом и злом в рамках ислама, иудаизма, буддизма, других мировых религий.

Более того, я убежден, что такое расширение картины традиционных метафизических сражений, ведущихся вокруг проблемы развития, резко обогатило бы книгу. Но одновременно оно превратило бы ее из политического в культурологическое исследование, причем исследование многотомное. А я не хочу ни ухода от политической злобы дня, ни увеличения объема и без того уже вполне объемного сочинения. Поэтому я сосредоточился именно на том, как велась борьба «за» и «против» развития в рамках православных метафизических традиций. Ведь православие для России (со всеми политкорректными оговорками) все же обладает наибольшим значением. Оно маркирует специфику российского культурогенеза. Оно определяет специфику нашей культурно-исторической личности.

Это не значит, что я пренебрегаю вкладом других религий в создание нашей – мультикультурной и мультиконфессиональной – исторической личности. Это всего лишь значит, что я констатирую нечто слишком очевидное для того, чтобы назвать констатируемое «позицией». Особая роль русского языка в формировании нашей историко-культурной личности – это позиция автора или факт, объективный настолько же, насколько объективно «мнение», что дважды два равно четырем или что Волга впадает в Каспийское море? Все понимают, что в случае с русским языком – то факт, а не позиция. Но ведь то же самое и с православием.

Историческая объективность этого факта дополняется немаловажными политическими обстоятельствами, которые я никоим образом не имею права выводить за скобки, исследуя именно политическое в судьбах развития. Поскольку нынешняя власть в России к православию очевидным образом тяготеет, а я исследую судьбу развития как нечто политически обусловленное, то особое место, уделенное мною православной метафизической традиции (точнее – традициям), согласитесь, вполне оправдано.

Тем же, кто не связывает себя с православием не только непосредственными, личными, собственно религиозными узами, но и узами историко-культурными (то есть опосредованными), могу сказать, что результаты, которые я получил, исследуя православные метафизические традиции, имеют научное значение и за рамками православия. Занимаясь на протяжении десятилетий сравнительным религиоведением, я убедился: метафизическая борьба сторонников и противников развития во всех мировых религиях ведется аналогичным образом. Что касается монотеистических религий, то поразительная воспроизводимость одних и тех же форм, в которых ведется эта борьба в рамках разных модификаций монотеизма, совсем уж безусловна. Но даже за рамками монотеистических религий – это тоже, прошу тебя поверить, читатель, в существенной степени справедлива.

Итак, я, **во-первых**, посвятил VI часть книги рассмотрению двух метафизических традиций, которые ведут между собою в пределах православия борьбу «за» и «против» развития.

Я, **во-вторых**, утверждаю, что за пределами православия – в католицизме и протестантизме, иудаизме и исламе, других мировых религиях – тоже можно обнаружить две метафизические традиции, одна из которых прославляет развитие и борется за него как за высшее благо, а другая проклинает развитие и считает его абсолютным злом.

Я, **в-третьих**, не утверждаю тем самым, что есть только эти две традиции. Но эти две традиции есть.

Выявление данных традиций в VI части книги осуществлено с той предельной детальностью, которая позволительна для политического исследования.

Кто-то теперь скажет, что наличие таких традиций очевидно, и я ломлюсь в открытую дверь. Но пусть этот «кто-то» прежде, чем сказать, побудет наедине с собой и сам себе ответит честно, было ли ему ясно наличие подобных традиций до того, как он прочитал VI часть данной книги. Не сомневаюсь, что кому-то наличие этих, достаточно запутанных и запятанных, традиций было ясно и до знакомства с моим исследованием вообще и его VI частью в частности. Но так ли много таких продвинутых в современной России? Да и в мире? И так ли уж продвинутые тяготеют (а) к прояснению вопроса и (б) к выявлению его, вопроса, политической составляющей?

Впрочем, я готов согласиться с тем, что наличие двух антагонистических метафизических традиций – предельно враждебной развитию и предельно благожелательной к нему – достаточно очевидно. Просто эта очевидность замутнена как наличием третьей (до недавнего исторического времени преобладавшей) метафизической традиции, так и специальной деятельностью «замутнителей». То есть сил, специализирующихся на организации замутнения всего, что касается наличия не одной – преобладающей – метафизической традиции. А сразу трех традиций! Этой самой преобладающей и двух других – как бы крайних (и, безусловно, непримиримо враждебных) метафизических традиций. Традиций, чья борьба, принимая разные исторические формы, по сути, была, есть и будет именно борьбой «за» и «против» развития.

Что касается третьей традиции, чье преобладание естественным образом замутняет вопрос о наличии двух крайних,

антагонистических в вопросе о развитии метафизических традиций, то эта третья традиция очевидна. Она маркируется вопросом о теодицее, то есть о Божественной справедливости. Согласно этой метафизической традиции (которую я назову религиозно-либеральной, оговорив, что, по-видимому, никто, кроме меня, так данную традицию не называет), зло порождено благостью Бога, его стремлением дать человеку свободу воли, то есть возможность выбрать между добром и злом и даже уклониться в сторону зла. Основания для того, чтобы назвать подобную традицию либеральной, состоят в том, что именно для либерала (говоря об этом не с издевкой, а с нескрываемым восхищением) свобода является абсолютной ценностью. А раз абсолютной, то лучше свобода,отягченная злом, чем отсутствие сразу и свободы, и этого отягчения. В теологическом варианте абсолютизация свободы, согласитесь, тождественна принципу теодицеи. А значит, и принцип теодицеи можно назвать основой либеральной теологии, то есть основой религиозного либерализма (что либеральная теология, что теологический либерализм – разница в общем-то невелика).

Если же кому-то термины «либеральная теология» (употребляется достаточно часто) или «теологический (религиозный) либерализм» (употребляется реже) кажутся усложненными, то я с радостью соглашусь заменить их термином «классическая религиозно-гуманистическая традиция». Возможно, тогда станет яснее, почему я восхищен этой традицией. Ведь если есть у моего исследования какая-то сверхзадача, то она состоит именно в том, чтобы отстоять бесконечно мною любимый гуманизм в условиях беспрецедентно опасных вызовов XXI века.

Другое дело, что (как это оговорено уже во Введении к данной книге) я не считаю возможным отстоять классический гуманизм. Но это не исключает моего восхищения перед гуманистической классикой вообще, классической религиозно-гуманистической традицией в частности и принципом теодицеи как квинтэссенцией всего этого. Что же касается причин, по которым я отвергаю возможность отстоять гуманизм, цепляясь за его (еще раз подчеркну, мною бесконечно любимое) классическое содержание, то сейчас, возможно, они станут несколько яснее. Выше (в том же Введении, например) я называл такие попытки цепляться за гуманистическое статус-кво «гуманистическим ретро». Сейчас же я намерен углубиться в аналитику введенного мною понятия «гуманистическое ретро». И начну я это углубление именно рассмотрением теологической катастрофы теодицеи, совпавшей и по времени, и по содержанию с политической катастрофой под названием фашизм.

В самом деле, теодицея (представление о зле как о неизбежном следствии основного блага – блага свободы воли) преобладала в христианской, да и в целом монотеистической, теологии вплоть до середины XX века. Это преобладание называют «представлением о зле до Освенцима». Насколько Освенцим, фашистские зверства в целом, феномен фашизма как такового действительно могут быть приняты в качестве границы, маркирующей исчерпание или ослабление третьей метафизической традиции, основанной на теодицее, и всего классического гуманизма, прямо или косвенно основанного на этой самой теодицее? Начни я это обсуждать, мы далеко уйдем в сторону.

Могу лишь сказать, что данная граница проведена не мною одним.

Что о богословии «до и после Освенцима» не я первый говорю.

Что существует устойчивое коллективное представление о необходимости радикальной метафизической ревизии теодицеи именно после событий 1933–1945 годов.

Что, согласно этому представлению, метафизические подходы к объяснению феномена зла, применявшиеся в период до фашистского всемирно-исторического безумия, этим безумием опровергнуты.

Что сторонники такого подхода отказываются после Освенцима рассматривать дьявола (или в целом источник зла) как обезьяну Господа Бога, неспособную к автономной, конкурентной благу, злой креативности.

Что сторонники такого подхода отказываются также от объяснения природы нового зла через апелляцию к свободе воли. При том, что ранее эта апелляция им казалась абсолютно убедительной.

Читатель может по-разному относиться к правомочности сопряжения фундаментальной смены метафизических вех с конкретными историческими событиями. Но мне здесь важнее сама констатация наличия этой фундаментальной «смены вех». И выявление того, что именно эта «смена вех» привносит в своеобразный атлас актуальных для человечества метафизик. Это не значит, что вклад фашизма в рассматриваемую «смену вех» для меня неважен. Но «смена вех» еще важнее. В том числе и потому, что о фашизме-то говорилось много (хотя сейчас говорится все меньше), а вот об этой метафизической «смене вех» пока что сказано слишком мало.

Я лично – на стороне тех, кто считает, что именно фашизм в целом (и Освенцим как его символ) потребовал фундаментальной метафизической ревизии (она же «смена вех»). Но эту свою позицию я лишь оговариваю, и не более. Предположим, что те, кто провел границу между старыми и новыми метафизическими представлениями, исходя из явленного миру в ходе фашистской (метафизически явно неслучайной) конвульсии, ошибаются. Я, повторяю, не считаю, что они ошибаются. Но предположим, что ошибаются. По сути это ничего не меняет.

«Смена вех» в любом случае состоялась. В чем же она?

В том, что представление об одной-единственной метафизике, основанной на теодицее как единственно возможном объяснении природы зла (я называю такое представление «пантеодицейством»), сменилось представлением о нескольких метафизиках. В их числе, конечно, есть метафизика, в которой объяснение природы зла основано на теодицее, но есть и другие метафизики, в которых объяснения природы зла основаны на другом. «Смена вех» не аннулирует метафизику, основанную на теодицее. Она даже не отнимает у этой метафизики роль наиболее распространенной и влиятельной. Она всего лишь (а) говорит, что есть другие метафизики (а значит, нет пантеодицейства), (б) говорит, что другие метафизики, равно не используя теодицею, находясь в антагонизме друг с другом и (в) что с метафизикой, основанной на теодицее, как бы она влиятельна ни была, не все в порядке, что влиятельность-то влиятельностью, а убедительность убедительностью.

Чем бы ни была вызвана «смена вех», она, повторяю, сыграла невероятную и не до конца еще осознанную роль во всем, что касается будущего человечества. Лишение пантеодицейства приставки «пан-» вывело наконец из андеграунда две другие, с теодицеей несовместимые метафизические традиции. Эти две метафизические традиции существовали (на то они и

традиции) тысячелетиями. Но пантеодицейство превращало их существование в нечто сугубо периферийное. В элитно-высоколобую экзотику или тайные радения гонимых еретиков.

Эти две метафизические традиции были изгнаны пантеодицейством не только с основной политико-метафизической сцены, на которой разыгрывались главные сюжеты историко-метафизической драмы. Эти традиции были изгнаны из общественного сознания, лишены права на прямое присутствие в повестке дня. В подобном изгнании, конечно, было место и репрессивному началу. Но преобладала все же именно классическая гуманистическая интеллектуальная спесь. Мол, «зачем нам какие-то экзотические объяснения, если мы обладаем объяснением ясным и очевидным для всех, то есть теодицеей в ее сначала религиозном, а потом модифицированном светском варианте»?

Фашизм поубавил спеси. Да и не он один. А когда место спеси заняла растерянность, то две антитеодицейные метафизики вернулись – тихо и незаметно – и на политико-метафизическую сцену, и в общечеловеческую повестку дня.

В том-то и беда, что незаметно и тихо. Было нечто другое. Это «другое» занимало в «доме метафизик», повторяю, место не просто огромное, а совершенно несопоставимое по своему масштабу и значению с чем-либо еще. Занимая подобное место, оно как бы спрашивало все остальное: «Вы-то зачем нужны? И где вас размещать, если я есть и местом с вами делиться не намереваюсь?» Теперь оно, «другое», освободило место де-факто, еще не признавая ничего подобного де-юре. Тем самым создались предпосылки актуализации того, что ранее не было актуально. Да и место для этого возвращаемого не просто есть... Его стало даже слишком много.

Но для того, чтобы освободившееся место было освоено не одним из двух метафизических конкурентов, а хотя бы ими наравне, нужны интеллектуальные усилия. Конечно же, коллективные. Мое исследование вообще и его VI часть в особенности – какой-то вклад в это совершенно необходимое усилие. Какой именно – не мне судить. Но надо начать работу. Иначе все кончится очень скверно. Освободившееся место будет занято только метафизикой злого бога. Политические последствия этого будут колоссальными по объему и чудовищными по качеству. Не в дискуссию ради дискуссии (с Лоргуsom ли, с Гайденом) я погрузился на определенном этапе своего исследования. Я занялся выявлением политической (и именно политической!) значимости для XXI века двух вычеркнутых ранее из повестки дня метафизик.

Метафизик нетеодицейных.

Метафизик взаимно антагонистических.

Метафизик, одна из которых неизбежно будет воспроизводить фашизм и антигуманизм в целом, а другая может стать фундаментом нового гуманизма (и в неявном виде уже использовалась в качестве такового, начиная с октября 1917 года и вплоть до так называемой перестройки).

Я-то выявляю... Аппелирую к уже осуществленным теологическим выявлениям этих двух метафизик... Придаю теологическим выявлениям политический смысл... Сопрягаю выявленные метафизики с проблемой развития...

Я-то выявляю... А кто-то... Кто-то вновь и вновь пытается замутнить выявленное. Обнажая при этом свою вполне банальную (антибольшевистскую, видите ли) политмотивацию.

А ну, как удастся и после смены метафизических вех убедить не слишком образованных людей (а метафизически образованных людей вообще не очень-то много, тем более среди политиков), что хилиазм и гностика – это не две непримиримо враждующие метафизики, а какая-то одна гибридная метафизика?

Что такое гностическая метафизика? Это ОДНА из тех ДВУХ антитеодицейных метафизических традиций, которые были отеснены в метафизический андеграунд пантеодицейством и выведены из этого андеграунда по-настоящему только в условиях фиаско пантеодицейства. В условиях, когда стала слишком очевидной необходимость избавления теологии и философии от всего того, что порождено... Нет, даже не НАЛИЧИЕМ теодицеи как таковой, а ее ПРЕТЕНЗИЕЙ на особый статус. Статус, который я обозначаю через приставку «пан-» к слову «теодицея».

Итак, гностическая метафизика – это только ОДНА из ДВУХ антитеодицейных метафизик, выводимых из метафизического андеграунда исчезновением приставки «пан-». Одна из двух! У нее есть антагонист, причем столь же антитеодицейный, как и она сама. Он называется – хилиазм. Повторяю еще раз, наличие этих двух антагонистических антитеодицейных метафизик (гностической и хилиастической) было замутнено как тысячелетним преобладанием метафизики теодицеи, так и нежеланием самых разных политических и метафизических сил прояснить то, что касается подлинного всемирного метафизического «расклада».

В чем же суть этих двух антитеодицейных метафизик? В чем их взаимная непримиримость (антагонистичность)?

Согласно гностической метафизике (отвергающей, повторю еще раз, теодицею так же категорически, как и антагонистичная ей метафизика хилиастов), зло есть сущностная характеристика бытия. Бытие же, как считают гностики, обладает этой сущностной характеристикой в силу своего генезиса. В силу того, что порождено оно не высшей креативной инстанцией (каковой для гностиков нет вообще), а злым и несовершенным демиургом. При этом большинство гностиков считает этим демиургом еврейского бога. Бога-Творца.

Несколькими строками выше я уже оговорил, что другая – хилиастическая и тоже не признающая теодицею – метафизическая традиция является традицией, диаметрально (и именно диаметрально) противоположной гностической.

Согласно этой традиции, зло порождено наличием, помимо бытия, сотворенного Богом, еще и нетварной Предвечной Тьмы – той самой, про которую сказано: «И тьма над бездною».

Я называю такую – хилиастическую – метафизическую традицию антигностической (то есть именно диаметрально противоположной гностической) потому, что и для гностиков есть Творец и Тьма.

Только для гностиков Творец – это злой и ничемный Демиург, а Тьма – это высшая сила, благая сила, Иное. Соответственно, для гностиков целью не может быть развитие. Ведь для них Творение – это зло. А значит, для них злом является и историческое время, которое порождено Творением и находится под его опекой наряду с бытием. Для гностиков есть только добытийная благодать (примордиальная, как они говорят). Она, с их точки зрения, преступно осквернена Творцом. А потому ее восстановление несовместимо с Творением. Вернуться к ней можно лишь уничтожив Творение целиком.

А пока Творение не уничтожено, пока Творец не капитулировал (или не погиб вместе с Творением) – все неисправимо отягчено злом. Зло имеет тем самым неискореняемый фундаментальный характер. Оно тождественно Творению как таковому. А еще точнее – союзу Творца и Творения. Повторяю, для гностиков Творение пропитано злом, наполняющим каждую пору этой омерзительной выдумки Демиурга. И любое совершенствование Творения (то есть развитие) есть совершенствование зла. А значит, и само развитие есть зло.

Чем больше развивается Творение, говорит гностик, тем дальше оно уходит от примордиальной точки, то есть ухудшается.

Вот какова одна – гностическая – антитеодицейная метафизика, которую рассмотренные мною в VI части «замутнители» пытаются, так сказать, скрестить с другой – столь же антитеодицейной – метафизикой, метафизикой хилиастической.

На самом деле – буду настойчиво это повторять в связи с огромной важностью данного утверждения – хилиастическая антитеодицейная традиция является абсолютным антиподом и антагонистом гностической (антитеодицейной же) традиции. Справедливо ли это для хилиазма как такового, того грубого и конкретного хилиазма, который нам известен по истории религии? Как я уже показал в части VI – справедливо. Справедливо не в большей или меньшей степени, а, как говорят в таких случаях, «на сто один процент».

Нельзя ведь, согласитесь, одновременно мечтать (как это по сути делают гностики) об избавлении от ужаса жизни, от тиранической «концентрационной Вселенной», от жизни как «сказки, придуманной идиотом», от «вампиризма всех и всяческих форм» и хлопотать (как это по сути делают хилиасты) о Тысячелетнем царстве, продлении жизни как благодатного принципа, избавлении жизни от смерти, вкушении всяких там земных радостей (пресловутых «булок на деревьях»).

Итак, уже на уровне своих грубейших исторических проявлений гностицизм (как отвращение от жизни) и хилиазм (как влечение к ней) противостоят друг другу. Причем по сути своей это противостояние носит характер антагонистический, абсолютный.

Но мы с вами обсуждаем не только грубейшие исторические проявления гностицизма и хилиазма, но и их метафизические подоплеки. Кто-то, конечно, усомнится в том, что у религиозных тенденций, чьи внешние проявления весьма грубы, есть эти самые подоплеки. Но на самом деле это именно так.

«Иное» гностиков – это, конечно, Тьма Предвечная, та, что над Бездной. Она источник смерти как блага. И в этом качестве противостоит жизни как злу. Она враг форм, сочиненных идиотом-Творцом. И так далее. Метафизика благой Тьмы и злого острова, сооруженного злым Творцом, связана с историческим гностицизмом достаточно явным образом. Споры нет, что гностицизм многолик. Но там, где он себя проявляет как нечто фундаментально отличное от теодицейской банальности, он именно таков.

Что же с хилиазмом? Как нечто, обнаруживаемое на религиозной поверхности, он антипод гностицизма. И это не вызывает сомнения. Но есть ли у него под этой самой поверхностью глубокие метафизические корни? Занят ли он коллизией Творца и Тьмы? Трактует ли он ее иным образом, диаметрально противоположным по отношению к метафизике гностицизма и столь же далеким от теодицеи, как и метафизика его гностического антагониста?

Хилиазм еще в меньшей степени, чем гностицизм, стремится расставлять точки над метафизическими «i». В каких-то своих поверхностных проявлениях он еще грубее гностицизма, причем намного грубее. И тогда его связь с какими-либо метафизическими глубинами кажется совсем уж проблематичной. Но как только ты уходишь от грубейших проявлений (чья грубость во многом связана с воинствующей антиэлитарностью хилиазма) к чему-то хоть немного более тонкому, например, к представлениям Иоахима Флорского, наличие нетеодицейной и диаметрально противоположной гностицизму метафизики уже не кажется совсем уж проблематичным.

Двигаясь от грубейшего к менее грубому, а от менее грубого к тонкому, ты убеждаешься в том, что глубинные метафизические корни у хилиазма есть. Уже Иоахим Флорский достаточно глубок для того, чтобы все домысливать до конца. И понимать, что нет места в пределах концепции теодицеи его фундаментальному хилиазму. А у остальных все происходит методом «от противного». А также методом «исключенного третьего». Исключаем теодицею, исключаем гностицизм – что остается нам? Только присяга жизни, ее пространству (Творению), ее создателю (Творцу) и... война со смертью? Да, и со смертью тоже. Но и с чем-то большим. С Предвечной Тьмой, той, что «над Бездной». С бескрайним морем этой Тьмы, которое окружает и грозит поглотить остров Творения.

Подробные доказательства такой связи хилиазма как «красной» религиозной субкультуры и «красной» же метафизики «Творца и Тьмы», опять же, превратят мое исследование из политического в религиозное. Тем более, что в этой, VII-й, части исследования я собираюсь заниматься светской, а не религиозной метафизикой.

Какое-нибудь другое исследование я обязательно посвящу детальным доказательствам того, что три метафизические традиции (традиция теодицеи плюс две других) в явном или скрытом виде существуют в большинстве мировых религий. Даже за пределами монотеизма. И что в одной из двух «нетеодицейных» традиций развитие считается абсолютно спасительным. А в другой – столь же абсолютно губительным.

Но у данного исследования есть свои объем, жанр и внутренняя логика. Все «собственно религиозное», что я мог рассмотреть здесь, исходя из объема, жанра и логики, уже рассмотрено. Пора переходить к доказательству того, что три метафизические традиции в неявном виде существуют и в рамках мировоззрений (философских систем), которые на первый взгляд кажутся сугубо светскими.

По понятным причинам я займусь двумя «нетеодицейными» метафизическими традициями. Одну из них я назову красной, а другую черной. Назвав же, начну следить за тем, как осуществляется преемственность метафизического в каждой из этих традиций при переходе от строго религиозного к светскому.

Но существует ли красная религиозная метафизика в качестве отдельной смысловой системы?

Я уже принес извинения читателю по поводу того, что не могу в рамках данной книги приводить развернутых фактологических доказательств.

Но, с другой стороны, вопрос слишком серьезен. И нельзя требовать, чтобы в таком вопросе автору верили на слово.

Так что же делать?

Прежде всего – разделить возможные доказательства аутентичности красной религиозной метафизической традиции на исторические и логические. Исторические и впрямь требуют отдельного исследования. Логические же, а также культурологические, философские, отчасти и схоластические в сжатом виде будут приведены чуть ниже. Читатель вправе считать их достаточными или недостаточными. Но утверждать, что их вообще нет, нельзя. А когда это утверждают, то по причинам существенно политическим. И это я тоже покажу ниже.

Кроме того, возможен не только взгляд из религиозного в светское, но и обратная перспектива. Если удастся показать наличие красной метафизики в светских мировоззренческих (философских) системах и выявить какие-то корни красных светско-метафизических представлений, то это выявление корней иначе высветит как рассмотренную уже нами, так и новую религиозную проблематику.

И, наконец, в научном исследовании вообще, а столь рискованном в особенности, всегда есть место гипотетическому. Нечто можно считать доказанным. А нечто – гипотетическим. Выдвижение гипотез и создание необоснованных умозрений – вещи разные. Когда какой-то объем доказательств существует, можно называть нечто доказанным, а можно гипотетическим. Но называть это нечто необоснованным умозрением уже нельзя. Какие-то доказательства есть. И они будут приведены. Какие-то я вынужден, повторяю, оставить за скобками в силу жанра и прочего.

Пока же давайте я дедуктивно выдвину гипотезу по поводу наличия красной метафизической традиции, тесно связанной с хилиазмом, но не сводимой к нему. А дедуктивно выдвинув ее и описав, по ходу дела займусь возможными доказательствами, оговорив характер оных, совместимый с типом исследования. Начну с дедуктивного описания гипотезы. Она состоит в том, что религиозная красная метафизическая традиция предполагает, что Творец со своей благодатью (благодатью!) внедрил в нечто, начиненное злом и именуемое «Тьмой над Бездною». Освободив от Тьмы какую-то территорию для осуществляемого им Творения. В силу наличия того, во что внедрено Творение, оно неустойчиво и подвержено внешнему (внешнему!) злу. Защищая Творение, Творец ведет с Предвечной Тьмой вечный бой. В ходе этого боя он:

- отстаивает отвоеванную у Тьмы территорию;
- расширяет эту территорию;
- защищает ее, поелику возможно, от внешнего зла;
- противостоит попыткам Тьмы пожрать Творение, вернувшись к первоначальному примордиальному злу.

Повторяю, по ходу дальнейшего исследования я буду приводить доказательства того, что подобная метафизическая традиция действительно имела место. А сейчас завершим описание этой традиции в виде дедуктивной гипотезы. И обратим внимание на то, что ревнители данной традиции находятся НА СТОРОНЕ Творца, признавая, что Тьма, возможно, и сильнее его (и, в любом случае, древнее Творения). Но сила и благодать не совпадают. Борьба на стороне Творца является высшим долгом человека. Эта борьба, по сути, и есть развитие. Как минимум, развитие – это меч, которым человек-воин сражается с Тьмой на стороне Творца. Поскольку между Творцом и Тьмой есть некое равновесие, то фактор под названием «человек» приобретает невероятное метафизическое значение.

Тем самым, эта красная (антитеодицейная хилиастическая) метафизика **ДИАМЕТРАЛЬНО ПРОТИВОПОЛОЖНА** черной (гностической и столь же антитеодицейной). При этом она не имеет ничего общего с дуализмом. Вопрос о том, где кончается монотеизм и начинается дуализм, невероятно сложен. Он мучителен для всех, кто домысливает монотеизм до конца. Не зря в иудаизме как сосредоточенно монотеистической религии воспроизведено восклицание: «На троне двое». И вложено это восклицание не в уста злого глупца, а в уста религиозного авторитета, остающегося таковым и после того, как он подобное произнес. Не зря по-разному трактуется фундаментальная ипостасность – и вводятся Суд и Милость, а также многое другое. Продолжение такого рода рассуждений (имеющих исторические прецеденты и спорных, как все, что касается проблемы «монотеизм и зло») существенно уведет нас в сторону. Да и забегать вперед тоже не хочется.

Поэтому проявим сдержанность. И верность хотя бы принципу «если, то...» Если текст, в котором сказано, что «Тьма над Бездною», монотеистичен, а смысл слова «над» (о чем никто не спорит) в предвечности Тьмы, то наличие Тьмы наряду с Творцом не противоречит монотеистичности и не означает перехода на позицию дуализма. В противном случае, в дуалистичности придется упрекнуть сам фундаментальный текст. Но что такое тогда монотеизм? Тогда его вообще нет.

Между тем вполне монотеистические религиозные мыслители приводили и другие доказательства наличия Предвечной Тьмы, исходя из того же – не отменяемого в своей фундаментальности – текста. Но об этом ниже.

Сейчас же используем слово «предположим», как и подобает тем, кто начинает с дедукций и гипотез.

Предположим, что данная метафизическая традиция передалась светским красным последователям.

Предположим, что и впрямь существует неочевидная, но неизываемая из истории идей связь между данной метафизикой (о, ужас, красной), в субрелигиозном плане маркируемой хилиазмом, и коммунистической светской доктриной в ее классическом марксистском и иных вариантах.

Тогда понятно многое. И то, что именно улавливают как Пиамы Павловны Гайдено, так и ее более продвинутые сторонники. И то, почему они – сознательно, я убежден – замутняют существо дела и не противопоставляют красное черному, а устраивают совершенно неправомочный метафизический микст.

Ведь политический микст, поразительно похожий на этот метафизический, соорудили Поппер и его последователи, заявив о «двух неотличимых тоталитаризмах». Неужели и это не зарождает у читателя хотя бы смутных ощущений небеспочвенности моих построений?

Что ж, тогда, возможно, мне удастся зародить эти ощущения в дальнейшем. А сейчас сделаю еще одно утверждение, для доказательства которого придется изрядно потрудиться. Утверждение таково: метафизический микст Гайдено и политический микст Поппера – это даже не два разных микста на общую тему. Это просто один и тот же микст.

Организаторы метафизической путаницы и организаторы политической путаницы работают в одной команде, что

называется, плечом к плечу. И имеют общие неафишируемые политико-метафизические основания. Я понимаю, что это сильное утверждение. Но я не намерен оставлять его голословным. И по сути вся VII часть книги нужна для того, чтобы его доказать.

Для начала же и это следует считать не более чем гипотезой: «А что если политический микст и метафизический микст устраивают не две чуждые друг другу группы – условно «группа Поппера» и условно же «группа Гайденок», между которыми нет никаких связей, – а одна группа, разделившаяся сообразно специализации?»

Выдвинув такую гипотезу на рассмотрение читателя, я, конечно же, оговорю, что не питаю никакого желания кого-то в чем-то обвинять, прокурорствовать «а la Вышинский», превращать данные группы в конспирологические единицы... Я-то, конечно, это оговорю – да кто из тех, кому эти группы любы, мне поверит? Но бог с ними, с группами. Договоримся о метафизиках. Установим, что красная метафизика (опосредованно не чуждая коммунизму) непримиримо враждебна метафизике черной, то есть гностической.

Что гностическая (черная) метафизика связана с историческим фашизмом гораздо менее опосредованно, чем красная метафизика – с историческим коммунизмом.

Что война фашизма и коммунизма – это в определенной степени война красной и черной метафизик.

Что победа над фашизмом (не зря названным «силой черною») – это великий подвиг красной метафизики и страны, которая ее, эту метафизику, неслучайным образом подняла на знамя, – России.

Что смешение коммунизма с фашизмом, хилиазма с гностицизмом, красной метафизической традиции с черной метафизической традицией – это проект «Замутнение».

Что группам, осуществлявшим этот проект, надо было до предела замутнить разницу между хилиазмом и гностицизмом, между красным и черным.

Что сверхзадача такого замутнения – вырвать с корнем из человеческого сознания все, что связано с метафизическими составляющими коммунистической традиции, А значит, и с историческими заслугами этой метафизической традиции, и с исторической правотой России, взявшей на вооружение эту традицию, и с возможностями, которые такая традиция может подарить будущему человечеству.

Что результатом исследований, проведенных в VI части, является преодоление этих искусственно сооруженных замутнений. Замутнений, призванных не допустить ясности в вопросе о том, кто с кем вел метафизическую войну за то, быть или не быть развитию.

Что мало обнажить эти две антагонистические метафизические традиции, нерасторжимо связанные с двумя антагонистическими религиозными течениями. Надо еще понять, как эти традиции преодолевают классическую религиозную заданность, как осуществляется выход этих традиций за религиозные рамки.

Ну, так как же он осуществляется-то, выход этот?

Глава II. От религиозных метафизических традиций – к метафизике, находящейся за религиозными рамками

Чтобы понять, как именно осуществляется выход метафизических религиозных традиций за свои религиозные рамки, надо внимательнее приглядеться к устройству этих рамок, они же – «религиозная заданность». Надо внимательнее присмотреться к тому, как внутри этой самой заданности сосуществуют религиозная вера, мистика и метафизика.

Верующие могут быть подразделены на минималистов и максималистов.

Минималист будет просто верить, и все. А максималисту мало верить. Он хочет большего – некоего особого знания, основанного на особом же опыте.

Конечно, опыт опыту рознь. Но прежде, чем устанавливать различие между разным по качеству опытом, поговорим немного о том, каково место любого опыта в любом исследовании. И установим (право же, это не составляет труда), что любой опыт в соответствующем ему типе исследования играет одну и ту же роль. Роль первичных данных, на основе которых выстраиваются те или иные модели. Почему нам это важно установить? Потому что тогда становится ясно, чем религиозная мистика отличается от религиозной же метафизики. А также чем «эти две» (мистика и метафизика) отличаются от религии как таковой.

Мистика – это новый религиозный опыт, который по отношению к религии имеет то же значение, что и опыты физические по отношению к построению физической же теории (ну, например, опыты Майкельсона по отношению к теории Эйнштейна). Нет религиозного опыта – нет и метафизики как моделирования на основе этого опыта. Мистик – это как бы «Майкельсон». А метафизик – это как бы «Эйнштейн».

Религия как институт – это предельное осмысление некоего канонического опыта, который мистическим называть неловко, поскольку он как бы супермистичен. Но разница между супермистикой (опытом Моисея в иудаизме, Магомета в исламе, апостолов, а в каком-то смысле и самого Христа в христианстве) и мистикой...

Понятно, в чем разница между Христом как Богом-Сыном и Моисеем как пророком. У них «природа» разная, не так ли? А значит и все остальное тоже.

Но разница между пророком и носителем менее фундаментального мистического опыта... она хотя и очевидна, но уже не столь метафизична. Она уже не коренится в качественном различии природы тех, кто получает опыт. Опыт разнокачествен, природа одна. Моисей и Тереза Аквилская – в равной степени люди. Да, опыт Моисея рождает религиозную новизну, а опыт Терезы Аквилской лишь обогащает имеющуюся традицию, но... Но ведь обогащать ее надо! Нельзя игнорировать полностью весь новый мистический опыт. Какой-то опыт отбрасывают, какой-то сохраняют. В этом одна из функций религиозного института. Не осуществлял бы он эту функцию – религия распалась бы на бесконечное множество сект. Или превратилась в разновидность филологии.

Религиозный институт осуществляет также некое моделирование на основе мистического опыта. В этом смысле построение религиозной доктрины на основе мистического опыта в чем-то подобно построению физической теории на основе физического опыта.

Моделирование осуществлено. Что дальше? Без новых опытных данных (мистических, разумеется, но в чем-то подобных данным новых физических экспериментов) все застывает. А если новых опытных данных слишком много и они противоречивы, то разваливается и базовая модель (религиозная доктрина), и построенная на ней организованность (религиозный институт).

Кроме того, религия, как и наука, взыскует парадигмальностей, базовых метафор. Метафизика – это удовлетворение спроса на парадигмальные изменения и новые базовые метафоры. А также моделирование на основе нового опыта. Мистического, разумеется, но в чем-то аналогичного физическому опыту, позволяющему (при наличии новых парадигм и метафор) перейти от религиозной модели–1 (аналогия – физика Ньютона как физическая модель–1) к религиозной модели–2 (аналогия – физика Эйнштейна как физическая модель–2).

Разумеется, все сравнения, которые я здесь привожу, более чем условны. Но эти условные сравнения позволяют в большей степени прояснить вопросы о соотношении между мистикой и метафизикой, чем дотошные трактаты, писать которые у меня нет ни желания, ни возможности.

Мистика – аналог физического опыта.

Метафизика – аналог физической теории, построенной на этом опыте.

Религия – это (за вычетом института, практик и прочего) та же метафизика, но в более застывшей форме. Вряд ли кто-то станет уравнивать батюшку в деревенской церкви и монаха-исихаста. Понятно также и то, что, осуществляя таинство, батюшка тоже сопричастен очень и очень многому. Но, согласитесь, разница есть. И в чем-то (подчеркиваю – в чем-то, не более) можно провести параллель между этой разницей и тем, что отличает учителя физики, являющегося современником Эйнштейна, от самого Альберта Эйнштейна.

Мы обсудили то общее, что существует между опытом мистическим и опытом физическим. Поговорим теперь не об общем, а об отличиях.

Мистический опыт – это опыт антропный и внутренний.

Почему мы называем мистический опыт антропным? Потому что это опыт, полученный уникальным прибором под названием «конкретный человек». Какой-то человек (та же Тереза Аквилская, например) обладает неким опытом, то бишь видениями. А соседний человек этим опытом не обладает.

Почему мы называем мистический опыт внутренним? Потому что в каком-то смысле он родствен галлюцинациям или снам. Ниже я постоянно буду настаивать, что он не тождествен галлюцинациям или снам. Но сказать «родствен» не значит сказать «тождествен». Сон пушкинской Татьяны Лариной – это мистический опыт или только сон? А сон пушкинского Самозванца?

Легко сказать пушкинскому же Пимену: «Младая кровь играет».

А поди докажи, что это младая кровь играет, а не кто-то видения посылает. Одним словом, видения-то, конечно, не сны, но они подобны снам. Это гиперсны, метасны, парасны... В конце концов, и в снах есть нечто от видений, и в видениях что-то от снов. Вот это «что-то» и позволяет называть мистический опыт внутренним.

Конечно, если вы скажете мистика, что его опыт внутренний, он вас пошлет куда подальше и будет прав. И все же – даже если весьма продвинутому религиозному максималисту удалось получить откровение и воочию увидеть нечто, свидетельствующее о наличии потустороннего мира, – что такое это откровение?

В той степени, в которой оно не имеет внеантропного подтверждения, это все же внутренний опыт *par excellence*.

Внеантропным же подтверждением можно назвать регистрацию каких-то сигналов, поступающих из внешнего мира, с помощью устройств, отличных от самого человека. Устройств качественно иных, нежели человеческие сенсоры, дающие первичные данные. И человеческие же системы переработки этих первичных данных (ощущений) в нечто более вторичное (впечатления, образы и так далее). Например, данные физического прибора о том, что началась магнитная буря, – это данные, имеющие внеантропное подтверждение, то есть внешний опыт. А приснившийся человеку сон, несущий в себе тоже какие-то сведения, – это данные, имеющие только антропное подтверждение, то есть опыт внутренний.

Представитель крайних форм субъективного идеализма (так называемого солипсизма) возразит на это, что поскольку человек в итоге считывает данные прибора, то все данные – это человеческие ощущения, а значит, нет иного опыта, кроме внутреннего. Известно и то, что отвечают на это противники солипсизма. Сон и видение приходят к одному человеку (в очень редких случаях к группам людей), а данные с прибора может снять любой человек. А также группа людей, произвольно отобранных. Эта группа может включать в себя любое количество людей – в пределе все человечество. По телевизору покажут отклонение датчика (или Олимпийские игры – в принципе, неважно, что), и миллиарды зрителей увидят одно и то же.

Известны и другие отличия внутреннего и внешнего опыта. Внешний опыт обладает повторяемостью: данные физического (или любого другого) эксперимента можно воспроизводить произвольное количество раз. И каждый раз прибор будет давать одинаковые показания.

Но ведь известны и сопряжения внутреннего и внешнего опыта. Психология, желая быть наукой, ввела понятие «психологический эксперимент». Тем самым элементы внутреннего опыта (психологический опыт по определению является внутренним) объективировались и приобрели черты, свойственные элементам опыта внешнего (ту же повторяемость, независимость от свойств наблюдателя и так далее).

Известны, наконец, и попытки измерить сигналы, посылаемые во внешний мир человеком. Как очевидным образом результативные (что такое энцефалограмма коры головного мозга, как не такая результативная попытка оценить физические следствия психологических переживаний?), так и иные. Да, на сегодняшний день все разговоры о так называемых

экстрасенсорных полях (лептонных и прочих) – это по преимуществу плоды чьих-то фантазий и впечатлительностей. Но сколько раз в истории науки все начиналось с фантазий, порожденных чьей-то впечатлительностью, а кончалось реальными научными открытиями. Наука тем и интересна, что ее «завтра» таит в себе самые разные неожиданности.

И тем не менее для нерелигиозного человека, пользующегося примерно теми критериями, которые я только что изложил (разумеется, весьма сжато и потому лишь на уровне так называемого первого приближения), откровения Терезы Аквильской или Иоанна Богослова – это внутренний опыт. Для Святой Терезы или Святого Иоанна это не так. Но мы же перешли, наконец, от метафизической религиозной традиции к тому, что за ее рамками, а значит, нас интересует именно нерелигиозный человек и его точка зрения на рассматриваемый предмет. Этой точкой зрения и займемся.

Конечно, можно сказать, что, будучи сам человеком нерелигиозным и безусловно метафизически чутким, я придаю избыточное значение позиции нерелигиозного человека по субъективным причинам.

Но это не вполне так. Согласитесь, не я один принадлежу к так называемому светскому, или нерелигиозному, сообществу. К нему же в большей или меньшей степени принадлежит большинство современного западного человечества. Да и существенная часть человечества незападного.

Но главное – не количество людей, по-разному относящихся к тому внутреннему опыту, который можно назвать мистическим или метафизическим. Главное – что даже для религиозных людей любой их потусторонний опыт в силу свойств этого опыта, которые я перечислил, относя данный опыт к опыту внутреннему, фундаментально неокончателен. Одно дело – отклонившаяся стрелка физического прибора. Другое дело – добытые тобою видения. Неясно до конца даже то, отражают ли они твои психические вибрации (галлюцинации ведь тоже сродни видениям) или нечто большее. Но предположим, что с этим удалось разобраться. Остается другая неясность – кто эти видения тебе послал? Они соблазн или благая весть? Мистические видения бесконечно желанны тем, для кого каноническая вера является пресной и недостаточной. Кто хочет рискнуть и получить трансцендентальное знание.

Но и идя на риск, и добиваясь результатов, искатели данного знания не могут истребить в себе до конца сомнения по поводу его вышеописанной фундаментальной неокончателности.

А вот какие-нибудь парадоксальные результаты, получаемые астрофизиками... Они, конечно, скромнее данных Сведенборга, Бёме или Терезы Аквильской. Но они в каком-то смысле, конечно же, окончательнее. Поскольку речь идет о внеантропном и внешнем опыте. И потому они особо ценны не только для нерелигиозного человека, но и для человека религиозного.

Так что же относится к научному, безусловному и одновременно метафизическому внешнему опыту на сегодняшний момент?

Прежде всего, вся концепция расширяющейся Вселенной. То есть основная на сегодняшний момент астрофизическая концепция, которую уже переосмысливают в религиозном ключе и православные, и католики. Есть представление о Большом Взрыве как сотворении мира, принятое Вторым Ватиканским собором. И есть оппонировавшая этой точке зрения концепция отца Василия Родзянко («Теория распада Вселенной и вера Отцов»), которая берется на вооружение как католическими оппонентами Второго Ватиканского собора (архиепископом Марселем Лефевром и другими), так и консервативными православными кругами.

Но ведь и религиозные консерваторы, и религиозные модернисты одинаково принимают концепцию Большого Взрыва! Просто одни считают, что Большой Взрыв – это сотворение мира и, соответственно, существующая Вселенная содержит в себе Божье благо, идущее от сотворения мира. А другие – что Большой Взрыв – это изгнание из Рая, то есть наказание за грех. А значит, сотворенная им Вселенная является результатом грехопадения и неисправимо начинена фундаментальным злом.

Но что такое этот самый признаваемый всеми Большим Взрыв? Это расширение Вселенной. Можно говорить сколько угодно о несводимости описываемого сложнейшими уравнениями Большого Взрыва к метафоре расширения, корректной только для трехмерного пространства и линейного времени. Но вычисление скорости расширения Вселенной (столько-то световых лет в год) возвращает нас к трехмерной метафоре. Трехмерная же метафора предполагает, что у Вселенной есть край. Край находится там-то. А через год он находится дальше от центра на столько-то световых лет. Но что за край? За краем – нечто, не являющееся Вселенной?

Небезынтересно и то, как именно называет астрофизика все то, что не является наблюдаемой Вселенной в строгом смысле слова, но существует. Она дает этому название, так или иначе связанное с Тьмой (темное вещество, темная энергия и так далее). Впрочем, об этом – позже. Сейчас же просто признаем, что существующие нетривиальные астрофизические данные в чем-то сродни мистическим, а их осмысление – сродни метафизическому осмыслению. Конечно, это родство – далекое донельзя. Ну, так я и не обещал обнаружения более близкого родства! Важно, что оно есть! И что в каком-то смысле оно уже приближается к тому, что можно назвать светской метафизикой. То есть тому, что мы начали искать после того, как (увы, по необходимости кратко) коснулись метафизики традиционной, то есть религиозной.

В самом деле, даже простейшие астрофизические данные, которые я уже обсудил, – это и внеантропный внешний опыт (основа науки), и опыт светско-мистический (основа метафизики). А значит, мы имеем право говорить о светской метафизике, метафизике, оперирующей не религиозными, а научными данными. И одновременно – имеющей своего религиозно-метафизического традиционного предшественника.

Так обстоит дело с тем, что, находясь на территории внешнего объективного научного опыта, сопрягается с опытом внутренним и метафизической традицией в строгом смысле этого слова.

Но есть и нечто обратное: данные, полученные ревнителями той или иной метафизической традиции, но преодолевающие рамки этой традиции и сопрягающиеся с научными данными – пусть даже и психологическими.

Согласитесь, в рамках предлагаемого рассмотрения нельзя перебарщивать. Нельзя превращать констатацию внутреннего характера любого опыта, добытого ревнителями метафизической традиции, в констатацию «неадекватности» носителей этого

опыта. То есть в дискредитацию их опыта с его безусловной психологичностью. И нельзя заменять верный тезис об этой психологичности крайне сомнительным тезисом о буквальном безумии носителей этого опыта.

Долгие годы занятий сравнительным религиоведением (да и психоанализом тоже) сделали для меня абсолютно очевидным то, что религиозный опыт не имеет ничего общего с психопатологией. Получаемые в этом опыте состояния – глубже психопатологических. Да, это все равно, по определению, внутренние состояния. Но я не хочу ни приравнивать видения к галлюцинациям, ни называть видения несомненной данностью, то есть приравнивать внутреннее – к внешнему, видения – к появлению в комнате чего-то, имеющего статус реальности (тонкого тела, духа и так далее).

Меня интересует только такой подход, который преодолевает обе подобные крайности: не требует признания за внутренним опытом статуса опыта внешнего, но и не дискредитирует внутренний опыт. В рамках этого подхода свидетельство о контакте с потусторонним миром – это, повторю еще раз, внутренний опыт свидетельствующего. Не более того, но и не менее. Но это же еще и психологический опыт. А психологический опыт в каком-то смысле уже является научным. На то и создана психология, чтобы уйти от антропности опыта и сугубо внутреннего характера оного. Значит, мы, с одной стороны, можем двигаться от Терезы Аквильской к какому-нибудь Юнгу (а честно говоря, мы просто не можем не двигаться в этом направлении), а с другой стороны – от Юнга к Терезе Аквильской (конкретные имена использую просто для разъяснения двух типов движения).

Поговорим вначале о движении от Терезы Аквильской к Юнгу. То есть от внутреннего и антропного мистического опыта к уже не вполне внутреннему и не вполне антропному опыту психологическому.

Обладателей мистического опыта именуют визионерами. Как метафизическая полноценная традиция относится к подобному опыту?

Для любой крупной конфессии визионеры являются и ценностью, и подрывным элементом. Они, безусловно, являются ценностью постольку, поскольку без их внутреннего опыта конфессии окостеневают, догматизируются («Вы нам что-то говорите о третьем небе... А вы там были? Откуда вы знаете, что оно есть? А если вы этого не знаете, то почему мы должны связать именно с вами столь важный для нас вопрос о нашем потустороннем существовании?»). Нет живой конфессии без непрерывного, идущего от поколения к поколению и достоверного для верующих визионерского подтверждения («Был, видел, знаю, что потустороннее есть и что оно таково, как это гласит исповедуемая нами вера»).

Но визионеры и опасны для конфессии. Их опыт противоречив, не всегда гармонично согласуется с выработанной за столетия религиозной доктриной. Этот опыт и впрямь разнокачествен. Когда-то речь идет о глубоких состояниях, которые, безусловно, являются пограничными. А когда-то налицо очевидная и очень банальная поверхностная психологическая аномалия.

Конфессия неминуемо должна разбраковывать этот самый визионерский опыт. Что она и делает, «отделяя зерна от плевел». Опыт, который конфессия признает ценным, носит для верующих безусловный характер. Но именно для верующих, и не более того.

Кроме того, если, скажем так, конфессия накапливает за столетия «тонну» такого безусловного визионерского опыта, то лишь «граммы» оного связаны с интересующей нас проблемой Тьмы, которая над Бездной (она же Иное гностиков).

Во-первых, визионеры, будучи искренне верующими и стремящимися к единению с благом, отнюдь не жаждут такого (по сути, негативного) опыта. А известно, что визионер чаще всего получает тот опыт, которого он жаждет.

Во-вторых, конфессия никоим образом не стремится признать достоверным опыт визионера, связанный с такого рода контактами. Зачем конфессии признавать такой опыт достоверным? Понятно, зачем это нужно гностикам (христианским, исламским, иудаистическим и иным). Но чем больше это нужно им, тем меньше это нужно самой конфессии, в раселинах которой гностики приютились. А потому негативный визионерский опыт именуется «дьявольским наваждением», «соблазном», а не опытом, достойным серьезного рассмотрения.

В-третьих, рассматриваемый опыт является особо травмирующим, и испытавшим его далеко не всегда удается выйти из испытания без необратимых психологических повреждений.

Есть и другие причины, которые приводят к тому, что на «тонны» визионерского опыта, признанного конфессией достоверным, приходится лишь «граммы», представляющие собой опыт контакта с вышеописанной Тьмой (той, что над Бездной). Нельзя сказать, что такого признанного достоверным визионерского опыта нет вообще. Но его мало. И больше всего его, конечно, у прямо или скрыто полемизирующих с той или иной конфессией гностиков.

И все же гностики опознаются не по факту наличия у них данного опыта, а по отношению к этому опыту. Гностик (вновь подчеркну, что имею в виду сущностного, то есть ликвидационно настроенного, фундаментально враждебного миру гностика) начинает поклоняться вышеописанной Тьме, считать ее и только ее своей окончательной госпожой.

В принципе могут существовать (и реально в истории существовали) религиозные люди с визионерским опытом Тьмы (причем именно той Тьмы, которую я здесь исследую), продолжающие вопреки своему опыту поклоняться Творцу (Свету).

Итак, есть «граммы» признанного визионерского опыта, связанного с контактом визионеров с Тьмой, и «миллиграммы» такого опыта, полученного (и признанного) вне гностических (и не просто гностических, а гностическо-ликвидационных) общин верующих.

Признав, что речь идет о «миллиграммах» (и оговорив, что «миллиграммы» – это не ноль, а вполне ощутимая величина), спросим себя: «А почему, собственно, этими «миллиграммами» надо так пристально заниматься?»

Ниже я разберу собственно религиозные обстоятельства, приводящие к необходимости подобных занятий. Но сначала оговорю, что если бы речь шла только об этих религиозных обстоятельствах, то при всей их огромной важности заниматься ими в рамках исследования проблем развития я бы не стал. Может быть, я написал бы по этому поводу религиоведческую статью, но не более того.

Однако есть нечто, связанное с собственно научным опытом. Необходимо признать, что ученые и впрямь (причем все чаще) наталкиваются в своих – совершенно невизионерских – исследованиях на нечто, сходное с этой самой Тьмой. Той

Тьмой над Бездной, объем визионерских контактов с которой я метафорически оценил выше, говоря о «граммах» и «миллиграммах» в их соотношении с «тоннами» обычного визионерского опыта.

И тут я возвращаюсь к проблеме Тьмы и «темного» в том виде, в каком она существует в современной физике. Общая теория относительности Эйнштейна (существенно развитая в дальнейшем его учениками и последователями) позволила построить теоретическую модель Вселенной. Но физика, пусть и самая теоретическая, ищет экспериментальных данных. И без них очень легко превращается в схоластику или фэнтези. При жизни Эйнштейна экспериментальных данных, позволяющих опровергнуть или подтвердить космологические модели, созданные на основе Общей теории относительности, было очень мало. Но уже в 70-80 годы XX века количество экспериментальных данных стало стремительно возрастать. Это было связано как с совершенствованием аппаратуры (по преимуществу радиотелескопов, но не только), так и с совершенствованием методов использования этой аппаратуры. А дальше начались мучительные попытки согласовать теоретические модели, основанные на Общей теории относительности, и новые экспериментальные данные.

Напоминаю информированному читателю (и информирую читателя неинформированного) о том, что Общая теория относительности Эйнштейна предполагает (а) наличие единого четырехмерного пространственно-временного континуума, в котором четвертое измерение – это время, и (б) несводимость этого четырехмерного пространственно-временного континуума к геометрии в духе Декарта, в которой все четыре оси – это устремленные в бесконечность прямые.

Строго говоря, декартовым (даю разъяснение гуманитариям) надо называть трехмерное пространство, к которому все привыкли и в котором оси задают нормальные, понятные человеку геометрические параметры, знакомые каждому по средней школе (и жизни) – длину, ширину и высоту. А в Специальной теории относительности (точнее, в ранее созданной обобщенной геометрии Минковского) появляется четвертое временное измерение, да еще в виде комплексной переменной.

Зная, что комплексные переменные $z = x + iy$ тоже проходили в средней школе, я могу еще, не впадая в грех усложнения, разъяснить гуманитарному, но школьный курс знающему читателю, что ось времени t в Специальной теории относительности Эйнштейна является мнимой осью. То есть не осью t , а осью it . В таком пространстве Минковского пространственно-временной интервал Δf определяется – почти по декартовым правилам для длины, ширины и высоты – формулой $\Delta f = \Delta x^2 + \Delta y^2 + \Delta z^2 + (i\Delta t c)^2$, где i – мнимая единица, а c – скорость света.

Такое четырехмерное пространство Минковского, в котором все оси сохраняют прямолинейный характер, свойственный осям обычного декартового пространства, но временная ось становится мнимой и калиброванной скоростью света, не до конца, как мы видим, разрывает связи с декартовым пространством. И на нем построена Специальная теория относительности.

А вот Общая теория относительности как раз и разрывает не только с пространством Декарта, но и с усложненной модификацией такого пространства, которая называется пространством Минковского. Общая теория относительности открыла эффект искривленности пространства–времени, связала эту искривленность с гравитационным полем, ввела тензор кривизны пространства–времени, получила экспериментальные доказательства своей правоты, замерив искривление светового луча в гравитационном поле с помощью сложных астрофизических экспериментов. Словом, совершила настоящую парадигмальную революцию, масштаб которой осознали только специалисты, способные разобраться во всем этом по настоящему.

Поскольку я здесь не ориентируюсь только на подобных специалистов, то в тонкости, которые на языке средней школы совсем уж невозможно изложить, вникать не буду. А вот одно из шуточных стихотворений, которое специалисты по теоретической физике сочинили, пытаюсь шуткой смягчить парадигмальный ужас, возникающий у них по мере понимания новизны мира, где действует Общая теория относительности Эйнштейна, приведу:

Был долго мраком мир окутан.

«Да будет свет!» И вот родился Ньютон.

Но сатана недолго ждал реванша.

Пришел Эйнштейн – и стало все, как раньше.

Меньше всего я тут хочу противопоставлять весьма сомнительную белизну риз реального Ньютона «демонизму» Эйнштейна. Я всего лишь констатирую, что уже на этапе разработки Общей теории относительности Эйнштейна у тех немногих, кто ее понимал, возникла глубокая метафизическая оторопь, которая впоследствии перешла в метафизический же шок.

Оторопь превратилась в шок через десятилетия после смерти Эйнштейна, когда результаты тонких экспериментальных исследований на радиотелескопах были сопоставлены с теоретическими моделями, полученными с помощью Общей теории относительности. Тут вдруг оказалось, что пространство–время нашей Вселенной поразительно мало искривлено. И очень близко к декартовому (а если точнее, к пространству Минковского).

Но ведь доказательства искривленности пространства–времени, полученные ранее, остались! Они были не только не опровергнуты, но и подтверждены дополнительно. Так откуда же эта близость искривленного пространства–времени к неискривленной геометрии Декарта–Минковского?

В детали постэйнштейновских теоретических исследований, давших ответ на этот вопрос, я уж совсем не могу вводить читателя. Прошу поверить мне на слово, что речь идет об абсолютно уважаемых научных исследованиях. Оговорить это необходимо, поскольку есть еще и не совсем уважаемые научные исследования чересчур теоретического характера, приближающиеся к схоластике в силу своей принципиальной оторванности от всякого эксперимента. А есть еще и совсем не уважаемые научные исследования, подозрительно близкие к поверхностным псевдомистическим вымыслам.

То, что я здесь буду излагать, это общепризнанная научная теория, подтвержденная какими-то экспериментами и не являющаяся экзотикой или штучным андеграундом для диффузного, но вполне реального сообщества уважаемых теоретических физиков. Я вовсе не хочу сказать, что уважаемый – это хороший, а неуважаемый – это плохой. Я всего лишь утверждаю, что если в этих теоретических дебрях еще и уйти с тропы уважительности, то попадешь куда

угодно. То есть просто куда угодно! А потому лучше все-таки оставаться на этой тропе, что я и делаю.

Итак, постэйнштейновская теоретическая физика, совершенно не желая опровергать Эйнштейна, но отвечая на вызов новых экспериментальных радиотелескопных данных, вынуждена была признать, что псевдодекартовый, неестественно близкий к модифицированной Минковским декартовой четырехмерной модели с чисто мнимой временной осью характер нашей Вселенной может быть объяснен только в случае, если плотность материи во Вселенной очень близка к так называемой критической плотности. Критическая плотность – это параметр, рассчитанный на основе все той же Общей теории относительности. Что это за параметр?

Поясню так, чтобы, не греша против истины, сделать это доступным для гуманитария.

Есть модель Вселенной, полученная на основе Общей теории относительности. В модель эту, как и в любую модель, надо вводить параметры. Один из параметров – средняя плотность вещества во Вселенной.

Вводим в модель плотности, резко превышающие ту плотность, которую называют «критической». И оказывается, что тогда наблюдаемое расширение Вселенной еще 8-9 миллиардов лет назад должно было смениться сжатием. Но ведь не сменилось!

Вводим в модель плотности, существенно меньшие той самой средней (или «критической») плотности, от которой мы все отсчитываем. Тогда оказывается, что наблюдаемые в экспериментах данные также не должны иметь места. О каких данных идет речь? Ну, например, о неоднородности температуры так называемого реликтового излучения. Начни я сейчас описывать подробно, что такое реликтовое излучение, – я опять-таки потеряю не склонного к изучению теоретической физики читателя... прямо по модели из американских фильмов: «Мы его теряем!»

Ну, был на ранних этапах существования «горячей» Вселенной момент, когда в первичной плазме «остывшие» фотоны уже не могли разрушать возникающие атомы водорода и гелия и эти фотоны начали, остывая, свое бесконечное странствие по теперь уже практически «радиопрозрачной» Вселенной... Ну, можно измерить параметры этих фотонов и выявить несоответствия значений этих реальных замеренных параметров (угловых размеров потоков и прочего) теоретическим значениям параметров, которые следуют из введения в модель Вселенной плотности вещества, меньшей, чем критическая...

Все это детали. Нам здесь достаточно зафиксировать, что введение в модель Вселенной плотности вещества меньше критической невозможно по причине одних несоответствий (несоответствий имеющимся экспериментальным данным). А введение в модель Вселенной плотности больше критической невозможно по причине других несоответствий (несоответствий факту существования Вселенной, которой при плотностях вещества больше критической уже не должно было быть).

Хорошо... Убедились в том, что плотность вещества во Вселенной должна быть строго определенной и назвали эту строго определенную плотность критической. Уже, согласитесь, все достаточно странно. Почему, собственно, плотность должна быть именно таковой? Но это еще не та странность, от которой «едет крыша». В конце концов, какой-то эта плотность должна быть. Что ж, оказалась она именно таковой, и мы с вами живем.

Кстати, это не единственный случай странности. Слишком много уже данных о том, что любой из множества реальных вариантов развития Вселенной, кроме одного-единственного варианта, привел бы к отсутствию не только жизни и человека, но и вещества, материальных форм в том виде, в каком мы их имеем, и так далее.

Но загадка с этой самой критической плотностью – не только в том, что Вселенная в нашем варианте возможна лишь в слишком узком коридоре значений параметров, таких, как плотность. А в том, что наблюдаемое во Вселенной вещество (а его при нынешнем развитии науки уже можно наблюдать в качестве вещества именно вселенского) никак не может обеспечить этой самой, совершенно необходимой, критической плотности. Читатель, проходивший физику в средней школе и знающий, что есть формула: $E = mc^2$, связывающая массу m с энергией E , надеюсь, не испугается, столкнувшись с понятием «масса–энергия». Это понятие вводится для того, чтобы охарактеризовать сумму имеющихся масс вещества как таковых и тех эквивалентов этих масс, которые находятся не в состоянии вещества, а в состоянии энергии.

Так вот, сумма наблюдаемых масс как таковых и масс, как бы состоящих из энергии и рассчитываемых на основе соотношения между массой и энергией, в 20 раз меньше той массы–энергии, которая необходима для того, чтобы обеспечить Вселенной искомую критическую плотность! Ученые, абсолютно убежденные в том, что критическая плотность необходима, задались вопросом: «А где находится 96% спрятавшейся от нашего обнаружения массы–энергии?» И подразделили спрятавшуюся массу–энергию на спрятавшуюся массу m (названную «темной массой») и спрятавшуюся энергию E (названную «темной энергией»).

На русский язык слово «темная» иногда переводят как «скрытая» («Скрытая масса», «скрытая энергия»), но это абсолютно неправомочно. Поскольку пальма первенства тут за англосаксонской физикой, а она прямо говорит о dark (dark matter, dark energy), то от слова «темная» никуда не уйдешь. Dark – это не «скрытая», это «темная».

14 мая 2009 года на орбиту была выведена единая европейская обсерватория «Гершель», которую начали сооружать еще в 1982 году. Стоимость обсерватории – 1,1 млрд. евро. Главный ее компонент – специальное зеркало диаметром в 3,5 метра, сделанное из карбида кремния. Зеркало должно работать при сверхнизких температурах, принимая излучение Вселенной от нижней части инфракрасного диапазона до субмиллиметровых волн. «Гершель» изучает Вселенную в видимом, ультрафиолетовом и инфракрасном диапазонах волн. Основная задача трудоемкого и дорогостоящего проекта – уточнение наличия или отсутствия этого самого dark (темной массы и темной энергии).

Привожу этот пример только затем, чтобы показать, что проблема dark интересует не оккультистов и научных фантастов, а научное сообщество. Причем настолько интересует, что оно тратит на уточнение всего, что касается этой проблемы, огромные усилия и средства. И добывается результатов.

Каких результатов? Окончательных? К сожалению, нет. Об окончательных результатах тут говорить рано. Есть несколько астрофизических гипотез. Говорю лишь о респектабельных гипотезах, дабы не сбиться в этих дебрях с хоть какой-то научной тропы.

Начну с гипотез, касающихся природы так называемой «темной массы».

Первая гипотеза связывает эту природу с так называемыми малыми черными дырами. Напомню, что черная дыра – это объект с такой огромной плотностью, которая создает особо искривленное гравитационное поле, не позволяющее нам проникать в окрестность этого объекта. То есть слишком искривляющее световой луч и в силу этого создающее особую закрытость исследуемого объекта от исследователя. Согласно рассматриваемой гипотезе, существуют не только большие, но и малые черные дыры. Их масса не превышает массу крупного астероида, но их плотность огромна. Они, как считают, сохранились с ранней эпохи возникновения Вселенной. Недавно появилась теория, утверждающая, что такого рода черные дыры вовсе не редкость. И что вполне вероятно нахождение одной или двух из них даже в нашей Солнечной системе, в пределах орбиты планеты Плутон.

Вторая гипотеза, касающаяся природы темной массы, связывает эту природу с так называемыми стерильными нейтрино, не вступающими ни в какие иные взаимодействия, кроме гравитационных. К иным взаимодействиям, в которые стерильные нейтрино не вступают, относятся электромагнитное взаимодействие, взаимодействие сильное и взаимодействие слабое. Стерильные нейтрино, согласно теории, могут обладать собственной массой-энергией в сто тысяч раз большей, чем масса-энергия обычных нейтрино (электронных нейтрино, мюонных нейтрино и тау-нейтрино). Но эти стерильные нейтрино способны превращаться в нейтрино обычные. В свою очередь, обычные нейтрино могут превращаться в нейтрино стерильные. В этих превращениях участвуют особые частицы – так называемые бозоны Хиггса.

Что такое бозоны Хиггса? Это частицы, являющиеся переносчиками особого поля, которое в квантовой физике высоких энергий как бы отвечает за появление массы у всех элементарных частиц. Сейчас бозонами Хиггса начинают заниматься с особой тщательностью. Новый ускоритель (Большой адронный коллайдер), недавно достроенный в Европейском центре ядерных исследований в Швейцарии, должен заняться именно обнаружением бозонов Хиггса.

Гипотеза стерильных нейтрино объясняет наличие темной массы тем, что есть частицы, имеющие большую энергию-массу, но практически не вступающие в большинство физических взаимодействий.

Гипотеза малых черных дыр связывает существование необнаруживаемых масс не с такими частицами, а с телами.

Еще одна гипотеза менее респектабельна, но существенна для нашего исследования. А также хоть и менее респектабельна, но не вполне маргинальна. Речь идет о наличии так называемых скрытых измерений. То есть о том, что Вселенная на самом деле имеет не четыре эйнштейновских измерения, а семь, одиннадцать или даже двадцать семь. Однако эти дополнительные скрытые измерения, обсуждаемые в ряде так называемых «суперструнных» теорий, проявляются лишь на сверхмалых расстояниях (порядка 10^{-33} – 10^{-37} м). На этих же расстояниях, иногда именуемых «планковскими», именно эти скрытые измерения определяют гравитационное взаимодействие. И через это свое вмешательство обеспечивают эффект дополнительной массы.

От краткого обзора того, что касается темной массы, перейдем к тому, что касается темной энергии.

Уже первые модели Вселенной, созданные на основе Общей теории относительности Эйнштейна, показали, что Вселенная, подчиняющаяся Общей теории относительности, должна быть слишком неустойчивой. Она слишком быстро должна начать опять сжиматься, возвращаясь к привычной сингулярности. Для построения не столь неустойчивых моделей Эйнштейн был вынужден ввести в свою теорию дополнительное скалярное поле. Он назвал его «лямбда-член», понимая, что фактически речь идет о допущении наличия... АНТИГРАВИТАЦИИ! Для Эйнштейна гравитация как единое первоначало значила примерно то же самое, что для Фрейда – Эрос. Признание наличия антигравитации для Эйнштейна было столь же мучительным, как для Фрейда признание наличия Танатоса.

Позже Фридман нашел нестационарные решения в рамках Общей теории относительности, позволяющей описать расширяющуюся Вселенную без лямбда-члена. Эйнштейн с восторгом принял эти решения Фридмана и заявил, что ошибочно ввел лямбда-член. Однако впоследствии оказалось, что решения Фридмана, избавляя от лямбда-члена, порождают другие, практически непреодолимые теоретические трудности. Оказалось также, что лямбда-член Эйнштейна и связанное с ним лямбда-поле очень убедительно описывают наблюдаемое расширение Вселенной. Это стало ясным уже после первой серии экспериментов с телескопом Хаббла.

Тем не менее лямбда-поле очень долго считали неким не слишком обязательным теоретическим артефактом, не имеющим внятного физического объяснения. Однако в 60-е годы советский физик Эраст Глинер опубликовал теоретические работы, представляющие лямбда-поле как фундаментальное свойство физического вакуума. Глинер приписал вакууму, во-первых, определенную плотность энергии, а во-вторых, отрицательное внутреннее давление, подобное тому, которое имеет место в растянутой резинке.

Работы Глинера были теоретически абсолютно корректны. Но они реанимировали то, что космологический истеблишмент не хотел признавать, – лямбда-член, лямбда-поле, Тьму. У истеблишмента психологического не было на руках отказа Фрейда от Танатоса. И потому Танатос не отвергали, но замалчивали. У истеблишмента космологического на руках был отказ Эйнштейна от лямбда-члена и лямбда-поля. И потому этот космологический истеблишмент просто вывел работы Глинера за рамки космологического мейнстрима.

Вывести-то он вывел... Но физика – не теология. В физике неустранимо господствует Его Величество Эксперимент. В 90-е годы XX века были введены в действие космические радиотелескопы, позволяющие осуществлять систематические серии наблюдений за далекими взрывами сверхновых звезд. Поскольку теория звездных взрывов к этому моменту была достаточно хорошо разработана и практически подтверждена, астрономы иногда называют эти сверхновые звезды «стандартными свечами».

Наблюдения за «стандартными свечами» показали, что на больших межгалактических расстояниях не действует экспериментальный закон Хаббла, гласящий, что линейное равномерное расширение Вселенной подчиняется правилу, согласно которому скорости разбегания объектов всегда пропорциональны расстоянию между ними.

Ну, так вот... В 90-е годы выяснилось, что сверхновые звезды, находящиеся на больших расстояниях, разбегаются не

пропорционально расстоянию между ними, а с ускорением. Это придало новую убедительность теории Глинера. А тут еще Глинер в начале 80-х годов эмигрировал в США и стал широко публиковать свои ранее малоизвестные исследования.

Напомню, что, по Глинеру, физический вакуум обладает отрицательным внутренним давлением и определенной плотностью энергии. То есть свойствами лямбда-поля. Только это отрицательное внутреннее давление в сочетании с плотностью энергии вакуума может обеспечивать ускоренное разбегание объектов во Вселенной. Иных источников ускоренности нет. Теория Глинера отвоевала себе место в космологическом мейнстриме. А вместе с ней была реабилитирована и теория лямбда-члена Эйнштейна, то есть теория антигравитации.

Почему это так важно для наших метафизических размышлений? Потому что во всех ультрагностических метафизиках гравитацию называют «зловещим изобретением Демиурга», создающим вампиризм Форм, чудовищную «концентрационную Вселенную», от которой надо избавиться. Одно дело, когда оппонента у гравитации нет. Тогда можно сказать: «А где что-то, противостоящее вашему Демиургу? Где эта самая Тьма, Иное? Если ничего такого нет, если гравитация не имеет антагониста, то тогда она порождена каким-то универсальным безальтернативным началом. То есть началом благим».

С момента возвращения теории Глинера в космологический мейнстрим вам укажут на лямбда-член и отрицательное давление в обладающем энергетической плотностью вакууме как на источник антигравитации, то есть на эту самую метафизическую Тьму.

Кроме того, в последнее десятилетие появились упоминания и о моделях первичного вакуума. Еще рано говорить о респектабельности этих моделей, но в них темная энергия считается исходным свойством первичного физического вакуума. А рождение Вселенных («большие взрывы») объясняется отклонениями этого правакуума от равновесных значений («квантовыми флуктуациями в планковском вакууме»).

Согласно данным моделям, темная энергия – это неотъемлемый атрибут первичного вакуума. Она, как и этот вакуум, существует до появления Вселенной. Вселенная же своим возникновением обязана первичному вакууму, а значит в чем-то и его атрибуту – темной энергии. Вселенная, как минимум, «плавает» в океане темной энергии и пронизана этой энергией. А как максимум, является продолжением и порождением этой энергии.

Раз уж я начал обсуждать и не до конца респектабельные модели, то какое я имею право не упомянуть Релятивистскую теорию гравитации Анатолия Логунова? Логунов – ученый с мировым именем. Бывший ректор нашего МГУ. Его теория широко известна далеко за пределами России. В своей теории Логунов отказывается от самых «проблемных» моментов Общей теории относительности (черных дыр, первичной сингулярности при рождении Вселенной, темной материи и темной энергии). Вместо всего этого вводится изменяющееся во времени гравитационное поле Вселенной. Изменениями гравитационного поля во времени Логунов объясняет, в том числе, и скрытую массу-энергию Вселенной. Остается только определить источник данного изменения. Борясь с Эйнштейном вообще и лямбда-членом в частности, Логунов фактически перемещает казус с лямбда из Вселенной как таковой в непонятную сферу надвселенских источников, вызывающих изменение гравитационного поля.

Есть еще теории (более маргинальные, нежели логуновская, но тоже не до конца маргинальные), превращающие все фундаментальные константы теоретической физики (скорость света, постоянную тонкой структуры, входящую во все уравнения взаимодействий в микромире и т.д.) в эволюционирующие переменные. Фактически, это вариации на тему Логунова. Эти вариации, как и Релятивистская теория гравитации Логунова, не дают объяснения первопричин «переменности» фундаментальных констант (гравитации – у Логунова, всех констант – у авторов других подобных теорий).

Развитие же рассматриваемой нами группы теорий (если они не окажутся блефом), опять-таки, вернет нас к вопросу о надвселенских источниках эволюции. То есть к вопросу о той же Тьме. А также к вопросу о Проявленном и Непроявленном (что абсолютно тождественно вопросу о Тьме).

Ведь о чем говорят по сути все рассмотренные нами – грубо и вкратце – данные о темной энергии и темной материи? О том, что есть Проявленная масса и Проявленная энергия. А есть масса и энергия Непроявленная (темная). Проявленное – это атомы, элементарные частицы, фотоны, известные типы нейтрино в виде излучения. Все это в разных вариантах составляет первые проценты (примерно 4%) совокупной массы-энергии Вселенной. Еще 23% – Непроявленная темная материя. А 73% – Непроявленная темная энергия, антигравитация, являющаяся фундаментальным неотъемлемым свойством физического вакуума.

Что осталось рассмотреть для того, чтобы сложилась первичная картина светской метафизики? То есть метафизики, связывающей свою метафизичность с физическими открытиями последнего столетия, а не с мистическими прозрениями и религиозными текстами.

Наверное, надо рассмотреть тот горячий праисторический (довселенский) мир Гута-Линде, в пределах которого скорость «раздувания» пространства (не разлетания материи, а раздувания пространства) была резко выше скорости света. А также тот мир расширения уже возникшей Вселенной, мир Гамова, в котором «сваривалось» окружающее нас вещество. Надо рассмотреть до коллективную жизнь первочастиц и их превращение в первичную кварк-глюонную плазму. Надо рассмотреть и «соединяющиеся миры», о которых, между прочим, писал не безответственный фантаст, а великий советский физик Александр Фридман. Тот самый Фридман, который так впечатлил Эйнштейна, что тот отказался от лямбда-члена. Вот каков вывод Фридмана:

«Когда соединяющая миры перемычка утончается до размеров геометрического кванта, пространство в ней становится неустойчивым, состоящим из отдельных «кусков», как битый лед в полынье. Такое дробленое пространство не может задержать переход энергии из одного мира в другой...»

Позже идеи Фридмана о соединяющихся, но как бы «замкнутых внутри себя» мирах развил О.Клейн. И такие миры были в честь Фридмана названы «фридмонами».

Мир Фридмана – не фэнтези, а строгое, пусть пока и чисто теоретическое, научное построение. Но это мир, в котором через сузившуюся до размера около 10^{-33} сантиметра тонюсенькую пуповину струится поток энергии, не позволяющий

пуповине сжаться до конца. Остается точечный «прокол» из одного мира в другой. Если новых миров образуется много, то Вселенная станет похожа на гроздь винограда со сросшимися ягодами.

Представление о гроздьях вселенных... Представления о раздувании первичных сверхмалых «праядер» первоматерии, имеющих размеры порядка 10^{-33} сантиметра... О первичной сингулярности, взрыве праатома, связи параллельных вселенных...

Физика ли все это? И да, и нет. Скорее, это некий стык между физикой и схоластикой, физикой и фэнтези. Он может оказаться продуктивным или контрпродуктивным с научной точки зрения. Двигаясь по этому саду расходящихся тропинок, можно на что-то натолкнуться. А можно и провалиться в необязательную чужаковатость. А также полностью забыть о судьбах развития. Так что, согласись, читатель, надо на чем-то остановиться.

Известная психологическая рекомендация гласит, что в подобных случаях останавливаться надо именно в тот момент, когда мысль о необходимости остановиться тебя посетила первый раз.

Потом будет поздно. Вот я и останавливаюсь. Такие рассуждения, особенно с расчетом на читателя, не погруженного полностью в мир современной теоретической физики, как ремонт. Их нельзя завершить. Их можно только волевым способом прекратить.

Для меня было важно доказать, что Вселенная как остров, плавающий в прафизическом океане Тьмы, – это, как минимум, корректный космологический образ, питающий собой абсолютно светскую метафизику. А точнее – две метафизики: черную и красную. Пройти мимо данного обстоятельства, как минимум, неумно. Обсуждение Вселенной как острова во Тьме будет вестись все более бурно. В это обсуждение будут вбрасываться все новые данные. Перемычка, подобная фридмановской, через которую в малокомпетентные миры будет закачиваться информация о Тьме из высококомпетентных миров, будет работать как насос, меняя мировоззрение человечества. В какую сторону – красную или черную?

Мне это крайне небезразлично. А тебе, читатель?

Между тем это будет происходить не только на стыке физики и идеологии, но и на иных стыках. Не только крупные (и крупнейшие) физики (как астрофизики, так и физики-теоретики, отнюдь не обязательно занятые Галактиками и Вселенной) начинают говорить о темной материи, темной энергии. Причем говорить нечто, весьма и весьма близкое по своему содержанию к тому, что говорят о Тьме визионеры. На Тьму же наталкиваются и психологи, анализируя сознание и подсознание своих пациентов и участников психологических экспериментов.

Ученые, исследующие внешний мир (физический и не только), ученые, исследующие внутренний мир (сознание, психику в целом), чуть ли не инструментально (и в любом случае – совсем не визионерски) обнаруживают эту самую Тьму. Обнаруживают и шарахаются в сторону... И снова обнаруживают... И снова...

Я уже говорил о том, что из физиков на Тьму первым натолкнулся Альберт Эйнштейн. Он-то сам никак ее не назвал. Но все, что он добыл, занимаясь Общей теорией относительности, однозначно выводит на проблему Тьмы.

А теперь – от физики к психологии. Тоже, между прочим, наука, не правда ли?

В психологии о чем-то, аналогичном Тьме, окружающей и «пропитывающей» расширяющуюся Вселенную Эйнштейна, заговорил Зигмунд Фрейд.

Теперь пора обсудить то, как именно Фрейд на это самое нечто, аналогичное Тьме, наткнулся. Очень многие ученые связывают с Первой мировой войной принципиально новый этап в развитии системы, построенной Фрейдом еще в довоенный период. В своей статье «Зигмунд Фрейд – выдающийся исследователь психической жизни человека» М.Г. Ярошевский пишет:

«Среди военных врачей имелись и знакомые с методами психоанализа. Пациенты, которые теперь у них появились, страдали от неврозов, сопряженных не с сексуальными переживаниями, а с травмировавшими их испытаниями военного времени. С этими пациентами сталкивается и Фрейд. Его прежняя концепция сновидений невротиков, возникшая под впечатлением лечения венских буржуа в конце XIX века, оказалась непригодной, чтобы истолковать психические травмы, возникшие в боевых условиях у вчерашних солдат и офицеров. Фиксация новых пациентов Фрейда на этих травмах, вызванных встречей со смертью, дала ему повод выдвинуть версию об особом влечении, столь же могучем, как сексуальное, и потому провоцирующем болезненную фиксацию на событиях, сопряженных со страхом, вызывающих тревогу и т. п. Этот особый инстинкт, лежащий, наряду с сексуальным, в фундаменте любых форм поведения, Фрейд обозначил древнегреческим термином Танатос, как антипод Эроса – силе, обозначающей, согласно философии Платона, любовь в широком смысле слова, стало быть, не только половую любовь (тем самым значение либидо расширялось до любовного влечения к окружающим людям и любым предметам, а также духовным ценностям). Под именем Танатоса имелось в виду особое тяготение к смерти, к уничтожению либо других, либо себя. Тем самым агрессивность возводилась в ранг извечного, заложенного в самой природе человека биологического побуждения».

В декабре 1920 года в Международном психоаналитическом издательстве (Лейпциг-Вена-Цюрих) вышла работа Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия» («Jenseits des Lustprinzips»). В ней наиболее полно изложены новые идеи Фрейда, выводящие психоанализ за пределы объяснения психических процессов через «принцип удовольствия» (Lustprinzip). Психоаналитики заговорили о втором дуализме влечений. Мол, Фрейд переходит от первого дуализма влечений (противопоставление сексуальных влечений и влечений Я или влечений к самосохранению) ко второму дуализму, в рамках которого влечению к жизни (Lebensströbe) противопоставляется влечение к смерти (Todesströbe). Заодно Фрейд противопоставляет регресс прогрессу, прямо указывая на то, что автономные потенциалы регресса могут победить при определенных ситуациях. И что упование на автоматический триумф прогресса в высшей степени необоснованно.

Итак, смерть против жизни, регресс против прогресса... Танатос против Эроса?

Исследователи творчества Фрейда спорят о том, ввел ли в оборот термин «Танатос» сам великий психолог или его последователи. Ярошевский, как мы видим, считает, что Фрейд именно ввел в оборот сам термин, а не только задумался о равнозначности влечения к смерти – влечению к жизни. А биограф Фрейда Э.Джонс в третьем томе своей работы «Зигмунд

Фрейд: Жизнь и деятельность» сообщает, что Фрейд лишь иногда пользовался в разговорах термином «Танатос».

Для нас достаточно и того, на что указывает Э.Джонс, являющийся официальным биографом З.Фрейда. По-человечески очень понятно, почему Фрейд должен был бы избегать публичных официальных упоминаний термина «Танатос». Такие упоминания означали бы прямое признание Фрейдом ущербности построенной им универсалистской моносистемы, основанной на Эросе как источнике всего и вся. А вот то, что Фрейд неявно стал заниматься Танатосом, заявив о равнозначном Эросу альтернативном влечении в работе «По ту сторону принципа удовольствия»... то, что он рискнул обсуждать Танатос со своими учениками, причем настолько открыто, что многие (тот же Ярошевский, например) говорят о введении Фрейдом термина «Танатос» в научный оборот... Это, согласитесь, прерогатива гения, готового поставить под удар дело жизни, свою славу и репутацию – лишь бы добраться до истины. Загадочна не осторожность Фрейда в использовании термина «Танатос», а то, что он, хоть и осторожно, этот термин использует, завещает ученикам и последователям. Эти ученики и последователи (Э.Вейсс, М.Кляйн, П.Федерн, С.Шпильрейн, А.Штерке и многие другие) придают понятию «Танатос», введенному Фрейдом, категориальный статус.

В значительной степени это связано с работами австрийского психоаналитика Пауля Федерна, которого Зигмунд Фрейд уже в 1924 году объявляет своим преемником. Под влиянием Фрейда Федерн начинает исследовать Танатос, опираясь на богатый клинический материал, вводит альтернативное «либидо» понятие «мортидо».

Позже Танатосом занимаются уже очень многие, включая знаменитых теоретиков Франкфуртской школы. Герберт Маркузе в своей работе «Эрос и цивилизация» (подзаголовок книги – «Философское исследование учения Фрейда») пишет специальную главу «Эрос и Танатос».

Как мы видим, неслыханная отвага Фрейда, ставящего под удар дело жизни во имя рассмотрения альтернативной Эросу реальности, находит отклик у очень и очень многих. Но по мне, так сдержанные рассуждения Фрейда на тему о Танатосе – намного важнее развернутых построений его последователей и его оппонентов.

Итак, одна светская метафизическая линия порождена физикой и ее представлением о Тьме. Тут, как мы видим, свою лепту вложили Эйнштейн и Фридман, Гут и Линде, Гамов и Логунов... И другие известнейшие теоретики.

Другая светская метафизическая линия порождена психологией. Ее создателями стали Фрейд с его Танатосом (той же по сути Тьмой, окаймляющей Эрос как внутреннюю Вселенную, Вселенную личности) и последователи Фрейда. А также его оппоненты, принадлежащие к разным школам (маркузианцы, постмодернисты и пр.).

Я прошу читателя увидеть эти линии как две трассы, тянущиеся к мистическому опыту Тьмы, на базе которого построены и красная, и черная религиозная метафизика. А увидев две трассы и встречные пунктиры, тянущиеся к ним с метафизической территории, увидеть трассу третью – не психологическую и не физическую, а тоже научную и особо для нас важную. Ту очень неявную, но определяющую для моего исследования трассу, которая наиболее связана с развитием, политикой, судьбами человечества и имеет не менее научный характер, чем трассы физическая и психологическая, являясь при этом абсолютно (хотя и скрыто) метафизической.

Глава III. Метафизическая реконструкция марксизма

Имя этой третьей трассе, тянущейся со светской (научно-метафизической) территории на территорию канонической (религиозно обусловленной) метафизики, – марксизм.

Маркс, по моему мнению, наткнулся на ту же Тьму, что и Эйнштейн с Фрейдом.

Ведя полемику по поводу Красного проекта, обсуждая Танатос перестройки, я вкратце уже это оговаривал. А вот теперь настало время перейти от кратких и полемически обусловленных констатации к серьезному разбору до крайности непростой темы. Маркс – это решающее звено между Эйнштейном и Фрейдом. А уж о роли этого звена во всем, что касается светских дериватов красной метафизики, и говорить не приходится. Нет коммунизма без Маркса, как нет и Маркса без коммунизма. И все-таки главное – эта самая Тьма. Для Маркса уже не физическая, то есть сугубо внешняя, и не психологическая (то есть сугубо внутренняя), а промежуточная. То есть решающая.

Если Эйнштейн исследовал мир без человека, а Фрейд – человека без мира, то Маркс занимался связью между миром без человека и человеком без мира. Общество – это и есть такая связь.

С одной стороны, оно сотворяет материальный мир. Разве город, в котором живет современный человек, менее материален, чем лес, в котором жил его первобытный предок?

С другой стороны, этот предметный мир теснейшим образом связан с сознанием тех, кто его строит, влияет на это сознание, и потому является не просто материальным миром, таким же, как другие миры, а именно особым материальным миром, каждая молекула которого пронизана творчеством и сознанием.

Так на что же наткнулся Маркс, исследуя общество? Согласно моей гипотезе, которую я собираюсь обосновать, он, исследуя так называемые превращенные формы, наткнулся на источник превращения, который оказался поразительно похож на все ту же Тьму.

Я не хочу сказать, что Маркс во всеуслышанье стал говорить о Тьме социальной, подобно тому как Фрейд сказал о Танатосе. Но ведь и Эйнштейн не заговорил напрямую о Тьме физической.

Маркс занимался «отчуждением». Подчеркну еще раз – не «эксплуатацией» только, как кому-то представляется, а именно отчуждением. Я никоим образом не хочу девальвировать при этом его занятия «эксплуатацией». Занимаясь Маркс только общим (то есть «отчуждением»), а не частным наряду с общим («эксплуатация» – это и есть частный случай «отчуждения»), он был бы просто мудрецом, а не воином, сражающимся со злом. Зло в XIX веке слишком очевидным образом олицетворялось этой самой эксплуатацией – варварской, неслыханно бесчеловечной, готовой растоптать и людей, и гуманность как таковую. Маркс не мог не бросить вызов этому конкретному злу. Да и сейчас от этого зла нельзя отмахиваться («подумаешь, эксплуатация – частный случай!»).

Частный-то частный... Но если он растаптывает все, что вам дорого, то толку ли, что он частный? Да, эксплуатация на Западе в XXI веке не столь остра, как в XIX-м. Да, на первый план все больше выходит отчуждение как таковое. Но в Африке, Латинской Америке, да и других, местах болячки XIX века не излечены, а усугублены. И именно за счет такого усугубления эксплуатация на Западе отодвинута на второй план, а на первый вышло отчуждение как таковое.

Однако, поскольку мы занимаемся не политическим содержанием теории (или учения) Маркса, а Марксовой гносеологией и даже метафизикой (да еще метафизикой неявной), настойчивая констатация несводимости отчуждения (как общего) к эксплуатации (как к частному) совершенно необходима. Маркс действительно был обеспокоен не только отчуждением труда (что и есть эксплуатация), но и отчуждением всего, включая собственно человеческую сущность. Мы видим, как теперь от примитивного отчуждения труда отчуждающие переходят к отчуждению сущности вообще. И видим это благодаря Марксу.

Я предлагаю вниманию читателя одно очень нетривиальное развернутое высказывание, принадлежащее крупному современному религиозному деятелю. Речь идет об интервью, которое 55-летний архиепископ Мюнхена и Фрайзинга Райнхард Маркс дал журналу «Шпигель» (Der Spiegel 44/2008 vom 25.10.2008, Seite 170, «Wilde Spekulation ist Sünde» – «Разнузданная спекуляция – это грех»).

Райнхард Маркс – близкий сподвижник Папы Бенедикта XVI. Именно Бенедикт XVI возвел Райнхарда Маркса в ноябре 2007 года в сан архиепископа. Мы имеем тем самым дело с высказыванием крупнейшего консервативного иерарха, а не с эксцентрическим левачеством религиозного маргинала. А коли так, то каждое слово Райнхарда Маркса представляется слишком существенным для того, чтобы делать купюры в его беседе с Петером Вензиерски и Штефаном Бергом. И я привожу эту беседу дословно.

«55-летний архиепископ Мюнхена и Фрайзинга Райнхард Маркс о конце "турбокапитализма" и влиянии Карла Маркса на социальную доктрину католической церкви.

"Шпигель": Г-н Маркс, мы в некотором сомнении – как правильно к Вам обращаться ?

Маркс: Большинство людей используют обращение "господин архиепископ".

"Шпигель": А мы думали, Вам больше понравится "товарищ Маркс".

Маркс: С чего Вы взяли?

"Шпигель": Вы написали книгу под названием "Настоящий капитал", которая начинается посланием Карлу Марксу. Г-н архиепископ, зачем Вы кокетничаете с вашим однофамильцем?

Маркс: Карла Маркса следует все еще принимать всерьез. Было время, когда многие считали, что старый Маркс себя изжил. Это оказалось заблуждением.

"Шпигель": Но все-таки именно католик Норберт Блум в 1989 году радостно заявил работникам гданьской верфи: "Маркс мертв, Иисус жив".

Маркс: В отношении Иисуса Христа это высказывание остается справедливым.

"Шпигель": Но марксисты сейчас тоже празднуют: вроде как воскрес их проповедник.

Маркс: Ну, это уже действительно дело не мое. Но мне бы хотелось, чтобы мы, как церковь, снова вернулись к социальной доктрине католической церкви, которая всегда всерьез принимала и Карла Маркса, и его анализ отношений в обществе. Есть реальные причины, делающие движение марксистов столь живучим. Многие вопросы оно ставит обоснованно. Социальная доктрина католической церкви одновременно и предупреждает: если пойти за Карлом Марксом, станет еще хуже.

"Шпигель": А почему Вы именно сейчас занялись Карлом Марксом?

Маркс: Одна фундаментальная мысль занимает меня уже много лет. Она содержится в энциклике Centesimus annus, провозглашенной Иоанном Павлом II после крушения коммунизма. Он сказал: если капитализм не сможет действительно разрешить фундаментальные проблемы справедливости, солидарности и свободы человека, а лишь углубит рвы, разделяющие людей, то вернутся старые идеологии. И имел в виду он, конечно, именно марксизм. Этот вывод кажется мне весьма логичным.

"Шпигель": В наши дни капитализм и рыночная экономика переживают тяжелый кризис. В своей книге вы задаете вопрос, не пришло ли время просить прощения у Карла Маркса. Но ясного ответа в вашей книге найти не удается.

Маркс: Патриарх социальной доктрины католической церкви Освальд фон Нелль-Бройнинг высказал спорную мысль: мы стоим на плечах Карла Маркса. Его резко критиковали за это. Но он оказался прав.

"Шпигель": То есть Вы, католический архиепископ, стоите на плечах Карла Маркса?

Маркс: Мы все стоим на его плечах, потому что в истории общества и в истории духа все мы занимаемся им, признавая или отрицая его. Анализируя положение, сложившееся в XIX веке, Карл Маркс сделал много выводов, остающихся бесспорными.

"Шпигель": Вы хотите сказать, что пора попросить у него прощения?

Маркс: Полагаю, это уже случилось. Те из нас, кто в католической церкви занимается вопросами социальной этики, никогда не отождествляли философское наследие Маркса просто со Сталиным или ГУЛАГами. Нельзя обвинять Маркса во всем, что сделано некоторыми его последователями. Но в концепции Маркса, конечно, содержится претензия на тотальную власть, в ней изложено представление об обществе, которое я не могу принять. По его мнению, общество состоит из классов, и одни люди противостоят другим. На это я, как христианин, однозначно отвечаю: "Нет". Поскольку в каждом человеке вижу образ Божий.

"Шпигель": Частью этого классового учения была концепция диктатуры пролетариата, ставшая основой притязаний коммунистических партий на власть – с ужасающими последствиями. Чему вообще можно научиться у человека с такими идеями?

Маркс: Глобализацию Маркс распознал в ее сути как глобализацию капитала. Он видел в этом аккумуляцию капитала, способную приобрести новое "качество" – капитал становится очень несправедливым. Маркс верно анализировал товарный

характер труда и проникновение экономики во все сферы жизни.

"Шпигель": Следовательно, в тот момент, когда рухнул Советский Союз, коммунизм вовсе не исчез окончательно с лица земного шара?

Маркс: Нет, конечно. Мы же видим, как сейчас Маркс переживает прямо-таки возрождение. Он считал, что капитализм погибнет от собственных противоречий. Он предсказывал, что примитивный капитализм может стать угрозой для нашего мира. И в этом смысле предостережение Иоанна Павла II верно: если распространяться станет радикальная идеология капитализма, марксизм вновь оживет.

"Шпигель": Капитализм, особенно его турбоверсия, в настоящее время прилагает к этому все усилия. Нет ли у Вас идеи, как его снова обуздать?

Маркс: На сцене актуальной политики епископ не является непосредственным действующим лицом. Но социально активные христиане должны изменять и структуры, существующие в политике. Тут одной лишь благотворительной деятельности недостаточно. Экономике нужно организовывать с учетом этических принципов, не отменяя законов рынка как такового. Но у правил игры непременно должна быть этическая грань. И в этом смысле социальная доктрина католической церкви несет в себе заряд критики в адрес капитализма.

"Шпигель": Социальная рыночная экономика была не только успешным ответом на чистый капитализм – ее понимали и как модель, противопоставляемую социализму. Вы согласны с необходимостью возврата к идеологии социальной рыночной экономики?

Маркс: Без этического и правового каркаса капитализм оказывается враждебным человеку. Это главное, что приходится осознать в наши дни, это мой вывод из финансового и банковского кризиса.

"Шпигель": Есть ли взаимосвязь между крахом коммунизма и тем, что капитализм стал совершенно разнузданным?

Маркс: К сожалению, да. Пока шло соревнование систем, не все можно было себе позволять. И вдруг давление исчезло. Я уже несколько лет назад высказал свой взгляд на это: разнузданная спекуляция – это грех. Многие тогда нападали на меня – как можно, мол, такое утверждать. Только-только люди получили возможность заработать немного денег, и тут ты объявляешь это грехом. А я отвечал: это же безрассудство. Уже тогда чувствовалось, что так можно зайти слишком далеко.

"Шпигель": То есть альтернативой Вы считаете возвращение к рыночной экономике, но не полностью свободной, а регулируемой?

Маркс: Да. Нам нужна хорошо налаженная рыночная экономика, а не революция. Приходится ставить простые вопросы: что полезно для людей? Отводится ли человеку главное место? Как он находит работу, как получает образование? Все это вещи, которые нельзя регулировать только рыночными механизмами. Мне странно, что эта мысль оказалась забытой.

"Шпигель": А есть ли у Вас объяснение этому?

Маркс: Наверное, очень простое – во всем виновато корыстолюбие.

"Шпигель": Но ведь жадность – одно из свойств, лежащих в самой основе модели человека.

Маркс: Мне, как епископу, вы можете не доказывать, что что-то такое в человеке сидит. Алчность есть всегда, как и грех есть и будет – до Второго пришествия. Но существуют структуры, которые, если говорить в понятиях теологической морали, буквально соблазняют человека ко злу. Есть и ситуации, в которых зло оказывается возражденным. В 2000 году я в одной серьезной газете обнаружил редакционную статью под названием "Похвала алчности". Мне, как епископу, остается развести руками и сказать: подождите, это к чему же мы пришли?

"Шпигель": Ваш однофамилец, работы которого вы так глубоко изучали, видит первопричину всего зла в самих отношениях собственности. Якобы это они в конечном счете приводят к эксцессам и конфликтам. Как Вам этот основополагающий тезис?

Маркс: Он неверен. Проблема не в отношениях собственности, а в порядках, регулирующих собственность. То, что человек своим трудом зарабатывает собственность, – составная часть человеческого достоинства. Неверно понятое отношение равенства губит свободу.

"Шпигель": Почему защита собственности для вас такой важный пункт в дискуссии с марксистской теорией?

Маркс: Потому что собственность, как сказано у Фомы Аквинского, есть важная основа свободы. У кого нет ничего, кроме рабочей силы, тот становится объектом эксплуатации. Это философский довод, дающий нам право сказать о теории Маркса с ее враждебным отношением к собственности: марксизм ведет туда, где человек лишается свободы.

"Шпигель": Что делает католического епископа экспертом по финансовым катастрофам и биржевым обвалам?

Маркс: Экономика совершается не только в сфере экономики. Она касается нас всех, и епископов тоже. И вообще, я интересовался этими вопросами, еще будучи профессором социологии.

"Шпигель": Какие ориентиры церковь может предложить обществу на этом сложном этапе?

Маркс: Социальная доктрина католической церкви, социальные энциклики Папского престола указывают ясные направления, которым должны следовать политические решения и экономические действия. Объявлять прибыль с капитала единственной целью экономики – это неверный подход. Мы, как церковь, должны сказать: так быть не должно.

"Шпигель": Требуется ли Вы, чтобы банкиры, которые довели свои банки до разорения, принесли покаяние и получили по заслугам?

Маркс: Я призываю их опомниться. И это я говорю всем, кто рассчитывал быстро и не трудясь разбогатеть. Например, отчаянно спекулируя на бирже и не думая о последствиях. Ведь было же так: люди сидели с ноутбуками у стойки бара, щелкали по клавиатуре и зарабатывали миллион за миллионом. Один из капитанов немецкой экономики мне рассказывал: приходят юнцы из университета, и им устанавливают начальный оклад в миллион евро в год. Ну, они и теряют рассудок. Вся эта выдумка с участием банков в биржевых спекуляциях – абсолютное сумасшествие. Изобретены системы поощрения, влекущие человека в направлении, которое ему вредно. Нужно призывать этих людей вернуться к благоразумию.

"Шпигель": В Германии две партии, сотрудничающие между собой, называют себя христианскими – Христианско-социальный союз и Христианско-демократический союз. До недавнего времени они прославляли неолиберализм. Вы верите, что они тоже могут опомниться?

Маркс: Было бы очень хорошо.

"Шпигель": Но вы на это надеетесь?

Маркс: Надежда у меня на это есть, и она распространяется на все партии. Конечно, Христианско-демократический союз был партией, пытавшейся после Второй мировой войны развивать идею социальной рыночной экономики. Тогда это был важный шаг вперед, потому что все понимали: с тем капитализмом, который был до Второй мировой, нам не выжить. Нужны были новые идеи, новое устройство общества, новые порядки в экономике. И тогда снова появился спрос на социальную доктрину католической церкви. Социальная рыночная экономика есть результат развития цивилизации. Многие об этом забыли.

"Шпигель": Нынешние дебаты столь глубоко не заходят. Сегодня политика, скорее, похожа на ремонтную контору. Главный вопрос: как бы чуть-чуть починить капитализм.

Маркс: Еще придет время и для глубоких вопросов. Будем говорить и о хедж-фондах, и о мировом социальном экономическом порядке. Может быть, придется задуматься и об укреплении валютных фондов, о правилах и об этике. Сейчас еще не время. Но это впереди. Я согласен открыть дискуссию.

"Шпигель": Кое-где делаются уж очень радикальные выводы. Например, в Латинской Америке происходит просто поразительное возвращение социализма.

Маркс: Сама эта реакция понятна, нечему удивляться. Но левые популисты в Венесуэле столь же опасны, как и популисты правые. Мессианство популистов опасно всегда.

"Шпигель": И в Германии усилился приток людей в левые партии.

Маркс: Но все-таки это еще не большинство.

"Шпигель": Вы сейчас не скупитесь на политические рекомендации. А ведь сама церковь долгое время игнорировала проблемы нищеты и раскола в обществе.

Маркс: Минуточку, минуточку. Социальная доктрина католической церкви началась не с первой энциклики 1891 года. Социальное движение церкви началось раньше. Церковь стала протестовать против детского труда, когда о марксизме еще никто не слышал. Но социальное движение никогда не стремилось к революции, а только к социальной реформе. Оно желало и желает постоянного реформирования системы. В этом мы существенно отличаемся от марксизма.

"Шпигель": Но это дела давние. А потом очень долго насчет социальной доктрины католической церкви ничего и слышно не было.

Маркс: Это верно. Действительно, в течение долгого времени систематической работы не велось. Многие режимы в Латинской Америке считали ее или устаревшей, или опасной. А в Европе она была включена в социальные законодательства. Например, страхование против безработицы было внедрено по инициативе католического священника Хайнриха Браунса, который восемь лет был министром труда в Веймарской республике. Тогда существовало совсем иное представление о том, как превратить социальную доктрину церкви в политическую программу. Во многих странах ничего похожего не произошло, и об этом можно только сожалеть.

"Шпигель": В своей книге Вы резко критикуете капитализм. Создается впечатление, что у вас есть и свой интерес, поскольку церковь долгое время не участвовала в политических дискуссиях.

Маркс: Этот упрек я принять не могу. Я давно работаю в области социального движения и социальной доктрины католической церкви. И надо сказать, что первый отчет о бедности в Германии был подготовлен церковным объединением Caritas. Наши священники лишь тогда выполняют миссию, возложенную на них Иисусом, когда помнят и о благотворительной стороне: где в нашем районе сконцентрированы бедняки? Если это утратить, то в церкви будет чего-то не хватать.

"Шпигель": Именно так церковь и воспринимается в обществе – как благотворительное учреждение. Но Вам этого подхода, кажется, недостаточно?

Маркс: Без сомнения, эти задачи важны, и они – в центре внимания. Но этот подход недостаточен. Иначе мне не нужна бы была католическая социальная доктрина, а мне очень хотелось бы, чтобы люди вновь открыли ее для себя. Идеального мира мы не создадим, но структуры общества надо менять. Нужно, чтобы сложилось государство социальное, нужна справедливая глобализация и нужно, чтобы каждый мог участвовать в распределении доходов. Бедные и обделенные должны получить свой шанс.

"Шпигель": Является ли ваша книга одновременно и попыткой предостеречь – хотя и не напрямую – от марксизма?

Маркс: В какой-то степени это полемика с левыми, выступление против возрождения марксистской политики.

"Шпигель": Вы имеете в виду партию "Левые"?

Маркс: Конечно. Потому что в моем понимании это партия, не осмыслившая своего прошлого и не заявляющая открыто, что она понимает под марксизмом.

"Шпигель": Несколько странно, что католический епископ дает наставления левым в вопросах марксизма.

Маркс: Ну, меня к этому обязывает фамилия.

"Шпигель": Г-н архиепископ, мы благодарим вас за эту беседу».

Я не собираюсь обсуждать отдельные положения, высказанные архиепископом Марксом в этой беседе. Не собираюсь полемизировать с этими положениями. Я привел столь длинную цитату для того, чтобы читатель мог в полной мере оценить интонацию. Все, что говорит о Карле Марксе его высокопоставленный католический однофамилец, проникнуто огромным уважением, пониманием масштаба обсуждаемой фигуры, значимости для XXI века и фигуры самой по себе, и сделанных

этой фигурой открытий. В «Бесах» один герой говорит другому. «Оставьте ваш тон и возьмите человеческий». Архиепископ Маркс разговаривает о своем однофамильце, взяв верный – именно человеческий – тон. В таком же тоне – тоне восхищенной ответственности – говорит о Карле Марксе Далай-лама.

К сожалению, есть и другой тон. Он особо огорчителен тогда, когда на него переходят люди умные и интонационно чуткие. Такие, как Сергей Георгиевич Кара-Мурза. Я читаю его новую книгу «Маркс против русской революции» и мучительно пытаюсь ответить на вопрос: что происходит с некоторыми моими далеко не маргинальными соотечественниками?

Почему они, во-первых, вообще становятся в весьма специфический строй?

Почему они, во-вторых, становятся в этот строй именно сейчас? В условиях, когда весь мир отказывается от антимарксистского скепсиса. И ладно бы речь шла о пересмотре идей Маркса. Так нет, надо выяснить с покойником отношения на очень специфическом уровне. Тон, который задан далеко не лучшей нашей традицией, согласно которой сильно выпивший человек начинает приставать к соседу с вопросом: «Ты меня уважаешь? Нет, скажи: ты меня уважаешь?»

Это достойно? Нет. Это умно? Опять же, нет. Может быть, это хотя бы оригинально? Так ведь тоже нет.

О русофобии Маркса в нынешней России сказано столько, что хочется выть от тоски и стыда за страну, которая 70 лет держала на стенке портрет бородатого еврейского гения, а потом начала с ним эту пошлую, безмерно унижительную разборку. Если бы Маркс был ультра-русофобом, маркизом де Кюстином, возведенным в сотую степень... Если бы, повторяю, это находилось на одной чаше весов, а на другой – какая-то новая истина о мире и человечестве, то что бы перевесило?

Это – первое.

Второе – раньше думать надо было... «Побегала ты, голубушка Россия, 70 лет под красным знаменем, восклицая: "Под знаменем Маркса-Ленина, под руководством Коммунистической партии – вперед к победе коммунизма!"»... Выяснила через 70 лет, что поклонялась черте кому... Тогда еще 70 лет постой-ка в уголке и поисправляйся... Кайся за дурь, тебе будут нравоучения читать и учить уму-разуму. А поскольку 70-ти лет на исправление нет, то умри – прими наказание за грех свой, дурь свою и так далее». Вот так примерно смотрят на русских, когда они пытаются отречься от Маркса и «коммунистического греха».

Ну, а теперь **третье**. Маркс русофобом не был. Повторяю – если бы он был русофобом и тайным каннибалом, это ничего бы не изменило в его вкладе в развитие человечества. Но он не был ни русофобом, ни каннибалом. Сказки о русофобии Маркса должны не только дискредитировать то, что не потеряло для России исторической актуальности, не только породить у нации стыд за свою историческую глупость и неразборчивость... Они, сказки эти провокационные, должны скрыть один из самых загадочных интеллектуально-политических сюжетов XIX века. Имя этого сюжета – зачарованность Маркса Россией, и именно Россией.

Зачарованность – третье состояние души. Это не любовь. И это не ненависть. Маркс – не Шубарт, любящий Россию, и не Энгельс, ненавидящий оную. У Маркса... Стоп! У какого Маркса? Маркса-обывателя? Маркса-политика? Маркса-журналиста? Маркса – наймита тайных сил? Маркса – разведчика, планирующего спецоперации? Мало ли сколько еще можно выявить – и напридумывать – Марксов? Неужели все эти фантомы (и неотменяемые реальные ипостаси) надо анализировать, испытывать, принимать или отвергать, описывать?! А зачем?

Кому это интересно? Если Маркс, завершив день философа, переодевался и начинал действовать как агент 007 или Збигнев Бжезинский, то заслуживает ли подобное нашего интереса? Понятно, почему это интересно для биографа, историка, сценариста. Но нас-то все это может интересовать только в одном случае, если данные обстоятельства оказывают давление на философию Маркса, искажают его интеллектуальные построения, превращают концепт из самоцели в средство ведения разного рода игр.

Все это невозможно, если Маркс – гений. Гений так играть не способен. Захочет так сыграть – и не сможет. Для такой игры нужен блистательно холодный и творчески стерильный ремесленник.

Гению – закажи что угодно, а он в итоге напишет только то, что будет рваться наружу из его творческого вулкана.

Что анализируют господа и товарищи, запоздало обнаруживающие омерзительную (или восхитительную) русофобию Маркса? Философскую концепцию, принадлежащую XXI веку, или причуды, заморочки, бытовые синдромы некоего бородатого еврея, имеющие исторически и психологически обусловленное частное содержание? Зачем умные люди путают одно с другим?

Зачем это делают пошляки – ясно. Пошляк смакует человеческие недостатки гения: «Вот ведь – и он как я!».

Зачем тем же самым занимаются провокаторы – тоже понятно. Им и их хозяевам все еще страшно от мысли, что Россия может вернуться к Марксу, переосмыслить его.

Но почему... почему цэкисты топчут большевизм, христиане – церковь, христианские философы – христианскую философию, левые неосоветские обществоведы – Маркса и все вместе – себя и свою страну? В общем-то понятно, почему. Не было бы от этого понимания так тошно – можно было бы сказать, что концепция превращения под влиянием Танатоса блистательно подтверждается.

Запоздалые марксоеды, успокойтесь! Маркс сам дал на себя признательные показания. Мол, человек и ничто человеческое не чуждо. Вот-вот, подхватываете вы, не чуждо... И вот это ему не чуждо! И это!

Ему или его философии? Человек может быть не чужд тех или иных фобий. А также изжоги и кариеса. А гений и фобийность – две вещи несовместные. Когда приходит гений и водит рукой философа – его фобии оказываются изгнаны. Только вот роль экзорциста исполняет не монах, а творческий гений.

Фобии берут реванш тогда, когда заурядность торжествует над гениальностью. А она часто торжествует. «Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон»... Гений отличается от других людей не тем, что в нем нет заурядности, а тем, что в нем есть нечто, кроме заурядности. Смакование проявлений заурядности у гения есть абсолютно точный симптом

обыкновенности самого смакующего. Что (сверьтесь с классиками) и есть не что иное, как «дух пошлости». Даже не сама пошлость, а ее дух.

Тем, кто, как говорят на уголовном сленге, «фильтрует базар» и тычет пальцем в проявления человеческой заурядности у того или иного гения, однажды – раз и навсегда – Пушкиным была дана убийственная отповедь: «Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. *Он мал, как мы, он мерзок, как мы!* Врете, подлецы: он и мал и мерзок – не так, как вы – иначе».

Предположим, что у Шекспира-человека есть фобия. Или Шекспиру-разведчику заказали дискредитацию... Ну, например, рода Йорков, к которому принадлежал король Ричард III. Что происходит дальше?

Шекспир берет перо и... И приходит к человеку его творческий гений... Рождается трагедия «Ричард III». Ричард III у Шекспира – это «антийоркизм», политическая фобия? Может быть, так хотел заказчик или сам автор. До тех пор, пока его не потребовал «к священной жертве Аполлон». А потом Аполлон потребовал. Священная жертва была принесена. И вот уже пять столетий все плачут, ужасаются, восхищаются демоническим горбуном. Нет ни Алой, ни Белой Розы... Все забыли, кто такие Ланкастеры или Йорки... Помнят их, поскольку они есть у Шекспира.

Говорят, что Шекспир баловался разведкой. Конспирологи (Ларуш и другие) тут же подхватывают: «И Маркс тоже». Сомневаюсь... Но предположим, что так... И что? Трагедии Шекспира – это спецоперации? Масонские происки? Это дарованная нам правда о человеке.

То же самое – с Марксом. Оказывается, он был ничтожеством, завербованным британскими разведчиками, которые...

Что ж, приходится играть и в эту игру, ибо крыша поехала у слишком многих и... Люди, вы понимаете, что такое вербовка? Вам, шипящим на эту тему, ведомы ее правила?

Если разведка (британская или любая другая) завербовала гения, то одно из двух.

Либо она использует этого гения не по назначению и забивает компьютером гвозди, либо...

Либо не она использует гения, а он ее. Если бы господин Ларуш был не только конспирологом, но и разведчиком, то он бы знал, что запрет на вербовку гениев носит неотменяемый характер именно по этой причине.

Рассмотрим в качестве яркой иллюстрации миф о Ленине как немецком шпионе.

Пока подобным балуется заурядный работник аппарата А.Ф. Керенского, отрабатывающий «активку» с тем, чтобы скомпрометировать в 1917 году Ленина в глазах озлобленной «низовки», курьеза не возникает. А работника можно даже наградить за проявленное им абсолютно правомочное рвение. Но когда из этого собираются соорудить (и сооружают) чуть ли не интеллектуальную субкультуру, то это... Это очень смешно.

Во-первых, даже достаточно профессиональных фальшивок на эту тему соорудить не сумели.

Во-вторых, если какой-нибудь немецкий спецслужбист подобное учинил, то он нарушил все правила, все инструкции, которые гласят: «Не вербуй кидалу». Вербовать можно и должно того, на кого по каким-то причинам можно положиться. Остальных следует ситуационно использовать по договоренности или без оной (втемную).

В-третьих, обычный кидала обычным образом и кинет. А гений (политический гений – в случае Ленина) кинет так, что мало никому не покажется. Ленин эту самую Германию истоптал, как никто другой. И этого не могут не понимать даже самые замшелые конспирологи. Тогда заводится разговор о том, что Ленин – не немецкий, а британский шпион и... Становится грустно, смешно и стыдно... «А у алжирского дея под носом шишка»...

Проведем мысленный эксперимент и представим себе, что Эйнштейна, пока он работал в патентном бюро, кто-то завербовал с целью кражи патентов. Ну и что? По максимуму, этот кто-то постарается в дальнейшем красть эйнштейновские расчеты. Это если Эйнштейна засекретили. Но вряд ли даже самый остромазматический «криптолог» заявит, что Эйнштейн написал $E = mc^2$ под диктовку резидента иностранной разведки.

С Эйнштейном этот номер не проходит, не правда ли? Но с Марксом-то почему проходит? Потому что «бобок-с»?

Маркса могут использовать не по назначению – как журналиста или «подрывного политика».

К нему могут прийти и сказать: «Вы передовой теоретик! Посоветуйте британскому руководству, как с позиций вашей теории надо играть против России». Но ему не могут заказать теорию с русофобскими целями. Заказать теорию можно продажной посредственностью. Причем точно зная, что исполненное будет абсолютным бараклом.

Если британская разведка завербовала Маркса, то она сошла с ума и оказалась жестоко наказана. Ибо, совершив этот шаг, она вся и навсегда оказалась завербована Марксом, стала «плясать под его дуду» и... Развалила свою империю.

Прочтение Маркса с выискиванием фобийных деталей уничительно для читающего. Так могут читать работники общепита, желающие иметь... «ну, как там, эта... национальную идентичность». Или уголовники, которые, не понимая содержания разговора, выхватывают из него отдельные слова: «Вона куда этот козел клонит!» Это-то как раз и называется «фильтровать базар». Общественная мысль постепенно заражается криминальным вирусом и вирусом регрессивной закомплексованности. Философы Отечества моего, опомнитесь! С кем поведешься, от того и наберешься. Помните Чацкого: «Из огня тот выйдет невредим, кто с вами день пробыть успеет, подышит воздухом одним, и в нем рассудок уцелеет». Желая врачевать Россию, давайте начнем с себя.

Бытовые фобии Маркса должны интересовать нас не больше, чем, например, состояние его зубной эмали. Служебные высказывания «нефилософских Марксов», о которых я связал выше, ничуть не более интересны.

Интересно только философское содержание Марксовой критики России и некий экзистенциал Маркса, который неотрывен от гения. То есть эта самая «зачарованность», значащая еще больше, чем непосредственно философское содержание.

И давайте все же договоримся, что Волга впадает в Каспийское море, а Маркс – не Шубарт и не Энгельс. Россия рассматривается Марксом (а) как источник странной революционности и (б) как Российская империя. Российскую империю он по определению любить не может. Для этого не надо быть русофобом или агентом британской разведки. Надо быть революционером и человеком своего времени. А также мыслителем, одержимым «страстью по Историческому».

Страсть эта может быть страстью гения или страстью идиота. Для идиота Историческое всегда право и всегда является благом. Это-то и называется «прогрессизм». Маркс относится к Историческому совсем не так. Он влюблен в историю – трагической и зрячей любовью. И поверяет историей все на свете. Народы в том числе.

А вы? Вы их вообще ничем не поверяете? Для вас они все равны-равнехоньки и замечательны по определению? А любая другая позиция – это расизм, ксенофобия, союз с Розенбергом и Гиммлером? Извините – в этом случае вы уже дозрели до того, чтобы стать функционером Организации Объединенных Наций. Вам осталось признать концепцию устойчивого развития – и перестать философией заниматься. Тут ведь или – или... Или ООН и устойчивое развитие, или философия.

Маркс убежден не в спасительности прогресса, а в спасительности Истории, которая должна завершить свою амбивалентную – слышите, не благоую, а амбивалентную – миссию. Она должна накопить благо и зло. И когда ему говорят: «Вот ведь как она зло накапливает», – он отвечает: «Не хуже вас это вижу, но назад пути нет и не может быть».

Маркс – и это в нем важнее всего – не только изучает историю или поклоняется ей. Он ее делает! Он обнаружил, где накапливается историческая лава, и с этой лавой «работает». Он формирует для этой лавы полость (освобождение через коммунистическую революцию), создает канал. Он не историк, он Вестник, то есть Пророк. Светский пророк, разумеется, носитель исторической новизны. Он субъект для субстанции, дух для души, смысл для времени, жених для невесты. Поппер ненавидит Маркса и восхищается им именно по этой причине.

Если бы Огонь не загорелся и не объял собой все человечество и весь XX век, Маркс был бы амбициозным сектантом со смехотворными претензиями. Очередным гуру, окруженным малочисленными сюсюкающими поклонниками. Но Огонь-то ведь загорелся! Ох, как он загорелся! А раз он загорелся, то взятая на себя историческая роль Марксом была, согласитесь, выполнена. И потому его можно назвать Пророком в строгом и единственно возможном смысле слова. Кто светский Пророк Нового времени? Коллективный гений энциклопедистов? Ведь не Руссо же? Марат – это Ленин Нового времени. Наполеон – Сталин Нового времени. А Маркса (поименованного пророка) у Нового времени нет. Пророк Нового времени – не личность, а коллектив (энциклопедисты). Пророк Новейшего времени – личность (Маркс). И это пусть и не артикулируют, но очень многие понимают.

И что же? Мы ждем мелочных ООНовских добродетелей от пророка, влюбленного в Историю и считающего себя мессией, открывателем последней страницы, эсхатологическим вестником?

Мы хотим, чтобы такой Пророк относился к племенам Амазонки так же, как к народам Европы? Но для того, чтобы к ним так относиться, надо ненавидеть историю. Маркс видит, что человечество развивается неравномерно. Что где-то уже капитализм, где-то феодализм, где-то племенная архаика. А кто в последней трети XIX века этого не видел? Только слепой!

Как относиться к отсталым племенам и народам? К странам, явно находящимся на феодальном или даже предфеодальном этапе исторического развития?

Как должны к ним относиться люди, верящие в прогресс, понятно. Для таких людей отсталые племена и народы – это бедолаги, обделенные единственным благом, коим как раз и является этот самый прогресс. Они «почти как люди».

Как к подобным отсталым племенам и народам должны относиться антипрогрессисты, тоже понятно. Для них отсталые племена и народы – источник неповрежденности, незараженности злом, подлинно природные люди.

Но Маркс – не прогрессист и не апологет возврата к природе. Относиться к проблеме отсталых народов индифферентно он не может. Решать ее он может и должен. Вот-вот разгорится полемика по вопросу о том, что важнее – класс или народ (нация). Быть тут в роли догоняющего Маркс никоим образом не желает. Он ведь еще и политик. А для политика догонять – значит проигрывать.

Марксу и политически, и философски важно разобраться в соотношении между национальным (историко-культурным) и классовым: «Национальное в ущерб социальному? Социальное в ущерб национальному? Гармония национального и социального? В чем решение?»

Неужели же у тех, кто затеял расправу с Марксом, настолько короткая память, что они забыли о бурных дискуссиях по этому вопросу внутри самого марксизма? Забыли о прыжках через формацию или через несколько формаций, которые должны были осуществлять азиатские и африканские страны, попавшие в орбиту СССР? Забыли о развитии марксизма Лениным (империализм как высшая стадия развития капитализма), Каутским, Розой Люксембург, а также всеми, кто говорил об ультраимпериализме, этой самой «железной пяте», о Троцком, выдвинувшем концепцию приоритетности национально-освободительных революций в колониях, что должно лишить капитализм его последнего империалистического прибежища? О госкапитализме как специфическом ответе капитализма на вызов 1917 года?

Почему все надо заново обсуждать на пещерном уровне, сводя невероятно сложный комплекс вопросов к наличию или отсутствию русофобии? И почему надо до такой степени забыть о том, как в принципе любой философ решает подобного рода проблемы?

Рассматривая любую проблему, Маркс, как философ, обязан ответить на вопрос о том, где Форма и где Содержание. Ну, не может философ не спрашивать себя об этом! Государство для Маркса – классовое по содержанию и национальное по форме. Ровно в той степени, в какой Маркс понимает наличие обратной зависимости базиса от надстройки, он понимает и то, что национальное как Форма будет влиять на классовое как Содержание. Какой философ не понимает значения Формы!

Но это не означает отсутствия прерогатив. У Формы – свои прерогативы, у Содержания – свои. Оформив себя как производительный субъект нового качества, класс должен обратиться к народу (обществу) с новыми предложениями, обеспечивающими его легитимацию. Он не от своего имени должен выступать, а от имени истории! Французская буржуазия не о «своем девичьем» говорила с народом Франции в 1789 году, а о неслыханном для человечества новом благе – политической свободе, ломке всех сословных перегородок. Да и вообще... «Свобода – Равенство – Братство».

Ничего себе масштаб! Даже «братство». Что удалось реализовать, а что нет, но мессидж был таков. И он сформировал Новое время.

Класс, благословенный Духом истории, не является «классом для себя». Это **первое**.

Он является классом для других, классом-лидером, а не классом-паханом. Это **второе**.

Являясь классом для других, класс обращается к этим «другим» (своему народу) с неким предложением исторического характера. Это **третье**.

Четвертое. Сделанное классом предложение позволяет народу, который его принял, получить новые параметры бытия. Не быта только (это часто пугают), а бытия. «Свобода – Равенство – Братство» есть новое качество бытия. В любом случае, когда сословные перегородки сломаны, это уже новое, совершенно новое, качество социального бытия. Да и культурного, согласитесь, тоже...

Пятое. Новое качество бытия позволяет народу, построившему государство, придать новое качество государству. Государство делает народ, а не класс. Марксу это очевидно не в меньшей степени, чем его оппоненту Гегелю. Класс рулит государством, легитимируя свою роль рулевого этим самым историческим предложением. Но классы приходят и уходят, а государство остается до тех пор, пока есть история. Народ в государственной (или иной) форме длит и развивает свое историческое предназначение.

Шестое. История – это конкуренция. И Дарвин, и Маркс считали конкуренцию (видов, производительных сил, государств) средством выхода из некоего инферно. Средством восхождения. Сильный уничтожает слабого? Во-первых» не сильный, а совершенный. И это ужасно важно... А во-вторых... Да, уничтожает! Иного средства восходить на этапе, именуемом историей, у человечества нет. Отбор совершенного – в основе истории и восхождения как такового.

Седьмое. Совершенство дарит исторический дух. Он вселяется в класс, класс пробуждает народ. Народ, пробуждаясь, дает Форме новое Содержание. Государство как Форма, воспринимая новое Содержание, меняет качество и грозит уничтожением другим государствам, не вобравшим в себя этот самый исторический дух. Смертельная угроза побуждает другие народы подраиваться. Или же – убирает их с исторической сцены.

Маркс в такой же степени не является «добрым дедушкой», в какой не являлся им Ленин. Советские обществоведы сначала создают некие «добрые» фантомы, а потом сами же начинают с ними бороться. Убивал Ленин зайчиков веслом... не убивал... Тьфу, мерзость! Он столько людей (людей, а не зайчиков!) на смерть отправил! И что? Наполеон не убивал? Линкольн не убивал? Тоска зеленая...

Восьмое. Форма, неспособная вместить в себя Историческую Новизну и обновиться, истлевает. Маркс не отдает себе отчета в том, что есть исторические черные дыры, что гибнут цивилизации? Он об этом осведомлен ничуть не хуже, чем Шпенглер.

Девятое. Истлевшие Формы могут рухнуть от самого тления или оказаться сметенными неистлелыми, пусть даже и более примитивными, формами. Маркс знает и о гнущихся цивилизациях, и о темных эпохах вторичного одичания (регресса).

Десятое. Сложные и совершенные Формы (государства) могут истлеть даже быстрее, чем Формы грубые и несовершенные. Чем сложнее – тоньше, гибче – Форма, тем больше она нуждается в историческом обновлении.

Установив подобное, Маркс начинает решать две проблемы – большую и малую. Большая проблема – это судьба Формы. Любой Формы вообще. В том числе и государства. Форма может истлеть... Может обновиться... Что еще она может? Маркс чувствует, что этими двумя возможностями судьба Формы никоим образом не исчерпывается. Но вся современная ему наука просто надрывается, доказывая, что есть только две эти возможности.

Либо Форма получает энергетический допинг, либо она... изнашивается, истлевает, рассыпается, умирает. Это-то и называется «Второй закон термодинамики». А также тепловая смерть, энергетическая смерть и так далее. Ну, а значит, и смерть вообще. Смерть – это умаление жизни. Жизнь – энергийна. Смерть – умаление энергийности и не более.

Маркс, как представитель своего времени, должен был бы низвести судьбу Формы – любой Формы вообще – к двум возможностям.

Возможность №1 – обновление.

Возможность №2 – истление.

Но Маркс рассматривает еще одну возможность.

Возможность №3 – ПРЕВРАЩЕНИЕ.

Да, рассматривая эту возможность, Маркс выходит за пределы всего, что предоставляет ему его время в качестве интеллектуального инструментария. И что?

Представьте себе разум Маркса как суперкомпьютер. Если существо по имени Маркс – это гений, то что из этого вытекает? А то, что данное существо является не пользователем своего суперкомпьютера (он же – мозг), а программистом, способным создавать новый софтвер для своего же суперкомпьютера.

Улавливая что-то новое, гений бросает вызов всему на свете – своему времени, почитаемым им традициям, высшим авторитетам... И, наконец, себе самому. Что может быть для интеллектуала (и ученого, и иного сложного искателя истины) дороже, нежели своя теория, своя система? Но Маркс, улавливая новое, готов бросить вызов и делу своей жизни. Точно так же, как бросили этот вызов Эйнштейн и Фрейд. Маркс бросает этот вызов, осмысливая превращенные формы.

Невероятно интересно наблюдать за тем, как ощупывает гениальный мозг неизвестное ему самому, странное, чуждое... Обычный мозг от этого шарахается. Или гибко уклоняется, обходя препятствия. Гениальный мозг зачаровывается именно неудобным и непонятным. Зачаровывается всем тем, что опасно для его мышления. Мозг может находиться при этом на грани саморазрушения – гению плевать. Лучше это, чем удовлетвориться комфортными ответами. Гений может не понимать природы того странного и опасного, с чем он столкнулся. Но он будет двигаться навстречу этой природе, как рыба на нерест. Предназначение гения и его страсть – все опасное, странное, невероятное, противоестественное. Все то, чего не должно быть.

Обычный человек, погружаясь в это, сходит с ума. Гений сходит с ума тогда, когда этого нет. Он должен жить в среде, несовместимой с обычным, удобным, понятным, комфортным, правильным. В каком-то смысле гений – это мегаошибка, суперошибка. А одновременно и жертва, принесенная на алтарь человечества. Нет этой мега- или суперошибки – нет истории

и нет человечества.

Маркс не понимает, как это может быть, чтобы Субстанция, отвергшая исторический дух, самосохранилась. Для Маркса очевидно, что Субстанция, отвергшая исторический дух, должна тлеть. Чуть быстрее или чуть медленнее разлагаться, вовлекая Форму в это разложение. Исторический дух для Маркса синонимичен энергии. А безэнергичность – наращиванию энтропии и тлению.

Превращенная Форма ведет себя не так, как предписывает подобный закон. Она ведет себя странно. Марксу абсолютно непонятно, в силу каких причин может возмечь место подобная странность. Форма лишена исторической энергии, но не истлевает? За счет чего? Маркс убежден, что нет и не может быть того, за счет чего Форма, обессточенная историческим духом, может не истлеть. Но эта его убежденность – входит в противоречие с его же гениальностью. Гений Маркса нашептывает ему, что возможен такой вариант, при котором Форма вместо того, чтобы мирно истлеть, начнет пожирать свое Содержание, покупая себе этим право на другую бытийственность, а точнее, антибытийственность. Маркс прислушивается к тому, что ему нашептывает его гений, и начинает изучать такую войну Формы с собственным Содержанием. Он называет эту войну – превращением.

Но тут мало дать название. Мало даже описать исследуемый парадоксальный феномен. Нужно еще и определить генезис.

Маркс понимает, что Форма не может сама воевать с Содержанием. Ибо на стороне Содержания – энергия, она же исторический дух. Содержание подключено к этому сверхгенератору. И чтобы нечто вторичное давало отпор Содержанию, да еще и побеждало его, нужен сверхгенератор, альтернативный Духу истории. Только такой сверхгенератор – самодостаточный и автономный – способен инициировать войну Формы с собственным Содержанием и ее победу над этим Содержанием. Но подобный, альтернативный духу истории и самодостаточный, сверхгенератор немыслим в рамках любой метафизики повреждения.

А значит, для исследования генезиса превращенных форм Марксу нужна новая метафизика. Он хочет к ней прикоснуться, страстно ищет ее и... и ужасно боится ее найти. Совсем как Фрейд.

Глава IV. Марксизм как мистерия

Если бы марксизм был только теорией, то, может быть, страстное желание Маркса прильнуть к какому-то метафизическому источнику, позволяющему проникнуть в тайну превращения, тайну войны Формы со своим Содержанием, ничего бы не привнесло в марксизм. Но марксизм – это не только теория. Обсуждать неявную метафизику марксизма – дело рискованное, ибо явной метафизики нет. И я лишь потому иду на риск, что, не рискуя подобным образом, нельзя нащупать третью (не эйнштейновскую и не фрейдовскую) светскую метафизическую трассу. Ту трассу, которая одна лишь только и может указать на что-то, способное утолить невероятный смысловой голод XXI века.

Но, повторяю, присвоение мировоззренческим системам неявного метафизического содержания – дело рискованное. Очень рискованное. В случае с марксизмом оно было бы и вообще безнадежным, если бы не одно обстоятельство. Это обстоятельство, как я уже не раз подчеркивал, пугало и восхищало Поппера, получившего заказ на дискредитацию Маркса и выполнившего этот заказ очень скверно, как и подобает посредственности, которая что ей заказали, то и отрабатывает.

Но даже Поппер – посредственность, отрабатывающая заказ, – столкнувшись с феноменом Маркса, завибрировал. А также испугался своих вибраций. И начал истошно вопить о том, что у Маркса есть амбиции светского пророка. И что это ужасно плохо. Почему это ужасно плохо? Читатель, спроси у Поппера и его поклонников. Я не знаю, почему это плохо. Но я знаю, что это действительно так. Что Маркс не чужд пророческих амбиций. И что возможность выявить действительную метафизичность Маркса (а не навязать Марксу чужую ему неявную метафизику) состоит как раз в том, что пророческие амбиции Маркса очевидны. А где пророческие амбиции, там и мистериальность. А где мистериальность, там и метафизичность.

Какова же мистериальность марксизма? Марксизма вообще и политического марксизма прежде всего, ибо оторвать марксизм от политики нельзя, в чем и состоит, по-видимому, особая притягательность марксизма даже для тех, кто не разделяет его отдельные положения.

Политическая мистерия, сочиненная Марксом, такова.

Есть исторический дух. Или – Дух истории.

Дух истории не может напрямую разговаривать с субстанцией. Ему нужен субъект. Для Маркса это социальный субъект. И Маркс называет социальный субъект, способный выйти на randevу с Духом истории, классом.

Итак, есть Дух и есть класс, являющийся Избранником этого Духа. Класс-избранник – это передовой класс.

Кому-то не нравится классовый подход. Замените его субъектным и назовите другие субъекты, способные выйти на randevу с Духом истории. Но, в принципе, важно не то, как назвать этот субъект (класс, элита, корпорация, каста). Важна сама логика отношений. Она описана Марксом блистательно.

Дух истории соединяется с Избранником, превращая этого Избранника в субъект, «класс для других». Только это соединение Духа с Избранником может превратить «класс для себя» в «класс для других».

Кстати, это разграничение между «классом для себя» и «классом для других» имеет для нас сейчас принципиальное значение. Ибо нам надо понять, (а) является ли российское правящее сословие классом, (б) является ли оно капиталистическим классом и (в) является ли оно «классом для себя» или «классом для других». Последнее важнее всего. И нет для нас сейчас более важной конкретной политической задачи, чем внятность в понимании этих самых (а), (б) и (в). Они-то и определяют все. Концепцию развития в том числе. Но дорога к этой внятности перекрыта пренебрежительным отношением к Марксу.

Итак, «класс для себя» – это мертвый реакционный класс, который не может соединиться с Духом истории. Дух истории говорит такому классу «адыю!» – и класс корчится, не понимая даже, что с ним происходит. Ибо, говоря такое «адыю!», Дух

истории лишает класс способности мыслить, разрушает классовое сознание и самосознание.

Одновременно с мертвым «классом для себя» на арене истории действует «класс для других». Этот класс открыт Духу истории. Он как невеста для этого жениха. Вбирая в себя историческое, «класс для других» становится субъектом, классом-лидером.

На этом завершается первая фаза Марксовой мистерии. Но именно первая фаза, а не вся мистерия как таковая.

Во второй фазе класс-субъект обращается к субстанции под названием «народ».

Субстанция может быть исторически впечатлительной. И тогда она является историческим народом. Но она может быть лишена исторической впечатлительности. И тогда она спящий народ, а то и народ-мертвец и так далее.

Предположим, что субстанция исторически впечатлительна. Тогда, откликнувшись на историческое, привнесенное классом-лидером, исторический народ создает Форму – новое, более совершенное государство. Действующими лицами мистерии являются трое – исторический дух, передовой класс и народ. Эта троица создает государство.

Вторая фаза мистерии заканчивается. Начинается третья фаза. Передовое государство, уничтожая или поглощая другие, побуждает их к исторической состоятельности как единственной альтернативе исчезновению. Таков, например, смысл наполеоновской Франции. Такова классическая, между прочим, очень глубокая марксистская схема. И никто пока что не предложил схемы (теории, модели, доктрины) более глубокой, чем эта.

Исторический дух, соединяясь с классом-лидером, создает субъект.

Субъект движется к субстанции («народу»), которая может откликнуться на его вибрации (исторический народ), а может и не откликнуться (неисторический народ).

Откликнувшись на вибрации субстанции создает Форму (государство). Совершенная Форма через поедание несовершенных форм побуждает несовершенные формы к совершенствованию.

Формы, покинутые историческим духом и недоступные для субъекта, подвергнуты тлению (распаду). Субстанция, лишенная субъектных вибраций, истлевающая, разрушает мертвую форму. Истлевшая форма или рушится сама за счет истлевания как такового, или разрушается, сталкиваясь с формами неистлевшими, живыми, прочными, более совершенными.

Что же нового, причем не укладывающегося в описанную схему, видится Марксу, предощущается им?

Превращение... С классом соединяется не исторический дух, а его антагонист. Что за антагонист? Откуда вообще может вынырнуть какой-то антагонист? Марксу неясно, но он чувствует, что это возможно. С каким классом соединится вынырнувший антагонист? Тоже неясно. Видимо, с уходящим. Маркс не дает ответов. Он в ужасе глядит на то, как предощущаемые им возможности съедают его теорию.

Но Маркс не был бы Марксом, если бы теоретическое (а также метафизическое) не осмысливалось бы им под политическим углом зрения.

Субстанция становится ареной борьбы двух классов, наделенных равномошными духами разного качества. Один дух – исторический (протагонист). Другой дух... Марксу неясно, что за дух, откуда может он появиться. Но он зачем-то «разминает» такой, находящийся за рамками его теории, парадоксальный сценарий.

В этом сценарии у субстанции появляется новая роль. Она может завибрировать в ответ на историческую энергетику субъекта. Она может тупо отвергнуть любые вибрации и истлеть. И, наконец, она может завибрировать, откликаясь на мессидж антисубъекта. А раз так, то субстанция судьбоносна, она может быть ареной борьбы субъекта и антисубъекта. Одно дело, если у субстанции две возможности – принять благо или мирно истлеть. Другое дело, если субстанция может принять и не благо, а нечто альтернативное, но не обнуляющее субстанциональный потенциал. Она может это принять, а может этому другому и воспротивиться.

Понятно же, что в этом случае ее роль намного важнее, чем в случае, если, не приняв благо истории, она всего лишь истлевает. И Маркс, нащупывая эту другую, неизмеримо большую важность субстанции, устремляет взгляд именно на Россию – как на ту субстанцию, от чьего выбора, видимо, зависит отпор контристорической энергетике и ее странному альтернативному Суперактору.

Маркс обладает высочайшей интуицией вообще и высочайшей интеллектуальной интуицией в частности. Он ощущает и понимает, что Россия XIX века – неистлевающая форма. Что она каким-то своим образом, не через капитализм, связана с историческим духом. Что она не Африка, не Китай, но и не Германия. Энгельс этого не понимает: раз мало капитализма – страна плохая. А Маркс тоньше, чувствительнее, у него с мессианством другие отношения. И... он иначе ненавидит капитализм, с иной остротой переживает угрозу постисторического.

Энгельсу Гегель совсем не чужд. А Маркс считает Гегеля мудрейшим и опаснейшим из врагов. Кроме того, Маркс чувствует, что превращенческая коллизия возымеет место в Германии как передовой стране, скрыто, но сосредоточенно враждебной Духу истории. Позже об этом напишет Томас Манн, влюбленный во все немецкое. В Марксе же нет и тени такой влюбленности, в отличие от Энгельса, который потаенно фанатично предан идее пангерманизма. Маркс читает полемику Бакунина с Энгельсом и... учит русский язык... А ну как способ, в котором исторический дух позиционирует себя в России, станет спасительным?

Маркс – враг царизма? Эка невидаль! Волга и впрямь впадает в Каспийское море... Маркс, конечно же, задан в своем отношении к России революционной обязателькой своего времени: «Царизм – душитель народов и революции, царизм – обитель феодальной реакции и так далее». Но Маркс этим задан на 75–80%. А Энгельс – на 120%. Вот в чем разница. И это разница между гением и начетчиком.

Зачарованность Маркса Россией не отменяет ни его предвзятости, ни его обусловленности революционными «стереотипами эпохи (а также многим другим). Но он учит русский язык, пишет письмо Вере Засулич, работу «Forten» и, убежден, многое другое. Когда историк работает с архивами любой, даже весьма важной для современности исторической фигуры, он сталкивается с кругом проблем по части установления подлинности архивного материала. Но когда речь идет о Марксе, исторической фигуре, замкнувшей на себе все властные проблемы XX века, фигуре,

находящейся в фокусе неслыханной политической борьбы... Тут все намного сложнее.

Погружаться в эти сложности я не хочу. Могу лишь привести аргументы в пользу того, что слово «зачарованность» правомочно, коль скоро мы хотим что-то понять в действительном отношении Маркса к России. Зачарованность – это не влюбленность и не безразличие. Не ненависть и не любовь. Проще всего сказать «заинтересованность». Но это тоже будет не вполне правильно. Потому что заинтересованность – и у политика, и у ученого – является всегда рациональной. Политику или ученому (а Маркс был и тем, и другим) ясно, чем является нечто и чем оно интересно. Когда же все неясно, то речь идет не о заинтересованности, порожденной «фацио», а о притягательности совсем иного рода. Такая притягательность у Маркса связана с тем, что он чувствует (и именно чувствует) в России неясный ему потенциал. Он ощущает (и именно ощущает) Россию как загадку. Как нечто, не укладывающееся в его схемы и потому особо важное.

Когда Энгельс – умный начетчик – видит нечто, не укладывающееся в схему, то он либо это нечто отбрасывает в раздражении, либо любой ценой в схему запикивает. А что еще ему делать-то? Не перерабатывать же схемы своего кумира. Не может он это делать. Да и не хочет. А Маркс и может, и хочет. Ему как раз и интересно то, что не укладывается в его схему. Потому что в нем не угасла страсть к Новому, страсть к истине. Да и по другим причинам.

Итак, я настаиваю на том, что «зачарованность» – это более точное слово, чем «заинтересованность». Что заинтересованность порождает понятное (то есть определенное) отношение к предмету. А зачарованность порождает отношение странное (то есть неопределенное). Обнаружив аномалию магнитного поля на поверхности земли, вы можете считать эту аномалию доказательством наличия рудного тела. Обнаружив определенную странность в отношении, вы можете считать свое обнаружение доказательством зачарованности.

Так есть ли странности? Есть. Маркс почему-то (уж никак не в силу рациональных политических причин) не принял Плеханова и его команду влюбленных в Маркса представителей этой самой «странной России».

Между тем Маркс был не только гениальным ученым, но и очень крупным политиком. Своих сторонников во всем мире он очень грамотно выстраивал. Организовывал, обхаживал, как и полагается любому политику.

Но марксистов из России он отверг с порога, причем с несвойственной ему в целом категоричностью.

Плеханов молился на Маркса и хотел того, что получили марксисты из других стран: поддержки Маркса, встреч с ним, его благословения, его наставлений.

Маркс же гнал от себя Плеханова и его единомышленников так, как будто они были прокаженными. Кто-то видит в этом проявление той самой Марксовой русофобии... Но как объяснить совсем иное отношение Маркса к Бакунину? Это отношение до сих пор остается загадкой.

Рациональность поддержки Марксом Плеханова и борьбы с очень чужим идеологически Бакуниным была бы очевидна. Но ведь все по-другому! Да, Маркс называл Бакунина ослом, но и впитывал каждое его слово! А почему? Потому что Бакунин зачаровывал Маркса так же, как и Россия.

Неизвестно, как воспринял бы Маркс Ленина. Но, судя по глубине расхождений Ленина с Плехановым, Маркс мог бы и заинтересоваться этим, далеким от марксистских канонов, представителем загадочной и ни на что не похожей России.

Маркс, конечно же, не был чужд не только пророческим амбициям, но и амбициям мессианским. И мессианский российский драйв угадывал не как ученый, а как пророк новой эры, эры науки.

Маркс, конечно же, мыслил в категориях, адресующих не к истине, а к спасению. Он понимал, что эра науки потребует от самой науки чего-то нового. Что не существующая наука станет спасителем, а наука новая. Нет и не может быть мессианства без страсти по Новому. Спасает – Новое.

Старое – повреждено. Чем? Ответ на этот вопрос определяет тип мессианства. Для Маркса повреждением является отчуждение. Человек поврежден в той мере, в какой от него отчуждено его личностное, сущностное начало. Человечество, оно же «род человеческий», повреждено в той мере, в какой от него отчуждено родовое, сущностное начало. Нет человека без человечества и человечества без человека. Снять отчуждение – это значит исправить повреждение, наращиваемое в ходе исторического процесса.

Стоп! Если исторический процесс лишь наращивает отчуждение (например, через увеличение разделения труда), то он воплощенное зло? Есть и такое (убежден, что абсолютно бесплодное) прочтение Маркса. Впрочем, есть и другие – гораздо более «раскрученные» – попытки обвинить Маркса в идиотско-прогрессистском историческом оптимизме. Мол, верил старик в то, что исторический процесс неотвратимо волочет всех нас в светлое коммунистическое будущее.

Это несусветная чушь, навязываемая Поппером и его последователями с абсолютно прозрачными и сугубо идеологическими целями. Поппер, человек, хотя и посредственный, но далеко не глупый, навязывает эту чушь в не лишенном скрытой иронии стиле. «Мол, заказано мне это, и вы понимаете, почему»... Но ироническая извинительность пропадает, как только Поппер начинает возводить напраслину не на любимого им Маркса, а на Платона и Гегеля... Ну, да бог с ним, с Поппером... Главное, что и исторически пессимистический, и исторически оптимистический Маркс к реальному Марксу никакого отношения не имеют.

Для Маркса ценность истории в том, что она наращивает личностное и родовое сущностное начало. А ужас истории – в том, что она это же, наращиваемое ею, сущностное начало отчуждает. Не было бы истории – сущностный потенциал оставался бы крохотным, и не отчужденное от него жалкое существо было бы мало отличимо от зверя. Но если история, создав другой сущностный потенциал (научный, культурный, но и не только), разорвет связь между этим потенциалом и человеком, то... познания необходимостью, не став свободой, будет неизмеримо страшнее и мрачнее непознанной, дочеловеческой, природной необходимости. Почему?

Прежде всего, потому, что производительные силы, отчужденные от человека и человечества и при этом развитые до невероятных размеров роком истории, уничтожат человека и мир. Как именно уничтожат? Тут возможны варианты. Я не хочу сказать, что Маркс все эти варианты (включая, между прочим, фашистский) предвидел и описал. Но делать из него «клинического прогрессиста», пускающего исторические сладкие слюны, смешно и стыдно. Вообще смешно и стыдно, и

невероятно смешно и стыдно в так страстно принявшей Маркса стране. Маркс был влюблен в историю трагической любовью, лишенной всякой сентиментальности.

Но дело не только в опасности отчужденных от человека производительных сил, в опасности противопоставленной конкретному человеку абстрактной человеческой сущности. Этой социально-исторической Тени, пожирающей того, кто ее своим существованием порождает.

Дело еще и в том, что отчуждаемая сущность меняет качество по мере наращивания этого самого отчуждения. Легче всего это увидеть, отслеживая динамику культуры – живописи, архитектуры, скульптуры, литературы etc. Сначала произведение целостно по причине своей примитивности. Потом возникают детали, обогащающие целостность. Количество деталей нарастает. Но целостность от этого не страдает, напротив – она восхищает своим богатством, тонкостью структуры, изяществом нюансировки. Затем возникает совсем уж много деталей. Своими деталями (деталью второго ранга) обрастает каждая деталь. Возникают детали третьего, четвертого ранга. Наконец, окончательно исчезает целостность. Деталей слишком много.

Целостность умирает. Но тут же начинают менять качество и сами детали. Они грубеют, тупеют, коснеют в своей надменной самодостаточности. Нарастает формализация, кичащаяся отсутствием внутри нее всякого содержания. Дальше начинается перерождение форм. Наконец, на месте тонкой и восхищающей вас структуры появляется ее антитеза – хищная, прожорливая слизь, булькающий Танатос. Гление производительных сил, не выдерживающих роста собственного отчуждения от человеческой сущности, заражает все своими бациллами. Система проваливается в бездну самоотрицания, в пучину собственного Ничто.

На смену утянутому в этот зловещий водоворот может прийти нечто новое. А может и не прийти. Придя, оно поражает простотой. Потом начинается усложнение. Потом отчуждение становится достаточным для того, чтобы часть стала пожирать целое.

Чем выше качество производительных сил, чем они тоньше по своей структуре («сложнее»), тем чудовищнее их перерождение под давлением нарастающего отчуждения.

Наконец, производительной силой становится сама наука. Отчуждение способно переродить ее больше, нежели все предшествующее. Впрочем, то же самое происходит с экономикой. Прежде всего, с финансами (с рынками вторичных – а затем третичных, четвертичных и так далее – ценных бумаг). А раз с финансами, то и со всей экономикой. Маркс не филистер, он не может восхвалять реальный сектор и проклинать спекулятивный финансовый капитал. Он понимает, что нет и не может быть одного без другого. Что же касается науки, то достаточно рассмотреть все то, что порождает неуправляемый рост числа дисциплин. Уже этого роста – при отсутствии адекватных по силе интеграционных, трансдисциплинарных тенденций – достаточно для того, чтобы наука уничтожила человечество.

Отчуждение лишает смысла все, к чему оно прикасается. Лишенное смысла начинает уставать... Затем сходить с ума... Затем переродиться... И – рушиться в воронку антибытийности. Маркс не понимал этого? Он понимал это, как никто другой! Маркс думал о производстве и не думал о человеке? Это полная чушь! Маркс думал ТОЛЬКО о человеке. Он боролся с повреждением, преследующим человека и род людской. И назвал это повреждение отчуждением.

Маркс искал повреждение, которое необходимо исправить. Он понимал, что все отягощено злом. Но считал, что зло может быть изгнано. Ощущение остроты зла делало его пессимистом. Вообще пессимистом – и историческим в том числе. Маркс понимал, что история «расширенно воспроизводит» повреждение, то бишь это самое отчуждение. Но лишь она, по мнению Маркса, только и может это самое повреждение излечить («снять»). А может и не излечить! Идея исторического торможения, отказа от истории, войны с нею Марксу абсолютно чужда. Но так же чужда ему идея прогресса, автоматического спасения в ходе благодетельного исторического процесса. Маркс с ужасом следит за тем, как история на отрицательном своем полюсе накапливает это самое отчуждение... Но он влюблен в положительный полюс, на котором эта же история накапливает невероятное богатство беспощадно отчуждаемой сущности.

Представление о повреждении и его снятии – вот что лежит в основе созданной Марксом мистерии. Вот что позволяет нащупывать связь между мистериальностью и метафизичностью марксизма. Подобные нащупывания всегда используют метод сопоставлений. Почему бы не сопоставить мистику Гегеля и мистику Маркса? Почему бы не попытаться с помощью такого сопоставления добраться до метафизики Маркса (а также и Гегеля, благо с Гегелем все, как ни странно, проще)? Потому что Маркс, видите ли, всего лишь перелицевал Гегеля, использовал его диалектику, дополнив оную экономической теорией и «материалистичив»? А кто вам сказал, что это так? Профессора с кафедры марксизма-ленинизма? Профессора Гарварда?

А я вот, например, считаю, что они грубо извращают существо дела. И не просто сообщаю читателю свое мнение, а и берусь доказать, что это мнение мое отнюдь не является голословным.

Глава V. Метафизика Творческого Огня

Маркс – гегельянец? Полно! Маркс – единственный серьезный оппонент Гегеля в XIX столетии. Гегель – исторический оптимист. Маркс – нет. Исторический оптимизм Гегеля чудовищен. Гегель уверен в неизбежности конца истории. И его конец истории (примитивной копией которого является конец истории Фукуямы) – это царство Нового духа. Дух истории перестает наращивать и сущность, и отчуждение. Новый дух снимает отчуждение в особых условиях – условиях постистории, условиях, когда сущность превращается в константу. И в этом превращенном в константу виде начинает осваиваться человеком и человечеством во имя очень специфического снятия отчуждения.

Накопленная сущность прекращает самодвижение и потому может рассматриваться как коллекция музейных экспонатов. Каждый элемент накопленного (и не подлежащего дальнейшим метаморфозам) должен всесторонне исследоваться и вводиться в самые причудливые сочетания с другими элементами, представляющими собой такие же музейные экспонаты.

Творчество, в виде создания чего-то неслыханного и ранее невозможного, отменяется. Нет истории – нет напряжения – нет и источника подобного творчества.

Кроме того, снятие исторической напряженности размывает грань между возможным и невозможным. Теперь, в отсутствие напряженности, возможно все. Но поскольку эта возможность равным счетом ничего не значит, то можно сказать, что она и наличествует, и отсутствует. А поскольку она и наличествует, и отсутствует, то это мир, где, с одной стороны, как бы возможно все («Что нам стоит дом построить? Нарисуем – будем жить!»), а с другой – все одинаково невозможно, ибо ни в каком из нарисованных домов жить нельзя.

Творчество уступает место бесконечной комбинаторике, той самой «игре в бисер», которую так подробно и талантливо описал Гессе в своем одноименном романе. Перебирая застывшее прошлое, мук истории, замурованных в янтаре постистории, лишенный исторического действия, «обесточенный» человек что-то постигает, преодолевая дистанцию между собой и достигнутым. Когда дистанция сокращается до нуля, человек и человечество, слившись со своей сущностью, вливаются в тот Сверхдух, который властвует и над Духом истории, и над его наследником – постисторическим Новым духом. Исчезает не только человечество, но и все, что не есть этот самый запредельный Сверхдух. Смысл же возникновения и самодвижения – формы к человеку, человека к сущности и так далее – в том, чтобы напитать этот самый запредельный Сверхдух. Вот что такое Гегель. Именно Гегель олицетворяет собой одну из двух возможных метафизик – метафизику «пост».

«Пост» – это не невинная приставка к словам «индустриализм», «модерн», «история». Это нечто гораздо большее. Впрочем, и сама приставка далеко не так невинна, как кажется.

Начнем с индустриального и постиндустриального. И то, и другое изобретено с до тошноты очевидными идеологическими целями. Нужны были словечки, позволяющие вывести за скобки производственные отношения и охарактеризовать общество, адресуясь только к характеру производительных сил. В этом смысле можно с прискорбием констатировать, что Маркс сказал хоть что-то, а те, кто, насмехаясь над ним и рассуждая о несовременности Маркса, обсуждает этот самый постиндустриализм, не говорят ничего.

И когда изнутри рвется: «Маркса на них нет!», то вовсе не от любви к этому самому Марксу. У меня лично никакой любви к Марксу нет. И Маркс, и Гегель жили в XIX веке. После них должно было быть сказано что-то новое. Но нового нет. Есть ученик Гегеля – Кожев, и ученик ученика Гегеля – Фукуяма. То есть эта самая линия «пост». А еще есть линия учеников Маркса. Она везде есть, кроме России, которая на Маркса молилась как никакая другая страна. Теперь ее представители называют Маркса «Карлой-Марлой». Это очень изысканно, тонко, умно. А главное – это неопровержимо свидетельствует об их высочайшем чувстве собственного достоинства. Впрочем, все это частности...

Главное, что все немарксистское (а пора бы оному состояться!) создает картины на порядок более примитивные, чем у Маркса. И стократ более (более, а не менее!) идеологизированные. Вот от чего хочется «волком выть». Не от пошлости российской, а от российской и общемировой скудости. Ну, постиндустриализм... Постиндустриальное реально. В том смысле, что возникли новые производительные силы. В какой мере они новые – можно обсуждать.

Но предположим, что они достаточно новые. Или, как сказал бы Маркс, «качественно новые». Повторяю – никто из теоретиков постиндустриализма мне не доказал, что эти производительные силы качественно новые. А почему не доказал? Потому что нет критерия, позволяющего определить, чем обычное изменение производительных сил отличается от изменения качественного.

У Маркса есть очень внятный ответ на такой вопрос. Качественное изменение производительных сил отличается от их обычного изменения (которое происходит постоянно) тем, что при качественном изменении производительных сил (базиса) создаются предпосылки для изменения производственных отношений (надстройки). Говорится, что Маркс ошибся, придав базису избыточное значение, а его оппоненты (например, очень тонкий и глубокий философ Макс Вебер) исправили ошибку Маркса.

Но Маркс прекрасно понимал, что надстройка может оказать свое, в том числе и катастрофическое, влияние на базис. Примерно это он и называл азиатским способом производства. Не питал Маркс и избыточных (постоянно ему приписываемых) иллюзий по поводу однозначной благодетельности всех рекомендованных им средств преодоления повреждения (оно же – отчуждение). Он, конечно, отдавал себе отчет в том, что все средства амбивалентны (а то и поливалентны). Что средства преодоления отчуждения могут стать средствами наращивания оногo.

Но даже если признать, что Маркс огрубленно описал связь между производительными силами и производственными отношениями, то, согласитесь, он как минимум не редуцировал все к производительным силам. А те, кто фыркает по поводу Марксовых огрублений, сделали именно это. Они-то осуществили (по скудости мысли или по чьему-то заказу) такое огрубление, которое Марксу и не снилось.

Услышав про постиндустриальное общество, Маркс сначала уточнил бы, насколько новы по своему качеству производительные силы, а потом спросил бы: «Ну, если даже они и новы, то каковы альтернативы производственных отношений? Это постиндустриальный капитализм? Коммунизм? Социализм? Фашизм?» Скажут, что о фашизме Маркс знать не мог. И что его-то он никоим образом не предсказал, хотя должен был бы. И да, и нет... Маркс говорил о неких формах неофеодальной реакции. А его последователи и о сценариях, еще более близких к фашизму. Об империализме, ультраимпериализме и – даже о всемирной олигархическо-капиталистической диктатуре. Той самой, которую близкий к этому кругу марксистов Джон Лондон еще в начале XX века описал в романе «Железная пята». Но фашизма Маркс не мог предсказать! Он не мог и не хотел отказаться от мировоззрения, основанного на том, что (а) есть некое повреждение, (б) раз оно повреждение, то его можно исправить.

В принципе – можно! Но можно и не суметь это сделать. Никаких автоматических гарантий нет, однако шанс у человечества есть. А почему он есть? Потому что имеет место всего лишь повреждение. Да, страшное, ужасное повреждение. Но если присмотреться к повреждению, то у этого зла есть общий (и благой – вот что всего важнее) корень с тем, что

порождает и добро тоже! История – вот общий источник повреждения (отчуждения) и альтернативного повреждению блага (возрастания той, безусловно, благой человеческой сущности, которая лишь в истории и может до определенного момента наращиваться).

Тут просто нельзя не увидеть прямых параллелей между светской метафизикой Маркса и классической монотеистической метафизикой, которую – с легкой руки Гайдено, Лоргуса и других – все более опасаются теперь именовать «иудеохристианской». Мне же, прикованному к галере «политического *par excellence*», сподручнее всего ее назвать «обобщенно либеральной».

Обобщенно либеральная монотеистическая метафизика, присущая всем трем монотеистическим религиям – иудаизму, христианству и исламу, – именно в силу их монотеистичности, предполагает следующее.

Первое. Есть единая высшая инстанция – Творец.

Второе. Это – благая инстанция.

Третье. В своем благом промысле эта инстанция создала человека как «венец Творения».

Четвертое. Создав его как «венец Творения», инстанция наделила созданное своими потенциалами – творчеством и неотделимой от оного свободой воли.

Пятое. Даровав свободу воли как высшее благо, инстанция не могла не дать человеку права любого использования этого блага.

Шестое. Чтобы не играть в поддавки (а какая там свобода воли при игре в поддавки!), высшая благая инстанция даже дала некие prerogatives злу, чтобы оно могло отменить поддавки через «институт искушения».

Седьмое. На самом деле институт искушения – это вторичная, жалкая и подражательная инстанция. Дьявол – обезьяна Господа, и не более.

Восьмое. Искушение состоялось. Человек, наделенный свободой воли (как благом!), пал, и возникло повреждение (смерть, зло и так далее). Тем самым зло – это отходы производства блага, не более того.

Девятое. Повреждение исправимо. И будет исправлено.

Десятое. Человек будет участвовать в этом исправлении.

Одиннадцатое. После исправления повреждения те, кто в этом исправлении участвовал, получают даже больше, чем имели до повреждения.

Двенадцатое. Тем самым даже во зле (повреждении) есть благо. Есть благой смысл в Истории как накоплению воли к исправлению повреждения. Высшая инстанция непогрешима в своем – провиденциально благом – промысле.

Теперь сравним эту, не единственную, но преобладающую в монотеизме, метафизическую модель, ту, которую я назвал либеральной, со светской метафизикой Маркса. Для вящей внятности сравнения вновь назовем двенадцать метафизических (теперь уже светско-метафизических) принципов.

Первое. Высшая инстанция – Огонь Творчества.

Второе. Творчество – это благо. Высшая инстанция носит благой характер.

Третье. Благом обладает человек. Из всего живого он и только он наделен творческой способностью.

Четвертое. Нарращивание творческой способности (то есть блага) взыскует истории.

Пятое. История амбивалентна. Обретя ее как благо (способ наращивания творческой способности), человек ее же обретает как зло (отчуждение этой обретенной способности). Чем больше блага создает история, тем больше она же создает зла, этого самого отчуждения.

Шестое. Нет блага без зла, но зло служит благу, а не наоборот. Творчество преодолевает отчуждение. Отчуждение – это повреждение. Творчество – то, что искупает повреждение. Оно – благая суть того, что повреждено.

Седьмое. Творчество и Разум как его генератор выше отчуждения и могут его преодолеть («снять»).

Восьмое. Отчуждение – отходы производства, имя коему творчество. Так, а не наоборот!

Девятое. Творчество останется и после снятия повреждения. Оно возгорится, а не погаснет.

Десятое. Спасение – это «творчество минус отчуждение». Спасение возможно, но не предопределено. Все – в руках человека и человечества.

Одиннадцатое. То, что будет после избавления от отчуждения, неизмеримо выше того, что было до отчуждения. Первобытный коммунизм – ничто перед коммунизмом подлинным.

Двенадцатое. Тем самым даже во зле (повреждении) есть благо. История может спасти и должна спасти. Нет спасения иного, нежели на крестном пути истории. В истории накапливается благой смысл, воля к исправлению повреждения. История блага по сути своей, хотя и амбивалентна.

Согласитесь, совпадения впечатляют. Но что же в фокусе этих совпадений? Сама идея повреждения. Есть Благо – Творчество. Чье творчество? Маркс не дает ответа. Но и не отмахивается от подобного вопроса. Ясно, что и для Маркса, и для его последователей предпосылкой (или недопроявленным светским метафизическим основанием теории) является присутствие в мире некоего Великого Творческого Огня.

Галина Серебрякова написала (далеко не лучший) роман о Марксе. И назвала его «Прометей». В советскую (конкретно – хрущевскую) эпоху роман о Марксе мог быть написан и опубликован только с высочайшей политической санкции. Санкцию давал лично Хрущев. Серебрякова только что вышла из лагеря, являлась наглядным примером не потерявшей веру в коммунизм жертвы сталинского режима. Хрущеву нужно было восполнить чем-то «красным» издержки проведенной им десталинизации. Серебряковой дали поработать в соответствующих (тогда еще не вывезенных на Запад) архивах. Продираясь к смыслу сквозь иносказания и плохую литературу, можно что-то понять. Это что-то вертится вокруг образа Огня.

Булгаков пытался проникнуть в тайну сталинской революционной веры и написал ради этого пьесу «Батум» (первое название – «Пастырь»). В пьесе молодой Сталин поднимает тост за некое братство революционеров. Вот что булгаковский Сталин говорит об этом братстве:

Сталин. Ну, что же... По поводу Нового года можно сказать и в пятый раз. Хотя, собственно, я и не приготовился. Существует такая сказка, что однажды в рождественскую ночь черт украл месяц и спрятал его в карман. И вот мне пришло в голову, что настанет время, когда кто-нибудь сочинит – только не сказку, а быль. О том, что некогда черный дракон похитил солнце у всего человечества. И что нашлись люди, которые пошли, чтобы отбить у дракона это солнце и отбили его. И сказали ему: «Теперь стой здесь в высоте и свети вечно! Мы тебя не выпустим больше!» Что же я хотел сказать еще? Выпьем за здоровье этих людей! Ваше здоровье, товарищи!

Ну, вот... Так много сказано о каком-то «ордене меченосцев». А если верить Булгакову, речь идет о совсем другом ордене. Об ордене «огненосцев», который хочет отбить Солнце у дракона, некогда укравшего этот вселенский огонь у людей. Ясно, что солнце – это подлинная человеческая огненная творческая сущность. А дракон – то, что эту сущность отчуждает. Что Прометей, вернувший людям огонь, что орден огненосцев, освободителей огня...

О таком же акте возвращения огненного дара говорит Горький в легенде о Данко.

«Данко смотрел на тех, ради которых он понес труд, и видел, что они – как звери. Много людей стояло вокруг него, но не было на лицах их благородства, и нельзя было ему ждать пощады от них. Тогда и в его сердце вскипело негодование, но от жалости к людям оно погасло. Он любил людей и думал, что, может быть, без него они погибнут. И вот его сердце вспыхнуло огнем желания спасти их, вывести на легкий путь, и тогда в его очах засверкали лучи того могучего огня... <...>

– Что сделаю я для людей?! – сильнее грома крикнул Данко. И вдруг он разорвал руками себе грудь и вырвал из нее свое сердце и высоко поднял его над головой. Оно пылало так ярко, как солнце, и ярче солнца, и весь лес замолчал, освещенный этим факелом великой любви к людям, а тьма разлетелась от света его и там, глубоко в лесу, дрожащая, пала в гнилой зев болота».

Горький написал об огненном сердце Данко задолго до революции 1917 года. Булгаков вложил в уста Сталина слова о людях, вернувших человечеству Огонь творчества, похищенный драконом капитализма, в эпоху зрелого сталинизма.

А в 1925 году Назым Хикмет в своем стихотворении «Песня пьющих Солнце» предъявляет совершенно такую же, причем достаточно развернутую, метафизическую концепцию. Она заслуживает того, чтобы быть развернуто процитированной.

Итак, «Песня пьющих Солнце»...

*Эта песня – песня людей,
пьющих Солнце
из круглых кувшинов.
Это – космы волос,
водопадом огней
обдающих шеи и спины.
Это – огненный войлок гончих собак,
догоняющих зверя воем,
это – бешеный смерч
на обугленных лбах
босых медноногих героев.*

*Я тоже с героями рядом шагал,
я волосы солнечным светом обвил,
по мосту, ведущему к Солнцу, гремел,
трубил в разъяренные мезью рога;
я Солнце из круглых кувшинов пил,
я песню с героями пел. <...>*

*В нашем походе
не нужно таких –
скованных по рукам и ногам
каторжной цепью слез родных,
тоской по родным очагам.*

*Нет места в нашей толпе тому,
кто трусливо на Солнце щерится,
тому, кто живет в пустой скорлупе
своего одинокого сердца.*

*А в этой расплавленной руде,
вылитой Солнцем на нас,
горит миллион кровавых сердец
в этот восторженный час.*

*Тот, кто с нами,
всегда и везде
сердце свое отдаст*

этой клокочущей руде,
вылитой Солнцем на нас.
Нападение на Солнце.
Нападение на Солнце.
Мы захватим Солнце!
Мы захватим Солнце!

Наши пращурьы –
железо, вода и огонь.
Наши жены
кормят Солнцем детей.
Наши медные бороды пахнут землей,
наша ладонь
пропитана жирным потом полей.
Наша радость густа
и нагрета кровью,
ею каждый путник повит,
как горячее юношеское изголовье
раздражением первой любви.
Вскидывая крючья лестниц на звезды,
ступая по черепаам
погибших друзей,
мы поднимаемся к Солнцу по воздуху
баснословной ордою людей.

Те, кто погибли, – погибли в борьбе.
Солнце служит для них могилой.
Их отвага гремит
в боевой трубе,
содрогаясь, как бычья жилы.

Нападение на Солнце.
Нападение на Солнце.
Мы захватим Солнце!
Мы захватим Солнце!

Дымятся кровавые капли винограда,
грузные кирпичные трубы,
вращаясь, режут.
Громко кричит вожак отряда,
тот, за которым идут.
Голос нашего вожака,
гремящий в пустынной мгле,
леденит глаза
голодным волкам,
пригибает траву к земле.

Прикажи нам умереть.
Прикажи.
Мы не боимся ни боя, ни казни.
Мы пьем в твоём голосе солнце и жизнь.
Мы – в энтузиазме энтузиазма.

На туманном занавесе
воспаленных пожарами дней,
в этой лаве светил,
в этом неудержимом потоке мчатся люди,
горяча огнегневных коней,
раздирая червонное небо
концами обугленных копий.

Нападение на Солнце.
Нападение на Солнце.

*Мы захватим Солнце!
Мы захватим Солнце!*

*Земля медная,
небо медное,
вся вселенная – огненный водоем.
Песню пьющих Солнце пой.
Поем...*

Мы снова сталкиваемся с огненосным рыцарством и метафизикой творческого огня. Огненосец Данко... Огненосец Сталин у Булгакова... Огненосная партия у Назыма Хикмета... Узкая традиция, передаваемая внутри метафизической коммунистической секты? Но Булгаков-то никак к этой секте не принадлежит. В том-то и дело, что некая огненосная тема возникает и у преданного коммунизму Назыма Хикмета, и у ненавидящего коммунизм Булгакова. Который не коммунизм хочет воспевать, а в личности Сталина разобраться. Интересно именно то, что об одном и том же Огне совершенно аналогичным образом говорят люди, не присягнувшие марксизму, подобно Назыму Хикмету или Галине Серебряковой. И даже не протянувшие ему руку, подобно Горькому. Булгаков марксизму враждебен, Леонид Андреев чужд. Но ведь и Андреев в своей метафизической пьесе «Анатэма» говорит то же самое, что и Назым Хикмет в «Песне пьющих Солнце». То есть буквально то же самое! Не нечто сходное, а один к одному:

***Некто.** Но не мерою измеряется, и не числом вычисляется, и не весами взвешивается то, чего ты не знаешь, Анатэма. У света нет границ, и не положено предела раскаленности огня: есть огонь красный, есть огонь желтый, есть огонь белый, на котором солнце сгорает, как желтая солома, – и есть еще иной, неведомый огонь, имени которого никто не знает – ибо не положено предела раскаленности огня. Погибший в числах, мертвый в мере и весах, Давид достиг бессмертия в бессмертии огня.*

Метафизика Творческого Огня... Не увидеть ее в марксизме можно только в одном-единственном случае. Когда целенаправленно избегаешь всего, что не укладывается в очевидно ущербный, но почему-то нужный, стереотип. Стереотип атеистического марксизма. То, что этот ложный стереотип был нужен и врагам марксизма, и его весьма специфическим почитателям, понятно. Но почему сейчас мы должны приносить истину в жертву стереотипам имени М.А. Суслова? Или – в жертву контрпропагандистским клише Гарварда? При том, что эти стереотипические крайности сходятся? А почему они сходятся – вот вопрос. Это игра случая или нечто совсем другое?

Итак, высшее благо – это Творческий Огонь.

О метафизике Огня в иудаизме (неопалимая купина), христианстве (таинство Пятидесятницы, благодатный огонь) и других религиях сказано так много, что развернутые экскурсы мне представляются излишними. А вот не обратить внимание читателя на очень странные строчки глубоко религиозного Фета я не могу.

*Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем,
И в ночь идет, и плачет, уходя.*

Мы видим, что речь идет о трансцендентальном Огне, об Огне, по сравнению с которым жизнь и смерть ничего не значат. Об Огне, просиявшем над целым мирозданьем. То есть об Огне Высшего Творчества. В какую же (понятно, что более могучую) трансцендентальную Ночь идет этот Огонь? Почему он уходит? И почему он, уходя, плачет? Что это за могучая трансцендентальная Инстанция – Ночь? Она же – Тьма? В этом нам придется разбираться подробнее. А пока зафиксируем само наличие метафизики Огня в мировых религиях и так называемой «светской метафизике», которой мы сейчас занялись.

Можно ли говорить о неявной (скрытой) метафизике Маркса? В XIX веке у ученого и революционера явной метафизики быть не может. Заявив о ней, он сразу «выбывает из игры», переходит в другой разряд – разряд так называемых оккультистов.

Но может ли НЕ БЫТЬ неявной метафизики у самого Маркса и его последователей? И о какой неявной метафизике можно тут говорить хотя бы предположительно?

Огонь как высшее благо... Последний из развивавших Маркса советских философов, Эвальд Ильенков, грезил о том же Огне, нащупывая ходы к метафизике Маркса. Этот благой Огонь, являющийся высшим благом, благом Творчества, с благой целью создал другое благо – человека. Чтобы пылал огонь блага в благом горниле по имени «человек», нужен кислород – История.

История несет в себе Возможность и Повреждение. Она спасает, она испытывает. Во имя полноты блага – благо должно допустить, да, именно допустить, возможность повреждения. Повреждение – это зло. Но оно порождено благом, подчинено закону блага, находится во взаимосвязи с благом, контролируется и используется благом и так далее. Благо несопоставимо по своей мощности с этим самым злом, превосходя его не только количественно, но и качественно. Повреждение не суть того, что повреждено, а изъян. Соответственно, от повреждения можно избавиться, причем не только без издержек для поврежденного, а именно триумфально. Поврежденное, избавившись от повреждения, получает огромное воздаяние. И за то, что было повреждено, и за то, что смогло от этого повреждения избавиться. Оно станет Творчеством без Отчуждения. В светском смысле слова это совершенно равносильно религиозному обожению. Но если повреждение снято, если уже нет ни отчуждения, ни противоречия между трудом и капиталом, то за счет чего предполагается дальнейшее развитие? И предполагается ли оно? Если источником развития является противоречие, то каково оно, противоречие в условиях отсутствия отчуждения?

Гегель предполагает остановку возрастания творческой сущности, дабы, постигая остановленное, обладатель сущности мог соединиться с ней окончательно, а соединившись с собственной сущностью, превратиться в каплю, пополняющую Сверхсущностный Океан Абсолюта. Это и есть постистория, переходящая в полное небытие, нирвану, освобождение через слияние и самоотдачу.

Но Маркс, освобождая творческую сущность от отчуждения, не останавливает мгновение, не прекращает творчество, не преобразует его в «игру в бисер». Маркс хочет не погасить, а раздуть огонь. Для него нет постистории – есть сверхистория. В этом – весь смысл Марксова наследства, его значение для XXI века. Отрицая на новом этапе свое отрицание советского, Россия должна увидеть неявный и провиденциальный смысл того, что было принято ею в 1917 году, а не размениваться на закомплексованные суждения о чьей-то там (неважно даже – выдуманной или подлинной) русофобии.

Россия сделала ставку на сверхисторию. В момент, когда альтернативой этой ставке все в большей степени является постистория (не постиндустриализм, не постмодерн даже, а именно постистория), в момент, когда последователь Гегеля, забывая в историю осиноый кол, исключает сверхисторическое и потирает руки, лукаво скорбя о неизбежности постисторического, – что скажет Россия? Она откажется от своего наследства? Она увязнет в его буквальности? Или все же у нее хватит сил для того, чтобы за буквальным разглядеть суть?

Представьте себе нечто наподобие двухполюсной электрической машины. На положительном полюсе наращивается творческая сущность (она же – производительные силы).

На отрицательном полюсе – отчуждение от этой сущности, косные, неменяющиеся (или слабо меняющиеся) производственные отношения. Напряженность между полюсами нарастает... Она становится невыносимой. Наконец, бьет разряд, молния. Она низвергается из этой самой творческой сущности в косную стихию противостоящего ей отчуждения. Молния меняет структуру этой косной стихии. Производственные отношения приводятся во временное соответствие с производительными силами. И... И все повторяется на новом этапе в условиях нового качества этой самой творческой сущности и нового механизма отчуждения оной.

Предположим, что отчуждение снято... Что дальше? В самом грубом и первом приближении – нет противоречия между трудом и капиталом... Какое противоречие создает тогда не историческое (борьба классов), а сверхисторическое развитие? Ведь не на пустом же месте родилось все сразу: и теория бесконфликтности, породившая пародию на соцреализм, и теория обострения классовой борьбы по мере приближения к моменту, когда борьбы уже не должно быть... Что же должно быть побудителем к иному, сверхисторическому движению? А если нет побудителя, то нет и движения. Но тогда чем Маркс отличается от Гегеля, а Ильенков – от Фукуямы?

Гегель – немец. Он очень легко начинает играть с отрицательным, с нирваной, растворением, смертью. Ему легко представить себе, что окончанием исторического наращивания творческой сущности (движения–1) и постисторического соединения обладателя с обладаемым (движение–2) является Покой. Его метафизика, наполненная движением, порожаемым противоречием (противоречиями), является, по сути своей, метафизикой движения к Покою. А значит – по большому счету – метафизикой Покоя. Ибо качество метафизики определяется не промежуточными фазами, а финалом.

Маркс – еврей. Он органически не способен удовлетвориться метафизикой с Покоем в виде финала. Он видит в этом глубокий подвох. Начав как ученик и последователь Гегеля, он с каждым новым шагом ощущает все острее постисторический подвох. И – борется с ним. Его постоянные апелляции к метафизике борьбы (тому, что Блок позже назовет «вечным боем») не ограничиваются борьбой за преодоление отчуждения. Борьба продолжается и после этого преодоления. Но что это за борьба?

Если метафизический конфликт, этот источник движения, является в конечном счете конфликтом между добром и злом... И если зло – это повреждение (тут уже не важно какое – отчуждение, первородный грех или что-либо еще)... То преодоление повреждения избывает зло. Конфликт длится, лишь пока есть история. История длится до тех пор, пока преодолевается («снимается») повреждение. Повреждение снято? Конфликт исчерпан! Конфликт исчерпан? Движение (развитие) прекращено. Наступает высший Покой.

Источник развития – повреждение. В этом смысле повреждение может быть и не грехом, а благом. Но оно есть благо предуготовления, «накопления потенциалов», создающих предпосылки для избавления от зла. Предпосылки созданы? Повреждение можно снять. Оно снимается. Неважно – вторым пришествием или коммунистической революцией. Повреждение снято, зло исчерпано, конфликта нет. Есть покой?

Но как же Шестоднев? Если он является Высшим творчеством, творчеством без отчуждения, сверхисторией, то в чем пружина противоречия? Противоречив сам Творец? Повторяю. Маркс может тысячу раз заявить о своей светскости, он может расплываться не только с иудаизмом, но и с еврейством (кто сказал что-нибудь более жесткое, чем он в своей «критике еврейского вопроса»?)... Но он не может себе представить противоречивого Творца. Он не Ахер еврейской мистики, вскричавший «на троне – двое!». И он не гностик, рвущийся к запредельному Покою. Но... Но он настоящий философ, он понимает, что нет развития (исторического или сверхисторического) без борьбы, без противоречия. Чем дальше он идет по своему пути, тем сильнее его метафизический ужас, его предощущение чего-то враждебного.

Глава VI. Спасение и гибель

В этом Маркс буквально, один в один, повторяет с опережением на 60 лет путь Фрейда. «Я» имеет повреждение в виде «Оно» (какая разница в методологическом плане: «Оно» – «отчуждение» или «первородный грех»?). Человек – это динамическая система. Источник динамики – конфликт между Я и Оно...

Снимаем конфликт? Где динамика? Нет динамики? Что происходит с системой? А главное – напряженность не исчерпывается повреждением. Напряженность, порождаемая повреждением, – это напряженность первого рода (так сказать, источник истории). После снятия этой напряженности обнаруживается вторая (так сказать, источник сверхистории). Но что

же это за вторая напряженность, когда над всем царит одно начало – Эрос? Фрейд – ученый. Обнаружив напряженность второго рода, он должен ее признать. Признав, назвать. Он вздыхает, говорит сквозь зубы «Танатос» и... Умирает. .

Что по существу сказал Фрейд? Он вначале заявил, что некая высшая сущность, именуемая Эрос, согревает своим огнем мир. Внутренний? Как специалист, Фрейд был сосредоточен именно на внутреннем мире человека. Но он же был не только специалист! Он был, прошу прощения, гений. Такой же как и Эйнштейн. И – Маркс. Гений на рубеже XIX и XX века (да в общем-то и всегда) мыслит шире, чем этого требует его конкретная профессия (психология, физика, социология). Метафизика Фрейда – это метафизика огня, имя которому Эрос. В содержательном смысле между фрейдовским огнем по имени Эрос и марксовским огнем по имени Творчество есть огромная разница. А в культурно-типологическом смысле разница равна нулю. Огонь он и есть Огонь. «Крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность; стрелы ее – стрелы огненные». Ну и, разумеется, Огонь огней... И так далее.

Итак, Фрейд заявил, что есть Огонь, имя которому Эрос. И что есть повреждение, оно же вытеснение. Что вытеснение, что отчуждение... В содержательном смысле разница, конечно, огромная. А в общесистемном (культурно-типологическом, методологическом или как хотите еще) – речь идет о гомеоморфизме всего подряд: понятий, образов, метафизических метафор, подходов, аналитических схем.

У Фрейда причина вытеснения, то есть повреждения, – культура. У Маркса – история. Вновь этот самый гомеоморфизм гносеологии и метафизик. Спасение – это освобождение от вытеснения через познание оногo. Тут все одно к одному.. Свобода как познанная необходимость. По сути, оставалось сказать, что возникнет после познания вытеснения, то есть снятия повреждения, то есть освобождения, то есть спасения. Что возникнет? ПОСТ- ИЛИ СВЕРХ-культура? Что заменит напряжение–1, порожденное культурой? Возникнет напряжение–2? Борьба между Я и Оно будет заменена другой борьбой? Или же напряжение просто исчезнет? И на кушетке посткультуры разляжется успокоенный (или упокоенный) постчеловек?

Как мы убедились выше, в кабинетные размышления Фрейда по поводу подобных вопросов вдруг постучалось нечто метафизическое – Первая мировая война, чей ужас для современников мы сейчас (после Второй мировой, Хиросимы и прочего) ощутить не можем. На своем горбу Первая мировая приволокла нечто еще более страшное, чем она сама – фашизм с его фундаментальным отрицанием всего, кроме Танатоса.

Фрейд не был зашоренным академическим ученым. Он был первооткрывателем и философом. Если бы он был только тонким психологом – не стал бы тратить время на занятия историей культуры, исследование египетского фараона Эхнатона и прочее. Фрейд был метафизически чуток. И когда к нему в дверь нечто постучалось, он дверь открыл.

Тяжелая болезнь превращает завершающее шестнадцатилетие жизни Фрейда в затянувшуюся мучительную агонию. Тем самым, мы вправе говорить, что о Танатосе Фрейд-ученый заговорил в конце активного исследовательского периода своей жизни. Почему заговорил? Было ли в этом предчувствие фашистской угрозы, причем угрозы метафизической? Многие считают, что да.

Восприятие фашизма (а им запахло сразу же после Первой мировой) как обычной исторической, политической и даже культурной неприятности не сподвигло бы Фрейда на столь рискованные для него апелляции к Танатосу. Фрейд не был политиком. Он не был даже социологом, как Маркс.

А раз так, то есть основания для гипотезы о том, что Фрейд увидел в первых черных всполохах фашизма вызов совсем иного масштаба. Вызов гносеологический и метафизический. Гений отвечает на вызовы такого типа всегда и при любых издержках. Даже под конец жизни и рискуя обрушить этим ответом все то, чему жизнь была посвящена. Тут и впрямь жить или умереть не важно, а важно «мысль разрешить».

Как мы убедились, с метафизической точки зрения ответ Фрейда на новый вызов, лишь олицетворяемый фашизмом, был сопряжен с колоссальными издержками. Но каково содержание этого, столь издержечного, ответа? Фрейд отрекается от монизма, являющегося светской версией монотеизма... В ПОЛЬЗУ ЧЕГО? Дуализма? Или чего-то более созвучного его изначальным чувствованиям? Нельзя по одной работе «По ту сторону принципа удовольствия» и воспоминаниям учеников об устных размышлениях учителя восстановить то, что не получило своего развития и оформления. В Дверь постучало нечто. Человек открыл дверь, остолбенел, что-то начал говорить и... Недоговорив, умер.

Постучало ли то же самое нечто в метафизическую дверь Карла Маркса? Никто из людей, всю жизнь занимавшихся исследованием Маркса, не отвечает на сей вопрос. Кое-кого из этих, причем не худших, исследователей я знал лично. И по многу часов говорил с ними об этом. Сами эти люди, в свою очередь, пытались обсуждать данный круг вопросов с совсем уже каноническими корифеями марксизма. Наверное, тут окончательный ответ в принципе невозможен. Крупные философы секулярной эпохи избегали публичных «презентаций» своих метафизических и онтологических концепций. Может быть, Маркс и делился какими-то соображениями со своими ближайшими единомышленниками. Но они молчали как рыбы. А было таких, ближайших, ну никак не более пяти человек.

Метафизика Маркса косвенно задана его проговорками, рассыпанными по многочисленным текстам. Но для того, чтобы извлечь их из текстов доказательным образом, нужно посвятить этому жизнь. Вот уж чего не собирался и не собираюсь делать. Единственное, что я могу предложить читателю, – это дедуктивный метод. Сам-то я опираюсь на свою интеллектуальную интуицию, которая меня редко подводила. Но ее я никоим образом не собираюсь никому навязывать. Подмена доказательств таким навязыванием представляется мне верхом бестактности. Просто фиксирую, что по соображениям, носящим недоказуемый характер, я уверен – Маркс лично для себя нечто формулировал и на метафизическом, и на онтологическом уровне. Зафиксировав эту мою (никому не навязываемую) уверенность и оговорив ее недоказательный характер, я перехожу к так называемым косвенным доказательствам.

Во-первых, Маркс слишком много говорил о борьбе. Не только о классовой борьбе, а о борьбе как таковой. Когда люди уровня Маркса об этом говорят так часто, то речь идет о явной или неявной метафизике. Человек для Маркса – это «существо борющееся». С кем? За что? Отдельный разговор. Ясно, повторяю, что это не борьба классов и не конкуренция. Это именно Борьба с большой буквы.

Во-вторых, Маркс слишком остро, я бы сказал, интимно остро, полемизировал с Гегелем. Маркс ощущал в Гегеле все то, что ему было глубоко чуждо. Это самое «пост», оно же «погашение Огня». Работая на одной гносеологической территории с Гегелем, будучи мыслителем сопоставимого масштаба, Маркс явно ощущал себя антитезой Гегелю, а не разработчиком его идей. Но ведь гегелевская философия очевидным образом метафизична! И, согласитесь, не может Маркс построить желательной для него фундаментальной антитезы Гегелю, не апеллируя хотя бы неявно к альтернативной метафизичности.

Метафизика Вечного Покоя Гегеля (пост-история, она же Финал, это Вечный Покой) не могла не превратиться у Маркса в метафизику Вечного Боя. Близость гегелевского и марксистского методов весьма обманчива и двусмысленна. Антагонист не может не начать оформление своего антагонизма на всех уровнях, включая онтологию и метафизику. Крупный мыслитель не может, вступая во внутреннюю полемику со столь же крупным мыслителем, игнорировать предельные основания. Гений – это и мыслитель, и ученый. В разные исторические периоды у разных людей эти роли находились в разных соотношениях. В большинстве случаев ученый – это главная роль. Эйнштейн – ученый. Физик. И Фрейд – ученый. Психолог.

Маркс и Гегель – философы. Философия ближе всего к «одноролевой», только лишь «мыслительской» деятельности. Но Марксу сподручнее все же быть ученым – политэкономом, социологом. Гегель не стесняется абсолютной философичности. Хотя... То же ведь – «философия истории», «философия права». Да, «наука логики» как универсальный подход к пониманию любого предмета. Однако ведь предмета!

Но это – Гегель. Маркс гораздо больше, чем Гегель, дорожит своей научной ролью. И гораздо меньше, чем Гегель, – статусом мыслителя как такового. Хотя и для Гегеля сподручнее не засвечивать свои предельные метафизические основания. И понимать философию как науку.

Ведь наука же логики! Наука, а не как-нибудь! XIX век боготворит науку. И все хотят быть ей сопричастны. Это ведь и профессиональный вопрос. Место ученого в интеллектуальной деятельности определено. А что такое мыслитель? Религия? Она не в моде. Чтобы не сказать – в загоне. Она сама цепляется за науку. И жизнь-то как построить, играя по ее правилам? Постриг принять? Тейяр де Шарден принял – попал под неумные цензурные ограничения Церкви. Но и Тейяр де Шарден хотел быть не мыслителем, а широко мыслящим антропологом.

Предельные основания – это внутренняя кухня для Эйнштейна, Фрейда... Да и Маркса! Да и Гегеля тоже... Но это-то как раз может быть достоверно реконструировано! Обсуждение того, чем именно Маркс делился с Эжени или Лафаргами, – дело недостоверное и уж очень специальное. Реконструкция же пределов, вытекающих из структурного качества построенных интеллектуальных систем, как ни странно, и надежнее, и экономнее по трудо- (и я бы сказал жизне-) затратам.

Мне очень было бы интересно ознакомиться с чьими-то достоверными исследованиями неафишируемых архивов, – Маркса, Гегеля, Гуссерля и других. Но я точно знаю, что сам я таких исследований проводить не буду. И вообще не буду, и уж тем более – в книге, посвященной не истории определенных идей, а политической теории развития.

А вот герменевтику интеллектуальных оснований я осуществить и могу, и должен. Я уже начал это делать, проводя параллели между Марксом, Фрейдом и тем, что назвал либеральной версией иудео-христианской метафизики. Иначе эту версию можно назвать «метафизикой повреждения».

Приводя к одному знаменателю Маркса и Фрейда, я вовсе не хочу сказать, что их идеи, их представления о человеке и бытии, смысле и существовании, истории, культуре и творчестве хоть в чем-нибудь сходны. Я не об идеях говорю! Я говорю о подходах, интеллектуальной архитектуре, скелетных схемах, принципах. Один и тот же подход, одна и та же интеллектуальная схематизация могут давать абсолютно разные результаты. Тожество «интеллектуальных скелетов» не означает тождества «интеллектуальных тел». Но почему бы, оговорив абсолютное несовпадение между этими самыми «интеллектуальными телами», не попытаться все же просветить тела рентгеном? И – сопоставить данные полученных рентгеновских снимков?

Снимок № 1 выявляет противоречие № 1. Таковым является противоречие между спасительным (благотворным) и губительным (злым). Противоречие имеет благой генезис. Оно порождено тем, что источник блага даровал человеку свой сущностный потенциал – Творчество. Именно поэтому говорится о том, что человек – венец Творения, что он создан по образу и подобию Творца, что ему должны поклониться ангелы и так далее.

Истоком коллизии является феномен творчества, дар творчества, возможность творчества. А дальше – «назвался груздем – полезай в кузов». Нет творчества без свободы воли. Нет свободы воли без выбора. Нет выбора без альтернатив. Если речь идет об альтернативе благу, то ясно, что это за альтернатива.

Это – как с оппозицией. Власть хочет такого блага как демократия? Она должна допустить искушение в виде оппозиции. А также возможность отпадения от блага. Возможность была допущена и использована. Человек поддался искушению. Возникло повреждение (первородный грех). Противоречие – спастись, исправив грех, или погибнуть, усугубив оный, – заработало. Противоречие – это как бы двухполосная система. На одном полюсе накапливается спасительное. На другом – губительное. Нарастает напряженность. Рост напряженности создает «трассу», вектор, устремленность, историческое время. «Вчера» отличается от «сегодня» степенью этой напряженности. Достигая предела, напряженность порождает эсхатологическую молнию. Повреждение исправляется. Противоречие, порожденное этим повреждением и необходимостью с ним бороться, снимается. Такова классическая иудео-христианская метафизика в версии, которую можно назвать «либеральной», или же «версией повреждения».

Делаем **снимок №2** и... Видим все то же самое... Исток №2, повреждение №2, противоречие №2, направленность №2, эсхатологию №2.

Исток №2 – тот же. Творчество. Нет высшей инстанции (Творца). Но творчество как уникальный дар... Разве не оно является исходным событием в марксистской метафизической драме?

Творчество опредмечивает мир, создает систему средств развития человеческой сущности. Предметный мир освобождает человека от пут природной необходимости. Но нет свободы без выбора, нет выбора без искушения, нет искушения без

падения и нет падения без повреждения. Творчество порождает деятельность по этому самому опредмечиванию, то есть освобождению. Порождая освобождение, творчество одновременно создает предпосылки для искушения. Предметный мир можно отчуждать. Отнять у обезьяны банан, заставить обезьяну собирать бананы и не есть? Обезьяна сдохнет! Да и дрессировка, при которой она вам отдаст собранные бананы, – это уже предметная деятельность, в которой банан не средство жизнеобеспечения (ресурс), а продукт высокоорганизованной деятельности, приводящей к отчуждению бананов. Деятельность может дать неизмеримо больше и этим освободить. Но она может и отнять неизмеримо больше и этим поработить.

В деятельности есть соблазн, присвоение продукта деятельности. Соблазн вытекает из свободы, из творчества и противостоит оным. Но ведь не только противостоит! Он, предлагая выбор, и конституирует наличие этой самой, деятельностью порожденной, свободы. Выбор... Он же искушение – изыми! Уступил искушению – пал (присвоил изымаемое). Пал – заработал это самое повреждение №2. То бишь отчуждение. Исток №2 – творческая деятельность. Повреждение №2 – отчуждение. Противоречие №2 – между возрастанием возможностей, творческого потенциала, творческой сущности и изъятием (отчуждением) порожденных этим потенциалом предметных и иных благ. Напряженность определяется ростом возможностей (положительный полюс) и бесчеловечностью их изъятия (отрицательный полюс).

Эта напряженность создает историческую направленность. Она наращивает сразу и человечность (творческую возможность) и бесчеловечность. Сам человек, создавая для освобождения производительные силы, в условиях повреждения под названием «отчуждение» рискует стать придатком созданного, предметом. Совсем примитивным предметом (рабом) или предметом более сложным, но еще более расчеловечивающе емким. Предметом купли-продажи. Напряженность очеловечивания (наращивание возможностей) и расчеловечивания (экспроприация того, что удалось нарастить) определяет направление, то есть историю. Которая порождает и спасение (рост творческой сущности), и гибель (отчуждение). Наконец, молния, ударяя в отрицательное, испепеляет его.

Спасение становится окончательным. Творчество освобождается от отчуждения. Таков рентгеновский снимок №2 «интеллектуального тела №2», именуемого марксизм. При рассмотрении снимка №2 оказывается, что скелет тела №2 поразительно похож на скелет тела №1. Тело же №1 – это иудео-христианство в той его версии, в которой теодицея (объяснение генезиса зла) основана на благе свободной воли, рождающей выбор, искушение, падение, повреждение, исправление в ходе истории, накапливающей и спасительное, и губительное.

Теперь рассмотрим интеллектуальное тело №3 – фрейдизм. Сделаем снова рентгеновский снимок (**снимок №3**). Что обнаруживается? Поразительное сходство с тем, что мы обнаружили при анализе двух предыдущих рентгеновских снимков.

Снимок №3 вновь выявляет некое благо – Эрос. Да, это не дар творчества и не его аналог, творческая деятельность. Но... В метафизическом смысле Огонь творчества и Огонь любви имеют общую природу. В любом случае – есть исток №3, этот самый Эрос. Есть противоречие №3 – между Я и Оно. Есть повреждение №3 – вытеснение. Есть направленность №3 – культура. Это в ее амбивалентном лоне возникают и новые (сублимационные) потенциалы Эроса, делающие человека человеком, и деструктивные потенциалы Оно, порождаемые разного рода табу и вытеснениями. Напряженность между этими двумя полюсами нарастает. Познав Оно, Я ударит в него молнией этого спасительного познания и... Короче, эсхатология №3 тоже без труда обнаруживается, стоит только взглянуть на этот, третий по счету, рентгеновский снимок.

Можно делать другие снимки и получать сходные результаты. Но жанр исследования предполагает скорейший переход от получения таких результатов к их осмыслению. Ну, мыслят разные исследователи в одном ключе, задаваемом «теологией повреждения»... И что? Почему они так мыслят? Это следствие их скрытой религиозности? Это не скрытая, а инстинктивная, не осознаваемая ими самими религиозность? Базовая метафора?.. Неявное парадигмальное основание? Код культуры? Всосали, так сказать, с молоком матери?.. Или же речь идет о неких, даже и не слишком замысловатых, вызовах, на которые они отвечают и как исследователи, и просто как люди? Как мыслители, желающие не только успеха на выбранном поприще добиться (кто этим мотивирован – тот не гений), а разобраться с тем, что им вменено фактом появления на свет. С безусловностью удела человеческого.

Есть ли такая, не зависящая от взятой на вооружение системы понимания происходящего, незамысловатая безусловность? Несомненно!

Человек – единственное живое существо, знающее о неизбежной смерти. Как он заполучил это трагическое, невыносимое знание? Я вовсе не хочу сводить варианты ответа на такой, конечно же важнейший, вопрос к какому-то общему знаменателю. Мы живем в эпоху, когда подобное «общезнаменательство» в принципе невозможно. Ибо кто-то верит – хочет верить, укрепляется в этой обретенной или сохраненной им вере. И для него объяснение выглядит одним образом. Мол, нарушил человек запрет, вкусил плод с древа познания и... Возжелал плода с древа жизни... Но поздно было: изгнали преступника, нарушителя запрета. И остался горемыка со знанием (о смерти прежде всего), но без того, чем оно должно быть дополнено (бессмертием).

Кто-то скажет так, а кто-то иначе. Например, что Форма, отстаивая себя (а без такого отстаивания нет и не может быть Формы), усложнялась. Усложняясь же, создала Разум. А где Разум – там и понимание того, что к чему. Разум понял, что к чему, а дальше... На то он и Разум, чтобы так или иначе осваивать то, что понял. Мало ли как еще можно объяснить, почему человек стал таким вот существом – живущим и знающим, что смерть маячит за горизонтом. Объяснения и впрямь могут быть слишком разными.

А тот факт, что человек стал именно таким существом, объединяет нас, дающих разные объяснения того, почему он... «подзалетел»... «сподобился»... и так далее...

Признаем этот факт и двинемся дальше. Человек получил не только это страшное, невыносимое для него знание. Если бы он получил только это знание, то можно было бы вслед за радикальными экологами назвать человека «смертельно опасным вирусом». Человек и станет таковым, если... Если нечто, возникшее одновременно с этим знанием о смерти, отбросит. А само это сокрушительное знание сохранит.

Но пока что человек – это конструкция (система, сущность), на отрицательном полюсе которой находится знание о смерти, а на положительном – нечто, уравнивающее это знание. И опять-таки, нахождение единого ответа на вопрос о содержании подобного «нечто» невозможно. Люди, имеющие разную веру (и уж тем более верующие и неверующие) никогда не сведут свои ответы к общему знаменателю. Но вряд ли кто-то откажется признать уникально-позитивной прерогативой человека творчество.

Человеческое творчество направлено на преобразование окружающего мира и самого человека. Я не хочу обсуждать генезис творчества, ибо в этом вопросе согласие, опять же, недостижимо. Творит ли сам человек... Творит ли через него нечто высшее... Я всего лишь спрашиваю:

а) имеет ли место несомненный факт человеческого творчества как уникальной способности, раскрывающей сущность человека как такового?

б) в чем уникальность человека по отношению к рассматриваемому факту этого самого творчества?

Мой выход за рамки этих двух простейших вопросов означал бы присоединение к одной из многочисленных объяснительных схем, гордо именующих себя теориями или доктринами. А этого-то я категорически не хочу делать. Я хочу задавать лишь те вопросы, ответ на которые очевиден.

Человек творит, преобразуя мир и самого себя? Вряд ли кто-то скажет «нет», не правда ли?

В чем уникальность этого творчества, тоже понятно. Никто, кроме человека, не преобразует себя параллельно с миром. И никто, кроме человека, не осуществляет фундаментальных преобразований мира за счет индивидуального творчества (творчества малых групп), причем творчества, преобразующего мир на временных интервалах, соизмеримых со временем жизни отдельной человеческой особи. Эйнштейн и узкий круг его коллег открыли субатомный мир, описали его, увидели, как воплотилось в атомном взрыве описанное ими, и даже успели отреагировать, призвав мир к отказу от оружия массового уничтожения.

Муравьи, преобразуя мир, создают муравейники. Однако ни один отдельный муравей не может изменить конструкцию муравейника. Муравьи обладают некой программой преобразования окружающей среды. Но эта программа носит видовой характер. Отдельный муравей не может внести в нее коррективы. А отдельный человек (Эйнштейн) может. Качество деятельности по преобразованию окружающей среды у человека и других живых существ несопоставимо. Скорость преобразований, их спектр, их вариативность, тип преобразующего субъекта – все совсем другое.

И, наконец, направление преобразующей активности на самого себя – это совсем уж уникально. Человеческая прерогатива. Соответственно, человеческая и только человеческая преобразующая активность (деятельность) имеет право называться творческой.

Глава VII. Творчество и Танатос

Негодовать на запрещенные приемы, конечно, можно. Однако не зря ведь говорится: «На войне как на войне». Воевавшие против всего советского перестройщики использовали любые запрещенные приемы. Негодовать по этому поводу бессмысленно. Но обнажать используемые ими приемы необходимо.

Один из приемов – искажение цитат. Якобы Сталин по поводу рассказа Горького «Девушка и Смерть» написал: «Эта штука посильней, чем "Фауст" Гете». На самом деле Сталин написал: «Эта штука посильней, чем "Фауст" Гете. Здесь любовь побеждает Смерть».

Фрейд, говоря об Эросе и Танатосе, воспроизвел ту же схему. Эрос – это Бог любви (для Фрейда – дух любви). Танатос – Бог смерти (для Фрейда – дух смерти). Противопоставление любви и смерти давно стало метафизическим стереотипом. В конце концов, есть жизнь и смерть. А внутри жизни что главное? Любовь. Она для жизни важнее всего. Как в высшем смысле, смысле согревающего жизнь благого начала, так и в смысле буквальном. Нет любви как воли к продолжению жизни – нет жизни.

Так-то оно так... И слишком многие убедительно доказывают, что это именно так. Не только ведь Фрейд, но и Данте: «Любовь, что движет Солнце и светила»... Ну, а где «любовь, что движет солнце и светила», там «Бог есть любовь».

И становится понятно, почему любовь побеждает смерть. Потому что Бог побеждает смерть. «Я есмь воскресение и жизнь»...

Восхищение личностью воскрешающего Бога, причем Бога, воскрешающего своею любовной жертвой, создало культуру, в которой живет огромная часть человечества. Не все живущие в этой культуре – христиане. Но ведь не одни христиане заполняют Лувр или галерею Уффици. Личность Бога, воскрешающего своей любовной жертвой, – это личность Христа. Христианин зачарован Богом-Сыном, пожертвовавшим собой ради человечества. Эта влюбленная зачарованность создала тот мир, в котором мы все живем. Трудно даже себе вообразить, каким бы был мир без этого. И был ли бы он.

Однако, кроме Бога-Сына, есть Бог-Отец. Для иудея, например, только он и есть. А значит, только он и является объектом поклонения, восхищения и любви. Этот Бог не приносил себя в жертву на алтарь человечества и не может быть любим за это. За что же он может быть любим? Каков его основополагающий подвиг? Сотворение мира. То есть высшее Творчество.

Мы видим, что апелляция к Творчеству как некоему благу полюсу тоже возможна. Да, преобладает апелляция к Любви (в каком-то смысле Эросу) как благу полюсу. Но и Творчество может выступать в качестве такого полюса.

Помимо приведенной мною выше религиозной аргументации, есть и аргументация светская. Любовь (Эрос) есть благой полюс для всего живого или большей его части. Не наличие и отсутствие Любви маркирует границу между человеком и животным миром. Эту границу маркирует Творчество. Творчество, а не Любовь. Но если мы помещаем на благой полюс Творчество, то что на другом полюсе? С чем борется Бог-Творец? С той самой Тьмой, которая над Бездной. Вопреки этой Тьме он утверждает свое Творение и осуществляет акт Творчества.

Так мыслит и чувствует религиозный человек. А светский?

Светский человек понимает, что для животного в каком-то смысле смерти нет. Что она есть только для человека. Что только человек знает о ее неизбежности и живет вопреки этому знанию. Знание о смерти отчуждено от человека быть не может. А то существо, которое «освободят», отчуждая от подобного знания, человеком уже не будет. Воля же человека – пока он остается человеком и у него есть воля – будет или волей к жизни, или же... Или же, опять-таки, волей, но волей к смерти. При этом и жизнь, и смерть – не предельные инстанции, к которым адресована воля. Та воля, которую называют «волей к жизни», как минимум, нетождественна животным инстинктам, с которыми эту волю иногда путают. Эта воля к жизни метафизически обусловлена отношением к тому, что называется Бытием. В человеке стремление быть и жить совпадают. И этим человек отличается от животного, которому неизвестно, что значит быть.

Но если за волей к жизни (Эросом) стоит влечение к Бытию, то что стоит за волей к смерти (Танатосом)? Об этом мучительно думал Фрейд. Стоит ли за Танатосом только влечение к небытию? Или же Танатос предполагает наличие влечения человека к фундаментальному антагонисту Бытия? Которым является не небытие как чисто отрицательная категория, а Тьма, Иное. Нечто, обладающее отрицательной активностью. Причем активностью фундаментально метафизической.

Мигель де Унамуно, осудивший испанских фалангистов за некорректность их восклицания «Да здравствует смерть!», был, конечно, прав. Ибо смерть как таковая, равно как и ее олицетворение – Танатос, не могут здравствовать. Но и фалангисты были правы. Поскольку на самом деле их пожелание здравствовать было адресовано совсем не к смерти в узком смысле слова и даже не к Танатосу, а к Тьме Предвечной, как к предельному основанию оных. Тьма же Предвечная, в отличие от узко понимаемого Танатоса, может здравствовать. В метафизически отрицательном смысле слова.

Таковы мои соображения в пользу рассмотрения не вполне стандартной двухполюсной схемы, на одном (благом) полюсе которой Творчество. А на противоположном... Можно было бы сказать – Тьма. Но с учетом характера вопросов, которые я сейчас хочу обсудить, удобнее говорить – Танатос. В каком-то смысле Танатос и есть Тьма. Поэтому противопоставление Творчеству Танатоса мне представляется корректным. Но, даже если это и не до конца так, стоит немного пожертвовать корректностью и строгостью противопоставления ради выявления существа дела.

Человек знает, что он смертен. И противопоставляет этому знанию Творчество. Не Любовь все-таки, а именно Творчество. Видимо, это и впрямь так. Но, как минимум, это так для Маркса и его последователей. Для них Творчество способно преодолеть все на свете. В том числе неизбежность человеческой смерти, неизбежность коллапса Вселенной, неизбежность тепловой смерти этой самой Вселенной и так далее. Человек потому и велик, что в нем горит Огонь Творчества. В нем и только в нем. Так это сформулировано Марксом. Конечно, не только им одним. Но Марксом это сформулировано с беспрецедентной категоричностью и страстностью.

Высшее благо – Творчество. Наделен этим высшим благом – человек. И только человек. А потому он вознесен надо всем остальным. Таков гуманизм Маркса. Как может такой гуманизм, будучи мистериальным, мессианским и пророческим, не иметь метафизики? Как может эта метафизика не быть заряженной особыми страстями по Творчеству?

Если есть те, для кого Творчество – это высшее благо, то есть и те, для кого Творчество – это зло. Враги неизбежно должны быть не только у развития, но и у Творчества. Тем более, что слишком они близки друг к другу – Творчество и Развитие.

Посягнувшие на развитие и назвавшие его грехом (Андрей Лоргус) обязательно посягнут на творчество. Ибо где развитие, там творчество как его источник. И, наоборот, где творчество – там развитие.

Посягательство может и должно носить двоякий характер.

Наивным и непродвинутым адептам будет сказано, что человек узурпировал нечто, являющееся исключительной прерогативой Высшего Начала. И потому человеческое творчество греховно (в пределе – порождено не сотворением человека по образу и подобию Божьему, а первородным грехом). Я не говорю, что А.Лоргус и его единомышленники уже сказали нечто подобное. Но связь развития и творчества выведет на это с логической неумолимостью.

Продвинутым же адептам будет сказано, что творчество является уделом жалкого и мерзкого Демиурга (он же иудейский Бог-Творец).

Поскольку советизация и большевизация восхваляла творчество, то десоветизация и дебольшевизация должна его низвергнуть с ложного пьедестала. А как иначе?

Но если человеческая сущность – в творчестве (а это так), то низвержение творчества с пьедестала – это отчуждение человека от его сущности. То есть наивысшее отчуждение.

Вне рассмотрения подобного отчуждения (оно же – дегуманизация) нет политической теории развития.

Вот почему я считаю важным рассмотреть ту «двухполюсность», которую только что описал (творчество и знание о смертности, Творчество и Танатос), еще и с политической точки зрения. Указав на следующие, в каком-то смысле уже именно политические, конечно же, обстоятельства.

Первое обстоятельство – проработанность темы двухполюсности на уровне отдельных дисциплин.... И антропологи, и культурологи, и психологи (причем достаточно разные) накопили очень большой массив данных, свидетельствующих в пользу предлагаемой двухполюсной (знание о смерти – творчество) схемы человеческой уникальности.

Второе обстоятельство – философская освоенность этой темы. Да, тему творчества в основном осваивали марксисты, а тему смерти – экзистенциалисты и неофрейдисты. Но ведь существовали и интеллектуалы, которые сознательно работали на стыке марксизма, экзистенциализма и неофрейдизма. Эти люди просто не могли не заниматься человеческой уникальностью именно в том ее понимании, которое я здесь излагаю.

Третье обстоятельство – советский интеллектуальный вклад в освоение этой проблемы. Советские философы не могли публично обсуждать синтез марксизма, экзистенциализма и неофрейдизма. Но они хотели и умели развивать представления о человеческой уникальности. Может быть, тема смерти (в силу ее близости к религии и так называемой пессимистической философии) была им не так близка, хотя... Кто может сказать, что она была так уж чужда, например, Ильенкову? Но уж

деятельностью-то они занимались как никто! И творчеством тоже.

Принц Гамлет, помнится, сказал своим университетским коллегам: «Смотрите же, с какой грязью вы меня смешали!» Но те хотя бы его мешали с этой грязью. Его, а не себя! Как надо внутренне захотеть смешаться с нынешней грязью, чтобы, имея такое интеллектуальное наследство, таких учителей и такую школу, начать по зову сердца обслуживать какую-то прорву... Понимая при этом, какова настоящая повестка дня в вопросе о творчестве. Чем занимаются сегодня за пределами России и что реально нужно... И России, и человечеству.

Да, творчеством под данным углом зрения занимались Маркс и его последователи. И что?

Предлагаю рассмотрению читателя такой, сугубо политический, алгоритм.

Вначале Россия невероятно увлечена Марксом. И не только как борцом с эксплуатацией, но и как апологетом творчества, исторического освобождения творческой сущности от отчуждения. Это увлечение, переплетаясь с конъюнктурой, порожденной идеологией, породило специфический интеллектуализм. Все ведь – по своей воле или из-за внешнего (идеологического) давления – двигались в русле Маркса и его «страстей по творчеству». Выготский и Леонтьев, Библиер и Мамардашвили, Ильенков, Зиновьев, Щедровицкий... Сотни других – все двигались в этом русле. Кто-то – совсем из-под палки. Но большинство-то, согласитесь, иначе. В итоге был создан некий коллективный продукт – знания о творчестве. Школа слепо-глухо-немых Ильенкова... Методологическая школа... Ряд культорологических школ... Интеллектуальная школа, исследовавшая проблемы так называемого «духовного производства». Да мало ли еще что! Короче, был создан Продукт. Продукт был неразрывно связан с советским, очень особым, марксизмом.

Затем началась эпоха перемен. Перестройка отплясала канкан на Марксе с беспрецедентной беспощадной пошлостью. Люди, молившиеся на Маркса, начали его проклинать. Но если бы только его! Оказался отброшен весь Продукт, невероятно важный и для России, и для человечества в беспрецедентном по жестокости XXI столетии, когда проблема отчуждения человеческой сущности оказалась ключевой. Какой там Продукт! Рынок, монетаризм! Человек – машина для потребления...

Проехали этот этап... Бывшие марксисты, обнаружившие в себе демократов и рыночников, отбросили и это увлечение... И перекрасились в патриотов. Политики, поняв, что дело движется к войне, заговорили о развитии. На что опираться в этом разговоре, к чему апеллировать? К существующей интеллектуальной традиции. Демократы и рыночники ничего нового по определению привнести не могли, ибо сразу же встали в позу колониального ученичества. Продукт же сохранился. Да, о него вытерли ноги, да, его двадцать лет держали на помойке. Да, умерли почти все, кто мог работать с этим Продуктом. Но, кроме него, у России нет ничего своего.

Да-да, конечно! Есть пишущие сейчас люди – и что? Я не о людях, я о школе, традиции... Об оригинальных результатах, о чем-то внятном для мира...

Россия хочет суверенности? Нет политической суверенности без суверенности интеллектуальной. Вчера ввозили из-за рубежа двусмысленных гарвардских экономистов. Сегодня приволакивают бывших западных корифеев типа Тоффлера. Но это (а) продукт давно стухший, (б) чужой и (в) весьма специфически потребляемый.

Один «новый русский» хочет, чтобы у него на гульбище «покувыркалась, блин» культовая американская актриса... Другой, желая интеллектуального прикида, ввозит модного когда-то психолога или Нобелевского лауреата. Это все – зоопарк для прорвы. И, уж в любом случае, – не к интеллектуальному суверенитету вызывает, а к укреплению интеллектуальной десувверенизации.

Сколько ни ввози чужие интеллектуальные продукты и как их ни оприходуй – тебя рано или поздно спросят: «Где твой Продукт?» Россия без такого, своего собственного, Продукта не нужна, неинтересна, отвратительна. Причем для всех сразу. Говорите сколько угодно о русофобии, вздыхайте, причитайте, упрекайте, проклинайте, усовестливайте... Это ничего не изменит... Ничего не изменит и попытка ввезти вместо Тоффлера каких-нибудь азиатских духовных учителей. Запад их уже наввезил – начиная с 50-х годов XX века.

А главное, получите вы не интеллектуальную зависимость от Запада, а духовную зависимость от Востока... Тиграм очень важно, кто вами полакомится. А вам-то... Вы – жить хотите? Или примериваетесь – кого собой накормить? А знаете, когда так примериваются? Когда в глубине души понимают, что песенка спета, игры своей нет, страна действительно лишняя... Тогда-то и происходит негативный синтез амбиций, комплексов неполноценностей, суицидальных комплексов и... Много чего еще.

Итак, для демократов (последнее десятилетие XX века) Маркс был плох тем, что коммунистичен. Для патриотов (первое десятилетие XXI века) он плох тем, что русофоб. Да еще, наверное, и сионист... Но главное – русофоб... Все это делают люди, восхвалявшие Маркса... Но главное – зачем они делают именно сейчас именно это? Сейчас, а не пятью годами позже или пятью годами раньше?

Сейчас, когда с болезненной для власти, элиты и общества очевидностью выясняется, «что к чему». Что либо Россия в неслыханно короткие сроки и на непонятной основе соберет вокруг себя новую сверхдержаву, либо мир вступит в фазу глобального коллапса со всеми его последствиями. Простейшим из которых является мировая война.

И ведь всем понятно, что сверхдержавная сборка осуществляется лишь вокруг исторической новизны. А историческая новизна всегда является зовом творческой сущности, задыхающейся в постисторической отчужденческой душегубке!

Кому-то нужно, чтобы Продукт, созданный в советский период, был окончательно скомпрометирован, но теперь уже другими людьми. Теми, кто возмущался предыдущей – яковлевско-новодворской – компрометацией. Людьми умными, тонкими, прекрасно знающими, что такое единство места, времени и обстоятельств. Людьми, знающими, что в политике все всегда имеет не то значение, которое выдвигает на первый план историческая наука. То есть не буквальность – кем кто был, – а интенциональность (кого, когда, как и зачем «уделяем»). Людьми, никогда к строгой исторической науке не тяготевшими и узкими «марксоведами» не являющимися. Людьми, имеющими широкий круг интересов и в принципе вполне способными писать (и пишущими) о чем-то еще.

Бог им судья. Каждый делает то, что считает нужным. Они считают нужным писать о русофобии Маркса. Я не буду им

развернуто оппонировать. У них свой Маркс, у меня свой. Тот, который нужен XXI веку. Тот, который нужен России и для реабилитации своего прошлого, и для сверхдержавного будущего, буде оно возможно.

Мой Маркс – это ревнитель Сверхистории и враг Постистории. Постистория уничтожает мир. Спасти его может только Сверхистория.

Кто-то может сказать об этом лучше, чем Маркс? Это было бы замечательно. Но даже в этом случае все уже сказанное на тему, чья актуальность понятна только теперь, – на вес платины. Маркс утверждал, что коммунизм отменяет труд. Не делает его владыкой, а отменяет. Или, точнее, как только труд станет владыкой, он будет отменен. В пользу чего? Кайфа? Релакса? Бесплатных поездок на трамвае, которые обещал новому поколению советских людей Н.С.Хрущев на XXII съезде КПСС?

Нет, в пользу творчества. «Освобожденный труд» – это уже не труд. Труд – это прикованный Прометей. Освобождение же понимается как замена труда творчеством. Творчеству мешает отчуждение. Эксплуатация для Маркса – это лишь одна из форм отчуждения, отчуждения прибавочной стоимости. На самом же деле отчуждению может подвергаться нечто большее. Маркс не говорил о душе. Это не его язык. Но в одной строчке Маркса больше духовного пафоса, чем в десятках тысяч напыщенных страниц, наштампованных сюсюканьями по поводу бездуховности исторического материализма.

Отменить труд! Ничего себе масштаб! И с социальной, и с философской и... с метафизической точки зрения. Потому что труд – это наказание за первородный грех. Отменяя труд, Маркс отменяет наказание... Заменяя труд творчеством, уподобляет человека Богу и... И возвращает человека в иной, более высокий, нежели то, что было потеряно, рай. Ведь не зря Маркс называл потерянный первобытный рай «первобытным коммунизмом», сравнивая его с коммунизмом высшим, в котором отсутствие отчуждения, порожденного все большим разделением труда и социальным неравенством, окажется соединено с высочайшим развитием средств преобразования мира и – самого человека.

Вы предлагаете иначе преодолевать нарастающее отчуждение? Предлагайте! Скажите – как! Никто не держится за Марксовы схемы! Или же вы предлагаете отчуждение наращивать? Ведь если его не преодолевать, то оно обязательно будет нарастать в силу... В силу тысяч причин, приводящих в действие это самое неумолимое отчуждение человека от его высшей – творческой – сущности... Этих причин, повторю, тысячи. Но я скажу лишь об одной и решающей. Опять же – ну никак тут от Маркса не открестись! Что есть, то есть...

Налицо и впрямь очередной, предкатастрофический, конфликт между производительными силами и производственными отношениями. Наука становится производительной силой. И, становясь оной, вступает в конфликт с существующими и не предназначенными ни для чего подобного производственными отношениями, основанными на нарастающем и неснимаемом отчуждении. Человечество вошло в этап, на котором сохранение этого самого отчуждения непоправимо уродует характер производительных сил. Отчуждение диктует нарастание разделения в рамках нового типа производительности...

Разделение научного массива – в сочетании с его новой ролью – чревато далеко идущими последствиями. Наука не может преодолеть отчуждение, не меняя характера производственных отношений. Но она не может и отказаться от роли новой производительной силы. Не меняя производственных отношений, она не преодолевает отчуждения. Отчуждение же чудовищным образом давит на характер входящей в новые права производительной силы.

Как именно оно давит и что уродует? Давит оно тысячами способов, каждый из которых заслуживает отдельного изучения. Уродства, порождаемые этим давлением, крайне разнообразны. Начни я только перечислять их – мы утонем в деталях и дискуссиях. Пойди разберись – это уродство или новый лик? Мутант или «гадкий утенок» Андерсена? Поэтому я укажу на одно самое очевидное и опасное свойство новых производительных сил, вытекающее из отказа породившего их человечества от преодоления навязанного производительным силам повреждения, названного Марксом «отчуждением».

Наука дифференцируется. Дифференциация неуправляемо нарастает. Тем более неуправляемо нарастает и само отчуждение. Ибо суть отчуждения состоит в том, что человечество порождает нечто, с чем оно после этого порождения уже не способно соединиться. Порожденное тогда превращается в «антитезис без синтеза». Наука в виде антитезиса начинает не обогащать духовно, а пожирать породившее ее человечество. Любой предметный мир, будучи отчужденным, выступает в амбивалентной, освобождающе-порабощающей, роли. Чем выше степень отчуждения, тем в большей степени порабощение (погибель) доминирует над освобождением (спасением). Вещи воюют с людьми самыми разными способами. Что, разве ядерное оружие – не разновидность такой войны? А потребительское безумие? А экология, глобальное потепление?

В пределе человек сам становится вещью. А то и придатком к вещам, оседлывающим его.

Вещи (предметный мир) могут погубить и спасти. Спасти они могут лишь если отчуждение будет снято. А снято оно будет лишь когда опредмечивание (создание предметного мира) будет сочетаться с распредмечиванием (возвращением сотворенного предметного мира человеку). Такое сопряжение опредмечивания с распредмечиванием как раз и является отменой труда, его превращением в творчество.

Творчество предполагает возвращение творящему того, что вложено в Творение. И неважно, что именно вложено. Рабочий вложил труд? Верните вложенное, не отчуждайте созданное трудом. Не отчуждайте никаким образом. Не только прямым (через прибавочную стоимость), но и косвенным. Любая новизна во внешнем мире, материализованная в предмете, созданном человеком, должна вернуться в человека, меняя его внутренний мир, интеллектуально и духовно обогащая создателя новизны.

Человек, создав предмет, должен иметь возможность увидеть себя в созданном и, постигая себя через творчество, соединить внешнее (мир) и внутреннее (себя). Нельзя оторвать возможность опредмечивания (создания нового во внешней по отношению к человеку среде) от возможности распредмечивать. То есть нельзя не возвращать человеку, его творящей сущности, порожденное опредмечиванием новое знание о мире в виде нового знания о себе.

Нельзя разбить зеркало, в котором человек, увидев творчески преобразуемый мир, должен увидеть и себя как преобразуемое одновременно и соответственно миру. Нельзя, чтобы порожденное вовне творческим духом не возвращалось самому же этому духу в виде возрастания его, духа этого, творческой самости.

Вполне уместен вопрос: «Почему нельзя? Что значит нельзя?» И так далее. В самом деле, отчуждение столь же почтенно

по возрасту, как и само человечество. Или почти столь же почтенно. Но и поправка на «почти», вычитающая из эпохи отчуждения время первобытного рая (первобытного коммунизма по Марксу) ничего особенно не меняет.

Наверное, когда полузверь изготовил первые орудия и оказал первые воздействия на окружающую среду, отчуждения еще не было. Ибо по сути нечего было отчуждать. Но, как только он преуспел и опредметил достаточно для накопления разного рода излишков, сформировавших минимально дооформленного человека на месте проточеловека, началось и это самое отчуждение.

Так почему бы этому самому отчуждению не возобладать окончательно? В своем описании ужасов капиталистического отчуждения Маркс превзошел самых радикальных и далекоидущих романтиков. Того же Гейне, например. Чего стоит хотя бы «Коммунистический манифест».

А обсуждение того, за сколько процентов прибыли капиталист продаст родного отца? Обсуждая это, Маркс поднимает тему, которую потом разрабатывает человек, соединивший марксизм и фрейдизм, – Эрих Фромм.

Для Фромма (а я убежден, что и для Маркса тоже) нет разницы между процентами прибыли, за которые капиталист продаст родного отца, и продажей первородства за чечевичную похлебку. Капитализм для Фромма, Маркса и очень многих других – это не очередной этап истории. Это ее финал. Мрак перед рассветом, почти окончательная смыслооставленность, время отчаяния и гибели. Но в отличие от тех, кто понимает финал как фиаско, Маркс и его сторонники твердо придерживаются эсхатологического подхода, согласно которому накопление энергии на отрицательном полюсе приведет к тому, что из альтернативного энергетического сгустка, накапливающегося на положительном полюсе, ударит очистительная молния.

Однако, во-первых, кто сказал, что она ударит? Маркс доказывает ее неизбежность или он в эту неизбежность верит также, как Иоанн Богослов? И, во-вторых, почему бы молнии не «долбануть» в обратном направлении? Почему она не может быть отрицательной, уничтожающей творческую сущность во имя торжества отчуждения? Ведь, по сути, фашизм и был такой, отрицательной, метафизической молнией.

Почему бы... Почему бы... Почему.. К чему адресуют всегда подобные «почему»? К неявной аксиоматике, заложенной в любую теорию. Если, конечно, это всего лишь теория. В XIX веке, да и в XX тоже, теория считалась венцом научного знания, да и знания как такового.

Понадобился Гёдель, критика теоретического знания с позиций, завоеванных самим же этим теоретическим знанием (а не с позиций веры), чтобы почитание теорий вошло в определенные рамки, чтобы обнаружилась парадигмальная, культурная и иная (метафизическая в том числе) обусловленность теоретического вообще.

И тогда выяснилось, что во всех теориях есть эта самая неявная аксиоматика, адресующая к мыслимому и немислимому. Для любого, самого крупного ученого грань между мыслимым и немислимым носит абсолютно неснимаемый характер. Но гений – это тот, кто переступает грань. Подвергает ревизии все, включая неявную аксиоматику, и идет до конца. Нет гениев без метафизики. Если встать на позицию постмодернистов, утверждающих невозможность в XXI веке метафизики по причине отсутствия подлинности как ее предпосылки, то и гениев в XXI веке (да и в последующем) быть не должно.

Короче – Маркс переступает грань и испытует свой (да и всеобщий) принцип противоречий. Философ любой школы – хоть строгий постриг прими, хоть йогом стань, хоть даосским монахом – все равно, оставшись философом, не может не понимать, что для любого движения нужно противоречие. И что развитие – это тип движения, которому противоречие особо необходимо. Философ, ушедший в ту или иную мистику и не до конца забывший о философии, может начать этот императив противоречия лукаво отрицать. Но все, что в нем осталось от философии, будет ему нашептывать: «Пожалуйста, не лукавь!»

Маркс в мистику не ушел. Он не зашоренный теоретик, а гений. И он, конечно, не может не спросить себя о том, какое противоречие будет двигателем человечества и источником развития после победы коммунизма и снятия отчуждения.

Бобики из числа советских аппаратных партийных начетчиков могут бормотать что-то о том, что двигателем будет противоречие между хорошим и лучшим. Они могут... Маркс – нет.

Как ученый, как гениальный мыслитель, как человек своей культуры и своего времени, он должен (во сне или наяву) спросить себя о том, какова динамика по ту сторону задаваемой им коммунистической эсхатологической перспективы. Как альтер-эго Гегеля, он не может не понимать, что его философский ближайший сосед (и непримиримый антагонист) свой ответ дал. И этот ответ в том, что динамики не будет, потому что не будет противоречия (сравни – «Времени больше не будет»). Маркс понимает, что это блистательный и совершенно для него неприемлемый ответ. Но он мыслитель. Он не может проклинать такой ответ, ощущая всю меру его убедительности и не имея другого ответа, своего. Он его страстно ищет. Чем он хуже (проще, грубее) Гегеля?

Гегелю можно черпать средства из метафизики прошлого, в том числе восточной (индийской), а Марксу – нет? Совершенно не нужно свято верить в Тору для того, чтобы точить на ней, как на оселке, мысль свою, свою неявную аксиоматику, свой светский метафизический пафос. «Движение после» испытывается «движением до».

Интерес Маркса к этому вопросу не имеет никакого отношения к личной религиозности или попыткам внести эту религиозность в свою теорию. Точнее – интеллектуальную систему. Чего нет – того нет. А вот что есть (и чего не может не быть) – это интерес к истории человеческой мысли. Маркс как бы испытует себя, поверяет себя Историей:

«А ну-ка посмотрим, как мыслители, жившие до меня, имевшие совсем другие представления и подходы ко всему на свете, отвечали на мучающий меня вопрос! Ну, хотя бы и раввины какие-нибудь! Отбросим то, что нас разделяет! Они верили в Бога, а для меня эта вера архаична и мракобесна! Но ведь умные люди были! И как же эти умные люди объясняли мотивы почитаемого ими Бога-творца? Ведь если он начал творчество, то имело место какое-то противоречие!»

Ах, они, раввины эти, не философы, в отличие от меня? Но они же умные и тонкие люди! Они не читали греков? Во-первых, читали... Во-вторых, Маймонида-то они читали? Они не так амбициозны, чтобы познавать Творца? Всегда найдется один амбициозный на сто неамбициозных! Он-то что думает? Это называется Каббала? А хоть Каббала, хоть что-то другое. Я не верю в их картину мира и их результаты! Меня интересует ход мысли! Ход мысли тех, кто мучился над

тем же, над чем мучаюсь я! Когда угодно мучился – хоть в Древнем Египте, хоть в Средние века! Я мыслитель, и я верю в историю! Если я верю в историю и являюсь мыслителем, я не могу пройти мимо истории той мысли, которая меня волнует! Я не верю в предельные ответы, полученные Гегелем! Но он хоть какие-то предельные ответы получил! А я? Не обязательно публиковать эти ответы, но их надо иметь хотя бы для самого себя. А также – чтобы развивать теорию, опираясь на что-то!»

Маркс не может не обращаться к предшественникам с тем, чтобы почерпнуть нечто для своей... теории, системы – неважно! Важно, что, как и любой мыслитель, Маркс черпать будет из разных, в том числе и совсем несозвучных ему, источников.

Маркс не может также не оглядываться на современников. Как тех, кто ему созвучен, так и тех, кто ему категорически оппонирует.

И, наконец, он не может не выяснять отношения с тем, что берет за исходную точку в своем интеллектуальном поиске. С учителями? У людей масштаба Маркса в каком-то смысле не бывает учителей. Но без отправной точки обойтись невозможно. Чем дальше от нее уходишь, тем чаще оглядываешься назад и тем острее с этим, исходным, полемизируешь.

Маркс понимает, что убить его «дитя», порожденную им и живущую уже отдельно от него интеллектуальную сущность, может только Гегель. Все остальное в его понимании опасности не представляет. А это – представляет. И будет представлять до тех пор, пока у его послания, призванного завоевывать и преобразовывать мир, не будет того, что есть у Гегеля, – эзотерики. Внутреннего ядра, которым теория тоже обладает (неявная аксиоматика – это и есть внутреннее ядро теории), но которое для интеллектуальной системы, претендующей на большее, чем теория, уже совсем обязательно.

Маркс – ученый XIX века. Афишировать то, что его система – это не теория, а нечто большее, он не может. Потому что для его века нет ничего выше теории. Но самоощущение у Маркса уж совсем не теоретическое, хотя говорить он будет именно о передовой теории, завоевывающей мир. Каждый мыслитель этого уровня на что-то неявным образом молится.

Гегель молится на понятие.

Маркс – на практику. Мыслитель не может молиться на практику и создавать всего лишь теорию.

«Философы лишь различными способами *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы его *изменить*». Параллельно с Марксом Дильтей скажет по сути нечто «скелетно сходное». Мол, ученые слишком долго объясняли мир, тогда как все дело в том, чтобы не объяснять его, а понимать.

Не объяснять, а... Вот что объединяет Маркса с Дильтеем. Все остальное разъединяет. А это объединяет. Не объяснять, а преобразовывать, говорит Маркс... Не объяснять, а понимать, говорит Дильтей... Но в любом случае – не только объяснять. То есть сделать шаг в сторону от того, на что опирается объяснение. От мышления с помощью понятий и только понятий. Маркс понимает, что источник отчуждения – понятие, шире – понятийное мышление как таковое, что оно будет воспроизводить повреждение, от которого он стремится спасти человека и человечество.

Вовсе не хочу преувеличивать масштаб амбиций Маркса. Он был человеком своей эпохи и в качестве такового боролся с чем-то реальным, а не с ветряными мельницами. Реальным для его эпохи было погружение рабочего в то, что вполне можно было бы назвать социальным адом. В нищету, выматывающий сверхнапряженный труд, чудовищную систему социальной дискриминации. Причем для подавляющего большинства тех, кто не был помещен в этот реальный ад, наличие одного было естественным. «Да, что поделаешь, таков порядок вещей!»

Ну, и что, что порядок таков! Сначала изучим этот порядок, потом изменим! Восстанем и против порядка, который нас не устраивает, и против того, что метафизически порядок этот, так сказать, обеспечивает. А что его обеспечивает?

Глава VIII. Восстание против ада

В каком-то смысле, ненавистный Марксу и его последователям порядок обеспечивает – и метафизически, и социально – ад. Маркс восстал против порядка вещей, нашел внутри него то, что, как ему казалось, может этот порядок действительно изменить. Что будет после того, как осуществятся благие изменения? Маркс не мог вообще не задумываться об этом, что-то писал по этому поводу. Но не осмысление посттрансформационных благих перспектив было для него главным, а осуществление трансформаций, избавляющих от зла, которое вполне правомочно было в его эпоху называть адом. Луи Арагон не зря написал нижеследующие строки:

Да, существует ад! И в нем живут миллионы.

Да, существует ад! Его свидетель ты.

Ад – это труженик коленопреклоненный,

Смиранные черты, запретные мечты.

О, дети черствые! Вы об одном мечтали –

Беспечно загорать в своем цветном раю,

А ваш народ меж тем бесчестно убивали

Под флагом голода, в измученном краю...

Ведь не он один так писал! Это было способом мыслить и чувствовать, свойственным определенной эпохе, уже более мягкой, нежели эпоха, когда жил Маркс, на которого этот самый социальный ад дышал неслыханным и именно inferнальным злом.

На него дышал, а на нас?

В конце 80-х меня первый раз выпустили в страну западного мира. Страна называлась Великобритания. Было очень интересно все... Например, что советская перестроечная надпись на рекламе автомобилей «Хонда»: «Это – будущее сегодня!» – имела в английском варианте совершенно другой смысл. На правой части рекламного щита было написано future (в

будущем), на левой – today (сегодня). А дальше без всякой идеологии перечислялись параметры нынешних и будущих моделей покупаемой машины.

Но больше всего меня поразили лежавшие на улицах унизительно неопрятные люди. Я понял, что это часть культуры, что эти люди должны лежать на Трафальгар-сквер или Пикадилли. И что проходящие мимо должны радоваться, что они не эти люди, а эти люди не они. И почему-то вспомнились стихи Луи Арагона, те самые, которые я только что процитировал.

Социальный ад – это не поэтическая метафора. Это вызов, на который так или иначе надо отвечать. Либо вам нравится, что рядом с вами воют и корчатся ваши ближние, которые отчуждены не от яхт и вилл, а от того, без чего они в принципе не могут осуществлять человеческое предназначение... Либо, повторяю, вам это нравится, либо не нравится. Можно, конечно, сказать, что вам это просто безразлично. Но, как мы помним, если «ты ни холоден, ни горяч»...

Нет, дело не в том, что кто-то безразличен. Дело в том, что есть культура, в которой вопли из социального ада ласкают слух слаще Моцарта...

Было понятно, что стихи Арагона – это одно представление о должном, а унизительно неопрятные люди на тротуарах – это другое представление о должном. Но это именно представление о должном! Я не буду редуцировать это представление, например, к протестантизму как целому. Но, честно говоря, глубокое вчитывание в дантовские строки об аде, констатирующие, что (а) Зодчий был вдохновлен правдой, высшей силой, полнотой всезнания да еще и первую любовью и (б) ад пребудет с Вечностью наравне, вызывает у меня лично (при всей гениальности строк) очень сложные чувства. А у тебя, читатель?

Ты вправе, конечно, возразить мне, указав на то, что мое исследование посвящено не аду и его метаисторической судьбе, а развитию. И что чрезмерное внимание к частной, изолированно-отвлеченной религиозной проблематике в чем-то ущемляет прерогативы светской части читательской аудитории.

Но мы с тобой, читатель, худо-бедно договорились о том, что светская метафизика не только возможна, но и необходима.

Договорились мы и о том, что только определенная светская метафизика (равно как и метафизика вообще) может быть основой отношения к развитию как к благу.

И о том, что истоки светской метафизики следует искать на религиозной смысловой территории, мы тоже договорились.

Мы вроде бы договорились еще и о том, что накаленность любви к развитию достигает максимума в красной историофильской (в первом приближении – хилиастической) метафизике. А накаленность ненависти к развитию достигает максимума в черной историофобской (в первом приближении – гностической) метафизике.

Договорившись обо всем этом, мы не можем ссылками на свою светскость оправдывать отказ от углубления в религиозные традиции. Ибо светскость-то наша метафизическая, то есть уходящая корнями в тотально религиозное прошлое. Кроме того, если часть читательской аудитории вне религий, то другая часть – внутри оных. И интерес, согласись, читатель, представляет только то, что эти две части объединяет, то есть метафизика. Светская ли, религиозная ли, но метафизика.

Мы видим, что метафизика светская (красная, марксистская, неомарксистская, левая, коммунистическая etc.) в разных своих модификациях равно тяготеет к тому, чтобы использовать ад как минимум в виде фундаментальной идеологической метафоры. Проводя зачастую весьма далеко идущие параллели: «Мы, как Христос, выведем народ наш из ада». Это свойственно не только латиноамериканским левым. Там это оформлено в особую теологию – теологию освобождения. Но то же самое продекларировано и европейскими левыми. Приведенный мною пример с Луи Арагоном тут лишь один из возможных.

А наши отечественные традиции? Те, в которых революционер, как мы помним, изображается (на картинах передвижников, и не только) как Христос, беседующий с жандармом Пилатом, и т.д.?

В любом случае – даже очень радикальный революционер, апеллирующий к левой традиции, считает своим врагом ад, а не Бога. И отнюдь не солидаризируется с властелином ада. В силу чего называть этих революционеров «сатанистами» очень странно. Но это ремарка по ходу дела. Главное же в том, что фундаментальное значение метафоры ада (только ли метафоры?) для определенной светской метафизики неоспоримо. Без рассмотрения этой метафизики разговор о судьбах развития если не бессмыслен, то неполон.

А раз так, то надо нам хотя бы в финальной части исследования попытаться рассмотреть «судьбу развития» и «судьбу ада» как две связанные между собою проблемы. Конечно, связи между этими двумя проблемами очень тонкие, опосредованные, неявные. Но они есть. Да, «судьба ада» – проблема метаисторическая. Но мы ведь и судьбу развития рассматривали под метаисторическим углом зрения, говоря о восхождении из Рая на третье или седьмое небо.

Почему бы сейчас, на завершающем, подчеркну еще раз, этапе исследования, не заняться метаисторическим сопряжением двух проблем? Согласись, читатель, это сопряжение может что-то приоткрыть в главном из того, что нас интересует. Конечно, если можно его осуществить в избранном нами диалоговом, то есть не оторванном от современности и политики, ключе. Что уже удалось нам сделать по отношению к другим вопросам, благодаря А.Лоргусу и П.Гайденко.

Но существует ли такая возможность, коль скоро речь идет о столь абстрактном вопросе, как метаисторическая судьба ада, то есть о так называемом апокатастасисе? Да, существует. И я, надеясь на определенный исследовательский результат, позволю себе воспользоваться этой возможностью. В данном случае речь идет о возможности вести особый – позволяющий доуточнить исследуемое – диалог с А. Кураевым. В этом (да и в других) «диалоге на понимание» я хотел бы избежать прямой полемики. Тем более, что вопрос уж слишком изощрен и абстрактен.

Кроме того, мне весьма созвучны (созвучны, а не чужды!) мысли А.Кураева по поводу развития. Равно как и его готовность обсуждать сложную проблематику. В самом деле, никто, кроме А.Кураева, не рискует соотносить (пусть и достаточно косвенно) в публичных, а не кулуарных дискуссиях проблематику развития с проблемой апокатастасиса. Как тут не выразить благодарности по поводу столь редкого сегодня желания идти на глубину, рисковать интеллектуально и политически.

Повторяю – я с большим интересом прочел работы диакона Андрея Кураева, посвященные проблемам развития.

Во-первых, я считаю в принципе крайне важным, чтобы проблема развития обсуждалась как можно шире и на разных уровнях. Особо важно – если мы хотим уйти от роли ведомых кем-то неизвестно куда, – чтобы проблема развития обсуждалась на метафизическом уровне, что сегодня, увы, скорее всего будет происходить не в светской среде.

Хотелось бы, чтобы и светская метафизика вошла в свои права. Но пусть войдет хоть какая-то. Все, что сказано Андреем Кураевым в его работах «Может ли православный быть эволюционистом?», я воспринял «с чувством глубокого облегчения». Ибо, конечно, хочется, чтобы у развития было побольше сторонников.

Но и наличие оппонентов – это не зло, а благо. Только в дискуссиях по этим вопросам может быть обнаружен тот предельный смысл развития, который, я абсолютно убежден, невероятно важен для современного российского общества.

Так что наличие позиции отца Лоргуса тоже очень важно. И очень не хотелось бы, чтобы эта позиция была растворена в уклончивостях (мол, признаем развитие, но такое-то и при таких-то оговорках). Хватает у интеллектуала мужества сказать «не признаю» и обосновать почему, ему за это надо высказать искреннее спасибо.

Но если бы позиция Андрея Лоргуса была главенствующей, то интеллектуальное уважение к ее жесткости сочеталось бы у меня с политической тревогой за институт Церкви. Работы Андрея Кураева доказывают, что это не так. Во всем не так, включая отношение к стихам А.К.Толстого. Отсюда – чувство глубокого политического облегчения.

Оно еще усиливается, когда А. Кураев предлагает жить не в пику советской власти, но *«исходя из наших собственных, внутренних мотивов и ценностей»*.

Есть один принципиальный пункт, в котором я расхожусь с Андреем Кураевым. Он говорит, что в Библии теогонии нет. Я бы не стал на его месте утверждать это с такой категоричностью. Теогонии в языческом смысле, конечно, нет. Но ведь теогония теогонии рознь. Кураев пишет: *«...в Библии теогонии нет. "В начале создал Бог". Гадания о том, что было прежде этого нашего "начала" бессмысленны. В иудейской традиции обращалось внимание на то, что написание буквы "бейт", с которой начинается слово "Берешит" (а значит, и вся Библия), представляет собой квадратную скобку, открытую в сторону продолжающегося чтения текста и закрытую в противоположную. Начертание буквы отгораживает пространство текста с трех сторон: от того, что сверху, что выше нашего понимания, от того, что снизу, то есть не достигает уровня нашего восприятия, ниже порогового уровня его, и от того, что было до. Отсюда выводится мысль о том, что исследованию может подлежать лишь то, что сообщается в дальнейшем тексте, но не нечто предшествующее или запредельное»*.

Андрей Кураев – очень образованный человек. И он не может не знать, что адресация к «Берешит» никак не может быть исчерпана тем, на что он указывает.

Он наверняка знает традицию «Алеф», в которой указано, что факт написания Торы, начиная со второй, а не с первой буквы алфавита, означает наличие других священных текстов, в которых и говорится о том, что было до Берешит. Он наверняка знает и эти тексты, и образы (или символы) которыми они оперируют, например общеизвестные клипы (клипот), являющиеся прямым указанием на наличие того, что было до Берешит, до Творения «нашего начала», как говорит А. Кураев. Да, есть и традиция, в которой не рекомендуется этим заниматься. Но есть и другая, вполне внутрииудейская традиция, о которой А.Кураев, я думаю, осведомлен ничуть не хуже меня.

Еще важнее то, что в самом библейском тексте есть нечто, адресующее именно к наличию чего-то, существующего прежде «нашего начала» (по выражению А.Кураева). Об этом «что-то» говорится «и тьма над бездною». Тьма над Бездной – это «что-то», по преимуществу трактуемое как первоначальное, предвечное. В связи с особой важностью этой темы я просто не могу не возразить А.Кураеву, подчеркивая, что мое возражение относится не ко всему вообще, что А.Кураев сказал в своих статьях о развитии. Но зато оно имеет прямое отношение к тому, что я обсуждаю в связи с метафизикой развития вообще и метафизикой Маркса в частности.

Тьма над Бездной – это не хаос, к которому апеллирует в своих построениях А.Кураев. Хаос – это у греков. А Тьма... В любом случае – по поводу Тьмы есть разные точки зрения, я думаю, хорошо известные Андрею Кураеву.

Что касается веры науки в изохронизм и изоморфизм Вселенной, о которой говорит А.Кураев, то ее нет и в помине. Не буду загружать текст доказательствами. Пусть А.Кураев в этом вопросе поверит мне на слово. Последним из тех, кто еще брал изохронизм и изоморфизм в качестве опорного утверждения, был бесконечно уважаемый мной Лев Давыдович Ландау. Но и он, скорее, играл в подобную аксиоматичность, чем верил в нее. Теперь же мы все знаем, что Вселенная неизохронна и неизоморфна.

Насчет того, что нет в Библии войны Бога с хаосом... Как мне кажется, это верно лишь отчасти. Войны с хаосом нет, ибо хаоса нет. Только что (в соседней статье на тему об эволюции) А. Кураев утверждал, что хаос есть... А что с ним Богу делать-то, как к нему относиться? Но, на самом деле, как мне представляется, хаоса в Библии нет, а Тьма – есть. И каковы ее отношения с Богом – вопрос непростой.

Если Творение – это развитие, то развитию нужно противоречие. Это может быть либо внутренняя противоречивость Творца (что, согласитесь, не вполне монотеистично), либо противоречие между Творцом и Тьмой. На что-то подобное, разумеется, иначе называемое (или мысленно произносимое), и вышел Маркс в своей борьбе с Гегелем, сделавшим конечную метафизическую ставку на Покой, Слияние, Нирвану.

Завершая свое (крайне позитивное) рассмотрение исследований развития, предпринятых А.Кураевым, я всячески хочу поддержать его тезис: *«открыто идти на конфликт с научными мнениями стало возможно только в нашей ситуации fin du siecle»*.

Подлежит ли спасению Космос или человек? Это открытый вопрос. А.Кураев считает, что только человек. Могу повторить то (умное и корректное), что А.Кураев сказал о позиции отца Серафима (Роуза), который не так толерантен к развитию, как А.Кураев: *«Это не единственная позиция, которой имеет право придерживаться православный человек»*.

И уж совсем близко мне то, что, обсуждая отсутствие необходимости единства в понимании ряда вопросов, говорит А.Кураев по поводу ТЕОЛОГУМЕНА. То есть мнения отцов церкви, к которому православный может присоединяться или

же не присоединяться, коли есть на этот счет другое мнение других отцов церкви.

Но почему тогда А. Кураев так категоричен при обсуждении теологумена, не имеющего прямого отношения к теме развития, но очень важного для обсуждения метафизики оното?

Я имею в виду апокатастасис, о котором очень проникновенно сказано у Владимира Соловьева в книге «Оправдание добра»:

«...Для того, чтобы достигнуть своей высшей цели или проявить свое безусловное значение, существо должно прежде всего **быть**, затем оно должно быть **живым**, потом – быть сознательным, далее – быть **разумным** и, наконец, – уже **совершенным**. Дефективные понятия небытия, безжизненности, бессознательности и неразумности логически несовместимы с понятием совершенства. Конкретное воплощение каждой из положительных степеней существования и образует действительные царства вселенной, так что и низшие входят в нравственный порядок как необходимые условия его осуществления.

Но этим инструментальным отношением (явная, данная в опыте) мировая связь не исчерпывается: низшие типы сами тяготеют к высшим, стремятся их достигнуть, имея в них как бы свой предел и свою цель, в чем также обнаруживается целесообразный характер всего процесса (самое наглядное проявление этого стремления есть (...) уже указанный факт человекообразности обезьяны).

Наконец, положительная связь постепенных царств в том, что каждый тип (и чем далее, тем полнее) обнимает собою или включает в себя низшие, так что мировой процесс не есть только процесс развития и совершенствования, но и **процесс собирания вселенной**.

Растения физиологически вбирают в себя окружающую среду (неорганические вещества и физические воздействия, благодаря которым они питаются и растут); животные сверх того, что питаются растениями, и психологически вбирают в себя (в свое сознание) уже более широкий круг соотносящихся с ними, через ощущения, явлений; человек, кроме того, разумом включает в себя и отдаленные, непосредственно не ощущаемые круги бытия, он может (на высокой степени развития) обнять все в одном или понять смысл всего; наконец, богочеловек, или суций разум (Логос), не отвлеченно только понимает, а в действительности осуществляет смысл всего, или совершенный нравственный порядок, обнимая и связывая все живую личную силой любви. Высшая задача человека как такого (чистого человека) и чисто человеческой сферы бытия состоит в том, чтобы **собирать вселенную в идее**, задача богочеловека и Царства Божия состоит в том, чтобы **собирать вселенную в действительности**.

И как растительная жизнь не упраздняет неорганического мира, а только указывает ему его низшее, подчиненное место, как то же мы видим и на дальнейших ступенях всемирного процесса, точно так же и в конце его Царство Божие своим явлением не упраздняет низших типов бытия, а ставит их все на должное место, но уже не как особенные сферы бытия, а как неразрывно соединенные безусловною внутреннею солидарностью и взаимодействием духовно-физические органы собранной вселенной.

Вот почему Царство Божие есть то же, что действительность безусловного нравственного порядка, или – что то же – всеобщее воскресение и восстановление всяческих (αποκατάστασις τῶν πάντων). ((αποκατάστασις τῶν πάντων) – всеобщее (полное) спасение (греч.)).

Я понимаю, что вообще полное спасение, то есть апокатастасис (неизбежное спасение, просветление и соединение с Богом всех, включая дьявола), – это одна из главных идей Оригена.

Я знаю про Константинопольский собор 543 года, осудивший апокатастасис Оригена.

Я знаю и о подтверждении этого анафематствования V Вселенским Собором. Император Юстиниан предложил анафематствовать Оригена следующим образом: «Если кто говорит, что наказание демонов и нечестивых – временное и будет иметь после некоего срока свой конец, то есть что будет восстановление (αποκατάστασις) демонов и нечистых людей, – анафема».

Знаю и об Архиерейском соборе 1935 года, проходившем под председательством Заместителя Патриаршего местоблюстителя митрополита (впоследствии – патриарха) Сергия (Страгородского) и посвященном учению протоиерея Сергия Булгакова. Знаю, что было сказано: «Нельзя забывать, что диавол уже не может обратиться, а равно и все ему всецело предавшиеся. Значит, рядом с "градом Божиим" и "вне" его (Апок 22:15) навеки останется область отвержения, "смерть вторая" (Апок 21:8). Откровение не знает апокатастасиса всей твари, а лишь обожение тех, кто будет со Христом. "Бог будет все" лишь в "сынах Царствия", все во всех, чья воля сознательно отождествилась с волей Божией».

Все это я знаю. А еще я знаю, что пришедший в гости человек не должен поучать хозяина. Вот это я знаю точно. Решать, что делать с апокатастасисом, должна Церковь и только Церковь.

Решать, что делать с Мавзолеем, должен народ, который в большинстве своем не воцерковлен и для которого мнение церкви – это одно из мнений. Начиная продавливать те или иные политические решения, церковь выходит за рамки своих абсолютных прерогатив. И тут ей можно и должно оппонировать достаточно твердо, хотя и в этом случае деликатность абсолютно необходима.

Необходимость деликатности проблематична только когда представитель церкви проявляет фантастическую социально-политическую бестактность. Сказал, например, член Синодальной комиссии по канонизации святых, профессор Санкт-Петербургских Духовных школ протоиерей Георгий Митрофанов: «В годы Второй мировой войны немецкие оккупационные власти открыли на территории СССР около 9 тысяч храмов, а Сталин на территории, не подвергшейся оккупации, допустил открытие лишь 716 храмов».

А есть апокатастасис, нет его... Пусть решает церковь, она и только она. Приведенных данных достаточно для того, чтобы сказать, что Церковь – влиятельный для части наших сограждан Институт под названием РПЦ – склоняется к тому, что апокатастасиса нет. Я, в отличие от этих сограждан, к Институту не принадлежу. И не могу сказать, что в качестве светского религиоведа помираю от желания реабилитировать апокатастасис. Ибо куда ни кинь, все клин. Оставил ад (да еще и навеки,

ибо как-никак – Второе пришествие и все разделено на спасшихся и погибших) – плохо. Часть человечества гимны поет, ликует, а где-то поблизости от этой части – вой, муки... Можно ли ликовать под аккомпанемент этого воя? Согласитесь, у такой метафизической перспективы есть социально-политический эквивалент. Да и вообще... Что испытываешь ты, читатель, внимательно читая великие строки Данте:

*Я увожу к отверженным селеньям,
Я увожу сквозь вековечный стон,
Я увожу к погибшим поколениям.
Был правдою мой зодчий вдохновен:
Я высшей силой, полнотой всезнанья
И первую любовью сотворен.
Древней меня лишь вечные созданья,
И с вечностью пребуду наравне.
Входящие, оставьте уповань.*

Думаю, вдумчивое прочтение этих строк не может не породить экзистенциальной вопросительности. Впрочем, серьезная метафизика всегда подобную вопросительность порождает. Что же касается альтернативы, спасения всех, включая inferнальные силы, то... Тут, согласитесь, тоже для вопросительности есть место. Вы хотите, чтобы Гитлер и сиротский дом Януша Корчака одинаково спаслись, пусть даже и после Второго пришествия?

Не я задаю такой причудливый вопрос первым. Его уже задал Достоевский устами Ивана Карамазова. Читатель наверняка помнит, что именно сказал Иван по этому поводу. Мол, свой билет почтительнейше возвращаю, не нужен мне такой сусальный финал... Ну, а как только читатель это вспомнил – пошло-поехало. Карамазов, черт, Великий Инквизитор...

Ну, вот... Мы перешли из пространства доктринальной метафизики, в котором все прерогативы – у церкви, у верующих, в пространство культуры. Человек может не исповедовать культ и быть абсолютно интегрирован в культуру, порожденную этим культом. Ну а дальше... Сделал шаг – делай следующий. Из культуры – в политику.

Кто только не говорил о социальном аде и революционере как герое, повторяющем известный подвиг, предполагающий сошествие во ад и избавление страждущих.

И в светских кругах, и в кругах социально ориентированных верующих этот образ был и продолжает быть осевым. Для этого совсем не нужно быть марксистом... Но можно и быть марксистом, и использовать этот осевой образ. Луи Арагон, как мы видели, использует этот образ. Близость Арагона к французской компартии и в целом левому (именно накаленно-левому) европейскому движению очевидна.

Но не менее очевидна и специфическая метафизичность Арагона, в которой адресация к аду как социальному явлению соседствует с совсем другими адресациями. Не хочу отвлекаться на частности. Замечу лишь, что арагоновские адресации в целом (к социальному аду, трубадурам, рыцарству, поклоняющемуся Даме, и так далее) носят не только творческо-личный характер. Они говорят и о сопричастности сообществу, имеющему давнюю метафизическую традицию. И одновременно готовому к восприятию светского красного метафизического начала.

Так обстоит дело с не чуждым коммунизму и марксизму писателем.

Но Виктор Гюго уж никак не был марксистом. И ни в какие «красные» структуры не входил. Однако его «Отверженные» – это фактическая апелляция к тому же самому, к чему апеллирует Арагон. Примеров – множество. Когда итальянский писатель Карло Леви называет свой роман «Христос остановился в Эболи», он разве не разрабатывает метафору социального ада? Уже говорил о том, что респектабельная в целом «теология освобождения» работает опять же с этой метафорой. Но гораздо менее респектабельная (и несоизмеримо более жесткая) «теология революции» тоже работает с аналогичной метафорой.

А потому сводить даже теологию революции к бунту против Бога некорректно. Подчеркну еще раз – даже теологи революции атакуют НЕ БОГА, а АД. Да, такое разграничение носит рискованный характер. Но я ведь не рекомендую его, например, российским верующим... Я просто рассматриваю все слагаемые исследуемого феномена.

Что касается рекомендаций, то не мое дело давать их кому-либо. Я разбираюсь сам с некоей, весьма запутанной (но нужной нашему сильно подзалетевшему на чечевичной похлебке обществу) проблематикой. И все.

Я всего-то намерен попытаться выявить с помощью краткого и потому рискованного рассмотрения проблемы апокатастасиса нечто, не выявляемое при любом ином рассмотрении. И мой (как все видят, совершенно неконфронтационный) диалог с православным интеллектуалом диаконом Андреем Кураевым является именно средством подобного выявления.

Диалог с ним уже помог мне постольку, поскольку именно «с подачи» Кураева возникла тема Алеф и Бет (Берешит). Мне кажется, что нежелание диакона Андрея Кураева обсуждать тему Алеф при очень активном и доброжелательном обсуждении темы Бет не случайно.

Если бы Андрей Вячеславович не был человеком глубоким и знающим, то можно было бы предположить, что он не в курсе. Но по отношению к данному интеллектуалу я отвергаю такое предположение как недостойное. Гораздо легче допустить, что он не хочет обсуждать определенную проблематику с аудиторией, чей уровень не соответствует подобному обсуждению.

Но, начав адресацию к Бет, Андрей Вячеславович уже заговорил не об иудаизме как таковом, а об аутентичной иудаистической эзотерике. Нельзя, как мне кажется, подымать тему и сразу же изымать из нее важнейшее. Или, точнее, можно-то все что угодно! Все что угодно можно обсуждать как угодно! Но – зачем?

В физике полупроводников есть понятие электрон и понятие «дырка». Любое изъятие – это дырка, то есть нечто, столь же существенное, как и вводимое в оборот содержание. А когда необязательное содержание вводится и тут же внутри него

рассверливается эта самая «дырка», то мы имеем дело с определенной неслучайной интеллектуальной схемой.

Не мое дело – дешифровать избыточно эту схему. Зачем? Я всего лишь указываю на наличие некой «дырки–1» под названием Алеф.

Право каждого мыслителя – делать такие дырки, которые ему представляются необходимыми. Но неотъемлемое право читателя – обнаруживать дырки. Иначе – зачем писать? Обнаруживать – не значит потирать руки и бормотать: «Ах ты, злодей! Она как ты это все рассверлил!» Обнаруживать – это значит обнаруживать, и не более того. Есть дырка под названием Алеф? Есть.

Ну, а теперь об этом самом апокатастасисе, предмете частном, специфическом и абсолютно подведомственном РПЦ. В том, что касается отношений между этим предметом и РПЦ, я готов положиться на мнение диакона Кураева. Правда, сам же Андрей Вячеславович говорит о теологуменах как норме отношений к недогматическим предметам, на которую должен ориентироваться православный человек. Не я, сторонний наблюдатель, а он говорит об этом! Апокатастасис – недогматический вопрос. С другой стороны, он (в терминологии того же А.Кураева) «осужден соборным разумом». С третьей... Все! Закрыли тему!

Внутрицерковный человек сказал, что для РПЦ этот вопрос – «не того». Скажет мне представитель иудаизма, что то-то и то-то является кошерным, я что? Полезу в бутылку и буду доказывать обратное? А зачем? Мне – что кошерное, что не кошерное. А те, кому это важно, пусть между собой разбираются.

Проблема возникает, только когда на интернет-форуме миссионерского портала диакона Андрея Кураева публикуется такое высказывание: *«Церковь всегда признавала вечность адских мук. Я, читая отцов церкви, в особенности Игнатия Брянчанинова, Иоанна Кронштадтского, Феофана Затворника, Силуана Афонского, Сергия Радонежского, Серафима Саровского, постоянно встречаю мысли, что адские муки вечны, и нигде (выделено мною. – С.К.) не видел ни единой мысли сомнения в этом».*

Это не высказывание Кураева! А поскольку интернет-форум имеет свои законы, согласно которым на каждый чих не наздравкаешься, то у меня нет никаких претензий типа того, что Андрей Кураев должен отвечать за каждое высказывание своих «форумчан». Конечно, данное высказывание Михаила Федорчука столь эксцентрично, что Кураев мог бы и ответить. Но мало ли какие эксцентрические высказывания можно найти на моем, например, форуме, и я на них не всегда отвечаю. Поэтому – одно из двух. Либо А. Кураев разделяет позицию своего «форумчанина», либо нет. Если он ее разделяет, то, оппонируя этой позиции, я оппонирую Кураеву. А если он ее не разделяет, то, оппонируя этой позиции, я оппонирую всего лишь некому Михаилу Федорчуку. Второй вариант меня устраивает не только не меньше, чем первый, но даже больше. Я АБСОЛЮТНО не рвусь быть оппонентом А. Кураева, поскольку солидарен с ним в главном вопросе – вопросе о развитии. Оппонирование вообще (а по тонким религиозным вопросам – тем более) для меня не более чем способ уточнить что-то, касающееся существенной для светского и религиозного человека метафизической проблематики.

Подчеркиваю – это лишь способ уточнить, а не способ выяснить отношения. Мне в силу этого все равно, кому оппонировать – самому Кураеву или его «форумчанину». Мне надо понять, в силу каких причин весьма далекая от политики проблема апокатастасиса включена в список политически значимых проблем. Еще важнее мне понять, к чему адресуют причины, в силу которых относительная политизация проблемы апокатастасиса возымела сегодня место в нашей стране.

Судить с ходу о созвучности мнения самого А. Кураева мнению М.Федорчука я не берусь. Хотя уверен, что при глубоком диссонансе этих двух мнений и сам М.Федорчук не стал бы писать на форум А. Кураева, и Кураев нашел бы способ отнестись к чуждой ему позиции. Эта моя уверенность подтверждается, например, прочтением конспекта лекции А.Кураева «О смерти». В котором есть нижеследующий фрагмент:

«А что касается вечных мук, то здесь есть некоторые сложности».

Когда, в принципе, говорится о некоторых сложностях? При том, что сложности всегда есть. И в вопросе о вечных муках, и в других религиозных вопросах. Андрей Кураев очень успешно пользуется при обсуждении богословских сюжетов бытовыми аналогиями. Мы еще увидим, как именно.

Я хочу заняться тем же самым. И спросить самого себя: когда я говорю о чем-либо, что есть, мол, некоторые сложности?

У меня, например, просит займы человек, которому я не доверяю. Но по каким-то причинам я не хочу ему прямо отказывать. Мало ли бывает таких причин... У нас общие знакомые есть и так далее. Ну, так вот – в таком случае я (и убежден, что не я один) говорю подобному человеку: «Вы знаете, тут есть некоторые сложности».

То есть у меня заготовлен отрицательный ответ на вопрос: «Дадите денег?», но я, отвечая вежливо, не говорю: «Не дам». Я говорю: «Тут, знаете ли, есть некоторые сложности».

Согласитесь, что никакого другого смысла у кураевской фразы, которую я только что процитировал, быть не может. Ибо другой смысл слишком банален. Любой религиозный вопрос сложен. То есть в нем есть некоторые сложности.

Заговорив о вечных муках, А.Кураев дальше начинает детализировать. То есть обсуждать не просто некоторые сложности, а разнокачественность этих самых сложностей.

Сначала он небезынтересно говорит о некоей «технической» сложности: *«Святые отцы не писали учебников по богословию. Каждая книга написана по конкретному поводу. Это учителя Церкви 1-го тысячелетия прежде всего. И есть только одна книга, дошедшая до нас из 1-го тысячелетия, которая является суммой богословия, энциклопедией богословских знаний, – книга Иоанна Дамаскина "Точное изложение православной веры". И интересно, что в оглавлении есть глава под названием "Рай" и нет главы "Ад"».*

То есть техническая сложность, по Кураеву, связана, прежде всего, с тем, что православные адом якобы не слишком интересуются. Видимо, для подобного утверждения есть определенные основания. Но, признав, что они есть, мы должны не восхититься, а исследовать вытекающие из этого плюсы и минусы. Политические в том числе.

Отсутствие интереса к аду – это отсутствие интереса к фундаментальному злу. Отсутствие, связанное в том числе и с тем, что зло, видимо (я все время говорю «видимо»), не считается фундаментальным. Но без интереса к злу нельзя изучать зло, а

значит и с ним бороться.

Россия в XX столетии претерпела от фашизма больше многих. И положила на алтарь борьбы с ним неслыханные жертвы. Но интереса к фашизму как фундаментальному злу не возникло. И в каком-то смысле он, сильнейшим образом модифицируясь и мимикрируя (ноу-хау всякого зла), взял реванш, разрушив СССР.

Видимо, православная церковь не сфокусирована до конца на зле, то есть враге и угрозах. А Ватикан – сфокусирован. Не хочу сказать, что в этом нет издержек. Но ведь и приобретения тоже есть. В первую очередь, подчеркну еще раз, тут следует говорить о приобретениях политических.

Однако «техническая сложность» (термин Кураева) не исчерпывает его же термина «некоторые сложности». Речь идет не только об отсутствии особого интереса к аду у православных (отсутствия фигуры масштаба Данте и так далее), но и о специфичности православного понимания ада. Это тоже некоторая сложность. Вот что о ней говорит А. Кураев:

«Я специально собирал у святых отцов рассуждения об аде. Самое известное из них – это слово преподобного Исаака Сирина в 7 в. Смысл его таков, он говорит, что никому не дозволена мысль, что грешники, находящиеся в аду, лишены Божией любви. Но эта любовь жжет их. – Он поясняет – ад, по моему рассуждению, есть невозможность больше любить».

Тут о чем говорится? О содержании наказания, то есть о том, В ЧЕМ оно состоит. А не о том, является ли оно вечным или нет. Но и вопрос о содержании наказания не так прост. Можно, конечно, попытаться свести ад и осуществляемые в нем наказания к изъятию неких желанных возможностей. Например, возможности любить. Но подобная редукция естественным образом порождает свои издержки. Чего именно нет? ВОЗМОЖНОСТИ любить («ад есть невозможность любить») или СПОСОБНОСТИ любить? Если нет способности любить, то в чем наказание? Кому-то, к примеру (вновь использую бытовые аналогии вслед за Кураевым), нечто не нужно. Ну, не знаю... алкоголь... женская любовь. И этому человеку говорят: «Мы тебя накажем самым страшным образом. Лишим алкоголя и слабого пола». А он про себя думает: «Да мне и не нужно все это... Ничего себе наказание!»

Значит, наказать (а ад – это наказание) невозможностью чего-то можно только тех, у кого есть повышенная потребность к тому, чего их лишают. Человек помирает по алкоголю или бабам. Тогда его должно (эффективно то есть) наказывать отсутствием возможности напиться или сожительствовать.

Но если у наказуемых в аду есть СПОСОБНОСТЬ любить (а только тогда их можно наказать НЕВОЗМОЖНОСТЬЮ РЕАЛИЗАЦИИ ИМЕЮЩЕЙСЯ СПОСОБНОСТИ), почему их навечно надо лишить возможности реализовать эту способность? Подобные вопросы возникают всегда, когда даются так называемые отрицательные ответы: мол, нечто (ад в том числе) есть всего лишь отсутствие чего-то. Кроме того, Исаак Сирин – это высокий религиозный авторитет, но не более. На каждый такой авторитет найдется авторитет такого же (или более высокого) ранга, говорящий что-то противоположное.

Сознавая это, Кураев начинает апеллировать уже не только к религиозным, но и к культурным авторитетам: *«Эти рассуждения Исаака Сирина отозвались потом в рассуждении старца Зосимы у Достоевского, который теми же словами рассуждает об аде».*

Но герои Достоевского очень по-разному рассуждают об аде! Свидригайлов говорит о «комнатке, этак вроде деревенской бани», в которой «по всем углам одни пауки, и вот и вся вечность!» Можно, конечно, сказать, что Зосима положительный герой, а Свидригайлов – отрицательный. Но окончательная положительность и окончательная отрицательность героев бывает только у плохих писателей. А Достоевский – гений (кстати, поглощенный проблемой ада ничуть не меньше, чем Данте).

Кроме того, у отрицательного героя есть интуиция ада. Так что суждение Свидригайлова тоже репрезентативно. Понимая условность апелляций к Достоевскому, А. Кураев возвращается к религиозным авторитетам: *«Григорий Богослов также говорит о мучениях совести, жжениях совести».*

Ну, и что, что он говорил об этом? Во-первых, наличие этого не исключает всего остального (в том числе и присутствующего у Данте). Во-вторых, наличие мук совести вряд ли может быть кем-то проблематизировано. Вопрос, скорее, в том, существуют ли только муки совести или другие муки наравне с данными. А в-третьих... в-третьих, муки совести – это в каком-то смысле раскаяние. Раскаяние немислимо без способности любить. Значит, обитатели ада наделены всем сразу: и этой способностью любить, и чувством раскаяния. А раз так, то возникают, повторяю, дополнительные проблемы по части вечности адских мук. Если есть раскаяние, то почему бы, в конечном счете, не позволить раскаяться? Если есть любовь, то почему бы, в конечном счете, не дать ей реализоваться?

Продолжим внимательное прочтение текста Кураева: *«Максим Исповедник, Иоанн Дамаскин – наиболее глубокие умы православных отцов – не увлекались идеей каких-нибудь клещей, пыток, огненных котлов со смолой и т.д. В православии не было своего Данте, который бы нарисовал такие картины и затем канонизировал бы их. Надо различать педагогические образы (на очень поздних фресках и иконах, начиная с 16 века) и богословие. И вот в богословии древними отцами понимается, что ад есть, прежде всего, мука совести».*

Что мне здесь непонятно?

Во-первых, почему наши «фрески и иконы, начиная с 16 века», надо называть «очень поздними». Тогда и поэма Данте – поздняя! Если бытие и сознание хоть как-то связаны, то влияние татаро-монгольского ига на наше бытие нельзя не учитывать. Какую бы шкалу времен кто-то ни изобретал, избежать в ней деление на раннее, среднее, позднее средневековье, преренессанс, ренессанс никому не удавалось. Когда Русь находилась под Ордой, на Западе развивались средневековые университеты. С этой точки зрения, 16 век в России – это 14 век на Западе. То есть тот самый век, когда писал Данте.

Во-вторых, почему вопрос о различиях между освоением проблемы ада в западном и восточном христианстве надо сводить к художественным формам, в которых это освоение происходило. Общеизвестно, что наибольшее влияние на разный подход к указанной проблематике оказало наличие чистилища в западной христианской религиозной традиции и отсутствие чистилища в православии. Почему-то А. Кураев вообще об этом не говорит. И из моих последующих разбирательств будет ясно почему.

Что же касается осмысления ада православием, то острота этого осмысления была большей, а не меньшей, чем в католицизме. И это не могло быть иначе. Потому что отсутствие чистилища делало разрыв между адом и раем еще более кардинальным. Со всеми вытекающими проблемами. Проблемами осмысления ада, в первую очередь.

В-третьих, почему степенью телесной выпуклости и материалистической прорисованности образов ада надо измерять глубину и остроту связанных с ним религиозных переживаний? Телесная выпуклость и материалистическая прорисованность – вообще свойство Ренессанса, к которому и относился Данте. О чем речь? О том, что классический западный Ренессанс и то, что его питало, отсутствовали в России? Но это называется ломиться в открытую дверь. Зачем вообще проводить корреляцию между формами освоения некоей религиозной проблемы и наличием или отсутствием этой проблемы в религиозном сознании?

И, наконец, о том, что ад для православия – это ПРЕЖДЕ ВСЕГО муки совести...

ПРЕЖДЕ ВСЕГО не значит ТОЛЬКО.

Кроме того, как я уже показал, акцент на муках совести лишь обостряет проблему того, почему такие муки должны быть вечными.

Но должны ли они быть вечными?

Вот в чем проблема апокатастасиса. Одни, говорящие, что должны, – против апокатастасиса. Другие, говорящие, что не должны, – за. Кураев – за или против?

Из приведенных выше цитат это пока не ясно. Ясно лишь то, что он не хочет грубо расставлять в этом вопросе точки над «i» в отличие от своих «форумчан». Но это не значит, что у него нет более тонкой позиции, которая и острее, и точнее той, которую выражают «форумчане». А значит, ее выявление может быть для нас метафизически и политически существенным. Раз так, то продолжим цитирование Кураева: «В нашем веке уже о. Сергей Булгаков сказал так: "...душа будет вечно смотреться в череду дней, бездумно загубленных ею"».

Во-первых, о. Сергей Булгаков – отнюдь не канонический религиозный авторитет.

Во-вторых, он по-разному высказывался по поводу апокатастасиса. И приведение именно этого его высказывания весьма индикативно в плане выявления позиций А. Кураева.

Специфическим образом сославшись на С.Булгакова, Кураев сам начинает заниматься адографией. Определяя ад как место, обладающее следующими свойствами: *«Невозможно ничего изменить. Человек поставил себя вне Бога. С Богом он жить не научился. Он не научился той радости, которую Бог хотел нам дать. Бог человеку хочет и может дать только одно – Самого Себя. Если человек не испытал этой духовной жажды и этой радости прикосновения к Богу при жизни, не научился этому радоваться здесь, ему это не будет в радость и там»*.

Опять речь идет о содержании адских мучений («место, в котором невозможно ничего изменить»), а не об их длительности. Вы живете в доме, в котором ничего нельзя изменить. Но дом-то этот когда-нибудь рухнет или нет? И в этом кураевском высказывании точки над «i» не расставлены. То есть, конечно же, из сказанного следует, что дом никогда не рухнет. Ибо смысла нет его рушить. Если его обитатель лишен способности любить, духовной жажды и прочего и если он, не обретя эту способность при жизни, не может обрести ее впоследствии, то зачем рушить дом, в котором он обитает сообразно отсутствию этой способности?

Но я опять обращаю внимание на то, что Кураев выстраивает некую систему, избегая всяческой прямолинейности и однозначности. И чем больше знакомишься с тем, как он ее выстраивает, тем сильнее ощущаешь, что за этим избеганием стоит желание создать гибкие и эффективные средства разгрома концепции апокатастасиса. То, что в народе называется «мягко стелет, но жестко спят».

Кураев далее приводит бытовой пример, делающий его позицию несколько (но именно несколько!) более определенной: *«Представьте, что вас приговорили бы к жуткой казни – заперли бы на месяц в консерватории. Если у вас перед этим воспитан музыкальный вкус, вы будете даже очень рады, что в течение месяца у вас будет возможность слушать замечательных мастеров. Но если вы воспитаны только на хард-роке, то вас ждет очень тяжелый месяц. Потому что это не тот хлеб, которым вы кормили свою душу. А беда в том, что любое другое, остальная "чернуха" – она исчезнет, растворится, будет сожжена, и останется только Бог. И Бог говорит – вот Я, прими Меня, разреши Мне быть в тебе. А мы говорим – ну в этом нам радости мало, нам бы другую радость, нам бы кто поллитра дал бы...»*

Согласитесь, яркий, сочный образ. Согласно этому образу, Бог в итоге (после Конца Света то есть) создает мир без зла (без пол-литры, хард-рока, «чернухи» и прочего). И тогда адом становится для тех, кто хочет только зла, отсутствие оно. А также неспособность соединиться с предлагаемым Богом окончательным метафизическим благом (консерваторией, по Кураеву).

Но этот образ справедлив только для тех, кто АБСОЛЮТНО лишен мук совести, раскаяния, способности к любви. Между тем вначале говорилось, что именно из этих мук состоит ад у православных.

А значит, речь у Кураева идет о двух качественно разных адах! Том, который уготован многим до Конца Света, и том, который уготован немногим после Конца Света. Что ж, пусть так. Это возможно. Но если первый ад основан только на муках совести, то в нем будущие обитатели второго ада мучиться не могут. Потому что будущие обитатели ада – это те, кого будет терзать вечная консерватория. Она и только она. Терзать их будет отсутствие привычной среды обитания с вожделенными формами зла (хард-роком, пол-литрой). Для того, чтобы они могли так терзаться абсолютной консерваторией, они должны быть абсолютно несовместимы со всем, что исходит из консерватории, и даже антагонистичны исходящему. А значит, у них не должно быть никаких каналов связи с Богом. Каналами же являются раскаяние, любовь и так далее.

Что именно вытекает из этой концепции – понятно. Наличие сущностей, вообще неподвластных божественной любви. Идея теодицеи тут доводится до предельного радикализма.

Свобода этих сущностей оказывается важнее любви. И сильнее ее.

А как иначе? В противном случае пришлось бы признать, что глухота этих сущностей по отношению к божественной

музыке посильнее самой музыки.

Но тогда сразу же возникает вопрос о генезисе этого «посильнее».

Впрочем, та же проблема возникает и со свободой. Бог говорит этим глухим сущностям: «Вот моя любовь (музыка), но вы можете обернуться в итоге и к другому. Насильно мил не будешь». То, что насильно мил не будешь, понятно. Но сущностям-то после Второго пришествия, если верить Кураеву, уже, кроме Бога, обернуться не к кому. Нет уже для них свободы обернуться к другому, ибо другого нет. А. Кураев в своих рассуждениях – о хард-роке и пол-литре и прочем разном – говорит это с полной определенностью.

А значит, дело не в том, что указанные сущности после Второго пришествия НЕ ХОТЯТ обернуться к Богу, предпочитая ему нечто другое в силу наличия свободы воли. Дело в том, что они уже НЕ МОГУТ обернуться к Богу. Что значит НЕ МОГУТ? Это значит, что они лишены СПОСОБНОСТИ это сделать. Не ЖЕЛАНИЯ, а СПОСОБНОСТИ.

Такая метафизическая модель порождает ряд вопросов. Никоим образом не хочу сказать, что какая-либо другая модель не порождает других вопросов. Я просто хочу указать на те вопросы, которые порождает эта модель.

Начнем с того, что деление людей (да и сущностей вообще) не по их желанию (свободному влечению к добру и злу), а по их способностям, которые у одних есть, а у других не задавлены, а полностью отсутствуют, – это свойство одной метафизической системы. Гностической. В ней люди изначально делятся на тех, кто обладает определенными высшими («консерваторскими») способностями (пневматики). И тех, кто обладает только способностью наслаждаться хард-роком и пол-литрой (гилики).

Я понимаю, что в данном случае нечто неявным образом сходное формируется лишь после Второго пришествия, а не существует изначально. Но я понимаю также и то, что формируется-то нечто сходное! И даже очень сходное.

Читатель вправе указать мне на то, что мои рассуждения не менее обтекаемы, чем рассуждения Кураева и ничуть не более однозначны. И что если я хочу не утонуть в этих рассуждениях и добиться определенного метафизического, а уж тем более, политического результата, то мне нужно рискнуть. И не уподобляться Кураеву в изысканности, гибкости и недосказанности, а резать правду-матку. Или вообще помалкивать.

Понимая, что читатель прав, я рискну. Окажусь подударным. Возможно, неверно понятым. Но рискну. И без обиняков заявлю о том, что является квинтэссенцией моей мысли, блуждающей, как и любая другая мысль человеческая, в весьма всегда запутанных метафизических лабиринтах.

Вот в чем эта подударная квинтэссенция.

1) Если после Второго пришествия возникает нечто, окончательно недоступное Богу («антиконсерваторское»), если это недоступное является недоступным не в силу свободы воли, а по другим причинам (свободы воли нет, ибо испытание завершено, уклоняться не к чему и так далее), то речь идет о ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ недоступности Богу некой территории. Фундаментально недоступная Богу территория, возникающая в конце метаистории, очень напоминает Предвечную Тьму. Мне возразят: «Вам напоминает, а нам нет». Так я же не зря согласился резать правду-матку, то есть говорить только о том, что это МНЕ напоминает, и ни о чем больше. Может быть, это не только мне напоминает вышеназванное. И тогда будет с кем «перестукиваться». Может быть, кто-то просто поверит моей интуиции. Но если я буду деликатнее и уклончивее, то мысль вообще уйдет в песок и непонятно будет, ради чего я весь этот разговор затеял.

2) Фундаментально недоступное Богу и его «консерваторским» окончательным упражнениям – чье оно? Кто царь в этом втором царстве при том, что оно абсолютно темное? Почему наличие подобной экстерриториальности надо считать победой Бога, а не победой его антагониста, который, если верить Мильтону (не худший, между прочим, авторитет), только этой экстерриториальности и добивался:

По крайней мере, здесь свободны будем мы.

Всевышний здесь чертогов не возвел

И нас он не изгонит.

Мы править будем здесь... По мне же лучше

Царить в аду, чем в небе быть рабом.

Христос, сошедший во ад, показал, что ад не экстерриториален. Теперь оказывается, что это была временная неэкстерриториальность. А в конце мечта о вечной и абсолютной экстерриториальности исполнится.

3) Есть недоступное Богу царство, в котором изнывают (а собственно, почему изнывают?). Изнывают от нестерпимой для хард-рокера консерваторской музыки, к гармоничности которой не могут быть приобщены. А также от отсутствия хард-рока. Но если Богу это царство недоступно, то почему там не может быть хард-рока? А также пол-литры и всего остального? Там абсолютная пустота и абсолютная же глухота? Но если в этой пустоте что-то размещено, то она уже не абсолютная! И если это размещенное может как-то там существовать, то как оно будет существовать? Оно либо обесточено до конца, тогда оно не существует. И его просто нет. Оно истреблено, а не помещено в вечный ад. Либо оно существует и чем-то наделено. Но тогда все, чем оно наделено, в условиях недоступности Бога может быть как-то использовано.

4) Картина, которую я подобным образом реконструирую по высказываниям Кураева, тяготеет, на мой взгляд, к системной (и именно системной) гностичности. Бог не всемогущ. Есть ему окончательно неподвластная территория. Сущности фундаментально разнокачественны (одни наделены «консерваторской» способностью, другие ее абсолютным образом лишены). Понимаю, что способность была дана и, будучи неправильно использованной, отнята. Но понимаю и то, что полностью лишенное способностей существо не ощущает потери. «На нет и суда нет», – гласит народная мудрость.

5) А главное – если в конце метаистории возникнет гностическая картина, то это ничем принципиально не отличается от ситуации, когда картина изначально гностическая. Смыслом же истории оказывается достижение гностичности. Это очень специфический смысл! А в сочетании с недоступным для Бога темным царством, в которое никогда не проникнет ни один луч света, приходится говорить о тотальной гностичности описываемой модели. Что Тьма над Бездной, что окончательное

темное царство. Еще один духовный «наносдвиг» в ту же сторону – и окажется, что Бог вообще ни над чем не властен.

Я не утверждаю, что тонкая система, выстраиваемая Кураевым, однозначно гностична. Я указываю на сдвиг в эту сторону. Сдвиг, не более того. Но и не менее.

Я утверждаю, что этот сдвиг есть.

Я утверждаю также, что сторонники апокатастасиса в варианте Григория Нисского сдвигаться в эту сторону не хотели и не хотят. И что это очень осмысленное и страстное нехотение. Нехотение сдвигаться именно в такую сторону! При наличии абсолютно четкого понимания того, что сдвиг в эту сторону неизбежен, коль скоро не будет принята доктрина апокатастасиса.

Я утверждаю также, что именно в православной культуре оформилось это фундаментальное нежелание осуществлять подобный сдвиг. Что нить этого нежелания тянется от капподакийских отцов к Достоевскому. И далее, как говорится, со всеми остановками.

Я утверждаю, наконец, что это антигностическое нежелание заряжено, пусть и неявным, хилиастическим потенциалом. И именно потому для кого-то является крайне сомнительным.

Я достаточно, а для кого-то даже избыточно определен в своих суждениях. И я, извиняясь за эту определенность, оговорил причины, по которым она абсолютно необходима. С точки зрения этой определенности – что тонкие и грамотные ходы Кураева, что более грубые ходы участников его форума.

Считаю необходимым продолжить цитирование Кураева. Причем с одной-единственной целью. Дабы моя избыточная, подчеркну еще раз, определенность, не оказалась в опасном соседстве с элементарной оголтелостью, с необоснованными нападениями, поиском ведьм и прочим.

Лекарством от подобного всегда является подробное цитирование. В противном случае, слишком велика вероятность того, что автор, что-то выхватывая, шьет, что называется, лыко в строку.

В своей книге «Сатанизм для интеллигенции» Кураев говорит следующее: *«...Для Оригена представление о конечном спасении всех (апокатастасис) – это вывод, для обоснования которого нужна теория переселения душ. Как технический инструмент для решения предельной задачи он и развивает концепцию многократного существования. Св. Григорий Нисский к тому же выводу приходит совершенно иным путем, без всякой кармической философии: он видит Милость Божию столь всеобъемлющей, что не мыслит никакого бытия вне этой Любви. Бог может простить всех – и потому полнота Евангелия в спасении всех. То, что у Оригена было вялым атавизмом языческой мысли, у св. Григория было своего рода евангельским радикализмом».*

Вот тут, согласитесь, уже есть все основания для постановки ребром наиболее острых вопросов. По отношению к которым все предыдущее (использую бытовые метафоры Кураева) – это метафизическая манная каша. А теперь-то мы и впрямь добрались до метафизического, так сказать, шашлыка.

Оставим в покое Оригена. Хотя называть его «уклонизм» атавизмом языческой мысли я бы не стал. Но поскольку Ориген мне в данном случае неинтересен, то зачем я буду спорить по поводу характеристик, данных неинтересному. Тем более, что и сама характеристика, по мне, так абсолютно неинтересна.

А вот что такое евангельский радикализм – это вопрос серьезный. Евангельский радикализм – это хорошо или плохо? Евангелие – это прекрасно. Но ведь можно исказить даже прекрасное. Что такое радикализм? Кураеву нужно зафиксировать для «нехороших уклона», так сказать, правый (вяло атавистический) у Оригена и левый у св. Григория?

Или же он хочет противопоставить плохого Оригена хорошему Григорию? Хотел бы он этого противопоставления – спорить бы было не о чем. Но мне-то кажется очевидным, что он говорит о двух плохих уклонах. И что второй, плохой уклон – левый (Нисского) – он называет евангельским радикализмом.

Но нет ли связи между евангельским радикализмом по Андрею Вячеславовичу Кураеву и хилиазмом по Пиаме Павловне Гайденко?

То, что хилиазм для Пиаы Павловны является почвой для новых красных всходов, которую надо убрать, дабы не было этих всходов, понятно.

Но не является ли для Андрея Вячеславовича чем-то подобным евангельский радикализм? Мне кажется, что это именно так. И я свое это предположение (разумеется, только предположение) продолжу доказывать соответствующими цитатами. Начну с того, что приведу еще одну цитату из все той же книги «Сатанизм для интеллигенции». Обсуждая позиции отцов Церкви (св. Василия Великого, св. Григория Нисского, св. Григория Богослова), Кураев делает следующее утверждение:

«Один вопрос при этом не ставил ни тот, ни другой мыслитель: а что, если некая душа в своей свободе до конца воспротивится Христу?.. Станет ли Творец спасать ее насильно? Поэтому Собор отстранил идею апокатастасиса независимо от ее обоснований. На имя св. Григория Нисского оказалась брошена тень. Он лично не был осужден Собором, он и поныне почитается как один из величайших святых богословов Православной Церкви. Но отвержение Церковью одной из его концепций привело к изменению богослужебного календаря. Праздник "Трех святителей", посвященный почитанию трех друзей – св. Василия Великого, св. Григория Нисского (родного брата св. Василия) и св. Григория Богослова (однокурсника св. Василия по Афинскому университету) был несколько изменен. Вместо Григория Нисского в эту троицу наиболее авторитетных и безупречных церковных богословов был поставлен Иоанн Златоуст».

Согласитесь, смысл этого утверждения (осторожного, как и все другие утверждения Кураева по поводу апокатастасиса) достаточно очевиден. Григория Нисского надо... не скажу, что скомпрометировать, но чуть-чуть проблематизировать: «Эх, если бы не его увлечение апокатастасисом, сопряженное с "евангельским радикализмом"! А ведь как за счет этого увлечения, этого радикализма статус понизился! "Тень на имя" была брошена! Богослужебный календарь изменен! Из троицы безусловных и безупречных церковных авторитетов он был выведен! И все из-за этой самой приверженности апокатастасису и "евангельской радикальности". Не надо так уклоняться! И соблазняться!»

А вот еще одна цитата, на этот раз из лекции А. Кураева в Горловке: *«Церковь осуждает концепцию Оригена об*

апокатастасисе. Именно Оригена. Там очень сложная формулировка, у решений VI Вселенского Собора, в которой излагается вся концепция Оригена. Но идея-то там именно кармической химчистки, что во многих мирах, через много попыток со временем все будут спасены, все осознают. То есть идея всеобщего спасения предполагает неуважение к идее свободы выбора. "Вам не удастся избежать рая, и не пытайтесь!" Ортодоксальное христианство в этом смысле более серьезно.

Есть другой вариант идеи апокатастасиса, не оригеновский и не осужденный Вселенским Собором. Это мнение св. Григория Нисского, тоже о всеобщем спасении. Но у Оригена акцент на то, что души сами постепенно очистятся и придут к спасению, а у Григория Нисского речь идет о том, что господь по милости своей презреет наши прегрешения. И в океане божественной любви все наши прегрешения, как горсть песка, смоем. То есть у Григория Нисского акцент не на нашем субъективном процессе, а на океане божьей милости спасающего.

Вот эту версию церковь не приняла, но и не осудила (выделено мною. – С. К.). Это не стало частью общецерковного учения, но и не осуждено. В том числе это звучит в пасхальном слове Златоуста. "Христос воскрес и ни единого гроба во аде". Это сверхнадежда надежд. Но принять эту надежду как догму означало бы принять успокоительное. В реальной человеческой жизни: "Все будет нормально!" Как в советские времена – хошь не хошь, а победа коммунизма будет гарантирована. И поэтому церковь это не приняла.

Есть замечательная цитата у Иоанна Лествичника: "Ты не читай книг этого пса Оригена о всеобщем спасении. Ты можешь принять эту мысль в себя на одну минуту в том случае, если ты впал в отчаяние". То есть как сильнодействующее лекарство против отчаяния это можно принять, но как норму своего убеждения нельзя. Раствормозишься.

Согласно этой цитате, версию Григория Нисского «церковь не приняла и не осудила». А вот другая цитата из другой работы того же Кураева. Работа называется «Святые люди и их книги». Говорится буквально следующее: «Впрочем, некоторые святоотеческие взгляды **прямо осуждались Соборами (теория апокатастасиса св. Григория Нисского** (выделено мною. – С.К.), несторианская христология преп. Исаака Сирина, антропология Евагрия Понтийского)».

Так что же, в конце концов, считает Кураев? Что церковь не приняла и не осудила теорию апокатастасиса св. Григория Нисского (так сказано в его лекции в Горловке) или что она осудила эту теорию (так сказано в его же работе «Святые люди и их книги»)? Впрочем, дело даже не в разночтениях, а в тоне. В лекции А. Кураева, прочитанной в Горловке, главное – тон. Апокатастасис – это нечто вроде победы коммунизма в советские времена. То есть нечто явным образом «от лукавого». Это «сильнодействующее лекарство, а не норма убеждения». Сделаешь это «нормой убеждения» – «раствормозишься».

Пусть читатель, считающий, что я увлекся цитированием Кураева, доверится ненадолго моей аналитической интуиции. Чуть позже станет ясно, что я увлекся не зря. И что цитирование надо продолжить, включив в круг цитируемых произведений книгу диакона Андрея Кураева «Раннее христианство и переселение душ»: «И еще одну тему для многовековых церковных дискуссий оставил нам в наследство Ориген. Это вопрос о "всеобщем спасении" (апокатастасис). Может ли Бог в конце концов спасти всех, даже самых отъявленных мерзавцев и сознательных богоборцев? **Итог церковных дискуссий на эту тему лучше всего, кажется, смог подвести Оливье Клеман** (выделено мною. – С.К.). В одной из книг этого современного французского православного богослова глава "Об аде" начинается так: "Православная церковь не ставит пределов ни свободе Бога, ни свободе человека. Это означает, что она не ставит пределов ни милосердию Божию, ни человеческой возможности навечно отказаться от этого милосердия"».

Почему именно Оливье Клемана надо считать православным теологом, наилучшим образом разобравшимся с проблемой апокатастасиса и способным аж «подвести итог» многовековых «церковных дискуссий на эту тему»? Как вообще можно «подвести итог» многовековых дискуссий на такую тему? Как, оставаясь на канонических православных позициях (да и на канонических христианских позициях вообще), можно приравнивать мнение современного теолога Оливье Клемана к мнению Отцов церкви (Григория Нисского, в частности)? Вопросы, как мне кажется, достаточно правомочные. И вряд ли можно опровергнуть то, что подобный акцент на суждениях Оливье Клемана можно сделать только если эти суждения выражают и позицию того, кто ставит такой акцент, и... И позицию конфессиональной элитной группы, чье наличие только и делает такой акцент допустимым.

Приведу еще одну цитату из А. Кураева. На этот раз из уже цитировавшейся мною неоднократно лекции «О смерти». Она касается перевоплощения, которое должно случиться после Второго пришествия. Вот что о нем говорит Кураев в своей лекции: «Важно то, что некая идентичность жизненного процесса сохраняется. Это все-таки не перевоплощение в другое тело, а именно форма этого моего тела получает возможность вновь облечься материей, облечься содержанием в том новом мире, который создаст для нас Господь. Именно потому, что это будет тело нового мира, духовного мира, поэтому окажется, что это тело не будет преградой, чтобы созерцать Творца. С другой стороны, это тело не будет подвержено уничтожению, и это означает, что и боль, которую будет испытывать это тело, если оно воскреснет в поругании, и боль эта будет такой, которую это тело не уничтожит до конца. Поэтому и будет возможно то, что Христос назвал мукой вечной, а не временной».

Мне кажется, что приведенных ранее цитат, вкуче с этой особо важной цитатой, достаточно для того, чтобы сделать несколько утверждений.

1. Кураев не поддерживает сторонников апокатастасиса. Это прямо вытекает из последней цитаты. Но это же по-разному (и иногда очень ярко) проявлено и в предыдущих.

2. Кураев совсем не так прямолинеен, как его «форумчане» (цитировавшийся мною Михаил Федорчук и другие радикальные противники апокатастасиса). Но «форумчане» понимают, в чем позиция Кураева, и потому идут на его форум с критикой апокатастасиса. А Кураев снисходителен к их высказываниям, поскольку для него важно аккумулировать некую совокупную (пусть и разнокачественную) энергию, заряженную общим отрицанием апокатастасиса.

3. В осторожно-отрицательном отношении Кураева к апокатастасису есть важный метафизическо-политический обертон («евангельский радикализм», «сильнодействующее лекарство, от которого можно раствориться», и т.д.). В этом смысле

грубые наезды М. Федорчука и тонкие эскапады А. Кураева надо анализировать в качестве элементов одной системы. Безусловно, отдавая приоритет Кураеву, но понимая вместе с тем, что речь идет о системе. Причем о системе, отрицающей этот самый апокатастасис из самых разных, в том числе и политико-метафизических, соображений.

4. Политико-метафизические соображения остаются недопроявленными. И проявить их можно только осуществляя системный анализ высказываний того же Кураева по более широкому кругу вопросов. Этот анализ должен быть свободен от всякой лобовой полемичности. Андрей Кураев в книге «Раннее христианство и переселение душ» (глава 6) обещает «написать книгу с названием "Таинство смерти"». И там разобраться окончательно с вопросом об апокатастасисе. С нетерпением жду этой книги. А пока займусь анализом позиции тех, кто создает отрицающую апокатастасис систему, с тем, чтобы попытаться понять все сразу. И логику этого отрицания. И его политический смысл. И тип отрицающего субъекта.

Для начала вынужден буду заняться полемикой с интеллектуалами, грубо атакующими апокатастасис. Мол, *«церковь всегда признавала вечность адских мук. Я, читая отцов церкви, в особенности Игнатия Брянчанинова, Иоанна Кронштадтского, Феофана Затворника, Силуана Афонского, Сергия Радонежского, Серафима Саровского, постоянно встречаю мысли, что адские муки вечны, и нигде не видел ни единой мысли сомнения в этом»*.

Читатель помнит, что я уже привел эту цитату с форума миссионерского портала диакона Андрея Кураева. Помнит он, что я и автора цитаты назвал. Выше я оговорил также, что понимаю разницу между позицией процитированного мною «форумчанина» и позицией диакона Андрея Кураева.

Но, во-первых, есть основания для фиксации некой единой позиции, нацеленной на отрицание апокатастасиса.

Во-вторых, А. Кураев своему «форумчанину» не отвечает. А отвечать, как мне кажется, надо.

Ну, так я и отвечу. Не ратуя за чистоту форума А. Кураева, а исходя из далеко идущих целей политического и метафизического характера. И как человек, худо-бедно занимающийся культурологией религии и сравнительным религиоведением третий десяток лет.

Св. Григория Нисского мы уже обсудили. Это высочайший церковный авторитет, с абсолютной категоричностью стоящий на позициях апокатастасиса.

Другие сторонники апокатастасиса – Дидим Александрийский, Диодор Тарсийский, Феодор Мопсуэстийский...

Отца Сергия Булгакова (которому А. Кураев вменяет отрицание апокатастасиса) постоянно обвиняют в приверженности оному.

В этом же обвиняют и Владимира Лосского (которого А. Кураев просто аккуратно обходит).

Лев Карсавин (согласитесь, серьезный авторитет) считал, что Григорий Богослов также не верил в вечность адских мук.

Но главное все же – это Григорий Нисский. А. Кураев утверждает, что церковный авторитет Григория Нисского снизился после того, как он допустил апокатастасийный уклон? А как быть с тем, что Григорий Нисский был назван на VII Вселенском Соборе, то есть уже после осуждения «оригеновского уклона», отцом отцов?

Что же касается другого каппадокийца, Григория Богослова, то... То ведь не только в оценке Карсавина дело, но и в аутентичных высказываниях самого Григория Богослова. Вот что он говорит в своем «Слове о богословии»: *«Может быть, они там (в аду Второго пришествия. – С.К.) крестятся огнем – последним крещением, самым болезненным и продолжительным, который поглощает материю, как сено, и истребляет легкость всякого греха»*.

А вот что пишет Григорий Нисский в своем труде «Dean, etres»: *«Зло некогда должно быть совершенно изъято из существующего... Ведь если зло не обладает свойством пребывать вне произволения, а все произволение будет в Боге, то зло достигнет своего полного уничтожения, потому что для него не окажется никакого места пребывания»*.

И что ответить? Какое место пребывания надо указать, как трансформировать теодицею? Стоп... Не будем забегать вперед. Установим, что противники апокатастасиса, заявляющие, что они-де, мол, постоянно встречают мысли, что адские муки вечны, и нигде не видят ни единой мысли сомнения в этом, рассверливают некое содержание, создают «дырку-2». Я уже сказал о том, как А. Кураев сооружает лично «дырку-1» в случае с Берешит. Здесь речь идет о «дырке-2», которую сооружают на его форуме, опираясь на его авторитет, на его тонкие отрицания апокатастасиса. Все это в совокупности порождает отрицания грубые, то бишь «дырку-2». Православный человек может не разбираться в тонкостях коллизии с Берешит. Его право. Больше или меньше Андрей Кураев занимался Бет (а значит, и Алеф) – это открытый вопрос. В конце концов, для него это факультатив.

А вот каппадокийские отцы вообще, и Григорий Нисский в том числе, – это основа основ. И сооружать вокруг этой темы «дырку-2» совершенно недопустимо.

Я понимаю, что тема апокатастасиса имеет далеко не только интеллектуальное измерение. Что эта тема вводится в оборот и конфессиональными конкурентами РПЦ (теми же адвентистами), и внутрисистемными оппонентами (школа оптимистического богословия). Это измерение мне чуждо, скучно, неинтересно... Но оно не может не привлекать внимания внутрицерковного человека, каковым является диакон Андрей Кураев. Может быть, по этой причине Андрей Вячеславович позволяет сооружать на своем форуме эту самую «дырку-2»... Впрочем, зачем искать оправданий там, где нет обвинений?

Если кто-то считает, что я упрекаю в чем-то Кураева и, тем более, осуждаю его, то этот кто-то глубочайшим образом заблуждается. Ни Кураев сам по себе, ни другие противники апокатастасиса не являются для меня оппонентами. Да и сам вопрос об апокатастасисе в его узком, внутрицерковном смысле, не является для меня особо притягательным. Притягательны же для меня два вопроса, к которым мы приблизились вплотную благодаря Андрею Вячеславовичу и его «форумчанам». За что я (как и за поддержку развития) Андрею Вячеславовичу искренне благодарен. (Говорю без всякой иронии.)

Первый вопрос – об Алефе. Каково бы ни было качество Времени божественного Творчества, речь все равно идет о Времени. Пусть это было особое, сакральное, Время, но ведь время! А если оно особое, то это еще интереснее! Может быть, Время Творчества – это всегда в каком-то смысле особое время? Итак, было особое время – Шестоднев. Но было и Развитие!

В течение этого особого Времени Творец последовательно обогащал Творение, наделяя его все новыми качествами. То есть Творение развивалось, двигалось в этом особом потоке времени, как и полагается развивающемуся (или развиваемому)

объекту. От простого – к сложному. И это тоже очевидно. Более того – это тщательно описано в основополагающем и неизменяемом из религии Тексте. Но это еще не проблема Алефа, а лишь накопление фактов, позволяющих поднять такую проблему.

Проблема возникает, как только ставится вопрос о «развивателе». Не о субъекте (Творце), а о том, зачем он нечто стал развивать. Этот вопрос об источнике развития в самом Творце религиозно необязателен. Ну, захотелось Творцу – и он начал свою игру... Но для религиозного философа все не так просто. Если религиозный человек хоть чуть-чуть философ, он понимает, что источник развития – противоречие. С кем и чем вступил в противоречие Творец, начав движение от несуществующего Творения к Творению простому и продолжая движение от простого к сложному? Это не противоречие, создаваемое коллизией свободы воли («свобода воли – зло, к которому воля может уклониться, само уклонение – порожденное им повреждение – исправление поврежденного»).

Нет еще ни антропного начала, позволяющего осуществить этот принцип, ни повреждения, ни отпадения каких-либо сущностей, а развитие уже есть. Есть движение от простого к сложному, движение неслучайное, направленное.

В противоречии с кем и чем это движение осуществляется? В противоречии между Творцом и Алефом – тем, что «до». Но что же – до? Священный текст дает достаточно внятный ответ – «и тьма над бездною». Если Тьма над Бездной, то она – «до». Творец осуществляет развернутый во времени (сколь угодно особом, но времени) акт Творения, вступая в противоречие с Тьмой, в которую он, как остров в океан, втыкает свое Творение.

Конечно же, приведенный выше принцип описания акта божественного творчества не только не преобладает в монотеистической религиозной метафизике, но и не сосуществует на равных с другими принципами. Нужен культурологический, религиоведческий микроскоп для того, чтобы его разглядеть. Но это не значит, что такого принципа и реализуемого на его основе подхода вообще нет. Он есть. Со всеми вытекающими последствиями.

Да, христианина завораживает образ Христа – Бога-Сына, воплотившегося, страдающего, спасающего. На эмоциональном (а это крайне важно) уровне этот эмпатийный и суггестивный образ заслоняет и в чем-то вытесняет образ Бога-Отца. Из религии это переходит в культуру. Как максимум, образ Бога-Отца эмоционально запараллеливается с образом Бога-Сына (как страдает Отец, отдавая Сына во искупление).

Но для иудаизма Бог-Творец – это предмет всеобъемлющего, интеллектуального и эмоционального притяжения. И для ислама тоже. Но иудаизм, как никакая другая религия, сфокусирован на образе трагически творящего Бога. Есть несколько иудаистических школ, которые фокусируются на этом по-разному. Каббала – не единственная и не самая древняя.

Марксу, Фрейду и Эйнштейну эта традиция была не только хорошо известна. Но и внутренне созвучна (сколько бы они от нее ни дистанцировались). И это для нас крайне существенно! Ибо тогда есть не просто религиозная традиция, а традиция, сопрягаемая с, скажем так, пострелигиозными величайшими психологическими, социальными и физическими открытиями. А это уже серьезно. Скептик спросит, достаточно ли одной фразы священного текста «и тьма над бездною» для возникновения традиции? Но если оказалось достаточно того, что священный текст начат не с Алеф, а с Бет (а диакон Кураев сие «засвечивает» в публичной полемике), то уж целой фразы тем более хватает! Религиозные традиции основаны на очень пристальном вглядывании в микроскопические вариации священной текстуальности. Иногда вглядываются веками в такие микроскопические вариации, что поначалу и впрямь оторопь берет. А тут – целая фраза!

Второй вопрос – об аде после Второго пришествия, о вытекающих из его наличия (или невозможности его отсутствия, его обнуления) качествах спасенного бытия, о развитии «после» (не «до», а «после») окончательного спасения.

Если источник развития – борьба с повреждением, то после исправления повреждения развития не может быть. Именно это и привлекает внимание Маркса к – в целом абсолютно чуждой ему – истории метафизической религиозной мысли. Для Маркса остановка восхождения человечества после исправления повреждений немислима! А за счет чего творение продолжает повышать качество, то есть развиваться?

Философски это возможно лишь в случае наличия неснятого противоречия. Внутреннего противоречия нет. Значит, должно быть внешнее. А почему бы не то же самое, что и в «коллизии с Алефом»? Бог, творя, находился в противоречии с Алефом, то есть Тьмой, которая над Бездной. Почему бы человеку и человечеству, являющимися для Маркса носителями высшей творческой функции, освободившись от повреждения, которое для Маркса является отчуждением, не продолжать развитие (развитие при коммунизме) за счет того же самого противоречия, которое побудило к развитию и Бога? Почему бы не перейти ему, этому человечеству, от истории к Сверх-, а не Пост-истории?

Вот что вдруг, читатель, я понял, ведя заочную полемику с Андреем Кураевым и его «форумчанами». И третья, марксистская, трасса светской метафизики стала для меня очевидной. Я вдруг увидел и эту трассу, и ее связь с другими трассами, и систему сложных сопряжений метафизики светской с метафизикой традиционной. Я увидел метафизическое будущее человечества. Увидел, как это будущее связано с проблемой развития. Увидел, как в дальнейшем будут складываться отношения между метафизическим «красным» и метафизическим «черным». Надеюсь, что и читатель тоже увидел все это вместе со мной. Я, со своей стороны, сделал все, чтобы читатель вместе со мной все это увидел. А может быть, увидел и что-то, чего я увидеть не смог.

Глава IX. И вечный бой...

Двигаясь по лабиринту этой изощренной и безусловной проблематики, мы вдруг обнаруживаем возможность классификационной схемы, позволяющей выделить четыре не сводимых друг к другу ответа на вопрос, который мы решили сделать основным предметом исследования. Вопрос о смысле и содержании развития. Мы обнаруживаем, что четыре разных (и, повторяю, не сводимых друг к другу) ответа порождены двухпараметрической матрицей. И что параметры этой матрицы – качество развития и его обусловленность.

Развитие для одних является благом, а для других злом. Оно для одних порождено повреждением, обусловлено им и (тут

опять развилка) либо исправляет повреждение (являясь благом), либо только усугубляет его (являясь злом).

Соответственно, четыре ответа на вопрос о смысле и содержании развития таковы.

Первый ответ – развитие есть безусловное зло. Что это значит – мы еще должны разобраться. Но в нашей матрице 2x2 («зло – благо», «обусловленность – безусловность») есть место для такого матричного элемента. И пока что я фиксирую только это.

Второй ответ – развитие есть обусловленное зло. Тут все понятно. Для сторонников этого подхода развитие есть не реализация творческого дара (Огня), а продукт падения (вкусения от Древа Познания).

Третий ответ – развитие есть обусловленное благо. Сторонники такого ответа говорят о том, что повреждение носит провиденциально благой характер, что исправление повреждения – это развитие, устремленное к финалу, коим является окончательное исправление и возвращение к неповрежденному Бытию.

Четвертый ответ – развитие есть безусловное благо. Оно начато вместе с Творением, определяется противоречием, побудившим к Творению, не заканчивается с преодолением повреждения.

Что это за элемент нашей матрицы, наличествует ли он только в схеме или в реальности, мы должны понять. И именно на пути к такому пониманию анализируется все на свете. От метафизики Маркса до проблемы апокатастасиса.

Итак, второй и третий элементы нашей матрицы (обусловленное благо и обусловленное зло) накрепко связывают развитие с повреждением, его обуславливающим.

А вот первый и четвертый элементы эту связь разрывают, говоря, что развитие может быть и не обусловлено повреждением.

Вот что такое «до» и «после», по поводу которых я полемизировал с Андреем Кураевым! Это уход от метафизики повреждения к другой метафизике. А точнее, как мы видим, к другим метафизикам.

«До» и «после»... А ведь и впрямь оказывается, читатель, что это двуединый вопрос, окончательный смысл которого для нас в том, чтобы наполнить содержанием первый и четвертый элементы матрицы, показав, что тема «неповреждение и развитие» заслуживает самого пристального внимания.

Маркс, Фрейд, Эйнштейн и метафизики всех монотеистических (да и не только) религий по сути мучились в поисках ответа именно на вопрос о развитии по ту сторону исправления повреждения. Маркс, как никто другой, понимал, что, не изучив историю вопроса и не поняв, как отвечали на него мыслители религиозной эпохи, он своего серьезного ответа на такой вопрос не получит.

Развитие – это только исправление повреждения? Или нечто другое? Марксу был нужен анализ всех подходов к ответу на вопрос, ставший для него ключевым в связи с теорией превращения. Пусть для него повреждением было отчуждение, а не первородный грех. И что? Он был достаточно глубоким исследователем для того, чтобы подняться над конкретным содержанием тех или иных понятий, метафор, символов. И он верил в историю. Символ этой веры прост: «Пойми предшественников, пусть даже и заблуждавшихся, пойми тенденцию – и работай. Продолжай, переламайвай! Но сначала – пойми и переживи».

Есть люди (и мировоззренческие системы), для которых развитие однозначно греховно. Мы вроде бы убедились в этом.

Есть, и в гораздо большем количестве, люди и мировоззренческие системы, для которых развитие – это средство борьбы с повреждением (первородным грехом, отчуждением, травмой культуры).

Но наступает момент, когда развитие вдруг начинает пониматься иначе.

Как борьба с Танатосом (Фрейд).

Как борьба с силами превращения (Маркс).

Как борьба с «темной материей» и «темной энергией» (Эйнштейн).

Как борьба с Тьмой как таковой (религиозная традиция, совместимая и с Танатосом, и с превращением, и с темной энергией).

Такое понимание развития не девальвирует его, а, напротив, делает сверхважным и основополагающим. Люди же и системы, отрицающие развитие, рано или поздно обнаруживают, что потаенный смысл этого отрицания – стремление к слиянию с Тьмой.

«Не смейте цацкаться с Бытием, тешить попусту род людской надеждой спасти оное за счет какого-то там развития! Не мешайте нам (и всем) слиться с Ничто, с Великой Тьмой, с нашей (и всеобщей) Успокоительницей!» Это и есть ликвидационный гностицизм, он же – фашизм.

Ну вот мы и подходим, наконец, к основной развилке, отвечая на вопрос о смысле и природе развития. Ответив на этот вопрос, мы сможем преодолеть естественную (а также искусственно создаваемую) путаницу собственно политического характера. Ведь не зря же мы всматривались в эти путаницы, ведя нескончаемые частные дискуссии как политического, так и метафизического характера.

Гностики и хилиасты...

Фашисты и коммунисты...

Покаянчество и СССР..

Сила и слабость... Темная («с фашистской силой темною») сила и светлая сила...

Антиисторизм и история...

Черная и красная метафизики... Гегель и Маркс...

Постистория... История... Сверхистория.

Развитие как зло...

Развитие как спасение от повреждения.

Развитие как приготовление пищи для Абсолюта.

Развитие как предельное метафизическое основание...

Разве не важно для нас определить смысл и ценность развития? А также качество того, что мы наследуем ради будущего?

Или же и мы тоже, как и они, понимаем развитие как ту или иную служебность? Ну, не злую (А.Лоргус), а добрую (А.Кураев). Ну, военно-обязательную (иначе сомнут), но не более того.

Тогда, я убежден, у нас нет шансов в XXI столетии. И именно для того, чтобы это доказать, а также (что намного важнее) описать наш главный политико-метафизический шанс, я и предпринял это исследование, стремясь добраться до предельных (метафизических, онтологических, антропологических, аксиологических) оснований развития.

Обсуждал ли я при этом покаяничество, конкретные политические курьезы или ад после Второго пришествия – я разными путями добирался до этого, основного. И, наконец, добрался...

Кому-то, наверное, показалось, что, начав разбираться с Марксом и его метафизикой, я отклонился в сторону, вступил в очередную дискуссию по частному вопросу, не имеющему никакого значения для светского человека... Да и для человека религиозного вряд ли являющемуся сверхактуальным – судьбоносным и ключевым. Мне же представляется, что двигаться в выбранном направлении, избегая соблазна «башни из слоновой кости», можно лишь создавая рисунок из очень разных (и кажущихся частными) дискуссий по абсолютно разнокачественным вопросам и особым образом работая с таким рисунком. Если представить себе, что каждая из дискуссий (и обнаженная такой дискуссией тема) – это «буква», а совокупность «букв» – «алфавит», то наш поиск – «текст»... Быть может, смысл подобного текста поведает нам нечто о волнующем нас предмете – судьбе развития в России и мире.

Начни мы эту судьбу обсуждать любым другим образом – «башня из слоновой кости» нам гарантирована. И униительно почетная научная премия в придачу. Углубляться в дискуссию об апокатастасисе я не хотел. Основные современные ревнители оптимистического богословия интеллектуально, да и аксиологически, для меня совершенно непривлекательны (в отличие от каппадокийцев древности).

Интересует же меня только одно: почему богословие может быть либо «оптимистическим», либо «пессимистическим» и не может быть «нулевым».

Только не подумайте, что я, совсем рехнувшись, хочу заняться богословской инноватикой. Вот уж чего нет, того нет. Меня интересует светская метафизика и ее связь с подлинной религиозной традицией. Все остальное мне чуждо. Создавать фэнтези есть тьма охотников. Я не из их числа. Насколько не из их – так прямо-таки словами не выразишь.

Но, занимаясь светской метафизикой и ее религиозными корнями (а как оторвать одно от другого?), я должен как-то назвать все то, что не сводится к «оптимистическому» и «пессимистическому». К альтернативе между тем вариантом, когда все отпавшие, включая Люцифера, будут спасены, и тем вариантом, при котором они будут оставлены на вечную погибель.

Казалось бы, ясно, что, как только их оставили гореть в аду после Второго пришествия, все вновь возвращается на круги своя. Сохранение ада – чем гарантируется от интервенций из оного? Силой новых печатей? Как исчерпалась сила старых печатей, так исчерпана будет и сила любых других, если сохранен ад. Это-то, думаю, и понимали каппадокийцы! Понятна и позиция их противников: как и зачем спасать то, что не желает спасения, жаждет вместо него погибели, пусть даже и окончательной?

Непонятно другое. Почему во всех этих спорах все их участники, пусть неявно, но очень жестко, ограничивают прерогативы Творца? Если источник зла – отпавший Ангел, то зло, как и все его дериваты, тварно. Тогда оно может быть стерто, уничтожено. Ведь все уже состоялось! Свобода воли выполнила свое провиденциальное назначение. Время, отпущенное для выбора – пасть или спастись, – исчерпано. Все мыслимые и немыслимые шансы в рамках проекта История (в его христианском понимании) предоставлены и использованы. Люди, да и все Бытие в целом, все Творение как таковое испытаны окончательно. Спасению подлежит лишь благо. Оно – опять же окончательно – выявлено.

Зачем хранить зло, у которого больше нет жизнедеятельной функции? Если оно лишь средство – а это именно так в рамках метафизики, которую я называю «либеральной» или «метафизикой повреждения», – то зачем средство, если реализована (и отменена в силу реализованности) великая цель? Цель всеобщего и абсолютного испытания. Ведь не абы как, а под эту цель был изготовлен инструмент, именуемый «зло». Если вы твердо решили никогда больше не забивать ни одного гвоздя – зачем вам молоток? Если вы решили никого больше не испытывать, ибо все и вся уже испытали, – зачем вам зло?

Вы не хотите его спасти? Вас можно понять: в наказании есть абсолютный моральный пафос (впрочем, как и в прощении). Но, если вы решили наказать и расставили все точки над «и», истребляйте зло, стирайте его, испаряйте, элиминируйте. Ибо все сотворенное вами вами же и может быть обнулено (я тебя породил, я тебя и... «обнулю»...).

Это я называю «нулевым» – не пессимистическим, когда наказывают заточением, и не оптимистическим, когда спасают метафизическим подходом. О чем свидетельствуют его отсутствие? О том, что зло нефункционально, что оно не молоток для забивания гвоздей? О том, что функция зла недовыполнена? Недовыполненность исключена Вторым пришествием. А нефункциональность? Она предполагает, что зло сотворено не во благо (вкуче с предоставлением свободы воли и как часть оного), а иначе? Или оно вообще не сотворено? «И с вечностью пребуду наравне»...

Если наравне – то ад не сотворен? С другой стороны – «древней меня лишь вечные создания». Вечные создания – не Создатель, а создания. Что такое вечные создания?

Создания – это то, что кем-то когда-то было создано... Данте сознательно использует язык недоговорок, умолчаний, неоднозначностей! И то ведь: «последний поэт Средневековья»... Время еще суровое: чуть что – и на костер! Поэтому мысль иносказательна и поливалентна. Обвиняет в ереси? Можно дать каноническую трактовку. А для тех, кому понятен язык иносказаний, – свой мессидж о несотворенности источника зла. Источника Предвечного, более древнего, чем Творение.

Какой мессидж? Почему зло не отменено? Либо потому, что его работа во благо (испытание) не завершена, либо... Либо потому, что оно неотменяемо. Можно заточить его слуг, но стереть его и его носителей невозможно.

Первый вариант отпадает: испытание завершено, работа зла во благо закончена.

Остается второй вариант – неотменяемость зла. Неотменяемо лишь то, что не сотворено.

Неотменяемость зла несовместима с представлением о зле, предлагаемом метафизикой свободы воли, она же –

«метафизика повреждения». Если зло неотменяемо, то оно не повреждение, а нечто совсем другое. Что же именно?

Ощущая метафизический изъян своей теории, обнаруживая этот изъян в ходе своего собственного интеллектуального странствия (что такое «превращенные формы», как не обнаружение изъяна?) Маркс – и это угадывается по намекам, разбросанным по многим его работам (ранним, в первую очередь), – обращается к истории метафизической мысли. Разумеется, не артикулируя до конца этих своих сокрытых рефлексий. Стал бы он их артикулировать до конца – последствия были бы понятны и сокрушительны.

Гегель ведь при всей любви его к восточным религиям не превращается в брахмана и не уезжает в Гималаи. Он в университете философию преподает. Так же и Маркс. Он не метафизическими обнаружениями занимается. Он «всего-то» должен разобраться с сохранением диалектического начала «после» победы коммунизма. А вот разбираясь «по-честному» с этим «после», исследуя его, в том числе и в исторической ретроспективе (а как иначе?), он просто не может не натолкнуться и на вопрос о том, что было «до».

То есть что двигало Творцом, развивавшим свое Творение до того, как заработал механизм отпадения и спасения? В чем тогда была диалектика? И каковой она предполагается после того, как механизм отпадения и спасения перестанет работать? Согласитесь, между подобным «после» (диалектика, а значит, и развитие после Конца Света) и марксовским «после» (диалектика, а значит, и развитие после победы коммунизма) есть прямая связь. И тут, и там речь идет о судьбе Истории: станет ли ее окончание началом Сверхистории или же началом Постистории?

«Сверх» или «Пост», Маркс или Гегель, движение или покой, развитие или завершение, а значит, и растворение – вот то содержание, ради раскрытия и углубления которого стоит, как мне кажется, заниматься и апокатастасисом, и более тонкими вопросами.

А сам-то как думаешь, читатель? Фукуяме можно, а нам нет? Между тем Фукуяма с его «Концом истории» – это не беспрецедентная инновация, а звено в определенной цепи. Он ученик Кожева, Кожев – неогегельянец. «Конец истории» Фукуямы – это мечта постмодернистов о всеобщем покое, о том, что Запад откажется от идеи развития. Это средоточие всяческого «пост». Осуществление «пост» станет концом всего, что мы любим. Концом великой традиции, идущей через тысячелетия. Концом гуманизма, и не только. Но спастись от «пост» можно лишь противопоставив ему некое «сверх».

Подобно тому, как великая метафизика теодицеи самоисчерпалась, самоисчерпался и великий проект «Модерн». Речь идет не о двух самоисчерпаниях, а об одном едином самоисчерпании в двух его разных вариантах.

Постмодерну можно противопоставить только Сверхмодерн. В исторической перспективе Модерн уже не сласти. Можно бороться за то, чтобы его гибель была отсрочена. Но не более того. Сверхмодерну же нужна актуальная метафизика. Ее нельзя выдумывать заново. Ее надо извлечь из Истории – истории светской и религиозной метафизической мысли. Постмодерн в итоге, сколько бы он ни говорил о своей неметафизичности, востребует черную метафизику. Сверхмодерн – красную.

Гегель ИЛИ Маркс... Сколь многим хочется поставить тут вместо «ИЛИ» союз «И». Но процесс движет нас именно в сторону «ИЛИ». «Пост» – это Гегель и стоящая за ним историческая традиция покоя, венчающего собою движение. «Сверх» – это Маркс и стоящая за ним традиция «вечного боя», согласно которой движение изменит свое качество, но не прекратится. Нам надо срочно добраться до метафизических корней этого самого «Сверх», если мы не хотим оказаться в пучине «Пост».

А с точки зрения решения подобной задачи – что движение после победы коммунизма, что Бытие после окончательного спасения... И в том, и в другом случае – «либо-либо». Либо развитие прекращается, и тогда это постистория. О чем говорят как Гегель, так и его последователи. Либо развитие не прекращается, но это значит, что на каком-то этапе за него отвечает не противоречие между повреждением и преодолением одного, а какое-то другое противоречие. Но, может быть, оно ответственно за развитие и на других этапах?

И есть ли вообще повреждение? Или мы имеем дело с чем-то другим? При том, что повреждение – это телеологически «благое зло» (зло, порожденное благом во имя блага).

Если нет повреждения (а уже теория превращенных форм, отвергая наличие для форм лишь двух возможностей – воскресения и ислечения, утверждает по сути это), то что есть?

Зло порождено не благом, а чем? Есть что-то отдельное от блага и ему равномошное? Или же мы ошибочно принимаем за благо то, что им никоим образом не является?

Сценарий №1, в котором мы ошибочно считаем Творца благом, – это гностический сценарий, согласно которому Творец – всего лишь заштатный, жалкий демиург, домогающийся от Творения признания, неспособный придать Творению благого смысла, мучающий себя и Творение «вампирами». Творение же является концентрационной Вселенной, гравитационным вампиризмом Форм, пожирающих друг друга, злой сказкой, сочиненной идиотом, миром, откуда надо бежать.

Сценарий №2, в котором мы, признавая Творца благом, не считаем зло (а) сотворенным вообще и (б) сотворенным во благо, – это сценарий Алефа.

«Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною». Если Тьма над Бездной, то Тьма предвечна, несотворенна и враждебна Творцу и Творению. Бытие – это мир форм, созданный и охраняемый Творцом. По ту сторону – активное и самодостаточное Антибытие... Не пассивное Небытие, а Тьма, подпитывающая любые противоречия в отношениях Творца и Творений»

То, что Творец создал Творение противоречивым и потому способным к развитию, не отменяется в «сценарии Алеф». Утверждается лишь, что есть суперсила, способная играть на этих противоречиях по «формуле превращения». Форма отпадает в силу противоречия и... Не чахнет, а наливается Тьмой, коль скоро в отпадении своем Форма соглашается пожирать свое Содержание, свою субстанциональность, бытийственность.

Как только Форма приняла окончательное решение и начала каннибальствовать, пожирая смысл и его субстанциональность, ее начинает подпитывать не какое-то там вторичное зло, а Госпожа Тьма, несотворенная предтварность, потревоженная Творцом, та Тьма, что над Бездной.

Фрейд назвал эту Тьму Танатосом.

Последователи Эйнштейна – темной энергией.

Маркс – источником превращения Формы.

Метафизики, отвергающие и гностический сценарий, и сценарий зла как порождения блага (сценарий повреждения), называют эту тьму Хозяйкой Зла. Эти метафизики...

Вновь возникает вопрос о том, насколько исторически (историко-культурно, так сказать) реальна метафизическая красная традиция, выявленная мною с помощью дедуктивного метода и герменевтических реконструкций. А также немногочисленных отсылок к чему-то исторически безусловному. К Алефу с его «до», к неотменяемому вопросу о «после» (как восходить от одного неба к другому в отсутствие противоречия), к Тьме над Бездной.

Что-то тут требует более развернутой системы доказательств. Я надеюсь, что мне удастся выполнить уже данное читателю обещание и эти доказательства привести в отдельном исследовании. Что-то мне удалось доказать здесь. Конечно, не все. Но кое-что. Например, глубокий антагонизм между хилиастической и гностической традицией. Уж эти-то две традиции проследить не составляет труда. Надо просто избавить имеющиеся данные от ложных и предвзятых интерпретаций.

Читатель, если хочет, может считать, что красная метафизика – это и есть метафизика хилиастическая. И что она в качестве таковой противостоит черной гностической. Это не будет грубой ошибкой, но на самом деле это не вполне так. Повторяю – проследить все сразу в одной работе нельзя...

Вспоминается, увы, анекдот советского периода, в котором лектор, не поняв классиков, вещает: «Марксизм, товарищи, возник не сразу, как Гермафродита из пены морской. Он является...» Ну, так вот, товарищи, а также и господа... Ни Горький, Луначарский и Богданов с их богостроительством, ни Арагон, Неруда, вся теология освобождения, ни Александр Блок с его метафизикой не возникли на пустом месте, как эта самая пресловутая «Гермафродита». На пустом месте вообще ничего не возникает. Не было бы метафизической альтернативы гностицизму – все бы давно уже осуществилось в соответствии с его мечтаниями. И мы бы с вами тут ничего не обсуждали. А раз мы обсуждаем, значит, что-то есть. И это нечто не сводится к религиозной и светской гуманистической классике. Загибаться эта классика начала еще в XIX столетии. И не понадобился бы истории советский Красный проект для отпора фашизму, если бы классика была в силе. Была бы она в силе – Франция гордо дала бы отпор фашистам и вместе со своими демократическими англосаксонскими союзниками водрузила классические гуманистические знамена над Рейхстагом в конце 1940 года.

Это понимали все. От Экзюпери до Сустеля, от Бертрана Рассела до Черчилля. Понимали и переживали. История – конечно, не физика. Но в ней есть свои принципы экспериментальной доказательности. Красное знамя над Берлином в 1945-м – это неотменяемая историческая доказательность. Одной ее, конечно же, мало. Ну, так и надо к малому прибавлять большее.

Гениальные русские поэты по-разному принимали революцию 1917 года. Маяковский – безоглядно. Как-то, чего хотел и о чем мечтал. Блок – совсем иначе. По большому счету – мистически и метафизически. Дело не только в его «Двенадцати», хотя и в них тоже. Великая метафизическая полемика – всегда по определению закрытая – чаще всего манифестирует себя через культуру.

В завершение исследования я предлагаю читателю еще и еще раз задуматься над уже обсужденной мною – неявной, но глубокой и метафизической по сути своей – полемикой между двумя Александрями: Блоком и Пушкиным. Ведь и впрямь есть о чем задуматься, согласитесь...

Пушкин ведь не случайно провозглашает:

*Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит –
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь – как раз умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.*

Ведь не может вызывать никакого сомнения трансцендентальность этих пушкинских строк, их сопричастность метафизике и только метафизике. Но не вызывает сомнения и сопричастность метафизике знаменитого блоковского:

И вечный бой! Покой нам только снится...

Я уже обращал на это внимание читателя. И ровно в той мере, в какой собирание по крупинкам красного метафизического религиозного опыта требует кропотливой работы, обнаружение полемичности блоковских строк по отношению именно к строкам Пушкина не требует ничего. Только поэтического слуха и историко-культурной воспитанности.

Ровно того же самого, и не более, требует уже тоже осуществленное мною рассмотрение в этом контексте одной из финальных фраз «Мастера и Маргариты» Булгакова. Произведения, культурно несопоставимого ни с Пушкиным, ни с Блоком, но явно разрабатывающего ту же тему.

Исследуйте творчество Тютчева («Когда пробьет последний час природы», например) – и столкнетесь с тем же самым.

Спросят: «Так что же, все, кто за покой, это гностики?»

Нет, конечно. Потому-то, читатель, я и говорю, что противостоящие метафизики не сводятся до конца к коллизии «гностика или хилизм». Сводилось бы все дело к этому – подвел бы я черту намного раньше.

Покой и движение... Как соотносится одно с другим? И где та великая традиция, порождением которой является гностицизм с его деструктивно-ликвидационной однозначностью? Ведь никто не сказал, что столь же деструктивно ликвидационна и сама великая традиция, породившая большое гностическое дитя. Корни гностицизма – на Востоке. Том особом Востоке, который крепко хранит свои метафизические загадки. Может быть, вклад этого Востока в мировую симфонию столь же нужен, как и вклад Запада? Может быть, изъять этот вклад столь же опасно, как и безоглядно увлечься им? Может быть, весь смысл в том-то и состоит, чтобы покой и движение находились в нужном сочетании друг с другом? Не знаю...

Раз за разом путешествуя на Восток, что-то понимая и строя там какой-то диалог с теми, кто понимает неизмеримо больше, я все равно могу сказать лишь это «не знаю».

Знаю же я другое. А именно – что произойдет в момент, когда принцип покоя потеряет дополнение в виде принципа движения. Вот тут-то (это называется, между прочим, «фундаментальная остановка развития») на метафизическую арену как раз и выйдет ничем не сдерживаемая Тьма. И не будет ни Востока, ни Запада. А значит – надо спасать Запад как принцип движения. Не объявлять войну Западу, а спасать его.

Да, Запад гибнет. Уничтожив свою коммунистическую альтернативу, великий проект «Модерн» подвел черту под собственным существованием. Теперь он почти без боя сдает позиции Постмодерну, сутью которого является отрицание движения как исторической миссии Запада.

Восток же... Заимствуя у Запада все тот же Модерн (а чем еще заняты Индия и Китай?), проявляя невероятную изобретательность в том, что касается сочетания Модерна со своими историческими традициями, Восток сам по себе не может привнести ничего нового в идею развития как такового. Это миссия Запада. Миссия, от которой он теперь отказался.

Остается Россия. Брошенная в грязь, историсофски растоптанная, отдавшая первородство за чечевичную похлебку, скукоженная и территориально, и сущностно, она все равно остается. Исторически ей как раз и отведена роль альтернативного Запада, такого бронепоезда на запасном пути. Подобная роль носит неотменяемый характер. Отказаться от нее можно только подведя черту под своим историческим существованием. Чего и добиваются очень многие.

Повторяю – я не знаю, в какие глубины уходит идея покоя, сколько там, на глубине, у этой идеи ипостасей и модусов. Какие из этих модусов и ипостасей адресуют к жизни и Бытию, а какие – к антагонистическому началу.

Я верю, что Пушкин и Тютчев, да и многие другие, имели метафизическую связь с теми модусами и ипостасями идеи покоя, которые к гностицизму никак не сводятся.

Что касается Булгакова, то и он сам, и его последователи никогда не отрицали своей сопричастности гностической традиции.

Может быть, не имея каких-то сдерживающих центров, питающих мир правильной, негностической энергией покоя, блоковский «вечный бой» превратится в безумие, в самоистребление ошалевших метафизических берсеркеров. Но на сегодня не это маячит на горизонте. А полное отсутствие всего, что адресует к вечному бою, к движению, развитию, творчеству.

А без движения, то есть без развития, все рухнет в бездну. И там будет поглощено тем, что над нею, – Великой Тьмой.

Я знаю, как и кто рвется к такому исходу. И я знаю, что допустить его нельзя.

Я знаю, что не допустить такого исхода можно только противопоставив Постмодерну Сверхмодерн. И что-либо это сделает Россия, либо никто. Я знаю, что у России всегда было мало шансов осуществить нечто подобное полноценно. И что сейчас этих шансов меньше, чем когда-либо. Но я знаю также, что ничего другого в качестве шанса на историческое спасение не существует. И что этот шанс необходимо использовать, даже если он до смешного мал. И, наконец, я знаю, чем Сверхмодерн отличается от Постмодерна. И что в этом смысле позволяет наполнить реальным содержанием этот ничтожный, но драгоценный шанс на всемирно-историческое спасение.

Вот все, что я знаю пока. И если мне удалось в своем исследовании передать вам такое знание, я выполнил свою задачу. Если же нет, то мое оправдание в том, что я хотя бы хотел этого, в отличие от многих.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Тот самый требовательный читатель, которого я избрал себе в оппоненты и с которым до сих пор не могу расстаться, скажет, что мегапроекты, подобные предлагаемому мною Сверхмодерну, не могут делаться на пустом месте. Что здесь, в нашей реальной жизни, должно находиться нечто, имеющее к будущему Сверхмодерну хотя бы косвенное отношение.

«Покажите нам то, что уже есть», – скажет требовательный читатель. И будет абсолютно прав. Не показать нельзя. А начнешь показывать... Тот же требовательный читатель воскликнет: «О, как же все это банально и скучно!».

Одна из невероятно сложных задач, которую человечество должно реализовать для того, чтобы перейти в Сверхмодерн, это превращение науки в культуuroобразующую силу. До сих пор культуuroобразующими становились те или иные культы. Лингвистическая близость слова «культ» и слова «культура» неслучайна. Мы не зря говорим о христианской культуре. И вполне можем, обсуждая культуры Востока, говорить и об исламской культуре, и о культуре буддистской, индуистской etc.

Религия удовлетворяет фундаментальную человеческую потребность в утешении. Культ дает утешение, вокруг него формируется смысловое поле. Это смысловое поле обрывает совокупностью артефактов, которая и является культурой. Есть культура – есть жизнь.

Что произошло с проектом «Модерн»? Была сделана очень убедительная поначалу заявка на светскую культуру, культуру без культа. А если еще точнее, то на замену в культе Бога – человеком. Это-то и называется – классический гуманизм. Тот самый гуманизм, который на наших глазах капитулирует перед тотальной дегуманизацией мира, превращаясь в умильно-беспомощное ретро.

Но это он сейчас капитулирует. А два-три столетия назад? Мощные всходы светской культуры, опирающейся на классический гуманизм, поражали и восхищали современников, которым казалось, что гуманизм – это навсегда. Ослабление культуры – это очень тонкий процесс. Человечество не сразу улавливает культурные неполадки. Ну, декаданс, и что? Очередной стиль в искусстве. Очередной феномен, доказывающий неисчерпаемость культурных возможностей, опирающихся на этот самый классический гуманизм.

Но вскоре стало совсем уж очевидно, что это не так. Что светская культура, являющаяся основой проекта «Модерн», надорвалась. В общем-то, стало ясно и то, почему она надорвалась. Заменить Бога человеком можно лишь в той мере, в какой слово «человек» можно написать с большой буквы. Бога можно заменить Человеком. Заменить Бога человеком – нельзя. Гуманисты, ошеломленные триумфом откровенно антигуманистического фашизма, пытались осмыслить, что произошло. И

натыкались сходу именно на это очевидное обстоятельство.

Экзюпери писал в повести «Военный летчик»: *«Моя духовная культура стремилась положить в основу человеческих отношений культ Человека, стоящего выше отдельной личности... Веками моя духовная культура сквозь людей созерцала Бога. Человек был создан по образу и подобию божью. И в человеке почитали Бога... Моя духовная культура – наследница христианских ценностей... Моя духовная культура, наследуя Богу, основала равенство людей в Человеке... Моя духовная культура, наследуя Богу, создала уважение к Человеку... Моя духовная культура, наследуя Богу, основала братство людей в Человеке... Моя духовная культура, наследуя Богу, превратила любовь к ближнему в дар Человеку... Гуманизм избрал своей исключительной миссией объяснить и упрочить превосходство Человека над личностью. Гуманизм проповедовал Человек»...* О соборе нельзя сказать ничего существенного, если говорить только о камнях. О Человеке нельзя сказать ничего существенного, если пытаться определить его только свойствами людей... Поэтому Гуманизм заведомо шел по пути, который заводил его в тупик... И понемногу мы растеряли наше наследие... Мы потеряли Человека... Я больше не удивляюсь тому, что груда камней, которая давит своей тяжестью, одержала победу над камнями, в беспорядке разбросанными по полю. Я все-таки я сильнее ее... Я сильнее ее, если вновь обрету себя. Если наш Гуманизм восстановит Человека... Я сильнее ее, потому что дерево сильнее веществ, составляющих почву... Собор сияет ярче, чем груда камней... Я неотделим от духовной культуры, избравшей своим краеугольным камнем Человека... Я буду сражаться за Человека. Против его врагов. Но также и против самого себя».

Култ Человека восстановить не удалось. Где-то рядом с мечтавшим об этом восстановлении Экзюпери состоялся и рухнул новый гуманизм, с его культом Нового Человека. И классическому гуманизму, и гуманизму новому одинаково не хватило метафизичности. Проект «Модерн» и Красный проект рухнули потому, что ни там, ни там не было нового метафизического источника. А как без такого источника создашь этот самый культ Человека?

Понятно, как хотели его создать так называемые богостроители, утверждавшие, что Человек – это становящийся, формирующийся Бог. Мол, Бога нет, но он будет, и имя этому будущему Богу – Человек. Будущий Бог богостроителей должен был совершать все, что надлежит совершать Богу. Воскрешать из мертвых, творить миры, преодолевать энтропийное и иные оскудения Творения. Но этот будущий Бог богостроителей был осужден уже Лениным. Сталин постарался стереть все следы чего-то подобного в Красном проекте, по возможности освободив этот проект от всяческой метафизичности.

Ну, и откуда тогда возьмется Новый Человек, разговор о котором каким-то чудом сохранился в лоне деметафизированной советской философии и культурологии? Что этот человек, что человек Модерна... Откуда без метафизики появиться этой самой большой букве? А вот в том, что без большой буквы все умирает, Экзюпери был полностью прав. И не он один это понимал. К 30-м годам XX века это понимал каждый ответственный гуманист. Но одно дело – понимать, а другое – преодолевать.

Последние надежды на большую букву были связаны с СССР и Красным проектом. Как только данное начинание умерло де-факто (а умерло оно де-факто уже в 70-е годы XX века), проект «Модерн», оставшись в гордом одиночестве, был вынужден возвращаться к обычному религиозному утешению. Что и стало «ноу-хау» так называемых неоконсерваторов. Но каждый шаг на пути такого возвращения уничтожал Модерн. Поэтому шаги делались крайне робкие. В итоге и неоконсерваторы выродились. Их подвиги в эпоху Буша-младшего доказали полную бесперспективность попыток соединить Модерн с игрой в классическое религиозное утешение.

Все еще величественное здание Модерна рушится полным ходом. Это обрушение обнажает еще более глубокую и большую проблематику, которая и в традиционном-то обществе давала о себе знать. А уж теперь... Наука, занятая только поисками истины... Отделение этих поисков от поиска прекрасного, которым занята сфера эстетического... И поисков справедливого, которым занята сфера этического...

Эстетическое, отчужденное от культа (как культа Бога, так и культа Человека), превратилось в постмодернистский гной. Этическое, не имея утешения, стало похоже на подлинные страсти по справедливости не больше, чем мумия на живого человека. Осталась наука... Вот она-то, занимаясь только истиной, угробит человека, а, возможно, и не только его. Причем достаточно быстро.

Сверхмодерн предполагает, что наука достроит себя до метафизики и в этом новом качестве откажется от узкой гносеологической функции («знать ничего не знаю про Зло, Добро, врагов, друзей – ищу истину, а там хоть трава не расти!»). Враг Творчества – Танатос. Враг науки, вооруженной метафизикой творческого огня, – энтропия. И то, что эту энтропию расширенно воспроизводит. Я предлагаю требовательному читателю поинтересоваться корнями веры в Человека, о необходимости которой с трогательной беспомощностью возвещает Экзюпери.

«Основа всякой культуры прежде всего – в самом человеке. Прежде всего это – присущая человеку слепая, неодолимая жажда тепла. А затем, ошибаясь снова и снова, человек находит дорогу к огню... (Эссе «Письмо заложника»).

«Я приду к огню, как слепой, которого ведут его ладони. Он не смог бы описать огонь, а все-таки он его нашел... Теперь мне понятнее образ слепца, идущего к огню. Если слепой идет к огню, – значит у него родилась потребность в огне. Огонь уже управляет им. Если слепой ищет огонь, – значит, он уже нашел его» («Военный летчик»).

Не кажется ли тебе, требовательный читатель, что эти строки и все, что я предложил твоему вниманию ранее – от Леонида Андреева и Горького до Назыма Хикмета и булгаковского Сталина – является метафизически однокоренным? Ученик иезуитов Сент-Экзюпери изучает иезуита Тейяра де Шардена... Что? Он еще изучает Паскаля, знаменитого своей борьбой с иезуитами, и Бергсона? Так я же не хочу, читатель, сводить это «однокоренное» к иезуитскому началу. Я не о религиозных Орденах, я о метафизиках говорю. Разные метафизики могли существовать в пределах одного Ордена.

Экзюпери был всю жизнь прикован к теме Тьмы, к философскому осмыслению этой Тьмы. Свой «Ночной полет» он прямо называл «исследованием Тьмы». Это исследование для Экзюпери является жизненной сверхзадачей, а не темой одного из художественных произведений. Он сам говорит об этом в своем автобиографическом эссе «Воспоминание о некоторых книгах». Эти «Воспоминания...» автор начинает с описания книг, прочитанных им в детстве. В частности, его потрясла книга

Жюль Верн «Черная Индия», действие которой разворачивается в подземных галереях, куда никогда не проникает свет. По словам Экзюпери, возможно, таинственная атмосфера этой книги «лежала у истоков моего "Ночного полета", который тоже есть ни что иное, как исследование Тьмы»: *«Ведь признайся я, что повсюду вожу с собой труды Паскаля, Декарта, современных философов, математиков и биологов»* (подчеркнуто мною – С.К.) – это покажется претенциозным, бьющим на эффект».

Почему мне так важен Экзюпери? Потому что его безусловные в художественном плане попытки являются попытками, ведущимися в определенном – единственно спасительном – направлении. И если это направление не будет разрабатываться, то очень скоро человечество окажется и без проектов, и без метафизик, и без смыслов вообще. Вяло прозябать в таком всеотсутствии оно не будет. Оно себя «ликвиднет», читатель. Не одним, так другим способом.

Скажи, читатель, ты не удосужился познакомиться до сих пор с работами так называемых трансгуманистов, обсуждающих транс- и постчеловека? А вот Фрэнсис Фукуяма удосужился. И вознегодовал: вот ведь как эти негодяи хотят бороться с концом истории! Готов согласиться с его оценкой такого способа борьбы. Убежден, что человечество может найти другие способы. И что надо делать все возможное для того, чтобы оно их нашло. Но если оно их не найдет, то предпочтет, уверен, самые чудовищные варианты продления истории ее концу. Человек без утешения вообще – это все, что может предложить Постмодерн. Но предложив это, он лишь поспособствует предельной неразборчивости созданного им существа к средствам, с помощью которых можно добиться хоть каких-то утешительных суррогатов. Впрочем, почему «поспособствует»? Все уже осуществляется. Причем не где-нибудь, а в России. Именно здесь очевидным образом нацеливаются на осуществление всего элитно-трансгуманистического. Нет Нового гуманизма, предложенного Красным проектом, от которого отреклись? Тогда добро пожаловать в Трансгуманизм. А что делать-то? Как говаривал герой Достоевского, «хоть и ретроградно, а все же лучше, чем ничего». Постчеловек – или Сверхмодерн...

Тейяр де Шарден грезил о новом этапе эволюции, о точке Омега, о сверхжизни и сверхчеловечестве, о радиальной энергии, определяющей эволюцию тварного мира и позволяющей переходить с одного уровня организованности на другой, то есть осуществлять развитие. Его последователи – между прочим, серьезные ученые – обуславливают развитие существованием особой энергии, энергии «отрицательной энтропии». Они исследуют физический вакуум как особую среду, внутри которой произошло зарождение Вселенной. Мы опять сталкиваемся все с тем же. С объективным материалом, позволяющим ученым осуществлять гносеологическо-метафизический синтез. То есть заниматься построением светской метафизики, чья преемственность по отношению к определенным метафизическим традициям достаточно очевидна. Может ли такая метафизика порождать культуру, то есть предъявлять заявку на Сверхмодерн? Как мы видим, может. Да, пока что подобная метафизика сподвигла на создание культурных произведений не самых крупных художников. Но мы находимся лишь в самом начале этого культуротворческого процесса.

Экзюпери не ахти какой художник (хотя и не такой плохой, как те, к кому я сейчас буду вынужден перейти). Для того, чтобы осуществить Сверхмодерн, нужны и новые усилия ученых (усилия, которые будут носить не характер отдельных метафизических судорог, а тот, что носили усилия их предшественников, приведшие к созданию проекта «Модерн»), и новые усилия художников, вдохновленных метафизическим содержанием, предоставляемым им новой наукой. Это должны быть художники масштаба Достоевского и Толстого, Шекспира и Гете. Только их союз с новой наукой, продуманно и упорно превращающий себя в светскую метафизику, может создать маленькое ядрышко будущего реального Сверхмодерна.

Шансов на это мало. Но кроме этого, к сожалению, нет вообще ничего. Или ты, читатель, надеешься на приемлемый миропорядок, основанный на возвращении к полноценной религиозной норме? То есть на фундаменталистский по своей сути миропорядок? А о каком фундаментализме идет речь? При том что утешением, как мы уже видим, дело не ограничивается. Речь пойдет об очень накаленном религиозном ренессансе.

Как эти накаленные (то есть фундаменталистские) монады будут сосуществовать в пределах человечества? По принципу Хантингтона? И возможны ли такие возвраты к религиозности без того, чтобы не оказались прорваны оболочки классических религиозных верований, и мир не завалился в какое-нибудь неоязычество или неоязычества? А светская часть человечества? А неукротимое развитие не взятой под контроль науки? А всяческие барьеры, у которых человечество топчется? Нет, читатель, либо Сверхмодерн, либо... Либо не будет никакого развития. А значит, и человечества тоже.

Дорогой сердцу моему требовательный читатель! Ограничь, прошу тебя, свою требовательность. Не требуй от меня невозможного – показать тебе зачатки чего-то, имеющего отношение к Сверхмодерну, и не отврати тебя при этом от самого Сверхмодерна в силу несовершенства показанного. Скажи, читатель, а сам-то ты еще не сообразил, как называется художественное творчество, черпающее вдохновение из науки, превращаемой в культ?

Оно называется научной фантастикой, вот как. И не фыркай, пожалуйста, читатель! Я бы и сам фыркнул, потому что эту самую научную фантастику на дух не переношу. Но мы с тобой договорились осмысливать определенные явления, а не фыркать по поводу их качества. Сегодняшние жалкие прототипы могут завтра, при иных условиях, вырасти во что-то другое. И если у человечества есть спрос на эти жалкие прототипы, то, признаем, спрос не случаен. Мы ведь не эстетикой занимаемся с тобой, а философией. А также идеологией и политикой (судьбами развития, то есть).

Раз так, то не художественное качество должно нас интересовать в первую очередь (хотя и оно тоже), а влияние на умы. Когда-нибудь я напишу отдельную книгу и поведаю тебе, читатель, о роли отдельных научных фантастов в сооружении той метафизической и геополитической катастрофы, на обломках которой мы с тобой живем. Я не о заговоре, не о злодеях. Я о культовой научно-фантастической литературе и ее влиянии на умы. Сейчас же ограничусь краткой констатацией очевидного.

Жили-были братья Стругацкие. И писали научно-фантастические романы. О том, как трудно быть Богом и так далее. Ну, романы как романы. Мне эти романы активно не нравились по причинам не идеологическим, а художественным. Не люблю я литературу такого качества. А многим нравились. Очень многим! И не просто нравились – приводили в экстаз. Такой экстаз превращает обычную литературу в культовую.

Но одно дело, когда подобное превращение осуществляется в умах обычных мальчишек, грезящих космическими

полетами. А другое дело, когда культ завоевывает продвинутой технократической части советского общества. То есть та часть, которая могла и должна была бы принять властную эстафету у классической советской номенклатуры и, обеспечив постиндустриальный прорыв в СССР, придать новое качество всемирно-историческому процессу. Что же произошло вместо этого? Что-то... То, что имеем. В какой степени за это ответственна научно-фантастическая литература вообще и братья Стругацкие в особенности? Вопрос, конечно же, непростой. Но ни Гайдар, ни члены его младореформаторской команды никогда не отрицали того, что были вдохновлены именно книгами братьев Стругацких. Младореформаторы, вздыхая ханжески по поводу того, что «трудно быть Богом», повели себя по отношению к своим соотечественникам как инопланетяне, высадившиеся на отсталую планету. Или как колонизаторы, осваивающие туземный мир. В любом случае, они повели себя как фундаментально чужие и стране, и истории.

В итоге «прогрессоры» организовали регресс. Иначе и быть не могло, коль скоро на вооружение было взято право вести себя с субъектом, каковым по определению является общество, как с объектом. Коль скоро общество – объект, то допустим эксперимент. А результат... Где эксперимент, там и легитимация сколь угодно негативного результата. Экспериментатор не должен испытывать терзаний совести по поводу объектов, с которыми он экспериментирует. Ну, там кусков металла, морских свинок... Или недоразвитых антропоидов.

Началось все во здравие... «Давайте осмыслим коммунистическое будущее», – призывали авторы гуманитарно полудиких советских вундеркиндов, готовящихся к поступлению в элитарные технические вузы. Юнцы читали про коммунизм... Заодно и про особый мир разведок, облеченный всяческими полномочиями. А заодно впитывались гностические суррогаты («отягченные злом»). А также право выносить смертный приговор наличествующему («град обреченный»). Это варево дополнялось расхожими рыночными пошлостями («дешевая колбаса делается из человечины»). Невольно вспоминается варево, которое изготавливали ведьмы в «Макбете»... Я сравниваю несопоставимое? Согласен. Но лишь постольку, поскольку все, что описано в «Макбете» или «Ричарде III», блекнет на фоне наших злоключений. Превращенный в черную дыру СССР, регресс, запущенный «прогрессорами» на одной шестой планеты... Все это потянуло мир в сторону от хрупкого ялтинского равновесия, купленного неслыханными человеческими жертвами, подвигами, напряжением исторической воли.

«В сторону» – это значит в пучину будущей ядерной войны, которую уже сейчас называют «войной за русское наследство». Но и это не предел злоключений, порожденных вышеописанным. Нобелевский лауреат Хокинг настойчиво предупреждает о том, что не ядерного безумия надо бояться, а так называемого вируса Судного дня. То есть глобального шока с использованием «генно-инженерных» бомб. Шока, уничтожающего не 75% человечества, как в случае ядерной войны, а 99% или 99,9%. Или все 100%.

Вот так, читатель. А ты мне – «литературка».

«Литературка»-то была и впрямь так себе. А результат ее воздействия по своему масштабу и качеству, согласись, почти что метафизический.

Впрочем, подробнее об этом как-нибудь в другой раз. Здесь же я только хочу подчеркнуть, что научная фантастика при всей ее нынешней художественной убогости уже претендует на сотворение каких-то культов. Все, что превращает науку в культ (культовую литературу, культовое искусство etc.), по определению является культурными зачатками Сверхмодерна.

Итак, зачатки налицо. Что? Я только что описал их чудовищность? Согласен. Но я описал еще и масштабность оказываемого ими исторического воздействия. Раз масштабность есть, то все в наших руках. Используемая во зло, эта масштабность может быть использована и во благо.

Более того, если она не будет использована во благо, она будет использована во зло. Точнее, она уже именно таким образом и используется.

Мы живем в страшное время. И не можем себе позволить эстетической привередливости, коль скоро речь идет о судьбе Истории. Кроме того, эстетически ничтожное сегодня может стать эстетически величественным завтра. Почитатели церковного многоголосного пения справедливо презирали ранние образцы каких-то там, видите ли, опер. А потом появились Моцарт и Верди.

Итак, мы имеем разнокачественные культурные предпосылки для Сверхмодерна. Их содержит в себе высокое советское культурное наследство в той его части, которая и впрямь сопряжена с Красным проектом. Но их же содержит в себе и не слишком высокая по качеству культовая научно-фантастическая литература. Как советская, так и зарубежная. И, видимо, неслучайно обращались к этой безусловной литературе такие крупные художники, как Кубрик и Тарковский.

Предчувствие Сверхмодерна разлито в историческом воздухе.

Но сколь бы важным ни было само это предчувствие, намного важнее совокупное метафизическое послание, которое шлет нам далекая от всего культурного и художественного реальность. Та же астрофизика, например.

И впрямь ведь, каждый, для кого метафизика самоценна, постарается поглубже понять, что именно может сказать по поводу метафизики современная физика вообще и астрофизика в частности. Потому-то и может оказывать воздействие на общество эта самая научная фантастика, что наука, из которой она черпает материал, становится все более и более метафизичной.

Крайне важно проследить, как научное осваивается культурой. Но не менее важно всмотреться в научное, как таковое. Последнее мне намного слаще первого. Но... В конечном счете, согласись, читатель, на формирование мировоззрения влиять будет не сама теоретическая физика, доступная для очень немногих. И уж тем более не метафизика, которую не так уж и просто извлечь из серьезной теоретической физики.

Влиять будет все то, что возьмет на вооружение арсенал современных светских метафизических средств и адаптирует это взятое к смысловым потребностям современного человечества. Кто именно будет это осуществлять, понятно. Извлекать из науки метафизическое содержание, адаптируя его и придавая ему мировоззренческий характер, – задача этой самой, будь она неладна, фантастики.

Меня справедливо могут упрекнуть в том, что я и возвращаюсь постоянно к этой самой фантастике, и беру по отношению

к ней определенный тон. Ну, грешен, каюсь... Люблю великую литературу. И не люблю литературу, так сказать, совсем не великую. Нельзя любить одновременно Томаса Манна – и братьев Стругацких, Борхеса – и Ефремова, Достоевского – и Айзека Азимова.

Но что делать, если надо разбирать метафизическую проблематику определенного типа, следя за тем, как она перетекает из науки в культуру? Останавливаться на Экзюпери, запрещая себе анализ литературы, по отношению к которой Экзюпери, писатель в общем-то средний, – просто гений? Такой запрет позволил бы сохранить верность хорошему вкусу, но воспрепятствовал бы уточнению существа дела. Рискуя быть заслуженно осужденным за дурновкусие, я все-таки настолько хочу уточнить существо дела, что беру на себя издержки подобного осуждения.

Есть анекдот, в котором цирковой администратор наблюдает, как акробат, играя на скрипке, занимается сложнейшей эквилибристикой. И на вопрос директора о качестве номера говорит: «Таки не Ойстрах».

Не буду я уподобляться этому перфекционисту и говорить об Иване Ефремове (а также других, более модных фантастах) «таки не Томас Манн», «таки не Шолохов», «таки не Фолкнер». Не буду впадать в снобизм. А попрошу читателя задуматься о содержании приведенных ниже строчек Ефремова. Только о содержании – не больше, но и не меньше.

Герои «Часа Быка» летят на звездолете «Темное Пламя» (уже интересно, не правда ли? «Черное солнце»... «темное пламя»...) через... в общем, через некую границу той самой расширяющейся Вселенной, которую мы уже обсудили. Если есть граница, то за нею должна быть Тьма. Ну, так она и есть. Вот как ее описывает Ефремов: *«Начала наползать тьма. Это не был ночной мрак Земли, наполненный воздухом, запахами и звуками жизни. И не мрак космического пространства, чернота которого всегда подразумевает необъятный простор. На звездолет ползло нечто, не поддающееся чувствам и разуму, не наделенное ни одним из привычных человеку свойств, не поддающееся даже абстрактному определению. Это было не вещество и не пространство, не пустота и не облако. Нечто такое, в чем все ощущения человека одновременно тонули и упирались, вызывая глубочайший ужас».*

Ты, наверное, помнишь, читатель, строки Кипплинга:

*И мы бежали что есть сил
От ужаса в ночи!*

Недосказанность – великое преимущество подлинной литературы вообще и поэзии в первую очередь. Но нет преимуществ, не порождающих недостатков. Кипплинг говорит всего лишь об ужасе в ночи. Для того, кто обладает поэтическим и метафизическим слухом, ясно, о какой ночи (Великой Тьме) идет речь и о каком ужасе. Но ведь не все обладают и поэтическим слухом. А уж метафизическим-то тем более. И кто-то пожмет плечами... Скажет, что речь идет об обычной ночи и обычном человеческом страхе, ею порожденном.

Итак, Кипплинг не договаривает по соображениям художественным. Да и не знаком он с постэйнштейновской физикой. А Иван Ефремов и договаривать не боится, ибо ему терять в художественном смысле, понятное дело, нечего. И с физикой постэйнштейновской он знаком. Иван Ефремов – очень интересная фигура. Архивы его до сих пор по-настоящему не осмыслены.

Ну, так вот. Ефремов прямо говорит, что *«антимир, черный мир, был назван учеными Тамасом, по имени океана бездеятельной энергии в древнеиндийской философии».*

Он о Тьме говорит, читатель, в полном метафизическом смысле этого слова. И о темной материи он говорит, и о темной энергии. И не он один обо всем этом говорит. Кто только не говорит, читатель!

Клиффорд Саймак... Он, конечно, фантаст... И таки не Фолкнер (дал клятву удерживаться от сравнений – и нарушил). Но Клиффорд Саймак – вполне влиятельный представитель определенной американской элиты. И он не художественным творчеством балуется, он мировоззрение конструирует. Идеологические модели испытывает и так далее. Вот как он описывает все ту же Тьму, которую называет «артефакт»: *«В этом слитке черноты было что-то. Линии, очертания... непонятные формы. Артефакт перестал быть просто сгустком непроницаемой Тьмы, отражающим любые попытки проникнуть в него извне, ничего не приемлющим и ничего не открывающим, словно он был вещью в себе, инородным телом во Вселенной».*

Тебе это описание ничего не напоминает, читатель? Ты помнишь фильмы Кубрика (очень одаренного кинорежиссера, не правда ли?)? «Космическая одиссея XXI века», например. Помнишь кубриковский обелиск? Он и есть «артефакт» Саймака.

Все уже об этом говорят, читатель, все. Кроме тех, кто не хочет, чтобы гуманизм капитулировал окончательно. Эти забились по углам, цепляются за различные манифестации гуманистического ретро... Другие же... От Азимова до Мамлеева... «Далее со всеми остановками».

Мамлеев, кстати, писатель далеко не беспомощный. Вот что он пишет: *«А герои моих книг... Что ж, они волей-неволей обьяты тьмой, поскольку идут "во что-то иное" и не являются существами, направленными к богореализации. Возможно, правда, что они и осуществили богореализацию, но затем вышли за ее пределы. Это какие-то странные существа, подготовленные к чудовищному путешествию – из нашего абсолюта в иной абсолют».*

В дурацкой присказке есть запомнившиеся мне почему-то строки:

*Разговор на эту тему
Портит нервную систему.*

Как ты видишь, читатель, разговор на эту тему уже начался. И я полагаю, что этот разговор имеет все шансы стать мировоззренчески основным в новых условиях.

Кто этим воспользуется? Красные или черные? Пока что этим пользуются черные. Просто по причине отсутствия в ХХI веке этих самых красных как исторического, а главное метафизического субъекта. Но это отсутствие должно быть преодолено. Каждый тут должен делать то, что может, читатель. Внося в это преодоление свою лепту. Я вот книгу завершил.

А ты?

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ V. ИСАВ И ИАКОВ

Глава I. Конец «шоколада».....	
Глава II. Внимание – капкан!.....	
Глава III. От того, что «все в шоколаде» – к тому, что «как-нибудь рассосется»	
Глава IV. Постцхинвалье – запись в полевом дневнике, 3 сентября 2008 года	
Глава V. Исав и Иаков – запись в полевом дневнике, 24 сентября 2008 года	
Глава VI. «Бобок–2008» – запись в полевом дневнике, 1 октября 2008 года	
Глава VII. От октября 1993 до октября 2008 года – запись в полевом дневнике, 8 октября 2008 года	
Глава VIII. Перестройки обнажают свой историософский инвариант – запись в полевом дневнике, 15 октября 2008 года	
Глава IX. Катастрофизм истощения	
запись в полевом дневнике, 22 октября 2008 года	
Глава X. Преодоление истощения – запись в полевом дневнике, 29 октября 2008 года	
Глава XI. «0,5 + 150» – запись в полевом дневнике, 5 ноября 2008 года	
Глава XII. Медведев: от избрания до Послания – запись в полевом дневнике, 12 ноября 2008 года	
Глава XIII. «Буратино» – запись в полевом дневнике, 19 ноября 2008 года	
Глава XIV. «Пора, мой друг, пора».....	

ЧАСТЬ VI. ВОЙНА С РАЗВИТИЕМ

Глава I. «Скверна» развития	
Глава II. «Корень скверн».....	
Глава III. Учиться «плотинизму»	
Глава IV. Термидор как историческая (и даже метаисторическая) константа	
Глава V. Идеальное – и действительное	
Глава VI. Перестройка как Превращение	
Глава VII. Прорва и термидор	
Глава VIII. Термидоры и Превращения	
Глава IX. Универсальный код перестройки	
Глава X. «Как-то скверно здесь пахнет...».....	

ЧАСТЬ VII. «ПОСТ» ИЛИ «СВЕРХ»?

Глава I. Три метафизические традиции.....	
Глава II. От религиозных метафизических традиций – к метафизике, находящейся за религиозными рамками	
Глава III. Метафизическая реконструкция марксизма	
Глава IV. Марксизм как мистерия.....	
Глава V. Метафизика Творческого Огня	
Глава VI. Спасение и гибель.....	
Глава VII. Творчество и Танатос	
Глава VIII. Восстание против Ада	
Глава IX. И вечный бой	

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»

Москва 2009

УДК 327.56 ББК66.4(0) К93

К93

Кургинян С.Е.

Исав и Иаков. Судьба развития в России и мире: в 2-х томах – М.: МОФ ЭТЦ, 2009. ISBN 978-5-7018-0513-0

Том 2. «ПОСТ» и «СВЕРХ». – 2009. – 572 с.

ISBN 978-5-7018-0515-4

Известный политолог Сергей Кургинян в своей новой книге рассматривает вопрос о судьбе развития в России и мире. Кургинян отвергает два преобладающих ныне метода: академический, который он называет «ретро», и постмодернистский. Кургинян предлагает «третий метод», требующий разного рода синтезов (актуальной политологии и политической философии, религиозной метафизики и светской философии и так далее).

«Третий метод» позволяет Кургиняну доказать, что гуманизм и развитие в XXI веке в равной степени оказались заложниками «войны с Историей». Кургинян выявляет Игру как фундаментального антагониста Истории, решившего в XXI веке подвести черту под Историческим как таковым. И показывает, что выведение России из Истории за счет так называемой перестройки – это лишь первая проба пера. И что только Россия может, возвращаясь в Историю, спасти и себя, и мир.

Как вернуться в Историю – вот о чем новая книга Сергея Кургиняна.

Научные редакторы – Ю.В.Бялый, М.Р.Мамиконян
Художественное оформление серии Н.Д.Соколов

Подписано в печать 03.06.2009. Формат 60х88 1/16.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 35,0. Тираж 1000 экз. Заказ № 5259.

МОФ «ЭТЦ». 123001, г. Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1–2

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат
ВИНИТИ». 140010 Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-кт, 403. Тел. 554–21-86

ISBN 978-5-7018-0515-4 (т.2)
ISBN 978-5-7018-0513-0

© Сергей Кургинян, 2009
©ЭТЦ, 2009